

Евразийский юридический журнал

№ 3 (214) 2026

Редакционный совет журнала

Председатель

НЕЧЕВИН Дмитрий Константинович, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Заместитель председателя редакционного совета

ДУЙСЕНОВ Еркин Эрманович, д.ю.н., профессор, советник ректора (Казахский национальный университет им. аль-Фараби)

Члены редакционного совета

АБАШИДЗЕ Аслан Хусейнович, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

АЗНАГУЛОВА Гузель Мухамметовна, д.ю.н., профессор (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ)

АНТОНЯН Елена Александровна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БАКЛАНОВ Игорь Спартакович, д.ф.н., профессор (ФГАОУ ВО «Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет)»)

БАТХИЕВ Рашид Хусейнович, к.ю.н., судья верховного суда Российской Федерации в отставке

БЕГИЧЕВ Александр Валерьевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

БЕКЯШЕВ Дамир Камилевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный институт международных отношений (Университет) – МГИМО)

БИРЮКОВ Павел Николаевич, д.ю.н., профессор (Воронежский государственный университет)

БОНДАРЕНКО Виктор Николаевич, д.ф.н., профессор (Башкирский государственный педагогический университет)

БУРЕНИНА Ирина Валерьевна, д.э.н., профессор (Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ВАЛЕЕВ Револь Миргалимович, д.ю.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

ГУСЕЙНОВ Абдусалам Абдулкеримович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Вице-президент Российского философского общества)

ЗОЛОТОВ Александр Владимирович, д.э.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

ИСМАИЛОВ Шавкат Махмудович, д.ю.н., профессор, государственный советник юстиции Республики Таджикистан

КРИВЕНЬКИЙ Александр Иванович, д.и.н., профессор (Московский городской педагогический университет)

КОЧАРЯН Виген Владимирович, к.ю.н., доцент (Ереванский государственный университет)

ЛЕШКЕВИЧ Татьяна Геннадьевна, д.ф.н., профессор (Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону)

ЛУКОВ Валерий Андреевич, д.ф.н., профессор (Московский гуманитарный университет – МосГУ)

МАКАР Светлана Владимировна, д.э.н., ведущий научный сотрудник (Финансовый университет при Правительстве РФ)

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный университет)

НИГМАТУЛЛИН Ришат Вахидович, д.ю.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

ПАНЧЕНКО Владислав Юрьевич, д.ю.н., профессор (Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России))

РАГУЛИН Андрей Викторович, д.ю.н., доцент, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура»

РОМАНОВСКАЯ Вера Борисовна, д.ю.н., профессор (Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского – ННГУ)

РАСТОРГОВ Сергей Владимирович, д.ю.н., профессор (Университет прокуратуры Российской Федерации)

РУСАКОВА Екатерина Петровна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

САЛИХОВ ГАФУР ГУБАЕВИЧ, д.ф.н., профессор (Уфимский университет науки и технологий)

СЕВАЛЬНИКОВ Андрей Юрьевич, д.ф.н., главный научный сотрудник (Институт философии РАН)

СИНЕЛЬНИКОВА Валентина Николаевна – д.ю.н., профессор (Высшая школа экономики)

СИНЮКОВ Владимир Николаевич, д.ю.н., профессор (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

СМИРНОВ Андрей Вадимович, д.ф.н., академик РАН (Институт философии РАН, Президент Российского философского общества)

ТИТОВ Вадим Александрович, д.ф.н., профессор (Российская экономическая академия им. Г.В. Плеханова – РЭА)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н. (Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва),

Председатель редакционной коллегии (Главный редактор)

ФАХРУТДИНОВА Елена Валерьевна, д.э.н., профессор (Казанский (Приволжский) федеральный университет – КФУ)

ФРОЛОВА Евгения Евгеньевна, д.ю.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

ХАЙКИН Марк Михайлович, д.э.н., профессор (Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», г. Санкт-Петербург)

ХАРЛАМОВ Андрей Викторович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный экономический университет)

ЦХАДАДЗЕ Нелли Викторовна, д.э.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЧИБИНЕВ Анатолий Михайлович, д.э.н., профессор (Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет)

ЧУМАКОВ Александр Николаевич, д.ф.н., профессор (Финансовый университет при Правительстве РФ)

ЯРАШЕВА Азиза Викторовна, д.э.н., профессор (Институт социально-экономических проблем народонаселения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН)

ШУВАНОВ Станислав Александрович, Председатель МОД Российской службы мира, ветеран Дипломатической службы России

ЯСТРЕБОВ Олег Александрович, д.ю.н., д.э.н., профессор (Российский университет дружбы народов – РУДН)

Издается при содействии Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Международный научный и научно-практический юридический журнал. Свободная трибуна по обмену мнениями по теории и практике права в Российской Федерации, странах Содружества Независимых Государств (СНГ) и дальнего зарубежья.

«Евразийский юридический журнал» включен в перечень журналов Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации

Издается с октября 2007 г.
Выходит ежемесячно с января 2009 г.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ни одна из частей настоящего издания и весь журнал в целом не могут быть воспроизведены, переведены на другой язык, сохранены на печатных формах или любым другим способом обращены в иную форму хранения информации без предварительного согласования и письменного разрешения редакции. Ссылки на настоящее издание обязательны.

За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов статей, иных материалов, опубликованных в «Евразийском юридическом журнале», может не совпадать с точкой зрения редакции.

Идея проекта и его осуществление принадлежит Фархутдинову И.З. с 2007 года.

© Евразийский юридический журнал, 2026

Подписано в печать 28.04.2026
Формат 62х84 1/8. Усл. печ. л. 21,11.
Тираж 1500 экз.
Руководитель интернет-проектов – Дряхлов С. П.
Компьютерная верстка – Брылев С. О.
Адрес редакции: 119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 10.
тел.: (499) 766-91-92,
+7 (917) 40-10-889
email: eurasialaw@mail.ru,
eurasianoffice@yandex.ru
<https://eurasialaw-journal.ru/>

Eurasian Law Journal

Editorial council

Chairman

NECHEVIN *Dmitriy Constantinovich*, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

Deputy Chairman of the Editorial Board

DUISENOV *Erkin Ermanovich*, Ph.D. in Law, Professor, Advisor to the Rector (Al-Farabi Kazakh National University)

Editorial council members

ABASHIDZE *Aslan Huseynovich*, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ANTONYAN *Elena Aleksandrovna*, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

AZNAGULOVA *Guzel Mukhammetovna*, Ph.D. in Law, Professor (Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation)

BAKLANOV *Igor Spartakovich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bauman Moscow State Technical University (National Research University))

BATKHIEV *Rashid Huseynovich*, Ph.D. in Law, ex-judge of the Supreme Court of the Russian Federation

BEGICHEV *Alexander Valeryevich*, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

BEKYASHEV *Damir Kamilevich*, Ph.D. in Law, Professor (Moscow State Institute of International Relations (University) - MGIMO)

BIRYUKOV *Pavel Nikolaevich*, Ph.D. in Law, Professor (Voronezh State University)

BONDARENKO *Victor Nikolaevich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (Bashkir State Pedagogical University)

BURENINA *Irina Valerjevna*, Ph.D. in Economics, Professor (Ufa State Petroleum Technological University)

CHIBINEV *Anatoliy Mikhailovich*, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering)

CHUMAKOV *Alexandr Nikolaevich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

FAKHRUTDINOVA *Elena Valerjevna*, Ph.D. in Economics, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

FARKHUTDINOV *Insur Zabirovich*, Ph.D. in Law (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow), Chairman of the Editorial Board (Editor-in-Chief)

FROLOVA *Evgeniya Evgenjevna*, Ph.D. in Law, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

GRACHEVA *Elena Yurjevna*, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

GUSEINOV *Abdusalam Abdulkerimovich*, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, Vice-President of the Russian Philosophical Society)

ISMAILOV *Shaukat Makhmudovich*, Ph.D. in Law, Professor, State Counselor of Justice of the Republic of Tajikistan

KHARLAMOV *Andrey Victorovich*, Ph.D. in Economics, Professor (Sankt-Petersburg State Economical University)

KHAYKIN *Mark Mikhailovich*, Ph.D. in Economics, Professor (National Mineral Resources (University of Mines, Saint-Petersburg)

KOCHARYAN *Vigen Vladimirovich*, Ph.D. in Law, Associate professor (Yerevan State University)

KRIVENKIY *Alexander Ivanovich*, Ph.D. in History, Professor (Moscow City Pedagogical University)

LESHKEVICH *Tatjana Gennadjevna*, Ph.D. in Philosophy, Professor (South Federal University, Rostov-on-Don)

LUKOV *Valery Andreevich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (Moscow University for the Humanities)

MAKAR *Svetlana Vladimirovna*, Ph.D. in Economics, Leading Researcher (Financial University under the Government of the Russian Federation)

MISHALCHENKO *Yuriy Vladimirovich*, Ph.D. in Economics, Professor (Saint-Petersburg State University)

NIGMATULLIN *Rishat Vakhidovich*, Ph.D., Professor (Ufa University of Science and Technology)

PANCHENKO *Vladislav Yurievich*, Ph.D. in Law, Professor (All-Russian State University of Justice (Russian Ministry of Justice))

RAGULIN *Andrey Viktorovich*, Ph.D. in Law, associate professor, Editor-in-chief of the journal "Eurasian Advocacy"

RASTOROPOV *Sergey Vladimirovich*, Ph.D. in Law, Professor (University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation)

ROMANOVSKAYA *Vera Borisovna*, Ph.D. in Law, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

RUSAKOVA *Ekaterina Petrovna*, Ph.D. in Law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia - PFUR)

SALIKHOV *Gafur Gubaevich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (Ufa University of Science and Technology)

SEVALNIKOV *Andrey Yurievich*, Ph.D. in Philosophy, chief researcher (Institute of Philosophy of the RAS)

SHUVANOV *Stanislav Aleksandrovich*, Chairman of the Russian Peace Service, a veteran of the Diplomatic Service of Russia

SINELNIKOVA *Valentina Nikolaevna* – Ph.D. in Law, Professor (Higher School of Economics)

SINYUKOV *Vladimir Nikolaevich*, Ph.D. in Law, Professor (O.E. Kutafin Moscow State Law University - MSAL)

SMIRNOV *Andrey Vadimovich*, Ph.D. in Philosophy, Academician of the RAS (Institute of Philosophy of the RAS, President of the Russian Philosophical Society)

TITOV *Vadim Aleksandrovich*, Ph.D. in Philosophy, Professor (G.V. Plekhanov Russian Economic Academy (REA))

TSKHADADZE *Nelly Viktorovna*, Ph.D. in Economics, Professor (Financial University under the Government of the Russian Federation)

VALEEV *Revol Mirgalimovich*, Ph.D. in Law, Professor (Kazan (Volga region) Federal University)

YARASHEVA *Aziza Viktorovna*, Ph.D. in Economics, Professor (Institute of Socio-Economic Problems of Population of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences)

YASTREBOV *Oleg Aleksandrovich*, Ph.D. in Law, Ph.D. in Economics, Professor (People's Friendship University of Russia - PFUR)

ZOLOTOV *Alexandr Vladimirovich*, Ph.D. in Economics, Professor (N.I. Lobachevsky Nizhny Novgorod State University)

№ 3 (214) 2026

Journal published with support of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). International scientific and practical law journal. A free forum for exchange of views on the theory and practice of law in Russia, the Commonwealth of Independent States (CIS) and other countries.

"Eurasian Legal Journal" is included in the list of journals of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

Published since October 2007.

Monthly Law Journal since January 2009.

All rights reserved and protected by copyright legislation of the Russian Federation.

No part of this publication and the entire journal as a whole may be reproduced in any form, translated, stored in a retrieval system, or transmitted in any way or by any means of electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise without prior consent and written permission of the publisher. References to this edition are required.

Editorial Board is not responsible for the content of the advertisements. The opinions of the members of the Editorial Board may not coincide with the opinions of the authors of the articles and other materials published in the "Eurasian Law Journal".

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z. since 2007

© Eurasian law journal, 2026

Signed for printing 28.04.2026

Format 62x84 1/8.

Conv. print. sh. 21,11.

Issue 1500 copies.

Head of the Internet projects –

Dryakhlov S. P.

Desktop publishing – Brylev S. O.

Address of the Editor's Office:

10, Prechistenka Str., Moscow, 119034

Phone: (499) 766-91-92,

+7 (917) 40-10-889

e-mail: eurasialaw@mail.ru,

eurasianoffice@yandex.ru

<https://eurasialaw-journal.ru/>

Редакционная коллегия

Главный редактор

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, д.ю.н.
(Институт государства и права Российской академии наук)

Члены редакционной коллегии

заместитель главного редактора:

СОЛНЦЕВ Александр Михайлович, к.ю.н., доцент
(Российский университет дружбы народов – РУДН)

заместитель главного редактора:

БОНДАРЕНКО Александр Викторович, к.ф.н., доцент
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

ответственный редактор:

ЛУКИЯНОВ Михаил Юрьевич, к.п.н.
(Уфимский государственный нефтяной технический университет)

помощник главного редактора:

АБАНИНА Елена Николаевна, д.ю.н., доцент
(Саратовская государственная юридическая академия)

научный редактор:

ЕРМОЛИНА Марина Анатольевна, к.ю.н., доцент
(Санкт-Петербургский государственный университет)

редактор английского текста:

ФАРХУТДИНОВ Линар Илшатович, к.ф.н.

АЗАРХИН Алексей Владимирович, к.ю.н., доцент

АСАДУЛЛИН Мурад Ринатович, к.ю.н.

БУРЬЯНОВ Сергей Анатольевич, к.ю.н., доцент

ВАСЬКЕВИЧ Владимир Петрович, д.ю.н., доцент

ГАБДРАХМАНОВ Фарит Вадutowич, к.ю.н., доцент

ГОЛОВАСТОВА Юлия Александровна, д.ю.н., доцент

ГУЛИЕВ Игбал Адиль оглы, д.э.н.

ДЕМИЕВА Айну́р Габдулбаровна, д.ю.н., доцент

ЖУРАВЛЕНКО Николай Иванович, к.ю.н., доцент

ИВАНОВА Светлана Владимировна, к.п.н., доцент

МЕХДИЕВ Эльну́р Таджаддинович, к.и.н.

ОСТАПОВИЧ Игорь Юрьевич, д.ю.н., доцент

САФРОНОВ Константин Юрьевич

СОДИКОВ Шарбатулло Джаборович, к.ю.н.

ТАКМАКОВА Елена Валерьевна, д.э.н., доцент

ЧАТТАЕВ Азамат Русланович, к.ю.н.

руководитель интернет-проектов:

ДРЯХЛОВ Сергей Павлович

Идея проекта и его осуществление принадлежат Фархутдинову И.З.

Учредитель:

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович
(Свидетельство ПИ № ФС77-46472 от 2.10.2011 г.)

Editorial board

Editor-in-Chief

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Law
(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

Editorial board members

deputy Editor-in-Chief:

SOLNTSEV Aleksandr Mikhaylovich, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Peoples Friendship University of Russia – PFUR)

deputy Editor-in-Chief:

BONDARENKO Aleksandr Viktorovich, Ph.D. in Philosophy, Associate Professor
(Ufa State Petroleum Technological University)

executive editor:

LUKIYANOV Mikhail Yurevich, Ph.D. in Political Science
(Ufa State Petroleum Technological University)

assistant Editor-in-Chief:

ABANINA Elena Nikolaevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saratov State Law Academy)

scientific editor:

ERMOLINA Marina Anatolyevna, Ph.D. in Law, Associate Professor
(Saint-Petersburg State University)

english text editor:

FARKHUTDINOV Linar Ilshatovich, Ph.D. in Philosophy

AZARKHIN Alexey Vladimirovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

ASADULLIN Murad Rinatovich, Ph.D. in Law

BURYANOV Sergey Anatolyevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

VASKEVICH Vladimir Petrovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GABDRAHMANOV Farit Vadutovich, Ph.D. in Law, Associate Professor

GOLOVASTOVA Yuliya Aleksandrovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

GULIYEV Igbal Adil ogly, Ph.D. in Economics

DEMIEVA Ainur Gabdulbarovna, Ph.D. in Law, Associate Professor

ZHURAVLENKO Nikolay Ivanovich, Ph.D. in Law

IVANOVA Svetlana Vladimirovna, Ph.D. in Psychological Sciences,
Associate Professor

MEHDIEV Elnur Tadjhaddinovich, Ph.D. in History

OSTAPOVICH Igor Yuryevich, Ph.D. in Law, Associate Professor

SAFRONOV Konstantin Yuryevich

SODIKOV Sharbatullo Jaborovich, Ph.D. in Law

TAKMAKOVA Elena Valerjevna, Ph.D. in Economics, Associate Professor

CHATTAEV Azamat Ruslanovich, Ph.D. in Law

head of the internet-projects:

DRYAKHLOV Sergey Pavlovich

The project and its implementation are the work of Farkhutdinov I. Z.

Founder:

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich
(Certificate PI № FS77-46472 of 2.10.2011)

PERSONA GRATA

В. В. Долинская:

Развитие гражданского права и гражданского кодифицированного законодательства

Интервью с доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Долинской
Владимирой Владимировной..... 14

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Долженкова Е., Булгаева А. А.

Международно-правовые механизмы упрощения таможенных процедур в мировой торговле..... 17

Иржанов А. С.

О некоторых проблемных вопросах имплементации договоров в международном праве..... 19

Кислицына Н. Ф.

COVID-19: как изменился железнодорожный транспорт?..... 23

Миннекаева Д. Р.

Философия атмосферы и атмосфероцентризм в международном атмосферном праве: онтология, гносеология, аксиология и герменевтика..... 26

Чугунов Д. А.

Особенности внешнеторговых сделок между Россией и Китаем применительно к современному контексту международного частного права..... 30

Харлампьева Н. К.

К концептуальному подходу определения правового режима Арктики..... 34

Гу Вэньшо

От согласительной модели к процессуальной: переосмысление денонсации правозащитных договоров..... 38

Едличко П. А.

Трансформация понятия континентального шельфа в международном праве: от Трумэнской прокламации до современных вызовов в Арктике..... 41

Пестерев А. Е.

Существующие правовые механизмы защиты прав интеллектуальной собственности в рамках объединения БРИКС: проблемы и перспективы..... 47

Степанов Н. А.

Международно-правовые аспекты криминализации отрицания геноцида..... 50

МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Лук Тхи Ли

Несвоевременный платеж в соответствии с КМКПТ и Директивой 2011/7/ЕС..... 53

Лук Тхи Ли

Развитие законодательства об электронной коммерции в Китае и Вьетнаме – это сочетание трех факторов: закон-человек-технология..... 56

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Коваленко Н. Е.

Свобода личности: к вопросу о «виртуальном субъекте права»..... 59

Красильников С. В.

Развитие юридических фикций в новейшую эпоху..... 61

Пронина К. Ю.

Профессиональная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы: интеграция правового и нравственного сознания..... 65

Рузавина Е. Ю., Щелина М. А.

Роль пресс-служб в процессе формирования доверия граждан к органам государственной власти Российской Федерации..... 68

Серкерев С. Э., Абдулмуталимова З. М., Гасаналиева К. М.

Принципы реализации юридической ответственности в правовом государстве..... 71

Скоморохов Р. В.

Генезис правового запрета: от табу к позитивному праву..... 73

Улаева Н. Л.

Квалификация юридических фактов..... 75

Ахмеджанова Р. Р.

Понятие вреда в теории права: к построению универсальной дефиниции..... 77

Гостев Н. Ю.

Взаимная интеграция институтов экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций и концессионного соглашения..... 80

Егоров В. В.

Эволюция правового просвещения в контексте развития отечественной правовой культуры..... 82

Мгеладзе В. З.

Трансформация социологических данных в содержание нормативных правовых предписаний: механизм, барьеры и направления развития..... 84

Носков И. А.

Взаимосвязь роста правовой культуры и повышения легитимности нововведений законодательства в современном обществе..... 86

Егоров В. В.

Факторы повышения эффективности правового просвещения в условиях глобализации..... 90

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Амагыров А. В.

Институт правовой защиты нематериальных благ по обычному праву бурят..... 93

Бутенко А. К.

Земельная политика Ивана IV как политический инструмент борьбы с оппозицией..... 97

Иванова Л. М., Балыкина К. В.

Правовая система Китая: от истоков к современности..... 99

Лебедева Е. А.

Историко-правовое образование и духовно-нравственное и патриотическое воспитание в учебных заведениях: исторические традиции и современные проблемы..... 102

Павлисова Т. Е., Шамоян Т. М., Лигида К. В.

Исторические корни правового нигилизма в российском обществе..... 104

Кузнецова А. А.

Национальная система духовно-нравственных ценностей в российском праве XXI века: понятийные и сущностные основы..... 107

Махаев М. А., Халаев З. А.

Изучение обычного права аварцев Восточного Закавказья в историко-юридической науке: прошлое и современность..... 110

Павлов О. В.

Колея народа Римской империи: историко-правовой анализ механизмов изменения цивилизационной траектории развития государств..... 113

Титов В. Ю.

Дискуссии в легитимных и делегитимных настроениях советских граждан, как процесс развития правосознания (пример краткого изложения диссертации на соискание доктора исторических наук)..... 116

Харитонов А. Н.

Эволюция антикоррупционного законодательства в период становления советского государства..... 119

Павлисова Т. Е., Бучина А. О., Чернявский И. И.

Правовой статус Государственной думы в системе органов государственной власти Российской империи (1906-1917 гг.)..... 121

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Дибиров Ю. С.

Конституционно-правовые гарантии защиты персональных данных и неприкосновенности частной жизни в условиях цифровой трансформации публичной власти в Российской Федерации..... 125

Назаренко Н. И.

К вопросу о роли и влиянии императорских конституций и других источников права на развитие юридического образования в Древнем Риме..... 127

Тоноян М. Р.

Конституционные гарантии и ограничения права собственности на землю: баланс публичных и частных интересов..... 131

Саидов Ф. З., Зайырбекова А. А., Рыболовлева Н. С.

Правовая характеристика статуса института суда аксакалов в Кыргызской Республике 134

Смирнова Т. С., Глухов С. С., Агафонов Д. Л.

Вопросы реализации конституционного принципа равного доступа к государственной службе в Российской Федерации 138

Гулай О. Н.

Медицинская тайна в цифровом здравоохранении: конституционные пределы конфиденциальности и исключения из неё 141

Зайцев М. А.

Гарантии защиты конституционных прав и свобод граждан в условиях цифровизации: информационный (цифровой) кодекс 145

Тоноян М. Р.

Конституционные модели собственности на землю в странах СНГ, Китае и Японии: особенности, традиции и возможности адаптации в России 148

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО**Власова Е. Л.**

Лицензирование отдельных видов услуг: административно-правовые требования и контроль 153

Илюхина Е. А.

Учет имущественного комплекса и обновление сельскохозяйственной техники: проблемы правового регулирования 158

Плахова Е. С.

Роль уполномоченного по защите прав предпринимателей в обеспечении экономической безопасности государства 160

Коломиец Е. А., Костылев В. В.

Административная ответственность за правонарушения в сфере интернет-торговли: сравнительно-правовой аспект 163

Оголь В. Л.

К проблеме коллизионных принципов на транспортные средства 165

Терехова Е. А.

О состоянии нормативного регулирования некоторых процессуальных действий по собиранию доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях 167

Цындра В. Н.

«Дефискализация» государственной политики в области назначения административных наказаний в Российской Федерации 171

Халилев Р. А.

Генезис института административной ответственности в трудовом праве 175

Хильчевский А. Ю.

Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос» как юридическое лицо публичного права 178

Горбач В. А.

Цифровая трансформация рынка страхования: вызовы и новые возможности для управления портфелем рисков 182

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО**Павлов Н. В., Шамратова М. И., Штаролис А. К.**

Роль органов территориального общественного самоуправления в развитии городской среды 185

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО**Алексеева Е. В., Никитенко А. В.**

Защита прав участников корпоративных отношений в контексте экономического анализа права 189

Бродский М. Н., Щербаковский Г. З., Круглова И. А.

Особенности правового регулирования коммерческой деятельности цифровых платформ 193

Гасанова А. М.

Родители, лишённые родительских прав, как недостойные наследники 198

Данилов Н. И., Толстова М. Л.

Развитие норм о диффамации в гражданском законодательстве Российской Федерации 202

Дельцова Н. В., Стороженко О. М.

Правовой институт корпоративного договора: отдельные тенденции современного развития 206

Джунусова Д. Н., Осокина К. А.

Особенности правовой природы государственной поддержки субъектов малого предпринимательства 209

Здоровцева А. А., Свиридонова Т. И.

Бесхозяйственность как основание прекращения права собственности на жилое помещение 213

Зимнева С. В.

Проявление принципа добросовестности в механизме освобождения от договорной ответственности 216

Кирсанова Н. Б., Пугач П. А.

Проблема приоритета алиментов при банкротстве физических лиц 220

Кулик Т. Ю.

Реформирование договорного регулирования рынка юридических услуг 223

Меденцева Е. В., Тюнин И. И.

Общая характеристика и место договора строительного подряда в системе гражданско-правовых обязательств 226

Потапова Е. Н.

Государственно-частное партнерство в системе здравоохранения Индии: основные вызовы и перспективы развития 229

Ратникова В. И.

Гражданско-правовая ответственность за нарушение «холодовой цепи» при транспортировке иммунобиологических лекарственных препаратов 232

Синякова Т. В., Здоровцева А. А., Дорофеева С. Н.

Нотариальная форма: понятие и ее современный потенциал 236

Стыслович А. П.

Правовое регулирование цифровизации при рассмотрении гражданско-правовых споров в Российской Федерации и Объединённых Арабских Эмиратах 239

Фесенко Е. А.

Правовое регулирование оборота машино-мест, апартментов и единых недвижимых комплексов: современные вызовы и тенденции 241

Ханова З. Р., Маммаева М. Г.

Договорное регулирование услуг реабилитации инвалидов 243

Чердакова Л. А., Могилева А. В.

Некоторые вопросы применения статьи 401 Гражданского Кодекса Российской Федерации 245

Абдуллин И. Р.

Генеральный подряд как структура договорных связей 248

Борисов А. А.

Совмещение реализации права на уменьшение цены с иными способами защиты против некачественного исполнения должника 250

Кандрина Е. Г.

Наследование обязательств, возникающих из субсидиарной ответственности: пределы защиты прав наследников контролирующего должника лиц 252

Мамедов И. Ф.

Специфика правового режима цифровых финансовых активов как инструментов финансового рынка 256

Манучарян А. А.

Реализация интересов кредитов должника и арбитражного управляющего при формировании конкурсной массы 259

Осипова Е. А.

Цифровой рубль: перспективы внедрения и потенциальные риски 262

Перепелкин В. М.

Теоретические проблемы концепции допустимости исключения участника из хозяйственного общества на основании нарушения корпоративного договора 266

Поречный Е. М. Общая характеристика понятий: «апартамент», «сервисный апартамент», «несервисный апартамент», «комплекс апартаментов».....	269
Санников Г. Д. Определение понятия «участник закупки», регламентируемое российским законодательством	271
Смирнов П. В. К вопросу о средствах государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов	274
Тужилкина С. С. Анализ практики применения судами РФ нормативно-правовых актов, содержащих контрсанкционные меры в сфере защиты интеллектуальной собственности	279
Коротич А. В. Разработка понятия «вещь» при создании Германского Гражданского Уложения. Значение критерия телесности.....	282
Манучарян А. А. Определение достаточности мер по сохранности конкурсной массы в процедурах банкротства.....	285
Пасенко Ю. И. Характеристика преддоговорной ответственности за срыв переговоров	288
Семенов Д. А. Правовая природа и условия применения эстоппеля в российском частном праве	291
Шестаков П. А. Мультимедийный продукт как самостоятельный объект авторских прав: понятие, признаки и отграничение от иных сложных объектов	294
Хайруллин Р. Р. Актуальные вопросы о субъективном составе экспериментального правового режима	298
Ханова З. Р., Халидова П. Д. Наследование усыновлёнными детьми и сиротами имущества кровных родственников: правовые коллизии и способы их преодоления	301
Швыденко А. С. Соотношение конструкций заверений и гарантий в законодательстве стран общего права и России	303
Шупакова М. Е. Наследование авторских прав в Германии и России.....	305
ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС	
Кулик Т. Ю. Правовое регулирование «гонорара успеха»: что говорит закон и судебная практика	309
Фатыхова А. Р. Третейский суд как форма делегирования юрисдикционной функции: теоретико-правовой анализ.....	311
Ван Вэй Процессуальное регулирование гражданского судопроизводства с участием иностранных государств в КНР	313
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО	
Кошман Н. А. Система примирительных процедур в семейных спорах в Российской Федерации: разграничение медиации, судебного примирения и мирового соглашения	316
Магомедов М. Р. Отдельные аспекты ответственности супругов по обязательствам	320
ТРУДОВОЕ ПРАВО	
Гетман Я. Б. Последствия признания отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями: проблемы правовой квалификации и правоприменения.....	324
Кудрин А. С. К вопросу о трансформации коллективного договора от советского периода к современности	326
Тарасова О. А. К вопросу о современных тенденциях в сфере гендерного равенства в распределении оплаты труда в России	329

АДВОКАТУРА

Степанов И. Л. Соотношение публичного и корпоративного в правовом регулировании статуса адвоката по законодательству Российской Федерации и Республики Беларусь: к вопросу о гармонизации законодательства об адвокатуре в Союзном государстве	332

ЗЕМЕЛЬНОЕ ПРАВО

Камышникова Т. С., Шмельёва М. Ю., Цуриков А. А. Правовое регулирование земельных ресурсов и земельных правоотношений	336

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Данилова К. Н. О новой правоприменительной практике в деятельности государственного лесного контроля (надзора)	339

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Зимилькин М. И. «Инвестиционное и налоговое право государств БРИКС» (Рецензия на серию «избранные труды института права БРИКС») [1], [2], [3], [4], [5].....	342
Иванова Л. А., Тастемирова М. Б. Терминологический ряд финансовых сделок в контексте защиты прав потребителей: правовой и доктринальный подходы	345
Меденцева Е. В., Каковкин И. Г. Центральный банк РФ: правовое положение, подчиненность, органы управления	348
Перепечкина Е. Г., Митячкина Е. С. Методические подходы к анализу деятельности органов государственной власти по противодействию легализации (отмыванию) доходов и финансированию терроризма в России.....	351
Хайбрахманова А. Д. Финансово-правовое регулирование внедрения технологий искусственного интеллекта в государственный финансовый контроль.....	356
Шипов М. В. Трансформация системы финансового мониторинга в условиях цифровизации: правовые основы и проблематика регулирования	359

ТОРГОВОЕ ПРАВО

Земсков Д. О. Сравнительный анализ законодательства иностранных государств об охране топологий интегральных микросхем.....	362

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

Зубкова М. Н. Государственное регулирование платформенной экономики: сравнительно-правовой анализ законодательства РФ и других стран	368
Шпангель Ф. Ф. Отдельные правовые вопросы формирования системы субъектов индивидуального предпринимательства в Российской Федерации.....	371
Мамедов И. Ф. Токен как объект права: проблемы классификации и определения правовой природы.....	373
Мирзоева Е. Г. Соотношение недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы по законодательству России.....	377
Московец А. Е. Возникновение параллельной денежной системы в России: неочевидные последствия антисанкционного регулирования 2022 года	380
Зубкова М. Н. Правовое регулирование деятельности по предоставлению сервиса рассрочки	383

КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

Ширяев Р.

Эволюция требований к минимальному уставному капиталу в квазикорпоративных организационно-правовых формах зарубежных государств 386

ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ ПРАВО

Березин П. В.

Проблемы и перспективы правового регулирования соглашений о разделе продукции в Российской Федерации 389

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Иванцова Н. В., Городнова О. Н.

Звуковая агрессия как объект уголовно-правовой оценки: системный анализ признаков психологического насилия 392

Недбайлов П. А.

Мошенничество при получении выплат в форме приобретения права на чужое имущество: проблемы совершенствования законодательства 395

Алексеев В. О.

Объективная сторона преступлений, совершаемых с применением пытки: доктринальные проблемы и пути их преодоления 399

Павлов Н. В.

Уголовная ответственность за применение насилия к представителям власти: опыт Соединенных Штатов Америки 403

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Бувеч О. Л.

Право на информацию в уголовном судопроизводстве 408

Лучинкин Ф. М.

О доказательственном значении результатов оперативно-розыскной деятельности 410

Михайлов А. М., Беляков А. В.

К вопросу о процессуальных полномочиях прокурора на досудебной стадии уголовного судопроизводства 412

Мокровский А. В.

Относимость как инструмент достижения цели уголовного процесса 414

Приходько В. В.

Место совершения преступлений против половой неприкосновенности с использованием сети «Интернет» 416

Федотова А. А.

Экспертиза «в состязательных условиях»: уголовно-процессуальный опыт ряда стран на постсоветском пространстве 419

Семенов И. А.

Приобщение предмета в качестве вещественного доказательства как способ ограничения права собственности в уголовном процессе 423

Ян Синьцзянь

Институт восполнения процессуальных дефектов в правилах об исключении незаконных доказательств в уголовном процессе КНР: нормативная структура, искажения в правоприменении и догматическая реконструкция 425

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Игошин В. Г., Абдуразаков А. А.

Модернизация перечня предметов, разрешенных к использованию в следственных изоляторах: переход к запретительной модели в целях обеспечения безопасности 428

Степаненко Ю. С., Санжиева А. Ц.

Комплексный анализ проблем и профилактика суицидального поведения в пенитенциарной системе 430

КРИМИНАЛИСТИКА

Антонова Е. А.

Явка с повинной как прием содействия раскрытию преступлений «по горячим следам» 432

Беляков А. В., Мусалева А. В., Шишкина К. А.

Проблемы организации предъявления для опознания живых лиц 436

Влезько Д. А., Молчанов Т. Д.

Проблемы криминалистической тактики в условиях развития информационных технологий 438

Гарбуз Г. С.

Сильный искусственный интеллект и прогностический аспект в стратегии расследования преступлений, совершаемых в экологической сфере 442

Кайргалиев Д. В., Стрельцова М. А., Рыбалов В. С.

Современные возможности экспертизы давности выполнения реквизитов в документе для расследования и раскрытия экономических преступлений 445

Сысенко А. Р.

Психологические особенности дачи ложных показаний при проведении допроса в условиях противодействия расследованию преступлений 447

Каминский А. А.

Современные технические средства, используемые для раскрытия, расследования и предупреждения коммерческого подкупа 449

Полещук М. С.

Тактические приемы производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего 453

КРИМИНОЛОГИЯ

Асанова И. П., Ерёмкина Н. В.

Проблемы определения количества d-лизергида (ЛСД) и иных психоактивных веществ на бумажных носителях для целей надлежащего определения размера наркотических средств и квалификации деяний 456

Березовская Е. В., Казанцева О. Г., Пухалова М. О.

Криминологические аспекты преступности в сфере реализации контрафактных товаров и услуг 460

Гущина А. А., Хорольский В. В., Хуснуллин Т. И.

Мошенничество с использованием методов социальной инженерии: уголовно-правовой и криминологический анализ 464

Кудовба О. Н., Мугинова З. Р., Орехова Н. А.

Виктимологическая профилактика в деятельности ППСП: предупреждение преступлений на маршрутах патрулирования 466

Кузина С. И., Мелешко Г. С., Паламарчук Е. А.

О криминологической характеристике преступлений, связанных с посягательствами на государственный суверенитет 468

Кургузкина Е. Б., Полянская Е. М.

Криминологический анализ незаконной госпитализации в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях (ст. 128 УК РФ) 471

Нечевин И. Д.

Криминологический и уголовно-правовой анализ детерминанта наркопреступности несовершеннолетних в России и странах Скандинавии 475

Сазанова Е. А., Семенцова И. А., Цымлянская О. А.

Современные хищения в сфере платежей и цифровой валюты, и международные перспективы сотрудничества при противодействии им 479

Сидорова Е. З.

Механизмы реализации и индикаторы эффективности стратегии криминологической безопасности образования 482

Балаян И. А.

Толкование признаков «крупный размер» и «крупный ущерб» при квалификации преступлений, посягающих на результаты интеллектуальной деятельности 485

СУДОПРОИЗВОДСТВО

Лысенко Н. А.

Цифровая трансформация судебной системы РФ: проблемы дифференциации подходов и пределы внедрения искусственного интеллекта 488

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

- Галаяудинов Р. Ф., Старостин В. Г., Алексеев А. О.**
Особенности прохождения службы сотрудниками полиции
в особых условиях: правовой и организационный аспекты 491
- Купавцев Т. С., Джапаркулов А. С.**
Механизмы обеспечения безопасности учебно-тренировочного
процесса в органах внутренних дел (на примере Российской
Федерации и Кыргызской Республики) 493

БЕЗОПАСНОСТЬ И ПРАВО

- Измайлова Д. И., Мамахатов Т. М., Семкина Е. Н.**
Аграрная безопасность стран ШОС в условиях
климатических вызовов 496

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

- Иваненко И. Н., Миташова А. А., Гелиева И. Н.**
Правовое регулирование трансплантации органов
и тканей человека: поиск баланса между развитием
медицины и защитой фундаментальных прав граждан 499
- Мижарева Н. В., Мижарева П. С.**
Перспективы правового регулирования платных
(коммерческих) медицинских услуг в здравоохранении
Российской Федерации 503

ПЕДАГОГИКА И ПРАВО

- Дудина Ю. А.**
Понятие образования и его роль в современных условиях 508
- Фурман Т. Г.**
Формирование речевой компетентности
студента-юриста в образовательном процессе вуза 511

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

- Секретарёв Р. В., Белова Д. И.**
Эволюция государственной обязанности
по обеспечению жильем уязвимых граждан 515

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

- Андрюхина И. Ю., Рак Е. А., Рак В. Е.**
Исторические основы архитектуры государственной
гражданской службы Российской Федерации 519
- Евсеев И. В., Кривенцов Р. О., Кондрашкина А. А.**
Совет по национальным вопросам как инструмент
противодействия экстремизму 522
- Мирзаев З. М., Магомедов Ш. Г.**
Особенности реализации правовой политики Российской
Федерации в Республике Дагестан: проблемы гармонизации
федеральных норм и местных правовых укладов 526
- Фурман Т. Г.**
Политический патриотизм и право в концепциях
И. А. Ильина 528
- Глущенко С. Н.**
Генезис единого правового пространства
в Российской Федерации 531
- Зайцев М. А.**
Гарантии защиты персональных данных граждан
в условиях цифровизации 536

СОЦИОЛОГИЯ И ПРАВО

- Зотова К. В., Туарменская А. В.**
К вопросу о месте социальных факторов
в агрессивном поведении молодёжи:
по результатам социологического опроса студентов
юридического профиля 539

ЭКОНОМИКА. ПРАВО. СОЦИУМ

- Амеличкин А. В.**
Гастрономический туризм как значимое направление
развития внутреннего туризма 542
- Габриелова Ю. В.**
Эмоциональная привлекательность бренда
и цифровые стратегии: ключевые факторы успеха
в гастрономическом туризме 544
- Голубева Т. В.**
Разработка стратегии формирования резилиентной
бизнес-модели промышленного предприятия 547

Дударева О. В.

- Алгоритм и механизмы трансформации промышленной
экосистемы в состояние устойчивого развития:
от скрининга до ESG-результатов 549
- Марченкова Л. М.**
Теневая экономика в России: масштабы и динамика 551
- Соловьева И. А.**
Институциональные основы культурного волонтерства 554
- Шаповалов С. А.**
ГЧП как механизм преодоления «цифрового
неравенства» в регионах России 557
- Буренин А. Н.**
Организационная модель процесса разработки
портфельных решений по управлению фондом скважин 560
- Кадырова Э. Я.**
Совершенствование инструментов поддержки
промышленности: федеральный контекст и региональная
практика (на примере Московской области) 563
- Левин А. Е.**
Энергетические стратегии России и Китая:
устойчивость, инновации и геополитические вызовы 566
- Шацкий А. А.**
Типология стратегий обеспечения конкурентоспособности
производителей промышленной продукции
(в контексте моделей промышленного суверенитета) 569

ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО. СОЦИУМ

- Абрарова З. Ф., Ольхов Н. С., Идиятуллин Ф. Ф.**
Влияние искусственного интеллекта на социальную
справедливость и человеческие права 571
- Баянов К. Р.**
Семантический портрет мифических,
библейских и реальных акторов 573
- Гунибский М. Ш.**
Рациональный компонент этики общения
как основа инклюзивной культуры 577
- Ихсанов А. У.**
Роль технологий и социальных сетей в сохранении
и распространении этнокультуры в условиях
глобализации 580
- Лукьянов А. В., Минаков И. П., Пушкарева М. А.**
Особенности социокультурной памяти и вопрос
об эластичной структуре исторического времени 583
- Ореховская Н. А.**
Влияние музыки на формирование массового сознания 586
- Николаева Е. М., Исламов Р. Д.**
Антропологический статус искусственного интеллекта:
пределы субъектности и автономности 590
- Тарасов А. Н., Вострикова А. А.**
Религиозные и духовные искания
в творчестве В. Ван Гога: культурфилософский анализ 593
- Трифонов Т. Л., Золотов М. А., Владимиров С. В.**
Социально-философская мысль о солидарности
как способе бесконфликтного существования
и развития общества 595
- Файзуллин Ф. С., Еникеева И. И.**
Методы анализа динамики социальных процессов
населения регионов и их реализация 598
- Агзамова Л. М.**
Духовные и политические предпосылки
организационной деятельности семьи 601
- Демяшина В. В., Сорокин С. Э.**
Кибернетика, искусственный интеллект и новая
политическая реальность: социально-философский
анализ вызовов киберполитики 603
- Пашков А. А.**
Социальная онтология и механизмы легитимации
цифровых денег: институциональная деконструкция
монетарного плюрализма 606

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 610

PERSONA GRATA

V. V. Dolinskaya:

Development of civil law and civil codified legislation

Interview with Ph.D. in Law, professor, professor of Civil law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Dolinskaya Vladimira Vladimirovna 14

INTERNATIONAL LAW

Dolzhenkova E., Bulgaeva A. A.

International legal mechanisms for simplification of customs procedures in world trade 17

Irzhanov A. S.

On some issues of treaty implementation in international law 19

Kislitsyna N. F.

COVID-19: how has rail transport changed? 23

Minnekaeva D. R.

The philosophy of the atmosphere and atmosphere-centrism in international atmospheric law: ontology, epistemology, axiology and hermeneutics 26

Chugunov D. A.

Specific aspects of foreign trade transactions between Russia and China in the current context of private international law 30

Kharlampjeva N. K.

Towards a conceptual approach to defining the legal regime of the Arctic 34

Gu Wenshuo

From the conciliatory model to the procedural model: rethinking the denunciation of human rights treaties 38

Edlichko P. A.

Transformation of the concept of the continental shelf in international law: from the Truman proclamation to contemporary challenges in the Arctic 41

Pesterev A. E.

Existing legal mechanisms for protecting intellectual property rights within the BRICS framework, their challenges, and prospects 47

Stepanov N. A.

International legal aspects of the criminalization of genocide denial 50

INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Luk Thi Li

Late payment under CISG and Directive 2011/7/ EU 53

Luk Thi Li

The development of e-commerce law in China and Vietnam – is a combination of three factors: laws-human-technology 56

THEORY OF STATE AND LAW

Kovalenko N. E.

Personal freedom: on the issue of the «virtual subject of law» 59

Krasilnikov S. V.

Development of legal fictions in the Modern Era 61

Pronina K. Yu.

Professional activity of employees of the penal enforcement system: integration of legal and moral consciousness 65

Ruzavina E. Yu., Shchelina M. A.

The role of press services in the process of building public confidence in government authorities of the Russian Federation 68

Serkerov S. E., Abdulmutalimova Z. M., Gasanalieva K. M.

Principles of legal responsibility in a state governed by the rule of law 71

Skomorokhov R. V.

Genesis of legal prohibition: from taboo to positive law 73

Ulaeva N. L.

Qualification of legal facts 75

Akhmedzhanova R. R.

The concept of harm in the theory of law: towards the construction of a universal definition 77

Gostev N. Yu.

Mutual integration of institutions of the experimental legal regime in the field of digital and technological innovations and the concession agreement 80

Egorov V. V.

Evolution of legal education in the context of the development of domestic legal culture 82

Mgeladze V. Z.

Transformation of sociological data into the content of regulatory legal prescriptions: mechanism, barriers and directions of development 84

Noskov I. A.

The relationship between the growth of legal culture and the increasing legitimacy of legislative innovations in modern society 86

Egorov V. V.

Factors for improving the effectiveness of legal education in the context of globalization 90

HISTORY OF STATE AND LAW

Amagyrova A. V.

The institute of legal protection of intangible benefits under the customary law of the Buryats 93

Butenko A. K.

Ivan IV's land policy as a political tool for fighting the opposition 97

Ivanova L. M., Balykina K. V.

The legal system of china: from origins to the present day 99

Lebedeva E. A.

Historical and legal education and spiritual, moral and patriotic education in educational institutions: historical traditions and modern problems 102

Pavlisova T. E., Shamoyan T. M., Pigida K. V.

The historical roots of legal nihilism in Russian society 104

Kuznetsova A. A.

The national system of spiritual and moral values in Russian law in the 21st century: conceptual and essential foundations 107

Makhaev M. A., Khalaev Z. A.

Study of the customary law of the Eastern Transcaucasia Avars in historical and legal science: past and present 110

Pavlov O. V.

The trajectory of civilizational development of the Roman people: a historical and legal analysis of mechanisms of transformation 113

Titov V. Yu.

Discussions on the legitimate and illegitimate attitudes of soviet citizens as a process of developing legal consciousness (an example of a summary of a dissertation for a doctorate in history) 116

Kharitonova A. N.

The evolution of anti-corruption legislation during the formation of the Soviet state 119

Pavlisova T. E., Buchina A. O., Chernyavsky I. I.

Legal status of the State Duma in the system of state authorities of the Russian Empire (1906-1917) 121

CONSTITUTIONAL LAW

Dibirov Yu. S.

Constitutional and legal guarantees for the protection of personal data and privacy in the context of the digital transformation of public administration in the Russian Federation 125

Nazarenko N. I.

On the role and influence of imperial constitutions and other sources of law on the development of legal education in Ancient Rome 127

Tonoyan M. R.

Constitutional guarantees and restrictions on land ownership: balancing public and private interests 131

Saidov F. Z., Zayyrbekova A. A., Rybolovleva N. S.

Legal characteristics of the status of the Aksakal Court institution in the Kyrgyz Republic 134

Smirnova T. S., Glukhov S. S., Agaponov D. L.

Issues related to the implementation of the constitutional principle of equal access to public service in the Russian Federation 138

Gulai O. N. Medical confidentiality in digital healthcare: constitutional limits of confidentiality and its exceptions	141	Kirsanova N. B., Pugach P. A. The problem of priority of alimony in personal bankruptcy.....	220
Zaytsev M. A. Guarantees for the protection of constitutional rights and freedoms of citizens in the conditions of digitization: information (digital) code	145	Kulik T. Yu. Reforming contractual regulation of the legal services market	223
Tonoyan M. R. Constitutional models of land ownership in the CIS countries, China, and Japan: features, traditions, and adaptation opportunities in Russia.....	148	Medentseva E. V., Tyunin I. I. General characteristics and place of the construction contract in the system of civil law obligations.....	226
ADMINISTRATIVE LAW		Potapova E. N. Public-private partnership in India's healthcare system: key challenges and development prospects	229
Vlasova E. L. Licensing of certain types of services: administrative and legal requirements and control	153	Ratnikova V. I. Civil liability for violation of the cold chain during transportation of immunobiological medicinal products	232
Ilyukhina E. A. Accounting for the property complex and updating agricultural machinery: legal regulation issues.....	158	Sinyakova T. V., Zdorovtseva A. A., Dorofeeva S. N. Notarial form: concept and its modern potential	236
Plakhova E. S. The role of the commissioner for the protection of entrepreneurs' rights in ensuring the economic security of the state.....	160	Styslovich A. P. Legal regulation of digitalization and the use of artificial intelligence in civil dispute resolution in the Russian Federation and the United Arab Emirates	239
Kolomiets E. A., Kostylev V. V. Administrative liability for offences in the sphere of internet trade: comparative legal aspect.....	163	Fesenko E. A. Legal regulation of the circulation of parking spaces, apartments, and unified real estate complexes: modern challenges and trends	241
Ogol V. L. To the problem of conflict of laws principles on vehicles	165	Khanova Z. R., Mammaeva M. G. Contractual regulation of rehabilitation services for the disabled	243
Terekhova E. A. On the state of regulatory regulation of certain procedural actions for the collection of evidence in proceedings on administrative offenses	167	Cherdakova L. A., Mogileva A. V. Some issues of the application of Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation.....	245
Tsindrya V. N. «Defiscalization» of state policy in the field of administrative penalties in the Russian Federation.....	171	Abdullin I. R. General contracting as a structure of contractual relations.....	248
Khalilev R. A. The genesis of the institute of administrative liability in labor law	175	Borisov A. A. Concurrent exercise of the right to a price reduction and other remedies against the debtor's defective performance	250
Khilchevskiy A. Yu. State corporation for space activities «Roskosmos» as legal entity of public law	178	Kandrina E. G. Inheritance of liabilities arising from vicarious liability: the limits of protecting the rights of heirs of persons controlling the debtor.....	252
Gorbach V. A. Digital transformation of the insurance market: challenges and new opportunities for risk portfolio management	182	Mamedov I. F. The specifics of the legal framework for digital financial assets as financial market instruments.....	256
MUNICIPAL LAW		Manucharyan A. A. Realization of the interests of the debtor and the bankruptcy trustee during the formation of the bankruptcy estate	259
Pavlov N. V., Shamratova M. I., Shtarolis A. K. The role of territorial public self-government bodies in the development of the urban environment	185	Osipova E. A. Digital ruble: potential risks and implementation prospects.....	262
CIVIL LAW		Perepelkin V. M. Theoretical issues in the concept of the admissibility of expelling a member from a business entity on the grounds of a breach of the corporate contract.....	266
Alexeeva E. V., Nikitenko A. V. Protecting the rights of participants in corporate relations in the context of economic analysis of law	189	Porechny E. M. General characteristics of the concepts: «apartment», «service apartment», «non-service apartment», «apartment complex»	269
Brodsky M. N., Shcherbakovsky G. Z., Kruglova I. A. Specific features of legal regulation for digital platforms' commercial operations	193	Sannikov G. D. Definition of «party to the procurement», regulated by Russian law	271
Gasanova A. M. Parents deprived of parental rights as unworthy heirs.....	198	Smirnov P. V. On the issue of state intervention in the private activities of economic entities	274
Danilov N. I., Tolstova M. L. The development of defamation norms in the civil legislation of the Russian Federation.....	202	Tuzhilkina S. S. Analysis of the practice of applying regulatory acts containing counter-sanctions in the field of intellectual property protection by Russian courts.....	279
Deltsova N. V., Storozhko O. M. Legal institute of corporate contract: selected trends of modern development.....	206	Korotich A. V. Development of the concept of «thing» in the creation of the German Civil Code. The importance of the corporeality criterion	282
Junusova D. N., Osokina K. A. Tools for managing the land and property complex of the regions	209	Manucharyan A. A. Definition of sufficiency of measures for preserving the debtor's assets in insolvency procedures bankruptcy.....	285
Zdorovtseva A. A., Sviridonova T. I. Negligence as a ground for termination of ownership of a residential premises	213		
Zimneva S. V. The manifestation of the principle of good faith in the mechanism of release from contractual liability.....	216		

Pasenko Yu. I. Characteristics of pre-contractual liability for disruption of negotiations.....	288	Ivanova L. A., Tastemirova M. B. Terminological range of financial transactions in the context of consumer protection: legal and doctrinal approaches.....	345
Semyonov D. A. The legal nature and conditions for the application of estoppel in Russian private law.....	291	Medentseva E. V., Kakovkin I. G. Regulatory and legal regulation of financial and credit relations in the Russian Federation.....	348
Shestakov P. A. Multimedia product as an independent object of copyright: concept, features and distinction from other complex objects	294	Perepechkina E. G., Mityachkina E. S. Methodological approaches to analyzing the activities of public authorities to counter the legalization (laundering) of revenues and the financing of terrorism in Russia.....	351
Khayrullin R. R. Topical issues about the subjective composition of an experimental legal regime.....	298	Khaibrahmanova A. D. Financial and legal regulation of the implementation of artificial intelligence technologies in state financial control	356
Khanova Z. R., Khalidova P. D. Inheritance of blood relatives' property by adopted children and orphans: legal conflicts and ways to overcome them	301	Shipov M. V. Transformation of the financial monitoring system in the context of digitalization: legal foundations and regulatory issues	359
Shvydenko A. S. The relationship between representations and warranties in the legislation of common law countries and Russia.....	303	TRADE LAW	
Shchupakova M. E. The inheritance of copyright in Germany and Russia.....	305	Zemskov D. O. Comparative analysis of foreign legislation, that provides protection to the topographies of the integrated circuits.....	362
CIVIL PROCESS		ENTREPRENEURIAL LAW	
Kulik T. Yu. Legal regulation of «success fees»: what the law and case law say.....	309	Zubkova M. N. State regulation of the platform economy: comparative legal analysis of Russian and foreign legislation	368
Fatyhova A. R. Arbitration court as a form of delegation of the jurisdictional function: a theoretical and legal analysis.....	311	Shpanagel F. F. Separate legal issues of the formation of the system of individual entrepreneurship entities in the Russian Federation	371
Wang Wei Procedural regulation of civil proceedings involving foreign states in the People's Republic of China.....	313	Mamedov I. F. Tokens as objects of civil rights: problems of classification and determination of legal nature	373
FAMILY LAW		Mirzoeva E. G. The ratio of unfair competition and inappropriate advertising under Russian law	377
Koshman N. A. The system of conciliatory procedures in family disputes in the Russian Federation: delineation of mediation, judicial conciliation, and amicable settlement.....	316	Moskovets A. E. The emergence of a parallel monetary system in Russia: the non-obvious consequences of anti-sanctions regulation in 2022.....	380
Magomedov M. R. Certain aspects of the spouses' liability for obligations.....	320	Zubkova M. N. Legal regulation of the provision of the installment service.....	383
LABOUR LAW		CORPORATE LAW	
Getman Ya. B. Consequences of recognizing relations arising on the basis of a civil law agreement as employment relations: problems of legal qualification and law enforcement.....	324	Shiryaev R. Evolution of minimum share capital requirements in quasi-corporate organizational and legal forms in foreign jurisdictions	386
Kudrin A. S. On the transformation of the collective agreement institution: from the soviet model to modern Russian practice	326	ENERGETICAL LAW	
Tarasova O. A. On the issue of modern trends in the field of gender equality in the distribution of wages in Russia.....	329	Berezin P. V. Problems and prospects of the legal regulation of production sharing agreements in the Russian Federation.....	389
ADVOCACY		CRIMINAL LAW	
Stepanov I. L. The relationship between public and corporate in the legal regulation of the status of a lawyer under the laws of the Russian Federation and the Republic of Belarus: on the issue of harmonization of legislation on advocacy in the Union State	332	Ivantzova N. V., Gorodnova O. N. Sound aggression as an object of criminal law assessment: a systematic analysis of signs of psychological violence	392
LAND LAW		Nedbaiov P. A. Fraud in obtaining benefits in the form of acquiring the right to another person's property: problems of legislative improvement.....	395
Kamyshnikova T. S., Shmeleva M. Yu., Tsurikov A. A. Legal regulation of land resources and land legal relations.....	336	Alexeev V. O. The objective side of crimes involving torture: doctrinal issues and approaches to their resolution.....	399
ECOLOGICAL LAW		Pavlov N. V. Criminal liability for the use of violence against government officials: the experience of the United States of America	403
Danilova K. N. On new law enforcement practice in the activities of state forest control (supervision).....	339	CRIMINAL PROCESS	
FINANCIAL LAW		Buevich O. L. The right to information in criminal proceedings	408
Zimulkin M. I. "Investment and tax law of BRICS" (Review of the series "international and comparative tax research series of the BRICS law institute").....	342		

Luchinkin F. M. On the evidentiary value of the results of operational- investigative activities.....	410	Kudovba O. N., Muginova Z. R., Orekhova N. A. Victimological prevention in the activities of PPSP: prevention of crimes on patrol routes	466
Mikhailov A. M., Belyakov A. V. On the issue of the procedural powers of the prosecutor at the pre-trial stage of criminal proceedings	412	Kuzina S. I., Meleshko G. S., Palamarchuk E. A. On the criminological characteristics of crimes related to violations of state sovereignty.....	468
Mokrovsky A. V. Relevance as an Instrument for Achieving the Goal of Criminal Proceedings	414	Kurguzkina E. B., Polyanskaya E. M. Criminological analysis of illegal hospitalization in a medical organization providing psychiatric care in a hospital setting (Article 128 of the Criminal Code of the Russian Federation)	471
Prikhodko V. V. Scene of crimes against sexual inviolability using the Internet.....	416	Nechevin I. D. Criminological and criminal law analysis of the determinants of juvenile drug crime in Russia and the Scandinavian countries	475
Fedotova A. A. Expert examination «in adversarial conditions»: the criminal procedural experience of several countries in the post-Soviet space.....	419	Sazanova E. A., Sementsova I. A., Tsymlyanskaya O. A. Modern fraud in the field of payments and digital currency and international prospects for cooperation in countering it.....	479
Semenov I. A. The inclusion of an object as material evidence as a way of limiting property rights in criminal proceedings	423	Sidorova E. Z. Mechanisms of implementation and indicators of effectiveness of the criminological security strategy of education	482
Yang Xinqian The mechanism of curing procedural defects within the exclusionary rule of illegal evidence in the criminal procedure of the PRC: normative structure, distortions in application, and dogmatic reconstruction.....	425	Balyan I. A. Interpretation of the elements «large scale» and «large damage» in offences against intellectual property.....	485
CRIMINAL-EXECUTIVE LAW		JUDICIARY	
Igoshin V. G., Abdurazakov A. A. Modernization of the list of items allowed for use in pre-trial detention centers: transition to a prohibitive model to ensure security	428	Lysenko N. A. Digital transformation of the Russian judicial system: diverging approaches and the limits of artificial intelligence integration.....	488
Stepanenko Yu. S., Sanzhieva A. T. Comprehensive analysis of problems and prevention of suicidal behavior in the penitentiary system	430	LAW ENFORCEMENT AGENCIES	
CRIMINALISTICS		Galyautdinov R. F., Starostin V. G., Alexeev A. O. Peculiarities of police service in special conditions: legal and organizational aspects.....	491
Antonova E. A. Turning oneself in as a method of facilitating the detection of crimes «on the hot trail»	432	Kupavtsev T. S., Dzhaparkulov A. S. Mechanisms for ensuring the safety of the educational and training process in the internal affairs bodies (using the example of the Russian Federation and the Kyrgyz Republic)	493
Belyakov A. V., Musaleva A. V., Shishkina K. A. Problems of organizing the presentation of living persons for identification	436	SECURITY AND LAW	
Vlezko D. A., Molchanov T. D. Problems of criminalistic tactics in the context of information technology development.....	438	Izmailova J. I., Mamakhatov T. M., Semkina E. N. Agricultural security of the SCO countries in the context of climate challenges.....	496
Garbuz G. S. Artificial general intelligence and the forecasting aspect in the strategy of environmental crimes investigation	442	MEDICAL LAW	
Kairgaliev D. V., Streltsova M. A., Rybalov V. S. Modern possibilities of examining the limitation of execution of details in a document for investigation and disclosure of economic crimes.....	445	Ivanenko I. N., Mitashova A. A., Gelieva I. N. Legal regulation of human organ and tissue transplantation: finding a balance between the development of medicine and the protection of fundamental rights of citizens	499
Sysenko A. R. Psychological characteristics of giving false testimony during interrogation in conditions of counteraction to crime investigation	447	Mizhareva N. V., Mizhareva P. S. Prospects for legal regulation of paid (commercial) medical services in the healthcare system of the Russian Federation	503
Kaminsky A. A. Modern technical tools used to detect, investigate, and prevent commercial bribery.....	449	PEDAGOGY AND LAW	
Poleshchuk M. S. Tactical techniques for conducting identification participation involving a minor	453	Dudina Yu. A. The concept of education and its role in modern conditions	508
CRIMINOLOGY		Furman T. G. Formation of speech competence of law students in the educational process of higher education	511
Asanova I. P., Eremkina N. V. Problems of determining the amount of d lizergid (LSD) and other psychoactive substances on paper media for the purpose of proper determination of the amount of narcotic drugs and qualification of acts.....	456	HUMAN RIGHTS	
Berezovskaya E. V., Kazantseva O. G., Pukhkalova M. O. Criminological aspects of crime in the field of counterfeit goods and services.....	460	Sekretaryov R. V., Belova D. I. The evolution of the state duty to provide housing for vulnerable citizens	515
Gushchina A. A., Khorolsky V. V., Khusnullin T. I. Fraud using social engineering methods: criminal law and criminological analysis.....	464	STATE AND LAW	
		Andriukhina I. Yu., Rak E. A., Rak V. E. Historical foundations of the architecture of the state civil service of the Russian Federation.....	519

Evseev I. V., Kriventsov R. O., Kondrashkina A. A. Council for national affairs as an instrument of countering extremism at the municipal level: legal and organizational aspects	522	Lukyanov A. V., Minakov I. P., Pushkareva M. A. Features of sociocultural memory and the question of elastic structure historical time	583
Mirzaev Z. M., Magomedov Sh. G. Features of implementing the legal policy of the Russian Federation in the Republic of Dagestan: problems of harmonizing federal norms and local legal systems.....	526	Orekhovskaya N. A. The influence of music on the formation of mass consciousness.....	586
Furman T. G. Political patriotism and law in the concepts of I. A. Ilyin	528	Nikolaeva E. M., Islamov R. D. The anthropological status of artificial intelligence: the boundaries of subjectness and autonomy.....	590
Glushchenko S. N. Genesis of a unified legal space in the Russian Federation.....	531	Tarasov A. N., Vostrikova A. A. Religious and spiritual quests in the works of Van Gogh: a cultural-philosophical analysis	593
Zaitsev M. A. Guarantees for the protection of personal data in the context of civilization	536	Trifonova T. L., Zolotov M. A., Vladimirov S. V. Social and philosophical thought on solidarity as a way of conflict-free existence and development of society	595
SOCIOLOGY AND LAW		Fayzullin F. S., Enikeeva I. I. Methods of analyzing the dynamics of regional population social processes and their implementation	598
Zotova K. V., Tuarmenskaya A. V. On the question of the place of social factors in the aggressive behavior of young people: according to the results of a sociological survey of law students.....	539	Agzamova L. M. Spiritual and political prerequisites for the organizational activity of the family.....	601
ECONOMY. LAW. SOCIETY		Demyashina V. V., Sorokin S. E. Cybersecurity, artificial intelligence, and the new political reality: a socio-philosophical analysis of the challenges of cyberpolitics	603
Amelichkin A. V. Gastronomic tourism as a significant area of domestic tourism development.....	542	Pashkov A. A. Social ontology and legitimation mechanisms of digital money: institutional deconstruction of monetary pluralism.....	606
Gabrielova Yu. V. Emotional brand appeal and digital strategies: Key factors for success in gastronomic tourism.....	544	INFORMATION FOR AUTHORS	610
Golubeva T. V. Development of a strategy for the formation of a resilient business model of an industrial enterprise.....	547		
Dudareva O. V. Algorithm and mechanisms of transformation of an industrial ecosystem into a state of sustainable development: from screening to ESG results	549		
Marchenkova L. M. Shadow economy in Russia: scope and dynamics	551		
Solovjeva I. A. The institutional basis of cultural volunteering	554		
Shapovalov S. A. Public-private partnerships as a mechanism for overcoming digital inequality in Russian regions	557		
Burenin A. N. Organizational model of the process of developing portfolio solutions for managing the well fund.....	560		
Kadyrova E. Ya. Improving industrial support tools: the federal context and regional practice (using the example of the Moscow region)	563		
Levin A. E. Energy strategies of Russia and china: sustainability, innovation and geopolitical challenges	566		
Shatsky A. A. Typology of strategies for ensuring the competitiveness of industrial producers (in the context of industrial sovereignty models).....	569		
PHILOSOPHY. LAW. SOCIETY			
Abrarova Z. F., Olkhov N. S., Idiyatullin F. F. The impact of artificial intelligence on social justice and human rights	571		
Bayanov K. R. A semantic portrait of mythical heroes, biblical figures, and real-life actors.....	573		
Gunibsky M. Sh. The rational component of communication ethics as the basis of an inclusive culture	577		
Ikhsanov A. U. The role of technology and social media in the preservation and dissemination of ethnoculture in the context of globalization.....	580		

В. В. ДОЛИНСКАЯ: РАЗВИТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА И ГРАЖДАНСКОГО КОДИФИЦИРОВАННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Интервью с доктором юридических наук, профессором, профессором кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Долинской Владимировой Владимировной.

V. V. DOLINSKAYA: DEVELOPMENT OF CIVIL LAW AND CIVIL CODIFIED LEGISLATION

Interview with Ph.D. in Law, professor, professor of Civil law sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL) Dolinskaya Vladimira Vladimirovna.

Долинская В. В.

Визитная карточка:

Долинская Владимира Владимировна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, основоположник современной концепции акционерного права, автор первого в постсоветский период учебника по акционерному праву, один из разработчиков учения об экстраординарных сделках, автор более 1000 публикаций, из них свыше 80 книг. Подготовила 13 к.ю.н.

Член оргкомитета международных и всероссийских конференций. Член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ (с 2014 г.).

Поощрения: Почетная грамота Правительства Москвы за плодотворную работу по подготовке высококвалифицированных специалистов в области права и активную общественную деятельность (2006 г.); юбилейная медаль «100 лет Верховному Суду России» (2022 г.); благодарность Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей за научно-методическую поддержку деятельности (2017 г.); благодарственное письмо Общественной Палаты РФ (2023 г.). Ветеран МГЮА им. О. Е. Кутафина (2016 г.).

Член редакционного совета журналов Вестник Московского университета МВД России», «Гражданское право» (по 2014 г.), «Закон» (по июнь 2006 г.), «Законы России: опыт, анализ, практика» (с июня 2006 г.), «Наследственное право» (с 2014 г.), «Гражданин» (с 2022 г., главный редактор журнала - 2007-2014 г.), член редакционной коллегии журналов «Legal Concept = Правовая парадигма» (с 2017 г.), «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5 Юриспруденция» – 2014-2016 гг., «Вестник Московского государственного областного университета. Серия Юриспруденция» (до переименования в 2023 г.), «Власть закона» (с 2010 г.), «Государственная служба и кадры», «Закон и право», «Лоббирование в законодательстве», «Московский юридический журнал» (до 2023 г.), - «Образование. Наука. Научные кадры», «Юридический вестник Самарского университета» (с 2018 г.), «Альманах устойчивого развития: методология, теория, практика» (с 2023 г.), «Век качества» (с 2017 г.), Гражданского и торгового права.

Заместитель главного редактора журнала «Правовые вопросы недвижимости».

– **Уважаемая Владимира Владимировна, какие значимые для гражданского права события за последнее время Вы выделили бы и как бы их оценили?**

– Конец первой четверти – начало второй четверти ХХI века отмечены юбилеями гражданского кодифицированного законодательства Российской Федерации. В 1994 г. исполнилось 30 лет с момента принятия части первой Гражданского кодекса РФ. 22 декабря 1995 г. была принята Государственной Думой и в основном введена в действие с 1 марта 1996 г. часть вторая ГК. В ноябре 2026 г. исполняется 25 лет со дня принятия части третьей, а в декабре – 20 лет части четвертой ГК.

Первое, что видно невооруженным глазом, - увеличение объема кодифицированного акта почти в 4,5 раза (с 400 с небольшим статей в ГК РСФСР 1922 г. до почти 2 000 в действующем ГК). Это не просто механическое накопление материала, но и больший охват частноправовым регулированием общественных отношений, развитие юридической техники. Крупный кодифицированный закон разделен на части, что

применялось ранее только в доктрине гражданского права и учебном процессе.

Радует, что законодатель продолжает прислушиваться к мнению ученых и включает некоторые их разработки в легальное поле.

Действующий кодекс стремится обеспечить правовое оформление современного гражданского оборота, уделяет внимание социальному аспекту отношений.

– **Вы сказали о большем охвате частноправовым регулированием общественных отношений. А в чем это выражается?**

– На первое место как юрист, половина трудов которого связана с правом корпораций, я поставлю включение в предмет гражданско-правового регулирования организационных, организационно-имущественных (статутных) отношений (п.1 ст.2 ГК). Дальнейшее развитие этот блок получил в 2001 г. с принятием части третьей ГК и выделением в п. 2 ст. 1202 внутренних отношений, в т.ч. юридического лица с его участ-

никами. В 2013 г. в него включены корпоративные отношения - (ч. 1 п. 1 ст. 2), что повлекло за собой обогащение легальных классификаций юридических лиц (ст.65.1, новая структура гл. 4 ГК), а также изменение Обязательственного права (например, дополнение легального определения обязательства в ст. 307 ГК положением о том, что должник может быть обязан внести вклад в совместную деятельность).

Всё это, кстати, пример влияния доктрины (О. А. Красавчиков, Н. И. Клейн, Т. И. Илларионова, ваша покорная слуга, – извините за нескромность) на законодательство.

Отнесением к предмету регулирования предпринимательских отношений предполагалось положить конец дискуссии между цивилистами и сторонниками хозяйственного, предпринимательского права. Этот блок отношений наиболее тесно связан с Договорным правом. Появились договоры исключительно с целью извлечения прибыли, участием предпринимателей и т.п. (например, п.3 ст.1027 ГК)

В п. 3 ст. 2 ГК косвенным образом признана возможность применения гражданского законодательства к имущественным отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой, — в случаях, прямо предусмотренных законом, что позволяет констатировать расширение сферы взаимодействия публичного и частного права, изменение понятия «власть» (В. Е. Чиркин). Надеюсь, что частноправовые властные отношения выйдут за пределы имущественных.

– Владимира Владимировна, какие принципиальные изменения Вы выделили бы по первой части ГК?

– За XX-XXI вв. расширился круг участников частноправовых отношений, изменились элементы их статуса и правосубъектности, определяющие их нормы.

Впервые в отечественной кодификации дано определение юридического лица (п. 1 ст. 48 ГК). Интересно появление новых организационно-правовых юридических лиц, хотя ряд из них оказался не востребован на практике. Меняются легальные классификации организаций.

Также впервые ГК включил в круг субъектов гражданского права публично-правовые образования (государство и муниципальные образования), при этом законодатель использовал результаты доктринальных исследований (М. И. Брагинский, П. П. Виткявичус, Р. В. Шенгелия).

В ГК появились квази-правосубъектные образования (органы юридических лиц - ст.ст. 52-54, 65.2, 65.3, 174 ГК и др., гражданско-правовые сообщества, в т.ч. собрания - п. 2 ст. 181.1, гл. 9.1 ГК), но нормы о них обрывочны, не охвачены все примеры из специального законодательства, не выработан однозначная позиция законодателя, будут ли они признаны полноценными участниками отношений.

Из многочисленных новелл об объектах прав отмечу как наиболее значимые: отнесение к объектам имущественных прав (ст.ст. 2, 128, 454 ГК и др.), что неоднократно подтверждал Конституционный Суд РФ, включение в их число в связи с развитием науки и техники цифровых прав (с 2019 г., ст.ст. 128, 141.1 ГК) и цифровых рублей (с 2023 г., ст.ст. 128, 861 ГК), включение в общегражданское законодательство не упоминавшихся в ГК РСФСР 1922 г. результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации, расширение их круга в соответствии с развитием экономики и техники, разграничение результатов интеллектуальной деятельности и прав на них (а, например, законодательство о бухгалтерском учете допускает их смешение), отнесение к объектам граж-

данских прав нематериальных благ (ст. 128, гл. 8) как подтверждение тенденции социализации частного права в русле конституционных норм, исключение с 2013 г. в ст. 150 ГК смешения нематериальных благ и личных неимущественных прав.

Существенным недостатком является смешение объектов прав и предмета договора (п. 2 ст. 590, п. 2 ст. 602, 666, 807 ГК и др.).

Переходим к Разделу II ГК. Конституционное положение о свободе экономической деятельности получило в кодексе реальное оформление, в т.ч. за счет развития правовых форм имущественной обособленности участников отношений. Современный этап характеризуется: равенством форм собственности (п. 4 ст. 212, п. 2 ст.235, п. 1 ст. 239, ст.ст. 240, 306 ГК), возвратом термина 20-ых гг. XX в. «частная собственность», отказом от количественных и качественных ограничений права собственности граждан по объектному составу, возрождением многообразных вещных прав граждан (ст.ст. 265, 274, 277 ГК и др.), большим многообразием прав юридических лиц на принадлежащее им имущество при росте числа организаций-собственников и закреплением имущества за юридическими лицами – несобственниками на праве хозяйственного ведения (ст.ст. 294-295, 299-300 ГК), праве оперативного управления казенного предприятия (ст.ст. 296-297, 299-300 ГК), праве оперативного управления учреждения (ч. II п. 1 ст. 123.21, ст.ст. 296, 298-300 ГК), праве самостоятельного распоряжения учреждения доходами, полученными от разрешенной приносящей доход деятельности, и приобретенным за их счет имуществом (ст.298 ГК).

В 2024 г. журнал «Законы России: опыт, анализ, практика» посвятил юбилею части первой ГК № 10. Там было много интересных статей и затронуты самые разнообразные вопросы.

– А что Вы скажете о второй части ГК? Ведь она во многом дает договорное оформление гражданскому обороту.

– Во-первых, она неразрывно связана с частью первой. И не только категориальным аппаратом, принципами регулирования, субъектным и объектным составом.

Дело в том, что Обязательственное право сейчас распределено по Разделам (Общая часть – III, Отдельные виды обязательств – IV) и даже частям ГК.

Во-вторых, именно во второй части возросло количество модельных договоров (с девяти, фигурировавших в кодексе 1922 г., да и с момента принятия действующего кодекса оно уже пополнилось).

О развитии юридической техники свидетельствуют попытки дать определения каждому договору и деление почти всех глав на параграфы, обычно включающие в себя Общие положения о договоре и его разновидности.

Что-то получилось лучше, что-то хуже. Например, спорно в доктрине отнесение лизинга к аренде (§6 гл. 34 ГК). В отличие от ГК РСФСР 1964 г. подряд на капитальное строительство (ныне используется более широкое понятие строительный подряд) из самостоятельной гл.31 перенесен в §3 гл. 37. Вроде бы логично с точки зрения классификации подрядных отношений. Но здесь, на мой взгляд, сказывается несоответствие отраслей права и отраслей законодательства (речь идет о Градостроительном кодексе).

В двух первых группах модельных договоров - договоры о передаче имущества в право собственности или иное имущественное право, договоры о выполнении работ - по сложному критерию, включающему в себя цель, субъектный состав, финансирование, порядок заключения, выделены договоры поставки и подряда для государственных и муниципальных нужд (§4 гл. 30 и §5 гл. 37 ГК). Возникает вопрос: почему эта линия не продолжена в двух других группах - договоры об оказании услуг и договоры по совместной деятельности? Ведь возможно гражданско-правовое регулирование оказания социальных и социально значимых услуг в отличие от публичных. При наличии общественно значимых целей в рамках исполнения публично-правовыми образованиями своих обязанностей, бюджетного финансирования и/или бюджетных субсидий допустимо ли говорить о государственных (муниципальных) нуждах?

Юбилею части второй ГК посвящены № 12 за 2025 г. и № 1 за 2026 г. журнала «Законы России: опыт, анализ, практика», где мы постарались осветить самые разнообразные договоры.

Применительно к деликтам произошло расширение круга обязательств вследствие причинения вреда (гл. 59 ГК), в т.ч. за счет установления ответственности лиц, выступающих от имени государства (еще один пример равенства всех субъектов гражданских правоотношений), а также увеличение количества норм об обязательствах вследствие неосновательного обогащения (гл. 60 ГК).

– И буквально несколько слов о грядущих юбилеях – частях третьей и четвертой ГК.

– Если продолжить тему договорного права, то отмечу расширение круга договоров за счет наследственных отношений. Помимо изменения с принятием в 2001 г. части третьей ГК очередности оснований наследования (завещание встало на первое место, опередив закон - ст.1111), с 2018 г. корректнее говорить о наследовании по волеизъявлению наследодателя и по закону. Первое включает в себя завещание как одностороннюю сделку и наследственный договор как многостороннюю сделку (ст.ст. 1111, 1118 ГК).

А вообще наследственное право, долгое время бывшее весьма консервативной подотраслью гражданского права переживает бум развития. Это касается расширения круга объектов и введения особенностей наследования отдельных видов имущества, наследников, форм распоряжения имуществом на случай смерти и ряда других вопросов.

Из части второй ГК перенесены в силу их специфики в часть четвертую договоры в сфере создания, использования и реализации результатов творческой деятельности, которые и в ГК РСФСР 1964 г. стояли обособленно.

Изменились формулировки применительно к правовому регулированию отношений по поводу создания, использования и отчуждения результатов творческой деятельности. Конституционный термин «интеллектуальная собственность» (ч. 1 ст. 44, подп. о) ст.71 Конституции РФ), фигурировавший в первой редакции ст. 2 ГК, заменен на введенный частью четвертой ГК «интеллектуальные права» с расширением содержания от «прав [исключительных – по тексту; В. Д.] на результаты интеллектуальной деятельности» до «прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации». Наряду с критикуемой научной общественностью (В. А. Дозорцев, И. А. Зенин)

слабостью с точки зрения системности и логичности правового регулирования отношений по созданию, использованию и отчуждению результатов творческого труда часть четвертая ГК «страдает» несогласованностью с общей характеристикой предмета гражданского права, гражданского законодательства (ст. 2 ГК). Но ее оценка – дело «узких» специалистов.

– И, возвращаясь к нашему первому вопросу, Ваша оценка этих изменений?

– Как позитивные моменты можно выделить такие тенденции развития гражданского кодифицированного законодательства России как: больший охват частноправовым регулированием общественных отношений, расширение круга участников правоотношений, реструктуризация системы объектов гражданских прав, изменения обязательственного права, взаимопроникновение и сочетание частно- и публично-правового регулирования, гуманизация и социализация частного права, развитие юридической техники. Все они призваны обеспечивать стабильность российского государства, прогресс общества и экономики.

Журналу и его команде желаю занимать ведущие позиции во всех списках: ваковском, белом и т.д. Читателям – на страницах этого журнала знакомиться с интересными статьями и умными авторами. Всем - здоровья и успехов!

Интервью брали:

Галкин Владислав Игоревич
кандидат юридических наук,
кафедра гражданского права,
директор, Институт частного
права, Московский государственный
юридический университет
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

Карташов Александр Викторович
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры финансового
права, Юридический институт,
Московского государственного
юридического университета
им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ДОЛЖЕНКОВА Екатерина

кандидат политических наук, доцент, Высшая школа юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

БУЛГАЕВА Анна Александровна

независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УПРОЩЕНИЯ ТАМОЖЕННЫХ ПРОЦЕДУР В МИРОВОЙ ТОРГОВЛЕ

В работе исследуются способы упрощения торговых процедур, а также особенности регулирования данных механизмов на универсальном и региональном уровнях. С помощью формально-юридического и сравнительно-правового методов основополагающие международные документы в данной области анализируются на предмет закрепления положений, упрощающих и гармонизирующих трансграничное перемещение товаров. В ходе исследования выделяются основные инструменты упрощения таможенных процедур (система управления рисками, институт уполномоченного экономического оператора, применение предварительного информирования, цифровизация и прозрачность процедур), рассматривается, как данные механизмы способствуют повышению эффективности международной торговли. Анализ показывает, что ключевую роль в совершенствовании внешнеэкономической деятельности государств играют унификация международных норм, согласованность в работе государственных органов и участников внешнеэкономической деятельности, а также обеспечение прозрачности процедур контроля. Полученные результаты подчеркивают актуальность совершенствования правового регулирования упрощения таможенных процедур для развития глобальной торговли.

Ключевые слова: международная торговля, международное таможенное регулирование, уполномоченные экономические операторы, система управления рисками, цифровизация внешнеэкономической деятельности.

DOLZHENKOVA Ekaterina

Ph.D. in Political Sciences, associate professor, Higher School of Law and Forensic Science, Humanities Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

BULGAeva Anna Alexandrovna

independent researcher, St. Petersburg

INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS FOR SIMPLIFICATION OF CUSTOMS PROCEDURES IN WORLD TRADE

The article examines ways to simplify trade procedures, as well as the specifics of regulating these mechanisms at the universal and regional levels. Using formal legal and comparative legal methods, the fundamental international documents in this field are analyzed to establish provisions that simplify and harmonize the cross-border movement of goods. The study highlights the main tools for simplifying customs procedures (a risk management system, the institution of an authorized economic operator, the use of advance information, digitalization and transparency of procedures), and examines how these mechanisms contribute to improving the efficiency of international trade. The analysis shows that the key role in improving the foreign economic activity of states is played by the unification of international norms, consistency in the work of government agencies and participants in foreign economic activity, as well as ensuring transparency of control procedures. The results obtained emphasize the relevance of improving the legal regulation of customs simplification for the development of global trade.

Keywords: international trade, international customs regulation, authorized economic operators, risk management system, digitalization of foreign economic activity.

Долженкова Е.

Булгаева А. А.

В современных условиях глобализации и развития международной торговли особое значение приобретают правовые инструменты, обеспечивающие оперативное и прозрачное перемещение товаров через границу. Трансграничные операции требуют соблюдения множества формальностей, ведения документации и прохождения таможенного контроля, что повышает издержки участников внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) и замедляет международные торговые процессы. Согласно актуальной информации, предоставленной в отчете Всемирной таможенной организации (далее – ВТамО), процедуры таможенного контроля занимают не менее 30% от общего времени оформления грузов [5].

Для повышения эффективности международного экономического сотрудничества на протяжении последних лет активно разрабатываются механизмы упрощения и гармонизации таможенных процедур, направленные на устранение торговых барьеров и ускорение товарооборота. Между тем, несмотря на нормативное закрепление единых стандартов в этой области, вопросы регламентирования и практической реализации данных механизмов на региональном уровне остаются предметом активного научного обсуждения, что свидетельствует о высокой актуальности исследуемой проблемы.

Важнейшими международными актами, устанавливающими основополагающие положения об упрощении процедур торговли, являются Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур (Пересмотренная Киотская конвенция)¹, Соглашение Всемирной торговой организации (далее – ВТО) об упрощении процедур торговли² и Рамочные стандарты безопасности и упрощения процедур глобальной торговли ВТамО³. На региональном уровне этот

- 1 Международная конвенция об упрощении и гармонизации таможенных процедур от 18.05.1973 года (в ред. Протокола от 26.06.1999) // Бюллетень международных договоров. – 2012. – № 5. – С. 32-33.
- 2 Соглашение об упрощении процедур торговли (Trade Facilitation Agreement) от 27.11.2014 г. // Всемирная торговая организация. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.wto.org/english/tratop_e/tradfa_e/tradfatheagreement_e.htm (дата обращения: 07.03.2026).
- 3 Рамочные стандарты безопасности и упрощения мировой торговли (SAFE Framework of Standards) (в ред. от 2021 г.) // Всемирная таможенная организация. – [Электронный ресурс]. – Режим

вопрос регулируется Таможенным кодексом Евразийского экономического союза (далее – ТК ЕАЭС)⁴ и Соглашением Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН) о торговле товарами⁵.

В настоящем исследовании с помощью формально-юридического метода указанные акты анализируются на предмет определения содержания и правовой природы инструментов упрощения таможенных процедур. Одновременно использование сравнительно-правового метода направлено на сопоставление особенностей их нормативного закрепления на универсальном и региональном уровнях.

Ключевое место в системе международного таможенного регулирования занимает пересмотренная Киотская конвенция, поскольку закрепленные в ней положения задают общее направление развития таможенной политики государств, ориентированной на постепенное сокращение формальностей и повышение эффективности процедур. Конвенция охватывает широкий спектр инструментов, направленных на облегчение внешней торговли, к их числу относятся: налаживание обмена информацией между государственными структурами и участниками ВЭД, применение института предварительного информирования, использование риск-ориентированного контроля, а также формирование особого статуса уполномоченных экономических операторов [2].

Соглашение ВТО было принято с целью заполнения существующих пробелов в правовом регулировании данного вопроса, а именно, оно содержит уточняющие нормы в части сокращения формальностей процедур таможенного оформления товаров и документооборота, также оно направлено на повышение открытости и предсказуемости соответствующих процедур. Хотя его содержание соотносится с положениями Пересмотренной Киотской конвенции, закрепление этих норм на уровне ВТО подчеркивает значимость упрощения таможенных процедур для функционирования глобальной экономики. В данном акте регулируются порядок перемещения товаров через границу и процедуры таможенного контроля, механизмы предварительного информирования и вынесения решений, а также закрепляется минимизация документальных требований, что способствует ускорению выпуска товаров и сокращению издержек участников ВЭД. Кроме того, в Соглашении учреждается специализированный Комитет, призванный содействовать реализации и соблюдению положений документа [3].

Среди актуальных приоритетов ВТО в сфере развития международного экономического сотрудничества на данный момент выступают: цифровизация и координация деятельности государственных органов, поддержка электронной торговли, взаимное признание статуса уполномоченного экономического оператора.

Важное значение в вопросе унификации международных норм в контексте либерализации внешнеторговых операций имеют Рамочные стандарты ВТамО, направленные на создание единых принципов и критериев осуществления безопасной международной торговой деятельности. Данный проект учреждает новую концепцию сквозного управления товарами, предусматривающую усовершенствование процедур контроля отправок за счет внедрения системы «единого окна» – предварительного направления добросовестными участниками ВЭД всех требуемых документов в единственную инстанцию. Этот подход нацелен на достижение единообразия торговых цепей поставок, укрепления сотрудничества между государственными органами и внешнеторговыми операторами, а также снижения затрачиваемого времени на прохождение досмотров на границе [1].

Актом, содержащим положения об упрощении торговых процедур, является Таможенный кодекс ЕАЭС. В нем провозглашаются такие базовые принципы, как равное положение участников ВЭД, прозрачность и открытость правового регу-

лирования, гармонизация международных и региональных правовых норм, внедрение современных технологий таможенного контроля. Отдельное внимание уделяется цифровизации торговых операций, внедрению системы предварительного декларирования товаров и выдачи предварительных решений, применению системы управления рисками, что призвано ускорить проведение таможенных процедур и снизить нагрузку на участников ВЭД.

Еще одним региональным актом, устанавливающим нормы, которые способствуют упрощению международных торговых процессов, выступает Соглашение АСЕАН о торговле товарами. В Преамбуле Соглашения главной целью провозглашается создание единого открытого рынка перемещения товаров.

Для достижения поставленной цели государства-участники призваны внедрять меры по интеграции международно-правовых норм в региональное законодательство, которые направлены на устранение существующих торговых барьеров. Среди таких механизмов выделяются развитие системы управления рисками, обеспечение предсказуемости таможенных процедур, содействие созданию программ уполномоченных экономических операторов, а также осуществление предварительного информирования [4].

По результатам проведенного анализа нормативного регулирования способов упрощения таможенных процедур в универсальных и региональных актах удалось выявить возрастающую роль гармонизации существующих международных норм в торговой сфере, а также определить актуальные направления развития и особенности применения данных механизмов. Универсальными международными документами устанавливаются базовые положения, направленные на устранение административных барьеров в торговой деятельности участников международных экономических отношений: введение риск-ориентированного контроля, института предварительного информирования и декларирования при перемещении товаров через границу, а также института уполномоченного экономического оператора.

Региональными актами конкретизируются и дополняются положения универсального характера, относящиеся к реализации указанных инструментов, с учетом специфики регионов. Особое внимание уделяется цифровизации процессов, упрощению документооборота, равным условиям для участников ВЭД и повышению прозрачности таможенных процедур.

Ключевые факторы развития внешнеторговых отношений и повышения эффективности международного экономического сотрудничества – согласованность подходов нормативного регулирования торговых операций на всех уровнях, внедрение современных технологий контроля и обеспечение согласованности деятельности органов государственной власти и участников ВЭД. Тем самым, можно сделать вывод о том, что модернизация правовых инструментов упрощения таможенных процедур является важнейшей составляющей ускорения международного товарооборота и совершенствования глобальной экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Бударина Н. А. Перспективы упрощения процедур торговли в условиях цифровизации // Российский внешнеэкономический вестник. – 2022. – № 2. – С. 16-22.
 2. Климова И. А. Международно-правовые аспекты упрощения таможенных процедур торговли: дис. ... к. юрид. наук. – Москва, 2021. – С. 22.
 3. Климова И. А. Принцип упрощения процедур торговли в международном таможенном праве // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». – 2020. – № 7. – С. 28-35.
 4. Ревина С. Н., Григорян А. Х., Кирова А. А. К вопросу о реализации принципа упрощения процедур торговли в международном таможенном праве // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 3-1. – С. 181-183.
 5. Рыбак С. В., Хлопяникова Г. В. Упрощение и гармонизация таможенных процедур во внешней экономической деятельности // Проблемы и перспективы внешнеэкономической деятельности в условиях инновационного развития, модернизации и цифровизации: Материалы национальной конференции с международным участием, Брянск, 16 апреля 2025 года. – Брянск: Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, 2025. – С. 161-164.
- доступа: <https://www.wcoomd.org/-/media/wco/public/global/pdf/topics/facilitation/instruments-and-tools/tools/safe-package/safe-framework-of-standards.pdf> (дата обращения: 23.03.2026).
- 4 Таможенный кодекс Евразийского экономического союза: Приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза от 11.04.2017 // Евразийская экономическая комиссия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/3de/kb56d0a7rovh65bur3gjc0i7ux5xnafn/itia_12042017_doc.pdf (дата обращения: 18.03.2026).
- 5 Соглашение АСЕАН о торговле товарами (ATTGA): принято в г. Чаме 26.02.2009 // Ассоциация государств Юго-Восточной Азии. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/treaties/details/315> (дата обращения: 18.03.2026).

ИРЖАНОВ Алимжан Самигуллович

кандидат юридических наук, главный специалист Центра публичного законодательства и государственного управления Института парламентаризма

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ ДОГОВОРОВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ

Настоящая статья посвящена рассмотрению некоторых проблем имплементации международных договоров как ключевого механизма реализации международно-правовых обязательств на внутригосударственном уровне. В статье исследуются теоретические основания имплементации через призму монистической и дуалистической концепций соотношения международного и национального права, проводится сравнительный анализ конституционно-правовых моделей имплементации в Республике Казахстан и Российской Федерации. В статье внимание уделяется проблемам между международными обязательствами и нормами внутреннего права, вопросам прямого действия международных договоров, а также трансформации роли международного договора в условиях «мягкого права». В заключении содержатся предложения по совершенствованию национальных механизмов имплементации применительно к Казахстану и России.

Ключевые слова: имплементация международных договоров, монизм, дуализм, прямое действие международного договора, коллизия норм, суверенитет, «мягкое» право.

IRZHANOV Alimzhan Samigulayevich

Ph.D. in Law, senior specialist of the Center for public legislation and public administration of the Institute of Parliamentarism

ON SOME ISSUES OF TREATY IMPLEMENTATION IN INTERNATIONAL LAW

This article is devoted to examining certain issues of the implementation of international treaties as a key mechanism for realizing international legal obligations at the domestic level. The study explores the theoretical foundations of implementation through the lens of monist and dualist approaches to the relationship between international and national law, and conducts a comparative analysis of constitutional and legal models of implementation in the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation. The article focuses on the challenges arising between international obligations and domestic law, the issues of direct effect of international treaties, as well as the transformation of the role of international treaties in the context of «soft law». The conclusion provides recommendations for improving national mechanisms of implementation with regard to Kazakhstan and Russia.

Keywords: implementation of international treaties, monism, dualism, direct effect of international treaties, conflict of norms, sovereignty, «soft» law.

Введение

Международный договор в современном праве занимает положение, определяемое не только его правовой природой, но и той функцией, которую он выполняет в качестве связующего звена между международным правом и правовыми системами суверенных государств. Способность международно-правовых норм непосредственно воздействовать на поведение субъектов внутригосударственных отношений во многом определяется тем, насколько эффективно выстроен механизм трансформации международных обязательств, принятых государством, в действующие нормы национального права.

Актуальность исследования современных аспектов имплементации обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, интенсификация международного договорного процесса на протяжении второй половины XX – начала XXI века привела к значительному расширению круга международных обязательств, которые государства обязаны ввести в свои правовые системы. Во-вторых, практика реализации этих обязательств обнаруживает ряд проблем: коллизии между нормами международных договоров и конституционными положениями, неопределенность пределов прямого действия международно-правовых норм, несогласованность судебной практики. В-третьих, современные тенденции развития международ-

ного права – в частности, нарастающее значение «мягкого права», экспансия транснационального регулирования, цифровизация правовых отношений – создают принципиально новые вызовы для концепции имплементации, выработанной применительно к классической системе источников международного права.

Не менее существенно, то обстоятельство, что такие государства, как Республика Казахстан и Российская Федерация, будучи участниками значительного числа международных договоров и активными субъектами евразийской интеграции, сформировали весьма различающиеся по своим характеристикам модели имплементации.

Методологическую основу исследования составляют диалектический, сравнительно-правовой, системно-структурный и другие методы. В статье использованы монографические труды ученых в области международного публичного права – И. И. Лукашука, Б. Л. Зимненко, И. Клабберса, С. В. Черниченко и др., а также международные договоры, законы, акты конституционных судов.

Основная часть

Понятие «имплементация» (от лат. *implementum* – наполнение, осуществление) в контексте международного права означает совокупность правовых и организационных мер,

Иржанов А. С.

посредством которых государство обеспечивает практическое применение принятых им международных обязательств на внутригосударственном уровне.

Понятие «имплементация» в своих исследованиях рассматривают многие ученые, подчеркивая его неопределенность, различное содержание и смысл. Так, В. Я. Суворова указывает, что термин «имплементация» имеет право на существование как синоним термина «реализация», т. е. воплощение норм в практической деятельности государств и других субъектов [1]. Другой позиции придерживается Афоничкина Н. В., которая указывает, что категория «имплементация международного права» не охватывает все вопросы реализации международного права, и поэтому категория «реализация права» является самостоятельной правовой категорией [2]. Кроме того, распространенной точкой зрения является то, что имплементация определяется как целенаправленную организационно-правовую деятельность государств, предпринимаемую индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств [3]. Несколько иначе уже рассматривает данное понятие С. В. Черниченко, указывающий на то, что оно может быть использовано для обозначения воздействия норм международного права на внутригосударственные отношения через внутригосударственное право [4].

Теоретической основой теории имплементации служат две конкурирующие доктрины о природе соотношения международного и внутригосударственного права – монизм и дуализм. Монистическая теория, восходящая к трудам Г. Кельзена и Г. Лаутерпахта [5], исходит из единства правовой системы мира, в рамках которой международное право обладает приматом над национальным.

Дуалистическая концепция, разработанная Г. Триппелем и Д. Анцилотти [6], рассматривает международное и внутригосударственное право как самостоятельные и принципиально раздельные системы, каждая из которых действует в своей собственной сфере. С позиций дуализма международный договор порождает обязательства для государства как субъекта международного права, однако сам по себе не является частью внутреннего права и не может порождать прав и обязанностей для частных лиц без специального акта государственной воли, трансформирующего международную норму во внутреннюю.

Между тем, ни один из «чистых» вариантов теорий не получила полного воплощения в национальном праве. Большинство современных государств придерживается промежуточных, «умеренно монистических» или «умеренно дуалистических» моделей, допускающих ограниченное прямое применение международных норм при сохранении принципиальных механизмов их трансформации. При этом, например, Й. Клабберс указывает на то, что «дихотомия монизма и дуализма редко определяет реальную практику государств: суды применяют международное право, не задаваясь вопросом о теоретической модели, в результате чего соответствующие теории выполняют скорее вспомогательную и обосновывающую функцию, нежели объяснительную» [8].

В целом принято выделять три основных способа введения международно-договорных норм во внутреннее право: инкорпорацию, трансформацию и отсылку. В реальной правовой практике государства, как правило, комбинируют все три метода в зависимости от предмета международного договора, его самоисполнимости и конституционных требо-

ваний. В связи с этим актуальным является вопрос о «самоисполнимости» (self-executing) международных договоров – то есть о том, способна ли конкретная договорная норма применяться судом или административным органом непосредственно, без дополнительного имплементирующего законодательства. Данная проблема, восходящая к решению Верховного суда США по делу *Foster v. Neilson* (1829), по-прежнему не имеет единого доктринального решения [9].

В этом контексте обращение к национальному законодательству Республики Казахстан и Российской Федерации представляется необходимым, поскольку конституционные положения не только закрепляют базовые принципы приоритета и непосредственного применения международных договоров, но и задают вектор для последующего нормативно-правового регулирования. Дальнейший анализ требует рассмотрения того, каким образом данные конституционные установки конкретизируются в отраслевом законодательстве, правоприменительной практике и актах толкования, формируя целостную модель имплементации международного права в правовой системе Казахстана и России.

Конституция Республики Казахстан, принятая на референдуме 30 августа 1995 года, закрепила в пункте 3 статьи 4 следующее положение: «Международные договоры, ратифицированные Республикой, имеют приоритет перед ее законами и применяются непосредственно, кроме случаев, когда из международного договора следует, что для его применения требуется издание закона». Данная норма устанавливает два принципиальных начала: примат ратифицированного международного договора над законом и принцип непосредственного применения. Вместе с тем Конституция Казахстана не решает вопрос о соотношении международных договоров с самой Конституцией, оставляя его на усмотрение Конституционного суда.

Между тем, в Конституции Республики Казахстан, принятой на референдуме 15 марта 2026 года, исключается норма о приоритете ратифицированных международных договоров над национальными законами, что свидетельствует об отказе от монистической концепции соотношения международного и внутригосударственного права. В рамках теории монизма международное и национальное право рассматриваются как элементы единой правовой системы, при которой нормы международного права интегрируются во внутренний правовой порядок автоматически и, как правило, обладают приоритетной юридической силой, не требуя принятия дополнительных нормативных правовых актов рецессии или трансформации для их применения внутри государства.

Исключение данного положения позволяет сделать вывод о переходе к иной модели конституционно-правового регулирования, основанной на дуалистическом подходе. В соответствии с дуалистической теорией международное и национальное право рассматриваются как две самостоятельные и автономные системы, международные обязательства государства сохраняют свою обязательную силу на международной арене, однако их применение во внутригосударственном праве возможно лишь после их трансформации или имплементации посредством принятия отдельных нормативных правовых актов.

Рассмотрим некоторые проблемные вопросы имплементации:

1. Относительно некоторых аспектов трансформации роли международного договора в условиях «мягкого права».

На протяжении второй половины XX века наряду с классической системой источников основанной на между-

народном договоре и обычае интенсивно развивается массив «мягкого права» (soft law) – резолюций, деклараций, рекомендаций и иных нормативных актов международных организаций и конференций, которые, не будучи юридически обязательными в строгом смысле, оказывают ощутимое нормативное воздействие на поведение государств. В условиях нарастания этого массива значение классического международного договора как главного инструмента регулирования претерпевает определенную трансформацию, т.е. государства все чаще прибегают к мягко-правовым инструментам именно потому, что они не требуют ратификации, а, следовательно, и имплементации в традиционном смысле.

Данное положение создает теоретическую и практическую проблему. С одной стороны, составляющие «мягкого» права позволяют достичь регулятивного эффекта в сферах, где заключение обязывающих договоров представляется политически невозможным. С другой стороны, именно отсутствие механизмов имплементации означает, что национальные суды и административные органы лишены четких правовых оснований для применения соответствующих норм.

В научной литературе некоторыми авторами признается, что нормы «мягкого права» способны оказывать влияние на национальные правовые порядки не только через формальную имплементацию, но и посредством правоприменительного толкования. Национальные суды нередко используют положения международных деклараций, резолюций и иных необязывающих актов как ориентиры при интерпретации действующего законодательства. Как отмечают исследователи, мягкое право «может влиять на развитие, толкование и применение международного права», несмотря на отсутствие формальной обязательной силы. В этом смысле можно говорить о своеобразной «квазиимплементации» мягкого права, при которой его положения приобретают практический эффект без их прямого включения в систему источников права [10]. Аналогичный подход был предложен в работах Б. Л. Зимненко. По его мнению «...их эффективность зависит не только от их реализации в сфере международных отношений, но и от применения указанных норм в сфере отношений с участием субъектов национального права», что позволяет сделать вывод о реализации таких норм без обязательной формальной трансформации [11].

2. Некоторые вопросы коллизии между международными обязательствами и национальным правом.

Механизмы разрешения коллизий между международным договором и законом в российском и казахстанском праве в целом сходны, поскольку обе правовые системы закрепляют приоритет ратифицированных международных договоров над национальным законодательством. В Российской Федерации, в соответствии с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации», суд при выявлении противоречия обязан исходить из приоритета международного договора и применять его нормы непосредственно, отступая от противоречащих положений закона¹.

В Республике Казахстан аналогичный принцип закреплен в пункте 3 статьи 4 Конституции 1995 г., согласно которому ратифицированные международные договоры имеют приоритет перед законами. В Конституции 2026 г. данное положение было исключено в связи, с чем данный вопрос будет в дальнейшем рассматриваться.

3. О некоторых аспектах проблемы суверенитета государства и пределов обязательств при имплементации международных договоров.

Проблема пределов суверенитета государств при имплементации международных договоров относится к числу наиболее актуальных в науке международного права. Наука международного права разработала ряд конструкций, позволяющих государству сохранять баланс между суверенитетом и международными обязательствами. Важнейшими из них являются институт оговорок (reservations), регулируемый статьями 19-23 Венской конвенции 1969 года, и доктрина «существенного изменения обстоятельств» (rebus sic stantibus), закрепленная в статье 62 той же Конвенции. Вместе с тем практика показывает, что обширные оговорки к договорам по правам человека нередко критикуются международными организациями и органами как несовместимые с объектом и целью договора.

Наибольший интерес также представляет вопрос соотношения суверенитета и имплементации в контексте интеграционных объединений. Членство в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) означает, что Казахстан и Россия делегировали часть своих суверенных полномочий наднациональному органу – Евразийской экономической комиссии (ЕЭК). Нормативные акты ЕЭК действуют непосредственно на территории государств-членов без необходимости дополнительной ратификации, что существенно изменяет характер процесса имплементации для данной категории норм, т.е. она осуществляется не самим государством через внутренние процедуры ратификации, а наднациональным институтом посредством прямого нормативного регулирования.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд следующих выводов.

1. Представляется обоснованным тезис о том, что ни монизм, ни дуализм в их классических версиях не описывают адекватно реальную практику государств по имплементации международных договоров. Современные правовые системы функционируют в режиме «прагматического плюрализма»: они инкорпорируют нормы международного права в тех пределах и теми средствами, которые соответствуют конституционным ценностям и политическим приоритетам государства, не руководствуясь какой-либо единой теоретической схемой. Это означает, что теоретические представления об имплементации нуждаются в переориентации от универсальных теоретических схем к анализу конкретных институциональных механизмов и правоприменительных практик.

2. В Республике Казахстан основная проблема состоит не в нормативной правовой базе, которая в целом соответствует международным обязательствам, а в правоприменении. В этой связи целесообразно рассмотреть предложение о принятии специализированного нормативного правового акта,

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.10.2003 N 5 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Ре-

который бы включал бы: четкие критерии самоисполнимости договорных норм; обязанность мотивировать неприменение международного договора при наличии релевантной нормы; механизм систематического учета практики международных договорных органов при толковании конвенций, а также закреплении статуса международных договоров и иных международных обязательств в правовой иерархии. Другим предложением является создание в Министерстве иностранных дел и (или) Министерстве юстиции Казахстана специализированного органа мониторинга имплементации международных договоров.

3. В Российской Федерации ситуация изменилась после внесения конституционных поправок 2020 года, в частности изменений в статью 79 Конституции. Согласно этой статье, решения межгосударственных органов, принятые на основании международных договоров и признанные Конституционным Судом РФ, противоречащими Конституции, не подлежат исполнению на территории Российской Федерации. Эти изменения устанавливают дополнительное уточнение к применению международных решений в российской правовой системе, сохраняя при этом положения ч. 4 ст. 15 Конституции о приоритете ратифицированных международных договоров перед федеральными законами. В связи с этим целесообразно рекомендовать законодательное закрепление механизма «диалога» между Конституционным судом и международными органами, аналогичного немецкой модели Solange, при котором Конституционный суд остается последней инстанцией и мотивирует отказ от применения международной нормы, если она признается противоречащей Конституции, что создает возможность учитывать интересы, защищаемые международным актом. Аналогичную рекомендацию можно сделать и для Конституционного Суда Республики Казахстан.

4. В рамках теории целесообразна необходимость разработки концепции «динамической имплементации» как альтернативы традиционному внедрению международных норм. Данная концепция может включать следующие: тезис о многоуровневой имплементации, предусматривающий участие негосударственных акторов в процессах мониторинга имплементации, осуществляемое через институционализированные правовые механизмы при сохранении ведущей роли государства; функциональная эквивалентность, ориентирующая имплементацию на достижение целей международной нормы, а не на ее формальное воспроизведение; внедрение обратной связи, обеспечивающего адаптивную корректировку имплементирующих механизмов.

Таким образом, имплементация международных договоров представляет собой сложный, многоуровневый процесс, опосредующий взаимодействие международного и национального правопорядков. Теоретические дискуссии о монизме и дуализме, при всей их научной ценности, в современных условиях уступают место анализу конкретных институциональных решений и правоприменительных практик, в которых государства реализуют свои договорные обязательства. В целом следует отметить, что международный договор остается основным инструментом, посредством которого государства принимают на себя взаимные обязательства и формируют основы международного правопорядка. Обеспечение его добросовестного исполнения – не только международно-правовая обязанность, но и фундаментальный интерес каждого государства, ориентированного на развитие в современных условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Суворова В. Я. Обеспечение реализации договорных норм международного права (юридическая природа) // Советское государство и право. – 1991. – № 9. – С. 116-122.
2. Афоничкина Н. В. Теоретические вопросы понимания имплементации международного права в правовой системе государства // Вестник Оренбургского Государственного Университета. – 2011. – № 3 (122). – С. 5-12.
3. Гавердовский А. С. Имплементация норм международного права. – Киев, 1980. – 320 с.
4. Черниченко С. В. Международное право: современные теоретические проблемы. – М., 1993. – 295 с.
5. Кельзен Г. Чистое учение о праве / пер. с нем. М. В. Антонова и А. Ю. Абрамова. – СПб., 2015. – С. 430-450.; Lauterpacht, H. International Law and Human Rights. – London, 1950 и др.
6. Трипель Г. Международное и внутрисударственное право / пер. с нем. под ред. А. Г. Степанова. – М., 2017.
7. Анцилотти Д. Курс международного права. Том 1: Введение – Общая теория / пер. с итал. А. Л. Саккетти; Под ред. Д. Б. Левина. – М., 1961.
8. Klabbers J. International Law. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: DOI: <https://doi.org/10.1017/SBO9781139022569> (дата обращения: 12.02.2026).
9. Осминин Б. И. Вопросы самоисполнимости международных договоров (на примере США, Нидерландов и России) // Журнал российского права. – 2012. – № 6. – С. 80-90. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-samoispolnivosti-mezhdunarodnyh-dogovorov-na-primere-ssha-niderlandov-i-rossii> (дата обращения: 15.03.2026).
10. Shelton, Dinah L., Soft Law. Handbook of International Law, Routledge Press, 2008, GWU Legal Studies Research Paper No. 322, GWU Law School Public Law Research Paper No. 322. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=1003387> (дата обращения: 18.03.2026).
11. Зимненко Б. Л. Международное право и правовая система Российской Федерации. Общая часть: курс лекций. – М.: Статут, «РАП», 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/edu/student/download_books/book/zimnenko_bl_mezhdunarodnoe_pravo_pravovaja_sistema_rossijskoj_federacii_obshhaja_chast/ (дата обращения: 18.02.2026).

КИСЛИЦЫНА Наталия Феликсовна

кандидат юридических наук, доцент, старший преподаватель кафедры международного и интеграционного права, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

COVID-19: КАК ИЗМЕНИЛСЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ТРАНСПОРТ?

События, которые происходили в период с 2019 по 2021 гг., до сих пор оказывают влияние на строительно-образующую отрасль любого самостоятельного государства. Возникает вопрос, является ли данное влияние позитивным или негативным. И еще, какая все-таки отрасль является основополагающей для государства. Одним из упомянутых событий особо выделяется пандемия COVID-19, которая началась с декабря 2019 года и продолжалась до 2021 года. Именно пандемия представляла и, если в будущем произойдет похожая, представляет собой угрозу не только для жизни и здоровья людей, но и очень негативно влияет на развитие, как самого транспорта, так и транспортной инфраструктуры. Общеизвестно, что существует прямо пропорциональная зависимость между развитием транспорта и его инфраструктуры и ростом экономики государства. В связи с этим в данной статье проводится анализ как статистических данных по миру и в рамках ЕС, а также правовых актов, разработанных для поддержания транспортной отрасли, преимущественно, железнодорожный транспорт.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, Европейский союз, статистика, пандемия, международно-правовые акты.

KISLITSYNA Nataliya Feliksovna

Ph.D. in Law, associate professor, senior lecturer of International and integration law sub-faculty, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

COVID-19: HOW HAS RAIL TRANSPORT CHANGED?

The events that took place between 2019 and 2021 still have an impact on the country-forming industry of any independent state. The question arises whether this influence is positive or negative. And yet, what kind of industry is fundamental for the state? One of the mentioned events is the COVID-19 pandemic, which began in December 2019 and lasted until 2021. It was the pandemic that posed, and if a similar one occurs in the future, it poses a threat not only to human life and health, but also has a very negative impact on the development of both transport and transport infrastructure. It is well known that there is a directly proportional relationship between the development of transport and its infrastructure and the growth of the state economy. In this regard, this article analyzes both statistical data around the world and within the EU, as well as legal acts developed to support the transport industry, mainly rail transport.

Keywords: railway transport, European Union, statistics, pandemic, international legal acts.

Железнодорожный транспорт, на сегодняшний день, несмотря на достаточно быстрый технологический прорыв, является одним из ведущих видов транспорта, как для всего мирового сообщества в целом, так для каждого государства в отдельности. О роли железнодорожного транспорта в современных условиях; о том, что он является связующим звеном между развитием экономики государства и возможностью этого государства полноценно осуществлять свою внешнюю политику на международной арене, упоминается в работах многих ученых [11, с. 56]. Для наиболее правильного и грамотного использования данного вида транспорта и его инфраструктуры, прежде всего, необходимо наличие адекватной правовой базы, способной быстро реагировать на возникающие нововведения, способной защитить как права пассажиров, так и права других лиц, задействованных в этом виде транспорта.

Для того, чтобы правовая база оказалась действительно эффективной, необходимо, на наш взгляд, учитывать два важных фактора. Первый заключается в том, что реализация серьезных проектов, включающих железнодорожный транспорт, может иметь успех при наличии тесного международного сотрудничества. Само международное сотрудничество включает в себя ведение согласованной политики на всех уровнях регулирования. Напомним, что сегодняшние реалии демонстрируют нам несколько уровней: национальный уровень (создание законодательной базы на территории суверенных государств); региональный уровень (создание правовой базы в рамках конкретных регионов, с учетом специфики этого региона) и, наконец, универсальный уровень регулирования (создание норм и принципов международного транспортного права). Все указанные уровни между собой взаимодействуют, взаимодополняют друг друга. Второй важный фактор заключается в реализации так называемой «кодификации и прогрессивного развития междуна-

родного транспортного права».

В данной статье будут рассмотрены примеры регионального сотрудничества государств в рамках Европейского союза (далее ЕС). Акцент смещен на непосредственные действия институтов ЕС. Первый аспект, который нас интересует, состоит в том, какого рода акты принимаются институтами ЕС для развития железнодорожного транспорта, насколько их положения способны активизировать рынок в будущем железнодорожного транспорта. Второй аспект – на каком сейчас уровне находятся отношения государств-членов ЕС и институтов ЕС. Выполняются ли положения нормативно-правовых актов государствами-членами? Существуют ли препятствия экономического, политического характера в реализации принимаемых по железнодорожному транспорту актов? Совпадают ли цели ЕС, как интеграционного объединения и каждого государства-члена в отдельности?

Возвращаясь к ранее указанному термину «кодификация и прогрессивное развитие международного транспортного права», следует отметить, что он играет одну из важнейших ролей в современных международных отношениях. Только тесное сотрудничество, постоянный мониторинг способности существующей правовой базы регулировать вновь возникающие отношения, области, отрасли, позволит государствам и международным организациям, а также интеграционным объединениям разрабатывать актуальные нормы международного транспортного права, касающиеся железнодорожного транспорта.

Более того, как показывает практика, начало XXI века характеризуется серьезными катаклизмами: финансовые кризисы, военные действия на территориях государств и, наконец, глобальная ситуация, сотрясающая весь мир, пандемия COVID-19. Возникает вопрос, каким образом все указанные катаклизмы связаны с настоящим и будущим железнодо-

TIME	2018Q3	2018Q4	2019Q1	2019Q2	2019Q3	2019Q4	2020Q1	2020Q2	2020Q3	2020Q4
GEO										
Germany (until 1990 former territory of the FRG)	84,593	84,899	88,274	85,246	84,931	82,107	85,301	71,448	78,318	85,076
Spain	6,628	6,422	6,906	6,561	6,312	5,516	5,608	4,467	5,217	5,521
France	21,357	21,698	23,681	23,411	23,073	17,681	19,890	16,591	20,324	21,604
Italy	22,891	24,099	24,262	24,173	22,035	22,471	23,603	19,551	20,888	24,531
Latvia	12,304	13,154	11,660	10,254	9,729	9,847	5,983	5,580	5,868	6,518

рожного транспорта? Ответ находится на поверхности. В целом весь транспорт является стронообразующей отраслью. Это означает, что то, каким образом организовано развитие транспорта и его инфраструктуры в государстве, от этого зависит, сможет ли это государство выйти на должный экономический уровень взаимодействия с остальными акторами. Именно транспорт определяет, сможет ли государство быть экономически сильным, способным осуществлять большое количество перевозок грузов, пассажиров и багажа.

Наглядным примером негативного влияния пандемии COVID-19 следует рассматривать те статистические данные, предоставленные официальным статистическим управлением ЕС – Евростатом [13].

На данной таблице представлены поквартальные цифры, указывающие количество перевезенного груза железнодорожным транспортом, исчисляемого в тысячах тонн. Таким образом, мы видим, что основной провал в перевозке грузов пришелся на второй квартал 2020 года. Если в 2019 году в первом квартале в Германии перевезли 88 тысяч 274 тонны груза, то во втором квартале 2020 года, эта цифра составила 71 тысячу 48 тонн, на 17 тысяч тонн меньше. Именно во втором квартале по территории всей Европы объявляли локдауны, закрывались границы между странами. Фактически самым первым под удар попал транспорт, в том числе и железнодорожный.

Объектом исследования является железнодорожный транспорт, как один из стронообразующих видов транспорта.

Предметом исследования конкретные действия суверенных государств экономического и правового характера, прежде всего, на региональном уровне, направленные на укрепление железнодорожного транспорта в качестве одного из ведущих.

Цель исследования заключается в выявлении всех существующих экономических и правовых средств и способов, направленных на поддержку железнодорожного транспорта в рамках сотрудничества государств. В качестве примера рассматривается деятельность Европейского союза (далее ЕС). Временной интервал, который представляет для нас интерес, достаточно продолжительный, начиная с 2007 года, а именно, с принятия Лиссабонского договора, который в корне изменил как структуру ЕС, так и направления его деятельности.

В процессе проводимого изучения темы статьи были использованы следующие методы исследования: общенаучные (диалектический, формально-логический, структурно-функциональный, анализа, синтеза, дедукции, индукции) и специальные (историко-правовой, сравнительно-правовой) методы познания. Степень разработанности исследования: если говорить непосредственно о проблемах экономического характера, связанных с транспортом и транспортной инфраструктурой, то данная проблематика является на сегодняшний день актуальна, как никогда. В работах отечественных ученых активно обсуждаются все те вызовы, с которыми сталкиваются государства, как на национальном уровне, так и на международном. Среди известных работ следует отметить статью профессора В. Г. Егорова «Глобальная экономика после коронавируса» [3, с. 35], в которой акцентируется внимание на тех последствиях, которые негативно сказываются как на мировой экономике, так и на национальных экономиках государств во время пандемии. Примечательным по данному вопросу является монография «Общество, экономика, право: актуальные вопросы и векторы развития» [4, с. 32-65], в которой в рамках главы 2, ученые Д. А. Кахрима-

нова, И. А. Мамедова рассматривают проблемы глобальных цепей поставок и пути их решения.

Что касается работ, в которых рассматриваются проблемы деятельности ЕС, следует обратить внимание на работы зарубежных ученых, таких как: Кристофер Ходж [5, р. 80]; Винсент Ламанд [10, р. 75]; Мустафа Теркис [7, р. 655].

Железнодорожный транспорт: роль и значение в транспортной политике ЕС

Говоря о железнодорожном транспорте, следует отметить, что этот вид транспорта продолжает оставаться одним из лидирующих. Более того, этот вид транспорта является связующим звеном в мультимодальных перевозках.

Итак, Лиссабонский договор, который был принят в 2007 году и вступил в силу в 2009 году¹, в корне изменил всю как структурную систему ЕС, так и круг полномочий институтов ЕС. На сегодняшний день, Европейская комиссия обладает большим пакетом полномочий в продвижении транспортной политики ЕС.

Согласно Белой книге «Дорожная карта к единому европейскому транспортному пространству – к конкурентоспособной и ресурсоэффективной транспортной системе» (2011 г.)². ЕС будет укреплять свое международное сотрудничество в области транспорта, прежде всего, в области железнодорожной политики. ЕС стремится распространить правила внешнего рынка на своих соседей. С этой целью 1 июля 2011 года он присоединился к Организации международных железнодорожных перевозок (ОТИФ). Также ЕС не исключает и присоединения к Организации сотрудничества железных дорог (ОСЖД). Более того, 1 марта 2016 года было подписано соглашение о сотрудничестве между директором по мобильности и транспорту и ОСЖД. Успешно завершённые переговоры по Западно-балканскому договору о транспорте подготовят этот регион к интеграции их железных дорог с железными дорогами ЕС на основе честной конкуренции и взаимный доступ к инфраструктуре. ЕС также продвигает свой подход на глобальном уровне, включая открытие рынков транспортных услуг и товаров, что присутствует во всех соответствующих международных переговорах.

Более того, ЕС представляет свои государства-члены по всем вопросам политики в области железнодорожного транспорта в Экономической комиссии для Европы (ЭКЕ ООН / UNECE). 37 государств-членов ЭКЕ ООН подписали Совместную декларацию на встрече министров в феврале 2013 года³. Цели декларации заключаются в претворении в жизнь общих положений и условий для евро-азиатских грузовых железнодорожных перевозок. Также положения Совместной декларации предусматривают интеграцию двух европейских систем права железнодорожного транспорта,

1 Лиссабонский договор ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3c32722f-0136-4d8f-a03e-bfaf70d16349>.

2 Белая книга «Дорожная карта к единому европейскому транспортному пространству – конкурентоспособной и ресурсоэффективной транспортной системе» (2011 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52011DC0144>.

3 Совместный документ ЕС, Европейского железнодорожного агентства и Организации международных железнодорожных перевозок 2013 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 2013-10-24-mou-otif-move-era.pdf (europa.eu).

основой которых являются Межправительственная организация по международным железнодорожным перевозкам (ОТИФ) и Организация сотрудничества железных дорог (ОСЖД).

Интересным фактом в деятельности ЕС относительно развития железнодорожного транспорта является совместные действия ЕС, Европейского железнодорожного агентства и Организации международных железнодорожных перевозок. Согласно совместному документу, все три стороны: «признают взаимную выгоду в эффективном использовании ресурсов и соглашаются наладить более эффективное сотрудничество и координацию при разработке правовых положений в области взаимодействия и безопасности железных дорог, в частности, Технических спецификаций для взаимодействия (TSI) и Единых технических предписаний (UTP), а также другие действия, такие как создание и ведение различных железнодорожных регистров. В этом отношении стороны должны стремиться к устранению дублирования функций».

Правовая поддержка железнодорожного транспорта во время пандемии

Вспышка COVID-19 негативнейшим образом ударила по железнодорожному транспорту. Произошло резкое падение спроса на услуги железнодорожного транспорта. В связи с проведением каждым из государств-членов ЕС действий по локализации распространения пандемии (локдауны и закрытие границ), в целом сильно ударило по работе железнодорожных предприятий. В результате, институты ЕС в срочном порядке предприняли ряд мер правового характера. Например, 7 октября 2020 года Европейским парламентом, совместно с Советом ЕС принял регламент 2020/1429, касающийся мер по поддержке железнодорожного рынка ввиду распространения COVID-19⁴.

Также следует отметить еще один важный документ: международно-правовой документ Европейской комиссии, адресованный Европейскому парламенту, Совету ЕС, Европейскому экономическому и социальному комитету и Комитету регионов, затрагивающий проблематику, связанную с туризмом и транспортом в 2020 году. В данном документе акцентируется внимание на решении вопросов, которые возникли именно в результате пандемии. Все институты ЕС понимают, что та угроза, с которой столкнулись они и в целом весь мир, оказывает негативное воздействие на туризм, и соответственно на транспортную составляющую.

Если говорить непосредственно о мерах поддержки, следует обратить внимание на тот факт, в рамках ЕС так и не удалось принять так называемую «зонтичную» программу финансовой поддержки железнодорожного транспорта. Единственное, что удалось предпринять: 3 апреля 2020 года Европейская комиссия приняла временное положение о господдержке. При этом положением установлено, что государства-члены ЕС самостоятельно реализуют все указанные меры, более того за свой счет⁵.

В результате проведенного исследования, на наш взгляд, следует акцентировать внимание на таких аспектах как:

1. Пандемия COVID-19 на сегодняшний день представляет собой реальную угрозу не только каждому государству в отдельности, но и мировому сообществу в целом.

2. За последние 1,5 года согласно статистическим данным, особенно в период специальных мер, которые предпринимались государством, заметно сократилось число перевозок грузов, пассажиров и багажа с использованием всех видов транспорта, в том числе и железнодорожного.

3. Железнодорожный транспорт остается одним из ведущих видов транспорта при перевозке грузов, пассажиров и багажа. Более того, данный вид транспорта серьезно вовлекается в мультимодальные перевозки, в процесс перевозок с использованием транспортных коридоров.

4. Все без исключения государства на различных уровнях регулирования совершенствуют как правовую составляющую железнодорожного транспорта, так и его инфраструктуру, техническую составляющую.

5. И ЕС и на национальном уровне государств предпринимаются меры экономического, политического и правового характера с целью оказания помощи железнодорожному транспорту, который понес серьезные убытки в связи с пандемией.

Пристатейный библиографический список

1. Белая книга «Дорожная карта к единому европейскому транспортному пространству – к конкурентоспособной и ресурсоэффективной транспортной системе» (2011 г.). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:52011DC0144>.
2. Временное положение Европейской комиссии о господдержке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.railfreight.com/policy/2020/04/21/eu-commission-there-are-possibilities-to-reduce-the-costs-of-rail/?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=Newsletter%20week%202020-17.
3. Егоров В. Г. Глобальная экономика после коронавируса // Вестник московского государственного областного университета. – 2020. – № 2. – С. 35.
4. Кахриманова Д. Г., Мамедова И. А. Глава 2. Анализ современных проблем и противоречий в глобальных цепях поставок и зарубежный опыт их решения // В книге: общество, экономика, право: актуальные вопросы и векторы развития. – Петрозаводск, 2020. – С. 32–65.
5. Hodges C. European Union Legislation // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – Vol. 622. – 2009, 1. – Pp. 78–85.
6. Лиссабонский договор ЕС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://op.europa.eu/en/publication-detail/-/publication/3c32722f-0136-4d8f-a03e-bfaf70d16349>.
7. Türkes M., Gökgöz G. The European Union's Strategy towards the Western Balkans: Exclusion or Integration? // East European Politics and Societies. – Vol. 20. – 2006, 4. – Pp. 659–690.
8. Регламент ЕС 2020/1429. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 32020R1429 - EN - EUR-Lex (europa.eu).
9. Совместный документ ЕС, Европейского железнодорожного агентства и Организации международных железнодорожных перевозок 2013 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: 2013-10-24-mou-otif-move-era.pdf (europa.eu).
10. Lamande V., Samson I., Vinokurov E. Measuring Regional Economic Development in Russia // The Case of the Kaliningrad Oblast European Urban and Regional Studies. – Vol. 11. – 2004, 1. – Pp. 71–80.
11. Полудех С. С., Архипова С. И., Хмелевская О. В. Роль железнодорожного транспорта как районобразующего фактора в освоении и организации территории // Молодой ученый. – 2015. – № 9 (89). – С. 689–691. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/89/17758/> (дата обращения: 29.07.2021).
12. Колосов Ю. М. ООН и прогрессивное развитие международного права // Дипломатический ежегодник – 2005. – М.: Научная книга, 2006. – С. 79–86.
13. Статистические данные Евростат. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=rail_go_quartal&lang=en.

4 Регламент ЕС 2020/1429. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: EUR-Lex - 32020R1429 - EN - EUR-Lex (europa.eu).

5 Временное положение Европейской комиссии о господдержке. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.railfreight.com/policy/2020/04/21/eu-commission-there-are-possibilities-to-reduce-the-costs-of-rail/?utm_source=newsletter&utm_medium=email&utm_campaign=Newsletter%20week%202020-17.

МИННЕКАЕВА Дания Рафиковна

кандидат юридических наук, член Российской ассоциации международного права

ФИЛОСОФИЯ АТМОСФЕРЫ И АТМОСФЕРОЦЕНТРИЗМ В МЕЖДУНАРОДНОМ АТМОСФЕРНОМ ПРАВЕ: ОНТОЛОГИЯ, ГНОСЕОЛОГИЯ, АКСИОЛОГИЯ И ГЕРМЕНЕВТИКА

Основанием подтверждения возникновения новой отрасли права является ее философско-методологическое обоснование. Международное атмосферное право сформировалась как отрасль права в силу глобального и масштабного характера объектов (субъектов) международно-правового регулирования (метеорология, навигация, экология, экономика, геоинженерия, погода, воздух, климат, озон, охрана атмосферы, трансграничный вред и т.д.). Цель статьи: рассмотрение философии атмосферы и атмосфероцентризма через призму философских категорий: онтологии, гносеологии, аксиологии, герменевтики, логики, этики, эстетики. В статье применены логическая последовательность изложения материала, принцип детерминизма, методы статики и динамики, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Базируясь на доктрине, теоретических концепциях, научных взглядах, позициях, направлениях и школах классической философской науки, в данном исследовании вводятся новые понятия как «философия атмосферы (атмофилософия)» и «атмосфероцентризм». В исследовании кратко представлен генезис формирования международного атмосферного права.

Ключевые слова: философия, онтология, гносеология, герменевтика, аксиология, логика, этика, эстетика, философия атмосферы, атмосфероцентризм, логика науки, логический позитивизм, математическая логика, искусственный интеллект, верификация, международное атмосферное право, международное климатическое право, международное озоновое право, генезис.

MINNEKAeva Daniya Rafikovna

Ph.D. in Law, member of the Russian Association of International Law

THE PHILOSOPHY OF THE ATMOSPHERE AND ATMOSPHERE-CENTRISM IN INTERNATIONAL ATMOSPHERIC LAW: ONTOLOGY, EPISTEMOLOGY, AXIOLOGY AND HERMENEUTICS

The basis for confirming the emergence of a new branch of law lies in its philosophical and methodological foundation. International atmospheric law has emerged as a branch of law due to the global and large-scale nature of the objects (subjects) of international legal regulation (meteorology, navigation, ecology, economics, geoengineering, weather, air, climate, ozone, atmospheric protection, transboundary harm, etc.). Aim of the work: to examine the philosophy of the atmosphere and atmospherocentrism through the prism of philosophical categories: ontology, epistemology, axiology, hermeneutics, logic, ethics and aesthetics. The work employs a logical sequence of presentation, the principle of determinism, methods of statics and dynamics, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, as well as formal-legal and comparative-legal methods. Building upon the doctrines, theoretical concepts, scientific views, positions, trends and schools of classical philosophical science, this study introduces new concepts such as 'philosophy of the atmosphere (atmosphology)' and 'atmosphere-centrism'. The study briefly outlines the genesis of the formation of international atmospheric law.

Keywords: philosophy, ontology, epistemology, hermeneutics, axiology, logic, ethics, aesthetics, philosophy of the atmosphere, atmospherocentrism, logic of science, logical positivism, mathematical logic, artificial intelligence, verification, international atmospheric law, international climate law, international ozone law, genesis.

Введение (Introduction).

В настоящее время в условиях потепления климата (парниковый эффект), загрязнения воздуха, изменения озонового слоя и других глобальных проблем необходимость комплексного эффективного управления в сфере рационального использования и стабилизации естественного химического состава атмосферы, как первичного жизненно необходимого биоресурса, приобретает первостепенное значение. Создание научных, политических, экономических, экологических, финансовых, торговых, логистических, навигационных, международных, правовых, технологических, технических, методологических, социальных, медицинских и иных основ рационального управления атмосферой требует построения фундаментальной философии атмосферы (атмофилософии).

Цель исследования

Раскрыть понятие и сущность философии атмосферы (атмофилософии) как основы формирования международ-

ной политики и универсального управления естественным химическим состоянием атмосферы; проанализировать атмосфероцентризм как базовую категорию философии атмосферы и руководящий принцип действия в международной, региональной и национальной политике и в планетарном управлении.

Новизна исследования: определение атмофилософии как основы международной, национальной и региональной политики государств (иных субъектов) и международного управления; выделение принципа атмосфероцентризма как руководящего начала деятельности государств во всех областях народного хозяйства и глобального управления.

Материалы и методы (Materials and methods).

Философия – это рефлексия о последних (предельно общих) принципах (основаниях) бытия и познания, о смысле человеческого существования. Философия дистанцируется от любых форм наличного (сложившегося) знания, ставя их

Миннекаева Д. Р.

под вопрос и делая предметом рассмотрения их явные или неявные предпосылки.

В отличие от отдельных научных дисциплин (например, международного публичного и частного права), философия не ограничена в своем исследовании каким-либо специальным предметом и в зависимости от проблематики и подхода может использовать самые различные методы. Основными разделами философии являются: учение о бытии - онтология, теория познания - гносеология, логика, этика, эстетика.

Юридическая атмосфилософия включает в себя четыре основные базовые категории классического философского четырехугольника. Это фундаментальные категории классической философии, такие как: онтология, гносеология, герменевтика (экзегетика), аксиология.

Юридическая онтология атмосферы. Онтология - это раздел философии, учение о бытии, в котором исследуются всеобщие основы, принципы бытия, его структура и закономерности. Термин введен немецким философом Р. Гоклениусом в 1613 году. В основании юридической атмосфилософии лежит следующий постулат: атмосфера является первичной субстанцией бытия как такового. Атмосфера Земли является не просто объектом правовой охраны или пространственным ресурсом. Атмосфера является пределом существования любого биовида, пределом функционирования техносферы. Тем самым атмосфера выступает онтологическим фундаментом, на котором надстраиваются социальные, экономические, политические, правовые, технические, технологические, культурные, общественные и иные сферы, отрасли, области развития.

Таким образом, атмосферный императив - это первичный закон сохранения субстанции жизни, который должен определять логику возникновения, функционирования и развития всех отраслей науки, в том числе и международного публичного права, начиная от навигации и торговли до обеспечения глобальной биобезопасности и других аспектов.

Применительно к международному атмосферному праву центральной категорией онтологии атмосферы является «атмосфероцентризм». Атмосфероцентризм - это философская концепция (онтологический принцип философии атмосферы), усматривающая в понятии «атмосфера» основную категорию и исходящая из нее в объяснении процессов возникновения, становления и развития всего спектра общественных отношений, отраслей и сфер народного хозяйства, в частности, международного атмосферного права.

Результаты и дискуссия (Results and Discussion). Петер Слотердайт в работе «Сферы» ввел понятие «экспликация атмосфер» [9]. Он доказывает, что человек - это существо, которое живёт в пузырях и сферах. Он описал переход к эпохе, когда атмосфера из незаметного фона стала объектом управления и защиты. Чтобы понять этапы перехода необходимо рассмотреть генезис возникновения, становления и развития международного атмосферного права:

1 этап. Допромышленная эпоха. Развитие научно-технического прогресса на уровне парусного флота и основания мануфактур способствовало определению правового статуса атмосферы как пространство транзита, т.е. как среды для перемещения товаров, работ и услуг. Источниками международного атмосферного права в допромышленную эпоху являются обычаи. Действует принцип полного суверенитета государства над своим воздушным пространством. Чья земля, того и небо: «Cuius est solum...».

2 этап. Индустриальная эпоха (середина 19 - середина 20 века). Возникновение угольной, сталелитейной, химической, авиационной промышленности. Правовое положение: воздух в качестве пространства (среды) для выбросов промышленных предприятий и иных субъектов экономики; воздух как навигационная среда. Например, Закон Великобритании о щелочном и других видах производства 1863 года, Закон Нидерландов о зловредности 1875 года, Парижская конвенция о регулировании воздушной навигации 1919 года, Женевский протокол 1925 года о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств, Конвенция о международной гражданской авиации 1944 года и т.д. Дело Trail Smelter (1941 год) - возмещение трансграничного вреда, нанесенного атмосфере.

3 этап. Постиндустриальная эпоха (1970-2010 годы). Возникновение атомной промышленности, появление спутникового зондирования Земли, зарождение экологических проблем. Атмосфера рассматривается как «защитный слой» (озон, климат). В эту эпоху были приняты многосторонние соглашения ООН, так называемый метод «коллективного обещания» соблюдать все нормы международного права по атмосфере. Рамочная конвенция ООН об изменении климата 1992 года, Киотский протокол 1997 года, Парижское соглашение по климату 2015 года, Венская конвенция об охране озонового слоя 1985 года, Монреальский протокол по веществам, разрушающим озоновый слой 1987 года, Кигалийская поправка к Монреальскому протоколу 2016 года, Конвенция ЕЭК ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния 1979 года и протоколы и т.д.

4 этап. Эпоха научно-технического прогресса (НТП) (с 2020 года по настоящее время и перспектива). Характерные черты эпохи НТП: цифровизация, искусственный интеллект, блокчейн, смарт-контракты, Big Data, квантовый процесс и т.д. Правовой статус атмосферы кардинально меняется. Атмосфера как «глобальный актив и экосистема» в комплексе. В этот период происходит внедрение автоматизированного контроля и верификации данных о негативных выбросах в атмосферу. Признается транснациональный характер функционирования и развития экосистем.

На уровне ООН в 2021 году был принят Проект руководящих положений по охране атмосферы, который носит рекомендательный характер и является нормой «мягкого права»¹. Международный суд ООН вынес консультативное заключение от 23 июля 2025 года, в котором суд официально признал изменение климата экзистенциальной угрозой и подтвердил, что государства обязаны принимать меры для защиты климатической системы. Принят Технический документ по «Справедливому переходу» 2025 года, отчет о Целях устойчивого развития 2025 года и т.д.

Лус Иригарей в исследовании «Забытые воздуха у Мартина Хайдеггера» критикует западную философию за то, что она всегда смотрела «под ноги» (на землю), забывая о том, чем мы дышим. Это базовый аргумент для перехода от территориального права к атмосферному [3].

В исследовании «Грёзы о воздухе» Гастон Башляр [1] анализирует воздух как динамическую субстанцию свободы и движения. Международное воздушное право, которое является подотраслью международного атмосферного права, построено на философии полёта как освоении субстанции. Парижская конвенция о регулировании воздушной навигации 1919 года - это первый системный акт о воздушном пространстве. Наиболее известна Чикагская конвенция 1944 года, направленная на укрепление безопасности международных воздушных сообщений.

Юридическая гносеология атмосферы. Теория познания (гносеология, эпистемология) - раздел философии, в котором изучаются закономерности и возможности познания, отношения знания к объективной реальности, исследуются ступени и формы процесса познания, условия и критерии его достоверности и истинности.

Применительно к философии среды и техники, гносеологии и искусственного интеллекта следует отметить работу Тимати Мортон: концепция «Гиперобъектов». Тимати Мортон называет климат и атмосферу «гиперобъектами» - чем-то настолько огромным, что мы не можем увидеть это целиком, но ощущаем везде [8]. Это подтверждает подчинение всех отраслей наук принципу атмосфероцентризма и необходимости использования искусственного интеллекта как инструмента для лицензирования гиперобъекта.

Юридическая гносеология (теория познания) атмосферы переходит от наблюдения к цифровому «всевидящему оку». Как мы познаем состав воздуха? Раньше через редкие датчики. Потом через искусственное зондирование Земли. Сейчас с помощью искусственного интеллекта (ИИ) и спут-

1 Проект руководящих положений по охране атмосферы с комментариями к ним: [приняты Комиссией международного права ООН в 2021 году] // Организация Объединенных Наций: официальный сайт. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: legal.un.org (дата обращения: 25.03.2026).

никовую связь. ИИ выполняет функцию верификации данных о выбросах в атмосферу. Гносеология международного атмосферного права теперь строится на алгоритмах верификации данных.

Философия атмосферы или атмофилософия на современном этапе развития ставит перед человечеством огромный спектр вопросов, на которые должно ответить международное атмосферное право как основной рычаг управления глобальным пространственным биоресурсом. Как доказать вину завода или страны о нарушениях нормативов предельно допустимых концентраций, предельно допустимых выбросов через данные искусственного интеллекта?

Существует проблема «черного ящика» в международном озоновом праве. Если искусственный интеллект (модель ИИ) подсказал, что через определенное количество времени (например, сутки) озоновая дыра над конкретной местностью (например, над Арктикой) расширится вследствие выбросов конкретной страны, то является ли это предсказание юридическим фактом? Как отличить правомерную защиту атмосферы от экологического протекционизма и дискриминации в международной торговле? Как юридически обеспечить бесшовный обмен данными в воздухе между платформами БРИКС и Запада при отсутствии политического доверия? Имеет ли государство право в одностороннем порядке засеивать облака или распылять аэрозоли в атмосфере (геоинженерия) для охлаждения своей территории, если это меняет климат соседа? Докладчик Организации объединенных наций (ООН) по теме охраны атмосферы Шинья Мурасе очень аккуратно относится к теме геоинженерии (вмешательство в природу с целью изменения погоды).

Бруно Латур в работе «Где приземлиться?» пишет о новом климатическом режиме, где политика и право должны строиться вокруг земной оболочки, а не границ государств [4]. Именно поэтому международное атмосферное право, включающее международное метеорологическое, воздушное, воздухоохранное, климатическое, озоновое право и имеющее тесное взаимодействие со всеми иными отраслями права, должно стать главным локомотивом эффективного управления на планетарном уровне.

Юридическая герменевтика атмосферы. Герменевтика - искусство толкования текстов, учение о принципах их интерпретации. Юридическая герменевтика атмосферы обозначает толкование норм международного права и других отраслей научного познания через призму «атмосферного фильтра». Как толковать Чикагскую конвенцию гражданской авиации 1944 года или Устав Всемирной торговой организации 1994 года? Необходимо толковать акты отраслей международного права так, чтобы безопасность атмосферы была всегда скрытым смыслом, «духом права» любого акта. Любая норма международного права должна толковаться в пользу обеспечения естественного физико-химического состава атмосферы.

Юридическая аксиология атмосферы. Аксиология – учение о ценностях. Воздух - абсолютная (наивысшая) ценность. Обычный человек может задержать воздух и не дышать кислородом максимально около 2 минут. Все остальные ценности: прибыль Всемирной торговой организации, свобода навигации Международной организации гражданской авиации, суверенитет государств и другие являются вторичными. Чистый вдох стоит на вершине пирамиды ценностей человека. По пирамиде А. Маслоу [5] к низшим минимальным первичным физиологическим потребностям личности входят дыхание, сон, вода, еда, разномнение. К второстепенным категориям относятся физическая безопасность, отсутствие угрозы для жизни, финансовая стабильность.

Логика науки – это наука о способах доказательств и опровержений, совокупность научных теорий, рассматривающих определённые способы доказательств и опровержений (например, логический позитивизм). Внедрение математической логики в сферу международного атмосферного права в целях верификации данных о выбросах поможет избежать ряд организационных, технических, политических, экономических и иных проблем.

С позиции философской логики науки следует отметить, что на сегодняшний день остается открытым вопрос юридического статуса ошибки алгоритма (ИИ). Кто несёт

международную ответственность, если глобальные ИИ системы экологического контроля дали ложный сигнал о негативных выбросах в атмосферу, многократно превышающих нормативы Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), повлекший экономические убытки целого региона? Для ответа на данный вопрос необходимо разработать и принять логический математический закон для ИИ (аналитическая философия), который исключит возможность ошибки планетарного масштаба. Достаточно ли искусственного интеллекта (ИИ) – модели с вероятностью 95 %, чтобы обязать государства выплатить компенсацию за засуху в соседнем регионе? Виновно ли государство, если его ИИ система предсказала экологическую катастрофу в атмосфере, но правительство не предприняло никаких мер по её предотвращению?

В сферу философской этики попадают также такие категории международного климатического права как «углеродный налог», «углеродные гиганты». Если будет доказано, что топ-менеджмент нефтегазовых компаний скрывал данные о влиянии на климат (как это сейчас вменяют ExxonMobil в США), это может быть квалифицировано как безрассудное причинение долгосрочного ущерба.

В настоящее время в сфере международного атмосферного права преобладает математическая логика (логика как одна из главных областей философии), что выражается в перспективных современных понятиях «цифровой суверенитет» и «алгоритмическое управление», «ответственность и математическая вина», вероятностная причинно-следственная связь. Данное направление может быть основанием для верификации данных о выбросах в атмосферу в рамках Парижского соглашения 2015 года в целях регулирования изменения климата.

Одним из главных разделов философии является этика. Этика - это философская дисциплина, изучающая мораль, нравственность. Центральной для этики продолжает оставаться проблема добра и зла.

Вопросы этики занимают особую позицию в рамочной Конвенции ООН об изменении климата 1992 года, Киотском протоколе 1997 года, Парижском соглашении о климате 2015 года и т.д. Столкновение этики искусственного интеллекта (ИИ) и климатического права ярко выражен в современной повестке. Этически является и вопрос, касающийся введения понятия «алгоритмической презумпции» или «цифровой презумпции» виновности. Если ИИ модель сертифицирована ООН, ее прогноз относительно объемов выбросов в атмосферу, может быть приравнен к доказательству. Это заставляет страны действовать превентивно, а не ждать катастрофы.

Правовой статус техногигантов в экологическом праве также является этическим аспектом международного атмосферного права и корпоративного права (Google, Microsoft, Яндекс), так как они владеют более точными данными об атмосфере, чем государственные службы метеорологии. Необходимо консолидация усилий мирового сообщества и всех субъектов международного, регионального и национального права для эффективного управления атмосферой в целях жизнеобеспечения для всей планеты. Необходимо принять универсальный Кодекс об атмосфере и космосе. Автором были разработаны основные положения проекта Конвенции ООН об охране атмосферного воздуха от 1.08.2005 года [6], и только через 16 лет в рамках ООН был принят Проект руководящих положений об охране атмосферы 2021 года [7].

Остро стоит вопрос этики применения роботизированного арбитража в международных климатических конфликтах. Допустимо ли с точки зрения международного права делегировать решения мелких экологических споров экспертным системам ИИ (без человеческого фактора)? Преимуществами являются отсутствие бумажной волокиты, бюрократии, многолетних судебных тяжб, математическая точность, высокая скорость, автономность работы ИИ, недостаток проявляется в использовании большого объема энергии, воды и т.д.

Статус атмосферного наследия является краеугольным этическим камнем преткновения вопроса владения, пользования и распоряжения атмосферой как динамичным и ограниченным ресурсом. Является ли состав атмосферы общим достоянием человечества (как Луна) или он принадлежит тем, кто может его удержать технологически?

Философско-этические вопросы, касающиеся юридической природы, квоты на выбросы в атмосферу являются центральными в международном климатическом праве. Является ли углеродная единица (токен) товаром, ценной бумагой или международным долговым обязательством? Может ли международный климатический договор исполняться автоматически (например, автоматический перевод средств из фонда при достижении ИИ датчика критической отметки CO₂)? Вопрос этики климатического демпинга: как юридически квалифицировать перенос грязных производств в страны с низким ИИ контролем? Как законную оптимизацию или как международное правонарушение?

Таким образом, атмофилософия поставила много неразрешенных вопросов перед человечеством. Несомненно, лидирующую роль в постановке аналогичных вопросов сыграл научно-технический прогресс, который достиг невиданных масштабов и охвата сфер влияния.

Эстетика – это философская наука, изучающая сферу эстетического как специфического направления ценностного отношения между человеком и миром, и область художественной деятельности людей [2]. Применительно к международному атмосферному праву философская категория эстетика может выражаться в обеспечении людей здоровьем через чистый воздух, в идеале отсутствие болезней, распространяющихся через атмосферу.

Юридическая атмофилософия выражается в том, что атмосфера является первичной субстанцией бытия для всех отраслей, сфер, областей и форм существования. Право является способом сохранения первоначальной формы этого бытия, субстанции. Метафизика атмосферы лежит в основе юридической атмофилософии. Метафизика – это синоним философии, постигающий путём умопознания основополагающие принципы (начала) бытия.

Заключение (Conclusion).

Глобальное атмосферное управление – это основной способ сохранения суверенитета государств в условиях климатического хаоса и трансграничных пандемий. Нужно дать государствам новый инструмент менеджмента среды, без которой территория государства станет непригодной для жизни. Международное экологическое право сегодня фрагментировано, оно занимается правовым регулированием отдельных вопросов охраны окружающей среды, например, изменение климата, защита озонового слоя, охрана атмосферного воздуха и так далее. По нашей теории, необходимо объединить навигацию, медицину, космос и другие отрасли международного права с позиции международного атмосферного права в целях эффективного международного правового регулирования и управления атмосферной системой. Данный подход создает философский и технологический каркас (искусственный интеллект), превращая охрану природы в глобальной менеджмент жизнеобеспечения.

Атмофилософия с центральным принципом атмофероцентризма находится на фундаменте формирования международного атмосферного права как отрасли международного публичного права. Международное атмосферное право пронизывает все отрасли международного публичного права и её нормы являются фундаментальными для всех ее отраслей и институтов.

«Атмофероцентризм» – базовая категория атмофилософии. Аксиология двух минут – это способность человека продержаться без кислорода около двух минут, вдох воздуха – это первичная необходимость. Право на вдох, в идеале, право на здоровый вдох – это первичное естественное право человека. Право на вдох и право на жизнь практически равноценные категории, составляют основу существования человека, личности, гражданина, так как нет вдоха – нет человека. Все остальные отрасли развития человеческой цивилизации базируются на данном праве, начинают формирование на базе этого права и служат её эффективной реализации. Международное атмосферное право призвано реализовывать это фундаментальное право человека.

В результате проведенного исследования обоснована концепция «атмофероцентризма» как новой парадигмы международного права, в частности, международного атмосферного права. Атмосфера Земли квалифицируется не как

пространственный ресурс, а как первичная онтологическая субстанция, первичная форма бытия, детерминирующая (определяющая) физическую возможность реализации любых международных правоотношений. Право на «чистый вдох» признается диспозитивной нормой, стоящей выше суверенитета и торговых интересов.

Философия атмосферы, как первичной субстанции, является фундаментом возникновения, функционирования и развития всех отраслей, областей и сфер развития человеческой цивилизации, в том числе международного публичного права. Международное атмосферное право является инструментом атмофилософии в сфере обеспечения функционирования и стабильности первичной субстанции. Атмосфера – это первоматерия, облаченная в нормы международного атмосферного права.

Пристатейный библиографический список

1. Башляр Г. Греза о воздухе / Г. Башляр; пер с фр. Б. М. Скуратова. - М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1999. - 344 с.
2. Большой Российский энциклопедический словарь. - М: Большая Российская энциклопедия, 2003. - 1888 с.
3. Иригарей Л. Забытые воздуха у Мартина Хайдеггера / пер. в фр. А. Костиковой. - М.: Институт общегуманитарных исследований, 2017. - 252 с. - (Серия: Рах Philosophica).
4. Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / пер. с фр. Д. Я. Калугина. - СПб.: Изд-во Европ.ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. - 202 с.
5. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу; пер. с английского Т. Гутман, Н. Мухиной. - 3-е изд. - СПб.: Питер, 2019. - 400 с.
6. Миннекаева Д. Р. Международно-правовые аспекты охраны атмосферного воздуха: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10. - Казань, 2005. - 221 с.
7. Миннекаева Д. Р. О необходимости принятия универсальной Конвенции ООН об охране атмосферного воздуха // Вестник ТИСБИ. - 2005. - № 4. - С. 148-154.
8. Мортон Т. Статья экологичным / Т. Мортон; пер с англ. Д. Кралечкина. - М.: Ad Marginem Press, 2019. - 240 с.
9. Слотердаик П. Сферы. Микросферология. Т. 1. Пузыри / П. Слотердаик; пер. с нем. К. В. Лоцевского. - СПб.: Наука, 2005. - 652 с.

ЧУГУНОВ Денис Альбертович

Генеральный директор ООО «СОММЕР Рус Трейд», партнер юридического проекта Constat Consulting; выпускник аспирантуры, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ОСОБЕННОСТИ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СДЕЛОК МЕЖДУ РОССИЕЙ И КИТАЕМ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К СОВРЕМЕННОМУ КОНТЕКСТУ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

В статье исследуются юридические особенности внешнеторговых сделок, заключаемых между российскими и китайскими субъектами предпринимательской деятельности. Анализируются нормы применимого права, коллизионно-правовые механизмы выбора применимого законодательства, специфика оговорки о применимом праве и арбитражной оговорки. Рассматриваются актуальные проблемы, связанные с расчётами в национальных валютах, санкционным давлением и практикой применения Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года. Обосновывается необходимость учёта императивных норм обеих правовых систем при структурировании внешнеторговых контрактов. Раскрыты понятия «двухконтурный санкционный комплаенс», юридическая конструкция «наложенных правопорядков», принцип «фактической исполнимости».

Ключевые слова: внешнеторговая сделка, международный коммерческий контракт, применимое право, арбитражная оговорка, Россия, Китай, Венская конвенция, международное частное право, коллизионные нормы, валютные расчёты.

CHUGUNOV Denis Albertovich

General Manager of SOMMER Rus Trade LLC, Partner at Constat Consulting Law Project, postgraduate alumnus, Financial University under the Government of the Russian Federation

SPECIFIC ASPECTS OF FOREIGN TRADE TRANSACTIONS BETWEEN RUSSIA AND CHINA IN THE CURRENT CONTEXT OF PRIVATE INTERNATIONAL LAW

The article explores the legal specifics of foreign trade transactions concluded between Russian and Chinese business entities. The author analyzes the norms of applicable law, conflict-of-laws mechanisms for choosing the applicable legislation, and the specifics of choice-of-law and arbitration clauses. The study examines current issues related to settlements in national currencies, sanction pressure, and the practical application of the 1980 United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). The paper substantiates the necessity of considering the mandatory rules (imperative norms) of both legal systems when structuring foreign trade contracts. The concepts of “dual-vector sanctions compliance”, the legal construct of “overlapping mandatory regimes” and the principle of “actual feasibility” are revealed.

Keywords: foreign trade transaction, international commercial contract, applicable law, arbitration clause, Russia, China, Vienna Convention (CISG), private international law, conflict-of-laws rules, currency settlements.

Введение

Торгово-экономические отношения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой переживают в последние годы беспрецедентный рост. По данным Главного таможенного управления КНР, двусторонний товарооборот в 2023 году превысил 240 млрд долларов США, а по итогам 2024 года достиг рекордных 244,8 млрд долларов (+1,9 % к 2023 году)¹. Данные первого квартала 2026 года достигли показателя 61,3 млрд долларов США, что показывает рост товарооборота на +14,8 %² относительно аналогичного периода прошлого года. В условиях смещения акцента российской экономики на азиатские рынки вследствие западных санкций, введённых после 2022 года, КНР стала ключевым внешнеторговым партнёром России³. Это создаёт острую практическую потребность в системном анализе правовой базы, регулирующей внешнеторговые сделки между субъектами двух государств.

Правовое регулирование российско-китайских внешне-торговых отношений достаточно сложно: оно основывается на нормах международного публичного права, международно-частного права, а также национального законодательства обеих стран [1, 4]. Несмотря на то, что обе системы тяготеют к континентальной правовой традиции, правовая система КНР сохраняет статус смешанной, сочетающей в себе черты романо-германской семьи, элементы социалистического права и национальную специфику. Дополнительно регулирование осложняется санкционным фактором, который порождает суще-

ственные коллизии и требует выработки специальных правовых механизмов их преодоления, о чем пойдет речь далее [4].

Целью данной статьи является анализ юридических особенностей регулирования внешнеторговых сделок между Россией и Китаем, включая вопросы применимого права, анализ введенных автором понятий наложенных правопорядков, вытекающего из этого арбитражного урегулирования споров, сложностей валютного регулирования, а также практику применения международных конвенций. В рамках статьи предполагается рассмотреть коллизионно-правовые механизмы, применяемые в двусторонних торговых отношениях [1], проанализировать договорную практику с точки зрения выбора применимого права, исследовать влияние санкционного законодательства на исполнение внешнеторговых контрактов, рассмотреть специфику валютных расчётов в юанях и рублях.

Методологическую основу исследования составляют формально-юридический метод, примененный при анализе норм ГК РФ, ГК КНР 2020 года, Закона КНР о применимом праве 2010 года, Закона КНР о противодействии иностранным санкциям 2021 года, Указов Президента РФ № 81, 95, 618 и положений CISG. Сравнительно-правовой метод, примененный при сопоставлении российского и китайского коллизионного, договорного и валютного законодательства, а также подходов МКАС при ТПП РФ и СИЕТАС к толкованию ключевых статей Венской конвенции. Метод анализа правоприменительной практики при обращении к материалам международного коммерческого арбитража по делам, осложненным действием сверхимперативных норм и санкционных обстоятельств. Метод правового моделирования и доктринальной реконструкции, при разработке новых юридических конструкций.

Научной новизной текущего исследования является введение и обоснование новой авторской юридической конструкции «наложенных правопорядков» и принципа «фактической исполнимости», а также в систематизация феномена «двухконтурного санкционного комплаенса», который определяет правовое поведение участников российско-китайских внешнеторговых сделок. По мнению автора, указанные конструкции не получили систематизированной разработки в отечественной доктрине применительно к российско-китайскому контексту междуна-

1 Главное таможенное управление Китайской Народной Республики. Статистика внешней торговли КНР за 2024 год: пресс-релиз от 13 января 2025 г. // РИА Новости. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ria.ru/20250113/kitay-1993406948.html>.

2 Там же.

3 Портяков В. Я. Основные тенденции развития российско-китайских торговых связей в 2024–2025 гг. [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. — 2025. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/osnovnye-tendentsii-razvitiya-rossiysko-kitayskikh-torgovykh-svyazey-v-2024-2025-gg/>.

родного частного права. Конструкции разработаны автором для разрешения коллизионных ситуаций нормативного конфликта и санкционной блокировки инфраструктуры.

1. Правовая база и источники регулирования

Текущее правовое регулирование внешнеторговых сделок между Россией и Китаем осуществляется на нескольких уровнях. На уровне международного права ключевую роль играет Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров (Венская конвенция, CISG), принятая в 1980 году⁴. Оба государства являются участниками данной Конвенции: СССР ратифицировал её в 1990 году (вступила в силу для нашей страны 1 сентября 1991 года), Китай — в 1986 году (вступила в силу с 1 января 1988 года). Венская конвенция является основным инструментом унификации правового регулирования договоров купли-продажи в трансграничном обороте [9] и применяется к контрактам между российскими и китайскими контрагентами при условии, что они прямо не исключили её действие. В практической плоскости важно отметить, что Китай сделал оговорку о непризнании подпункта (b) пункта 1 статьи 1 Конвенции, которой он придерживается до сих пор. Это означает, что Китай применяет Конвенцию только в том случае, если обе стороны контракта имеют коммерческие предприятия в договаривающихся государствах.

Практика российских и китайских судебных и арбитражных органов выработала значительный массив решений по вопросам применения CISG[10], однако между этими правовыми порядками сохраняются существенные расхождения в толковании ряда ключевых положений Конвенции [6, 9, 10].

Наиболее значимые расхождения в толковании между российской и китайской арбитражной практикой связаны с понятием существенного нарушения договора (ст. 25 CISG), последствиями несоответствия товара (ст. 35–44 CISG) и правилами исчисления убытков (ст. 74–77 CISG) [9]. Китайские арбитражные трибуналы (прежде всего CIETAC) традиционно склонны к более широкому толкованию понятия существенного нарушения и более активному применению принципа полного возмещения ущерба [10], тогда как МКАС при ТПП РФ в целом придерживается более консервативного подхода [6].

Примером применения МКАС норм Венской конвенции во взаимосвязи с субсидиарным российским материальным правом служит решение по делу № М-146/2018 от 6 мая 2019 года, в котором иск китайского продавца к российскому покупателю о взыскании задолженности был разрешён на основании ст. 53 и 59 CISG во взаимосвязи со ст. 309, 310, 395 ГК РФ, а встречные требования российской стороны о неустойке за просрочку поставки квалифицированы по правилам ст. 75–77 Конвенции⁵.

Существенное значение для двусторонней торговли имеет также Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Россией и Китаем, подписанный 16 июля 2001 года, а также многочисленные двусторонние соглашения в сфере торгово-экономического сотрудничества, защиты инвестиций, избежания двойного налогообложения и таможенного администрирования [4]. В частности, Соглашение о торгово-экономических отношениях 1992 года и Программа торгово-экономического сотрудничества до 2030 года создают общую институциональную рамку взаимодействия.

На уровне национального права отношения сторон регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации (разделы II и V)⁶, Федеральным законом «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности» 2003 года, а также нормативными актами в сфере валютного контроля и таможенного регулирования. Применительно к китайской стороне ключевыми источниками являются Гражданский кодекс КНР 2020 года⁷, Закон о внешней торговле 2004 года (в редакции 2022 года), а также Закон об экспортном контроле КНР 2020 года.

2. Коллизионно-правовые аспекты и выбор применимого права

Важным вопросом при структурировании внешнеторгового контракта между российским и китайским контрагентами является выбор применимого права [4]. Автономия воли сторон (*lex voluntatis*) признаётся как российским, так и китайским коллизионным правом [1]. Согласно ст. 1210 ГК РФ, стороны договора вправе при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по данному договору.⁸ Аналогичное правило закреплено в ст. 41 Закона КНР о применимом праве к иностранным гражданским отношениям 2010 года.⁹

Как отмечается в отечественной доктрине, регулирование внешнеэкономической сделки опирается не только на национальное законодательство её сторон, но и на сложившиеся обычаи международной торговли, что обуславливает стремление контрагентов к нейтральным и наднациональным регуляторам [3]. На практике стороны нередко избегают выбора национального права одного из контрагентов, стремясь к нейтральному решению [5]. В этом контексте широко используются Принципы УНИДРУА о международных коммерческих договорах (редакция 2016 года) [8], которые, однако, не являются обязательным источником права и применяются лишь в той мере, в какой стороны прямо на них сослались. Альтернативным решением служит прямое указание на нормы CISG в качестве регулирующего права¹⁰, что позволяет обойти коллизии между российским и китайским национальным законодательством.

При отсутствии соглашения сторон о применимом праве российский коллизионный закон отсылает к праву страны, с которой договор наиболее тесно связан (ст. 1211 ГК РФ). Применительно к договору купли-продажи таковым, как правило, признаётся право страны продавца, хотя могут быть прописаны и отдельные исключения [1]. Китайский закон о применимом праве от 2010 года устанавливает аналогичную привязку с таким же результатом.¹¹ Это означает, что при отсутствии оговорки о применимом праве в договоре между российским продавцом и китайским покупателем будет применяться российское право, и наоборот.

Особую проблему представляют императивные нормы (сверхимперативные нормы, *lois de police*) обеих правовых систем. Данные нормы подлежат применению независимо от выбора применимого права [4]. К числу таких норм в российском праве относятся, в частности, требования валютного законодательства, нормы о форме внешнеэкономических сделок, антимонопольные ограничения. В китайском праве аналогичный статус имеют нормы о государственной тайне, ограничения на экспорт определённых категорий товаров и технологий, а также требования к обязательной государственной регистрации отдельных видов сделок¹². К тому же, стоит отметить, что выбор права Российской Федерации не поможет обойти жёсткие валютные ограничения КНР, поскольку они императивны для китайской стороны. Выбор права КНР не позволит игнорировать российские контрсанкционные меры или требования валютного контроля России.

13-го созыва 28 мая 2020 г. [Электронный ресурс] // Законодательство Китая. — URL: https://chinalawinfo.ru/civil_law.

8 Там же ГК РФ Часть третья от 26 ноября 2001 г.

9 Закон Китайской Народной Республики о праве, применимом к гражданским правоотношениям с иностранным элементом : принят на 17-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 11-го созыва 28 октября 2010 г. Ст. 41 [Электронный ресурс] // Законодательство по международному частному праву стран Восточной Азии / НИУ ВШЭ, факультет права. — URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/VA>.

10 Конвенция Организации Объединённых Наций о договорах международной купли-продажи товаров : заключена в г. Вене 11 апреля 1980 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. -1994.-№ 1. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2648/

11 Закон Китайской Народной Республики о праве, применимом к гражданским правоотношениям с иностранным элементом : принят на 17-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 11-го созыва 28 октября 2010 г. [Электронный ресурс] // Законодательство по международному частному праву стран Восточной Азии / НИУ ВШЭ. — URL: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/VA>.

12 Там же.

4 Конвенция Организации Объединённых Наций о договорах международной купли-продажи товаров: заключена в г. Вене 11 апреля 1980 г. // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. — 1994. — № 1. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2648/.

5 Решение коллегии арбитров МКАС при ТПП РФ от 06.05.2019 по делу № М-146/2018. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://apkrfkod.ru/pract/reshenie-kolleгии-arbitrov-mkas-pri-tpprf-ot-06052019-po-delu-n-m-1462018/>.

6 Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.

7 Гражданский кодекс Китайской Народной Республики : принят на 3-й сессии Всекитайского собрания народных представителей

3. Двухконтурный санкционный комплаенс и юридическая конструкция наложенных правопорядков

Правовое сопровождение российско-китайских сделок выходит за рамки классического международного частного права и сталкивается с новым феноменом, обозначенным автором как «двухконтурный санкционный комплаенс» с формированием юридической конструкции «наложенных правопорядков». Под данным феноменом понимается ситуация, при которой китайский участник трансграничной сделки вынужден одновременно соблюдать два взаимно несводимых регуляторных контура: внешний – в лице вторичных санкций США и ограничительных мер ЕС, просящих отключением от долларовой и евроклирингового пространства¹³, – и внутренний – в лице национального антисанкционного законодательства КНР, прямо запрещающего подчинение иностранным ограничительным мерам под угрозой гражданско-правовой и административной ответственности¹⁴. Следует оговориться, что данный термин намеренно отграничивается от официальной китайской макроэкономической концепции «двойной циркуляции» (双循环, *shuāng xúnhuán*), принятой в 2020 году и относящейся к иной предметной области – структуре внутреннего и внешнего экономических циклов КНР.

В этой точке возникает коллизия, которую предлагается именовать «наложенными правопорядками» то есть юридической конструкцией, при которой одна и та же трансграничная сделка одновременно подпадает под действие конкурирующих сверхимперативных норм как минимум двух суверенных правопорядков, каждый из которых настаивает на своём абсолютном приоритете. С одной стороны, сделка ограничена российскими контрсанкционными указами: Указом Президента РФ от 01.03.2022 № 81 «О дополнительных временных мерах экономического характера по обеспечению финансовой стабильности Российской Федерации», Указом Президента РФ от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» и Указом Президента РФ от 08.09.2022 № 618 «Об особом порядке осуществления (исполнения) отдельных видов сделок (операций) между некоторыми лицами»¹⁵, – устанавливающими обязательные требования к расчётам, порядку исполнения обязательств и запрет на совершение ряда операций без разрешения Правительственной комиссии по контролю за осуществлением иностранных инвестиций. С другой стороны, она одновременно подпадает под действие китайских блокирующих статутов: Закона КНР о противодействии иностранным санкциям 2021 года и Правил MOFCOM о блокировании неправомерного экстерриториального применения иностранного законодательства (январь 2021 года)¹⁶, прямо запрещающих исполнение иностранных санкционных предписаний на территории КНР и в отношении китайских субъектов права.

Таким образом, традиционная доктрина *lois de police* в данном контексте оказывается недостаточной [1, 4]. В ситуации юридической конструкции, которую можно именовать «наложенными правопорядками» оба государства предъявляют притязания на абсолютный приоритет своих норм в отношении одной и той же сделки – причём оба притязания юридически обоснованы с позиции каждого из данных правопорядков в отдельности. Результатом становится правовой тупик: исполнение обязательства в соответствии с требованиями одного суверена неизбежно влечёт нарушение публичного порядка другого, а добросовестный участник оборота оказывается перед угрозой

двойной ответственности без какой-либо реальной возможности правомерного поведения¹⁷.

Выходом из данного тупика, по мнению автора, не может служить ни механическое применение коллизионной привязки, ни апелляция к «международному публичному порядку» как единственному ориентиру. В подобных ситуациях необходима выработка нового принципа разрешения нормативных коллизий то есть принципа «фактической исполнимости». Содержание принципа может быть раскрыто через три последовательных критерия. Первый критерий физической и юридической реализуемости: подлежит применению та норма, исполнение которой объективно возможно для данного конкретного субъекта с учётом его корпоративной структуры, местонахождения активов и расчётной инфраструктуры. Второй критерий наименьшего совокупного ущерба: при невозможности исполнить обе конкурирующие нормы приоритет отдаётся той из них, неисполнение которой влечёт меньшие правовые последствия для добросовестной стороны – в том числе с учётом достаточности правовой защиты в соответствующей юрисдикции. Третий критерий добросовестности и отсутствия злоупотребления: принцип фактической исполнимости не применяется, если сторона самостоятельно создала ситуацию нормативного конфликта, в частности, заведомо структурировав сделку таким образом, чтобы воспользоваться несоответствием правопорядков.

Применение данного принципа не означает игнорирования суверенных притязаний ни одного из государств. В данном случае арбитр или суд избранной нейтральной юрисдикции при разрешении спора из подобной сделки вправе и, по мнению автора, обязан учитывать объективную невозможность одновременного исполнения конкурирующих сверхимперативных норм и освободить добросовестную сторону от ответственности в той мере, в какой её поведение было единственно реально возможным в данных обстоятельствах.

4. Арбитражная оговорка и разрешение споров в условиях наложенных правопорядков

Описанная выше сложность нормативной среды и юридическая коллизия наложенных правопорядков российско-китайских сделок обуславливает особые требования к механизму разрешения возникающих из них споров. В текущей практике, разрешение данных споров осуществляется посредством международного коммерческого арбитража [5]. Обращение в государственные суды сопряжено со значительными практическими трудностями – длительностью судопроизводства, языковым барьером, рисками предвзятости в пользу стороны-резидента соответствующего государства, а также сложностями с признанием и приведением в исполнение иностранных судебных решений [10].

Россия и КНР являются участниками Нью-Йоркской конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года, что создаёт надёжный правовой фундамент для принудительного исполнения арбитражных решений на территории обоих государств [5]. СССР (Россия) ратифицировал конвенцию в 1960 году, КНР присоединилась к конвенции в 1987 году. С 1997 года действие конвенции распространяется также на САР Гонконг, а с 1999 года – на САР Макао. Соглашение об арбитраже должно быть заключено в письменной форме и содержать чёткое указание на арбитражный институт, место арбитража, язык арбитражного разбирательства и применимый регламент [1, 4].

Нью-Йоркская конвенция является наиболее успешным многосторонним договором в сфере международного коммерческого арбитража. Её практическое значение состоит в том, что решение, вынесенное в МКАС при ТПП РФ (Москва), может быть принудительно исполнено в Китае через местный суд среднего звена. Аналогичная норма действует и наоборот: решение китайской комиссии CIETAC (Пекин/Шанхай) подлежит исполнению в России через арбитражные суды.

Среди арбитражных институтов наибольшей популярностью в российско-китайских спорах пользуются: Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации (МКАС при ТПП РФ), Китайская международная экономическая и торговая арбитражная комиссия (CIETAC), Гонконгский международный арбитражный центр (HKIAC), а также арбитраж по регламенту

13 China Issues New Regulations on Countering Foreign Extraterritorial Jurisdiction: What MNCs Need to Know: LawFlash / Morgan Lewis. — 2026. — 15 апр. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.morganlewis.com/pubs/2026/04/china-issues-new-regulations-on-countering-foreign-extraterritorial-jurisdiction-what-mncs-need-to-know>.

14 Закон Китайской Народной Республики о праве, применимом к гражданским правоотношениям с иностранным элементом: принят на 17-й сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 11-го созыва 28 октября 2010 г. // Законодательство по международному частному праву стран Восточной Азии / НИУ ВШЭ. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/VA>.

15 Указ Президента РФ от 01.03.2022 № 81 // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1522; Указ Президента РФ от 05.03.2022 № 95 // СЗ РФ. 2022. № 10. Ст. 1533; Указ Президента РФ от 08.09.2022 № 618 // СЗ РФ. 2022. № 37. Ст. 6301.

16 Нейтралитет и осторожность: как санкционная политика Китая влияет на бизнес // Право.ru. 2025. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://pravo.ru/story/257722/>.

17 Bonomi A. Overriding Mandatory Provisions in the Rome I Regulation on the Law Applicable to Contracts // Yearbook of Private International Law. Vol. X. Berlin. — New York: De Gruyter, 2009. — P. 285-300; решение Суда ЕС по делу Nikiforidis (C-135/15) от 18 октября 2016 г. // ECLI:EU:C:2016:774. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://curia.europa.eu>.

ЮНСИТРАЛ [10]. После 2022 года практика выбора нейтральных площадок существенно усилилась, поскольку ни Россия, ни КНР не являются полностью нейтральными юрисдикциями с точки зрения другой стороны.

Именно по этой причине, а также в свете описанной выше проблемы наложенных правопорядков независимый арбитр, не связанный публичным порядком ни одного из конкурирующих правопорядков, объективно располагает большей свободой усмотрения при оценке обстоятельств дела, что в ситуации нормативного конфликта между российским и китайским правом дополнительно повышает вероятность сбалансированного и исполнимого решения.

5. Валютное регулирование и расчёты в национальных валютах

Одним из наиболее актуальных и практически значимых аспектов российско-китайских внешнеэкономических сделок после 2022 года, который еще раз подчеркивает выведенный ранее принцип «фактической исполнимости» является переход на расчёты в национальных валютах — российских рублях и китайских юанях (жэньминьби, CNY). Данная тенденция обусловлена отключением ряда российских банков от системы SWIFT и введёнными западными странами ограничениями на проведение долларовых и евроовых расчётов с российскими контрагентами.

С правовой точки зрения расчёты в рублях и юанях регулируются нормами валютного законодательства обеих стран. В России основным актом является Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» 2003 года¹⁸. В КНР валютные операции регулируются Правилами управления иностранной валютой 1996 года (с последующими изменениями) и нормативными актами Государственного управления валютного контроля (SAFE)¹⁹. Необходимо учитывать, что юань не является полностью конвертируемой валютой, а его использование в международных расчётах осуществляется преимущественно через офшорный рынок (CNH) или посредством соглашений о валютных свопах.

Контрактные положения о валюте цены и валюте платежа приобретают в данном контексте особое юридическое значение [2]. Стороны должны чётко разграничивать валюту цены и валюту платежа, а также предусматривать механизм пересчёта при несовпадении этих валют. Кроме того, необходимо включать в контракт положения о банках-корреспондентах, используемых для осуществления расчётов, и оговорки о форс-мажоре, охватывающие случаи введения новых санкционных ограничений, которые могут воспрепятствовать проведению платежей²⁰.

Проблема санкционного комплаенса является критически важной при структурировании расчётных отношений [7]. Российским экспортёрам и импортёрам следует учитывать риски вторичных санкций со стороны США и ЕС в отношении китайских банков и компаний, осуществляющих транзакции с российскими контрагентами. Ряд крупных китайских банков в 2023–2024 годах ввёл ограничения на проведение операций с российскими компаниями во избежание попадания под вторичные санкции. Это существенно усложняет финансовую логику внешнеэкономических сделок и требует тщательной юридической проработки расчётных механизмов²¹.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов. Правовое регулирование российско-китайских внешнеэкономических сделок носит многоуровневый характер, сочетая нормы CISG, двусторонних договоров и наци-

онального законодательства обеих стран; различия в правовых традициях и правоприменительной практике обуславливают необходимость тщательной юридической экспертизы каждого контракта. К числу приоритетных задач при его структурировании относятся: закрепление применимого права с учётом сверхимперативных норм обоих правопорядков, включение арбитражной оговорки с указанием нейтрального института, детальная регламентация условий о качестве товара, проработка расчётного механизма с учётом санкционных рисков и валютного законодательства, а также включение форс-мажорной оговорки, охватывающей санкционные сценарии.

В статье обосновывается, что классический инструментальный международный частное право – коллизионная привязка и оговорка о публичном порядке – оказывается недостаточным в условиях одновременного действия несовместимых правовых режимов применительно к одной трансграничной сделке. Научная новизна исследования может быть структурирована по трём уровням. На теоретическом уровне предложена конструкция «наложенных правопорядков», фиксирующая новый тип коллизии сверхимперативных норм. На методологическом уровне систематизирован феномен «двухконтурного санкционного комплаенса» как аналитический инструмент, описывающий правовое поведение участников российско-китайских сделок в условиях встречного давления двух регуляторных контуров. На прикладном уровне сформулирован принцип «фактической исполнимости» с триадой последовательных критериев, применимый при разрешении споров арбитражными и государственными судебными органами. Совокупность указанных положений, по мнению автора, образует теоретическую и прикладную основу для разрешения коллизионных ситуаций нового типа, порождённых экстерриториальным санкционным давлением.

В условиях продолжающейся трансформации правовой среды российско-китайской торговли перспективными направлениями дальнейших исследований представляются формирование новых расчётных механизмов, правовой режим цифровых валют центральных банков, а также адаптация экспортно-контрольного законодательства. Высказанные в настоящей работе положения о наложенных правопорядках, двухконтурном комплаенсе и фактической исполнимости открывают предметное поле для дальнейшего доктринального и эмпирического исследования, результаты которого могут быть востребованы как при выработке внутренних актов МКАС, так и при совершенствовании норм Гражданского кодекса РФ о применимом праве.

Пристатейный библиографический список

1. Богуславский М.М. Международное частное право: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 672 с. – ISBN 978-5-91768-645-5.
2. Вилкова Н. Г. Договорное право в международном обороте. – М.: Статут, 2002. – 511 с.
3. Зыкин И. С. Внешнеэкономические операции: право и практика. – М.: Международные отношения, 1994. – 304 с.
4. Канашевский В. А. Международные сделки: правовое регулирование. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Международные отношения, 2019. – 704 с. – ISBN 978-5-7133-1624-2.
5. Комаров А. С. Ответственность в коммерческом обороте. – М.: Юридическая литература, 1991. – 208 с.
6. Розенберг М. Г. Международная купля-продажа товаров: комментарий к правовому регулированию и практике разрешения споров. 4-е изд. – М.: Статут, 2010. – 462 с. – ISBN 978-5-8354-0690-6.
7. Тихомиров Ю. А. Правовое регулирование: теория и практика. – М.: Формула права, 2010. – 400 с.
8. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 / пер. на рус. яз.; отв. ред. А. С. Комаров. – М.: Статут, 2020. – 770 с. – ISBN 978-5-8354-1654-7.
9. Schwenzer I., Schroeter U.G. (eds). Schlechtriem & Schwenzer: Commentary on the UN Convention on the International Sale of Goods (CISG). 5th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 2144 p. – ISBN 978-0-19-886867-5.
10. Муранов А. И. (сост.). Практика МКАС при ТПП РФ: 2004–2016. К 85-летию МКАС. – М.: Ассоциация исследователей международного частного и сравнительного права, 2017. – 896 с.

18 Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (ред. от 22.07.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 50. – Ст. 4859. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458.

19 Нормы и правила «О валютном регулировании» Китайской Народной Республики: утв. Постановлением Государственного совета КНР № 193 от 26 января 1996 г.; в ред. Решения Государственного совета КНР от 14 января 1997 г. и постановления 20-го заседания Государственного совета КНР от 1 августа 2008 г. // Законодательство Китая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://chinalawinfo.ru/economic_law/statute_foreign_exchange_administration.

20 Чугунов Д. А. Система международных платежей на примере контрагентов из Китая // Constat Consulting. – 2024. – 12 мая. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://constat.ru/>.

21 Нейтралитет и осторожность: как санкционная политика Китая влияет на бизнес // Право.ру. – 2024. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/257722/>.

ХАРЛАМПЬЕВА Надежда Климовна

кандидат исторических наук, доцент кафедры мировой политики, Санкт-Петербургский государственный университет; старший научный сотрудник Отдела гидрологии устьев рек и водных ресурсов, Арктический и антарктический научно-исследовательский институт

К КОНЦЕПТУАЛЬНОМУ ПОДХОДУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО РЕЖИМА АРКТИКИ

В статье представлен концептуальный подход правового режима Арктики, разработанный с помощью прикладного метода исследования истории международных отношений и внешней политики Российской Федерации. На примере истории трансграничного взаимодействия показан процесс формирования государственных стандартов по безопасному туризму на арктических водах. Правовое положение Арктики предлагается рассматривать в рамках понятия «пограничные темы» с помощью авторского мирополитического подхода, водно-бассейнового принципа, а также способов формирования водно-экологического режима на Севере и в Арктике. Основной акцент сделан на поиске баланса между правилами и нормами многонационального общества, рассматриваемого в рамках теории институционального конструктивизма, который может оказать идейную основу для строительства нового поколения российского общества, в том числе в качестве примирительного способа двух институтов – социального и управленческого.

Ключевые слова: Арктика, правовой режим, пограничные темы, мирополитический подход, водно-бассейновый принцип, водно-экологический режим.

KHARLAMPJEVA Nadezhda Klimovna

Ph.D. in historical sciences, associate professor of World politics studies sub-faculty, St. Petersburg State University; senior researcher of the Department of Hydrology and Water resources, Arctic and Antarctic Research Institute

TOWARDS A CONCEPTUAL APPROACH TO DEFINING THE LEGAL REGIME OF THE ARCTIC

This article presents a conceptual approach to the Arctic's legal regime, developed by using an applied research method, examining the history of international relations and the foreign policy of the Russian Federation. The history of cross-border interaction as an example illustrates the process of developing state and interstate standards for safe tourism in Arctic waters. The legal status of the Arctic is proposed to be considered within the framework of the concept of "border issues" within the author's world political approach, the water basin principle, and methods for shaping the water-ecological regime in the North and the Arctic. The main emphasis is placed on finding a balance between the rules and norms of a multinational society, considered within the framework of the theory of institutional constructivism, which can provide an ideological basis for the construction of a new generation of Russian society, including as a means of reconciling two institutions – social and administrative.

Keywords: Arctic, Law regime, border issues, world political approach, water-basin principle, water-ecological regime.

Харлампьева Н. К.

Обращение к актуализации внешнеполитического курса Российской Федерации по полярным регионам – Арктике и Антарктике на кафедре мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета началось в 1997 году с изучения современной истории международного взаимодействия государств и негосударственных акторов на Севере и в Арктике. Включение Арктики и Антарктики как отдельных регионов в Концепцию внешней политики Российской Федерации в 2023 году¹ стало показателем возрастающей роли государственных органов власти Российской Федерации в целях совершенствования управленческих решений, упорядочивания отношений с корпоративными и зарубежными партнерами. Изучение истории формирования арктической политики РФ и возможности включения ее в транснациональные отношения, выполненные в рамках грантов Министерство образования и науки РФ, РГНФ и СПбГУ способствовали си-

стематизации вопросов включенности российской Арктики в мирохозяйственные связи, организации студенческой эмпирико-аналитической работы. В целях дальнейшего исследования был разработан мирополитический подход [9] как научный и научно-методический способ выявления новых знаний о Севере и об Арктике.

Анализ фактов и событий, касающихся Арктики с конца 80-х годов XX столетия как объекты изучения новых явлений и процессов в общественно-политических дисциплинах продолжают оставаться существенной частью специальности «политология и регионоведение» с учетом знаний теории международных отношений и мировой политики российской научной школы. Авторский мирополитический подход, разработанный на кафедре мировой политики СПбГУ для исследования современных арктических отношений, стал одним из теоретико-методологических разработок факультета международных отношений СПбГУ, в целом, и кафедры мировой политики, в частности [6]. Элективный курс «Арктика в современной политической системе: межгосударственные отношения и методология исследования» преподается с 2009 г. при помощи одноименного методического пособия [10].

¹ Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации № 229 от 31.03.2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.02.2026).

Таблица 1. Мирополитический подход по изучению формирования правовых отношений

Принципы глобальной политики	Регионообразующее положение	Местная практика
ООН и ее специализированные учреждения	ЕС, АС, БЕАР, СГБМ, СФ, ПК ПАР, Модельные законы Парламентариев СНГ	Субъекты АЗРФ
ЦУР		

* Составлена автором

При выявлении стратегического значения «нового региона» Арктики была установлена тесная связь поиска консенсуса между дисциплинами естественных и общественных наук. «Интегральное представление об Арктике» [2] стало методологическим обоснованием разъяснения трансформационных процессов социально-экономических условий развития на Крайнем Севере и в формировании новых знаний об Арктике. Так, например, стали очевидными изменения правовых механизмов распределения северных социальных льгот путем подписания коллективного договора трудовых коллективов и их семей с компаниями в конце 80-х гг. XX в., и поиск новых форм социальной ответственности компаний, ведущих свою деятельность на территориях, входящих в районы Арктической зоны Российской Федерации в 20-х гг. XXI в.

Между тем особенности географического детерминизма включенности субъектов Арктической зоны Российской Федерации в мировое хозяйствование, в систему международного разделения труда и налаживание с прагматической политикой Китая по «строительству социализма с китайской спецификой» создают условия для систематизации принципов и подходов, внедряемых в современной внешнеполитической и внешнеэкономической практике.

Так возникла идея изучения взаимозависимых и взаимодополняющих систем сложноорганизованных структур арктической экосистемы в мировой политике. Оказалось, что интегральный метод исследования стал едва ли не единственной научно-исследовательской находкой в объяснении постнеклассического представления [7] о современной системе международных отношений в формировании нового миропорядка. Энтропийный характер появления новых международных объединений и организаций, мгновенное распространение либеральных идей рассматривались с помощью выявления принципов глобальной политики, их регионообразующего положения и достижений практики международного взаимодействия [10]. Данный метод помог выявить закономерности, связанные с передачей знаний и трансформацией общественных отношений, диктуемых существующими межгосударственными глобальными и региональными договоренностями.

В таблице 1 «Мирополитический подход по изучению формирования правовых отношений» приведены три столбика, с помощью которых можно изучить процесс становления новых структур, функционирующие для фиксации (ведения протокола) распространения идей, их узаконивания и применения.

Было обнаружено, что в период концептуализации и в ходе описания достаточных и необходимых условий взаимодействия органов власти и таких социальных структур как общественные объединения и бизнес-сообщества, в российском обществе сформировались управленческие понятия «государственное администрирование», «корпоративный менеджмент», «общественные слушания» или «публичные обсуждения». По сути, эти понятия являются показателем зарождения демократических отношений, с одной стороны,

и открытия дискуссии о зрелости общества, с другой стороны.

В отечественной школе политической социологии и теории мировой политики как нового направления теории международных отношений единицы социальной структуры, с онтологической точки зрения, становятся объектом исследования в рамках теории институционального конструктивизма. При этом в понятие институт вкладываются правила и нормы культуры, а не структурные и принудительные функциональные аспекты. Так, ценностная роль межкультурных коммуникаций между представителями государственного администрирования, корпоративного менеджмента и участниками общественных слушаний/публичных обсуждений принимается как основа выстраивания и сохранения логики естественного бесконфликтного развития взаимоотношений. Потому для изучения концептуальных арктических направлений наиболее подходящим термином выбрано понятие «безопасность пограничных пространств». Понятие «безопасность пограничных пространств» С. В. Голунова [4] дано для уточнения темы безопасности приграничных географических районов, тем самым раскрывало особенности направлений политического реализма.

В настоящей статье будет удобно применить понятие «пограничные темы» в целях укрепления направлений рациональной политической культуры [11]. Пространственная особенность фронтальной/окраинной Арктики часто упомянутая в современной политической системе вбирает в себе все особенности отношений в стратегической системе управления и стандартизации. Потому под понятием «пограничная тема» понимается некий объект изучения, выявляемый любым методологическим и методическим способом для объяснения тематики изучения. В данном случае таким объектом является роль государства в формировании отраслевых стандартов в рамках детализации трансграничных отношений не только в прямом их смысле, но и понимания пограничной управленческой позиции государственного администрирования по отношению к корпоративному менеджменту с предполагаемым учетом общественного мнения.

Теоретически основы организации безопасного туризма в северных регионах зарубежной Арктики были исследованы с целью выявления целесообразности применения критериев лучших примеров, практик, основанных на доступных технологиях. Стандарты, разработанные для развития экологического туризма, методологически имеют канадские корни. Так рекомендации корпоративного менеджмента, получив одобрение в специализированных учреждениях ООН, становятся классической академической литературой и основой для согласования государственных стандартов.

В российской научно-теоретической практике обсуждение организации безопасного туризма с учетом знаний гидрографического районирования впервые состоялось в 2016 г. в научно-технической библиотеке Отдела Фонда данных и научно-технической информации ААНИИ с участием магистрантов СПбГУ, РГТМУ и других вузов Санкт-Петербурга, представителей Постоянных представительств регионов

Таблица 2. Согласование международных стандартов при организации туризма в Арктике (по состоянию на 2016 г.).

Местная практика / Российские федеральные законы и Государственные стандарты	Международное региональное положение / Баренцев регион (Карелия, Архангельск, Мурманск)	Принципы глобальной политики/ Международные стандарты
Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ (последняя редакция) ¹	Интегрированная система менеджмента ISO 9001, EN 45000, ISO14001 ²	ISO 9001 quality management system ISO 14001 environment management system ISO 45001:2018 health and occupational safety system
ГОСТ Р 56642-2015. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования ⁴ .	ГОСТ Р 52104-2003. Ресурсосбережение. Термины и определения ³ .	
Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (с изменениями и дополнениями) ⁵		

* Составлена автором

- 1 Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» от 24.11.1996 № 132-ФЗ (последняя редакция) 24.11.1996 // СПС «КонсультантПлюс».
- 2 См.: Интегрированная система менеджмента. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tms-cs.ru/sertifikaciya-sistem-menedzhmenta/integrirovannaya-sistema-menedzhmenta> (дата обращения: 20.02.2026).
- 3 ГОСТ Р 52104-2003. Ресурсосбережение. Термины и определения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sro150.ru/images/docs/gost-52104-2003.pdf> (дата обращения: 20.02.2026).
- 4 ГОСТ Р 56642-2015. Туристские услуги. Экологический туризм. Общие требования. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1200124943> (дата обращения: 20.02.2026).
- 5 Федеральный закон № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (с изменениями и дополнениями) от 14 марта 1995 // СПС «КонсультантПлюс».

АЗРФ в Санкт-Петербурге при содействии Отдела гидрологии устьев рек и водных ресурсов Государственного научного центра «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт». Обоснованием организации научно-технического семинара стали интересы восточных стран к Арктике. Так, участие представителей СПбГУ и ААНИИ в 2009 году в экспертных встречах при Сингапурском национальном университете положило начало внешнеполитическому курсу РФ «поворот к Востоку» с арктической тематикой. Начало пилотного проекта по научно-образовательному сотрудничеству в 2011 году стало основой подписания Договора о сотрудничестве СПбГУ с Океаническим университетом Китая (г. Циндао, провинция Шаньдун, КНР). Так, Институт международных связей и общественных отношений Океанического университета Китая приступил к выявлению пограничных тем для Белой книги Арктики КНР. Глобальность арктической тематики стала очевидной. Вопросы российского арктического туризма продолжались на Круглых столах, организованных Северным (Арктическим) федеральным университетом. У восточных партнеров возник интерес к посещению туристами их стран российских северных регионов и Арктику. Потому возникла идея о выпуске издания – справочника «Арктический туризм в Арктике» [1] для понимания ситуации в районах Крайнего Севера, институтов, занимающихся этой тематикой. В сборнике впервые была изложена идея водно-бассейнового подхода для организации безопасного туризма и бережного отношения к российскому Северу и Арктике с дальнейшей перспективой разработки правовой концепции водно-экологического режима российской Арктики.

Правовое состояние водно-экологического режима предлагается изучить с помощью прикладного метода анализа политико-правовой ситуации К. П. Боришполец [3] и выстраивания матрицы ситуативного анализа М. А. Хрусталева [11] применяемых не только для уточнения рациональной политической культуры, но и уровней прикладного анализа в том числе. Эти методические способы на примере изучения политико-правового состояния территорий водосбора Северного Ледовитого океана [13] выступают в качестве

примирения естественнонаучных и общественных дисциплин, давая возможность обратиться к системному анализу и показывая природоохранную тематику как объект и предмет пограничных тем с помощью водно-бассейнового принципа.

Матрица ситуативного анализа строится на структуре существующих органов управления, показывая пять уровней организационных отношений, отношения которых можно увидеть на примере формирования правовых основ арктического туризма на воде и суше [1]. Наличие существующих органов, способствующих организации безопасного туризма в Арктике позволяет классифицировать следующие 5 (пять) уровней обсуждения и процесса принятия решений: 1) глобальный (океанический и морской туризм) – Международная морская организация (ММО), Ассоциации операторов морских круизных туров и отдельных частных компаний, 2) международный арктический (морской) туризм Рабочая группа Арктического Совета по защите морской окружающей среды (РАМЕ) при содействии Арктического экономического совета, 3) межрегиональный арктический туризм (морской туризм) – Ассоциации операторов морских круизных туров и отдельные частные компании, Совет министров Северных стран при содействии экономических объединений, 4) региональная инновационная система АЗРФ (морской и речной туризм) – Совет государств Балтийского моря, Совет государств Баренцев/Евроарктического моря, Берингово-морские программы и проекты при содействии экономических объединений, 5) межрегиональный российский с участием субъектов Арктической зоны Российской Федерации (морской и речной туризм) – Северо-Западный, Уральский, Сибирский, Дальневосточный федеральные округа при содействии торгово-промышленных палат, Северного форума. При этом новое поколение руководящих кадров по сочетанию форм государственного администрирования, корпоративного менеджмента и общественных отношений будут осуществляться в рамках управлений и комитетов по культуре и туризму, учебных заведений, частных туристических компаний, их объединений и др. В этом случае водно-экологическая основа международных

норм права могут сыграть главенствующую роль во всех направлениях: начиная с обсуждения, планирования и осуществления проектов и программ.

Следующий пример – «Согласование международных стандартов при организации туризма в Арктике» (таблица 2) – отражает состояние развития туризма в северо-западной части российской Арктики. Изучение нового направления – промышленного туризма как поддержание темы трансграничного сотрудничества в Баренцевом регионе было поднято Санкт-Петербургской Президентской академией. В данном случае мирополитический подход был перестроен в обратном порядке: местная практика и принципы глобальной политики поменялись местами, оставив в середине достижения стандартов трансграничного сотрудничества.

Так, создание условий организации безопасного туризма, согласование международных стандартов, сформированные с помощью трансграничных отношений северо-западных регионов РФ могли бы развить концептуальный подход правового водно-экологического режима природоохранных требований с восточными партнерами Российской Федерации.

Для этого было бы целесообразно обратиться к имеющимся декларативным документам, в рамках которых обсуждаются такие принципы: на международном океаническом и морском уровнях – сообщество с общей экологической судьбой, на международном уровне арктического морского туризма – экологический безопасный туризм 2014 г., на трансграничном уровне межрегионального морского туризма – принципы модели «Устойчивого регионального туризма» 2006 г.

На обширной территории российского севера на межрегиональном уровне субъектов Арктической зоны Российской Федерации в последние годы уточняются границы ответственности зон гидрометеорологического наблюдения, фоновых режимов многолетней мерзлоты грунта, гидрологических условий изменения климата на устьевых областях рек, способствующие выявлению водно-экологических принципов организации в районах компактного проживания коренных народов, ведения экономической деятельности, в том числе морского, речного и пешего походов, спортивного туризма, охоты и рыбалки.

В условиях роста международного интереса к Арктике, обобщая обращение к примерам истории формирования внешней политики Российской Федерации, следует отметить:

– пограничный характер взаимозависимых принципов и подходов при концептуализации правового положения российской Арктики, при совершенствовании взаимодействия законодательных и исполнительных органов власти, муниципальных образований, частных и частно-государственных компаний по формированию общества нового поколения,

– необходимость научно-методической разработки в теории права по выявлению арктической спецификации, с одной стороны, а также внедрения водно-бассейнового принципа в целях закрепления международной природоохранной составляющей, с другой стороны.

Вместе с тем хочется верить в то, что поиск баланса между правилами и нормами многонационального общества, рассматриваемый в рамках теории институционального конструктивизма может оказать идейную основу строительства нового поколения российского общества, в том числе в качестве примирительного способа двух институтов – социально-го и управленческого, в рамках которой институты органов

власти смогут регулировать культурные различия не только с зарубежными партнерами, но и внутри управленческих структур – государственного администрирования, корпоративного менеджмента, общественных слушаний и публичных обсуждений.

Пристатейный библиографический список

1. Арктический туризм в России / отв. редактор Ю. Ф. Лукин; [составитель туристского справочника по регионам Н. К. Харлампова]; Сев. (Арктич.) федер. ун-т; Санкт-Петерб. гос. ун-т. – Архангельск: САФУ, 2016.
2. Атлас Арктики. – М., ГУГК, 1985.
3. Боришполец К. П. Методы политических исследований. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 230 с.
4. Голунов С. В. Безопасность пограничных пространств // Современная мировая политика: прикладной анализ / под ред. Богатурова А. Д. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 554-568.
5. Иванов В. В., Харлампова Н. К. Поверхностные водные объекты Российской Арктики в свете водного, земельного и природоохранного законодательства: состояние и проблемы // Арктика: общество, наука и право: сб. статей / под ред. Н. К. Харламповой. – СПб.: С.-Петерб. гос. ун-т, 2020. – С. 8-18.
6. Лагутина М. Л., Маркушина Н. Ю. Мирополитические исследования на факультете международных отношений СПбГУ // Актуальные проблемы мировой политики: научный альманах. Юбилейный выпуск. 30 лет кафедре мировой политики СПбГУ. Том 11 / под ред. Д. Н. Барышниковой и М. Л. Лагутиной. – СПб.: Скифия-принт, 2024. – С. 26-47.
7. Лебедев С. А. Философия и методология науки: Монография. – М.: Академический проект, 2021. – С. 447-456.
8. Харлампова Н. К. Арктика в современной политической системе: межгосударственные отношения и методология исследования: учебно-методическое пособие. – СПб.: СПбГУ, 2012. – 148 с.
9. Харлампова Н. К. Арктика в современной системе глобального мира // Наука и инновационные разработки – Северу. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2014. – С. 387-390.
10. Харлампова Н. К. Методология исследования основ международного экономического сотрудничества в Арктике // Вестник Санкт-Петербургского ун-та. Сер. 6. Политология. Международные отношения. – 2016. – Вып. 2. – С. 97-109. – DOI: 10.21638/11701/spbu06.2016.209.
11. Хрусталева М. А. Структура внешнеполитического курса государства // Современная мировая политика: прикладной анализ / под ред. Богатурова А. Д. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 122-154.

Гу Вэньшо

аспирант кафедры международного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ОТ СОГЛАСИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ К ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ: ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ДЕНОНСАЦИИ ПРАВООЗАЩИТНЫХ ДОГОВОРОВ

В статье обосновывается необходимость перехода от согласительной (permissive) модели одностороннего выхода из договоров о правах человека к процессуально-ориентированному подходу. Показывается, что минималистские правила денонсации, приемлемые для договоров обменного типа, оказываются функционально недостаточными применительно к правозащитным инструментам, создающим права индивидов и встроенным в национальные правовые порядки. Предлагается «процессуальная» архитектура выхода: публичная мотивировка решения, национальная проверка (парламент, суды, национальные правозащитные институты), международная проверка (органы договоров, суды, депозитарии и государства-участники) при приоритете внутреннего уровня. Отдельно анализируются российские и китайские подходы к соотношению суверенитета и стабильности договорных обязательств, и формулируются предложения по институционализации диалога и ограничения произвольной денонсации.

Ключевые слова: денонсация, выход из договора, права человека, международные суды, субсидиарность, суверенитет, процессуальная легитимация.

GU Wenshuo

postgraduate student of International law, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Гу Вэньшо

FROM THE CONCILIATORY MODEL TO THE PROCEDURAL MODEL: RETHINKING THE DENUNCIATION OF HUMAN RIGHTS TREATIES

The article substantiates the need to move from a permissive model of unilateral withdrawal from human rights treaties to a process-oriented approach. It is shown that the minimalist rules of denunciation, acceptable for exchange-type contracts, are functionally insufficient in relation to human rights instruments that create the rights of individuals and are embedded in national legal systems. The paper proposes a "procedural" architecture for withdrawal: public justification of the decision, national review (parliament, courts, and national human rights institutions), and international review (treaty bodies, courts, depositaries, and participating states), with a priority given to the domestic level. The paper also analyzes the Russian and Chinese approaches to the relationship between sovereignty and the stability of treaty obligations, and formulates proposals for institutionalizing dialogue and limiting arbitrary denunciation.

Keywords: denunciation, withdrawal from a treaty, human rights, international law.

Введение. Современная международная защита прав человека построена как совокупность взаимосвязанных режимов: универсальные пакты и конвенции¹, региональные соглашения², дополнительные протоколы и декларации о признании юрисдикции судов или договорных органов³. Односторонний выход из этих инструментов перестал быть исключением, и становится элементом политико-правового метода государств, стремящихся сократить внешнее наблюдение [1, р. 3]. При этом действующие правила права международных договоров, ориентированные на суверенное

согласие, допускают выход при соблюдении минимальных формальностей, что создаёт асимметрию между масштабом последствий для индивидов и легкостью процедуры для исполнительной власти⁴.

Настоящая работа развивает процессуальный подход к денонсации, понимая его как комплекс требований транспарентности, аргументации и институционального контроля. Такой подход призван не отменить право на денонсацию, а сделать его реализацию совместимой с объектом и целью правозащитных договоров.

Согласительная (permissive) модель денонсации и её пределы. Право международных договоров традиционно рассматривает право на денонсацию как элемент договорной архитектуры, компенсирующий неопределенность международных отношений. Положения о денонсации выполняет функцию «предохранительного клапана», облегчает переговоры и стимулирует присоединение государств к более глубоким обязательствам. В классических межгосударственных соглашениях это соответствует логике взаимности: прекра-

- 1 International Covenant on Civil and Political Rights. Concluded at New York, 16 December 1966. [Electronic source]. – Access mode: <https://www.ohchr.org/en/instruments-mechanisms/instruments/international-covenant-civil-and-political-rights> (date of access: 10.02.2026).
- 2 European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Opened for signature at Rome, 4 November 1950, entered into force 3 September 1953 [Electronic source]. – Access mode: https://www.echr.coe.int/documents/convention_eng.pdf (date of access: 10.02.2026).
- 3 Declaration accepting the compulsory jurisdiction of the International Court of Justice under Article 36(2) of the Statute of the ICJ, by the Republic of Germany, 8 December 1970 [Electronic source]. – Access mode: <https://www.icj-cij.org/en/declarations> (date of access: 10.02.2026).

- 4 Венская Конвенция о праве международных договоров. Подписана в Вене, 23 мая 1969 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 22.02.2026).

щая участие, государство отказывается от прав и освобождается от будущих обязанностей.

Однако в правозащитных договорах взаимность имеет иной характер. Права адресованы индивидам, а механизмы контроля формируют систему коллективной гарантии. Поэтому формально нейтральный акт уведомления способен фактически повлиять на доступ к правосудию, на практику национальных судов и на стандарт правовой защиты.

Ключевой тезис о неэквивалентности правозащитных договоров «традиционным» соглашениям подтверждается практикой региональных судов. Например, Межамериканский суд неоднократно подчеркивал, что цель таких договоров — защита личности, а не обмен уступками между государствами⁵.

Таким образом, специфика правозащитных договоров проявляется не только на уровне их целей и характера обязательств, но и в способе их функционирования внутри государств. Именно переход от международного измерения к внутреннему уровню позволяет увидеть, что денонсация затрагивает не только внешние отношения, но и устойчивость национального правопорядка. В этом контексте ключевым становится вопрос «встроенности» международных стандартов в конституционную и судебную систему государства.

Национальная «встроенность» правозащитных договоров и вызовы денонсации. Встроенность (*embeddedness*) означает, что международные стандарты получают институциональное выражение внутри государства. Это может происходить через конституционное признание договоров, через законы об имплементации, через судебное толкование и через административные практики. В результате формируется устойчивое ожидание прав субъектов, подкрепленное как международными, так и внутренними источниками.

Сравнительный анализ показывает, что в значительном числе государств правила о выходе менее развиты, чем правила о присоединении. Это создает «конституционный разрыв», позволяющий исполнительной власти обходить законодательный орган при принятии решения о денонсации [2, p. 135-155].

На практике этот разрыв порождает три группы последствий. Во-первых, перераспределяется баланс властей: исполнительная власть получает возможность односторонне сокращать систему гарантий. Во-вторых, возникает неопределенность относительно действия имплементирующих актов и ранее сформированной судебной практики. В-третьих, возможен конфликт между международной действительностью уведомления и внутренней недействительностью (например, при нарушении конституционной процедуры). Ситуация, когда международно-правовой эффект наступает независимо от внутренних процедур, подробно анализируется в доктрине как проблема интерфейса международного и внутригосударственного права [3, p. 88].

Однако проблематика денонсации не исчерпывается коллизией международного и внутреннего уровней. Даже при формальном соблюдении процедур выход из правозащитного договора затрагивает более широкую систему вза-

имосвязанных международных режимов. Для понимания этих последствий необходимо обратиться к структуре международной системы защиты прав человека в целом.

Международный уровень: вложенные режимы и *jus cogens*. Международная система прав человека имеет вложенный характер: нормы закреплены одновременно в нескольких договорах, развиваются через практику органов контроля и подкрепляются обычным правом. Для ряда запретов (пытки, рабство, геноцид) речь идет также об императивных нормах. Поэтому выход из одного инструмента может не устранять материальные обязательства, но способен ослабить процедурные и институциональные механизмы их реализации.

В правоприменительном плане проблемными являются выходы, ориентированные на устранение внешнего контроля: отказ от юрисдикции международных судов или от индивидуальных жалоб в договорные органы, что лишает индивидов ключевого канала защиты. Дополнительный риск связан с тем, что массовые или системные нарушения прав часто служат контекстом таких решений, усиливая эффект безнаказанности.

Совокупность указанных рисков свидетельствует о том, что существующая согласительная модель денонсации оказывается функционально недостаточной. Если правозащитные договоры создают устойчивые институциональные ожидания и встроены в многоуровневую систему гарантий, то и процедура выхода должна учитывать эту сложность. Отсюда вытекает необходимость перехода от формально-договорной логики к процессуально-ориентированной модели.

Процессуально-ориентированная модель: содержание и механизмы реализации. Процессуальная модель включает четыре взаимосвязанных элемента: (1) обязанность мотивировки; (2) внутренний контроль; (3) международный контроль; (4) последовательность действий (субсидиарность).

Обязанность мотивировки означает публичное изложение юридических и фактических оснований выхода, оценку воздействия на права и на внутреннюю правовую систему, а также раскрытие альтернатив (например, интерпретационные заявления, оговорки, реформирование имплементации). В условиях политической поляризации мотивировка выступает противовесом «молчаливому» административному решению.

Внутренний контроль предполагает участие парламента (одобрение или обязательные консультации), судебный контроль законности процедуры и роль национальных правозащитных институтов (оценка воздействия на группы, консультации с гражданским обществом). Эти механизмы создают пространство для оспаривания решения в пределах срока уведомления.

Международный контроль включает: дипломатические возражения государств-участников; рассмотрение вопросов действительности выхода в международных судах и договорных органах; институциональные действия депозитариев. Хотя депозитарии обычно выполняют техническую функцию, в условиях спорной денонсации они могут усиливать транспарентность, фиксируя информацию о наличии внутреннего спора и доводя её до участников.

Субсидиарность задаёт предпочтительный порядок: сначала внутренние процедуры, затем международные. Однако при отсутствии эффективных внутренних средств (или при их блокировании) международные процедуры могут активизироваться параллельно, чтобы избежать «процедурного вакуума».

5 Inter-American Court of Human Rights. Advisory Opinion OC-2/82 of September 24, 1982. The Effect of Reservations on the Entry into Force of the American Convention on Human Rights (Arts. 74 and 75). [Electronic source]. – Access mode: https://www.corteidh.or.cr/docs/opiniones/seriea_o2_ing.doc?__cf_chl_tk=KMYoAUWBhJvIH2RH.4sNx6e1xLZSjp7tn5jRTCS3w1Y-1771938875-1.0.1.1-GU.tTiHo.xOoZcLShBMRgwm3IsEgAHjVQq25ZqbK66E (date of access: 22.02.2026).

Предложенная модель требует доктринального обоснования в рамках различных правовых традиций. В этой связи показателен сравнительный анализ российских и китайских подходов к соотношению суверенитета и стабильности международных обязательств, поскольку обе системы сочетают акцент на государственный суверенитет с признанием значимости международно-правовой предсказуемости.

Российская и китайская доктрина: суверенитет, добросовестность и процессуальная ответственность. Российская доктрина международного права традиционно связывает устойчивость договорных обязательств с принципами добросовестности и запрета злоупотребления правом. В этом контексте денонсация понимается не как «индальгенция» на отказ от обязательств, а как юридически оформленная процедура, подчиненная рамкам договора и общему международному праву [5, с. 312-334], [6, с. 169-175].

Китайская школа, развивая идею суверенитета в условиях глобализации, акцентирует функциональность участия в международных режимах: суверенитет реализуется через выбор форм участия и через соблюдение процедур, обеспечивающих предсказуемость и баланс интересов. Отсюда следует, что процессуализация выхода может рассматриваться как инструмент снижения конфликтности и как проявление ответственного суверенитета [4, с. 477], [10, с. 19].

С учетом этих доктринальных опор предлагается закреплять на национальном уровне: (а) симметрию процедур присоединения и выхода; (б) обязательную оценку воздействия на права; (в) судебную проверяемость; (г) обязанность мотивировки. На международном уровне целесообразны «мягкие» стандарты: рекомендации договорных органов, практики депозитариев и развитие консультативной юрисдикции судов.

Тем самым процессуализация выхода выступает не ограничением суверенитета, а его институциональным оформлением.

Заключение. Анализ показал, что традиционная согласительная модель денонсации, сформированная в рамках классического договорного права, не учитывает специфику правозащитных договоров, создающих права индивидов и встроенных в национальные правовые порядки. Минималистская процедура выхода порождает дисбаланс между масштабом правовых последствий и простотой принятия решения исполнительной властью. Процессуально-ориентированная модель предлагает иной подход: обязанность мотивировки, внутренний и международный контроль, а также соблюдение субсидиарности. Эти элементы не устраняют право государства на денонсацию, но переводят его в режим публичной ответственности и институциональной проверяемости. Тем самым процессуализация выхода выступает формой рационализации суверенитета, позволяя согласовать его осуществление с коллективной гарантией прав человека и снизить риск произвольного уклонения от международных обязательств.

Пристатейный библиографический список

1. Çali B., Helfer L.R. Rethinking Human Rights Treaty Withdrawals: A Process-Based Approach // *Melbourne Journal of International Law*. - 2025. - Vol. 26 (1). - P. 1-32.
2. Verdier P.-H., Versteeg M. Separation of Powers, Treaty-Making, and Treaty Withdrawal: A Global Survey. The

Oxford Handbook of Comparative Foreign Relations Law. - Oxford: Handbooks Online. - P. 135-155.

3. Woolaver H. From Joining to Leaving: Domestic Law's Role in the International Legal Validity of Treaty Withdrawal // *European Journal of International Law*. - 2019. - Vol. 30 (1). - P. 73-104.
4. Ван Эшань *Право международных договоров*. - Ухань: Издательство Уханьского университета, 1998. - 586 с.
5. Капустин А. Я. Современная концепция толкования международных договоров: монография / под ред. А. Я. Капустина. - М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2023. - 432 с.
6. Лукашук И. И., Лукашук И. И. Современное право международных договоров: в 2 томах / Институт государства и права РАН. Том 1. - М.: Издательство «Волтерс Клувер», 2004. - 496 с.
7. Фань Цзин Принцип государственного суверенитета в контексте тенденции к экономической глобализации // *Юридический вестник*. - 2002. - № 6. - P. 19-21.

ЕДЛИЧКО Павел Андреевич

аспирант (специальность 5.1.5 международно-правовые науки), Санкт-Петербургский государственный морской технический университет (СПбГМТУ)

Едличко П. А.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОНЯТИЯ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ШЕЛЬФА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ: ОТ ТРУМЭНОВСКОЙ ПРОКЛАМАЦИИ ДО СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ В АРКТИКЕ

В статье исследуется эволюция понятия континентального шельфа в международном праве – от его зарождения в Трумэнской прокламации 1945 года до современного нормативного закрепления в Конвенции Организации Объединенных Наций (далее по тексту – ООН) по морскому праву 1982 г. Особое внимание уделяется анализу критериев установления внешней границы шельфа, предусмотренных статьёй 76 Конвенции, и их применению в контексте арктических притязаний прибрежных государств. Автор выявляет проблемные аспекты соотношения геологического и юридического понятий шельфа, а также рассматривает влияние технологического бурения на трансформацию международно-правового режима. На основе анализа доктрины, судебной практики и современных научных публикаций 2024–2026 годов делается вывод о двойственности современной практики: с одной стороны, Комиссия по границам континентального шельфа последовательно применяет геологический подход (решение по хребту Ломоносова), с другой стороны, в судебной практике по делимитации между государствами наблюдается тенденция к ограничению притязаний, основанных на естественном продолжении, когда они вторгаются в 200-мильные зоны других государств.

Ключевые слова: континентальный шельф, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., естественное продолжение суши, Комиссия по границам континентального шельфа, Арктика, хребет Ломоносова, делимитация морских пространств.

EDLICHKO Pavel Andreevich

postgraduate student (specialty 5.1.5 International Law Sciences), St. Petersburg State Maritime Technical University (SPBGMTU)

TRANSFORMATION OF THE CONCEPT OF THE CONTINENTAL SHELF IN INTERNATIONAL LAW: FROM THE TRUMAN PROCLAMATION TO CONTEMPORARY CHALLENGES IN THE ARCTIC

The article examines the evolution of the continental shelf concept in international law, from its inception in the 1945 Truman Proclamation to its modern normative consolidation in the 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea. Particular attention is paid to the analysis of criteria for establishing the outer limits of the shelf under Article 76 of the Convention and their application in the context of claims by Arctic coastal States. The author identifies problematic aspects of the relationship between geological and legal notions of the shelf, and examines the impact of technological progress, particularly in deepwater drilling, on the transformation of the international legal regime. Based on analysis of doctrine, judicial practice and recent scholarly publications from 2024–2026, the article concludes that there is a duality in modern practice: on the one hand, the Commission on the Limits of the Continental Shelf consistently applies the geological approach, as demonstrated by the ongoing examination of the Lomonosov Ridge submission (with significant progress made in 2025); on the other hand, in judicial practice on delimitation between States, there is a tendency to limit claims based on natural prolongation when they encroach upon the 200-mile zones of other States.

Keywords: continental shelf, 1982 United Nations Convention on the Law of the Sea, natural prolongation of land territory, Commission on the Limits of the Continental Shelf, Arctic, Lomonosov Ridge, maritime delimitation.

Введение

Континентальный шельф как правовая категория прошёл сложный путь становления на протяжении XX–XXI веков. Возникнув как результат односторонних актов государств, этот институт сегодня представляет собой один из наиболее детально проработанных элементов международного морского права. Актуальность исследования обусловлена тремя факторами:

Во-первых, продолжение в 2025 году рассмотрения уточнённой заявки Российской Федерации в Комиссии по границам континентального шельфа¹ (далее по тексту – CLCS).

Во-вторых, появлением новых научных публикаций, критически переосмысляющих роль естественного продолжения суши как основания прав на шельф.

В-третьих, практическими потребностями правового обеспечения освоения арктических ресурсов в условиях климатических изменений и технологического прогресса.

Цель настоящей статьи – проследить эволюцию понятия континентального шельфа, выявить проблемные аспекты современного правового регулирования и предложить авторское видение перспектив развития данного института применительно к Арктическому региону с учётом последних тенденций в практике государств и Комиссии ООН (по состоянию на 2025–2026 гг.).

1. Становление понятия континентального шельфа: от геологии к праву

1.1. Трумэнская прокламация 1945 года как точка отсчёта

Доктринальные источники единодушны в признании Прокламации Президента Соединённых штатов Америки (далее по тексту – США) Г. Трумэна от 28 сентября 1945 года отправной точкой формирования международно-правового режима континентального шельфа. В документе провозглашалось, что «правительство США рассматривает природные

1 Commission on the Limits of the Continental Shelf. Concluding of the sixty-fifth session (20 October – 21 November 2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://press.un.org/en/2025/sea2246.doc.htm> (дата обращения: 16.03.2026).

ресурсы недр и морского дна континентального шельфа, находящегося под открытым морем, но прилегающего к берегам США, как принадлежащие США и подлежащие их юрисдикции и контролю».

Принципиальное значение имело то, что США не заявляли о распространении суверенитета на воды, покрывающие шельф, – тем самым был заложен фундаментальный принцип разграничения прав на водную толщу (свобода судоходства) и на морское дно (суверенные права прибрежного государства).

Геологическое понимание шельфа как подводной окраины материка до глубины 200 метров (традиционно являющейся пределом технических возможностей того времени) было положено в основу юридической конструкции. Как отмечается в современной доктрине, технологический прогресс всегда опережал правовое регулирование, и Трумэнская прокламация стала первым примером, когда право отреагировало на новые возможности освоения ресурсов [1; 2].

Таким образом, Трумэнская прокламация стала не просто первым односторонним актом о континентальном шельфе, но и создала определенную модель будущего правового режима. Согласно положениям Трумэнской прокламации, появилось разделение прав на воду и дно, появилась привязка к геологическому шельфу и были признаны исключительные права прибрежного государства. Обратим внимание, что именно Трумэнская прокламация запустила процесс, который впоследствии привёл к универсальной кодификации в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

1.2. Кодификация в Женевской конвенции 1958 года

Женевская конвенция о континентальном шельфе 1958 года закрепила два альтернативных критерия определения границ шельфа: глубины (до 200 метров) и технической доступности (глубже 200 метров, но там, где возможна разработка ресурсов). Статья 1 Конвенции определяла континентальный шельф как «поверхность и недра морского дна подводных районов, примыкающих к берегу, но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 метров или, за этим пределом, до такого места, куда глубина покрывающих вод позволяет разработку природных ресурсов этих районов».

Сравнительный анализ показывает принципиальное различие подходов Женевской конвенции и последующего регулирования. Женевская конвенция исходила из геоморфологического критерия (реальный шельф, как геологическая структура) и критерия эксплуатационности (возможность разработки), который делал границы шельфа «плавающими» – по мере развития технологий они могли неограниченно расширяться. Это создавало риск поглощения международного района морского дна и неопределённость в отношениях между государствами. В современной литературе справедливо указывается, что критерий технической доступности был «миной замедленного действия» для международного сообщества, и его замена в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. на фиксированные геологические и геометрические параметры стала важнейшим достижением кодификации [2; 3; 4; 5].

Несмотря на то, что Женевская конвенция 1958 г. не получила универсального признания (по состоянию на 2026 г. её участниками являются 58 государств), закреплённые в ней принципы – суверенные права прибрежного государства на шельф, независимость этих прав от оккупации, сохранение правового режима вод – стали частью обычного международного права».

Таким образом, Женевская конвенция закрепила принципы, которые были заложены Трумэнской прокламацией. Однако, критерий «эксплуатируемости» сыграл двойственную роль: с одной стороны, он был необходим для фиксации суверенных прав, но с другой – создал неопределённость, так как по мере развития техники границы шель-

фа могли бесконечно расширяться. Эта проблема выявила правовые недостатки, что обусловило необходимость пересмотра режима в рамках Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

2. Современное понятие континентального шельфа по Конвенции ООН по морскому праву 1982 года

2.1. Юридическое определение и его соотношение с геологическим понятием

Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. (принята в Монтего-Бей 10 декабря 1982 г., вступила в силу 16 ноября 1994 г.) ознаменовала качественно новый этап в развитии института континентального шельфа². Согласно ст. 76, континентальный шельф прибрежного государства включает в себя «морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всём протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий... когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние».

Ключевое нововведение – введение «дистанционного» критерия: даже если геологический шельф отсутствует или заканчивается раньше, государство автоматически получает права на 200-мильную зону. Как подтверждается в официальных источниках ООН, «термин «континентальный шельф» используется в статье 76 как юридический термин, который не полностью совпадает с геологическим понятием».

Юридическое понятие конструируется через сочетание геологического критерия (естественного продолжения суши, подводная окраина материка) и геометрического критерия (200 миль). Следует также отметить, что «за прошедшие годы практика Комиссии выявила ряд «серых зон» во взаимопонимании между Комиссией и государствами-заявителями относительно интерпретации геонаучных данных в рамках правовых критериев статьи 76» – утверждает С. Раджан, член CLCS. [6, p.948].

В завершение параграфа следует отметить, что Конвенция ООН по морскому праву 1982 года разрешила противоречие, которое возникало между геологическим и правовым критерием – был создан двойной критерий, который заключался в том, что «до 200 миль права возникают автоматически, а за их пределами требуются доказательства естественного происхождения шельфа». Таким образом, юридическое понятие континентального шельфа стало «шире», чем геологическое, однако находится в тесной связи между собой.

2.2. Критерии установления внешней границы континентального шельфа: эволюция понимания

При рассмотрении критериев установления границ континентального шельфа, необходимо отметить, что статья 76 Конвенции 1982 г. содержит сложный механизм определения внешней границы континентального шельфа, включающий несколько элементов, к которым следует отнести:

1. К первому критерию следует отнести установление подножия континентального склона, что в свою очередь подтверждается ст. 76 п. 4 (b)). Ключевая точка отсчёта – точка максимального изменения уклона у его основания. Необходимо обратить внимание на то, что на практике определение этой точки часто вызывает споры между государствами и CLCS, поскольку «максимальное изменение уклона» может быть интерпретировано по-разному, особенно в случаях, когда рельеф дна имеет сложный рельеф.

2. Ко второму критерию относится применение формул отграничения. Государство может выбрать либо формулу

2 United Nations Convention on the Law of the Sea (Montego Bay, 10 December 1982). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/convention_agreements/texts/unclos/unclos_e.pdf (дата обращения: 16.03.2026).

Гардинера (осадочная толща составляет не менее 1 % расстояния от подножия), либо формулу Хедберга (60 миль от подножия склона). С. Раджан обращает внимание, что «применение формулы Гардинера требует детального сейсмического профилирования, и здесь возможны расхождения в интерпретации мощности осадочного чехла» [6, p.949].

В-третьих, ограничительные линии: внешняя граница не может превышать 350 миль от исходных линий либо находиться более чем в 100 милях от 2500-метровой изобаты (ст. 76, пункт 5). Это так называемые «ограничители», призванные не допустить чрезмерного расширения шельфа за счёт океанического дна.

По состоянию на 2025 год Комиссия рассмотрела более 100 заявок и вынесла около 40 рекомендаций, что свидетельствует о постепенном накоплении практики применения статьи 76. Анализ этих рекомендаций показывает, что Комиссия последовательно придерживается геологического подхода при рассмотрении заявок на расширенный шельф, требуя убедительных доказательств континентальной природы подводных образований [6].

2.3. Проблема разграничения естественного продолжения и критерия расстояния

Анализ современной судебной практики и доктрины позволяет говорить о формировании «единой концепции континентального шельфа». В решении по делу Бангладеш/Мьянма 2012 года Международный трибунал по морскому праву (далее по тексту – ITLOS) подчеркнул, что «статья 76 Конвенции воплощает концепцию единого континентального шельфа», а «существенные права прибрежного государства в пределах и за пределами 200 миль в целом одинаковы»³.

Однако единство правового режима не снимает вопроса о различных основаниях возникновения прав. В пределах 200 миль права возникают *ipso facto* (в силу самого факта) и *ab initio* (с самого начала) на основе расстояния. За пределами 200 миль требуется доказательство естественного продолжения, прохождение процедуры в CLCS и соблюдение ограничений.

Исследователи обращают внимание на то, что суды фактически «сужают как правовую, так и пространственный охват притязаний на внешний континентальный шельф», особенно когда речь идёт о делимитации между государствами с противолежащими или смежными побережьями. Эта тенденция нашла подтверждение в решении Международного Суда ООН по делу Никарагуа против Колумбии (2023)⁴, где Суд постановил, что «естественное продолжение» не может служить основанием для распространения прав государства на континентальный шельф в пределы 200-мильной зоны другого государства [7].

Вместе с тем, как показывает практика CLCS, такое ограничение не означает «подчинение» геологии геометрии – это скорее поиск справедливого решения в условиях конкурирующих притязаний, когда геологическая картина не даёт однозначного ответа [8;9]. Более того, как показало рассмотрение заявки России по хребту Ломоносова, при наличии убедительных геологических данных, Комиссия способна признать естественное продолжение даже на значительном удалении от берега.

3. Арктический контекст: новейшие решения и их значение

3.1. Российская заявка на хребет Ломоносова: от первоначального отказа к современному этапу рассмотрения

3 ITLOS, Dispute concerning delimitation of the maritime boundary between Bangladesh and Myanmar in the Bay of Bengal (Bangladesh/Myanmar), Judgment, ITLOS Reports. – 2012, p 119, para. 463.

4 Question of the delimitation of the continental shelf between Nicaragua and Colombia beyond 200 nautical miles from the Nicaraguan coast (Nicaragua v. Colombia), Judgment of 13 July 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.icj-cij.org/case/155> (дата обращения: 17.03.2026).

Наиболее показательным примером эволюции понимания естественного продолжения является рассмотрение заявки Российской Федерации на расширенный континентальный шельф в Арктике. Первая заявка 2001 года была отклонена именно по причине недостаточной геологической обоснованности – государства – члены Комиссии посчитали, что Россия не доказала в достаточной степени, что хребет Ломоносова является естественным продолжением евразийского континента, а не отдельным океаническим образованием.

В течение 2000-х – 2010-х годов Россия провела масштабные геологические исследования с использованием глубоководных аппаратов «Мир». Впервые в истории с глубины более 4000 метров были подняты пробы грунта, анализ которых показал идентичность пород хребта Ломоносова породам континентального шельфа России⁵.

К 2025 году работа над уточнённой заявкой вступила в решающую фазу. Подкомиссия CLCS, созданная для её рассмотрения, провела несколько сессий, запросила дополнительные материалы и в целом положительно оценила представленные геологические данные. Однако, необходимо обратить внимание на то, что в официальных отчётах окончательные рекомендации ещё не сформулированы⁶.

3.2. Значение рассмотрения заявки для понимания естественного продолжения

В данном параграфе обратим внимание на то, что рассмотрение уточнённой заявки России имеет не только прикладное, но и теоретическое значение, которое заключается в возможности уточнить понимание естественного продолжения шельфа в контексте статьи 76 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. К ключевым моментам следует отнести такие, как:

Во-первых, практика последних лет подтверждает, что естественное продолжение может быть доказано не политическими декларациями, а убедительными геологическими данными. К примеру, в отношении хребта Ломоносова убедительными данными стали сейсмические профили, которые были выполнены в ходе экспедиций «Арктика-2012» – профиль протяжённостью 740 км, который пересекал поднятие Менделеева примерно на широте 77 с.ш., «Арктика-2014» – сейсмические профили получены в районе Северного Ледовитого океана. Исследования проводились ОАО «Морская арктическая геологоразведочная экспедиция», а также анализ проб грунта, поднятых с глубины более 4000 метров аппаратами «Мир» в 2007 году^{7 8 9}.

Во-вторых, если рассмотрение заявки, которое активно продолжалось в 2025 году, будет завершено положительным решением, то в таком случае будет создан важный прецедент – Комиссия продемонстрирует готовность пересматривать свои предварительные оценки в случае появления новых на-

5 Глубоководные «миры». Чем знамениты российские исследовательские обитаемые аппараты. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/nauka/15340979> (дата обращения: 17.03.2026).

6 UN News. Commission on Limits of Continental Shelf Concludes Sixty-Fifth Session. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://press.un.org/en/2025/sea2247.doc.htm> (дата обращения: 16.03.2026).

7 Глубинное строение земной коры и верхней мантии поднятия Менделеева по профилю ГСЗ Арктика-2012. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://karpinskyinstitute.ru/ru/public/reggeology_met/content/2016/65/65_2.php (дата обращения: 17.03.2026).

8 Участникам форума расскажут об итогах экспедиции «Арктика 2014». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://forumarctic.ru/conf2025/press-center/news/novosti-konferencii/Uchastnikam_foruma_rasskazhut_ob_itogakh_ekspeditsii_Arktika_2014/ (дата обращения: 17.03.2026).

9 Арктика-2007 // Википедия. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Арктика-2007> (дата обращения: 17.03.2026).

учных аргументов. Важно отметить, что первоначальная заявка 2001 года была признана недостаточно обоснованной, поскольку отсутствовали необходимые данные.

В-третьих, необходимо обратить внимание, что подводные хребты континентального происхождения могут быть квалифицированы, как часть шельфа, в случае, когда существует доказательство их геологическая связь с материком. Этот тезис – позиция России, которая получает всё больше признания в научной литературе.

Как отмечает С. Раджан, «опыт рассмотрения заявок показал, что ключевым фактором является не столько формальное соответствие формулам статьи 76, сколько убедительность геологической аргументации в целом. Там, где государства представляют комплексные данные, Комиссия склонна к расширительному толкованию естественного продолжения» [6, р. 950]. Аналогичную позицию высказывают и другие исследователи.

Вместе с тем, даже если Комиссия вынесет положительные рекомендации, это не гарантирует автоматического признания границ со стороны соседних государств. Как показывает практика Международного Суда, геологическое обоснование может быть оспорено, если притязания вторгаются в 200-мильные зоны других стран. Этот аспект будет подробнее рассмотрен в параграфе 5.2.

3.3. Позиции других приарктических государств

Помимо России, претензии на расширенный континентальный шельф в Арктике заявили также Дания (через Гренландию), Канада, Норвегия (в отношении отдельных районов). Их заявки находятся на рассмотрении Комиссии. Канада представила частичную заявку 23 мая 2019 года, также включающую хребт Ломоносова, с дополнениями в 2022 и 2024 годах¹⁰. Все три заявки: Россия, Канада и Дания пересекаются в центральной части Северного Ледовитого океана, что предопределяет необходимость трёхсторонних переговоров после вынесения рекомендаций CLCS.

Норвегия подала заявку в CLCS еще в 2006 году, и в 2009 году получила рекомендации, которые позволили установить внешние границы шельфа в Норвежском море и Северном Ледовитом океане. Однако в районе архипелага Шпицберген действует Шпицбергенский трактат 1920 года, который определил международно-правовой статус архипелага¹¹. Согласно договору, над архипелагом устанавливается суверенитет Норвегии, а государствам-участникам представлялось равное право на эксплуатацию естественных ресурсов Шпицбергена и его территориальных вод.

Особое положение занимают США, которые не ратифицировав Конвенцию 1982 года, не могут подавать заявки в CLCS и вынуждены действовать на односторонней основе, опираясь на данные собственных исследований¹².

В этой связи важно подчеркнуть, что решение по российской заявке не предвещает исход рассмотрения заявок других государств, поскольку притязания могут пересекаться, и тогда потребуются делимитация на двусторонней основе. Как отмечает Н. Бэнкс, арктические притязания требуют

не только геологического обоснования, но и политической воли к компромиссу. [10, р.67].

4. Ресурсный потенциал и правовой режим минеральных ресурсов

4.1. Полезные ископаемые в пределах национальной юрисдикции

Континентальный шельф обладает колоссальным ресурсным потенциалом. Основные виды полезных ископаемых включают:

1) углеводородные ресурсы (нефть, природный газ, газогидраты);

2) твёрдые полезные ископаемые (железомарганцевые конкреции, кобальтоносные корки, полиметаллические сульфиды);

3) строительные материалы (песок, гравий, известняк).

Правовой режим разработки этих ресурсов определяется статьёй 77 Конвенции 1982 года, предоставляющей прибрежному государству исключительные права на разведку и разработку. При этом государство не обязано компенсировать кому-либо затраты или делиться доходами, за исключением специального механизма статьи 82 для шельфа за пределами 200 миль (отчисления в Международный орган по морскому дну).

Арктические месторождения представляют особый интерес. Штокмановское газоконденсатное месторождение (российский сектор Баренцева моря) и Приразломное месторождение (Печорское море) иллюстрируют, как технологические вызовы освоения, так и правовые проблемы обеспечения безопасности и охраны окружающей среды^{13 14}.

В последние годы активно изучаются перспективы освоения хребта Менделеева¹⁵.

4.2. Ресурсы за пределами национальной юрисдикции: Район и его правовой режим

Принципиальное новшество Конвенции 1982 г. – выделение района, то есть морского дна за пределами национальной юрисдикции, и провозглашение его ресурсов «общим наследием человечества» (ст. 136). Согласно статье 1 п. 1 Конвенции, район – это «дно морей и океанов, и его недра за пределами национальной юрисдикции».

Международный орган по морскому дну (ISA), созданный в 1994 году, является межправительственной организацией, посредством которой её участники организуют и контролируют деятельность в глубоководных районах морского дна за пределами национальной юрисдикции, в целях управления минеральными ресурсами этих районов. На 24 января 2025 года ISA заключила 30 контрактов: на разведку полиметаллических конкреций 19 контрактов, полиметаллических сульфидов – 7 контрактов и кобальтоносных железомарганцевых корок – 4 контракта.

Необходимо обратить внимание на то, что подавая заявку на расширенный континентальный шельф, государство обязано подтвердить, что запрашиваемая им территория не будет пересекаться с участками, которые ранее были переданы Международным органом по морскому дну – ISA в

10 Тенденции борьбы за арктический шельф приарктических государств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazine.neftgaz.ru/articles/arktika/842653-ttendentsii-borby-zh-arkhticheskiy-shelf-priarkhticheskikh-gosudarstv/> (дата обращения: 17.03.2026).

11 Commission on the Limits of the Continental Shelf (CLCS). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/submission_nor.htm (дата обращения: 17.03.2026).

12 Trump administration plans for oil deep in Arctic Ocean, where US claim has yet to be recognized. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alaskabeacon.com/2025/05/05/trump-administration-plans-for-oil-deep-in-arctic-ocean-where-us-claim-has-yet-to-be-recognized/> (дата обращения: 17.03.2026).

13 Комитет по природным ресурсам, природопользованию и экологии провел круглый стол на тему: «Проблемы правового обеспечения освоения континентального шельфа Российской Федерации на примере Штокмановского газоконденсатного месторождения». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/2127/> (дата обращения: 16.03.2026).

14 Шилов И. Шельф вне закона: для добычи в Арктике необходимо отдельное право. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/article/2471960> (дата обращения: 07.04.2026).

15 Приоритеты в Арктике. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.souzveche.ru/articles/our-union/23687/> (дата обращения: 07.04.2026).

Таблица 1. Сравнительный анализ практики CLCS и международных судебных органов говорит о формировании двух параллельных тенденций.

Орган	Подход	Обоснование
CLCS	Геологический (расширительный) при наличии убедительных данных	Ст. 76 требует доказательства естественного продолжения
ITLOS, ICJ(международный суд ООН)	Ограничительный при делимитации между государствами	Необходимость защиты 200-мильных зон других государств, из принципа справедливости

концессию для разведки недр¹⁶. Как следует из анализа современных исследований, эта коллизия наиболее вероятна в центральной части Северного Ледовитого океана, где притязания приарктических государств накладываются не только друг на друга, но и на потенциальные участки шельфа.

Таким образом, закрепление в Конвенции ООН по морскому праву 1982 года статуса района как «общего наследия человечества» и создание Международного органа по морскому дну стали ключевым моментом в развитии международного морского права. Ресурсы, которые находились за пределами национальной юрисдикции – подлежат контролю со стороны ISA, в то время как их освоение должно идти на благо всего человечества. Государствам которые претендуют на расширение границ континентального шельфа, необходимо тщательно сверять свои притязания с уже выданными ISA лицензиями – требование, которое становится не просто формальностью, а ключевым вызовом, в связи с большим количеством притязаний в отношении Арктики.

5. Современные тенденции и проблемы правового регулирования

5.1. Арктические споры и роль Комиссии по границам континентального шельфа

Арктика остаётся единственным регионом мира, где притязания на расширенный континентальный шельф нескольких государств пересекаются настолько масштабно. В отличие от Антарктики, которая регулируется отдельным многосторонним договором, правовой режим арктического шельфа определяется исключительно Конвенцией ООН по морскому праву 1982 года и работой Комиссии по границам континентального шельфа – CLCS.

После того, как спор между Россией и Норвегией в Баренцевом море был урегулирован (договор 2010 г. о морской делимитации), основное внимание международного сообщества сосредоточилось на центральной части Северного Ледовитого океана. Необходимо обратить внимание на то, что долгое время ключевым вопросом оставалось принадлежность хребта Ломоносова и поднятие Менделеева, на которые претендуют не только Россия, но и Дания, и Канада.

Рассмотрение уточнённой заявки России, приблизило вынесение научно-обоснованных рекомендаций, однако следует обратить внимание на то, что окончательные рекомендации Комиссии пока не были опубликованы. При этом, даже если рекомендации будут приняты, сохраняется вероятность пересечения с заявками Дании и Канады. Как отмечает Е. Анцыгина, в центральной Арктике неизбежны трёхсторонние переговоры, поскольку зоны потенциальных прав России, Дании и Канады накладываются друг на друга.

Посол России в Дании В. Барбин утверждает, что диалог между странами по вопросам, представляющим взаимный интерес, фактически отсутствует – датская сторона не использует существующие дипломатические каналы, что в свою очередь может осложнить будущие переговоры о делимитации.

Таким образом, Комиссия по границам континентального шельфа выполняет в Арктике важную, но ограниченную функцию – научную верификацию геологических данных. Рекомендации Комиссии подтверждают или опровергают наличие естественного продолжения материка, но не заменяют политические урегулирования. Именно здесь, на стыке научной экспертизы и дипломатии, возникает двойственность, которая будет рассмотрена в следующем параграфе.

5.2. Конкуренция подходов: геологическая обоснованность против принципа справедливой делимитации и технологический прогресс: влияние на правовое регулирование

Пожалуй, наиболее интригующий вывод, к которому подводит анализ современной практики, – это формирование двух параллельных линий в толковании прав на континентальный шельф. Линия Комиссии по границам и линия международных судебных органов не совпадают, и это не случайность, а отражение принципиально разных задач, стоящих перед этими институтами.

Для наглядности представим это расхождение в виде таблицы (см. ниже). Однако важно понимать, что она фиксирует лишь общую тенденцию, а в реальности возможны нюансы.

Сравнительный анализ практики Комиссии по границам континентального шельфа (CLCS) и международных судебных органов (ITLOS) позволяет говорить о формировании двух различных подходов к определению прав на континентальный шельф.

CLCS действует в пределах мандата, который определяется Приложением II к Конвенции 1982 года. Задача Комиссии по границам континентального шельфа заключается в оценке принадлежности подводного образования к естественному продолжению материка на основе геологических и геофизических данных. В случае наличия убедительных доказательств, которыми могут быть: сейсмическое профилирование, батиметрия, анализ проб грунта, Комиссия может рекомендовать расширение внешней границы шельфа. Также возникает вопрос о том, как эти рекомендации соотносятся с правами третьих государств, неходясь за рамками её компетенции и подлежит урегулированию непосредственно между заинтересованными сторонами.

Международные судебные органы, наоборот, разрешают конкретные межгосударственные споры. В делах о делимитации континентального шельфа они исходят из принципа справедливости, который закреплён в ст. 83 Конвенции ООН по морскому праву 1982 года. Как следует из решения Международного Суда по делу Никарагуа против Колумбии 2023 года, естественное продолжение материка не может служить основанием для вторжения в пределы 200-мильной зоны другого государства. Аналогичная позиция была выражена Международным трибуналом по морскому праву в деле Бангладеш против Мьянмы в 2012 году.

Член CLCS С. Раджан предостерегает от смешения этих двух плоскостей: «было бы ошибкой экстраполировать ограниченную судебную практику на работу CLCS: в Арктике мы имеем дело с уникальными геологическими структурами, и решения, принятые для других регионов, не могут автоматически применяться здесь» [6, р. 950]. Действительно,

¹⁶ Тодоров А. А. Future work of the International Seabed Authority in the context of the Arctic governance. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://narfu.ru/upload/iblock/2d8/06_Todorov.pdf (дата обращения: 07.04.2026).

то, что справедливо для Карибского моря может не работать в условиях Северного Ледовитого океана.

Таким образом, перед нами не конфликт, а скорее разделение труда: геология остаётся прерогативой Комиссии, а справедливость – прерогативой судов. В следующем параграфе мы рассмотрим, как технологический прогресс вносит свои коррективы в эту и без того сложную ситуацию.

Важным критерием также является развитие технологий глубоководного бурения и добычи, что создаёт новые вызовы для международного права. Если в 1945 году перелом была глубина 200 метров, то сегодня коммерчески доступны глубины до 3000-4000 метров. Современные автономные подводные аппараты и дистанционно управляемые буровые платформы позволяют вести разведку и также добычу минеральных ресурсов в глубоководных условиях.

Возникает вопрос: может ли технический прогресс повлиять на правовой режим района? Ответ однозначно отрицательный: Конвенция 1982 года установила фиксированные критерии, не зависящие от технологического развития. Внешняя граница шельфа определяется не возможностями добычи, а геологическими критериями, что принципиально отличает современный режим от Женевской конвенции 1958 года.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Обосновано, что Трумэнская прокламация 1945 г., заложила не только отраслевой принцип разграничения прав на водную толщу и морское дно, но и модель реагирования международного права на технологический прогресс, что предопределило эволюцию института континентального шельфа от односторонних актов к универсальной кодификации.

2. Установлено, что Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., закрепила двойственную природу прав на континентальный шельф: в пределах 200 морских миль они возникают автоматически на основе критерия расстояния; за пределами 200 миль – только при доказательстве естественного продолжения сухопутной территории и прохождении обязательной процедуры в Комиссии по границам континентального шельфа (CLCS).

3. Выявлено разнонаправленное развитие в современной международной практике: Комиссия по границам континентального шельфа последовательно применяет расширительное геологическое толкование ст. 76 Конвенции (что подтверждается ходом рассмотрения российской заявки на хребет Ломоносова), тогда как международные судебные органы (ITLOS, ICJ) при делимитации ограничивают притязания, основанные на естественном продолжении, если они вторгаются в 200-мильные зоны других государств (дела Никарагуа против Колумбии, Бангладеш против Мьянмы).

4. Доказано, что хребет Ломоносова и поднятие Менделеева являются естественным геологическим продолжением евразийского континента, что подтверждено сейсмическими профилями экспедиций «Арктика-2012» и «Арктика-2014», а также анализом проб грунта, поднятых с глубины более 4000 метров. Положительное завершение рассмотрения уточнённой заявки России создаст прецедент признания подводных хребтов континентального происхождения частью континентального шельфа.

5. Определено, что технологический прогресс в сфере глубоководного бурения изменил свою роль в правовом регулировании: в отличие от Женевской конвенции 1958 г., где он служил инструментом неограниченного расширения юрисдикции, в системе UNCLOS 1982 г., о стал инструментом геологического обоснования уже существующих прав, не влияя на фиксированные критерии внешней границы шельфа (формулы Гардинера и Хадберга, ограничительные линии 350 миль и 100 миль от 2500-метровой изобаты).

6. Сформулирована перспектива дальнейшего развития института континентального шельфа по пути дифференциации: расширительное геологическое толкование сохраняется и укрепляется в отношениях государства с CLCS при наличии убедительных научных данных, тогда как в судебных спорах между государствами приоритет получает защита 200-мильных зон и принцип справедливой делимитации.

Пристатейный библиографический список

1. Вылегжанин А. Н., Гуреев С. А., Иванов Г. Г. Международно-правовой режим Арктики: современное состояние и перспективы развития // Московский журнал международного права. – 2024. – № 4. – С. 6-25.
2. Гуцуляк В. Н. Международное морское право: современные вызовы и перспективы развития // Московский журнал международного права. – 2024. – № 3. – С. 6-23.
3. Гречишников А. В. Место транзитного прохода в системе норм международного морского права и его соотношение с мирным проходом // Международное право. – 2025. – № 4. – С. 116-128.
4. Мишальченко Ю. В., Довбуш Т. Н. Некоторые актуальные проблемы международно-правового обеспечения морской безопасности // Московский журнал международного права. – 2025. – № 2. – С. 71-85.
5. Скаримов А. С., Скаримова М. А. Морское право: современные проблемы кодификации и прогрессивного развития // Правоведение. – 2025. – № 1. – С. 24-41.
6. Rajan S. Developments in the Concept of Continental Shelf under UNCLOS // Journal of the Geological Society of India. – 2025. – Vol. 101. № 6. – P. 947-950.
7. Шепелев Д. В., Шустов Г. О. Правовая позиция Российской Федерации в отношении внешних пределов континентального шельфа в Арктике // Legal Bulletin. – 2021. – № 3. – С. 33-39.
8. Li Y. Constraining the Continental Shelf beyond 200 Nautical Miles in Maritime Delimitation Cases // International & Comparative Law Quarterly. – 2025. – Vol. 74. – P. 213-241.
9. Roberts J., Mossop J., Badal M.R. Planning for the Management of the Extended Continental Shelf: The Unique Situation of the Mascarene Plateau Region of the Western Indian Ocean // Ocean Development & International Law. – 2025. – Vol. 56. № 2. – P. 232-254.
10. Bankes N. The Arctic Continental Shelf Delimitation: Lessons from the Lomonosov Ridge Case // Arctic Review on Law and Politics. – 2025. – Vol. 16. – P. 45-71.
11. Tanaka Y. The Implications of Maritime Delimitation Judgments for Third States: The Nicaragua v. Colombia and Costa Rica v. Nicaragua Cases Revisited // The International Journal of Marine and Coastal Law. – 2024. – Vol. 39. № 2. – P. 374-397. – DOI: 10.1163/15718085-bja10179.
12. Дегтярев К. Е., Сколотнев С. Г., Чамов Н. П. Границы и природа континентального шельфа в Арктике: ключи к расширению исключительной экономической зоны и обеспечению суверенитета России
13. Каминский В. Д., Супруненко О. И., Гусев Е. А. Геологическое строение и перспективы нефтегазоносности поднятия Менделеева (Северный Ледовитый океан) // Геология и геофизика. – 2024. – Т. 65. № 5. – С. 643-658.

ПЕСТЕРЕВ Александр Евгеньевич*

аспирант, Российский государственный университет нефти и газа им. И. М. Губкина (Национальный исследовательский университет)

СУЩЕСТВУЮЩИЕ ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РАМКАХ ОБЪЕДИНЕНИЯ БРИКС: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье рассматривается перспектива развития неформального объединения БРИКС в рамках защиты прав интеллектуальной собственности. В рамках БРИКС пока что не существует единого правового механизма охраны интеллектуального права, что создает некоторые сложности при определении перспектив в этой области. Страны-участницы имеют разрозненные системы национального регулирования, различающиеся в подходах защиты результатов интеллектуальной деятельности. Однако, тенденция такова, что сотрудничество между странами в области интеллектуальной собственности растет: обсуждаются вопросы гармонизации законодательств, разрабатываются совместные проекты по упрощению работы с базами данных зарегистрированных результатов интеллектуальной деятельности, выдвигаются предложения по созданию специализированных учреждений при БРИКС, регулирующих вопросы интеллектуального права. Однако, неформальный статус объединения усложняет процесс унификации норм права в этой сфере правоотношений. Перспективы, направленные на достижение должного уровня защиты интеллектуальных прав, в большинстве своем связаны с учреждением конвенций, органов и судебного арбитража при БРИКС, на примере Всемирной организации интеллектуальной собственности или Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: международное право, БРИКС, интеллектуальная собственность, международное сотрудничество, международные организации, ВОИС.

PESTEREV Alexander Evgenjevich

postgraduate student, I. M. Gubkin Russian State University of Oil and Gas (National Research University)

EXISTING LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS WITHIN THE BRICS FRAMEWORK, THEIR CHALLENGES, AND PROSPECTS

The article examines the prospects for the development of the informal BRICS grouping in the field of intellectual property rights protection. Currently, there is no unified legal mechanism for intellectual property protection within BRICS, which creates certain challenges when assessing prospects in this area. The member countries have fragmented national regulatory systems that differ in their approaches to protecting the results of intellectual activity. However, the trend shows that cooperation between the countries in the field of intellectual property is growing: issues of harmonizing legislations are being discussed, joint projects are being developed to simplify work with databases of registered intellectual property results, and proposals are being put forward to establish specialized institutions under BRICS to regulate intellectual property matters. At the same time, the informal status of the grouping complicates the process of unifying legal norms in this area of legal relations. The prospects aimed at achieving an adequate level of intellectual property protection are largely linked to the establishment of conventions, bodies, and a judicial arbitration mechanism under BRICS – following the example of the World Intellectual Property Organization (WIPO) or the Eurasian Economic Union.

Keywords: international law, BRICS, intellectual property, international cooperation, international organizations, WIPO.

БРИКС (Бразилия, Россия, Китай, Индия, Южная Африка) – интеграционное объединение стран, при этом, не обладающая всеми признаками международной организации, как верно отметила в своем научном исследовании на тему правового статуса БРИКС [10, с. 141], д.ю.н. Г. Г. Шикарецкая. Первоначальный статус данной группы стран заявлен как объединение, в связи с тем, что государства не заключили учредительного договора, который бы регламентировал их группу как действительный субъект международного права [1, с. 10], что с одной стороны, не должно *de jure* предполагать создание юридических норм данной группой, а *de facto*, как отмечает Близнец И. А., отсутствие статуса международной организации не ограничивает БРИКС в создании «маневра» для развития нормотворчества внутри объединения [4, с. 20-22]. Так, в 2024 году в рамках Восточного экономического форума, Краснов И. В. – председатель Верховного суда Российской Федерации, отметил необходимость создания единых

правовых механизмов в сфере регулирования прав интеллектуальной собственности¹. Также, Краснов привел в пример практику нормотворчества ЕАЭС по товарным знакам, с чем, конечно же, мы совершенно согласны. Более того, ЕАЭС может послужить хорошим примером для создания унифицированных норм для стран БРИКС в парадигме интеллектуального права в целом, охватывая весь спектр: от авторских до патентных прав. Говоря об опыте ЕАЭС, следует отметить основополагающие положения, касающиеся правового регулирования прав интеллектуальной собственности. Так, Вопросы ИС регулируются разделом XXIII Договора² и приложением № 26 «Протокол об охране и защите прав на объекты интеллектуальной собственности». В соответствии со статьей 89 Договора государства – члены ЕАЭС осуществляют сотрудничество в сфере охраны и защиты прав на объекты ин-

Пестерев А. Е.

* Научный руководитель - Смирнов Михаил Гурамович, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный университет нефти и газа (Национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина

1 ВЭБ.РФ: БРИКС необходимо единое правовое поле для защиты интеллектуальной собственности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/21797509> (дата обращения: 11.03.2026).
2 Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29.05.2014) ред. от 25.05.2023 (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024).

теллектуальной собственности и обеспечивают их на своей территории для решения задач гармонизации законодательства, защиты интересов правообладателей. В Договоре определен перечень международных соглашений, служащих нормативной базой для сотрудничества в сфере ИС (статья 90), и предусмотрены положения, касающиеся различных видов объектов интеллектуальной собственности. Договор о ЕАЭС предусматривает принятие ряда дополнительных международных соглашений по отдельным аспектам обеспечения защиты прав в сфере интеллектуальной собственности. Стоит упомянуть и Консультативный комитет по интеллектуальной собственности (далее – Консультативный комитет). Согласно Положению о Консультативном комитете³, он является консультативным органом ЕЭК по выработке предложений для Коллегии ЕЭК по вопросам охраны и защиты прав на объекты ИС на территории ЕАЭС. Задачи Консультативного комитета включают в себя подготовку рекомендаций для ЕЭК, проведение консультаций, подготовку предложений по взаимодействию уполномоченных органов государств – членов ЕАЭС. Российская часть Консультативного комитета включает в себя представителей различных компетентных органов государственной власти и организаций, включая Роспатент. Приведенные в работе примеры деятельности ЕАЭС в сфере защиты интеллектуальных прав – лишь малая часть действительного функционала международной организации региональной экономической интеграции. Но, по нашему мнению, именно эти аспекты являются наиболее фундаментальными для подтверждения слов Краснова И. В. о том, что БРИКС необходимо следовать примеру ЕАЭС при теоретическом развитии института защиты прав интеллектуальной собственности внутри объединения. Однако, стоит отметить, что и ЕАЭС брал пример с организации – Всемирной организации интеллектуальной собственности (далее – ВОИС) [11]. Будучи специализированным учреждением Организации Объединенных Наций (далее – ООН), ВОИС получает автономию в сфере вопроса повестки интеллектуального права. Главнейшие международные договоры (Парижская конвенция по охране промышленной собственности 1883 года, Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года и другие) администрируются именно этой организацией. Независимо от современного состояния ВОИС, пример, который был дан международному сообществу во времена создания организации, по сей день является показательным и долгосрочным [9, с. 94]. ЕАЭС тесно сотрудничает с ВОИС⁴, перенимая тот опыт, который ВОИС набирала не одно десятилетие. Более того, ВОИС в одностороннем порядке оказывает всестороннюю поддержку в виде организации благоприятных условий для создания либо усовершенствования правовых механизмов защиты интеллектуальной собственности как в рамках международных организаций, так и для национального законодательства стран⁵. Тем не менее, вне зависимости от опыта ЕАЭС и ВОИС, БРИКС – остается неформальной группой,

не имеющая ни учредительного акта, ни строгой структуры, ни штаб – квартиры [2, с. 115-123], хотя, предварительно, разговоры об ее создании ведутся в настоящее время⁶. Рост количества вопросов, связанных с нормами в области интеллектуальной собственности побудил российскую сторону БРИКС в лице Роспатента к началу активных действий. Так, в сентябре 2025 года, Россия представила «Путеводитель по системам ИС для предпринимателей стран БРИКС». Глава Роспатента Юрий Зубов прокомментировал данное событие следующим образом: «Роспатент провел большую работу по анализу присланных материалов из разных стран и приведению их в единый формат, оформленный в виде удобной брошюры, которой могут пользоваться предприниматели и патентообладатели. Сейчас руководство подробно освещает систему интеллектуальной собственности в России, Бразилии, Индии, Китае, Эфиопии и в Объединенных Арабских Эмиратах. Это, безусловно, будет помогать инновационному бизнесу ориентироваться в вопросах охраны и защиты интеллектуальных прав стран БРИКС, сделает их рынки более понятными для инвесторов и будет способствовать развитию делового сотрудничества»⁷. Такой проект действительно поможет обобщить все имеющиеся знания стран – участниц неформального объединения, но не сделает БРИКС менее разрозненным по своей сути. Хотя Блинец И. А. и говорит о том, что не играет роли то, как позиционирует себя данное объединение (неформальное, как сам БРИКС, или в статусе международной организации, как, например, ВОИС), вопрос о ее правосубъектности и возможности создавать те или иные международные правовые нормы является актуальным. Возникает диссонанс: деятели науки и специалисты в этой области говорят о необходимости создания норм права, в то время как предпосылки к таким изменениям, на данный момент, не наблюдаются. Да, БРИКС отвечает по некоторым критериям международной организации [10, с. 143], но юридически, на данный момент таковой не является, что, по нашему мнению, делает сложным вопрос правотворчества. Однако, будет неправильным отрицать то, что тенденция на трансформацию БРИКС в международную организацию отсутствует [8], но этот вопрос, как заявил замглавы МИД РФ Рябков С. А., остается дискуссионным⁸, хотя, через год, заявил, что такой задачи не стоит⁹. Предположим, что в обозримом будущем у БРИКС появятся механизмы по созданию норм права, а в нашем случае: в области защиты прав интеллектуальной собственности. Какие нормы могли бы быть приняты и как, казалось бы, региональное объединение развивающихся стран может способствовать созданию нового поколения правовых норм в области интеллектуальной собственности? Стоит учесть специфику стран – участниц объе-

3 Положение о Консультативном комитете по интеллектуальной собственности (утверждено Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 3 ноября 2015 г. № 143 (в редакции Решения Коллегии Евразийской экономической комиссии от 29 января 2019 г. № 15)).

4 Меморандум от 7 мая 2019 г. «О взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Всемирной организацией интеллектуальной собственности».

5 Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности (изменена 2 октября 1979 года).

6 Штаб-квартиру БРИКС предложили разместить в Бразилии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rossaprimavera.ru/news/348151ef> (дата обращения: 11.03.2026).

7 Россия подготовила путеводитель по системам ИС для предпринимателей стран БРИКС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/24-09-2025-rossiya-podgotovila-putevoditel-po-sistemam-is-dlya-predprinimateley-stran-briks?ysclid=mmm6z4boat115903845> (дата обращения: 11.03.2026)

8 Рябков оценил перспективы превращения БРИКС в международную организацию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1780302/2024-10-25/riabkov-otcenil-perspektivy-prevrashcheniia-briks-v-mezhdunarodnuiu-organizaciiu?ysclid=mmn7hour0g998330712> (дата обращения: 11.03.2026).

9 Рябков: у БРИКС нет задачи превратиться в полноценную международную организацию. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/25927275?ysclid=mmn7g3oqr1506133172> (дата обращения: 11.03.2026).

динения. В большинстве своем – мощные страны производители, имеющие большое количество фабрик, например, Китай. Научный сотрудник университета Гринвича Алан Фридман, в своей научной статье определяет такие функции новой системы интеллектуальной собственности как продвижение и вознаграждение, где первое – поощрение производителей результатов интеллектуальной деятельности, а второе – включает в себя творческие индустрии, создание ее новых форм при этом вознаграждая разработчиков¹⁰. Данные суждения и предложения небезосновательны: в специфике того времени, в котором развивается экономика, а также геополитической сепарации мира на «Восток - Запад», крайне важно создавать и развивать свои инновационные технологии, зарегистрированные в качестве результатов интеллектуальной деятельности, что позволит странам, в нашем случае, восточного блока уйти от зависимости западных научных изысканий и изобретений, по крайней мере, до новой «оттепели» международных отношений. Именно для этого, с точки зрения правового регулирования, БРИКС, будучи перспективным объединением, необходимо защитить то, что движет все человечество – свои знания. По нашему мнению, первым шагом для достижения цели будет необходимость зарегистрировать БРИКС в качестве международной организации, что юридически зафиксирует права и обязанности участников объединения, а дополнительно покажет мировому сообществу серьезность намерений стран. Далее, на примере ЕАЭС, следует создать комитет, либо орган при БРИКС, который по своей сути, занимался бы регистрацией прав интеллектуальной собственности для стран-участниц, и содержал бы в себе сведения о действующих патентах, прав на товарные знаки и т.д., на примере PATENTSCOPE¹¹ или базы данных ЕАПО (Евразийская патентная организация). Данный орган так же мог бы и регистрировать новые международные соглашения между странами-участницами по вопросам защиты интеллектуальной собственности, что позволит актуализировать существующее законодательство для эффективного ответа новым вызовам и угрозам. Необходим и судебный орган, который разрешал бы возникшие международные споры по интеллектуальным правам. Отличным примером является Центр по арбитражу и посредничеству ВОИС¹² – единственным на сегодняшний день международный орган, регулирующий разрешение споров в этой области правоотношений. Стоит также согласиться с мнением Близнаца И. А. [4, с. 22] о том, как новая правовая система будет наиболее эффективно функционировать: необходимо обеспечить высококвалифицированный штат экспертов в области интеллектуального права, исследовать то, как новый орган мог бы реагировать на новые экономические вызовы, осуществлять и поддерживать на высоком уровне стандарты охраны интеллектуальной собственности. Такие предложения по изменению уже существующего механизма работы БРИКС выглядят кардинально, но угрозы, как для института экономики, так и права, возникающие все в большем масштабе, не исчезнут. Мы предложили лишь несколько путей

оптимизации работы группы БРИКС, которые, в свою очередь, теоретически, призваны закрепить положение объединения на международной арене, обеспечить защиту прав интеллектуальной собственности на международном уровне. В свою очередь, такие предложения призваны закрепить положение стран-участниц на мировом «рынке знаний», отойдя от «потребителя – производителя» к «создателю-получателю».

Пристатейный библиографический список

1. Абашидзе А. Х., Солнцев А. М. БРИКС - международная квазиорганизация? // Актуализация процесса взаимодействия стран БРИКС в экономике, политике, праве: материалы научного семинара (Москва 9 октября 2012 г.) / отв. ред. и сост. Беликова К. М. – М.: Сенат Пресс, 2012. – С. 9-15.
2. Абашидзе А. Х. БРИКС: международно-правовое измерение // Обозреватель. – 2024. – № 4 (405). – С. 115-123.
3. Бевеликова Н. М. БРИКС: правовые особенности развития // Журнал российского права. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения, 2015. – № 8. – С. 110-123.
4. Близнац И. А., Тюнин М. В. БРИКС: новые возможности и перспективы развития в сфере охраны прав на ОИС // Международное публичное и частное право. – 2025. – № 1. – DOI 10.18572/1812-3910-2025-1-20-22. – EDN VBGVCE.
5. Голуб Е. А. Особенности правовой охраны интеллектуальной собственности в странах-участницах БРИКС // Научный лидер. – 2024. – № 44 (194). – С. 10-15.
6. Классификация международных межправительственных организаций: понятие, признаки // Право международных организаций / под ред. А. Х. Абашидзе. – М.: Юрайт, 2024. – 565 с.
7. Озерцова В. С. Объекты авторского права и их защита в странах БРИКС // Вопросы российской юстиции. – 2016. – № 5. – С. 20-27.
8. Петренко Е. Г., Авдиянц Л. А., Аракесян С. Перспективы развития БРИКС как международной организации // Гуманитарный научный журнал. – 2024. – № 4-3. – С. 78-82.
9. Право интеллектуальной собственности. Международно-правовое регулирование: учебник для вузов / под ред. И. А. Близнаца, В. А. Зимина, И. П. Оленичева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 284 с. – (Высшее образование). – ISBN 978-5-534-17108-2.
10. Шинкарецкая Г. Г. О правовом статусе БРИКС // Современное право. – 2015. – № 10. – EDN UMTVWZ.
11. Шутурова И. В., Шутуров М. В. Евразийский экономический союз и ВОИС: организационно-правовой механизм взаимодействия // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2022. – № 12-2.
12. Freeman Alan A BRICS Intellectual Property Policy: Why It Is Needed, And What It Could Look Like. // Contemporary World Economy. – 2024. – № 2. – С. 124-137. – 10.17323/2949-5776-2024-2-4.

¹⁰ Freeman Alan A BRICS Intellectual Property Policy: Why It Is Needed, And What It Could Look Like // Contemporary World Economy. – 2024. – № 2. – С. 124-137.

¹¹ Патентная база данных. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/en/web/patentscope>.

¹² Центр ВОИС по арбитражу и посредничеству. Альтернативное урегулирование споров. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/amc/ru/index.html> (дата обращения: 11.03.2026).

СТЕПАНОВ Николай Андреевич

аспирант кафедры государственного и международного права, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОТРИЦАНИЯ ГЕНОЦИДА

В статье проводится исследование международно-правовых аспектов криминализации отрицания геноцида как механизма предупреждения новых преступлений. Современные тенденции подчеркивают особую важность сохранения исторической памяти о преступлениях прошлого, однако отсутствие единого подхода к квалификации геноцида и криминализации его отрицания затрудняют реализацию данного процесса. В статье исследуются критерии и подходы по использованию современных терминов для квалификации событий прошлого как на универсальном, региональном и национальных уровнях. В результате исследования предлагаются подходы к криминализации отрицания геноцида на международном уровне.

Ключевые слова: геноцид, Холокост, историческая память, отрицание геноцида, предупреждение международных преступлений, Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

STEPANOV Nikolay Andreevich

postgraduate student of State and International law sub-faculty, St. Petersburg State Maritime Technical University

INTERNATIONAL LEGAL ASPECTS OF THE CRIMINALIZATION OF GENOCIDE DENIAL

This article examines the international legal aspects of the criminalization of genocide denial as a mechanism for preventing new crimes. Current trends emphasize the importance of preserving historical memory about past crimes, but the lack of a unified approach to the classification of genocide and the criminalization of its denial complicates the implementation of this process. The article explores criteria and approaches for using modern terms to classify past events at the universal, regional, and national levels. The article proposes approaches to the criminalization of genocide denial at the international level.

Keywords: genocide, Holocaust, historical memory, genocide denial, prevention of international crimes, Convention on the Prevention and Punishment of the Crime of Genocide, International Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination.

Степанов Н. А.

На протяжении истории мировой цивилизации происходили ситуации, когда совершались попытки уничтожения определенных религиозных, национальных, расовых, этнических групп. Подобные акты совершались сотни лет назад и, к сожалению, совершаются в современном цивилизованном мире. Примером чего является первое преступление против человечности, зафиксированное в совместной декларации России, Англии и Франции в 1915 году, а именно уничтожение и насильственная депортация армян 1915 года в Османской империи. В результате данных событий погибло до 1,5 млн. армян, 350 тысяч понтийских греков, 600 тысяч ассирийцев.

Геноцид оставил глубокий след в памяти всего человечества, что обусловило необходимость борьбы международного сообщества с данным преступлением. Признание этого факта было отмечено в Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, принятой 9 декабря 1948 года (далее – Конвенция 1948 г.): «геноцид является преступлением, нарушающим нормы международного права и противоречащим духу и целям Организации Объединенных Наций, и что цивилизованный мир осуждает его, признавая, что на протяжении всей истории геноцид приносил большие потери человечеству, и будучи убежденными, что для избавления человечества от этого отвратительного бедствия необходимо международное сотрудничество...»¹.

Лишь после Второй мировой войны геноцид получил квалификацию тягчайшего международного преступления, что положило начало формированию международно-правовой ответственности за его совершение.

Сам термин «геноцид» не был использован в Уставе Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (далее – Устав МВТ). По мнению доктора юридических наук А. А.

Арямова, а также в ряде научных работ отмечается, что понятие «геноцид» в Уставе Нюрнбергского трибунала является неологизмом или же синонимом «преступления против человечности», поскольку до 1948 года к данной категории преступлений относили все преступные деяния, касающиеся массовых убийств [1, с. 149].

Указание на многочисленные события геноцида как исторического факта содержит и резолюция 96(1) принятая 11 декабря 1946 г. Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, которая была направлена на разработку Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Данная резолюция гласит: «можно указать на многочисленные преступления геноцида, когда полному или частичному уничтожению подверглись расовые, религиозные, политические и прочие группы»².

Таким образом, можно сделать вывод, что в Конвенции 1948 года подтверждается наличие в истории событий, существовавших до принятия указанной Конвенции, которые соответствуют закреплению определению геноцида.

Несмотря на это, вопрос о пределах действия обратной силы закона Конвенции 1948 года является дискуссионным.

Исходя из принципов *nullum crimen sine lege* и *nulla poena sine lege* и ст. 28 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., устанавливающей запрет на ретроактивное применение договоров, можно сделать вывод, что на международном уровне признаются геноцидом только те события, которые произошли после принятия Конвенции 1948 года.

Как указывает краткое руководство «Когда следует называть ситуацию геноцидом», созданное Канцелярией Организации Объединенных Наций по предупреждению геноцида и ответственности за защиту: «уполномоченный судебный

1 Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г. (ратифиц. указом Президиума ВС СССР от 18 марта 1954 г.) // «Действующее международное право». – Т. 2.

2 Резолюция 96 (1) Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций «Преступление геноцида» от 11 декабря 1946 года // Организация Объединенных Наций. Официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [\(https://docs.un.org/r/96\(I\)\)](https://docs.un.org/r/96(I)) (дата обращения: 20.02.2026).

орган должен принять юридическое решение относительно того, действительно ли произошел геноцид, и кто несет ответственность» [2, р. 3]. К числу таких судебных органов относятся как международные, так и национальные суды, обладающие соответствующей юрисдикцией. Однако исходя из содержания рассматриваемого руководства, созданного ООН, приоритет в квалификации деяния в качестве геноцида отдается международным судебным органам: «национальные законодательные и исполнительные органы иногда характеризуют определенные инциденты или периоды насилия как геноцид, основываясь на процессах, включающих политические оценки наряду с правовыми соображениями. Эти характеристики не могут рассматриваться как авторитетные или определяющие, по крайней мере, за пределами соответствующих государств» [2, р. 2].

На данный момент международно-правовое признание в качестве геноцида получили лишь события в Руанде и бывшей Югославии, ставшие предметом рассмотрения специализированных международных трибуналов.

С другой стороны, военные преступления и преступления против человечества, включая геноцид, являются наказуемыми независимо от того, когда они были совершены, что закреплено в ст. 1 Конвенции о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества.

Вопрос о применении обратной силы закона возник еще во время проведения МВТ. Сам приговор МВТ содержал указание на то, «что преступления, в совершении которых обвинялись подсудимые, представляли собой нарушения международных договоров и обычно-правовых норм, приобретших обязательную силу для Германии до того, как были совершены эти деяния» [3].

В связи с этим, можно сделать вывод, что главным в этом вопросе является не сам аспект признания тех или иных деяний преступлениями, а использование современных терминов при их квалификации.

Современная концепция геноцида помогает лучше осмыслить трагедию целых народов и способствует предотвращению повторения аналогичных преступлений в будущем. Осуждение действий прошлого позволяет обществу извлекать уроки и укреплять механизмы защиты прав человека. На это указывают ряд современных документов, созданных на универсальном, региональном и национальном уровнях.

На международном уровне стараются избегать самого термина геноцид, заменяя его другими понятиями, однако это не умаляет важности данного процесса для предотвращения новых преступлений. Это наглядно демонстрируют резолюции Генеральной Ассамблеи ООН: № 60/7 «Память о Холокосте» (далее – резолюция № 60/7) и № 61/255 «Отрицание Холокоста» (далее – резолюция № 61/255).

Резолюцией № 60/7 была установлена дата Международного дня памяти жертв Холокоста – 27 января, кроме того, резолюция «ссылается на Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, которая была принята с целью избежать повторения актов геноцида, подобных тем, которые были совершены нацистским режимом»³.

Таким образом, резолюция подтверждает важную роль сохранении исторической памяти о преступлениях геноцида в целях предупреждения и недопущения свершения подобных зверств в будущем.

В связи с этим ООН инициировала разработку просветительских программ для усвоения уроков Холокоста в целях содействия предотвращению будущих актов.

Подтверждение особой важности для предупреждения геноцида памяти о Холокосте было закреплено также в резолюции № 61/255. Документ указывает на необходимость противодействия отрицанию Холокоста, поскольку: «такое отрицание, приводящее к игнорированию исторического факта тех ужасных событий, повышает риск их повторения»⁴. Резолюция призывает: «безоговорочно отвергать любое от-

рицание Холокоста – будь то полное или частичное – как исторического события и любые действия в этих целях»⁵.

Таким образом, данная резолюция делает больший акцент не просто на квалификацию Холокоста геноцидом, а использует современную концепцию в целях лучшего анализа событий прошлого и реализацию механизма предотвращения повторения аналогичных преступлений в будущем.

На сегодняшний день подавляющее большинство стран мира признает Холокост как исторический факт. Вместе с тем, далеко не во всех странах установлен прямой запрет на отрицание Холокоста.

На региональном уровне также можно заметить схожие тенденции. Так, резолюцией Европейского Парламента от 15 апреля 2015 г. о 100-летию Геноцида армян (2015/2590(RSP)) 24 апреля было признано днем памяти жертв геноцида армян. Кроме того, в резолюции признается, «что трагические события, имевшие место в 1915–1917 годах против армян на территории Османской Империи, представляют собой геноцид, как он определен в Конвенции 1948 года и осуждает все случаи преступлений против человечества и геноцид и решительно осуждает любые попытки их отрицания»⁶.

Более 20 стран мира официально признали этот факт геноцида, включая Россию, которая сделала соответствующее заявление Государственной Думой 14 апреля 1995 года.⁷

Следует подчеркнуть, что данные резолюции носят лишь рекомендательный характер. В связи с чем в большинстве стран отсутствуют нормы направленные на запрет отрицания геноцида, несмотря на наличие факта признания данных преступлений.

Ответственность за отрицание геноцида армян предусмотрена в национальном законодательстве Швейцарии, Словакии, Греции, Кипре, Люксембурге.

Одной из главных сложностей, связанных с криминализацией отрицания геноцида, является политизация данного процесса, на что указывает также национальное законодательство европейских стран. «В настоящее время законы, запрещающие отрицание преступлений коммунистического режима (в дополнение к отрицанию других преступлений, например, преступлений против человечности), приняты в четырех странах: Польше (статья 55 Закона об Институте национальной памяти), Чехии (статья 405 УК), Венгрии (статья 333 УК) и Литве (статья 170(2) УК)» [4, с. 40].

В частности, законодательства Чехии и Венгрии содержат положения приравнивающие действия Советского Союза к преступлениям нацистской Германии, и предусматривающие ответственность за отрицание геноцида, совершенные как национал-социалистическим, так и коммунистическим режимами.

Данный подход является недопустимым и противоречащим решению Еврокомиссии, которая отклонила законопроект о «двойном геноциде».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о необходимости выработки единого подхода к криминализации отрицания геноцида.

Исходя из приведенных примеров единственным критерием оценивания способности криминализовать ответственность за отрицание геноцида на международном уровне выступает решение соответствующих международных судов, к числу которых относится и МВТ, о чем указывает резолюция ООН «Отрицание Холокоста» и Рамочное решение Совета Европейского Союза 2008/913/ПВД от 28 ноября 2008 года «О борьбе с определёнными формами и проявлениями расизма и ксенофобии средствами уголовного права» (далее – Рамочное решение Совета Европейского Союза 2008 г.), устанавливающее ответственность за: «публичную апологию,

доступа: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/ares61255_ru.pdf?ysclid=mlux3a5erb327191147 (дата обращения 16.02.2026).

5 Там же.

6 Резолюция Европейского Парламента от 15 апреля 2015 г. о 100-летию Геноцида армян (2015/2590(RSP)). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://parliament-wa.info/ru/archives/1722> (дата обращения: 17.02.2026).

7 Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 14 апреля 1995 г. № 694-I ГД «О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «Об осуждении геноцида армянского народа в 1915-1922 годах»». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/6189406/?ysclid=mlux513ttt224751357> (дата обращения: 16.02.2026).

3 Резолюция Генеральной Ассамблеи 1 ноября 2005 года [без передачи в главные комитеты (A/60/L.12 и Add.1)] 60/7. Память о Холокосте. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/ares61255_ru.pdf?ysclid=mlux1m07b9881756157 (дата обращения: 16.02.2026).

4 Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей на 26 января 2007 года [без передачи в главные комитеты (A/61/L.53 и Add.1)] 61/255. Отрицание Холокоста. – [Электронный ресурс]. – Режим

публичное отрицание или публичную грубую банализацию преступлений геноцида, преступлений против человечества и военных преступлений, как они определены в статьях 6, 7 и 8 Статута Международного уголовного суда и в статье 6 Устава Международного Военного трибунала»⁸.

Важно отметить, что в данном контексте принятый Российской Федерацией закон № 74-ФЗ «Об увековечении памяти жертв геноцида советского народа в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» и внесение изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации «Об ответственности за уничтожение, повреждение либо осквернение захоронений жертв геноцида советского народа и за отрицание факта геноцида советского народа» соответствуют данному подходу. Глава МИД Российской Федерации С. В. Лавров также отметил, что Россия будет добавлять международно-го признания геноцида советского народа⁹.

Однако выработка единого подхода к криминализации отрицания геноцида невозможна без соответствующего законодательного запрета на совершение данных действий на международном уровне.

Исходя из анализа национального законодательства стран, криминализирующих отрицание геноцида, можно выделить общие элементы, которые могут стать основой соответствующей нормы.

Прежде всего, большинство стран криминализируют непосредственно публичное отрицание геноцида. К числу таких стран относятся Австрия (Закон о запрете национал-социалистической партии 1992 г.), Бельгия (Бельгийский закон о ревизионизме 1995 г.), Польша (Статья 55 Закона об Институте национальной памяти 1998 г.), Германия (§ 130 уголовного кодекса ФРГ), Молдова (Статья 176.1 УК Республики Молдова), Израиль (Закон об отрицании Холокоста 1986 г.).

Помимо самого отрицания, значительная часть стран криминализирует также преуменьшение, одобрение и оправдание геноцида.

Поскольку Конвенция 1948 г. является единственным международным нормативно-правовым актом, посвященным борьбе с данным преступлением, включение соответствующего положения в данный нормативно-правовой акт позволило бы рассматривать отрицание геноцида как часть единого международно-правового механизма борьбы с геноцидом. С учетом структуры Конвенции 1948 г. целесообразным является включение отрицания геноцида в ст. 3 содержащую перечень деяний, подлежащих наказанию.

Исходя из проведенного анализа региональных и национальных законодательств предлагается включить в число деяний, подлежащих наказанию: публичное отрицание, оправдание, преуменьшение или одобрение фактов геноцида, признанных компетентными международными судами.

Однако на текущий момент, реализация данного подхода кажется проблематичной в силу избегания на универсальном уровне применения термина «геноцид» относительно событий прошлого.

В связи с этим, более целесообразным является включение данного запрета в Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. (далее – Международная конвенция 1965 г.).

Важным шагом в данном направлении является созданное на региональном уровне Рамочное решение Совета Европейского Союза 2003 г., также содержащее указанные выше положения, но, кроме этого, указывающее на необходимость криминализации отрицания других категорий преступлений. К сожалению, на универсальном уровне данному аспекту не уделяется достаточное внимание.

Включение норм, криминализирующих отрицание геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений в Международную конвенцию 1965 г. могло бы стать эффективным инструментом предупреждения преступлений на универсальном уровне. Кроме того, положения не

противоречат существующим положениям конвенции и могут в реализации уже существующих норм. В частности, данная конвенция в ст. 4. содержит требование к государствам «объявлять уголовно наказуемыми распространение идей, основанных на расовом превосходстве или ненависти, а также акты насилия или подстрекательство к таким актам»¹⁰.

Отнесение отрицания геноцида, преступлений против человечности и военных преступлений к категории преступлений, связанных с расизмом и ксенофобией кажется обоснованным, поскольку такие деяния также могут вызывать насилие, ненависть или подстрекать к их совершению, что также отражено в Рамочном решении Совета Европейского Союза 2008 г. Согласно ст. 1 указанного решения, подобные действия могут вызывать указанные негативные последствия, если они «направлены против группы лиц или члена такой группы, определенной с учетом расы, цвета кожи, религии, происхождения или национального или этнического происхождения, когда поведение осуществляется таким образом, чтобы оно могло подстрекать к насилию или ненависти к такой группе или члену такой группы»¹¹.

Таким образом, можно сделать вывод, что сохранение исторической памяти является важной задачей для предотвращения возможных будущих преступлений. Важную роль в реализации данного направления может сыграть криминализация отрицания геноцида и других категорий преступлений, как они определены в решениях соответствующих международных судов, в том числе в решениях МВТ, в целях преодоления политизации данного процесса. Возможным способом закрепления соответствующих положений на универсальном уровне является их включение в Международную конвенцию 1965 г. как формы осуществления расовой дискриминации.

Пристатейный библиографический список

1. Нуриев Д. Ш. К вопросу об определении содержательной сущности понятия геноцид // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. – 2021. – № 2. – С. 149.
2. United Nations office on genocide prevention and the responsibility to protect WHEN TO REFER TO A SITUATION AS «GENOCIDE»: A brief guidance note. – Pp. 2-3. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/en/genocideprevention/documents/publications-and-resources/GuidanceNote-When%20to%20refer%20to%20a%20situation%20as%20genocide.pdf?ysclid=mlgdnhys3800960136> (дата обращения: 15.02.2026).
3. Нюрнбергский процесс и его наследие. Историко-документальный департамент МИД России. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://idd.mid.ru/informational_materials/nyurnbergskiy-protsess-i-ego-nasledie/ (дата обращения: 18.02.2026).
4. Нелаева Г. А., Сидорова Н. В., Хабарова Е. А. Криминализация отрицания холокоста и других международных преступлений: обзор европейской и российской практики // Международное правосудие. – 2020. – № 1 (33). – С. 40.

8 Рамочное решение Совета Европейского Союза 2008/913/ПВД от 28 ноября 2008 года «О борьбе с определёнными формами и проявлениями расизма и ксенофобии средствами уголовного права». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/2568518/#block_10001 (дата обращения: 18.02.2026).

9 «Лавров: РФ будет добиваться признания преступлений нацистов геноцидом» // ТАСС. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/politika/26415273> (дата обращения: 19.02.2026).

10 Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации: [принята 21 дек. 1965 г.] // Организация Объединённых Наций. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/documents/declconv/conventions/raceconv.shtml> (дата обращения: 26.03.2026).

11 Рамочное решение Совета Европейского Союза 2008/913/ПВД от 28 ноября 2008 года «О борьбе с определёнными формами и проявлениями расизма и ксенофобии средствами уголовного права». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/2568518/#block_10001 (дата обращения: 18.02.2026).

ЛУК Тхи Ли

аспирант кафедры международного частного права, Юридический институт, РУДН университет, Москва, Россия

НЕСВОЕВРЕМЕННЫЙ ПЛАТЕЖ В СООТВЕТСТВИИ С КМКПТ И ДИРЕКТИВОЙ 2011/7/ЕС

Заключение международных торговых контрактов является новой тенденцией развития и очень часто применяется в юридической практике. Однако нарушение международных коммерческих контрактов происходит часто и всегда приводит к экономическим потерям сторон. Одним из наиболее распространенных нарушений контракта является нарушение условий оплаты, что всегда приводит к финансовым потерям. Этот вопрос регулируется различными правовыми документами, включая национальное законодательство и международные законы. Двумя хорошо известными и широко применяемыми правовыми документами являются Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (КМКПТ) 1980 года и Директива 2011/7/ЕС Европейского парламента и Совета от 16 февраля 2011 года о борьбе с просрочкой платежей в коммерческих сделках. В этой статье мы сравним сходства и различия между положениями этих двух юридических документов, касающимися просрочки платежа, и опишем преимущества и недостатки этих положений. В то же время в статье представлены предложения автора о том, как более эффективно применять и обеспечивать соблюдение нормативных актов на практике.

Ключевые слова: коммерческий контракт, коммерческие сделки, просрочка платежа, проценты за просрочку платежа, международное коммерческое право, международная торговля.

LUK Thi Li

postgraduate student of International private law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LATE PAYMENT UNDER CISG AND DIRECTIVE 2011/7/ EU

Signing international trade contracts is a new development trend and is carried out very frequently in legal practice. However, violation of international commercial contracts occurs frequently and always causes economic losses to the parties. One of the most common violations of contract is breaching payment terms, which always results in financial losses. This issue is regulated in various legal documents including National Laws and international laws. Two well-known and widely applied legal documents are United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) 1980 and Directive 2011/7/ EU of the European Parliament and of the Council of 16 February 2011 on combating late payment in commercial transactions. This article will compare the similarities and differences between the provisions in these two legal documents regarding late payment, and outline the advantages and disadvantages of those provisions. At the same time, the article presents the author's suggestions on how to apply and enforce the regulations in practice more effectively.

Keywords: commercial contract, commercial transactions, late payment, interest of late payment, international commercial law, international trade.

Лук Тхи Ли

Заключение международных коммерческих договоров является новой тенденцией развития и очень часто применяется на практике. Однако нарушение международных коммерческих договоров происходит часто и всегда приводит к экономическим потерям сторон. Одним из наиболее распространенных нарушений договора является нарушение условий оплаты, что всегда приводит к финансовым потерям. Этот вопрос регулируется различными правовыми документами, включая национальное законодательство и международные законы. Двумя хорошо известными и широко применяемыми правовыми документами являются Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (КМКПТ) 1980 года и Директива 2011/7/EU Европейского Парламента и Совета от 16 февраля 2011 года о противодействии задержкам платежей в коммерческих сделках. В этой статье мы сравним сходства и различия между положениями этих двух юридических документов, касающимися просрочки платежа, и опишем преимущества и недостатки этих положений. В то же время в

статье представлены предложения автора о том, как более эффективно применять и обеспечивать соблюдение нормативных актов на практике.

Ключевые слова: Коммерческий договор, Коммерческие сделки, Просрочка платежа, Проценты за просрочку платежа, Международное коммерческое право, Международная торговля.

1. Основные понятия, связанные с несвоевременным платежом

Международные коммерческие сделки и коммерческие договоры – это общие понятия, которые определяются и регулируются различными законами. Согласно статье 2(1) Директивы 2011/7/EU Европейского парламента и Совета, “коммерческие сделки” означают сделки между предприятиями или между предприятиями и государственными органами, которые приводят к поставке товаров или предоставлению услуг за вознаграждение. “Коммерческий контракт” – это соглашение между сторонами об установлении, изменении

или прекращении прав и обязанностей в коммерческой деятельности¹.

В то же время, в процессе исполнения коммерческих договоров часто возникает проблема нарушения договорных обязательств. Как правило, нарушение договорных обязательств объясняется тем, что одна из сторон не выполняет свои обязательства по контракту. Другими словами, нарушение договора определяется как ненадлежащее или неполное исполнение договорных обязательств², в том числе несвоевременное их выполнение.

Согласно положениям КМКПТ, понятие нарушения договора интерпретируется в соответствии с обязательствами каждой из сторон договора, соответственно, продавец обязан доставить товар вовремя, в нужном количестве и обеспечить качество, а покупатель несет основную обязанность по оплате, получению и проверке товар. В дополнение к вышеуказанным основным обязательствам, стороны имеют право обсуждать и согласовывать другие обязательства на основе проведенных ими обсуждений. Нарушение договорных обязательств будет устранено в соответствии с соглашением сторон в договоре или в соответствии с положениями применимого законодательства.

В основном, несвоевременный платеж понимается в том смысле, что это невыполнение платежных обязательств. В частности, в коммерческих сделках понятие несвоевременного платежа определяется через платежные обязательства, включая: выплату полной суммы и в срок по соглашению сторон. Согласно статье 2 (4), «*несвоевременный платеж*» означает платеж, не произведенный в течение предусмотренного договором или законом срока платежа и при соблюдении условий. Таким образом, в Директиве 2011/7/ ЕС «*несвоевременный платеж*» понимается в основном как несвоевременный платеж, что означает, что информация о сроке платежа считается существенным условием. Однако в КМКПТ обязательство по оплате определено как основное обязательство, которое включает своевременную и полную сумму платежа в соответствии с договором. Это обязательство регулируется главой III (КМКПТ) об обязательствах покупателя, которая определяет, что покупатель обязан произвести оплату в полном объеме и своевременно в соответствии с условиями договора или положениями применимого законодательства. Таким образом, неисполнение Покупателем надлежащим образом своих платежных обязательств будет рассматриваться как нарушение условий договора.

При изучении вопроса о просроченных платежах часто используется юридическое понятие «проценты». Согласно статье 2 (5), «проценты за просрочку платежа» означают установленные законом проценты за просрочку платежа или проценты по ставке, согласованной между предприятиями. В этом положении проценты за просрочку платежа определяются на основании соглашения и решения обеих сторон в соответствии с условиями договора. В КМКПТ нет конкретного понятия процентов за просрочку платежа, только оговаривается, что «если сторона не выплачивает цену или любую другую сумму, которая является просроченной, другая сторона имеет право на получение процентов по ней»³.

Таким образом, основные понятия, связанные с несвоевременным платежом, предусмотренные в КМКПТ и Директиве 2011/7/EU, имеют сходные и в то же время различные характеристики: во-первых, это важное содержание, которое подчеркивается в обоих правовых актах; во-вторых, несво-

временный платеж рассматривается как нарушение договорных обязательств; в-третьих, необходимо предотвращать несвоевременный платеж и справляться с ним и требует юридической основы.

2. Сравнение положений о просроченных платежах в КМКПТ и Директиве 2011/7/ EU

Правила несвоевременного внесения платежей являются важными положениями, обеспечивающими принцип справедливости при исполнении договорных обязательств. Кроме того, несвоевременный платеж считается нарушением основных условий договора, поэтому в дополнение к основным принципам, согласованным в договоре, сторонам договора также необходимы другие правовые основания для защиты своих прав. Таким образом, КМКПТ и Директива 2011/7/EU содержат строгие правила, касающиеся несвоевременных платежей, включая следующие сходства и различия:

Цели положений КМКПТ о несвоевременных платежах и Директивы 2011/7/EU Директива 2011/7/ЕС была издана с тремя основными целями: во-первых, для защиты малых и средних предприятий (МСБ) в Европе. Эта цель четко описана в пункте 6 вводной части Директивы 2011/7/ЕС, а также основана на правовой базе определения микро-, малых и средних предприятий в рекомендации Комиссии 2003/361/ЕС от 6 мая 2003 года⁴.

Во-вторых, была издана директива 2011/7/ЕС, призванная положить конец проблеме просроченных платежей, которая в настоящее время является актуальной. Согласно пунктам 3, 5, 12, 19 преамбулы этого указа, в котором утверждается, что: «*просроченный платеж представляет собой нарушение договора, которое стало финансово привлекательным для должников в большинстве государств-членов благодаря низким процентным ставкам или их отсутствию, взимаемым за просроченные платежи, и/или медленным процедурам возмещения ущерба*»⁵.

Применимая сфера применения:

Несмотря на то, что оба закона содержат положения о просроченных платежах, сфера применения КМКПТ и Директивы 2011/7/EU различна. Положения КМКПТ применяются в тех случаях, когда стороны в договоре решили, что применимым законодательством является КМКПТ. Соответственно, стороны имеют право разрешать споры, возникающие в ходе исполнения договора, только в соответствии с положениями выбранного закона.

Наоборот, положения Директивы 2011/7/EU применяются ко всем коммерческим сделкам, независимо от применимого законодательства, выбранного сторонами. Таким образом, сфера применения Директивы 2011/7/EU шире, чем КМКПТ, поскольку она не связана выбором сторон.

Субъекты применения:

КМКПТ является конвенцией в системе международного коммерческого права, поэтому она может применяться в коммерческих сделках, которые носят международный характер, и стороны выбирают эту конвенцию в качестве применимого права к договору. Международный характер которого основан на иностранном элементе в контракте с учетом сторон договора. В соответствии с КМКПТ физические или государственные лица заключают договор в качестве частных юридических лиц. Однако Директива 2011/7/EU применяется к сторонам договора в их качестве физических лиц и государственных органов. Таким образом, сфера применения Директивы 2011/7/EU расширяется, включая государственные органы.

Решения в отношении несвоевременных платежей: КМКПТ и Директива 2011/7/EU имеют как сходства, так и

1 Лук Т. Л. Отзывы о штрафе за нарушение контракта в соответствии с положениями коммерческого права во Вьетнаме// Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171).

2 Andrews N. Codification of Remedies for Breach of Commercial Contracts (Кодификация средств правовой защиты в случае нарушения коммерческих контрактов). 2017.

3 Глава III – Обязательства Покупателя, КМКПТ.

4 Основная цель состоит в том, чтобы прояснить определение микро-, малых и средних предприятий.

5 Пункт 12 - Введение, Директива 2011/7/ЕС.

различия в том, что касается решений по несвоевременным платежам. К числу сходств относятся:

Во-первых, КМКПТ и Директива 2011/7/EU предоставляют кредитору право требовать платеж и проценты за просрочку платежа. Согласно статье 78 КМКПТ, если какая-либо сторона не выплачивает цену или любую другую сумму задолженности, другая сторона имеет право на получение процентов по ней. В то же время, согласно статье 3 Директивы 2011/7/EU, государства-члены должны гарантировать, что в коммерческих сделках между предприятиями кредитор имеет право на получение процентов за просрочку платежа без необходимости напоминания, и статья 4 этой директивы также подтверждает, что государства-члены должны гарантировать, что в коммерческих сделках между предприятиями кредитор имеет право на получение процентов за просрочку платежа без необходимости напоминания. Если должником является государственный орган, кредитор по истечении срока, определенного в пунктах 3, 4 или 6, имеет право на получение установленных законом процентов за просрочку платежа без необходимости напоминания. Таким образом, право взимать проценты за просрочку платежей регулируется как КМКПТ, так и Директивой 2011/7/EU.

Во-вторых, право требовать дополнительных расходов. В соответствии со статьей 6(3) Директивы 2011/7/EU, кредитор, в дополнение к фиксированной сумме, указанной в пункте 1, имеет право на получение разумной компенсации от должника за любые расходы по возмещению, превышающие эту фиксированную сумму и понесенные из-за несвоевременного платежа должника. Это может включать дополнительные расходы, в том числе расходы на наем адвоката или агентства по взысканию долгов. Однако положения о несвоевременном платеже в КМКПТ и Директиве 2011/7/EU также имеют различия: Во-первых, Директива 2011/7/EU предусматривает компенсацию расходов на возмещение ущерба в статье 6 этой директивы, согласно которой кредитор имеет право получить от должника, как минимум, фиксированную сумму в размере 40 евро. Этот сбор не предусмотрен КМКПТ.

Во-вторых, что касается срока разрешения споров, связанных с несвоевременной оплатой: Директива 2011/7/EU конкретно устанавливает, что срок, в течение которого частная организация должна произвести оплату, составляет 30 календарных дней с даты получения счета-фактуры или с даты получения товаров или услуг; для государственных органов срок оплаты составляет 30 календарных дней с даты получения счета-фактуры или с даты получения товара, однако в некоторых особых случаях этот срок может быть продлен максимум до 60 календарных дней⁶. Это содержание подробно не оговаривается в КМКПТ.

В-третьих, положения о компенсации упущенной выгоды. Согласно статье 74 КМКПТ, нарушившая договор сторона обязана возместить потерпевшей стороне общий фактический ущерб и упущенную выгоду, возникшие в результате нарушения договора. Соответственно, пострадавшая сторона имеет право потребовать компенсацию за упущенную выгоду, вызванную несвоевременной оплатой, и претензия будет рассмотрена, когда заявитель представит доказательства того, что это обоснованное требование. Однако Директива 2011/7/ЕС не содержит положений по этому вопросу.

3. Методы повышения эффективности правоприменительной деятельности

Согласно приведенному выше анализу, положения КМКПТ и Директивы 2011/7/EU, хотя и регулируют один и тот же вопрос, различаются по содержанию и подходу. Эти различия в правовых нормах рассматриваются как “коллизии”, которые могут быть разрешены следующими способами:

Во-первых, применимое право выбирается сторонами в договоре. Право выбора применимого права является правом сторон в гражданских, экономических и коммерческих отношениях. Соответственно, стороны могут свободно договориться о выборе применимого права для регулирования правовых вопросов, вытекающих из договора.

Во-вторых, гармонизация законодательства. Эта концепция рассматривается как процесс создания единых стандартов на внутреннем рынке. Хотя каждое государство-член ЕС несет основную ответственность за регулирование большинства вопросов, относящихся к его юрисдикции, и, соответственно, каждое из них имеет свои собственные законы⁷, гармонизация направлена на: обеспечение согласованности законов, нормативных актов, стандартов и практики, с тем чтобы одни и те же правила применялись к предприятиям, действующим в нескольких государствах-членах, и чтобы предприятия в одном государстве-члене ЕС имели одинаковую юридическую силу. Страна не получает экономического преимущества перед предприятиями в другой стране из-за различных правил; а также снизить нагрузку на соблюдение требований законодательства и нормативно-правовую базу для предприятий, работающих на национальном или международном уровнях.

В-третьих, изменение законодательства. Странам и международным организациям необходимо регулярно пересматривать свои правовые системы, сравнивать их с международными конвенциями для корректировки и дополнения соответствующих правовых норм. Чтобы привести внутреннее законодательство в соответствие с международным правом, страны и международные организации часто принимают следующие шаги: пересматривают, оценивают, изменяют, дополняют, издаются новые законы или применяют международные договоры. В то же время странам или международным организациям необходимо предоставлять официальные толкования в тех случаях, когда законы стран или международных организаций отличаются от международных конвенций.

Пристатейный библиографический список

1. Andrews N. Codification of Remedies for Breach of Commercial Contracts (Кодификация средств правовой защиты в случае нарушения коммерческих контрактов). 2017.
2. Шепелева А. В. Коллизионное право: основные особенности и современные проблемы // Общество и государство. 2019. № 1 (4). Школа управления и политики МГИМО.
3. Кабатова Е. Современные проблемы коллизионного права // Государство и право. 2000. № 8.
4. Лук Т. Л. Отзыв о штрафе за нарушение контракта в соответствии с положениями коммерческого права во Вьетнаме // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171).
5. Салима П., Боден Р. Размер имеет значение: Проблема просроченных платежей // Журнал развития малого бизнеса и предпринимательства. 2011. Том 18. С. 732-747.

7 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Harmonisation_of_law/ (дата обращения: 01.03.2025).

6 Статья 4 (4) Директивы 2011/7/ЕС.

ЛУК Тхи Ли

аспирант кафедры международного частного права, Юридический институт, Российский государственный университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В КИТАЕ И ВЬЕТНАМЕ – ЭТО СОЧЕТАНИЕ ТРЕХ ФАКТОРОВ: ЗАКОН-ЧЕЛОВЕК- ТЕХНОЛОГИЯ

Электронная коммерция значительно развила мировую экономику; эта отрасль создает новую тенденцию развития для всех стран мира. В соответствии с экономическим развитием законодательство об электронной коммерции быстро развивается во многих странах мира, включая Вьетнам и Китай. Поэтому законы об электронных транзакциях и электронной коммерции постоянно пересматриваются и дополняются, и издается множество новых юридических документов, связанных с электронной коммерцией. В то же время развитие правовой системы также способствует развитию электронной коммерции. Для достижения такого развития Вьетнам и Китай уделяют особое внимание трем важным факторам: закон-человек-технология.

Ключевые слова: вьетнамское право, китайское право, законодательство об электронной коммерции, китайское законодательство об электронной коммерции, законодательство об электронных транзакциях, коммерческое право, технические инновации.

LUK Thi Li

postgraduate student of International private law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE DEVELOPMENT OF E-COMMERCE LAW IN CHINA AND VIETNAM – IS A COMBINATION OF THREE FACTORS: LAWS-HUMAN-TECHNOLOGY

E-commerce has significantly developed the world's economy; this industry creates a new development trend for all countries worldwide. Corresponding with economic development, e-commerce law has developed rapidly in many countries worldwide, including Vietnam and China. Therefore, legal documents on e-transactions and e-commerce are continuously revised and supplemented, and many new legal documents related to e-commerce are issued. At the same time, the development of the legal system also facilitates the development of e-commerce. To achieve that development, Vietnam and China focus on three essential factors: Laws, human and technology.

Keywords: Vietnamese law, Chinese law, e-commerce law, Chinese e-commerce law, e-transaction law, commercial law, technical innovation.

Лук Тхи Ли

1. Развитие электронной коммерции и право об электронной коммерции в Китае

Китай известен как страна с лидирующими в мире показателями развития электронной коммерции, и наиболее значимыми влияющими факторами здесь являются люди и технологии. Говоря об электронной коммерции, мы будем называть страны со значительными технологическими достижениями и платформами электронной коммерции, включая США, Китай, ЕС, Японию, Корею и т.д. а в Юго-Восточной Азии есть развивающиеся страны, которые, как правило, находятся в авангарде экономических тенденций, включая Индонезию, Таиланд и Вьетнам. В настоящее время электронная коммерция в Китае стала основой развития, изменившей экономику всей страны¹.

В настоящее время уровень использования Интернета в Китае составляет 65,2 %, что свидетельствует о том, что многие потенциальные клиенты, которым все еще необходимо присоединиться, по-прежнему готовы к бурному развитию индустрии электронной коммерции. Ожидается, что к концу 2025 года китайский рынок электронной коммерции до-

стигнет 1 230,4 миллиона пользователей, что указывает на потенциал китайской электронной коммерции по захвату огромного потребительского рынка. Электронная коммерция в Китае значительно выросла благодаря сочетанию трех факторов: правовой системы, людей и технологий. Что касается человеческого фактора, то мы утверждаем, что китайский народ обладает хорошей культурой, образованием и преимуществами с точки зрения численности населения и языка.

Государственная политика и технологические факторы также являются основополагающими и непосредственно влияют на развитие электронной коммерции в Китае. Китайское правительство опубликовало внутреннюю политику в области электронной коммерции, содержащую важные положения, в том числе: Снижение барьеров для входа на рынок способствует созданию инфраструктуры электронной коммерции, укреплению доверия и продвижению кредитной системы электронной коммерции, повышению безопасности электронной коммерции во избежание рисков.

Правило об электронной коммерции в Китае

Наряду с развитием электронной коммерции, законодательство об электронной коммерции в Китае также быстро формировалось и развивалось. Правовые документы формируются и совершенствуются с течением времени; в то же время они широко развиваются с точки зрения содержания,

1 Jian Huang & Qinyu Chen & Chengqing Yu, "A New Feature Based Deep Attention Sales Forecasting Model for Enterprise Sustainable Development" (Новая модель прогнозирования продаж на основе глубокого внимания с учетом особенностей для устойчивого развития предприятий, Устойчивое развитие), MDPI, том 14(19), страницы 1-18, сентябрь 2022 г.

а правовые положения разумно корректируются в соответствии с развитием общества.

Китайское право электронной подписи

В Китае впервые китайское законодательство предусматривает, что сообщения данных могут использоваться в письменной форме для заключения договора в статье 11 Контрактного права, которое вступило в силу 1 октября 1999 года. Соответственно, статья 11 Контрактного законодательства Китая гласит, что «Форма документа – это форма, в которой содержание контракта, переписка и сообщения данных (включая телеграмму, телекс, факс, обмен данными) в электронном виде и по электронной почте могут быть представлены в доступной форме». Это первый шаг в китайской правовой системе, создающий основу для законного осуществления электронных транзакций. В то же время, согласно статье 469 Гражданского кодекса Китайской Народной Республики 2020 года, «Стороны могут заключить договор в письменной, устной или иной форме. Письменная форма – это любая форма, которая позволяет представить содержащееся в ней содержание в осязаемой форме, такой как письменное соглашение, письмо, телеграмма, телекс или факсимильная связь. Сообщение данных в любой форме, такой как электронный обмен данными и электронная почта, которое позволяет представить содержащийся в нем контент в осязаемой форме и сделать его доступным для ознакомления и использования в любое время, считается письменным».

Правительство Китая обнародовало «Право об электронных подписях» (2004), официально заложив правовую основу для развития электронной коммерции в стране.

Китайское право об электронной Коммерции (2018)

Это право призвано обеспечить законные права и интересы субъектов, участвующих в деятельности в сфере электронной коммерции, регулировать поведение в сфере электронной коммерции, сохранять рыночный порядок и способствовать развитию электронной коммерции как устойчивому и здоровому виду деятельности². Этот закон направлен на решение большинства насущных социальных проблем.

Это важное событие в истории формирования и развития правовой системы Китая. Китайское право в области электронной коммерции отвечает насущным требованиям общества в области управления социальными отношениями в сфере электронной коммерции.

Китайское право на электронную коммерцию, принятое в 2018 году, устанавливает строгие правила налогообложения и регистрации бизнеса для предприятий, участвующих в электронной коммерции. Статья 11 этого права требует, чтобы операторы электронной коммерции регистрировались в качестве субъектов рынка, за некоторыми исключениями, такими как физические лица, продающие сельскохозяйственную продукцию или изделия народных промыслов, или осуществляющие единичные и мелкие сделки. При сборе и использовании персональных данных пользователей операторы электронной коммерции должны соблюдать применимые законы и нормативные акты Китая о защите персональных данных. Данное право регулирует ответственность операторов платформ за продукты и услуги, предлагаемые на их платформах.

2. Развитие электронной коммерции и права в области электронной коммерции во Вьетнаме

Развитие электронной коммерции во Вьетнаме

Во Вьетнаме официально интернет появился в 1997 году. В 2003 году об электронной коммерции читали лекции в университетах. Это показывает, что электронная коммерция во Вьетнаме сформировалась и развивалась довольно рано, и в то же время в ней было заинтересовано государство, создавая условия для развития; до настоящего времени электронная коммерция Вьетнама имела много достижений. По данным отчета Google, Temasek и Bain & Company, в 2024 году доля онлайн-потребителей во Вьетнаме составила 49 %, что немного меньше, чем в Сингапуре (53 %), и выше, чем в Малайзии и Индонезии.

Объем рынка электронной коммерции во Вьетнаме в 2015 году составлял всего около 4 миллиардов долларов США. Однако, по прогнозам, к концу 2025 года этот показатель достигнет 49 миллиардов долларов США, а Google даже прогнозирует, что объем рынка электронной коммерции во Вьетнаме к 2025 году достигнет 57 миллиардов долларов США.

Влияние человеческого фактора и технологий

Определяя факторы, которые существенно влияют на развитие электронной коммерции, мы можем подчеркнуть, что важнейшими факторами являются культура и люди. Благодаря культуре азиатов, вьетнамцы, особенно молодежь, обладают многими хорошими чертами характера: они всегда учатся чему-то новому и стремятся к саморазвитию, чтобы соответствовать развитию страны. Промышленная революция 4.0 стала движущей силой мировой электронной коммерции и растущего развития Вьетнама, особенно транграничной электронной коммерции, привлекающей к участию многих членов общества³. Транграничная электронная коммерция быстро становится ключевым элементом мировой экономики и неизбежной тенденцией, от которой не может остаться в стороне ни одна страна. Национальное «единое окно».

В 2014 году Вьетнам официально внедрил национальное «единое окно», которое является важной основой для «Единого окна» АСЕАН в соответствии с обязательствами и дорожной картой реализации странами региона.

Политика в отношении электронных счетов-фактур и таможенных процедур онлайн: Согласно статье 3 Указа 119/2018/ND-CP, счет-фактура – это бухгалтерский документ, составленный физическим лицом или организацией, продающей товары или предоставляющей услуги. Предприятиям электронные счета-фактуры помогают снизить затраты на соблюдение налоговых административных процедур, снижая риск потери, повреждения и возгорания при использовании бумажных счетов-фактур, поскольку система хранения электронных счетов-фактур имеет резервные копии, поэтому вероятность полной потери данных счетов-фактур маловероятна; Использование электронных счетов-фактур создает доверие для покупателей товаров и услуг: после получения электронных счетов-фактур покупатели могут проверить их прямо в системе налогового органа, чтобы точно узнать информацию о счете-фактуре, а также о заявлениях продавца в налоговые органы, чтобы сравнить с информацией, которую им предоставил продавец. С 2014 года таможенная служба Вьетнама внедрила бесплатное программное обеспечение в рамках автоматической клиринговой системы VNACCS/VICIS, однако для использования этого программного обеспечения предприятиям приходится загружать и устанавливать его, что требует от них инвестиций и приобретения

2 Wen J. H., Xiao Q. L. The E-commerce Law of the People's Republic of China: E-commerce platform operators' liability for third-party patent infringement. (Закон об электронной коммерции Китайской Народной Республики: ответственность операторов платформ электронной коммерции за нарушение патентных прав третьими лицами) // Обзор компьютерного права и безопасности. 2019. Том 35. Выпуск 6. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105347>

3 Thuу D., Три сценария, которые помогут цифровой экономике совершить прорыв в 2025 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vneconomy.vn/ba-kich-ban-giup-kinh-te-so-dot-pha-vao-nam-2025.htm> (дата обращения: 01.03.2025)

оборудования. Разработка правил электронной торговли во Вьетнаме.

Вьетнамское Право на электронные транзакции 2005 года

Для создания правовой базы для развития рынка электронной коммерции правительство Вьетнама на протяжении многих лет разрабатывало множество механизмов и стратегий регулирования внутренних и внешних отношений в области электронной коммерции. В 2005 году правительство Вьетнама приняло об право электронных транзакциях, регулирующий электронные транзакции в деятельности государственных учреждений; в гражданской, предпринимательской, коммерческой и других областях, предусмотренных законом. Это право применяется к учреждениям, организациям и частным лицам, которые предпочитают осуществлять транзакции с помощью электронных средств.

Статья 6 права об электронных транзакциях устанавливает общие принципы проведения электронных транзакций, включая принцип добровольного выбора использования электронных средств для проведения транзакций, принцип самостоятельного согласования выбора технологии, принцип, согласно которому ни одна технология не считается уникальной в электронных транзакциях, принцип обеспечения равенства и безопасности при электронных транзакциях, принципов защиты законных прав и интересов учреждений, организаций и частных лиц, интересов государства и общественных интересов, принципов электронного - операции государственных органов должны соответствовать принципам, установленным статьей 40 настоящего права.

Основные цели этого права: во-первых, создание правовой основы для электронных транзакций во Вьетнаме. Законом, устанавливающим основу для подписания электронного контракта, является контракт, заключенный в форме сообщения данных в соответствии с настоящим правом; во-вторых, способствовать развитию электронной коммерции; в-третьих, оказывать поддержку правительству в управлении электронными транзакциями и связанными с ними вопросами, а также создавать основу для своевременного расследования, выявления, и борьба с незаконными действиями в сфере электронной коммерции; в-четвертых, содействие бесперебойному проведению транзакций, экономя время и затраты. По сравнению с традиционными экономическими операциями электронные транзакции совершаются быстро, и стороны могут быстро вести переговоры и подписывать контракты, экономя затраты, что позволяет повысить качество и количество электронных транзакций.

Декрет 52/2013/ND-CP об электронной торговле: В 2013 году правительство Вьетнама издало Декрет 52/2013/ND-CP об электронной коммерции, предусматривающий более конкретные правила в отношении операций электронной коммерции. Этот Декрет предусматривает разработку, применение и управление деятельностью в области электронной коммерции.

3. Опыт основан на развитии электронной коммерции и Законах об электронной коммерции во Вьетнаме и Китае

Приведенный выше опыт принятия правовых документов по управлению электронной коммерцией в Китае и Вьетнаме позволяет извлечь следующие уроки и выводы:

Развитие электронной коммерции – это гармоничное сочетание трех основных факторов: закона, людей и технологий. Законодательство является необходимой основой для создания правовой базы для электронных транзакций и, в то же время, способствует развитию электронных бирж во Вьетнаме и Китае. Человеческий фактор - это культура людей, их адаптация и инновации при участии в коммерческих сделках в современной среде. Если культура и право – это две основы, то контент - это «мягкий фактор», тогда технология - это

«материальный фактор», способствующий успеху электронной коммерции. Три упомянутых выше фактора должны постоянно развиваться в равной степени, поддерживать и дополнять друг друга, чтобы создать условия для быстрого, масштабного развития электронной коммерции и достижения лучших результатов в будущем.

Чтобы способствовать развитию электронной коммерции, необходимо разработать разумную политику для каждой страны. Государственная политика также имеет существенный фактор, способствующий развитию экономики, - торговлю. Поэтому укрепляйте политику поддержки и содействуйте созданию инновационной логистической системы, которая работает эффективно.

Совершенствование правовой системы для защиты интересов потребителей, предотвращения мошенничества и продажи поддельных товаров низкого качества в сфере электронной коммерции. Необходимо полностью охватить и разъяснить юридические права, связанные с электронными счетами-фактурами, электронными контрактами, электронными проверками и другими документами по электронным транзакциям. Защита прав потребителей всегда является важной проблемой для каждой страны, развивающей электронную торговлю. Поэтому государству необходимо проводить более строгую политику, чтобы потребители могли безопасно участвовать в электронных транзакциях.

Пристатейный библиографический список

1. Буй Ким Тхань. Развитие цифровой экономики во Вьетнаме. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tuyenGiao.vn/dua-nghi-quyet-cua-dang-vao-cuoc-song/phat-trien-king-te-so-o-viet-nam-134586>.
2. Янь В. Закон об электронных подписях: первый в Китае национальный закон об электронной коммерции // *Intellect Prop Technol Law J.* 2005. № 17 (6). P. 6-10.
3. Юэ Хунфэй. (2017). Национальный доклад о развитии электронной коммерции в Китае. Источник: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.unido.org/sites/default/files/2017-10/WP_17_2017.pdf.
4. Цзянь Хуан, Цинъюй Чен и Чэнцин Ю. Новая модель прогнозирования продаж на основе глубокого внимания с учетом особенностей для устойчивого развития предприятий // *Устойчивое развитие. MDPI.* 2022. Том 14 (19). Сентябрь. С. 1-18.
5. Wen J. H., Xiao Q. L. The E-commerce Law of the People's Republic of China: E-commerce platform operators' liability for third-party patent infringement. (Закон об электронной коммерции Китайской Народной Республики: ответственность операторов платформ электронной коммерции за нарушение патентных прав третьими лицами) // *Обзор компьютерного права и безопасности.* 2019. Том 35. Выпуск 6. <https://doi.org/10.1016/j.clsr.2019.105347>
6. Jian Huang & Qinyu Chen & Chengqing Yu. A New Feature Based Deep Attention Sales Forecasting Model for Enterprise Sustainable Development (Новая модель прогнозирования продаж на основе глубокого внимания с учетом особенностей для устойчивого развития предприятий, Устойчивое развитие). *MDPI.* 2022. Том 14 (19). Сентябрь. С. 1-18.
7. Thuy D. Три сценария, которые помогут цифровой экономике совершить прорыв в 2025 году. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vneconomy.vn/ba-kich-ban-giup-kinh-te-so-dot-pha-vao-nam-2025.htm> (дата обращения: 01.03.2025).

КОВАЛЕНКО Наталья Евгеньевна

младший научный сотрудник, преподаватель, Алтайский государственный университет

СВОБОДА ЛИЧНОСТИ: К ВОПРОСУ О «ВИРТУАЛЬНОМ СУБЪЕКТЕ ПРАВА»

В настоящей статье рассматривается трансформация субъекта права в условиях цифровизации общественных отношений. Исследуется феномен «виртуального субъекта», как правовой фикции, дублирующей традиционное понимание субъекта, но не обеспечивающей сохранение его сущностных характеристик. Автор обращается к теоретическому наследию Н. И. Палиенко, чья концепция об определении свободы в сознании личности позволяет выявить риски цифровой трансформации: замене внутренних регуляторов поведения техническими алгоритмами, ослаблению когнитивно-эмоциональной стороны правосознания. Особое внимание уделяется проблеме двойственной природы правового регулирования в цифровую эпоху, с одной стороны, расширение юридических возможностей личности, с другой, угроза размывания антропоцентризма в праве, потеря ценности человека в праве.

Ключевые слова: право, субъект права, личность, правоотношение, свобода, цифровизация, общество.

KOVALENKO Natalya Evgenjevna

junior researcher, lecturer, Altai State University

PERSONAL FREEDOM: ON THE ISSUE OF THE «VIRTUAL SUBJECT OF LAW»

This article examines the transformation of the legal subject in the context of the digitalization of social relations. It explores the phenomenon of the “virtual subject” as a legal fiction that duplicates the traditional understanding of the subject but fails to preserve its essential characteristics. The author draws on the theoretical legacy of N. I. Palienko, whose concept of defining freedom in the individual’s consciousness allows us to identify the risks of digital transformation: the replacement of internal behavioral regulators with technical algorithms and the weakening of the cognitive-emotional aspect of legal consciousness. Particular attention is paid to the dual nature of legal regulation in the digital age: on the one hand, the expansion of individual legal opportunities, on the other, the threat of erosion of anthropocentrism in law and the loss of human value in law.

Keywords: law, subject of law, personality, legal relationship, freedom, digitalization, society.

В настоящее время развивается информационное общество, наибольший интерес вызывает формирование виртуального пространства, создающее новые формы взаимоотношений. Законодатель принимает акты, направленные на урегулирование наиболее приоритетных сфер информационного общества, что прослеживается в ряде правовых актов: Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», Постановление Правительства Российской Федерации от 9 июня 2025 г. № 861 «О Центре развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации» и др. [1], [2]. Среди которых важно отметить ряд программных документов, направленных на развитие информационного общества и технологий искусственного интеллекта: Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» [3], [4]. Их содержание направленно на формирование новой сферы в обществе, устанавливаются принципы, основные идеи и векторы развития, в рамках которых должно проводится правовое регулирование. При этом недостаточно внимания уделяется идентичности субъекта права в складывающихся новых реалиях. Так, виртуальное пространство создаёт «виртуальных субъектов», «электронные правоотношения», при этом ответственность остаётся в реальности. «Виртуальный субъект», это новая форма субъекта права, однако она подвержена большому влиянию внешних факторов, определенных спецификой «оцифровки» правоотношений, когда как классическое понимание субъекта складывалось из фактических действий в реальной обстановке. «Виртуальный субъект» права следует понимать в качестве фикции, он дублирует субъекта права, но не гарантирует истинность его помыслов, так как остаются нерешенными проблемы идентификации субъектов, осуществляющие действия по реализации вирту-

альной правосубъектности. К примеру, сохраняется процедура по личному подтверждению действий через посещение соответствующих государственных органов [5]. Возникает ситуация раздвоения личности, с одной стороны, он реален и ограничен определенными рамками поведения, с другой – виртуален и действует при других правилах. Способна ли цифровизация в рамках развития информационного общества привести к формированию нового типа самосознания личности? Думается, что да. Виртуализация не только общественных, но и правовых отношений способствует формированию соответствующих особенностей личности в цифровой среде, когда как когнитивно-эмоциональная составляющая поведения становится второстепенным. Возникновение виртуальных субъектов права приводит к уменьшению процессов «переживания права», когда личность столкнувшись с правовыми нормами осознает их и формирует свой образ поведения в тех рамках, которые ими заданы. Субъект не выбирает как ему реализовать свои права и обязанности, он действует в границах цепочки, выстроенной программой. Вероятно, поэтому Ю. А. Тихомиров отмечал необходимость изменения подхода законодателя к юридической технике, он подчеркивал «технический» характер принимаемых норм [6]. Также правовед отмечал, что «наблюдается нарастающее влияние хаотических информационных потоков», что может негативно сказаться на интересах государства, граждан и общества, их необходимо комплексно защитить для этого формируется образ правового человека [6, с. 74].

Субъект права представляет собой правовую категорию, где основным содержанием выступает правосознание личности, но для того, чтобы выяснить какие риски могут возникнуть для него в условиях развития информационного общества, цифровизации, следует рассмотреть основу, чем является сознание. Морально-нравственные принципы задают в сознании человека вектор поведения, формируется личное убеждение, потребности. Оценка своего поведения в рамках правовых предписаний, выработка модели пове-

дения, а также соотношение с имеющимися представлениями происходит в рамках правосознания, ранее мы писали подробнее [7]. Отметим, что правосознание позволяет ориентироваться личности в праве, формируется правовой образ, воплощаемый в категории субъект права. В сознании у человека устанавливаются рамки дозволенного поведения, очерчивается сфера, где возможно действовать свободно или ограничено. Н. И. Палиенко отмечал, что полностью свободных сфер у человек нет, везде присутствует внешнее воздействие, императивы могут усваиваться в сознании, как собственное убеждение о бесконтрольности поведения [8]. В качестве таких скрытых императивов отмечались мораль, обычаи, религиозные нормы и другие. Схожей позиции придерживался М. Н. Капустин, он обратил внимание на тот факт, что в ситуации отсутствия внешнего воздействия на человека, часто сохраняется внутреннее принуждение, которое следует рассматривать как нравственную ответственность, в связи с чем свобода коррелирует ответственности и зависит от неё [9, с. 45]. Кроме сознания следует рассмотреть и самосознание человека, определяемое, как «личностное образование», характеризующаяся динамизмом через совокупность психических процессов, происходит понимание личностью себя, окружающей действительности, выстраивается линия поведения и осуществляется «саморегуляция» [10]. Право внешне проявляется в публичных, официальных ограничениях и запретах, что отличает его от иных социальных регуляторов. При столкновении с ними в правовом сознании возникают эмоциональные переживания, происходит соответствующая интеллектуальная проекция в самосознании личности. Далее рассмотрим стержень субъекта права, личность, которая аккумулирует в себе черты биологического, социального поведения. Отметим, биологическое проявляется в понятии «человек», социальное в «индивиде», правовое в «субъекте права». С. А. Комаров предложил рассматривать понятия личности и человека в правовой системе следующим образом. Данные понятия не синонимичны, так «личность» следует рассматривать, как социальную ценность человека» [11, с. 65].

Личность представляет собой уникальное содержание субъекта права, с одной стороны, предполагается свобода в рамках индивидуальной среды общения, с другой, она находится в постоянной зависимости от внешних факторов, условий, господствующих в обществе. Свобода личности проявляется в сфере, не урегулированной нормой права, при этом абсолютная свобода поведения невозможна, так как необходимо соблюдать иные социальные общепризнанные правила, в противном случае последует отрицательная оценка поведения. Н.И. Палиенко отмечал, что, не смотря на заданные условия поведения в общественных отношениях, индивид свободен в своих действиях и мыслях, так как отсутствует императивность, присущая праву [8]. В трудах правоведа нет разделения между личностью и индивидом, он рассматривает их в качестве тождественных понятий. При этом С. А. Муромцев обращал внимание на тот факт, что в правоотношениях у субъекта возникает больше возможностей для реализации своих прав и обязанностей, т.е. ограничения позволяют расширить юридические возможности [12, с. 91-91]. Если рассмотреть в данном контексте понимание личности, то можно сказать, что она осознаёт уверенность в своих действиях, устраняются какие-либо препятствия, в связи с чем считаем, что внешнее воздействие (нормы права) не всегда ограничивают свободу, даже наоборот, предоставляет её.

Таким образом, исследовав тенденции правового регулирования информационного общества и теоретическую основу, посвященную исследованию содержания субъекта права в контексте личности и её сознания, пришли к следующему. Основной риск цифровизации для права заключается в появлении новых видов правоотношений, «виртуализации» правовых категорий среди которых субъект права. Сознание человека формирует границы должного поведения, устанавливая скрытые императивы, которые не осознаются индивидом в отличие от правовых норм. Процесс цифровизации способен привести к формированию нового типа самосознания личности, в котором «переживание права»,

как значимого феномена, перейдет в стадию бессознательного следования программным алгоритмам. В данных условиях задачей доктрины в том, чтобы развивая информационное общество, внедряя новые технологии, не утратить понимания права, как явления, тесно связанного с человеческой личностью, её сознанием и способностью к нравственной ответственности, что позволит сохранить антропоцентризм в праве и сохранить баланс между новациями и традициями в правовой среде.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 3 августа 2020 г. – № 31 (часть I). – Ст. 5017.
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 июня 2025 г. № 861 «О Центре развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 16 июня 2025 г. – № 24. – Ст. 3181.
3. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14 октября 2019 г. – № 41. – Ст. 5700.
4. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 15 мая 2017 г. – № 20. – Ст. 2901.
5. Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2 января 2023 г. – № 1 (часть I). – Ст. 19.
6. Тихомиров Ю. А. Право: традиции и новые повороты. – Москва: Блок-Принт, 2023. – 208 с.
7. Коваленко Н. Е. Особенности проявления правового сознания в процессе правотворчества // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2025. – Т. 11. № 1. – С. 479-483.
8. Палиенко Н. И. Учение о существе права и правовой связанности государства. – Харьков: Тип. и лит. М. Зильберберг и с-ва, 1908. – 351 с.
9. Капустин М. Н. Теория права: (юридическая догматика). Т. 1. Общая догматика. – Москва: Унив. тип. (Катков и К°), 1868. – 352 с.
10. Орлова А. А. Роль самосознания личности в формировании образа будущего // Социальные явления. – 2013. – № 2. – С. 107-110.
11. Комаров С. А. Советское общенародное государство и личность: Политико-правовые аспекты. – Красноярск: Изд-во Краснояр. Ун-та, 1986. – 136 с.
12. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. – Москва, типография А. И. Мамонтова и Ко, 1879 г. – 240 с.

КРАСИЛЬНИКОВ Сергей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ФИКЦИЙ В НОВЕЙШУЮ ЭПОХУ

В статье исследуется феномен юридических фикций сквозь призму новейших тенденций развития права. Автор анализирует трансформацию понятия и функций юридических фикций в условиях цифровизации, глобализации и нарастающего усложнения общественных отношений. Рассматриваются классические доктрины юридических фикций и их актуальность для современного российского права. Особое внимание уделяется новым разновидностям юридических фикций, формирующимся в сфере цифрового права, корпоративного законодательства и процессуального права. Исследуются функции, виды и пределы применения юридических фикций в российском законодательстве и правоприменительной практике. Обосновывается необходимость системного осмысления юридических фикций как инструмента правового регулирования в эпоху технологических трансформаций. Делается вывод о том, что юридические фикции в новейшую эпоху не утрачивают своего значения, но претерпевают существенную содержательную трансформацию, приобретая новые формы и сферы применения.

Ключевые слова: юридическая фикция, правовая техника, цифровое право, правовое регулирование, теория права, цифровые фикции, принцип добросовестности, юридическое лицо, цифровизация, правовая определенность.

KRASILNIKOV Sergey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Theory and history of state and law sub-faculty, North-Western Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg

DEVELOPMENT OF LEGAL FICTIONS IN THE MODERN ERA

The article examines the phenomenon of legal fictions through the prism of the latest trends in law development. The author analyzes the transformation of the concept and functions of legal fictions in the context of digitalization, globalization, and the increasing complexity of social relations. Classical doctrines of legal fictions and their relevance for modern Russian law are considered. Special attention is paid to new types of legal fictions emerging in the field of digital law, corporate legislation, and procedural law. The functions, types, and limits of application of legal fictions in Russian legislation and law enforcement practice are studied. The need for a systematic understanding of legal fictions as an instrument of legal regulation in the era of technological transformations is substantiated. It is concluded that legal fictions in the modern era do not lose their significance but undergo a significant substantive transformation, acquiring new forms and areas of application.

Keywords: legal fiction; legal technique; digital law; legal regulation; theory of law; digital fictions; principle of good faith; legal entity; digitalization; legal certainty.

Введение

Юридические фикции представляют собой один из наиболее дискуссионных и вместе с тем функционально незаменимых инструментов правовой техники. На протяжении многих столетий они служат праву как способ преодоления пробелов, достижения справедливых результатов и адаптации нормативной системы к меняющимся социальным реалиям. Вместе с тем новейшая эпоха - эпоха цифровизации, глобализации и постиндустриальных трансформаций - ставит перед институтом юридических фикций принципиально новые вызовы, требующие глубокого теоретического осмысления.

Актуальность исследования обусловлена несколькими ключевыми обстоятельствами. Во-первых, стремительное развитие цифровых технологий порождает новые общественные отношения, не поддающиеся традиционному правовому регулированию. В этих условиях законодатель и правоприменитель все чаще прибегают к фикциям как к инструменту «достройки» нормативной системы, позволяющему распространить существующие правовые режимы на принципиально новые объекты и субъекты. Во-вторых, в юридической науке до сих пор отсутствует единство в понимании природы и пределов юридических фикций, что снижает предсказуемость правоприменения и создает почву для злоупотреблений. В-третьих, процессы цифровой трансформации права актуализировали необходимость формирования целостной доктрины «цифровых фикций», способной

выступать методологической основой законотворческой деятельности в высокотехнологичных сферах [8, с. 5-6].

Целью настоящей статьи является исследование тенденций развития юридических фикций в условиях новейшей эпохи с учетом теоретических оснований данного феномена и его практических проявлений в современном российском праве. Для достижения указанной цели ставятся следующие задачи: уточнить понятие и признаки юридической фикции; проследить историческую эволюцию данного института; выявить актуальные тенденции применения фикций в российском законодательстве; рассмотреть специфику «цифровых фикций»; обозначить проблемы и перспективы развития соответствующей доктрины.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания (анализ, синтез, обобщение, системный подход), а также специально-юридические методы: формально-юридический, сравнительно-правовой и историко-правовой. Теоретическую базу образуют труды отечественных правоведов, посвященные проблематике юридических фикций и смежным вопросам теории права и правовой техники.

Вопрос о природе юридических фикций остается предметом научных дискуссий на протяжении столетий. Исторически понятие «фикция» восходит к латинскому «fictio» - вымысел, изображение, создание. В самом широком смысле под фикцией понимается допущение того, что несуществующее существует, а существующее - не существует. В праве данный

феномен приобретает нормативное измерение: правотворец осознанно создает конструкцию, расходящуюся с реальностью, наделяя ее юридически обязательным характером.

В современной теории права юридическая фикция трактуется как прием правовой техники, состоящий в признании несуществующего факта существующим либо существующего факта несуществующим в целях достижения определенных правовых последствий [1, с. 47]. Принципиально важно, что фикция не является ошибкой или заблуждением: правотворец осознанно конструирует заведомо ложное положение, наделяя его юридической силой. Именно это обстоятельство отличает фикцию от аналогии закона, при применении которой законодатель не отступает от принципа соответствия норм объективной реальности, а лишь распространяет действующие нормы на сходные неурегулированные отношения.

М. А. Давыдова разграничивает юридические фикции в «широком» и «узком» смысле. В широком смысле фикция охватывает любые правовые конструкции, расходящиеся с реальностью; в узком – лишь те, которые прямо указывают на несуществующий факт посредством формулировок «считается», «признается», «приравнивается» и им подобных [1, с. 52-53]. Данное разграничение имеет существенное значение для квалификации правовых явлений и отграничения фикций от смежных понятий – правовых презумпций, аксиом и юридических символов. Если презумпция представляет собой вероятностное суждение, допускающее опровержение, то фикция – суждение неопровержимое в силу нормативного предписания, что принципиально иначе распределяет бремя правоприменения.

О. В. Танимов выделяет следующие квалифицирующие признаки юридической фикции: нормативность (закрепление в источнике права); сознательность (осознанное отступление от реальности со стороны правотворца); целенаправленность (наличие конкретной правовой цели); устойчивость (сохранение действия до момента отмены или замены соответствующей нормой) [2, с. 38-41]. Совокупность данных признаков позволяет сформировать четкий идентификационный критерий юридических фикций в массиве правовых норм. Вместе с тем в условиях цифровизации данный перечень нуждается в дополнении: «цифровые фикции» характеризуются также технологической обусловленностью (детерминированностью особенностями цифровых систем) и динамизмом (способностью изменять содержание по мере технологического развития).

Функциональный аспект юридических фикций раскрывается через их роль в механизме правового регулирования. Среди основных функций фикций традиционно называют: регулятивную (установление правил поведения для нетипичных ситуаций), охранительную (защита прав и законных интересов субъектов права), упрощающую (снижение транзакционных издержек правоприменения), адаптационную (приспособление права к меняющимся условиям) [4, с. 13-14]. В новейшую эпоху данный функциональный набор существенно расширяется: добавляется технологическая функция (обеспечение совместимости правового пространства с цифровой средой) и интеграционная функция (сближение национальных правовых систем в условиях глобализации).

Анализ исторической эволюции юридических фикций свидетельствует об их устойчивом присутствии в праве различных цивилизаций и эпох. Уже в древнеримском праве фикции выступали незаменимым инструментом преторского правотворчества. Так, «*fictio legis Corneliae*» – фикция, в силу которой попавший в плен к неприятелю считался умершим в момент пленения, – позволяла решать острые наследственно-правовые проблемы и обеспечивать стабильность имущественного оборота. «*Actio ficticia*» давала возможность распространять исковую защиту на отношения, формально не охватываемые нормами гражданского права [3, с. 16-17].

Принципиально важно, что римские юристы осознавали фиктивный характер данных конструкций, рассматривая их как сознательный технический прием, а не как подлинное описание правовой реальности.

В эпоху Средневековья юридические фикции широко применялись в каноническом и феодальном праве. Конструкция «*persona ficta*» – юридического лица как субъекта права, отличного от составляющих его физических лиц, – разработанная в трудах папы Иннокентия IV, стала одним из наиболее продуктивных правовых изобретений Средних веков и во многом определила облик современного коммерческого права [2, с. 55]. Данная фикция позволила создать правовой механизм для самостоятельного участия в имущественных отношениях монастырей, цехов, муниципальных образований и торговых корпораций, что стало предпосылкой формирования института юридического лица в его современном понимании.

В XIX веке в европейской юриспруденции развернулась оживленная дискуссия о правомерности и природе юридических фикций. Р. Иеринг полагал, что фикции суть «юридические лжи во спасение», вынужденные уступки правовой практики требованиям логической стройности системы. Ф. К. Савиньи, напротив, видел в них необходимый технический прием, позволяющий праву сохранять внутреннюю системность при обновлении нормативного содержания. В отечественной дореволюционной науке данная проблематика нашла отражение в трудах Г. Ф. Шершеневича, Д. И. Мейера, Е. В. Васильковского, поставивших вопрос о соотношении фикций с принципами законности и правовой определенности [6, с. 29-30].

В советский период отношение к юридическим фикциям было амбивалентным: официальная доктрина нередко рассматривала их как пережиток буржуазного права, несовместимый с идеалами социалистической законности. Тем не менее, советское законодательство активно использовало конструкции, по существу являвшиеся фикциями, – объявление гражданина умершим, признание безвестно отсутствующим, восстановление в утраченных правах по истечении определенного срока. В постсоветский период российская правовая наука вернулась к системному изучению фикций, что нашло отражение в многочисленных диссертационных исследованиях и монографиях, формирующих современную доктрину данного института [5, с. 54-55].

Действующее российское законодательство содержит значительный массив норм-фикций, рассредоточенных по различным отраслям права. Системный анализ нормативного материала позволяет выделить несколько характерных для новейшего периода тенденций в использовании данного инструмента правовой техники.

Первая тенденция – расширение сферы применения фикций в гражданском праве. Гражданский кодекс Российской Федерации закрепляет ряд классических фикций: объявление гражданина умершим (ст. 45 ГК РФ), признание гражданина безвестно отсутствующим (ст. 42 ГК РФ), момент приобретения правоспособности юридическим лицом. В последние годы к ним добавились фикции в сфере корпоративного права: признание решения общего собрания принятым при соблюдении установленных законом процедур независимо от фактически достигнутого единодушия участников, фикция уведомления при надлежащем извещении участника корпорации [5, с. 58-60]. Данные конструкции направлены на обеспечение стабильности гражданского оборота и снижение неопределенности при совершении коллективных юридических действий.

Вторая тенденция – активное использование фикций в процессуальном праве. Арбитражный процессуальный кодекс и Гражданский процессуальный кодекс РФ широко применяют фикцию надлежащего уведомления (ст. 123 АПК РФ, ст. 116 ГПК РФ), а также фикции в части установления об-

стоятельств дела при уклонении стороны от представления доказательств. Данные фикции направлены на обеспечение процессуальной экономии, предотвращение злоупотребления процессуальными правами и защиту добросовестных участников судопроизводства [4, с. 15-16]. Распространение электронного правосудия дополнительно актуализирует процессуальные фикции: извещение через личный кабинет в ГАС «Правосудие» фактически является законодательной фикцией, поскольку факт ознакомления с уведомлением юридически считается установленным по истечении определенного срока после его размещения.

Третья тенденция – появление фикций в публичном праве. Налоговое законодательство активно использует фикции для определения налоговой базы, места совершения хозяйственных операций, признания лиц взаимозависимыми. Конструкции в сфере трансфертного ценообразования, правила контролируемых иностранных компаний, фикция налогового резидентства юридического лица по «месту фактического управления» представляют собой сложные многоэлементные фикции, позволяющие унифицировать налоговые последствия для юридически различных ситуаций и обеспечивать принцип нейтральности налогообложения [6, с. 33-35].

Четвертая тенденция – расширение использования фикций в административно-процедурном праве. Принцип «молчаливого согласия», закрепленный в ряде административных регламентов и федеральных законов, по своей правовой природе является классической фикцией: отсутствие возражений в установленный срок законодательно приравнивается к явно выраженному согласию. Это позволяет ускорить административные процедуры и повысить их предсказуемость для заявителей, однако сопряжено с рисками нарушения прав лиц, своевременно не осведомленных о начале соответствующей процедуры [7, с. 31-32].

В современных условиях цифровизация правовой реальности порождает такие разновидности юридических фикций, которых традиционное право попросту не знало. Это одна из наиболее острых проблем современной юриспруденции: именно юридические фикции зачастую оказываются тем «мостом», через который новые технологии встраиваются в уже сложившуюся систему правовых категорий [8, с. 7-8].

Показательный пример – правовой статус цифровых объектов. Когда в 2019 году цифровые права были включены в перечень объектов гражданских прав (ст. 128 ГК РФ), законодательно пришлось построить целый ряд правовых фикций: цифровые права «считаются» имущественными правами и подчиняются соответствующим правовым режимам – хотя по своей технической природе они не имеют ничего общего ни с классическими объектами вещного, ни с объектами обязательственного права [5, с. 62-63]. Такая конструкция позволила распространить на цифровые права уже наработанные механизмы защиты, однако одновременно поставила под сомнение саму применимость этих механизмов к принципиально иным по природе объектам.

Отдельного разговора заслуживает вопрос о правосубъектности искусственного интеллекта. В ряде зарубежных юрисдикций уже делаются попытки наделить системы ИИ определенными правовыми свойствами – в первую очередь в части авторства на создаваемые ими произведения. По сути, здесь складывается новая юридическая фикция, структурно схожая с конструкцией юридического лица: средневековая «*persona ficta*» рискует превратиться в «*persona digitalis*» [7, с. 35-38]. Российское право пока воздерживается от введения подобных фикций, сохраняя принцип необходимости физического лица как источника творческого труда. Вместе с тем данный вопрос активно обсуждается в правовой доктрине и на уровне законодательных инициатив, что свидетельствует о неизбежности формирования соответствующей фикции в обозримой перспективе.

Существенное значение приобретают фикции в сфере электронного документооборота. Признание электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью, равнозначным бумажному документу с собственноручной подписью представляет собой законодательную фикцию, создающую юридическое тождество объектов, принципиально различных по своей природе [8, с. 11-12]. Данная фикция является несущей конструкцией всей системы электронного государственного управления: без нее невозможно полноценное функционирование государственных информационных систем, электронных торгов, дистанционного банковского обслуживания и судопроизводства в электронной форме.

В условиях развития криптоэкономики формируются фикции в сфере цифровых финансовых активов. Признание токена «цифровым финансовым активом» и распространение на него режима, близкого к режиму ценных бумаг, осуществляется посредством законодательных фикций. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» заложили нормативную основу для подобных конструкций, продолжающих развиваться в правоприменительной практике [5, с. 65]. Вместе с тем цифровые финансовые активы обладают рядом свойств (децентрализованный учет, псевдоанонимность, трансграничность), несовместимых с классическим режимом ценных бумаг, что свидетельствует о внутренней противоречивости соответствующих фикций и необходимости их доктринального уточнения.

Особую группу образуют фикции в сфере интеллектуальной собственности, связанные с объектами, созданными с использованием генеративных систем искусственного интеллекта. Вопрос о том, кому принадлежат авторские права на произведение, созданное нейронной сетью, решается в большинстве случаев посредством условных фикций, распределяющих права между разработчиком или пользователем системы. Данная проблематика наглядно демонстрирует неизбежность использования юридических фикций в условиях технологических трансформаций, опережающих развитие правовой системы [7, с. 40-41].

Развитие доктрины юридических фикций в новейшую эпоху сопряжено с рядом теоретических и практических проблем, требующих системного осмысления.

Первая проблема – отсутствие единого теоретического основания для классификации юридических фикций. Существующие классификации (по отраслевой принадлежности, по способу нормативного закрепления, по функциональному назначению, по субъекту применения) не охватывают всего разнообразия фикций, возникающих в условиях цифровизации [1, с. 58-61]. Необходима разработка новой классификационной системы, способной аккумулировать «цифровые» разновидности фикций и отражать специфику их применения в технологически насыщенных сферах правового регулирования.

Вторая проблема – риск инфляции юридических фикций. Избыточное использование данного инструмента в законодательстве способно привести к подрыву принципа правовой определенности, поскольку создает значительный разрыв между юридической и фактической реальностью [4, с. 17-18]. Данное обстоятельство особенно актуально применительно к цифровому законодательству, в котором фикции нередко выступают как «универсальный инструмент» для первичного правового освоения принципиально новых сфер регулирования, что порождает риски системной несогласованности нормативного массива.

Третья проблема – соотношение юридических фикций и принципа добросовестности. В современном праве принцип добросовестности занимает все более важное место, что актуализирует вопрос о допустимости фикций, расходящихся

ся с объективными стандартами доброй совести. Судебная практика знает случаи, когда суды отказывались применять законодательные фикции, если за ними обнаруживалось недобросовестное поведение одной из сторон – усматривая в таком применении угрозу самим основам правопорядка [6, с. 38-40]. Это подталкивает к вопросу: где проходит граница между формальным действием фикции и ее содержательными пределами?

Еще одна проблема, заслуживающая внимания, – адаптация международно-правовых фикций к российской правовой системе. Глобализация права регулярно ставит нас перед ситуацией, когда фикции, органично вписанные в иностранные правовые порядки или в международное право, требуют переосмысления применительно к отечественным реалиям. Простого заимствования здесь недостаточно: нужны механизмы рецепции, исключающие коллизии с уже действующими нормами и конструкциями [3, с. 22-23]. Особенно болезненно это ощущается в сферах трансграничного банкротства, международного коммерческого арбитража и трансграничного налогообложения, где в ходу фикции, которым в российском праве просто нет точного соответствия.

Что касается перспектив, то развитие юридических фикций в новейшую эпоху, по всей видимости, пойдет по пути формирования полноценной теории «цифровых фикций» – то есть системного осмысления их природы, признаков, разновидностей и допустимых пределов применения в цифровой правовой среде. Такая теория не может строиться умозрительно: она требует опоры на реальную правоприменительную практику – как отечественную, так и зарубежную, – на достижения сравнительного правоведения и, что немаловажно, на понимание технических особенностей тех цифровых систем, которые становятся объектами регулирования [7, с. 42-43], [8, с. 14-15].

Не менее важной задачей остается выработка критериев так называемой «разумной фикции» – ориентиров, которые позволяли бы оценивать допустимость и целесообразность той или иной законодательной фикции в конкретных условиях. В современной доктрине складывается несколько таких ориентиров: есть ли объективная потребность в фикции; соразмерно ли создаваемое ею отступление от реальности той правовой цели, ради которой она вводится; нет ли менее «разрушительных» для правовой определенности способов решить ту же задачу; наконец, не противоречит ли фикция общим принципам права и конституционным ценностям [1, с. 62-63]. Последовательная разработка этих критериев важна вдвойне: она позволит и не отказываться от фикций там, где они действительно необходимы, и не злоупотреблять ими там, где они лишь искажают правовую реальность.

Таким образом, проведенное исследование дает основания для нескольких выводов – как теоретического, так и практического свойства.

Юридические фикции – это не вспомогательный прием и не исторический курьез, а полноценный инструмент правового регулирования, обладающий заметной способностью приспосабливаться к меняющимся условиям. То, что они дожили от преторских формул римского права до норм цифрового законодательства, говорит само за себя: когда праву приходится иметь дело с явлениями, которые не вписываются ни в одну из привычных категорий, фикция оказывается порой единственным работающим решением.

Сегодня, однако, фикции – это уже не те инструменты, что прежде. Наряду с традиционными формами складываются принципиально новые – «цифровые фикции», обслуживающие отношения в сфере искусственного интеллекта, криптоэкономики, электронного документооборота и виртуальных пространств. Они сложнее, они подвижнее, они нередко выходят за границы одного правового порядка – и все это требует специального подхода и к их изучению, и к их применению.

Сама по себе экспансия фикций объяснима: общественные отношения усложняются, технологии развиваются быстрее, чем успевает реагировать право, а правовая определенность нужна даже там, где фактической определенности нет и быть не может. Но у этого процесса есть и обратная сторона – риск того, что фикции начнут плодиться бесконтрольно, постепенно подтачивая те самые принципы, которые они призваны защищать. Именно поэтому доктрина не может уклоняться от разработки внятных критериев их допустимости.

Дальнейшая работа в этом направлении видится в нескольких плоскостях: построение системной теории «цифровых фикций», формирование критериев их соразмерности, создание механизмов, сдерживающих бесконтрольное размножение фикций, и наконец – выработка подходов к тому, как грамотно адаптировать международно-правовые фикции к отечественной системе. Все это, в конечном счете, работает на одно: чтобы законодательство становилось качественнее, а правоприменение – предсказуемое в условиях, когда технологические перемены, судя по всему, не собираются замедляться.

Пристатейный библиографический список

1. Абдулханьянов И. А. Ренессанс юридической фикции в монографических исследованиях последних лет (2021-2022) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2023. - № 1 (61). - С. 123-129.
2. Танимов О. В. Теория юридических фикций: автореферат дис. ... докт. юрид. наук. - Москва, 2022. - 53 с.
3. Тихонов В. В. О профессоре Станиславе Акимовиче Зинченко и его работах по предпринимательскому (хозяйственному) праву // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. - 2025. - № 3. - С. 155-161.
4. Архипов С. И. Юридические конструкции в системе права // Российский юридический журнал. - 2023. - № 1. - С. 9-21.
5. Нечаева А. М. Эволюция правовых фикций в российском гражданском праве // Журнал российского права. - 2023. - № 4. - С. 52-67.
6. Панченко В. Ю. Правовые фикции и принцип добросовестности в частном праве // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2022. - № 46. - С. 28-41.
7. Гурова Т. В. Юридические фикции в условиях цифровизации права: монография. - Саратов: Изд-во Саратовской государственной юридической академии, 2024. - 192 с.
8. Тихомиров Ю. А., Талапина Э. В. Право и цифровая среда: новые реалии // Журнал российского права. - 2022. - № 1. - С. 5-17.

ПРОНИНА Ксения Юрьевна

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры философии и истории, Юридический факультет, Академия права и управления ФСИН России

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОТРУДНИКОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ: ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВОВОГО И НРАВСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ

В статье рассматривается значение правового и нравственного сознания в профессиональной деятельности государственных служащих и, в частности, сотрудников уголовно-исполнительной системы. Отмечается, что правовое и нравственное сознание – самостоятельные, но взаимосвязанные друг с другом формы общественного сознания. Обращается внимание на роль традиционных российских духовно-нравственных ценностей в профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы. Подчеркивается, что наличие у государственных служащих высокого уровня как правового, так и нравственного сознания – неотъемлемое условие эффективного и качественного осуществления своих профессиональных обязанностей.

Ключевые слова: правосознание, нравственное сознание, традиционные российские духовно-нравственные ценности, государственные служащие, сотрудники уголовно-исполнительной системы.

PRONINA Kseniya Yurjevna

Ph.D. in Law, senior lecturer of Philosophy and history sub-faculty, Faculty of Law, Academy of the Law and Management of the FPS of Russia

PROFESSIONAL ACTIVITY OF EMPLOYEES OF THE PENAL ENFORCEMENT SYSTEM: INTEGRATION OF LEGAL AND MORAL CONSCIOUSNESS

The article examines the importance of legal and moral consciousness in the professional activities of civil servants and, in particular, employees of the penitentiary system. It is noted that legal and moral consciousness are independent but interrelated forms of public consciousness. Attention is drawn to the role of traditional Russian spiritual and moral values in the professional activities of employees of the penitentiary system. It is emphasized that civil servants have a high level of both legal and moral consciousness – an essential condition for the effective and high-quality performance of their professional duties.

Keywords: legal awareness, moral consciousness, traditional Russian spiritual and moral values, civil servants, employees of the penal system.

Пронина К. Ю.

Современное общество предъявляет повышенные требования к профессиональной деятельности государственных служащих, в том числе и сотрудников уголовно-исполнительной системы. Особенности служебной деятельности предопределяют необходимость регулирования поведения в профессиональной сфере на основе как правовых, так и моральных норм. В связи с этим, вопросы взаимодействия правового и нравственного сознания приобретают не только теоретическое, но и практическое значение, оказывающее влияние на функционирование всей системы.

Правовое сознание – феномен, который присущ каждому индивиду, которое по мнению выдающегося русского правоведа И. А. Ильина, обусловлено тем, что «человек имеет правосознание независимо от того, знает он об этом или нет, дорожит этим достоянием или относится к нему с пренебрежением» [3, с. 127]. Высокий уровень правового сознания и правовой культуры выступают имманентной основой развития правового государства и гражданского общества, одним из факторов, определяющих эффективность национальной правовой системы.

В теоретической юриспруденции существует достаточно большое количество дефиниций понятия «правосознание». Так, В. Н. Жуков определяет правосознание как «совокупность рациональных представлений и чувств, выражающих отношение людей к политико-правовой реальности, а также

способ существования политико-правовой реальности» [2, с. 21].

Высокий уровень правосознания, по мнению Е. О. Кубякина и Е. В. Аракеловой, выступает «социально-сберегающим фактором» [4, с. 9], что, на наш взгляд, абсолютно обоснованно и подчеркивает значимость данного феномена. Правосознание выступает одним из элементов, на базе которого формируется поведение субъекта в социально-правовой сфере. Следовательно, от направленности данного поведения зависит, будет оно находиться в рамках правового поля или нет.

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что правосознание – достаточно сложное явление, охватывающее не только реальное познание правовой действительности, но и ценностное понимание права как регулятора общественных отношений, формирующееся как на основе правовых знаний, так и внутреннего осознания определенных правовых установок и ориентиров. Соответственно, структурными элементами правового сознания выступают знание правовых норм, осознание ценности права и существование правовых установок на определенное правовое поведение [6, с. 23]. Последующее поведение, именно правомерное, всеми субъектами права, как обществом, так и властью, составляет неотъемлемый элемент правовой культуры. Следует согласиться с мнением Т. Д. Васильевой, которая полагает, что

«правосознание не просто пассивно фиксирует правовую действительность, но активно участвует в ее осмыслении и структурировании, создавая целостную картину правовой системы и ее функционирования в рамках конкретного социального контекста, то есть является составной частью «правовой жизни»» [1, с. 4].

Правосознание – многогранный феномен, который под влиянием различных факторов может изменяться, при этом подобные трансформации могут выражаться в деформации правового сознания. В наиболее общем виде, под деформациями правосознания, понимается искаженное отражение правовой действительности. Соответственно, исходя из структуры правосознания, изменениям подвергаются знания, взгляды, правовые установки и ориентиры о праве, формирующие отношение к нему как основному регулятору общественных отношений.

Несомненно, деформации правосознания наносят существенный вред общественным отношениям. Отрицательное воздействие деформаций правосознания проявляется и в том, что они приводят к «утрате значения скрепляющих позитивные социальные отношения нравственно-правовых ценностей» [8, с. 142]. В этой связи необходимо обратить внимание на Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹. В соответствии с данным Указом, традиционные российские духовно-нравственные ценности рассматриваются как основа российского общества, как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России. Закрепляется достаточно обширный перечень традиционных ценностей: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Особая роль традиционных духовно-нравственных ценностей отмечена председателем Следственного комитета Российской Федерации А. И. Бастрыкиным в рамках XIII Петербургского международного юридического форума (ПМЮФ) (г. Санкт-Петербург, 19-21 мая 2025 года), который отметил, что на базе традиционных ценностей должна строиться национальная идея, которую необходимо закрепить в Конституции Российской Федерации².

В профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов в целом и уголовно-исполнительной системы, в частности, традиционные российские духовно-нравственные ценности, имеют ключевую роль, поскольку безусловное их соблюдение выступает залогом безупречной службы, основное предназначение которой направлено на служение обществу и государству. Осознание и реализация данного постулата требует наличия развитой правовой

культуры и высокого уровня правосознания, которые формируются в том числе, на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Значимость указанных ценностей в деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы подтверждается и закреплением в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года³ необходимостью повышения эффективности воспитательной работы с работниками уголовно-исполнительной системы в части сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей.

Особо следует отметить Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 24 октября 2025 г. № 874 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации»⁴, который вступил в силу с 4 января 2026 г. В Кодексе этики и служебного поведения сотрудников УИС в качестве основных этических требований закреплено, в том числе, и то, что сотрудник должен способствовать защите и укреплению традиционных духовно-нравственных ценностей. Внимание акцентировано на таких ценностях, как: патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, гуманизм, справедливость, коллективизм, историческая память и преемственность поколений, единство народов РФ.

Традиционные духовно-нравственные ценности должны выступать необходимым основанием, мировоззренческим стержнем в деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы. В теоретической юриспруденции высказывается точка зрения, согласно которой необходим тщательный отбор государственных служащих «не только по компетенциям, но и по моральным, а также этическим качествам» [7, с. 100]. Прочные духовно-нравственные убеждения формируют устойчивую мотивационную основу для всей профессиональной деятельности сотрудника уголовно-исполнительной системы. Профессионализм представляет собой комплексное понятие и включает в себя не только качественное и эффективное выполнение должностных функций, но и высокий уровень развития духовно-нравственной культуры.

В связи с этим, важная роль принадлежит нравственному сознанию. Оно является составной частью общественно-го сознания и фокусируется на моральных представлениях, принципах и нормах, которые отражают представления о добре и зле, справедливом и несправедливом. Структура нравственного сознания достаточно объемная и включает в себя два уровня: рационально-теоретический (моральные ценности, моральные принципы и нормы, нравственный идеал) и эмоционально-чувственный уровень (эмоции, чувства, переживания). В рамках данного исследования определенный интерес представляют такие структурные элементы, как моральные нормы и моральные принципы (например, гуманизм, коллективизм, альтруизм, милосердие и другие принципы). Моральные нормы определяют содержание поведения человека, моральный принцип предоставляет субъекту

1 См.: Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 09 ноября 2022 г. № 0001202211090019.

2 См.: Официальный сайт «Российская газета». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2025/05/22/bastrykin-nacionalnaia-ideia-dolzha-byt-zakreplena-v-konstitucii.html?ysclid=maz5nfemjks49346735> (дата обращения: 22.12.2025).

3 См.: Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.» // Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru) 5 мая 2021 г. № 0001202105050004.

4 См.: Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 24 октября 2025 г. № 874 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников уголовно-исполнительной системы Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru>.

екту общее направление деятельности. Отдельные моральные принципы являются, в соответствии с вышеназванным Указом Президента РФ, традиционными духовно-нравственными ценностями. По своему содержанию традиционные духовно-нравственные ценности в большей мере относятся к нравственной сфере, однако отдельные ценности (например, права и свободы человека) отражают правовую сферу.

В целом, исторически, два основных регулятора общественных отношений – право и мораль – находятся в тесной взаимосвязи друг с другом. Как отмечает Г. В. Мальцев, «мы получаем возможность, не отождествляя право и мораль и не игнорируя их специфики, говорить о том, что право представляет собой нравственный социальный феномен». ... «Действия людей, претворяющих в жизнь юридические принципы и нормы, можно квалифицировать как своеобразный тип нравственного поведения, на который, безусловно, распространяются такие этические понятия, как справедливость, долг, честь, совесть...» [5, с. 34].

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что правосознание и нравственное сознание представляют собой объединенные формы общественного сознания. Несмотря на их самостоятельность, они не существуют изолированно, а тесно связаны между собой, причем, полагаем, нравственное сознание выступает в качестве фундаментальной основы. По мнению О. И. Цыбулевской, недостаточные правовые знания можно «устранить усиленной самостоятельной подготовкой. Отсутствие же прочных нравственных ориентиров у правоприменителя ... восполнить в одночасье невозможно» [9, с. 236]. У субъектов с развитыми морально-нравственными качествами повышается вероятность формирования и высокого уровня правосознания. Полагаем, возможно, говорить о существовании прямой зависимости: по мере углубления и развития нравственного сознания, наблюдается соответствующее повышение уровня правосознания.

Особую значимость рассматриваемая взаимосвязь приобретает в сфере государственной службы, поскольку для эффективного выполнения своих обязанностей сотрудникам необходимо обладать как высоким уровнем правосознания, так и развитым нравственным сознанием: «моральный облик чиновников, их поступки, действия, образ поведения, имеет не менее важное, а в некоторых ситуациях определяющее значение. Поэтому, этическое наполнение, уровень культуры государственных служащих в целом, ..., станет одними из базовых значений при формировании уже уровня их правовой культуры» [7, с. 101]. Для государственных служащих, сотрудников уголовно-исполнительной системы правовое и нравственное сознание неразрывно связаны, при этом именно рациональное сочетание данных составляющих формирует основу для качественного выполнения профессиональных функций, что влияет на эффективность функционирования всей системы в целом.

Таким образом, государственный служащий должен обладать высоким уровнем правосознания, он обязан знать правовые нормы, понимать их значение, иметь установку на правомерное поведение, вместе с тем, его деятельность должна основываться на морально-нравственных характеристиках. Государственный служащий в своей профессиональной деятельности обязан воплощать основной ценностный смысл государственной службы – служение обществу и государству. При этом высокий уровень правового и нравственного сознания обуславливают не просто существование приоритета государственных и служебных интересов над личными, а

осознанное следование данному постулату в своей профессиональной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Васильева Т. Д. Феномен правосознания: теоретико-правовой анализ и значение для государственной службы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2024. - Т. 10. № 4. - С. 3-10.
2. Жуков В. Н. Правосознание: философский анализ // Государство и право. - 2019. - № 11. - С. 18-31.
3. Ильин И. А. О сущности правосознания // Собр. соч.: в 2 т. - М., 1993. - Т. 1.
4. Кубякин Е. О., Аракелова Е. В. Динамика и типы правосознания в российском обществе // Труды Академии управления МВД России. - 2024. - № 2 (70). - С. 8-15.
5. Мальцев Г. В. Нравственные основания права: монография / 2-е изд., перераб. - Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. - 400 с.
6. Пронина К. Ю. Правовой нигилизм государственных служащих в России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2023. - 229 с.
7. Склифус С. В., Тресков А. П. Правосознание и правовая культура государственных служащих как фактор эффективности правовой и политической системы // Право и государство: теория и практика. - 2024. - № 11 (239). - С. 100-101.
8. Фролова О. В., Фролов В. В. Деформации правового сознания и российский менталитет // Актуальные научные исследования в современном мире. - 2020. - № 6-9 (62). - С. 141-154.
9. Цыбулевская О. И. Формирование нравственно-правового сознания студентов в системе юридического образования // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2023. - № 3 (963). - С. 234-236.

РУЗАВИНА Евгения Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Иркутск

ЩЕЛИНА Мария Андреевна

студент 1-го курса по направлению подготовки 40.04.01 Юриспруденция (магистерская программа «Юридическая деятельность в органах государственной и муниципальной власти»), Факультет подготовки специалистов для судебной системы (Юридический факультет), Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Иркутск, независимый исследователь

РОЛЬ ПРЕСС-СЛУЖБ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ДОВЕРИЯ ГРАЖДАН К ОРГАНАМ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена анализу роли пресс-служб органов государственной власти Российской Федерации в формировании доверия граждан. Рассматриваются институциональные и правовые основы их деятельности, функции в системе публичных коммуникаций, а также влияние на легитимность власти. Особое внимание уделено проблемам цифровизации, дефицита обратной связи и имитационной открытости. Автор приходит к выводу, что эффективные, открытые и подотчётные коммуникации пресс-служб способны укреплять доверие к институтам власти, однако без реальных изменений в управленческой практике их потенциал ограничен.

Ключевые слова: доверие граждан, органы государственной власти, пресс-службы, публичные коммуникации, открытость, государственное управление, легитимность.

RUZAVINA Evgeniya Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of General theoretical and state-legal disciplines sub-faculty, East Siberian Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

SHCHELINA Mariya Andreevna

student of the 1st course in the field of Law 40.04.01 (Master's degree program "Legal Activity in state and Municipal Authorities"), Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law), East Siberian Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

THE ROLE OF PRESS SERVICES IN THE PROCESS OF BUILDING PUBLIC CONFIDENCE IN GOVERNMENT AUTHORITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to the analysis of the role of the press services of public authorities of the Russian Federation in the formation of public confidence. The article examines the institutional and legal foundations of their activities, functions in the public communications system, as well as their impact on the legitimacy of government. Special attention is paid to the problems of digitalization, lack of feedback and imitation openness. The author concludes that effective, open and accountable communications of press services can strengthen trust in government institutions, but without real changes in management practices, their potential is limited.

Keywords: citizens' trust, public authorities, press services, public communications, openness, public administration, legitimacy.

Рузавина Е. Ю.

Щелина М. А.

В современном российском обществе проблема дефицита доверия к органам государственной власти приобрела особую остроту. Отмечается, что уровень доверия находится на исторически низкой отметке – фактически речь идет о кризисе доверия к власти. Одной из причин этого кризиса выступают недостаточная открытость государственных структур и отсутствие эффективной обратной связи с гражданами. На этом фоне цифровая трансформация государственного управления создает одновременно новые задачи и новые возможности для публичных коммуникаций. С одной стороны, современные технологии обеспечивают более быструю и широкомасштабную передачу информации, повышают прозрачность деятельности власти и позволяют привлекать граждан к обсуждению решений онлайн. С другой стороны, возрастают общественные ожидания в части открытости и подотчетности: граждане требуют более понятного, прозрачного взаимодействия с органами власти. В ответ на эти противоречия в России предпринимаются меры по развитию «открытого государства». В частности, принята Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, утвердившая принципы прозрачности, доступности информации и диалога с обществом. Тем не менее, несмотря на стратегические ориентиры на от-

крытость, проблема доверия граждан к власти продолжает оставаться актуальной [2, с. 76].

Доверие граждан к политическим институтам тесно связано с легитимностью власти и эффективностью государственного курса. Его можно определить как особый тип отношений, основанных на уверенности общества в том, что действия власти соответствуют ожиданиям и интересам граждан. В современных теоретических подходах доверие рассматривается прежде всего как рациональное ожидание, формирующееся на основе опыта и информации, а не как слепая вера. За последние десятилетия доля безусловного, «авансового» доверия существенно снизилась: общество больше не склонно доверять институтам по умолчанию, требуя от них доказательств эффективности, честности и соблюдения провозглашенных ценностей. Таким образом, кризис доверия во многом обусловлен ростом критичности населения и повышением стандартов, которым должна соответствовать власть, чтобы заслужить доверие.

Доверие граждан к власти носит преимущественно институциональный характер: оно адресовано не столько конкретным лидерам, сколько государственным органам, законам и установленным процедурам. Высокий уровень такого

доверия свидетельствует о легитимности власти и устойчивости политической системы, тогда как утрата доверия подрывает авторитет институтов и затрудняет проведение государственной политики. Осознавая значимость этого фактора, Конституционный Суд РФ в ряде своих решений ввел в правовой оборот принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, фактически наделив его статусом общеправового [5, с. 155].

Коммуникация – связующее звено между государством и обществом, канал циркуляции информации и легитимации власти [3, с. 301]. Таким образом, качество публичных коммуникаций служит индикатором того, насколько власть уважает своих граждан. Открытость, содержательность и честность коммуникации повышают доверие, тогда как закрытость, пустая риторика и игнорирование вопросов его подрывают.

Пресс-службы являются специализированными подразделениями органов государственной власти, ответственными за взаимодействие органа со средствами массовой информации и населением. По сути, пресс-служба выступает посредником между государственным органом и внешней информационной средой. С одной стороны, через пресс-службу власть доводит до общества официальную позицию и сведения о своей деятельности. С другой – посредством мониторинга СМИ, социальных сетей и обращений граждан пресс-служба получает обратные сигналы о настроениях и проблемах в обществе. Статус и задачи пресс-служб закрепляются во внутренних регламентах или специальных положениях. Например, Управление пресс-службы и информации Президента РФ действует в составе Администрации Президента и координирует работу пресс-служб федеральных органов исполнительной власти по освещению деятельности главы государства. Пресс-службы созданы во всех ключевых структурах власти – министерствах, федеральных службах, региональных администрациях, судах. По своему положению они занимают промежуточное место: входя в бюрократическую иерархию, пресс-службы одновременно выполняют внешнюю функцию публичного представительства власти. Современная пресс-служба – это не просто источник официальных сообщений, но и активный субъект информационного поля, формирующий через СМИ и интернет-ресурсы общественный образ государственного органа и влияющий на общественное мнение. Недаром пресс-службу часто называют «рупором» власти и связующим звеном между государством и медиасферой. Институционально пресс-службы являются важнейшим инструментом реализации государственной информационной политики и коммуникационной стратегии органов власти.

Основная миссия пресс-службы – обеспечивать полное и оперативное информирование общества о деятельности государственного органа. С точки зрения связей с общественностью глобальная цель пресс-службы состоит в формировании и поддержании позитивной репутации ведомства. Для этого пресс-служба выполняет широкий круг задач.

Типичные функции пресс-служб включают:

- 1) подготовку и распространение официальных сообщений о важных решениях, событиях и инициативах;
- 2) организацию общения руководства ведомства с журналистами (пресс-конференции, брифинги, интервью, ответы на запросы СМИ);
- 3) ведение и обновление официального сайта и аккаунтов органа власти в социальных сетях;
- 4) информационное сопровождение кризисных ситуаций, опровержение недостоверных сведений и реагирование на негативные публикации;
- 5) аккредитацию журналистов и содействие их работе при освещении деятельности органа;

6) мониторинг публикаций в медиаполе, анализ общественного мнения и доведение этой информации до руководства.

Так, в положении о пресс-службе Президента РФ прямо указано, что она формирует объективное общественное мнение о деятельности главы государства через СМИ, организует пресс-мероприятия с его участием, осуществляет мониторинг информационного пространства. Аналогично, пресс-службы министерств и регионов не только информируют население, но и объясняют мотивы решений, демонстрируют открытость власти, сглаживают острые углы повестки.

Эффективная работа пресс-службы требует высокой профессиональной компетентности, оперативности и тесной координации с руководством органа власти. Пресс-служба должна быть интегрирована в процесс принятия решений, чтобы обладать полной информацией и своевременно советовать руководителям, как те или иные шаги будут восприняты общественностью. Идеальная модель – когда пресс-служба участвует в выработке и реализации политики, предугадывая информационный резонанс и подготавливая общественное мнение. В этом случае коммуникация носит упреждающий характер и способна заметно повысить уровень доверия граждан.

Деятельность пресс-служб опирается на законодательство, закрепляющее право общества на информацию и обязанность власти быть информационно открытой. Важнейший акт – Закон РФ «О средствах массовой информации» (1991 г.), который гарантирует право журналистов запрашивать сведения о деятельности органов власти и обязывает должностных лиц предоставлять такие сведения (кроме случаев, связанных с гостайной и др.). Фактически он задаёт рамки взаимодействия пресс-служб со СМИ: пресс-служба выступает официальным представителем органа власти при работе с прессой, обеспечивая достоверность и полноту сообщаемой информации¹. Другой ключевой документ – Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления». Он обязывает государственные структуры раскрывать определённый перечень информации о своей деятельности, в том числе публиковать эти сведения на официальных сайтах, а также устанавливает процедуры рассмотрения информационных запросов граждан². Выполнение требований этого закона во многом возлагается на пресс-службы и информационные подразделения: они поддерживают работу интернет-приёмных, регулярно обновляют сайты, публикуют открытые данные. В развитие принципов открытости Правительством РФ была утверждена Концепция открытости федеральных органов исполнительной власти, ориентирующая ведомства на прозрачность и диалог с обществом; на ее основе министерства и ведомства приняли собственные регламенты, определяющие порядок взаимодействия со СМИ и гражданами. Аналогичные положения действуют на уровне субъектов РФ и муниципалитетов (положения о пресс-службе губернатора, администрации и т.д.). В совокупности эта правовая база подчёркивает: информационное обеспечение населения – не просто добрая воля чиновников, а юридическая обязанность власти, корреспондирующая с конституционным правом граждан знать о действиях государства.

Работа пресс-служб непосредственно отражается на уровне доверия граждан. Можно выделить несколько ос-

1 Закон РФ от 27.12.1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 23.07.2025) // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1992. – № 7. – Ст. 300.

2 Федеральный закон от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» // СЗ РФ. – 2009. – № 7. – Ст. 776.

новых направлений их влияния: информирование, диалог и позиционирование. Имитация диалога – например, сбор предложений от населения без реального их рассмотрения – лишь рождает разочарование и скептицизм.

Третий аспект – управление общественным мнением. Пресс-служба сознательно формирует желательный образ власти: расставляет акценты в новостях, инициирует информационные поводы, продвигает ключевые сообщения руководства. Происходит позиционирование органа власти как компетентного, эффективного и ориентированного на благо граждан. В разумных пределах такая деятельность законна и оправдана – любая организация стремится представить себя в выгодном свете. Корректное информационное сопровождение реформ (с объяснением их целей) способно поддержать доверие, особенно среди мало осведомлённых групп населения. Однако перекося в сторону пропаганды без реального диалога может иметь обратный результат. Активная и образованная часть общества быстро распознаёт однобокую подачу. В условиях информационной открытости излишне приукрашенная официальная картина неизбежно будет скорректирована независимыми СМИ, экспертами, блогерами. Столкновение противоречивых версий только усилит недоверие к официальным источникам. Поэтому стремление создать позитивный образ власти не должно идти в ущерб правдивости и открытости.

Несмотря на значительный потенциал пресс-служб в повышении открытости власти, их деятельность сталкивается с рядом ограничений. Во-первых, существует опасность формализма, когда работа с обращениями граждан ведётся лишь для вида. Нередко ответы на запросы носят шаблонный, поверхностный характер и не решают поставленных вопросов, вызывая у граждан разочарование в самом механизме обращений. Во-вторых, наблюдается имитация открытости, демонстрация присутствия в информационном поле без реальной готовности учитывать общественное мнение. Проводятся общественные обсуждения, не влияющие на итоговые решения; в официальных аккаунтах удаляются комментарии, а вопросы остаются без ответа. В-третьих, на эффективность коммуникаций влияет общий фон недоверия в обществе. Многие граждане априори скептически воспринимают любые заявления властей. Таким скепсисом особенно отличаются активные группы населения, привыкшие получать информацию из альтернативных источников. В таких условиях возможности пресс-служб ограничены: одними коммуникациями переломить негативное отношение сложно. Наконец, опасен разрыв между словами и делами. Если власть публично заявляет об открытости и диалоге, но реальный опыт людей этому противоречит, то коммуникационные усилия дадут лишь временный эффект. Более того, несбывшиеся обещания окончательно подрывают веру в искренность власти [1, с. 182].

Не стоит забывать и о том, что в современном мире особое место занимают социальные сети, где публикуется информация о деятельности тех или иных государственных органов.

Наряду с соцсетями, сохраняют значение и официальные сайты органов власти, а также государственные информационные порталы. Официальный сайт служит хранилищем информации: там публикуются нормативные акты, отчёты, разъяснения, новости в полном объёме. Хотя по интерактивности и охвату сайт уступает соцсетям, наличие полного и проверяемого массива данных является необходимым условием прозрачности и базой для доверия: каждый желающий может убедиться в подлинности официальных сведений.

Активно развиваются и электронные приёмные граждан, платформы для обращений. Так, московский портал «Наш город» позволил тысячам жителей направлять жалобы по вопросам городского хозяйства и получать публичный ответ. Анализ показывает, что внедрение таких платформ по-

вышает вовлечённость населения и даёт ощущение участия, что позитивно сказывается на доверии.

Открытость информации, своевременное и содержательное реагирование на запросы граждан, разъяснение принимаемых решений и готовность к публичному обсуждению проблем способствуют укреплению институционального доверия [4, с. 146]. Вместе с тем выявлено, что односторонний характер коммуникаций, имитация диалога, формализм при рассмотрении обращений и преобладание имиджево-пропагандистского подхода существенно ограничивают потенциал пресс-служб и, напротив, могут усиливать недоверие к власти.

Современные цифровые каналы расширили инструментарий пресс-служб и повысили оперативность взаимодействия с обществом, однако сами по себе технологические решения не обеспечивают роста доверия без развития культуры ответственности и реальной обратной связи. В целом можно констатировать, что пресс-службы являются необходимым, но недостаточным элементом механизма формирования доверия к власти. Их деятельность способна поддерживать и усиливать легитимность государственных институтов лишь при условии согласованности слов и дел, институциональной подотчётности и готовности власти к открытому взаимодействию с обществом. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его выводов при совершенствовании стандартов публичных коммуникаций и реформировании деятельности пресс-служб в целях укрепления доверия граждан к органам государственной власти.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев М. С. Доверие населения к органам власти в информационном обществе: теоретико-методологические основы изучения // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2023. – № 71. – С. 177-191.
2. Гафарова М. Р. Доверие населения к органам государственной власти в РФ: методы определения, проблемы и пути их решения // Перспективные направления развития государственного и муниципального управления: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф. – Казань, 2021. – С. 74-80.
3. Осветимская И. И. Деформации коммуникации между государственной властью и обществом в России // Ideology and Politics Journal. – 2021. – № 2 (18). – С. 292-312.
4. Пушкарева Г. В., Сычев В. В. Политическое институциональное доверие в российском обществе // Государственное управление: Электронный вестник. – 2023. – № 100. – С. 142-154.
5. Семитко А. П. Принцип поддержания доверия граждан к закону и действиям государства // Человек и власть в контексте радикальных изменений в современном мире: сб. науч. тр. XXI Рос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12-13 апреля 2019 г.). Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. – С. 143-158.

СЕРКЕРОВ Самур Эльмирович

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой правовых дисциплин и методики преподавания, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала

АБДУЛМУТАЛИМОВА Замира Магомедовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала

ГАСАНАЛИЕВА Кахравани Магомедрамазановна

соискатель кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Факультет управления и права, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала

ПРИНЦИПЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРАВОВОМ ГОСУДАРСТВЕ

В статье рассматриваются различия принципов юридической ответственности в уголовном, административном и гражданском праве. Показано, что, несмотря на общую опору на конституционные начала законности, справедливости, гуманизма и пропорциональности, отраслевые особенности существенно влияют на содержание и реализацию этих принципов. В уголовном праве принципы ориентированы на максимальную защиту личности от чрезмерной репрессии и строгое соблюдение законности при наиболее тяжёлых последствиях (лишение свободы, судимость). В административном праве акцент смещён к оперативности и массовости реагирования при более мягких санкциях, что обуславливает упрощённые процедуры и стандартизированные меры, но с сохранением базовых гарантий. В гражданском праве принципы ответственности носят восстановительный и компенсационный характер, строятся на автономии воли сторон, диспозитивности и широком использовании конструкций ответственности без вины для эффективного перераспределения рисков и возмещения вреда. Делается вывод о том, что различия в принципах и их практической реализации обусловлены характером охраняемых интересов, тяжестью последствий и ролью государства в инициировании и применении ответственности.

Ключевые слова: юридическая ответственность, принципы ответственности, уголовное право, административное право, гражданское право, законность, вина, справедливость, гуманизм, пропорциональность, компенсация вреда, автономия воли, публичный интерес, частный интерес, правовое государство.

SERKEROV Samur Elmirovich

Ph.D. in Law, Head of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

ABDULMUTALIMOVA Zamira Magomedovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

GASANALIEVA Kahravani Magomedramazanovna

competitor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, Faculty of Management and Law, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

PRINCIPLES OF LEGAL RESPONSIBILITY IN A STATE GOVERNED BY THE RULE OF LAW

The text examines the differences in the principles of legal responsibility in criminal, administrative, and civil law. It is shown that, despite the general reliance on the constitutional principles of legality, justice, humanism, and proportionality, the specific features of each branch of law significantly influence the content and implementation of these principles. In criminal law, the principles are focused on maximizing the protection of the individual from excessive repression and strictly adhering to the rule of law in cases with the most severe consequences (imprisonment, criminal record). In administrative law, the focus is on speed and scale of response, with milder sanctions, which leads to simplified procedures and standardized measures, while maintaining basic guarantees. In civil law, the principles of liability are restorative and compensatory in nature, based on the autonomy of the parties' will, disposition, and the widespread use of blameless liability structures for the effective redistribution of risks and compensation for harm. It is concluded that the differences in principles and their practical implementation are determined by the nature of the protected interests, the severity of the consequences, and the role of the state in initiating and applying liability.

Keywords: legal liability, principles of liability, criminal law, administrative law, civil law, legality, guilt, justice, humanism, proportionality, compensation for harm, autonomy of will, public interest, private interest, rule of law.

Институт юридической ответственности является одним из важных и краеугольных в современной теории права и государства, от эффективной реализации которого зависит стабильное функционирование и развитие правового государства. Юридическая ответственность в правовом государстве представляет собой не только механизм реагирования на правонарушения, но и один из ключевых инструментов обеспечения верховенства права, реальности и гарантированности прав и свобод человека, устойчивости правопорядка и доверия к институтам публичной власти. В правовом государстве юридическая ответственность не может сводиться к карательному воздействию; она приобретает комплексный характер, включающий превентивную, воспитательную, восстановительную, регулятивную и правозащитную функции. Право, выступающее высшей мерой свободы и справедливости, в таких условиях требует, чтобы государственное принуждение применялось строго в рамках закона, с учётом достоинства личности, баланса частных и публичных интересов и принципов справедливости и гуманизма.

Юридическая ответственность в теории права рассматривается как предусмотренная нормами права мера государственного принуждения, применяемая к правонарушителю компетентными органами в установленном законом порядке и выражающаяся в возложении на него дополнительных неблагоприятных последствий личного, имущественного или организационного характера. Её ключевыми признаками являются нормативная обусловленность, государственно-властный характер, официальная процессуальная форма реализации, наличие неблагоприятных последствий для правонарушителя и связь с противоправным, виновным деянием. В правовом государстве к этим признакам добавляется ещё одно важное измерение: юридическая ответственность должна не только иметь своим последствием применение санкций, но и служить инструментом охраны и восстановления нарушенных прав, ограничивать произвол власти и обеспечивать доверие к закону.

Несмотря на сложившуюся нормативную и институциональную базу, реализация принципов юридической ответственности сталкивается с существенными проблемами.

Нередко наблюдается разрыв между декларируемыми в законе принципами законности, справедливости, гуманизма и реальной практикой, в которой имеют место избирательное правоприменение, чрезмерный формализм или, напротив, произвол, нарушение процессуальных сроков и гарантий, давление на суд, злоупотребление мерами пресечения. Проблемой является и избыточная криминализация общественных отношений, когда уголовно-правовые и иные репрессивные меры используются там, где были бы более уместны гражданско-правовые, административные или восстановительные механизмы. Недостаточность компенсационных и восстановительных инструментов, слабое развитие медиации, примирительных процедур, систем страхования и фондов компенсации вреда ущербно для реальной защиты прав потерпевших и часто не позволяет достичь целей социальной справедливости.

Современные вызовы, связанные с цифровизацией, использованием алгоритмов и автоматизированных систем в процессах выявления правонарушений и принятия решений о применении санкций, порождают новые вопросы для традиционных принципов ответственности. Прозрачность алгоритмов, возможность их проверки и оспаривания, недопущение скрытой дискриминации и системных ошибок, защита персональных данных и частной жизни – всё это требует адаптации правовых механизмов и выработки дополнительных гарантий, при этом не отменяя, а напротив, усиливая значение базовых принципов законности, пропорциональности, справедливости и гуманизма.

Принципы юридической ответственности в уголовном, административном и гражданском праве основаны на общих конституционных началах – законности, справедливости, гуманизме, пропорциональности, уважении прав и свобод человека. Однако их содержание и акценты существенно различаются из-за разных целей, характера охраняемых интересов и последствий для лица. Уголовная ответственность связана с самыми жёсткими мерами государственного принуждения, поэтому к ней предъявляются наибольшие требования по точности законодательства и уровню гарантий. Она применяется за деяния, признанные преступлениями, то есть наиболее общественно опасные посяательства на жизнь, здоровье, безопасность, собственность, основы конституционного строя. Отсюда особое содержание принципа законности: преступлением может быть только то деяние, которое прямо и недвусмысленно описано в уголовном законе, а наказание – только то, которое в нём предусмотрено. Аналогия закона в ущерб обвиняемому недопустима, а все неустранимые сомнения толкуются в его пользу. В полном объёме действует принцип презумпции невиновности: бремя доказывания полностью лежит на обвинении, а стандарт доказывания вины максимально строг – вина должна быть установлена вне разумных сомнений. Ключевым является принцип вины и личной ответственности: уголовная ответственность без вины исключена, а отвечать человек может только за собственные действия, а не за принадлежность к группе, родству или иному статусу. Принципы справедливости, гуманизма и пропорциональности также получают здесь наибольшую интенсивность: наказание должно быть соразмерно тяжести преступления, степени вины и личности виновного, недопустимы пытки и бесчеловечные меры, а лишение свободы рассматривается как крайняя, исключительная мера. Важную роль играет индивидуализация наказания: суд обязан учитывать мотивы, обстоятельства совершения деяния, поведение лица до и после преступления, возможность исправления без изоляции от общества. В административной ответственности логика принципов иная. Она обслуживает повседневный публичный порядок и сферу государственного управления: правила дорожного движения, налоговые и миграционные режимы, санитарные, экологические, лицензионные требования и множество других регуляций. По сравнению с уголовным правом последствия здесь обычно мягче: административные штрафы, предупреждения, краткосрочные ограничения, лишение специальных прав (например, водительских), но без судимости и клейма «преступника». Поэтому баланс между защитой прав лица и интересами государства смещён в сторону оперативности и массовости реагирования. Принцип законности сохраняет значение, но составы правонарушений чаще формулируются в более общем виде, процедуры упрощены, значительная часть дел рассматривается не судами, а органами исполнительной власти. Формально действует принцип вины, однако в практике иногда используются облегчённые модели её установления, например автоматическое назначение штрафов на основе фиксации нарушений техническими

средствами. Тем не менее удерживаются базовые требования: ответственность возможна только при наличии правовой нормы, санкция не должна быть явно несоразмерной, лицо имеет право на защиту и обжалование постановления. Важную роль играет принцип полного возмещения вреда: потерпевший должен быть поставлен по возможности в то положение, в котором он находился бы при надлежащем исполнении обязательства или отсутствии правонарушения. В гражданском праве широко распространены конструкции ответственности без вины, когда важнее обеспечить своевременную и полную компенсацию потерпевшему, чем доказать субъективную виновность причинителя вреда¹. Так, владелец источника повышенной опасности, работодатель за работника, предприниматель при нарушении обязательств часто несут ответственность независимо от вины, поскольку именно они контролируют деятельность и извлекают из неё выгоду. В отличие от уголовной и административной, гражданская ответственность реализуется в условиях формального равенства сторон: государство выступает не в роли обвинителя, а в роли арбитра, а процесс строится на принципе диспозитивности и состязательности – стороны сами инициируют дело, определяют объём требований, могут заключить мировое соглашение. Процессуальные гарантии здесь иные по своей направленности: нет презумпции невиновности в уголовно-правовом смысле, но действуют презумпции добросовестности и вины должника, которые могут быть опровергнуты. В совокупности различия в принципах юридической ответственности в уголовном, административном и гражданском праве обусловлены тремя основными параметрами: характером охраняемых интересов (публичные высшей значимости, текущий административный порядок или частные права), тяжестью и характером последствий для лица (от лишения свободы и судимости до имущественных перераспределений без клейма преступника) и ролью государства в запуске и реализации ответственности (репрессивная власть, административный регулятор или нейтральный арбитр между частными субъектами). Поэтому одни и те же по названию принципы – законности, вины, справедливости, гуманизма, пропорциональности – фактически «работают» по-разному и приобретают специфическое наполнение в каждой отрасли права.

В заключение можно сказать, что юридическая ответственность в правовом государстве – это не статический набор санкций, а динамический, ценностно насыщенный и институционально обеспеченный механизм, призванный защищать права человека, поддерживать правопорядок и ограничивать власть в её стремлении к произвольному вмешательству в сферу свободы. Принципы её реализации – законность, верховенство права, справедливость, гуманизм, уважение достоинства личности, равенство всех перед законом и судом, личная ответственность, неотвратимость и своевременность, пропорциональность, экономия репрессии, восстановление нарушенных прав, процессуальные гарантии и право на защиту – образуют системный каркас, на котором строятся законодательство и правоприменительная практика. Реализация этих принципов на практике, преодоление разрыва между нормой и реальностью, совершенствование институтов судебной и конституционной защиты, развитие восстановительных и компенсационных механизмов являются необходимыми условиями становления и функционирования подлинного правового государства, в котором власть действительно подчинена праву, а человек и его достоинство признаются высшей ценностью.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Теория права. В 2 т. – М.: БЕК, 1994.
 2. Зорькин В. Д. Право в условиях глобальных перемен. – М.: Норма, 2013.
 3. Ромашов Р. А. Юридическая ответственность: теория и практика. – СПб.: Питер, 2007.
 4. Сергеев А. П., Толстой Ю. К. Гражданское право. Том 1. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006.
 5. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. – М.: Норма, 2012.
- 1 Сергеев А. П., Толстой Ю. К. Гражданское право. Том 1. – М.: ТК Велби, Проспект, 2006.

СКОМОРОХОВ Роман Викторович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры общетеоретических и государственно-правовых дисциплин, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Иркутск

ГЕНЕЗИС ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА: ОТ ТАБУ К ПОЗИТИВНОМУ ПРАВУ

В статье исследуется феномен табу как исходной, недифференцированной формы социального регулирования (мононормы) в эпоху праобщества. Исследование выполнено в рамках научной парадигмы советского марксистского эволюционизма, разработанной в трудах Ю. И. Семенова и С. С. Алексеева. Раскрываются социально-экономические предпосылки возникновения табу, связанные с необходимостью обуздания «зоологического индивидуализма» для выживания коллектива. Анализируются механизмы воздействия пищевых и половых табу на становление первых социальных связей. Прослеживается эволюционная цепочка развития норм от иррациональных табу через обычай к позитивному праву.

Ключевые слова: табу, история права, мононорма, праобщество, первобытное стадо, генезис права, социальное регулирование, юридический запрет.

SKOMOROKHOV Roman Viktorovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of General theoretical and state-legal disciplines sub-faculty, East Siberian Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

GENESIS OF LEGAL PROHIBITION: FROM TABOO TO POSITIVE LAW

The article examines the phenomenon of taboo as an initial, undifferentiated form of social regulation (mononorm) in the era of proto-society. The research is carried out within the scientific paradigm of Soviet Marxist evolutionism developed in the works of Yu. I. Semenov and S. S. Alekseev. The article reveals the socio-economic prerequisites for the emergence of taboo associated with the need to curb «zoological individualism» for the survival of the collective. The mechanisms of influence of food and sexual taboos on the formation of the first social ties are analyzed. The evolutionary chain of norm development from irrational taboos through custom to positive law is traced.

Keywords: taboo, history of law, mononorm, proto-society, primitive herd, genesis of law, social regulation, legal prohibition.

Понимание истоков права является фундаментальной задачей для юриста, стремящегося постичь не только действующие нормы, но и саму природу правового регулирования. Данная статья предлагает обратиться к этой проблеме через призму одной из влиятельных в отечественной науке теорий — советской материалистической теории антропосоциогенеза, блестяще разработанной в трудах отечественных ученых. Важно сразу оговорить методологические рамки: данная работа не претендует на исчерпывающую истину, а представляет собой логичное и последовательное изложение взглядов этой конкретной научной школы. Ее ценность заключается в демонстрации того, как сложнейшие социальные институты могли зародиться из простейших запретов, закладывая основы ключевых правовых механизмов, таких как «запрет-наказание». Также стоит отметить, что концепция линейного прогресса от стада к обществу является предметом дискуссий в современной антропологии. Существуют альтернативные точки зрения (например, признающие более сложные, нелинейные модели социальной эволюции). Однако модель, предложенная Ю. И. Семеновым, остается одной из самых разработанных и логичных для объяснения возникновения именно нормативного регулирования, что и обуславливает ее выбор для данного анализа.

Целью статьи является исследование системы табу в качестве первичной мононормы, выявление причин ее генезиса и определяющей роли в трансформации биологического объединения (стада) в социальное образование (общество) с

последующей проекцией на генезис правового регулирования.

Теоретической основой исследования выступает концепция «праобщества» или «первобытного человеческого стада», разработанная Ю. И. Семеновым. Это переходное состояние от биологической общности к социальной, характеризующееся зачаточной производственной деятельностью, промискуитетом (неупорядоченными половыми отношениями) и господством «зоологического индивидуализма» — биологических инстинктов, унаследованных от животных предков и угрожавших выживанию коллектива. Именно необходимость обуздания этих инстинктов стала, по мнению сторонников этой теории, объективной причиной возникновения первых норм.

В праобществе возникают мононормы — единые, нерасчлененные правила поведения, синкретично сочетающие в себе зачатки будущих норм права, морали, религии и этикета. Как убедительно показывает С. С. Алексеев, эти нормы представляли собой «нерасторжимое единство и биологических, и производственных, и моральных, и религиозных, и обрядово-ритуальных требований» [2, с. 38].

Первым и главным инструментом в этой системе регулирования стало табу. Термин «табу», заимствованный из полинезийских культур, в контексте данной теории обозначает священный запрет, нарушение которого неминуемо влечет сверхъестественную кару или суровые общественные санкции. Анализ работ Ю. И. Семенова и С. С. Алексеева позволяет выделить ключевые признаки табу, которые принци-

пиально отличают их от позднейших форм норм. Во-первых, табу характеризовались немотивированностью и иррациональностью. Во-вторых, им была присуща предметность и казуистичность - они были жестко привязаны к конкретному предмету или случаю. В-третьих, ключевой особенностью была автоматичность наказания: нарушение табу воспринималось как действие, неизбежно влекущее пагубные последствия для коллектива или нарушителя.

С точки зрения теории права, табу выступали как «празапреты» (по выражению С. С. Алексеева), то есть первичные нормативные формы, которые стали прямым выражением коллективистских начал и средством «нейтрализации опасности, которую представлял для общества зоологический индивидуализм» [2, с. 39].

Причиной возникновения этой специфической формы запретов стали глубокие социально-экономические потребности коллектива. Для развития производственной деятельности и обеспечения выживания насущной объективной необходимостью было обуздание и введение в социальные рамки двух эгоистических животных инстинктов — пищевого и полового. Как прямо указывал Ю. И. Семенов, главным, решающим моментом процесса социогенеза было обуздание именно пищевого, а не полового инстинкта [1, с. 13].

Пищевые табу возникли как ответ на необходимость подавления инстинкта доминирования сильных особей при распределении добычи. Запреты, регламентирующие порядок и очередность доступа к пище, стали механизмом подавления этого доминирования и заложили основу важнейшего социально-экономического отношения — уравнительного распределения, прообраза будущих норм о собственности. Половые табу, в свою очередь, были направлены на снятие социальной напряженности, вызванной промискуитетом, который был постоянным источником конфликтов. Запреты, ограничивающие половые отношения в периоды сложных коллективных мероприятий (например, охоты), создавали зачатки будущей социальной организации.

Переход от праобщества к родовому строю, и становление готового человеческого общества потребовали более сложных и рациональных форм регулирования. Это привело к трансформации табу в обычай. Если табу держались на иррациональном страхе перед сверхъестественной карой, то обычай — это исторически сложившееся, многократно повторяющееся правило поведения, поддерживаемое силой общественного осуждения и авторитетом старших. Как отмечает С. С. Алексеев, спонтанно рожденные табу постепенно «оснащались идеологическим осознанием в виде преданий и верований» [2, с. 41], то есть происходила их рационализация. Обычай стал рациональной формой естественно сложившейся социальной нормы, прообразом будущего права.

Таким образом, прослеживается четкая эволюционная цепочка генезиса права в рамках данной теории: табу (иррациональный «празапрет», мононорма) → обычай (рациональная, естественно сложившаяся норма) → позитивное право (официально установленная и охраняемая государством норма). Важным выводом является то, что механизм «запрет-наказание», отточенный на системе табу, стал прямой предпосылкой для формирования впоследствии общих юридических запретов [2, с. 43] — фундаментальной основы любой правовой системы.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Табу являются первичной формой социального регулирования, возникшей в эпоху праобщества как ответ на объективную необходимость обуздания биологических инстинктов. Их специфические признаки — немотивированность, иррациональность, предметность и опора на коллективный страх — отличают их от позднейших форм норм и позволяют характеризовать их как «празапреты». Роль табу в процессе антропосоциогенеза, согласно этой теории, была решающей: именно они позволили подавить «зоологический индивидуализм» и трансформировать стадо в общество. Эволюция табу в обычай стала основой для последующего формирования права. Таким образом, табу, не будучи правом в современном смысле, явились генетической и функциональной предпосылкой формирования общих юридических запретов.

Важно подчеркнуть, что данная работа представляет собой анализ в рамках конкретной научной школы. Современная антропология и теория права могут оспаривать линейность данной модели, однако ценность этого подхода заключается в создании целостной объяснительной модели, позволяющей проследить преемственность между архаичными формами социального регулирования и современными правовыми институтами.

Пристатейный библиографический список

1. Семенов Ю. И. Как возникло человечество / 2-е изд., с нов. предисл. и прилож. - М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2002. - 790 с.
2. Алексеев С. С. Теория права. - М.: Издательство БЕК, 1995. - 320 с.

УЛАЕВА Наталия Львовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства, Краснодарский университет МВД России

КВАЛИФИКАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ФАКТОВ

В статье раскрываются общетеоретические аспекты квалификации юридических фактов. Дается понятие, основополагающие и факультативные признаки юридического факта, при этом подчеркивается, что в настоящее время понятие юридического факта и его признаки не отличаются единообразным пониманием, что опосредует определенные проблемы при квалификации отдельных видов юридических фактов. Представлена характеристика взаимосвязи реальной действительности с существующими правовыми нормами, на основе которой и возникает непосредственный процесс юридической квалификации и наступление в дальнейшем неизбежных правовых последствий. Обосновывается ряд вопросов правоприменения по отдельным реально существующим жизненным обстоятельствам, не подпадающих под действие гипотез тех или иных правовых норм, а также связанных с имеющейся конкретизацией или обобщением в правовой норме отдельных видов юридических фактов, вследствие чего возникает проблемы их квалификации в процессе правоприменения. Особый акцент сделан на том, что правовые последствия не всегда связаны исключительно с юридическими фактами и могут относиться к категории «юридически значимых обстоятельств». Подчеркивается, что большинство возникающих проблем связано с многочисленными пробелами в терминологическом аппарате общей теории юридических фактов, действующем законодательстве, в том числе наличием дискуссионных вопросов как с научной, так и практической точек зрения. Определяются отдельные меры, реализация которых позволит укрепить теоретические основы общей теории юридических фактов в целом.

Ключевые слова: юридические факты, признаки юридических фактов, квалификация юридических фактов, реальная действительность, жизненные обстоятельства, правоприменение, правовые нормы, гипотеза правовой нормы, правовые последствия, юридически значимые обстоятельства, социальные обстоятельства, отрицательные и дефектные юридические факты.

ULAEVA Nataliya Lvovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty, Krasnodar University of the MIA of Russia

QUALIFICATION OF LEGAL FACTS

The article reveals the general theoretical aspects of the qualification of legal facts. The concept, fundamental and optional features of a legal fact are given, while emphasizing that at present the concept of a legal fact and its features do not differ in a uniform understanding, which mediates certain problems in the qualification of certain types of legal facts. The article presents a description of the relationship between reality and existing legal norms, on the basis of which the direct process of legal qualification and the occurrence of inevitable legal consequences in the future arise. The author substantiates a number of issues of law enforcement in certain real-life circumstances that do not fall under the hypotheses of certain legal norms, as well as those related to the existing specification or generalization of certain types of legal facts in a legal norm, which leads to problems with their qualification in the process of law enforcement. Special emphasis is placed on the fact that legal consequences are not always exclusively related to legal facts and may fall into the category of "legally significant circumstances". It is emphasized that most of the problems that arise are related to numerous gaps in the terminological apparatus of the general theory of legal facts, current legislation, including the presence of controversial issues from both scientific and practical points of view. Individual measures are identified, the implementation of which will strengthen the theoretical foundations of the general theory of legal facts as a whole.

Keywords: legal facts, signs of legal facts, qualification of legal facts, reality, life circumstances, law enforcement, legal norms, hypothesis of a legal norm, legal consequences, legally significant circumstances, social circumstances, negative and defective legal facts.

Юридический факт является отправной точкой многих правоотношений и является связующим звеном между правовой нормой и обстоятельством реальной действительности, в своей взаимообусловленности, влекущих соответствующие правовые последствия. Поэтому не случайно юридический факт называют центральной и фундаментальной правовой категорией [5, с. 166], которая основательно закрепила свое положение сначала в учении, а затем преобразовалась в целую самостоятельную теорию юридических фактов.

Общеизвестно, что под юридическим фактом следует понимать лишь такое обстоятельство или его отсутствие, которое при квалификации соответствует всем элементам юридической модели, закреплённой в гипотезе правовой нормы, порождающей правовые последствия, преимущественно – конкретные субъектные права и юридические обязанности.

Следовательно, рассматривая вопрос о квалификации юридических фактов, следует учитывать, что они не могут быть оторваны от существующих в обществе правоотношений и поэтому законодатель всегда стремится предусмотреть все возможные варианты их возникновения, развития, изменения или прекращения во взаимосвязи с соответствующими правовыми последствиями, которые, так или иначе, наступают. При этом, стоит отметить, что понятие юридического факта, его элементы и признаки сегодня не отличаются единообразным пониманием и это подчеркивают многие ученые и практики, сталкивающиеся с определенными проблемами при квалификации отдельных юридических фактов.

Определяя вопросы взаимосвязи реальной действительности с существующими нормами права, опосредующими

Улаева Н. Л.

те или иные правовые последствия, возникает процесс непосредственной юридической квалификации. Данный процесс осуществляется путем сопоставления необходимых элементов (признаков) идеальной модели обстоятельства, содержащейся в правовой норме, и реальным фактом. Так, А. А. Шафалович акцентирует свое внимание на том, что речь идет о, прежде всего, конкретизации правовых свойств общественных явлений [6, с. 131], что, собственно, и предопределяет юридический процесс квалификации реального обстоятельства.

В целом, к числу признаков, характеризующих суть самих юридических фактов, и опосредующих их наличие, в общем виде справедливо относят. Во-первых, реальное жизненное обстоятельство должно быть конкретно определяемым и связанным с волеизъявлением человека, имеющего, как позитивный, так и негативный характер, влекущего наступление как положительных, так и отрицательных правовых последствий. Во-вторых, реальность жизненного обстоятельства, выраженного во вне, и имеющего фактический характер, т.е. ту или иную внешнюю форму. Внешняя форма выражения позволяет провести взаимосвязь с наступившими последствиями и подтвердить реальность существования. В-третьих, это всегда факты реальной действительности, происходящие в обществе (социуме), имеющие публично-значимый характер. В-четвертых, реальные жизненные обстоятельства для того, чтобы быть признанными юридическими фактами должны быть отражены в соответствующей правовой норме и естественно предусматриваться ее гипотезой в общем или конкретизированном виде, т.е. носить легальный характер. В-пятых, юридический факт как реальное, объективное жизненное обстоятельство, всегда должен иметь соответствующий правовой и юридически значимый результат, т.е. обосновывать возникновение, изменение или прекращение соответствующих правовых отношений. Также к числу признаков юридического факта некоторые авторы относят: взаимообусловленность; общедоступность; сложносоставной характер; multifunctionality; преемственность; взаимозаменяемость и др. [3, с. 37-38].

Однако выделение признаков юридического факта до сих пор является спорным в научных кругах, поскольку многие авторы делают акцент на определенной их совокупности, при этом опровергают существование других, и наоборот придают существенное значение только определенным.

А. Е. Рябова аргументирует, что обстоятельство становится юридическим фактом только в результате его типизации и подгонки под признаки, сформулированные в соответствующих правовых нормах [2, с. 14]. Однако в процессе такой юридической квалификации и возникают определенные сложности. Так, особой разновидностью проблематики юридических фактов в процессе правоприменения является то, что отдельные виды реально существующих жизненных обстоятельств не подпадают под действие гипотез тех или иных правовых норм, вследствие чего возникает проблема их квалификации в качестве юридических фактов и последующего решения вопросов относительно правовых последствий. Возникают проблемы и в рамках реализации тех или иных институтов права. К примеру, А. М. Абдрашитов обращает внимание на то, что, институт мирового соглашения должен истолковываться именно с учетом данных теории юридических фактов, поскольку влечет за собой не только материально-правовые, но и процессуальные последствия [1, с. 18]. При этом стоит учитывать, что правовые последствия не всегда связаны только с юридическими фактами и могут относиться к категории юридически значимых обстоятельств, вопрос о которых сегодня является не менее дискуссионным.

Процесс правоприменения осложняется и тем, что одни юридические факты конкретно определены в гипотезе определенной нормы права, другие, к сожалению, в самом общем виде, что затрудняет сам процесс непосредственного признания их реально существующими, и не опосредует необходимые/должные юридически значимые правовые последствия. В частности, констатация и признание наличия отрицательных юридических фактов (юридически значимых обстоятельств-отсутствий), которые были признаны еще классиками теории государства и права и получили развитие в новейших работах, особенно в части доказывания и применения презумпций. Определенные сложности в процессе юридической квалификации могут возникнуть в связи с тем, что жизненное обстоятельство формально и имеет место быть, но его юридическая «полноценность» и «состоятель-

ность» может быть поставлена под сомнение. Речь идет о так называемых дефектных юридических фактах – то есть о таком обстоятельстве, которое не удовлетворяет всем необходимым правовым требованиям, но всё же может повлечь определённые правовые последствия (либо их ограничить или исказить).

Стоит также учитывать и то, что правовые последствия не всегда связаны исключительно с юридическими фактами и относятся к так называемой категории «юридически значимых обстоятельств». Однако вопрос о юридически значимых обстоятельствах, в той или иной степени имеющих отношение к юридическим фактам, или которые следует признавать таковыми, в силу наступающих последствий до сих пор является дискуссионным, что также осложняет процесс квалификации в правоприменительной практике. Представляется оправданным мнение по этому поводу Е. Ю. Цукановой о том, что одним из препятствий дальнейшего развития теории юридических фактов является механическое отождествление юридического факта в виде реального жизненного обстоятельства и его идеальной модели, предусмотренной в правовой норме. Проведение четкой грани между конкретным жизненным обстоятельством как элементом объективной реальности и его отражением в системе правовых форм общественной жизни имеет крайне важное значение. В реальной правоприменительной практике применение правовых норм осуществляется к доказанным фактам, содержание которых вполне может отличаться от реальных жизненных обстоятельств. Учет отмеченных обстоятельств, способен оказать позитивное воздействие на дальнейшее развитие теории юридических фактов [4, с. 128-133].

Одним из научных исследователей, придерживающейся точки зрения, что понятийный аппарат, относящийся к правовой категории «юридический факт» и его квалификации, нуждается в корректировке, является М. Рожкова. Так, по ее мнению, «определение юридических фактов, сложившееся на сегодняшний день в отечественной теории права, а вслед за тем и в цивилистической доктрине, представляется, по крайней мере, не совсем точным». В целом, отсутствие единого подхода и единой терминологии, относящейся к юридическим фактам, существенно затрудняет выработку необходимых методологических и прикладных рекомендаций. Смещение понятий и/или рассмотрение их в качестве юридических фактов существенно осложняет процесс квалификации, в частности таких как «жизненные обстоятельства», «социальные обстоятельства», «объективно существующее явление реальной действительности» и др., встречающихся в правовых нормах и юридической литературе, наделяемых опростетивными признаками юридического факта. Ответ напрашивается сам собой – в перспективе научных исследований существенная проработка общей теории юридического факта и ее терминологического аппарата, разработка более стройной классификации, определение четких критериев их обоснования и разграничения, а также определение необходимых алгоритмов правоприменения в конкретных ситуациях.

Пристатейный библиографический список

1. Абдрашитов А. М. Мировое соглашение как юридический факт и как фактический состав // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 2. – С. 18.
2. Рябов А. Е. Юридические факты в механизме правового регулирования: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Нижний Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2005. – С. 14.
3. Ляева Н. Л. Юридические факты в общей теории права. – Краснодар, КрУ МВД России, 2025. – С. 37-38.
4. Цуканова Е. Ю. Юридический факт как правовая модель обстоятельства реальной действительности // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. № 5. – С. 128-133.
5. Шакирова Р. Р. Теория сделок и теория юридических фактов // Экономика и право в современном обществе: Материалы международной научно-практической конференции (Новосибирск, 11 мая 2018 года) / отв. ред. Зарайский А. А. – Новосибирск, 2018. – С. 166.
6. Шафалович А. А. Сущностный аспект современной теории юридических фактов // Право.by. – 2011. – № 3. – С. 131.

АХМЕДЖАНОВА Резеда Рушановна

аспирант кафедры теории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ПОНЯТИЕ ВРЕДА В ТЕОРИИ ПРАВА: К ПОСТРОЕНИЮ УНИВЕРСАЛЬНОЙ ДЕФИНИЦИИ

В статье исследуется проблема отсутствия универсального определения понятия «вред». Автор указывает на ограниченность отраслевых подходов, сводящих вред к умалению материальных или личных благ. На основе теории интересов предлагается общетеоретическое определение вреда. Обосновывается тезис, что юридически релевантный вред представляет собой нарушение интересов субъекта, защищаемых правом. Вред не сводится к фактическим последствиям, а включает ухудшение нормативного положения лица и создание неоправданного риска. Концепция позволяет унифицировать категорию вреда для отраслей права, разграничивая их по мерам правового реагирования.

Ключевые слова: вред, вредное состояние, причинение вреда, теория интересов, законные интересы, субъективные права.

AKHMEDZHANOVA Rezeda Rushanovna

postgraduate student of Theory of law and state sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE CONCEPT OF HARM IN THE THEORY OF LAW: TOWARDS THE CONSTRUCTION OF A UNIVERSAL DEFINITION

The article explores the problem of the lack of a universal definition of the concept of "harm". The author points out the limited approaches in the branches of law that reduce harm to the diminution of material or personal benefits. Based on the theory of interests, a general theoretical definition of harm is proposed. The thesis is substantiated that legally relevant harm is a violation of the interests of the subject, protected by the rule of law. The harm is not limited to the actual consequences, but includes the deterioration of a person's regulatory position and the creation of an unjustified risk. The concept makes it possible to unify the category of harm for the branches of law, distinguishing them by legal response measures.

Keywords: harm, harmful condition, causing harm, theory of interests, legitimate interests, rights.

Ограниченность отраслевых подходов

Несмотря на широкое использование в российском законодательстве понятия «вред» его легальное определение в законодательстве и доктрине отсутствует. Зачастую данное понятие оказывается предметом научных исследований для устранения проблем в сфере возмещения причиненного вреда или предотвращения его наступления. Оно выступает как условие или основание возникновения охранительных правоотношений. То есть самостоятельно как правовая категория не рассматривается, следствием чего является отсутствие нормы-дефиниции в российском законодательстве и дефиниции в теории права.

Вместе с тем такая всеобъемлющая категория не может быть совершенно не очерченной, и теория права и государства как фундаментальная юридическая наука, выполняющая гносеологическую, онтологическую и методологическую функции, должна бы задуматься над тем, что же такое «вред». Особенно учитывая, что защита от него является смыслом существования и государства, и права.

Еще Гоббс говорил о праве не подвергаться вреду как естественном праве: «Причинять боль без причины... противоречит закону природы ...» [3]. Махабхарата (древнеиндийский эпос на санскрите, написан примерно с 400 г. до н.э. по 350 г. н.э.) была одним из самых ранних запретов на причинение вреда другим: «Пусть никто не совершает по отношению к другому никаких действий, которые он не хотел бы получить от других, зная, что это причинит боль ему самому».

К сожалению, понятие вреда теоретизированно рассматривается только в гражданском праве (ввиду наличия в нем обязательств из причинения вреда, деликтов). Так, советский теоретик гражданского права Тархов В. А. под вредом пони-

мал «всякое умаление охраняемого законом блага» [9]. Грибановым В. П. предлагается схожее определение вреда: «Вред — это всякое умаление личного или имущественного блага» [7]. В целом вся доктрина гражданского права дает схожее определение (В. А. Белов [5], М. М. Агарков [4], Е. А. Суханов [6] и др.).

Ни одно из этих определений не может быть взято в основу общеправового теоретического определения понятия «вред» ввиду своей принципиально отраслевой специфики. Если допустить подобный исход, возникает множество интуитивно неверных выводов, среди которых: умаление публичных интересов не является вредом; непосредственная угроза негативных последствий не является вредом; не обозначенные в законе негативные последствия не являются вредом и другие.

Что же касается уголовного права, в нем понятие «вред» практически не исследуется (разве что в части споров о правовой природе института возмещения вреда, причиненного в результате преступления). Вместе с тем именно система уголовного права выступает первичным средством предотвращения ситуаций, при которых люди умышленно или по неосторожности причиняют вред друг другу. Непосредственным предметом уголовно-правового регулирования являются деяния, причиняющие вред.

Несмотря на то, что гражданско-правовая и уголовно-правовая доктрина традиционно фокусируются на вредоносных деяниях и их последствиях, особый теоретический интерес представляют именно состояния вреда как таковые. С концептуальной точки зрения категория вреда первична по отношению к деянию, его причиняющему: чтобы объяснить, что значит «одно лицо причиняет вред другому», необходимо сначала определить, что такое вред. При этом анализ

вреда как состояния возможен и без обращения к причинам его возникновения.

Более того, в широком смысле причинение вреда не сводится только к действию: источником ухудшения состояния могут выступать частные и публичные субъекты, источники повышенной опасности, сам носитель блага, обстоятельства непреодолимой силы или природные факторы. Именно квалификация состояния как вредного предопределяет необходимость законодательного регулирования — будь то установление запретов или создание механизмов правового реагирования.

Методологические основания исследования вреда

Целью настоящего исследования является разработка универсального теоретико-правового определения вреда, выходящего за рамки отраслевых подходов. Методологическую основу выявления сущностных признаков вреда составляет теория интересов.

Выявление содержания категории вреда сопряжено с трудностями. Несмотря на интуитивную понятность термина в обыденном сознании его значение остаётся расплывчатым и неоднозначным. Для целей исследования недостаточно просто перенести бытовые значения в юридический контекст — требуется их адаптация, поскольку в ряде случаев обыденное понимание вреда не подходит для правовых задач. Некоторые явления, которые в обыденном понимании воспринимаются как вред (например, неразделенная любовь), являются юридически нерелевантными, в то время как критически важные для права явления (в частности, смерть) могут выходить за рамки обыденного представления о вреде.

Первое, наиболее простое и прямое, однако очевидно неподходящее понимание вреда, это вред как любое физическое повреждение материального объекта. Язык располагает обширным набором слов для описания физических дефектов — «сломанный», «расколотый», «испорченный», «разрушенный» и т.п. Данные характеристики применимы ко всем материальным вещам, однако их применение не означает автоматически, что объект «повреждён». Так, обычный камень может быть «расколот» или «разбит», но для того, чтобы он был «повреждён», необходимо, чтобы он обладал особой ценностью (например, являлся предметом искусства). Таким образом, если никто не заинтересован в том, чтобы что-либо оставалась целостным, то это что-либо всего лишь сломано, а не повреждено.

Помимо прочего, очевидно, что круг объектов, способных претерпеть вред в юридически релевантном значении этого слова, шире круга объектов, подверженных физической деформации.

Второе понимание вреда охватывает нематериальные объекты и определяется как нарушение интереса. Под термином «интерес» в данном случае понимается стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом [8], объективно значимое состояние благополучия субъекта. Нарушение интереса может проявляться в различных формах, например, через препятствование его реализации, создание конфликта интересов, прямое вмешательство в интерес и др.

В общем виде можно сказать, что лицо имеет интерес в X, когда оно может выиграть или проиграть в зависимости от состояния или характера X. Объекты, на которые направлены интересы, представляют собой компоненты благополучия личности, а потому степень реализации интересов непосредственно определяет общий уровень благополучия человека.

То, что способствует реализации благополучия, отвечает интересам; то, что препятствует, наносит вред или противоречит интересам. Критерием же того, привело ли деяние или событие к реальному нарушению интереса, является сравнительный тест — оказался ли интерес в худшем состоянии по сравнению с тем, в котором он находился бы, если бы деяние или событие не произошло.

Именно такое понимание вреда представляется наиболее убедительным и может быть воспринято теорией права.

Теоретико-правовая реконструкция понятия вреда

Наиболее значимы так называемые интересы благополучия (welfare interests) — базовые условия, разделяемые практически всеми людьми: сохранение жизни, здоровье, физическая и эмоциональная стабильность, минимальный доход, социальная среда, свобода от принуждения и др. Эти интересы являются необходимыми, но недостаточными для полноценной жизни: они образуют базовые предпосылки благополучия, без которых достижение более отдалённых целей становится невозможным.

Как отмечает Николас Решер [2], интересы благополучия образуют цепь, прочность которой определяется самым слабым звеном: дефицит в одной сфере, как правило, не компенсируется преимуществами в другой. Поэтому нарушение именно этих интересов представляет собой наиболее серьёзный вид вреда. Согласно теории интересов такие интересы становятся основой субъективных прав, которым корреспондируют юридические обязанности, а за их нарушение предусмотрена юридическая ответственность.

Однако интерес участника правоотношения далеко не всегда может быть обеспечен предоставлением последнему субъективного права. Интересы, которые не получили закрепления в нормах права, но соответствуют «духу и принципам» уже существующего права и «отражаются по аналогии» [8], признаются законными интересами.

Законные интересы — стремления субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла [8].

Таким образом, социальные интересы, направленные на удовлетворение потребностей и не противоречащие законодательству по своей сути и способам реализации, попадая в правовое поле, могут стать интересами, защищаемыми правопорядком, и получить отражение либо в субъективных правах, либо в законных интересах. Стоит сказать, что интерес должен быть законным в каждом своем структурном элементе: стремление субъекта к благу, способ его реализации и само благо должны соответствовать законодательству.

Таким образом, если вред в общем смысле представляет собой нарушение любых интересов личности, то юридически релевантный вред — это нарушение защищаемых правопорядком интересов (законных интересов и интересов в основе субъективных прав).

При этом из сферы юридически релевантного вреда исключаются случаи, когда лицо добровольно согласилось на неблагоприятные последствия: вред, причинённый самому себе, сознательно принятый риск или согласие на действия третьих лиц (например, проигрыш в честном пари или убытки вследствие конкуренции). Такие ситуации являются вре-

дом в общем смысле, но не являются юридически релевантным вредом.

Подобный подход позволяет рассматривать вред не только как свершившийся факт, но и как неоправданный риск наступления негативных последствий, что соответствует современным тенденциям законодательного регулирования.

В рамках этой концепции правонарушение рассматривается как частный случай причинения вреда: оно представляет собой неправомерное поведение, нарушающее интерес, защищённый субъективным правом. Однако для квалификации деяния как правонарушения требуются дополнительные составообразующие признаки (субъект, вина), тогда как констатация вреда возможна и без них.

Поскольку вред понимается как нарушение интереса, факт материализации негативных последствий не является обязательным условием для его констатации. Следовательно, существование «безвредных правонарушений» [1] в данном контексте представляется теоретически несостоятельным. Это подтверждается нормами российского законодательства, предусматривающими меры реагирования за создание опасности вреда: на предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и осуществляемую с угрозой жизни и здоровью людей (ст. 3.12 КоАП), на деятельность, создающую опасность причинения вреда в будущем (ст. 1065 ГК РФ).

Хотя любое правонарушение одновременно представляет собой вред в смысле нарушения интереса, обратное утверждение неверно: не всякое нарушение интереса образует нарушение или ограничение права. Вторжение в интерес может быть оправданным, либо сам интерес может не подлежать правовой защите. Более того, интересы различных лиц объективно и неизбежно вступают в конфликт, в связи с чем правовая система, стремящаяся к минимизации вреда, вынуждена формировать иерархию приоритетов. В рамках такой системы «неоправданным» признаётся лишь то вторжение в интерес, которое нарушает установленные правила сравнительной значимости: защита более приоритетного интереса не может считаться противоправной, даже если она нарушает интерес менее значимый.

Таким образом, юридически недопустимыми являются только те вторжения в интересы, которые не соответствуют установленной иерархии их приоритетов. Действия, оправданные правилами приоритета, не признаются правонарушениями, хотя формально могут причинять вред в смысле нарушения интереса.

Примерами таких ситуаций служат: коллизия частных и публичных интересов (например, экономический интерес предпринимателя и публичный интерес в охране окружающей среды); конституционно допустимые ограничения прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ); причинение вреда в обстоятельствах, исключающих противоправность деяния: необходимая оборона, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании лица (гл. 8 УК РФ, ст. 1066 ГК РФ).

Лицо, пострадавшее от действий в вышеуказанных обстоятельствах, не вправе требовать возмещения вреда, поскольку его интерес, на реализацию которого было направлено первоначальное противоправное поведение, не пользовался правовой охраной в данной ситуации. Это подтверждает ключевую роль характеристики «законности» интереса, защищаемого правом: юридически релевантный вред предполагает нарушение именно того

интереса, который признаётся и гарантируется правом.

В результате проведенного исследования полагаем, что вред в теории права представляет собой нарушение интересов субъекта, защищаемых правом, независимо от источника его возникновения. Вред выражается не только в наступлении неблагоприятных фактических последствий, но прежде всего в ухудшении нормативного положения субъекта в системе правового регулирования. Нарушение интереса, защищаемого правом, означает, что состояние субъекта становится менее благоприятным по сравнению с тем состоянием, которое гарантируется или допускается правом. Именно такое нормативное ухудшение положения лица придаёт вреду юридическую значимость и объясняет возможность признания вреда даже при отсутствии материально выраженных последствий либо при наличии лишь угрозы их наступления.

При такой трактовке понятия «вред» отрасли права будут отличаться не самим понятием вреда, а юридической реакцией на него, что в общем соответствует уже сложившейся российской правовой действительности.

Таким образом, предложенное определение позволяет сформировать универсальную категорию вреда, пригодную для теоретического анализа, не подменяя при этом специальных отраслевых конструкций и сохраняя различие между юридически релевантным вредом и вредом в общеправовом или социальном смысле.

Пристатейный библиографический список

1. Bowen J. Robust Rights and Harmless Wronging // Oxford Studies in Normative Ethics. – 2022. – Vol. 12. – P. 31-53.
2. Feinberg J. Harmless Wrongdoing. Moral Limits of the Criminal Law. – Oxford University Press, 1984. – 288 p.
3. Hobbes T. Leviathan, or The Matter, Form, and Power of a Common-Wealth Ecclesiastical and Civil. – London: Printed for Andrew Crooke ..., 1651. – 445 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://historyofeconomicthought.mcmaster.ca/hobbes/Leviathan.pdf>
4. Агарков М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с.
5. Белов В. А. Гражданское право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов. – Электрон. дан. – М.: Юрайт, 2022. – 451 с.
6. Гражданское право. В 4 т. Т. 1: Общая часть: учеб. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и по специальности 021100 «Юриспруденция» / [Ем В.С. и др.]; отв. ред. – Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб и доп. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 720 с.
7. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. – М., 2000. – 414 с.
8. Субочев В.В. Законные интересы // Проблемы теории государства и права. Учебник / под ред. А. В. Малько. – М.: Юрлитинформ, 2012. – С. 362-380.
9. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. – Саратов, 1973. – 456 с.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-3-214-80-81

ГОСТЕВ Николай Юрьевич

аспирант кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск

ВЗАИМНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИНСТИТУТОВ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ИННОВАЦИЙ И КОНЦЕССИОННОГО СОГЛАШЕНИЯ

Документы стратегического планирования предусматривают привлечение публичных и частных ресурсов для развития современных технологий. Экспериментальный правовой режим и концессионное соглашение обладают потенциалом для гибкого регулирования инноваций и смешанного финансирования инвестиционных проектов при справедливом распределении рисков между участниками указанных проектов. Цель исследования – оценить целесообразность их взаимной интеграции. Сравнительно-правовой и системный анализ позволил обосновать необходимость точечных изменений законодательства, обеспечивающих совместное применение данных институтов для достижения стратегических целей технологического развития страны, на примере регулирования концессионных соглашений в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Ключевые слова: экспериментальный режим, концессионное соглашение, государственно-частное партнерство, «регулятивная песочница», смешанное финансирование, технологическое лидерство.

GOSTEV Nikolay Yurjevich

postgraduate student of Theory and history of state and law sub-faculty, Southwestern State University, Kursk

MUTUAL INTEGRATION OF INSTITUTIONS OF THE EXPERIMENTAL LEGAL REGIME IN THE FIELD OF DIGITAL AND TECHNOLOGICAL INNOVATIONS AND THE CONCESSION AGREEMENT

Strategic planning documents provide for the involvement of public and private resources for the development of modern technologies. The experimental legal regime and the concession agreement have the potential for flexible regulation of innovations and mixed financing of investment projects with a fair distribution of risks among the participants of these projects. The purpose of the study is to assess the feasibility of their mutual integration. Comparative legal and systematic analysis has made it possible to substantiate the need for targeted legislative changes that ensure the joint use of these institutions to achieve the strategic goals of the country's technological development, using the example of the regulation of concession agreements in the field of housing and communal services.

Keywords: experimental regime, concession agreement, public-private partnership, regulatory sandbox, mixed financing, technological leadership.

Гостев Н. Ю.

Экспериментальный режим и концессионное соглашение имеют схожие цели [1, с. 111]. Особенности концессионного соглашения минимизируют при этом следующие риски инициатора – субъекта экспериментального режима, которые без использования механизма концессии не представляются возможным минимизировать в полной мере: непривлечение проектного финансирования и финансирования иных видов под проект, для которого устанавливается экспериментальный режим; установление, изменение и (или) прекращение такого режима либо добавление новых участников режима в противоречие интересу инвестора, например, без учета параметров инвестиционного проекта; неучет мнения инвестора при мониторинге и оценке эффективности результатов режима [2]. В этой связи представляется, что риски инвестора при установлении по его инициативе экспериментального режима могут быть минимизированы, если долгосрочные параметры такого режима, которых государство будет обязано придерживаться, будут установлены в концессионном соглашении, а также если нарушение данных параметров, а также указанные события будут являться основаниями для возмещения в пользу инвестора дополнительных расходов, приостановления или изменения сроков проекта и освобождения инвестора от ответственности в соответствующей части влияния данных негативных обстоятельств на проект (часть 2 статьи 10 Федерального закона «О концессионных соглашениях» от 21.07.2005 № 115-ФЗ (далее – «Закон» № 115-ФЗ)). Также данные события в случае превышения определенного порога убытков инвестора или длительности их действия могут являться основанием прекращения концессионного соглашения с обязательством концедента по возмещению соответствующих расходов (часть 2 статьи 10 Закона № 115-ФЗ) [3, с. 110, 114].

Следует учесть, что экспериментальный режим устанавливается нормативным правовым актом Правительства России, что прямо закреплено в пункте 6 части 1 статьи 2 Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от

31.07.2020 № 258-ФЗ (далее – «Закон № 258-ФЗ»). В связи со сказанным выше встает уже в целом исследованный в научном сообществе вопрос о допустимости принятия публично-правовым образованием гражданско-правового обязательства издать правовой акт. В большей степени данный вопрос рассматривается применительно к градостроительной деятельности, однако не усматривается препятствий для результатов таких исследований абстрагировать от отрасли экономики, применительно к которым исследовались соответствующие общественные отношения. Существующее градостроительное регулирование (как отрасль публичного права, к которой также в связи с аналогичными свойствами можно отнести нормы об экспериментальном режиме) не предусматривает возможности внесения изменений в градостроительную документацию на основании соглашений с частными лицами [4].

Судебная практика не имеет полностью однозначной позиции по данному вопросу, поскольку на уровне высшей судебной инстанции неоднократно констатировалось разграничение частноправовых и публично-правовых обязанностей публично-правовых образований, что создает высокие риски невозможности принудительного исполнения публично-правовой обязанности публично-правового образования принять правовой акт¹. Наконец, вывод о невозможности по общему правилу обязать по гражданскому обязательству принять публично-правовому образованию правовой акт может следовать из пункта 3 статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации [5]. Описанная проблема в целом

1 Качкин Д., Дудников Р. Издание правового акта как договорное обязательство публично-правового образования // Официальный сайт Адвокатского бюро «Качкин и Партнеры». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.kachkin.ru/wp-content/uploads/2020/12/statya_izdanie-pravovogo-akta-kak-dogovornoe-obyazatelstvo-ppo_kachkin-i-dudnikov_17062020.pdf?ysclid=mlrv2xktlz846650564 (дата обращения: 17.02.2026).

разрешена применительно к концессионному соглашению в сфере жилищно-коммунального хозяйства (глава 4 Закона № 115-ФЗ), что проявилось в том, что такое соглашение должно содержать параметры, которые в дальнейшем должны быть включены в инвестиционную программу концессионера (части 9-10 статьи 42 Закона № 115-ФЗ). Корреспондирующие требования к инвестиционной программе установлены и в порядке утверждения такой программы², а именно в пункте 18. Решение об утверждении инвестиционной программы принимается соответствующим органом исполнительной власти в порядке, предусмотренном подзаконным актом, регулирующим утверждение инвестиционной программы (пункт 5(2) порядка утверждения инвестиционной программы), принятым, в свою очередь, согласно законодательству о теплоснабжении³.

То есть решение об утверждении инвестиционной программы можно считать формой реализации публично-правовых полномочий государственным органом. Тем не менее, в пункте 2 части 4 статьи 40 Закона № 115-ФЗ подчеркивается, что субъект Российской Федерации именно по концессионному соглашению, имеющему частноправовые начала [6, с. 46], несет обязанность утвердить инвестиционную программу в соответствии с параметрами, указанными в таком соглашении. Неутверждение инвестиционной программы концедентом и субъектом Российской Федерации прямо описано как существенное нарушение концессионного соглашения (часть 11 статьи 42 Закона № 115-ФЗ). Не усматривается каких-либо препятствий для использования модели регулирования утверждения инвестиционной программы в отношении объекта, являющимся объектом концессионного соглашения в сфере жилищно-коммунального хозяйства, с учетом условий такого соглашения, применительно к утверждению программы экспериментального режима. Для этого, как представляется, в Законе № 115-ФЗ следует закрепить следующее (например, посредством дополнения новой главой 4.3).

Во-первых, признаки концессионного соглашения, в котором могут быть установлены права и обязанности, направленные на установление, изменение и прекращение экспериментального режима. Из системного толкования Закона № 115-ФЗ можно усмотреть, что основная классификация концессионного соглашения и дополнительные требования к такому соглашению установлены в основном в зависимости от вида объекта концессионного соглашения (см., например, главы 4, 4.1 и 4.2 Закона № 115-ФЗ). Соответственно, предлагается установить, что права и обязанности, направленные на установление, изменение и прекращение экспериментального режима, являются существенными условиями концессионного соглашения, если целью использования объекта данного концессионного соглашения является разработка, апробация и внедрение цифровых и технологических инноваций по направлениям, указанным в части 2 статьи 1 Закона № 258-ФЗ. Установление данных прав и обязанностей в качестве существенных условий целесообразно в связи с тем, что для изменения существенных условий статьей 13 Закона № 115-ФЗ предусмотрены дополнительные требования, которые гарантируют в том числе защиту конкуренции [7]. Положения об изменении концессионного соглашения, в рамках которого устанавливается экспериментальный режим, может быть дополнено требованиями по аналогии с частью 3.1 статьи 13 Закона

№ 115-ФЗ, предполагающими, например, возможность применения такого концессионного соглашения при условии применения при исполнении концессионного соглашения более эффективных технологических решений, снижения или неизменения размера финансового участия концедента, отсутствия повышения рисков, указанных в пунктах 4.1 и 4.2 части 5 статьи 10 Закона № 258-ФЗ, рисков причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица, ущерба обороне и (или) безопасности государства, иным охраняемым федеральным законом ценностям, отсутствия уменьшения критериев нарушения программы экспериментального режима.

Во-вторых, основные параметры программы экспериментального режима, которые в качестве существенных условий указываются в концессионном соглашении рассматриваемого вида. По аналогии с перечнем существенных условий концессионного соглашения, закрепленных в части 1 статьи 10 Закона № 115-ФЗ, такими основными параметрами указанной программы могут являться: срок и территория экспериментального режима (пункты 1-2 части 5 статьи 10 Закона № 258-ФЗ), нормативные положения, не подлежащие и подлежащие применению (пункт 3 части 5 статьи 10 Закона № 258-ФЗ), оценка рисков и меры по их минимизации (пункты 4 – 4.2 части 5 статьи 10 Закона № 258-ФЗ), порядок и условия использования продукции, произведенной и (или) апробированной в рамках экспериментального режима (пункты 9 – 9.1 части 5 статьи 10 Закона № 258-ФЗ), требования к оценке эффективности и результатов режима (пункт 11 части 5 статьи 10 Закона № 258-ФЗ).

В-третьих, обязанности: концессионера – разработать и подать соответствующее инициативное предложение об установлении экспериментального режима, учесть правомерные замечания к данному предложению; концедента – обеспечить утверждение и юридическую силу программы экспериментального режима в соответствии с условиями концессионного соглашения. По аналогии с регулированием концессионных соглашений в сфере жилищно-коммунального хозяйства предлагается в Законе № 115-ФЗ установить, что нарушение данных обязанностей будет являться существенным нарушением концессионного соглашения.

Пристатейный библиографический список

1. Сушильников И. С. Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15). С. 109-121.
2. Варфоломеева В. А., Иванова Н. А. Концессионное соглашение как метод синергии государства и частного бизнеса в России // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 2 (152). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research-journal.org/archive/2-152-2025-february/10.60797/IRJ.2025.152.69> (дата обращения: 17.02.2026). — DOI: 10.60797/IRJ.2025.152.69.
3. Щегунц Н. Г. Правовая природа и содержание концессионного соглашения // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2025. № 3. С. 108-117.
4. Башарин А. В. О возможности изменения градостроительной документации на основании соглашений между публично-правовыми образованиями и частными лицами. Перспективы условного и контрактного зонирования в российском праве // Закон. 2021. № 8. С. 153-170. — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети.
5. Гаджиев Г. А. Новые подходы в определении границ (пределов) гражданского права // Журнал российского права. 2026. Т. 30. № 1. С. 5-16. DOI: 10.61205/jrp.2026.1.1. — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети.
6. Климова А. О. Теоретико-правовые основы концессионного соглашения и инвестиционного договора // Вестник Академии права и управления. 2019. № 1 (54). С. 46-50.
7. Сушильников И.С. Право на партнерство между предпринимателями и органами власти в России // «Российский юридический журнал». 2022. № 6. — Режим доступа: КонсультантПлюс: [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети.

2 О порядке согласования и утверждения инвестиционных программ организаций, осуществляющих регулируемые виды деятельности в сфере теплоснабжения, а также требований к составу и содержанию таких программ (за исключением таких программ, утверждаемых в соответствии с законодательством Российской Федерации об электроэнергетике) : Постановление Правительства РФ от 05.05.2014 № 410: (вместе с «Правилами согласования и утверждения инвестиционных программ организаций, осуществляющих регулируемые виды деятельности в сфере теплоснабжения, а также требований к составу и содержанию таких программ (за исключением таких программ, утверждаемых в соответствии с законодательством Российской Федерации об электроэнергетике)»: ред. от 27.05.2025 // КонсультантПлюс: сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162790/8c1ae7686ed61c075871cc357040be67cc6d2a6/?ysclid=mlr8ptejvl3603516 (дата обращения: 15.02.2026).

3 Там же.

ЕГОРОВ Валентин Владиславович

аспирант, Московский университет «Синергия», филиал в г. Санкт-Петербург

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье исследуется эволюция правового просвещения как неотъемлемого компонента отечественной правовой культуры. Анализируются различные доктринальные подходы к содержанию данной категории и ее разграничению с правовым воспитанием, обучением и информированием. Выделены и охарактеризованы ключевые исторические периоды становления правопросветительской деятельности в России, выявлены их особенности и противоречия. Особое внимание уделено современному этапу: рассмотрены основные тенденции трансформации правовой культуры, включая преодоление правового нигилизма и использование потенциала институтов гражданского общества и средств массовой информации. В заключении обосновывается, что необходима выработка единой научной позиции, в рамках которой правовое просвещение будет признано самостоятельным направлением государственной политики. Именно такой подход способен обеспечить воспитание уважения к закону и поступательное развитие правосознания граждан.

Ключевые слова: правовое просвещение, правовая культура, правовое воспитание, правовой нигилизм, историческая эволюция, государственная политика, правосознание.

EGOROV Valentin Vladislavovich

postgraduate student, Moscow University «Synergy», Branch St. Petersburg

EVOLUTION OF LEGAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC LEGAL CULTURE

The article examines the evolution of legal education as an integral component of domestic legal culture. Various doctrinal approaches to the content of this category and its differentiation from legal upbringing, training and information are analyzed. The key historical periods of the formation of legal education activities in Russia are identified and characterized, their features and contradictions are revealed. Special attention is paid to the modern stage: the main trends in the transformation of legal culture are considered, including overcoming legal nihilism and using the potential of civil society institutions and the media. The necessity of developing a unified scientific approach to legal education as an independent direction of state policy that ensures the formation of respect for the law and the development of legal awareness of citizens is substantiated.

Keywords: legal education, legal culture, legal upbringing, legal nihilism, historical evolution, state policy, legal awareness.

В современной России вопросы формирования высокого уровня правовой культуры населения приобретают особую значимость. Это обусловлено необходимостью преодоления широко распространенного правового нигилизма, деформаций правосознания и недоверия граждан к отдельным институтам власти. Без повышения правовой грамотности и уважения к закону невозможно построение подлинно правового государства и эффективная реализация реформ во всех сферах общественной жизни. Обобщение различных подходов позволяет трактовать правовое просвещение как целенаправленную системную работу, связанную с доведением до населения юридических знаний, разъяснением положений актуальных нормативно-правовых актов и сложившейся практики их применения. Данная деятельность также предполагает предоставление гражданам сведений об устройстве, задачах и компетенции правоохранительных органов, а также об их правах и юридических обязанностях [1]. Эффективным инструментом решения этих задач выступает правовое просвещение, которое в последние годы активно используется в нормативных правовых актах, учебной и научной литературе.

Несмотря на широкое употребление, категория «правовое просвещение» остается дискуссионной в теоретико-правовой науке. Отсутствие единого понимания его содержания, соотношения со смежными понятиями — правовым воспитанием, правовым обучением, правовым информированием, а также четкого определения субъектного состава и механизмов реализации затрудняет выработку эффективной государственной политики в этой сфере. Кроме того, как показывает анализ исторического развития, правовое просвещение в России прошло длительный и противоречивый путь, тесно связанный с эволюцией правовой культуры общества. В связи с этим представляется необходимым проследить эволюцию правового просвещения в контексте развития отечественной правовой культуры, а также выявить основные этапы, тенденции и проблемы этого процесса.

Обобщение имеющихся в литературе определений позволяет сделать вывод, что правовое просвещение в большинстве случаев трактуется как специализированная форма деятельности. Она предполагает популяризацию юридических знаний среди населения, разъяснение содержания действующих нормативно-правовых документов и сложившейся практики их применения. Кроме того, данная деятельность включает в себя доведение до граждан сведений об устройстве, задачах и границах полномочий правоохранительных структур, а также об их правах и юридических обязанностях. [1]. В рамках теоретико-правовой доктрины сформировалось несколько вариантов соотношения данной категории с сопредельными терминами. Первый из подходов исходит из того, что правовое просвещение следует считать одной из разновидностей, организационных вариантов или приемов воспитания в области права, причем последнее воспринимается как понятие более широкое.

Правовое просвещение, в свою очередь, является важнейшим средством как для формирования, так и для последующего повышения правовой культуры. Обобщая множество существующих в литературе трактовок, можно констатировать: термин «правовое просвещение» преимущественно раскрывается через «деятельность особого рода, предполагающую системную работу по донесению до общества юридических знаний, комментирование положений актуальных нормативных правовых актов и правоприменительной практики, а также информирование людей об устройстве, задачах и границах полномочий органов, охраняющих правопорядок, и о том, какими правами и обязанностями они обладают» [1]. Теория государства и права выработала несколько моделей, описывающих соотношение правового просвещения с сопредельными понятиями. Одна из них, первая по счету, рассматривает просвещение в качестве отдельного аспекта, формы организации либо метода воспитания в правовой области, где само воспитание понимается как явление более широкое. Другая модель, представленная, в частности, в ра-

ботах Д. В. Кононенко, фактически отождествляет правовое просвещение с правовым информированием, понимаемым как средство обеспечения правовой грамотности [4]. В научной литературе встречается также точка зрения, в соответствии с которой правовое просвещение представляет собой самостоятельную форму реализации государственного курса, осуществляемую наделенными полномочиями субъектами [5]. Наиболее обоснованной представляется трактовка правового просвещения как целенаправленной и систематической работы, проводимой государством через свои уполномоченные органы, а также с привлечением институтов гражданского общества. Данная работа нацелена на распространение юридических знаний, воспитание уважительного отношения к закону и последовательное повышение уровня правовой культуры. Именно в таком качестве правовое просвещение перестает быть лишь составной частью правового воспитания и превращается в самостоятельное направление государственной политики. Данное положение находит свое закрепление, в частности, в Основах государственной политики Российской Федерации в сферах развития правовой грамотности и правосознания граждан.

Эволюция правового просвещения в России неразрывно связана с развитием отечественной правовой культуры. Анализ литературы позволяет выделить несколько ключевых этапов этого процесса.

Первый этап (XVIII – начало XX в.) связан с реформами Петра I и Екатерины II. Как отмечают исследователи, именно Петр I, осознавая возросшую роль права в государственных преобразованиях, инициировал подготовку юридических кадров и перевод книг по юриспруденции [6]. Екатерина II в своем «Наказе» 1767 года писала о необходимости распространения в массах сведений о действующем законодательстве и издала указ о чтении пособия «О должностях человека и гражданина» в городских училищах. Специалисты обращают внимание на то, что, несмотря на количественный рост применяемых форм воспитания в правовой области, добиться положительной динамики не удалось. Корень проблемы крылся в конфликте между правом и моралью, пронизывавшем советское общество. Следствием этого стали увеличение числа правонарушений и распространение юридического нигилизма [6]. Третий, современный этап эволюции отсчитывается с 1990-х годов и длится по сей день. Его старт связан с разрушением СССР и последующей радикальной ломкой политико-экономических устоев. Ранее существовавшая система воспитания в духе советского права была заменена курсом на формирование демократических ценностей. Начиная с 1994 года, школьная программа включила в себя обязательное изучение Конституции РФ. Среди важнейших документов этого времени — принятые в 2011 году «Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан» и утвержденная в 2015 году «Стратегия развития воспитания в РФ на период до 2025 года», а также прочие нормативно-правовые акты. Однако, как замечают исследователи, принятие этих документов не привело к существенным изменениям. Причины — отсутствие конкретных инструментов для повышения правосознания и узкая направленность преимущественно на молодежь, тогда как взрослое население практически выпадает из поля зрения. Критическое состояние правового просвещения подтверждается и мониторингом правовой культуры, выявившим распространение правового нигилизма и деформаций правосознания [2].

Современный этап развития правового просвещения характеризуется рядом противоречивых тенденций. С одной стороны, наблюдается расширение субъектного состава: наряду с государственными органами (особенно прокуратурой) к правовому просвещению активно привлекаются образовательные учреждения, СМИ, общественные организации [8]. С другой стороны, отсутствует системность и координация их деятельности. Как отмечает В. А. Татаринов, «декларация принципов российского образования порождает больше вопросов, чем ответов... перечисленные принципы являются только риторикой, не наполненной смыслом и, увы, далекой от практики» [2].

Ключевой проблемой остается правовой нигилизм, проявляющийся в установках: «Я ничего не знаю и знать ничего не хочу», «Закон нужно знать, чтобы его нарушать». Трансформация правовой культуры в условиях рыночных ценностей, как указывает Л. В. Юн, привела к сохранению и развитию «отчужденных от истинных ценностей и идеалов права форм правовой маргинальности» [7]. Однако намеча-

ются и позитивные тенденции: стремление к дуалистическому восприятию начал западной правовой культуры и одновременно к возрождению исторических традиций русской правовой культуры.

Перспективным направлением представляется разработка и внедрение комплексных моделей правового просвещения, учитывающих макро- и микросреду, активное вовлечение общественных ресурсов и диагностику уровня правовой просвещенности. Целесообразно провести тематическую конференцию по этой проблеме, чтобы выработать единую позицию по понятию правового просвещения и принять его легальное определение.

Исходя из вышесказанного, что сделать вывод о том, что правовое просвещение является сложной, междисциплинарной категорией, активно используемой в юриспруденции, педагогике, социологии. Его эволюция в России тесно связана с развитием отечественной правовой культуры, отражая ее ключевые особенности: этатизм, противоречие между реформаторскими инициативами верховной власти и отсутствием системной работы на местах, идеологизацию в советский период и поиск новых подходов в современной России. В современной науке отсутствует единое понимание правового просвещения. Наиболее обоснованным представляется подход, рассматривающий его как самостоятельное направление государственной политики, форму государственно-властной деятельности, направленную на формирование уважения к закону и повышение правовой культуры, что не исключает участия институтов гражданского общества.

Исторически сложилось так, что меры государства в области правового просвещения носили бессистемный, фрагментарный характер, что не позволяло добиться устойчивого повышения правовой культуры и преодоления правового нигилизма. Современные программные документы, при всей их значимости, страдают декларативностью и отсутствием конкретных механизмов реализации.

Только целенаправленная, системная работа по правовому просвещению, как справедливо заключает В.Г. Балковая, является «важным условием формирования правового государства в современной Российской Федерации и залогом обеспечения высокого уровня правосознания общества в будущем» [1, с. 21]. Для повышения эффективности правового просвещения необходима выработка его единого научного и легального определения, системная координация деятельности всех субъектов (государства, образовательных учреждений, СМИ, общественных организаций), ориентация на все возрастные и социальные группы населения, а также внедрение диагностических методик для оценки результативности проводимой работы.

Пристатейный библиографический список

1. Балковая В. Г. Правовое просвещение: теоретико-правовой анализ категории // Государственная служба и кадры. – 2025. – № 3. – С. 21-26.
2. Татаринов В. А. Правовая культура: просветительский контекст // Высшее образование сегодня. – 2025. – № 2. – С. 1-4.
3. Каландаришвили З. Н. Основные концепции изучения правовой культуры в юридической науке // Вестник университета. – 2016. – № 4. – С. 111-118.
4. Кононенко Д. В. Соотношение понятий «правовая грамотность», «правовое воспитание», «правовое просвещение», «правовое информирование» и «правовое образование» // Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24. № 1. – С. 34-38.
5. Рыбаков О. Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 2. – С. 5-14.
6. Хренова А. А., Адаева О. В. Правовое воспитание в России: история и современность. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. – С. 1-8.
7. Юн Л. В. Исторические особенности эволюции российской правовой культуры (общеправовые аспекты) // Образование и право. – 2017. № 4. – С. 21-33.
8. Андреева Е. Е., Морозов Г. Б. Об эффективных формах правового просвещения граждан Российской Федерации // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 1. – С. 75-81.

МГЕЛАДЗЕ Валерия Зазовна

лаборант кафедры теории права и государства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ В СОДЕРЖАНИЕ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ ПРЕДПИСАНИЙ: МЕХАНИЗМ, БАРЬЕРЫ И НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается одна из наиболее сложных и актуальных проблем в теории правотворчества – трансформация результатов социологических исследований в содержание нормативных правовых предписаний. Автором предлагается модель механизма трансформации, включающая три последовательных этапа и систему обратной связи через мониторинг правоприменения. Выявлены ключевые барьеры трансформации: языковой разрыв между вероятностными суждениями социологии и императивными предписаниями права, редукция многомерных данных при их переводе в правовые нормы, неполнота нормативной регламентации использования социологических данных в правотворчестве. Отдельное внимание уделено перспективам цифровизации и внедрения технологий искусственного интеллекта в процесс социологического обеспечения правотворчества.

Ключевые слова: механизм трансформации, социологические исследования, правотворчество, цифровизация.

MGELADZE Valeriya Zazovna

laboratory assistant of Theory of law and state sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

TRANSFORMATION OF SOCIOLOGICAL DATA INTO THE CONTENT OF REGULATORY LEGAL PRESCRIPTIONS: MECHANISM, BARRIERS AND DIRECTIONS OF DEVELOPMENT

The article examines one of the most difficult and urgent problems in the theory of law-making – the transformation of the results of sociological research into the content of regulatory legal regulations. The author proposes a model of the transformation mechanism, which includes three successive stages and a feedback system through law enforcement monitoring. The key barriers to transformation are identified: the linguistic gap between the probabilistic judgments of sociology and the imperative prescriptions of law, the reduction of multidimensional data when they are translated into legal norms, the incompleteness of the normative regulation of the use of sociological data in law-making. Special attention is paid to the prospects of digitalization and the introduction of artificial intelligence technologies in the process of sociological law-making.

Keywords: the mechanism of transformation, sociological research, law-making, digitalization.

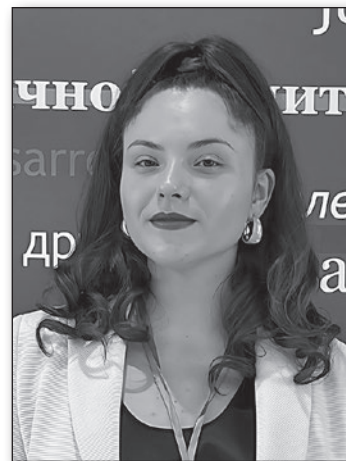
Проблема трансформации результатов социологических исследований в содержание нормативных правовых предписаний – одна из наиболее сложных и наименее разработанных в теории правотворчества. Между получением социологических данных и их воплощением в конкретные правовые нормы существует значительная дистанция, преодоление которой требует специальных механизмов, обеспечивающих перевод эмпирической социологической информации на язык юридических категорий и правовых конструкций.

В целом под механизмом трансформации понимается совокупность организационных, методологических и юридико-технических средств и процедур, посредством которых социологическая информация о состоянии общественных отношений, потребностях и интересах социальных групп преобразуется в правовые нормы, закрепляемые в нормативных правовых актах.

Данный механизм включает три последовательных этапа и систему обратной связи.

Первый этап – интерпретация результатов исследования в правотворческом контексте. Социологические данные сами по себе не содержат готовых правовых решений и задача интерпретации – выявить правовое значение полученных данных, определить, какие выводы для правового регулирования следуют из установленных эмпирических фактов. Интерпретация предполагает оценку достоверности и репрезентативности данных, соотнесение их с целями правового регулирования и выявление аспектов социальной реальности, подлежащих отражению в правовых нормах.

Второй этап – формулирование правотворческой концепции. Как подчёркивала В. В. Лапаева, социологическое обеспечение законотворчества предполагает не просто учёт отдельных данных, а формирование целостного социологического обоснования законопроекта [1, с. 17]. На этой стадии

Мгеладзе В. З.

результаты исследований обосновывают необходимость правового вмешательства, позволяют определить оптимальный способ регулирования и создают основу для прогнозирования его эффективности.

Третий этап – юридико-техническое оформление в текст нормативного правового акта. Данный этап наиболее сложен, поскольку требует перевода социологической информации, выраженной в количественных и качественных показателях, на язык права, оперирующего категориями дозволений, обязываний и запретов.

Юридическая техника предъявляет к тексту нормативного правового акта требования определенности, лаконичности, системности, непротиворечивости, которые накладывают ограничения на степень детализации отражения социологических данных в правовых нормах [2, с. 74]. Правовая норма, в отличие от социологического вывода, не допускает двусмысленности и вероятностных формулировок. Она должна содержать четкие указания на условия своего действия, круг адресатов, содержание предписания и последствия его нарушения. Трансформация многомерных социологических данных в структурно простую правовую норму с неизбежностью предполагает редукцию исходной информации, и от того, насколько умело осуществляется эта редукция, зависит качество итогового правового предписания.

Проблема адекватного учета результатов социологических исследований при определении числовых параметров правовых норм требует привлечения дополнительного методологического инструментария. Так, при установлении размеров штрафных санкций необходимо учитывать не только данные о распространенности правонарушений и степени их общественной опасности, но и сведения о доходах населения, инфляционных ожиданиях, платежеспособности различных категорий граждан. Определение сроков исковой давности опирается на данные о продолжительности деловых циклов,

средних сроках обнаружения нарушений прав, сроках формирования доказательственной базы. Все эти параметры могут быть получены и обоснованы с помощью конкретно-социологических методов.

В процессе юридино-технического оформления социологические данные трансформируются в различные элементы нормативного правового акта. Количественные показатели могут определять числовые параметры правовых норм: размеры штрафов, сроки исковой давности, пороговые значения налоговых ставок. Качественные характеристики общественных отношений находят отражение в диспозициях правовых норм, в формулировках правовых дефиниций, в перечнях оснований возникновения и прекращения правоотношений.

Помимо трёх основных этапов, в механизм трансформации входят также вспомогательные, но значимые институциональные каналы. Сводный отчёт о проведении оценки регулирующего воздействия содержит описание проблемы, анализ альтернатив и оценку последствий. Результаты публичных консультаций фиксируются в сводке отзывов и влияют на итоговое содержание проекта. Пояснительная записка к проекту – важный канал трансформации: включение в неё ссылок на социологические исследования придаёт обоснованию эмпирическую базу, хотя на практике это делается несистематически.

Следует отметить, что механизм трансформации, в том числе включает в себя обратную связь, осуществляющую посредством мониторинга правоприменения, который предусматривает использование статистики судебных споров, данных контрольно-надзорных органов и результатов социологических исследований, количество обращений граждан. Изучая практику проведения мониторинга, можно сказать, что в основном он сводится к анализу общей статистики и судебной практики, а опросы правоприменителей проводятся относительно редко.

Рассмотренные организационные и процедурные трудности в должной мере не отражают ещё одной важной и фундаментальной проблемы, которая кроется в самой сущности языка социологии и языка права. По своей природе социология опирается на возможные и вероятностные суждения, которые описывают тенденции и закономерности существования и развития общества. В то время как право опирается на реально существующие явления, формулируя императивные предписания конкретным субъектам.

Социологические исследования достаточно часто фиксируют противоречивые данные, которые могут отражать конфликты различных социальных групп, а правовая норма по своей природе должна отражать найденный компромисс между конкурирующими социальными группами, который достигается и определяется не только объективными данными, но и ценностными ориентирами субъектов правотворчества. Именно по этой причине любой переход социологической информации в конкретное правовое предписание изначально связан с упрощением или изменением исходной исходных данных, создавая риск утраты выявленных явлений в ходе социологического исследования [4, с. 25].

Цифровизация является неотъемлемым процессом современного мира, коснувшимся почти каждой сферы общественной жизни. Благодаря современным информационным технологиям процесс получения социологических данных стал более оперативным, при этом позволяя собирать и обрабатывать большой массив информации, государственного управления открывает новые возможности для трансформации. При помощи использования методов анализа большого количества данных, получается, выявить закономерности в правотворчестве, которые не могли быть получены при помощи традиционных социологических методов. Прибегая к использованию цифровых технологий можно выявить существенные преимущества, такие как оперативность получения и рассмотрения данных, автоматизация рутинных операций. Однако при использовании цифровых технологий в процессе сбора социологической информации можно выявить и существенный недостаток. Проблема достоверности данных, получаемых через цифровые каналы, приобретает особую остроту в контексте правотворчества, поскольку ошибочные данные могут привести к принятию неадекватных правовых решений. Распространение практик использования ботов для генерации фиктивных обращений на порталах общественного обсуждения нормативных правовых актов создает

угрозу искажения результатов публичных консультаций [4, с. 7]. Разработка методов выявления подобных обращений и обеспечения подлинности участия граждан в обсуждении законопроектов представляет собой актуальную технологическую и методологическую задачу, решение которой необходимо для корректного функционирования механизма трансформации социологического знания в правовые предписания.

Перспективным направлением развития механизмов трансформации является внедрение технологий искусственного интеллекта в процесс анализа социологических данных для целей правотворчества. Методы машинного обучения и обработки естественного языка позволяют автоматизировать обработку больших массивов текстовой информации, в том числе обращений граждан, экспертных заключений, результатов публичных консультаций. Автоматизированный анализ данных может существенно повысить оперативность и полноту социологического обеспечения правотворческого процесса, хотя итоговые решения, безусловно, должны приниматься субъектами правотворчества на основе собственного профессионального суждения.

Несмотря на наличие описанных выше механизмов, их функционирование сопряжено с рядом системных проблем. Российское законодательство не содержит общих норм, обязывающих обращаться к социологическим данным. Отдельные элементы такой обязанности закреплены только для процедуры оценки регулирующего воздействия. Принятие специального акта могло бы придать процессу более систематический характер. Эффективность трансформации зависит также от методологического качества исследований: нарушения стандартов могут привести к неадекватным правовым решениям.

Совершенствование механизмов трансформации – комплексная задача, предполагающая развитие нормативной базы, устанавливающей обязательность социологического обоснования правотворческих решений; совершенствование методологического инструментария; формирование кадрового потенциала, способного обеспечить междисциплинарное взаимодействие юридической и социологической науки; развитие цифровой инфраструктуры.

Подводя итог, следует ещё раз выделить ключевые элементы рассмотренного механизма и условия его эффективной работы. Механизм трансформации результатов социологических исследований в содержание нормативных правовых предписаний представляет собой сложную систему, включающую этапы интерпретации, формулирования правотворческой концепции, юридино-технического оформления и обратную связь через мониторинг правоприменения. Эффективность его функционирования зависит от качества исследований, квалификации субъектов правотворчества, степени нормативной регламентации и уровня развития информационной инфраструктуры. Дальнейшее развитие требует совершенствования нормативной базы, методологического инструментария и цифровой инфраструктуры правотворческого процесса.

Пристатейный библиографический список

1. Лапаева В. В. Социологическое обеспечение законодательства: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Москва, 1993. – 41 с.
2. Андреева Л. А. Оценка регулирующего воздействия (правовой аспект) // Вопросы современной юриспруденции. – 2016. – № 12 (62). – С. 70-82.
3. Цыбуленко З. И. Частные сервитуты в законодательстве Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2019. – № 2 (127). – С. 130-142.
4. Бошно С. В. Социологические методы в правовых исследованиях (на примере правовой доктрины) // Право и современные государства. – 2024. – № 1. – С. 18-32.
5. Антонова Е. Г., Лавелина В. С. Цифровые технологии в правотворческой деятельности // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 4 (10). – С. 5-11.

НОСКОВ Иван Александрович

аспирант 2-го курса, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ВЗАИМОСВЯЗЬ РОСТА ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПОВЫШЕНИЯ ЛЕГИТИМНОСТИ НОВОВВЕДЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье произведен анализ научных работ по правовой культуре и легитимности законодательства. Рассмотрены основные определения правовой культуры и легитимности законодательства. Проведен сравнительный анализ трактовок данных понятий у разных авторов, определены основные сущностные признаки. В статье приведены особенности статуса данных понятий в современную цифровую эпоху и то, как текущие реалии приводят к переосмыслению и изменению привычных трактовок данных определений. По итогам исследования сделаны выводы по соотношению данных понятий и определению их взаимосвязи в контексте развития современного общества.

Ключевые слова: правовая культура, легитимность законодательства, цифровое общество, механизмы законотворчества.

NOSKOV Ivan Alexandrovich

postgraduate student of the 2nd course, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE GROWTH OF LEGAL CULTURE AND THE INCREASING LEGITIMACY OF LEGISLATIVE INNOVATIONS IN MODERN SOCIETY

The paper analyzes scientific papers on legal culture and the legitimacy of legislation. The main definitions of legal culture and the legitimacy of legislation are considered. A comparative analysis of the interpretations of these concepts by different authors has been carried out, and the main essential features have been identified. The paper presents the features of the status of these concepts in the modern digital age and how current realities lead to rethinking and changing the usual interpretations of these definitions. Based on the results of the study, conclusions were drawn on the correlation of these concepts and the definition of their relationship in the context of the development of modern society.

Keywords: legal culture, legitimacy of legislation, digital society, mechanisms of lawmaking.

В современном обществе, характеризующемся быстрыми изменениями, вопросы правовой культуры и её влияния на легитимность законодательства приобретают особую значимость. Правовая культура, отражающая уровень правосознания, правовой активности и ответственности граждан, становится важным элементом формирования эффективной правовой системы.

В условиях постоянного обновления нормативно-правовой базы общества, легитимность новых законодательных инициатив зависит от их восприятия и принятия гражданами, что делает изучение взаимосвязи правовой культуры и легитимности законодательства актуальной задачей.

Правовые системы разных стран оказывают значительное влияние на формирование уровня правовой культуры. Сравнение стран с континентальной и англосаксонской правовыми системами показывает различия в подходах к правоприменению и формированию правовой грамотности населения.

Словарь русского языка определяет понятие культуры, как совокупность достижений людей, «культурность» самого человека, высокое развитие чего-либо и в техническом смысле (возделывание, выращивание и другое).

В отличие от многих исследователей, стремящихся дать единое универсальное определение, в трудах ученых Института законодательства и сравнительного правоведения прослеживается тенденция к отказу от жестких дефиниций в пользу многомерного и динамичного понимания правовой культуры. Эта научная школа не фиксирует понятие как данность и исследует его эволюцию в контексте современных вызовов. ИЗИСП подходит к междисциплинарности как к фундаментальному принципу постнеклассической науки. Его

суть — не просто в заимствовании методов из других наук, а в системном синтезе знаний для получения нового, более целостного понимания правовой реальности

В работе Залоило М. В. [1] отражено, что развитие современного научного знания привело к формированию «метанауки» - целостного симбиоза естественных, технических и гуманитарных дисциплин. Это означает, что границы между отдельными науками становятся все более условными. В этих условиях исследование правовой культуры возможно с обязательным включением смежных наук. Например, состояние правовой культуры возможно с использованием социологических, статистических и математических методов и других наук при подсчете качественных показателей ее развитости.

В. В. Сорокин не приравнивает общее понятие «культура» ко всему, что было сделано человеком. Но если брать историческую ретроспективу, в том числе буквальный перевод понятия в различных языках, то возникает три направления: культура как синоним технического прогресса [2, с. 13], культура как синоним духовного внутреннего совершенствования человека и культура как развитие цивилизации и общества. В коллективной монографии под редакцией А. С. Мордовца определено [3, с. 8], что хранение и передача накопленного человечеством опыта и традиций предопределяет структуру и строение культуры.

В. В. Сорокин в определении правовой культуры отрицает ее разделение на нормативную и ненормативную составляющие [2, с. 19]. Правовая культура определяется в духовной части, в правомерном поведении конкретного гражданина и общества, соответствия не букве, а духу закона. Правовая культура – это определенный идеал, вершина, к которой субъект права должен стремиться. Следовательно,

это может быть универсальным научным оценочным понятием, в зависимости от определенных критериев и установок, и выступать итоговой оценкой всей правовой системы [2, с. 27] или отдельных законодательных актов, процессов и т.д.

Также выделяются такие элементы, как ценностные основания, правовые традиции и различные нравственные основы – все эти составные части формируют общее понимание понятия правовой культуры [3, с. 11]. Правовая культура имеет определенные виды и разновидности. Основания формирования видов различны: от уровня правовой культуры, от вида проводимой деятельности, от субъектов и другие.

Все разграничения на уровни и виды правовой культуры формируют определенные особенности различных субъектов правовой культуры. В научной литературе выделяется, в том числе, «национальное» своеобразие правовой культуры [2, с. 44]. Особенности менталитета каждого отдельного народа имеют предрасположенности к определенным уровням и типам правовой культуры. Функционирование различных институтов в государстве напрямую связано с основами правовой культуры общества [3, с. 9].

Правовая культура в различных научных интерпретациях имеет различные «уровни». В понимании В. В. Сорокина уровни правовой культуры – это мера освоения людьми духа права [2, с. 38]. Условно такие уровни можно разделять на низкий, средний и высокий. Недостатки правового регулирования могут быть не связаны с несовершенством законодательства – во многих ситуациях это следствие низкого уровня правовой культуры общества. В этом смысле рациональнее государству тратить ресурсы и усилия на повышение правовой культуры, чем на совершенствование законодательных актов. Важнейшим условием развития гражданского общества является высокий уровень правовой культуры. В. В. Сорокин отдельно отмечает, что высокий уровень правовой культуры [2, с. 41] связан с социальной активностью граждан, снижению апатии, нигилизма и безразличия к процессам в стране. Меры государств по повышению правовой культуры вызваны стремлением к формированию социально активных личностей, которые осознают свои права и обязанности и являются гарантами законности и правопорядка.

В коллективной монографии под редакцией А. С. Мордовца определено [3, с. 15], что высокий уровень правовой культуры связан с профессиональной деятельностью рабочих и служащих – профессиональная компетенция и высокий уровень правосознания и правовой культуры судей, правоохранителей, законодателей и всех других служащих приводит к более эффективному правовому регулированию, к более слаженной работе всей бюрократической машины в государстве. Таким образом, возникает зависимость правовой культуры от правовой политики государства в сфере образования, защиты прав и свобод личности.

Вопросы правоприменения и правовой культуры неразрывно связаны. Во многом правоприменительная деятельность носит творческий характер, что, в конечном счете, сводит ее результаты и эффективность к уровню правовой культуры правоприменителей.

Уровень правовой культуры определяет особенности толкования законодательных актов. Чем меньше уровень правовой культуры, тем большие требования к простоте и ясности законодательных актов должны выноситься. Во многом толкование права обществом является существенным маркером развития правовой культуры. Напротив, высокий уровень правовой культуры, по выражению В. В. Сорокина [2, с. 72], приводит к тому, что человек располагает большим

инструментарием, большим пониманием юридической терминологии и, как следствие, лучше понимает даже сложно-составные нормативные правовые акты. Высокий уровень правовой культуры приводит и к большему пониманию «духа» закона, осознанию работы всей правовой системы, что, в конечном счете, приводит к большему правопорядку и правосознанию общества, его активному участию в политической жизни [12].

Легитимность законодательства в юридической науке определяется как составная часть понятия «законность».

Таким образом, правовая культура представляет собой сложное социальное явление, охватывающее совокупность знаний, убеждений, норм и практик, которые формируют отношение общества и отдельных его членов к праву и правопорядку. В этом контексте под правовой культурой понимается духовное и поведенческое пространство, отражающее степень юридического сознания населения, а также уровень взаимодействия между индивидуумами, государственными органами и правовыми институтами.

При попытке раскрыть сущность правовой культуры важно рассмотреть этапы формирования и её структурные элементы. Ключевым аспектом становится понимание, что культура в юридической сфере – не просто совокупность правил или инструкций, а динамический процесс, с течением времени развивающийся и адаптирующийся к изменениям в обществе и государстве [11].

С точки зрения структурного построения в составе правовой культуры можно выделить несколько основных компонентов. Во-первых, нормативно-правовой: он включает знания о правовых нормах и институтах, понимание их значения и функционирования. Во-вторых, поведенческий – выраженный в конкретных действиях граждан по соблюдению, защите и продвижению законности. Третий компонент – ценностно-мотивированный, отражающий внутренние установки и убеждения, которые обуславливают отношение человека к праву как социальному регулятору.

Легитимность законодательства представляет собой признание и поддержку правовых норм со стороны общества. Она проявляется в доверии граждан к правовой системе и готовности следовать установленным законам [14].

Одним из ключевых аспектов является то, что легитимность опирается на восприятие субъектов власти и граждан [4, с. 9]. Одним из ключевых механизмов повышения легитимности законодательных инициатив является вовлечение граждан в процесс их разработки и обсуждения. Это позволяет учитывать мнения и потребности различных групп населения, что способствует формированию более справедливых эффективных законов.

В работе [5] Черногора Н. Н. и Залоило М. В. авторы исходят из того, что институт общественного обсуждения проектов нормативных правовых актов имеет важное значение для обеспечения эффективности правотворчества, выступая способом установления диалога между гражданским обществом и государством, формой непосредственного участия граждан в управлении делами государства. Научная школа ИЗиСП применяет междисциплинарный подход для решения конкретных задач совершенствования правотворческого процесса. Исследование Н. Н. Черногора и М. В. Залоило демонстрирует, что доктринальное обоснование путей оптимизации правовых институтов невозможно без комплексного анализа их социальной, политической и юридической природы

Исторически в отечественной правовой мысли легитимность рассматривалась как синтез конституционности, особенностей правового государства и политической культуры. В советский период основное внимание уделялось легальности и законности, как механизмам обеспечения социалистического правопорядка; после распада СССР произошло смещение акцентов в сторону конституционализма, верховенства права, прав политических граждан и гражданской свободы, что открыло пространство для переосмысления понятия легитимности, не только как требования формального соблюдения норм, но и как критерия доверия граждан к законодателю и правовой системе.

«Легитимность следует рассматривать как сущностный признак права, так как легитимность демонстрирует соответствие права ожиданиям населения, то, что право адекватно выражает социальные предпосылки» [6, с. 21]. В связи с этим создание механизмов общественного контроля и участия в законодательных процессах становится необходимым для повышения легитимности норм права.

Легитимность является следствием процесса легитимации, то есть большого, непрерывного и динамического процесса, в котором государственная власть сохраняет и либо усиливает, либо уменьшает свое значение и признание в глаза общества [6, с. 24]. Происходить легитимация может различными способами и методами. Идеальное состояние наступает, когда государство использует весь возможный инструментарий: от принудительных мер, до диспозитивных, сохраняя, таким образом, свой статус и авторитет в глаза населения [4, с. 9].

Однако механизмы внедрения различных изменений и адаптации зависят не только от формальных процедур, но и от восприятия самой идеи изменений, от осознания населением их необходимости [16]. Применяя комплексный междисциплинарный подход научной школы ИЗИСП, применительно к соотношению понятий правовая культура и легитимность законодательства можно определить несколько взаимосвязей данных понятий. Без соответствующего роста правовой культуры любые усилия по реформированию законодательной базы рискуют остаться неспособными к реализации на практике, что подчеркивает актуальность изучения причин и условий, обеспечивающих легитимность.

В противном случае, даже обладая формальной законностью, они сталкиваются с сопротивлением и утратой поддержки, что в конечном итоге ставит под угрозу стабильность политической системы. Право наполняется смыслом и получает реальное значение в обществе благодаря своей неразрушимой связи с культурой общества [6, с. 35].

Существуют устаревшие стереотипы и предрассудки, которые влияют на отношение к нововведениям, вызывая противоречия и порой конфликты между государством и гражданами. В конкретных исторических и культурных условиях одна и та же норма может оцениваться по-разному [4, с. 12]. Таким образом, правовая культура становится своеобразным мостом между юридическими предписаниями и общественными ожиданиями, адаптируя нормы к реальным условиям и способствуя социальной интеграции.

Успешный опыт показывает, что учет этих особенностей и адаптация коммуникативных стратегий позволяют достигать более высокого уровня понимания и принятия законов, что также способствует укреплению легитимности изменений.

Так, в монографии «Правотворчество в условиях международной регионализации» [15] указано, что международная

регионализация является одной из основных тенденций современного мироустройства и развития права. Этот процесс оказывает непосредственное влияние не только на международные отношения, но и на национальный, и даже субнациональный уровни общественной жизни. Соответственно, стабильность национальной системы права может быть обеспечена только в случае максимального учета интересов различных слоев общества, с учетом региональной специфики и мнений.

Примером служат реформы, направленные на цифровизацию публичных услуг, которые одновременно требуют и юридической поддержки, и формирования у граждан представления о новых возможностях, возникающих в правовом поле [16].

Междисциплинарная методология, разрабатываемая научной школой Института законодательства и сравнительного правоведения, находит свое конкретное воплощение и в других фундаментальных исследованиях, посвященных анализу глобальных вызовов современности. Ярким примером такого подхода служит коллективная монография Д. А. Пашенцева, М. В. Залоило и А. А. Дорской «Смена технологических укладов и правовое развитие России» [17, с. 9-19], в которой на основе синтеза правовой и экономической теорий раскрывается глубинная взаимосвязь технологического прогресса и динамики правового развития. В монографии дается трактовка периодизации истории российского права в зависимости от технологических укладов; показано, что в эволюции отечественного права, изменении его системных и структурных характеристик особое место необходимо отводить роли технологического фактора. В современных реалиях перед Россией встают новые вызовы по обеспечению развития права и внедрения новых законодательных изменений.

В контексте модернизации большинства сфер современного общества неизбежно наступает конфликт индивидуальных особенностей разных стран и различных правовых систем с насаждаемыми тенденциями глобализации. Главный недостаток такого универсалистского подхода заключается в акценте на абстрактные и не связанные с индивидуальными чертами понятия, что, в конечном счете, приводит к осуждению различными обществами и непринятию новаций, в том числе законодательства, в его жизни. Такие особенности требуют научного осмысления и выработку новых подходов для учета всех факторов.

Высокий уровень правовой культуры способствует формированию внутреннего убеждения в правильности и необходимости законов, что, в свою очередь, повышает их эффективность и способствует соблюдению норм не принудительными мерами, а через внутреннее признание их значимости.

Наоборот, низкий уровень правовой культуры сопровождается отсутствием правового сознания и безразличием к закону. В таких условиях нововведения часто воспринимаются как навязанные извне, что ведёт к недоверию, сопротивлению и даже противоправным действиям. Фактически в таких случаях легитимность государственных решений обществом может и сохраниться, но будет носить вынужденный характер, когда представители общества просто смиряются с принимаемыми решениями и не оспаривают их, хотя, возможно, на самом деле данные решения не отражают интересы общества в полной мере. Тогда принцип ожидания обществом сводится к минимуму, государство лишь выступает субъектом власти в стране, не считаясь, по сути, с мнением самого общества.

Получается, что правовая культура фактически отражает уровень зрелости общества к различным изменениям в конкретный исторический период развития. Повышение правовой культуры необходимо для обеспечения модернизации и развития всего общества. Новые законодательные инициативы должны соответствовать уровню развития правовой культуры общества и, как следствие, само общество должно иметь запрос на соответствующие изменения в стране согласно веяниям и потребностям в конкретную историческую эпоху.

Другой важный индикатор – уровень участия в правоприменительных процессах, включая обращение в суды, участие в общественных инициативах и взаимодействие с правоохранительными органами [18]. Значительный рост числа обращений граждан к судебным инстанциям говорит о том, что общество более уверено в возможности судебной защиты и готово использовать правовые механизмы для отстаивания своих интересов.

Подводя итоги, следует вывод, что повышение правовой культуры не всегда гарантирует одновременное повышение легитимности нововведений законодательства. В данной ситуации мы имеем дело с взаимосвязью двух институтов, когда изменение одного может привести к непредсказуемым изменениям другого.

Так, при сохранении тех же методов законотворчества повышение правовой культуры населения может существенно снизить уровень легитимности законодательства, привести к апатии и отстранению общества.

Пристатейный библиографический список

1. Залоило М. В. (2025). Междисциплинарное научное измерение эволюции правовой культуры // Государство и право. – 2025. – № 7. – С. 42-51.
2. Сорокин В. В. Правовая культура и правовое воспитание: вопросы теории. - Барнаул: Алтайский государственный университет, 2023. - ISBN: 978-5-7904-2710-7.
3. Правовая культура. Правовая политика. Права человека: XXI век / под общ. ред. О. Ю. Рыбакова, А. С. Мордовца / Поволжский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). – Саратов, 2020. – 302 с. - ISBN: 978-5-00094-716-6.
4. Савенков А. А. Проблема законности в западной и российской юридической мысли XIX-XX вв.: монография. – Москва: ИП РАН, Саратов: Амирит, 2022. – 188 с. - ISBN 978-5-00207-144-9.
5. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 74-92.
6. Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование): монография. – Москва: Проспект, 2022. – 240 с. - ISBN 978-5-392-36633-0.
7. Казаков Г. А. Трансформация правового регулирования и правовой культуры в современной России в условиях модернизации: теоретический аспект: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Краснодар, 2016. – 187 с.
8. Демидов Д. Г. Влияние избирательного законодательства Российской Федерации на легальность и легитимность выборных органов государственной

- власти: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.02. – Москва, 2011. – 202 с.
9. Иванченко И. А. Сущность, механизм и формы правовой легитимации государственной власти: диссертация... кандидата юридических наук: 12.00.01. – Москва, 2015. – 180 с.
 10. Балакирева Л. М. К вопросу о способах и средствах формирования правовой культуры личности // Правовая культура в современном обществе. – 2022. – С. 421-425.
 11. Дроздова А. М. Правовое образование в процессе формирования условий для повышения эффективности и уровня правовой культуры // [б. и.]. – [б. м.], 2024. – 377 с.
 12. Иванов С. А. Значение правовой культуры в формировании правового государства // Вестник Российского университета кооперации. – 2021. – № 3 (45). – С. 117-120.
 13. Кравченко О. Б. Правовая культура как общее условие формирования когнитивной личности // Право и общество. – 2015. – № 3 (18). – С. 184.
 14. Краснов А. В. Легитимность права: аксиологический аспект // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – № 1. – С. 87-88.
 15. Правотворчество в условиях международной регионализации: монография / А. И. Абрамова, Л. В. Андриченко, Н. С. Бондарь [и др.]; редкол. Т. Я. Хабриева, А. С. Емельянов, М. В. Залоило. – Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2025. – 224 с. - DOI 10.12737/219287. – С. 64-73.
 16. Любимов А. П. Информационная культура в России // Представительная власть. – 2012. – № 2-3 (113-114). – С. 34-35.
 17. Пашенцев Д. А., Залоило М. В., Дорская А. А. Смена технологических укладов и правовое развитие России: монография. – Москва: ИЗиСП: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 184 с.
 18. Шибанова А. И. Основные методы повышения легитимности региональных органов власти на примере Иркутской области // Научно-практический электронный журнал Аллея Науки. – 2017. – № 11.
 19. Юртаева Е. А. Гуманитарное сотрудничество стран СНГ: деятельность и регулирование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2014. – № 3. – С. 527-528.

ЕГОРОВ Валентин Владиславович

аспирант, Московский университет «Синергия», филиал в г. Санкт-Петербург

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье исследуется правовое просвещение как комплексное социально-правовое явление в условиях глобализации. Обосновывается, что глобализационные процессы порождают противоречивые тенденции: с одной стороны, унификацию правовых стандартов и распространение идей прав человека, с другой – размывание традиционных правовых ценностей и усиление правового нигилизма. В подобной обстановке правопросветительская деятельность приобретает стратегическое значение для сохранения правопорядка и устойчивости общественного развития. В статье проанализировано, как менялись научные представления о правовом просвещении: если изначально оно отождествлялось с воспитанием в правовой сфере и информированием граждан о законодательстве, то впоследствии его начали рассматривать в качестве самостоятельной категории. Выявлены и систематизированы основные теоретические концепции правового просвещения. На основе обобщения теоретических подходов и современной практики выделены ключевые факторы повышения эффективности правового просвещения в условиях глобализации: учет глобализационных вызовов, системность и целенаправленность, сочетание традиционных и инновационных форм, приоритетное воздействие на эмоционально-волевую сферу, использование общественных ресурсов и механизмов обратной связи, расширение и координация деятельности субъектов правового просвещения. Таким образом, обосновывается, что только комплексный метод, включающий рациональную и иррациональную составляющие, способен преодолеть фрагментарность в просветительской работе в сфере права и обеспечить выход на качественно высокий уровень правосознания и правовой культуры.

Ключевые слова: правовое просвещение, правовая культура, правосознание, глобализация, правовое воспитание, правовое информирование, правовой нигилизм, факторы эффективности, системный подход, информационно-коммуникационные технологии.

EGOROV Valentin Vladislavovich

postgraduate student, Moscow University «Synergy», Branch St. Petersburg

FACTORS FOR IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF LEGAL EDUCATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The article examines legal education as a complex socio-legal phenomenon in the context of globalization. It substantiates that globalization processes give rise to contradictory trends: on the one hand, the unification of legal standards and the spread of human rights ideas, on the other hand, the erosion of traditional legal values and the strengthening of legal nihilism. Under these conditions, legal education acquires strategic importance for ensuring law and order and stability. The evolution of scientific ideas about legal education from its identification with legal upbringing and legal information to its recognition as an independent category is analyzed. The main theoretical concepts of legal education are identified and systematized. Based on a synthesis of theoretical approaches and contemporary practice, key factors for improving the effectiveness of legal education in the context of globalization are identified: consideration of globalization challenges, systematic nature and purposefulness, combination of traditional and innovative forms, priority impact on the emotional-volitional sphere, use of public resources and feedback mechanisms, expansion and coordination of the activities of legal education subjects. The conclusion is substantiated that only an integrated approach, combining rational and irrational components, makes it possible to overcome the fragmentation of legal education activities and ensure the formation of a high level of legal awareness and legal culture.

Keywords: legal education, legal culture, legal awareness, globalization, legal upbringing, legal information, legal nihilism, effectiveness factors, systematic approach, information and communication technologies.

Современный этап общественного развития характеризуется углубляющимися процессами глобализации, которые оказывают противоречивое воздействие на национальные правовые системы. С одной стороны, глобализация способствует унификации правовых стандартов, распространению идей прав человека и верховенства закона. С другой – порождает новые вызовы: размывание традиционных правовых ценностей, усиление правового нигилизма, рост информационной асимметрии, когда деструктивные правовые идеологии распространяются быстрее, чем конструктивные просветительские программы. В этих условиях правовое просвещение из факультативного элемента государственной политики превращается в стратегический ресурс обеспечения правопорядка и стабильности. Наряду с рассмотрением сложных проблем права начальное и первейшее значение имеет правовое просвещение [1]. Однако, несмотря на признание его важности, эффективность правового просвещения в современной России остается невысокой, что подтверждается распространенностью правового нигилизма и де-

формаций правосознания, фиксируемых в мониторингах правовой культуры [2].

К настоящему времени, к 2026 году, нормативная база правового просвещения в Российской Федерации представляет собой многоуровневую систему. основополагающие положения закреплены в Конституции Российской Федерации¹, которая задает общие ориентиры для формирования правосознания граждан. Базовым стратегическим документом остаются Основы государственной политики РФ в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, утвержденные Президентом России еще в 2011 году. В развитие этих положений приняты два ключевых федеральных закона: Федеральный закон «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» и Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Первый закрепляет

1 Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // СПС «КонсультантПлюс».

правовое просвещение как одну из задач системы бесплатной юридической помощи, второй – как важное направление воспитательной работы в образовательных организациях. Дополнительно Министерство юстиции РФ издает ведомственные приказы, регулирующие мониторинг правопросветительской деятельности и организационные аспекты ее проведения. Завершают эту иерархию законы субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты, которые учитывают региональную и местную специфику. В целом, констатируют исследователи, существующая нормативная основа хотя и сложилась, однако ее нельзя назвать полностью системной. Некоторые акты, скорее, выполняют роль деклараций, нежели реально работающих инструментов [2], [3].

Актуальность выявления факторов, способных повысить результативность правового просвещения, связана с тем, что в современной юридической теории эта категория, несмотря на активное использование, остается предметом научных споров. Отсутствие единого понимания ее содержания, соотношения со смежными понятиями – правовым воспитанием, правовым обучением, правовым информированием – затрудняет выработку эффективной государственной политики в этой сфере. В связи с этим целью настоящей статьи выступает выявление и систематизация факторов повышения эффективности правового просвещения как комплексного социально-правового явления в условиях глобализации. Объектом исследования является правовое просвещение как категория юридической науки и вид социальной практики, а предметом – факторы, детерминирующие его эффективность в контексте глобализационных процессов. Методологическую основу составляют диалектический метод, системный и функциональный подходы, а также методы анализа и синтеза научной литературы и нормативно-правовых актов. Научная новизна заключается в обобщении теоретических концепций правового просвещения и выявлении комплекса организационных, педагогических и информационно-коммуникативных факторов, учет которых позволяет преодолеть фрагментарность данной деятельности и повысить ее результативность.

Изменение научных воззрений на правовое просвещение в рамках юриспруденции показывает, как эта категория постепенно перестала быть частью родственных понятий и обрела статус самостоятельного вектора государственной правовой деятельности. В начальный период, особенно в советскую эпоху, главенствующее положение занимала идея правового воспитания, под которым подразумевался обширный набор образовательных, воспитательных, организационных и культурных действий, призванных поднять уровень того, как люди осознают право и какова их правовая культура [4]. При таком взгляде правовое просвещение не имело собственной самостоятельной ценности, являясь всего лишь одним из воспитательных инструментов или его отдельной гранью. Позднее появилось иное толкование, согласно которому правовое просвещение стало рассматриваться как одна из форм правового информирования, где главная цель ограничивалась передачей сведений о законодательстве и комментариями к содержанию действующих нормативных документов. Однако, как верно отмечается в литературе, правовое информирование может носить разовый и несистемный характер, тогда как просвещение предполагает структурированный, плановый процесс [5]. В 2000-2010-е годы, особенно после принятия Основ государственной политики в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан в 2011 году², начинает утверждаться понимание правового просвещения как относительно самостоятельной категории, не сводимой ни к воспитанию, ни к информированию.

В современной теоретико-правовой доктрине сформировалось несколько вариантов соотношения правового просвещения с сопредельными терминами. Первый подход

исходит из того, что правовое просвещение следует считать одной из разновидностей, организационных форм или методов правового воспитания, где последнее воспринимается как понятие более широкое. Вторым подход, представленный, в частности, в работах Д. В. Кононенко, фактически отождествляет правовое просвещение с правовым информированием, понимаемым как средство обеспечения правовой грамотности [6]. Существует и третий подход, которого придерживается, например, О. Ю. Рыбаков. Согласно ему, правовое просвещение следует считать самостоятельной формой воплощения государственной правовой политики, реализуемой уполномоченными субъектами [7]. Наиболее оправданной, на наш взгляд, является трактовка правового просвещения в качестве целенаправленной и систематической деятельности. К ее осуществлению причастно государство (через свои органы), а также институты гражданского общества. Данная деятельность ориентирована на распространение юридических знаний, воспитание уважения к закону и последовательное повышение уровня правовой культуры. В такой роли правовое просвещение уже не сводится к правовому воспитанию, а выступает как отдельное, самостоятельное направление государственной политики, что зафиксировано в Основах государственной политики Российской Федерации в сферах развития правовой грамотности и правосознания граждан.

Современное определение правового просвещения закреплено в методических материалах Научного центра правовой информации при Минюсте России [8]. Авторы этого документа трактуют правовое просвещение как целенаправленную деятельность определенных субъектов. Ее содержание включает: распространение знаний о гражданских правах, свободах и обязанностях человека и способах их реализации; систематическое воздействие на сознание и поведение людей для формирования позитивных представлений, взглядов, ценностных ориентиров и установок, обеспечивающих в дальнейшем соблюдение, исполнение и использование юридических норм; а также работу по формированию правосознания и правовой культуры [8]. Указанное определение аккумулирует ключевые признаки правового просвещения: целенаправленность, системность, воздействие на рациональную и иррациональную сферы, нацеленность на формирование правомерного поведения. Именно такое комплексное понимание позволяет перейти к вопросу о факторах повышения эффективности правового просвещения в условиях глобализации.

В отличие от исторических этапов развития правового просвещения в России, которые подробно проанализированы в исследованиях, посвященных эволюции отечественной правовой культуры, где выделяются этапы от реформ Петра I и Екатерины II до советского и постсоветского периодов [9], современная ситуация требует акцента не столько на ретроспективе, сколько на выявлении действенных механизмов повышения результативности правопросветительской деятельности. Исторический опыт, как показывает анализ, свидетельствует о том, что меры государства в этой области нередко носили бессистемный, фрагментарный характер, что не позволяло добиться устойчивого повышения правовой культуры и преодоления правового нигилизма. Современные программные документы, при всей их значимости, страдают декларативностью и отсутствием конкретных механизмов реализации, а правовое просвещение зачастую остается ориентированным преимущественно на молодежь, тогда как взрослое население практически выпадает из поля зрения [2].

На основе обобщения теоретических концепций и анализа современной практики можно выделить следующие ключевые факторы повышения эффективности правового просвещения в условиях глобализации. Первым и важнейшим фактором выступает учет глобализационных вызовов. Эффективное правовое просвещение должно учитывать доступность зарубежных правовых стандартов и необходимость их критического осмысления, распространение через интернет деструктивной правовой идеологии, включая экстремизм и правовой нигилизм, а также необходимость формирования не только национального, но и глобального

² Основы государственной политики Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан [утв. Президентом РФ 28 апреля 2011 г. № Пр-1168] // СПС «КонсультантПлюс».

правосознания, уважения к международному праву. Вторым фактором является системность и целенаправленность. Как показано в ряде моделей правового просвещения, эффективность обеспечивается взаимосвязью субъектного, целевого, содержательного и оценочного компонентов [2]. Это предполагает разработку программ, привлечение общественных ресурсов, диагностику уровня правовой культуры и своевременную корректировку воздействия.

К третьему фактору относится сочетание традиционных и инновационных форм правового просвещения. Помимо лекций, клубов и юридических клиник, требуется активно внедрять интернет-ресурсы: группы в соцсетях, онлайн-занятия, образовательные платформы. Именно широкое использование современных информационно-коммуникационных технологий позволяет сделать правовое просвещение максимально массовым и оперативно охватывать информацией разные социальные группы [3]. Четвертый фактор — воздействие на эмоционально-волевую сферу. В работе с широкими массами приоритет принадлежит правовому воспитанию, которое апеллирует к этой сфере, поскольку оно легче усваивается и создает основу для последующего углубленного обучения. Как отмечается в литературе, правовое воспитание не достигнет желаемых результатов без предварительного формирования внутренней среды для аккумуляции правового чувства [10]; иначе говоря, рациональные знания должны получать эмоциональную опору.

Еще одним фактором является использование общественных ресурсов и механизмов обратной связи. Правовое просвещение не может быть монополией государства; важно вовлечение образовательных учреждений, общественных организаций, средств массовой информации. При этом необходима диагностика правовой просвещенности по уровню правовой культуры, что позволяет обеспечить обратную связь и скорректировать педагогическое воздействие [2]. Шестым фактором выступает расширение субъектного состава и координация их деятельности. Наряду с государственными органами, особенно прокуратурой, к правовому просвещению должны активно привлекаться образовательные учреждения всех уровней, средства массовой информации, общественные организации, а также юридические клиники и профессиональные сообщества [11]. При этом необходима выработка единых стандартов и методик работы, чтобы избежать разрозненности и дублирования усилий.

В качестве обобщающего фактора можно назвать переход от фрагментарного информирования к целостной системе формирования правовой культуры, где правовое просвещение выступает связующим звеном между образованием, воспитанием и реальной правовой практикой. Это предполагает отказ от узковедомственного подхода и формирование междисциплинарной стратегии, интегрирующей достижения юриспруденции, педагогики, психологии и социологии. Только целенаправленная, системная работа по правовому просвещению, ориентированная на все возрастные и социальные группы населения и учитывающая современные глобализационные вызовы, способна стать важным условием формирования правового государства и залогом обеспечения высокого уровня правосознания общества в будущем [12].

Таким образом, развитие научных представлений о правовом просвещении прошло путь от его отождествления с правовым воспитанием или информированием к признанию в качестве самостоятельной категории, отражающей целенаправленную системную деятельность по формированию правосознания и правовой культуры. В современной науке сосуществуют несколько теоретических концепций — от узкой, рассматривающей его как форму воспитания или вид информирования, до широкой, комплексной. В условиях глобализации именно комплексный подход, интегрирующий рациональные и иррациональные компоненты, является наиболее продуктивным. Ключевыми факторами повышения эффективности правового просвещения выступают: учет глобализационных вызовов; системный и целенаправленный характер; сочетание традиционных и инновационных, прежде всего цифровых, форм; приоритетное воздействие на

эмоционально-волевую сферу; использование общественных ресурсов и механизмов обратной связи; расширение и координация деятельности субъектов правового просвещения. Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка методик оценки эффективности правового просвещения в условиях цифровой трансформации и глобализации, а также выработка единых стандартов просветительской деятельности для различных субъектов.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 8. — М.: Статут, 2010.
2. Татаринов В. А. Правовая культура: просветительский контекст // Высшее образование сегодня. — 2025. — № 2.
3. Истомин М. А., Нечкин А. В. Правовое просвещение в России: современные проблемы теории и практики // Юридический вестник Самарского университета. — 2021. — Т. 7. № 2.
4. Семернева Н. К., Щедрина А. К. Правовые формы общественного воспитания несовершеннолетних. — М.: Юрид. лит., 1980.
5. Уварова Т. А. Место правового просвещения в правовой культуре общества // Диалог культур и цивилизаций: сб. науч. тр. Междунар. науч. форума. — М.: МГЛУ, 2024.
6. Кононенко Д. В. Соотношение понятий «правовая грамотность», «правовое воспитание», «правовое просвещение», «правовое информирование» и «правовое образование» // Правовая парадигма. — 2025. — Т. 24. № 1.
7. Рыбаков О. Ю. Формы реализации правовой политики // Правовая политика и правовая жизнь. — 2003. — № 2.
8. Право знать право: методические рекомендации по организации правового просвещения участников образовательного процесса / авт.-сост. Э. И. Атагимова, Е. В. Горбачева. — М.: ФБУ НЦПИ при Минюсте России, 2016.
9. Юн Л. В. Исторические особенности эволюции российской правовой культуры (общеправовые аспекты) // Образование и право. — 2017. — № 4.
10. Татаринцева Е. В. Правовое воспитание (методология и методика). — М.: Высшая школа, 1990.
11. Андреева Е. Е., Морозов Г. Б. Об эффективных формах правового просвещения граждан Российской Федерации // Педагогическое образование в России. — 2016. — № 1.
12. Мохорова А. Ю., Мохоров Д. А., Долженкова Е. Антикоррупционное просвещение как элемент образовательного процесса // Научное и образовательное пространство в условиях вызовов современности: сборник материалов Международной научно-практической конференции, Чебоксары, 13 июля 2021 года. — Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2021. — С. 146-147. — DOI 10.21661/r-554523.

АМАГЫРОВ Андрей Валерьевич

старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства, заместитель директора по молодежной политике и воспитательной работе, Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, г. Улан-Удэ

ИНСТИТУТ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ НЕМАТЕРИАЛЬНЫХ БЛАГ ПО ОБЫЧНОМУ ПРАВУ БУРЯТ

В статье на примере анализа норм Селенгинского уложения 1775 года и Хоринского уложения 1781 года исследуется институт правовой защиты нематериальных благ в обычном праве бурят. Автор уточняет причины партикуляризма правовых обычаев, связывая их с территориальной и родовой ограниченностью действия обычных норм. Отмечается комплексный, межотраслевой характер института, в котором преобладают частноправовые начала (компенсация вреда), переплетенные с религиозными и публично-правовыми санкциями. Исследуются объекты правовой защиты, специальный правовой статус должностных и духовных лиц, а также система дополнительных гарантий, регулирующих источники повышенной опасности и охрану труда. Автор приходит, в частности к следующим выводам. Во-первых, институт правовой защиты нематериальных благ по обычному праву бурят представлял собой комплексный межотраслевой правовой институт, включавший в себя нормы, закрепляющие составы правонарушений, а также нормы, устанавливающие иные гарантии беспрепятственного осуществления нематериальных благ. Во-вторых, посягательства, направленные на нематериальные блага, рассматривались обычным правом бурят как комплексные межотраслевые составы правонарушений, влекущие за собой наложение мер религиозного карательного и компенсационного характера.

Ключевые слова: обычное право бурят, нематериальные блага, Селенгинское уложение, правовая защита, честь и достоинство, партикуляризм правовых норм, источники повышенной опасности, правовой статус личности.

AMAGYROV Andrey Valeryevich

senior lecturer of Theory and history of law and state sub-faculty, Deputy Director for Youth Policy and Educational Work, D. Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude

THE INSTITUTE OF LEGAL PROTECTION OF INTANGIBLE BENEFITS UNDER THE CUSTOMARY LAW OF THE BURYATS

The article examines the institute of legal protection of intangible benefits in the customary law of the Buryats, based on an analysis of the norms of the Selenga Code of 1775 and the Khori Code of 1781. The author clarifies the causes of the particularism of legal customs, linking them to the territorial and clan-based limitations on the scope of customary norms. The interdisciplinary, complex nature of the institute is noted, in which private-law principles (compensation for harm) prevail, intertwined with religious and public-law sanctions. The objects of legal protection, the special legal status of officials and clergy, as well as a system of additional guarantees regulating sources of increased danger and labour protection are examined. In particular, the author arrives at the following conclusions. Firstly, the institute of legal protection of intangible benefits under Buryat customary law represented a complex interdisciplinary legal institute, comprising both norms establishing the elements of offences and norms setting forth other guarantees for the unimpeded enjoyment of intangible benefits. Secondly, encroachments upon intangible benefits were regarded by Buryat customary law as complex interdisciplinary offences entailing the imposition of measures of a religious, punitive and compensatory nature.

Keywords: customary law of the Buryats, intangible benefits, Selenga Code, legal protection, honor and dignity, particularism of legal norms, sources of increased danger, legal status of an individual.

Амагыров А. В.

Правовое регулирование общественных отношений нормами обычного права бурят строилось на партикулярной основе [3, с. 31; 4, с. 33; 6, с. 4]. Анализируя правовые обычаи северных и восточных бурят, зачастую можно увидеть определенные расхождения между правилами поведения, регулируемыми идентичные общественные отношения. Личные неимущественные отношения не стали исключением. Причины партикуляризма обычного права бурят ученые объясняют по-разному: доминирующие родовые отношения и кочевой образ жизни [3, с. 31]; территориальная, экономическая и культурная обособленность бурятских племен [6, с. 4].

Подобная позиция на сегодняшний день нуждается в уточнении. Действие обычно-правовых норм бурят было ограничено по кругу лиц и территории и формально распространялось лишь на отношения, находящиеся под территориальной юрисдикцией бурятских родов. С точки зрения

права участниками данных отношений были только ясачные буряты, в то время как крещенные буряты (на которых распространялись, по общему правилу, российские узаконения) во взаимоотношениях со своими сородичами придерживались правовых обычаев бурятского народа [2, с. 34]. Однако в случае возникновения коллизии или конкуренции между правовыми нормами, приоритетом обладали нормы российского законодательства.

Также, следует отметить, что расхождение в регулировании межродовых отношений в науке носит спорный характер [4, с. 33]. Правовое регулирование личных неимущественных отношений основывалось на одних и тех же принципах и схожих по своему содержанию нормах, адаптированных каждым родом под экономические, культурные и территориальные особенности. Указанные положения подтверждаются исследованием норм Селенгинского уложения 1775 года и Хоринского уложения 1781.

На основе своей юридической природы данные нормативные акты относятся к результатам систематизации правовых обычаев бурят [6, с. 10], закрепляющим в основном составы правонарушений и меры юридической ответственности [5, с. 70]. При этом следует отметить, что по своей структуре и содержанию правовых норм данные правовые памятники весьма схожи с монгольскими степными уложениями XVII века, которые И. Я. Гурлянд определял в качестве уставов наказаний за правонарушения [1].

В Селенгинском уложении 140 статей, структурно излагаемых на основе системы композиции. В предмет регулирования вошли имущественные и личные неимущественные отношения. Последние при этом регулировались нормами Селенгинского уложения в сравнительно меньшем объеме.

Правовой статус личности согласно нормам Селенгинского уложения определялся в зависимости от пола, возраста, семейного, должностного и религиозного положения лица, принадлежности к роду. Размер и вид наказания за посягательства на нематериальные блага зависел от статуса субъекта правонарушения и положения лица в отношении, которого оно было совершено.

Общей правоспособностью и полной дееспособностью обладало только мужское население. Критериями дееспособности выступали возраст и семейное положение. Согласно положению статьи 68 Селенгинского уложения несовершеннолетние в возрасте до 10 лет признавались полностью недееспособными. С 14-летнего возраста несовершеннолетний признавался частично дееспособным и мог совершать мелкие бытовые сделки, а также нести ответственность по ним [4, с. 67]. Верхний возрастной предел частичной дееспособности точно определен не был. Мужчина становился полностью дееспособным только с момента вступления в брак и обретения имущественной самостоятельности. Женатые в малолетстве мальчики приобретали дееспособность по достижению совершеннолетия – возраста 20 лет (буряты включали в возраст 1 год внутриутробной жизни). Совершеннолетние мужчины, не вступившие в брак и, в силу этого, не обладающие имущественной самостоятельностью, могли в заявительном порядке требовать признания их полностью дееспособными. Сайты (должностные лица) в зависимости от имущественного положения родителей заявителя принимали решение либо о принуждении отца женить сына, либо о признании лица, в силу имущественной несостоятельности родителей, полностью дееспособным.

Особым правовым статусом были наделены религиозные должностные лица, называемые «духовными лицами». К ним, в частности, относились главный цорджи, цорджи, засак-лама шанзаба, настоятель дацана, лама-нойон, да-лама, гэгуй большого хита, омзат большого иита, нирба большого иита, сотник большого иита, дацанский гэгуй, пятидесятник, умзат, нирбу, тахильчи большого хиита, дуганчи большого хита, дацанские тахильчи, дуганчи, писарь, десятник, рядовой хуварак и т.д. Объектами правовой защиты выступали такие нематериальные блага «духовных лиц», как здоровье, честь и достоинство. Селенгинское уложение регламентировало в отношении данной категории следующие составы правонарушений: нанесение побоев, ранение, оскорбление, ссора.

Привилегированное положение занимали светские должностные лица, чей правовой статус во многом совпадал с правовым статусом «духовных лиц». Селенгинское уложение особо упоминает о наличии следующих должностных лиц: светские сайты, тайши, командиры казаков и податных, десятники и т.д. Нормы Селенгинского уложения не перечисляли все существующие в бурятском обществе государственные должности, однако в их содержании были установлены границы между наиболее высокой и наиболее низкой должностями, в которые попадали иные должностные лица.

Отдельно нормы Селенгинского уложения регламентировали ответственность казаков и должностных лиц, принадлежащих к другому роду. В тексте упоминается лишь один состав правонарушения субъектом, по которому может быть должностное лицо другого рода – ранение. Вероятнее всего, «чужое» должностное лицо несло ответственность за другие составы правонарушения, аналогично установленным принципам назначения наказания за ранение. В то время как должностные лица другого рода несли более строгую ответственность за совершение правонарушения, то наказания, назначаемые казакам, в целом соответствовали наказаниям за аналогичные правонарушения, применяемым в отношении податных. Отличным был порядок уплаты штрафа – деньги за деяния, совершенные в отношении казака поступали в войсковую часть. Также казакам отдельно возмещалась плата за несение караульной службы, если потерпевший должен был ее нести.

Женщины и дети упоминаются лишь в двух статьях Селенгинского уложения, непосредственно связанных с причинением вреда. Если дети в возрасте до 10 лет не были субъектами правонарушений, то правовой статус женщины, в том числе размер наказания за противоправное деяние, полностью был определен статусом мужа или отца. При этом анализ норм Селенгинского уложения регулирующих брачно-семейные и наследственные отношения, свидетельствует «о более глубокой дискриминации женщин, нежели просто ограничение ее дееспособности» [4, с. 66]. Также женщина упоминается как субъект правонарушения лишь одного состава – ранение холодным оружием.

Институт правовой защиты нематериальных благ по обычному праву бурят включал в себя нормы, связанные с защитой благ напрямую и косвенно. Нормы, непосредственно связанные с защитой нематериальных благ, содержались в статьях с 1 по 23. В указанных статьях закреплялись составы правонарушения и регламентировалась ответственность за причинение вреда здоровью, чести и достоинству. Данные деяния определялись термином «цаазтай». Составы правонарушения по характеру наказаний, назначаемых за их совершение условно можно поделить на уголовно, административные и гражданско-правовые. К преступлениям могут быть отнесены те составы правонарушений, совершение которых влекло за собой назначение «яалы» (денежный или иной штраф в пользу казны). В то время как иные правонарушения были связаны либо с термином «андза» (денежное или иное возмещение потерпевшему), либо с термином штраф, который по своему характеру (возмещение потерпевшему) был той же андзой [5, с. 142].

Объектами противоправных посягательств выступали здоровье, честь и достоинство. Среди составов правонарушения можно выделить такие как нанесение ранения, нанесение побоев, оскорбление, ссора. Жизнь как объект публично-правовой защиты была выведена из юрисдикции бурятских родов. Об этом свидетельствует отсутствие в Селенгинском уложении такого деяния как убийство. Правовая защита данного нематериального блага обеспечивалась лишь с помощью установления требований, обеспечивавших безопасную для жизни деятельность.

В зависимости от формы вины деяния делились на умышленные и неосторожные. В последнем случае деяния влекли за собой только компенсацию причиненного вреда. Огромное значение с юридической стороны имела потеря лицом трудоспособности, которая влекла за собой наступление дополнительной обязанности, связанной с оказанием помощи в работе и содержанием потерпевшего. Составы правонарушения, связанные с умышленным причинением вреда здоровью, дифференцировались в зависимости от возможности и длительности восстановления здоровья. Точный размер штрафа определялся индивидуально в зависимости от обстоятельств дела. В статье 19 Селенгинского уложения

закреплялась максимальная мера наказания (25 голов скота) за повреждения головы, руки, ноги или иных органов (особо регламентировалась ответственность за повреждение глаз), а также примерные виды скота, которые подлежали передаче потерпевшему. Лицу помимо этого также возмещались расходы, связанные с пропитанием и потерей, за него уплачивались подати, казакам возмещалась плата за караульную службу. После уплаты штрафа виновным лицом, потерпевший был обязан дать расписку о том, что «с этого момента, если я умру, то мое несчастье, а если поправлюсь, то моя удача, это тебя не будет касаться».

Особым составом правонарушения является оскорбление. Ответственность за данное деяние закреплена в 4 статьях Селенгинского уложения. Потерпевшими по данным составам правонарушения могут быть только религиозные или светские должностные лица. Оно может быть совершено только словесно. Однако, вероятнее всего, словесное оскорбление не разграничивалось с оскорблением действием. Штраф за оскорбление зависел от должностного положения лица и составлял одну треть от размера наказания за восстановимое телесное повреждение (статья 12 Селенгинского уложения). Здесь же особо следует отметить наличие статьи 21 Селенгинского уложения, которая регламентирует ответственность выпившего человека, вошедшего в божий храм и попусту скандалившего. Указанное деяние влечет за собой наложение штрафа и принудительную молитву в течение одной недели.

Целью привлечения лица к ответственности было религиозное искупление совершенного деяния, возмещение причиненного вреда, а также наказание преступника. Причем последняя задача особенно ярко проявляется лишь в тех случаях, когда субъект по своему статусу стоит гораздо ниже потерпевшего и не является должностным лицом. Меры наказания, применяемые за совершение правонарушений, направленных против здоровья, чести и достоинства, дифференцировались в зависимости от наступивших последствий и статуса лица, совершившего противоправное деяние. Лишения выражались в принудительной молитве в течение определенного срока (от 1 до 7 недель), в повторном принятии обета, компенсации причиненных расходов в связи с лечением и временной нетрудоспособностью, в битье розгами и освобождении от должности.

В целом, составы правонарушений, закрепленные в статьях с 1 по 23 Селенгинского уложения, как правило, рассматриваются исследователями условно в качестве норм, закрепляющих преступления против порядка управления [4, с. 99]. Вместе с тем, подобная позиция нуждается в уточнении. Нормы, направленные на защиту здоровья, чести должностных лиц, по своей формулировке напоминают нормы публично-правового характера. Об этом свидетельствует обязательный признак большинства составов правонарушения – потерпевшим или лицом, совершившим противоправное деяние, выступает должностное лицо. Следует согласиться с А. Т. Тумуровой в том, что одно посягательство на должностное лицо по обычному праву бурят было связано с комплексом составов правонарушений. Объектами данных правонарушений выступали отношения, возникающие по поводу нематериальных благ должностных лиц, отношения, связанные с порядком управления светскими и (или) духовными делами, религиозные отношения [4, с. 100].

Указанное может быть объяснено отсутствием деления норм по предмету их правового регулирования в обычном праве бурят. Существующее, на сегодняшний день, в российском праве выделение самостоятельных составов правонарушений, связанных с посягательствами на нематериальные блага, в гражданском, административном и уголовном праве, в Селенгинском уложении было заменено единым комплексным составом правонарушения, совершение которого влекло за собой целую совокупность юридических последствий

– религиозного, публично-правового и частноправового характера. Причем среди применяемых за совершение правонарушений мер явно преобладает компенсация причиненного вреда, выражающаяся через возмещение расходов на лечение, пропитание, уплату подати, а также иными убытками, в том числе неполученными лицом доходами (плата за несение караульной службы) (упоминается в 17 статьях из 23 статей Селенгинского уложения, относимым к правонарушениям против личности). Для сравнения, штраф (по характеру – частично административная и частично гражданско-правовая ответственность) упоминается в 13 статьях, телесные наказания в виде битья розгами, прутьями и лозой в 9 статьях (по характеру – уголовно-правовая и административная ответственность), принудительное принятие обета и чтение молитвы (по характеру – религиозная ответственность) в 7 статьях, а освобождение от должности в 2 статьях (по характеру – административная ответственность). На основе данного факта можно предположить, что статьи с 1 по 23 Селенгинского уложения образовывали в совокупности не административно-правовой или уголовно-правовой институт, а межотраслевой институт правонарушений, направленных против личности, с явным преобладанием норм частноправового характера. В связи с этим, основной целью мер наказания, закрепленных в данных статьях, является не наказание правонарушителя или охрана порядка управления, а компенсация причиненного вреда здоровью потерпевшему. Об этом также свидетельствует наличие другого факта. В статьях 9, 10, 19, 20, 21, 23 Селенгинского уложения были закреплены составы правонарушений, субъектами и потерпевшими по которым могли выступать любые физические лица.

Вторым элементом института правовой защиты нематериальных благ по обычному праву бурят выступают нормы, закрепляющие требования к осуществлению скотоводства, выполнению иной домашней работы, перевозки, установлению ловушек, привлечению работника по найму или по дружбе, обеспечивающие сохранность жизни и здоровья работников, а также третьих лиц. Условно указанные нормы, закрепляющие дополнительные гарантии, в контексте правовой защиты нематериальных благ можно разделить на три группы.

К первой группе относятся нормы, регулирующие отношения, связанные с использованием оружия или острых инструментов, разведением скота, перевозкой пассажиров на лошади, установлением ловушек, которые в совокупности рассматривались по обычному праву бурят своеобразными источниками повышенной опасности. Указанные нормы создавались, в первую очередь, для гарантирования общественной безопасности и повышения уровня персональной ответственности каждого лица перед обществом. К данной группе могут быть отнесены статьи 45, 51, 53, 112, 113, 114, 124, 128, 130, 132, 133, 138 Селенгинского уложения. Так, ответственность за нарушение правил перевозки, повлекшая за собой смерть или причинение вреда здоровью, предусматривалась ответственность в виде одной трети, либо половины расходов на похороны или лечение лица (статьи 45, 51 Селенгинского уложения). Требования при этом предъявлялись не только к перевозчику, но и к пассажирам, которые, в случае невиновного причинения вреда своим оружием перевозчику, обязаны были оплатить половину расходов на похороны или лечение. Во многом аналогичная ответственность предусматривалась за причинение смерти или вреда здоровью во время охоты (статья 53 Селенгинского уложения), либо путем установления и срабатывания неправильно установленной ловушки (статьи 128, 130 Селенгинского уложения). В этих случаях лицо, причинившее вред обязано было возместить от одной трети до полного размера расходов, связанных с лечением или похоронами. К ответственности в виде одной трети расходов на лечение или похороны также привлекались лица, не выполнившие обязанности, связанные с разве-

дением скота (статьи 112, 113, 114, 124, 132, 133 Селенгинского уложения), которые повлекли за собой причинение смерти или вреда здоровью. Полностью компенсируются расходы, связанные с лечением и похоронами, в случае, если лицо не закрыло выкопанную для выполнения домашней работы яму, в которую попал человек (статья 138 Селенгинского уложения). Характерной чертой данных деяний является то, что они выражаются, как правило, в форме противоправного бездействия, в ситуациях, когда собственник не смог создать достаточный уровень безопасности для окружающих.

Ко второй группе относились правила поведения, которые условно могут быть отнесены к нормам трудового права, регулирующим отношения, связанные с безопасностью и охраной труда (статьи 43, 44, 48, 50, 52, 54, 63, 74 Селенгинского уложения). Условно, поскольку лишь одна статья из вышеперечисленных непосредственно связана с работой по найму (статья 63 Селенгинского уложения). Согласно данной статье работодатель, нанявший работника, погибшего, либо получившего увечье, будучи направленным на какую-либо работу, находясь на карауле или ямщине, обязан доставить указанного работника и выплатить вырученный им заработок родственникам.

Иные статьи данной группы, регулируют отношения, возникшие на основе просьбы о работе, выполняемой безвозмездно на добровольных началах. К работам относились объезд лошади, поимка и забой скота, изготовление и заточка острых и колющих инструментов, либо оружия. Как отмечалось ранее, скот и оружие относились к своеобразным источникам повышенной опасности, и, вероятнее всего, поэтому работы, связанные с ними, регулировались дополнительно. Ответственность в случае причинения смерти или вреда работнику, как правило, наступала в размере одной трети расходов на похороны, лечение, пропитание (статьи 43, 48, 50, 52, 54 Селенгинского уложения).

В третью группу норм, входят специальные правила поведения, регламентирующие особые ситуации, связанные с причинением вреда жизни и здоровью (статья 62, 69 Селенгинского уложения), либо с защитой основ нравственности бурятского общества (статьи 65 и 93 Селенгинского уложения). Так в статье 62 Селенгинского уложения, предусматривается, что в случае причинения смерти или вреда здоровью третьему лицу, лицом которого испугали, ответственность в виде штрафа и битья розгами должен понести испугавший человек. К нормам, направленным на защиту основ нравственности, можно отнести требование уважительного отношения к родителям в независимости от должностного положения лица, запрет на ругательства и причинение вреда в отношении родителей (статья 65 Селенгинского уложения), а также запрет на распутные действия со стороны мужчин и женщин (статья 93 Селенгинского уложения). В первом случае ответственность наступала в виде строгого наказания (которое определялось в соответствие с существовавшими обычаями) и обязанности молиться бурхану. Во втором случае, следовало назначение телесного наказания в виде битья прутьями.

Резюмируя проведенное исследование можно сделать следующие выводы.

Во-первых, к нематериальным благам, которые выступали в качестве объектов правовой защиты по обычному праву бурят, относились здоровье, честь и достоинство. Правовое регулирование личных неимущественных отношений, возникающих по поводу иных нематериальных благ, либо было выведено из сферы действия обычного права бурят, либо в силу отсутствия отношений не регламентировалось им или регулировалось по аналогии.

Во-вторых, институт правовой защиты нематериальных благ по обычному праву бурят представлял собой комплексный межотраслевой правовой институт, включавший в себя нормы, закрепляющие составы правонарушений, направ-

ленных на причинение вреда здоровью, чести и достоинству, а также нормы, устанавливающие иные гарантии беспрепятственного осуществления нематериальных благ. Особенностью данного института является преобладание норм частного правового характера.

В-третьих, посягательства, направленные на нематериальные блага, рассматривались обычным правом бурят как комплексные межотраслевые составы правонарушений, влекущие за собой наложение мер религиозного карательного и компенсационного характера. Основной целью применения мер юридической ответственности, в случае посягательства на нематериальные блага, по обычному праву бурят выступало возмещение причиненного вреда, что свидетельствует о частноправовом характере норм обычного права бурят.

В-четвертых, нормы обычного права бурят, направленные на установление дополнительных гарантий беспрепятственного осуществления нематериальных благ, могут быть условно объединены в три группы норм в зависимости от их предмета: нормы, регулирующие общественные отношения по поводу источников повышенной опасности; нормы регулирующие отношения, связанные с безопасностью и охраной труда; нормы, регламентирующие специфические составы правонарушений и направленные на регулирование отношений, связанных с основами нравственности бурятского общества.

В-пятых, нормы обычного права бурят соответствуют традиционным монгольским принципам правового регулирования, заложенным в период становления монгольского государства, а также идеологически дополняют публично-правовые нормы Великой Ясы.

Пристатейный библиографический список

1. Гурлянд И. Я. Степное законодательство с древнейших времен по 17-е столетие. – Казань, 1904. – 112 с.
2. Залкинд Е. М. Общественный строй бурят. – Улан-Удэ, 1970. – 400 с.
3. Рязановский В. А. Обычное право монгольских племен. – Чита, 1992. – 195 с.
4. Тумурова А. Т. Обычное право бурят (Селенгинское уложение 1775 года). – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2004. – 116 с.
5. Тумурова А. Т. Обычное право бурят в монгольской правовой системе / пер. на англ. – Улан-Удэ: Издательство Бурятского государственного университета, 2004. – 165 с.
6. Цыбиков Б. Д. Обычное право селенгинских бурят. – Улан-Удэ, 1970. – 283 с.

БУТЕНКО Анна Константиновна

кандидат философских наук, доцент кафедры теории и истории права и государства, Барнаульский юридический институт МВД России

ЗЕМЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ИВАНА IV КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТ БОРЬБЫ С ОППОЗИЦИЕЙ

Статья посвящена анализу политики Ивана IV, направленной на усиление единоличной власти и централизации государства. Для борьбы с оппозиционным боярством и удельными князьями Иван IV использовал один из самых эффективных инструментов – лишение бояр и удельных князей земельных наделов – источника политического и экономического могущества. Ивану IV в ходе своей земельной политики удалось изменить сословную опору царской власти с боярства на служилое дворянство, наделенное земельными наделами за службу, что усиливало их личное подданство царю, а также пошатнуло политическую монополию боярства.

Ключевые слова: Боярская дума, удельные князья, опричнина, бояре, дворяне, Земский Собор, вотчина, поместье, казна, ссылка.

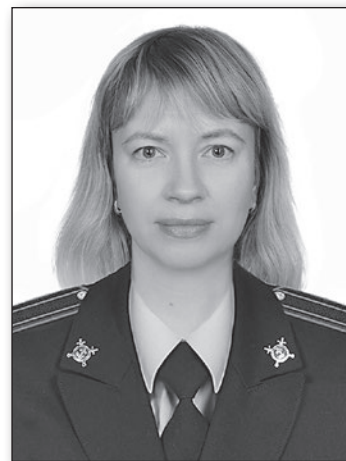
BUTENKO Anna Konstantinovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Theory and history of law and state sub-faculty, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

IVAN IV'S LAND POLICY AS A POLITICAL TOOL FOR FIGHTING THE OPPOSITION

The article analyzes Ivan IV's policies aimed at strengthening his personal power and centralizing the state. To combat the opposition of the boyars and regional princes, Ivan IV used one of the most effective tools: depriving the boyars and regional princes of their landholdings, which were the source of their political and economic power. During his land policy, Ivan IV managed to change the social support of the tsar's power from the boyars to the service nobility, who were granted land plots for their service, which strengthened their personal loyalty to the tsar and weakened the political monopoly of the boyars.

Keywords: Boyar Duma, appanage princes, oprichnina, boyars, nobles, Zemsky Sobor, patrimony, estate, treasury, exile.

Бутенко А. К.

Все царствование Ивана IV Грозного сопровождалось его противостоянием с Боярской думой и удельными князьями. Первым значительным шагом в ослаблении политической монополии крупных земельных собственников стал созыв Земского Собора в 1549 году, а завершающим этапом утверждение опричнины и предоставление царю практически неограниченной власти.

Надо отметить, что распад крупного княжеско-боярского землевладения наметился еще при Иване III и Василии III, а Иван IV Грозный завершил этот процесс. На Стоглавом Соборе 11 мая 1551 г. Иван IV запретил монастырям принимать в дар и покупать вотчинные землевладения без оклада царю. Кроме того, царь запретил Суздальским, Стародубским и Ярославским удельным князьям без ведома царя продавать свои вотчины и передавать их монастырям. Нарушение запрета влекло отчуждение вотчин в казну, а затем эти земли распределялись среди дворян за службу. Тем самым происходило расширение помещичьего землевладения и усиление военно-служилой опоры Московского государства.

Как отмечает Р. Г. Скрынников, уравнилительный принцип был одним из основополагающих принципов поместной системы при ее организации, при продолжении службы сыновьями отцовское поместье переходило им по наследству [2, с. 271]. Наследование поместий в нескольких поколениях сближало две основные формы землевладения – поместье и вотчину.

На Стоглавом Соборе Иван Грозный обозначил необходимость упорядочить служилое землевладение, ссылаясь на то, что в «годы боярского правления» многие бояре и дворяне получили земли не за службу и разные по размеру. Иван IV выразил намерение ввести единую систему поместных окладов в зависимости от служебного положения и происхождения. В связи с чем, были проведены описания земель и

смотры дворян по всему государству, с целью провести землемерие в поместьях и уровнять всех.

В ходе реформы военно-служилой системы утвердился принцип обязательной службы дворян с земли. Летописный отчет о реформе сопровождался припиской «о рассмотрении государственном», что говорит, о том, что реформа опиралась на волю Ивана Грозного.

Перераспределение поместной земли имело важной целью установление единой нормы службы для различных видов землевладения. Боярская книга 1556г. свидетельствует о том, что норма земли за должностной оклад была установлена в 100 четвертей земли. Помещики, имевшие меньший оклад, не должны были выставлять людей в военные походы.

К середине XVI века пополнение фонда государственных земель за счет присоединения конфискованных вотчин во вновь присоединенных землях были исчерпаны, некоторые земли, ранее находившиеся в боярской собственности и ставшие государственными, стали приходить в запустение.

Реформы привели к реорганизации военных сил, что позволило активизировать военную политику, что позволило усилить политику на Востоке, дворяне эту идею поддерживали, рассчитывая на богатую добычу и казанские поместья. После серии русских походов Казань пала, но надежды русского дворянства не оправдались – степные земли оказались не плодородными, площади распаханной земли оказались не велики.

В 1557 году земли, которые принадлежали казанскому хану и его мурзам были переданы русским дворянам и боярским детям. Крупные поместья получили царский наместник в Казани и архиепископский двор.

В 1562 году по указанию Ивана IV было разработано «Уложение о княжеских вотчинах», в котором был закреплен запрет на продажу и обмен своих родовых имений и обозначены самые именитые боярские и княжеские роды (Ярослав-

ские, Суздальские, Ростовские). Такие сделки объявлялись не законными, а земля забиралась в пользу казны, тем самым пополняя личные земельные владения царя. Кроме того, были конфискованы все выморочные вотчины удельных князей. Княжеские вотчины, завещанные жене или отданные в приданное дочерям или сестрам отчуждались за денежную или земельную (в меньшем и на других условиях владения) компенсацию. Даже ближайшие родственники по мужской линии (братья и племянники) могли наследовать княжеские вотчины только по личному указу царя. Без изменений для княжеских вотчин остался только традиционный порядок наследования – от отца к сыну. Из фонда земель, конфискованных у удельных князей, земельные наделы выдавались за службу дворянам, тем самым расширяя сословную опору царской власти.

В ходе продолжавшегося противостояния с Боярской думой, имущественные интересы членов которой были непосредственно затронуты, Иван Грозный обрушил репрессии на представителей многих боярских фамилий. Опале подверглись В. Глинский, И. Бельский, Д. Курлятев-Оболенский, Воротынские и другие представители именитых боярских фамилий.

В 1563 году Ивану Грозному поступил донос на его двоюродного брата Владимира Старицкого – предпоследнего удельного князя, началось расследование, тянувшееся все лето 1563 года, конфликт между царем и Боярской думой нарастал и достиг критической точки, представители Боярской думы высшее духовенство не поддержали царя и проявили явное несогласие с его действиями. Иван Грозный неожиданно прощает брата и это снимает вопрос о суде и над его сторонниками в Думе. Но на самом деле прощать кого-то Иван Грозный не собирался, начинаются казни бояр по личному указанию Ивана Грозного, ярким примером стала казнь князя Д. Овчина-Оболенского, что вызвало новую волну критики Ивана Грозного.

Напряжение в стране росло, в том числе и оппозиция в правящих кругах, тогда царь решается на «хитрый» ход. Он во всеуслышание объявляет о решении отречься от престола, обвиняя бояр в измене. Это вызвало бурю народного негодования. Под давлением обстоятельств Боярская дума не приняла отречение, а была вынуждена обратиться к Ивану Грозному с верноподданническим ходатайством. Иван IV Грозный согласился вернуться, но при этом выдвинул ряд ультимативных требований, главным из которых было введение опричнины и тем самым предоставление царю неограниченной власти.

Внешне опричина была удельным княжеством со своей территорией, войском и думой. Будучи личным владением царя, опричина была полностью выведена из под контроля Боярской думы. Так, до введения опричнины только боярский суд мог осудить члена Боярской думы или конфисковать его земли, однако, по указу об опричнине царь получал право казнить любого изменника и конфисковать его земли без совета с Боярской думой. По мнению Р. Г. Скрынникова это был, по сути, государственный переворот [2, с. 306].

После введения опричнины в Москву были вызваны все дворяне из Вяземского, Можайского и Суздальского уездов, каждого допрашивали о его происхождении и происхождении жены и дружеских связях. В опричину отбирались самые «худородные» дворяне, точно не имеющие никаких связей с боярами. При зачислении в опричину каждый давал клятву разоблачать опасные замыслы против царя и не молчать «обо всем дурном», что узнает. Дворяне, входившие в опричину, получали ряд привилегий – им полагались более крупные поместные оклады, чем земским дворянам и полную безнаказанность.

По мнению Р. Г. Скрынникова, опричина явилась первым в русской истории воплощением самодержавия как системы неограниченного царского правления [2, 307]. Однако достоверных сведений о ней не много, так как Иван IV Грозный разочаровавшись в опричнине, приказал уничтожить все упоминания об опричнине и всех событиях с ней связанных.

После отмены опричнины борьба с боярской оппозицией не прекратилась. Именно к этому периоду относится и так называемая казанская ссылка, упоминаний о которой в официальных источниках тоже не много. Так, в официальных московских летописях упоминается лишь о нескольких боярах, подвергшихся гонениям и казням. Летописи упоминают, что царь «прогневался» на своих бояр, а некоторых велел сослать «в вотчину свою в Казань на житье с женами и детьми» [1, с. 108].

А вот в «Разрядных книгах» того времени информации намного больше. Они фиксируют перемещение князей в 1565 году. Опала коснулась ярославских, суздальских, стародубских и ростовских князей, а также большого числа нетитулованного боярства и детей боярских. Целая плеяда боярских фамилий должна была принять на себя дело обороны пограничной территории и приведения ее в порядок после череды русско-казанских войн. Кто-то из опальных получил на новом месте значительные воеводские и наместнические посты.

Помимо, укрепления границ и отсылки «ненадежных» бояр подальше от столицы, по мнению некоторых исследователей, основная цель таких мероприятий заключалась в подрыве самой конструкции княжеского землевладения.

На первом этапе опричнины были проведены исключительно антикняжеским мероприятиям – что проявилось лишь точечными репрессиями против старомосковского боярства и верхушки дворянства.

Казанская ссылка – это продолжение земельной политики царя начала 1560-х годов. Ликвидация княжеской и боярской оппозиции привело к разладу в рядах Боярской думы, что могло повлечь за собой устранение противоречий по иным направлениям внутренней и внешней политики. Тем более что начало земельных конфискаций положило еще «Уложение о княжеских вотчинах», изданное в 1562 году, а последующие опалы лишь добились родовое землевладение ростово-суздальских, ярославских и стародубских князей. Из богатых вотчинников ссыльные князья превратились в мелких казанских помещиков, получившие в лучшем случае одну десятую своего поместного оклада.

Казанская ссылка стала первым опытом политической ссылки в России. Царь сохранил князей для государственной службы, пожаловав им поместья и вверив им управление Казанским краем [2, с. 342].

Писцовые книги позволяют узнать точное количество лиц, отправленных в ссылку, так например, только Ярославских, Ростовских и Стародубских князей до 80 семей.

Казанская ссылка привела к кардинальному изменению состава Боярской думы и Государева двора. Так, по мнению Р. Г. Скрынникова, княжеские списки, символизировавшие привилегии суздальской и Оболенской знати, превратились, по сути, в проскрипционные списки, служащие руководством для опричных судей [2, с. 318]. Князья, не числившиеся в этих списках, а также не титулованная старомосковская знать, почти не пострадали от опричных репрессий.

Казанская ссылка стала важным этапом в истории феодалного землевладения в России, она ускорила и завершила процесс отчуждения удельных наделов, прежде всего Суздальских князей, чьи земли были ближе всего к Москве. Кроме того, теперь для принятия решения о конфискации земель царю больше не нужно было одобрение Боярской думы, что позволило провести крупную конфискацию земель, и укрепило, единоличную власть Ивана IV и завершила формирования новой сословной опоры царской власти – дворянства, наделив земель и закрепив принцип владения этой землей на условиях службы.

Пристатейный библиографический список

1. Полное собрание русских летописей. – СПб., 1841-1885. – Т. 6.
2. Скрынников Р. Г. История Российская IX-XVII вв. – М: Издательство «Весь мир», 1997. – 496 с.

ИВАНОВА Людмила Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Иркутск

БАЛЫКИНА Ксения Витальевна

студент 2-го курса направления подготовки 40.04.01 Юриспруденция (магистерская программа «Юрист в сфере уголовного судопроизводства»), Факультет подготовки специалистов для судебной системы (Юридический факультет), Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Иркутск, независимый исследователь

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КИТАЯ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

В статье рассматривается исторический путь развития правовой системы Китая, начиная с древнейших времен (II тысячелетие до н.э.) и заканчивая правовой системой Китая XXI века. Анализируется эволюция правовых принципов от теократических принципов, существовавших во времена правления династий Ся и Шан, через становление светского права во времена династии Чжоу, централизацию и унификацию династии Цинь, внедрение гуманистических принципов в уголовное право во времена династии Хань, создание систематизированных кодексов династиями Суй, Тан и Сун, изменения в законодательной системе, связанные с монгольской интервенцией времен династии Юань, кодифицированные изменения времен династии Мин, попытки реформирования правовой системы династией Цин, а также радикальные изменения XX века вплоть до формирования современной социалистической правовой системы с китайской спецификой.

Ключевые слова: правовая система Китая, история права, древний Китай, династии Китая, правовые принципы, источники права, правовая культура, наказание, унификация законов.

IVANOVA Lyudmila Mikhailovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law sub-faculty, East Siberian Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

BALYKINA Kseniya Vitaljevna

student of the 2nd course in the field of training 40.04.01 Jurisprudence (Master's program "Lawyer in the Field of Criminal Proceedings"), Faculty of Training Specialists for the Judicial System (Faculty of Law), East Siberian Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk, independent researcher

THE LEGAL SYSTEM OF CHINA: FROM ORIGINS TO THE PRESENT DAY

This article examines the historical development of China's legal system, from ancient times (the 2nd millennium BC) to the legal system of 21st-century China. It examines the evolution of legal principles from the theocratic principles of the Xia and Shang dynasties, through the establishment of secular law during the Zhou dynasty, the centralization and unification of the Qin dynasty, the introduction of humanistic principles into criminal law during the Han dynasty, the creation of systematic codes by the Sui, Tang, and Song dynasties, changes in the legal system associated with the Mongol invasion during the Yuan dynasty, codified changes during the Ming dynasty, attempts at legal reform by the Qing dynasty, and the radical changes of the 20th century, leading to the formation of the modern socialist legal system with Chinese characteristics.

Keywords: legal system of China, history of law, ancient China, dynasties of China, legal principles, sources of law, legal culture, punishment, unification of laws.

История развития китайской правовой системы насчитывает уже четыре тысячелетия, считается, что ее истоки восходят ко II тысячелетию до н.э. – к временам правления династии Ся (Династия Ся – легендарная династия, правившая в Китае в период с 2070 по 1765 г.г. до н.э., по другой версии началом правления династии считается 2700 г. до н.э. Была первым правительством, возникшим в древнем Китае, впервые применившим политику династийной преемственности. Современные историки не имеют однозначного мнения, существовала ли династия Ся в действительности, поскольку археологических подтверждений ее существования до сих пор не найдено.

Основой правовой системы династий Ся и Шан (1766-1122 гг. до н.э.) являлась теократия: правитель опирался на «волю Неба», которая наделяла его правом издавать законы и править народом. В эпоху династии Западная Чжоу (в эпоху династий Шан и Чжоу Китай не являлся единым государством под управлением одной правящей династии. В это время существовало множество мелких княжеств, эпохи носят названия доминирующих княжеств. К примеру, во времена

эпохи Чжоу, помимо княжества Чжоу, существовали также княжества: Цзинь, Ци, Чу, Чжэн и др. Время правления династии Западная Чжоу: (1027-770 гг. до н.э.) появилась идея «моральных принципов, соответствующих Небу» и «высшая добродетель – серьезное отношение к наказанию», элементы теократии пошли на убыль, было положено начало формирования светского права.

В эпохи Ся, Шан, Западная Чжоу законотворчество, контроль за выполнением законов, а также их трактовка находились в ведении дворян и рабовладельцев, вследствие чего они имели возможность интерпретировать их под свои нужды [1], [2], [3].

В эпоху династии Восточная Чжоу (770-249 гг. до н.э.) власть полностью перестала опираться на религию, духи и божества почти перестали фигурировать в издаваемых законах. Этот период встречается в исторических хрониках также под названиями «Весны и осени» (770-476 гг. до н.э.) и «Сражающиеся царства» (476-221 гг. до н.э.) – в указанные периоды не утихали войны между князьями, они отличались друг от друга интенсивностью и жесточечностью боевых действий,

каждое княжество избрало свой индивидуальный путь развития, их правовые системы развивались обособленно, однако прослеживались общие тенденции: содержание законов стало общеизвестным и прозрачным, «достигло домов простых людей». Яркими примерами открытости законодательства того времени можно считать уголовный кодекс царства Чжэн (536 г. до н.э.) и уголовный кодекс царства Цзин (513 г. до н.э.). Суровые наказания стали основой гегемонии, а уголовное право средством политической стабильности и основным содержанием внутренних законов княжеств, к примеру, в царстве Цинь существовало клановое наказание, в рамках которого казнили не только совершивших преступление, но также членов их семей [4].

В 221 г. до н.э. правитель царства Цинь Ин Чжен объединил Китай и объявил себя его императором – Цинь Шихуанди. Ключевыми принципами правовой системы империи были:

1. Управление на основе закона, правильность поступков оценивалась в соответствии с законом, решения о вознаграждении или наказании принимались в соответствии с законом.

2. Законы были унифицированы на территории всей страны.

3. Суровые наказания применялись для укрепления абсолютной власти [13, с. 340].

Основными источниками права в эпоху Цинь были: закон – основная форма права; приказ – временное распоряжение императора; «правовые вопросы и ответы» – толкование терминов и законов; фэнчжэньши – принципы судебных разбирательств, правила дознания, расследования, и др.; судебный прецедент; налоговый сборник, уголовный устав [5].

С приходом к власти династии Хань правовая система сменила курс с поддержания порядка путем жестоких наказаний на более гуманный, в основе которого лежало конфуцианство и его идеи, главный принцип: «добродетель – главное средство, наказание – вспомогательное» [6].

Основными источниками права династии Хань были: закон; приказ; Единый уголовный устав, который был разработан на основе циньского уголовного устава; прецедент.

С 222 г. н.э. на территории Китая начался период Троецарствия, отличительной чертой которого стало все больше укрепляющееся влияние конфуцианства на правовую систему, это проявилось во введении в свод законов «восемью смягчающих доказательств», должностных обязанностей, введении обязанности носить одежды, соответствующие статусу человека, а также десяти статей тяжких преступлений [7], [8].

Во времена династии Суй (589-618 гг.) свод законов состоял из 18 глав и 500 статей, в него были включены 10 тяжких наказаний, новый свод законов стал основой законов, которые использовались во времена следующей династии – Тан (618-907 гг.), идеологию которой можно описать как «нравственность и приличия – это основа политики и религии, а целью политики и религии является наказание». Во времена династии Тан источниками права служили: законы; регламент (разновидность временных указов, объединенных в универсально применимые «постоянные правила»); эталон (административные регламенты).

Первый печатный свод законов был издан во времена династии Сун (960-1279 гг.), в нем содержалось 12 глав, включавших 502 статьи, кроме того, к источникам права, существовавшим при предыдущих династиях, добавились: эдикты (указы императора, издававшиеся в отношении конкретных лиц, событий или регионов); сборник императорских указов

(указы, содержащиеся в сборнике, имели большую юридическую силу, чем законы) [9].

Законы династии Юань (1279-1368 гг.) представляли собой смесь старой монгольской системы и права Хань, «использовали устоявшиеся законы нынешней династии, опирались на законодательные базы династий Тан и Сун и ссылались на унаследованные системы династий Ляо и Цзинь». Династия Юань следовала подходу династии Ляо «управление в соответствии с местными обычаями» и четко оговорила в законодательстве, что монголы не подчиняются китайским правовым нормам, тем самым реализуя национальную политику «разделяй и властвуй» в политике и праве. В начале правления династии Юань жители были юридически разделены на четыре категории: монголы, семиты, китайцы-ханьцы и южане. Раздельная система между монголами и ханьцами способствовала защите различных привилегий монголов [10].

Правовые системы династий Мин (1368-1644 гг.) и Цин (1644-1911 гг.) зачастую рассматриваются китайскими правоведами в совокупности, так как обе в основе имели наследие предыдущих правивших династий. «Теория Кодексов и Положений» утверждает, что династии Мин и Цин реформировали традиционную законодательную систему, создали «Свод законов» – кодекс, обладавший высшей юридической силой. Основными источниками права во времена династии Мин являлись: Великий закон династии Мин, постановления. Династия Цин переняла правовую систему династии Мин, сформировав «Великий кодекс Цин».

В 1902 году Династия Цин привлекла японских ученых для реформирования своей правовой системы, важным результатом проведенной реформы стало создание Уголовного кодекса династии Цин, а также проекта Гражданского кодекса – реформа не смогла полностью преобразовать правовую систему Китая, однако заложила основу последующей модернизации [11].

В 1912 году император Пу И отрекся от престола, что ознаменовало конец династийного периода в истории Китая.

В 1912 году, после основания Китайской Республики, Сунь Ятсен выдвинул концепцию «Конституции пяти держав» и сформулировал «Временную Конституцию». В период правления правительства Бэйян правовая система Китая постепенно уподоблялась западному праву. В период правления Нанкинского националистического правительства Чан Кайши внедрил «партийно-государственную систему», и закон стал инструментом консолидации власти Гоминьдана.

Начало формирования современной правовой системы Китая принято связывать с 1978 годом, когда Дэн Сяопин инициировал «Политику реформ и открытости» – был проведен ряд экономических реформ, нацеленных на создание социализма с китайской спецификой, или социалистической рыночной экономики, и открытость внешнему миру, что послужило началом масштабного развития законодательства, в результате сформировалась гибридная модель, сочетающая элементы социалистической законности с принципами рыночной экономики и международного права. Она характеризуется иерархической структурой, централизованным управлением и руководящей ролью Коммунистической партии Китая (КПК). Важнейшими элементами этой системы являются: Конституция, законы, административные акты и судебные решения. Судебная система состоит из нескольких уровней судов, включая Верховный народный суд, местные народные суды и специализированные суды. Кроме того, существуют различные правовые институты, такие как

прокуратура, адвокатура и нотариат, которые играют важную роль в обеспечении законности и справедливости. Однако, несмотря на значительный прогресс в развитии правовой системы, она по-прежнему сталкивается с рядом вызовов, связанных с независимостью судебной власти, соблюдением прав человека и борьбой с коррупцией [12].

С момента своего образования в 1949 году Китайская Народная Республика встала на путь развития, ориентированный на построение социалистического правового государства. Одним из важнейших этапов стало принятие в 1954 году Конституции Китайской Народной Республики – первой Конституции Нового Китая. Важно отметить, что в период с 1950-х по 1970-е годы правовая система Китая находилась под влиянием плановой экономики и политических трансформаций, в результате чего возникло множество особых явлений, таких как: подчинение партийной идеологии, политический волюнтаризм, что проявлялось в массовых политических кампаниях («Борьба за земельную реформу», «Большой скачок», «Культурная революция» и т.д.), подавление законности во имя классовой борьбы и роли «народных судов», где зачастую решения принимались не в соответствии с законом, а исходя из политической целесообразности.

Ситуация кардинально изменилась в 1978 году, после введения Политики реформ и открытости, в результате чего Китай начал комплексное строительство социалистического государства, основанного на верховенстве закона, следствием чего стал пересмотр Конституции в 1982 году, которой был установлен принцип верховенства Конституции. По мере развития рыночной экономики Китай постепенно совершенствовал свои законы и нормативные акты в области гражданского, торгового права, уголовного и административного права, было положено начало формирования социалистической и правовой системы с китайской спецификой.

В XXI веке КНР обозначил своей основной стратегией управление страной в соответствии с законом и подчеркнул важность органического единства руководства партии, народа как хозяев страны, и управления страной в соответствии с законом. Знаковым событием стал четвертый пленум Центрального Комитета КПК 18-го созыва, прошедший в 2014 году, где была сформулирована цель всестороннего укрепления верховенства закона. В настоящее время правовая система Китая может быть охарактеризована как достаточно стабильная, что выражается в сформированности ее основных структурных элементов, таких, как законодательство, юридическая практика и правовая идеология.

Пристатейный библиографический список

1. Официальный сайт Тантан Мяумяу: системное понимание правовой системы Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/S3jQZ2SnFHAPPqWemh1Wbw> (дата обращения: 13.03.2025).
2. Официальный сайт Шанхайской юридической фирмы Jinwei: краткое введение в правовую систему Китая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/qj-byp4svXr0dFSHX8oP_w (дата обращения: 13.03.2025).
3. Официальный сайт Чэнь Нин, юриста Пекинской юридической фирмы Weiheng: развитие китайского права: эволюция от древних времен до современности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/EIxzpQK52mkCMSNiaoxuQ> (дата обращения: 15.03.2025).

4. Официальный сайт Сяосяо Фасюэшэн: правовая система в периоды Весени Осени, Сражающихся царств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/pgq1B6TJpVc9yjIABzECtw> (дата обращения: 13.03.2025).
5. Официальный сайт Айя Яганган: история права – правовая система династии Цинь. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/EXkfwE9wwyP-qHrC5mWCtA> (дата обращения: 13.03.2025).
6. Официальный сайт Яна Сянго: история китайской правовой системы (7). Правовая система в династии Хань. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/-nVD7wb8mAg9qmhuqftEiw> (дата обращения: 13.03.2025).
7. Официальный сайт Пекинской компании Houda Xuancheng Education Technology Co., Ltd.: история права: правовые системы Цинь, Хань, Троецарствия, Цзинь, Северных и Южных династий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/9NEZ-EywlcxoP9rwT-udYg> (дата обращения: 13.03.2025).
8. Официальный сайт Шао Цина: правовая система Троецарствия, династии Цзинь, Северной и Южной династий. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mp.weixin.qq.com/s/xBfRLo7v7A8D4K5Zak_Nrw?pos_token=HL5X-2ejMkSzyeKau3LnVUi15tpbj1QkxjrJAC (дата обращения: 13.03.2025).
9. Официальный сайт Пекинской компании Houda Xuancheng Education Technology Co., Ltd.: история права: правовые системы династий Суй, Тан и Сун. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/9B1TUNIZGNz-GAfVMP2NTA> (дата обращения: 13.03.2025).
10. Официальный сайт Лоу Шучжай: история китайской правовой системы – правовая система династии Юань. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/HO2VioiVI9CZwgh6tiD5xA> (дата обращения: 15.03.2025).
11. Официальный сайт института информационных и разведывательных исследований Китайской академии социальных наук: исследование сущности правовой системы династий Мин и Цин: о недостатках теории «правовой системы правил» и обосновании теории «правовой системы классических примеров». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/1OytqzefjCClaOhdAXJoGA> (дата обращения: 15.03.2025).
12. Статья Ши Синьчжоу, опубликованная на официальном сайте электронного журнала Китайский судебный процесс: руководство партии – основная гарантия нормального развития судебной системы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mp.weixin.qq.com/s/zrGBKUelFuNmxiA-oWQ> (дата обращения: 20.03.2025).
13. Иванова Л. М., Балыкина К. В. Система наказаний первых императорских династий Китая (221 г. до н.э.-420 г. н.э.) // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 4 (203). – С. 339-341.

ЛЕБЕДЕВА Екатерина Александровна

директор, Нижегородский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЕ И ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье раскрываются современные проблемы в области патриотического и духовно-нравственного воспитания учащихся и студентов, предлагаются новые подходы к формированию личности, основанные на традициях и опыте прошлых поколений, но с учетом современных тенденций развития российского социума, влияния западных идеологий и глобальных трансформаций мирового общественного пространства. Говоря о юридическом и историческом образовании, автор постулирует, что в настоящее время историко-правовое образование становится главным инструментом духовно-нравственного воспитания, а духовно-нравственные ориентиры – смысловой навигацией для изучения истории права.

Ключевые слова: историко-правовое образование, духовные основы правовых систем, духовная идентичность народа, новые акторы патриотического воспитания.

LEBEDEVA Ekaterina Alexandrovna

Director, Nizhny Novgorod Institute of Management (Branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

HISTORICAL AND LEGAL EDUCATION AND SPIRITUAL, MORAL AND PATRIOTIC EDUCATION IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS: HISTORICAL TRADITIONS AND MODERN PROBLEMS

The article reveals the current problems in the field of patriotic and spiritual and moral education of students and students, and proposes new approaches to the formation of personality, based on the traditions and experience of past generations, but taking into account the current trends in the development of Russian society, the influence of Western ideologies, and the global transformations of the world social space. Speaking about legal and historical education, the author postulates that at present historical and legal education is becoming the main tool of spiritual and moral education, and spiritual and moral guidelines are a semantic navigation for studying the history of law.

Keywords: historical and legal education, spiritual foundations of legal systems, spiritual identity of the people, new actors of patriotic education.

Образование без воспитания не формирует человека, а разнуждывает и портит его, ибо оно дает в его распоряжение жизненно-выгодные возможности, технические умения, которыми он, – бездуховный, бессовестный, безверный и бесхарактерный, – и начинает злоупотреблять. Надо раз навсегда установить и признать, что безграмотный, но добросовестный простолудин есть лучший человек и лучший гражданин, чем бессовестный грамотей; и что формальная «образованность» вне веры, чести и совести создает не национальную культуру, а разврат пошлой цивилизации [1, с. 219].

Ильин Иван Александрович «О грядущей России»

Ключевой темой политического дискурса в современной России является воспитание патриотизма, рассматриваемого как традиционная духовно-нравственная ценность. Этот процесс неотделим от системы образования, которая определяет, кто, где, чему и что особенно важно – как учит, а также как трактуется понятие патриотизма в различных социальных контекстах: монорелигиозных, многоконфессиональных, атеистических или смешанных.

Можно говорить о воспитании ответственного гражданина через призму истории права как школы нравственного выбора. История права – это не просто хроника законов и указов, а живая летопись нравственных поисков общества. Каждый правовой акт, судебный процесс или реформа есть следствие столкновения идеалов справедливости, добра, человеческого достоинства с реалиями эпохи, страстями и пороками. Студенты, в процессе изучения воплощения религиозных норм, в частности записанных в Декалоге Старого Завета и повторенных в Евангелии, в конкретные правовые институты, и ставшие нормами уголовного права в разные эпохи в различных христианских странах, видят диалектику нравственных идеалов и политико-правовой реальности. Разбирая на занятиях примеры из исторических судебных процессов, происходивших в разные эпохи над известными персонажами, такими, например, как Сократ или Джордано Бруно, студенты оказываются перед вечными нравствен-

ными дилеммами. Эти вечные вопросы не решаются раз и навсегда, они каждый раз актуальны: что важнее – закон или совесть, что выше – право или правда, на что опираться – на формальную и по-разному понимаемую справедливость или милосердие. Осмысление этих вопросов способствует развитию критического мышления у студентов.

Не останавливаясь на букве закона, необходимо акцентировать внимание на духовных основах правовых систем. Важно понять и увидеть за текстом законов их духовные и философские основания. Тогда станет понятным различие между западным и восточным (русским) правосознанием, ибо западное право ориентируется на ценности индивидуальной свободы, на соблюдение буквы закона, а русское право опирается на традиции соборности и общинности, примата правды над законом. Отдельное внимание стоит уделить актуальному сегодня в свете событий на Ближнем Востоке исламскому праву (шариату). Которое, как известно, регулирует не только наиболее важные общественные отношения, но и провозглашается как божественное откровение, регулирующее всю жизнь, включая политическую. Когда наступает понимание этих особенностей правовых систем, то формируется не просто знание, а уважение к культурному и духовному многообразию человеческого общества. Нравственные ориентиры общества со временем меняются. Меняется и взгляд на преступление и наказание. История государства и права демонстрирует эволюцию цели наказания по вектору мести (в ранние века) – устрашение (в средние века) – исправление (в новое время). Это является прямым отражением изменения нравственных ориентиров общества. Как должно развиваться право, на что опираться, на какие нравственные принципы? Это вопросы, на которые нет простых ответов, но которые заслуживают обсуждения в студенческой аудитории. Задача образования – это формирование не просто грамотного юриста или историка или политолога, а целостной личности, гражданина, который понимает, что право – это не сухой набор статей, а история духовно-нравственного выбора народа. В идеале, такой специалист дол-

жен обладать развитым правосознанием и уметь профессионально противостоять идеологии, основанной на правовом нигилизме.

Таким образом, историко-правовое образование становится одним из важнейших инструментом духовно-нравственного воспитания.

Современное патриотическое воспитание понимается как формирование у молодого поколения любви к Родине, опирающейся на духовно-нравственные ценности, историко-культурные традиции и гражданскую ответственность. В современный период постмодерна и глубоких социокультурных трансформаций, происходящих в западном мире, необходимо искать новые методики воспитания, соответствующие реалиям XXI века, но надо учитывать, что их разработка невозможна без понимания исторического опыта родной страны. Патриотизм выступает не только как чувство привязанности к стране, но и как моральные скрепы, цементирующие национальную идентичность и социальную сплочённость.

Историко-правовой анализ развития патриотического воспитания в XIX веке позволяет выявить наличие различных подходов к воспитанию. В Российской империи и в западных странах образование того времени включало целенаправленное формирование лояльного подданного, гражданского патриотизма, однако понимание этой идеи и методы её реализации существенно различались. С христианской точки зрения патриотизм исторически рассматривался как добродетельная, но естественная любовь к земному отечеству, которая не должна подменять высшую преданность Богу. Воспитание благочестивого гражданина Российской империи и верующего христианина рассматривалось как часть служения Богу. Эта общая богословская основа была характерна как для Запада, так и для Востока, однако конкретные подходы значительно варьировались в зависимости от государственной политики и конфессиональной принадлежности населения.

В Российской Империи в конце XIX века наступил период серьёзных испытаний. В это время начинается распространение либеральных и социалистических идей, которые приходят из революционной Европы, растут атеистические настроения среди интеллигенции, активизируется рабочее движение. Все эти новые тенденции логично воспринимались властями как угроза. В ответ на это Русская православная церковь, стремясь противостоять «опасным веяниям», инициировала массовое открытие церковно-приходских школ. Они преследовали двойную цель: не только ликвидацию неграмотности, но и укрепление в крестьянской среде традиционных ценностей и верности престолу. Так, патриотическое воспитание в имперской России носило синкретичный характер, представляя собой слияние религиозной и государственной лояльности. Для православного большинства любить Россию означало любить Православие и Царя, что делало систему образования ключевым инструментом формирования лояльного подданного.

Как точно отмечал философ И. А. Ильин, суть государства заключается в духовной общности людей, скреплённой «силой патриотической и жертвенной любви» [2, с. 260]. Это определение полностью отражает специфику российской образовательной политики того времени, где патриотизм был неразрывно связан с православной верой и верностью монархии. К сожалению, эта связь была разрушена политикой большевиков, и два поколения россиян выросло в атеистической среде, в которой патриотизм никак не был связан ни с верой, ни с богом, ни с монархом.

В настоящее время в России уделяется большое внимание вопросам патриотического воспитания молодого поколения. Надо осознавать, что прежние подходы к воспитанию патриотизма не могут в точности повторять методы девятнадцатого века. Хотя интерес к православным традициям возрастает, но влияние иных факторов также увеличивается. Отдавая дань историческим традициям духовно-нравственного и патриотического воспитания учащихся и студентов, и признавая фундаментальную роль религиозных организаций и, прежде всего, Русской православной церкви, тем не менее, мы вынуждены констатировать, что в XXI веке необходимо искать новые возможности, новых акторов, новых авторитетных для молодых людей союзников в этом вопросе. Необходимо на наш взгляд привлекать к патриотическому воспитанию молодежи музыкантов, поэтов, актеров, режиссеров, разработчиков компьютерных игр, блогеров, создате-

лей виртуальных пространств, в которых находится значительная часть российской молодежи.

Кратко укажем на основные проблемы, стоящие перед государственной системой духовно-нравственного и патриотического воспитания. Во-первых, всем очевидно мощное влияние западных ценностей и моделей поведения, которые были внедрены в российское сознание в течение последних десятилетий [3, с. 572-574]. Это создает необходимость изменения подходов к формированию патриотического сознания, особенно среди молодежи. Во-вторых, остро ощущается нехватка подготовленных специально для этого вида деятельности кадров, преподавателей, кураторов, наставников и инструкторов, занимающихся патриотическим воспитанием. И это представляет собой серьезную проблему. Многие образовательные учреждения испытывают дефицит специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками для эффективного проведения занятий. В данной сфере требуется системный подход, формирование патриотизма – длительный процесс, в который должны быть вовлечены все институты социализации: семья, школа, вуз, детские и молодежные объединения, религиозные и иные общественные организации и т.д. В рамках образовательных организаций патриотическое воспитание должно осуществляться с учетом возрастных особенностей детей и подростков через соответствующие этим особенностям методики. На федеральном и региональном уровнях необходимо принятие соответствующих стратегий патриотического воспитания и координация действий. Хорошим шагом в этом направлении является утверждение Правительством РФ комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года¹.

Один из ключевых факторов, который прямо влияет на духовно-нравственное и патриотическое воспитание – это отсутствие информационной безопасности, часто сводящейся к отсутствию многих позитивных инициатив. Современные технологии позволяют быстро распространять информацию, включая недостоверную или манипулятивную. Это требует разработки эффективных механизмов контроля и фильтрации контента, направленного на формирование негативного отношения к государству и обществу [4, с. 15].

Таким образом, решение указанных проблем требует комплексного подхода, включающего повышение квалификации педагогов в области истории права и государства, вовлечение работников культуры, спорта, искусства, улучшение материально-технической базы на низовых уровнях работы со школьниками, разработку единой стратегии патриотического воспитания на протяжении всего молодого возраста, обращение пристального внимания на виртуальный мир и создание российских игровых пространств, и обеспечение информационной безопасности. Только совместные усилия государства, образовательных учреждений, религиозных организаций, и в первую очередь Русской православной церкви, имеющей многовековой опыт в этом важном деле, позволят создать эффективную систему духовно-нравственного и патриотического воспитания в России.

Пристатейный библиографический список

1. Ильин И. А. О грядущей России. Избранные статьи / под ред. Н. П. Полторацкого. – Джорданвилл. – Нью-Йорк: Совместное издание Св. Троицкого Монастыря и Корпорации Телекс, 1991. – 367 с.
2. Ильин И. А. Путь к очевидности. – Москва: Республика, 1993. – 430 с.
3. Романовская В. Б., Крымов А. В. Государственно-правовые идеалы и ценности: Запад и Россия // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 10 (197). – С. 572-574.
4. Романовская Л. Р., Колесов М. С. Феномен цензуры в интернете со стороны глобальных цифровых платформ. Анализ иностранного опыта правового регулирования // HumanProgress. – 2025. – Т. 11. № 4. – С. 1-16.

1 Распоряжение Правительства РФ от 23.10.2025 № 2970-р «Об утверждении комплекса мер по патриотическому воспитанию и духовно-нравственному воспитанию молодежи в Российской Федерации до 2028 года». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202510240057> (дата обращения: 24.03.2026).

ПАВЛИСОВА Татьяна Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент ВАК кафедры теории и истории права, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ШАМОЯН Тэя Мартиновна

студент 1-го курса, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

ПИГИДА Кирилл Вадимович

студент 1-го курса, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

Павлисова Т. Е.

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПРАВОВОГО НИГИЛИЗМА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Правовой нигилизм как социально-правовой феномен представляет собой одну из наиболее острых и устойчивых проблем российского общества. Своими корнями он уходит в глубокую историю. Правовой нигилизм проявляется в систематическом игнорировании или отрицании правовых норм как обязательных регуляторов общественных отношений. В современной России этот феномен приобретает особую актуальность в контексте глубокого кризиса правосознания. Несоблюдение законов в повседневной практике усугубляется восприятием права как инструмента давления, а не стабильности. В этих условиях правовой нигилизм не только подрывает легитимность государственной власти, но и препятствует развитию государства. Целью статьи выступает историко-правовой анализ эволюции правового нигилизма в России для установления его закономерностей.

Ключевые слова: правовой нигилизм, ценность права, отрицание, правовые нормы, государство.

PAVLISOVA Tatyana Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of the Higher Attestation Commission of Theory and history of law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

SHAMOYAN Teya Martinovna

student of the 1st course, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

PIGIDA Kirill Vadimovich

student of the 1st course, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

Шамоян Т. М.

THE HISTORICAL ROOTS OF LEGAL NIHILISM IN RUSSIAN SOCIETY

Legal nihilism as a socio-legal phenomenon is one of the most acute and persistent problems of Russian society. It has its roots in a deep history. Legal nihilism manifests itself in the systematic disregard or denial of legal norms as mandatory regulators of public relations. In modern Russia, this phenomenon is becoming particularly relevant in the context of a deep crisis of legal awareness. Non-compliance with laws in daily practice is compounded by the perception of law as an instrument of pressure rather than stability. In these circumstances, legal nihilism not only undermines the legitimacy of State power, but also hinders the development of the state. The purpose of the article is a historical and legal analysis of the evolution of legal nihilism in Russia in order to establish its patterns.

Keywords: legal nihilism, the value of law, denial, legal norms, the state.

Правовой нигилизм как историко-правовой феномен занимает центральное место в анализе эволюции российского правосознания. Будучи самостоятельным явлением, он отражает глубокий кризис восприятия права не как универсального регулятора общественных отношений, а как производного инструмента власти. В историко-правовом контексте этот феномен выступает не как случайное отклонение, а как системная характеристика правовой культуры. Сущность правового нигилизма заключается в фундаментальном отрицании права. Постоянным свойством правового нигилизма как сознательного негативного отношения человека к праву является отрицание ценности права.

Определение правового нигилизма в научной литературе формируется на стыке философии права, социологии и

истории, подчеркивая его как сознательное или бес-сознательное отрицание права. Например, В. С. Нерсисянц указывает, что: «Правовой нигилизм представляет собой радикальное неприятие права как формы рационального общественного бытия, замену его волей сильного или моральным произволом» [1]. Это определение указывает на то, что право перестает быть автономной системой, становится производной категорией политики или экономики. С. С. Алексеев определяет нигилизм как: «Антиправовое сознание, выражающееся в пренебрежении юридическими нормами и институтами» [2].

Феномен нигилизма как специфическое явление социальной и духовной жизни общества привлекал внимание

Пигида К. В.

западноевропейских философов, например, Ф. Ницше, М. Хайдеггера, О. Шпенглера. Их работы существенно повлияли на осмысление проблемы нигилизма и правовых ценностей в отечественной философско-правовой мысли. Многие идеи рассмотрены в работах Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Б. А. Кистяковского, П. Б. Струве, С. Л. Франка, Л. И. Шестова и других. Вместе с тем нигилизм, будучи исторически сложившимся явлением в России, обладает рядом уникальных черт, придающих правовому нигилизму выраженный «русский характер». Он проявляется в безразличном восприятии, что придает пассивность, с другой стороны, выступает как революционный фактор.

В историко-правовом ключе отрицание правовых норм проявляется циклично. Периоды уважения права сменяются его дискредитацией. Например, в Древней Руси «Русская Правда» формально фиксировала нормы, но на практике они игнорировались в пользу княжеского обычая. Данный процесс Н. М. Карамзин характеризовал как «первобытный нигилизм» [3].

Формы правового нигилизма делятся по степени интенсивности и направленности. Пассивная форма предусматривает игнорирование права, она доминирует в стабильные периоды и выражается в отказе от норм, либо в их ритуальном соблюдении без внутренней убежденности. Например, Свод законов Российской империи 1832 г. воспринимался как «барская воля», а не обязательная норма [4]. Активная форма представляет собой противоправный бунт и возникает в кризисные периоды. Например, манифест Е. И. Пугачева отвергал «несправедливые» указы Екатерины II. Активный нигилизм провоцирует революции, поскольку легитимность права падает ниже критического уровня [5].

Теоретические основы правового нигилизма как историко-правового феномена уходят корнями в философию права, где он рассматривается как мировоззрение, отвергающее правовые нормы. В российский контекст эта традиция формируется под влиянием европейского нигилизма XIX в., адаптированного к специфике национального сознания. В русской философии права нигилизм стал объектом исследования в романе Н. Г. Чернышевского, «Что делать?», где право провозглашено буржуазным пережитком, подлежащим уничтожению [15]. Чернышевский отвергает формализм права, предлагая замену его этическим максимализмом. Данная идея была развита в работах Д. И. Писарева в «Разрушение эстетики» [16], и легла в основу разночинского нигилизма. В соответствии с ним, право рассматривается как классовый инструмент. Причины возникновения правового нигилизма как историко-правового феномена различны, но связаны между собой и образуют единый комплекс. Нигилизм рассматривается не как случайность, а как результат национальной правовой традиции. Право уступает иррациональным регуляторам, например, обычаю, религии.

Русский философ и революционер М. А. Бакунин считал, что «государство должно раствориться в обществе, свободно организованном на началах справедливости»... «Если есть государство, то непременно есть господство, следовательно, и рабство; государство без рабства, открытого или маскированного, немисливо – вот почему мы враги государства» [6].

Русский философ С. Л. Франк понимал под нигилизмом «Отрицание или непризнание абсолютных (объективных) ценностей». По его мнению, «Существо мировоззрения, основную и глубочайшую черту духовной физиономии русского интеллигента образует нигилистический морализм – своеобразное, рационально непостижимое и вместе с тем жизненно-крепкое слияние антагонистических мотивов в могучую психическую силу» [7].

Культурные причины связаны с преобладанием коллективизма над индивидуализмом, при котором индивид подчиняется интересам общины или государства, а право воспринимается не как система личных свобод, а как внешняя воля, навязанная сверху. Эта традиция уходит корнями в православное соборное начало, где право растворялось в «мирском» обычае, как в Древней Руси, когда «Русская Правда» решениями вече, игнорируя формальные нормы.

Социальные причины опираются на традиции феодализма и самодержавия, где классовое неравенство и централизованная власть дискредитируют право. Право рассматривается инструментом элиты.

Правовой нигилизм в дореволюционной России XV–XIX вв. рассматривается как первый этап формирования и развития. Нигилизм рассматривается как конфликт между зарождающимися правовыми нормами и доминирующим обычаем, княжеской волей. Этот период характеризуется переходом от родоплеменного строя к абсолютной монархии. Попытки кодификации правовых норм, начиная от издания Русской Правды до Свода законов 1832 г. систематически подрывались междоусобицами, бунтами и сословным игнорированием норм. Нигилизм в указанный период обладает преимущественно пассивным характером. Право воспринималось как инструмент высших сословий, а не общее благо.

В эпоху Древней Руси и Московского царства правовой нигилизм проявляется в систематическом игнорировании правовых норм в пользу архаичного обычая. Русская Правда, будучи сборником княжеских предписаний, устанавливала положения о продаже и наследовании. Однако на практике ее предписания игнорировались. Например, в летописи «Повесть временных лет» 1118 г. описывают, как князь Ярослав Мудрый и его сыновья предпочитали «свой суд». Переход к Московскому царству XIV–XVII вв. связан с принятием первого Судебника 1497 г., который содержал положения о суде, подати и преступлениях. Однако игнорирование его положений носило массовый характер. Бояре и вотчины подчинялись «вотчинному праву», а крестьяне общинному обычаю. Иван IV Грозный усугубил нигилизм опричниной, которая отменяла право. [8]

Период развития Российской империи XVIII–XIX вв. связан с разделением проявлений нигилизма в зависимости от сословий. Дворяне видели в законах ущемление привилегий, крестьяне считали закон инструментом эксплуатации. Жалованная грамота дворянству 1785 г. расширила привилегии дворянства, освободив от телесных наказаний и обязательной службы, но одновременно спровоцировала нигилизм среди образованной элиты, воспитанной на идеях Просвещения. Проявлением нигилизма служит восстание декабристов 1825 г. «Конституция» Н. М. Муравьева отвергала самодержавие, предлагая республику вопреки действующим правовым нормам. Крестьянские бунты представляли собой реакцию на крепостное право и также могут рассматриваться, по нашему мнению, как проявление нигилизма. Очевидно, что законы в тот период отождествлялись во всех слоях русского общества с орудием эксплуатации, а не справедливости и правды.

Интеллектуальный нигилизм в имперской России XIX в. представляет собой формирование идеологии на основе идей нигилизма. Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев теоретически обосновали отрицание права как буржуазного пережитка, оправдывая революционное насилие и социальный бунт. Данные проявления нигилизма, возникшие в 1860-х гг. на фоне Великих реформ Александра II, подорвали их эффективность, превратив формальные нововведения. Влияние романа «Что делать?» статей Д. И. Писарева распространилось среди разночинцев и студентов, формируя поколение террористов.

В советский период правовой нигилизм выступает как идеологически обоснованное отрицание права. Большевики провозглашают право «буржуазным пережитком», подлежащим уничтожению в пользу революционной целесообразности и классовой борьбы. Этот этап отличается тотальным характером нигилизма и проявляется в разрушении дореволюционного права. Правовые нормы заменялись партийными директивами и «социалистической законностью».

Октябрьская революция 1917 г. и последовавшая за ней Гражданская война 1918–1922 гг. ознаменовали радикальное разрушение старого права, рассматриваются как акт сознательного нигилизма, обоснованного марксистской теорией.

Февральская революция 1917 г. провозгласила права и свободы в Декларации Временного правительства от 27 февраля 1917 г., однако Октябрьский переворот полностью аннулировал их, создав правовой вакуум, в котором больше-

вики отвергли существующие нормы в пользу революционной целесообразности. Декрет СНК «О мире» от 8 ноября 1917 г. осудил тайную дипломатию, но последующий Брест-Литовский договор 1918 г. был подписан вопреки международным нормам, а Декрет СНК «О земле» от 26 октября 1917 г. конфисковал собственность без компенсации. В.И. Ленин открыто декларировал пренебрежение к праву, что привело к систематическому разрушению дореволюционной правовой системы [9].

Декрет СНК «О суде» от 22 ноября 1917 г. отменил прежние суды, заменив их «революционными трибуналами», которые действовали на основании «революционной целесообразности», принимая в основном решения о расстреле. «Красный террор» 1918–1922 гг. стал кульминацией нигилизма. Постановление СНК РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» узаконило внесудебные расправы ЧК над всеми лицами, кто был связан с белогвардейцами, заговорами и мятежами. Это привело к расстрелу десятков тысяч человек. Нигилизм оправдывался «классовой справедливостью». Конституция РСФСР 1918 г. в статье 23 исключала «эксплуататоров» из числа субъектов права, узаконив дискриминацию [13].

Сталинская эпоха 1929–1953 гг. характеризуется использованием права как средства классовой борьбы и укрепления тоталитарного режима. Правовые служили прикрытием произвола. Конституция 1936 г. представляла собой символический документ, ее положения игнорировались в пользу партийных директив. Нигилизм перестает быть хаотичным, приобретает упорядоченный характер. Право используется выборочно против «врагов народа», оправдывая массовые репрессии. Использование права в интересах партии началось с коллективизации 1929–1933 гг., когда Постановление ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» позволило конфисковать имущество 1,8 млн семей без суда. Конституция СССР 1936 г., провозглашала право на свободу слова, неприкосновенность, однако данные нормы игнорировались [10].

Неоднозначное отношение российского народа к своему историческому прошлому, особенно к советскому периоду, часто становится причиной обвинения советской власти в «идеологизации» правового нигилизма. Утверждения о принижении роли права в социалистическом обществе несостоятельны, поскольку именно в этот исторический этап сформировалась и эффективно функционировала централизованная система правового воспитания, элементы которой сегодня предлагается возродить в современной России. Как отмечал А. И. Новиков: «В современной марксистско-ленинской литературе и социалистической общественной практике термин «нигилизм» используется для характеристики определенных идеологических и социально-психологических тенденций чисто негативного отношения к социальным и культурным ценностям и завоеваниям общества» [11].

Обращение к художественным произведениям для анализа особенностей распространения идей правового нигилизма в России, не вполне верно, поскольку русские писатели, формируя собирательные образы героев-нигилистов, опирались на традиционные литературные приемы. Отражение общественно-политического строя, социального уклада определенной эпохи в творчестве Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Н. Г. Чернышевского и других авторов имеет важное значение для изучения правового нигилизма в его философско-глубинном измерении, однако не обеспечивает полноты исследования этой проблемы.

В истории права нет ни одной теории или учения, которое полностью основано на отрицании ценности права, которые предлагали бы на место права иные социальные регуляторы. В большинстве концепций, касающихся вопросов государства и права, присутствуют идеи правового нигилизма. Это обусловлено возникающими сомнениями в ценности права, а само сомнение служит первичной причиной отрицания. В связи с этим одной из эффективных форм

борьбы с правовым нигилизмом выступает опровержение его доктрины. Жесткая, но конструктивная критика, подкрепленная научными аргументами, не должна ограничиваться банальными тезисами. Следует предлагать новые концептуальные положения, способные заменить нигилистическое мировоззрение. Разрушение одних идей возможно только при наличии других, превосходящих их по убедительности и силе [14].

В условиях современной России правовой нигилизм проявляется особенно ярко в связи с тем, что условия, которые должны были бы расширять гражданские свободы, одновременно позволяют маскировать нигилизм маскируется под одну из форм свободы.

Преодоление правового нигилизма представляет собой длительный и трудоемкий процесс, направленный на трансформацию объективных условий общественной жизни и формирование новой социально-правовой среды. В комплексе мер по его искоренению ключевое значение приобретает юридическая политика государства. Она должна быть ориентирована на внедрение в общественную практику закона, отражающего ценности личности, интересы социальных групп. Правовой нигилизм составляет неотъемлемую часть общественного сознания, выражающуюся в пренебрежении и недоверии к праву, нередко переходящем в его полное отрицание вместе с законностью и общепринятыми ценностями. Нигилизм носит деструктивный характер, и его разрушительное влияние подрывает принцип верховенства закона.

Пристатейный библиографический список

1. Нерсисянц В. С. Философия права. – М.: Гардарики, 2005. – С. 212.
2. Алексеев С. С. Общая теория права. – М.: Проспект, 2008. – Т. 1. – С. 345.
3. Карамзин Н. М. История Государства Российского. – СПб., 1818. – Т. 2. – С. 156.
4. Семецкий В. И. Крестьяне в царствование Императрицы Екатерины II. – СПб., 1881. – Т. 1. – С. 234.
5. Аверьянов В. Б. Правовой нигилизм: причины и формы преодоления. – М.: Юрист, 2001. – С. 67.
6. Бакунин М. А. Государственность и анархия. – М., 1989. – С. 41.
7. Франк С. Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С. 167-199.
8. Ткаченко В. Б. Российский правовой нигилизм: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
9. Туманов В. А. О правовом нигилизме // Советское государство и право. – М., 1989.
10. Гулина О. Р. Исторические корни и особенности правового нигилизма в современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2002.
11. Новиков А. И. Нигилизм и нигилисты: опыт критической характеристики. – Л., 1972. – С. 9.
12. Матевосова Е. К. Доктрина правового нигилизма // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 6. – С. 1037-1043.
13. Касаева Т. Г. Правовой нигилизм в современной России // Российский судья. – 2019. – № 6. – С. 52-55.
14. Касаева Т. Г. Правосознание: ценностный ориентир современного общества // Российская юстиция. – 2019. – № 3. – С. 2-4.
15. Чернышевский Н. Г. Что делать? // Викиисточник. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://ru.wikisource.org/wiki/Что_делать?_\(Чернышевский\)/Часть_четвертая/Глава_4](https://ru.wikisource.org/wiki/Что_делать?_(Чернышевский)/Часть_четвертая/Глава_4) (дата обращения: 20.03.2026).
16. Писарев Д. И. Разрушение эстетики // Русская виртуальная библиотека. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rvb.ru/pisarev/01text/03razrush/01razrush.htm> (дата обращения: 20.03.2026).

КУЗНЕЦОВА Анна Александровна

аспирант, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ XXI ВЕКА: ПОНЯТИЙНЫЕ И СУЩНОСТНЫЕ ОСНОВЫ

В статье исследуется понятие духовно-нравственных ценностей как в российском праве, так и в научной доктрине, раскрываются их признаки и функциональная роль. Кроме того, автор приходит к выводу, что национальная система духовно-нравственных ценностей в Российской Федерации может быть признана самостоятельной, поскольку она закреплена на законодательном уровне и обладает выраженной самобытностью.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, традиционные ценности, национальная система ценностей, конституционные ценности, правовые ценности, правопорядок.

KUZNETSOVA Anna Alexandrovna

postgraduate student, Don State Technical University, Rostov-on-Don

THE NATIONAL SYSTEM OF SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN RUSSIAN LAW IN THE 21ST CENTURY: CONCEPTUAL AND ESSENTIAL FOUNDATIONS

The paper explores how spiritual and moral values are interpreted in Russian legal norms and academic legal discourse, highlighting their essential attributes and practical functions. It is also concluded that the framework of such values in the Russian Federation may be treated as a self-sufficient system, since it is formally enshrined in legislation and distinguished by its own unique national character.

Keywords: spiritual and moral values, traditional values, national value system, constitutional values, legal values, law and order.

Кузнецова А. А.

Проблема духовно-нравственных ценностей является весьма серьезной, поскольку по ней, в том числе на сегодняшний день, измеряется один из критериев легитимности власти. Через нее можно увидеть, насколько власть включена в общественный порядок и насколько регламентированы ценности, а также насколько корректно осуществляется такая регламентация. В XXI веке актуальность данной проблемы значительно возросла, особенно после 2022 года, когда на стратегическом уровне начали приниматься соответствующие нормативные правовые акты. Данный феномен нельзя оставлять без внимания, он требует отдельного изучения.

В целом формирование данной системы опирается на фундаментальные исследования, заложенные еще в философии. Так, Сократ рассматривал вопросы нравственности, выступая против морального релятивизма. Платон и Аристотель обращались к пониманию добродетели. И. Кант также уделял значительное внимание проблемам морали. Данные вопросы получили развитие и в религиозной мысли, в частности в христианской традиции, зороастризме и исламе. При этом следует отметить, что зороастризм представляет собой одну из древнейших религий, основанную на учении о борьбе добра и зла. В дальнейшем данная проблематика изучалась и в психологии, что свидетельствует о ее междисциплинарном характере. В последнее время она получила развитие и в праве.

В российской правовой мысли данные вопросы исследовались, в частности, В. С. Соловьевым, Е. Н. Трубецким, Ф. В. Чирковым и другими. Так, В. С. Соловьев указывал, что сущность права заключается в исторически подвижном определении необходимого принудительного равновесия между двумя нравственными интересами – личной свободой и общим благом [1, с. 453]. Е. Н. Трубецкой с данной позицией в свое время не согласился. Тем самым можно сделать вывод, что в гуманитарном знании проблема духовно-нравственных

ценностей занимает значительное место и представляет научный интерес [2, с. 66].

Анализ действующего законодательства показывает, что данная проблема действительно занимает важное место в системе правового регулирования Российской Федерации. Так, на уровне Конституции Российской Федерации закреплено, что права и свободы человека признаются высшей ценностью. Также в ней отражены положения о суверенитете и территориальной целостности государства, а брак определяется как союз мужчины и женщины [3].

Дальнейшее развитие регулирования можно увидеть и в других нормативных актах. В частности, речь идет о Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации» [4], Федеральном законе «О молодежной политике в Российской Федерации» [5], а также ряде указов Президента. Среди них – Указ № 809, посвященный вопросам сохранения и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей [6], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (Указ № 400) [7] и Доктрина информационной безопасности (Указ № 646) [8].

В юридической науке понятие духовно-нравственных ценностей раскрывается по-разному. Например, Т. Н. Бояк рассматривает их как систему ориентиров, которая отражает единство морального сознания и поведения человека. Эти ориентиры формируются под влиянием различных факторов и проявляются во взглядах, оценках и поступках личности или социальной группы [9, с. 44].

Если обратиться к Стратегии национальной безопасности, то в ней традиционные духовно-нравственные ценности рассматриваются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан. Они передаются из поколения в поколение и лежат в основе общей гражданской идентичности, а также единого культурного пространства страны. Это позволяет говорить о сложном и многослойном характере данного явления.

Конкретный перечень таких ценностей закреплен в пункте 5 Указа Президента Российской Федерации № 809 [6].

Обобщение положений действующего законодательства, а также анализ научных подходов, представленных в работах В. С. Соловьёва, Е. Н. Трубецкого, Т. Н. Бояк, А. В. Рашидова, Г. Б. Ройзмана, Л. В. Баевой, С. И. Сорокина и А. Л. Анисина, позволяет сформулировать авторское понимание признаков духовно-нравственных ценностей как элементов национальной системы. Им характерны следующие признаки: они выступают в качестве установок и ориентиров, носят характер идеала и эталона должного, определяют отношение человека к действительности, регулируют его поведение и деятельность, выступают жизненными принципами, передаются из поколения в поколение, формируют мировоззрение личности, связаны с духовной культурой общества и народа.

Они являются ориентирами социальной активности и направлены на достижение общественно значимых целей, обладают значимостью как для человека, так и для общества, проявляются в мыслях, чувствах и желаниях, придают смысл поведению и деятельности человека.

Ценности имеют внутренний (духовный) характер, связаны со стремлением к истине, красоте, справедливости и милосердию, регулируют поведение через систему норм и правил, носят общечеловеческий и гуманистический характер, связаны с культурой, традициями и историческим наследием, формируют ценностные ориентации личности и обеспечивают социальную стабильность и единство общества.

Понять особенности духовно-нравственных ценностей проще, если сравнить их с другими близкими понятиями – правовыми, традиционными и конституционными ценностями. Так, правовые ценности можно рассматривать как совокупность нормативно-закрепленных идей и принципов, которые формируют представление о праве и влияют на оценку общественных явлений. Через них задаются модели поведения, направленные на поддержание правопорядка и дисциплины в обществе [10, с. 147].

Традиционные ценности, в свою очередь, связаны с устойчивыми ориентирами жизни человека и общества. Они отражают связь с историческим прошлым, культурными и национальными особенностями, а также опираются на базовые духовные принципы – нравственные, эстетические, познавательные и религиозные [11, с. 17].

Под конституционными ценностями обычно понимают совокупность ключевых социальных ориентиров и принципов, которые закреплены в Основном законе и определяют направление развития общества и государства.

Данные категории соотносятся следующим образом. Их объединяет нормативный и ориентирующий характер. Все они направлены на регулирование поведения и общественных отношений. Также их объединяет опора на представления о должном, справедливом и значимом для человека и общества.

Однако между ними есть различия. Правовые ценности закреплены в правовой системе и обладают предписывающим характером. Конституционные ценности имеют высшую юридическую силу и формализованы в Основном Законе. Традиционные ценности укоренены в культуре, истории и социальном опыте народа. Духовно-нравственные ценности, в отличие от них, носят внутренний и мировоззренческий характер и не всегда требуют формального закрепления.

Представляется, что наиболее широкой категорией являются духовно-нравственные ценности. Они охватывают ценностное содержание культуры и сознания в целом. Правовые и конституционные ценности являются более императивными формами их проявления.

Сама по себе система духовно-нравственных ценностей Российской Федерации отличается выраженной самобытностью, что позволяет говорить о ее поистине национальном характере. Данная самобытность проявляется в ряде факторов.

Во-первых, духовно-нравственные ценности в настоящее время в Российской Федерации закреплены на уровне государственной политики. Существует обширная нормативно-правовая база, регулирующая данную сферу, что позволяет рассматривать ее как самостоятельный объект правового регулирования.

Во-вторых, указанные ценности выступают в качестве основы государственной политики и национального развития, занимая приоритетное место в стратегических направлениях развития государства.

В-третьих, в российской доктрине закреплен конкретный перечень традиционных духовно-нравственных ценностей. Он опирается на принцип многонациональности и культурного многообразия народов Российской Федерации, предполагая единство при сохранении различий, уважение к языкам, традициям и религиям, а также формирование общей гражданской идентичности.

Наряду с культурным многообразием учитывается и религиозный фактор: традиционные религии рассматриваются как важнейший источник нравственных ориентиров, а уважение к святыням и духовному наследию выступает неотъемлемым элементом ценностной системы.

Характерной особенностью является и то, что духовно-нравственные ценности интегрированы в систему образования: они реализуются через федеральные государственные образовательные стандарты, воспитательную политику, учебную, внеурочную и проектную деятельность.

Уважение к труду закрепилось как важная ценность. Сюда же относится признание профессионального мастерства. Большое значение имеет добросовестное отношение к работе и коллективу. Отдельно выделяется понимание социальных достижений как результата усилий многих поколений. Все это сформировало устойчивое отношение к труду в отечественной традиции. Существенную роль играют идеи социального партнерства. Также важно уважительное отношение к человеку труда. Так, С. И. Сорокин указывает, что отношение к труду является ключевым элементом хозяйственной культуры [13, с. 237]. Оно формирует мировоззрение человека. Оно же влияет на его поведение в экономической сфере. В российской традиции особое значение придается самому процессу труда. Его нравственная сторона считается приоритетной. Материальный результат при этом часто воспринимается как вторичный. Труд рассматривается как форма служения обществу. Личное обогащение не должно выступать его основной целью.

Еще одной важной особенностью российской правовой традиции является соборность, которая во многом определяется ее самобытностью. Само это понятие практически отсутствует в зарубежной литературе и имеет исконно русский характер, тесно связанный с церковной традицией. Если говорить проще, под соборностью понимается акцентуированное состояние человека, ощущение себя частью единого целого. В повседневной жизни она проявляется через уважи-

тельное отношение к другим людям, готовность понимать и поддерживать, ориентацию на общее благо, способность к сопереживанию и чувство ответственности. Все эти элементы закреплены в системе традиционных ценностей.

В научной литературе данное явление также получило осмысление. А. Л. Анисин выделяет следующие признаки соборности: внутренний характер единства, его добровольность и основанность на общих ценностях, единство, которое не подавляет личность, а, напротив, раскрывает ее через взаимодействие с другими людьми [14, с. 9].

Кроме того, речь идет об особой связи между «я» и «мы», при которой человек не растворяется в коллективе, но и не может полноценно существовать вне его. Наиболее полная реализация личности достигается именно в таком единстве.

Именно на такой подход в значительной степени ориентируется и современная государственная политика. Так, в своих выступлениях Президент Российской Федерации В. В. Путин подчеркивает значение традиционных ценностей, связывая их прежде всего с формированием и сохранением российской идентичности [15]. Отмечается, что без опоры на такие ценностные основания становится невозможным устойчивое существование как государства, так и гражданского общества.

Основной функцией является, безусловно, регулятивная, поскольку духовно-нравственные ценности выступают регулятором поведения человека и общества, задают представления о должном и допустимом.

Следующая функция – ценностно-ориентирующая (аксиологическая). Она заключается в формировании устойчивых ценностных ориентиров, жизненных целей и мировоззрения личности.

Также важны воспитательная функция (формирование нравственных качеств и гражданской позиции), интегративная функция (обеспечение единства общества), трансляционная (традиционная) функция (передача ценностей от поколения к поколению), смыслообразующая функция (определение ценностных мотивов поведения), культурообразующая функция (формирование духовной культуры) и стабилизирующая функция (обеспечение устойчивости общества и государственного управления).

Анализ данного феномена позволяет сделать вывод о том, что в российском праве XXI века духовно-нравственные ценности уже не являются новой категорией, однако по-прежнему сохраняют высокую актуальность и, очевидно, будут оставаться значимыми в долгосрочной перспективе. Именно этим объясняется их активное закрепление на законодательном уровне.

Данная система носит ярко выраженный самобытный и особый характер, что подтверждается как наличием закреплённого перечня ценностей, так и ориентацией на специфические для российского исторического развития основания. К их числу относятся ценности, связанные с Родиной, исторической памятью, единством народов, институтом семьи и иными традиционными ориентирами.

В связи с этим все описанное может рассматриваться как составные элементы национальной системы духовно-нравственных ценностей. При этом данная система включает два взаимосвязанных кластера. Первый – аксиологический, охватывающий сферу философии, религии и социологии. Второй – юридический, связанный с их нормативным закреплением. Оба кластера признаются равнозначно значимыми.

Важнейшей целью духовно-нравственных ценностей выступает развитие и воспитание ответственного и компетент-

ного гражданина Российской Федерации, принимающего судьбу Отечества как личную, осознающего свою сопричастность к настоящему и будущему своей страны, укорененного в духовных и культурных традициях многонационального народа России.

Пристатейный библиографический список

1. Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия. – М.: Республика, 1996. – 656 с.
2. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. – СПб., 1998. – С. 66-67.
3. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2012. – № 53 (ч. I). – Ст. 7598.
5. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 1 (ч. I). – Ст. 28.
6. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 46. – Ст. 8025.
7. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2021. – № 27 (ч. II). – Ст. 5351.
8. Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 50. – Ст. 7074.
9. Бояк Т. Н. Содержание понятия «духовно-нравственные ценности» // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – Вып. 14А. – С. 42-45.
10. Рашидов А. В., Овчинников С. Н. Понятие правовых ценностей // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – Т. 12-4 (87). – С. 145-148.
11. Ройзман Г. Б. Понятие и юридическая природа конституционных ценностей // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – № 1 (255). – Право. – Вып. 31. – С. 18-24.
12. Баева Л. В. Традиционные ценности: понятие и смыслы // Patria. – 2024. – Т. 1. № 3. – С. 8-22.
13. Сорокин С. И. Отношение к труду в российской хозяйственной культуре // Записки Горного института. – 2010. – Т. 187. – С. 237-241.
14. Анисин А. Л. Соборность: феномен, понятие и принцип // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 33 (171). Вып. 14. – С. 5-11.
15. Путин рассказал о значении традиционных ценностей // РИА Новости. – 2025. – 15 июня. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20250615/putin-2022951966.html> (дата обращения: 26.03.2026).

МАХАЕВ Махмуд Абдулкадыр-оглы

кандидат юридических наук, доцент кафедры управления и правовых дисциплин, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала

ХАЛАЕВ Захид Алиевич

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

ИЗУЧЕНИЕ ОБЫЧНОГО ПРАВА АВАРЦЕВ ВОСТОЧНОГО ЗАКАВКАЗЬЯ В ИСТОРИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ: ПРОШЛОЕ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Обычное право, возникшее на этапах становления родового общества, отразило в себе многие черты общественно-экономического строя и гражданско-правового быта народов Кавказа. Оно является главнейшим, а подчас и единственным источником для характеристики социальных отношений народов, начиная с эпохи средневековья, в особенности для периода XVIII – начала XIX в. В настоящей статье рассматривается эволюция взглядов исследователей на обычное право аварцев Восточного Закавказья, проживающих в Белокано-Закатало-Кахской зоне современного Азербайджана, у которых в последней трети XVII – первой трети XIX в. имелось своё государственное образование – Джаро-Белоканский союз обществ. В статье проанализированы взгляды дореволюционных, советских и современных российских (дагестанских) и зарубежных исследователей, отмечен их вклад в изучении обычного права закавказских аварцев, показаны образцы обычного права XVIII – XIX вв. Авторы приходят к выводу, что сведения дореволюционных авторов, достижения дагестанских (российских), зарубежных исследователей заложили основу изучения обычного права аварцев Восточного Закавказья, позволив современным исследователям продолжить научные разработки данной научной проблемы.

Ключевые слова: закавказские аварцы, XVII – XIX вв., обычное право, адат, шариат, суд, нормы.

MAKHAEV Makhmud Abdulkadyr oqly

Ph.D. in Law, associate professor of Management and legal disciplines sub-faculty, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

KHALAEV Zahid Alievich

Ph.D. in historical sciences, senior researcher, Institute of the History of Archeology and Ethnography, Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

STUDY OF THE CUSTOMARY LAW OF THE EASTERN TRANSCAUCASIA AVARS IN HISTORICAL AND LEGAL SCIENCE: PAST AND PRESENT

Customary law, which emerged during the formation of tribal society, reflected many features of the socio-economic structure and civil-legal life of the peoples of the Caucasus. Customary law materials are often the only and most reliable source illuminating the social and family life of the peoples. The study of the customary law of the Transcaucasian Avars remained outside the field of view of researchers for a long time. This article examines the evolution of views on the customary law of the Transcaucasian Avars in Russian and foreign pre-revolutionary and modern historiography. In studying the customary law of the Transcaucasian Avars, the author emphasizes the norms of customary law of the Avars living in the territory of the Belokano-Zakatalo-Kakh zone of modern Azerbaijan, who in the 17th – first third of the 19th century had their own state formation, which went down in history as the Jaro-Belokan societies. The authors analyze the views of pre-revolutionary, Soviet, and contemporary scholars. The article focuses on the study of customary law in modern legal scholarship. The authors conclude that the information of pre-revolutionary authors and the achievements of Dagestani (Russian) and foreign researchers laid the foundation for the study of the customary law of the Avars of Jaro-Belokan, allowing modern researchers to continue the scientific development of this scientific problem.

Keywords: Transcaucasian Avars, 17th – 19th centuries, Djaro-Belokans, customary law, adat, Sharia, court, norms.

Восточное Закавказье в географическом плане включает территорию от Каспийского моря до Нагорного Карабаха, Восточной Грузии и северные районы современного Азербайджана. В сопредельной с Дагестаном зоне издревле проживали и проживают народы дагестано-нахской языковой семьи, представленные в основном такими этническими группами как аварцы, цахуры, рутулы, шахдагские и лезгинские группы. Аварцы, проживающие в Белокано-Закатало-Кахской зоне Азербайджана и восточной части Грузии (Кварельский район) в исторической литературе известны как «закавказские аварцы». В отличие от грузинских, аварцы Азербайджана являются автохтонными народами региона, у которых в XVII – первой трети XIX вв., имелась своя государственность, известная в исторической литературе как

Джаро-Белоканский союз обществ. Этот союз включал в себе общества Джарское, Катехское, Белоканское, Тальское, Му-хасское и Джинихское, занимал территорию по нижнему течению р. Алазань, ограниченную с запада и северо-запада Кахетией, с юга – Ширакской степью¹, с востока Шекинским ханством. Политическая роль этого союза в XVIII в. была значительна, оказывая довольно сильное влияние на политические структуры Восточного Закавказья.

Первые весьма интересные сведения об обычном праве и шариатском суде джаро-белоканцев даёт офицер русской армии, участник Персидского похода Петра Великого И. Г. Гербер. Он составил обстоятельное описание областей Кав-

¹ Ширакская степь – обширная возвышенность в юго-восточной части междуречья Иори и Алазань (бассейн реки Кура).

каза с населявшими их народами. Его труд «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» был издан в 1756 г. в переводе на французский язык. Эти же сведения были опубликованы в сборнике архивных материалов [1]. Описывая социально-экономическое и политическое положение Джаро-Белокана, И. Гербер отмечал, что в обществах Джаро-Белокана действовал принцип господства одних и подчинения других. Он писал: «Чарцы имеют между собой старшин и кади, которые ссоры между ними судят» [1]. Отметим, что старшины и кадии разбирали не только тяжбы, но и осуществляли внутреннее управление и управляли внешней политикой Джаро-Белокана. Суждение И. Гербера «действовал принцип господства одних» **возникло в реальной ситуации**, поскольку из социально-экономической жизни Джаро-Белокана XVIII в., мы видим энгилой² и мугалы³ были зависимы от джарцев на условиях кешкельно-го⁴ права.

В XVIII в., в период политического и экономического расцвета, джаро-белоканцы в местечке Агдам⁵, в 1752 г. систематизировали свои обычно-правовые нормы. Эти нормы обычного права и мусульманского судопроизводства впервые были исследованы советским востоковедом В. Хулудлу и опубликованы под названием «Постановления собрания в Агдаме», права, созданные джаро-белоканцами в середине XVIII в.» [2].

Уже в XIX в. представители российской военно-гражданской администрации, побывавшие в Джаро-Белоканах, имели возможность ознакомиться с бытом местного населения, особенностями эволюции политической системы, функциями власти и управления, судебной системой.

В 20-х гг. XIX в. офицер российской армии М. А. Коцебу составил законы Джара и Белокана под названием «Статистические сведения о Чарских владениях, собранные на месте полковником М. Коцебу в 1826 г.», которые были опубликованы в 1958 г. в сборнике архивных материалов [3]. В «Сведениях» подробно затрагиваются вопросы социально-экономического развития и административно-политического устройства Джаро-Белокана первой трети XIX в., описывается система управления, характеризуется экономическое и социально-правовое положение населения.

В 40-х гг. XIX в. главный редактор газеты «Кавказ»⁶ О. Константинов в своей обширной статье «Джаро-Белоканы до XIX века» подробно описал правовые отношения, административное устройство, систему управления джаро-белоканцев [4]. Он пишет, что права сословий и законы часто основывались на правилах шариата, частью на обычаях, принявших правилах шариата, резко отличающихся от учреждений прочих мусульманских владений. Помещик, владеющий своими

крестьянами по наследству, или покупке, вправе был распоряжаться ими как своей собственностью – мог переселять их из одного места в другое, завещать и отпускать на волю. Крестьяне разделялись на поселян и людей дворовых. Крестьяне, не имевшие кешкельных земель, платили помещикам по тагаре⁷ хлеба с дыма и отбывали все прочие повинности наравне с кешкельными. Они же доставляли помещику строевой лес в случае надобности, а во время перекачиваний в гору и возвращения оттуда перевозили его имущество. К свадьбе сына своего хозяина каждый крестьянин обязан был дать одного барана, двое вместе двух баранов, трое одного быка, четверо быка и барана и так далее. С фруктовых садов давали неопределенную часть в виде подарка. Крестьяне, не имевшие кешкельных земель, платили помещикам по тагаре хлеба с дыма и отбывали все прочие повинности наравне с кешкельными (подвластными). Крестьянин имел право приобретать покупкой как движимое, так и недвижимое не живое имение и распоряжаться им при жизни как своею собственностью; но недвижимое имение, состоящее на отведенной помещику земле, было принадлежности владельца. Крестьянин, получивший свободу от своего господина, мог переселяться в другое место, но в таком случае, все недвижимое имение, приобретенное им на помещичьей земле, оставалось в пользу помещика [4].

Нормы обычного права и судопроизводства, применяемые в практике местных судов в Закатальском округе⁸, были систематизированы Закатальским Окружным Управлением в 1899 г. Этот сборник был издан Иваном Яковлевичем Сандригайло в Тифлисе в 1899 г. под названием «Адаты Дагестанской области и Закатальского округа» [5]. По мнению И. Я. Сандригайло, местным судам удалось, действуя через влиятельных лиц, объединить многие адаты, а другие изменить или вовсе устранить из обихода, при этом без особой перемены в быте горских обществ перейти со временем к суду по общим всей империи законам.

В XX веке большой вклад в изучении обычного права и шариата в Джаро-Белоканах принадлежит советскому ученому-иранисту И. П. Петрушевскому, который отмечает, что в Джаро-Белоканах сосуществовали нормы обычного права с шариатом, поскольку в общественно-политической и социальной жизни важную роль играли старшины – кевхи, и духовные лица – кади, в руках которых вплоть до начала XIX века находилась власть [6].

Вопросы обычного права Джаро-Белокана стали объектом изучения ученых современности. В 1996 г. дагестанский исследователь Т. М. Айтберов издал вышеупомянутые «Постановления собрания в Агдаме» на аварском языке под названием «Адаты Джара» в своей книге «Цоралгул аваразул рагъазул тарих» («История войн закавказских аварцев») [7]. Однако как пишет Т. М. Айтберов, при переводе использовал текст, написанный на аджаме в 1964 г. Мухаммадом Наккаевым из с. Джар Закатальского района АР. В 1999 г. Т. М. Айтберов перевел аварский текст от 1996 г. на русский язык под названием «Законоположения закавказских аварцев». В предисловии автор отмечает, что этот сборник правовых норм джаро-белоканцев является аналогом европейских правовых кодексов таких как «Салическая правда» у франков

2 Энгилой – этнически грузины, в XVIII в. составляли этническое меньшинство в Джаро-Белоканах. Были прикреплены к земле и обложены повинностями.

3 Мугалы – татары из разных владений Закавказья. Как и энгилой были прикреплены к земле и обложены повинностями.

4 Кешкель – участок земли, даваемый в аренду подвластным крестьянам для пользования, с правом на получение определенных повинностей.

5 Агдам – ныне село Гезбарахского муниципалитета Закатальского района АР.

6 Газета «Кавказ», издавалась в Тифлисе с 1846 по 1918 г. Первоначально она появилась как частное издание, предпринятое чиновником особых поручений Осипом Ильичем Константиновым (1813-1856 гг.) по инициативе наместника края князя М. С. Воронцова. К концу 1850 г. из-за недостатка средств О. И. Константинов отказался от ее издания, и она перешла в государственную казну.

7 Тагар – в Закавказье мера сыпучих тел, равняется в различных местах различным величинам: 7, 9 и 18 пуд пшеницы.

8 Закатальский округ был образован 5 апреля 1860 г. на базе Джаро-Белоканского округа, высочайшим указом царя Александра II по представлению Главнокомандующего Кавказской армией, наместника Кавказа князя А. И. Барятинского.

и «Судебник» у грузинских князей, так и «Йаса» у монгольских ханов [8].

Другой дагестанский исследователь, правовед М. А. Махаев, посвятил проблемам становления сельской общины, обычного права и судопроизводства в Джаро-Белоканах в XVIII – XIX свою диссертационную работу. Говоря о значимости для исследования этой темы, М. А. Махаев отмечает, что изучения сельской общины, норм права и судопроизводства Джара определяется тем, что именно в них нашли отражение важнейшие вопросы правового и политического развития джарского общества [9]. В работе автор дает интегрированную картину историко-правовой жизни, в том числе судопроизводства Джара, вводит в научный оборот новые источники по данной проблеме. По мнению М. А. Махаева, самым строгим наказанием являлось изгнание преступника, иногда с определенным числом его ближайших родственников, с правом родственников жертвы безнаказанно их убить. Следующим по строгости наказанием было изгнание преступника из села без права для родственников потерпевшего убить изгоняемого [9]. Рассматривая вопросы внутреннего управления Джаро-Белокана, М. А. Махаев отмечает, что наиболее важные вопросы внутреннего управления общины, распределения общинных земель, выбор должностных лиц, вопросы политической жизни общины решались на сельском сходе, где принимали участие все совершеннолетние мужчины общества. Каждое селение имело свою территорию со своими границами, свои адаты и органы управления [9].

Вопросы обычного права рассмотрены в статье З. А. Халаева, в которой старался конкретизировать разницу между понятиями обычное право и адат. З. А. Халаев отмечает, что норма обычая (адата) может стать обычным правом только тогда, когда этот обычай возводится в закон. Отдельные нормы адата никогда не были возведены в закон (например, обычай вставать при входе в комнату старшего и др.), и по этой причине они не становились нормами обычного права. К обычному праву относятся нормы, рассматривающийся обществом как обязательные, невыполнение которых вызывает определённые репрессивные меры к нарушителям [10].

Законы джаро-белоканцев XVIII в. были также исследованы зарубежными исследователями. Сотрудник Института Востоковедения Национальной академии наук Азербайджана (НАНА) С. А. Сулейманова написала обширную статью, в которой отмечает, что по мере укрепления позиций ислама в регионе внедрялся шариат, который имел прогрессивное значение в жизни горских племен, поскольку адат не справлялся со стоявшими перед ним задачами [11].

Таким образом, мы дали обзор историографии, показали образцы существовавших норм джаро-белоканских аварцев. Исследование показало, что социально-экономические и правовые отношения в Джаро-Белоканах в течение длительного периода регулировались на основе адата. Однако с утверждением ислама существенно изменился механизм правового регулирования общественных отношений: судопроизводство распалось на суд по шариату и на суд по адату, которые со временем собирались в сборники. Правовые отношения, отраженные в памятниках права, характеризуют состояние законодательной системы, указывают разные аспекты социально-экономической и политической жизни населения данного региона.

Пристатейный библиографический список

1. Гербер И. Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. / под редакцией М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева в 1958 г. – С. 60-120.
2. Хроника войн Джара в XVIII столетии / пер. с араб. и примеч. проф. П.К. Жузе, с предисл. В. Хулуфлу. – Баку, 1931. – С. 192-101.
3. Коцебу М. А. Сведения о Джарских владениях 1826 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. / под ред. М. О. Косвена и Х.-М. Хашаева. – М.: Изд-во. вост. литературы, 1958. – С. 252-264.
4. Константинов О. И. Джаро-Белоканы до XIX века // Газета «Кавказ». – 1846. – № 6. – С. 6-8.
5. Адаты Дагестанской области и Закатальского округа / под ред. И. Я. Сандригайло. – Тифлис, 1899. – С. 622-626.
6. Петрушевский И. П. Джаро-Белоканские вольные общества в первой трети XIX столетия. – Махачкала, 1993. – С. 47-51.
7. Айтберов Т. Щоралъул аваразул рагъазул тарих («История войн закавказских аварцев»). – Махачкала, 1996. – С. 128-133.
8. Айтберов Т. М. Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII – XIX вв. Ч. I. – Махачкала: Издательство ДГУ, 1998. – С. 4-16.
9. Махаев М. А.-К. Особенности генезиса сельской общины, обычного права и судопроизводства Джара: XVIII – XIX вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, 2009. – 32 с.
10. Халаев З. А. Обычное право у народов Алазанской долины XVIII века // Тарих ве онун проблемлери журналы (Журнал «История и её проблемы»). – Баку, 2006. – С. 338-342.
11. Suleymanova S. A. Jar-Balakən və İlisu ganunnamələri. (Законоположения Джаро-Белокана и Илису) // АМЕА xəbərləri. «Известия» НАНА. – Bakı, 2004 (на азербайджанском яз.). – С. 121-134.

ПАВЛОВ Олег Витальевич

соискатель ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», Таганрогский институт управления и экономики, независимый исследователь

КОЛЕЯ НАРОДА РИМСКОЙ ИМПЕРИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ ИЗМЕНЕНИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ТРАЕКТОРИИ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВ

Статья посвящена исследованию феномена «колеи народа» на примере историко-правового развития Древнего Рима. Рассматривается влияние совокупности географических, культурных, институциональных и ментальных факторов на формирование устойчивой траектории развития общества.

Особое внимание уделяется понятию «полосы свободы» как ограниченного исторического периода, в рамках которого возникает возможность трансформации сложившейся модели развития и изменения формы государственного устройства. На основе анализа ключевых этапов римской истории — перехода от царской власти к республике, а затем к империи — выявляются механизмы институциональных изменений, позволявшие сохранять преемственность культурной и правовой традиции при трансформации политической системы.

В статье проводится сопоставление римского опыта с современными примерами государств, демонстрирующих способность к преодолению институциональной инерции. Обосновывается, что выход из сложившейся цивилизационной траектории обусловлен не только проведением формальных реформ, но и изменениями в ментально-культурной сфере, включая трансформацию ценностных установок и моделей поведения.

Сделан вывод о возможности использования римского опыта в качестве методологической основы для анализа процессов институциональных изменений в современных правовых системах.

Ключевые слова: историко-правовое развитие, колея народа, Древний Рим, институциональные изменения, форма государства, цивилизационная траектория, культурный фактор, правовая эволюция.

PAVLOV Oleg Vitaljevich

competitor for the degree of Candidate of Legal Sciences, specialty 5.1.1 "Theoretical and Historical Legal Sciences", Taganrog Institute of Management and Economics, independent researcher

THE TRAJECTORY OF CIVILIZATIONAL DEVELOPMENT OF THE ROMAN PEOPLE: A HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS OF MECHANISMS OF TRANSFORMATION

The article examines the phenomenon of the "path dependence of a people" through the example of the historical and legal development of Ancient Rome. It analyzes the influence of a combination of geographical, cultural, institutional and mental factors on the formation of a stable trajectory of social development.

Particular attention is paid to the concept of the "window of opportunity" as a limited historical period during which the transformation of an established development model and a change in the form of government become possible. Based on the analysis of key stages of Roman history — the transition from monarchy to republic and subsequently to empire — the study identifies the mechanisms of institutional change that ensured the continuity of cultural and legal traditions during the transformation of the political system.

The paper also compares the Roman experience with contemporary examples of states demonstrating the ability to overcome institutional inertia. It is argued that overcoming an established civilizational trajectory requires not only formal institutional reforms, but also transformations in the cultural and mental sphere, including changes in value orientations and behavioral patterns.

The study concludes that the Roman experience can be used as a methodological framework for analyzing processes of institutional transformation in modern legal systems.

Keywords: historical and legal development, path dependence, Ancient Rome, institutional change, form of government, civilizational trajectory, cultural factor, legal evolution.

Павлов О. В.

Вопросы направленности и устойчивости историко-правового развития государств традиционно занимают важное место в теории государства и права [5, с. 83]. В современных условиях, характеризующихся ускорением социально-экономических процессов и усилением глобальной конкуренции, особую актуальность приобретает исследование факторов, определяющих способность общества изменять сложившуюся траекторию своего развития.

Одним из продуктивных подходов к анализу данных процессов является обращение к категории «колеи народа», под которой понимается устойчивая модель общественно-го развития, формируемая под воздействием совокупности институциональных, культурных и исторических факторов.

Данная категория позволяет выявить не только закономерности воспроизводства социальных и правовых структур, но и условия, при которых становится возможным их изменение.

Особый интерес в этом контексте представляет исторический опыт Древнего Рима, демонстрирующий многократные трансформации форм государственности при сохранении преемственности правовой и культурной традиции. Римская цивилизация прошла путь от локального политического образования к сложной имперской системе, при этом изменения сопровождались развитием правовых институтов и адаптацией механизмов управления к новым условиям.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного осмысления факторов, позволяющих об-

щество преодолевать институциональную инерцию и выйти за пределы сложившихся моделей развития [5]. В этом смысле анализ римского опыта приобретает не только историко-теоретическое, но и прикладное значение, позволяя выявить универсальные механизмы трансформации правовых систем.

Целью настоящего исследования является выявление закономерностей формирования и изменения «колеи народа» на примере Древнего Рима, а также определение условий, при которых становится возможным выход общества за пределы сложившейся траектории развития.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

- анализ факторов, формирующих устойчивую траекторию развития общества;
- исследование ключевых этапов трансформации римской государственности;
- выявление роли правовых институтов в изменении модели развития;
- сопоставление римского опыта с современными примерами институциональных преобразований.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные и частнонаучные методы, включая историко-правовой, сравнительно-правовой и системный подходы. Использование указанных методов позволяет рассмотреть развитие государства как комплексный процесс, включающий взаимодействие правовых, социальных и культурных элементов.

Историческое развитие каждого народа формируется под воздействием совокупности географических, культурных, политических и ментальных факторов [2, с. 112]. Их взаимодействие обуславливает формирование устойчивой траектории общественного развития, которую в научной литературе можно обозначить как «колею народа». Отклонение от данной траектории, как правило, связано со значительными внутренними и внешними усилиями, а также с наличием специфических исторических условий.

Показательным примером формирования, трансформации и преодоления подобной траектории является развитие Древнего Рима – от локального поселения до одного из крупнейших политико-правовых и культурных центров античного мира. В рамках настоящего исследования анализируются механизмы изменения исторически сложившейся траектории развития на примере римской цивилизации. Особое внимание уделяется как институционально-правовым преобразованиям, так и ментально-культурным факторам, определяющим способность общества к изменению собственной модели развития.

В качестве ключевого аналитического инструмента используется понятие «полосы свободы», под которой понимается ограниченный во времени исторический период, характеризующийся повышенной вариативностью институциональных решений и возможностью качественной трансформации общественного устройства. На материале римской истории выявляются такие периоды, связанные с переходами от монархии к республике и от республики к принципату. Одновременно проводится сопоставление с современными примерами государств, демонстрирующих способность к преодолению институциональной инерции.

Формирование «колеи народа» обусловлено не только внешними условиями, но и устойчивыми культурными установками, воспроизводимыми в общественном сознании [4, с. 56]. В этой связи представляется обоснованным использование категории «культурной матрицы», отражающей совокупность ценностных ориентиров, моделей поведения и способов интерпретации социальной реальности, закрепляющихся в историческом опыте конкретного общества.

В научной литературе обращается внимание на то, что траектория развития общества во многом формируется в условиях конкуренции и необходимости адаптации к внешней среде [1, с. 45]. В случае Древнего Рима первоначальный этап его становления происходил в условиях постоянной борьбы за выживание, что способствовало формированию институциональной гибкости, правовой адаптивности и способности к заимствованию и переработке внешнего опыта.

Государство, выступая в качестве сложной социальной системы, объективирует результаты своей деятельности в виде созданных институтов, правовых норм и материальной инфраструктуры. Повторяющиеся модели организации власти, правового регулирования и общественного взаимодействия позволяют выявить устойчивые характеристики развития, формирующие «колею» народа. Анализ римского опыта, особенно в переходный период от республики к империи, позволяет проследить воспроизводимость определённых институциональных и поведенческих моделей на протяжении длительного исторического времени.

Сравнительный анализ показывает, что подобные устойчивые траектории развития характерны и для других государств [6, с. 64]. Так, в ряде стран наблюдается воспроизводство централизованных моделей управления, тогда как в других – развитие систем, основанных на принципе разделения властей и ограничении единоличного правления. Эти различия во многом обусловлены исторически сложившимися культурными и институциональными предпосылками.

Существенную роль в формировании траектории развития общества играет географический фактор [2]. На ранних этапах существования Древний Рим представлял собой небольшое поселение, окружённое конкурентной средой, что обусловило необходимость мобилизации ресурсов и формирования эффективных механизмов коллективной организации. В научной традиции, в частности в работах Шарль Луи де Монтескье и Карл Август Виттфогель, подчёркивается влияние природно-географических условий на характер политических институтов и формирование моделей власти [3, с. 78].

Вместе с тем географический детерминизм не носит абсолютного характера. Исторический опыт ряда государств демонстрирует возможность преодоления неблагоприятных исходных условий за счёт институциональных реформ и эффективной государственной политики. Это позволяет рассматривать географический фактор как значимый, но не единственный элемент, формирующий траекторию развития общества.

Наряду с этим важным элементом выступает язык как носитель и транслятор культурных установок. Через языковую среду закрепляются устойчивые модели восприятия социальной реальности, включая установки, ограничивающие инициативу и социальную мобильность. В этой связи язык может рассматриваться как инструмент воспроизводства ментальных структур, поддерживающих существующую траекторию развития.

Изучение иностранных языков, в свою очередь, способствует расширению когнитивных рамок и формированию альтернативных моделей мышления, что потенциально может оказывать влияние на изменение индивидуальных и коллективных установок. Данная позиция коррелирует с подходами, представленными в трудах Василия Осиповича Ключевского, отмечавшего значимость культурно-исторических факторов в развитии общества.

Таким образом, «полоса свободы» может рассматриваться как период, в рамках которого происходит ослабление действия устойчивых ограничений и возникает возможность институционального выбора. В контексте становления Римского государства данный период был связан, в частности, с формированием римского права как универсального регулятора общественных отношений, обеспечивающего баланс между стабильностью и адаптивностью правовой системы.

В трудах Дарон Аджемоглу особое внимание уделяется разграничению двух типов институтов – экстрактивных и инклюзивных. Экстрактивные институты ориентированы на перераспределение ресурсов в пользу ограниченного круга субъектов и, как правило, сопровождаются низким уровнем социальной мобильности. Инклюзивные институты, напротив, направлены на вовлечение широких слоёв населения в экономическую и политическую деятельность, обеспечивая более высокий уровень участия и равного доступа к возможностям [1].

Вместе с тем перенос институциональных моделей из одной социально-культурной среды в другую не приводит к их механическому воспроизводству. Культурные и исторические особенности общества трансформируют заимствован-

ные институты, придавая им специфическое содержание. Показателен в этом отношении опыт Японии, где после Второй мировой войны были внедрены правовые и политические механизмы, во многом заимствованные из американской системы. Однако в результате сформировалась не копия американской модели, а самобытная институциональная система, сочетающая элементы заимствования с национальными традициями и культурными установками.

Данный пример позволяет сделать вывод о том, что изменение траектории развития общества возможно лишь в условиях сочетания институциональных преобразований и сохранения культурной преемственности. В этом контексте «полоса свободы» может рассматриваться как период, в рамках которого общество способно адаптировать внешние модели к собственной культурной среде, обеспечивая их эффективное функционирование.

Аналогичные процессы наблюдались и в истории Древнего Рима. Заимствование элементов греческой философии и политико-правовой мысли способствовало формированию более сложной и гибкой системы управления. Римляне не ограничивались прямым копированием, а перерабатывали заимствованные идеи, интегрируя их в собственную правовую и институциональную систему. Это позволило создать устойчивые механизмы управления, обеспечивавшие баланс между стабильностью и развитием.

Историческое развитие европейских государств также демонстрирует преемственность отдельных элементов римской государственности. В частности, политико-правовые конструкции, восходящие к римской традиции, получили дальнейшее развитие в рамках средневековых и ранненовых государственных образований. При этом трансформация данных элементов сопровождалась изменением их содержания и функций, что отражало адаптацию к новым историческим условиям.

Повышение качества жизни населения, выражающееся в расширении прав и свобод, а также в росте уровня социально-экономической обеспеченности, может рассматриваться как один из ключевых индикаторов изменения траектории развития общества. Вместе с тем эффективность институциональных преобразований во многом зависит от их соответствия культурным и ценностным основаниям конкретного общества. Несовпадение между формальными институтами и реальными социальными практиками способно привести к их формализации и снижению эффективности.

В ряде государств (в частности, в странах Восточной Азии и Ближнего Востока) институциональные преобразования сопровождались ускоренной модернизацией, при этом культурная идентичность не только сохранялась, но и выступала фактором устойчивости развития. Это подтверждает тезис о том, что трансформация общественной системы представляет собой комплексный процесс, включающий как институциональные изменения, так и эволюцию ментально-культурных установок.

История Древнего Рима демонстрирует неоднократные изменения вектора политического развития, включая переход от монархии к республике и последующую трансформацию республиканских институтов в имперскую систему. Данные изменения сопровождались не только преобразованием форм правления, но и адаптацией правовых и административных механизмов к новым условиям функционирования государства.

При этом формы правления не являются самоцелью, а выступают инструментом обеспечения устойчивого развития общества. Более значимым критерием выступает способность государства создавать условия для экономической активности, правовой защищенности и социальной стабильности. В этом контексте правление Октавиана Августа может рассматриваться как попытка институционального компромисса, направленного на сохранение республиканских традиций при одновременной централизации власти.

В последующие периоды усиление автократических тенденций сопровождалось снижением гибкости институциональной системы и ограничением общественного участия, что негативно сказывалось на динамике развития. Данный процесс свидетельствует о том, что чрезмерная концентра-

ция власти способна привести к снижению адаптивного потенциала государства.

Анализ завершённого исторического цикла развития Древнего Рима позволяет выделить так называемые точки бифуркации - периоды, в которых происходило перераспределение институциональных и политических возможностей. Именно в такие моменты формировались условия для изменения траектории развития общества.

Сравнительный анализ античных государств показывает, что способность к институциональной трансформации была характерна не только для Рима. В частности, Карфаген демонстрировал элементы аристократической республики, обеспечивавшей баланс интересов различных социальных групп. Подобные модели свидетельствуют о наличии альтернативных путей развития, основанных на различном сочетании политических и правовых механизмов.

Римская цивилизация оставила значительное правовое и культурное наследие, включая развитую систему права и практики управления, ориентированные на взаимодействие с населением. Преобразования, связанные с переходом от царской власти к республиканской системе, свидетельствуют о способности общества к институциональной адаптации и изменению модели развития.

В результате проведённого исследования установлено, что траектория историко-правового развития общества формируется под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов, включая институциональные, культурные и географические условия. На примере Древнего Рима показано, что устойчивые модели развития («колея народа») не носят фатального характера и могут изменяться в периоды институциональной трансформации.

Обосновано, что ключевую роль в изменении траектории развития играет сочетание эффективных правовых институтов и адаптации культурно-ценностных установок общества. Выявлено, что заимствование институциональных моделей без учета культурной специфики не обеспечивает их эффективного функционирования.

Сделан вывод о том, что исторический опыт Рима может быть использован в качестве методологической основы для анализа современных процессов трансформации государственности и правовых систем.

Пристатейный библиографический список

1. Аджемоглу Д., Робинсон Дж. Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. – М.: АСТ, 2015. – С. 45.
2. Монтескье Ш. Л. О духе законов. – М.: Мысль, 1999. – С. 112.
3. Виттфогель К. А. Восточный деспотизм: сравнительное исследование тотальной власти. – М.: Центрполиграф, 2007. – С. 78.
4. Ключевский В. О. Курс русской истории. – М.: Мысль, 1987. – С. 56.
5. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 83.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – С. 64.
7. Шпенглер О. Закат Европы. – М.: Мысль, 1993. – С. 102.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: Республика, 1991. – С. 91.
9. Аузан А. А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. – С. 37.
10. Ливий Т. История Рима от основания города. – М.: Наука, 1989. – С. 145.
11. Полибий. Всеобщая история. – М.: Наука, 1994. – С. 98.
12. Цицерон М. Т. О государстве. О законах. – М.: Мысль, 1994. – С. 73.
13. Моммзен Т. История Рима. – СПб.: Наука, 2002. – С. 211.
14. Фукуяма Ф. Политический порядок и политический упадок. – М.: АСТ, 2016. – С. 134.
15. Проблемы институционального развития государств в условиях глобализации // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 27.

ТИТОВ Владимир Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Иркутский филиал, Московский государственный технический университет гражданской авиации

ДИСКУССИИ В ЛЕГИТИМНЫХ И ДЕЛЕГИТИМНЫХ НАСТРОЕНИЯХ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН, КАК ПРОЦЕСС РАЗВИТИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ (ПРИМЕР КРАТКОГО ИЗЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК)

Статья анализирует понятие «общественных дискуссий» и их роль в формировании правосознания в СССР. В статье выдвинута гипотеза о так называемом распараллеливании самых разных дискуссионных клише в советском общественном мнении, что в итоге формировало специфическое мировоззренческое правосознание.

В результате чего советское общество двояко воспринимало действительность в рамках: легитимного образа (связанного с официальным правовым полем в государстве, например, с хозяйственной деятельностью предприятий); делегитимного образа (связанного с неформальной интерпретацией в общественном сознании, например, с лексическими и эмоциональными клише).

Дискуссии касались трех направлений: 1) протест в общественном мнении против излишних перегибов власти; 2) нравственный фактор, оправдывавший или наоборот не оправдывавший односторонние действия партии; 3) деликатные темы.

Ключевые слова: дискуссия, советское общественное мнение, правосознание, обращение к власти, инакомыслие, неподчинение властям, «профсоюзная дискуссия» в 1920-х гг., советское законодательство, легитимный и делегитимный восприятия правосознания, протест в общественном мнении.

TITOV Vladimir Yurjevich

Ph.D. in historical sciences, associate professor of Humanities and natural sciences sub-faculty, Irkutsk Branch, Moscow State Technical University of Civil Aviation

DISCUSSIONS ON THE LEGITIMATE AND ILLEGITIMATE ATTITUDES OF SOVIET CITIZENS AS A PROCESS OF DEVELOPING LEGAL CONSCIOUSNESS (AN EXAMPLE OF A SUMMARY OF A DISSERTATION FOR A DOCTORATE IN HISTORY)

The article analyzes the concept of “public discussions” and their role in shaping legal consciousness in the USSR. The article presents a hypothesis about the so-called parallelization of various discussion clichés in Soviet public opinion, which ultimately formed a specific worldview-based legal consciousness.

As a result, Soviet society perceived reality in two ways: a legitimate image (related to the official legal framework in the state, such as the economic activities of enterprises); a delegitimized image (related to the informal interpretation in the public consciousness, such as lexical and emotional clichés).

The discussions focused on three areas: 1) public opinion protests against excessive governmental excesses; 2) the moral factor that justified or did not justify the party's unilateral actions; 3) sensitive topics.

Keywords: discussion, Soviet public opinion, legal awareness, appeal to the authorities, dissent, and non-compliance with the authorities, “Trade Union Discussion” in the 1920s, soviet legislation, legitimate and delegitimized perceptions of legal consciousness, and public opinion protests.

Титов В. Ю.

Понятие «дискуссия» [1], как инструмент правоприменения в советском законодательстве, рассматривается в связи со следующими источниками:

1) в работах В. И. Ленина понятие «дискуссия» рассматривается во взаимосвязи с внутрипартийной борьбой в Советам. Например, для В. И. Ленина – Советы были организацией диктатуры пролетариата. Сам факт дискуссии, как наличие другого мнения или права отстаивать собственные убеждения, Ленин признал в рамках «профсоюзной дискуссии» в самом начале 1920-х гг.

2) итоги XX съезда КПСС, провозгласившие возврат к принципам ленинского централизма (обязательность решений вышестоящих органов для нижестоящих) и коллегиальности в руководстве партии (в более законченном виде стало преобладать после октября 1964 г.), что прозвучало в докладе первого секретаря ЦК КПСС – Н. С. Хрущева. Однако, некоторые исследователи считают, что критика Сталина в докладе Хрущева не получила статуса партийной легитимности, поскольку по ней не было сделано прений. В связи с этим,

можно сделать предположения, что прения и дискуссия воспринимались, как неформальный вариант отстаивания альтернативных взглядов, не находивших поддержки в позиции вышестоящих партийных органов.

3) советское законодательство закрепляло положения, гарантирующие право граждан на участие в обсуждении государственных и общественных дел, соответственно дискуссии на собраниях трудовых коллективов имели легальную силу. Это было закреплено: в статье 48 Конституции СССР – граждане имели право участвовать в управлении государственными и общественными делами, обсуждать принятие законов общегосударственного и местного значения, избираться в Советы всех уровней, принимать участие в работе в собрании трудовых коллективов; статья 49 Конституции СССР – каждый имел право вносить в государственные органы предложения об улучшении их деятельности, преследование за критику запрещалось; статья 100 Конституции СССР – гарантировалось свободное и всестороннее обсуждение кандидатов в депутаты.

Таким образом, можно считать, что понятие «общественная дискуссия» в политической и хозяйственной жизни страны, имела место быть.

Обобщая исторические факты, связанные с понятием «общественная дискуссия», считаем, что это ряд различных коллективных обсуждений внутреннего общественно-политического характера, спровоцированными идеологическими процессами и обретшими относительную самостоятельность от государственных органов. Такого рода дискуссии возникали, с одной стороны, в результате хозяйственной деятельности, а, с другой стороны, под воздействием устоявшихся в общественном мнении лексических и социально-эмоциональных клише, которые обоюдно провоцировали советских людей на осмысление абстрактного понятия «справедливости», что и составляло в суть правосознания того времени.

Согласно нашему предположению, любая дискуссия способствует выработке множественности мнений, которые под воздействием исторических и экономических обстоятельств изменяют порядок логических и лексических понятий, что влияет на менталитет восприятия в обществе и в том числе на правосознание. Таким образом, происходит процесс «распараллеливания» неких понятий, сформированных под воздействиями общественных дискуссий, на отдельные темы, связанные с тем или иным толкованием политических, экономических и правовых аспектов. Процесс «распараллеливания» правовых понятий, всегда ведет к расхождению оценок в общественном мнении на:

легитимный образ (связанный с официальным правовым полем в государстве, например, с хозяйственной деятельностью предприятий);

делегитимный образ (связанный с неформальной интерпретацией в общественном сознании, например, с лексическими и эмоциональными клише).

В документах региональных партийных комитетов (протоколы и стенограммы собраний, отчетная документация, сведения по направлениям деятельности представителей ВКП (б) – КПСС), присутствовало обсуждение сложившихся коллизий административно-хозяйственной деятельности, что находило своё отражение в следующих направлениях:

1. Протест в общественном мнении против излишних перегибов и издержек среди руководителей различного уровня власти. Например, зажим принципа гласности и полярности мнений на общих собраниях трудовых коллективов; профанация деятельности советов всех уровней; несоблюдение представителями партийной номенклатуры законов [2].

2. Нравственный фактор, оправдывавший или наоборот не оправдывавший односторонние действия партии во внутренней политике. Например, однопартийная система; плата народной кровью за революцию, коллективизацию; издержки сталинизма; лицемерное умалчивание просчетов при строительстве социализма [3].

3. Деликатные темы, которые всем были известны, но в тоже время всегда замалчивались комментарию по волнующим общественность темам. Например, принцип оплаты труда по количеству и качеству произведенной продукции; распределение материальных благ партийным и государственным функционерам; отсутствие конкуренции внутри экономики страны [4].

Перечисленные настроения были вызваны нравственными и морально-этическими принципами социалистической системы, а возмущавшиеся люди выступали против стереотипов, которые связывали с жесткостью и закостенелостью командно-административной системы. Например, для первой половины XX в. это подозрительность и недоверие к членам старой большевистской партии, ко всем дореволюционным деятелям, так называемым, «бывшим», «спецам». Для второй половины XX в. это выразилось по отношению тех категорий профессий и должностей, которые имели льготы в распределении материальных благ.

По началу возникало некое альтернативное общественное мнение, которое постепенно формировало полуофициальное правосознание. Факты фиксирующие, наличие альтернативного мнения в обществе накладывались на процессы, уже получившие официальную интерпретацию из уст партийного функционера, и таким образом формирова-

лось общественное правосознание. Например, схематично это можно представить в виде официальных «партийно-правовых понятий» и их интерпретации в общественном мнении.

Пример № 1.

Схематичное представление партийно-правовых понятий и их интерпретация в правосознании советского общества (примеры легитимного образа в общественных дискуссиях):

1920 годы – уклон: альтернативные точки зрения на развитие социализма;

1930 годы – колебания: сомнения в отношении правомерности репрессивной политики;

1940-1950 гг. – бюрократизм: протест общественности против попрания демократических прав со стороны государственных механизмов регулирования;

1960-1970 гг. – инакомыслие: протест против партийного произвола;

1980 гг. – диглоссия права: недоверие общества к официальной идеологии, массовая маргинальность правосознания.

Внутреннее содержание «общественных дискуссий» наполнялось множеством лексических и психоэмоциональных клише, получивших устойчивое развитие в общественных настроениях. Часто такие клише находили своё законченное отражение в персонифицированном образе вождя или какого-нибудь деятеля, олицетворяющего справедливость в общественном правосознании. Например, в образе В. И. Ленина.

Согласно выявленным материалам из обращений на имя Д. Б. Рязанова и М. И. Калинина [5], занимавшихся неким подобием правозащитной деятельности в 1930-х гг., а также фондов В. М. Молотова [6], главный аргумент свидетельствовавший, что «Ильич» был идеалом непоколебимой совести народа, являлось убеждение, что вся полнота власти принадлежит народу, который через систему советов управляет страной. Таким образом все выборные должности и все институты власти, связанные с представительскими функциями, воспринимались в обществе в качестве ведущей политической силы. Это объясняет большой поток жалоб, поступавший на имя Председателя ВЦИК, а затем Председателя Президиума Верховного Совета СССР, в Наркомат Госконтроля, а затем в Комитет народного контроля, в местные советы и органы печати.

Пример № 2.

Трансформация словесных образов, ассоциировавшихся с именем В. И. Ленина (примеры делегитимного образа в общественных дискуссиях):

Словесный образ: «Ленин – справедливость».

Примеры лексических клише характеризующие некоторые дискуссии в правосознании советских граждан:

сравнение с Лениным (выдумка: «Ленин не допустил бы», «при Ленине такого не могло быть»), осуждение конкретных партийных функционеров (протест),

обещание обратиться с протестом в органы печати (угроза).

Словесный образ: «Ильич – предвидение».

Примеры лексических клише характеризующие некоторые дискуссии в правосознании советских граждан:

созжание об утраченном «прекрасном» прошлом (выдумка),

противопоставление «благородного и справедливого» образа Ильича «циничны и зарвавшимся» руководителям (протест).

Словесный образ: Менталитет осуждения руководителя и антитеза образу справедливого вождя.

Примеры лексических клише характеризующие некоторые дискуссии в правосознании советских граждан:

критика образа поведения конкретного руководителя (угроза),

осуждение перегибов в политике партии и правительства (анекдот).

Словесный образ: Совесть, «которой среди руководителей обладал только Ленин».

Примеры лексических клише характеризующие некоторые дискуссии в правосознании советских граждан:

апелляция к закону (противопоставление тех, кому «можно все» всему обществу),

требование соблюдать конституцию апелляция к закону (противопоставление тех, кому «можно все» всему обществу).

Словесный образ: «Народная правда», ассоциировавшаяся с образом вождя.

Примеры лексических клише характеризующие некоторые дискуссии в правосознании советских граждан:

сарказм и ирония в отношении реализации правовой политики государства (гротеск),

требование к представителям власти не вмешиваться в частную жизнь (угроза),

пренебрежение к общественным организациям в вопросах социалистического общежития (гротеск).

Словесный образ: «Публичность потребления», как анти-теза образу справедливого вождя.

Примеры лексических клише характеризующие некоторые дискуссии в правосознании советских граждан:

осуждение тех, кто ставил гражданский долг и идеологические принципы выше материальных благ (анекдот),

игнорирование мнения коллектива и активистов общественности (угроза), стяжательство (угроза).

Словесный образ: религиозно конфессиональные чувства.

Примеры лексических клише характеризующие некоторые дискуссии в правосознании советских граждан:

противопоставления себя всему остальному обществу или советскому государству (гротеск),

осуждение общественно-политических принципов (анекдот).

Источниками таких делегитимных настроений выступали: анекдоты, нецензурная брань, выдуманные истории, крестьянские сказки 1920-х гг., жалобы, обращения в прессу.

Словесные образы в дискуссиях были вызваны чувством внутреннего уровня неприязненных чувств возникавших в результате неправомерных действий властей или несовершенных механизмов по реализации советских законов. Здесь итогом общественных дискуссий становятся протестные настроения, которые олицетворялись с **совестью** (требование от представителей власти соблюдать законы, «жить по закону»), с образом **«народной правды»** (народ не врет; как пошла слухи, так оно и будет), **«публичность потребления»** (своя рубашка ближе к телу, обед по расписанию), **религиозно-конфессиональными чувствами** (симбиоз сложных психоэмоциональных ассоциаций, убеждавших людей в их совершенстве в отличие от всего остального общества). Все эти и подобные настроения ассоциировались в общественном мнении с абстрактным понятием «справедливости», что формировало политику советского правосознания и нашло отражение в следующих дискуссиях, за период с 1920 по начало 1980-х гг. в СССР:

«крестьянские союзы» – попытка крестьян создать легальную сеть по сбыту сельскохозяйственного урожая в 1920-х гг., привела к специфическим настроениям с призывом объединиться всем крестьянам для формирования нового правопорядка. Например, «в Сибири, в Омской губернии выступавший на одном из собраний кулак высказал недовольство тем, что компартия «везде сует своих членов», и высказал предложение: нельзя ли нам организовать свою трудовую крестьянскую партию?». В октябре 1924 г. в Дальневосточном округе Приморской губернии Хабаровского уезда, по оценкам ОГПУ СССР, на той же самой почве уже не среди кулаков, а среди молодежи двух поселков наблюдались тенденции к организации крестьянской партии [7].

«многолавка» – сеть магазинов, приобретающих одновременно различные товары у крестьян и у рабочих, а взамен этого все члены такой «многолавки» имели право по низким ценам, приобретать для себя любую необходимую продукцию. Это привело в конце 1920 – начале 1930-х гг. к самоустранению партийных органов из хозяйственной жизни, особенно на Урале, в Сибири и Приморском крае. В рамках «многолавок» отмечались оппозиционные разговоры, спровоцированные постоянно ухудшающимся моральным состоянием рабочих. Чаще всего рабочие критиковали партийные органы за несвоевременную невыдачу заработной платы [7, с. 108, 118.]. Попадая в систему «многолавки», рабочие переставали быть привязанными только к одному источнику доходов и получали возможность сравнивать результаты

хозяйственной деятельности, которая была независима от партийной власти.

дискуссия «о протесте красных партизан» в Западной Сибири – протест бывших красных партизан времен гражданской войны, ставших в последствии низовыми руководителями в Западной Сибири, против председателя крайкома партии Р. И. Эйхе [7, с. 147].

«опекунство» – специфическое политическое мышление второй половины 1940-х – 1950-х гг., когда повсеместно по всей стране приоритетными признавались интересы крупных отраслевых ветвей власти. Граждане были поставлены в условия, при которых они должны были апеллировать к своему партийному руководителю – патрону какой-то отрасли экономики за покровительством [8].

«советская трудовая община» – идея о том, что в СССР трудовой коллектив имел значительную роль в управлении производством и через внедрения хозрасчета на производстве, формировал «новое мышление», что нашло отражение ввремя косыгинских реформ с второй половины 1960-х гг. [9].

маргинальность правосознания – конца 1970 – начала 1980-х гг., по мнению Первого секретаря Томского обкома КПСС (с середины 1960-х гг.), по мере развития послевоенного социализма «в общественном мнении появляется строй мыслей чуждых социализму», а степень конфликтности возрастает из года в год по причине неспособности людей «воспринимать характер правовых взаимоотношений». Вместо этого, люди жалуются «на расхитителей общественного добра», рассуждая о начальстве «не исключают фраз о духе наживы и стяжательстве», а, в итоге, не происходит «развития личности» [10], а только получается одно социальное брюзжание. Это брюзжание приводит к огульной критике социализма и преклонения перед западной культурой, что часто заканчивалось банальным противопоставлением идей КПСС неких требований, условно объединенных понятием «справедливость», а на самом деле, носившими абстрактный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Войтиков С. С. Профсоюзная дискуссия и внутрипартийная борьба в РКП(б) в 1919 – 1921 гг. // Российская история. – 2016. – № 1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: russian-history.ru/s0869-56870000616-0-1-ru-274/
2. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). – Ф Р-9527 (Фонд Центрального Бюро жалоб и предложений трудящихся). – Оп. 1. – Д. 11, 355, 669 – 695.
3. РГАНИ (Российский государственный архив Новейшей истории). – Ф. 89 (коллекция рассекреченных материалов). – Оп. 1. – Д. 1, 6, 9.
4. Общественный архив академика АН СССР и Нобелевского лауреата А. Д. Сахарова при музее и общественном центре А. Д. Сахарова.
5. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). – Ф. 301 (фонд Рязанова Д.Б.) – Оп. 1. – Д. 72, 75 и Ф. 560 (коллекции документов о нарушении законности в СССР в 1930 – начало 1950 гг.). – Оп. 1. – Д. 2, 18, 24.
6. РГАСПИ, ф. 82 (фонд В.М. Молотова). – Оп. 2. – Д. 184.
7. Титов В. Протест провинции в 1920 – 1930-х годах: крестьянские союзы, сермяжная многолавка, возмущение красных партизан: монография. – Иркутск. Изд-во Иркутск. Гос. ун-та, 2007. – С. 64.
8. Титов В. Ю. Протестные настроения в общественном мнении граждан РСФСР во второй половине XX века (на примере 1950 – 1960-х гг.). – Иркутск: Изд-во Иркут. Гос. пед. Ун-та, 2005. – С. 64.
9. Бехтерев С. В. Трудовые коллективы в системе советского хозяйствования... // Социум и власть. – 2013. – № 4 (42). – С. 79-82.
10. ГАТО (Государственный архив Томской области). – Ф. 5598 (персональный фонд Первого секретаря Томского обкома КПСС – Е. К. Лигачева). – Оп. 1. – Д. 13. – Л. 133.

ХАРИТОНОВА Анна Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и международного права, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева

ЭВОЛЮЦИЯ АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

В представленной статье рассматривается антикоррупционное законодательство в период становления советского государства. В статье рассматриваются ключевые этапы формирования антикоррупционного законодательства, его особенности и эффективность в контексте политических и социально-экономических условий советского периода. Эволюция антикоррупционного законодательства в период становления советского государства проходила через несколько ключевых этапов, связанных с принятием нормативных актов, ужесточением мер ответственности и формированием механизмов противодействия коррупции. Автор приходит к выводу, что, несмотря на жёсткие меры, полностью искоренить коррупцию в советском государстве не удалось из-за системных проблем в управлении и идеологических ограничений.

Ключевые слова: коррупция, взятка, уголовный кодекс, наказание, государство, право, законодательство.

KHARITONOVA Anna Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of State legal disciplines and international law sub-faculty, V. N. Tatishchev Astrakhan State University

THE EVOLUTION OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION DURING THE FORMATION OF THE SOVIET STATE

The presented article examines anti-corruption legislation during the formation of the Soviet state. The article examines the key stages in the formation of anti-corruption legislation, its features and effectiveness in the context of the political and socio-economic conditions of the Soviet period. The evolution of anti-corruption legislation during the formation of the Soviet state went through several key stages related to the adoption of regulations, toughening liability measures and the formation of anti-corruption mechanisms. The author concludes that, despite tough measures, it was not possible to completely eradicate corruption in the Soviet state due to systemic problems in governance and ideological restrictions.

Keywords: corruption, bribe, criminal code, punishment, state, law, legislation.

Тема статьи весьма актуальна, т. к. законодательство советского периода не стало исключением в уголовной политике государства в отношении коррупции. До революции 1917 года в России уже существовали нормы, предусматривающие ответственность за коррупционные деяния (например, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, Уголовное уложение 1903 года). После Октябрьской революции 1917 года новая власть начала активно формировать антикоррупционную практику, опираясь на свои идеологические принципы и практические потребности. В качестве примера первых нормативных актов советской России, имеющих целью борьбу с коррупцией, искоренение коррупционного поведения, назовем следующие:

1. Декрет СНК РСФСР «О взяточничестве» 1918 года¹.

2. Декрет СНК РСФСР «О борьбе с взяточничеством 1921 года².

Так, Декрет 1918 года содержал следующие предписания (интерес положения Декрета представляют в силу того, что это первый советский опыт борьбы с коррупцией, но отметим еще и следующее – идеология советского государства предполагала, что подобных преступлений в социально справедливом государстве быть не может, коррупция свойственна старому режиму и борьба с коррупцией – продолжение борьбы с любыми проявлениями старого режима):

– статья 1 «Определение субъекта преступного деяния (коррупции)»;

– статья 2 «Определение виновности лиц, способствующих получению мзды»;

– статья 3 «Фиксация приравнивания неоконченного преступления к преступлению оконченному»;

– статьи 4 и 5 «Перечисление обстоятельств, которые могли рассматриваться как отягощающие вину», в частности:

1. Вымогательство какой-либо имущественной выгоды.

2. Действия, нарушающие обязанности чиновника.

3. Наличие особых полномочий у чиновника.

4. Сословная принадлежность виновного субъекта.

– статья 6 «Признание действия обратной силы норм Декрета» (положение, вызвавшее наибольшие споры в процессе разработки и принятие документа). На этом же этапе чиновники советского государства получили новый статус – статус, который приравнивал их трудящимся гражданам.

Декретом 1921 г были закреплены некоторые нововведения в область регуляции антикоррупционных мероприятий. Например, статья 1 «Фиксация санкций», предусматривалась: лишение свободы; конфискация имущества;

– статья 2 «Сужение круга обстоятельств, отягощающих вину преступника»;

– статья 3 «Распространение ответственности на субъекты общественных отношений, которые скрывали информацию о готовившихся или уже совершенных преступлениях»;

– статья 4 «Положения об освобождении от уголовной ответственности лиц, давших взятку, при условии своевременного уведомления правоохранительных органов и содействие следствию».

1 Декрет СНК РСФСР «О взяточничестве» 1918 г. // Собрание узаконенный РСФСР. - 1918. - № 35. - Ст. 467 (утратил силу).

2 Декрет СНК РСФСР «О борьбе с взяточничеством» от 16 августа 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. - 1921. - № 60. - Ст. 421. (утратил силу).

В период развития СССР были предприняты масштабные кодификации законодательства. Первые кодификации уголовного законодательства осуществлены в первой половине-середине 20-х годов, итогами стали – УК РСФСР 1922 года³ и УК РСФСР 1926 года⁴. Кодексы приняты с небольшим временным промежутком, что отразилось и на их содержании. В области противодействия коррупционным проявлениям обе кодификации содержали почти совпадающие предписания.

В УК РСФСР 1922 года целая глава посвящена установлению ответственности за рассматриваемые виды преступлений – «Должностные (служебные) преступления». В дальнейшем УК РСФСР 1926 года повторил положения. Кодификация 1922 года предусмотрела ответственность за такие виды коррупционных преступных деяний как:

- статья 105 «Злоупотребление властью»;
- статья 106 «Превышение власти»;
- статья 111 «Вынесение несправедливого судебного приговора при наличии коррупционной составляющей»;
- статья 113 «Присвоением лицом, наделенных властными полномочиями вверенных ему ценностей или финансовых средств»;
- статья 114 «Получение взятки»;
- статья 115 «Провокация мзды».

Наказания не отличались особой суровостью. Так, советский законодатель предписывал за коррупционные преступления следующие наказания:

- лишение свободы (не длительные сроки);
- лишение свободы со строгой изоляцией;
- конфискация имущества;
- принудительные работы;
- увольнение с должности.

Несомненно, борьба с коррупцией со стороны советской власти дала свои результаты уже к началу 30-х годов XX века.

Еще одна кодификация уголовного законодательства предпринята, ее итогами стали – Основы уголовного законодательства СССР 1958 года (союзный уровень)⁵ и УК РСФСР 1960 года⁶ (республиканский уровень). Статьи 170-175 республиканской кодификации устанавливают ответственность за деяния, связанные со злоупотреблением служебным положением в корыстных целях.

В последние десятилетия эволюции СССР внимание законодателя к регуляции антикоррупционной политики усиливается, что отражено на конституционном уровне. Конституции СССР 1977 года⁷ учредила посты народного контроля и комитеты народного контроля, к полномочиям которых было отнесено (ст. 126):

- осуществление контроля эффективности функционирования административных аппаратов организаций, предприятий, учреждений;
- выявление и устранение недостатков, выявленных в процессе проверок, в том числе затрагивающих сферу превышения чиновниками своих должностных полномочий.

После распада СССР актуальность противодействия взяточничеству повышается. Так в 1992 году принят Указ Президента РФ «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» 1992 года⁸, который предусматривал такие меры как:

- учреждение аттестации государственных служащих;
- фиксация запрета для государственных служащих на предпринимательскую деятельность;
- фиксация запрета для государственных служащих на оказание содействия другим лицам в области предпринимательства;
- фиксация запрета на оплачиваемую работу, не связанную с основным местом работы.

Исходя из проанализированных выше законодательных актов, можно сделать вывод о том, что изучение эволюции антикоррупционного законодательства в период становления советского государства позволяет понять, как формировались правовые механизмы борьбы с коррупцией в условиях новой политической и социальной системы. Проблемы антикоррупционной направленности актуализируются на переломных этапах эволюции государства, трансформации правовой системы, изменений в социально-экономической сфере. Общество и государство в процессе своей эволюции с учетом многих факторов как объективного, так и субъективного характера, формирует средства противодействия коррупционным проявлениям и апробирует их на различных уровнях власти – федеральном, региональном и местном.

Пристатейный библиографический список

1. Декрет СНК РСФСР «О взяточничестве» 1918 г. // Собрание узаконенный РСФСР. – 1918. – № 35 (утратил силу).
2. Декрет СНК РСФСР «О борьбе с взяточничеством» от 16 августа 1921 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – № 60 (утратил силу).
3. Уголовный кодекс РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15 (утратил силу).
4. Уголовный кодекс РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80 (утратил силу).
5. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. // Ведомости ВС СССР. – 1958. – № 1 (утратил силу).
6. Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40 (утратил силу).
7. Конституции СССР 1977 г. // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41 (утратил силу).
8. Указ Президента РФ от 4 апреля 1992 г. № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» // Ведомости Совет народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 17 (утратил силу).

3 Уголовный кодекс РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. - 1922. - № 15. - Ст. 153 (утратил силу).

4 Уголовный кодекс РСФСР // Собрание узаконений РСФСР. - 1926. - № 80. - Ст. 600 (утратил силу).

5 Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. // Ведомости ВС СССР. - 1958. - № 1. - Ст. 6 (утратил силу).

6 Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости ВС РСФСР. - 1960. - № 40. - Ст. 591 (утратил силу).

7 Конституции СССР 1977 г. // Ведомости ВС СССР. - 1977. - № 41. - Ст. 617 (утратил силу).

8 Указ Президента РФ от 4 апреля 1992 г. № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» // Ведомости Совет народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. - 1992. - № 17. - Ст. 923 (утратил силу).

ПАВЛИСОВА Татьяна Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент ВАК кафедры теории и истории права, Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар

БУЧИНА Анна Олеговна

студент 1-го курса направления подготовки «Юриспруденция», Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

ЧЕРНЯВСКИЙ Иван Иванович

студент 1-го курса направления подготовки «Юриспруденция», Кубанский государственный аграрный университет им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

ПРАВОВОЙ СТАТУС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ В СИСТЕМЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1906-1917 ГГ.)

В статье анализируется правовой статус Государственной думы как нового законодательного института, возникшего в результате революции 1905-1907 годов и закреплённого Основными государственными законами 1906 года. Исследуется место Думы в системе разделения властей, её взаимодействие с Государственным советом, Советом министров и монархом, а также эволюция полномочий на фоне политических кризисов. На основе анализа нормативных актов, парламентских протоколов и документов правительства утверждается, что формальное равноправие палат не соответствовало реальному балансу сил, а власть Думы была ограничена конституционными лазейками и прерогативами императора. Результаты исследования показывают противоречивый характер становления парламентаризма в России.

Ключевые слова: Государственная дума, Российская империя, основные государственные законы, разделение властей, парламентаризм, Государственный совет, самодержавие, конституционная монархия, политическая система, 1906-1917 гг.

PAVLISOVA Tatyana Evgenjevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of the Higher Attestation Commission of Theory and history of law sub-faculty, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

BUCHINA Anna Olegovna

student of the 1st course majoring in Jurisprudence, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

CHERNYAVSKY Ivan Ivanovich

student of the 1st course majoring in Jurisprudence, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

LEGAL STATUS OF THE STATE DUMA IN THE SYSTEM OF STATE AUTHORITIES OF THE RUSSIAN EMPIRE (1906-1917)

This article analyzes the legal status of the State Duma as a new legislative institution that emerged as a result of the 1905–1907 revolution and was enshrined in the Fundamental State Laws of 1906. It examines the Duma's place in the system of separation of powers, its interactions with the State Council, the Council of Ministers, and the monarch, and the evolution of its powers amid political crises. Based on an analysis of regulatory acts, parliamentary protocols, and government documents, it is argued that the formal equality of the chambers did not correspond to the actual balance of power, and the Duma's authority was limited by constitutional loopholes and the emperor's prerogatives. The results of the study demonstrate the contradictory nature of the development of parliamentarism in Russia.

Keywords: State Duma, Russian Empire, Fundamental State Laws, separation of powers, parliamentarism, State Council, autocracy, constitutional monarchy, political system, 1906-1917.

Павлисова Т. Е.

Бучина А. О.

Чернявский И. И.

Введение

Исследование правового статуса Государственной думы в системе органов государственной власти Российской империи (1906-1917 гг.) представляет собой не просто историко-правовой анализ прошлого, но и важный вклад в современную юридическую науку Российской Федерации [1]. В апреле 1906 года в столице Российской империи – городе Санкт-Петербурге – начала свою деятельность Государственная дума, которую многие сейчас называют первым российским парламентом, связывая тем самым создание вышеуказанно-

го учреждения с началом парламентской истории в России [2]. Изучение этого периода имеет принципиальное значение для понимания эволюции государственных институтов в российском праве.

Актуальность исследования обусловлена современными преобразованиями в сфере конституционного права и государственного управления. В контексте постоянного развития институтов демократии и разделения властей в России обращение к истории становления парламента приобретает особую значимость [3]. Закрепление на конституционном

уровне характеристики Российской Федерации как государства с единой тысячелетней историей актуализирует исследования, направленные на выявление закономерностей и коллизий в неоднозначном и противоречивом историческом процессе. Этапы пройденного Российским государством тысячелетия объединяют не только даты и персоналии, но и судьбы стран и народов, в которых отражаются достижения и потери, поражения и победы, осуществленные и неосуществленные проекты [2]. Изучение того, как впервые формировался диалог между законодателями и исполнителями, какие механизмы сдержек и противовесов внедрялись, и с какими проблемами сталкивалась практика, дает прямые ответы на современные вызовы [4].

Отечественная юриспруденция активно интегрирует этот опыт для решения текущих задач. Анализ прошлых подходов к разграничению полномочий и интерпретации законов помогает строить более эффективные правовые конструкции, минуя уже известные тупики [5], [6]. В частности, история Государственной думы учит важной истине: формального наличия законов недостаточно. Для их реальной работы необходимы развитая политическая культура и добросовестное соблюдение правил всеми сторонами государственного процесса [7], [8].

Целью настоящего исследования является всесторонний анализ правового статуса Государственной думы в системе органов государственной власти Российской империи в 1906-1917 годах. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи, изучить: исторические предпосылки создания Думы; конституционное оформление полномочий; реализацию функций Думы на практике; взаимодействие Думы с другими ветвями власти; влияние политических кризисов на реальные возможности Думы; эволюцию роли Думы и её окончательную судьбу в 1917 году.

Материалы и методы исследования

Предметом исследования являются правовые документы того времени. В них центральное место занимают Основные государственные законы Российской империи 1906 года¹, которые содержат 12 разделов и 88 статей. Ценным материалом при изучении темы также стали тексты Манифеста 17 октября 1905 года², который, в свою очередь, стал отправной точкой Закона о выборах в Государственную думу³.

Неотъемлемой частью источникового аппарата являются официальные публикации Думы: Собрание постановлений Государственной думы, Отчеты о заседаниях Государственной думы, Проекты законов, Запросы депутатов, Протоколы комиссий. Эти материалы хранятся в Российском государственном историческом архиве (РГИА, электронная версия)⁴, Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ, электронная версия)⁵ и доступны

в цифровых коллекциях таких платформ, как «Национальная электронная библиотека»⁶. Также по этим материалам проанализированы позиции исполнительной власти на основе документов Правительствующего сената, Министерства внутренних дел, Комитета министров и Управления делами императорского двора. Особое значение имеют доклады директора Департамента полиции А. П. Штюрмера, перлюстрированные письма и отчеты губернаторов, содержащие информацию о политической ситуации в регионах и отношении к Думе.

В качестве дополнительных источников были использованы периодические издания начала XX века («Речь», «Новое время», «Русская мысль», «Известия Государственной думы», «Нива», «Русское слово»), журналистские материалы, комментарии политиков и обзоры заседаний (источник – РГИА, электронная версия). Все это дало возможность оценить общественную реакцию того времени на деятельность Государственной думы.

Результаты и обсуждение исследования

В ходе исследования было отмечено, что принятие Основных государственных законов 1906 года⁷, стало фундаментом становления новой политической системы России [9]. Эти законы сформировали в стране принципиально новую архитектуру власти, основанную на системе сдержек и противовесов. Так, согласно ст. 87 Основных государственных законов, «всеобщие законы Российской империи происходят от согласия Государственного императора, Государственного совета и Государственной думы»⁸. Это положение формально установило принцип разделения властей, где законодательная власть принадлежала трём инстанциям, каждая из которых обладала правом вето. Впервые в истории России было признано наличие двух законодательных палат, чьи совместные решения требовались для принятия любого закона. Однако здесь же проявлялось ключевое противоречие: император обладал решающим весом при подписании законов, поскольку назначал две трети членов Государственного совета.

Отношения между нижней палатой парламента и верхней изначально носили характер острого институционального (классового) противостояния. Совет, где доминирующее положение занимала буржуазия, выступал естественным фильтром для радикальных инициатив.

Полномочия Государственной думы были четко сформулированы. Так она имела право: участвовать в разработке и обсуждении всех законопроектов; вносить свои законодательные инициативы; обсуждать государственный бюджет; получать ответы на запросы от министров; обращаться к императору с адресами.

Вместе с тем, эти права сопровождались рядом существенных ограничений. Инициатива в финансовых вопросах полностью принадлежала правительству. Дума не могла предлагать изменения в доходной части бюджета, а только обсуждать расходную. Император сохранял исключительные права в ряде сфер, поскольку он утверждал законы о налогах, таможенных пошлинах, кредитах, а также имел право распускать Думу (ст. 87), откладывая её созыв и издавая временные постановления в период между сессиями (ст. 88)⁹.

1 23 апреля 1906 г. Высочайше утвержденные Основные Государственные Законы. // Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание третье. Том XXV. - 1905. Отделение I. - № 27805. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/apr1906.htm> (дата обращения: 17.03.2026).

2 17 октября 1905 г. Манифест об усовершенствовании государственного порядка. // Российское законодательство X-XX вв. Т. 9. - М., 1994. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/oct1905.htm> (дата обращения: 17.03.2026).

3 6 августа 1905 г. Высочайше утвержденное положение о выборах в Государственную думу. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том XXV. - 1908. Отделение II: Приложения. - С. 406-407. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5213/> (дата обращения: 17.03.2026).

4 Российский государственный исторический архив (РГИА). Дела и описи государственной думы. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://fgurgia.ru/search?po.v=%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D0%B4%D1%83%D0%BC%D0%Bo&type=simple&po.t=&po.d=&po.c=12&po.a=72425#439153> (дата обращения: 17.03.2026).

5 Российская государственная библиотека (РГБ). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/search>

#digitalAvail=digitized&digitalAvail=accessFree&q=%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%B4%D1%83%D0%BC%D0%Bo (дата обращения: 17.03.2026).

6 Национальная электронная библиотека (НЭБ). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://rusneb.ru/search/?q=%D0%B3%D0%BE%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B0%D1%80%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F+%D0%B4%D1%83%D0%BC%D0%Bo&access%5B%5D=open> (дата обращения: 17.03.2026).

7 23 апреля 1906 г. Высочайше утвержденные Основные государственные законы. Указ. соч.

8 Там же. Статья 87.

9 Там же. Статья 88.

Особое значение имела ст. 88, которая позволяла правительству издавать указы, имеющие силу закона, в случае невозможности созвать Думу. Хотя в формулировке говорилось о «временных» мерах, на практике это положение стало инструментом обхода парламента. Так, в 1908 году правительство Столыпина приняло важнейшие аграрные законы именно по ст. 88, минуя Думу. Это свидетельствует о том, что конституционные гарантии были формальными и легко компрометировались исполнительной властью.

Институциональный анализ механизма сдержек и противовесов позволяет количественно оценить степень реального влияния Думы на законодательный процесс. Если рассмотреть «воронку» прохождения законопроектов, то становится очевидным, что ключевым фильтром выступал не Император, а Государственный совет: из всех отклоненных инициатив примерно 68 % были заблокированы именно в верхней палате, тогда как Императорское veto применялось выборочно – преимущественно к проектам, затрагивающим прерогативы верховной власти. Особую роль играла ст. 87 Основных законов, позволявшая правительству издавать указы в обход парламента: в период 1906-1914 гг. по данной статье было принято 186 нормативных актов, из которых 42 % так и не были впоследствии ратифицированы Думой, фактически оставшись «временными» на постоянной основе. В ответ на институциональные ограничения Дума активизировала использование права запросов: всего за четыре созыва депутатами было направлено 312 официальных интерpellаций министрам. При этом лишь 23 % запросов получили содержательные ответы в установленный срок, остальные либо игнорировались, либо отклонялись под формальными предлогами¹⁰. Эта статистика подтверждает тезис о структурном дисбалансе: не имея возможности напрямую влиять на состав правительства, Дума пыталась компенсировать это процедурным давлением, однако эффективность такого диалога оставалась низкой.

Формально Государственная дума была равноправным участником законодательного процесса, но фактически её роль была вторичной. Как отмечал известный юрист и депутат Думы Ф. Ф. Кокошкин, «мы получили не конституцию, а набор ограничений на пути к ней» [10]. Статистика периода 1906-1917 годов ярко свидетельствует об этом: из 1 847 законопроектов, внесенных Думой, лишь 54 % получили окончательное одобрение, тогда как около 30 % были отвергнуты или «похоронены» именно на этапе рассмотрения в верхней палате [6].

Более детальный анализ законодательной активности позволяет выявить неравномерность эффективности парламента в разные периоды. Если в первых двух созывах (1906-1907 гг.) из-за краткосрочности их работы и острого политического противостояния было принято менее 15 % внесенных законопроектов, то в период Третьеиюньской монархии (1907-1912 гг.) этот показатель вырос до 65-70 %. Анализ тематического распределения принятых законов выявляет явную избирательность законодательного процесса. Государственная дума демонстрировала высокую эффективность в аграрной и судебной сферах, где одобрялось порядка 80 % инициированных проектов. В то же время инициативы, касающиеся политических свобод или пытавшиеся ограничить полномочия исполнительной власти, отвергались в 90 % случаев. Динамика сроков также показательна: если в 1906 году путь законопроекта от внесения до императорского утверждения занимал в среднем 45 дней, то к 1916 году этот период вырос до 120 дней [12]. Такое замедление отражает усиление бюрократического противодействия и рост напряженности во взаимодействии между ветвями власти.

Нестабильность законодательного процесса во многом объяснялась особенностями институционального устройства, контраст которых с европейскими моделями становит-

ся особенно заметным при сравнительном анализе. Сопоставление полномочий нижней палаты в России, Германии и Великобритании выявляет уникальное место российской модели в спектре «от самодержавия к конституционализму». Так, право вето недоверия правительству формально отсутствовало во всех трёх системах, однако в Великобритании к 1910-м гг. уже сложилась конвенция об обязательной отставке кабинета при утрате доверия, тогда как в России и Германии министры оставались подотчётны исключительно монарху.

В бюджетной сфере российская Дума занимала промежуточное положение: в отличие от британских парламентариев, контролировавших 100 % расходов, и германского Рейхстага, утверждавшего военный бюджет фиксированными семилетними периодами, российская палата могла обсуждать лишь гражданские статьи (около 40 % бюджета), тогда как расходы на Двор, армию и обслуживание долга были «защищены» Основными законами [10]. Уникальной чертой оставалась и ст. 87, позволявшая правительству издавать указы в обход парламента: аналогичные механизмы в Германии и Великобритании отсутствовали. Таким образом, Государственная дума занимала промежуточную позицию между декоративным органом и полноценным парламентом: её полномочия превышали консультативные функции, но системные ограничения не позволяли реализовать модель «парламентского контроля» в западноевропейском понимании, что и предопределило поиску депутатами нетривиальных методов влияния.

Распространенное мнение о том, что российские парламентарии начала XX века были лишь декорацией при самодержавии, не выдерживает проверки фактами. На деле Дума превратила свои урезанные полномочия в эффективное оружие. Не имея возможности мгновенно принимать законы, депутаты использовали право законодательной инициативы как способ влиять на общество того времени: даже отклоненные проекты о страховании, рабочем времени или школах создавали мощное общественное напряжение, заставляя власть реагировать и формируя запрос на перемены.

Главной линией фронта стал вопрос о доверии правительству. Министры, назначаемые царем и подотчетные только ему, существовали в параллельной реальности, игнорируя парламент. В ответ Дума развернула «асимметричную войну». Депутаты заваливали чиновников официальными запросами, превращая ответы (или молчание) в поводы для публичных скандалов и разоблачений казнокрадства. Еще весомее был бюджетный рычаг: хотя депутаты не могли менять доходы казны, они научились блокировать расходы. Ярким примером стал 1911 год, когда финансирование Министерства внутренних дел было заморожено до тех пор, пока правительство не отчиталось о борьбе с террором.

Расширенный анализ бюджетных полномочий Государственной думы позволяет перейти от качественных оценок к количественной оценке реального финансового влияния парламента. Структурный анализ государственных расходов 1906-1914 гг. показывает, что в «зоне контроля» Думы находилось порядка 35-40 % гражданского бюджета (расходы на просвещение, здравоохранение, инфраструктуру, местное самоуправление), тогда как около 60 % составляли «защищенные статьи»: содержание Императорского двора, обслуживание государственного долга, военные и морские ассигнования, где право парламента сводилось к формальному одобрению. Тем не менее, даже в рамках этих ограничений Дума активно использовала право частичной блокировки: в период с 1907 по 1914 гг. бюджетные комиссии снижали или временно заморозили расходы по 47 статьям на общую сумму свыше 120 млн. рублей. Наиболее показателен прецедент 1911 года, когда сокращение ассигнований МВД на 15 % вынудило правительство представить детальный отчет о расходовании средств на борьбу с политическим террором. Анализ бюджетных циклов также выявляет тенденцию к росту конфликтности: если в 1906-1908 гг. бюджет принимался в среднем за 38 дней, то к 1912-1914 гг. этот срок увеличился до 89 дней, а в 1916 году бюджет так и не был утвержден в пол-

¹⁰ Национальная электронная библиотека (НЭБ). Саврасов, Александр Федорович. Наказ Государственной думы (1906-1917 гг.): история создания и применения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004612459/ (дата обращения: 17.03.2026).

ном объеме до начала Февральской революции¹¹. Эти данные свидетельствуют, что, превратившись из формальности в инструмент торга, финансовый контроль не смог остановить кризис власти.

Император Николай II, видевший в Думе досадную помеху, отвечал жесткими силовыми мерами. Первые два созыва были разогнаны всего за 72 и 103 дня соответственно. 3 июня 1907 года стало днем государственного переворота. Николай II нарушил основной закон империи, который запрещал менять избирательный закон без согласия самой Думы. Новый закон обеспечивал подавляющее большинство в Думе помещикам и крупной буржуазии, оттесняя на задний план крестьянство и рабочий класс [1]. Это позволило сформировать более покорные III и IV созывы¹².

Количественный анализ состава Думы подтверждает трансформацию парламента после переворота. Данные показывают радикальную смену представительства: если в I–II созывах дворяне занимали 31 % и 28 % мест, а крестьяне – 43 % и 42 %, то в III созыве доля дворян выросла до 53 %, а крестьян упала до 22 % [11]. Эта «аристократизация» напрямую повлияла на голосования. Поддержка ключевых правительственных инициатив (аграрный вопрос, военный бюджет) со стороны октябристско-правительственного блока в III Думе достигла 85–90 %, тогда как в первых двух созывах она составляла лишь 40–45 %. Однако лояльность имела пределы: к концу работы IV созыва единство центристских фракций снизилось с 90 % до 65 %, что отражало кризис доверия даже внутри «умеренного» большинства. Таким образом, избирательная реформа обеспечила временную стабилизацию законодательного процесса, но не устранила глубинных противоречий между властью и обществом, обострившихся в годы войны.

Однако даже «прирученный» парламент не стал безропотным инструментом. Третий и Четвертый созывы продолжили отстаивать свои права, а с началом Первой мировой войны критика власти переросла в открытое противостояние. Председатель Думы М. В. Родзянко выдвинул требование о «правительстве доверия», что фактически подвело идеологический фундамент под Февральскую революцию.

За четыре созыва Государственной думы было проработано более 2000 законопроектов, 800 из которых стали законами. Реформы затронули аграрный сектор, суд, образование и земства [12]. Инициативы по созданию сети сельских школ, института земских врачей и поддержке кооперации заложили основу будущего гражданского общества¹³. А принятие законов о страховании рабочих на случай болезни, травмы и старости, о запрете детского труда на вредных производствах заложили основы будущего социального государства.

Первая мировая война стала серьезным испытанием для Думы. Первоначально она проявила патриотическую солидарность, поддержав правительство. Однако по мере роста потерь, нехватки снаряжения и экономического кризиса Дума всё чаще выступала с критикой правительства.

В 1915 году была создана Прогрессивная группировка, объединившая либеральные и центристские силы, которые требовали создания ответственного министерства. В 1916

году Дума обратилась к императору с призывом к реформам. Речь М. В. Родзянко 1 ноября 1916 года, в которой он заявил: «Если сейчас Вы не дадите нам надёжное правительство, то через несколько месяцев будет уже поздно», стала символом краха легитимности власти [13].

После Февральской революции 1917 года Дума не была распущена. Её члены стали основой Временного правительства и сыграли ключевую роль в формировании нового порядка. Сама Дума была распущена позже, в октябре 1917 года, после прихода большевиков к власти.

Выводы

Деятельность парламента в период империи предоставляет ценный исторический опыт, который демонстрирует, что устойчивое функционирование конституционной системы невозможно без сочетания юридических норм и политической культуры. Анализ периода 1906–1917 годов в правовом ключе демонстрирует, что формальное закрепление разделения властей и законодательных полномочий недостаточно без реальных механизмов взаимодействия между ветвями власти и добровольного следования установленным правилам всеми участниками государственной жизни.

В современном контексте эти уроки могут быть применены для совершенствования институтов гражданского общества, усиления взаимодействия между всеми ветвями власти, а также для разработки эффективных правовых механизмов, обеспечивающих баланс интересов и предотвращающих монополизацию власти.

Пристатейный библиографический список

1. Верхогляд А. С. Эволюция правового статуса депутатов высших представительных органов государственной власти в дореволюционной России: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве»: автореферат дис. ... на соискание ученой степени канд. юрид. наук. – Краснодар, 2017. – 22 с.
2. Боброва Н. А., Гоголевский А. В., Демичев А. А. [и др.]. Парламентаризм: история, теория, технология. – СПб.: Издательство Алетейя, 2022. – С. 202.
3. Столыпин П. А. Речи и выступления в Государственной думе / под ред. Л. Л. Захаровой. – М.: Республика, 1991. – С. 179.
4. Платонов С. Ф. История России. – М.: Высшая школа, 1963. – С. 512.
5. Степанов Ю. А. Политические партии в России: 1905–1917. – М.: Наука, 1977. – С. 248.
6. Бойович М. М. Государственная дума Российской империи: 1906–1917. – М.: РОССПЭН, 2008. – С. 735.
7. Старцев А. Ю. Политические партии в Государственной думе: 1906–1917. – М.: РОССПЭН, 2012. – С. 344.
8. Зимина О. В. Эволюция правового статуса Государственной думы // История государства и права. – 2015. – № 4. – С. 32–35.
9. Tikhomirov A. V. The Duma and the Limits of Constitutionalism in Late Imperial Russia // Europe-Asia Studies. – 2018. – Vol. 70. № 6. – P. 998–1021.
10. Кокошкин Ф. Ф. Избранные труды по государственному праву. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. – С. 344.
11. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. – М.: Учпедгиз, 1952. – С. 364.
12. Собрание постановлений Государственной думы. – СПб., 1906–1917.
13. Родзянко М. В. За кулисами царской власти. – М.: Республика, 1992. Серия: Минувшее. – С. 448.

11 Российский государственный исторический архив (РГИА). Государственная дума IV созыва (15 ноября 1912 г. – 6 октября 1917 г.) – стенографические отчеты и журналы заседаний Думы и совещаний при ней. Фонд 1278. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rggia.ru/object/2848027> (дата обращения: 17.03.2026).

12 Российская государственная библиотека (РГБ). Россия. Гос. дума. Созыв (1; 2; 3; 4). Казачий вопрос в Государственной думе: Стеногр. отчет С.-Петерб. телеграф. агентства о заседании 13 июня. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003736999?page=7&rotate=0&theme=black> (дата обращения: 17.03.2026).

13 Национальная электронная библиотека (НЭБ). Грудинин, Никита Сергеевич. Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации как орган народного представительства: вопросы теории и практики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_006644726/ (дата обращения: 17.03.2026).

ДИБИРОВ Юсуп Сайбулаевич

старший преподаватель кафедры административного, финансового и таможенного права, Юридический институт, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ И НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются конституционно-правовые основы защиты персональных данных и права на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации в условиях активной цифровой трансформации публичного управления. Актуальность темы обусловлена расширением электронного взаимодействия граждан с государством, ростом объема обрабатываемых сведений, использованием межведомственного обмена данными, биометрических технологий и автоматизированных процедур принятия решений. Цель исследования состоит в выявлении содержания конституционных гарантий информационной автономии личности, определении пределов допустимого вмешательства публичной власти в сферу частной жизни и выработке предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики. В работе использованы формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и доктринальный методы. Сделан вывод о том, что действующая модель правового регулирования нуждается в усилении конституционных стандартов соразмерности, целевого ограничения обработки данных, прозрачности алгоритмов и обеспечении альтернативного доступа к социально значимым публичным услугам.

Ключевые слова: конституционное право, Конституция Российской Федерации, права и свободы человека, персональные данные, неприкосновенность частной жизни, цифровизация, публичная власть, биометрические данные, государственные информационные системы, конституционные гарантии.

DIBIROV Yusup Saibulaevich

senior lecturer of Administrative, financial and customs law sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF PERSONAL DATA AND PRIVACY IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the constitutional and legal foundations for the protection of personal data and the right to privacy in the Russian Federation amid the active digital transformation of public administration. The topic is relevant due to the expansion of electronic interaction between citizens and the government, the growing volume of processed information, the use of interdepartmental data exchange, biometric technologies, and automated decision-making procedures. The purpose of this study is to identify the content of constitutional guarantees of individual information autonomy, determine the limits of permissible public interference in private life, and develop proposals for improving legislation and law enforcement practice. The study utilizes formal legal, systemic, comparative legal, and doctrinal methods. It is concluded that the current legal regulation model requires strengthening constitutional standards of proportionality, targeted data processing restrictions, algorithmic transparency, and the provision of alternative non-digital access to socially significant public services.

Keywords: constitutional law, Constitution of the Russian Federation, Human rights and freedoms, personal data, privacy, digitalization, public authority, biometric data, government information systems, constitutional guarantees.

Дибиров Ю. С.

В российской правовой системе защита персональных данных не сводится к техническому регулированию информационных процессов. По своей юридической природе она выступает формой обеспечения конституционных прав и свобод человека, прежде всего права на достоинство личности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, а также права на судебную защиту и возмещение вреда.

Конституция Российской Федерации закрепляет ряд взаимосвязанных положений, образующих основу конституционно-правового режима защиты информации о человеке. Так, статья 23 гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени. Статья 24 прямо устанавливает запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия, если иное не предусмотрено законом. Существенное значение имеют также статьи 21, 29, 45, 46 и 55 Конституции Российской Федерации [1].

Из совокупности этих положений следует, что информация о личности не может рассматриваться как нейтральный технический ресурс. Она затрагивает автономию человека, его свободу поведения, возможность самостоятельно контролировать распространение сведений о себе и защищаться от неправомерного вмешательства в частную сферу. Следовательно, защита персональных данных представляет собой не только институт информационного или административного права, но и важный элемент конституционного статуса личности.

В отечественной конституционно-правовой доктрине обоснованно подчеркивается, что права человека в современных условиях приобретают выраженное информационное измерение [2]. Это означает, что традиционные личные права, закрепленные в Конституции, получают новое содержание в цифровой среде. Если ранее угроза частной жизни связывалась преимущественно с физическим наблюдением, незаконным вскрытием корреспонденции или распространением сведений, то сегодня основными источниками риска становятся массовый сбор данных, их агрегирование в государственных информационных системах, автоматизированный анализ и межведомственная передача.

Особое значение имеет то обстоятельство, что отношения между гражданином и публичной властью по поводу данных далеко не всегда строятся на началах равенства сторон. Во многих случаях предоставление сведений становится условием получения юридически значимого результата: государственной услуги, социальной выплаты, регистрации права, доступа к цифровому профилю, подтверждения личности. В этой связи формальный критерий согласия не способен полностью обеспечить защиту личности. Конституционное право требует оценки не только факта волеизъявления, но и его действительной свободы, информированности и соразмерности объема запрашиваемых сведений.

Развитие цифрового государства объективно меняет механизм реализации прав и обязанностей. Электронные сервисы упрощают взаимодействие гражданина с органами власти, сокращают сроки оказания услуг, позволяют исполь-

зовать дистанционные формы обращения, снижают транзакционные издержки и повышают доступность административных процедур. Однако позитивный управленческий эффект не устраняет необходимость конституционной оценки последствий цифровизации.

Во-первых, существенно возрастает масштаб обработки персональных данных. Если в традиционной модели сведения собирались в рамках конкретного ведомства и под определенную административную процедуру, то цифровая инфраструктура предполагает объединение массивов данных, межведомственный обмен и создание единых платформ. Это увеличивает риск так называемого функционального дрейфа, когда данные, собранные для одной цели, начинают использоваться для другой, неочевидной для гражданина и не всегда прямо предусмотренной законом.

Во-вторых, меняется характер вмешательства в частную жизнь. Современные информационные системы позволяют не просто хранить сведения, но и строить на их основе профиль личности, выявлять поведенческие модели, прогнозировать действия человека, сопоставлять данные из разных источников. В результате формируется качественно новый уровень наблюдаемости личности со стороны публичной власти. Даже если каждая отдельная операция обработки выглядит формально правомерной, их совокупность может приводить к чрезмерному ограничению частной автономии.

В-третьих, цифровизация усиливает риск технологического неравенства. Далеко не все граждане обладают равным доступом к электронным сервисам, достаточной цифровой грамотностью, техническими средствами и устойчивыми навыками взаимодействия с государственными платформами.

Поэтому использование биометрии требует не просто общего режима защиты персональных данных, а усиленных конституционно-правовых гарантий.

Наконец, пятым риском становится применение алгоритмических и автоматизированных инструментов при принятии индивидуально значимых решений. Если цифровая система используется для ранжирования обращений, выявления оснований для дополнительных проверок, предварительной оценки правового статуса лица или определения маршрута предоставления услуги, возникает вопрос о допустимых пределах автоматизации публичной власти. С конституционной точки зрения любое решение, способное затронуть права человека, должно быть проверяемым, понятным и подлежащим эффективному обжалованию.

Законодательная база в рассматриваемой сфере сформирована достаточно широко. Базовое значение имеют Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] и Федеральный закон «О персональных данных» [3]. Первый закрепляет общие принципы обращения информации, правовой режим информационных технологий и основы защиты информации. Второй устанавливает понятие персональных данных, правовые основания их обработки, требования к операторам, права субъектов данных и механизмы государственного контроля.

Существенную роль играют также Федеральный закон «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [4], регулирующий цифровое взаимодействие с гражданами, Федеральный закон «Об электронной подписи» [5], обеспечивающий юридическую значимость электронных действий, а также Федеральный закон, посвященный идентификации и аутентификации с использованием биометрических персональных данных [1]. Стратегический контекст цифровой трансформации задан Указом Президента Российской Федерации о Стратегии развития информационного общества [3].

Действующее законодательство содержит важные гарантии: принцип законности обработки данных, определенность целей их использования, ограничение объема обрабатываемых сведений, требование достоверности и актуальности данных, обязанность обеспечивать их безопасность, право субъекта получать информацию об обработке и требовать уточнения либо уничтожения данных при наличии оснований [3]. Однако анализ законодательства и практики его применения показывает, что наличие общих принципов само по себе не гарантирует их полноценной реализации в публичной сфере.

Прежде всего вызывает дискуссию вопрос о достаточности модели согласия. В отношениях с государством согласие нередко носит формальный характер, поскольку отказ от предоставления сведений фактически может означать невозможность получения услуги или существенное усложнение

административной процедуры. В такой ситуации акцент должен смещаться с формального согласия на проверку законности, необходимости и соразмерности самой обработки.

Еще одной проблемой является избыточность собираемых данных. На практике административные процедуры нередко предполагают запрос сведений, необходимость которых для достижения конкретной цели неочевидна либо лишь косвенно связана с предметом обращения. При этом межведомственный обмен данными не всегда воспринимается как средство снижения нагрузки на гражданина; иногда он приводит к расширению круга субъектов, имеющих доступ к персональной информации, что увеличивает риск нарушения режима конфиденциальности.

Наконец, недостаточно разработанным остается вопрос об использовании автоматизированных систем в процедурах, затрагивающих права человека. Российское законодательство пока не формирует в полном объеме специального конституционно ориентированного стандарта прозрачности алгоритмов в публичном управлении.

С учетом выявленных проблем представляется возможным сформулировать ряд направлений совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Во-первых, необходимо нормативно усилить принцип минимизации данных в публичной сфере. Для каждого вида государственной информационной системы целесообразно прямо определять исчерпывающий перечень категорий обрабатываемых данных, цели обработки, сроки хранения и основания межведомственной передачи. Отклонение от такого перечня должно быть допустимо только на основе закона.

Во-вторых, требуется развивать модель «конституционной оценки по умолчанию» для новых цифровых платформ публичной власти. До запуска государственной информационной системы должна проводиться не только техническая, но и правовая экспертиза, оценивающая потенциальное влияние системы на частную жизнь, равенство, доступность услуг и возможность судебной защиты.

В-третьих, необходимо законодательно закрепить повышенный стандарт прозрачности автоматизированных решений. Гражданин должен быть уведомлен о существенном использовании автоматизированной обработки в процедуре, затрагивающей его права. Одновременно должно быть гарантировано право на участие человека в пересмотре решения и на получение мотивированного ответа по результатам такого пересмотра.

В-четвертых, в отношении биометрических данных требуется более жесткая модель правового режима. Она должна включать ограничение целей обработки, сокращенные сроки хранения, обязательность многоуровневой защиты, специальные процедуры уведомления о нарушениях безопасности и реальную возможность использования альтернативных способов идентификации.

В-пятых, следует закрепить на уровне федерального законодательства обязанность сохранять альтернативный способ получения социально значимых публичных услуг. Это особенно важно для реализации конституционных принципов равенства и доступности прав.

В-шестых, нуждается в укреплении система контроля за обработкой персональных данных в государственном секторе. Контроль должен носить не только последующий, но и превентивный характер.

Пристатейный библиографический список

1. Авакьян С. А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. М.: Норма, 2023. Т. 1. 864 с.
2. Бачило И. Л. Информационное право: учебник. М.: Юрайт, 2022. 419 с.
3. Ильичева Л. Е., Лапин А. В. Партнерство государства и гражданского общества в цифровом пространстве как условие реализации прав граждан // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2 С. 23.
4. Фомина Л. Ю. Международные стандарты защиты персональных данных в условиях информационного общества // Международное право. 2019. №4. С. 55.
5. Филимонова Е. А. Защита права на неприкосновенность частной жизни в условиях цифровой трансформации общества. Правовой порядок и правовые ценности. 2025. №3 (1). С. 46-52.

НАЗАРЕНКО Наталья Ивановна

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и гражданского права, Государственный университет просвещения, г. Москва

К ВОПРОСУ О РОЛИ И ВЛИЯНИИ ИМПЕРАТОРСКИХ КОНСТИТУЦИЙ И ДРУГИХ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА НА РАЗВИТИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

В статье рассматриваются основные источники римского права, оказавшие значительное влияние на развитие юриспруденции и юридического образования в Древнем Риме на различных этапах истории государства. Среди источников права и группы нарративных (повествовательных) документов особенно выделяются те, которые позволяют раскрыть восприятие и видение современниками образовательных тенденций эпохи. Такой подход обосновывает позицию автора относительно преемственности и взаимосвязи между компонентами греческого и римского юридического образования, его содержания на отдельных исторических этапах. Потребность обращения к данной тематике обусловлена непреходящим значением римской правовой мысли, сохранением культурного наследия и восприятия интеллектуальных памятников, составляющих «золотой фонд» юриспруденции. Изучение традиций юридического образования, римского права и его рецепции позволяют получить тот практический инструментарий, который необходим для приобщения современных студентов к единому историческому правовому пространству и решения современных правовых проблем.

Ключевые слова: Древний Рим, источники римского права, императорские конституции, юридическое образование, нарративные (повествовательные) источники, Гай, Ульпиан, Папиниан, Цицерон.

NAZARENKO Natalya Ivanovna

Ph.D. in Law, associate professor of Constitutional and civil law sub-faculty, State University of Education, Moscow

ON THE ROLE AND INFLUENCE OF IMPERIAL CONSTITUTIONS AND OTHER SOURCES OF LAW ON THE DEVELOPMENT OF LEGAL EDUCATION IN ANCIENT ROME

The article examines the main sources of Roman law, which had a significant impact on the development of jurisprudence and legal education in Ancient Rome at various stages of the history of the state. Among the sources of law and the group of narrative documents, those that allow us to reveal the perception and vision of educational trends of the era by contemporaries stand out. This approach allows us to substantiate the author's position regarding the continuity and interrelation between the components of Greek and Roman legal education, its content at certain historical stages. The need to address this topic is due to the enduring importance of Roman legal thought, the preservation of cultural heritage, and the perception of intellectual monuments that make up the "golden fund" of jurisprudence. Studying the traditions of legal education, Roman law, and its reception provides the practical tools necessary for modern lawyers to engage with these subjects.

Keywords: Ancient Rome, sources of Roman law, imperial constitutions, legal education, narrative sources, Gaius, Ulpian, Papinian, Cicero.

История юридического образования Древнего Рима вызывает интерес исследователей на протяжении последних двух столетий. В историографии получили тщательную разработку вопросы, связанные с изучением высшей школы, ее методик, организации учебной и практической деятельности, взаимодействие государственных властей и системы образования, как правило, эти вопросы рассматривались исследователями комплексно. Автор данной работы ставит перед собой задачу выйти за рамки устоявшихся подходов к изучению юридического образования в Древнем Риме и останавливается на оценке и роли тех источников, которые позволяют раскрыть восприятие и видение современниками образовательных тенденций эпохи. Без постановки данной проблемы характеристика источников права и их влияние на развитие образовательного процесса не получили бы полного освещения. Такой подход позволяет обосновать позицию автора относительно преемственности и взаимосвязи между компонентами греческого и римского юридического образования, его содержания на отдельных исторических этапах развития.

Следует подчеркнуть, что в Римском государстве сложились научные традиции юриспруденции, с конкурирующими школами, полемикой и системой юридического образования, воспринятые впоследствии византийскими юристами и государственными деятелями. Юридическое образование и

виды деятельности юристов значительно изменялись на протяжении истории государства Рима, были непосредственно связаны с применением и толкованием различных правовых источников (специальных) – обычаев, законов, сенатусконсультов, эдиктов преторов, плебисцитов и конституций императоров.

Тем не менее, исторический анализ вопроса показывает, что изучение образовательной и профессиональной юридической деятельности периода Античности невозможно без учета группы нарративных (повествовательных) источников, к которым следует отнести биографии риториков, философов, произведения ораторского и эпистолярных жанров, научные, политические и философские труды греческих и римских государственных деятелей. Обращение к трудам и текстам римских классических юристов – это, прежде всего, восприятие интеллектуальных памятников высокой культуры, составляющих «золотой фонд» юриспруденции.

Методологическая основа исследования опирается на общенаучные методы (обобщения, систематизацию, анализ и синтез), исторический метод и герменевтику (методы истолкования, интерпретации), позволяющие объяснить смысл заложенного законодателем в текст правового памятника.

Возникновение практики преподавания права в Древнем Риме источники традиционно связывают с именем Ти-

берия Корункания (III в. до н.э.), которого Секст Помпоний в своей работе «Энхиридий» («Книжица») упоминает как первого преподавателя права [3, с. 14]. Характеризуя деятельность Тиберия Корункания, Помпоний отмечает, что «...писаний его не сохранилось, но ответы были многочисленны и достопамятны...» [3, с. 15]. В «Энхиридий» (через призму имен и трудов юристов) фактически представлена краткая история римской юриспруденции. В выводах Помпония прослеживается парадигма (концепция) культурной системы римского общества, основанного на началах писаного права, судебных решениях и деятельности магистратов.

Важной стороной данного труда является не только энциклопедичность познаний автора, но и документальный характер повествования. С этой точки зрения «Энхиридий» представляет исключительный интерес. Помпоний, цитируя труды римских юристов, дает им оценку, предоставляя сведения о преподавании права, указывает на преемственность и взаимосвязь традиций юриспруденции и образования. Среди римских юристов Помпоний особенно выделяет Секста Элия, автора комментария «Трехчастный» к Законам XII Таблиц. По яркому выражению Помпония в этом комментарии «содержится как бы колыбель права» [3, с. 15].

В Древнем Риме право представлялось как правила и принципы, выраженные авторитетными юристами и комментаторами в форме позитивного (*ius positum*) и цивильного (*ius civile*) права. Прежде всего, эти правила и принципы выступали как способ согласования интересов членов римской общины (граждан) и публичных органов, которые являлись выразителями воли народа. Наиболее широкий перечень источников права помещен в «Институциях» Гая (II век) [7, с. 40]. В последствии этот список почти полностью был воспроизведен «Институциями» Юстиниана [7, с. 40]. Таким образом, перечень специальных источников римского права может быть представлен в форме правовых обычаев; законов (*leges*); плебисцитов (до 287 г. до н.э. – особых постановлений плебейских народных собраний); сенатус – консультум, а также принципов права (*Aequitas* – принцип справедливости); документов, формально закрепляющих результаты деятельности должностных лиц – магистратов; постановлений (конституций) императоров.

По мнению Ф. К. фон Савиньи, Секст Помпоний к источникам относит и «законные иски» (*leges actiones*), называя их особым источником «выражения неписанного права» [9, с. 333]. Значение и юридическая сила законов и иных источников права, влияющих на развитие образования, изменялись на различных этапах римского государства. С развитием правовой системы все большее значение приобретают документы, формально закрепляющие результаты деятельности должностных лиц – магистратов. В период Империи определяющими и наиболее значимыми источниками становятся конституции и судебные решения (рескрипты) императоров.

Важная информация о развитии юриспруденции содержится не только в трудах римских юристов, но и их корреспондентии. Например, Марк Туллий Цицерон (I в. до н.э.), ведущий обширную переписку со своими соратниками, вводит в оборот неологизмы и такие правовые понятия, как «*hypothesa*» – залог имущества, не переходящий в руки кредитора [4, с. 49]. В письмах Сенеки, Тацита, Плутарха, Светония, Цицерона и др. авторов содержится информация об истории римской юриспруденции и образования [10, с. 228]. С развитием общественных и экономических отношений возрастает значение консультативной и практической деятельности римских юристов. Они оказывали непосредственное влияние на развитие права и юриспруденции своим авторитетом, научно-практическими выводами и заключениями по спорным правовым вопросам. Посредством толкования и комментирования закона юристы фактически создавали нормы права авторитетного, иногда диспозитивного (общеобязательного) характера [6, с. 24]. В последствии

их практическая и консультативная деятельность становится профессиональным занятием.

Накопление правового материала за годы разъяснений и комментирования законов, решений различных казусов способствовали обобщению и изучению права и развитию правовой науки – цивилистики. Результатом активной литературной деятельности юристов явились многочисленные комментарии к законам и преторским эдиктам. Появляются труды, посвященные цивильному, публичному, преторскому праву и методике изучения права. Секст Помпоний в 38-53 параграфах «Энхиридия» называет имена выдающихся римских юристов, в частности, Публия Муция, Брута и Манилия, «которые обосновали гражданское право...» [3, с. 15]. В этой же работе Помпоний сообщает сведения о тех римских юристах, которые занимались преподавательской деятельностью. Он указывает, что «...слушатели Муция были многочисленны, но особым влиянием пользовались Аквиллий Галл, Луцилий Бальб, Секст Папирий, Гай Ювенций...» [3, с. 15]. Наиболее известные юристы республиканской эпохи – Марк Катон, Секст Элий, Марк Манилий, Публий Муций Сцевола, Квинт Муций Сцевола, Публий Папирий, Публий Элий, Альфен Вар и др. внесли заметный вклад в развитие юриспруденции и юридического образования.

В период Принципата деятельность знатоков права и развитие юридической науки и образования достигают наивысшего расцвета. Подробное изложение цивильного права в 18 томах было составлено понтификом Квинтом Муцием Сцеволой, а первый комментарий к преторским эдиктам подготовлен Сервием Сульпицием Руфом [5, с. 33]. В заключении своего труда Секст Помпоний отмечает (параграфы 48, 49 «Энхиридия»), «что Массурий Сабин достиг всаднического положения и первым стал давать ответы на публичном основании: впоследствии это стало привилегией, ему же она была предоставлена Тиберием Цезарем» [3, с. 16]. Далее Помпоний подчеркивает, что: «...те, кто был уверен в своих познаниях, давали ответы обращающимся за консультацией, и они не только давали ответы, скрепленные печатями, но зачастую направляли письмо непосредственно судьям. Первый божественный Август, чтобы повысить авторитет права, установил, чтобы они давали ответы на основе его влияния (*auctoritas*): и с этого времени это стали испрашивать как привилегию» [3, с. 16].

Таким образом, в эпоху Принципата за юристами было «закреплено право давать публичные ответы на основании его (Августа) власти» [7, с. 64]. При Октавиане Августе такой высокой привилегии добиваются наиболее известные юристы, в том числе, отмеченные Секстом Помпонием. Сформулированные ими *responsa prudenti*, *sententiae*, *opiniones* с изложением мнения и аргументации, предоставлялись судье для разрешения конкретного дела. Респонса (*responsa prudenti*) имела общеобязательный характер для судьи и рассматривалась как один из источников римского права, если по данной проблеме (или казусу) не было выработано единого мнения, то судья по собственному усмотрению применял мнение наиболее авторитетного юриста. Мнения правоведов могли расходиться между собой (*ius controversum*), но авторитет знатока права поддерживался оценкой и уважением других юристов. Комментарии и иные литературные труды (*nota*) юристов получали официальное признание римских властей, и в этом, прежде всего, заслуга самих юристов, обладающих энциклопедическими знаниями, уникальным трудолюбием и преданностью профессии. И. С. Перетерский отмечает, что «сочинения крупнейших римских юристов характеризуют их как очень образованных для своего времени людей. Они великолепно знали не только труды своих предшественников, но и зачастую цитировали поэтов (в частности, Гомера), философов, ораторов (греческих и римских, например, Демосфена и Цицерона)» [7, с. 15].

Сочинения известных римских юристов использовались как учебная и дидактическая литература, при этом оценивалось не только правовое содержание материала, но и стилистическое богатство языка, техническое мастерство и риторическое искусство педагога. Публичные чтения и лекции, которые проводились знатоками права, а также судебные слушания служили примерами красноречия и применения практических знаний для обучающихся праву. Выполняя практические задания, студенты приобретали и углубляли свои знания по философии, истории, этике и праву, учились переводить тексты с латинского на греческий, и наоборот. Кроме того, решение правовых упражнений и казусов, заучивание наизусть фрагментов из сочинений классических римских юристов развивали мышление, память и воображение. Уважение к праву прививалось римлянам с детского возраста. Законы XII Таблиц заучивались юношами наизусть, преторский эдикт и обычаи, выработанные судебной практикой, могли изучаться самостоятельно, без помощи учителей. Эдикт претора выставлялся на площади, был доступен каждому для ознакомления, с юридическими обычаями и практикой знакомились посредством юридических сочинений. Заканчивающий образование юрист должен был присутствовать на публичных выступлениях какого-либо известного правоведа.

Юрисконсульты не уделяли особого внимания учебному процессу и обучению учеников. Первоначальное обучение давало будущему юристу возможность усваивать правовой материал. Обучающиеся должны были внимательно слушать и запоминать ответы (респонса) своего учителя. Респонса (responso) содержала методологическую основу, позволяющую в дальнейшем применять этот материал при обучении праву и на практике. Следует подчеркнуть, что создание классической системы образования в Древнем Риме стало возможным благодаря заимствованию методик, традиций и новаций греческой культуры. Так, например, Цицерон признавал, что обязан достижениям и карьере «своим учителям и их идеалам» [11, с. 78]. Римский поэт Деций Магн Авсоний с благодарностью вспоминал своих греческих учителей, которые «были первыми, кто научил меня, так, чтобы мой голос и речь не звучали грубо» [1, с. 40]. Ораторское мастерство, умение выразить и отстоять свою точку зрения высоко ценились в римском обществе.

В I веке н.э. сложился канон (программа) образования в средней и высшей школе, который включал грамматику, риторику, логику, геометрию, астрономию, музыку, архитектуру, в юридических школах – право [10, с. 234]. Среди создателей юридических школ особенно выделяются Антистий Лабейон, основатель прокулианской школы, которая получила свое название от имени ученика Лабейона – Прокула. Другой римский юрист, современник Лабейона и известный писатель своего времени – Атий Капитон, выступил создателем «сабинианской» юридической школы, получившей свое название по имени его ученика – Массурия Сабина. Интересно отметить, Лабейон отказался принять должность консула и занимался юридической и преподавательской деятельностью. Его обширное литературное наследие составляет 40 томов сочинений, многие из которых не потеряли своей актуальности и значимости до настоящего времени [5, с. 34].

И. С. Перетерский отмечает, что расцвет римской юриспруденции приходится на III в. н.э. [7, с. 15]. В этот период работали такие выдающиеся юристы, как Папиниан, Ульпиан, Павел и др. Их работы интересны и ценны прежде всего тем, что содержат оригинальные тексты законов (в том числе, Законов XII Таблиц, эдикты, сенатусконсульты, императорские конституции) [7, с. 15]. Труды известных римских юристов сохранились в отрывках из их отдельных сочинений, и наиболее часто цитируются в Кодификации Юстиниана [7, с. 16]. Фрагменты из сочинений Помпония, Юлиана, Папиниана, Ульпиана, Павла, Гая и Модестина составляют около 80%

текста Дигест [7, с. 64]. Дидактическая и ознакомительная литература по праву собрана учебниках, т.н. «Институциях» Гая и «Институций» Флорентина, а также в последующих сочинениях этого жанра, принадлежащим перу Ульпиана, Павла, Гермогениана и др. [3, с. 9].

Юридическое образование становится популярным и пользуется уважением во всех слоях римского общества. Известный римский юрист Ульпиан отмечает, что «знание права считалось делом святейшим, достойным наивысшего уважения, которое деньгами ни оценить, ни обесценить нельзя» [6, с. 24]. В созданных юридических школах римские юристы, преподававшие право, стали называться профессорами (juris professors), а их ученики – студентами (studiosi) [6, с. 24]. Об организации учебного процесса в юридических школах, аналогов которому не было в греческом мире, можно судить по «Институциям» Гая. И. С. Перетерский отмечает, что «Институции» Гая дошли до нас «...почти в полном виде...», но и то лишь в копии, составленной примерно через 300 лет после их написания и, предположительно, содержащей ряд изменений [7, с. 16].

Сочинения дидактического характера широко использовались при обучении праву в юридических школах, и, вероятно, являлись главными учебниками для студентов. Полное название «Институций» – «Gaii institutionum iuris civilis commentarii quattuor». «Институции» представляли собой элементарный учебник по праву и применялись в качестве годичного курса лекций по основным институтам римского права и принципам осуществления правосудия [8, с. 27–31]. Заслугой Гая является, прежде всего, оригинальное расположение правового материала. В «Институциях» Гай не копирует систему распределения текстов предшествующих авторов, а предлагает разделение права на три взаимосвязанных раздела: субъекты права, объекты права, судебная защита прав, что позволило последователям Гая заложить новую правовую конструкцию в основу «институциональной системы права».

Наставления и рекомендации, содержащиеся в «Институциях», позволяли студентам освоить методологические приемы, используемые при разрешении юридических казусов и гражданских дел. Благодаря продуманной последовательности и логическому расположению правового материала, научиться выводить общие положения из частных дефиниций и наоборот. Гай, по праву, считается основоположником дидактической юридической литературы. На основе его «Институций» правовыми знаниями овладевали многие поколения античных и средневековых студентов. До сегодняшнего дня «Институции» вызывают интерес и уважение всех, кто изучает юриспруденцию и историю права.

Практическая и преподавательская деятельность юристов нашла отражение в различных сборниках по праву в форме институций, правил (регл), комментариев, консультаций и казусов по самым различным вопросам частного (privatum), публичного (ius publicum) права и «права народов» (ius gentium). Эти труды имели решающее значение при создании оригинальных систем права. Так, например, один из первых светских юристов, консул Секст Элий Пет Кат (198 г. до н.э.), написал учебник по основам права «Commntarii tripertita» и составил сборник судебных формул «Jus Aelianum» для различных слоев населения [2, с. 1].

Научные труды (монографии) и литературные произведения юристов можно классифицировать в зависимости от предмета исследования и выделить следующие виды сочинений: учебники и пособия для изучения римского права («Институции» Гая, «Институции» Флорентина, Гермогениана и др. авторов); практические пособия, включающие формулы договоров, завещаний и исков (например, пособие «Monumenta» 198 г. до н.э. консула Мания Манилия) [4, с. 28]; произведения, посвященные изучению гражданского права. Таким пособием является сочинение Квинта Муция Сцевола

Понтифика «Jus civile» (95 г. до н.э.), в котором представлено объяснение системы гражданского права. Д. В. Дождев отмечает, что с этого труда берет свое начало европейская юридическая наука [2, с. 3].

Труды, посвященные характеристике гражданского права, принадлежат Павлу («Трактат о гражданском праве» в 16 томах (лат. *Ad Sabimem*), «Сентенции» (лат. *Sententiae ad Jilium*) [12] (пер. пол. III в.); Помпонию Сексту («Энхиридий», «*Libri ad edictum*», «*Libri ex Sabino*» (II в. до н.э.); Домицию Ульпиану (монография «О словесных обязательствах» в 8 кн. (лат. *De stipulationibus*) (III в. н.э.)). Домиций Ульпиан является автором известной интерпретации о разделении права на частное и публичное, не потерявшей значения до нашего времени.

Кроме того, важное значение имели сочинения, посвященные комментированию преторских эдиктов, составленные Гаем, Лабеоном, Павлом. Например, известна работа Павла «Комментарий к преторскому эдикту» в 80 книгах, содержащая свободное изложение норм преторского права с общими учениями о его институтах [12]. Для профессиональной подготовки будущих «знатоков права» использовались сборники правовых предписаний и правил – *regulae*; *senteentiae* – мнения юристов по тем или иным вопросам права; сборники казусов, получившие названия «Ответы», либо «Вопросы». Римские правоведы рекомендовали сочинения Авла Офилия (I в. до н.э.) «*De legibus*» (Законы), «*Actiones*» (Исковые формулы) и «*Libri iuris partiti*» (элементов системы права) [4, с. 29] к изучению права и называли его труды лучшим изложением гражданского права. Юрист Секст Элий Пет Кат считается одним из первых авторов, написавшим учебник по основам права «*Commentarii tripertita*» для самой широкой аудитории интересующихся римским правом.

Монографии (труды) римских юристов, содержащие характеристику и анализ отдельных, наиболее сложных проблем гражданского, преторского права или «права народов», также могли применяться в учебном процессе в качестве дидактического материала и практических пособий. Огромный вклад в развитие, систематизацию права и юридического образования внес Марк Туллий Цицерон. Он «разделил все гражданское право на части (*partitiones*), затем выделил несколько родов (*genera*), внутри которых различаются виды (*species*) – всему этому давая определения (*difinitiones*)» [4, с. 29]. Кроме того, один из первых примеров деления права на частное и публичное содержится в труде историка Тита Ливия «История от основания Рима» («*Ab Urbe condita*») [4, с. 29]. Огромное значение для развития юридического образования Рима и Византии имели конституции, в том числе, и императорские постановления. Один из первых документов данного вида – конституция 105 г. до н.э. консула Публия Рутилия Руфа «*Constitutio Rutiliana*» [2, с. 3].

По мнению исследователей римского права наиболее важными источниками для развития юридического образования выступают своды законов Восточной Римской империи – «Кодекс Феодосия» (438 г.), «Кодекс Юстиниана» (529 г.), «Дигесты» (533 г.), вошедшие, наряду с другими правовыми документами в «*Corpus iuris civilis*». Таким образом, логика исследования диктует необходимость обращения к источникам различного характера и содержания, как специальным (формально определенным), так и неспециальным (неюридическим). Ко второй категории источников относятся не только работы известных юристов, философов и риториков, но и произведения античных авторов – поэтов, надписи, изображения и иные артефакты, которые позволяют получить сведения о юридическом образовании в Древнем Риме.

Интеграция междисциплинарных компонентов исследования позволяет провести анализ развития юридического образования в рамках характеристики документальных источников правового содержания, политики императоров в отношении высшей школы, традиций и новаций в обла-

сти обучения праву. Изучить сущность, генезис древнейших форм права, раскрыть идею преемственности организационных и содержательных компонентов юридического образования.

Следует отметить, что юридическое образование является продуктом культурно-исторического развития древнеримской цивилизации. Особенностью римского юридического образования эпохи Республики и периода Принципата была его практическая направленность, выраженная в изучении трудов юристов, слушаний выступлений и комментариев учителя, ориентацией на успех в будущей карьере государственного деятеля и личных дел. Изучение лучших образцов классических текстов на греческом и латинском языках было обусловлено влиянием культуры эллинистических государств. В эпоху Империи знание и эрудиция в области гуманитарных наук особенно высоко ценились, при этом юридическое образование было неотделимо от практических навыков стихосложения, написания и произнесения речей перед слушателями.

Пристатейный библиографический список

1. Авсоний Магн. Стихотворения. – М., 1993. – 368 с.
2. Дождев Д. В. Римское частное право. Учебник для вузов / под ред. В. С. Нерсесянца. – М., 1996. – 685 с.
3. История Древнего Рима. Тексты и документы: Учеб. пособие: В 2 ч. Ч. 2. Римское право и общество / под ред. В. И. Кузищина. – М.: Высш. шк., 2005. – 318 с.
4. Критская С. Ю., Салогуб Я. Л. Введение в римское право: понятие, система, источники. Учебное пособие для вузов. – СПб.: Изд-во «Аврора», 2023. – 152 с.
5. Михайлова И. А. Деятельность римских юристов как своеобразная форма правообразования // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – № 2 (15). – 2018. – С. 32-37.
6. Новицкий И. Б. Римское право: Учебник. – М.: Гуманитарное знание, 1993. – 245 с.
7. Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. Очерки по истории составления и общая характеристика. – М.: Юрид. лит., 1956. – 131 с.
8. Ренан Э. Марк Аврелий и конец античного мира / пер. В. А. Обручева. – СПб., б/г. – 352 с.
9. Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права: в 8 т. Т. 1 / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М., 2011. – 508 с.
10. Шукурова Т. Ф. Учебный процесс в школах Древнего Рима // Вестник Педагогического университета. Серия 2: Педагогики и психологии, методики преподавания гуманитарных и естественных дисциплин. – 2020. – № 1 (1). С. 228-238.
11. Цицерон М. Туллий О старосте. О дружбе. Об обязанностях. – М., 1974. – 248 с.
12. Юлий Павел Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / пер. с лат. Е. М. Штаерман; Отв. ред. и сост. Л. Л. Кофанов. – М.: Зерцало, 1998. – 285 с.

ТОНОЯН Маринэ Радиковна

аспирант 4-го курса, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ: БАЛАНС ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Статья посвящена трансформации баланса публичного и частного интересов в области земельных отношений через призму установленных конституционных гарантий прав собственности на землю. На основе анализа конституционных положений (ст. 9, 36, 55 Конституции РФ), правовых позиций Конституционного Суда РФ, а также норм Земельного и Гражданского кодексов РФ автор выявляет доминирующую роль публичного интереса в современном земельном законодательстве. Уделяется также внимание механизмам ограничения прав собственности на земельные участки: изъятию для государственных и муниципальных нужд, установлению публичных сервитутов, резервированию земель, а также упрощённым процедурам, введённым в последние годы. Рассматриваются правовые эксперименты (олимпийское строительство в Сочи, саммит АТЭС во Владивостоке, расширение Москвы, подготовка к ЧМ-2018), которые привели к распространению упрощённого порядка изъятия на всю страну. Анализ норм действующего законодательства показал приоритет в настоящее время публичного интереса над частным, что, безусловно, влияет на условия, связанные с использованием и распоряжением земельными ресурсами.

Ключевые слова: публичный интерес, Конституция РФ, правообладатели, земельные отношения, правовой режим, право собственности на землю, земельный участок, приватизация, ограничения прав на землю, изъятие.

TONOYAN Marine Radikovna

postgraduate student of the 4th course, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg

CONSTITUTIONAL GUARANTEES AND RESTRICTIONS ON LAND OWNERSHIP: BALANCING PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS

The article is devoted to the transformation of the balance of public and private interests in the field of land relations through the prism of the established constitutional guarantees of land ownership rights. Based on an analysis of constitutional provisions (Articles 9, 36, and 55 of the Constitution of the Russian Federation), legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and norms of the Land and Civil Codes of the Russian Federation, the author identifies the dominant role of public interest in modern land legislation. Attention is also paid to the mechanisms for restricting the rights of ownership of land plots: expropriation for state and municipal needs, the establishment of public easements, land reservations, and simplified procedures introduced in recent years. Legal experiments are considered (the Olympic construction in Sochi, the APEC summit in Vladivostok, the expansion of Moscow, and the preparation for the 2018 FIFA World Cup), which have led to the spread of simplified procedures for expropriation throughout the country. An analysis of the current legislation has shown that the public interest currently takes precedence over the private interest, which undoubtedly affects the conditions related to the use and management of land resources.

Keywords: public interest, Constitution of the Russian Federation, copyright holders, land relations, legal regime, land ownership, land plot, privatization, restrictions on land rights, and seizure.

Тоноян М. Р.

Реформирование земельных отношений на современном этапе, вовлечение земли в гражданский оборот, совершенствование правовой охраны земли как природного объекта, а также введение новых ограничений для собственников участков требуют выработки нестандартных законодательных решений и пересмотра ряда дискуссионных подходов.

В настоящее время изучение конституционных основ правового регулирования земельных отношений – становится актуальной научной задачей, включая теоретические аспекты, правоприменительную практику и их систематизацию, основная цель которой – создание оптимальных моделей владения, пользования и распоряжения объектами земельных отношений.

Соотношение публичных и частных интересов в области земельного права рассматривается такими авторами как А. П. Анисимовым, С. В. Дзгоевым, Л. Т. Кокоевой, Е. В. Ухловой, Н. И. Красновым, Е. С. Клейменовой и др.

Н. И. Краснов подчеркивал, что современное понимание земельных отношений синтезирует в себе как частноправовой элемент, так и публично-правовой (с одной стороны, автономия воли, с другой, государственное регулирование) [5, с. 58]. Е. В. Ухлова акцентировала необходимость согласованного применения норм земельного и гражданского права для достижения адекватного баланса [7, с. 32]. Е. С. Клейменова добавляла, что государству следует выстраивать регулирование таким образом, чтобы соблюдение общественных интересов становилось выгодным и для каждого конкретного правообладателя [6, с. 33].

Таким образом, главной задачей по установлению баланса между публичными и частными интересами является анализ допустимых ограничений прав землепользователей и установление пределов возможного вмешательства государства в их полномочия по управлению землёй.

В российской конституционно-правовой доктрине ограничения прав и свобод традиционно рассматриваются в двух формах: во-первых, как полный запрет на осуществление определённого права (свободы), вызванный объективными или субъективными причинами; во-вторых, как сужение спектра дозволенных действий в рамках конкретного права путём установления различных пределов — пространственных, временных, субъектных и т.д. [2, с. 12-13].

Как отмечает А. Ф. Квитко, под ограничением права следует понимать законодательно определённые рамки реализации человеком своих прав, которые выражаются в запретах, обязанностях, юридической ответственности и иных правовых стеснениях, призванных обеспечить баланс между интересами личности, общества и государства [3, с. 10].

Нормы Конституции Российской Федерации¹ закрепляют базовые гарантии государственной политики в сфере земельных отношений и нацелены на обеспечение стабильности их правового регулирования. При этом конституционные основы земельных правоотношений призваны создавать условия для эффективного использования земли, в целях повышения инвестиционной привлекательности и одновременного решения социально значимых государственных задач.

Земельные отношения находятся в сфере конституционного регулирования и служат системообразующим звеном для отраслевого законодательства об использовании и охране земель.

Положения гражданского законодательства раскрывают содержание права собственности на землю через традиционную для частного права триаду - владение, пользование и распоряжение недвижимым имуществом. Однако в сфере конституционного права право граждан и их объединений на землю получает публичное измерение, например, через возможность приватизации участков, но только если такая приватизация не противоречит публичным интересам.

Статья 9 Конституции Российской Федерации устанавливает, что земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в России как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории, а также допускает нахождение земли в различных формах собственности. Право на свободное владение, пользование и распоряжение землёй собственники имеют постольку, поскольку это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц.

Конституционный Суд РФ не раз обращал внимание, что конституционные гарантии охраны частной собственности, её неприкосновенности и судебной защиты в равной мере применимы как к гражданско-правовым, так и к публично-правовым отношениям между государством и личностью².

В то же время право частной собственности может быть ограничено федеральным законом, если это необходимо для защиты прав и законных интересов других лиц. Устанавливаемые ограничения обязаны отвечать требованиям справедливости, разумности и соразмерности. Вмешательство государства в сферу собственности не должно носить произ-

вольного характера и нарушать баланс между публичными интересами общества и необходимостью обеспечения основных прав конкретного лица.

Принципы земельного законодательства, в частности дифференцированный подход к определению правового режима земель (с учётом таких факторов как природные, социальные, экономические), являются прямым подтверждением конституционных гарантий для участников земельных отношений.

Земельное законодательство закрепляет ряд ключевых ограничений: запрет на использование участков в зонах с особыми условиями использования территорий; ограничения для иностранцев на приграничных территориях; невозможность приватизации земель, изъятых из оборота; установление публичных сервитутов; резервирование земель для государственных и муниципальных нужд и др.³

Большая часть из установленных законодательством ограничений исходит из публичных интересов, связанных с нуждами государственного или муниципального характера. Например, резервирование или изъятие земель для государственных и муниципальных нужд осуществляется при размещении объектов инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры, объектов обороны и безопасности, создании особо охраняемых природных территорий и т.п. Или в целях обеспечения иных нужд местного населения, может быть установлено право ограниченного пользования чужим участком (сервитут) на основании соответствующего решения уполномоченного органа.

На современном этапе определённые ограничения прав собственности на землю со стороны государства объективно необходимы для развития общества. Так, у государства возникает потребность в резервировании участков для строительства социальной или транспортной инфраструктуры (школы, поликлиники, транспортные развязки, объекты гражданской обороны).

При этом первоначальная редакция Земельного кодекса РФ предусматривала определенно высокий уровень гарантий прав землевладельцев на всей территории страны без каких-либо исключений. К таким гарантиям при изъятии земельных участков относились: равноценное возмещение стоимости изымаемого участка; заблаговременное уведомление землепользователей о предстоящем изъятии; обязательное соответствие изъятия документам территориального планирования; проведение публичных слушаний для установления публичного сервитута.

Вышеуказанные гарантии исключали возможность «произвольного» принятия уполномоченными органами решений, накладывающих различные обременения (ограничения) на пользование земельным участком.

В последнее время усматривается тенденция на введение на законодательном уровне новых правовых механизмов, предусматривающих изъятие земельных участков у граждан и юридических лиц для государственных или муниципальных нужд, а также упрощённый порядок установления публичного сервитута для конкретных целей его установления.

Специальная процедура изъятия участков для государственных нужд впервые была введена федеральным законом для строительства олимпийских объектов в г. Сочи, затем — для объектов саммита АТЭС во Владивостоке. Впоследствии аналогичные механизмы были применены на территориях,

1 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 13.10.2022 № 43-П «По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 10 Правил установления охранных зон объектов электросетевого хозяйства и особых условий использования земельных участков, расположенных в границах таких зон, в связи с жалобой гражданина В. Б. Колобаева».

3 Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ // СЗ РФ. - 2001. - № 44. - Ст. 4147.

присоединённых к Москве, и для строительства объектов чемпионата мира по футболу 2018 года [1, с. 5].

В результате этих правовых экспериментов была разработана нормативная база и апробированы новые способы изъятия земельных участков. Поскольку опыт был признан эффективным, упрощённый порядок изъятия распространяли на всю страну путём внесения соответствующих изменений в Земельный кодекс РФ.

Аналогичные изменения произошли с порядком установления публичного сервитута после введения новой главы V 7 Земельного кодекса РФ, которая фактически заменила частнопроводное соглашение или договор административной процедурой установления сервитута в силу властного решения для размещения общественно значимых объектов (линий электропередач, газопроводов, водопроводов и т.п.).

При этом законодатель предпринял попытку сохранить баланс частных и публичных интересов: правообладатель участка вправе требовать платы за сервитут, обжаловать его в суде, а также требовать изъятия участка, если сервитут делает невозможным его использование по целевому назначению.

Земельным кодексом РФ прямо определены случаи ограничения оборотоспособности земельных участков: например, участки в границах особо охраняемых природных территорий, в составе земель лесного фонда, занятые особо ценными объектами культурного наследия. Запрещена приватизация участков в пределах береговой полосы (согласно Водному кодексу РФ)⁴, а также участков, на которых расположены пруды и обводнённые карьеры, в границах территорий общего пользования.

Конституционное право частной собственности на земельные участки предоставляет гражданам и юридическим лицам возможность приватизировать участки в собственность, а также обязывает государство создавать условия для реализации этого права путём вовлечения в оборот определённого объёма земель и разработки механизмов их приобретения. Любое ограничение прав человека должно соответствовать требованию произвольности и основываться на легитимности цели – защите общественных интересов.

По вопросу разграничения частного и публичного земельного интереса, необходимо отметить, что к первому, безусловно, можно отнести потребность правообладателей земельных участков в свободной реализации своих правомочий по использованию земли для получения соответствующих благ имущественного и неимущественного характера. Ко второму относятся те действия граждан и их объединений, проживающих на определённой территории, которые направлены на реализацию коллективных прав на землю [1, с. 149].

Исходя из проведённого анализа конституционных положений, норм земельного и гражданского законодательства, а также правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и доктринальных источников установлен приоритет публичного интереса над частным в современном земельном регулировании. Действующее законодательство, несмотря на конституционное закрепление права частной собственности на землю, в большей мере ориентировано на обеспечение реализацию публичных интересов.

Можно отметить, что первоначальный высокий уровень гарантий прав собственников был последовательно снижен путём внесения соответствующих изменений в земельное

законодательство. Однако, несмотря на объективную необходимость ограничений прав собственности, существующие процедуры не всегда обеспечивают справедливый баланс.

Таким образом, необходимость и оправданность ограничения прав и свобод человека и гражданина не вызывают сомнений. В дальнейшем выстраивание системы гарантий прав человека, очевидно, будет по-прежнему подчиняться, прежде всего, публичным (общественным) интересам. Однако для достижения более гармоничного баланса требуется дальнейшее развитие института публичных слушаний, а также формирование исчерпывающего перечня публичных нужд. Это позволит более чётко определить параметры и пределы государственного вмешательства на право частной собственности, на землю и иные права землепользователей.

Пристатейный библиографический список

1. Актуальные проблемы теории земельного права России: монография / Е. Н. Абанина, Н. Н. Аверьянова, А. П. Анисимов и др.; под общ. ред. А. П. Анисимова. – М.: Юстицинформ, 2020. – 800 с.
2. Ашихмина А. В. Конституционно-правовой механизм ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2009. – 35 с.
3. Квитко А. Ф. Конституционно-правовые основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2007. – 24 с.
4. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.
5. Краснов Н. И. О соотношении земельного и гражданского права при переходе к рыночной экономике // Государство и право. – 1994. – № 7.
6. Клейменова Е. С. Соотношение частных и публичных интересов при ограничении и прекращении прав на земли сельскохозяйственного назначения в общественных интересах // Юридический мир. – 2010. – № 11.
7. Ухлова Е. В. Публичное и частное в правовом регулировании ограничений прав граждан на землю // Экологическое право. – 2009. – № 5/6.

⁴ Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. N 74-ФЗ // СЗ РФ. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.

САИДОВ Фархад Зирофович

кандидат юридических наук, старший инспектор Республиканского учебного центра МВД Кыргызской Республики

ЗАЙЫРБЕКОВА Айчурок Акжолтоевна

кандидат психологических наук, инспектор психолог МВД Кыргызской Республики

РЫБОЛОВЛЕВА Наталья Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации управления ОВД, Академия МВД России

ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАТУСА ИНСТИТУТА СУДА АКСАКАЛОВ В КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Актуальность темы. В системе государственных органов Кыргызской Республики (далее - КР), обеспечивающих защиту прав и свобод человека и гражданина во внесудебном порядке, существенная роль отведена институту суда аксакалов (старейшин). Особенность деятельности суда аксакалов и его роль в защите прав и свобод человека и гражданина должны быть изучены на основе анализа их деятельности с учетом культурно-исторических особенностей развития кыргызского общества. В статье рассматриваются вопросы становления современного состояния и перспективы развития института суда аксакалов в КР.

Постановка проблемы. Вопрос организации эффективной деятельности системы защиты прав и свобод человека и гражданина, органов государственной власти и местного самоуправления стал приоритетным, так как, начиная с 1991 г., в жизни кыргызского общества произошли значительные перемены. В настоящее время КР объявила и закрепила в Конституции, что права и свободы человека и гражданина являются высшей ценностью, а также приверженность принципам международного права. Кроме того, в КР стремительно развивались, а ныне трансформируются западные модели деятельности правозащитных органов, которые внедрялись без учета культурных обычаев, традиций и ценностей кыргызского народа.

Цель исследования заключается в анализе становления современного состояния и выработке предложений по совершенствованию правового статуса суда аксакалов в КР.

Методологическая основа исследования – диалектический метод познания, а также сравнительно-правовой, системно-структурный, формально-юридический, историко-правовой и системные методы.

В результате проведенного исследования сформулированы выводы и предложения по совершенствованию правового статуса института суда аксакалов. Предлагается предусмотреть административную ответственность за неисполнение решений суда аксакалов; законодательно закрепить основы сотрудничества с правоохранительными органами; повысить требования к кандидатам; осуществлять финансирование их деятельности согласно реалиям настоящего времени и дополнить гражданско-процессуальное законодательство нормой о том, что решения судов аксакалов должны обжаловаться в апелляционном порядке.

Ключевые слова: институт суда аксакалов, правовой статус, основы сотрудничества, обычаи, традиции, ценности, совершенствование, права и свободы человека и гражданина.

SAIDOV Farhad Zirofovich

Ph.D. in Law, senior inspector of the Republican Training Center of the MIA of the Kyrgyz Republic

ZAYYRBEKOVA Aychurok Akzholtoevna

Ph.D. in psychological sciences, inspector psychologist of the MIA of the Kyrgyz Republic

RYBOLOVLEVA Natalya Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Management of the department of internal affairs sub-faculty, Academy of the MIA of Russia

LEGAL CHARACTERISTICS OF THE STATUS OF THE AKSAKAL COURT INSTITUTION IN THE KYRGYZ REPUBLIC

The relevance of the topic. In the system of state bodies of the Kyrgyz Republic (hereinafter - KR), which ensure the protection of human and civil rights and freedoms out of court, a significant role is assigned to the institute of the court of elders (elders). The specifics of the activities of the Aksakal court and its role in protecting human and civil rights and freedoms should be studied based on an analysis of their activities, taking into account the cultural and historical features of the development of Kyrgyz society. The issues of the formation of the current state and prospects for the development of the institute of the court of elders in the Kyrgyz Republic are considered.

Problem statement. The issue of organizing the effective operation of the system for the protection of human and civil rights and freedoms, state authorities and local governments has become a priority, since significant changes have taken place in the life of Kyrgyz society since 1991. Currently, the Kyrgyz Republic has declared and enshrined in the Constitution that human and civil rights and freedoms are the highest value, as well as adherence to the principles of international law. In addition, Western models of human rights bodies have been rapidly developing in the Kyrgyz Republic and are now being transformed, which were introduced without taking into account the cultural customs, traditions and values of the Kyrgyz people.

The purpose of the study is to analyze the formation of the current state and develop proposals for improving the legal status of the Aksakal court in the Kyrgyz Republic.

The methodological basis of the research is the dialectical method of cognition, as well as comparative-legal, system-structural, formal-legal, historical-legal and systemic methods.

As a result of the conducted research, conclusions and proposals have been formulated to improve the legal status of the institute of the Aksakal court. It is proposed to provide for administrative liability for non-enforcement of decisions of the Aksakal court; to legislate the foundations of cooperation with law enforcement agencies; to increase the requirements for candidates for the position of aksakal courts; to finance their activities in accordance with the realities of the present and to supplement the civil procedure legislation with the norm that decisions of Aksakal courts must be appealed.

Keywords: institute of the Aksakal court, legal status, foundations of cooperation, customs, traditions, values, improvement, human and civil rights and freedoms.

История становления и развития суда аксакалов (старейшин) показывает, что государство при создании указанного института стремилось сохранить культурные обычаи, традиции и ценности кыргызского общества [1, с. 177]. Исторические летописи свидетельствуют, что члены суда аксакалов имели высокий авторитет и безупречную репутацию, познания в области обычаев, традиций, ценностей и религиозных норм, были неподкупны и боролись за справедливость. Все вышеуказанное позволяет членам суда аксакалов принимать рациональные решения, которые не противоречат интересам общества и государства [3, с. 24-36]. В силу того, что кыргызскому обществу присуще уважение к старшим по возрасту, и именно этот фактор является основой построения взаимоотношений кыргызского общества, мнение членов суда аксакалов имеет важное значение.

По мнению Н. Б. Аленкиной суд аксакалов – это «внесудебный общественный орган, уполномоченный разрешать незначительные споры между гражданами и юридическими лицами. При рассмотрении споров члены судов аксакалов руководствуются обычаями и традициями. Правовой статус их регулируется специальным законом» [5, с. 4-23].

Н. С. Турсунбаева отметила, что в настоящее время суды аксакалов в КР обладают особым правовым статусом в отличие от других общественных органов. Это особенность выражается в наличии финансовой поддержки со стороны государства, а также наличием закона, который определяет их правовой статус, и заинтересованностью кыргызского общества в развитии негосударственных форм правосудия [11, с. 155-158].

К. Б. Шадыбеков справедливо указал, что «правовой статус суда аксакалов претерпевает определенные изменения, если ранее они входили в единую судебную систему судов КР и конституционно уполномочены были рассматривать определенную категорию дел, то в настоящее время суды аксакалов – это общественные органы, рассматривающие споры между гражданами и юридическими лицами в порядке и случаях, установленных законом» [12, с. 4-5].

Согласно оценкам международной ассоциации юристов, неформальное рассмотрение споров способствует разгрузке деятельности судов общей юрисдикции. Например, деревенский совет Ботсване, суды обычного права Бурунди, панчаяты (совет старейшин) Индии, старейшины Конго и другие в своей деятельности рассматривают широкий спектр вопросов, вызывающих обеспокоенность у местного населения¹.

По нашему мнению, правовой статус судов аксакалов за последние годы претерпел значительную трансформацию, о чем свидетельствует его формализация, институционализация и организационная обособленность. Суды аксакалов – это общественный институт местного самоуправления, призванный оперативно разрешать незначительные споры граждан, возникающие в повседневной жизнедеятельности муниципалитета.

На сегодняшний день суды аксакалов, как и ранее, осуществляют защиту прав и свобод человека и гражданина. Например, согласно законодательству, гражданин КР, иностранный гражданин, лицо без гражданства, несовершеннолетние вправе обратиться в суд аксакалов за защитой своих прав и свобод с целью восстановления нарушенного права и социальной справедливости². В настоящее время суды аксакалов оперативно решают жизненно важные вопросы граждан во взаимодействии с органами государственной власти и местного самоуправления. Это подтверждает исследование, проведенное в рамках проекта «USAID (Укук булагы (Источ-

ник права)», где в отчете о деятельности судов аксакалов КР отмечается, что граждане КР заинтересованы в укреплении указанного института, так как полностью доверяют решениям судов аксакалов³. Кроме того, правоприменительный опыт деятельности судов аксакалов, свидетельствует, что их решения исполняются в полном объеме.

Бесма интересным для нашего исследования является правовой статус института суда аксакалов. Несмотря на то, что институту суда аксакалов чуть более 30 лет, он до сих пор находится в стадии реформирования. Так, до 1996 г. суды аксакалов имели статус местных судов и входили в единую систему правосудия КР [3, с. 24-36]. Однако суды аксакалов по природе происхождения принадлежат и к гражданскому обществу, что отражает их двойственную сущность. Принадлежность института суда аксакалов к институтам гражданского общества заключается в том, что он является защитником общества (уполномочен рассматривать спорные правоотношения между гражданами и юридическими лицами), который реагирует на нарушения прав человека и может применять и использовать механизмы воздействия, предоставленные ему законом в рамках определенного села или города.

Впервые в истории кыргызского общества в целях укрепления статуса института суда аксакалов был принят закон, который определил принципы его деятельности, порядок избрания членов и их полномочия⁴. Суды аксакалов учреждались по решению собрания граждан из числа аксакалов мужчин и женщин, пользующихся высоким авторитетом и безупречной репутацией. Члены суда аксакалов избирались на три года гражданами КР в количестве не менее пяти и не более девяти человек. Кандидаты на должность суда аксакалов выдвигались на местных собраниях по инициативе граждан и органов местного самоуправления.

Проводимая на современном этапе конституционная реформа в КР направлена на совершенствование механизма деятельности органов публичной власти и повышения роли институтов, осуществляющих защиту прав и свобод человека и гражданина во внесудебном порядке, об этом также свидетельствует принятие и вступление в силу 5 мая 2021 г. новой Конституции КР⁵.

В соответствии со статьей 115 Конституции КР граждане имеют право учреждать суды аксакалов, деятельность которых финансируется за счет средств местного бюджета, при этом порядок создания судов аксакалов, их полномочия и деятельность определяются законом⁶.

С целью реализации положений Конституции был принят Закон КР от 19 февраля 2024 г. № 52 «О судах аксакалов» (далее – Закон)⁷.

Согласно Закону, суды аксакалов – это общественные органы, создаваемые на добровольных началах, на основе вы-

1 Официальный сайт международной ассоциации юристов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/fpa-rf/partner/international-organizations/mezhdunarodnaya-assotsiatsiya-yuristov-iba> (дата обращения: 10.01.2025).

2 О судах аксакалов: Закон Кыргызской Республики от 19 февраля 2024 г. № 52 (в действ. ред.) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (дата обращения: 10.01.2025).

3 См: Статистический отчет результата деятельности судов аксакалов Кыргызской Республики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://file:///C:/Users/user/Desktop/%.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

4 О судах аксакалов: Закон Кыргызской Республики от 5 июля 2002 г. № 52 (утратил силу) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (дата обращения: 10.01.2025).

5 Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г.) (в действ. ред.) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (дата обращения: 10.01.2025).

6 Конституция Кыргызской Республики (принята референдумом (всенародным голосованием) 11 апреля 2021 г.) (в действ. ред.) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (дата обращения: 10.01.2025).

7 О судах аксакалов: Закон Кыргызской Республики от 19 февраля 2024 г. № 52 (в действ. ред.) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (дата обращения: 10.01.2025).

борности и самоуправления, призванные осуществлять рассмотрение дел (материалов) о спорах между гражданами, гражданами и юридическими лицами в порядке и случаях, установленных законом. Законодатель определил, что решения суда аксакала не должны противоречить национальному законодательству⁸. Опыт деятельности судов аксакалов показывает, что их решения основываются на справедливости и соответствуют этическим и моральным нормам, в том числе ценностям кыргызского общества [2, с. 46-53].

Суды аксакалов учреждаются решением граждан и в обязательном порядке проходят учетную регистрацию в исполнительных органах местного самоуправления в течение трех рабочих дней после их избрания. Также в настоящее время в соответствии с Законом члены судов аксакалов избираются сроком на четыре года путем открытого голосования в составе не менее трех и не более девяти человек.

Основной целью возрождения института суда аксакалов является укрепление местных сообществ и разгрузка судебной системы от рассмотрения незначительных споров между гражданами и юридическими лицами [6, с. 13-22].

Организацию деятельности института осуществляет секретарь и председатель, которые избираются из числа членов суда аксакалов. Наличие высшего юридического образования у кандидата на должность председателя суда аксакалов дает преимущество перед другими оппонентами, которые также изъявили желание быть избранными на должность председателя суда аксакалов. Вместе с тем законодательно требование о наличии высшего юридического образования у председателя суда аксакалов не закреплено.

К членам суда аксакалов предъявляются нижеперечисленные требования: гражданин КР не моложе 50 лет; наличие образования не ниже среднего общего или среднего профессионального; отсутствие судимости. Согласно действующему законодательству, порядок организации выборов возложен на органы местного самоуправления.

Принимая во внимание историю становления и развития кыргызского общества, помимо указанных выше требований, предлагаем перечень требований к кандидатам на должность суда аксакалов усилить и дополнить следующими нормами: свободное владения кыргызским и русским языками; постоянное проживание кандидата на территории села или города, от которого он избирается; отсутствие гражданства иностранного государства; познания в области обычаев, традиций, ценностей и религии [7, с. 65-67, 8, с. 165-171]. Перечисленные нами требования позволяют объективно и оперативно рассматривать споры граждан, а также будут способствовать укреплению имиджа аксакалов, как компетентных профессионалов.

Согласно Закону, суды аксакалов уполномочены рассматривать обращения граждан, связанные с нарушением прав человека в области имущественных, семейных, земельных, межнациональных и иных правоотношениях. Кроме того, законодатель определил, что они не вправе рассматривать обращения граждан, по которым имеются решения государственных органов и судов КР. В течение 14 дней обращения граждан должны быть рассмотрены. Для всестороннего, полного и объективного принятия решения в отдельных случаях срок рассмотрения дела может быть продлен до 30 дней с обязательным письменным уведомлением лица.

Решения суда аксакалов принимаются большинством голосов от общего числа присутствующих и излагаются в письменной форме. Кроме того, суды аксакалов по итогам рассмотрения дела могут применять следующие меры воздействия: выносить предупреждение; обязать принести публичное извинение потерпевшей стороне; обязать возместить причиненный материальный ущерб; объявить общественное порицание; присудить имущество в натуре с указанием стоимости имущества, которая должна быть вы-

скана с ответчика, если при исполнении решения присужденное имущество не окажется в наличии. Указанные выше меры воздействия являются исчерпывающими.

Однако правоприменительный опыт деятельности судов аксакалов показывает, что имеются случаи, когда суды аксакалов принимают решения, которые не входят в их компетенцию, например, 5 декабря 2021 г. судом аксакалов Сокулукского района Чуйской области КР было принято решение о принудительном выселении семьи подозреваемого в совершении преступления (изнасилование несовершеннолетней)⁹. Подобные решения дискредитируют авторитет и имидж судов аксакалов. В связи с этим, принимая во внимание указанную выше ситуацию, считаем, что кандидат на должность председателя суда аксакалов должен обладать познаниями в области права и иметь высшее юридическое образование.

Ранее суды аксакалов имели право принимать решение о наложении штрафа на граждан. При этом предельный размер и порядок уплаты не были урегулированы, что вызывало неопределенность в правоприменительной практике института. В этой связи с 2024 г. штраф, как мера воздействия, не применяется судами аксакалов. Наиболее эффективной мерой воздействия является общественное порицание.

В настоящее время законодатель определил, что суды аксакалов могут применять только те меры воздействия, которые отражены в действующем законодательстве.

Решения суда аксакалов могут быть обжалованы в течение 10 рабочих дней. Жалобы подаются в районный или городской суд, на территории которого образован суд аксакалов, в порядке, определенном гражданско-процессуальным кодексом КР. Однако в настоящее время гражданско-процессуальное законодательство не содержит нормы, касающиеся порядка обжалования решения суда аксакалов. В свою очередь, считаем, что решения суда аксакалов целесообразно было бы обжаловать в апелляционном порядке.

Опыт деятельности судов аксакалов показывает, что принятые ими решения исполняются в полном объеме. Это является свидетельством того, что граждане полностью доверяют судам аксакалов и понимают, что их решения будут справедливыми. В процессе рассмотрения жалобы стороны сами активно принимают участие в обсуждении, и заседание суда проходит в открытом режиме.

Председатели и секретари судов аксакалов осуществляют непосредственный контроль за ходом исполнения решений. В случае, если их решения не исполняются, то они вправе напомнить и потребовать их исполнения от субъекта, в отношении которого было вынесено решение.

Кроме того, суд аксакалов может порекомендовать обратиться в суд (районный и городской) с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения, что крайне редко происходит в правоприменительной практике института [4, с. 236-256]. Но для повышения эффективности деятельности института предлагаем предусмотреть административную ответственность за неисполнение решения суда аксакалов. Это норма имела бы превентивный характер. Так, например, в Индии за неисполнение решений панчаята (совет старейшин) предусмотрена административная ответственность¹⁰.

Необходимо отметить, что основное направление деятельности института является рассмотрение и разрешение споров между гражданами и юридическими лицами. Но вместе с тем функции профилактики, просвещения и воспитания также являются неотъемлемой частью деятельности института.

Согласно действующему законодательству споры рассматриваются судами аксакалов только в случае согласия на

8 О судах аксакалов: Закон Кыргызской Республики от 19 февраля 2024 г. № 52 (в действ. ред.) // Централизованный банк данных правовой информации Кыргызской Республики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg>. (дата обращения: 10.01.2025).

9 Официальный сайт BULAK.KG. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://bulak.kg/2021/12/24/sudy-aksakalov-v-kyrgyzstane-samoupravstvo-ili-neobhodimost> (дата обращения: 10.01.2025).

10 Указатель судебных и квазисудебных органов, в работе которых участвуют граждане. [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://ifp.uran.ru/netcat_files/multifile/789/Ukazatel_sudebnihi....pdf (дата обращения: 10.01.2025).

это сторон. Указанное выше правило обязательно распространяется на материалы, которые были направлены в суд аксакалов судами (района и города), правоохранительными органами и иными государственными органами.

Следовательно, суды аксакалов должны обладать высокой правовой культурой, познаниями в области правоприменения и гибкостью принятия решений. Основным инструментом их деятельности является убеждение и общественное порицание [9, с. 15]. В большинстве случаев суд аксакалов примиряет стороны и выносит справедливое решение, которое не противоречит законодательству, традициям и обычаям кыргызского общества [10, с. 147]. Наряду с этим нужно отметить, что дополнительным источником разрешения споров являются религиозные нормы.

Анализ функций института позволяет сделать вывод, что суд аксакалов имеет ряд преимуществ по сравнению с судами общей юрисдикции. Как уже было отмечено, к ним относятся: открытость, срок рассмотрения жалоб (материалов) 14 дней, простота процедуры и бесплатное (не облагается государственной пошлиной) рассмотрение дела.

Взаимодействие суда аксакалов с правоохранительными органами по защите прав и свобод человека и гражданина в настоящее время является одним из важных направлений деятельности. Основные формы взаимодействия, которые реализуются между институтом суда аксакалов и ОВД КР, это обмен информацией о нарушениях прав и свобод человека и гражданина; совместная деятельность по правовому просвещению и воспитанию населения. Члены суда аксакалов отмечают, что в зависимости от волевого решения руководителя территориального органа МВД КР зависит их сотрудничество, например, ОВД обеспечивают охрану правопорядка на заседаниях и оказывают им содействие (приглашать граждан на процессы), а в отдельных случаях ОВД отказываются сотрудничать по причине отсутствия правовых механизмов взаимодействия.

Для совершенствования взаимодействия между институтом суда аксакалов и ОВД КР предлагаем законодательно закрепить основы сотрудничества.

Необходимо отметить положительный опыт взаимодействия ОВД КР с судами аксакалов по предупреждению правонарушений и воспитанию несовершеннолетних. В ходе опроса сотрудников милиции в 2022 г. большинство из них отметили, что, благодаря сотрудничеству с судами аксакалов, удалось минимизировать семейное насилие и предотвратить межэтнические конфликты¹¹.

Проведенное исследование деятельности суда аксакалов в 2023 г. позволило сделать вывод, что суды аксакалов нуждаются в материально-технической помощи, в повышении квалификации членов суда аксакалов, в обмене профессиональным опытом, в изучении и получении консультации от юристов.

Как уже отмечалось ранее, финансирование деятельности суда аксакалов в соответствии со ст. 115 Конституции КР осуществляется за счет бюджетных средств органов местного самоуправления. Однако в связи с тем, что некоторые регионы являются дотационными, они не могут обеспечить надлежащее финансирование деятельности судов аксакалов, что непосредственно влияет на их устойчивое функционирование. Для повышения эффективности деятельности судов аксакалов в таких регионах необходимо предусмотреть механизм финансирования за счет средств республиканского бюджета.

Таким образом, проведенное исследование показало, что с целью повышения эффективности деятельности правовой статус института суда аксакалов требует дальнейшего совершенствования. В связи с этим по мнению авторов Закон целесообразно дополнить следующими положениями:

1) кандидат на должность суда аксакалов должен свободно владеть кыргызским и русским языками; постоянно про-

живать на территории села или города, от которого он избирается; обладать познаниями в области религии, обычаев и традиций; а также у него должно отсутствовать гражданство иностранного государства.

2) кандидат на должность председателя суда аксакалов должен обладать познаниями в области права, в частности, необходимо закрепить требование о наличии высшего юридического образования.

3) в целях повышения эффективности деятельности института следует предусмотреть административную ответственность за неисполнение решений суда аксакалов.

Пристатейный библиографический список

1. Акаев А. А. История, прошедшая через мое сердце. М.; Бишкек: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», Илим, 2003. 287 с.
2. Аленкина Н. Б. Совместимость процедур разрешения споров государственных и негосударственных судов в Кыргызстане: на примере судов аксакалов // Вестник Кыргызско-Российского (Славянского) Университета. 2016. Т. 16. № 6. С. 46-53.
3. Аленкина Н. Б. Суды аксакалов: Легитимация традиционных ценностей кыргызского общества // Herald of the Euro-Asian Law Congress. 2019. № 1 (3). С. 24-36.
4. Алёнкина Н. Б. Принудительное исполнение решений судов аксакалов: комментарий к отдельным статьям Гражданского процессуального кодекса Кыргызской Республики // Вестник гражданского процесса. 2023. Т. 13. № 1. С. 236-256.
5. Алёнкина Н. Б. Квазисудебная функция судов аксакалов: живые голоса из регионов Кыргызской Республики // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 2. С. 4-23.
6. Ашимова Д. Роль судов аксакалов в местном сообществе Кыргызской Республики // Общество и этнополитика: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (24-26 сентября 2015 г.): в 3 ч. / под науч. ред. Л. В. Савинова. Новосибирск: Изд-во СибАГС, 2015. Ч. 3. С. 13-22.
7. Корабельникова Ю. Л. Тенденция развития института омбудсмана на современном этапе // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2021. № 21. С. 65-67.
8. Саидов Ф. З. История становления и развития института Омбудсмана Кыргызской Республики // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 3 (59). С. 165-171.
9. Сооронкулова К. С. Обычное право и современная правовая система Кыргызской Республики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Бишкек, 2009. 23 с.
10. Тегизбекова Ж. Ч. Обычное право кыргызов: брак и семья. Бишкек: Ататюрк-Ала-Тоо, 2017. 218 с.
11. Турсунбаева Н. С. Деятельность судов аксакалов в Кыргызской Республике // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2015. Т. 15. № 2. С. 155-158.
12. Шадыбеков К. Б. Децентрализованные формы осуществления правосудия в контексте развития институтов судов аксакалов Кыргызстана // Юридическая наука, 2019. № 2. С. 4-5.

¹¹ См: Статистический отчет результата деятельности судов аксакалов Кыргызской Республики. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://file:///C:/Users/user/Desktop/%.pdf> (дата обращения 10.01.2025).

СМИРНОВА Татьяна Сергеевна

преподаватель кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Институт права, Самарский государственный экономический университет

ГЛУХОВ Сергей Сергеевич

старший преподаватель кафедры административно-правовых дисциплин, Юридический факультет, Самарский юридический институт ФСИН России

АГАФОНОВ Дмитрий Леонидович

аспирант 3-го курса по научной специальности 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки, Институт права, Самарский государственный экономический университет

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА РАВНОГО ДОСТУПА К ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В современной системе государственного управления России институт государственной службы выполняет ключевую роль, поскольку именно служащие обеспечивают исполнение управленческих, правоохранительных, социальных и иных государственных задач. В статье рассматриваются теоретико-правовые основы и практические аспекты реализации конституционного права граждан на равный доступ к государственной службе. Анализируются нормативное содержание данного правомочия, механизмы конкурсного отбора, а также специфические ограничения, действующие в правоохранительном сегменте государственного аппарата. Особое внимание уделено гендерному аспекту равнодоступности и проблемам формирования кадрового резерва. Обосновывается необходимость совершенствования правового регулирования и организационной культуры органов публичной власти для преодоления разрыва между формальным равенством и фактическими возможностями граждан.

Ключевые слова: государственная служба, конституционное право, равный доступ, конкурсный отбор, кадровый резерв, гендерное равенство, органы внутренних дел.

SMIRNOVA Tatyana Sergeevna

lecturer of Theory of law and public law disciplines sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

GLUKHOV Sergey Sergeevich

senior lecturer of Administrative and legal disciplines sub-faculty, Faculty of Law, Samara Law Institute of the FPS of Russia

AGAPONOV Dmitry Leonidovich

postgraduate student of the 3rd course in the scientific specialty 5.1.2. Public Law (State Law), Institute of Law, Samara State University of Economics

ISSUES RELATED TO THE IMPLEMENTATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF EQUAL ACCESS TO PUBLIC SERVICE IN THE RUSSIAN FEDERATION

In the modern system of public administration in Russia, the institute of public service plays a key role, since it is employees who ensure the fulfillment of managerial, law enforcement, social and other state tasks. The article examines the theoretical and legal foundations and practical aspects of the implementation of the constitutional right of citizens to equal access to public service. The article analyzes the normative content of this competence, competitive selection mechanisms, as well as specific restrictions in force in the law enforcement segment of the state apparatus. Special attention is paid to the gender aspect of equal access and the problems of personnel reserve formation. The article substantiates the need to improve the legal regulation and organizational culture of public authorities in order to bridge the gap between formal equality and the actual opportunities of citizens.

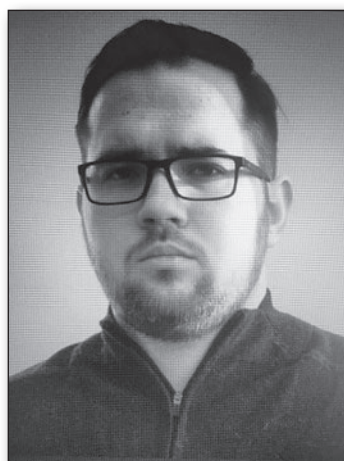
Keywords: public service, constitutional law, equal access, competitive selection, personnel reserve, gender equality, internal affairs bodies.

Смирнова Т. С.

Глухов С. С.

Агафонов Д. Л.

Степень эффективности функционирования государственного аппарата находится в прямой зависимости от уровня компетентности, профессионализма и добросовестности кадрового состава, а также от его соответствия установленным квалификационным стандартам. В обозначенном контексте особое значение приобретает конституционный

принцип, провозглашающий, что все граждане обладают равными возможностями для поступления на государственную службу (ч. 4 ст. 32 Конституции РФ). Как отмечает М. В. Пресняков, на протяжении длительного времени продвижение гражданина по службе, равно как и само поступление на неё, чаще обуславливалось личными симпатиями руко-

водителя, нежели реальными профессиональными заслугами и деловыми качествами соискателя [1]. Вследствие этого создание действенных, а не сугубо формальных механизмов равного доступа продолжает оставаться одной из наиболее острых проблем в науке административного и конституционного права.

В. С. Бялт подчёркивает, что исследование особенностей реализации права граждан на поступление на государственную службу, а также анализ причин, по которым данное право может быть ограничено, имеет исключительную важность для понимания и систематизации знаний о правах человека [2]. При этом между формальным юридическим равенством, закреплённым в Конституции РФ, и реальными возможностями лиц, желающих поступить на государственную службу, сохраняется существенный разрыв. На практике многое определяется наличием административных барьеров, широтой личного усмотрения должностных лиц и несовершенством конкурсных процедур.

В обозначенных условиях главным инструментом, обеспечивающим подлинное равноправие, призван выступать конкурсный отбор. Только конкурсная процедура способна свести к минимуму влияние личных связей и субъективных предпочтений, поставив во главу угла профессионализм и деловые качества претендента. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ (далее — 79-ФЗ) стал серьёзным шагом вперёд по сравнению с предшествующим инструментом правового регулирования. Если до этого конкурс требовался лишь для замещения некоторых групп должностей (старших, ведущих, главных и высших), то действующий закон распространил его на значительно более широкий круг позиций. Кроме того, законодатель определил исчерпывающий перечень ситуаций, когда конкурс не проводится — при назначении на должности категорий «руководители» и «помощники (советники)», если указанные должности замещаются на определённый срок полномочий. Также конкурс не требуется при заключении срочного служебного контракта. Как отмечает М. В. Пресняков, в данном положении кроется серьёзная проблема. Остаётся неясным, почему срок контракта должен влиять на необходимость проведения конкурсного отбора. Поскольку конкурс как раз и предназначен для обеспечения равного доступа граждан с учётом их способностей и профессиональной подготовки, его отмена для срочных должностей выглядит неоправданной. По существу, это создаёт предпосылки для приёма на работу «нужных» людей без соблюдения публичной процедуры [1].

Конкурс также не проводится при переводе служащего на другую должность по состоянию здоровья на основании медицинского заключения, а равно при реорганизации или сокращении штата. Данные исключения представляются вполне разумными и направлены на социальную защиту самих служащих. Отдельного внимания заслуживает исключение, сопряжённое с институтом кадрового резерва. По смыслу закона, если должность становится вакантной, её вправе занять лицо, уже состоящее в кадровом резерве, сформированном на конкурсной основе, при этом повторный конкурс не объявляется. На первый взгляд, подобный подход логичен: раз гражданин уже прошёл конкурс при зачислении в резерв, зачем проводить его

снова? Однако возникает закономерный вопрос: могут ли граждане, впервые поступающие на гражданскую службу, участвовать в конкурсе для включения в кадровый резерв? Некоторые исследователи полагают, что ст. 64 79-ФЗ фактически закрывает доступ для «новичков»: их не включают в резерв, а вакансии замещаются из резерва без конкурса. Складывается замкнутый круг, вступающий в противоречие с ч. 4 ст. 32 Конституции РФ. Хотя законодатель и предполагает участие граждан в конкурсе на зачисление в резерв, на практике данный механизм нуждается в более детальной проработке в подзаконных актах, в частности в положении о кадровом резерве.

Помимо государственной гражданской службы, в Российской Федерации существуют и иные виды государственной службы, в частности служба в органах внутренних дел. Здесь особенности реализации права на равный доступ обусловлены спецификой правоохранительной деятельности и повышенными требованиями к моральному облику сотрудников. Базовыми нормативными актами, регулирующими поступление на службу в органы внутренних дел, выступают Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ (далее — 342-ФЗ) и отраслевые (служебные, ведомственные) законы. Законодательство вводит ряд ограничений для приёма на службу, которые по своей сути являются исключениями из принципа равного доступа. Однако данные исключения оправданы необходимостью защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, а также обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Наиболее показательным примером служит ограничение для лиц, имеющих или имевших судимость. Согласно 342-ФЗ, гражданин не может стать сотрудником органов внутренних дел, если он был осуждён по вступившему в законную силу приговору суда либо имеет судимость (в том числе снятую или погашенную). В данном контексте возникает коллизия с положениями ст. 86 УК РФ, согласно которой погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, с нею связанные. Как разрешить данное противоречие? В. С. Бялт обоснованно указывает, что оба закона обладают одинаковой юридической силой, однако в рассматриваемой ситуации действует приоритет специальной нормы перед общей [2]. Для всех прочих правоотношений судимость считается аннулированной, но для поступления на службу в органы внутренних дел установлен специальный запрет. Такое ограничение представляется вполне обоснованным: трудно вообразить, чтобы лицо, некогда совершившее преступление, по прошествии времени само встало на защиту закона.

Ещё одним основанием для отказа в приёме на службу выступает выход из гражданства РФ. В. С. Бялт полагает данное ограничение логичным: тот, кто призван защищать российские законы, сам должен являться российским гражданином [2]. Вместе с тем, нами высказывается дискуссионное предложение — обсудить возможность прохождения службы в органах внутренних дел лицами, обладающими двойным гражданством. В пользу такого подхода приводятся два аргумента: во-первых, иностранные гражд-

дане вправе служить по контракту в Вооружённых силах РФ; во-вторых, в некоторых зарубежных государствах правоохранителям разрешено иметь двойное гражданство. Подобное расширение круга кандидатов могло бы решить вопрос с кадровым голодом и способствовать повышению качества кадрового состава. Однако сама постановка вопроса требует тщательной проверки с позиций обеспечения национальной безопасности.

Проблема равного доступа традиционно рассматривается и в гендерном измерении. В. А. Трифонов в своём исследовании анализирует гендерный аспект на примере службы в органах внутренних дел. Конституция РФ в ст. 19 и отраслевое законодательство закрепляют равноправие мужчин и женщин. Тем не менее, на практике сохраняются как объективные, так и субъективные препятствия для достижения гендерного баланса. Обращаясь к работам В. В. Лапаевой и В. С. Нерсисянца, Трифонов раскрывает содержание принципа формального равенства [3]. Согласно либертарно-юридической концепции, равенство включает три взаимосвязанных элемента: всеобщую равную меру регулирования, свободу и справедливость. Лапаева В. В. добавляет, что формальное равенство — это не застывшая раз и навсегда «чистая» абстракция, а исторически изменчивая модель, наполняющаяся новым содержанием по мере развития общества. Применительно к государственной службе это означает, что понимание «равного доступа» эволюционирует с течением времени, и сегодня в данное понятие всё активнее включается гендерная составляющая.

В массовом сознании и, что особенно важно, среди самих сотрудников правоохранительных органов устойчиво бытуют гендерные стереотипы: служба в органах внутренних дел воспринимается как «исконно мужское» занятие. Однако исторические факты свидетельствуют об обратном: женщины работали в полиции и в дореволюционной России, и в советский период (достаточно вспомнить создание женской милиции в Петрограде в 1919 году). В последние годы доля женщин в органах внутренних дел неуклонно возрастает, достигая в отдельных подразделениях двадцати-пятидесяти процентов. При этом сохраняются две основные проблемы. Первая — устойчивое предубеждение, будто женщины не справляются с определёнными служебными нагрузками. Вторая — опасение, что женщины-сотрудники утрачивают «типично женские» черты (мягкость, доброту, чувствительность) и становятся излишне мужественными. В. А. Трифонов полагает, что приобретение большей мужественности в силу характера службы — явление нормальное, и не стоит раздувать из этого значительную проблему [3]. К тому же утрата женских качеств вовсе не является неизбежной.

Резюмируя изложенное, представляется возможным сформулировать несколько ключевых выводов. Конституционное право на равный доступ к государственной службе выступает важнейшим элементом правового статуса личности. Однако на практике его реализация наталкивается на серьёзные препятствия, главным из которых остаётся недостаточная эффективность конкурсных механизмов и сохраняющаяся зависимость карьерного продвижения от личного усмотрения руководителей. Особого внимания заслуживает проблема кадрового резерва: хотя законо-

дательство и предусматривает формирование резерва на конкурсной основе, граждане, впервые поступающие на службу, могут оказаться в неравном положении по сравнению с теми, кто уже проходит службу. Требуется более чёткое урегулирование данного вопроса в подзаконных актах. Гендерный аспект равного доступа также не утрачивает актуальности. Несмотря на формальное юридическое равенство, в реальной действительности сохраняются гендерные стереотипы, препятствующие построению карьеры женщинами в правоохранительных органах. Достижение подлинного гендерного баланса — это не самоцель, а способ повысить эффективность государственной службы за счёт привлечения наиболее квалифицированных кадров вне зависимости от их пола. В целом правовая база для реализации конституционного права на равный доступ к государственной службе в России создана, однако разрыв между нормативными предписаниями и правоприменительной практикой по-прежнему остаётся значительным. Для его преодоления требуется не только совершенствование законодательства, но и изменение организационной культуры государственных органов, внедрение действительно независимых конкурсных комиссий и выстраивание прозрачной системы кадрового резерва.

Пристатейный библиографический список

1. Пресняков М. В. Конституционное право граждан на равный доступ к государственной службе и механизм его реализации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. — 2015. — № 3. — С. 84-91.
2. Бялт В. С. Актуальные проблемы реализации права граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе (на примере органов внутренних дел) // Ленинградский юридический журнал. — 2016. — № 1. — С. 112-121.
3. Трифонов В. А. Равный доступ граждан к государственной службе: гендерный аспект (на примере государственной службы в органах внутренних дел) // Ленинградский юридический журнал. — 2022. — № 4 (70). — С. 99-108.
4. Братарчук Т. В., Федорова А. С. Взгляд российских исследователей на проблемы профессионального развития государственных гражданских служащих // Государственное и муниципальное управление: вызовы и приоритеты: материалы III Международной научно-практической конференции. Т. 2 / отв. ред. С. А. Зуденкова. — М.: РУСАЙНС, 2017. — С. 304-308.

ГУЛАЙ Олег Николаевич

аспирант кафедры конституционного права и конституционного судопроизводства, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

МЕДИЦИНСКАЯ ТАЙНА В ЦИФРОВОМ ЗДРАВООХРАНЕНИИ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРЕДЕЛЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ И ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ НЕЁ

Статья посвящена исследованию медицинской тайны в условиях цифровой трансформации здравоохранения, а также конституционно-правовых оснований защиты сведений о здоровье и пределов допустимости исключений из режима их охраны. Актуальность темы обусловлена тем, что цифровизация медицинской помощи, а также развитие телемедицинских технологий, электронных медицинских карт, межведомственный обмен медицинскими данными и использование иных цифровых решений обуславливает радикальные изменения не только способов обработки медицинской информации, но и усиление рисков нарушения конституционных прав.

В статье обосновывается, что в рамках используемых в здравоохранении цифровых технологий медицинская тайна должна рассматриваться не только как отраслевой режим неразглашения конфиденциальных сведений, но и как конституционно обусловленный специальный правовой режим обращения идентифицируемых данных о здоровье, непосредственно связанный с правом на неприкосновенность частной жизни.

Автор приходит к выводу, что исключения из режима конфиденциальности медицинских данных допустимы только при наличии прямого законного основания, конституционно значимой цели, учёта принципов соразмерности, а также при условии технических гарантий защиты информации, при этом, особое внимание уделено недопустимости расширительного толкования исключений посредством подзаконного регулирования, необходимости дифференциации уровней доступа к медицинским данным, запрету функционального смешения целей обработки и необходимости конкретизации механизмов правовой охраны наиболее чувствительных категорий сведений, включая психиатрические, генетические, репродуктивные данные и сведения о ВИЧ-статусе. Таким образом, с позиций конституционных гарантий частной жизни, достоинства личности и автономии воли пациента традиционные представления о медицинской тайне как запрета на разглашение сведений о здоровье оказывается недостаточным и требует коренного переосмысления.

Цель исследования состоит в определении конституционных пределов конфиденциальности и критериев допустимости исключений из неё при использовании цифровых медицинских технологий, а также в выработке направлений совершенствования правового регулирования соответствующих общественных отношений.

Методологическую основу статьи составили формально-юридический, системно-структурный, сравнительно-правовой и конституционно-правовой методы, а также методы анализа законодательства и современных доктринальных подходов к защите персональных данных и медицинской тайны.

Ключевые слова: медицинская тайна, цифровое здравоохранение, конституционные права, конфиденциальность медицинских данных, персональные данные, телемедицина, персональные данные о здоровье, конституционные ограничения прав, исключения из медицинской тайны, электронная медицинская карта, защита медицинской информации.

GULAI Oleg Nikolaevich

postgraduate student of Constitutional law and constitutional process sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

MEDICAL CONFIDENTIALITY IN DIGITAL HEALTHCARE: CONSTITUTIONAL LIMITS OF CONFIDENTIALITY AND ITS EXCEPTIONS

This article examines medical confidentiality in the context of the digital transformation of healthcare, with particular attention to the constitutional foundations for protecting health-related information and to the limits within which exceptions to that protection may be considered permissible. The topic is especially timely because the digitalisation of healthcare, including the expansion of telemedicine, electronic medical records, interagency data sharing, and other digital solutions, is reshaping not only the ways in which medical information is processed, but also the scale and nature of risks to constitutional rights.

The article argues that, in the context of digital technologies used in healthcare, medical confidentiality should be understood not merely as a sector-specific duty not to disclose confidential information, but as a constitutionally grounded special legal regime governing the handling of identifiable health data, one that is directly linked to the right to privacy.

The author concludes that exceptions to the confidentiality regime applicable to medical data are permissible only where there is a clear statutory basis, a constitutionally significant aim, observance of the principle of proportionality, and effective technical safeguards for data protection. Particular attention is paid to the inadmissibility of expansive interpretations of such exceptions through delegated legislation; the need to differentiate levels of access to medical data; the prohibition of function creep in data processing; and the need to specify legal safeguards for the most sensitive categories of information, including psychiatric, genetic, and reproductive data, as well as information concerning HIV status. From the perspective of the constitutional guarantees of privacy, human dignity, and patient autonomy, the traditional understanding of medical confidentiality as merely a prohibition on disclosing health-related information is no longer sufficient and calls for fundamental reconsideration.

The aim of the study is to identify the constitutional limits of confidentiality and the criteria governing the permissibility of exceptions in the use of digital medical technologies, and to propose directions for improving the legal regulation of the relevant legal relations.

The methodological framework of the study combines formal legal, systemic-structural, comparative legal, and constitutional legal methods, as well as methods of legislative analysis and analysis of contemporary doctrinal approaches to the protection of personal data and medical confidentiality.

Keywords: medical confidentiality; digital healthcare; constitutional rights; confidentiality of medical data; personal data; telemedicine; personal health data; constitutional limitations on rights; exceptions to medical confidentiality; electronic medical records; protection of medical information.

Гулай О. Н.

Введение

Применение цифровых технологий в медицине привело не только к изменению технологической составляющей оказания медицинской помощи, но и к трансформации правовой архитектуры защиты сведений о состоянии здоровья. В условиях цифровой реальности, данный правовой институт вышел за рамки классического представления о медицинской тайне как обязанности отдельного врача или отдельного медицинского учреждения, сейчас информация о состоянии здоровья стала частью электронной инфраструктуры в виде электронных медицинских карт, телемедицинских консультаций, межведомственного обмена и централизованных информационных систем.

Конституционная ценность конфиденциальности данных в рамках оказания медицинской помощи вытекает одновременно из права на неприкосновенность частной жизни, запрета собирать, хранить, использовать и распространять информацию о частной жизни лица без его согласия при реализации права на охрану здоровья и медицинскую помощь. При этом в рамках отраслевого медицинского законодательства (Федеральный закон от 21.11.2011г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации») нормативным ядром защиты сведений о состоянии здоровья служит институт врачебной тайны, запрещая раскрывать сведения, как о состоянии здоровья, так и о самом факте обращения за медицинской помощью. Вместе с информационными системами медицинских организаций и региональными системами автоматизации Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГИСЗ) образует цифровую экосистему российского здравоохранения, обеспечивая хранение и обращение огромных массивов данных о пациентах, который включает в себя федеральный реестр электронных медицинских документов и интегрированную электронную медицинскую карту. Так, по данным министра здравоохранения России, только за первые одиннадцать месяцев 2025 г. в ЕГИСЗ было зарегистрировано два миллиарда медицинских документов¹. Одновременно с ростом количества электронных медицинских документов растёт спрос на телемедицинские сервисы, так по данным ВЦИОМ, 49 % опрошенных россиян готовы согласиться на повторный приём врача в дистанционном формате, отмечая преимущества такого формата медицинской помощи². Собственно, поэтому проблема защиты медицинской тайны в цифровом здравоохранении уже не сводится к традиционным вопросам о том «что можно разглашать?» и «что нельзя?». Представляется, что на фоне роста инцидентов с утечками персональных данных³, масштабируемости обработки данных, возможности копирования и повторного использования информации, возрастает необходимость тонкой настройки правовых механизмов защиты конституционных гарантий конфиденциальности и критериев исключения из неё.

I. Конституционная природа медицинской тайны в цифровом здравоохранении.

Двойственность природы медицинской тайны, как одной из наиболее чувствительных категорий персональных данных, обусловлена тем, что с одной стороны это важный отраслевой режим защиты информации о здоровье пациента, с другой это форма конституционной охраны частной жизни, затрагивающая как достоинство личности, так и автономию воли со свободой самоопределения. При этом, действующим законодательством, медицинская тайна не рассматривается как абсолютная, Конституция РФ прямо допускает ограничение прав федеральным законом, но лишь постольку, поскольку это необходимо для защиты конституционно значимых ценностей, что вполне относится и к гарантиям защиты сведений о здоровье.

Тогда как в традиционном представлении о медицинской помощи предметом охраны выступала информация, полученная в результате непосредственной коммуникации между пациентом и медработником, то в условиях цифровой трансформации объект защиты также трансформируется и теперь это не только сами по себе сведения о здоровье, но и вся траектория движения данных, начиная от их внесения в электронную медицинскую документацию до передачи, верификации, хранения, анализа и вторичного использования. Развитие цифрового здравоохранения усилило риск утечки сведений, составляющих врачебную тайну, и тем самым выявило недостаточность существующих правовых и организационных гарантий [1]. О. В. Романовская и Г. Б. Романовский не без оснований отметили: «Тотальная цифровизация может привести к тому, что человеческая личность может превратиться в модель со своим серийным номером» [6, с. 581]. Представляется, что в условиях расширения регуляторных механизмов цифровизации здравоохранения необходимо соблюдать баланс между развитием инновационных технологий и соблюдением фундаментальных прав и свобод человека.

Не менее важное значение для современного понимания значимости медицинской тайны имеет практика Конституционного Суда РФ, так в Постановлении от 13 января 2020 г. № 1-П Суд признал, что неопределённость правового регулирования, не позволявшая супругу, близким родственникам и иным указанным пациентом лицам получать доступ к медицинским документам умершего пациента, не соответствует Конституции РФ. В исследовании нашего вопроса важное значение имеет не столько итоговый вывод суда, сколько логика, использованная судом, а именно то, что режим медицинской тайны не может толковаться таким образом, чтобы полностью блокировать защиту иных конституционных интересов - в частности, права родственников на судебную защиту и на установление обстоятельств оказания медицинской помощи. Законодатель, приняв во внимание данное постановление включением в ст. 13 Закона № 323-ФЗ части 3.1, закрепившей возможность посмертного предоставления сведений, составляющих врачебную тайну, супругу, близким родственникам либо иным лицам, указанным пациентом, если при жизни пациент не запретил такое раскрытие. В сфере цифрового обращения медицинских данных это решение в значительной степени показательно, так как оно признаёт высокую значимость заранее выраженной воли пациента по отношению к сведениям о своём здоровье, а значит следующим логическим шагом, должен стать механизм фиксации такого волеизъявления внутри цифровых медицинских информационных систем.

Законодатель фактически принял цифровой сдвиг в работе с медицинскими данными, так Закон об основах охраны здоровья граждан теперь регулирует не только врачебную тайну, но и работу информационных систем в сфере здравоохранения, телемедицинские технологии, а также обработку персональных данных для персонифицированного учёта. Од-

1 Михаил Мурашко выступил на круглом столе «Цифровая трансформация здравоохранения в государствах-членах ЕАЭС: стратегические приоритеты». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minzdrav.gov.ru/special/news/2025/12/25/29392-mikhail-murashko-vystupil-na-kruglom-stole-tsifrovaya-transformatsiya-zdravoohraneniya-v-gosudarstvah-chlenah-eaes-strategicheskie-prioritety> (дата обращения: 11.04.2026).

2 Телемедицина: сегодня и завтра // ВЦИОМ. Новости. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telemedicina-segodnja-i-zavtra> (дата обращения: 11.04.2026).

3 В 2024 году Роскомнадзор зафиксировал 135 утечек данных // ТАСС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/22893187> (дата обращения: 11.04.2026).

нако эволюция нормативно-правового регулирования пока не привела к ясному и четкому осмыслению пределов и оснований доступа к медицинским данным с позиции незыблемости конституционных ценностей. Здесь заметим, что само по себе использование в практической медицине той или иной информационной системы ещё не означает конституционную допустимость любого информационного обмена как внутри самой системы, так и с помощью неё.

Рассматривая в совокупности последние изменения законодательства и практику Конституционного Суда РФ можно сказать, что медицинская тайна не воспринимается в законодательной и правоприменительной практике как безусловный запрет на любое раскрытие, но последовательно формируется стандарт, в котором каждое исключение должно быть обосновано конституционно значимой целью и сопровождаться гарантиями против произвольного использования сведений. В рамках цифрового здравоохранения этот стандарт должен применяться неукоснительно, поскольку цифровая среда многократно увеличивает масштаб последствий неправомерного доступа.

В связи с чем, целесообразно рассматривать медицинскую тайну в цифровом здравоохранении как конституционно обусловленный специальный режим обращения идентифицируемых сведений о здоровье, при котором доступ к данным допускается только для цели, указанной в законе и необходимым для её достижения объёме, в условиях необходимого организационно-технического обеспечения. Представляется, что такой подход к медицинской тайне позволит уйти от чрезмерно узкого понимания тайны как простого запрета на сообщение сведений третьим лицам и перенести акцент на контроль над их циркуляцией в цифровых системах. В частности, телемедицинские технологии наиболее наглядно демонстрируют недостаточность классических представлений о защите сведений о здоровье, как таковые технологии предполагают не только и не столько устное общение врача и пациента, сколько передачу документов и результатов исследований в электронном виде, цифровую идентификацию участников взаимодействия в цифровой среде. В научной литературе обоснованно отмечается, что телемедицина расширяет доступность медицинской помощи, но одновременно повышает риски утечки чувствительной информации [2]. Кроме того, отмечается, что понятность правил обработки данных, гарантии конфиденциальности и возможность контролировать распространение сведений о своём состоянии здоровья являются необходимым условием доверия к мобильным медицинским системам [7]. При этом, опасения по поводу конфиденциальности и приватности становятся самостоятельным фактором, влияющим на готовность хронических пациентов использовать электронные персональные медицинские записи [8]. При этом, среди барьеров телемедицины фиксируются не только технические ограничения, но и правовые, этические и организационные риски, включая вопросы безопасности и доверия к дистанционному взаимодействию [4]. А значит современные условия заставляют пациента беспокоиться не только о том, «не расскажет ли врач» сведения постороннему лицу, а ещё и том, какие именно данные, по какому маршруту, в каких системах, для какой цели и кем будут доступны данные о самом пациенте после их цифровизации.

Широкое внедрение цифровых технологий в такие сферы информационного обмена как информация о психическом здоровье, ВИЧ-статусе, репродуктивном здоровье, результатах генетических исследований, выводит проблему сохранения медицинских данных на новый уровень, ведь в данных сегментах крайне высок риск таких необратимых последствий как стигматизация и дискриминация индивида. Не случайно вопросы конфиденциальности в генетике часто объединяются понятием врачебной или медицинской тайны, однако генетические исследования, в том числе в науч-

ных целях, требуют особого регулирования, выходящего за пределы классической модели врачебной тайны [5]. Таким образом, можно сделать принципиальный вывод о том, что в условиях функционирования цифровых систем здравоохранения конституционная охрана медицинской тайны должна распространяться не только на защиту раскрытия, но и на весь жизненный цикл данных, в противном случае право на частную жизнь будет слишком ослаблено технической архитектурой цифровой системы.

II. Конституционные пределы исключений из медицинской тайны.

Статья 13 базового отраслевого закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» закрепляет не только общее правило конфиденциальности, но и перечень случаев, когда сведения о здоровье предоставляются без согласия гражданина и, учитывая, что ни неприкосновенность частной жизни, ни врачебная тайна не являются абсолютными, сам по себе такой законодательный подход является конституционно допустимым. Однако в условиях цифровой медицины простого перечисления исключений становится недостаточно, так как не всякое формально разрешённое раскрытие конфиденциальной информации одинаково соответствует Конституции, ведь одно дело - ограниченное предоставление сведений для непосредственного лечения пациента и совсем другое - широкая многоступенчатая передача одних и тех же данных между разными системами и субъектами без четких границ и ограничений доступа. В этой связи И. Ф. Колонтаевская в своём исследовании приходит к обоснованному выводу: «Допустимое и целесообразное разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, должно быть аргументировано и обосновано моральными ценностями общества и профессиональным долгом медицинских работников» [3, с. 23]. С точки зрения конституционной допустимости главным основанием возможности исключения из медицинской тайны должно стать только такое исключение, которое прямо предусмотрено федеральным законом, при этом подзаконное регулирование и локальные протоколы не могут самостоятельно расширять круг субъектов доступа или цели обработки сведений о здоровье. Кроме того, передаваться должен только тот минимум сведений, без которого достижение цели объективно невозможно и даже законная цель не может служить оправданием обработки избыточного объёма информации. В рамках функционирования цифровых медицинских систем это, прежде всего, означает запрет на «удобный» доступ ко всему массиву данных при отсутствии объективной необходимости. При этом сама допустимость исключения должна соответствовать принципу соразмерности, т.е. польза от ограничения права на конфиденциальность должна соотноситься с тяжестью вмешательства в частную жизнь гражданина и чем более чувствительная информация, тем строже должны быть условия допуска и контроля. Такой подход к исключению из тайны позволяет отличить конституционно оправданные исключения от необоснованного размывания режима конфиденциальности. В этой связи представляется, что дальнейшее развитие законодательства должно идти не по пути механического расширения перечня исключений из медицинской тайны, а по пути конкретизации условий реализации конституционных гарантий в условиях цифрового доступа к медицинским данным.

Во-первых, необходимо на законодательном уровне дифференцировать уровни доступа к медицинской информации, содержащейся в медицинских информационных системах. В целом, на подзаконном уровне необходимая инфраструктура описана в Постановлении Правительства РФ от 09.02.2022г. № 140 «О единой государственной информационной системе в сфере здравоохранения», но и на федеральном уровне требуется детально описать доступ к меди-

цинской информации исключительно в рамках конкретного пользователя с четкими целями и границами доступа, в противном случае круг пользователей системы может оказаться шире круга лиц, которые вправе знать конкретные сведения.

Во-вторых, необходимо законодательное закрепление запрета функционального смещения целей обработки медицинской информации, таким образом, данные загруженные в цифровые системы для лечения пациента, не должны становиться доступными для управленческих, аналитических или межведомственных процедур в автоматическом режиме без отдельного законного основания.

В-третьих, в отношении наиболее чувствительных сведений, таких как генетические, психиатрические, репродуктивные сведения, данные о ВИЧ-статусе, генетическая информация, необходимо установление более детализированного режима защиты, предполагающего не только порядок внесения, хранения и обработки данной информации, но также конкретизированные правила удаления этих сведений и использования в научных и аналитических целях.

В-четвёртых, детализированное установление на уровне федерального законодательства **недопустимость использования несертифицированных и неинтегрированных цифровых каналов** для передачи идентифицируемых медицинских сведений. Пока эта проблема частично решается на уровне локальных актов и технологических рекомендаций, что явно недостаточно для конституционно значимой сферы охраны частной жизни.

Заключение

В условиях цифровой трансформации здравоохранения значение медицинской тайны как отраслевого механизма, обеспечивающего неразглашение сведений о пациенте через профессиональную обязанность медицинского работника, меняется на комплексный конституционно-правовой институт, обеспечивающий охрану информации о состоянии здоровья как составной части частной жизни личности. В этих условиях медицинскую тайну необходимо рассматривать не только как режим ограничения необоснованного доступа к сведениям о здоровье, но и как нормативно гарантированный способ обеспечения конституционного баланса между публичными интересами в сфере охраны здоровья и частными интересами лица в сохранении неприкосновенности своей жизни. При этом принципиальное значение приобретает конституционно-правовая допустимость ограничения режима медицинской тайны, обусловленная не технологической возможностью оборота медицинской информации, а исключительно наличием надлежащего законного основания и конституционно значимой цели такого ограничения.

В связи с чем, можно сделать вывод о необходимости распространения режима правовой охраны медицинской тайны на весь жизненный цикл медицинских данных, включая стадии удаления и вторичного использования, так как именно в цифровой среде формируются качественно новые угрозы конфиденциальности, обусловленные не только масштабируемостью обработки информации, но и возможностью использования сведений вне первоначально определённых целей. Что в свою очередь предопределяет необходимость отказа от формального подхода, при котором сведения, включенные в медицинские информационные системы презюмирует расширение круга лиц, обладающих правом доступа к ним. В условиях глубокого изменения общественных отношений под воздействием цифровой трансформации здравоохранения представляется обоснованным вывод о том, что дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть ориентировано на нормативное закрепление дифференцированного подхода к обращению медицинской информации в зависимости от степени её чувствительности, а также исключение неоправданного функционального смещения целей обработки, на установление спе-

циальных требований к защищённости цифровых каналов передачи сведений, а также на усиление организационно-правовых и технических гарантий, обеспечивающих предотвращение несанкционированного доступа к информации о состоянии здоровья. В данном контексте обеспечение защиты медицинской тайны воспринимается не как производное требование информационной безопасности, а как самостоятельный критерий конституционной легитимности цифровизации здравоохранения.

Пристатейный библиографический список

1. Воробьёва О. А., Мишунина А. А. Правовые и доктринальные аспекты понятия врачебной тайны в России // Юридический вестник Самарского университета. - 2024. - Т. 10. № 1. - С. 56-63.
2. Иншакова А. О., Тымчук Ю. А. Охрана персональных данных пациентов при оказании медицинской помощи (услуг) с применением телемедицинских технологий // Lex russica. - 2024. - Т. 77. № 7. - С. 19-29.
3. Колонтаевская И. Ф. Пределы допустимости разглашения врачебной тайны // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. - 2023. - № 4 (40). - С. 18-24.
4. Медведева Е. И., Александрова О. А., Кропилин С. В. Телемедицина в современных условиях: отношение социума и вектор развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. - 2022. - Т. 15. № 3. - С. 200-222.
5. Некотенева М. В., Пономарева Д. В., Нечаева Е. К. Особенности правового регулирования режима тайны (включая врачебную тайну) при проведении генетических исследований // Lex russica. - 2024. - Т. 77. № 12. - С. 126-139.
6. Романовская О. В., Романовский Г. Б. Право и цифровизация современного здравоохранения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. - 2024. - Т. 28. №3. - С. 565-583.
7. Alhammad N., Alajlani M., Abd-alrazaq A. et al. Patients' Perspectives on the Data Confidentiality, Privacy, and Security of mHealth Apps: Systematic Review // Journal of Medical Internet Research. - 2024. - Vol. 26. - e50715. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/38820572/> (дата обращения: 11.04.2026).
8. Kassie S. Y., Shibabaw A. A., Chereka A. A. et al. The impact of confidentiality and privacy concerns on behavioral intention to adopt electronic personal health records among chronic patients in southwest Ethiopia in 2023: an application of the UTAUT2 model // Frontiers in Digital Health. - 2025. - Vol. 7. - 1475460. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: [pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12616374/](https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC12616374/) (дата обращения: 11.04.2026).

ЗАЙЦЕВ Михаил Александрович

аспирант, Сибирский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ИНФОРМАЦИОННЫЙ (ЦИФРОВОЙ) КОДЕКС

В статье рассматривается вопрос о необходимости принятия в Российской Федерации «Информационного (цифрового) кодекса» в связи с отсутствием в действующем правовом регулировании унифицированных понятий и определенности при регулировании смежных вопросов, конкуренцией норм, наличием противоречий, пробелов в упорядочении правоотношений. Исследуется современная модель законодательного регулирования информационного пространства в Российской Федерации. Разъясняется необходимость появления единого правового регулятора, содействующего правовой адаптации динамичного цифрового развития общественных отношений. Анализируются нормативные, доктринальные источники, посвященные данной тематике. В целях развития дискуссии, в предложенном направлении указано на неготовность общественных отношений к дальнейшим преобразованиям. Предлагается трансформация правовой модели регулирования, при которой первично происходит цифровое развитие, а уже вторично его законодательное регламентирование. Формулируется вывод о необходимости создания «базиса» и формирования последующей «надстройки» для упорядочения информационной (цифровой) сферы. Приводятся в пример и оцениваются действующие проекты (концепции), модельные информационные кодексы. Анализируются заседания секций Петербургского международного юридического форума, а также мнения правоведов по указанному вопросу. Обосновывается релевантность принятия модели именно информационного (цифрового) кодекса, а также формулируется предмет регулирования кодекса.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, цифровые данные, конституционные права, конституционные гарантии, информационный кодекс.

ZAYTSEV Mikhail Alexandrovich

postgraduate student, Siberian Institute of Management (branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk

GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS AND FREEDOMS OF CITIZENS IN THE CONDITIONS OF DIGITIZATION: INFORMATION (DIGITAL) CODE

The article considers the need to adopt an "Information (Digital) Code" in the Russian Federation due to the lack of unified concepts and clarity in the current legal regulation of related issues, competition of norms, the presence of contradictions, and gaps in the streamlining of legal relations. The current model of legislative regulation of the information space in the Russian Federation is examined. The need for a single legal regulator that promotes legal resilience to the volatility of public relations is explained. Normative and doctrinal sources devoted to this topic are analyzed. In order to develop the discussion, the proposed direction points to the unpreparedness of public relations for further transformations. A transformation of the legal regulatory model is proposed, in which digital development occurs primarily, and its legislative regulation is secondary. A conclusion is formulated on the need to create a "basis" and form a subsequent "superstructure" to streamline the information (digital) sphere. Current projects (concepts) and model information codes are cited as examples and evaluated. The section meetings of the St. Petersburg International Legal Forum, as well as the opinions of legal scholars on this issue, are analyzed. The relevance of adopting a model specifically for an information (digital) code is substantiated, and the scope of the code's regulation is formulated.

Keywords: digitalization, information technology, digital data, constitutional rights, constitutional guarantees, information code.

Введение

Вследствие динамичного перспективного развития информационного пространства Российской Федерации, одним из ключевых остается вопрос обеспечения безопасности и защиты прав и свобод граждан при использовании информационных технологий, а также обработке цифровых данных. Согласно п. «и», п. «м» ст. 71 Конституции Российской Федерации¹ указанный вопрос находится в ведении Российской Федерации. Конституционно-правовой основой информационных (цифровых) отношений в Российской Федерации являются в равной мере конституционные права и обязанности, предусмотренные Конституцией, например, «неприкосновенность частной жизни» (ст. 23), «право на информацию» (ст. 24), «свобода слова и свобода массовой информации» (ст. 29), «свобода творчества» (ст. 44). Однако, на сегодняшний день, правовое регулирование информацион-

ного пространства Российской Федерации не в полной мере соответствует указанным правовым гарантиям. Так, в систему нормативного регулирования информационного пространства и оборота цифровых данных включено значительное число законодательных актов, например Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»², Федеральный закон «О персональных данных»³, Федеральный закон «О связи»⁴, Федеральный закон «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации

1 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 31. - Ст. 4398.

2 Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (31 июля). - Части I-II. - Ст. 3448.

3 Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27 июля 2006 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 от 31 июля 2006 г. (Части I-II). - Ст. 3451.

4 Федеральный закон № 126-ФЗ «О связи» от 07 июля 2003 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2003. - № 28 (14 июля). - Ст. 2895.

физических лиц с использованием биометрических персональных данных»⁵, Федеральный закон «Об электронной подписи», Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»⁶, и иные, осуществляющие узконаправленную регламентацию предусмотренных в них общественных отношений. С недавних пор специальные нормы появились и в Уголовном кодексе Российской Федерации⁷, Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях⁸. Данный тип правовой регламентации не является надлежащим, в связи с отсутствием унифицированных понятий и определенности при регулировании смежных вопросов, конкуренцией норм, наличием противоречий и пробелов в упорядочении правоотношений. Аналогичные выводы, в том числе были озвучены участниками секции «Цифровой кодекс: перспективы и риски», проводимой в рамках XII Петербургского международного юридического форума⁹. Разрешением перечисленных вопросов правовой регламентации будет являться принятие в Российской Федерации унифицированного, кодифицированного, систематизированного правового акта, а именно «Информационного (цифрового) кодекса».

Информационный (цифровой) кодекс

Необходимость создания единого нормативного правового акта обусловлена интенсивностью развития института информационных (цифровых) прав и обязанностей граждан в Российской Федерации, в том числе вследствие волатильности общественных отношений. Трансформация содержания и объема «цифрового» правового статуса граждан в Российской Федерации происходит постоянно. Появляются новые информационные (цифровые) конструкции, инструменты, институты, системы (экосистемы), и прочее. Все эти информационные (цифровые) модели требуют должного регулирования. К сожалению, нельзя не согласиться с мнением заведующего кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) Алексея Минбалева, который указал на то, что «сперва в обществе происходит цифровое развитие, потом осуществляется правовое регулирование этих правоотношений»¹⁰. Такая модель не может обеспечить надлежащую безопасность и защиту прав и свобод граждан в информационной среде. Поэтому необходима трансформация данной модели правового ре-

гулирования. Регулятором, так сказать «базисом» в данной сфере общественных отношений должен послужить Информационный (цифровой) кодекс. Формирование последующей «надстройки» будет производиться на основе уже имеющегося «базиса», в том числе по мере появления новых цифровых моделей, конструкций, инструментов, и др. Наличие основы регуляторного механизма позволит обеспечить быструю юридическую резильентность к волатильности общественных отношений. Такая правовая конструкция способствует исключению ситуации неготовности общественных отношений к дальнейшим преобразованиям.

Примечательно, что идея создания Информационного кодекса в РФ обсуждалась правоведами еще 17 лет назад¹¹. На тот момент, на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ был принят Модельный Информационный кодекс для государств – участников СНГ¹², который претерпевал изменения в 2012 году¹³, с последующей актуализацией в 2022 году¹⁴. Кроме того, Институтом РАН был опубликован собственный проект (концепция) Информационного кодекса РФ в 2014 году¹⁵. Помимо этого, необходимость создания данного правового регулятора нашла свое отражение в Проекте СПЧ по защите прав граждан в цифровом пространстве РФ в 2021 году¹⁶. После чего Президентом Российской Федерации было дано совместное поручение СПЧ и Правительству РФ о необходимости разработки проекта концепции защиты прав и свобод граждан в цифровом пространстве РФ. Разработку проекта кодекса поручили Минцифры. Позднее стало известно, что Совет при президенте по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства не поддержал разработанный и представленный проект Цифрового кодекса ввиду противоречивого и расплывчатого изложенного предмета правового регулирования. При этом Совет согласился с необходимостью совершенствования законодательства в цифровой среде и признал архаичность и противоречивость действующих правовых актов.

Инициатива создания кодекса была поддержана Председателем Конституционного суда РФ Валерием Дмитриевичем Зорькиным, по мнению которого «информационное законодательство в России нуждается в систематизации, извлечении от повторов и приведении его понятийного аппа-

- 5 Федеральный закон № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29 декабря 2022 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2023. - № 1 (2 января). - Часть I. - Ст. 19.
- 6 Федеральный закон № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26 июля 2017 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2017. - № 31 (31 июля). - Части I-II. - Ст. 4736.
- 7 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 25 (17 июня). - Ст. 2954.
- 8 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 1 (7 января). - Ст. 1.
- 9 XII Петербургский международный юридический форум. Секция «Цифровой кодекс: перспективы и риски», 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roscongress.org/sessions/splf-2024-delovaya-programma-tsifrovoy-kodeks-perspektivy-i-riski/materials/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 30.03.2026).
- 10 XII Петербургский международный юридический форум. Секция «Цифровизация в праве: современные вызовы и регулирование», 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roscongress.org/sessions/splf-2024-delovaya-programma-tsifrovizatsiya-v-prave-sovremennye-vyzovy-i-regulirovanie/translation/> (дата обращения: 30.03.2026).

- 11 XII Петербургский международный юридический форум. Секция «Цифровой кодекс: перспективы и риски», 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roscongress.org/sessions/splf-2024-delovaya-programma-tsifrovoy-kodeks-perspektivy-i-riski/materials/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 30.03.2026).
- 12 Модельный Информационный кодекс для государств-участников СНГ (принят на тридцатом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ (постановление № 30-6 от 3 апреля 2008 года). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902124603> (дата обращения: 30.03.2026).
- 13 Модельный информационный кодекс для государств-участников СНГ (Принят в г. Санкт-Петербурге 23 ноября 2012 года Постановлением 38-6 на 38-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // СПС «КонсультантПлюс».
- 14 Модельный Информационный кодекс для государств - участников СНГ (принят на пятьдесят четвертом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств - участников СНГ (постановление № 54-12 от 28 октября 2022 года) // СПС «КонсультантПлюс».
- 15 Концепция информационного кодекса Российской Федерации. ИГП РАН. – Москва, 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://igpran.ru/public/publiconsite/Conception_IC_compress.pdf (дата обращения: 30.03.2026).
- 16 Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве // Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://d-russia.ru/wp-content/uploads/2021/12/doclad_spch.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

рата в стройное, непротиворечивое состояние»¹⁷. Иная точка зрения была высказана председателем комитета Госдумы по государственному строительству и законодательству Павлом Крашенинниковым на I Международном научно-практическом форуме «Право цифровой безопасности» в МГИМО, который назвал разработку Цифрового кодекса преждевременной, ввиду различности методов правового регулирования между консервативной правовой и динамично развивающейся цифровой сферами. Между тем, в доктрине по данному вопросу высказаны различные подходы. Так, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, заместитель президента Российской академии наук Талия Хабриева считает, что границы законодательства в данной сфере окончательно не определены, и идентификационная линия между информационным и так называемым цифровым законодательством еще не проведена, в связи с конъюнктурностью указанных правоотношений¹⁸. Напротив, доктор юридических наук В. А. Вайпан [1], считает, что однородность информационных отношений и возможность установления широкого предмета такого акта делают целесообразной разработку именно Информационного (цифрового) кодекса, который мог бы стать системообразующим для правового регулирования информационной, в том числе цифровой среды. Схожее мнение высказал и Акмал Саидов¹⁹, первый заместитель спикера Законодательной палаты Олий Мажлиса Республики Узбекистан, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека. М. А. Рожкова [2, с. 11] допускает создание Информационного (цифрового) кодекса в качестве комплексного кодифицированного акта при условии признания информационного (цифрового) права самостоятельной комплексной отраслью. Противоположное мнение высказал Старший управляющий директор ПАО Сбербанк Максим Ксензов, который считает действующие правовые механизмы в цифровой сфере достаточными, а принятие кодекса – излишним.

По нашему мнению, создание кодекса приходится весьма актуальным на сегодняшний день. К тому же, указанное наименование кодифицированного акта представляется релевантным, поскольку сфера данных правоотношений связана с информацией, а именно с ее сбором, накоплением, хранением, обработкой, использованием, передачей, преобразованием, применением и пр. В соответствии с федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»²⁰ к информации относятся сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления. Так же новым объектом гражданских прав являются «цифровые права» (ст. 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации²¹), содержание и условия, осуществления которых определяются в соответствии с правилами «информационной системы», интерпретируемой как совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Следовательно, предмет кодекса может определяться через информацию, содержащуюся в инфор-

мационной среде, обрабатываемой посредством информационных технологий и технических средств, сбор, хранение, использование, передача, применение которой осуществляется в цифровом виде.

В качестве дополнительного аргумента в пользу принятия Информационного (цифрового) кодекса можно отметить следующие тенденции последних лет. Во-первых, экспоненциальный рост объема оборота цифровых данных, включая биометрические персональные данные, и распространение технологий искусственного интеллекта создают качественно новые риски для конституционных прав граждан, которые не могут быть эффективно нейтрализованы в рамках отраслевого, фрагментарного законодательства. Во-вторых, зарубежный опыт (в частности, Общий регламент о защите данных ЕС (GDPR), а также законодательные инициативы Китая и стран ЕАЭС) показывает, что переход к кодифицированным актам в информационной сфере становится общемировой тенденцией, позволяющей сочетать гибкость регулирования с системностью правовых гарантий. В-третьих, судебная практика (в том числе Конституционного Суда РФ) все чаще сталкивается с необходимостью толкования разрозненных норм, что создает риски правовой неопределенности и нарушения принципа правовой определенности.

Заключение

Таким образом, принятие Информационного (цифрового) кодекса следует рассматривать не как дань научной дискуссии, а как объективную потребность правовой системы, обусловленную технологическими реалиями и необходимостью обеспечения баланса между публичными интересами и конституционными правами граждан в цифровую эпоху. Действующая система нормативных правовых актов в данной сфере не обеспечивает надлежащую защиту прав и свобод граждан в информационной (цифровой) среде, в связи с отсутствием унифицированной терминологии и определенности при регулировании смежных вопросов, конкуренцией норм, наличием противоречий и пробелов в упорядочении правоотношений. Данная ситуация складывается в том числе ввиду первичности возникновения цифрового развития и вторичности его законодательного регламентирования. Справедливо, что большинство правоведов сходятся во мнении о существующей необходимости совершенствования законодательства в данной сфере. Перспективным направлением дальнейших исследований может стать разработка концептуальной структуры такого кодекса, включая выделение общих положений, принципов цифрового права, специальных режимов обработки данных, механизмов ответственности и процедур судебной защиты.

Пристатейный библиографический список

1. Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. - 2024. - № 1. - С. 5-27.
2. Рожкова М. А. Является ли цифровое право отраслью права, и ожидать ли появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. - 2020. - № 4. - С. 3-12.
3. Минбалева А. В. Цифровое право как комплексный институт российского права // Проблемы права. - 2019. - № 4. - С. 58-64.
4. Грудцына Л. Ю. Цифровое право как комплексная отрасль российского законодательства // Образование и право. - 2023. - № 3. - С. 277-283.
5. Щенникова И. И. Место цифрового права в системе российского права // Законодательство. - 2023. - № 3. - С. 38-43.

17 Глава Конституционного суда России поддержал идею создания Информационного кодекса. Конституционный суд Российской Федерации в прессе // РИА Новости, 29 мая 2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ksrf.ru/Press-srv/smi/24136/> (дата обращения: 30.03.2026).

18 XII Петербургский международный юридический форум. Секция «Цифровой кодекс: перспективы и риски», 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://roscongress.org/sessions/splf-2024-delovaya-programma-tsifrovoy-kodeks-perspektivy-i-riski/materials/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 30.03.2026).

19 Там же.

20 Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27 июля 2006 года // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 31 (31 июля). - Части I-II. - Ст. 3448.

21 Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1994. - № 32 (5 декабря). - Ст. 3301.

ТОНОЯН Маринэ Радиковна

аспирант, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

КОНСТИТУЦИОННЫЕ МОДЕЛИ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЛЮ В СТРАНАХ СНГ, КИТАЕ И ЯПОНИИ: ОСОБЕННОСТИ, ТРАДИЦИИ И ВОЗМОЖНОСТИ АДАПТАЦИИ В РОССИИ

В статье проводится комплексный сравнительно-правовой анализ конституционного регулирования права собственности на землю в зарубежных странах. Автор обосновывает актуальность обращения к зарубежному опыту, особенно в условиях трансформации внешнеполитических связей России и необходимости совершенствования отечественной конституционной модели. Исследование построено на анализе трех групп конституционных моделей: постсоветских республик (стран СНГ), Китайской Народной Республики и Японии. Особое внимание уделено эволюции конституционных положений о земле в странах СНГ, где выявлена общность исторического наследия, выражающаяся в наличии норм-противопоставлений социалистическому прошлому, а также в дуализме регулирования права собственности как конституционного принципа и субъективного права.

Ключевые слова: конституционное право, право собственности на землю, земельные отношения, декларация о суверенитете, государственная собственность, сравнительное правоведение.

TONOYAN Marine Radikovna

postgraduate student, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg

CONSTITUTIONAL MODELS OF LAND OWNERSHIP IN THE CIS COUNTRIES, CHINA, AND JAPAN: FEATURES, TRADITIONS, AND ADAPTATION OPPORTUNITIES IN RUSSIA

The article provides a comprehensive comparative legal analysis of the constitutional regulation of land ownership in foreign countries. The author substantiates the relevance of referring to foreign experience, especially in the context of the transformation of Russia's foreign policy relations and the need to improve the domestic constitutional model. The study is based on an analysis of three groups of constitutional models: the post-Soviet republics (CIS countries), the People's Republic of China, and Japan. Special attention is paid to the evolution of constitutional provisions on land in the CIS countries, where a common historical heritage has been identified, expressed in the presence of norms that oppose the socialist past, as well as in the dualism of regulating property rights as a constitutional principle and a subjective right.

Keywords: constitutional law, land ownership, land relations, declaration of sovereignty, state ownership, comparative law.

Тоноян М. Р.

Конституционное законодательство зарубежных стран, выступая фундаментальной правовой материей иностранных государств, отличается большим разнообразием подходов к конституционно-правовому регулированию общественных отношений, обусловленных, как и в случае с Российской Федерацией, конкретными историческими обстоятельствами, а также особенностями социального, экономического и политического развития.

В мировой практике сложились различные модели конституций, с разным содержанием и структурой, а также способами внесения в них поправок и дополнений. Разумеется, многие из этих особенностей отражают конкретные условия той или иной страны, ее традиции. Вместе с тем можно установить какие-то общие положения, определить закономерности, свидетельствующие о плюсах и минусах той или иной конституционной модели [9, с. 28].

Конституция Российской Федерации, разработанная и принятая под давлением глобальных изменений в политических, социально-экономических общественных отношениях, выступает в качестве «продукта политического и правового компромисса» и характеризуется наличием определенного набора проблем, препятствующих реализации отдельных конституционных положений. Указанные тезисы

представляются справедливыми как для конституционно-правового регулирования в целом, так и для земельных правоотношений в частности.

Исследование существующего опыта конституционно-правового регулирования в зарубежных странах (как позитивного, так и негативного) представляется весьма полезным для целей совершенствования конституционно-правовой модели Российской Федерации. Как отмечал В. Е. Чиркин, такое исследование помогает отобрать, усовершенствовать, применить на практике те модели конституционного регулирования, которые оказались эффективными в сходных условиях, и отказаться от институтов, непродуктивных или не соответствующих общечеловеческим ценностям, конкретным условиям данной страны [8, с. 24].

Кроме этого, согласно позиции М. В. Баглая, сравнительный анализ ценностных установок и ориентиров в зарубежных странах позволяет сопоставить практику формирования конституционно-правовых институтов, их эффективность в условиях различных общественных систем и государственных форм [2, с. 356].

Такой анализ позволит выявить эффективные зарубежные практики конституционно-правового регулирования, подходящие для интеграции в российскую правовую систе-

му, а также позволит выделить преимущества отечественного нормотворчества перед иностранным.

В силу наличия сходных отправных позиций, обусловленных ранее существовавшим единообразием в подходах к государственному управлению и правовому регулированию общественных отношений, особый интерес к исследованию конституционно-правового регулирования права на землю представляют постсоветские республики – участники Содружества Независимых Государств (СНГ). Республики прошли схожие с Россией этапы построения рыночной экономики, но уже с учетом своих интересов.

Кроме того, в современных условиях сокращения экономических, политических и др. связей со странами Европы и США с соответствующим «разворотом России на Восток» и масштабной трансформацией государствообразующих смыслов, представляется целесообразным также акцентировать внимание на исследовании отдельных азиатских конституционных моделей, таких как модели Китая и Японии. Конституционная модель Китая несет в себе большой научный интерес в связи с сочетанием в государственной политике идей коммунизма и рыночной экономики, преследуя цель построения социалистического рыночного хозяйства. Конституция Японии, выступая продуктом «импортного» характера, позволяет дать правовую оценку конституционным положениям, сформированным под иностранным влиянием.

В 1988-1990 гг. все союзные республики, входившие в состав Союза ССР, провозгласили на своей территории государственный суверенитет, приняв специальный правовой акт или серию подобных актов конституционного характера. В целом декларации о суверенитете в странах СНГ имеют много схожих положений с Декларацией о государственном суверенитете РСФСР от 12 июня 1990. Вместе с тем положения отдельных деклараций представляют научный интерес для целей исследования реализации права на землю. Например, статьей 5 Декларации о суверенитете Беларуси¹ было установлено, что земля, ее недра, другие природные ресурсы на территории Республики Беларусь являются собственностью белорусского народа, которому принадлежат исключительные права по их владению, пользованию и распоряжению. В пункте 12 Декларации о суверенитете Таджикистана² было установлено, что Таджикская ССР имеет исключительное право на владение, пользование и распоряжение национальным богатством республики. Земля, ее недра и другие природные ресурсы на территории республики являются исключительной собственностью Таджикской ССР.

Объемное регулирование земельных вопросов содержалось в Декларации о суверенитете Казахстана³. В частности, пунктом 9 Декларации о суверенитете Казахстана было определено, что в исключительной собственности Казахской ССР, составляя основу ее суверенитета, находятся земля и ее недра, воды, воздушное пространство, растительный и животный мир, другие природные ресурсы, культурные и исторические ценности народа, весь экономический, научно-технический потенциал – все национальное богатство, имеющееся на ее территории. В Казахской ССР обеспечивается многообразие

и равенство форм собственности и гарантируется их защита. Казахская ССР гарантирует охрану имущественных прав Союза, других союзных республик, иностранных государств, их граждан и организаций.

Таким образом, отличительной особенностью всех вышеуказанных деклараций стало закрепление указания на землю в качестве одной из основ суверенитета республик, что могло быть обусловлено стремлением публично обозначить элементы государственности в ходе отказа от участия в советской модели государственного управления. В Декларации о суверенитете РСФСР аналогичные положения отсутствовали.

После прекращения существования СССР и приобретения суверенитета конституционное развитие в постсоветских республиках, включая страны-участники СНГ, вышло на принципиально новый этап, результатом которого стало появление множества новых оригинальных конституционных моделей, отражающих и общее прошлое, и специфические особенности каждой страны.

Общие черты конституционного развития стран СНГ обусловлены, с одной стороны, общим историческим прошлым бывших республик СССР, с другой – признанием общепризнанных гуманистических ценностей, например, таких как: народовластие, республиканская форма правления, государственный суверенитет, социальный и светский характер государства, верховенство права и закона, приоритет прав и свобод человека, защита прав национальных меньшинств, плюрализм форм собственности, многопартийность, разделение властей.

Все конституции постсоветских республик затрагивают регулирование вопросов права собственности, выступающего исходным экономическим правом человека и гражданина и включающим в себя возможность обладания благами, способными удовлетворять различные потребности человека [3, с. 78]. В конституциях большинства постсоциалистических стран статьи о собственности включены в две главы: в первую, в которой обычно устанавливаются фундаментальные принципы и конституционные начала, и в главу о правовом статусе человека и гражданина. Такой подход применен в конституциях Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и др. Законодатель в этих странах исходил из того, что в постсоциалистический период необходимо не только подчеркнуть изменение места и роли собственности, особенно частной, но и обеспечить повышенную конституционную защиту субъективного права человека [1, с. 243].

Отличительной особенностью регулирования вопросов права собственности в конституциях стран СНГ является обилие норм, направленных на противопоставление социалистическому прошлому. Исследователи выделяют три вида таких правовых норм. Во-первых, утверждается равная правовая защита форм собственности, причем на первое место ставится частная собственность. Во-вторых, говорится о равной правовой защите всех форм собственности. В-третьих, в конституции может говориться о равной правовой защите форм собственности, но государственная ставится при этом на первом месте [1, с. 208].

Указанный подход к регулированию вопросов права собственности в конституциях стран СНГ практически не влияет на правовое содержание нормативных положений, однако позволяет подчеркнуть антисоциалистическую модель развития государств, раскрывая формы собственности, а в отдельных конституциях усматривается процесс более подробного определения и упорядочивания отношений, регулирующих частную форму собственности. Нормы – противопоставления нацелены, с одной стороны, на преодоление

1 Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gorby.ru/userfiles/belorusia.pdf>.

2 Декларация о суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики от 24 августа 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gorby.ru/userfiles/tadgikistan.pdf>.

3 Декларация о государственном суверенитете Казахской Советской Социалистической Республики от 25 октября 1990 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gorby.ru/userfiles/kazahstan.pdf>.

последствий исторического прошлого, с другой – на предупреждение возрождения социалистического характера экономики вновь.

Еще одной особенностью конституций стран СНГ в части регулирования вопросов права собственности выступает наличие правовых норм гражданского-правового характера. В постсоциалистических странах в период создания конституций не было экономической основы для той модели собственности, которая получила отражение в конституциях, она находилась в процессе формирования, и при этом возможность возрождения социалистических отношений была достаточно велика. Поэтому законодатель постарался «уравновесить» ценностные нормы введением в конституции гражданско-правовых конструкций. Например, во многих конституциях положения о собственности содержат знаменитую гражданско-правовую триаду пользования, владения и распоряжения (Азербайджан, Армения, Беларусь, Кыргызстан, Узбекистан и др.). Триада правомочий является попыткой оградить собственников от потенциальной возможности «ограниченно» толковать понятие собственности, как это происходило при социализме. Также в некоторых конституциях получило отражение гражданско-правовое деление вещей на движимые и недвижимые (например, Азербайджан) [1, с. 253].

С учетом проведенного анализа конституций стран СНГ (конституций республик Беларусь, Таджикистана, Казахстана), допустимо полагать, что конституционные модели стран СНГ близки по правовому содержанию Конституции Российской Федерации, что обусловлено: необходимостью решения на одном историческом этапе сходных проблем, вызванных общностью исторического прошлого республик СССР; заимствованием отдельных правовых конструкций Конституции Российской Федерации в конституционные акты стран СНГ. Все исследуемые конституции можно назвать развивающимися: в правовые акты неоднократно вносились поправки, направленные на адаптацию их положений динамично изменяющимся общественным отношениям. Множественность изменений в конституции обуславливается, в том числе обилием неправовых по своему содержанию положений, которые пересматриваются государством в связи с изменением политической конъюнктуры.

Другой особенностью конституций стран СНГ в части регулирования вопросов права собственности выступает наличие правовых норм гражданского-правового характера (в частности, закрепление права владения, пользования, распоряжения как элементов права собственности).

Помимо вышеперечисленных черт, присущих Основному закону России, в конституционных актах государств СНГ прослеживаются положения, заслуживающие внимания с точки зрения развития отечественного конституционализма. Особый интерес вызывает нормативное закрепление земли в качестве общенационального богатства. Это позволяет интерпретировать правовой статус указанного ресурса в дуальной системе координат: не только через призму субъективных прав, но и сквозь призму публично-правовой обязанности государства и общества. Закрепление рассматриваемого положения в основном законе страны позволило бы конституционализировать идею ответственности собственника, трактуя право собственности (в том числе на землю) в единстве с корреспондирующей ему обязанностью, обеспечив тем самым дисциплинирующую функцию в отношении поведения субъектов этого права. Подобная конструкция повысила бы эффективность отраслевого регулирования земельных отношений за счет конституционного закрепления принципа, согласно которому осуществление

права собственности на землю не должно противоречить общественной пользе.

В свою очередь, вопросы конституционно-правового регулирования права на землю в Китайской Народной Республике имеют следующие особенности. Такое регулирование земельных отношений осуществляется в соответствии с Конституцией Китайской Народной Республики 1982 года, заменившей Конституцию Китая 1954 года, а также конституционные акты 1975 и 1978 годов, принятые в период «культурной революции», когда была предпринята попытка «великого скачка» к коммунизму, в основу которого были положены создание народных коммун, всеобщая уравниловка, борьба с инакомыслием и др. Современный период определяется в Конституции Китая как «начальная стадия строительства социализма (преамбула), а китайское общество – как социалистический строй. Одновременно в ней говорится о «социализме с китайской спецификой», о «социализме в модернизированном виде» как дальнейшее развитие марксизма-ленинизма. В последние годы в Китае внедряются идеи «либерального социализма» вместо «прагматичного социализма». Происходит акционирование государственных предприятий, но контрольный пакет всегда должен оставаться в руках государства. Идеи либерального социализма начинают распространяться и на сферу политики. «Три кита» прежней официальной идеологии Пекина (марксизм-ленинизм, социалистический путь развития, руководящая роль КПК) заменяются лозунгами патриотизма, социально-ориентированной рыночной экономики, но руководящая роль Коммунистической партии Китая остается неизменной [8, с. 418].

Социалистический характер экономики Китая проявляется, прежде всего, в доминировании государственной собственности в народном хозяйстве страны и ведущей роли принципа распределения по труду. Основные особенности социалистической рыночной экономики исследователи сводят к следующему: распределение ресурсов при использовании рыночного механизма; самостоятельность хозяйственных предприятий; четкое определение прав собственности; создание рынка факторов производства; разработка законодательства, регламентирующего законодательную деятельность [7, с. 77-78].

Таким образом, конституционная модель КНР выступает уникальным продуктом, объединяющим в себе идеологически противопоставляемые идеи коммунизма и рыночной экономики. Сочетание авторитарной власти и успешной либеральной экономики вызывает высокий научный интерес к конституционной модели КНР в части проведения оценки положительного опыта приспособляемости социалистического государства к рыночным отношениям и сравнение этого опыта с конституционной моделью Российской Федерации.

Синтез социалистических и рыночных начал в конституционном регулировании находит свое последовательное воплощение и в институте собственности Китайской Народной Республики. Традиционным для социалистических государств является нормативное положение, согласно которому фундамент социалистической экономической системы КНР образует социалистическая общественная собственность на средства производства, выступающая в двух формах: общественной (государственной) собственности и коллективной собственности трудящихся масс.

Большое внимание уделено регулированию вопросов частной собственности, что не характерно для концепции социалистического государства. Так, в конституционном регулировании КНР (ст. 11) необщественный сектор экономи-

ки имеет статус важной составной части социалистической рыночной экономики. Государство берет на себя обязательства по охране законных прав и интересов индивидуальных и частных хозяйств, их поддержке и направлению развития, а также по осуществлению контроля за деятельностью не-общественного сектора.

Конституционная модель КНР исходит из неприкосновенности законной частной собственности граждан, возлагая на государство обязанность по охране прав частной собственности и права наследования. В то же время государство наделяется правом изъятия или использования частной собственности в общественных нуждах на условиях предварительного и равноценного возмещения (статья 13 Конституции Китая). Само же многообразие форм собственности конституционно увязывается с переходным характером экономического строя, причем расширительный подход к их перечню сочетается с иерархичностью правового статуса, который закрепляется далеко не на равных основаниях для различных форм. При этом регулирование вопросов частной собственности приближено к подходам и принципам стран с рыночной экономикой.

Правовое регулирование вопросов земельных отношений в Конституции Китая предполагает общие положения о природных ресурсах и отдельные конституционные отраслевые нормы о земле. Конституция КНР устанавливает публичный характер собственности на важнейшие природные ресурсы, такие как, недра, воды, леса, горы, целинные земли, отмели и иные природные ресурсы, которые признаются государственной собственностью. Исключения составляют леса, горы, степи, которые по закону могут быть отнесены к коллективной собственности. Любым организациям и частным лицам запрещается приватизировать природные ресурсы. Так, земли городов принадлежат государству, земли деревень и пригородов, включая земли под жилыми постройками, приусадебные участки и горные наделы, находятся в коллективной собственности. Кроме того, государство вправе в соответствии с законом реквизиовать или использовать землю с выплатой компенсации при наличии общественных нужд.

Таким образом, Конституция Китая содержит детальное перечисление объектов собственности, включая указание на землю. Специфика правового регулирования права на землю заключается в наличии всего двух форм собственности на землю – государственной и коллективной. Организации или частные лица лишены права присваивать, продавать и покупать, сдавать в аренду землю или передавать ее в другой форме.

Китайская Народная Республика эффективно интегрировала антагонизмы идей марксизма-ленинизма в виде рыночных отношений и частной собственности в социалистическую государственную материю, создав так называемый «социализм с китайской спецификой» или «социализм в модернизированном виде». Тем самым представляется допустимым утверждать, что Китай обеспечил эволюционное развитие своего конституционного законодательства, в том числе регулирующего право на землю, миновав смену государственного строя и глобальные шоковые изменения в экономической, политической и социальной системах общественных отношений, что, свою очередь, не удалось сделать в Российском государстве в переходный период от СССР к Российской Федерации.

Таким образом, современный Китай характеризуется объединением социалистического и рыночного начал в социалистическую рыночную экономику, которая выступает исходным элементом для конституционного регулирования,

в том числе в вопросах собственности и права на землю. Государство охраняет права граждан на частную собственность и право наследования. Такой подход приближен к принципам стран с рыночной экономикой, в том числе Российской Федерации.

Вместе с тем принципиально отличным в регулировании вопросов права частной собственности России и Китая является характер сходных по содержанию конституционных положений. Если в Китае положения о частной собственности являются моделью преобразования социалистических начал, то в Российской Федерации они носят характер противопоставления социалистическому прошлому, подчеркивая антисоциалистическую модель развития государства.

Применительно к праву на землю следует отметить, что Конституция Китая содержит детальное перечисление объектов собственности на ресурсы, включая указание на землю. Специфика правового регулирования права на землю заключается в наличии всего двух форм собственности на нее – государственной и коллективной. Организации или частные лица лишены права присваивать, продавать и покупать, сдавать в аренду землю или передавать ее в другой форме. Коллективная собственность не представляет единой формы, а может объединять черты нескольких видов собственности, например, государственной и кооперативной. В части земель сельскохозяйственного назначения реализация прав собственности от лица коллектива осуществляется специализированной организацией (например, экономической организацией коллектива села).

Представляется, что специфика конституционно-правового регулирования права на землю в Китайской Народной Республике слабо применима для интеграции в российское конституционное законодательство в силу наличия принципиально разных подходов к регулированию экономики: в Китае – упор на социалистическую рыночную экономику, в Российской Федерации – на рыночную экономику антисоциалистической модели. Применение иного подхода к конституционному законодательству России (с заимствованием китайской специфики) означало бы обесценивание результатов сложного исторического периода построения современной суверенной государственности Российской Федерации, и обуславливало бы отказ от конституционно-определенной незыблемости ее демократической основы.

Вместе с тем перспективным для рассмотрения является вопрос интеграции в российскую конституционную модель закрепленного в Конституции КНР института гарантий государственного сектора экономики и государственной собственности.

Как указано ранее, Конституция Китая гарантирует укрепление и развитие сектора экономики, основанной на государственной собственности. В Конституции Российской Федерации аналогичные положения отсутствуют: вопросам публичного сектора экономики и государственной (муниципальной) собственности не уделяется должного внимания в Основном законе. Имеющийся подход к конституционно-правовому регулированию объясняется стремлением в переходный период излишне демократизировать общественные отношения и уйти от социалистического уклада экономики, проигнорировав необходимость закрепления в Конституции Российской Федерации положений по вопросам защиты государственной собственности на землю.

В современной Российской Федерации государственная или муниципальная собственность по-прежнему является значимым элементом экономики государства, что никак не препятствует развитию рыночных отношений.

Учитывая изложенное, представляется целесообразным по аналогии с Китайской Народной Республикой рассмотреть вопрос закрепления в Конституции Российской Федерации положений, гарантирующих укрепление и развитие сектора экономики, основанной на государственной (муниципальной) собственности.

Рассматривая конституционно-правовое регулирование в Японии, следует отметить, что на первом месте в ней глава об императоре, что объясняется ролью императорской власти в многовековой истории Японии. Конституция закрепила новую систему конституционных ценностей, к которым можно отнести: закрепление принципа народного суверенитета; контроль за всеми тремя ветвями государственной (публичной) власти; сочетание правовых заимствований американского, английского и европейского конституционализма; закрепление широкого и традиционного набора прав и свобод без положения, допускающего их ограничение законом [6, с. 73-80].

Еще одной особенностью Конституции Японии является отсутствие в ней прямых конституционных положений, регулирующих право на землю. В Конституции Японии к земельным отношениям косвенно относится только статья 29, в соответствии с которой право собственности не должно нарушаться. Частное имущество может быть использовано в публичных интересах за справедливую компенсацию⁴.

Частная собственность признается важным элементом правового статуса индивида, причем право частной собственности в Японии является социально обусловленным, т.е. оно не должно противоречить общественному благосостоянию [2, с. 659].

Конституция Японии, с учетом отсутствия на протяжении семидесяти лет каких-либо поправок, представляет собой уникальный продукт мирового конституционного законодательства. Суверенность конституционных положений, сформированных под иностранным влиянием, постоянно вызывает дискуссии в японском обществе о необходимости пересмотра Конституции.

Конституция Российской Федерации 1993 года, несмотря на восприятие отдельных институтов, и методов правового регулирования, апробированных в зарубежных правовых системах, является бесспорной как с точки зрения суверенности ее природы, так и с позиции легитимности ее нормативного содержания. Вместе с тем именно в части правовой регламентации земельных отношений Конституция РФ обнаруживает более высокую степень полноты и нормативной разработанности. Конституция России содержит развернутую характеристику и права собственности в целом, и права на землю в частности.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что общность исторических судеб и правовых подходов, объединяющая конституционное развитие постсоветских республик СНГ с Российской Федерацией, не исключает наличия у первых более выраженного публично-правового измерения в регулировании земли. Закрепление в конституциях стран Содружества земли в качестве общенационального богатства открывает перспективный вектор для совершенствования российского конституционного законодательства, ориентированный на усиление социальной и дисциплинирующей функций права собственности.

Обращение к азиатским конституционным моделям показывает принципиально иные траектории конституци-

онализма. Китайская модель демонстрирует интеграцию рыночных механизмов и частной собственности в социалистическую государственную материю. Прямое заимствование китайских подходов к регулированию земли для России представляется нецелесообразным. Вместо этого заслуживает внимания сама идея конституционализации гарантий развития государственного сектора как элемента, обеспечивающего структурный баланс с частной собственностью в условиях рыночной экономики.

В свою очередь, Япония дает образец конституционной стабильности и эффективности земельных реформ. Но оборотной стороной этой стабильности выступают внешнее заимствование положений конституции Японии и отсутствие в ней регламентации земельных отношений. Российская же Конституция, напротив, демонстрирует иной тип легитимности: суверенный характер и детализированное регулирование земельных отношений, что образует ее неоспоримое преимущество перед заимствованными образцами.

Многообразие зарубежных подходов к конституционализации земельных отношений и их анализ подтверждает, что для российской правовой системы приоритетным ориентиром выступает – адаптация успешных практик стран СНГ и отдельных элементов китайского опыта без ущерба для фундаментальных основ демократической и рыночной модели, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Иной подход означал бы утрату суверенности конституционного выбора.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Г. Н. Экономическая конституция в зарубежных странах. Ин-т науч.информ. по общест. наукам РАН. - М.: Наука, 2006. - 268 с.
2. Баглай М. В., Лейбо Ю. И., Энтин Л. М. Конституционное право зарубежных стран: учебник/ под общ. ред. М. В. Баглая, Ю. И. Лейбо, Л. М. Энтина. - 5-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. - 864 с.
3. Михалева Н. А. Конституционное право зарубежных стран СНГ: учеб. пособие. - М.: Юристъ, 1999. - 352 с.
4. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 07 октября 1977 года) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. - 1977. - № 41. - Ст. 617.
5. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о земле // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. - 1990. - № 10. - Ст. 129.
6. Старостина И. А., Амара М. И. Современное конституционное реформирование Японии // Конституционное и муниципальное право. - 2021. - № 8. - С. 73-80.
7. Чанцин Цзо. Создание новой системы социалистической рыночной экономики // Проблемы Дальнего Востока. - М., 1993. - № 2. - С. 77-78.
8. Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран: учебник / 9-е изд., перераб. и доп. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. - 528 с.
9. Чиркин В. Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. - М.: Издательство «Зерцало», 1998. - 448 с.
10. Шириновская А. С. Право на землю в Российской Федерации (конституционно-правовые основы): монография. - М.: Юрлитинформ, 2014. - 184 с.

4 Конституция Японии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/japan.pdf>.

ВЛАСОВА Елена Львовна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел, Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск

ЛИЦЕНЗИРОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ УСЛУГ: АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ И КОНТРОЛЬ

Статья посвящена административно-правовым аспектам лицензирования отдельных видов услуг в России. Рассмотрены ключевые нормативные акты, регулирующие лицензирование, изменения в системе лицензирования, включая цифровизацию процедур, а также вопросы контроля и ответственности за нарушения. Особое внимание уделено новым тенденциям в регулировании, таким как переход на электронный формат взаимодействия, автоматизация межведомственного взаимодействия и расширение перечня лицензируемых видов деятельности. Проанализированы социально-экономические последствия нововведений 2026 года, включая лицензирование торговли табачной продукцией и деятельности управляющих компаний. В качестве приоритетных предложений обозначены: развитие инфраструктуры поддержки (обучающие программы, упрощение получения электронной подписи) и сохранение возможности подачи документов через МФЦ для отдалённых территорий.

Ключевые слова: лицензирование, административно-правовые требования, контроль, цифровизация, лицензируемые виды деятельности, электронный документооборот, межведомственное взаимодействие, ответственность.

VLASOVA Elena Lvovna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of Administrative law and administrative activities of internal affairs bodies sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

LICENSING OF CERTAIN TYPES OF SERVICES: ADMINISTRATIVE AND LEGAL REQUIREMENTS AND CONTROL

This article examines the key regulatory acts governing licensing, changes to the licensing system, including the digitalization of procedures, as well as issues of oversight and liability for violations. Particular attention is paid to new regulatory trends, such as the transition to electronic interactions, the automation of interdepartmental collaboration, and the expansion of the list of licensed activities. The socio-economic impact of the 2026 changes is analyzed, including licensing of tobacco trade and the activities of management companies. Priority proposals include: developing support infrastructure (training programs, simplifying the process of obtaining an electronic signature) and maintaining the ability to submit documents through the Multifunctional Center (MFC) for remote areas.

Keywords: licensing, administrative and legal requirements, control, digitalization, licensed activities, electronic document management, interdepartmental cooperation, liability.

Лицензирование выступает ключевым инструментом государственного регулирования социально-экономических процессов, призванным обеспечить безопасность граждан, защиту окружающей среды и соблюдение законных интересов общества. В условиях цифровизации государственного управления система лицензирования претерпевает существенные изменения, затрагивающие как нормативно-правовую базу, так и практические механизмы взаимодействия бизнеса и власти. Цель работы – проанализировать современные тенденции развития системы лицензирования в РФ, выявить ключевые изменения 2026 года и оценить их социально-экономическое влияние.

В рамках исследований лицензирования отдельных видов услуг применялся нормативно-правовой анализ – изучение законодательных актов, регулирующих лицензирование; сравнительно-правовой метод – сопоставление норм до и после изменений 2026 года; статистический анализ – оценка экономических последствий лицензирования (поступления в бюджет, сокращение нелегального оборота); системный подход – рассмотрение лицензирования как элемента государственного регулирования экономики; кейс-стади – изучение конкретных примеров внедрения новых требований (лицензирование торговли табачной продукцией, управляющих компаний).

Материалами исследования послужили Федеральный закон от 25.09.1998 № 158-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»; Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»; Федеральный закон от 31.07.2025 № 304-ФЗ; Федеральный закон от 13.06.2023 № 203-ФЗ; Постановление Правительства РФ от

07.02.2026 № 98; другие федеральные законы и подзаконные акты.

Лицензирование – важнейший инструмент государственного регулирования, направленный на предотвращение ущерба правам граждан, окружающей среде, объектам культурного наследия, обороне и безопасности государства. Оно позволяет контролировать деятельность, которая потенциально может нанести вред обществу, и обеспечивать качество предоставляемых услуг. Впервые о лицензировании заговорили с принятием Федерального закона от 25 сентября 1998 года № 158-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹. До этого регулирование осуществлялось через Указы Президента, постановления Правительства и ведомственные акты². В перечне лицензи-

1 Федеральный закон от 25 сентября 1998 года №158-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» утратил силу Федеральным законом от 8 августа 2001 года № 128-ФЗ. Действие № 158-ФЗ прекратилось по истечении шести месяцев со дня официального опубликования Федерального закона № 128-ФЗ.

2 Например, Указ Президента РФ от 6 октября 2004 года № 1286 «Вопросы Межведомственной комиссии по защите государственной тайны»; Постановление Правительства РФ от 15 апреля 1995 года № 333 «О лицензировании деятельности предприятий, учреждений и организаций по проведению работ, связанных с использованием сведений, составляющих государственную тайну, созданием средств защиты информации, а также с осуществлением мероприятий и (или) оказанием услуг по защите государственной тайны»; Постановление Госстандарта России от 18 ноября 2002 года №417-ст «О при-

руемых видов деятельности по закону 1998 года было более 200 направлений. Закон ввёл основные понятия в области лицензирования, установил критерии и существенно расширил полномочия Правительства РФ, которое получило право определять порядок лицензирования, вести реестр лицензий и утверждать перечень работ и услуг, составляющих конкретный вид деятельности.

В настоящее время действует Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» (далее – ФЗ № 99-ФЗ)³. В статье 12 закона перечислено 53 лицензируемых вида деятельности. Однако, это не единственный закон, регулирующий лицензирование: некоторые сферы (например, производство и оборот алкогольной продукции) регулируются отдельными актами (например, законом № 171-ФЗ)⁴.

В 2026 году система лицензирования претерпела существенные изменения в части цифровизации соответствующих процедур. Основой для этих преобразований послужил Федеральный закон № 304-ФЗ от 31 июля 2025 года⁵, который носит рамочный характер и вносит изменения в ряд законодательных актов, способствуя внедрению цифровых технологий в процессы лицензирования. При этом прямое указание на «полное внедрение цифровизации лицензирования» в данном законе отсутствует. Конкретные правила перехода на электронный формат устанавливаются подзаконными актами – в частности: постановлениями Правительства РФ; административными регламентами лицензирующих органов (определяющими порядок предоставления услуг, сроки рассмотрения заявлений, требования к документам и т.д.); правилами работы Единого портала государственных услуг («Госуслуги»), регламентирующими технические и процедурные аспекты подачи заявлений и взаимодействия сторон в электронной форме.

Таким образом, ФЗ № 304-ФЗ создаёт нормативную основу для цифровизации, а детальная регламентация порядка электронного взаимодействия между бизнесом и государственными органами закреплена в соответствующих подзаконных актах, обеспечивающих практическую реализацию новых подходов к лицензированию.

С 2026 года всё взаимодействие между бизнесом и государственными органами происходит исключительно в электронном виде через Единый портал государственных услуг (далее – «Госуслуги»)». Физические документы заменены на электронные выписки из реестра лицензий, а заявления подаются только в электронном формате (за исключением территорий без интернета). Это требует от всех участников процесса адаптации к новым цифровым инструментам и по-

нимания правовых механизмов электронного документооборота.

Переход на полностью цифровой формат лицензирования создаёт ряд существенных проблем для тех, кто пока не готов к работе в цифровом поле. Прежде всего, многие предприниматели, особенно представители малого бизнеса и индивидуальные предприниматели старшего возраста, не обладают достаточными навыками работы с цифровыми сервисами. К этому добавляются технические ограничения: в отдалённых районах часто отсутствует стабильное интернет-соединение, у ряда предпринимателей нет необходимой компьютерной техники или современного смартфона, а также возникают сложности с доступом к электронной подписи. Значительные трудности вызывает и само понимание новых процедур электронного документооборота – люди не всегда разбираются в требованиях к форматам документов и порядке их подачи. Немаловажную роль играет и психологический барьер: страх перед новыми технологиями и недоверие к электронным системам сдерживают переход на цифровые рельсы. Небольшие компании, в штате которых нет IT-специалистов или юристов, сталкиваются с организационными сложностями при адаптации к новым правилам. Наконец, серьёзную озабоченность вызывают вопросы безопасности: предприниматели опасаются мошенничества и утечки данных при работе с электронной подписью.

Полагаем, что решать эти проблемы можно комплексно – как на государственном уровне, так и усилиями самого бизнес-сообщества. Государство может способствовать ещё большему открытию консультационных пунктов в многофункциональных центрах (далее – МФЦ), где квалифицированные специалисты помогут подать документы через «Госуслуги», а также организовать горячие линии и онлайн-чаты поддержки по вопросам лицензирования⁷. Важно проводить бесплатные обучающие мероприятия – вебинары и семинары по работе с «Госуслугами», создать подробные видеоинструкции и раздел с часто задаваемыми вопросами (FAQ)⁸ прямо на портале, а также публиковать пошаговые руководства не только онлайн, но и в печатных СМИ, на сайтах региональных администраций⁹. Для удобства пользователей следует упростить интерфейс портала, снабдив каждый этап подачи заявления понятными подсказками, и внедрить чат-ботов, которые будут помогать заполнять формы. Необходимо облегчить процедуру получения электронной подписи – например, ввести

нятии и введении в действие рекомендаций по каталогизации».

3 Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

4 Федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8368 (дата обращения: 02.04.2026).

5 Федеральный закон от 31.07.2025 № 304-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=504009> (дата обращения: 02.04.2026).

6 Закон предусматривает исключения для территорий без стабильного интернета (ч. 2 ст. 15 ФЗ № 304-ФЗ) на таких территориях сохраняется возможность подачи документов в бумажном виде через МФЦ; сотрудники МФЦ обеспечивают последующую цифровую обработку документов; срок рассмотрения может быть увеличен на время, необходимое для передачи данных.

7 В 2021 году в более чем 1700 подразделениях МФЦ были созданы секторы пользовательского сопровождения. Они помогают заявителям получать услуги в электронной форме: сопровождают действия при подаче заявлений и документов через «Госуслуги», создают и заверяют усиленной квалифицированной подписью электронные дубликаты документов, используют ИТ-инфраструктуру МФЦ для взаимодействия с порталами госуслуг. Некоторые государственные органы организуют горячие линии по конкретным вопросам. Например, Росздравнадзор ведёт круглосуточную бесплатную горячую линию по соблюдению прав граждан в сфере охраны здоровья.

8 FAQ (произносится «эф-эй-кью») – это аббревиатура от английского *Frequently Asked Questions, что переводится как «часто задаваемые вопросы»*. FAQ представляет собой сборник вопросов по какой-либо теме и ответов на них, составленный в формате «вопрос □ ответ».

9 На портале «Госуслуги» доступны бесплатные курсы, направленные на повышение цифровой грамотности. Они охватывают работу с порталом, оформление заявлений онлайн, использование личного кабинета и мобильных приложений. Для бизнеса предусмотрены программы по электронному документообороту, взаимодействию с налоговой службой, регистрации контрактов и получению лицензий через единый портал. Также на портале есть курсы по программированию и искусственному интеллекту для разных возрастных групп.

возможность использования мобильной электронной подписи и предоставлять электронные подписи прямо в МФЦ. Для отдалённых территорий целесообразно сохранить возможность подачи документов через МФЦ с последующей цифровой обработкой сотрудниками центра, а также организовать выездные бригады специалистов в районы с плохим интернет-соединением. Разумным шагом станет введение переходного периода, в течение которого будет допускаться смешанный формат подачи документов – это даст пользователям время адаптироваться к новым условиям.

Со своей стороны, бизнес может направить сотрудников на курсы по цифровой грамотности или привлечь IT-консультантов для настройки рабочих процессов. Предпринимателям стоит воспользоваться услугами юридических и консалтинговых фирм либо аутсорсинговых организаций, специализирующихся на помощи с подачей электронных документов. Активное сотрудничество с МФЦ также принесёт пользу: сотрудники центров не только помогут подать документы в электронном виде, но и проконсультируют по подготовке всех необходимых бумаг. Важно заранее позаботиться о получении электронной подписи, протестировать работу с «Госуслугами» ещё до подачи заявления на лицензирование и создать резервные копии всех документов. Кроме того, эффективным решением может стать объединение предпринимателей в отраслевые сообщества – так они смогут обмениваться опытом работы с цифровыми системами, поддерживать друг друга и даже коллективно обращаться в органы власти с предложениями по улучшению системы лицензирования¹⁰. Реализация этих мер в комплексе поможет снизить барьеры перехода на цифровой формат, обеспечить равный доступ к процедурам лицензирования для всех категорий предпринимателей и повысить доверие бизнес-сообщества к новым технологиям.

Автоматизация межведомственного взаимодействия – ещё один значимый аспект. С 2026 года государственные органы могут автоматически обмениваться информацией без необходимости запроса у граждан или компаний дополнительных справок. Ключевыми документами, регулирующими межведомственное взаимодействие, являются: Федеральный закон от 27 июля 2010 года № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг». Он положил начало созданию системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) и обязал госорганы не запрашивать у граждан документы, которые можно получить через систему; Постановление Правительства РФ от 8 сентября 2010 года № 697 «О единой системе межведомственного электронного взаимодействия» утвердило порядок такого взаимодействия и технические требования к нему; Постановление Правительства РФ от 23 июня 2021 года № 963 «Об утверждении Правил межведомственного информационного взаимодействия при предоставлении государственных и муниципальных услуг» определяет порядок взаимодействия органов власти при предоставлении «Госуслуг», включая сроки предоставления сведений (не более 48 часов с момента за-

проса, а в некоторых случаях – в режиме реального времени); Приказ Минкомсвязи России от 23 июня 2015 года № 210 «Об утверждении Технических требований к взаимодействию информационных систем в единой системе межведомственного электронного взаимодействия» (ред. от 22.02.2017) устанавливает технические стандарты для обмена данными между информационными системами органов власти. Также важную роль играет эксперимент по оптимизации и автоматизации процессов разрешительной деятельности, включая лицензирование, который проводится с 1 августа 2021 года по 31 декабря 2028 года. Он направлен на апробацию новых подходов к межведомственному взаимодействию в сфере лицензирования¹¹.

Автоматизация межведомственного взаимодействия напрямую влияет на процесс лицензирования, упрощая и ускоряя его. С 2026 года в рамках новых правил государственные органы могут автоматически получать информацию друг у друга без запроса у заявителя. Это касается, например, проверки регистрации в ЕГРЮЛ/ЕГРИП, наличия налоговых задолженностей, данных о постановке на учёт в социальных фондах и другой необходимой информации. Внедрена возможность подать единый запрос на получение нескольких лицензий одновременно через портал «Госуслуги». Это удобно для компаний, которым нужны разрешения на несколько видов деятельности. Лицензии выдаются исключительно в электронном виде – в форме электронной выписки из реестра лицензий и справки об имеющейся лицензии. Эти изменения стали возможны благодаря интеграции информационных систем лицензирующих органов с единой системой межведомственного электронного взаимодействия (далее – СМЭВ) и другими государственными ресурсами. Как результат, автоматизация межведомственного взаимодействия даёт следующие результаты: сокращает сроки рассмотрения заявлений за счёт автоматического обмена данными между госорганами; упрощает процедуру лицензирования; снижает бюрократическую нагрузку на граждан и бизнес (не нужно собирать и подавать дополнительные справки); повышает прозрачность и скорость госуслуг благодаря интеграции информационных систем с СМЭВ; минимизирует риски ошибок и коррупционных схем за счёт стандартизации процессов; обеспечивает защищённый обмен данными при соблюдении требований информационной безопасности. В итоге система становится удобнее, быстрее и доступнее для всех участников – и для госорганов, и для заявителей.

В 2026 году появились новые лицензируемые виды деятельности. С 1 сентября 2026 года Федеральным законом от 13 июня 2023 года № 203-ФЗ «О государственном регулировании производства и оборота табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства» введена лицензия на оптовую и розничную торговлю табачной и никотинсодержащей продукцией. Ранее лицензирование касалось только производства и импорта табака, теперь под контроль попадает и розничная торговля. Для получения лицензии установлены строгие требования, включая отсутствие налоговой задолженности свыше 3000 рублей [1], регистрацию в системе маркировки «Честный знак» [2] и соблюдение региональных норм по площади торгового объекта [3]. Введение лицензирования оптовой и розничной торговли табачной и никотинсодержащей продукцией с 1 сентября 2026 года направлено на решение ряда проблем в отрасли и достижение конкретных целей. Лицензирование призвано пресечь продажу контрафакт-

¹⁰ Например, уже создана Ассоциация практиков цифровизации. Это некоммерческая организация, созданная для ускорения перехода российских компаний на цифровую модель бизнеса. Среди её задач: обмен опытом и освещение возможностей цифровизации; повышение эффективности и управляемости бизнеса через цифровизацию; совместная разработка стандартов цифровизации; взаимодействие с государством для содействия переходу компаний на цифровую модель. Ассоциация включает экспертов из различных отраслей и стремится к сотрудничеству с компаниями и общественными организациями, имеющими сходные цели. Она также занимается формированием обучающих программ и курсов, сертификацией и внедрением цифровых сервисов.

¹¹ Постановление Правительства РФ от 30 июля 2021 года № 1279 «О проведении на территории Российской Федерации эксперимента по оптимизации и автоматизации процессов разрешительной деятельности, в том числе лицензирования» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/401560368/> (дата обращения: 02.04.2026).

ной и немаркированной продукции, а также снизить долю нелегального рынка. До введения лицензирования контроль охватывал преимущественно производство и импорт, но теперь под регулирование попадает вся цепочка поставок – от производителя до конечного потребителя. Это должно сократить долю нелегального оборота, который ранее достигал значительных объёмов [4].

Кроме того, лицензирование позволяет систематизировать информацию о легальных участниках рынка, контролировать их деятельность и отслеживать движение продукции. Это дополняет уже действующую систему маркировки «Честный знак», которая фиксирует каждый этап перемещения товаров. Одной из задач такого лицензирования было, в том числе, сокращение продажи табачной и никотинсодержащей продукции несовершеннолетним, а также обеспечение соблюдения других ограничений, установленных законом (например, запрет на торговлю в определённых местах – рядом с образовательными учреждениями, в культовых зданиях и т. д.).

Общезвестно, что нелегальная продукция часто продаётся по более низким ценам за счёт неуплаты акцизов, что создаёт недобросовестную конкуренцию для легальных производителей и продавцов. Лицензирование должно вытеснить нелегальные поставки товара, тем самым улучшив условия для легального бизнеса. Легализация рынка приведёт к росту поступлений от акцизов и других налогов. По прогнозам, оптовые лицензии принесут бюджету около 2,84 млрд рублей, а розничные – около 2,4 млрд рублей ежегодно¹². При этом, за торговлю табачной и никотинсодержащей продукцией без лицензии предусмотрена как уголовная, так и административная ответственность в зависимости от размера нарушения и обстоятельств дела.

Уголовная ответственность наступает по ст. 171.3 УК РФ «Незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства».

Часть 1.1 ст. 171.3 УК РФ предусматривает наказание за производство, поставку, закупку (в том числе при ввозе в РФ и вывозе из РФ), хранение табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства без лицензии, если такая лицензия обязательна, совершённые в крупном размере. Крупным размером признаётся стоимость продукции, превышающая 100 тысяч рублей. Наказание: штраф в размере от 500 тысяч до 1 миллиона рублей; или штраф в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от 1 года до 3 лет; или принудительные работы на срок до 3 лет; или лишение свободы на срок до 3 лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до 3 лет либо без такового. Часть 2 ст. 171.3 УК РФ устанавливает более строгое наказание за деяния, предусмотренные частями 1 и 1.1 этой статьи, совершённые в особо крупном размере (стоимость продукции превышает 1 миллион рублей) или организованной группой. Наказание: штраф в размере от 3 миллионов до 4 миллионов рублей; или штраф в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период от 2 до 4 лет; или принудительные работы на срок до 5 лет; или лишение свободы на срок до 5 лет с лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до 5 лет либо без такового.

Если деяние не подпадает под критерии уголовного преступления (например, размер нарушения не достигает крупного или особо крупного), применяется ст. 14.1 КоАП РФ

«Осуществление предпринимательской деятельности без государственной регистрации или без специального разрешения (лицензии)». Часть 2 ст. 14.1 КоАП РФ предусматривает наказание за осуществление предпринимательской деятельности без специального разрешения (лицензии), если такое разрешение обязательно. Наказание: для граждан – штраф от 2 тысяч до 2 тысяч 500 рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой; для должностных лиц – штраф от 4 тысяч до 5 тысяч рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой; для юридических лиц – штраф от 40 тысяч до 50 тысяч рублей с конфискацией изготовленной продукции, орудий производства и сырья или без таковой.

Помимо уголовной и административной ответственности, незаконная предпринимательская деятельность может повлечь налоговую ответственность. Налоговые органы могут доначислить неуплаченные налоги, пени и штрафы (ст. 122, 75, 116, 119 НК РФ) [6].

Также возможно привлечение к ответственности за отсутствующие правонарушения, например, за торговлю контрафактной продукцией или незаконное использование чужих товарных знаков.

Контроль за соблюдение лицензионных условий осуществляет Росалкогольтабакконтроль¹³, который отвечает за федеральный уровень контроля, включая лицензирование оптовой торговли табачной и никотинсодержащей продукцией, а также контроль за производством и оборотом алкогольной продукции. Региональные власти через уполномоченные органы осуществляют контроль за розничной торговлей и соблюдением местных нормативных актов. Федеральная налоговая служба – контролирует уплату налогов, связанных с деятельностью в этих сферах, и может инициировать проверки при выявлении нарушений в налоговой сфере. Роспотребнадзор – осуществляет контроль за соблюдением санитарно-эпидемиологических требований, норм защиты прав потребителей и других правил, связанных с производством и оборотом продукции. В частности, проверяет соответствие продукции обязательным стандартам качества и безопасности, а также соблюдение требований к маркировке и упаковке. Таможенные органы – контролируют ввоз продукции на территорию РФ, проверяют соответствие импортируемой алкогольной и табачной продукции установленным требованиям, наличие необходимых разрешений и сертификатов. Органы, регулирующие отдельные виды деятельности – например, в сфере производства и оборота никотинсодержащей продукции могут участвовать специализированные органы, контролирующие соблюдение технических регламентов и стандартов.

Введение лицензирования позволило оперативно выявлять нарушения и отзываться лицензии при их обнаружении. Однократное нарушение (например, продажа сигарет россыпью) может стать основанием для аннулирования лицензии. Угроза потери лицензии и последующего запрета на деятельность в течение года после аннулирования должна мотивировать участников рынка соблюдать правила. Госпошлины от лицензирования поступают в бюджеты субъектов РФ. Лицензирование дополнило уже существующую систему маркировки «Честный знак», что усилило контроль за оборотом продукции.

13 Росалкогольтабакконтроль (Федеральная служба по контролю за алкогольным и табачным рынками) – федеральный орган исполнительной власти, который осуществляет контроль за производством и оборотом этилового спирта, алкогольной (за исключением винодельческой продукции) и спиртосодержащей продукции, а также за производством и оборотом табачных изделий, табачной продукции, никотинсодержащей продукции и сырья для их производства. Находится в ведении Министерства финансов Российской Федерации.

12 За лицензию на розничную торговлю взимается госпошлина в размере 20 тысяч рублей за каждый год действия лицензии, за каждую торговую точку. За лицензию на оптовую торговлю – 800 тысяч рублей (срок действия – до 5 лет).

Есть опасения, что лицензирование может привести к уходу с рынка малых и независимых торговых точек, так как для них новые требования и расходы на госпошлину могут быть обременительными. Также существует риск роста нелегального оборота в краткосрочной перспективе из-за финансовых и административных барьеров для малого бизнеса [5].

Полагаем, что лицензирование направлено на создание более упорядоченного, прозрачного и безопасного табачного рынка, но его реализация требует адаптации со стороны бизнеса и государства.

С 1 сентября 2026 года полномочия по лицензированию управляющих компаний (далее УК) перешли от лицензионных комиссий к органам государственного жилищного надзора (далее – ГЖИ). Срок рассмотрения заявлений сократился с 30 дней до 10 рабочих дней. Для УК стали обязательными наличие в штате инженера, бухгалтера и аварийно-диспетчерской службы, стационарный офис, оборудованный для приёма граждан, а также квалификационный аттестат у должностного лица компании (например, гендиректора), внесённый в федеральный реестр.

Постановлением Правительства РФ от 07.02.2026 № 98 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» внесены изменения в положения о лицензировании деятельности в области использования источников ионизирующего излучения, возбудителей инфекционных заболеваний, а также услуг по дезинфекции, дезинсекции и дератизации. Изменения касаются порядка направления заявления о предоставлении лицензии, его подписания, а также оценки соблюдения соискателем лицензии лицензионных требований.

Социально-экономическое влияние изменений сложно переоценить. Новые требования к лицензированию могут повлиять на конкуренцию на рынке, стоимость услуг и их качество. Например, в сфере ЖКХ ужесточение требований к УК потенциально повысит качество управления многоквартирными домами, но может привести к уходу с рынка небольших компаний. В торговле лицензирование табачной продукции направлено на контроль рынка и защиту здоровья населения, но может увеличить издержки бизнеса. Данные изменения требуют от предпринимателей, юристов и контролирующих органов глубокого понимания новых процедур, что актуализирует тему обучения и консультирования.

Обсуждение и заключение

Выявленные изменения свидетельствуют о формировании более прозрачной и контролируемой системы лицензирования. Цифровизация и автоматизация межведомственного взаимодействия позволяют сократить сроки рассмотрения заявлений, минимизировать коррупционные риски и повысить доступность «Госуслуг». Однако переход на электронный формат создаёт значительные барьеры для малого бизнеса и предпринимателей старшего возраста.

Особое внимание заслуживает лицензирование торговли табачной продукцией. Эта мера направлена на борьбу с нелегальным оборотом, защиту здоровья населения и увеличение налоговых поступлений. Однако риск ухода с рынка небольших торговых точек требует разработки мер поддержки, таких как: организация обучающих программ по цифровой грамотности; упрощение процедуры получения электронной подписи; сохранение возможности подачи документов через МФЦ для отдалённых территорий. Аналогичные вызовы возникают и в сфере ЖКХ: ужесточение требований к управляющим компаниям может повысить качество услуг, но также привести к сокращению числа малых УК. Таким образом, успешная реализация новых подходов зависит от комплексного решения проблем адаптации бизнеса и развития инфраструктуры электронного взаимодействия.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что лицензирование остаётся ключевым механизмом обеспечения безопасности и качества в сферах, где деятельность может повлечь значительный риск для общества. Современные тенденции развития системы лицензирования связаны с цифровизацией процедур, автоматизацией межведомственного взаимодействия и расширением перечня лицензируемых видов деятельности. Эти изменения направлены на повышение эффективности контроля, сокращение бюрократических барьеров и минимизацию рисков для граждан. Однако они также создают новые вызовы, связанные с адаптацией бизнеса к электронным форматам работы и необходимостью повышения цифровой грамотности. Дальнейшее развитие системы будет зависеть от успешного решения этих задач и дальнейшего совершенствования нормативно-правовой базы.

Пристатейный библиографический список

1. Введение лицензирования торговли табаком, госпошлин за такие лицензии принято в первом чтении. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.audit-it.ru/news/finance/1125753.html> (дата обращения: 02.04.2026).
2. Как продавать маркированный табак. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kontur.ru/market/spravka/80311-markirovka_tabaka (дата обращения: 02.04.2026).
3. Лицензирование продажи табачной и никотинсодержащей продукции с 1 сентября 2026 года: что известно уже сейчас. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/buh/articles/663651/> (дата обращения: 02.04.2026).
4. Поэтапное введение лицензирования торговли табачной и никотинсодержащей продукцией планируется с 1 марта 2026 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://minfin.gov.ru/ru/press-center/?id_4=39934-poetapnoe_vvedenie_litsenzirovaniya_torgovli_tabachnoi_i_nikotinsoderzhashchei_produktsiei_planiruetsya_s_1_marta_2026_g (дата обращения: 02.04.2026).
5. Специалист обещает рост нелегального оборота табака, если введут лицензирование. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eanews.ru/rossiya/20250421130118/spetsialist-obeschaet-rost-nelegalnogo-oborota-tabaka-esli-vvedut-litsenzirovanie> (дата обращения: 02.04.2026).
6. Что грозит за незаконное предпринимательство: штрафы и риски. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kontur.ru/articles/702> (дата обращения: 02.04.2026).

ИЛЮХИНА Елена Алексеевна

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела информационно-аналитического обеспечения развития АПК ФГБНУ «Росинформгротех»

УЧЕТ ИМУЩЕСТВЕННОГО КОМПЛЕКСА И ОБНОВЛЕНИЕ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ТЕХНИКИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования учета и обновления сельскохозяйственной техники как фактора укрепления экономики Российской Федерации. Ретроспективный статистический анализ отражает существенное снижение технической оснащенности в девяностые годы прошлого столетия. Показано, что целевая государственная поддержка сельхозпроизводителей, направленная на модернизацию АПК, связана с правильной классификацией объектов имущественного комплекса. В основе структуры сельскохозяйственной техники и оборудования должны присутствовать как функциональные признаки, так и финансовая составляющая. Автором обосновывается необходимость выделения объектов сельскохозяйственного назначения в самостоятельную группу.

Ключевые слова: имущественный комплекс, учет сельскохозяйственной техники, обновление и модернизация оборудования, классификация объектов имущества, государственная поддержка.

ILYUKHINA Elena Alexeevna

Ph.D. in Law, senior researcher of the Department of Information and Analytical Support for Agricultural Development at FGBNU "Rosinformagroteh"

ACCOUNTING FOR THE PROPERTY COMPLEX AND UPDATING AGRICULTURAL MACHINERY: LEGAL REGULATION ISSUES

The article discusses the problems of legal regulation of accounting and updating of agricultural machinery as a factor in strengthening the economy of the Russian Federation. A retrospective statistical analysis reveals a significant decrease in technical equipment in the 1990s. It is shown that targeted state support for agricultural producers aimed at modernizing the agro-industrial complex is linked to the correct classification of property complexes. The structure of agricultural machinery and equipment should be based on both functional characteristics and financial considerations. The authors argue for the need to separate agricultural properties into a separate group.

Keywords: property complex, accounting for agricultural machinery, updating and modernizing equipment, classification of property objects, and state support.

Илюхина Е. А.

Национальные интересы государства на долгосрочный период закреплены в Доктрине продовольственной безопасности. К ним относят модернизацию сельского хозяйства и создание высокопроизводительного сектора при помощи современных технологий. Обновление и внедрение новой сельскохозяйственной техники обеспечивает повышение производительности труда, энергоэффективность и ресурсосбережение, создает необходимые условия в области производства сельскохозяйственной продукции.¹

На уровне государственного регулирования эффективное использование имущественного комплекса АПК и обновление сельхозтехники признается одним из важнейших национальных интересов государства. Закон о развитии сельского хозяйства закрепляет ключевые направления государственной поддержки, среди которых предоставление доступа к кредитным ресурсам, обновление основных фондов в аграрном секторе и другие важные мероприятия. Техническое состояние агропромышленного комплекса, уровень обновления и модернизации техники определяют социально-экономическое развитие сельских территорий и государства в целом.

Ответственное управление имущественным комплексом создает благоприятные условия для инвестиций. И напротив – неэффективное управление оказывает негативное воз-

действие на экономический рост [1]. В связи, с чем актуальным является вопрос совершенствования учета и обновления сельскохозяйственной техники как важного регулирующего фактора укрепления сельхозпроизводства.

За период с 1990 по 2005 год в России произошло существенное снижение технической оснащенности сельского хозяйства. Парк машин и техники был изношен на 60-80 %, а ежегодное обновление не превышало 1 %. Многие предприятия, выпускавшие сельхозтехнику, прекратили свою работу или переориентировались. Вместе с тем постепенно налаживалось производство современных видов техники, на новый этап развития вышло региональное сельхозмашиностроение [2].

Федеральный проект «Техническая и технологическая независимость сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности» предусматривает, что доля новой российской техники и оборудования должна существенно вырасти к 2030 году по сравнению с показателями 2025г.² Правовое регулирование учета объектов сельхозназначения должно способствовать объективной оценке состояния осна-

1 Указ Президента РФ от 21 января 2020 г. № 20 «Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 27.01.2020. - № 4. - Ст. 345.

2 Фастова Е. В. Об эффективности бюджетных расходов на реализацию Государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия // Комитет Совета Федерации по бюджету и финансовым рынкам Федерального Собрания Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/media/files/rGXEu6EbpoAB4dJm5sxXiE1KjG7raKfA.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).

ценности для использования мер государственной поддержки по целевому назначению.

Учет объектов имущественного комплекса и парка сельскохозяйственной техники регулируется федеральными законами, постановлениями Правительства Российской Федерации, ведомственными актами Минсельхоза России, Росреестра, Росимущества. В зависимости от критериев учета имущественных объектов, как зданий, сооружений, так и сельхозтехники, правовое регулирование осуществляется общими и специальными нормами.

Общеправовое регулирование поступления и выбытия объектов имущественного комплекса установлено в Федеральном законе от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», постановлении Правительства Российской Федерации от 14.10.2010 № 834 «Об особенностях списания федерального имущества», приказе Минсельхоза России от 08.07.2015 № 286 «Об утверждении перечней документов, необходимых для принятия решения о согласовании списания федерального имущества», в других ведомственных актах.

Учет объектов недвижимого имущества, в том числе земельных участков сельскохозяйственного назначения, осуществляется в Едином государственном реестре недвижимости в соответствии с Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости» и ведомственными правовыми актами Росреестра. Согласование сделок с таким имуществом, находящимся в федеральной собственности, производится Минсельхозом России и соответствующим территориальным управлением Росимущества. При выбытии объектов, передачи на иной уровень публичной собственности правообладатель, за которым имущество закреплено на вещном праве, обязан получить согласие в установленном порядке, представив необходимый перечень документов.

Объектам недвижимости (здания, сооружения, помещения, объекты незавершенного строительства и др.) присваиваются кадастровые номера, описывается местоположение границ, отражается взаимосвязь с земельным участком, на котором данные объекты расположены. Учет объектов недвижимого имущества в ЕГРН производится согласно приказу Росреестра от 07.12.2023 № П/0514.

Нормативно-правовые акты, систематизирующие объекты учета на основе функционального, стоимостного или иного специального признака, позволяют выделить имущественные группы, как объектов недвижимости, так и движимого имущества. Учет объектов движимого имущества (особо ценного и иного движимого имущества) имеет свои специфические особенности и не всегда правильно, на наш взгляд, отражает и закрепляет структуру машин и сельхозоборудования.

Классификация сельскохозяйственной техники по стоимостному критерию разделяет имущество на несколько групп, отраженных в специальном реестре объектов учета. Имущественный учет по стоимостному критерию отражается на Межведомственном портале Росимущества в отношении имущества федеральных учреждений, предприятий или иных юридических лиц (акционерных обществ), за которыми закреплено федеральное имущество на соответствующем вещном праве. Данный учет основывается на постоянном внесении актуальных сведений в реестр и регулируется постановлением Правительства Российской Федерации от 16.07.2007 № 447 «О совершенствовании учета федерального имущества».

Сельскохозяйственная техника учитывается в разделах реестра 2.3. «Сведения о движимом имуществе, первоначальная стоимость которого равна или превышает 500 тыс. руб., особо ценном имуществе, первоначальная стоимость которого равна или превышает 200 тыс. руб., и ином имуществе» и 2.4. «Сведения о транспортных средствах».

В раздел 2.3 включена разнообразная техника и оборудование сельхозназначения: сеялки, жатки, бороны, комбайны и иное оборудование. В разделе 2.4 содержатся как транспортные средства, так и трактора, комбайны, отличающиеся по своему функциональному назначению от транспортных средств и не относящиеся к ним по своей сути.

Недостаток такого учета в том, что классификация не учитывает функциональное назначение техники разных видов. Не совсем понятно, почему комбайны, которые относятся к особо ценному движимому имуществу, попадают как в группу 2.3, так и в группу 2.4 «Транспортные средства». В отличие от автотранспортных средств (грузовые и легковые), которые регистрируются в органах ГИБДД МВД России, трактора и комбайны относятся к самоходным машинам и подлежат учету и регистрации в органах Гостехнадзора. Представляется, такие машины должны быть выделены и учтены в самостоятельной группе «Сельскохозяйственная техника».

Для обновления и модернизации оборудования финансовая поддержка в форме инвестиционных кредитов АО «Россельхозбанк», льготных лизинговых условий АО «Росагролизинг» выступает мощным стимулирующим фактором. Государственная поддержка при помощи лизинговых сделок важна для сельхозпроизводителя, поскольку позволяет оперативно решить вопросы технического оснащения и делает механизм господдержки более эффективным [3].

Структура сельскохозяйственной техники для передачи по договорам финансовой аренды (лизинга) представлена в перечне имущества, утвержденном приказом Минсельхоза России от 09.12.2024 № 726. В основе классификации лежит финансовая составляющая приобретения техники с учетом группировки по функциональному назначению. Представляется, что именно данный подход к учету сельскохозяйственных машин наиболее адекватно отражает назначение имущества.

Другие виды учета (бухгалтерский, технический, кадастровый), отражающие структуру и назначение разного вида имущества, в том числе сельскохозяйственной техники, устанавливаются специальными нормативными актами, регулирующими особенности такого учета.

Анализ законодательства и рассмотрение проблем в сфере регулирования учета имущества и обновления сельскохозяйственной техники позволяет сделать вывод о том, что сельскохозяйственные машины и оборудование следует выделить для учета в самостоятельной группе «Сельскохозяйственная техника», что позволит правильно определить функциональное назначение техники и в дальнейшем использовать для целевого направления средств на государственную поддержку сельхозпроизводителя.

Пристатейный библиографический список

1. Алакоз В. В., Горин А. Д., Горячева А. В. Об эффективном использовании количественного и качественного потенциала сельскохозяйственных земель и правовом регулировании земельных отношений // Техника и оборудование для села. - 2026. - № 1. - 52 С.
2. Сельскохозяйственная техника: Каталог, т. 1 «Техника для растениеводства». - М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2005. - 292 с.
3. Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2026620427 «Анализ нормативно-правовой базы регулирования государственной поддержки сельскохозяйственных производителей и ее эффективности»: заявл. 24.12.2025: опублик. 27.01.2026 / А. А. Королькова, Е. А. Илюхина, А. В. Горячева; правообладатель ФГБНУ «Росинформагротех», 2026.

ПЛАХОВА Екатерина Сергеевна

старший преподаватель кафедры частного и публичного права, Пензенский государственный университет

РОЛЬ УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

В статье анализируется институт уполномоченного по защите прав предпринимателей как механизма обеспечения экономической национальной безопасности Российской Федерации. Автор рассматривает правовые основы деятельности бизнес-омбудсмена, а также его функциональную роль в системе защиты предпринимательского сообщества. Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей, учреждённый федеральным законодательством, выступает дополнительным механизмом защиты бизнеса и одновременно элементом системы экономической безопасности государства.

В статье делается вывод о том, что деятельность уполномоченного выходит за рамки частноправовой защиты и приобретает стратегическое значение для устойчивости национальной экономики, снижения системных рисков и укрепления экономического суверенитета государства. Вместе с тем выявлены ограничения и проблемы функционирования института, однако для полной реализации его потенциала требуется комплексное совершенствование правового статуса: расширение процессуальных полномочий, введение обязательной силы заключений, независимое финансирование и усиление координации с правоохранительными органами.

Ключевые слова: экономическая национальная безопасность, защита прав предпринимателей, уполномоченный по защите прав предпринимателей, предпринимательская деятельность, административные барьеры, уголовно-правовые риски.

PLAKHOVA Ekaterina Sergeevna

senior lecturer of Private and public law sub-faculty, Penza State University

THE ROLE OF THE COMMISSIONER FOR THE PROTECTION OF ENTREPRENEURS' RIGHTS IN ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

This article analyzes the institution of the Business Ombudsman as a mechanism for ensuring the economic and national security of the Russian Federation. The author examines the legal basis for the business ombudsman's activities, as well as their functional role in the system for protecting the business community. The institution of the Business Ombudsman, established by federal law, serves as an additional mechanism for protecting businesses and simultaneously as an element of the state's economic security system.

The article concludes that the Ombudsman's activities extend beyond private law protection and are of strategic importance for the stability of the national economy, the reduction of systemic risks, and the strengthening of the state's economic sovereignty. At the same time, limitations and challenges in the institution's functioning are identified, but to fully realize its potential, comprehensive improvements to its legal status are required: expansion of procedural powers, the introduction of binding opinions, independent funding, and enhanced coordination with law enforcement agencies.

Keywords: economic national security, protection of entrepreneurs' rights, Commissioner for the Protection of Entrepreneurs' Rights, entrepreneurial activity, administrative barriers, and criminal risks.

Плахова Е. С.

Введение

В условиях современных вызовов приоритетное значение имеет обеспечение устойчивости экономической системы. Экономическая национальная безопасность выступает фундаментальной основой суверенитета, конкурентоспособности и социальной стабильности государства. Одним из ключевых факторов, определяющих состояние экономической безопасности, является уровень защищенности прав субъектов предпринимательской деятельности. Конституционные гарантии экономической деятельности создают правовую основу для предпринимательства, однако на практике бизнес сталкивается с избыточным административным давлением, нестабильностью правоприменения и уголовно-правовыми рисками, которые способны дестабилизировать хозяйственную систему.

В этой связи особую значимость приобретает институт уполномоченного по защите прав предпринимателей, функционирующий в России с 2013 года. Данный институт выполняет не только правозащитную функцию, но и выступает важным элементом механизма обеспечения экономической безопасности, способствуя снижению системных рисков, совершенствованию законодательства

и укреплению доверия между государством и бизнесом [6, с. 245].

Актуальность темы обусловлена необходимостью комплексного анализа правового статуса, функциональных возможностей и реальной эффективности уполномоченного в контексте защиты национальных экономических интересов.

Основная часть

Стоит отметить, что «современное развитие Российской Федерации характеризуется повышенным вниманием к вопросам национальной безопасности, в структуре которой особое место занимает экономическая составляющая. Экономическая национальная безопасность предполагает устойчивость хозяйственной системы, защиту экономических интересов государства, общества и личности от внутренних и внешних угроз. В этих условиях особое значение приобретает институт уполномоченного по защите прав предпринимателей как механизма обеспечения стабильности предпринимательской среды и снижения системных рисков для экономики» [3, с. 351].

Ю. М. Шилов обращает внимание на то, что «сегодня российское общество и государство заинтересованы в поиске

путей гармонизации многочисленных и весьма разнообразных частных экономических интересов со стратегическими целями социально-экономического развития. В Послании Федеральному Собранию РФ 21 февраля 2023 г. Президент РФ В. В. Путин обратил внимание на то, что «именно частный бизнес на фоне внешних попыток сдержать Россию доказал, что умеет адаптироваться к быстро меняющейся конъюнктуре, в непростых условиях обеспечивать рост экономики. Поэтому каждая деловая инициатива, направленная на пользу стране, должна получить поддержку» [8, с. 145].

В этих условиях особое значение приобретает защита прав субъектов предпринимательской деятельности. Конституционные гарантии свободы экономической деятельности закреплены в Конституции РФ¹.

Некоторые авторы отмечают, что с 2012 года особое внимание стало уделяться мерам качественного улучшения осуществления деятельности предпринимателями в России – так был внедрен институт уполномоченных по защите прав предпринимателей в РФ. Введение этого института определено потребностью в создании эффективного механизма оказания квалифицированной помощи предпринимателями, защиты их прав и законных интересов в условиях коррупционных проявлений и давления со стороны государственных органов и должностных лиц [4, с. 147-148].

Д. Е. Феоктистов обращается к сути создания рассматриваемого института. Институт омбудсмана, первоначальной идеей создания которого являлось осуществление опосредованного парламентского контроля над деятельностью органов исполнительной власти, в настоящее время трансформировался в многообразие публично-правовых и частных институтов, направленных на урегулирование конфликтов «мягкими» способами между участниками различных правоотношений. В зависимости от степени развития и защищенности гражданского общества и индивида цели создания института омбудсмана, которые преследовали публичные власти, имели разную основу. В странах поставторитарного и посттоталитарного политических режимов на первый план была выдвинута не идея осуществления контроля над деятельностью государственного аппарата, а идея защиты прав человека от действий этого аппарата [7, с. 74].

В Российской Федерации данный институт представлен омбудсменами общей и специальной компетенции; парламентской, независимой или исполнительной моделью деятельности; различными уровнями власти в федеративном государстве: федеральный и региональные уполномоченные по правам человека, по правам ребенка, по защите прав предпринимателей [7, с. 74].

Институт уполномоченного по защите прав предпринимателей, учрежденный федеральным законодательством, выступает дополнительным механизмом защиты бизнеса и одновременно элементом системы экономической безопасности государства.

Экономическая национальная безопасность представляет собой совокупность условий, обеспечивающих устойчивое функционирование экономики, защиту национальных интересов и поддержание социальной стабильности. А также она характеризует состояние защищенности национальной экономики от угроз, способных подорвать её устойчивость, суверенитет и конкурентоспособность.

К основным угрозам экономической безопасности относятся:

- избыточное административное давление на бизнес;
- коррупционные риски;
- криминализация предпринимательской деятельности;
- нестабильность правового регулирования;
- ограниченный доступ к финансовым ресурсам.

Согласно исследованиям современных авторов, защита предпринимательской среды напрямую влияет на макроэкономическую устойчивость государства. Нарушение прав

бизнеса снижает инвестиционную привлекательность и способствует росту теневой экономики [1, с. 5]. Защита прав предпринимателей является не частной задачей правоприменения, а системным элементом обеспечения экономической национальной безопасности.

Право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности закреплено в статье 34 Конституции РФ. Данное положение формирует фундамент для создания специализированных механизмов защиты бизнеса. Конституционные гарантии легитимируют деятельность уполномоченного как элемента механизма экономической безопасности.

Ключевым нормативным актом является Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации». По данному закону, уполномоченный:

- рассматривает жалобы предпринимателей;
- участвует в судебных процессах;
- направляет заключения в органы государственной власти;
- вносит предложения по совершенствованию законодательства;
- ежегодно докладывает о состоянии предпринимательского климата².

Деятельность уполномоченного также взаимосвязана с положениями Уголовного кодекса Российской Федерации³ и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁴, что подчёркивает комплексный характер правового регулирования. Нормативно-правовая база не только носит комплексный характер, но и обеспечивает институциональную интеграцию уполномоченного в систему государственной власти, что повышает его значение в обеспечении экономической устойчивости [5, с. 49]. Избыточное регулирование негативно отражается на развитии малого и среднего предпринимательства. В научной литературе подчёркивается, что системное снижение административной нагрузки способствует укреплению экономической безопасности [2, с. 151].

Уполномоченный участвует в разработке предложений по совершенствованию контрольно-надзорной деятельности, что снижает транзакционные издержки бизнеса. А деятельность, направленная на снижение административных барьеров, способствует формированию благоприятной предпринимательской среды и укреплению экономической стабильности государства.

Д. Е. Феоктистов особо подчеркивает проблему коррупции и роль уполномоченного в ее решении. Несмотря на продолжительную и последовательно проводимую государственную политику, коррупция остается одной из базовых угроз современной России, носящей одновременно системный и неоднородный характер [7, с. 72]. Антикоррупционная экспертиза, в том смысле, который заложен федеральным законом, применительно к институту омбудсмана носит «внутренний характер» и заключается в проверке проектов нормативных актов, издаваемых омбудсменами в целях организации деятельности их рабочего аппарата. «Внешний характер» данная экспертиза принимает при оценке нормативных актов иных органов власти. Поскольку Уполномоченный самостоятельно выбирает форму реагирования на нарушения прав человека и объем правовых инструментов, применяемых к конкретному нарушению (с учетом указанного выше пробела в законе), экспертиза нормативного акта или его проекта не носит сугубо «антикоррупционный» характер, а может быть лишь составной частью проведенной экспертизы либо может послужить основой для предложений о совершенствовании законодательства. Следовательно,

2 Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей» // СЗ РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2305.

3 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4 Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

1 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

использование данного антикоррупционного инструмента при осуществлении контрольных функций возможно только в рамках дискреционных полномочий омбудсмена. Причем экспертное исследование и заключение носят не просто ситуационный характер, этот процесс охватывает многие стадии как политико-правового, предшествующего характера, так и прогностического [7, с. 80].

Одной из серьёзных угроз экономической безопасности является необоснованное уголовное преследование предпринимателей. В рамках своей компетенции уполномоченный:

- анализирует практику возбуждения уголовных дел в сфере экономической безопасности;
- участвует в экспертных обсуждениях изменений уголовного законодательства;
- направляет заключения в правоохранительные органы.

Гуманизация уголовной политики в сфере предпринимательства рассматривается исследователями как фактор стабилизации экономической сферы [1, с. 6]. В свою очередь, правовая защита предпринимателей в уголовно-правовой сфере снижает инвестиционные риски и укрепляет доверие к государственному институтам, что в целом откажется на «экономическом климате» государства.

Ежегодные доклады уполномоченного содержат системный анализ состояния предпринимательской среды и предложения по совершенствованию законодательства. Так в соответствии с ч. 2 ст. 3 Федерального закона № 78-ФЗ «ежегодные доклады подлежат размещению (опубликованию)» на официальном сайте Уполномоченного в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и официальному опубликованию в «Российской газете»⁵.

Как отмечается в научных публикациях, «институциональный анализ правоприменительной практики способствует устранению структурных дисбалансов экономики» [2, с. 151], в этом проявляется аналитическая функция института, способствующая не только устранению структурных дисбалансов экономики, но и повышению устойчивости национальной хозяйственной системы.

Таким образом, деятельность уполномоченного по защите прав предпринимателей представляет собой важный элемент механизма обеспечения экономической национальной безопасности. Через правозащитную, аналитическую и нормотворческую функции институт способствует снижению системных рисков, укреплению инвестиционного климата и повышению устойчивости экономики. Защита предпринимательства выходит за рамки частноправовой сферы и приобретает стратегическое значение для обеспечения экономического суверенитета государства.

Заключение

Экономическая национальная безопасность применительно к предпринимательской среде представляет собой состояние защищенности хозяйственной системы от внутренних и внешних угроз, среди которых ключевое место занимают избыточное административное давление на бизнес, коррупционные риски, нестабильность правового регулирования и необоснованное уголовное преследование предпринимателей. Защита прав субъектов предпринимательской деятельности является не частной задачей правоприменения, а системным элементом обеспечения устойчивости национальной экономики.

Институт Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей органично встроен в правовую систему России. Его конституционной основой выступает ст. 34 Конституции РФ, гарантирующая свободу экономической деятельности. Нормативно-правовая база носит комплексный характер и обеспечивает институциональную интеграцию уполномоченного в систему государственной власти.

Функциональный потенциал уполномоченного реализуется по трём основным направлениям: во-первых, право-

защитная функция (рассмотрение жалоб, участие в судебных процессах, направление заключений в правоохранительные органы); во-вторых, аналитическая функция (ежегодные доклады, анализ практики возбуждения уголовных дел экономической направленности); в-третьих, нормотворческая функция (внесение предложений по совершенствованию законодательства, участие в экспертных обсуждениях).

Деятельность уполномоченного способствует снижению системных рисков для экономики, проявляясь через снижение административных барьеров, гуманизацию уголовной политики в сфере предпринимательства, повышение инвестиционной привлекательности и уменьшение доли теневой экономики. Защита прав предпринимательства выходит за рамки частноправовой сферы и приобретает стратегическое значение для обеспечения экономического суверенитета государства.

Вместе с тем выявлены ограничения и проблемы функционирования института: недостаточная самостоятельность при принятии решения, зависимость от региональных властей, слабая процессуальная регламентация участия в судебных процессах, а также отсутствие обязательной силы заключений уполномоченного для правоохранительных и контролирующих органов.

Таким образом, институт уполномоченного по защите прав предпринимателей доказал свою востребованность и эффективность в качестве дополнительно механизма обеспечения экономической национальной безопасности России. Однако для полной реализации его потенциала требуется комплексное совершенствование правового статуса: расширение процессуальных полномочий, введение обязательной силы заключений, независимое финансирование и усиление координации с правоохранительными органами. Предложенные меры позволят не только повысить защищённость бизнеса, но и укрепить экономический суверенитет государства в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Абалкин Л. И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение // Вопросы экономики. – 1994. – № 12.
2. Губин Е. П. Предпринимательское право российской Федерации: учебник. – М.: Норма, 2020.
3. Живодрова Н. А., Бойко К. Д. Экономические преступления как угроза системы экономической безопасности страны и регионов // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 6 (205).
4. Королева Д. В., Фазылова Л. Р. Актуальные способы защиты прав в предпринимательских обязательствах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 11-1 (62).
5. Синцов Г. В., Гришаева Д. А. Омбудсмены в России: от становления до современного развития // Современные тенденции развития отечественного и зарубежного законодательства: сборник статей по материалам IV Региональной научно-практической конференции, Пенза, 26 апреля 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2024.
6. Синцов Г. В., Точилина А. М. Особенности конституционного статуса омбудсмена // Современные тенденции развития отечественного и зарубежного законодательства: сборник статей по материалам IV Региональной научно-практической конференции, Пенза, 26 апреля 2024 года. – Пенза: Пензенский государственный университет, 2024.
7. Феоктистов Д. Е. Институт омбудсмена и противодействие коррупции: основная или сопутствующая функция? // Наука. Общество. Государство. – 2022. – Т. 10. № 3 (39).
8. Шилов Ю. М. Предпринимательство как объект публично-правового регулирования в контексте целей социально-экономического развития // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2026. – № 2.

⁵ Федеральный закон от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 19. – Ст. 2305.

КОЛОМИЕЦ Егор Александрович

юрисконсульт Стоматологической клиники «Скайс», г. Симферополь.

КОСТЫЛЕВ Владислав Викторович

доцент кафедры административного и финансового права, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия, г. Симферополь

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В СФЕРЕ ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье на основе анализа законодательства России и зарубежных стран рассматриваются подходы к правовому регулированию административной ответственности в сфере интернет-торговли. Обозначены основные тенденции такого регулирования – идентификация субъектов электронной коммерции, с их регистрацией на территории страны и расширение административной ответственности субъектов интернет-торговли за нарушение прав потребителей. Предлагаются способы обеспечения прозрачности и безопасности этой отрасли общественных отношений, путем создания национального реестра субъектов интернет-торговли, введения административной ответственности за отправку коммерческих сообщений без согласия получателя и удаление комментариев пользователей о товаре в интернет-магазине.

Ключевые слова: административная ответственность, интернет-торговля, зарубежное право, административное правонарушение.

KOLOMIETS Egor Alexandrovich

legal advisor of the Skys Dental Clinic, Simferopol

KOSTYLEV Vladislav Viktorovich

associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Crimean Branch, Russian State University of Justice, Simferopol

ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR OFFENCES IN THE SPHERE OF INTERNET TRADE: COMPARATIVE LEGAL ASPECT

This article, based on an analysis of Russian and international legislation, examines approaches to the legal regulation of administrative liability in e-commerce. The article outlines the main trends in such regulation, including the identification of e-commerce entities, their registration within the country, and the expansion of administrative liability for e-commerce entities for consumer rights violations. It also proposes ways to ensure transparency and security in this area of public relations by creating a national registry of e-commerce entities, introducing administrative liability for sending commercial messages without the recipient's consent, and deleting user comments about products in online stores.

Keywords: administrative liability, Internet trade, foreign law, administrative offense.

Государственное регулирование существенно влияет на развитие торговли. Например, введение в 2018 году Европейского регламента по защите персональных данных (GDPR) в ЕС потребовало от компаний больших затрат на кибербезопасность и обработку данных. Это привело к вытеснению с рынка ЕС небольших компаний, неспособных адаптироваться к новым требованиям [1].

Совсем недавно о необходимости серьезного изменения государственной политики в сфере торговли стали говорить и в России. Стратегия научно-технологического развития РФ, утвержденная Указом Президента Российской Федерации, в качестве одного из «больших вызовов» отмечает: «исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, на фоне формирования экономики данных»¹.

Выводы составителей этой Стратегии не беспочвенны. По данным российского исследовательского агентства электронной коммерции Data Insight, доля рынка интернет-торговли ежегодно растет на 3-5 процентов и в конце 2023 года составила 19 процентов². Если тенденция сохранится, то уже через два года каждая четвертая покупка в нашей стране будет совершаться в интернете.

Быстрое развитие интернет-торговли обострило проблему правового регулирования административной ответственности в этой сфере [2-5]. В России на данный момент сложился следующий подход: к правонарушениям в сфере интернет-торговли применяются общие нормы, без учета специфики интернета, за исключением торговли медикамен-

тами³, интернет-рекламы⁴ и обработки персональных данных⁵. Таким образом, законодатель пока находится в поиске путей урегулирования административной ответственности в интернет-торговле, сосредотачиваясь на отдельных проблемных сферах (медицина, реклама, данные).

Научное сообщество активно обсуждает эту проблематику. Так, одни ученые рассматривают интернет-торговлю, как один из способов обмена товарами и заключения сделок, не выделяя общественные отношения в данной сфере в отдельную категорию [6]. Другие, наоборот, считают, что «интернет-торговля постепенно складывается в комплексный правовой институт», который должен иметь свои специальные принципы правового регулирования [7].

Интересным в этой связи представляется опыт других государств. Так, в Республике Беларусь административная ответственность в сфере интернет-торговли регулируется Указом Президента Республики Беларусь от 1 февраля 2010 г. № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» (далее — Указ Президента РБ № 60), законом Республики Беларусь от 08.01.2014 г. № 128-3 «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь» (далее — Закон РБ № 128-3), и Кодексом об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее — КоАП РБ). Эти нормативные акты устанавливают как общие правила ведения интернет-торговли, так и конкретные санкции за их нарушение. Подобно российскому законодательству, правонарушения в этой сфере часто рассматриваются в контексте общих норм административной ответственности за нарушения в сфере предпринимательской деятельности (гл. 13 КоАП РБ).

Однако белорусское законодательство имеет свои особенности. Например, в части 2 Указа Президента РБ № 60 говорить-

1 Указ Президента Российской Федерации «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» от 28 февраля 2024 г. № 145 // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 10. – Ст. 1373.

2 Маркетинговое исследование Интернет-торговли в России в 2024 году // Data Insight. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://datainsight.ru/eCommerce_2023 (дата обращения: 20.09.2024).

3 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – (ч. 1). – Ст. 6.33 ч. 3.

4 Там же, ст. 14.3 ч. 15-17.

5 Там же, ст. 13.11 ч. 8.

ся, что субъекты интернет-торговли должны быть зарегистрированными в Республике Беларусь, иметь свое представительство, филиал или головной офис на ее территории⁶. Согласно статье 20 Закона № 128-З при Министерстве антимонопольного регулирования и торговли создается Торговый реестр. Он представляет собой базу сведений о субъектах торговли, включая интернет-магазины. Все субъекты интернет-торговли должны регистрироваться в течение пяти дней в этом Торговом реестре⁷. Нарушение этих требований влечет административную ответственность, которая, в отличие от общих норм о предпринимательской деятельности, регулируется специальной статьей 23.9 КоАП РБ. Эта статья предусматривает штраф от десяти до двадцати базовых величин за осуществление интернет-торговли через ресурсы, не зарегистрированные в установленном порядке на территории Беларуси⁸.

Нечто похожее можно встретить и в законодательстве Ирана. Там для повышения безопасности покупателей в сети Интернет и прозрачности онлайн-торговли был внедрен электронный символ доверия, или E-namad. Для его получения субъекту интернет-торговли необходимо подтвердить свою личность и другие данные в Центре развития электронной коммерции Министерства промышленности, шахт и торговли Ирана. После прохождения проверки данные об этом продавце появляются на официальном сайте Министерства, и ему становятся доступны средства онлайн-платежей и переводов. Без E-namad интернет-продавец не может получать деньги через интернет [8].

Анализ китайского опыта регулирования интернет-торговли демонстрирует значительное расширение административной ответственности, особенно в отношении маркетплейсов. Закон КНР «Об электронной коммерции» вводит новый подход, возлагая на маркетплейсы ответственность за действия своих продавцов. Бездействие маркетплейса в пресечении противоправной деятельности продавцов на платформе карается штрафом в размере от 20 000 до 100 000 юаней, согласно ст. 76 закона⁹. Статья 81 предусматривает существенные санкции за ограничение прав потребителей на выражение мнения: блокирование или удаление пользовательских комментариев о товаре влечет штраф от 100 000 до 500 000 юаней¹⁰. Данный подход ориентирован на повышение ответственности платформ и защиту прав потребителей в онлайн-среде.

Своеобразно коммуникации в сфере интернет-торговли урегулированы в законодательстве Канады. Так, согласно ст. 6 закона Канады «О защите электронной коммерции» (далее — ЕСРА), организациям и физическим запрещено направлять посредством электронной связи или сети интернет коммерческие сообщения. Нарушение этих правил, согласно ст. 20 ЕСРА может привести к штрафу до 10 млн канадских долларов¹¹.

Таким образом, можно выделить две основные тенденции в регулировании административной ответственности в сфере интернет-торговли в зарубежных странах. первая — идентифи-

кация субъектов электронной коммерции, с их регистрацией на территории страны. Думается, что реестры для субъектов интернет-торговли, как в Иране и Беларуси, можно создать и на территории России, используя опыт «реестра блогеров», который заработал в России с ноября 2024 года. Согласно новым законам, если на платформе лица аудитория превышает 10 тысяч человек, блогер должен подать свои данные в Роскомнадзор, в противном случае ему запретят получать доход от блогерской деятельности¹². Другим направлением стало расширение административной ответственности субъектов интернет-торговли за нарушение прав потребителей. Применительно к российским условиям, видится вполне оправданным введение штрафов для предпринимателей в сети интернет, которые не позволяют оставлять комментарии о своих товарах, а также занимаются «спам-рассылками», отправляя назойливые коммерческие сообщения без согласия пользователей.

Таким образом, правовое регулирование административной ответственности в сфере интернет-торговли в Российской Федерации находится на стадии развития. Важно продолжать совершенствовать законодательство, учитывая лучшие практики зарубежных стран, с учетом российского опыта.

Пристатейный библиографический список

1. Соколова М. Е. Первые успехи нового европейского общего Регламента по защите персональных данных // Современная Европа. – 2020. – № 2. – С. 56-66.
 2. Коломиец Е. А., Костылев В. В. Административная ответственность за нарушение правил сбора, хранения и обработки персональных данных в сфере Интернет-торговли // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей по результатам II международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией, Симферополь, 15 марта 2024 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 712-718. – EDN BYSSEE.
 3. Коломиец Е. А. Административные наказания за нарушение правил сбора, хранения и обработки персональных данных // Вопросы судебной деятельности и правоприменения в современных условиях: Сборник статей по результатам II международной научно-практической конференции, посвященной празднованию 10-летней годовщины воссоединения Крыма с Российской Федерацией, Симферополь, 15 марта 2024 года. – Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2024. – С. 718-724. – EDN LWXPNW.
 4. Садковий И. А., Костылев В. В. Публичный контроль (надзор) в условиях цифровой трансформации // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 6 (205). – С. 143-145. – EDN HGVLYO.
 5. Костылев В. В. Организационно-правовые проблемы осуществления контроля и надзора в публичном управлении // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2022. – Т. 8 (74). № 2. – С. 315-324. – EDN ISAIWF.
 6. Баташев А. А. К вопросу об электронной торговле в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 10 (214). – С. 64-65.
 7. Правкин С. А. Правовое регулирование интернет-торговли // Вестник Юридического института МИИТ. – 2018. – № 1 (21). – С. 49.
 8. Заре А. Ф. А., Ткач А. Н. Проблемы и пути совершенствования регулирования онлайн-торговли в Иране и России // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – № 2. Т. 2. – С. 148-156.
 12. Федеральный закон от 08.08.2024 № 303-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 33 (ч. 2). – Ст. 4999.
- 6 Указ Президента Республики Беларусь от 01.02.2010 № 60 «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=p31000060> (дата обращения: 15.10.2024).
- 7 Закон Республики Беларусь от 08.01.2014 № 128-З «О государственном регулировании торговли и общественного питания» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=h11400128> (дата обращения: 15.10.2024).
- 8 «Кодекс Республики Беларусь об административных Правонарушениях» от 06.01.2021 № 91-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&po=HK2100091> (дата обращения: 15.10.2024).
- 9 Закон Китайской Народной Республики от 31.08.2018 «Об электронной коммерции» // Официальный сайт Всекитайского собрания народных представителей. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://en.npc.gov.cn/cduurl.cn/2018-08/31/c_697283_3.htm (дата обращения: 01.11.2024).
- 10 Там же.
- 11 Закон Канады от 15.12.2010 «О защите электронной коммерции» // Официальный сайт Министерства юстиции Канады. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://laws-lois.justice.gc.ca/eng/acts/E-1.6/FullText.html#h-177229> (дата обращения: 10.11.2024).

ОГОЛЬ Владислав Леонидович

аспирант, Университет управления «ТИСБИ»; преподаватель, Крымский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Симферополь

К ПРОБЛЕМЕ КОЛЛИЗИОННЫХ ПРИНЦИПОВ НА ТРАНСПОРТНЫЕ СРЕДСТВА

Статья посвящена исследованию коллизионного регулирования на морские и воздушные суда, космические объекты и иные транспортные средства.

Автор отмечает, что коллизионные проблемы могут возникнуть при перемещении транспортных средств, подлежащих регистрации из одной юрисдикции в другую. В данном случае не исключаются случаи, когда по праву места нахождения вещи транспортное средство не признается недвижимостью и его вещный статут регулируется по территориальному принципу, а по праву места регистрации – на него распространен режим недвижимости и его вещный статут подлежит определению по законодательству страны, в которой он внесен в реестр, то есть возникает проблема так называемого мобильного конфликта.

Ключевые слова: транспортное средство, коллизионные принципы, воздушные суда, морские суда.

OGOL Vladislav Leonidovich

postgraduate student of University of Management «TISBI»; lecturer, Crimean Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Simferopol

TO THE PROBLEM OF CONFLICT OF LAWS PRINCIPLES ON VEHICLES

The article is devoted to the study of conflict of laws regulation on sea and air vessels, space objects and other means of transport.

The author notes that conflict of laws problems may arise when moving vehicles subject to registration from one jurisdiction to another. In this case is not excluded cases when by the law of the place of location of the thing the vehicle is not recognised as real estate and its real property status is regulated by the territorial principle, and by the law of the place of registration – it is covered by the real estate regime and its real property status is subject to determination under the law of the country in which it is entered in the register, that is, there is a problem of the so-called mobile conflict.

Keywords: vehicle, conflict of laws principles, aircrafts, marine vessels.

Возникновение вещных прав на транспортные средства, зарегистрированные в определенной юрисдикции, в соответствии с российским коллизионным правом, осуществляются по законодательству этого государства. Такую же коллизионную привязку предусматривают Закон Австрии «О международном частном праве» 1978 г. [1], Закон «О международном частном праве» Албании 2011 г. [2] и др.

Следует заметить, что не все правовые порядки признают в качестве определяющей закон места регистрации морского или воздушного судна, судна внутреннего плавания или космического объекта.

В частности, Закон XXVIII о международном частном праве Венгрии 2017 г. привязывает возникновение вещных прав к законодательству того государства, под флагом которого или под опознавательным знаком которого эксплуатируется морское или воздушное судно (п. 1 ст. 42) [3].

Так, Гражданский кодекс Испании 1889 г. в качестве используемой для возникновения вещных прав на морские суда коллизионной привязки является порт приписки (п. 2 ст. 10) [4].

С практической стороны, порт приписки и место регистрации морского судна могут совпадать.

В силу того, что российское законодательство признает наличие недвижимости в силу закона, например, морские суда отнесены к ним, следовательно, строящиеся суда и принятые к постройке суда являются объектами, охватываемыми режимом недвижимости. В данном случае будут действовать территориальные принципы определения вещного статута строящегося и принятого к постройке судна (п. 3 ст. 415 КТМ РФ). Так в соответствии со ст. 376 КТМ РФ судно у которого заложен киль или проведены равнозначные работы должно быть зарегистрировано в реестре строящихся судов и вещные права на него возникает по праву того государства, где оно строится и в то же время и зарегистрировано.

Естественно, морское и воздушное судно имеет более тесную связь с тем государством, в котором оно зарегистрировано, хотя может находиться на территории различных государств или нейтральных территориях.

В свою очередь, согласно российскому законодательству вещные права на суда внутреннего водного транспорта возникают после их «регистрации в Государственном судовом реестре, реестре маломерных судов, реестре арендованных иностранных судов, Российском международном реестре судов, реестре строящихся судов» (ст. 16 КВБТ).

Информация о правах на суда, занимающиеся международной перевозкой пассажиров, багажа, грузов, буксировкой вносятся в Российский международный реестр судов. В то же время, если судно зарегистрировано в реестре судов в иностранном государстве, соответственно в российском реестре регистрироваться не может. Вопросы возникновения вещных прав на такие иностранные суда будут определяться по законодательству того государства, где судно внесено в реестр. Закон, определяющий вещный статут судна внутреннего водного транспорта разрешает коллизионный вопрос об обременительности этого объекта.

Приобретение вещных прав, когда у вещи был первоначальный собственник, именуются производными способами. Так, при переходе права собственности по договору или по другой сделке, предусматривающей отчуждение вещи, при наследовании вещи, при реорганизации юридического лица у вещи был первоначальный собственник, поэтому они называются производными. Для гражданского оборота разделение способов приобретения права собственности на первоначальные и производные имеет практическое значение, которое проявляется в том, что кроме права собственности вещь может быть обременена другими вещными правами: правом залога, правом аренды, иного ограниченного вещного права, соответственно, изменение собственника вещи не прекращает эти обременения.

Для вещных отношений, осложненных иностранным элементом, также имеет значение способ приобретения права собственности. При производном способе возникновения права собственности вещь имеет первоначального собственника, и новый приобретатель принимает права от предыдущего.

Бывают случаи, когда вещь выбывает из владения собственника по каким-то объективным причинам, на-

пример, гибель морского судна при кораблекрушении. В данном случае, морское судно, зарегистрированное в иностранной юрисдикции, затонуло, в территориальных водах какого-то государства направляет в государство регистрации затонувшего судна извещение «о необходимости исключения затонувшего судна из государственного реестра этого государства» (п. 2 ст. 113 Кодекса торгового мореплавания РФ).

При этом право собственности на затонувшее судно, после исключения его из реестра судов в иностранном государстве, возникает у субъекта Российской Федерации, к побережью которого ближе всего расположено затонувшее судно (п. 3 ст. 113 и п. 1 ст. 417 КТМ РФ). Подучается, что если судно затонуло, то вопросы возникновения права собственности на него определяются законодательством того государства, в территориальных водах которого оно находится. Складывается парадоксальная ситуация, пока судно осуществляет свою деятельность, оно является недвижимостью (по российскому законодательству), его вещный статут определяется правом страны регистрации, а если судно тонет, оно перестает признаваться таковым и его вещный статут определяется по месту его затопления.

В свою очередь, приобретение права собственности на морское судно (с грузом или без него), которое затонуло в открытом море осуществляется по праву того государства, под флагом которого оно эксплуатировалось (п. 2 ст. 417 КТМ РФ).

Для обеспечения стабильности гражданского оборота предпринимались попытки урегулирования правил возникновения вещных прав и на воздушные суда. Так, были разработаны Женевская конвенция о международном признании прав на воздушные суда 1948 г. [5], Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г. [6], которые закрепили основные принципы права собственности на воздушные суда и их запасные части. Согласно Женевской конвенции 1948 года государства признают права собственности на воздушные суда, признают возможность приобретения вещных прав на эти объекты и их обременения в виде залогов, ипотек и т.д. В то же время Женевская конвенция еще раз на международном уровне закрепила принцип, согласно которому, вопросы вещного статута воздушных судов, в том числе и проблемы возникновения прав регламентируется по законодательству того государства, в котором воздушное судно было зарегистрировано в момент возникновения вещных прав и действительность официальных документов поставлено в зависимость от законодательства места регистрации воздушного судна. Если в соответствии с законодательством страны, в котором воздушное судно зарегистрировано, предусмотрена определенная форма документа, то ее действительность, согласно коллизионному принципу *lex loci actus*, поставлена в зависимость от признания его таковым по праву места составления документа.

Кейптаунская конвенция направлена на создание системы механизмов защиты кредитора – залогодержателя при перемещении подвижного оборудования, в том числе планеров воздушных судов, авиационных двигателей и вертолетов, которые являются предметом обеспечения из одного правового порядка в другой. Оборудование, являющееся предметом обеспечения, может попасть на территорию страны, законодательство которой предусматривает меньший объем удовлетворения требований кредиторов при банкротстве должника, что, безусловно, актуализирует вопрос об унификации норм в данной области.

В то же время вопрос возникновения прав на космические объекты в российском законодательстве привязан к месту регистрации. На международном уровне разработан Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела 1967 г., который также закрепил коллизионный принцип – право страны, в которой космический объект внесен в регистр. Статья VIII этого международного договора предусматривает сохранение юрисдикции и контроля над таким объектом и экипажем этого объекта во время их нахождения в космическом пространстве, в том числе и на небесном теле. Объекты и их составляющие, обнаруженные за границами государства – участника Договора, в регистр которого они внесены, подлежат возврату этому государству. При этом такое государство должно предоставить

идентификационные данные по запросу перед возвращением.

При этом национальное законодательство отдельных зарубежных стран предусматривает коллизионное регулирование и для других транспортных средств, которые подлежат регистрации. Например, п. 2. ст. 42 Закона XXVIII о международном частном праве Венгрии предусматривает применение к железнодорожным транспортным средствам законодательства того государства, в котором этот объект был введен в эксплуатацию [3].

В свою очередь, применение коллизионной привязки к праву страны, где имущество находилось на момент истечения срока приобретательной давности, для недвижимости, не имеющей прочной связи с землей, но классифицируемой как таковая законодательством, вызывает вопросы. Это связано с тем, что право собственности и иные вещные права на воздушные и морские транспортные средства, а также объекты внутреннего плавания и космические аппараты, подлежащие государственной регистрации, определяются по правопорядку страны регистрации этих объектов. В юридической литературе указывалось на широту объема коллизионной нормы, регулирующей возникновение на права собственности по приобретательной давности. Так, С. Н. Тагаева отмечает, что для перехода прав на транспортные средства и космические объекты определяющим коллизионным принципом будет являться закон страны их регистрации, соответственно, их местоположение в момент окончания срока давностного владения не порождает прав [8, с. 23].

Вышеприведенные аргументы демонстрируют высокую вероятность возникновения коллизионных проблем при перемещении транспортных средств, подлежащих регистрации из одной юрисдикции в другую. В данном случае не исключаются случаи, когда по праву места нахождения вещи транспортное средство не признается недвижимостью и его вещный статут регулируется по территориальному принципу, а по праву места регистрации – на него распространен режим недвижимости и его вещный статут подлежит определению по законодательству страны, в которой он внесен в регистр, то есть возникает проблема так называемого мобильного конфликта.

Пристатейный библиографический список

1. Закон Австрии «О международном частном праве» 1978 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040101> (дата обращения: 28.02.2025).
2. Закон «О международном частном праве» Албании 2011г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/SE> (дата обращения: 28.02.2025).
3. Закон XXVIII о международном частном праве Венгрии 2017 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/WE> (дата обращения: 28.02.2025).
4. Гражданский кодекс Испании 1889 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.hse.ru/intprilaw/doc/040601> (дата обращения: 28.02.2025).
5. Женевская конвенция о международном признании прав на воздушные суда 1948 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1900530> (дата обращения: 28.02.2025).
6. Конвенция УНИДРУА о международных гарантиях в отношении подвижного оборудования 2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/902243529> (дата обращения: 28.02.2025).
7. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/outer_space_governing.shtml (дата обращения: 28.02.2025).
8. Тагаева С. Н. Коллизионные принципы возникновения права собственности на имущество в силу приобретательной давности // Международное публичное и частное право. – 2019. – № 3. – С. 22-25.

ТЕРЕХОВА Екатерина Александровна

адъюнкт, Факультет подготовки научно-педагогических и научных кадров, Московский университет МВД России им. В. Я. Кикотя

О СОСТОЯНИИ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО СОБИРАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

В статье рассматриваются теоретические и прикладные аспекты нормативного регулирования процессуальных действий по собиранию доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях. Определяется понятие таких действий и вытекающие из конституционных принципов юридической ответственности требования к их правовому регулированию, на основании оценки соответствия, которым выявляются системные недостатки правового регулирования. Выдвигаются предложения по изменению и дополнению норм КоАП РФ, направленные на устранение произвольного правоприменения и обеспечение баланса публичных интересов и прав участников производства.

Ключевые слова: процессуальные действия, собирание доказательств, административные правонарушения, доказывание, соразмерность, правовая определенность.

TEREKHOVA Ekaterina Alexandrovna

adjunct, Faculty of Scientific, Pedagogical and Scientific Personnel Training, V. Ya. Kikot Moscow University of the MIA of Russia

ON THE STATE OF REGULATORY REGULATION OF CERTAIN PROCEDURAL ACTIONS FOR THE COLLECTION OF EVIDENCE IN PROCEEDINGS ON ADMINISTRATIVE OFFENSES

The article examines the theoretical and applied aspects of the regulatory regulation of procedural actions for collecting evidence in proceedings on administrative offenses. The concept of such actions and the requirements for their legal regulation arising from the constitutional principles of legal responsibility are defined, based on an assessment of compliance with which systemic deficiencies in legal regulation are identified. Proposals are being put forward to amend and supplement the norms of the Administrative Code of the Russian Federation aimed at eliminating arbitrary law enforcement and ensuring a balance between public interests and the rights of participants in the proceedings.

Keywords: procedural actions, collection of evidence, administrative offenses, proof, proportionality, legal certainty.

Терехова Е. А.

Административно-деликтное законодательство характеризуется множеством сформулированных им составов административных правонарушений и разнообразием их признаков. Расширение круга общественных отношений, регулируемых административно-деликтными нормами, декриминализация отдельных видов преступлений и дополнение КоАП РФ новыми составами административных правонарушений неизбежно трансформируют и усложняют правоприменение. Установление в совершенном деянии наличия этих признаков осуществляется субъектами правоприменения в ходе производства по делу об административном правонарушении.

Основное содержание указанного вида производства наряду с процессуальными решениями составляют процессуальные действия, значительная часть которых направлена на обнаружение (выявление), закрепление (фиксацию), то есть на собирание доказательств, необходимых для установления обстоятельств, подлежащих выяснению по делу.

Современное административно-деликтное законодательство, регламентирующее производство различных процессуальных действий, не лишено определенных недостатков: ему характерны как отсутствие учета их системной взаимосвязи, так и пробелы регламентации целей и оснований некоторых процессуальных действий, детализации порядка их осуществления. Поиск путей их устранения требует теоретического осмысления сущности и назначения процессуальных действий как одного из элементов содержания производства по делам об административных правонарушениях.

Несмотря на употребление применительно к различным стадиям производства по делам об административных правонарушениях понятия «процессуальные действия»¹, обращение к положениям КоАП РФ и иных процессуальных кодексов², в том числе и зарубежных³, а также к научным источникам [2, с. 57], [4, с. 93], [6, с. 48], [9, с. 23] не позволило установить единого содержания данного понятия [11, с. 553].

Системный анализ норм КоАП РФ, определяющих задачи производства по делам об административных правонарушениях и содержание составляющих его стадий, позволяет определить процессуальные действия как регламентированные КоАП РФ действия уполномоченных должностных лиц, органов, участников производства, направленные на: пресечение (прекращение) противоправного деяния; обеспечение реализации процессуальных прав и обязанностей участников производства; получение доказательств административного правонарушения [11, с. 554], [12]. В свою очередь, преобладающее место в группе процессуальных действий по получению доказательств занимают процессуальные действия по их собиранию [12], то есть предусмотренные нормами КоАП РФ действия органов и должностных лиц по установлению

1 См., например, статьи 25.7, 28.7, 29.7, 30.6 КоАП РФ и другие.

2 Например, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Гражданско-процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ.

3 Например, Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 года № 92-З // Консультант Плюс Беларусь; Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З // Консультант Плюс Беларусь.

(выявлению), закреплению (фиксации) доказательств, необходимых для установления фактических обстоятельств дела. Они охватывают инициативные (самостоятельные) действия правоприменителей [11, с. 554].

Следует заметить, что некоторые процессуальные действия по собиранию доказательств сопряжены с ограничением гарантированных Конституцией РФ прав на личную неприкосновенность (ст. 22), неприкосновенность частной жизни и тайну переписки (ст. 23, 24), неприкосновенность жилища (ст. 25), право собственности (ст. 35) участников производства. Представляется, что правовое регулирование процессуальных действий, содержащих правоограничения участников производства, требует детальной нормативной регламентации содержания таких действий, а также процессуальных целей и оснований их производства в интересах недопущения произвольного усмотрения должностных лиц и необоснованного ограничения ими прав участников производства [11, с. 553-554].

Оценка существующего состояния нормативного регулирования таких процессуальных действий по собиранию доказательств должна осуществляться сообразно общеправовым, вытекающим из норм Конституции РФ и актов толкования Конституционным Судом РФ норм текущего законодательства требованиям к нормативному регулированию публичной юридической ответственности. К их числу можно отнести следующие:

Во-первых, это диалектически связанные требования необходимости и достаточности процессуальных средств (действий) для собирания доказательств. Необходимость тех или иных действий определяется подлежащими доказыванию признаками составов административных правонарушений и пригодными для их доказывания видами доказательств. Законодательством должны быть предусмотрены необходимые для их собирания процессуальные действия. В то же время нормативное регулирование должно исключать избыточность таких действий, возможность их совершения при отсутствии процессуальной необходимости.

Во-вторых, это требование соразмерности (пропорциональности) правоограничений, связанных с совершением таких действий, процессуальным целям. Как обоснованно отмечает В. Р. Кисин и С. А. Малахов, правоограничения, связанные с применением мер обеспечения производства, не должны превышать тех, что предусмотрены санкцией материальной нормы, ради реализации которой такие действия совершаются [7, с. 86].

В-третьих, это полнота и определенность нормативно-правового регулирования, предполагающие нормативное определение: содержания процессуальных действий; фактических оснований и целей их совершения; порядка их производства и оформления.

Нормативное регулирование процессуальных действий по собиранию доказательств далеко не в полной мере соответствует этим требованиям, что, с одной стороны, создает предпосылки для: совершения правоприменителями процессуальных действий, не являющихся необходимыми для достижения процессуальных целей; возможности произвольного определения ими содержания и оснований совершения процессуальных действий, правоограничения участников производства по делам об административных правонарушениях, а с другой стороны – неоправданно ограничивает возможности и цели совершения некоторых из них.

Так, статьи 27.7 и 27.9 КоАП РФ, регламентирующие различные виды досмотра, содержат ряд недостатков. Во-

первых, их цель неоправданно ограничена обнаружением орудий совершения либо предметов административного правонарушения. Такая формулировка препятствует производству досмотра для выявления иных доказательств, в частности, предметов и документов, которые могут не являться ни орудиями, ни предметами правонарушения, но могут иметь значение доказательств по делу. Восполнение данного пробела способствовало бы обеспечению законности и устранению неопределенности при производстве досмотра.

Во-вторых, указанными нормами не определены основания производства досмотра. В части 4 статьи 27.7 КоАП РФ такое основание предусмотрено лишь для исключительного случая – при наличии оснований полагать, что у лица оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Отсутствие указания на основания производства досмотра порождает произвольное усмотрение должностных лиц (предположения, догадки). На наш взгляд, производство личного досмотра, досмотра вещей и транспортного средства допустимо при наличии достаточных (основанных на фактических обстоятельствах) оснований полагать, что у лица (в его одежде, находящейся при нём вещей, в транспортном средстве) имеются предметы и документы, имеющие значение доказательств по делу.

В-третьих, правовая неопределенность содержания личного досмотра порождает противоречивую правоприменительную практику. В научной литературе некоторые авторы подразумевают под личным досмотром лишь поверхностное обследование одежды [5, с. 11], другие – осмотр тела со снятием одежды, вплоть до обследования естественных полостей [10, с. 25]. Не отличаются единством и мнения, полученные в ходе проведенного автором анкетирования сотрудников органов внутренних дел: респонденты практически в равной степени придерживаются противоположных мнений относительно содержания личного досмотра. Исходя из принципа соразмерности и анализа нормативных актов⁴, регламентирующих аналогичные действия в иных юрисдикционных процессах, личный досмотр в рамках производства по делам об административных правонарушениях должен включать в себя визуальное и тактильное обследование одежды и вещей, в которых могут быть скрыты искомые объекты. Более глубокое вторжение в личную сферу допустимо лишь при наличии признаков преступления в порядке, предусмотренном УПК РФ.

В-четвертых, вызывает сомнение абсолютный запрет на нарушение конструктивной целостности досматриваемых объектов, закреплённый в части 1 статей 27.7 и 27.9 КоАП РФ, учитывая, что анализ других нормативных актов⁵, содержащих нормы административного права, регламентирующие проведение досмотровых и аналогичных им мероприятий, выявил в некоторых случаях допустимость нарушения целостности обследуемых объектов. В этой связи представляется целесообразным снять указанный запрет, допустив вскрытие и разборку досматриваемых объектов при наличии

4 См., например: ст. 184 Уголовно-процессуального кодекса РФ; ст. 329 Таможенного кодекса ЕАЭС; Приказ Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы».

5 См., например, ст. 328 Таможенного кодекса ЕАЭС, ст. 77 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ.

достаточных оснований полагать, что в них сокрыты искомые предметы, исключив при этом не вызываемое необходимою повреждение имущества.

Доказательства административного правонарушения могут быть обнаружены, помимо досмотра, также в ходе визуального обследования объектов, т.е. в ходе осмотра. КоАП РФ предусматривает только два вида осмотра – осмотр места совершения правонарушения (ст. 28.1.1) и осмотр помещений, территорий, принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, и находящихся там вещей и документов (ст. 27.8), однако первый ограничен закрытым перечнем составов административных правонарушений (в сфере дорожного движения), а второй не содержит чёткого указания на цели и основания производства [11, с. 553-554]. Ограничение возможности проведения осмотра места совершения административного правонарушения указанием лишь на два их вида (предусмотренных ст.ст. 12.24 и ч. 2 ст. 12.30 КоАП РФ) не представляется обоснованным и не отвечает потребностям правоприменительной практики⁶. Разнообразие видов административных правонарушений, объективных признаков их составов обуславливает разнообразие возможных объектов осмотра (к которым также могут относиться и места совершения любых административных правонарушений, а также предметы и документы, имеющие значение доказательств). В связи с чем целесообразно нормативное закрепление осмотра как самостоятельного процессуального действия, объектами которого могут выступать место совершения административного правонарушения, территории, помещения, предметы, документы, электронные носители информации и иные объекты.

Не регламентирован положениями ст. 27.8 КоАП РФ и порядок (и, в целом, возможность) осмотра используемых для предпринимательской деятельности жилых помещений. Однако очевидно, что такие жилые помещения могут стать местом совершения административного правонарушения, связанного с предпринимательской деятельностью. В этой связи одним из необходимых способов выявления и фиксации обстоятельств совершенного деяния может являться именно осмотр. Ст. 25 Конституции РФ предписывает, что жилище неприкосновенно и вторжение в него иначе как по судебному решению недопустимо. Анализ положений нормативных актов⁷, регламентирующих схожие процессуальные действия, позволяет предположить, что в целях доказывания обстоятельств административного правонарушения, местом совершения которого стало жилое помещение, возможно проведение его осмотра при наличии добровольного согласия проживающих в нем лиц, а в случае отказа – судебного решения на проведение такого осмотра. Представляется, что нормативное закрепление в КоАП РФ судебного порядка получения разрешения на осмотр жилого помещения по ходатайству должностного лица, в производстве которого находится дело об административном правонарушении, с одной стороны, позволит обеспечить конституционные га-

рантии неприкосновенности жилища, а с другой – будет способствовать потребностям правоприменительной практики и реализации задач производства по делам об административных правонарушениях.

При производстве досмотра и осмотра могут быть обнаружены электронные устройства, в которых может содержаться информация, являющаяся доказательством по делу об административном правонарушении (например, ст. 13.53 КоАП РФ). В соответствии с ч. 2 п. 1 ст. 28.3 КоАП РФ органы внутренних дел полномочны возбуждать дела о таких правонарушениях при непосредственном обнаружении их признаков, однако, Кодекс в настоящей редакции не предусматривает возможности осмотра информации на электронных носителях, с помощью которого возможно установить признаки такого правонарушения. Проведенное автором анкетирование сотрудников ОВД показало, что значительная часть (более трети) респондентов допускает возможность просмотра содержимого электронного носителя против воли его владельца. Данное обстоятельство также указывает на необходимость правового регулирования оснований доступа должностных лиц к информации, содержащейся на электронных устройствах, поскольку согласно ст. 23 Конституции РФ ограничение права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (которые могут носить двусторонний характер и помимо прав владельца электронного устройства могут затрагивать и права третьих лиц), допускается только на основании судебного решения, а просмотр должностным лицом информации, содержащейся на электронном носителе, без такого решения противоречит требованиям Конституции РФ. Представляется, что в целях обеспечения баланса публичных и частных интересов целесообразно нормативное закрепление в КоАП РФ обязательной судебной санкции на осмотр электронных носителей информации и содержащейся на них информации.

При проведении досмотра, осмотра могут быть обнаружены вещи, документы, подлежащие согласно ст. 27.10 КоАП РФ изъятию. К их числу указанная статья относит вещи и документы, обнаруженные на месте совершения административного правонарушения либо при производстве досмотра. Однако толкование данной нормы во взаимосвязи со ст. 27.8 КоАП РФ выявляет требующий восполнения пробел нормативной регламентации, поскольку подлежащие изъятию вещи и документы могут быть обнаружены и при производстве осмотра принадлежащих юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю помещений, территорий.

Кроме того, анализ статьи 27.10 КоАП РФ выявил отсутствие указания на цели такого процессуального действия. Между тем, целеполагание является ключевым элементом законности ограничения права собственности или владения. В административно-процессуальной литературе к целям изъятия различные авторы относят: пресечение незаконного владения объектами, ограниченными в гражданском обороте [8, с. 38-39]; предотвращение уничтожения доказательств [3, с. 322]; обеспечение последующего назначения административного наказания [1, с. 371] и др. Обобщая указанные подходы, к целям изъятия следует отнести: необходимость проведения с изъятими объектами иных процессуальных действий в случае невозможности исследования на месте их обнаружения; обеспечение исполнения последующего административного наказания в виде конфискации; прекращение неправомерного владения вещами и документами, изъятими из оборота

6 В то же время, п. 3.1 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» закрепляет право сотрудников полиции производить осмотр места происшествия, местности, помещений, транспортных средств, предметов, документов и иных объектов в целях фиксации обстоятельств, имеющих значение для принятия решения по заявлению и сообщению о происшествии, а также составлять по его результатам акт осмотра.

7 См., например, ч. 5 ст. 177 УПК РФ, ч. 4 ст. 76 Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации».

либо находящимися в противоправном владении по иным причинам.

Доказательства административного правонарушения могут быть отражены и в физиологическом состоянии человека. Фиксация таких доказательств осуществляется, в частности, путем медицинского освидетельствования на состояние опьянения, проводимого по направлению должностного лица. Направление на медицинское освидетельствование влечёт ограничение свободы передвижения и личной неприкосновенности, которое не всегда соразмерно характеру совершенного правонарушения. Статья 27.12.1 КоАП РФ императивно предписывает направлять на медицинское освидетельствование всех лиц, совершивших административные правонарушения, при наличии у них признаков опьянения. Такое предписание не учитывает принципа соразмерности правоограничений, связанных с осуществлением процессуального действия, его процессуальным целям; к тому же состояние опьянения может быть установлено и иными доказательствами⁸ (например, показаниями свидетелей, актом освидетельствования на состояние алкогольного опьянения, проведённого должностным лицом). На наш взгляд, установление состояния опьянения путем направления на медицинское освидетельствование должно быть обязательным лишь в двух случаях: когда такое состояние выступает конструктивным признаком состава вменяемого лицу административного правонарушения (то есть, имеет значение для квалификации деяния) либо когда оно необходимо для подтверждения состояния опьянения, препятствующего совершению с участием лица необходимых процессуальных действий в течение срока, предусмотренного ч. 1 ст. 27.5 КоАП РФ.

Реализация указанных в настоящем исследовании предложений позволит обеспечить баланс между публичными интересами и конституционно-гарантированными правами участников производства, устранить предпосылки для произвольного усмотрения правоприменителей и повысить качество административно-юрисдикционной деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Административно-деликтное право: учебник: в 2 т. Т. 2 / Г. Х. Хадисов [и др.]. – М.: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020. – 448 с.
 2. Асаенко Б. В. Стадия начала административного процесса: действия, решения, сроки // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. – 2024. – № 3 (68). – С. 54-59.
 3. Бахрах Д. Н. Административное право: Учеб. для вузов. – Москва: Бек, 1996. – 355 с.
 4. Булгаков А. Н. Понятие и система административно-процессуальных действий при расследовании правонарушений в сфере безопасности дорожного движения // Вестник КРУ МВД России. – 2016. – № 4 (34). – С. 91-94.
 5. Гапон Ю. П. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, применяемые должностными лицами подразделений пограничного контроля пограничных органов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2015. – С. 28.
 6. Захаров П. А. Административно-процессуальные действия в деятельности должностных лиц пограничных органов по проведению административного расследования по делам об административных правонарушениях // Военное право. – 2021. – № 5 (69). – С. 47-56.
 7. Кисин В. Р., Малахов С. А. Содержание и реализация принципа соразмерности в законодательстве об административных правонарушениях Российской Федерации // Журнал российского права. – 2024. – Т. 28. № 6. – С. 80-91.
 8. Моляров Е. А., Дробкова А. А. О некоторых проблемах изъятия вещей, явившихся орудиями совершения или предметами административного правонарушения // Научный компонент. – 2025. – № 1 (25). – С. 35-42.
 9. Спиридонов П. Е. Теоретические аспекты доказывания в административном процессе // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 11 (108). – С. 19-26.
 10. Черкасова Е. К. Деятельность сотрудников полиции по изъятию предметов и документов, имеющих доказательственное значение по делу об административном правонарушении: учебно-практическое пособие. – Тюмень: Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016. – 65 с.
 11. Чужакова Е. А. Понятие и классификация процессуальных действий по собиранию доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях // Актуальные вопросы применения норм административного права (Корневские чтения): Сборник научных трудов IX Международной научно-практической конференции, Москва, 14 февраля 2025 года. – Москва: Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2025. – С. 553-555.
 12. Чужакова Е. А. Содержание процесса доказывания в производстве по делам об административных правонарушениях // Юридическая наука. – 2024. – № 12. – С. 250-253.
- ⁸ Следует учитывать также позицию Пленума Верховного Суда РФ, в постановлении которого указывается, что в случае совершения преступлений, в которых обязательным конструктивным признаком состояние опьянения не выступает, такое состояние может быть подтверждено и иными доказательствами (см. п. 31 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2016). В этой связи представляется вполне адекватной интеграция аналогичного подхода в административно-деликтное законодательство.

ЦЫНДРЯ Владимир Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры специальных дисциплин, Крымский филиал, Краснодарский университет МВД России, г. Симферополь, полковник полиции

«ДЕФИСКАЛИЗАЦИЯ» ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ НАЗНАЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассмотрена «дефискализация» административно-наказательной политики в Российской Федерации как инструмент повышения эффективности реализации основных функций административных наказаний.

На основании изучения научных и учебных публикаций сформулированы понятия «фискализация» и «дефискализация» в контексте формирования и реализации государственной политики в области назначения административных наказаний.

Выделены основные причины, определяющие процессы «фискализации» административных наказаний, обозначены проявления её результатов, сформулированы предложения, учитывающие «дефискализацию» как принцип формирования государственной политики в области назначения административных наказаний и инструмент преодоления карательно-фискальной функции административных наказаний.

Ключевые слова: фискализация, дефискализация, государственная политика в области назначения административных наказаний (административно-наказательная политика), функции административных наказаний, административный штраф, законодательство об административных правонарушениях.

TSINDRYA Vladimir Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Specialized disciplines sub-faculty, Crimean Branch of the Krasnodar University of the MIA of Russia, Simferopol, colonel of police

Цындря В. Н.

«DEFISCALIZATION» OF STATE POLICY IN THE FIELD OF ADMINISTRATIVE PENALTIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

This article examines the «defiscalization» of administrative penalties in the Russian Federation as a tool for improving the effectiveness of the primary functions of administrative penalties.

Based on a review of scientific and academic publications, the concepts of «fiscalization» and «defiscalization» are formulated in the context of the formation and implementation of state policy on the imposition of administrative penalties.

The article identifies the main factors driving the process of «fiscalization» of administrative penalties, identifies the manifestations of its results, and formulates proposals that take «defiscalization» into account as a principle for the formation of state policy on the imposition of administrative penalties and a tool for overcoming the punitive-fiscal function of administrative penalties.

Keywords: fiscalization, defiscalization, state policy in the field of administrative penalties (administrative-punitive policy), functions of administrative penalties, administrative fine, legislation on administrative offenses.

Процессы реформирования института об административной ответственности, активизировавшиеся в связи с перестройкой контрольно-надзорной деятельности (2016г.) и последующим её переформатированием в «регуляторную гильотину» (2019 г.), опосредовали очередной этап его трансформации из «...преимущественно карательно-фискального инструмента в институт назначения наказания, подлежащего дифференцированному применению с учетом риск-ориентированного подхода в случае, когда принудительно-профилактические меры не имели должного воздействия»¹.

Результаты научного переосмысления современного состояния и перспектив развития данного правового института и отрасли законодательства, обобщения правоприменительной практики и общественного мнения, нашли свое отражение в Концепции нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (2019г.), проектах Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – проект КоАП) и Процессуального кодекса

Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – проект ПКоАП) (2020-2021 гг.), а также внедрены в действующий КоАП РФ (2019-2025 гг.)².

Изменения коснулись и норм права, регулирующих основы назначения и особенности исполнения административных наказаний. Например, в 2020-2025 гг. Глава 4 «Назначение административного наказания» дополнена положениями, предусматривающими замену административного наказания в виде административного штрафа предупреждением (ст. 4.1.1 КоАП РФ) и особенностями его назначения социально ориентированным некоммерческим органи-

1 Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=326534&fld=134&dst=1000000001,0&rnd=0.00802087887504288&01906183112247418> (дата обращения: 10.02.2026).

2 Проект «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099059) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 25.05.2020). [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; Проект «Процессуальный кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» (подготовлен Минюстом России, ID проекта 02/04/01-20/00099061) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.05.2020). [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»; Минюст переработал все части КоАП. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iz.ru/1137559/2021-03-16/minjust-pererabotal-vse-chasti-koap> (дата обращения: 10.02.2026); Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант» / (дата обращения: 10.02.2026).

ям и являющимся субъектами малого и среднего предпринимательства юридическим лицам, отнесенным к малым предприятиям, в том числе к микропредприятиям (ст. 4.1.2 КоАП РФ), в Главу 32 «Исполнение постановлений по делам об административных правонарушениях» КоАП РФ внесены изменения, касающиеся: уточнения сроков исполнения постановлений по делам об административных правонарушениях, о назначении административного наказания (п.1 и п. 4 ст. 31.1, ст. 31.2 КоАП РФ; режима уплаты административного штрафа ((закрепления возможности его уплаты в 75 % и 50 % размере, конкретизации сроков и порядка его уплаты иностранными гражданами и лицами без гражданства, порядка уведомления физических и юридических лиц, назначении административного штрафа (ст. 32.2 КоАП РФ)); специфики распоряжения конфискованным имуществом (ч. 3.1, ч.ч. 4-6 ст. 32.4 КоАП РФ); порядка исполнения постановлений о назначении административных наказаний в периоды мобилизации, военного положения или в военное время (п. 7 ч. 1 ст. 31.7, п. 4 ч. 2 ст. 31.10, ч. 4 ст. 32.6, ст. 32.6.1, ч.ч. 1.2 и 1.3 ст. 32.7 КоАП РФ); порядка досрочного прекращения административного приостановления деятельности (ч. 3 ст. 32.12 КоАП РФ) и др.

Указанные выше и другие изменения корреспондируют с общими положениями административно-наказательной политики (государственной политики в области назначения административных наказаний) и направлены на соблюдение баланса между публичными и частными интересами, снижение административной нагрузки на бизнес-сообщество, защиту социальных ценностей, составляющих основу российского общества, а также внедрение результатов научно-технического прогресса в административно-процессуальную практику.

В тоже время, в области дорожного движения соблюдается тенденция к ужесточению административной ответственности за совершение большинства правонарушений. Так, федеральным законом от 26.12.2024 г. № 409 -ФЗ в КоАП РФ в ст.ст. 12.8, 12.9, 12.12, 12.15, 12.17, 12.21.1, 12.21.5, 12.24, 12.26, 12.37 КоАП РФ размеры административных штрафов увеличены в полтора раза, а сумма добровольной досрочной уплаты административного штрафа за отдельные правонарушения в области дорожного движения выросла с 50 % до 75 % (ст. 32.2 КоАП РФ)³.

Одновременно с указанными изменениями, в 2020-2025 гг. отмечается рост числа стационарных комплексов фото-видеофиксации с 17,9 тыс. до 28.1 тыс. (+36,29 %), который обусловил увеличение количества административных дел о правонарушениях, совершенных в области дорожного движения: с 145,7 млн. до 236,8 млн. (+61,52 %), и, соответственно – увеличение сумм оплаченных административных штрафов за данные правонарушения с 71,9 млрд. руб. в 2020 г. до 109,4 млрд. руб. в 2023 г. (+65,72 %) [1], [2], [3].

В свою очередь, опрос россиян (ВЦИОМ, январь 2025г.) показал, что «...повышение штрафов за нарушение ПДД находит положительный отклик более чем у половины наших сограждан (57 %), причем вне зависимости от того, слышали ли они раньше о нем (57 %) или узнали в ходе опроса (58 %). Еще 27 % россиян относятся к нововведениям скорее отрица-

тельно, 14 %, или каждый седьмой, — безразлично». Более того установлено, что сегодня в обществе доминирует мнение, что повышение штрафов в первую очередь направлено на пополнение бюджета (53 %), а не на повышение безопасности на дорогах (37 %), каждый второй россиянин ожидает снижения числа правонарушений в области дорожного движения после принятых мер (50 %). Примерно столько же опрошенных не ждут никаких изменений — ни в лучшую, ни в худшую сторону (44 %), и только 2 % полагают, что эта мера скажется негативно на безопасности дорожного движения⁴.

Такая ситуация порождает негативную реакцию как в профессиональном юридическом сообществе, так и среди населения России (например, автовладельцев), которые воспринимают законодательные новеллы исключительно как способ пополнения федерального и регионального бюджетов (фискализации), не обладающий предупредительным эффектом и нивелирующий воспитательное значение административного наказания.

В данной публикации предполагается рассмотреть основные подходы к определению сущности категорий «фискализация» и «дефискализации» государственной политики в области назначения административных наказаний, а также высказать предложения для преодоления доминирования карательно-фискальной функции административных наказаний и усиления влияния его воспитательной и превентивной составляющей.

Следует отметить, что изучение указанной выше проблематики неоднократно становилось предметом научных работ ученых-административистов: С.А. Агамамедовой, Д. В. Вараковского, Г. Н. Глуздака, Г. В. Гришновой, А. А. Гришкова, В. В. Денисенка, А. Н. Дерюги, А. Н. Жеребцова, А. В. Карпова, Н. А. Корсаковой, Д. А. Липинского, Г. В. Лукьяновой, М. А. Мазо, Н. В. Макарейко, И. В. Максимова, А. А. Мусаткиной, А. С. Нуждиной, Е. Ю. Огородовой, В. А. Селезнёва, А. П. Шергина, В. В. Юнусова и др.

В них, акцентируется внимание на необходимости обеспечения соразмерности и справедливости назначения и исполнения административных наказаний, совершенствовании законодательства об административной ответственности в контексте реформы контрольно-надзорной деятельности в России, уменьшения административного давления на бизнес-процессы путем воздействия на имущественное положение и организационное состояние субъектов предпринимательской деятельности; оценке необоснованного усиления роли административного штрафа (основного вида административного наказания) как средства пополнения государственного бюджета; специфике применения административного штрафа в отношении юридических лиц, а также за совершение правонарушений в области дорожного движения, в сфере финансов, налогообложения и таможенного дела и др.

В частности, учеными анализировались фискальная ориентированность контрольно-надзорной деятельности (Е. Ю. Огородова), фискальный характер административного законодательства в отношении юридических лиц (В. А. Селезнёв), фискализация КоАП РФ в целом (А. А. Гришковец), фискализация административно-наказательной политики (В. Н. Цындра), фискализация административного штрафа (И. В. Максимов, А. Н. Жеребцов, В. В. Юну-

3 О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях Федеральный закон от 26.12.2024 № 490-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412260018?index=11#print> (дата обращения: 08.04.2026).

4 Повышение штрафов за нарушение ПДД: за и против. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/povyshenie-shtrafov-za-narushenie-pdd-za-i-protiv>.

сов), роль административного штрафа как средства пополнения бюджета (Н. А. Корсакова, А. П. Шергин и др.) и др.

В тоже время, в научных публикациях понятия «фискализации» и «дефискализация» использовались в основном как общеупотребляемые термины без раскрытия их сущности, фрагментарно изложены основные причины, определяющие процессы «фискализации» административных наказаний, а также проявления её результатов, «дефискализация» не рассматривается как принцип формирования государственной политики в области назначения административных наказаний и инструмент преодоления карательно-фискальной функции административных наказаний.

Изучение научных публикаций и учебной литературы позволяет на под термином «фискализация», в изучаемом нами аспекте, понимать «...урегулированный нормами конституционного, административного и бюджетного права процесс, при котором административные штрафы и иные санкции норм права об административной ответственности начинают выполнять не столько карательную, превентивную и воспитательную функции, сколько фискальную – наполнения федерального и регионального бюджетов. При этом, происходит превращение административной ответственности становится не только средством обеспечения законности и правопорядка, но и инструментом бюджетного наполнения.

В свою очередь, «дефискализация» может рассматриваться как обратный процесс, при котором административно-наказательная политика базируется на отказе от использования административных наказаний, в первую очередь, административного штрафа, как способа пополнения бюджета и возвращения к их изначальной функции – защите личности, общества и государства, профилактике правонарушений, воспитания граждан и восстановления справедливости.

Среди основных причин «фискализации» в юридической литературе называются: отхождение от превентивной составляющей цели административной ответственности; недостаточное законодательное урегулирование системы административных наказаний; рассмотрение законодателями и субъектами административной юрисдикции (в том числе и как приоритетной задачи деятельности) административного штрафа как дополнительного источника федерального и региональных бюджетов и средства компенсации бюджетных расходов в период экономического кризиса; высокая степень администрирования поступлений от уплаты административных штрафов и наличие системы обеспечения принудительного взыскания; упрощение процедур привлечения к административной ответственности, проявляющееся как в автоматизации фиксации события административного правонарушения, так и оплаты административного штрафа; отсутствие механизма замены крупного размера административного штрафа, назначаемого юридическим лицам, на административное приостановление (в связи с его формальным закреплением как более строгого вида административного наказания в их иерархии, установленной ст. 3.2 КоАП РФ) и др.

Солидаризуясь с мнением А. А. Гришкова, рассматривающего проблему фискальной направленности КоАП РФ (2019 г.) и дополнив его собственными выводами, к основным проявлениями и результатам фискализации административно-наказательной политики предлагается относить: ориентированности деятельности контрольно-надзорных органов на выявлении административных правонарушений хозяйствующих субъектов и привлечение их к ответствен-

ности путем наложения административных штрафов; доминирование административного штрафа как вида административного наказания и недостаточность применения его альтернатив, в первую очередь, предупреждения, административного приостановления деятельности, дисквалификации; сложившаяся практика назначения субъектами административной юрисдикции административного штрафа по средней или верхней планке санкции нормы права, при возможности варьирования его суммы в сторону его уменьшения, ориентированность на назначение более высоких сумм административного штрафа, а также отсутствие в КоАП РФ возможности назначения административного штрафа ниже низшего предела, предусмотренного санкцией применяемой статьи; несоразмерность ответственности должностных лиц контрольно-надзорных органов тому ущербу, который они причинили своей деятельностью хозяйствующим субъектам; включение средств, получаемых в результате применения мер административной ответственности, к доходам федерального бюджета (ст.ст. 41, 46, 47 Бюджетного кодекса Российской Федерации); превалирование фискальной и коммерческой составляющей при использовании средств автоматической фиксации правонарушений в области безопасности дорожного движения [4]; принятие изменений в КоАП РФ об увеличении административных штрафов за ряд правонарушений в области дорожного движения в 1,5 раза без достаточного обоснования их целесообразности; увеличение числа административных правонарушений, санкция которых устанавливает административный штраф для юридических лиц до 700 тыс. чел. (например, в 202-2025 гг. изменились санкции ч. 2 ст. 5.61, ч. 5 ст. 6.35, ч. 6 ст. 8.2, ч. 2, ст. 13.11, ч. 1 ст. 13.35, ч. 3 ст. 13.40, ч. 17 ст. 14.3, ст. 15.23.2, ч. 1.3 ст. 19.7.10, ч. 2 ст. 19.710-3 КоАП РФ), до двух млн. руб. (ч. 2 ст. 6.21, ч. 2 ст. 6.21.1, ст. 8.32, ч. 5 ст. 9.23, ст. 10.20.1, ч. 18 ст. 13.11, ч. 4 ст. 13.11.3, ч. 2 ст. 13.29, ч. 2-3 ст. 14.53, ч. 2 ст. 14.56, ч. 6 ст. 14.57 КоАП РФ); назначение высоких размеров административных штрафов, которые не позволяет исполнить административное наказание по объективным причинам (например, из-за недостаточного уровня материального обеспечения граждан ((например, по ст. 12.8 и 12.26 КоАП РФ является высокий фиксированный размер административного штрафа – 45 тыс. руб., что приближается к средней заработной плате в ряде регионов России⁵), возможности фактического прекращения существования индивидуального предпринимателя или юридического лица)).

Думается, что для обеспечения «дефискализации» административно-наказательной политики, преодоления карательно-фискальной функции административных наказаний и усиления влияния их воспитательной и превентивной составляющей, целесообразно:

– обеспечить согласованность государственно-правовых реформ, результатом которых является коррекция санкций норм права об административной ответственности; в основах государственной политики в области назначения административных наказаний закрепить положение о недопустимости использования административного штрафа исключительно как средства пополнения государственного бюджета, а также основания замены одного вида административного

5 Среднемесячная заработная плата в субъектах Российской Федерации в 2026г.: справочная информация (материал подготовлен специалистами «КонсультантПлюс» по данным Росстата). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460474/6c36911b38d618209230451af42bc28beaf73e62/.

наказания другим видом (например, административного штрафа – обязательными работами или административным арестом);

– при конструировании санкций норм административного права об административной ответственности, предлагается: обосновывать необходимость увеличения сумм административных штрафов объективными данными (анализом правоприменительной практики, выводами экспертов, общественным мнением, финансово-экономическим прогнозом), подтверждающими социальную обусловленность соответствующего административного наказания; минимизировать число безальтернативных санкций; признать административный штраф, как основным, так и дополнительным административным наказанием; разработать и использовать для исчисления размера административного штрафа коэффициенты, отражающие пропорциональность величины штрафного наказания физических, должностных и юридических лиц (например, фиксируемый доход лица от трудовой и (или) иной приносящей материальные выгоды деятельности);

– органам административной юрисдикции при назначении административного штрафа рекомендовать определять его сумму, исходя из обстоятельств конкретного административного дела, личности правонарушителя, состояния субъекта предпринимательства, его влияния на его дальнейшее существование, а также эффективность данного вида наказания при наличии альтернатив (применение устного замечания при малозначительности административного правонарушения, назначение ниже нижнего предела или в минимальном размере, использование иных форм воздействия на лицо, привлекаемое к административной ответственности, не связанных с наказанием, например, налоговых санкций, мер организационно-правового характера, мер воспитательного воздействия); учитывать пропорциональность уменьшения или увеличения суммы административного штрафа в зависимости от наличия в деле обстоятельств, смягчающих или отягчающих административную ответственность;

– усилить контроль за практикой назначения административных наказаний имущественного характера, в первую очередь, административного штрафа, субъектами административной юрисдикции, обеспечив однообразность его применения, исключая необоснованного увеличения его размеров;

– рассмотреть вопрос об использовании отечественного и иностранного опыта, касающегося закрепления административных наказаний, альтернативных административному штрафу (например, штрафных баллов) и имеющих явно выраженный предупредительный или воспитательный характер (например, проверка знаний правил дорожного движения, установление особых требований к поведению правонарушителя, в том числе и запрета лицу, совершившему бытовое насилие, проживать в индивидуальном жилом доме, квартире или ином жилище с потерпевшим в случае наличия у этого лица другого жилища); проверка знаний правил безопасного обращения с оружием;

– при внесении изменений в КоАП РФ и законодательные акты субъектов Российской Федерации, устанавливающие административную ответственность, которыми увеличиваются размеры административного штрафа за совершение правонарушений в области предпринимательской деятельности, дорожного движения, налогов и таможенного дела и др., а также влияющих на порядок его исполнения, проводить широкую разъяснительную работу среди населения,

демонстрируя их социальную обусловленность, финансовую обоснованность и последствия для граждан и государства.

Таким образом, необходимость дефискализации административно-наказательной политики предусматривает принятие государственно-правовых решений, направленных на восстановление воспитательной и превентивной функций административной ответственности, создание условий для восприятия социумом административных наказаний как мер государственного принуждения, применение которых соответствует общественному запросу и политико-экономической ситуации в стране, а также неотъемлемого инструмента обеспечения законности и правопорядка в государстве.

Пристатейный библиографический список

1. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2021 году: информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2022. – 128 с.
2. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2023 году: информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2024. – 120 с.
3. Баканов К. С., Ляхов П. В., Исаев М. М. и др. Правоприменительная деятельность в области безопасности дорожного движения в 2024 году: информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ «НЦ БДД МВД России», 2025. – 108 с.
4. Гришковец А. А. Проблема фискальной направленности Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и пути ее решения в проекте нового КоАП РФ // Сибирское юридическое обозрение. – 2019. – № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-fiskalnoy-napravlenosti-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-i-puti-ee-resheniya-v-proekte> (дата обращения: 08.04.2026).

ХАЛИЛЕВ Руслан Амдиевич

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

ГЕНЕЗИС ИНСТИТУТА АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

В статье исследуется эволюция института административной ответственности в сфере трудового права России с XIX века до современности. Основное внимание уделяется анализу исторических этапов формирования механизмов защиты трудовых прав, и развития системы административных взысканий за нарушения трудового законодательства. Автор рассматривает трансформацию правового регулирования административной ответственности, особенности её становления в различные исторические периоды и влияние социально-экономических факторов на развитие данного института. В статье прослеживается взаимосвязь между развитием общественных отношений и совершенствованием нормативно-правовой базы, анализируются ключевые законодательные акты, повлиявшие на формирование института административной ответственности. Особое внимание уделяется роли государственных органов контроля и надзора в обеспечении соблюдения трудового законодательства. Исследование показывает, как институт административной ответственности адаптировался к меняющимся социально-экономическим условиям, от разрозненных норм XIX века до комплексной системы защиты трудовых прав в XXI веке.

Ключевые слова: административная ответственность, трудовое право, правовое регулирование, трудовые отношения, законодательство, надзор, контроль, правонарушения, юридическая ответственность, история права.

KHALILEV Ruslan Amdievich

Ph.D. in Law, professor, professor of Criminal law and process sub-faculty, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol

THE GENESIS OF THE INSTITUTE OF ADMINISTRATIVE LIABILITY IN LABOR LAW

The article examines the evolution of the institution of administrative responsibility in the field of labor law in Russia from the 19th century to the present. The main attention is paid to the analysis of the historical stages of the formation of mechanisms for the protection of labor rights and the development of a system of administrative penalties for violations of labor legislation. The author examines the transformation of the legal regulation of administrative responsibility, the specifics of its formation in various historical periods and the influence of socio-economic factors on the development of this institution. The paper traces the relationship between the development of public relations and the improvement of the regulatory framework, analyzes the key legislative acts that influenced the formation of the institution of administrative responsibility. Special attention is paid to the role of State control and supervision bodies in ensuring compliance with labor legislation. The study shows how the institution of administrative responsibility has adapted to changing socio-economic conditions, from disparate norms of the 19th century to a comprehensive system of labor rights protection in the 21st century.

Keywords: administrative responsibility, labor law, legal regulation, labor relations, legislation, supervision, control, offenses, legal responsibility, history of law.

Реформирование института административной ответственности за нарушения норм трудового права, возможно, через призму понимания правовых проблем современности в этой области, что, в свою очередь, невозможно сделать без уяснения генезиса исследуемого правового института.

Исследование генезиса и эволюции административной ответственности в сфере трудового права актуализирует рассмотрение важных взаимосвязанных вопросов: практика правонарушений трудовых отношений и противодействие государства этим нарушениям; установление и расширение перечня административных правонарушений в трудовом праве; зарождение административной ответственности за нарушение трудового права как правового института, её место в системе юридической ответственности и отграничения от финансовой, дисциплинарной и уголовной ответственности; развитие правовой базы в сфере труда и эволюция мероприятий административного воздействия на субъекты трудовых отношений.

Свидетельством устойчивого интереса в правоведении к феномену административной ответственности во всех сферах жизнедеятельности общества (включая сферу трудовых отношений), её становления и развития является обширная историография вопроса.

Значимыми для этого исследования, на наш взгляд, работами следует считать публикации И. С. Гриценко, А. С. Литошенко, А. В. Мельник, И. И. Шемелинца.

Так, И. С. Гриценко, исследовав развитие административного права конца XIX-начала XX в. отмечает, что в это время на практике административным органам предоставлялось право привлекать к ответственности лиц во внесудебном порядке, что трактовалось как «наложение наказаний за неисполнение актов» [1, с. 47], хотя юридическая наука того времени настаивала на приоритете судебного разбирательства таких дел. Ученый выделяет фактор бурного развития законодательства в 1920-х гг., который усилил научный интерес к сущности административной ответственности.

А. С. Литошенко в своих работах в основу разграничения видов ответственности ставит признаки административного правонарушения – виновность, противоправность, наказуемость и т.п. [2, с. 34], однако автор обходит вниманием административные правонарушения трудового законодательства, их характер и состав. Трудовые отношения упоминаются им лишь в контексте сравнительного анализа административной и дисциплинарной ответственности.

А. В. Мельник освещал в работах иной спектр института административной ответственности: функции и полномочия органов государственной власти по вопросам труда. Именно реализация этих полномочий нацелена на обеспечение быстрого выявления и устранения нарушений прав субъектов трудовых отношений, а также предотвращения административных правонарушений трудового законодательства. При

этом колоссальную роль в этом процессе должны играть профсоюзы, которые могут выявить нарушение трудового законодательства и сообщить об этом в государственный орган [3].

Обращает на себя внимание и исследования Л. А. Остапенко. Автор рассматривает признаки, сущность и значение охранной функции административной ответственности по защите прав участников трудовых правоотношений, характеризует общие и отличительные черты административной ответственности за нарушения в сфере охраны труда [4].

Вопросам становления и развития административной ответственности за нарушения трудовых прав посвящены статьи и диссертационное исследование И. И. Шемелинца. По его мнению, становление ответственности за нарушение законодательства о труде стало возможным лишь тогда, когда наёмный работник начал признаваться отдельным субъектом правоотношений, а не его объектом [5, с. 416]. Начало административной ответственности учёный связывает с декриминализацией проступков. Именно тогда закладывались основы права, которое регулировало трудовые отношения, в частности, устанавливались уголовные и исправительные наказания, предусматривающие наложение денежного взыскания за нарушение определённых условий выплаты заработной платы.

Итак, обзор состояния изучения генезиса и эволюции административной ответственности за нарушение трудового законодательства свидетельствует о том, что внимание исследователей сфокусировано на следующих аспектах: трактовка сущности административной ответственности и определения видового состава правонарушений, по которым предусматривалась административная ответственность на разных этапах нормативно-правового регулирования в сфере труда; определение субъектов административных правонарушений; становление и развитие механизма административных взысканий за нарушение законодательства о труде; роль государственных институтов по контролю за соблюдением законодательства о труде; периодизация законодательно-нормативного регулирования административной ответственности.

Развитие общественных отношений в разные времена влияло на сферу труда, а, следовательно, её нормативно-правовое регулирование ориентировано на предотвращение правонарушений трудового права. Бесспорно, возникновение административной ответственности в сфере труда, необходимость нормирования этой отрасли обусловлено нарушениями в рамках трудовых отношений. Именно эти правонарушения стимулировали законодательное регулирование административной ответственности. Нормативно-правовые акты определяли место административной ответственности в системе юридической ответственности. Видовой состав нарушений трудового права определялся характером трудовых отношений, где труд был «товаром», а нормативно-правовые акты в разные времена нормировали перечни правонарушений, определяя среди них категории административных правонарушений.

Административная ответственность стала «демократическим» проявлением в процессе декриминализации проступков, и следствием смягчения проступков за нарушения трудовых отношений. Так, «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1 мая 1846 г.) давало дефиниции понятиям «преступление» и «проступок». Правовой акт ограничивал понятие «проступок» по признаку «рода и меры важности» [6]. Применительно к нашему исследованию необходимо отметить, что в статье Уложения, например, устанавливали ответственность для владельцев фабрик, заводов в виде штрафов за замену оплаты труда выдачей продуктов.

Кроме взыскания владельцы предприятий вынуждены были оплачивать убытки, причинённые рабочему. Как видим, «Уложение» выделяет особый вид ответственности, но не получивший в то время официального статуса административной ответственности, то есть термин «административная ответственность» отсутствует в этом нормативно-правовом акте.

Одним из направлений регулирования трудовых отношений в XIX в. было установление ограничений по использованию труда детей и малолетних. 1 июня 1882 г. императором было утверждено «Мнение Государственного Совета / мнѣнии Государственного Совѣта о малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах» [7, с. 40].

Для надзора за исполнением постановлений о работе и обучении малолетних работников учреждалась инспекция при департаменте торговли и мануфактуре, что обуславливалось практическими потребностями: уменьшение конфликтов между работодателями и наёмными работниками и необходимостью внедрять в жизнь фабричные трудовые нормативы. Собственно, в этом нормативе закреплялись те правовые основы, которые позже получили название «административная ответственность» за нарушение трудового законодательства и устанавливались государственные надзорные органы в сфере охраны труда – инспекции.

Ответственность, которая реализовывалась путём взысканий за нарушение, по своему характеру отвечала административной ответственности, ибо накладывалась в административном порядке. Увеличивалась численность чиновников фабричной инспекции, которые осуществляли надзор за фабричным / трудовым законодательством, расширялись функции инспекции, росла её роль в решении вопросов нормирования труда и соблюдения этих норм, следовательно, фабричная инспекция в конце XIX в. становилась действенным органом государственного аппарата управления. Эволюционировал и сам порядок деятельности фабричных инспекций со времени их возникновения (1882 г.), менялись требования к профессиональным требованиям инспектирующих.

Уже с середины XIX в. определился круг правонарушений, за которые накладывались денежные взыскания. Нормативно-правовыми актами определялась ответственность за нарушение фабричного / трудового законодательства не только со стороны работодателей, но и рабочих, которые не выполняли свои трудовые функции или нарушали условия договора.

Сферы административной ответственности в промышленной сфере расширились к началу XX в. с утверждением «Устава о промышленном труде» (1913 г.) [8]. Административная ответственность чётко ограничивалась от дисциплинарной, материальной и уголовной.

В течение последующих десятилетий вплоть до 1981 г. законодательство об административной ответственности в целом носило децентрализованный, местный характер, поскольку такая ответственность за нарушение обязательных постановлений устанавливалась главным образом на уровне губерний, краев, областей городов и районов.

Процесс кодификации законодательства об административной ответственности приобрёл совершенства с принятием 1981 г. Основ законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правонарушениях [9], а уже 20 июня 1984 года был принят Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (КоАП РСФСР) [10]. Он стал первым в России кодифицированным законом, нормативно закрепившим институт административной ответственности. Чёткое понимание существующих проблем в исследуемой

сфере привело к разработке нового, совершенного кодекса, учитывающего современные потребности и реалии. Так, Федеральным законом от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ был утверждён Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, который введён в действие с 1 июля 2002 г., который с изменениями и дополнениями действует до сегодняшнего дня [11].

Если анализировать нормирование административной ответственности за последние десятилетия, характерными чертами для этого периода является мощное развитие правовой базы и согласование положений законодательных актов, внесение существенных изменений в нормативно-правовые акты, регулировавшие сферу труда, включая и административные правонарушения трудового законодательства. Изменения в законодательстве обуславливались рядом факторов: развитие рыночной экономики и расширение рынка труда; переход на новые формы трудовых отношений; развитие частного сектора в экономике и появление субъектов трудовых отношений – физических лиц-предпринимателей, которые используют наёмный труд; глобализационные процессы и использование новейших технологий в сферах производства, управлении; карантинные ограничения, связанные с COVID-19; Специальная военная операция и др.

Итак, рассмотрев вопросы генезиса, эволюции и правового регулирования административной ответственности за нарушение трудового законодательства можно определить основные периоды становления административной ответственности как важного института административного права и указать особенности каждого этапа и отметить факторы, которые влияли на характеристику того или иного периода.

Первый период – первая половина XIX в. генезис административной ответственности, который обуславливался развитием промышленности, использованием наёмного труда, нарушениями в сфере трудовых отношений с наёмными работниками, осознанием необходимости урегулирования этих отношений. Для этого периода характерно укрупнение нормативов по трудовым отношениям (об отношениях между хозяевами фабричных заведений и рабочими людьми, которые устраиваются по найму, 1835 г.), формирование системы ответственности за нарушения в сфере труда. Видовой состав нарушений определялся характером трудовых отношений.

Второй период (середина XIX в.) определялся развитием правовой культуры общества, развитием правовой базы общественных отношений, включая и сферу работы. Характерными признаками этого периода являются определение состава / перечней правонарушений (проступков), которые были отграничены от уголовных преступлений. Сформировался особый вид ответственности, который в то время ещё не приобрёл официального статуса административной ответственности и термин «административная ответственность» не фигурировал в нормативно-правовых актах.

Третий период (вторая половина XIX в.) – формирование системы юридической ответственности, в которой было отведено видное место административной ответственности. Для этого периода характерно создание государственных надзорных органов – фабричных инспекций.

Четвертый период (первая половина XX в.) – расширение сферы административной ответственности в промышленном секторе. Характерными признаками этого этапа является отграничение административной ответственности от дисциплинарной, материальной и уголовной, устанавливается перечень административных правонарушений в тесной связи с правовыми нормами КЗоТ.

Пятый период (вторая половина XX в.) – усиление гарантий защиты трудовых прав происходит на фоне изменений в политических и социально-экономических условиях, а также под влиянием постепенного осознания необходимости защиты прав работников. В этот период формируется чёткая нормативная база, а контролирующие органы получили определённые полномочия для выявления и пресечения правонарушений, предпочтительно путём наложения штрафов.

Шестой период (с 1992 г. по настоящее время) – часть нормативно-правовых актов, в частности кодексов, действовавших ранее, сохранились в правовой системе нового государства, однако претерпели существенные изменения в соответствии с новыми политическими, экономическими и социальными реалиями. В частности, некоторые кодексы и законы, которые не противоречили принципам нового правопорядка, остались действующими или были использованы как основа для дальнейших реформ.

Пристатейный библиографический список

1. Гриценко И. С. Становление института административной ответственности // Форум права. – 2010. – № 3. – С. 47-53.
2. Литошенко А. С. Административная ответственность в системе юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.14. – Челябинск, 2005. – 178 с.
3. Мельник А. В. Административно-правовые основы осуществления надзора и контроля за соблюдением трудового законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.14. – Москва, 2019. – 205 с.
4. Остапенко Л. А. Административная ответственность за правонарушения, совершенные в области охраны труда: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. 12.00.07. – Ростов-на-Дону, 2015. – 23 с.
5. Шемелинец И. И. Возникновение и развитие отношений административной ответственности за нарушение трудовых прав лиц в конце XIX-начале XX век // Форум права. – 2010. – № 1. – С. 416-421.
6. Уложение о наказании уголовных и исправительных. 1845. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: .
7. Закон от 1 июня 1882 года «О малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: mfsk.ru/history/etot-den-v-istorii-finansov/iyun/1-iyunya-1882-goda.
8. Устав о промышленном труде. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/Labour/Law/ustav.htm>.
9. Кодекс РСФСР «Об административных правонарушениях (КоАП РСФСР)» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1984. – № 27. – Ст. 910.
10. Основы законодательства Союза ССР и союзных республик об административных правопреемствах // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1980. – № 44. – Ст. 909.
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

ХИЛЬЧЕВСКИЙ Анатолий Юрьевич

ассистент и аспирант кафедры административного и финансового права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОРПОРАЦИЯ ПО КОСМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «РОСКОСМОС» КАК ЮРИДИЧЕСКОЕ ЛИЦО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

В статье рассматривается публично-правовой статус государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос». Государственная корпорация – это весьма неординарный субъект права, сочетающий в себе как частно-, так и публично-правовые признаки. Нахождение «на стыке» публичного и частного интереса порождает неопределенность в правовом статусе организации и невозможность ее однозначного отнесения как к частным, так и к публичным структурам. Особое внимание в работе уделяется истории становления Роскосмоса, в частности, переходам от статуса министерства к статусу государственной корпорации и сопутствующим изменениям в правовом статусе организации. Исторический контекст рассматривается в работе как фактор, обуславливающий отдельные элементы действующего правового статуса. Так, автором прослеживается влияние исторического подтекста на осуществляемые корпорацией функции, коррелирующие с функциями федеральных органов исполнительной власти, а также на статус отдельных работников корпорации.

Ключевые слова: Государственная корпорация по космической деятельности «Роскосмос», административно-правовой статус работников государственной корпорации, история Роскосмоса, функции федеральных органов исполнительной власти, юридическое лицо публичного права.

KHILCHEVSKIY Anatoly Yurjevich

assistant and postgraduate student of Administrative and financial law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

STATE CORPORATION FOR SPACE ACTIVITIES «ROSKOSMOS» AS LEGAL ENTITY OF PUBLIC LAW

The article examines the public legal status of the state Corporation for Space Activities Roscosmos. A state corporation is a very unusual legal entity that combines both private and public law features. Being «at the junction» of public and private interests creates uncertainty in the legal status of the organization and the impossibility of its unambiguous attribution to both private and public structures. Special attention is paid to the history of the formation of Roscosmos, in particular, the transitions from the status of a ministry to the status of a state corporation and the accompanying changes in the legal status of the organization. The historical context is considered in the work as a factor determining certain elements of the current legal status. Thus, the author traces the influence of historical overtones on the functions performed by the corporation, which correlate with the functions of federal executive authorities, as well as on the status of individual employees of the corporation.

Keywords: State Corporation for Space Activities «Roscosmos», legal entity under public law, status of employees of a state corporation, history of Roscosmos, functions of federal executive authorities.

Введение

Роскосмос – одна из шести действующих государственных корпораций. Целями корпорации определены осуществление нормативно-правового регулирования в области космической деятельности, реализация государственной политики, управление государственным имуществом, обеспечение деятельности организаций корпорации, оказание государственных услуг, регулирование навигационных систем, осуществление международной деятельности и общая координация работ, проводимых на космодромах Байконур и «Восточный» (ст. 4 ФЗ о Роскосмосе).

Указанные цели корпорации схожи с функциями федеральных органов исполнительной власти. Более того, согласно ст. 25 ФЗ о Роскосмосе, генеральный директор Роскосмоса назначается на должность процедурой, схожей с процедурой назначения на должность федеральных министров – назначение происходит Президентом РФ по представлению Председателя Правительства РФ. В случае же с министрами (за исключением «президентского блока»: МВД, МИД, МЧС, Минобороны, Минюста), в процедуре также принимает уча-

стие и Государственная Дума РФ (назначение на должность федеральных министров происходит на основании ст. 10 ФКЗ «О Правительстве РФ»¹).

Таким образом, рассматриваемая государственная корпорация обладает широким перечнем публично-властных полномочий, при этом являясь некоммерческой организацией – субъектом частного права. В этой связи представляется актуальным вопрос о достаточности и эффективности правового регулирования данной структуры, соотношении публично-правового и частно-правового элемента в рамках одной организации.

Статус государственной корпорации как организации, наделенной публично-властными полномочиями, представляется особенно интересным ввиду существующей в научном обществе дискуссии о частных субъектах (организациях), на-

Хильчевский А. Ю.

1 Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2020 г. № 45. Ст. 7061.

деленных публично-властными полномочиями, так называемых юридических лицах публичного права.

В рамках настоящей работы в качестве преимущественных **источников** будут рассмотрены федеральные законы, регламентирующие деятельность государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос», а также приказы, издаваемые данной корпорацией. В качестве опорных источников были использованы новостные и научные издания.

Методологическую базу исследования составили анализ и синтез, исторический, системный, функциональный, а также формально-юридический метод.

Цель исследования – проанализировать статус организационно-правовой формы государственной корпорации с точки зрения наделения ее публично-властными полномочиями.

Задачи исследования:

Определить исторические предпосылки становления текущего статуса Роскосмоса;

Рассмотреть публично-правовые функции Роскосмоса;

Рассмотреть статус отдельных должностей Роскосмоса;

Определить потенциальные «слабые места» в правовом регулировании Роскосмоса.

В настоящей работе будет предпринята попытка провести анализ публичных полномочий государственной корпорации Роскосмос, оценить эффективность и достаточность правового регулирования, а также провести анализ проводимых государственной корпорацией административных процедур и процессов.

История Роскосмоса

Для углубленного понимания специфики статуса рассматриваемой государственной корпорации представляется полезным изучение истории ее становления. Изначально регулирование космической сферы находилось в ведении министерства общего машиностроения СССР². Однако, в связи с распадом СССР министерство было упразднено, а указом президента РФ от 25.02.1992 № 185 было образовано Российское космическое агентство (РКА) при Правительстве Российской Федерации³. Позднее, указом президента от 30.09.1992 № 1148 РКА при Правительстве Российской Федерации было реорганизовано в Российское космическое агентство (РКА)⁴.

Рассмотрим подробнее реорганизацию Космического агентства – чем руководствовался автор такой инициативы и какие последовали изменения. При анализе правового оформления реорганизации, а именно вышеуказанных указов Президента РФ был поставлены следующие вопросы

– почему было принято решение убрать из названия формулировку «при Правительстве Российской Федерации»? Есть ли какие-либо существенные отличия в правовых статусах РКА и РКА при Правительстве Российской Федерации?

Детальное изучение постановлений Правительства РФ, определивших статус агентства (от 09.04.1992 № 233 «Вопросы Российского космического агентства при Правительстве Российской Федерации»⁵ и постановления правительства РФ от 15.05.1995 № 468 «Об утверждении положения о Российском космическом агентстве»⁶), позволяет отметить, что в отношении РКА при правительстве его генерального директора, в силу п. 6 Постановления № 233, назначал и освобождал от должности Президент, а в РКА, согласно п. 7 Постановления № 468 – Президент по представлению Председателя Правительства РФ (п. 7), то есть в части назначения генерального директора отмечается расширение полномочий правительства, а с 25.10.1999, вследствие принятых поправок в постановление №468, полномочия Правительства и вовсе вытеснили полномочия президента в части назначения генерального директора РКА.

Заместители же генерального директора в РКА при правительстве назначались Правительством по представлению Генерального директора – п. 7 Постановления 233. В случае с РКА, согласно п. 8 постановления № 468, – отсутствует формулировка «по представлению генерального директора».

То есть, несмотря на исключение из наименования органа формулировки «при Правительстве Российской Федерации», роль правительства в отношении управления органом возросла, а с учетом редакции постановления Правительства № 468 – роль Правительства закрепилась окончательно.

Вероятно, изменения в названии были обусловлены унификацией названий государственных органов – в настоящее время не встречаются государственные органы, в наименовании которых встречается формулировка «При Правительстве Российской Федерации».

Указом Президента РФ от 25.05.1999 № 651 российское космическое агентство было преобразовано в Российское авиационно-космическое агентство с одновременным расширением полномочий в сфере авиации и обороны⁷, порядок назначения генерального директора и его заместителей при этом изменен не был, а в 2004 году указом Президента № 314 оно было преобразовано в Федеральное космическое агентство с передачей полномочий по нормотворчеству министерству промышленности и энергетики⁸, что соответствовало концепции разграничения по функциям сфер деятельности ведомств в Российской Федерации. В таком статусе ФКА просуществовало чуть более 11 лет.

2 Указ Президиума ВС СССР от 02.03.1965 № 3324-VI «Об образовании общесоюзного Министерства общего машиностроения СССР». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=53438#oDRYRgV2VucutLKp> (дата обращения: 29.03.2026).

3 Указ Президента Российской Федерации от 25.02.1992 № 185 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 1992 г. № 10. Ст. 501. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102014826> (дата обращения: 29.03.2026).

4 Указ Президента Российской Федерации от 30.09.1992 № 1148 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 1992 г. № 41. Ст. 2279. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102018731&rdk=o&firstDoc=1&lastDoc=1> (дата обращения: 29.03.2026).

5 Постановление правительства РФ от 09.04.1992 № 233 «Вопросы Российского космического агентства при Правительстве Российской Федерации» // Документ опубликован не был. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/9006237?section=text> (дата обращения: 29.03.2026).

6 Постановление Правительства Российской Федерации от 15.05.1995 № 468 «Об утверждении Положения о Российском космическом агентстве» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1995 г. № 22. Ст. 2058.

7 Указ Президента Российской Федерации от 25.05.1999 № 651 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1999 г. № 22. Ст. 2727.

8 Указ Президента Российской Федерации от 09.03.2004 № 314 «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2004 г. № 11. Ст. 945.

В 2013-2015 широко обсуждался вопрос о реорганизации Роскосмоса. Причина тому – снижение эффективности проводимой работы, что спровоцировало решение о реструктуризации российской космонавтики [1].

Главный вопрос, с которым столкнулись субъекты законодательной инициативы – подходящая для такой структуры организационная форма. Было определено несколько позиций – сохранение статуса агентства с усилением управленческой роли (вероятно, речь шла о наделении структуры нормотворческими полномочиями, т. к. эти полномочия были переданы министерству), создание нового министерства космоса либо же создание единого акционерного общества⁹.

Предложенные решения обладают как рядом плюсов, так и существенных минусов. Сохранение статуса агентства с расширением полномочий представляется недостаточным, ведь по своей сути агентства создаются для оказания государственных услуг и управления государственным имуществом. Этих функций явно недостаточно для космической сферы.

В таком случае более подходящим решением было бы присвоение данной структуре статуса министерства. Однако, министерство как государственный орган, неспособно принимать оперативные решения в краткие сроки, что является существенным для стремительно развивающейся отрасли.

Рассматривалось и наделение Роскосмоса статусом акционерного общества, но в таком случае, даже при государственном участии в таком обществе, ребром ставится вопрос о его правовом регулировании – будучи субъектом частного права, на него бы распространялись положения гражданского законодательства, включая регулирование порядка создания общества (по смыслу абз. 2 п. 1 ст. 10 ФЗ «Об акционерных обществах») по общему правилу государственные органы и органы МСУ не могут быть учредителями акционерного общества¹⁰) банкротстве и др. Подобное регулирование оказало бы существенное влияние на представляемые организацией интересы – не публичные, а частные.

Помимо того – кто будет осуществлять государственные функции (нормотворческие, контрольные и надзорные, управления госимуществом, оказания госуслуг), ведь частные субъекты, как правило, не уполномочены на осуществление такой деятельности?

Наконец, в качестве решения сложившегося вопроса, 13.07.2015 был принят Федеральный закон № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»¹¹ (далее – ФЗ о Роскосмосе), определивший действующий по сей день статус организации. Представляется важным отметить и другие документы, а именно Указ Президента РФ от 28.12.2015 № 666 «Об упразднении Федерального космического агентства»¹², урегулировавший неко-

торые вопросы правопреемства полномочий, а также Указ Президента РФ от 12.05.2016 № 221 «О мерах по созданию Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос»¹³, урегулировавший вопрос правопреемства собственности.

Таким образом, за период с 1992 года по настоящее время Роскосмос претерпел множество существенных изменений, затронувших как его правовую форму – от министерства до госкорпорации – так и его полномочия. Как итог – была выбрана особая форма, сочетающая в себе частно- и публично-правовые признаки. Такой насыщенный путь в определенной степени коснулся и нынешнего статуса Роскосмоса, что будет рассмотрено далее.

Правовое регулирование Роскосмоса и его работников

Правовой статус госкорпорации Роскосмос закреплен в ФЗ О Роскосмосе. Так, по смыслу статьи 3 данного закона, Роскосмос приравнивается к юридическому лицу, созданному Российской Федерацией. Организационно-правовая форма Роскосмоса – государственная корпорация. Пунктом 2 статьи 1 того же ФЗ определено, что корпорация является уполномоченным органом, ведающим вопросами управления в космической сфере. Роскосмос уполномочен Российской Федерацией осуществлять от ее имени государственное управление и руководство в рамках космической сферы. Для реализации возложенных на организацию целей она наделяется широкими полномочиями, которые можно детально рассмотреть на примере издаваемых корпорацией приказов. Так, например, целой серией приказов определяется правовой статус отдельных работников Роскосмоса.

Трудовые отношения внутри Роскосмоса регулируются преимущественно положениями трудового кодекса [2]. Хотя работники Роскосмоса не являются государственными служащими, целым рядом приказов были введены отдельные правила, отсылающие к статусу госслужащих. Так, Приказом Роскосмоса от 19.12.2019 г. № 425 определяется перечень должностей, замещение которых обязывает лиц, замещающих их, предоставлять информацию о доходах и расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера на себя, супругов и несовершеннолетних детей. Перечнем закреплено 36 должностей¹⁴.

Приказ Госкорпорации «Роскосмос» от 19.12.2019 г. № 426¹⁵ во многом схож с Приказом № 425 – определяет те же

9 Министерство безвоздушного пространства. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.gazeta.ru/politics/2013/04/12_a_5253221.shtml?utm_auth=false&updated\(дата обращения: 29.03.2026\)](https://www.gazeta.ru/politics/2013/04/12_a_5253221.shtml?utm_auth=false&updated(дата обращения: 29.03.2026)).

10 Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства Российской Федерации от 1996 г. № 1. Ст. 1.

11 Федеральный закон от 13.07.2015 № 215-ФЗ «О Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2015 г. № 29. Ст. 4341 (Часть I).

12 Указ Президента Российской Федерации от 28.12.2015 № 666 «Об упразднении Федерального космического агентства» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2016 г. № 1. Ст. 203 (Часть II).

13 Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2016 № 221 «О мерах по созданию Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» // Собрание законодательства Российской Федерации от 2016 г. № 20. Ст. 2818.

14 Приказ Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» от 19.12.2019 № 425 «Об утверждении Перечня должностей Госкорпорации «Роскосмос», при назначении на которые граждане и при замещении которых работники Госкорпорации «Роскосмос» обязаны представлять сведения о своих доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера своих супругов (супруга) и несовершеннолетних детей» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 31.1.2020 г., ст. 0001202001310040.

15 Приказ Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» от 19.12.2019 № 426 «Об утверждении Перечня должностей Госкорпорации «Роскосмос», замещение которых влечет за собой размещение сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера работников Госкорпорации «Роскосмос», а также сведений о доходах, расходах, имуществе и обязательствах имущественного характера их

обязанности, разве что в данном случае информация размещается в сети «Интернет». Помимо того, есть небольшие отличия в самом перечне – из него исключено 8 должностей и добавлена должность генерального директора Роскосмоса.

Приказ Госкорпорации «Роскосмос» от 30.01.2026 г. № 15 утвердил перечень должностей, на которых распространяются запреты, определенные пунктами 1-4 и 7-11 части четвертой статьи 349¹ Трудового кодекса Российской Федерации¹⁶. Приказ выступил своего рода систематизирующим документом, который отменил действие предыдущего приказа с идентичным названием и закрепил новый перечень с учетом всех изменений, вносимых в утративший силу приказ. В новой редакции данный перечень существенно отличается от закреплённого в 426 приказе перечня, хотя в первоначальной редакции отличие было лишь в должности Генерального Директора. Можно предположить, что ситуация связана как раз с той самой гибкостью, на основании которой форма госкорпорации выигрывает на фоне госорганов. В то же время эта гибкость в «перетасовке» должностей приводит к определенным путаницам, которые, как можно заметить, сама госкорпорация пытается исправить.

Сами же запреты, определенные приказом № 15, коррелируют с запретами, указанными в ст. 17 Федерального закона от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Статус лиц, занимающих отдельные должности в госкорпорации во многом схож со статусом государственных служащих: список запретов и необходимость предоставлять сведения о доходах и расходах, а также размещать их в открытых ресурсах.

Данный тезис можно подтвердить и другими приказами: приказ от 02.07. 2018 № 202 определяет порядок предоставления информации о финансовом состоянии работников, приказ от 23.04.2019 № 114 устанавливает специальную комиссию по вопросам служебного поведения и конфликта интересов и регламентирует ее работу. Особенно интересным представляется использование в приказах категорий «служебное поведение» и «конфликт интересов», которые, как правило, используются в отношении государственных служащих.

Таким образом, с точки зрения запретов, работа на отдельных должностях в Роскосмосе похожа на работу госслужащих [3]. С одной стороны, можно предположить, что специфика этих должностей продиктована историческим контекстом, когда Госкорпорация была в статусе госоргана. Тем не менее, смена формы едва ли затронула сущность организации – она так же занимается делом государственной важности. В то же время, статус работников Госкорпорации, в части запретов, налагаемых на них, во многом соответствует статусу госслужащих. В свою очередь, статус госслужащих предоставляет в качестве компенсации существенную поддержку со стороны государства. Работники госкорпорации

же обделены такими гарантиями, в связи с чем предлагается пересмотреть правовое регулирование в части издания приказа госкорпорации, который бы закрепил гарантии для работников, в отношении которых действуют ограничения, характерные для госслужащих. Форма закрепления в виде приказа, в свою очередь, соответствовала бы уже устоявшемуся способу регулирования статуса работников Роскосмоса.

Пристатейный библиографический список

1. Зюзина Н. Н., Лисянский Е. С. «Роскосмос» - государственная корпорация по космической деятельности // Актуальные проблемы экономики, управления и права: Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню Конституции Российской Федерации, Ейск, 13 декабря 2019 года. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет «РИНХ», 2020. – С. 197-201. – EDN MSHMIW.
2. Осипова М. Г. Организационно - правовые аспекты регулирования трудовых отношений в системе «Роскосмос» // Актуальные проблемы авиации и космонавтики: сборник материалов VIII Международной научно-практической конференции, посвященной Дню космонавтики: в 3 т., Красноярск, 11-15 апреля 2022 года. Том 3. – Красноярск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Сибирский государственный университет науки и технологий имени академика М. Ф. Решетнева», 2022. – С. 749-752. – EDN HDOING.
3. Неподоба Л. А., Чернов Ю. И. Проблемы административно-правового статуса государственной корпорации «Роскосмос» // Научное обеспечение агропромышленного комплекса: Сборник статей по материалам 75-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2019 год, Краснодар, 02-16 марта 2020 года / отв. за выпуск А. Г. Кошцаев. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 2020. – С. 1241-1244. – EDN FEHRQO.

супруг (супругов) и несовершеннолетних детей на официальном сайте Госкорпорации «Роскосмос» в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 31.1.2020 г., ст. 0001202001310023.

16 Приказ Государственной корпорации по космической деятельности «Роскосмос» от 30.01.2026 № 15 «Об утверждении Перечня должностей Госкорпорации «Роскосмос», при замещении которых работники Госкорпорации «Роскосмос» обязаны соблюдать запреты, предусмотренные пунктами 1 - 4 и 7 - 11 части четвертой статьи 349-1 Трудового кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 10.3.2026 г., ст. 0001202603100006.

ГОРБАЧ Виктор Александрович

аспирант кафедры гражданского права и процесса, Академия труда и социальных отношений; директор юридического департамента Общества с ограниченной ответственностью «Страховая Компания «Ренессанс Жизнь», г. Москва

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА СТРАХОВАНИЯ: ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ ПОРТФЕЛЕМ РИСКОВ

Цифровая трансформация страховой отрасли представляет собой системную реорганизацию бизнес-моделей и операционных процессов, оказывающую двойственное воздействие на парадигму управления портфелем рисков. Целью исследования является комплексный анализ возникающих вызовов и новых возможностей для риск-менеджмента. Методология основана на анализе технологических трендов (AI, Big Data, «IoT», блокчейн) и стратегических изменений в деятельности страховых компаний. В результате выявлено, что ключевыми вызовами выступают новые классы рисков (киберриски, технологические, этические), необходимость интеграции устаревших систем и преодоление кадрового дефицита.

Ключевые слова: цифровая трансформация, страховой портфель, управление рисками, InsurTech, киберриски, искусственный интеллект, большие данные.

GORBACH Viktor Aleksandrovich

postgraduate student of Civil law and process sub-faculty, Academy of Labor and Social Relations; Director of the Legal Department of the Renaissance Life Insurance Company Limited Liability Company, Moscow

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE INSURANCE MARKET: CHALLENGES AND NEW OPPORTUNITIES FOR RISK PORTFOLIO MANAGEMENT

The digital transformation of the insurance industry represents a systemic reorganization of business models and operational processes, exerting a dual impact on the risk portfolio management paradigm. The purpose of the study is a comprehensive analysis of emerging challenges and new opportunities for risk management. The methodology is based on the analysis of technological trends (AI, Big Data, «IoT», blockchain) and strategic changes in the activities of insurance companies. The results reveal that the key challenges are new classes of risks (cyber, technological, ethical), the need to integrate legacy systems, and overcoming the skills gap.

Keywords: Digital transformation, insurance portfolio, risk management, InsurTech, cyber risks, artificial intelligence, big data.

Цифровая трансформация, представляющая собой системную стратегическую реорганизацию бизнес-моделей, операционных процессов и продуктовых предложений посредством интеграции цифровых технологий, оказывает глубокое воздействие на страховую отрасль, требуя переосмысления подходов к управлению портфелем рисков.

На сегодняшний день страховой рынок выступает не только перспективным сегментом финансового рынка, увеличивающим оборот капитала, но и критически важным элементом национальной информационной инфраструктуры, что в условиях геополитической нестабильности многократно повышает его уязвимость и ответственность за безопасность данных [7, с. 384]. Процесс цифровизации, заключающийся в преобразовании данных в цифровой формат, выступает ключевым двигателем трансформации бизнес-процессов. Как отмечает Ю. П. Свит: «цифровизация страхового бизнеса позволяет облегчить процесс предоставления услуг, обеспечить их доступность и благодаря этим факторам в значительной мере расширить соответствующий рынок» [8, с. 54]. И хотя этот сегмент, являющийся неотъемлемой частью финансовой системы и одновременно одним из ключевых элементов реального сектора экономики, демонстрирует устойчивый рост сборов страховых премий (во многом благодаря развитию банковского канала продаж и повышению финансовой грамотности населения), его участникам приходится подстраиваться под реалии цифровой экономики, где информация приобретает статус основного производственного ресурса. Важно подчеркнуть, что цифровая трансформация – это не просто технологическая модернизация, а как справедливо отмечают авторы научных работ, это фундаментальная перестройка бизнес-моделей, затрагивающая все звенья организационной структуры [6, с. 5]. Ключевая

цель таких изменений – сокращение операционных и транзакционных издержек, что напрямую связано со стратегической задачей перехода на качественно новый технико-технологический уровень. В конечном счете, это позволяет повысить финансовую устойчивость компании и найти более эффективный баланс между уровнем риска и доходностью страхового портфеля.

Повышение уровня цифрового взаимодействия между участниками страховых отношений, включая расширение электронного страхования, является важным фактором эффективного развития национальной страховой системы и способствует удовлетворению страховых потребностей населения и бизнеса, усиливая роль участников рынка через интернет-продажи и инновации в области Insurtech. Концептуально цифровую трансформацию страховой индустрии (Digital Transformation in the Insurance Industry, DTII) можно представить как комплексную экосистему, состоящую из трех взаимосвязанных компонентов: цифровой инфраструктуры как материальной основы, цифровой платформы как ключевого медиатора и цифровых приложений как конечного выражения, непосредственно влияющего на потребителей и бизнес-процессы. С правовой точки зрения, данная экосистема функционирует на основе развивающегося законодательного поля. В качестве правовых основ цифровизации в сфере страхового дела выступают Гражданский кодекс РФ¹, Закон РФ «Об организации страхового дела в Российской

1 Гражданский кодекс Российской Федерации: [принят Государственной Думой 21 октября 1994 года: по состоянию на 08.02.2026] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федерации»², Федеральный закон «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы»³, а также Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания автоматизированной информационной системы страхования»⁴. Нормы, закрепляющие возможность заключения договора страхования в виде электронного документа и порядок обмена информацией в электронной форме, создают необходимый правовой фундамент для цифрового взаимодействия.

Внедрение цифровых технологий в страховую отрасль представляет собой стратегическую модернизацию операционной деятельности, направленную на реструктуризацию внутренних процессов, увеличение операционной продуктивности и совершенствование клиентского сервиса, актуальность которой непрерывно возрастает, становясь обязательным условием для поддержания устойчивых конкурентных позиций, при этом уровень цифровой зрелости компании определяет ее конкурентоспособность и адаптивность.

Ключевыми драйверами трансформации выступают конкретные технологические направления: развитие цифровых платформ и мобильных приложений, обеспечивающих клиентам круглосуточный доступ к управлению полисами и подаче убытков; автоматизация андеррайтинга и урегулирования убытков на базе алгоритмов машинного обучения, что сокращает цикл обработки и влияние человеческого фактора; интеграция интернет-вещей («IoT») и носимых устройств для превентивного сбора данных о рисках (телематика, «умный дом»); продвинутая аналитика больших данных для прогнозного моделирования и персонализации тарифов; применение технологии блокчейн для создания умных контрактов, автоматизирующих выплаты, и повышения прозрачности транзакций; широкое внедрение искусственного интеллекта для выявления мошеннических схем и поддержки решений; формирование цифровых экосистем через партнерство с финтех-стартапами и другими игроками; развитие специализированного киберстрахования как ответа на новые угрозы; миграция на облачные технологии для масштабируемости ИТ-инфраструктуры; и, наконец, создание омниканального клиентского опыта, обеспечивающего единое взаимодействие через все каналы коммуникации. В ближайшие 2-3 года развитие будет сконцентрировано на интеграции RPA (роботизированной автоматизации процессов), OCR (оптического распознавания символов) для перевода документооборота в цифры и инструмент искусственного интеллекта. Применение таких технологий, как телематика, не только меняет процесс оценки риска, но и трансформирует продукт, позволяя перейти к динамическому, поведенческому ценообразованию, как, например, в страховании КАСКО, где данные о стиле вождения влияют на стоимость полиса. Параллельно с этим, в теории выделяется два направления развития страхования в сфере цифровой экономики: удовлетворение страховых интересов через использование цифровых технологий и появление новых рисков в связи с возникновением цифровых технологий, которые необходимо обеспечить путем их страхования [1, с. 376].

Особое значение в этой архитектуре приобретают специализированные финансовые платформы, которые функционируют как онлайн-агрегаторы и маркетплейсы страховых продуктов, выполняя функции цифрового брокера, предоставляя возможность дистанционного заключения договоров (е-подпись), управления полисами, подачи заявок на урегулирование убытков, получения персонализированных рекомендаций на основе анализа финансового поведения клиента, а также осуществляя безопасные платежи и обучающие консультации, что в совокупности значительно повышает эффективность дистрибуции и лояльность клиентов [4, с. 34]. Развитие страховых порталов и финансовых платформ формирует предпосылки для усиления конкуренции на страховом рынке по показателям стоимости и качества услуг.

Финансовые институты, включая страховые компании, несут повышенную ответственность за этическое и безопасное применение технологий искусственного интеллекта, особенно в аспектах защиты конфиденциальности данных и обеспечения киберустойчивости, поскольку степень доверия к таким институтам является фундаментальной основой их существования, а в периоды международной напряженности они становятся первоочередными целями для кибератак [9, с. 64]. В контексте нормативного регулирования данная ответственность находит свое отражение в инициативах, подобных законопроект о введении обязательного страхования ответственности за вред, причиненный в результате применения технологий ИИ в рамках экспериментальных правовых режимов. Это указывает на стремление законодателя создать адаптивные правовые механизмы для новых цифровых рисков. Распространение онлайн-продаж актуализирует проблему деятельности нелегальных участников рынка – лиц, предлагающих страховые услуги без лицензии, или посредников, действующих без надлежащих полномочий, что наносит ущерб доверию к рынку. Введение единой автоматизированной информационной системы страхования (АИС) рассматривается регулятором как ключевая мера для повышения информационной прозрачности и противодействия подобным практикам.

С развитием технологий наблюдается экспоненциальный рост киберугроз, что формирует комплекс новых рисков, которые можно классифицировать на несколько групп: риски кибербезопасности (кибератаки, утечка данных), риски приватности и защиты данных (нарушение конфиденциальности, незаконное использование информации), технологические риски (сбои систем, устаревание технологий), этические риски (манипуляция информацией, нарушение прав потребителей) и юридические риски (нарушение законодательства, судебные споры). Для бизнеса, осуществляющего деятельность на свой риск, появление так называемых информационных (-кибер) рисков, реализация которых может повлечь большие убытки и вред деловой репутации, делает страхование ключевым механизмом защиты имущественных интересов. Современные страховые продукты для бизнеса уже предлагают защиту от широкого спектра киберинцидентов: от гибели электронных данных до убытков от перерыва в производственной деятельности из-за сбоев информационных систем и ответственности за разглашение персональных данных. Управление этими рисками требует внедрения современных систем защиты, шифрования данных, регулярного аудита, разработки этических стандартов и соблюдения регуляторных требований. Отдельно стоит выделить риски автоматизации, включающие в себя высокую сложность выстраивания сквозных процессов, конфликты версий программного обеспечения, а также адаптацию управленческих систем, в связи с появлениями которых разработка особых стратегий для смягчения негативных последствий становится первостепенной задачей.

Как показывают исследования, цифровые технологии меняют не только операционные модели, но и саму суть

2 Об организации страхового дела в Российской Федерации: Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2. – Ст. 56.

3 О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы: Федеральный закон от 20.07.2020 № 259-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 30. – Ст. 4763.

4 О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части создания автоматизированной информационной системы страхования: Федеральный закон от 25.12.2023 № 623-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 52. – С. 9890.

рисков, с которыми сталкиваются страховщики, порождая принципиально новые угрозы. В их числе киберинциденты, сбои в работе алгоритмов. В то же время те же технологии представляют инновационные инструменты для противодействия этим угрозам, например, предиктивную аналитику и динамическое ценообразование. Все это настоятельно требует от риск-менеджеров формирования адаптивных стратегий и внедрения подходов цифрового риск-менеджмента (Digital Risk Management) непосредственно в ключевые бизнес-процессы.

Наряду с вызовами цифровая трансформация открывает качественно новые возможности для совершенствования и стратегического управления страховым портфелем рисков. Благодаря цифровым технологиям становится возможным переход от реактивной модели управления, ориентированной на последствия уже произошедших событий, к предиктивному и, что особенно важно, превентивному риск-менеджменту.

«Интеграция больших данных и машинного обучения формирует основу для более точного количественного анализа рисков, позволяя страховщикам перейти от моделей, основанных на исторических агрегированных данных, к динамическим, постоянно обучающимся прогнозным системам» [3, с. 13]. Это способствует более тонкой сегментации клиентов, персонализации тарифов и, как следствие, улучшению структуры портфеля за счет снижения негативной антиселекции.

Технологии распределенного реестра (блокчейн) и смарт-контракты кардинально меняют подходы к администрированию и урегулированию убытков, что напрямую влияет на операционные риски и расходы. Автоматизация исполнения контрактных обязательств при наступлении заранее прописанных и верифицируемых событий минимизирует транзакционные издержки и риск ошибок или мошенничества. Блокчейн-платформы могут обеспечить беспрецедентный уровень прозрачности и автоматизации в цепочке создания страховой стоимости, сокращая цикл обработки претензий с дней до минут и высвобождая капитал для перераспределения [2, с. 62].

Наконец, расширение аналитических возможностей за счет искусственного интеллекта позволяет проводить симуляцию стресс-сценариев и моделирование портфеля в ранее недоступных масштабах и детализации. Как показывают исследования, внедрение интегрированных платформ на основе искусственного интеллекта позволяет страховщикам не только собирать, но и глубоко анализировать как привычные структурные массивы данных, так и информацию из разрозненных неструктурированных внешних источников [5, с. 142]. Такой комплексный подход, по мнению авторов, открывает принципиально новые возможности для всесторонней оценки аккумулированных рисков и выявления скрытых, ранее незаметных корреляций.

Однако, для того, чтобы динамика развития страхового рынка в условиях тотальной цифровизации была не только стремительной, но и устойчивой, необходим баланс мер. С одной стороны, следует активно стимулировать предпринимательский сектор добровольно принимать на страхование новые виды рисков. Этому могут способствовать такие механизмы, как развитие института взаимного страхования, а также практика частичного субсидирования государством страховой защиты в тех сферах, где вероятность экстраординарных событий особенно высока. С другой стороны, не менее важной задачей является предотвращение избыточного расширения зон обязательного страхования, которое может приводить к неоправданному росту издержек бизнеса. Таким образом, цифровая трансформация, порождая новые классы рисков, одновременно предоставляет страховым компаниям более мощные, точные и гибкие инструменты для формирования сбалансированного, финансово устойчивого и адаптивного портфеля.

Пристатейный библиографический список

1. Брызгалов Д. В., Цыганов А. А. Теория и практика цифровизации страхового рынка в Российской Федерации: монография / под ред. Д. В. Брызгалова, А. А. Цыганова. – Москва: Прометей, 2021. – 376 с.
2. Гарипов Р. И., Максимова Н. Н. Исследование внедрения блокчейн в сферу страхования // Вестник СМУС74. – 2020. – № 3 (30). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-vnedreniya-blokcheyn-v-sferu-strahovaniya> (дата обращения: 08.02.2026).
3. Германчук А. Н., Коршунова Е. А. Цифровая лояльность потребителей при взаимодействии с брендом: методика оценки и перспективы роста // Практический маркетинг. – 2024. – № 10 (328). – С. 13-18. – DOI: 10.24412/2071-3762-2024-10328-13-18.
4. Зуенкова Ю. А., Шаурова К. А., Кумзеров С. П. Маркетплейсы и их роль в развитии рынка страхования // Практический маркетинг. – 2024. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/marketpleysy-i-ih-rol-v-razvitii-rynka-strahovaniya> (дата обращения: 08.02.2026).
5. Маглинова Т. Г., Шупило О. М. Внедрение искусственного интеллекта в страховую отрасль // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vnedrenie-iskusstvennogo-intellekta-v-strahovuyu-otrasl> (дата обращения: 23.04.2026).
6. Матвеев М. А. Роль цифровизации корпоративных бизнес-процессов страхования в развитии рынка страховых услуг // Бизнес и общество: электронный журнал. – 2025. – № 4 (48). – ISSN 2409-6040. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://businessociety.ru/2025/4-48/65_matveev.pdf (дата публикации: 12.12.2025).
7. Пястолов С. М. Анализ финансово-хозяйственной деятельности предприятия: учебник / 13-е изд., стереотип. – Москва: Академия, 2015. – 384 с.
8. Свит Ю. П. Страхование защиты бизнеса в условиях цифровизации: баланс частных и публичных интересов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2024. – № 8 (120). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/strahovaya-zaschita-biznesa-v-usloviyah-tsifrovizatsii-balans-chastnyh-i-publichnyh-interesov> (дата обращения: 23.04.2026).
9. Сычев А. А. Ценность доверия в эпоху искусственного интеллекта и новой этики: проблемы и вызовы // Социальные нормы и практики. – 2023. – № 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennost-doveriya-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-i-novoy-etiki-problemy-i-vyzovy> (дата обращения: 08.02.2026).

ПАВЛОВ Николай Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, Кубанский государственный аграрный институт им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар

ШАМРАТОВА Мария Ильинична

студент, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный институт им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

ШТАРОЛИС Анастасия Константиновна

студент, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный институт им. И. Т. Трубилина, г. Краснодар, независимый исследователь

РОЛЬ ОРГАНОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РАЗВИТИИ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ

В статье исследуется роль органов территориального общественного самоуправления в развитии городской среды как ключевого института муниципального права, а также выявляются актуальные проблемы правового регулирования. Показано, что в условиях современного правотворчества и недостаточности ресурсного обеспечения законодателю требуется разработать и закрепить в Федеральном законе № 33-ФЗ четкий механизм финансового обеспечения деятельности органов территориального общественного самоуправления. Кроме того, авторами обосновывается необходимость создания единого федерального реестра органов территориального общественного самоуправления и установления унифицированных критериев их правосубъектности.

Ключевые слова: территориальное общественное самоуправление, местное самоуправление, благоустройство, городская среда, публичная власть.

PAVLOV Nikolay Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative and financial law sub-faculty, Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar

SHAMRATOVA Maria Ilyinichna

student Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

SHTAROLIS Anastasia Konstantinovna

student Faculty of Law, I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

THE ROLE OF TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT BODIES IN THE DEVELOPMENT OF THE URBAN ENVIRONMENT

The article examines the role of territorial public self-government bodies in the development of the urban environment as a key institution of municipal law. It is shown that the legislator needs to develop and consolidate in Federal Law № 33-FZ a clear mechanism for financial support of the activities of territorial public self-government bodies. The authors also substantiate the need to create a unified federal register of territorial public self-settlement bodies and establish common criteria for their legal personality.

Keywords: territorial public self-government, local self-government, landscaping, urban environment, public authority.

Формирование комфортной городской среды представляет собой одну из приоритетных задач государственной политики Российской Федерации, закрепленную в рамках национального проекта «Инфраструктура для жизни» [18]. Вместе с тем эффективное решение данной задачи невозможно без активного вовлечения граждан в процессы управления территориями их непосредственного проживания. Именно эта децентрализованная модель, отмеченная В.И. Фадеевым, позволяет реализовать такую вовлеченность на практике, устанавливая сущность местного самоуправления. Местное самоуправление относится к числу тех основополагающих идей, которые определяют демократическое развитие современного государства и общества. Идея местного самоуправления – это прежде всего идея демократизации власти в государстве, ее децентрализации в разумных, не угрожающих единству государства и общества, пределах [13, с. 48].

В этой связи особую актуальность приобретает исследование территориального общественного самоуправления как формы самоорганизации граждан, позволяющей им непосредственно участвовать в благоустройстве и развитии

территорий проживания. Гордеева И.В. подчеркивает, что согласно информации Общероссийской ассамблеи территориального общественного самоуправления территориальное общественное самоуправление существует в 85 субъектах из 89, создано 38266 органов территориального общественного самоуправления [6, с. 97], что свидетельствует о широком распространении института территориального общественного самоуправления и его потенциале как инструмента децентрализованного управления городской средой, приобретающего особую ценность в условиях реализации национальных проектов по благоустройству.

Необходимо принять во внимание, что конституционная реформа 2020 года существенно изменила понимание соотношения государственной власти и местного самоуправления. Часть 3 статьи 132 Конституции Российской Федерации закрепила положение о том, что «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории [1].

Указанная конституционная установка получила последнее закрепление на уровне федерального регулирования. Часть 1 статьи 50 Федерального закона от 20.03.2025 № 33-Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее – Закон № 33-ФЗ) определяет территориальное общественное самоуправление как форму самоорганизации граждан по месту проживания в пределах части территории муниципального образования, в рамках которой они самостоятельно и под собственную ответственность реализуют инициативы, направленные на непосредственное обеспечение условий жизнедеятельности населения [3].

Территориальное общественное самоуправление обладает рядом признаков, обособляющих его среди иных институтов, действующих в сфере местного самоуправления. Его органы не включаются в структуру муниципальной власти, а исходным импульсом их функционирования выступает волеизъявление жителей [7, с. 9].

Тем самым территориальное общественное самоуправление существует вне системы муниципальных властных органов, не наделено механизмами властного понуждения к исполнению принятых решений и базируется на инициативной активности населения. Указанные свойства раскрывают его гражданско-правовую сущность и отчетливо отграничивают от классических форм публичной власти.

Территориальное общественное самоуправление как таковое можно назвать своеобразным индикатором того, насколько реальной представляется организационная самостоятельность местного самоуправления, потому что оно максимально приближено к населению [10, с. 212].

Данная формулировка раскрывает двойственную методологическую ценность территориального общественного самоуправления: во-первых, как диагностический инструмент, позволяющий оценить степень децентрализации публичной власти на муниципальном уровне; во-вторых, как механизм оперативной обратной связи между населением и органами МСУ, поскольку именно на микроуровне (подъезд, двор, микрорайон) наиболее остро проваливаются проблемы городской среды.

Развивая эту идею, И. В. Мерсиянова предлагает более широкое определение территориального общественного самоуправления как комплекса формальных и неформальных принципов, норм, правил, обуславливающих и регулирующих деятельность граждан по самостоятельному и под свою ответственность осуществлению собственных инициатив по вопросам местного значения [9, с. 149]. Оно акцентирует внимание на институциональном характере территориального общественного самоуправления, что позволяет рассматривать его не только как правовую форму, но и как устойчивую практику социального взаимодействия.

Е. В. Раздьяконова подчеркивает, что территориальное общественное самоуправление занимает особое положение в системе местного самоуправления, сочетая в себе черты публично-правового института и формы общественной самостоятельности [11, с. 16].

Аналогичную позицию занимает и Е. А. Братцева, указывающая на двойственную природу территориального общественного самоуправления как элемента институционализации местных сообществ [4, с. 5].

Федеральное законодательство наделяет органы территориального общественного самоуправления достаточно широкими полномочиями в сфере благоустройства. Согласно пункту 2 части 12 статьи 50 Закона №33-ФЗ, органы территориального общественного самоуправления могут осуществлять хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение социально-бытовых потребностей граждан, проживающих на соответствующей территории, как за счет средств указанных граждан, так и на основании договора между органами территориального общественного само-

управления и органами местного самоуправления с использованием средств местного бюджета.

Как отмечается в докладе к 30-летию первых российских органов территориального общественного самоуправления, подготовленном под редакцией Е. С. Шутриной и К. А. Ивановой, анализ опыта работы органов территориального общественного самоуправления показывает, что наиболее традиционным направлением является благоустройство территорий [14, с. 9].

Данная закономерность отчетливо прослеживается в ходе осуществления проектов территориального общественного самоуправления в различных регионах страны: свыше половины таких инициатив связаны с благоустройством населенных пунктов. Подобное распределение свидетельствует о результативности данного института прежде всего на малых пространственных уровнях – в границах дворов, кварталов, микрорайонов. Территориальное общественное самоуправление может быть сформировано в рамках любого вида муниципального образования. Наибольшую склонность к самоорганизации проявляют сельские и городские поселения, их жители, как правило, включены в деятельность местных сообществ заметно активнее, чем население муниципальных районов и городских округов [8, с. 11]. Теоретическое объяснение такой практики связано со спецификой социальной организации небольших территорий. Если в крупных муниципальных районах управленческие решения тяготеют к централизации, а горизонтальные контакты между жителями ослаблены, то в поселениях коммуникативная насыщенность существенно выше. При такой конфигурации возникают условия не только для выдвижения локальных инициатив – обустройства дворовых пространств, сооружения детских площадок, но и для последующего общественного надзора за их реализацией со стороны самих жителей. Подобный механизм поддерживает длительное сохранение созданных объектов. В крупных округах аналогичный формат горизонтального наблюдения затруднен вследствие пространственной рассредоточенности населения и дефицита устойчивых межличностных связей между жителями разных микрорайонов.

Так, в качестве наглядного примера можно привести органы территориального местного самоуправления города Урюпинска Волгоградской области, где из 43 вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения городского округа территориальное общественное самоуправление принимает непосредственное участие в решении 18 вопросов [12, с. 6]. Подобная вовлеченность свидетельствует о значительном потенциале территориального общественного самоуправления в решении задач городского развития.

Е. В. Булах, исследуя опыт различных регионов, выделяет следующие основные направления деятельности органов территориального общественного самоуправления в данной сфере [5, с. 192]:

- организация благоустройства дворовых территорий, включая создание детских и спортивных площадок;
- озеленение территорий и создание мест отдыха;
- установка систем уличного освещения и видеонаблюдения;
- участие в формировании технических заданий на выполнение работ по благоустройству;
- общественный контроль за качеством проводимых работ.

Национальный проект «Инфраструктура для жизни» предусматривает создание механизма прямого участия граждан в определении приоритетов благоустройства общественных пространств. В этом контексте органы территориального общественного самоуправления выступают ключевым институциональным посредником между населением и органами местного самоуправления, обеспечивая сбор инициатив жителей и их интеграцию в муниципальные программы.

Однако, несмотря на принятие Закона № 33-ФЗ, который действительно внес значительные уточнения в правовой статус территориального общественного самоуправления (в частности, в статье 50, где детализировано его определение как формы самоорганизации граждан для решения вопросов жизнедеятельности), а также на значительный потенциал в развитии городской среды, ряд пробелов сохраняется.

В частности, отсутствие единого федерального реестра территориального общественного самоуправления существенно затрудняет системный мониторинг их деятельности и координацию с национальными проектами, что приводит к фрагментированности данных и неэффективному использованию ресурсов.

К вышесказанному добавляется неурегулированность на федеральном уровне вопросов ответственности органов местного самоуправления за содействие инициативам территориального общественного самоуправления, что порождает избирательный подход в различных муниципалитетах и снижает единообразие практики.

Также одной из ключевых проблем правового регулирования деятельности территориального общественного самоуправления остается неопределенность статуса объединений, не зарегистрированных в качестве юридического лица.

Эта ситуация ярко иллюстрируется Кассационным определением Верховного Суда Российской Федерации от 13.08.2025 № 20-КАД25-6-К5 по делу территориального общественного самоуправления «Гамсутль», где нижестоящие инстанции необоснованно отказывали таким органам в процессуальной правоспособности [16]. Верховный суд пришел к принципиальному выводу, что отсутствие у общественного объединения, созданного в форме органа общественной самодеятельности (в данном случае территориального общественного самоуправления), статуса юридического лица не может явиться препятствием для реализации права на судебную защиту.

Существенным препятствием для эффективной деятельности территориального общественного самоуправления является и недостаточность финансовых ресурсов. По мнению В. П. Бутусова, одна из основных проблем при реализации принципов местного самоуправления и гражданских институтов является отсутствие финансовых ресурсов [15]. Автор подчеркивает, что местные бюджеты крайне неохотно предусматривают средства на поддержку территориального общественного самоуправления, что делает невозможной реализацию значимых проектов по развитию территории, поскольку гражданские инициативы остаются без материального подкрепления.

Наконец, сохраняется проблема низкой вовлеченности граждан в деятельность территориального общественного самоуправления. По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения из обзора «Комфортная среда: оценки жителей российских городов», подавляющее большинство россиян (85 %) декларируют готовность к участию в благоустройстве, однако лишь 23 % считают жителей ответственными за качество городской среды, а предпочитают перекладывать ответственности на региональные и муниципальные власти (70 %); в мегаполисах интерес к голосованиям за проекты благоустройства достигает 50-55 %, но реальное участие в территориальном общественном самоуправлении остается минимальным из-за инертности и отсутствия осведомленности [17]. Эта тенденция усугубляется доминированием пассивного потребительского сознания, где жители не воспринимают себя субъектами решения локальных вопросов.

В совокупности эти факторы требуют дальнейшего законодательного совершенствования для реализации потенциала территориального общественного самоуправления как эффективного инструмента гражданского участия в формировании комфортной городской среды. Тем не менее,

именно выявленные пробелы определяют вектор позитивных трансформаций, где новое федеральное регулирование и инновационные механизмы взаимодействия закладывают основу для преодоления существующих ограничений, усиливая роль территориального общественного самоуправления в муниципальном управлении.

С учетом обозначенных проблем представляется необходимым дальнейшее совершенствование правового регулирования института территориального общественного самоуправления. Во-первых, целесообразно на уровне федерального законодательства закрепить развернутую регламентацию статуса территориального общественного самоуправления, выделив в Законе № 33-ФЗ самостоятельную главу, посвященную данному институту. Такая глава должна содержать не только легальное определение территориального общественного самоуправления, но и единые для всей страны подходы к правосубъектности, минимальный объем прав и обязанностей органов территориального общественного самоуправления, основания и порядок приобретения и утраты статуса, включая особенности участия объединений, не зарегистрированных в форме юридического лица. Это позволит преодолеть существенную фрагментарность регулирования и снять неопределенность в отношении тех органов территориального общественного самоуправления, которые действуют без статуса юридического лица, но фактически выполняют публично значимые функции.

Во-вторых, требуется более четко определить порядок распределения компетенции между органами местного самоуправления и институтами территориального общественного самоуправления. Обоснованным видится установление на федеральном уровне ориентировочного круга вопросов, связанных с непосредственным обеспечением повседневных потребностей жителей, по которым органы территориального общественного самоуправления могут выносить решения и подключаться к исполнению муниципальных программ. Наряду с этим целесообразна подготовка типовых моделей соглашений, регламентирующих взаимодействие органов территориального общественного самоуправления с администрациями муниципалитетов. Создание единого реестра органов территориального общественного самоуправления с ведением на региональном уровне по стандартизированным критериям придадо бы определенность их правовому положению и упростило бы интеграцию локальных инициатив в национальные и региональные проекты. Такой подход снял бы одно из основных затруднений, препятствующих регулярному мониторингу деятельности органам рассматриваемого института и согласованию их действий с системой публичной власти.

В-третьих, ключевое значение имеет нормативное урегулирование финансовой основы деятельности территориального общественного самоуправления. Речь идет не только о закреплении права органов территориального общественного самоуправления на получение субсидий и грантов из местного бюджета, но и о формировании прозрачной процедуры конкурсного отбора проектов, установлении критериев оценки их эффективности и обязательного отражения поддержанных инициатив в муниципальных программах благоустройства. Подобный подход позволяет одновременно решить проблему недостаточности финансовых ресурсов и повысить адресность расходования бюджетных средств, направляемых на развитие городской среды.

Наконец, требует развития правовое регулирование ответственности органов территориального общественного самоуправления и гарантий защиты прав граждан. Видится целесообразным законодательно закрепить общие основания гражданско-правовой, административной и дисциплинарной ответственности должностных лиц территориального общественного самоуправления за неисполнение решений собраний жителей и нарушение прав

участников. Одновременно необходим комплекс мер по повышению гражданской активности: информационные кампании, развитие цифровых сервисов для голосования и обратной связи. Это позволит преодолеть выявленный в исследованиях разрыв между декларируемой готовностью граждан участвовать в благоустройстве и их реальным участием в деятельности территориального общественного самоуправления и тем самым устранить проблему низкой вовлеченности населения.

Несмотря на остающиеся проблемы, Закон № 33-ФЗ существенно обновляет правовую основу деятельности территориального общественного самоуправления, устраняя ранее выявленные доктриной пробелы в их статусе. Так, И. В. Гордеева еще до его непосредственного принятия констатировала неопределенность правового позиционирования территориального общественного самоуправления, подчеркивая необходимость совершенствования законодательства, коррелирующего с юридической природой территориального общественного самоуправления, и предлагала конкретные пути развития института как формы общественного участия [6, с. 97]. Положения статьи 50 нового закона о местном самоуправлении фактически воплощают названные подходы. В ней уточняется понятие территориального общественного самоуправления как формы гражданской самоорганизации, ориентированной на самостоятельное разрешение задач, связанных с непосредственным обеспечением жизнедеятельности жителей, то есть вопросов местного значения. Подобная регламентация усиливает легитимационный потенциал данного института и устраняет коллизии [2].

Законодательное нововведение не только подтверждает научные подходы, но и переводит их в плоскость практического применения, усиливая интеграцию территориального общественного самоуправления в систему публичной власти и создавая предпосылки для эффективного финансового и организационного взаимодействия на дальнейшем этапе развития институтов права.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в рамках общенародного голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06 октября 2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
3. Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Федеральный закон от 20 марта 2025 № 33-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2025. – № 12. – Ст. 1200.
4. Братцева Е. А. Территориальное общественное самоуправление как элемент институционализации местных сообществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Москва, 2021. – С. 5.
5. Булах Е. В. Территориальное общественное самоуправление: опыт регионов // Социально-политические науки. 2024. – № 2. – С. 192-195.
6. Гордеева И. В. Ассоциации территориального общественного самоуправления: правовые основы деятельности и потенциал общественной консолидации для развития территорий // Вестник СурГУ. 2024. – № 2. – С. 91-106.
7. Курдюк П. М., Павлов Н. В. К вопросу о правовом положении территориального общественного самоуправления в Российской Федерации // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2025. – № 4. – С. 8-13.
8. Курдюк П. М., Павлов Н. В. Актуальные проблемы развития сельских поселений как основного вида муниципального образования // Юриспруденция: теория и практика. – 2024. – № 3. – С. 10-16.
9. Мерсиянова И. В. Территориальное общественное самоуправление как форма общественного участия // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2010. – № 3. – С. 149-168.
10. Павлов Н. В., Фотиадис Р. М. Перспективы и проблемы развития территориального общественного самоуправления в России // Научный журнал «Эпомен». 2019. – № 24. – С. 210-218.
11. Раздьяконова Е. В. Территориальное общественное самоуправление: проблемы муниципально-правового регулирования в городских округах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – Екатеринбург, 2007. – С. 16.
12. Сборник лучших муниципальных практик по итогам 2017 года. Местная демократия, эффективное управление, комфортная среда и экономический рост. – Москва, 2017. – 40 с.
13. Фадеев В. И. Муниципальное право: учебник для бакалавров. – Москва: Проспект, 2015. – 336 с.
14. Шутрина Е. С., Иванова К. А. О состоянии территориального общественного самоуправления в Российской Федерации (к 30-летию первых российских ТОС): спецдоклад. – Москва: Проспект, 2018. – 161 с.
15. Бутусов В. П. Проблемы развития ТОС // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vladimirbutusov.ru/index.php?id=40> (дата обращения: 19.12.2025).
16. Верховный Суд Российской Федерации. Кассационное определение от 13.08.2025 № 20-КАД25-6-К5 по делу ТОС «Гамсутль» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2483302 (дата обращения: 19.12.2025).
17. Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Комфортная среда: оценки жителей российских городов // Официальный сайт ВЦИОМ. 2023. 24 июля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/komfortnaja-sreda-ocenki-zhitelei-rossiiskikh-gorodov> (дата обращения: 19.12.2025).
18. Национальный проект «Инфраструктура для жизни»: паспорт // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://government.ru/rugovclassifier/918/events/> (дата обращения: 19.12.2025).

АЛЕКСЕЕВА Евгения Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процессуального права, Северо-Западный филиал, Российский государственный университет правосудия им В. М. Лебедева, г. Санкт-Петербург

НИКИТЕНКО Алла Васильевна

старший преподаватель кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский им. В. Б. Бобкова филиал, Российская таможенная академия

ЗАЩИТА ПРАВ УЧАСТНИКОВ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ПРАВА

Статья посвящена исследованию вопросов влияния особого научного метода, получившего в середине прошлого века в зарубежной литературе название «экономический анализ права», на восприятие специфики развития корпоративных отношений в российском правовом порядке. В статье анализируется становление институтов корпоративного права как ответ на потребности и вызовы экономического развития современной России. Авторы обращают внимание на последствия реализации защитного механизма, заложенного в современное корпоративное законодательство и обеспечивающего устойчивость правового положения субъектов корпоративных отношений, подчеркивая необходимость дальнейшего осмысления результатов правового регулирования в указанной сфере через призму экономических подходов.

Ключевые слова: корпорация, экономический анализ права, защита права, корпоративные отношения, корпоративное управление, хозяйственные общества, предпринимательство, экономика.

ALEXEEVA Evgeniya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil process law sub-faculty, North-Western Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, St. Petersburg

NIKITENKO Alla Vasilievna

senior lecturer of Civil law sub-faculty. V. B. Bobkov St. Petersburg Branch, Russian Customs Academy

PROTECTING THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN CORPORATE RELATIONS IN THE CONTEXT OF ECONOMIC ANALYSIS OF LAW

The article is devoted to the study of the influence of a special scientific method, which in the middle of the last century received the name «economic analysis of law» in foreign literature, on the perception of the specifics of the development of corporate relations in the Russian legal order. This article analyzes the development of corporate law institutions as a response to the needs and challenges of economic development in modern Russia. The authors highlight the consequences of implementing the protective mechanism inherent in modern corporate legislation, which ensures the stability of the legal status of parties to corporate relations, emphasizing the need to further understand the results of legal regulation in this area through the prism of economic approaches.

Keywords: corporation, economic analysis of law, protection of law, corporate relations, corporate management, business entities, entrepreneurship, economics.

Алексеева Е. В.

Никитенко А. В.

Предваряя рассуждения об особенностях защиты прав участников корпоративных отношений, важно подчеркнуть неоспоримое и колоссальное влияние экономики на право. Как известно, право функционирует по модели «вызов-ответ». Посредством введения или изменения позитивно-правовых норм государство и общество, как правило, пытаются дать регулятивный ответ на вновь возникшие экономические, нравственные, культурные вызовы, исходящие из социальной культуры в целом. Поэтому стоит согласиться с мыслью о том, что многие ответы на вопросы стоит искать за рамками позитивного права как такового. Важно, чтобы юристы черпали представления о должном развитии правовых механизмов из экономики, социологии и других областях человеческих знаний [2, с. 16].

В связи с этим особый интерес приобретает довольно новый метод научного анализа права, который в последнее время активно применяется в научных исследованиях и благодаря которому удается «подсветить» возникающие тенденции и закономерности, которые возникают в возникновении, развитии, совершенствовании или отмирании, изменении и прекращении отдельных правовых институтов или норм. Речь идет об экономическом анализе права [2, с. 16].

Стоит обратить внимание, что экономический анализ права исходит из того постулата, что существуют устойчивые модели человеческого поведения, которые в итоге позволяют ученым обосновывать и прогнозировать отдельные феномены реальной экономической жизни. При этом экономический анализ права преследует две цели, определяющие два основных направления такого анализа. В рамках первой цели происходит фиксация закономерностей, складывающихся при взаимодействии права и экономики. При достижении такой цели можно дать прогноз как те или иные правовые установления повлияют на право [2, с. 31-33]. Возьмем следующий яркий пример, будут приняты нормы, которые увеличивают размер налоговой ставки. Может ли мы сказать, что это незамедлительно окажет влияние на бизнес? Безусловно. Какие-то виды предпринимательской деятельности начнут утрачивать популярность, будет использоваться новые форматы, в рамках которых будет организовываться бизнес.

Также для эффективного развития права необходимо понимание реальных причин возникновения тех или иных правовых институтов или норм. Думается, что крайне сложно уловить концептуальный смысл появления и развития

корпоративного права, не разобравшись в том, что явилось триггером для ведения бизнеса в коллективном формате, который основан на членстве.

Однако не менее важным является вторая цель, которая опосредует выработку предложений по совершенствованию права с точки зрения исключительно экономических целей. Именно благодаря экономическому анализу вырабатываются предложения *de lege ferenda*.

Как все сказанное может быть оценено через потребности корпоративных отношений?

Стоит уточнить, что корпоративные правоотношения имеют довольно давнюю природу, хотя официальную правовую регламентацию получили относительно недавно. Как мы помним, легальное определение корпорации в российском гражданском законодательстве появилось только в 2014 году в результате очередного витка реформы гражданского законодательства.

Как демонстрирует человеческий опыт в контексте ретроспективного взгляда на возникновение корпораций, субъекты, индивидуально занимающиеся предпринимательством, в итоге начинают тяготеть к кооперации, залогом успешности которого становится отказ от недобросовестного поведения. В свете экономического анализа права недобросовестного поведения в корпоративных отношениях предполагается в силу того, что никто из участников некоего коллективного образования не знает какую модель поведения, выберет другой или другие участники. Поэтому каждый действует исходя из исключительно эгоистических и собственнических интересов. Это вполне понятно, т.к. выгода от собственного пусть недобросовестного поведения будет несомненно выше, чем от того, в котором будут учитывать интересы и потребности другого лица (модель может быть представлена следующая: воровство товара дает куда больший экономический эффект чем честная оплата по сделке или развитие монополии куда прибыльнее, чем деятельность в условиях конкурентной среды).

Оценить полезный экономический эффект от кооперации возможно только тогда, когда каждый будет не только осознавать ценность кооперации и правомерного добросовестного поведения, но и понимать, что поступить плохо, недобросовестно, незаконно, - экономически невыгодно.

В свете корпоративных отношений отсутствие регулирования сформирует среду «война против всех». Однако бизнес предполагает не только рвачество и сиюминутный экономический успех, а прежде всего доверие и лояльное отношение к потребительской и конкурентной среде. Очевидно, что плохая репутация и недоверие быстро станут непреодолимым препятствием в развитии и сотрудничестве. Последние просто станут недостижимыми.

Важно понимать, что в корпоративном пространстве эффект воздействия социальных норм более мощен, чем в других сферах, например, налогообложении. Так, вряд ли налоговая сфера сможет достойно существовать, если позитивное налоговое право будет заменено на такие социальные регуляторы, как этические нормы. Однако усложнение общественной жизни порой диктует необходимость формирования правил, составляющих именно позитивное право. И вот в этом моменте государству важно обеспечить доверие и уважением к позитивному праву. Следовательно, корпоративные конструкции должны формироваться с учетом этого фактора, т.е. быть удобными, обоснованными, не предполагающими чрезмерного вторжения в частные дела.

Благодаря теории рационального выбора, в силу которой участники социальной группы ведут себя рационально-

го, минимизируя затраты и максимизируя прибыль, эффект корпоративного развития возможен тогда, когда благодаря эффекту кооперации и инвестирования, достигаются в итоге большие объемы прибыли. Жертвуя меньшим, но делая это сейчас – получаем большее, но в перспективе. Очевидно, что активное развитие корпоративного права во многом объясняется привлекательностью перераспределения персональной ответственности и рисков и возложения, последних на некое коллективное образование с одновременным увеличением предпринимательского влияния и охвата потенциально нуждающейся в продукте корпорации аудитории.

Так каким же образом можно выстроить эффективную защиту участников корпоративных правоотношений с позиции экономического анализа права?

Прежде всего, стоит взглянуть на механизм корпоративного управления. Очевидно, что организация процесса взаимодействия всех участников корпорации на началах управления из единого командного центра позволяет минимизировать транзакционные издержки и агентские конфликты. Таким образом, снижаются затраты времени, происходит эффективное распределение ресурсов, а именно: не требуются внушительные ресурсы времени на поиск информации, включая малодоступную (например, о состоянии аффилированности участников корпорации), еще большего количества времени на заключение тысячи обычных контрактов тех лиц, которые вовлечены в хозяйственных процесс, переговоры с контрагентами, заключение сделок, контроль за их исполнением, расходы на юристов и пр. К примеру, вместо пакета трудовых договоров, объединяющих людей по вертикали, возникают хозяйствующие субъекты, конкурирующие друг с другом, во главе которых стоит командный центр, состоящий из менеджеров, которые управляют всем нанятым персоналом, распределяют задачи и т.п.

При этом защитный механизм, исходя из логики того обстоятельства, что не все бизнес-схемы понятны и доступны всем членам корпорации, многие из которых выступают финансовыми участниками, заинтересованными лишь в получении прибыли, будет включать такие инструменты, как: появление безусловных прав, принадлежащих всем членам корпорации и не подлежащих ограничению (например, право на получение информации), право на выход из корпорации («голосование ногами»), право на подачу косвенных исков, возможность выкупа своей доли в бизнесе по заранее определенной цене, запрет на включение новых членов, чья кандидатура не получила одобрения со стороны общего собрания и пр.

Логика корпоративных взаимосвязей предполагает отказ от части свобод и делегации собственных правовых возможностей корпорации, т.е. некому большинству. Это наделяет корпорацию силой и статусом автономного цельного правосубъектного образования. Следовательно, в корпорации складываются отношения, в рамках и под влиянием которых субъекты добровольно или принудительно признают верховенство воли других лиц, а также целевых, нормативных и ценностных установлений и в соответствии с их требованиями совершают те или иные поступки и действия.

Складывается двоякая ситуация: с одной стороны, соблюдение принципа юридического равенства выражается в балансе интересов всех участников правоотношения, обеспечении их равноправия, независимости друг от друга, исключение подчинения одной стороны другой [3, с. 9].

С другой стороны, управление в корпоративном праве строится на основе договора, закона либо одностороннего

волеизъявления, содержанием которых является согласие на координацию совместной деятельности с преобладанием одного участника отношений над другим. При этом подчинение управляющему основано на акте доброй воли управляемого. Например, исходя из принципа свободы воли участников гражданских правоотношений и положений Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹ (далее – Закон об ООО) участник общества наделен правом свободного голосования по всем вопросам, отнесенным к компетенции собрания. Решение вопросов, связанных с изменением учредительных документов общества, является прерогативой общего собрания участников, выразивших свое волеизъявление [3, с. 10].

При этом можно наблюдать особый результат такой сделки как решение собрания корпорации.

Описанный выше механизм является результатом осмысления эффективности корпоративного управления, поскольку достигать единогласного согласия всех участников долгосрочных контрактов в крупном бизнесе становится маловероятным. Как отмечает А. Г. Карапетов, «отсутствие прямого соглашения по таким вопросам «на входе» требовало бы постоянных дополнительных соглашений, и на этой стадии успех координации усилий партнеров ставился бы в зависимость от абсолютного согласия всех из них» [2, с. 225]. Очевидно, что это просто бы блокировало принятие важных решений, превратив бизнес в бесконечное согласование, которое по масштабам значительно бы превысило согласование проектов в бюрократических организациях, смоделированных по схеме учреждения (например, уместен пример модели деятельности какого-либо министерства).

При этом важно предоставить членам корпорации гарантии их правового статуса. Например, ни при каких ситуациях и обстоятельствах нельзя лишить члена корпорации права на получение информации о деятельности корпорации. Это обеспечивает прозрачность корпоративного взаимодействия, снижает информационную асимметрию, неминуемо возникающую в связи с тем, что не каждый участник корпорации максимально погружен в ее дела. Также невозможно заранее дать ответы на все вопросы, которые могут возникнуть у любого и каждого члена корпорации. Для этого и разработан также механизм, дающий возможность сформулировать вопросы в повестку, которая подлежит рассмотрению на общем собрании членов корпорации как главном волеформирующем органе. Такой подход обеспечивает прозрачность корпоративного управления и снижает информационную асимметрию, которая неминуемо имеет место быть в корпоративной среде, поскольку у управленческого аппарата есть доступ к инсайдерской информации, они гораздо оперативнее получают любую информацию о любых аспектах функционирования информации и пр., а также возможности обратиться с иском в суд о признании недействительным решения собрания как некоего сделочного акта.

Экономический анализ корпоративного права весьма полезен при разборе причин конфликтов между менеджерами корпораций и акционерами, а также между мажоритарными и миноритарными акционерами. Проблема здесь таится в том, что чем шире и мощнее становится корпорация, тем крупнее становится управленческий аппарат. Его разрас-

тание становится реакцией на то, что работники корпорации, связанные с ней трудовыми отношениями по большей части обезличиваются, превращаясь в некую абстрактную трудовую массу, именуемую «трудовой коллектив», стимулов к работе становится меньше, а потребность в результативности, конечно же, не снижается, поэтому собственники бизнеса вынуждены увеличивать средства на работы системы управления персоналом, увеличивать управленческий штат. Но и здесь наблюдается управленческий ураборос: развитие бизнеса увеличивает прибыль и количество рабочих мест, но расширение масштабов организации как затрудняет прохождение сигналов снизу вверх к управленческому аппарату, ухудшая качество корпоративных решений и их итоговое воплощение в реальное производство, так и усложняет выработку корпоративных решений. Последнее связано, в частности, с увеличением числа акционеров, привлечением инвестиций, в том числе от мелких акционеров. Это порождает такие негативные явления, как гринмейл, а также необходимость использовать следующие инструменты: консолидация акций, дробление бизнеса, отпочкование отдельных корпораций от крупных конгломератов и включением их в конкурентную борьбу, которая зачастую сопровождается дублированием бизнеса и пр.

Таким образом, благодаря экономическому анализу права можно увидеть многочисленные сложности, возникающие как в управленческом процессе, так и в процессе коммуникации между различными группами акционеров. Какие же защитные механизмы срабатывают в этом случае?

Во-первых, у владельцев крупных пакетов акций в акционерном обществе имеется право на принудительный выкуп акций миноритарных акционеров. Это упрощает управление, помогая мажоритариям аккумулировать у себя полный контроль. Но здесь явственно прослеживается факт принудительного отъема собственности у мелких акционеров без устойчивой гарантии устраивающей их выкупной цены. В целом, конечно, дискуссия несколько утихла после того, как Конституционный Суд Российской Федерации принял ряд определений², которыми была подтверждена конституционность норм Федерального закона «Об акционерных обществах» (далее – Закон ОБ АО), согласно которым был легализован механизм, предусматривающий возможность лицу, которое приобрело более 95 % голосующих акций публичного общества в результате публичной оферты (обязательного или добровольного предложения), выкупить оставшиеся акции и эмиссионные ценные бумаги, конвертируемые в акции, у их владельцев в одностороннем порядке. При этом такой механизм изначально защищает мажоритариев, поскольку наличие большого количества мелких акционеров порождает ряд рисков, начиная с оппортунистских действий

¹ Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2025 г.) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1998. - № 7. - Ст. 785.

² См. подробнее: Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2007 г. № 681-О-П «По жалобам граждан Ю. Ю. Колодкина и Ю. Н. Шадеева на нарушение их конституционных прав положениями статьи 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» во взаимосвязи с частью 5 статьи 7 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и некоторые другие законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2007. - № 46. - Ст. 5643; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2007 г. № 714-О-П «По жалобе гражданина Петрова Александра Федоровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 84.8 Федерального закона «Об акционерных обществах» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2026).

со стороны последних, так и тех, кто в любой момент может купить их пакеты, и заканчивая сложностями с проведением корпоративных процедур. Например, всех акционеров нужно каждый раз уведомлять о проведении общих собраний в срок и определенным образом, организовывать такие собрания с учетом возможной явки большого количества людей, голос которых фактически ни на что не влияет и не требуется для нормального функционирования компании и т.п.). Указанные мероприятия требуют значительных временных и финансовых ресурсов.

В свою очередь, если предложенная цена покажется миноритариям заниженной, то они имеют право обратиться в суд с иском о возмещении убытков в течение 6 месяцев. Такой инструмент позволяет миноритариям действовать против недобросовестных менеджеров.

Во-вторых, интересный защитный механизм таится в установлении права преимущественной покупки при продаже акций (долей) третьему лицу, а также права присоединения к продаже акций (долей) третьему лицу в документах по сделке [3].

Зачастую в сопроводительных документах к сделке закрепляются положения касательно тех акций (долей), которые не были приобретены ни самим обществом, ни другими акционерами-инвесторами при реализации их права преимущественной покупки. Тогда у акционеров, реализовавших право преимущественной покупки, возникает право дополнительно приобрести такие невыкупленные акции (доли) перед тем, как они будут предложены третьему лицу. Следовательно, преимущественное право получает второй шанс на реализацию.

Процедура реализации преимущественного права может привести к тому, что акционер-продавец будет вправе продать незначительное количество акций, что может быть невыгодно для него (например, вследствие потери премии за контроль), также сделка может в принципе быть сорвана, поскольку третье лицо-покупатель может потерять интерес к покупке мелкого пакета акций (долей). В корпоративном законодательстве предусмотрено, что акционеры/участники ООО пользуются преимущественным правом пропорционально количеству акций/размеру долей, принадлежащих каждому из них, если иное не предусмотрено уставом (п. 3 ст. 7 Закона об АО и п. 4 ст. 21 Закона об ООО). По свидетельству экспертов, в российских сделках, как правило, стороны предпочитают включать положения в отношении права акционеров (участников) реализовать преимущественное право только в отношении всех акций (долей), предлагаемых к продаже, а не их части [3].

Нередко устанавливаются полные запреты на отчуждение акций (долей) определенным лицам (например, конкурентам), а также запреты на продажу акций (долей) в течение определенного периода времени без предварительного письменного согласия других акционеров (участников). При этом Закон об АО устанавливает, что подобное положение действует в течение определенного срока, предусмотренного его уставом, но не более чем в течение 5 лет со дня государственной регистрации непубличного общества либо со дня государственной регистрации соответствующих изменений в устав (п. 5 ст. 7). Однако акционеры общества могут быть заинтересованы в установлении большего срока для ограничения распоряжения акциями, поэтому на практике в корпоративный договор включается обязательство, что после истечения пятилетнего срока

акционеры обязуются внести изменения в устав общества и, тем самым, «обнулить» такой срок и установить его заново.

В отношении ООО закон не предусматривает максимальный срок для положений о запрете отчуждения долей, но указывает, на, что уставом может быть предусмотрен запрет на отчуждение долей третьим лицам (абз. 2 п. 2 ст. 21 Закона об ООО). Следовательно, соответствующий запрет действует до тех пор, пока его не исключат из устава ООО. Правда и здесь стоит помнить об известной позиции Верховного Суда Российской Федерации, согласно которой полностью ограничить участников в возможности распорядиться своей долей, возможно, лишь на ограниченный разумный период³.

Думается, что данные примеры вполне наглядно демонстрируют то, каким образом экономический анализ права может упредить возникновение перекосов в правовых возможностях равных субъектов, подсветить реализацию принципа добросовестности в корпоративных правоотношениях и даже прогнозировать возможные судебные тяжбы.

Пристатейный библиографический список

1. Булгаков И., Силакова Е. Особенности структурирования права преимущественной покупки и права присоединения (right of first refusal and tag-along right) в документах по сделке. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://denuo.legal/ru/insights/posts/F27/>.
2. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – 528 с.
3. Алексеева Е. В. Корпоративное право. [Электронный ресурс]: учебное пособие. – СПб.: Санкт-Петербургский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2016. – 925 Кб.

3 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 г. № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2026).

БРОДСКИЙ Михаил Наумович

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоведения, Международный банковский институт им. Анатолия Собчака

ЩЕРБАКОВСКИЙ Григорий Зиновьевич

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правоведения, Международный банковский институт им. Анатолия Собчака

КРУГЛОВА Инна Александровна

доктор экономических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры экономики, управления и предпринимательства, Международный банковский институт им. Анатолия Собчака

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ

В настоящей статье исследуются особенности правового регулирования предпринимательской и иной коммерческой деятельности цифровых платформ в условиях перехода к системному регулированию платформенной экономики в связи с принятием Федерального закона № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» от 31.07.2025 г. Целью исследования выступает выявление и систематизация ключевых различий между действующим на момент написания статьи режимом регулирования и правовой моделью, формируемой положениями ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики», а также определение направлений дальнейшего развития законодательства в сфере платформенной экономики. В результате проведенного анализа установлено, что ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» формирует качественно иную правовую архитектуру регулирования цифровых платформ, определяя их не как совокупность технических инструментов, а как организованную экосистему коммерческого оборота с распределением функций и ответственности между операторами, партнерами и пользователями, при одновременном усилении роли оператора платформы в обеспечении законности, прозрачности и устойчивости электронных сделок, защиты персональных данных пользователей и соблюдении прав потребителей. В качестве ключевого вывода сформулирован тезис о том, что дальнейшее развитие правового регулирования платформенной экономики должно быть связано с уточнением легальных дефиниций отдельных разновидностей цифровых платформ, а также с согласованием положений ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» с нормами Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 г. и Закона РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г., так как именно в этих сферах наиболее наглядно проявляется качественный переход цифровой платформы из технического посредника в активного организатора коммерческого оборота в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Ключевые слова: цифровые платформы, платформенная экономика, дистанционная торговля, цифровизация, идентификация и аутентификация, интернет-сервисы, маркетплейсы, электронные сделки, персональные данные.

BRODSKY Mikhail Naumovich

Ph.D. in Law, professor, professor of Legal studies sub-faculty, Anatoly Sobchak International Banking Institute

SHCHERBAKOVSKY Grigory Zinovievich

Ph.D. in Law, professor, professor of Legal studies sub-faculty, Anatoly Sobchak International Banking Institute

KRUGLOVA Inna Alexandrovna

Ph.D. in economical sciences, Ph.D. in Law, associate professor, professor of Economics, management and entrepreneurship sub-faculty, Anatoly Sobchak International Banking Institute

SPECIFIC FEATURES OF LEGAL REGULATION FOR DIGITAL PLATFORMS' COMMERCIAL OPERATIONS

This article examines the legal regulation of entrepreneurial and commercial activities of digital platforms in Russia, focusing on the transition to a systemic regulatory framework following the adoption of Russian Federal Law № 289 «On Certain Issues of Regulating the Platform Economy» 2025. The study aims to identify and systematize the key differences between the current regulatory regime and the new legal model established by Russian Federal Law № 289 «On Certain Issues of Regulating the Platform Economy» 2025, and to outline directions for the future development of platform economy legislation. The analysis concludes that Russian Federal Law № 289 «On Certain Issues of Regulating the Platform Economy» 2025 creates a fundamentally new legal architecture for digital platforms. It redefines them not merely as technical intermediaries but as organized commercial ecosystems with distributed functions and liabilities among operators, partners, and users. The law significantly enhances the platform operator's role in ensuring the legality, transparency, and stability of electronic transactions, protecting user personal data, and safeguarding consumer rights. The key finding is that the further evolution of platform economy regulation should involve clarifying legal definitions for specific types of digital platforms and aligning Russian Federal Law № 289 «On Certain Issues of Regulating the Platform Economy» 2025 with Russian Federal Law № 152 «On Personal Data» 2006 and Russian Federal Law № 2300-1 «On consumer protection» 1992. It is in these areas that the transformation of a digital platform from a passive technical intermediary into an active organizer of online commerce is most evident.

Keywords: digital platforms, platform economy, e-commerce, digitalization, identification and authentication, online services, marketplaces, electronic transactions, personal data.

Бродский М. Н.

Щербаковский Г. З.

Круглова И. А.

В свете принятия летом 2025 г. Федерального закона № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» от 31.07.2025 г. (далее – ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики»)¹, призванного уточнить специфику регулирования предпринимательской и иной коммерческой деятельности цифровых платформ, представляется целесообразным рассмотреть уже сложившиеся особенности правовой регламентации российского рынка маркетплейсов, сервисов и агрегаторов товаров и услуг в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – Интернет, или сеть Интернет). Как отмечают средства массовой информации и авторы отдельных профильных исследований, в последние годы наблюдается стремительный рост доли платформенных решений в структуре мировой экономики – так, по данным государственного информационного агентства ТАСС, только в России за минувший год рынок маркетплейсов вырос примерно на 40 %, достигнув объемов совокупного оборота в 6,359 трлн руб. [2].

Более того, в соответствии с подсчетами проекта «Национальная облачная платформа» ПАО «Ростелеком» и НИУ ВШЭ, доля маркетплейсов, сервисов и цифровых агрегаторов в ВВП (в %) составила 6,1 % в 2022 г., 7,4 % в 2023 г., 8,9 % в 2024 г. и уже 10,2 % в 2025 г., сохраняя темпы прироста с ожидаемой долей в 12 % ВВП к 2026 г. [1]. В частности, в рамках исследования «Вклад цифровых платформ в развитие российской экономики: моделирование эффектов регулирования», подготовленного коллективом авторов НИУ ВШЭ И. И. Кузьминовым, Е. В. Кручинской, А. С. Кошелем и Н. В. Акиндиновой, цифровые платформы как институт организации экономической деятельности прямо названы «ключевым драйвером экономики многих стран», включая Российскую Федерацию (далее – РФ) [5]. В то же время подавляющее большинство исследователей сходятся во мнении, что специфика онлайн-платформ, агрегаторов и маркетплейсов не до конца учитывается отечественным законодательством, вследствие чего российская модель регулирования предпринимательской и иной коммерческой деятельности цифровых платформ страдает от неопределенности в вопросах правового статуса цифровых платформ как самостоятельных участников оборота, разграничения их ответственности с продавцами, исполнителями и иными контрагентами, а также в определении объема их публично-правовых и частноправовых обязанностей (см. например, исследования К. А. Инсаповой, Л. И. Кулаковой, А. В. Полянина, П. А. Жолтиковой, О. И. Шаравовой, А. В. Габова, С. П. Саяпина и др.) [3], [4], [6]. В частности, по словам К. А. Инсаповой [4], дальнейшее развитие правового регулирования цифровых платформ должно быть ориентировано на повышение прозрачности цифровых транзакций, формирование устойчивых механизмов аутентификации участников электронных правоотношений, а также на формирование единых стандартов ответственности операторов цифровых платформ.

Особое значение в свете вышеуказанных доктринальных позиций приобретает анализ своеобразного «переходного периода» в истории правового регулирования предпринимательской и иной коммерческой деятельности цифровых платформ, обусловленного тем, что ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» уже принят, но еще не введен в действие. Так, в соответствии с положениями ст. 23 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики», на-

званный акт вступает в силу 01.12.2026 г., а, следовательно, до этого момента возможно проследить различия между актуальным (на момент написания настоящей статьи) режимом и грядущими изменениями в сфере регулирования коммерческой деятельности цифровых платформ.

Представляется, что анализ обозначенного периода позволит рассматривать текущее состояние регулирования коммерческой деятельности цифровых платформ как самостоятельный объект научного исследования и формулировать цель настоящей статьи как выявление и систематизацию особенностей правовой регламентации предпринимательской и иной коммерческой деятельности цифровых платформ в условиях смены нормативной модели, что логически предопределяет необходимость обращения к проблематике понятия цифровых платформ и платформенной экономики, а также к сопоставлению действующего правового режима с нововведениями, закрепляемыми соответствующими положениями ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики».

До принятия ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» в российском законодательстве отсутствовало исчерпывающее легальное определение понятия «цифровой платформы» (за исключением упоминания искомого понятия в тексте ст. 4 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г.)², равно как и не был выработан единый подход к регулированию правоотношений в рамках дистанционного электронного взаимодействия субъектов с использованием возможностей, предоставляемых цифровой платформой (то есть платформенной экономики в целом). Вместо этого, как справедливо отмечают А. В. Габов и С. П. Саяпин [1], с 2017 г. (с момента внедрения проекта «Цифровая экономика Российской Федерации») по настоящее время в российское легальное поле вводились дефиниции отдельных категорий и разновидностей цифровых платформ. Как подчеркивают А. В. Габов и С. П. Саяпин [1], в основе такого подхода лежал не объективный, а преимущественно «волютаристский» принцип, так как к категории «цифровых платформ» *de jure* относились те явления, которые законодатель в конкретный момент времени считал необходимым обозначить данным термином для целей регулирования определенной группы отношений. В результате в правовом поле одновременно сосуществовали инвестиционные, финансовые, электронные, платежные, а также цифровые платформы, при том, что между ними не была выстроена единая иерархическая или родовидовая система.

В частности, за исключением положений п. 34 ст. 3 ФЗ № 161 «О национальной платежной системе», прямо определяющих «электронную платформу» как разновидность «финансовой платформы»³, иные нормативные акты не устанавливали структурных связей между соответствующими категориями. Дополнительную методологическую сложность порождало параллельное использование характеристик «электронных» и «цифровых» информационных систем, которые применялись как равнозначные, несмотря на их различное технико-правовое и экономическое содержание. В одних случаях платформа понималась как информационная система в смысле ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о

1 Федеральный закон № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации» от 31.07.2025 г. (Последняя редакция, не вступил в силу) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2026).

2 Федеральный закон № 135-ФЗ «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2026).

3 Федеральный закон № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» от 27.06.2011 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2026).

защите информации» от 27.07.2006 г. (далее – ФЗ № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), в то время как в других – как «программа» или «совокупность программ» для ЭВМ, что приводило к расхождению не только терминологии, но и правового содержания объекта регулирования, акцентируя внимание либо на программно-аппаратной природе платформы, либо на ее роли как площадки для дистанционного взаимодействия и оформления электронных сделок.

Прежде чем перейти к актуальным понятиям категорий «цифровой платформы» и «платформенной экономики», предлагается также проследить процесс становления современного подхода законодателя к регулированию предпринимательской и иной коммерческой деятельности, прослеживаемого через развитие категории «цифровой платформы» и проектную законодательную деятельность последних лет. Так, п. 4.1 ст. 4 ФЗ № 135 «О защите конкуренции» связывает цифровую платформу исключительно с программным обеспечением, обеспечивающим совершение сделок между продавцами и покупателями определенных товаров, т. е. фактически редуцирует ее к инструменту электронной коммерции в самом узком смысле. В свою очередь, в первоначальной редакции Проекта Федерального закона № 959244-8 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» цифровая платформа трактовалась значительно шире, как «совокупность информационных систем, сайтов и программ для ЭВМ, обеспечивающих неограниченному кругу лиц технические и организационные возможности для взаимодействия в самых различных целях, в том числе не сводимых к заключению сделок». В результате уже актуальная редакция ст. 2 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» сохранила эту расширительную конструкцию, лишь уточнив целевую направленность взаимодействия через указание на обмен информацией, продажу товаров, выполнение работ и оказание услуг.

В частности, в соответствии с пп. 1 – 2 ст. 2 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» цифровая платформа представляет собой «информационную систему, и (или) сайт в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», и (или) программы для электронных вычислительных машин, обеспечивающую технические, организационные, информационные и иные возможности для взаимодействия неограниченного круга лиц, в том числе в целях обмена информацией и ее распространения, продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг», в то время как платформенная экономика в целом понимается как «совокупность организационных и имущественных отношений, складывающихся в результате взаимодействия неограниченного круга лиц посредством цифровых платформ для осуществления предпринимательской деятельности или в иных целях, в том числе не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности».

Таким образом, сама правовая архитектура ст. 2 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» принципиально отличается от всех ранее существовавших нормативных попыток описания цифровых платформ и платформенной экономики тем, что впервые формируется не изолированная дефиниция отдельного технического или функционального объекта, а целостная нормативная модель платформенной экосистемы как совокупности взаимосвязанных субъектов, объектов и процессов. Тем самым цифровая платформа определяется не как технический инструмент, а как пространство организации предпринимательской и иной коммерческой деятельности цифровых платформ, в котором распределяются функции между несколькими группами участников соответствующих правоотношений (что в большей степени согласуется с комплексным подходом к определению природы платформен-

ной экономики). Впервые на уровне федерального закона последовательно описываются не только субъекты цифровых правоотношений (владельцы, операторы, партнеры и пользователи), но статус элементов инфраструктуры и логистики (склады, пунктов выдачи), что позволяет говорить о переходе от фрагментарного регулирования отдельных платформенных сервисов к формированию системного правового режима коммерческой деятельности в цифровой среде.

В то же время, переходя к специфике регулирования коммерческой деятельности цифровых платформ, следует отметить, что содержание ст. 2 и некоторых других положений ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» демонстрирует и принципиальное ограничение выбранного законодателем подхода. Несмотря на широту условно общего определения цифровой платформы, фактически дальнейшая нормативная детализация сосредоточена исключительно вокруг т. н. «посреднической цифровой платформы», которая по своей конструкции объединяет в единую категорию маркетплейсы, сервисные платформы и агрегаторы. Между тем в доктрине обоснованно подчеркивается необходимость функционального разграничения различных типов цифровых платформ.

В частности, П. А. Жолтикова и О. И. Шаравова указывают, что законодательство должно учитывать функциональное разделение цифровых платформ на маркетплейсы (торговые площадки, размещающие чужие предложения товаров и услуг на первичном и вторичных рынках розничной продажи – такие как «Ozon», «Wildberries» или «Avito»), сервисные платформы, предоставляющие услуги по запросу (такие как «Яндекс.Такси», «Uber Russia», «Самokat» или «СберМаркет»), технологические платформы IT-инфраструктуры (например, «1С:Предприятие» или облачные решения аппаратного комплекса компании «Яндекс» для малого и среднего бизнеса) а также агрегаторы поиска и бронирования услуг (такие как «Циан», «BlaBlaCar», «Aviasales» и т. д.) [3].

Таким образом, в доктрине обоснованно отмечается, что каждая из вышеуказанных групп отличается по характеру участия оператора в сделке, по степени контроля над ценообразованием, логистикой и расчетами, а также по объему потенциальной правовой ответственности владельцев, операторов и партнеров соответствующих платформенных структур. Однако ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики», выделяя лишь общее понятие цифровой платформы и специальный подвид посреднической цифровой платформы, фактически нивелирует данные различия, т. к. указанная составная категория по сути поглощает соответствующие виды цифровых платформ. В результате в рамках единого правового режима оказываются объединены отличные друг от друга модели бизнеса, что создает риск как избыточного регулирования для одних типов платформ, так и недостаточности правовых требований для других.

При этом нельзя не отметить, что положения Глав 1 – 4 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» учитывают сложившиеся де факто особенности деятельности различных видов цифровых платформ посредством регулирования статуса и функциональных особенностей широких инфраструктурных и логистических сетей (ст. 5 – 6 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики»), правил размещения карточек товара и продажи отдельных видов товаров (ст. 7 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики»), а также вопросов поисковой выдачи и предоставления отдельных сведений операторами цифровых платформ (ст. 10 – 11 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики»). Однако ввиду отсутствия фактического нормативного признания многообразия форм и видов цифровых платформ, со-

ответствующая специфика упраздняется в пользу удобства оценки соответствия платформы критериям для включения в предусмотренный ст. 4 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» Реестр посреднических цифровых платформ.

Отвечая на закономерный вопрос о том, какие особенности предпринимательской или иной коммерческой деятельности маркетплейсов, сервисов и агрегаторов товаров и услуг в сети Интернет, по мнению представителей отечественной правовой доктрины, должны быть отражены в законодательстве о платформенной экономике в РФ, следует выделить четыре группы факторов, чаще всего выделяемых российскими исследователями (в том числе К. А. Инсаповой, Л. И. Кулаковой и А. В. Поляниной) [4], [6], а именно:

1) асинхронность взаимодействия сторон при размещении заказов и совершении электронных сделок;

2) бездокументарная идентификация участников сделки с использованием цифровых средств аутентификации;

3) необходимость соблюдения оператором цифровой платформы специфических требований в сфере защиты персональных данных участников электронных правоотношений;

4) специфические правила защиты прав потребителей товаров и услуг, реализуемых в рамках электронных правоотношений с участием цифровых платформ.

Как отмечает К. А. Инсапова, до вступления в силу ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» вопросы асинхронности электронных сделок с участием цифровых платформ, заключающаяся в фактическом несовпадении во времени моментов размещения предложения (или оферты по смыслу ст. 435 Гражданского Кодекса РФ (далее – ГК РФ)⁴ и акцепта (ст. 438 ГК РФ) регулируются с опорой на общие положения Главы 9 ГК РФ о сделках, а также через нормы о дистанционном способе продажи товаров (ст. 497 ГК РФ) [4]. Фактически законодатель и правоприменитель исходят из презумпции синхронного волеизъявления сторон, тогда как в платформенных отношениях воля формируется и реализуется поэтапно – сначала пользователь размещает заказ, затем платформа фиксирует параметры сделки, партнер принимает либо отклоняет предложение, после чего обязательство считается возникшим. Такая многостадийная модель не находит прямого нормативного отражения, так как положения ГК РФ оперируют преимущественно классическими конструкциями оферты и акцепта, не приспособленными к алгоритмически опосредованному взаимодействию и «отложенным» механизмам покупки товаров и услуг через маркетплейсы, сервисы и агрегаторы.

Положения Главы 2 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» впервые закрепляют специальные механизмы заключения и осуществления электронной сделки, в рамках которой посредническая цифровая платформа рассматривается как организационная среда заключения гражданско-правовых договоров, а действия оператора по обеспечению размещения карточек товаров, заказов и поисковой выдачи приобретают самостоятельное правовое значение (ст. 5 – 13 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики»). Данное обстоятельство означает, что асинхронность цифровых транзакций перестает быть фактической особенностью хозяйственной практики и получает нормативное признание как структурный элемент коммерческой деятельности платформ, что позволяет правоприменителем принципиально иначе оценивать момент возникновения обязательств, преде-

лы ответственности оператора и правовое значение действий пользователей и партнеров.

До вступления в силу положений ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» в качестве ключевых источников регулирования вопросов бездокументарной идентификации участников электронных сделок следовало бы назвать Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г.⁵, ФЗ № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁶ и Федеральный закон № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29.12.2022 г. (далее – ФЗ «Об идентификации с использованием биометрии»)⁷, а также процессуальное законодательство, допускающее использование электронных доказательств (в том числе положения ст. 75 АПК РФ, ст. 71 ГПК РФ и ст. 70 КАС РФ).

Однако данные акты, прежде всего, ориентированы на регулирование вопросов подтверждения юридической силы электронных документов и сообщений, а не на специфику идентификации субъектов внутри платформенных экосистем, в следствие чего правовой режим учетных записей, личных кабинетов, логинов и паролей формировался преимущественно на уровне пользовательских соглашений и внутренних правил платформ. В результате именно положения ст. 2 и 13 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» впервые вводят в легальный оборот категорию «личного кабинета» как самостоятельного элемента правовой инфраструктуры платформы и связывает с ним осуществление прав и исполнение обязанностей партнерами и пользователями. Следовательно, законодатель фактически признает, что цифровая идентификация пользователей для осуществления ими своих прав и исполнения обязанностей в рамках платформы обладает самостоятельным правовым значением и не сводится к применению электронной подписи в классическом смысле.

В то же время правовое регулирование в сфере защиты персональных данных участников электронных правоотношений на протяжении долгих лет основывалось преимущественно на положениях Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 г. (далее – ФЗ № 152 «О персональных данных»)⁸ и принятых во исполнение его норм подзаконных актов. Указанное регулирование носило универсальный характер и распространялось на всех операторов персональных данных вне зависимости от особенностей

5 Федеральный закон № 63-ФЗ «Об электронной подписи» от 06.04.2011 г. (Последняя редакция) // СПС «Консультант-Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2026).

6 Федеральный закон № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2026).

7 Федеральный закон № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29.12.2022 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2026).

8 Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27.07.2006 г. (Последняя редакция) // СПС «Консультант-Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2026).

4 Гражданский кодекс Российской Федерации №51-ФЗ от 30.11.1994 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2026).

осуществляемой ими экономической деятельности, в т. ч. на операторов цифровых платформ. В этом свете следует подчеркнуть, что принятие ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» не изменяет содержания отраслевого регулирования персональных данных, однако косвенно трансформирует подход к их правовому значению в рамках платформенной экономики, так как положения ст. 4 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» напрямую связывают коммерческую деятельность цифровой платформы с обязанностью обеспечивать устойчивое и прозрачное функционирование инфраструктуры взаимодействия партнеров и пользователей.

Более того, ст. 8 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» устанавливает особые правила продажи отдельных видов товаров, свободная реализация которых ограничена законодательством РФ и требует аутентификации пользователя-покупателя с использованием биометрических персональных данных, согласно ст. 10 ФЗ № 572 «Об идентификации с использованием биометрии». В совокупности с предусмотренными положениями ФЗ № 152 «О персональных данных» режимом оборота персональных данных, это означает, что обработка персональных данных в рамках предпринимательской или иной коммерческой деятельности цифровых платформ приобретает не только охранительный, но и организационно-правовой характер, выступая элементом надлежащего исполнения оператором своих обязанностей по обеспечению законности соответствующей деятельности. Таким образом, технически защита персональных данных в рамках платформенных отношений выделяется из общего режима оборота персональных данных и становится частью правового режима коммерческой ответственности оператора цифровой платформы.

Наконец, правовое регулирование защиты прав потребителей в отношениях с участием цифровых платформ до принятия ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» осуществлялось преимущественно в рамках Закона Российской Федерации № 2300-1 «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. (далее – Закон РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей»)⁹, в т. ч. с опорой на положения об ответственности агрегатора информации о товарах (услугах), введенной в законодательство в 2018 г. в виде новых редакций ст. 9, 12, 16 и 41 Закона РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей». Соответствующая модель исходит из разграничения ролей между продавцом (исполнителем) и владельцем агрегатора, который не признается полноценной стороной договора купли-продажи либо договора оказания услуг, а рассматривается как лицо, предоставляющее информационно-техническую возможность для заключения соответствующего договора. Вместе с тем, агрегаторы по смыслу положений ст. 2 Закона РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей» несут ответственность за предоставление недостоверной информации о товаре или продавце, а также за нарушение сроков доставки при прямой оплате через их платформы.

В то же время с принятием ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» законодатель изменяет акценты правового регулирования, в том числе усиливая публично-правовой элемент в оценке деятельности посреднических цифровых платформ. Рассматривая платформу как полноценного субъекта-организатора взаимодействия партнеров и пользователей в цифровой среде, законодатель закрепляет за оператором платформы комплекс обязанностей, связанных с обеспечением функционирования инфраструктуры коммерческого оборота, включая управление карточками товаров, заказами, механизмами поисковой

выдачи, рейтингами и иными элементами пользовательского интерфейса. Положения п. 4 ст. 3, п. 1 ст. 7 и п. 5 ст. 21 ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики», устанавливающие особый режим защиты прав потребителей товаров и услуг при посредничестве цифровых платформ, свидетельствуют о признании активной роли оператора цифровой платформы в формировании и реализации условий потребительских сделок, что выходит за рамки традиционного понимания платформы как «нейтрального» технического посредника. Следовательно, в этих условиях создаются предпосылки для более широкого толкования ответственности оператора платформы в сфере защиты прав потребителей, поскольку его деятельность способна оказывать существенное влияние как на содержание договорных условий, так и на фактическую возможность реализации потребителем принадлежащих ему прав.

Таким образом, представляется обоснованным согласиться с позицией А. В. Габова и С. П. Саяпина [1] о необходимости дальнейшего совершенствования понятийно-категориального аппарата законодательства о платформенной экономике и нормативного закрепления легальных дефиниций отдельных разновидностей цифровых платформ, в том числе маркетплейсов, сервисных платформ, платформ IT-инфраструктуры, агрегаторов поиска и бронирования услуг, а также иных форм цифровых посредников, различающихся по характеру участия оператора в сделке, степени контроля над экономическими процессами и объему потенциальной ответственности. Одновременно с этим следует отметить, что дальнейшее развитие правового регулирования коммерческой деятельности цифровых платформ невозможно без согласования положений ФЗ № 289 «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики» с действующими нормами ФЗ № 152 «О персональных данных» и Закона РФ № 2300-1 «О защите прав потребителей», прежде всего, в части определения объема обязанностей оператора цифровой платформы по обеспечению защиты персональных данных и реализации прав потребителей, так как именно в этих сферах наиболее отчетливо проявляется качественный переход роли платформы из технического посредника в активного организатора цифрового коммерческого оборота.

Пристатейный библиографический список

1. Габов А. В., Саяпин С. П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex Russica. – 2025. – Т. 78. № 11 (228). – С. 9-33.
2. Проект «Национальная облачная платформа» // Официальный правовой портал проекта «Национальная облачная платформа» ПАО «Ростелеком». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.companyrtr.ru/projects/nop/?ysclid=mfvmoaqc85135897897> (дата обращения: 01.01.2026).
3. Жолтикова П. А., Шаравова О. И. Цифровые платформы как инновационная модель организации бизнеса в инфокоммуникационной сфере: анализ и перспективы развития // Век качества. – 2025. – № 3. – С. 108-120.
4. Инсапова К. А. К вопросу об особенностях совершения сделок в сети «Интернет» // Вестник науки. – 2025. – Т. 4. № 11 (92). – С. 257-262.
5. Кузьминов Я. И., Кручинская Е. В., Кошель А. С., Акиндинова Н. В. Вклад цифровых платформ в развитие российской экономики: моделирование эффектов регулирования // Вопросы экономики. – 2025. – № 7. – С. 5-24.
6. Кулакова Л. И., Полянин А. В. Развитие предпринимательства на основе цифровых платформ в условиях деглобализации // Вестник Академии знаний. – 2020. – № 2 (37). – С. 12-17.

⁹ Закон Российской Федерации № 2300-1 «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. (Последняя редакция) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.01.2026).

ГАСАНОВА Асият Магомедовна

преподаватель кафедры гражданского права, Институт права, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

РОДИТЕЛИ, ЛИШЕННЫЕ РОДИТЕЛЬСКИХ ПРАВ, КАК НЕДОСТОЙНЫЕ НАСЛЕДНИКИ

Статья посвящена группе недостойных наследников, к которой законодатель относит родителей, лишенных родительских прав. Эти лица в силу закона утрачивают право наследования. Лишение родительских прав и восстановление в родительских правах возможно только до достижения ребенком 18-летнего возраста и приобретения им полной дееспособности по иным основаниям. Родители, лишенные родительских прав, могут наследовать только по завещанию. При этом завещатель должен составить завещание уже после утраты наследником права наследования по закону путем указания в завещании его в качестве наследника. Однако указывается, что это не означает восстановление права наследования. В то же время отмечается, что ограничение родительских прав не является основанием для утраты родителем права наследования по закону. Действующее законодательство не предусматривает оснований для лишения родительских прав усыновителей. В целях устранения указанного пробела предлагается квалифицировать противоправные действия усыновителей (уклонение от воспитания, злоупотребление правами, жестокое обращение с ребёнком) в качестве основания для признания их недостойными наследниками в порядке, установленном гражданским законодательством.

Ключевые слова: родители, лишение родительских прав, недостойные наследники, усыновители, отстранение от наследования, наследственная правоспособность.

GASANOVA Asiyat Magomedovna

lecturer of Civil law sub-faculty, Institute of Law, Dagestan State University, Makhachkala

PARENTS DEPRIVED OF PARENTAL RIGHTS AS UNWORTHY HEIRS

The article is devoted to a group of unworthy heirs – parents deprived of parental rights. These persons, by virtue of the law, lose the right to inherit. Deprivation of parental rights and restoration of parental rights is possible only until the child reaches the age of 18 and acquires full legal capacity for other reasons. Parents deprived of parental rights can inherit only by will. In this case, the testator must make a will after the loss of the heir's right of inheritance by law by specifying him as the heir in the will, however, it is indicated that this does not mean the restoration of the right of inheritance. At the same time, it is noted that the restriction of parental rights is not a reason for the parent to lose the right of inheritance by law. The law does not provide for the possibility of depriving adoptive parents of their parental rights. It is proposed to classify adoptive parents as unworthy heirs if they demonstrate illegal behavior (for example, they evade the duties of parents assigned to them, abuse parental rights, mistreat an adopted child, etc.).

Keywords: parents deprived of parental rights, unworthy heirs, adoptive parents, persons excluded from inheritance, persons who do not have the right to inherit.

Гасанова А. М.

В соответствии с абзацем 2 пункта 1 статьи 1117 Гражданского кодекса Российской Федерации не наследуют по закону родители после детей, в отношении которых родители были в судебном порядке лишены родительских прав и не восстановлены в этих правах ко дню открытия наследства. Аналогичные правовые конструкции содержались в советском наследственном праве (абзац 2 статьи 531 ГК РСФСР 1964 г.), однако в советском гражданском законодательстве отсутствовало понятие «недостойные наследники» в том виде, в котором оно закреплено действующим законодательством. В этих случаях происходит «поражение в наследственной правоспособности в части наследования по закону» [3, с. 44]. Наследственная масса распределяется между другими наследниками на основе правовой фикции «так, как будто родитель умер раньше ребенка» [4, с. 7]. Вместе с тем отмечается, что «признание наследника недостойным стоит рассматривать, как механизм защиты прав, как наследников, так и наследодателя уже после наступления его смерти в соответствии с нормами наследственного законодательства» [6, с. 276].

Данные лица признаются недостойными наследниками, утратившими право наследования в силу закона. Следует отметить, что законодатель в ряде нормативных положений (ст. 1137, 1138 ГК РФ)¹ использует в качестве взаимозаменяе-

мых понятия «утрата права наследования» и «лишение права наследования» [22, с. 38], [14, с. 25], а статья 1117 ГК РФ характеризует лишенных родительских прав лиц как субъектов, «не имеющих права наследовать» (ст. 1117 ГК РФ).

Согласно разъяснениям Верховного Суда Российской Федерации специальная судебная процедура признания наследника недостойным по данному основанию не предусмотрена: нотариус, в производстве которого находится наследственное дело, самостоятельно исключает родителя из состава наследников при предъявлении ему судебного решения о лишении родительских прав² [2]. П. В. Крашенинников подчеркивает следующее: «Если нотариусу представлено решение суда о лишении наследника родительских прав в отношении наследодателя и не имеется доказательств того, что он восстановлен в этих правах к моменту открытия наследства, нотариус может решить вопрос о признании наследника недостойным самостоятельно, отказав ему в выдаче свидетельства о праве на наследство. При несогласии с таким решением заинтересованный наследник вправе обжаловать

СПС «Консультант Плюс».

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» (подп. (б) п. 19) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2012. - № 7. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «Консультант-Плюс».

1 Огнев В. Н. Лишение права наследования в России // Наследственное право. - 2006. - № 2. [Электронный ресурс] // Доступ из

постановление нотариуса об отказе в совершении нотариального действия в судебном порядке» [10, с. 60].

Судебная практика подтверждает, что в отсутствие судебного решения о лишении родительских прав признание родителя недостойным наследником обусловлено необходимостью доказывания иных юридически значимых обстоятельств, предусмотренных абзацем 1 пункта 1 статьи 1117 либо пункта 2 статьи 1117 ГК РФ, что сопряжено со значительными доказательственными сложностями.

В подтверждение указанного вывода целесообразно сослаться на позицию суда по иску Ч. Н. к Ч. А. о признании последнего недостойным наследником. Стороны являлись родителями наследодателя Ч. Д., после смерти, которой в 2020 г. открылось наследство. Истица указывала, что дочь находилась на её полном содержании как до, так и после достижения совершеннолетия ввиду состояния здоровья (инвалидность I группы). Ответчик, по утверждению истицы, с 1993 г. не оказывал материальной поддержки, не участвовал в воспитании. Свидетельские показания подтверждали полное отсутствие контактов и материальной помощи со стороны отца, а также факты оказываемого им психологического давления. Это находило выражение в эмоциональной неуравновешенности Ч. Д. при появлении ответчика и в поведении отца в период ее детства, включая навязывание имени, Никита из-за желания иметь сына и запрета посещения могил родственников со стороны матери. Тем не менее, суд отказал в удовлетворении исковых требований, не усмотрев достаточных оснований для прекращения права отца на наследование³.

Приведем другой пример: иск Д. к Л. В. о признании ответчицы недостойным наследником после смерти внука Л. Истица, являясь наследником второй очереди, оспаривала права матери наследодателя (наследник первой очереди), ссылаясь на систематическое неисполнение родительских обязанностей, уклонение от воспитания и содержания. При этом родительских прав ответчица лишена не была. Истица надеялась на ее исправление. Л. проживал с истицей с рождения, а также в период нетрудоспособности и до смерти. Кроме того, о недостойном поведении ответчицы свидетельствует то, что она не принимала участие в расходах на погребение сына. Суд первой инстанции удовлетворил иск, однако апелляционная инстанция отменила решение, указав на отсутствие в материалах дела доказательств злого уклонения от обязанностей по содержанию, которое должно подтверждаться приговором суда, материалами гражданского дела о взыскании алиментов или иными достоверными доказательствами. Факты взыскания алиментов с ответчицы либо привлечения её к уголовной ответственности за их неуплату установлены не были. Стороны в период несовершеннолетия наследодателя проживали совместно, оба участвовали в его воспитании и содержании⁴.

Аналогичная правовая позиция нашла отражение в деле по иску П. А. к П. Ф. о признании его недостойным наследником, отстранении от наследования по закону. Истица ссылалась на то, что умер П. В., ее и ответчика сын. Брак между сторонами расторгнут в 1997 г., с ответчика взысканы алименты на содержание несовершеннолетних детей, в том

числе умершего П. В., однако ответчик от уплаты алиментов на содержание детей, в том числе П. В., злостно уклонялся. Суд отказал в признании ответчика недостойным наследником, поскольку истцом не были представлены доказательства злого уклонения от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя, а также факты обращения к судебным приставам для принудительного взыскания алиментов⁵.

В юридической литературе обоснованно указывается, что лишение родительских прав выступает одним из оснований прекращения права наследования [22]. Еще в римском праве субъективное право считалось прекращенным, если «оно утрачено данным лицом, т.е. раз наступили такие факты, при наличии которых закон перестает признавать данное лицо субъектом данного права» [5, с. 56]. При этом право наследования может быть восстановлено в том случае, если до открытия наследства вступит в законную силу судебный акт о восстановлении родительских прав, на основании которого родитель будет признан наследником. Согласно статье 72 СК РФ восстановление в родительских правах возможно при условии изменения поведения, образа жизни и (или) отношения к воспитанию ребенка и осуществляется в судебном порядке.

Важно отметить, что восстановление в родительских правах возможно лишь до приобретения ребенком полной дееспособности, наступающей вследствие достижения 18 лет, эмансипации и вступления в брак⁶. После наступления полной дееспособности наследодатель вправе предоставить родителю, лишенному родительских прав, право наследования исключительно путем совершения завещания.

В научной литературе обсуждается вопрос о возможности лишения родительских прав лиц, приобретших полную дееспособность до достижения совершеннолетия, что обусловлено несовпадением гражданско-правовых и семейно-правовых последствий [20]. Если ребенок приобрел полную дееспособность до достижения 18 лет, то в гражданско-правовом смысле он становится независимым от родителей (усыновителей), однако формально юридически он продолжает оставаться ребенком до достижения им 18 лет⁷ [15, с. 53]. Согласно пункту 1 статьи 54 СК РФ ребенком признается лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет (совершеннолетия). В связи с этим допустима ситуация, при которой лицо, обладающее полной дееспособностью до достижения совершеннолетия, может составить завещание в пользу родителя, впоследствии лишенного родительских прав, до достижения наследодателем восемнадцатилетнего возраста. При открытии наследства в таких случаях нельзя вести речь о «прощении», т.к. завещание составлено до совершения родителем противоправного действия (бездействия), приведшего к лишению родительских прав, а законодатель не предполагает «прощения» за будущие противоправные поступки.

Однако пункт 2 статьи 61 СК РФ устанавливает, что родительские права, предусмотренные настоящей главой, пре-

3 Апелляционное определение Московского городского суда от 16.07.2021 по делу № 33-25786/2021, 2-1241/2021. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

4 Апелляционное определение Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 19.05.2014 по делу № 33-1563/2014. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5 Определение Московского городского суда от 16.05.2011 по делу № 33-14512//Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» (абз. 1 п. 2) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2018. - № 1. [Электронный ресурс] //Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

7 Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / Под ред. И. М. Кузнецовой. - М.: БЕК, 1996. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

кращаются по достижении детьми возраста восемнадцати лет (совершеннолетия), а также при вступлении несовершеннолетних детей в брак и в других установленных законом случаях приобретения детьми полной дееспособности до достижения ими совершеннолетия. Как разъяснил Верховный Суд Российской Федерации, если ребенок приобрел полную дееспособность до достижения 18-летнего возраста в результате эмансипации или вступления в брак, то судья отказывает в принятии искового заявления о лишении родительских прав на основании пункта 1 части 1 статьи 134 ГПК РФ, а если производство по делу возбуждено, суд прекращает производство по делу в соответствии с абзацем вторым статьи 220 ГПК РФ⁸.

Лишенные родительских прав лица могут наследовать после своих детей по завещанию. Многие исследователи считают, что здесь реализован механизм «прощения недостойного наследника наследодателем»: «в законе предусмотрена возможность прощания недостойного наследника наследодателем. При этом воля последнего должна быть выражена в завещании, совершенном после возникновения оснований для отнесения наследника к категории недостойных» [7], [12, с. 20-21], [18], [19, с. 23]. Е. В. Ерохина пишет: «...поскольку основной принцип наследственного права – это принцип свободы завещания, завещателю предоставляется возможность восстановить недостойного наследника. Завещатель должен составить завещание уже после утраты наследником права наследования по закону путем указания в завещании его в качестве наследника, тем самым как бы прощая его»⁹.

Однако в данном случае не применяется правовая конструкция восстановления утраченного права [10, с. 49], поскольку лишение родительских прав влечет утрату родителем возможности наследования по закону. Утраченное право не восстанавливается наследодателем, который реализует свою волю, наделяя данное лицо правом наследования по завещанию. Так, если завещание охватывает не все имущество наследодателя, родитель, лишенный родительских прав, отстраняется от наследования незавещанной части наследственного имущества ввиду утраты таким лицом права на наследование по закону.

В контексте наследственной дееспособности представляет интерес позиция Н. А. Аблятиповой и Д. С. Цыгановой, утверждающих, что «наследование родителями, некогда лишенных родительских прав, по завещанию детей возможно, при достижении последних совершеннолетия, к моменту совершения завещания» [1, с. 108]. Данный вывод неверен, поскольку завещательной дееспособностью обладают лица с момента приобретения полной дееспособности, которая может возникнуть до наступления совершеннолетия.

Следует также обратить внимание, что в первой очереди наследников по закону могут наследовать не только родители, но и усыновители ребенка [13]. Однако в отношении усыновителей не применяется такое правовое последствие, как «лишение родительских прав». Согласно статье 69 СК РФ основаниями для лишения родительских прав являются: уклонение от выполнения обязанностей родителей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов; отказ без уважительных причин взять своего ребенка из родильного дома (отделения) либо из иной медицинской организации, образовательной организации, организации социального обслуживания или из аналогичных организаций; злоупотребление своими родительскими правами; жестоко обращаться с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность; заболевание хроническим алкоголизмом или наркоманией; совершение умышленного преступления против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи. Верховный Суд РФ в своем постановлении указал, что «лишение родительских прав является крайней мерой ответственности родителей, в исключительных случаях при доказанности виновного поведения родителя»¹⁰.

Здесь же заметим, что ограничение родительских прав не является основанием для утраты родителем права наследования по закону.

Если усыновитель уклоняется от выполнения возложенных на них обязанностей родителей, злоупотребляет родительскими правами, жестоко обращается с усыновленным ребенком, является больным хроническим алкоголизмом или наркоманией, то усыновление подлежит отмене в судебном порядке (ст. 141 СК РФ).

Таким образом, при установлении обстоятельств, свидетельствующих о противоправном поведении усыновителя, последний может быть квалифицирован как недостойный наследник. Однако статья 1117 ГК РФ не содержит прямого указания на данную возможность. Безусловно, при отмене усыновления, как правило, восстанавливаются взаимные права и обязанности ребенка и его родителей (его родственников), если это соответствует интересам ребенка. Если взаимные права родителей и ребенка будут восстановлены, то вопрос о наследнике-усыновителе не возникает, по закону наследниками первой очереди будут родители. Вместе с тем, если взаимные права родителей и детей не восстанавливаются, возникает правовая неопределенность, обуславливающая необходимость императивного закрепления в законодательстве положения о признании усыновителя, в отношении которого отменено усыновление, недостойным наследником и, как следствие, утрате им права на наследование. Как справедливо замечено в литературе: «В силу того что Россия является системой скорее позитивного, чем естественного права, то пробелы в законодательстве крайне нежелательно устранять доктриной, а потому проблема продолжает быть неразрешимой» [15, с. 53].

Необходимо также четко разграничивать две категории недостойных наследников: утративших право наследования (п. 1 ст. 1117 ГК РФ) и отстраненных от наследования (п. 2 ст. 1117 ГК РФ). В доктрине подчеркивается, что «отстраняются от наследования как недостойные родители после детей, в отношении которых они были лишены родительских прав» [8], [11, с. 28]. Однако такая позиция представляется некор-

8 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» (абз. 3 п. 2) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2018. - № 1. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

9 Ерохина Е. В. Лишение родительских прав и восстановление в родительских правах: практическое пособие, 2009. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

10 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.11.2017 № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» (п. 18) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2018. - № 1. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ректной, поскольку родители, лишённые родительских прав, утрачивают право наследования, тогда как отстранение от наследования применяется к гражданам, злостно уклонявшимся от обязанностей по содержанию наследодателя [16, с. 204], и требует вынесения отдельного судебного решения. В связи с этим ошибочным следует признать вывод суда о том, что «злостное уклонение от исполнения обязанностей по содержанию может подтверждаться решением суда о лишении родительских прав»: при наличии такого решения дополнительное судебное установление факта отстранения от наследования излишне и юридически нецелесообразно¹¹.

Российский законодатель с юридико-технических позиций не совсем верно избрал и противопоставил две категории «лица, не имеющие права наследовать» и «лица, отстранённые от наследования» [17, с. 103]. В принципе и те, и другие не имеют права наследования. Целесообразнее недостойных наследников определять, как лиц, не имеющих право наследовать, разграничивая их на утративших право наследования и отстранённых от наследования. В любом случае родители, лишённые родительских прав, относятся к первой из названных групп недостойных наследников.

Пристатейный библиографический список

- Аблятипова Н. А., Цыганова Д. С. Система оснований и последствий признания наследника недостойным // Крымский научный вестник. - 2019. - № 4 (25). - С. 106-113.
- Абраменков М. С. Высшее судебное толкование отечественного наследственного закона: не обошлось без ошибок // Наследственное право. - 2013. - № 1. - С. 4-9.
- Алиев К. С. оглы Субъекты наследственных правоотношений в азербайджанском и российском гражданском праве // Наследственное право. - 2016. - № 2. - С. 42-45.
- Вершинина Е. В., Кабатова Е. В., Гудыно Е. М. Наследование по закону в России и США: сравнительно-правовой анализ // Семейное и жилищное право. - 2010. - № 6. - С. 3-7.
- Гримм Д. Д. Лекции по догме римского права. - М.: Зерцало, 2003 (ППП Тип. Наука). - 495 с.
- Евпрыинцев И. С. Правовая природа института недостойных наследников // Наука XXI века: актуальные направления развития, 2021. - № 1-2. - С. 275-280.
- Зайцева Т. И. Настольная книга нотариуса: в 4 т. / под ред. И. Г. Медведева. - М.: Статут, 2015. - Т. 3: Семейное и наследственное право в нотариальной практике (глава 30, пар. 1). - 717 с.
- Зайцева Т. И., Юшкова Е. Ю. Актуальные проблемы наследования в нотариальной и судебной практике // Закон. - 2006. - № 10. - С. 34-54.
- Крашенинников П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания). - М.: Статут, 2019. - 302 с.
- Лиджиева С. Г. Восстановление наследственных прав по российскому гражданскому законодательству // Адвокат. - 2016. - № 4. - С. 49-53.
- Мигачева А. Ю. О некоторых проблемах института недостойных наследников в свете реформы гражданского законодательства // Юридический вестник Кубанского государственного университета. - 2018. - № 1. - С. 27-29.
- Муртазина Г. М. Правовые проблемы института недостойных наследников // Юрист. - 2012. - № 21. - С. 18-21.
- Гонгало Б. М., Зайцева Т. И., Медведев И. Г. и др. Нотариальное право: учебник / под ред. В. В. Яркова. - М.: Статут, 2017. - 576 с.
- Огнев В. Н. Институт недостойных наследников в российском наследственном праве: фрагменты истории и современное состояние // Гражданское право. - 2006. - № 4. - С. 24-26.
- Паничкин В. Б. Отстранение недостойных наследников в российском праве в сравнении с правом США // Наследственное право. - 2006. - № 2. - С. 51-55.
- Попович М. М. Злостное уклонение от обязанности по содержанию как основание признания наследника недостойным // Журнал прикладных исследований. - 2025. - № 8. - С. 202-208.
- Савина Т. В. К вопросу о понятии «недостойные наследники» // Современные тенденции развития гражданского и гражданского процессуального законодательства и практики его применения. - 2020. - № 6. - С. 101-104.
- Сидорова Е. Л. Наследование имущества: от совершения завещания до приобретения наследства. - М.: Редакция «Российской газеты», 2019. - 160 с.
- Соменков С. А. Общие положения о наследовании // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2006. - № 10. - С. 14-24.
- Туманова Л. В. Некоторые аспекты извечной проблемы «отцы и дети» // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. - 2024. - № 4. - С. 41-53.
- Ходырева Е. А. Право наследования в гражданском праве России: монография. - М.: Статут, 2022. - 386 с. (§ 3.2. Прекращение права наследования).
- Ходырева Е. А. Правовая природа лишения права наследования // Нотариус. - 2016. - № 7. - С. 38-42.

¹¹ Определение Санкт-Петербургского городского суда от 06.02.2012 № 33-1642/2012. [Электронный ресурс] // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ДАНИЛОВ Никита Игоревич

старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

ТОЛСТОВА Мария Леонидовна

кандидат экономических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

РАЗВИТИЕ НОРМ О ДИФФАМАЦИИ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье исследуется эволюция правовых норм о диффамации в гражданском законодательстве Российской Федерации. Актуальность темы обусловлена отсутствием единой доктринальной концепции диффамации, а также противоречивостью законодательных решений 2011-2013 гг. Цель исследования – выявить основные этапы, закономерности и противоречия в развитии законодательных подходов к защите чести, достоинства и деловой репутации. Методологическую основу составляют историко-правовой, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. На основе анализа правовых актов ГК РФ, федеральных законов 2011-2013 гг., постановлений Пленума Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, а также научных трудов российских цивилистов авторы предлагают периодизацию развития института диффамации: дореволюционный этап (уголовно-правовая модель), советский период (фрагментарная охрана в публичном порядке), постсоветский этап с выделением фаз становления (1994 г.), конкретизации (2005 г.), законодательных противоречий (2011-2012 гг.), гуманизации (2013 г.) и современной фазы адаптации к цифровым реалиям. В выводах обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования ст. 152 ГК РФ и судебного толкования для противодействия новым формам опорочивания (мемы, дипфейки, эмодзи). Практическая значимость работы заключается в предложениях по уточнению понятийного аппарата, разработке критериев квалификации латентной диффамации и введению категории «нематериальные убытки» для компенсации репутационного вреда юридическим лицам.

Ключевые слова: диффамация, гражданское право, защита чести и достоинства, деловая репутация, эволюция законодательства, клевета, нематериальные блага, правоприменение.

DANILOV Nikita Igorevich

senior lecturer of Civil law disciplines sub-faculty, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

TOLSTOVA Mariya Leonidovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Head of Financial law sub-faculty, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

THE DEVELOPMENT OF DEFAMATION NORMS IN THE CIVIL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the evolution of legal norms on defamation in the civil legislation of the Russian Federation. The relevance of the topic is due to the lack of a unified doctrinal concept of defamation, the inconsistency of legislative decisions in 2011-2013. The purpose of the study is to identify the main stages, patterns, and contradictions in the development of legislative approaches to the protection of honor, dignity, and business reputation. The methodological framework includes historical-legal, comparative-legal, and formal-legal methods. Based on an analysis of legal acts (the Penal Code of 1845, the Civil Code of the Russian Federation, federal laws of 2011-2013), resolutions of the Plenum of the Supreme Court and the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as scholarly works by leading Russian civil law scholars, the authors propose a periodization of the development of the defamation institution: the pre-revolutionary stage (criminal law model), the Soviet period (fragmented public-law protection), and the post-Soviet stage with phases of establishment (1994), specification (2005), legislative contradictions (2011-2012), humanization (2013), and the current phase of adaptation to digital realities. The conclusions substantiate the need for further improvement of Article 152 of the Civil Code and judicial interpretation to counteract new forms of defamation (memes, deepfakes, emojis). The practical significance of the work lies in proposals to clarify the conceptual framework, develop criteria for qualifying latent defamation, and introduce the category of "intangible losses" to compensate for reputational harm to legal entities.

Keywords: defamation, civil law, protection of honor and dignity, business reputation, evolution of legislation, libel, intangible benefits, law enforcement.

Введение

Институт защиты чести, достоинства и деловой репутации является одним из важнейших индикаторов зрелости гражданского общества и правового государства. В российском правовом порядке этот институт, обозначаемый в доктрине термином «диффамация», прошел сложный и противоречивый путь развития.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена совокупностью факторов теоретического, законодательного и правоприменительного характера.

Во-первых, теоретическая неразработанность концепции диффамации в российской цивилистике порождает существенные сложности в квалификации соответствующих

правонарушений. Отсутствие легального определения диффамации, размытость ее границ со смежными институтами (клевета, оскорбление, злоупотребление правом) и оценочный характер терминологии, используемой в ст. 152 Гражданского кодекса РФ, приводят к доктринальным спорам и фрагментарности правового регулирования. Само понятие «диффамация», будучи широко распространенным в научном обороте, до сих пор не получило однозначного толкования, а его отраслевая принадлежность остается предметом дискуссий.

Во-вторых, непоследовательность законодательной политики в сфере ответственности за посяательства на честь и достоинство наглядно проявляется в противоречивых реше-

ниях последних лет. Декриминализация клеветы в 2011 году, мыслявшаяся как шаг к европейским стандартам, где диффамация является преимущественно гражданско-правовым деликтом, уже через год сменилась ее поспешной рекриминализацией с кратным увеличением санкций. Данный «законодательный зигзаг» свидетельствует об отсутствии у законодателя целостной стратегии и требует глубокого осмысления причин и последствий таких колебаний для понимания перспектив развития института.

В-третьих, цифровая трансформация общественных коммуникаций создает принципиально новые вызовы для института диффамации. Распространение порочащих сведений в социальных сетях и мессенджерах, анонимность деликвентов, трансграничный характер интернет-пространства существенно осложняют применение традиционных гражданско-правовых механизмов защиты [2, с. 14]. Особую озабоченность вызывает появление так называемой «латентной диффамации» – опорочивания, осуществляемого невербальными средствами (эмодзи, мемы, карикатуры, дипфейки), квалификация которых в рамках классического подхода, ориентированного на анализ утверждений о фактах, крайне затруднительна. Существующие нормы и разъяснения высших судебных инстанций, разработанные преимущественно для традиционных средств массовой информации, не в полной мере отвечают потребностям практики разрешения споров в цифровой среде.

В-четвертых, возрастает экономическая значимость деловой репутации (гудвила) как нематериального актива, особенно в условиях рыночной экономики. Вопросы адекватной компенсации репутационного вреда, причиненного юридическим лицам, и возможность применения категории «нематериальные убытки» для этих целей остаются открытыми и требуют дальнейшей научной проработки [6, с. 3].

Совокупность указанных факторов – концептуальная неопределенность института, противоречивость законодательных решений, технологические вызовы и возрастающая роль деловой репутации – определяют высокую актуальность исследования эволюции норм о диффамации в российском гражданском праве и необходимость выработки предложений по совершенствованию правового регулирования в данной сфере.

Научная новизна исследования заключается в авторской периодизации процесса интеграции диффамационных норм в российское гражданское право, учитывающей не только изменения законодательства, но и ключевые акты судебного толкования. В статье впервые в контексте исторического развития системно анализируются новейшие доктринальные подходы к проблемам латентной диффамации и защите деловой репутации как нематериального актива (гудвила), что позволяет определить перспективные направления совершенствования гражданско-правового регулирования.

Степень научной разработанности проблематики защиты чести, достоинства и деловой репутации, а также правовой природы диффамации традиционно находится в фокусе отечественной цивилистики. При этом, несмотря на значительное число исследований, посвященных данному институту, многие его аспекты остаются дискуссионными, а динамика законодательного регулирования и появление новых технологических вызовов требуют их постоянного переосмысления.

Фундаментальные основы учения о нематериальных благах и их гражданско-правовой защите были заложены в трудах таких ученых, как М. Н. Малеина, А. М. Эрделевский и С. В. Потапенко. В частности, А. М. Эрделевским была разработана теория компенсации морального вреда и введен в научный оборот термин «диффамация» применительно к современному российскому праву [9]. С. В. Потапенко предложил концепцию диффамационного права как ком-

плексного межотраслевого института, подробно исследовав соотношение гражданско-правовых и уголовно-правовых способов защиты [8], [11].

Отдельные аспекты диффамации, включая проблемы разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений, анализировались в работах В. Н. Гаврилова, А. А. Сиротина, Д. Д. Фокина [1]. Исторический генезис норм об ответственности за посягательства на честь и достоинство рассматривался Я. И. Тимченко и Ю. В. Шаниной [10].

В последние годы, в связи с цифровизацией, появились исследования, посвященные новым формам опорочивания. Так, Н. Н. Парыгина ввела и обосновала понятие «латентная диффамация», связав его с распространением порочащих сведений невербальными способами (мемы, дипфейки) [5]. Я. А. Каруня исследует правовую природу диффамации и проблемы квалификации соответствующих деяний в цифровой среде, обращая внимание на анонимность и трансграничный характер кибердиффамации [2]. Экономический аспект защиты деловой репутации, а именно категория гудвила как нематериального актива, получил освещение в работах Е. М. Кобзаренко [6], а также Е. А. Кирилловой и Т. Э. Зульфугарзаде [7].

Вместе с тем, анализ научной литературы позволяет сделать вывод о наличии ряда неразрешенных противоречий. Во-первых, до сих пор отсутствует единая доктринальная концепция диффамации, а сам термин не имеет легального закрепления. Во-вторых, большинство исследований либо сфокусированы на историческом развитии института, либо, напротив, рассматривают исключительно современные проблемы без должной ретроспективы. В-третьих, вопросы адаптации гражданско-правовых механизмов защиты (в частности, ст. 152 ГК РФ) к вызовам «латентной диффамации» и адекватной компенсации репутационного вреда юридическим лицам (через категорию «нематериальные убытки») остаются фрагментарно изученными. Настоящее исследование представляет собой попытку восполнить указанный пробел путем комплексного анализа эволюции диффамационных норм в их неразрывной связи с новейшими правоприменительными и технологическими вызовами.

Целью исследования настоящей статьи является комплексный анализ эволюции правовых норм о диффамации в гражданском законодательстве России, выявление основных этапов, тенденций и противоречий этого процесса, а также оценка адекватности современного правового регулирования вызовам цифровой эпохи. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести историко-правовой анализ становления и развития норм о диффамации в российском законодательстве, начиная с дореволюционного периода.
2. Выявить основные этапы интеграции диффамационных норм в гражданское право и дать их содержательную характеристику.
3. Проанализировать ключевые законодательные изменения (1994 г., 2011–2013 гг.) и акты судебного толкования, определившие современное состояние института.
4. Исследовать проблему концептуальной неопределенности диффамации в современной цивилистической доктрине.
5. Охарактеризовать новые вызовы для института диффамации, связанные с цифровизацией (латентная диффамация, кибердиффамация, защита гудвила).
6. Сформулировать предложения по совершенствованию гражданско-правового регулирования и правоприменительной практики в исследуемой сфере.

Научная проблема состоит в необходимости осмысления противоречивого пути развития норм о диффамации (от уголовно-правового запрета к гражданско-правовому деликту и обратно) для выработки непротиворечивой модели регулирования, соответствующей современным технологическим и социальным реалиям.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили действующее законодательство (Конституция РФ, Гражданский кодекс РФ (ст. 150, 152), Уголовный кодекс РФ (ст. 128.1)); материалы судебной практики (Постановление Пленума ВС РФ № 3 от 24.02.2005, Постановление КС РФ № 18-П от 09.07.2013, Определение ВС РФ по делу № 53-КГ24-15-К8 от сентября 2025 г.); научные труды российских цивилистов (С. В. Потапенко, А. М. Эрделевского, Е. Г. Комиссаровой, Я. А. Карунной, Н. Н. Парыгиной и др.) [1], [2], [5], [7], [8], [9].

Методологическую основу составили общенаучные методы (анализ, синтез, индукция) и специально-юридические методы: историко-правовой (для изучения генезиса норм), сравнительно-правовой (для сопоставления различных этапов и подходов) и формально-юридический (для анализа содержания правовых норм).

Результаты исследования

Историко-правовые и догматические исследования эволюции норм о диффамации в гражданском законодательстве России позволяют провести периодизацию становления данного института в российском законодательстве. Анализ генезиса правового регулирования позволяет обосновать авторскую периодизацию, включающую три макроэтапа и несколько фаз внутри современного этапа:

Дореволюционный этап (с древнейших времен – 1917 г.)

Институт защиты чести и достоинства зародился в недрах уголовного права. Еще в Русской правде предусматривались высокие штрафы за нанесение увечий, которые трактовались как нанесение ущерба чести (например, за вырванную бороду или усы). Первое легальное закрепление термина «диффамация» произошло в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., где он понимался как уголовно наказуемое распространение оскорбительных сведений в печати [10, с. 780]. Гражданско-правовые механизмы компенсации вреда на данном этапе отсутствовали, защита носила репрессивный характер и была направлена на наказание обидчика, а не на восстановление имущественной сферы потерпевшего [3, с. 4].

Советский этап (1917-1991 гг.)

В советский период институт диффамации в его классическом (частноправовом) понимании не получил развития. Гражданское законодательство, основанное на примате публичного интереса, практически не предусматривало компенсаторных механизмов защиты чести, достоинства и деловой репутации как нематериальных благ. Тем не менее было бы неверным утверждать о полном упразднении какой-либо охраны этих благ. Защита осуществлялась преимущественно уголовно-правовыми средствами – составами клеветы (ст. 130 УК РСФСР 1960 г.) и оскорбления (ст. 131 УК РСФСР), которые рассматривались как посягательства на публичный порядок и социалистическую мораль, а не как нарушение частного права личности. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. в ст. 7 содержал общее правило о защите чести и достоинства граждан, однако механизм его реализации был крайне слабо разработан и на практике применялся редко, в основном в случаях, связанных с клеветой в средствах массовой информации.

Современный (постсоветский) этап (с 1991 г.) является наиболее динамичным в развитии законодательства, на основании чего выделяются следующие фазы:

1) Фаза становления (1990-е гг.), характеризующаяся возрождением института с принятием части первой ГК РФ 1994 г. (ст. 150, 152)¹ [11], где нематериальные блага получили

гражданско-правовую защиту. Возвращение в научный оборот термина «диффамация» применительно к гражданско-правовым деликтам (работы А. М. Эрделевского и др.) [9].

2) Фаза конкретизации (середина 2000-х гг.), в ходе которой произошло принятие Постановления Пленума ВС РФ № 3 от 24.02.2005², закрепившего ключевые критерии: разграничение утверждений о фактах (проверяемых) и оценочных суждений (защищенных ст. 29 Конституции РФ как свобода мнения), определение понятия порочащих сведений [12].

3) Фаза законодательных противоречий (2011-2012 гг.), выделяющаяся декриминализацией клеветы в 2011 г. и ее постепенная рекриминализация в 2012 г. с усилением санкций. Данная неопределенность законодателя наглядно продемонстрировала отсутствие у него целостной стратегии, а также наличие колебаний между пониманием диффамации как частноправового и публично-правового деликта [3], [4].

4) Фаза гуманизации (2013 г.), ключевые изменения в регулирование защиты чести, достоинства и деловой репутации были внесены Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ, а также получили конституционно-правовое обоснование в Постановлении Конституционного Суда РФ № 18-П. Данные новеллы ознаменовали усиление частноправовых начал и адаптацию института к реалиям информационного общества.

Основные нововведения, закрепленные в обновленной редакции ст. 152 Гражданского кодекса РФ, включают: право на удаление порочащей информации в сети «Интернет» (п. 5 ст. 152 ГК РФ), изъятие и уничтожение материальных носителей (п. 6 ст. 152 ГК РФ), установления специального срока исковой давности (п. 10 ст. 152 ГК РФ), а также охрану изображения и частной жизни (ст. 152.1, 152.2 ГК РФ).

5) Современная фаза (2014 г. – наст. время), характеризуется попытками адаптации сложившихся норм к цифровым реалиям. Выявлено, что существующий инструментарий сталкивается с вызовами латентной диффамации и кибердиффамации.

Несмотря на длительную историю развития, в российской правовой системе отсутствует единая концепция диффамации. Термин не имеет легального закрепления, а его доктринальные определения варьируются от узкого (распространение порочащих сведений в СМИ) до широкого (любое умаление чести, достоинства или деловой репутации). Оценочный характер терминологии ст. 152 ГК РФ («порочащие сведения», «честь», «достоинство», «деловая репутация») создает предпосылки для расширительного толкования и судебного усмотрения, что не всегда обеспечивает единообразие правоприменительной практики.

Анализ актуальных судебных актов (включая Определение ВС РФ по делу № 53-КГ24-15-К8 от сентября 2025 г.³) показал, что правоприменительная практика продолжает сталкиваться со сложностями. Современный этап характеризуется также сохраняющимися сложностями правоприменения, что подтверждается анализом актуальной судебной практики судов общей юрисдикции. Так, при рассмотрении дела № 2-613/2025 Новочебоксарский городской суд Чувашской Республики столкнулся с необходимостью разграничения утверждения о факте и оценочного суждения в ситуации, когда ответчик в ходе судебного заседания и в письменных обращениях в арбитражный суд назвал ист-

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Государственной Думой 21 октября 1994 года: (ред. от 29.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 (ред. от 09.12.2025) «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

3 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 25.03.2025 № 53-КГ24-15-К8. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс»: [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: consultant.ru (дата обращения: 10.03.2026).

ца участником «организованной преступной группы»⁴. Назначенная по делу лингвистическая экспертиза позволила установить, что данные высказывания являются оценочными суждениями, а не утверждениями о фактах, в связи с чем суд отказал в удовлетворении иска о защите чести, достоинства и деловой репутации. Данное дело наглядно иллюстрирует возрастающую роль судебной экспертизы при разрешении споров о диффамации, а также демонстрирует, что даже резкие негативные оценки могут быть признаны выражением субъективного мнения, не подлежащим опровержению в порядке ст. 152 ГК РФ.

Суды не всегда последовательно разграничивают сведения, порочащие гражданина и юридическое лицо, испытывают трудности при оценке контекста распространения информации и при назначении судебных экспертиз (лингвистических, психолого-лингвистических) для ограничения утверждений о фактах от оценочных суждений. Это подтверждает необходимость актуализации руководящих разъяснений высшей судебной инстанции. Представляется, что дальнейшее развитие института диффамации должно идти по пути совершенствования:

- уточнения понятийного аппарата (возможность легального закрепления термина «диффамация» либо выработки его непротиворечивого доктринального определения);
- разработки специальных критериев для квалификации латентных форм опорочивания;
- законодательного закрепления презумпции существования положительной деловой репутации у юридического лица;
- введения в научный и правоприменительный оборот категории «нематериальные убытки» для более адекватной компенсации репутационного вреда, причиненного юридическим лицам, чья деловая репутация имеет имущественную ценность (гудвилл).

Количественные показатели подтверждают высокую востребованность гражданско-правовой защиты репутации. По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, суды общей юрисдикции ежегодно рассматривают порядка 5 тысяч дел о защите чести, достоинства и деловой репутации. Наблюдается устойчивый рост: с 3 991 дела в 2016 г. до 4 966 в 2019 г.⁵ В арбитражных судах количество исков о защите деловой репутации выросло со 167 в 1997 г. до 835 в 2019 г. При этом процент удовлетворения требований невысок: в 2018 г. из 874 рассмотренных дел удовлетворено лишь 286. Это объясняется сложностью доказывания и проблемой разграничения утверждений о фактах и оценочных суждений. Уголовно-правовая статистика (ст. 128.1 УК РФ «Клевета») показывает вспомогательный характер уголовной репрессии: в 2024 г. вынесено всего 29 обвинительных приговоров, число осужденных сократилось с 84 в 2020 г. до 55 в 2024 г. Это подтверждает, что основной способ защиты – гражданско-правовой (ст. 152 ГК РФ).

Выводы

Путь развития норм о диффамации в российском гражданском законодательстве прошел долгий путь от уголовно-правового запрета до формирования сложного, комплексного гражданско-правового института. Эволюция отражает общую тенденцию гуманизации права и усиления личностного начала. Однако этот процесс нельзя считать завершен-

ным. Сохраняется концептуальная неопределенность самого понятия диффамации, законодательство (прежде всего ст. 152 ГК РФ) не поспевает за развитием технологий, порождающих новые, латентные формы опорочивания.

Сохраняющиеся в судебной практике сложности ограничения утверждений о фактах от оценочных суждений, а также необходимость соблюдения баланса между защитой репутации и конституционным правом на обращение в государственные органы подтверждают, что без обновления разъяснений высшей судебной инстанции невозможно обеспечить единообразное применение ст. 152 ГК РФ.

Дальнейшее развитие института должно быть направлено на выработку более гибких и адекватных современным реалиям механизмов защиты репутации при одновременном сохранении конституционных гарантий свободы слова и права на информацию.

Пристатейный библиографический список

1. Гаврилов В. Н., Сиротинин А. А., Фокин Д. Д. О некоторых проблемах защиты чести, достоинства и деловой репутации в Российской Федерации // Актуальные проблемы правоповедения. – 2021. – № 1. – С. 10-15.
2. Карунная Я. А. Проблемы определения правовой природы диффамации в российском праве: цивилистический аспект // Право и цифровая экономика. – 2025. – № 1. – С. 33-40.
3. Парыгина Н. Н. Латентная диффамация: правонарушение с «творческим» подходом // Юридический мир. – 2024. – № 8. – С. 44-48.
4. Кобзаренко Е. М. Гудвилл как презумпция // Юрист. – 2025. – № 6. – С. 15-18.
5. Кириллова Е. А., Зульфугарзаде Т. Э. Институт гудвилл в России: гражданско-правовой аспект // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. – 2025. – Т. 15. № 4. – С. 38-46.
6. Потапенко С. В. Диффамационное право: гражданско-правовой аспект. – М.: Юрист, 2007. – 320 с.
7. Эрделевский А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. – М.: БЕК, 1997. – 320 с.
8. Тимченко Я. И., Шанина Ю. В. Институт диффамации // Молодой ученый. – 2016. – № 8. – С. 779-782.
9. Потапенко С. В. Диффамация и отзывы в интернете: интервью // Кубанский государственный университет. – 12.03.2025. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kubsu.ru/> (дата обращения: 10.03.2026).

4 Решение Новочебоксарского городского суда Чувашской Республики от 6 августа 2025 г. по делу № 2-613/2025. // Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): [сайт]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/eYZJz9uVxO1P/> (дата обращения: 11.03.2026).

5 Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Сводные статистические отчеты за 2016-2024 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru>

ДЕЛЬЦОВА Наталья Вячеславовна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Самарский государственный экономический университет

СТОРОЖЕНКО Ольга Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры безопасности в цифровом мире Национальный исследовательский университет «Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана»

ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА: ОТДЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ

Статья посвящена правовым вопросам правовой регламентации корпоративных договоров в Российской Федерации. Авторами проведен правовой анализ правового института корпоративного договора в российском гражданском праве и праве зарубежных стран. Сравнительно-правовой анализ показал широкое применение корпоративных соглашений в зарубежных странах, где данные договоры являются важнейшим элементом регулирования корпоративных отношений. Авторами проанализированы некоторые современные тенденции развития правового института корпоративного договора в российском праве. В статье делается вывод о том, что в условиях активной правоприменительной деятельности наблюдается существенная трансформация правовой природы корпоративного договора - устанавливается его смешанный характер как гражданско-правового обязательства и акта корпоративного управления. Именно эта особенность обуславливает вектор развития корпоративного договора как правового института. Основными тенденциями развития корпоративного договора, по мнению авторов, является усиление роли диспозитивного регулирования, придание корпоративному договору функций корпоративного контроля, усиление договорного начала при одновременном повышении уровня судебной защиты.

Ключевые слова: корпоративный договор, корпоративные права, акционерное соглашение, гарантии прав участников общества, корпоративное управление, отчуждение долей.

DELTSOVA Natalya Vyacheslavovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support for economic activity sub-faculty, Samara State University of Economics

STOROZHKO Olga Mikhailovna

Ph.D. in Law, associate professor of Security in the digital world sub-faculty, National Research University «N. E. Bauman Moscow State Technical University»

LEGAL INSTITUTE OF CORPORATE CONTRACT: SELECTED TRENDS OF MODERN DEVELOPMENT

The article is devoted to the legal issues of the legal regulation of corporate contracts in the Russian Federation. The authors conducted a legal analysis of the legal institution of the corporate contract in Russian civil law and the law of foreign countries. Comparative legal analysis has shown the widespread use of corporate agreements in foreign countries, where these agreements are an essential element of regulating corporate relations. The authors analyze some current trends in the development of the legal institution of corporate contract in Russian law. The article concludes that in the context of active law enforcement activities, a significant transformation of the legal nature of the corporate contract is observed - its mixed nature is established as a civil law obligation and an act of corporate governance. It is this feature that determines the vector of development of the corporate contract as a legal institution. The main trends in the development of the corporate contract, according to the authors, are the strengthening of the role of dispositive regulation, giving the corporate contract the functions of corporate control, strengthening the contractual principle while increasing the level of judicial protection.

Keywords: corporate agreement, corporate rights, shareholder agreement, guarantees of the rights of the company's participants, corporate governance, alienation of shares.

Дельцова Н. В.

Стороженко О. М.

Согласно п. 1 ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), гражданское законодательство регулирует отношения, связанные с участием в корпоративных организациях или с управлением ими (корпоративные отношения). Тем самым корпоративные отношения прямо включены законодателем в предмет гражданско-правового регулирования наряду с вещными, обязательственными, отношениями в сфере интеллектуальной собственности и иными частноправовыми связями. Приобретение статуса участника корпорации влечет возникновение у лица комплекса

прав и обязанностей, закрепленных в ст. 65.2 ГК РФ, а также в специальных законах и учредительных документах. Эти права и обязанности носят статусный характер и обусловлены членством, вследствие чего порядок их реализации в значительной степени императивно урегулирован законом. Вместе с тем современное корпоративное право допускает элементы диспозитивного регулирования, позволяя участникам корпорации согласовывать порядок осуществления принадлежащих им прав. Одним из ключевых инструментов такого регулирования является корпоративный договор. Правовая

конструкция корпоративного договора закреплена в ст. 67.2 Гражданского кодекса РФ¹ (далее – ГК РФ), согласно которой участники хозяйственного общества вправе заключить соглашения об осуществлении своих корпоративных прав. В силу данного договора участники обязуются осуществлять права определенным образом либо воздерживаться от их осуществления, включая голосование на общем собрании, согласованное управление обществом, а также распоряжение долями (акциями) при наступлении определенных условий.

Из содержания данной нормы действующего законодательства следует, что предмет корпоративного договора составляет порядок реализации уже существующих корпоративных прав и обязанностей. Такой договор не создает новых корпоративных прав и не может изменять установленную законом систему органов управления и их компетенцию, а лишь конкретизирует способы осуществления прав участников. Законодательные нормы сформулированы таким образом, что позволяют однозначно определить, что корпоративный договор имеет факультативный характер, но при этом представляет собой инструмент корпоративного управления, особенно значимый для участников с ограниченным объемом корпоративного контроля, в том числе для миноритарных акционеров. Отметим, что российский закон допускает его заключение, как всеми участниками общества, так и их частью, при этом общество подлежит уведомлению о факте заключения договора без раскрытия его содержания.

Следует принимать во внимание, что институт корпоративного договора в российском гражданском праве является заимствованным из англо-саксонской системы права, что обуславливает интерес к его сущности в зарубежных правовых порядках.

Так, в английском праве акционерные соглашения это инструмент, который широко используются для регулирования отношений между участниками корпорации. Они позволяют детально урегулировать вопросы корпоративного управления, включая механизмы разрешения корпоративных тупиков, порядок выхода участников и ограничения на отчуждение акций. Отличительной чертой является высокая степень конфиденциальности и гибкости договорного регулирования [1].

В США корпоративные договоры имеют многоуровневую систему нормативно-правового регулирования, включая Модельный закон о предпринимательских корпорациях 2018 г (Model Business Corporation Act) и законодательные акты отдельных штатов, например, Общий закон о корпорациях штата Делавэр (Delaware General Corporation Law). Указанные акты допускают заключение соглашений о голосовании и иных форм координации действий участников, включая перераспределение управленческих полномочий в закрытых корпорациях. При этом американское право характеризуется значительной договорной свободой корпоративных отношений [2].

В континентально-европейских правовых порядках корпоративные договоры также получили признание, хотя традиционно рассматривались как обязательственные соглашения с ограниченным воздействием на корпоративную структуру. Для примера, в Гражданском уложении Германии соглашения между участниками корпораций рассматриваются как обязательственные договоры, направленные на координацию голосования и иных действий участников. Они широко применяются в корпоративной практике, в том числе в инвестиционных и семейных компаниях [3].

Во французской корпоративной практике рассматриваемые соглашения представляют собой распространённый инструмент договорного регулирования, позволяющий участникам согласовывать порядок управления обществом, устанавливать ограничения на отчуждение долей и обеспечивать защиту инвесторов. При этом действует принцип приоритета устава в случае противоречия между им и соглашением участников корпорации [4].

В итальянском законодательстве корпоративные договоры также признаются, однако подчеркивается их обязательственная природа: такие соглашения связывают только их стороны и не влияют непосредственно на действительность корпоративных решений, хотя их нарушение может повлечь гражданско-правовую ответственность [5].

Сравнительно-правовой анализ показывает, что институт корпоративных договоров имеет широкое развитие в зарубежных правовых порядках и является важнейшим элементом регулирования корпоративных отношений. Согласно современным зарубежным правовым исследованиям и юридической практике, корпоративные договоры: дополняют устав; регулируют вопросы корпоративного управления; устанавливают порядок отчуждения долей (акций); обеспечивают защиту миноритарных участников; включают механизмы разрешения споров. При этом важной особенностью является их договорная (обязательственная) природа: такие соглашения, как правило, обязательны только для их сторон и не обладают прямым действием в отношении третьих лиц или самой корпорации (если иное не предусмотрено законом). В зарубежных правовых порядках корпоративный договор рассматривается как частноправовой договор между участниками корпорации, направленный на регулирование их взаимных прав и обязанностей, а также порядка осуществления корпоративного управления.

Возвращаясь к российскому праву, рассмотрим основные тенденции развития правового корпоративного договора.

Одной из таких тенденций является, по мнению авторов, трансформация научных взглядов, относительно правовой природы договора. Правовые дискуссии относительно признания корпоративного договора гражданско-правовой сделкой, локальным нормативным актом или самостоятельным институтом, сочетающим черты обоих элементов, которые отмечают исследователи [6] смещаются в сторону признания его смешанной природы. Исследователи отмечают, что на современном этапе корпоративный договор сочетает в себе элементы обязательственного правоотношения и акта корпоративного регулирования. С одной стороны, корпоративный договор подчиняется общим положениям о сделках и обязательствах, с другой - оказывает непосредственное влияние на корпоративное управление. Такая ситуация связана с тем, что изначально законодатель ограничил сферу применения корпоративного договора, установив ряд императивных ограничений (п. 2 ст. 76.2 ГК РФ). Однако последующее развитие правового регулирования демонстрирует тенденцию к их постепенному смягчению. Одна из ключевых позиций – расширение сферы диспозитивного регулирования. Предметная область договорных отношений, позволяет включить в данный договор широкий спектр вопросов, таких как голосование, на общем собрании участников корпорации; согласование самого варианта голосования; приобретение или отчуждение доли в уставном капитале в определенном ценовом диапазоне; воздержание от отчуждения долей до наступления определенных обстоятельств; определение объема правомочий участников не пропорционально их долям в уставном капитале. Кроме того, в корпоративном договоре допускается урегулировать некоторые правила созыва, подготовки и проведения собраний участников, не подлежащие в соответствии с законом обязательному включению в устав, а также можно определить вопросы согласованного осуществления участниками действий по управлению обществом, предусмотренные диспозитивными нормами законодательства [7]. Указанная особенность обуславливает вектор развития корпоративного договора как правового института.

Следующей тенденцией является повышение уровня защиты миноритариев. Проблематика защиты прав миноритарных участников является одной из ключевых в современном корпоративном праве. Это обусловлено структурным неравенством участников хозяйственных обществ, при котором мажоритарные участники обладают возможностью определять волю юридического лица, что потенциально создает риск злоупотреблений. В юридической

1 Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

литературе миноритарный участник традиционно рассматривается как экономически и управленчески более слабая сторона корпоративных отношений, что обособывает необходимость установления специальных правовых гарантий его защиты. При этом важнейшей задачей является обеспечение баланса интересов всех участников общества и недопущение как злоупотреблений со стороны контролирующих лиц, так и блокирования деятельности общества миноритариями. Корпоративный договор позволяет использовать право вето по отдельным вопросам, определять условия совместной продажи долей; обязательства по согласованному голосованию, что делает его важнейшим механизмом обеспечения прав миноритариев и позволяет существенно расширить объем гарантий по сравнению с уставным регулированием [8]. В работах цивилистической направленности подчеркивается, что на современном этапе корпоративный договор как инструмент установления и перераспределения объема правомочий участников хозяйственного общества, позволяющий гибко модифицировать структуру корпоративного контроля [9].

Обратимся еще к одной важной тенденции развития института корпоративного договора, который связан с формированием механизмов его процессуального обеспечения. Представляется, что одной из ключевых проблем реализации корпоративного договора является обеспечение его исполнимости, поскольку содержащиеся в нём обязательства носят, как правило, личный (волевой) характер - прежде всего, обязательства по голосованию, согласованному управлению и распоряжению долями. В этой связи в современной юридической доктрине особое внимание уделяется конструкции волеизъявляющего (конститутивного) судебного решения. Волеизъявляющее решение определяется как судебный акт, в основе которого лежит замещение судом волеизъявления стороны, не исполнившей обязанность, вытекающую из договора. Так, в литературе подчеркивается, что данный механизм предполагает «замещение судом воли ответчика, не исполнившего обязательства голосовать либо иным образом реализовать корпоративные права» [10]. Аналогичный подход мы можем видеть также в других исследованиях, где отмечается, что специфика корпоративного договора заключается в том, что его предметом выступает поведение участников, выражающееся в реализации корпоративных прав, вследствие чего традиционные способы понуждения к исполнению обязательства оказываются недостаточно эффективными [11]. В этой связи волеизъявляющий судебный акт рассматривается как средство, позволяющее обеспечить достижение предусмотренного договором результата. Сущность рассматриваемого механизма проявляется в том, что суд не ограничивается констатацией нарушения и взысканием убытков, а формирует правовой результат, эквивалентный надлежащему исполнению обязательства. В корпоративных отношениях это может выражаться, в частности, в признании сделки заключённой на условиях, предусмотренных корпоративным договором; признании перехода доли состоявшимся; наступлении иных юридических последствий, соответствующих согласованной воле сторон.

Подводя итог, проведенному исследованию подчеркнем, что в условиях активной правоприменительной деятельности наблюдается существенная трансформация правовой природы корпоративного договора. Он постепенно выходит за рамки вспомогательного инструмента и приобретает значение одного из ключевых механизмов регулирования корпоративных отношений. Основными тенденциями развития данного правового института, по мнению авторов данной статьи, является усиление роли диспозитивного регулирования, придание корпоративному договору функций корпоративного контроля, усиление договорного начала при одновременном повышении уровня судебной защиты. Это позволяет говорить о формировании эффективной модели корпоративного договора, сравнимой по своим задачам с моделями, работающими в иностранных правовых порядках.

Пристатейный библиографический список

1. Duffy M. Shareholder agreements, the corporate constitution and the oppression remedy // SSRN Electronic Journal. - 2004. - № 11. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/386097474_Shareholder_agreements_the_corporate_constitution_and_the_oppression_remedy (дата обращения: 02.02.2026).
2. Kulms R. Shareholders' freedom of contract in close corporations: shareholder agreements in the USA and Germany // European Business Organization Law Review. Cambridge University Press, 2001. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/232001801_A_Shareholder's_Freedom_of_Contract_in_Close_Corporations_Shareholder_Agreements_in_the_USA_and_Germany (дата обращения: 02.02.2026).
3. Roth M Shareholders' Agreements in Listed Companies: Germany // SSRN Electronic Journal March. - 2013. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/256052674_Shareholders'_Agreements_in_Listed_Companies_Germany (дата обращения: 15.02.2026).
4. Lafourcade B. Shareholder Agreements in France: Overview, 2012. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.delcade.com/2012/07/19/shareholder-agreements-france-overview/> (дата обращения: 17.02.2026).
5. Vasciminni M., Bisceglia S., Gigliotti G. IBA. Breach of Shareholders' Agreement: Which Jurisdiction Applies, 2021. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.ibanet.org/breach-shareholders-agreement-which-jurisdiction-applies> (дата обращения 18.02.2016).
6. Гусаим А. И. Корпоративный договор в российском праве: проблемы правовой природы и судебной практики // Новый юридический журнал. - 2025. - № 4. - С. 39-44.
7. Кузьменко Ю. А. К вопросу о защите прав и интересов сторон корпоративного договора // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. - 2022. - Т. 8 (74). № 2. - С. 166-174.
8. Румянцев О. Пределы правового регулирования корпоративного договора. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://spb.legal/analitics/predely-pravovogo-regulirovaniya-korporativnogo-dogovora/> (дата обращения: 18.02.2016).
9. Петрова О. А. Корпоративный договор как способ установления объема правомочий участников «непубличного общества» // Теория и практика общественного развития. - 2025. - № 5. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://sciup.org/korporativnyj-dogovor-kak-sposob-ustanovleniya-obema-pravomochij-uchastnikov-149148044> (дата обращения: 20.02.2026).
10. Гончарова О. С. Конститутивное (волеизъявляющее) решение суда как способ защиты прав участников корпоративного договора // Восемнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. - 2025. - Часть I. - С. 43-48. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutivnoe-volezameschayushchee-reshenie-suda-kak-sposob-zaschity-prav-uchastnikov-korporativnogo-dogovora/viewer> (дата обращения: 01.03.2026).
11. Ольховиков А. С. Волеизъявляющий судебный акт как средство исполнения обязательств по корпоративному договору // International Law Journal. - 2023. - Т. 6. - № 4. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://kpfu.ru/staff_files/F_1319443693/international_law_journal_t6_4_2023.pdf (дата обращения: 22.03.2026).

ДЖУНУСОВА Джамиля Нурашевна

кандидат юридических наук, заведующий кафедрой международного морского права, Астраханский государственный технический университет

ОСОКИНА Ксения Александровна

независимый исследователь, г. Астрахань

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Государственное содействие малому и среднему бизнесу отличается открытым порядком предоставления мер, обязательным учетом антимонопольных ограничений, равными условиями включения в программы при соблюдении нормативно установленных критериев, заявительной формой обращения и доступностью инфраструктурных механизмов поддержки для субъектов МСП. Исследование действующего законодательства позволяет разграничить несколько концептуальных подходов к трактовке указанной категории, рассматриваемых в статье. Со стороны государства поддержка малого бизнеса проявляется как совокупность действий публичных институтов, ориентированных на создание экономических, институциональных и юридических условий, необходимых для функционирования и расширения малого бизнеса.

Ключевые слова: правоотношения, инфраструктура, субъектный состав, объект правоотношений, государственное воздействие, прямые инструменты, косвенные инструменты.

JUNUSOVA Dzhamilya Nurashvna

Ph.D. in Law, Head of International maritime law sub-faculty, Astrakhan State Technical University

OSOKINA Kseniya Alexandrovna

independent researcher, Astrakhan

TOOLS FOR MANAGING THE LAND AND PROPERTY COMPLEX OF THE REGIONS

State support for small and medium-sized businesses is characterized by an open procedure for providing measures, taking into account antitrust restrictions, program inclusion conditions subject to regulatory requirements, application forms, and the availability of infrastructure support principles for SMEs. A study of current legislation allows us to distinguish between a number of conceptual approaches to interpreting this category, discussed in this article. From the government's perspective, support for small businesses is a combination of actions taken by public institutions aimed at creating the economic, institutional, and legal conditions necessary for the functioning and expansion of small businesses.

Keywords: legal relations, infrastructure, subject composition, object of legal relations, state influence, direct instruments, indirect instruments.

В российской правовой системе содержание помощи, адресованной малому предпринимательству, раскрывается через комплекс закрепленных в законе средств, направленных на создание благоприятных условий ведения бизнеса, усиление позиций малых предприятий на рынке и расширение их экономической роли. Ключевое место в нормативном регулировании занимает профильный Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о развитии предпринимательства)¹.

Согласно ст. 3 указанного Закона, под государственной поддержкой понимается деятельность органов публичной власти и элементов инфраструктуры содействия, реализуемая для развития малого и среднего предпринимательства в рамках государственных программ. К целям такой деятельности законодатель относит продвижение продукции на рынках, увеличение налоговых поступлений в бюджеты, расширение количества субъектов МСП, развитие конкуренции, укрепление конкурентных преимуществ хозяйствующих субъектов, повышение доли товаров, работ и услуг сектора МСП в валовом внутреннем продукте, рост занятости и

формирование благоприятных условий для осуществления предпринимательской инициативы.

В основе рассматриваемого института лежат доступность инфраструктуры поддержки для субъектов МСП, открытый характер предоставления соответствующих мер, равенство участников при отборе в программы, соблюдение антимонопольных предписаний и обращение за поддержкой на заявительной основе.

Практика поддержки реализуется по нескольким векторам. К ним принадлежат имущественные инструменты, связанные с предоставлением государственного или муниципального имущества во владение и пользование; меры содействия в аграрной сфере, инновационном секторе, внешнеэкономической деятельности, ремесленничестве и производстве; информационное сопровождение на базе официальных сетевых ресурсов и специализированных платформ; обучение и консультирование; финансовые инструменты, охватывающие государственные гарантии, бюджетные вложения и субсидии.

Механизмы содействия субъектам малого и среднего бизнеса по своей юридической конструкции подразделяются на частноправовые и публично-правовые. Первая категория функционирует в контуре гражданско-правового регулирования, включая, например, льготное заемное и кредитное финансирование. Вторая охватывает меры, осуществляемые посредством публично-властного воздействия.

¹ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Нормативный фундамент, помимо Федерального закона о развитии предпринимательства, формируют Конституция Российской Федерации, федеральное законодательство, правовые акты субъектов Российской Федерации и муниципальные нормативные акты. Существенную роль в указанной системе играют государственные программы и включенные в них подпрограммы, где фиксируется набор прикладных мер, адресованных развитию МСП.

Инфраструктура государственной поддержки объединяет коммерческие и некоммерческие организации, участвующие в реализации соответствующих инструментов содействия. В данный круг входят акселераторы, бизнес-инкубаторы, центры кластерного развития, коворкинги, технопарковые структуры и другие институциональные элементы.

В юридической науке унифицированная трактовка правовой природы государственной поддержки отсутствует. Один из подходов акцентирует сочетание императивного и диспозитивного начал. Другая позиция связывает данное явление с особенностями правового положения субъектов МСП. Ряд авторов интерпретирует его как составную часть регулирования предпринимательских отношений.

К базовым институтам и прикладным механизмам поддержки МСП относится корпорация МСП², выполняющая роль централизованного оператора в области гарантийной поддержки и льготного кредитования. Через портал МСП РФ³ обеспечивается включение хозяйствующих субъектов в реестр МСП, доступ к связанным цифровым сервисам, а также подача обращений на предоставление субсидий, грантов и заемного финансирования. Посредством центров «Мой бизнес»⁴ обеспечивается получение сведений о действующих инструментах поддержки, помощь в оформлении необходимого пакета документов и консультационное сопровождение заявителей.

Под поддержкой малого предпринимательства со стороны государства понимается совокупность действий публичных институтов, ориентированных на создание экономических, институциональных и юридических условий, необходимых для функционирования и расширения малого бизнеса. Анализ правовой формы такой поддержки целесообразно вести в двух плоскостях. Во внутреннем измерении раскрывается согласованность элементов правовой системы, за счет которой сохраняются ее самостоятельность и целостность. Во внешнем – фиксируется связь права с социальными явлениями, нуждающимися в нормативной регламентации; в данном случае имеются в виду меры публичного содействия субъектам МСП.

Аналогичное разграничение предлагает Д. А. Керимов. Понятие «правовая форма» он связывает с выражением права в его взаимодействии с иными компонентами общественной действительности, тогда как «форма права» он рассматривает как собственно юридическую конструкцию, отражающую устройство системы и соотношение ее частей.

Классическая конструкция правоотношения охватывает три составные части: субъектов, объекта и содержания.

В сфере публичного содействия МСП в таких отношениях участвуют, с одной стороны, органы власти, наделенные соответствующей компетенцией, с другой – субъекты мало-

го и среднего предпринимательства, отвечающие законодательно установленным признакам.

Вопрос об объекте правоотношения в юридической науке сохраняет дискуссионный характер. Согласно одной из концепций, его понимание определяется разграничением публичной и частной сфер: объект признается лишь за отношениями частноправового типа, вследствие чего данная категория по существу сближается с предметом гражданского оборота.

Иная концепция связывает рассматриваемую категорию с интересом: направленность действий участников задается тем, на что ориентировано их поведение. При таком понимании объект правоотношения трактуется как феномен общественной жизни в совокупности с действующим в его отношении правовым режимом. Речь идет о системе юридических инструментов, закрепляющих дозволенное, должное и недопустимое применительно к соответствующей вещи, деятельности либо процедуре и задающих степень предпочтительности или обременительности для реализации интересов сторон.

Выделяется также третья позиция, признающая существование юридических связей без объекта. Подобная оговорка применительно к отдельным видам правоотношений не обрела убедительной доктринальной опоры и по-прежнему оценивается как дискуссионная.

С точки зрения авторов исследования, наибольшей объяснительной силой обладает вторая интерпретация объекта правоотношения. Она пригодна и для публично-правовой, и для частноправовой материи, не вступает в противоречие с другими элементами структуры правоотношения и сохраняет аналитическую ценность в прикладной плоскости.

В сегменте государственной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства объект соответствующих правоотношений включает, с одной стороны, материальные и нематериальные ценности, используемые для обеспечения функционирования МСП, с другой – результаты их вовлечения в хозяйственный оборот, выраженные в экономическом эффекте, на достижение которого нацелены меры публичного содействия. Поскольку предоставление поддержки обусловлено заданными целевыми ориентирами, значение имеет не один лишь передаваемый ресурс, но и практический результат его эксплуатации.

Стало быть, объект в данной области носит двойственный характер. В его состав входят как объекты гражданских прав в их нормативном выражении, так и конкретизированный результат предпринимательской деятельности, по которому судят об эффективности либо бесплодности произведенных вложений.

Правовые связи, возникающие при предоставлении мер государственной поддержки малому и среднему предпринимательству, носят регулятивный характер. Их субъектный состав образуют, с одной стороны, публично-правовые образования, с другой – юридические лица и индивидуальные предприниматели, отвечающие признакам, закрепленным федеральным законодательством. Нормативную основу соответствующего регулирования составляют предписания гражданского и административного права.

В хозяйственной области государственное присутствие традиционно описывается через две базовые модели – регулирование и управление, соотношение между которыми остается дискуссионным. Экономическая наука обычно связывает регулирование с косвенным влиянием на хозяйственные процессы, тогда как управление трактуется как применение непосредственных средств воздействия. В правоведении столь жесткое разграничение проводится не во всех под-

2 Поддержка малого и среднего предпринимательства (МСП), помощь предпринимателям. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://corpmsp.ru/>

3 Цифровая платформа МСП. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа сервисы для бизнеса <https://msp.rf> (дата обращения: 10.04.2026).

4 Центр «Мой бизнес». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мойбизнес.rf/about/> (дата обращения: 10.04.2026).

ходах, поэтому содержание указанных категорий нередко сближается.

Согласно одному из доктринальных подходов, правовое упорядочение предпринимательской деятельности охватывает нормативное воздействие на общественные отношения, складывающиеся между носителями публичной власти, включая государственные и муниципальные органы, и участниками хозяйственного оборота – организациями и индивидуальными предпринимателями – в связи с возникновением, изменением и прекращением предпринимательства. Такое влияние выражается в обязательных велениях, исходящих от публичной власти.

В юридической литературе государственное воздействие на предпринимательство обычно раскрывается через две группы средств: административные, предполагающие прямое вмешательство, и экономические, действующие косвенно.

Реализуются названные средства по двум ключевым направлениям:

- в публично-правовой сфере, прежде всего в рамках административного права, используются административные механизмы, содержание которых определяется обязательностью установленных государством требований;
- на условия ведения хозяйственной деятельности воздействуют экономические инструменты, формируя мотивацию предпринимателя и уровень привлекательности того или иного варианта поведения;
- в частноправовой области, главным образом в гражданско-правовой среде, преобладают косвенные способы влияния.

Экономические инструменты ограничивают свободу хозяйственного усмотрения, тогда как административное воздействие не затрагивает ее напрямую.

Для рыночной системы в строгом значении характерно доминирование опосредованных регуляторов.

Государственная поддержка малого предпринимательства в Российской Федерации формируется на основе комплекса федеральных и региональных источников права. К ключевым актам относятся следующие.

1. Вышеупомянутый Федеральный закон о развитии малого предпринимательства. Данный нормативный акт устанавливает правовое определение субъектов МСП, критерии их классификации, закрепляет основные направления содействия, включая финансовое, имущественное, информационное и иные виды обеспечения, а также фиксирует цели и начала государственной политики в рассматриваемой сфере. Одновременно закон предусматривает организацию статистического наблюдения за деятельностью субъектов МСП.

2. Федеральный закон «Об особенностях отчуждения движимого и недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁵. Указанный акт регулирует имущественные правоотношения, возникающие при переходе в частную собственность объектов, принадлежащих государству или муниципальным образованиям и находящихся в аренде у субъектов МСП. Закон закрепляет особый режим

приватизационных процедур и преимущественное право арендатора на выкуп такого имущества.

3. Постановление Правительства РФ от 21.08.2010 № 645⁶ определяет правила составления перечней объектов федеральной собственности, предназначенных для сектора МСП, а также урегулированы условия их передачи в владение или пользование на продолжительный период. Осуществление названных полномочий закреплено за Федеральным агентством по управлению государственным имуществом.

4. Постановление Правительства РФ от 01.12.2016 № 1283⁷. Документ уточняет ранее действовавший порядок имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, конкретизируя отдельные процедурные элементы предоставления соответствующих объектов.

5. Приказ Минэкономразвития России от 20.04.2016 № 264⁸ регламентирует направление информации о перечнях имущества, задействованных в механизме имущественной поддержки субъектов МСП, фиксируя требования к формату и составу передаваемых данных.

На уровне субъектов Федерации правовое регулирование сохраняет самостоятельное значение. В Астраханской области действует Закон от 20.02.2009 № 4/2009-ОЗ⁹, которым установлены ключевые направления поддержки субъектов МСП, охватывающие консультационные, финансовые, имущественные и иные меры.

Постановлением областного Правительства от 25.11.2025 № 731-П¹⁰ определен порядок предоставления субсидий Астраханскому фонду поддержки МСП для содействия субъектам, ориентированным на внешние рынки.

6 Постановление Правительства РФ от 21.08.2010 № 645 (ред. от 03.07.2025) «Об имущественной поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства при предоставлении федерального имущества» (вместе с «Правилами формирования, ведения и обязательного опубликования перечня федерального имущества, свободного от прав третьих лиц (за исключением права хозяйственного ведения, права оперативного управления, а также имущественных прав субъектов малого и среднего предпринимательства), предусмотренного частью 4 статьи 18 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».

7 Постановление Правительства РФ от 01.12.2016 № 1283 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 21 августа 2010 г. № 645» // СПС «КонсультантПлюс».

8 Приказ Минэкономразвития России от 20.04.2016 № 264 (ред. от 20.08.2020) «Об утверждении Порядка представления сведений об утвержденных перечнях государственного имущества и муниципального имущества, указанных в части 4 статьи 18 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а также об изменениях, внесенных в такие перечни, в акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», формы представления и состава таких сведений» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.07.2016 № 42964) // СПС «КонсультантПлюс».

9 Закон от 20.02.2009 № 4/2009-ОЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Астраханской области». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: astr-gov.ru.

10 Постановление Правительства Астраханской области от 25.11.2025 № 731-П «О Порядке предоставления субсидии из бюджета Астраханской области Астраханскому фонду поддержки малого и среднего предпринимательства (микрокредитная компания) на предоставление субъектам малого и среднего предпринимательства услуг и мер поддержки центром поддержки экспорта». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo-astobl.ru/documents/document-0002202511250002/> (дата обращения: 10.04.2026).

5 Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об особенностях отчуждения движимого и недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Решением Городской Думы № 61¹¹ была введена отсрочка исполнения арендных обязательств для субъектов малого и среднего предпринимательства в условиях пандемийных ограничений 2020г.

Наряду с указанными актами применяются и иные формы содействия, включая антикризисные меры: перенос сроков уплаты арендных платежей и субсидирование программ, связанных с развитием и сопровождением субъектов МСП.

Исследование действующих нормативных актов позволяет разграничить несколько трактовок государственной поддержки малого и среднего предпринимательства.

1. Поддержку МСП связывают с разработкой целевых программ, выбором форм и направлений содействия, а также с учреждением благоприятных условий для хозяйственной активности. В рамках такой интерпретации различают публично-правовое регулирование как юридическую категорию и собственно механизм поддержки малого и среднего предпринимательства. В прикладном измерении центральное место занимает исполнение государственных программ, ориентированных на данный сектор.

2. Государственную поддержку МСП понимают как установленную законодательством совокупность мер, способов и инструментов, нацеленных на формирование и развитие сегмента малого и среднего предпринимательства. Указанная система охватывает не только правовые преференции для соответствующих субъектов, но и нормативные пределы для контрагентов и иных лиц, взаимодействующих с ними. При таком подходе поддержка со стороны публичной власти выступает одним из базовых элементов правового положения субъектов МСП.

3. Поддержка МСП трактуется как межотраслевой правовой принцип, одновременно обладающий свойствами нормы-принципа. В таком статусе она входит в конструкцию государственного управления в качестве органически присущего ей элемента.

4. Содействие предпринимательству рассматривается как автономная, специально выделенная государственная функция.

Постатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 09.04.2026) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Поддержка малого и среднего предпринимательства (МСП), помощь предпринимателям. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://corpmsp.ru/>
3. Цифровая платформа МСП. Сервисы для бизнеса. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мсп.рф> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Центр «Мой бизнес». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мойбизнес.рф/about/> (дата обращения: 10.04.2026).
5. Федеральный закон от 22.07.2008 № 159-ФЗ (ред. от 06.04.2024) «Об особенностях отчуждения движимого и недвижимого имущества, находящегося в государственной или в муниципальной собственности

и арендуемого субъектами малого и среднего предпринимательства, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

6. Постановление Правительства РФ от 21.08.2010 № 645 (ред. от 03.07.2025) «Об имущественной поддержке субъектов малого и среднего предпринимательства при предоставлении федерального имущества» (вместе с «Правилами формирования, ведения и обязательного опубликования перечня федерального имущества, свободного от прав третьих лиц (за исключением права хозяйственного ведения, права оперативного управления, а также имущественных прав субъектов малого и среднего предпринимательства), предусмотренного частью 4 статьи 18 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации») // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства РФ от 01.12.2016 № 1283 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 21 августа 2010 г. № 645» // СПС «КонсультантПлюс».
8. Приказ Минэкономразвития России от 20.04.2016 № 264 (ред. от 20.08.2020) «Об утверждении Порядка представления сведений об утвержденных перечнях государственного имущества и муниципального имущества, указанных в части 4 статьи 18 Федерального закона «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», а также об изменениях, внесенных в такие перечни, в акционерное общество «Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства», формы представления и состава таких сведений» (Зарегистрировано в Минюсте России 22.07.2016 № 42964) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Закон от 20.02.2009 № 4/2009-ОЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Астраханской области». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: astr-gov.ru.
10. Постановление Правительства Астраханской области от 25.11.2025 № 731-П «О Порядке предоставления субсидии из бюджета Астраханской области Астраханскому фонду поддержки малого и среднего предпринимательства (микрокредитная компания) на предоставление субъектам малого и среднего предпринимательства услуг и мер поддержки центром поддержки экспорта». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo-astrobl.ru/documents/document-0002202511250002/> (дата обращения: 10.04.2026).
11. Решение № 61 «О мерах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» / Городская Дума муниципального образования «Городской округ город Астрахань». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://duma-astrakhan.ru/reshenie-61-o-merax-podderzhki-subektov-malogo-i-srednego-predprinimatelstva/> (дата обращения: 10.04.2026).

11 Решение № 61 «О мерах поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства» / Городская Дума муниципального образования «Городской округ город Астрахань». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://duma-astrakhan.ru/reshenie-61-o-merax-podderzhki-subektov-malogo-i-srednego-predprinimatelstva/> (дата обращения: 10.04.2026).

ЗДОРОВЦЕВА Анна Аркадьевна

доцент кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

СВИРИДОНОВА Татьяна Ивановна

заведующая кафедрой гражданского и коммерческого права, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

БЕСХОЗЯЙСТВЕННОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ПРЕКРАЩЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ НА ЖИЛОЕ ПОМЕЩЕНИЕ

Настоящая статья посвящена вопросам вещно-правового характера, связанными с правоотношениями, объектом которых являются жилые помещения. Анализируются особенности правового регулирования бесхозяйственности как основания прекращения права собственности на жилое помещение и бесхозяйственности как основания прекращения права пользования жилым помещением, что в обоих случаях влечет выселение. Авторами проводится сравнительно-правовая характеристика используемой законодателем терминологии: «бесхозяйственное содержание» и «бесхозяйственное обращение» в отношении жилого помещения. Констатация отсутствия нормативно-правового установления этих признаков незаконного действия граждан предопределила обращение авторов к анализу судебной практики. Отсутствие единообразного правоприменения норм гражданского и жилищного законодательства по вопросам определения признаков «бесхозяйственности» актуальны, так как в дальнейшем применяются как основания, влекущие серьезные для граждан вещно-правовые или жилищно-правовые последствия.

Ключевые слова: бесхозяйственное содержание, бесхозяйственное обращение, жилое помещение, прекращение права собственности, выселение, изъятие жилого помещения, интересы соседей.

ZDOROVITSEVA Anna Arkadjevna

associate professor of Civil law sub-faculty, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of justice of Russia)

SVIRIDONOVA Tatyana Ivanovna

Head of Civil and commercial law sub-faculty, St. Petersburg State Marine Technical University

NEGLIGENCE AS A GROUND FOR TERMINATION OF OWNERSHIP OF A RESIDENTIAL PREMISES

This article is devoted to issues of a property-legal nature related to legal relations involving residential premises. It analyzes the legal regulation of mismanagement as a basis for the termination of ownership of a residential premises and mismanagement as a basis for the termination of the right to use a residential premises, which in both cases leads to eviction. The authors provide a comparative legal analysis of the terminology used by the legislator: "mismanagement of a residential premises" and "mismanagement of a residential premises." The absence of a legal framework for these illegal actions by individuals prompted the authors to analyze court practice. The lack of uniform enforcement of civil and housing legislation on the definition of the signs of "neglect" is relevant, as it is further applied as grounds that entail serious property or housing rights for citizens.

Keywords: mismanagement, mismanagement of property, residential premises, termination of ownership, eviction, seizure of residential premises, interests of neighbors.

Актуальность темы статьи опосредована повышением внимания к статье 287.7 (ранее статья 293) Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), которая позволяет защитить права собственников и иных пользователей жилыми помещениями от «проблемных» соседей с одной стороны, а с другой лишить нарушителей своего жилья. Отсутствие в российском законодательстве систематизированной общности норм так называемого «соседского права» [1, с. 251] фактически компенсируется действием именно указанной статьи, посвященной возможности изъятия помещения (в том числе жилого) вследствие бесхозяйственного его содержания и нарушения прав и интересов соседей [2, с. 88]. Так как изъятие как процесс влечет прекращение права собственности на жилое помещение, то последующим действием следует выселение бывшего собственника, а в силу статьи 292 ГК РФ и членов его семьи.

Выселение является институтом жилищного права. Законодатель не всегда достаточно определенно связывает выселение в качестве естественного правового последствия жилищно-правового характера с конкретными фактами (основаниями), которые ему предшествуют. В соответствии с нормами жилищного законодательства эти основания можно разделить на вещно-правовые, обязательственные, иные (например, публичные). Вещно-правовые меры, влекущие за собой выселение, опосредуют собой прекращение вещных

прав на жилые помещения: права собственности или иного вещного права на жилые помещения. Например, в случае прекращения совместного проживания супругов, супруг, вселенный в жилое помещение как член семьи после расторжения брака признается бывшим членом семьи. Собственник жилого помещения, возражающий против пользования ответчиком принадлежащей ей квартирой (обоснование: совместное хозяйство стороны не ведут, общего бюджета не имеют, соглашения о порядке пользования жилым помещением с собственником не достигли) требует выселения в связи с тем, что у ответчика прекратилось право пользования жилым помещением в соответствии с ч. 4 ст. 31 Жилищного кодекса РФ (далее – ЖК РФ), например, по делу № 2-3102/2024 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2025 № 88-10608/2025). Причины обязательственного характера, которые могут предшествовать выселению – прекращение действия договора пользования жилым помещением вследствие ненадлежащего исполнения обязательства. Так, например, продажа квартиры вследствие обращения взыскания на заложенное имущество путем продажи с публичных торгов влечет прекращение права собственности и выселение бывшего (прежнего) собственника и членов его семьи (Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 28.09.2023 по делу № 88-15417/2023). В качестве иного примера можно привести дело о признании сдел-

ки дарения недействительной с применением последствий недействительности сделки, повлекшие прекращение права пользования жилым помещением ответчиком (ранее одаряемого по сделке дарения) – Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 06.04.2023 № 88-5325/2023 по делу № 2-5/2022. Причиной публично-правового характера может быть изъятие жилого помещения в связи с признанием его аварийным и непригодным для проживания (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2026 №88-3296/2026). К иным можно отнести пассивное поведение субъекта – участника жилищного правоотношения, который не воспользовался своим правом пользования жилым помещением (например, правом пожизненного проживания в жилом помещении при отказе от приватизации или правом проживания в силу завещательного отказа) и в силу действия срока погасительного характера (в частности, п. 4 ст. 1137 ГК РФ), признается не воспользовавшимся правом пользования жилым помещением (то есть добровольно отказавшимся от него), вследствие чего подлежит выселению (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2026 № 88-3296/2026).

В качестве значимого признака, указывающего на противоправные действия собственника помещения, статья 287.7 ГК РФ использует термин «бесхозяйственное содержание», применяя его к любым помещениям, в том числе и к жилым, а ч. 4 ст. 30, ст. 35, ч. 4 ст. 79, ч. 1 ст. 91 ЖК РФ использует термин «бесхозяйственное обращение». К сожалению, нормативными правовыми актами понятия «бесхозяйственное содержание» и «бесхозяйственное обращение» в отношении жилого помещения не уточняются. В первом случае оно влечет прекращение права собственности, а во втором – выселение из жилого помещения (не только собственника, но и пользователя жилого помещения). В научных публикациях вопрос о необходимости определения их содержания поднимался [3, с. 275].

Не решал вопрос о понятии бесхозяйственного обращения с жилым помещением и Жилищный кодекс РСФСР (далее – ЖК РСФСР). Несмотря на установление норм, материально-правового характера в виде обязанностей граждан бережно относиться к дому, в котором они проживают, использовать жилое помещение в соответствии с его назначением, соблюдать правила пользования жилыми помещениями и правила социалистического общежития, экономно расходовать воду, газ, электрическую и тепловую энергию (статья 10), ответственность виновных предусматривалась в соответствии со статьей 154 ЖК РСФСР за порчу жилых домов, жилых помещений, нарушение правил пользования жилыми помещениями в виде уголовной, административной и иной ответственности. Также предусматривалось в соответствии со статьей 98 ЖК РСФСР выселение без предоставления гражданам другого жилого помещения, если наниматель, члены его семьи или другие совместно проживающие с ним лица систематически разрушают или портят жилое помещение, или используют его не по назначению, либо систематически нарушают правила социалистического общежития, что делает невозможным для других проживание с ними в одной квартире или одном доме, а меры предупреждения и общественного воздействия оказались безрезультатными. Законодатель, как видно, разграничивал понятия «разрушение» и «порча» жилого помещения, что дополнительно требует дать разъяснения по существу бесхозяйственного обращения с ним.

Следует признать, что отсутствует нормативное определение понятия «надлежащее содержание жилого помещения» с его фактическим наполнением, за нарушение которого бы следовала квалификация деяния как «бесхозяйственное обращение». Действующий ЖК РФ устанавливает обязанность собственника в ч. 4 ст. 30 ЖК РФ: поддерживать жилое помещение в надлежащем состоянии, не допуская бесхозяйственного обращения с ним. В соответствии с частью 3 статьи 67 ЖК РФ наниматель жилого помещения по договору социального найма обязан: использовать жилое помещение по назначению и в установленных пределах; обеспечивать сохранность жилого помещения; поддерживать надлежащее состояние жилого помещения; проводить текущий ремонт жилого помещения. Приказ Минстроя России от 14.05.2021 № 292/пр «Об утверждении правил пользования жилыми помещениями» в п. 6 пп. «в» устанавливает, что в качестве пользователя жилым помещением по договору социального найма наниматель обязан обеспечивать сохранность жилого помещения, в том числе находящегося в нем санитарно-тех-

нического и иного оборудования, не допускать выполнение в жилом помещении работ или совершение других действий, приводящих к порче жилого помещения, находящегося в нем оборудования, а также к порче общего имущества в многоквартирном доме. В ст. 30 ч. 1 ЖК РФ установлено «бремя содержания» жилого помещения, которое конкретизируется в Постановлении КС РФ № 10-П от 12.04.2016, уточняя, исходя из позиции содольного бремени содержания общего имущества помещения в МКД. На основании изложенного можно заключить, что жилищное законодательство не уточняет понятие «бесхозяйственное содержание жилого помещения». В некоторых случаях авторы указывают на необходимый признак – безопасности жилого помещения [4, с. 32]. Интересно, что в дальнейшем Верховный Суд РФ в Постановлении № 14 от 02.07.2009 дополняет бесхозяйственное поведение признаком систематичности: под систематическим бесхозяйственным обращением с жилым помещением, ведущим к его разрушению, следует понимать целенаправленные постоянные действия нанимателя и (или) членов его семьи, влекущие повреждение либо уничтожение структурных элементов квартиры (окон, дверей, пола, стен, санитарно-технического оборудования и т.п.). По-видимому, систематический характер нарушения априори воспринимается правоприменителем вследствие установления предварительного предупреждения собственника (пользователя) жилого помещения о прекращении бесхозяйственного содержания (обращения) с требованием провести ремонт. Только после невыполнения требований, указанных в предупреждении, уполномоченный орган обращается (или наймодатель) вправе обратиться с соответствующим требованием в суд.

На практике целенаправленность и постоянный характер доказываются. Однако судебная практика пестрит разнообразием практической детализации фактического бесхозяйственного пользования гражданами своими жилыми помещениями, что предопределяет необходимость осмысления правоприменения по этому вопросу с формированием возможных изменений и дополнений законодательных диспозиций. Особую важность вопросу терминологического определения придает тот факт, что последствием совершаемых нарушений в отношении жилого помещения является прекращение права собственности на жилое помещение, а затем выселение из них.

Статьей 287.7 ГК РФ предусмотрено несколько нарушений, влекущих за собой прекращение права собственности на жилое помещение: «использует его не по назначению», «систематически нарушает права и интересы соседей» и «бесхозяйственно содержит помещение, допуская его разрушение». Статья 35 ЖК РФ в части 2 предусматривает также несколько нарушений, влекущих за собой прекращение ограниченных вещных прав на жилое помещение: «использование жилого помещения не по назначению», «систематическое нарушение прав и законных интересов соседей» и «бесхозяйственное обращение с жилым помещением, допуская его разрушение».

Принимая во внимание, что наймодатель (уполномоченный государственный орган или орган местного самоуправления) вправе назначить нанимателю и членам его семьи разумный срок для устранения допущенного их действиями разрушения жилого помещения (часть 1 статьи 91 ЖК РФ), суду при рассмотрении дела о выселении необходимо проверить, назначался ли такой срок наймодателем и были ли предприняты нанимателем и членами его семьи какие-либо меры для устранения этих нарушений (приведения жилого помещения в состояние, пригодное для постоянного проживания). Описанный правовой механизм квалификации нарушения применяется не только для прекращения ограниченных вещных прав на жилое помещение, но и права собственности (статья 287.7 ГК РФ).

Заслуживают внимания некоторые различия в положениях статей двух источников. В первую очередь, можно констатировать, что обе статьи направлены на прекращение вещных прав, на жилое помещение: право собственности и ограниченные вещные права соответственно. Понимая, что разделы в упомянутых кодексах, посвященные вещно-правовому регулированию прав на жилые помещения, названы одинаково, такое разделение не является обоснованным. В части регулирования ЖК РФ остались вопросы прекращения прав бывших членов семьи собственника жилого помещения, лица, проживающего по завещательному отказу. Вторых, законодатель использует разные понятия: «интересы соседей» и «законные интересы соседей». Очевидно, что они

соотносятся как общее и частное: первое предполагает стремление любого лица сохранить или получить материальные и иные блага (имущественные, неимущественные, частные, публичные и т.д.); второе подлежит судебной защите в случае нарушения и отождествляет дозволение, правомочие пользования благом без четких границ с возможностью требования определенных действий от других лиц (несмотря на то, что не сформулирован в общем праве, а исходит из его смысла, принципов и т.д.). В-третьих, законодатель по-разному устанавливает незаконные действия по отношению к жилому помещению: в Гражданском кодексе РФ – «бесхозяйственное содержание помещения», в Жилищном кодексе РФ – «бесхозяйственное обращение с жилым помещением», видимо, в связи с упоминанием в статье 30 обязанности собственника не допускать бесхозяйственного обращения с жилым помещением. Не являющаяся собой какие-либо противоречия двух слов «содержание» и «обращение», в случае практической реализации начинают иметь совершенно самостоятельное звучание.

«Содержание» как понятие, используемое в Жилищном кодексе РФ и в целях реализации жилищных отношений, в большей степени относится и конкретизируется в отношении общего имущества МКД (Постановление Правительства РФ № 461 от 13.08.2006). Несмотря на попытки использовать более конкретный термин «содержание жилого помещения» в Приказе Минстроя РФ от 06.04.2018 № 213/ПР, оно все равно определяется как услуги и работы по управлению многоквартирным домом, содержанию и текущему ремонту общего имущества в многоквартирном доме и за коммунальные услуги, потребляемые при использовании и содержании общего имущества в многоквартирном доме.

Рассматривая термин «бесхозяйственность» в гражданском законодательстве, можно отметить, что в перечне оснований прекращения права собственности (ст. 235 ГК РФ) как гражданско-правовую меру ответственности (санкции) предусмотрен выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей, домашних животных [5, с. 15]. В первом случае решающим критерием является угроза утрата значения ценности, а во втором – обращение с животным в явном противоречии с установленными на основании закона правилами и принятыми в обществе нормами гуманного отношения к животным.

Отсутствие понятие «бесхозяйственно содержимое жилое помещение» приводит к появлению в судебных решениях различных трактовок, наполненных фактами неправомерных действий граждан: разрушение санитарно-технического оборудования, отсутствие оконных и дверных проемов. Еще сложнее складывается ситуация в отношении таких жилых помещений, как жилой дом, расположенный на отдельном земельном участке. Имеют место случаи, когда изъятие происходит и жилого дома и земельного участка одновременно, а в качестве оснований суд определяет наличие фактов нарушения не только пользования домом, но и земельным участком [6, с. 41]. В некоторых случаях неухаживаемость земельного участка расценивается как дополнительный фактор бесхозяйственного обращения с жилым помещением. Заочным решением Кольского районного суда Мурманской области от 09.08.2023 по делу № 2-1747/2023 по иску Администрации Кольского района Мурманской области удовлетворено требование о прекращении права собственности на жилой дом и земельный участок, на котором он расположен. Поскольку правоотношения, связанные с земельным участком регулируются иным законодательством, применение статьи 287.7 ГК РФ при изъятии жилого дома с земельным участком требуют разъяснения суда высшей инстанции.

Практические решения по делам о бесхозяйственном содержании жилого помещения следующим образом уточняют противоправные деяния: разрушение квартиры: ее антисанитарное состояние, отсутствие вентиляционных решеток в кухонном помещении, раковины и смесителя с душем, в ванной комнате отсутствие эмалевого покрытия, отсутствие обоев в комнате площадью 17 кв. м, повреждение напольного покрытия в жилых помещениях и в помещении прихожей, кухне, ванной и туалете (Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 05.09.2017 № 33-16401/2017 по делу № 2-1124/2017); вырывание со стены обоев, разбивание приборов освещения (Решение Петрозаводского городского суда Республики Карелия от 23.05.2023 № 2-2663/2023); бесхозяйственное обращение с жилым помещением: захламление, отсутствие необходимого ремонта, стены покрыты грибом, пол на кухне прогнил, санитарно-

техническое оборудование в санузле и на кухне нуждается в замене, оконные рамы в спальне и на кухне прогнили, забиты железом; входная дверь в жилое помещение демонтирована, дверной проем заколочен парниковой пленкой; квартира находится в антисанитарном состоянии (множество тараканов, сильный запах из квартиры); оконные блоки повреждены, представляют угрозу обрушения, остекление частично отсутствует (Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27.09.2022 № 88-29514/2022); отсутствие текущего ремонта, разрушенные оконные рамы, радиаторы, электропроводка, двери, водопроводные и канализационные сети, содержание собак в комнатах (Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2025 № 88-1468/2025 (УИД 24RS0060-01-2023-000625-85); сантехническое оборудование не работает, отключено электроснабжение, у нее сломан унитаз (Решение Ковдорского районного суда Мурманской области от 20.06.2025 по делу № 2-104/2025). Однако в другом деле суд отметил, что содержание жилого помещения в антисанитарном состоянии, нельзя признать исключительными обстоятельствами, требующими применения крайней меры ответственности как выселение из квартиры без предоставления жилого помещения (Решение Рубцовского городского суда Алтайского края от 03.07.2024 по делу № 2-1842/2024). В другом деле разовый случай пожара не подтвердил систематический характер нарушений, хотя ремонт не был произведен (Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 26.11.2025 № 88-20208/2025).

Представляется необходимым ввести единое понятие «бесхозяйственное содержание жилого помещения», включив его в ч. 4 ст. 30, ст. 35, ч. 4 ст. 79, ч. 1 ст. 91 ЖК РФ и определив его как совершение действий (бездействий), влекущих разрушение самого помещения и его отдельных конструктивных элементов функционального назначения, включая самовольную перепланировку и переустройство.

В ситуации правовой неопределенности важную роль играет Постановление Пленума Верховного Суда № 14, требующее расширенного разъяснения по вопросам судебной практики по делам о бесхозяйственном содержании жилого помещения, а при решении вопроса о доказательствах факта действий, ведущих к разрушению жилого помещения необходимо возложить на ответчика, совершающего незаконные действия (бездействия), обязанность проводить экспертизу состояния жилого помещения на предмет фактического состояния и пригодности для проживания.

Пристатейный библиографический список

1. Феоктистов П. А. Недобросовестное правоупотребление соседей как нарушение конституционного права на жилище // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 2 (71). – С. 249-253.
2. Карягина В. С. Гражданско-правовая ответственность при нарушении жилищных прав: вопросы теории и практики // Проблемы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16. № 7. – С. 82-93.
3. Исакова Н. А. Публично-правовые средства противодействия бесхозяйственному обращению с жилыми помещениями // Эпомен. – 2020. – № 41. – С. 270-280.
4. Ковалева О. А. Новый взгляд на содержание принципа безопасности жилого помещения // Семейное и жилищное право. – 2021. – № 6. – С. 31-34.
5. Андреев Ю. Н. О соотношении гражданско-правовых санкций, мер ответственности и способов защиты // Цивилист. – 2025. – № 6. – С. 13-23.
6. Хлебников П. Проблемы заброшенного жилья // Жилищное право. – 2023. – № 5. – С. 37-44.

ЗИМНЕВА Светлана Викторовна

кандидат юридических наук, доцент, доцент Академического департамента Школы права и управления, Тюменский государственный университет

ПРОЯВЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В МЕХАНИЗМЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ ДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье рассматриваются вопросы реализации принципа добросовестности при освобождении стороны договора от ответственности в рамках осуществления предпринимательской деятельности. Выделены основные подходы, сформировавшиеся в доктрине, к определению добросовестности. На примере судебного дела показаны позиции судов к применению мер ответственности при добросовестном и разумном поведении сторон договора в случае просрочки исполнения обязательства. Автор рассматривает возможность выделения добросовестности как самостоятельного основания освобождения лица от ответственности за нарушение договора. Особое внимание в статье уделяется проблеме установления сложной взаимосвязи между категорией вины и принципом добросовестности. В результате проведенного исследования выявлено влияние принципа добросовестности на применение к субъектам предпринимательства мер гражданско-правовой ответственности. Сделаны выводы о закреплении в гражданском законодательстве случаев, когда добросовестность является основанием освобождения правонарушителя от договорной ответственности, а также об использовании добросовестности как критерия оценки виновного нарушения обязательства при применении пункта 4 статьи 401 ГК РФ.

Ключевые слова: добросовестность, разумность, освобождение от ответственности, неустойка, договорная ответственность, непреодолимая сила, вина, предпринимательская деятельность.

ZIMNEVA Svetlana Viktorovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of the Academic Department School of Law and Management, Tyumen State University

THE MANIFESTATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH IN THE MECHANISM OF RELEASE FROM CONTRACTUAL LIABILITY

The article discusses the implementation of the principle of good faith in the context of the exemption of a party from liability under a contract in the course of business activities. The main approaches to the definition of good faith in the doctrine are highlighted. The article uses a court case to illustrate the positions of courts regarding the application of liability measures in cases of good faith and reasonable behavior of the parties to a contract in the event of a delay in fulfilling an obligation. The author considers the possibility of distinguishing good faith as an independent basis for exempting a person from liability for violating a contract. The work pays special attention to the problem of establishing a complex relationship between the category of guilt and the principle of good faith. As a result of the conducted research, the influence of the principle of good faith on the application of civil liability measures to business entities has been revealed. Conclusions are drawn about the consolidation in civil legislation of cases when good faith is the basis for the release of the offender from contractual liability, as well as the use of good faith as a criterion for assessing the culpable violation of obligations when applying paragraph 4 of Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: good faith, reasonableness, exemption from liability, penalty, contractual liability, force majeure, fault, business activity.

Появление в гражданском законодательстве принципа добросовестности исследователи обычно связывают со вступлением в силу в 2013 году обновлённой редакции статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ). Согласно пункту 3 статьи 1 ГК РФ принцип добросовестности сформулирован как требование к участникам гражданских правоотношений, действовать добросовестно. Тем самым данный принцип выступает своего рода «красной нитью», пронизывающей всё позитивное право [17, с. 80].

Однако в юридической литературе встречается мнение, что принцип добросовестности в гражданском законодательстве присутствовал всегда, поскольку в ГК РФ на протяжении всего срока его действия содержалась статья 10, устанавливавшая санкции за формально законное, но недобросовестное поведение [18, с. 16].

Разъяснения относительно применения данного принципа высшей судебной инстанцией даны в 2015 году в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 № 25. Важным моментом, отражённым судом, является оценка действий сторон как добросовестных или недобросовестных,

а именно: «следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны».

Несмотря на закрепление принципа добросовестности в статье 1 ГК РФ и приведённые выше разъяснения Верховного суда РФ, его содержание не поддается однозначному определению.

Доктринальные подходы к определению добросовестности

Цивилистическая доктрина не выработала единого универсального определения понятия добросовестности. Однако, как свидетельствует анализ литературы, учёные предприняли такие попытки задолго до появления его в гражданском законодательстве [1, с. 87]. Между тем существует мнение, что более ценным является анализ сущности добросовестности, выделение признаков и свойств, а не разработка самого понятия [22, с. 85].

За всё время существования данного принципа условно можно выделить несколько подходов, сложившихся в доктрине к понятию добросовестности.

Зимнева С. В.

Во-первых, ценностно-правовой подход. Исследователи связывают понятие добросовестности с фундаментальными началами существования человека — добром и злом [8, с. 126], рассматривают его как устойчивую систему представлений о нравственности поведения [2, с. 1364], содержание поведения, возникающего вследствие реализации права на нравственное достоинство [16]. При данном подходе акцент сделан на нравственных качествах лица, которые должны присутствовать в поведении субъекта, поскольку добросовестность является ценностью и морально-нормативным требованием, включающим сознательность и аккуратность в исполнении гражданско-правовых обязательств [11, с. 367].

Во-вторых, объективно-правовой подход. С точки зрения сторонников этого подхода, добросовестность выступает как: «внешнее мерило поведения индивида» [13], «оценка поведения участников с точки зрения определенного масштаба этого поведения, выработки его стандартов» [17, с. 37]. Следовательно, поведение считается добросовестным, если оно соответствует разумным ожиданиям контрагентов и общества в целом.

В-третьих, субъективно-правовой подход. Представители данного подхода характеризуют добросовестность как «проявление должной заботливости о соблюдении прав и законных интересов других участников» [20, с. 11], «психическое отношение лица к предвидимому вреду или возможности его предвидения, которое может быть у среднего вменяемого (разумного) человека» [6]. При данном подходе широко распространена точка зрения, что на добросовестность как отражение субъективной стороны поведения участников указывает использование сочетаний «не знал и не должен был знать» [10, с. 67] или «не знал и не мог знать» [15, с. 160]. Таким образом, представители субъективно-правового подхода исходят из ключевого значения психологического аспекта субъекта и его готовности действовать честно и добросовестно.

В-четвертых, дуалистический (объективно-субъективный) подход. Сторонники данного подхода рассматривают добросовестность как «сочетание внешней оценки поведения и внутренней мотивации лица» [11, с. 369], а также единство объективной и субъективной составляющих [5], «в объективном значении как известное внешнее мерило; в субъективном смысле — как сознание лица по отношению к определённым обстоятельствам» [13].

Соглашаясь с мнением о дуализме понятия «добросовестность», отметим, что сегодня широко используется именно дуалистическая концепция понимания *bona fides*. В объективном смысле добросовестность означает требование к поведению участников правоотношений, вытекающее из конкретных правовых норм. Субъективный элемент свидетельствует о наличии у лица психологической позиции и внутреннего понимания необходимости определенного поведения.

Таким образом, в современной цивилистике сформировалась многоаспектная и взаимодополняющая концепция понимания добросовестности. В настоящее время отсутствует единое универсальное определение данного понятия, что представляется оправданным, поскольку оно носит оценочный характер и рассчитано на конкретизацию исключительно в рамках правоприменения [4].

Добросовестность и разумность поведения как основание освобождения от договорной ответственности

Добросовестное поведение при исполнении договорных обязательств основывается на ожидаемом поведении

сторон. Неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора влечёт ответственность лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, за исключением случаев, когда надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы (пункт 3 статьи 401 ГК РФ). Во избежание ситуации, при которой предприниматель будет привлечён к ответственности, несмотря на очевидное отсутствие вины и добросовестность поведения, в договоре целесообразно предусмотреть положения, определяющие основания освобождения от ответственности.

В этой связи представляет интерес подход судебной практики к вопросу о привлечении стороны по договору к ответственности, на примере следующего дела. Заказчик своевременно не продлил разрешение на строительство из-за незаконного отказа администрации, что установлено в рамках иного арбитражного дела. В связи с этим подрядчик предъявил к заказчику требование о взыскании с него неустойки.

Суды первой и апелляционной инстанции в иске отказали. В постановлении АС Западно-Сибирского округа от 19.01.2017 № Ф04-6040/2016 по делу № А70-2241/2016 кассационная инстанция, ссылаясь на статью 401 ГК РФ, указала, что предприниматели несут ответственность независимо от вины при отсутствии форс-мажора, и признала выводы нижестоящих судов ошибочными. При новом рассмотрении дела с заказчика была взыскана неустойка.

В рассматриваемом деле наличие незаконного отказа администрации в продлении разрешения на строительство и судебного решения, обязывающего устранить администрацию допущенные нарушения, не освобождает заказчика от гражданско-правовой ответственности за просрочку исполнения обязательства. Вместе с тем заказчик предпринял все разумные меры для его исполнения, заблаговременно обратившись в администрацию с заявлением о продлении разрешения, оспорив отказ в арбитражном суде [12, с. 46]. Указанные обстоятельства свидетельствуют о добросовестном и разумном поведении заказчика.

Добросовестное поведение субъекта, как правило, связывается с совершением разумно необходимых действий (пункт 7 информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 г. № 127).

В юридической литературе отсутствует единство взглядов относительно сущности разумности. В частности, разумность рассматривается как: оптимальный способ разрешения конкретной хозяйственно-управленческой ситуации [19], стремление соизмерять своё поведение со здравым смыслом, представлениями о предусмотрительности и экономической целесообразности [9, с. 19]. Разумность в гражданском праве как юридическая характеристика задаёт модель должного поведения субъектов гражданского оборота.

В приведённом примере из судебной практики решение соответствует букве закона, но воспринимается как несправедливое: неправомерный отказ администрации в продлении разрешения на строительство не должен влечь негативные последствия для заказчика и может рассматриваться как основание освобождения от договорной ответственности. Добросовестность и разумность поведения стороны по договору в таком случае служат аргументом в пользу освобождения от ответственности. Однако в предпринимательских отношениях действующее законодательство не предусматривает освобождение от договорной ответственности лишь по мотиву добросовестного поведения при ненадлежащем исполнении обязательств.

Следует отметить, что в зарубежном праве добросовестность лица в отдельных случаях является основанием для освобождения от ответственности. Так, согласно законодательству США, директор корпорации может быть освобождён от ответственности за ущерб, причинённый руководством корпорации её акционерам, при условии доказанности добросовестности его действий [21].

Подобный пример применения добросовестности как основания освобождения от ответственности встречается в российском законодательстве в корпоративных правоотношениях. В соответствии с постановлением Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62, такое освобождение допускается при наличии добросовестности и разумности действий руководителя.

В юридической литературе высказывалось мнение, что добросовестность должника должна являться самостоятельным основанием освобождения его от ответственности за нарушение договора [3, с. 9]. Кроме того, освобождение от ответственности должно быть исключительной мерой, направленной на обеспечение стабильности хозяйственной деятельности [12, с. 49].

Использование категории добросовестности в качестве оправдывающего обстоятельства, превращающего формально виновное поведение в невиновное [21], по существу означает, что лицо действует правомерно, если оно действительно руководствовалось добросовестностью и разумно полагало свои действия законными.

Конечно, при установлении основания освобождения от ответственности в виде добросовестности задача законодателя заключается не в том, чтобы устанавливать награду за добросовестность [13, с. 56-90], а в защите законных интересов должника, обеспечении справедливости при разрешении юридических дел и, следовательно, в достижении баланса интересов сторон договора через соответствующее правоприменение.

Однако в гражданском обороте ответственность предпринимателя по договорным обязательствам наступает независимо от вины, что обусловлено принципом максимальной заботливости и осмотрительности. Следовательно, независимо от того, насколько заботливо или осмотрительно действовал субъект, на него всё равно будет возложена ответственность, если только он не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие обстоятельств непреодолимой силы.

Таким образом, анализируя систему оснований гражданско-правовой ответственности через призму дуалистического подхода к категории добросовестности, можно заключить, что применительно к общим основаниям ответственности добросовестность будет как объективной, так и субъективной, а применительно к ответственности без вины – объективной.

В доктрине преобладает мнение, что принцип добросовестности требует своей конкретизации судом при каждом рассмотрении дела [22, с. 88]. Исходя из этого, именно суды призваны продвигать принципы гражданского права в жизнь посредством толкования закона и формировании судебных доктрин, основанных на принципах [14, с. 121].

Вместе с тем предоставление столь широкого усмотрения при выделении добросовестности в качестве самостоятельного основания освобождения от ответственности чревато чрезмерной свободой действий для судов и повышенной неопределённостью для предпринимателей. Поэтому выделение добросовестности как основания освобождения от

договорной ответственности не является самодостаточным и не может рассматриваться как самостоятельное основание освобождения в отрыве от иных фактических обстоятельств.

Соотношение категории вины и принципа добросовестности

Гражданский кодекс РФ не содержит понятие вины. В статье 401 ГК РФ закреплёно понятие невиновности: если должник принял все меры для надлежащего исполнения обязательства при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота.

Требование добросовестного поведения раскрывает содержание принципа добросовестности, то есть добросовестность задает рамки поведения сторон при исполнении обязательств. Недобросовестное поведение противоречит этому принципу.

Ключевой проблемой в применении ответственности за нарушение обязательств, на наш взгляд, является установление сложной взаимосвязи между категорией вины и принципом добросовестности.

В доктрине существует подход, согласно которому недобросовестное поведение не рассматривается как элемент состава гражданского правонарушения, а категории вины и недобросовестности не соотносятся по модели род-вид. Согласно данной концепции, состав правонарушения устанавливается на основании собственных критериев, тогда как недобросовестность выступает самостоятельным основанием для применения специальных мер, в частности, запрета злоупотребления правом [22, с. 88].

Сторонники иного подхода рассматривают вину как форму нарушения принципа добросовестности, то есть определение вины через род-вид. Так, Т. И. Илларионова определяет, что недобросовестность имеет все существенные признаки вины, выражает волевое отношение лица к должному, но способность предвидеть вредные последствия не учитывается [7, с. 150]. По мнению А. А. Чукреева, методологически более обоснованно рассматривать недобросовестность и вину как качественно различающиеся формы нарушения принципа добросовестности. При этом вина трактуется как квалифицированная недобросовестность [20, с. 177].

На наш взгляд, данный подход к соотношению понятий недобросовестности и вины обладает рядом преимуществ, при котором формируется единая оценочная рамка поведения, в которой любые формы вины оцениваются через призму добросовестности; сохраняется концептуальная цельность, поскольку нарушение норм морали коррелирует с юридической виной; судам предоставляется возможность более тонко корректировать правовые последствия, апеллируя к добросовестности.

Анализируя принцип добросовестности в механизме освобождения от договорной ответственности, следует отметить, что добросовестность оказывает определённое влияние на применение мер гражданско-правовой ответственности к субъекту.

Так, пункт 1 статьи 901 ГК РФ закрепляет добросовестность хранителя как основание освобождения от ответственности, извинительное незнание (он не знал и не должен был знать) о свойствах вещей погашает негативные обстоятельства. Аналогичная конструкция закреплена пунктом 2 статьи 926.5 ГК РФ, где в качестве обстоятельства освобождения от ответственности эскроу-агента предусмотрена его добросовестность. Также недобросовестность одной из сторон вво-

дится в конструкцию гражданской ответственности как обстоятельство, освобождающее продавца от ответственности, в случае, предусмотренном пунктом 1 статьи 461 ГК РФ.

Следует отметить соглашения об устранении или ограничении ответственности (пункт 4 статьи 401 ГК РФ). Закон запрещает заключение заранее соглашения об устранении или ограничении ответственности за умышленное нарушение обязательства, но допускает заключение соглашения об освобождении или ограничении ответственности без привязки к умышленному характеру нарушения.

При применении пункта 4 статьи 401 ГК РФ добросовестность является критерием оценки виновного нарушения обязательства, поскольку согласно разъяснениям Верховного суда РФ (определение СК ЭС ВС РФ № 305-ЭС21-24470) предметом судебной оценки является поведение должника, ссылающегося на ограничение своей ответственности договором. В каждом конкретном случае суд должен выяснить, добросовестно ли действует должник, возражая против требования кредитора на основании условия договора. При отсутствии у должника минимального уровня заботливости и осмотрительности при исполнении обязательства, условие договора, освобождающее или ограничивающее ответственность должника, не подлежит применению.

Заключение

В заключение следует подчеркнуть, что добросовестность не является самостоятельным основанием освобождения от договорной ответственности, но используется в рамках механизма гражданско-правовой ответственности как основание освобождения от применения санкций в случаях, предусмотренных законом, а также как критерий оценки поведения, влияющего на применение мер ответственности.

Пристатейный библиографический список

- Бабаев В. Н. Презумпции в советском праве. - Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1974. - 124 с.
- Богданова Е. Е. Принцип добросовестности в договорных отношениях в Российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы российского права. - 2014. - № 7. - С. 1363-1369.
- Богданова Е. Е. Актуальные проблемы возмещения убытков в договорных обязательствах // Гражданское право. - 2015. - № 3. - С. 6-9.
- Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Общие положения. - 3-е изд., стереотипное. - М.: Статут, 2001. - Кн. 1. - 848 с.
- Земельный вопрос у нас не решен до сих пор [Интервью с Е. А. Сухановым] // Закон. - 2025. - № 1. - С. 8-21.
- Иванова С. А. Некоторые проблемы реализации принципа социальной справедливости, разумности и добросовестности в обязательственном праве // Законодательство и экономика. - 2005. - № 4.
- Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер. - Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 1982. - 168 с.
- Калина В. Ф., Милохова А. В. Гражданско-правовой принцип добросовестности как этическая и правовая категория // Вестник РГТУ. Серия «Экономика. Управление. Право». - 2018. - № 3 (13). - С. 125-133.
- Коновалов А. В. Принцип разумности в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. - 2019. - № 8. - С. 11-21.
- Краснова С. А. Определение понятия «добросовестность» в российском гражданском праве // Журнал российского права. - 2003. - № 3. - С. 62-67.
- Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. - М.: Статут, 2010. - 423 с.
- Лукьяненко М. Ф., Зимнева С. В. Добросовестность и разумность поведения как основание освобождения от гражданско-правовой ответственности // Государство и право. - 2017. - № 8. - С. 42-49.
- Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. - 2006. - № 6. - С. 56-90.
- Основные положения гражданского права: поста-тейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко и др.; отв. ред. А. Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2020. - 1102 с.
- Пермяков А. В., Кириллов Д. А. Межотраслевой модельный подход к разграничению добросовестности и невиновности в гражданском праве России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. - 2019. - Том 5. № 2. - С. 155-170.
- Седова Ж. И. Правовые формы отрицания недобросовестного поведения. - М.: Статут, 2023. - 486 с.
- Соломин С. К. Теория добросовестности в российском гражданском праве: становление, развитие, перспективы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. - № 2 (47). - С. 75-85.
- Соломин С. К., Соломина Н. Г. Добросовестность в гражданском праве: монография. - М.: Юстицинформ, 2018. - 144 с.
- Тихомиров М. Ю. Комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью». - М.: Изд. Тихомирова М.Ю., 2006. - С. 226-227.
- Чукреев А. А. Субъективные условия применения санкций гражданского законодательства о предпринимательской деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. - Тюмень, 2003. - 252 с.
- Шереметьева Н. В. Недобросовестность в вещном праве: монография. - М.: Проспект, 2023. - 136 с.
- Яровой А. В. Добросовестность: проблемы доктринального определения и практического применения // Актуальные проблемы российского права. - 2025. - № 7. - С. 83-93.

КИРСАНОВА Наталия Борисовна

старший преподаватель Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы, Гуманитарный институт, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

ПУГАЧ Полина Андреевна

независимый исследователь, г. Санкт-Петербург

ПРОБЛЕМА ПРИОРИТЕТА АЛИМЕНТОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

Настоящая работа посвящена исследованию вопросов алиментных обязательств в рамках дела о банкротстве физического лица. В связи с тем, что каждый кредитор стремится к полному удовлетворению своих требований, а имущества должника не всегда может хватить для их удовлетворения, приоритетное положение определенных требований может приводить к ущемлению прав одних кредиторов и преимуществу прав других, что, в свою очередь, к несоблюдению баланса интересов кредиторов. Однако институт алиментов обеспечивает содержание нетрудоспособных или несовершеннолетних лиц, таким образом реализуя статью 7 Конституции Российской Федерации. Вместе с тем, недобросовестные должники могут воспользоваться указанными в статье гарантиями с целью умышленного ущемления интересов кредиторов. Поэтому вопрос баланса алиментных обязательств и иных требований кредиторов является актуальным, требующим многостороннего исследования.

Ключевые слова: алиментные обязательства, алименты, банкротство физического лица, кредитор.

KIRSANOVA Nataliya Borisovna

senior lecturer, Higher School of Jurisprudence and Forensic Engineering, Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

PUGACH Polina Andreevna

independent researcher, St. Petersburg

THE PROBLEM OF PRIORITY OF ALIMONY IN PERSONAL BANKRUPTCY

This work is devoted to the study of issues related to alimony obligations in the context of an individual's bankruptcy case. Since each creditor seeks to fully satisfy their claims, and the debtor's assets may not always be sufficient to meet these demands, the prioritization of certain claims can lead to the infringement of the rights of some creditors and the advantage of others, resulting in a lack of balance among the creditors' interests. However, the institution of alimony ensures the support of disabled or minor individuals, thereby fulfilling Article 7 of the Constitution of the Russian Federation. At the same time, unscrupulous debtors may use the guarantees provided in the article to deliberately infringe upon the interests of creditors. Therefore, the issue of balancing alimony obligations and other creditors' claims is relevant and requires comprehensive research.

Keywords: alimony obligations, alimony, bankruptcy of an individual, creditor.

Кирсанова Н. Б.

Пугач П. А.

Банкротство является одним из самых востребованных институтов гражданского права, позволяющее тысячам граждан избавиться от неподъемных долговых обязательств и восстановить финансовую независимость. За 2025 год количество судебных процедур физических лиц составляло 568 тыс., что на 31,5 % больше, чем за 2024 год. В отношении внесудебных процедур это разница составляет 22,9 % в сторону увеличения.

Первым заместителем министра Минэкономразвития Максимом Колесниковым в статистическом релизе Федерсурса по итогам 2025 года было отмечено, что институт судебного банкротства физических лиц, который отметил в 2025 году свое десятилетие, успешно справляется со своей главной задачей¹. Однако с увеличением количества банкротств граждан возросло и количество юридических сложностей. Например, несмотря на то, что система в целом и работает эффективно, её возможности испытываются на прочность при необходимости уравнивать интересы обладателей различных видов требований. Практике известны случаи, когда должник, являющийся физическим лицом, имеет алиментные обязательства, которые могут противоречить интересам кредиторов, так как ставятся в приоритет согласно законодательству. Иными словами, получатель алиментов также выделяется законодательством в качестве кредитора, но со своими особенностями. К примеру, если у лица имеется задолженность по уплате алиментов, это не является основанием для

инициирования банкротства в силу невозможности суждения об общей неплатежеспособности лица, в таком случае возбуждается исполнительное производство по взысканию задолженности с плательщика. Однако в совокупности с другими условиями, предусмотренными Федеральным законом № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (Далее – Закон о банкротстве), а именно просрочкой платежей по задолженности в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, а также размером требований к должнику в общей сумме не менее пятисот тысяч рублей (для внесудебного банкротства обязателен только факт общей задолженности в размере от 25 тыс. до 1 млн рублей), задолженность по уплате алиментов будет признана требованием 1 очереди кредиторов².

Согласно статье 213.27 Закона о банкротстве требования кредиторов могут носить текущий и реестровый характер. Вне очереди, но за счет конкурсной массы удовлетворяются требования кредиторов по текущим платежам. Законом предусмотрен порядок удовлетворения. Алиментные обязательства занимают первую очередь наряду с судебными расходами и выплатой вознаграждения финансовому управлению, которые погашаются в порядке календарной очередности. Однако требования по уплате алиментов носят двойственный характер, так как могут также погашаться и в порядке очередности за счет конкурсной массы, то есть в рамках реестра требований кредиторов. В таком случае речь

1 Статистический бюллетень ЕФРСБ на декабрь 2025 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fedresurs.ru/news/26005c7d-3cca-4cfe-b989-99e86a9c5c31> (дата обращения: 01.02.2026).

2 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

идет о задолженности по алиментным обязательствам. Двойственный характер объясняется тем, что текущими платежами признаются те обязательства, требования по которым возникли после даты принятия заявления о признании лица банкротом (ст. 5 Закона). А реестровыми те, требования по которым возникли до даты принятия заявления о признании должника банкротом. Соответственно, с учетом сути алиментных обязательств – а именно что это регулярные ежемесячные выплаты в установленном размере – алименты действительно могут быть как текущими платежами, так и реестровыми. Но разница в том, что в текущие платежи эти обязательства включаются автоматически при действительной обязанности их уплаты, а в реестровые – по требованию получателя алиментов³.

Законодатель предусмотрел определенные исключения для такой категории платежей, как алименты. Если по общему правилу для подачи кредиторами заявления о признании должника банкротом, а также заявления о включении требований в реестр они должны предоставить основания такого требования, а именно – решение суда, судебный приказ, исполнительный лист в целях защиты от необоснованной инициативы, то в случае с алиментами как с реестровыми требованиями получатель алиментов имеет право подать заявление без вышеперечисленных документов, но с доказательством задолженности – расчет задолженности из ФССП, свидетельство о рождении ребенка и т.д. и при условии отсутствия спорных вопросов, связанных с отцовством, материнством. Как отмечает Герасимова О.А., в случае отсутствия судебного решения предполагается обязательное наличие нотариально заверенного соглашения между плательщиком и получателем алиментов, исходя из определения Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2019 г. N 309-ЭС19-8086, в котором суд уточнил, что в отсутствие решения суда требование о включении в реестр задолженности по алиментам не может быть рассмотрено без такого нотариально заверенного соглашения, в ином случае предполагается, что никакого соглашения, а соответственно и задолженности, нет, так как споры о взыскании алиментов рассматриваются в судах общей юрисдикции, а не в Арбитражном суде [2].

Так как индивидуальным предпринимателем согласно статье 23 Гражданского кодекса РФ признается гражданин, то мы делаем вывод о том, что вышенаписанное относится к индивидуальному предпринимателю, как к физическому лицу⁴. Если кредитор, являющийся получателем алиментов, подает заявление для признания индивидуального предпринимателя банкротом (при соблюдении условий признания неплатежеспособности по статье 213.3 Закона о банкротстве), на него также распространяются вышеупомянутые исключения, однако помимо этого кредитор необходимо будет не менее чем за 15 дней до дня обращения с заявлением опубликовать в Едином реестре сведений о фактах деятельности юридических лиц уведомление о намерении подать заявление.

Важно подчеркнуть, что в отношении требований иных кредиторов применимо правило о списании долгов в случае недостаточности вырученных от реализации имущества должника денежных средств, однако к алиментным обязательствам как к реестровым это неприменимо. То есть они должны быть выплачены в полном объеме. Если денежной суммы не хватает, то оставшийся долг не списывается, на него выдается исполнительный лист. Данное исключение указывает на неприкосновенность алиментов. Интересным является, что после введения в 2015 году процедуры банкротства для физических лиц многие безнадежные должники считали, что процедура банкротства позволит заморозить начисление неустоек, штрафов и пеней, реструктуризировать и списать все долги. Однако законодатель предусмотрел случаи, позволяющие обеспечить соблюдение прав граждан, которые закреплены в Конституции.

Помимо того, как следует из статьи 213.28 Закона, гражданин признается освобожденным от дальнейшего исполнения требований кредиторов после завершения расчетов с ними, но это освобождение не распространяется на платежи, непосредственно связанные с личностью плательщика, неот-

чуждаемые, к которым и относятся алиментные обязательства.

Иными словами, независимо от добровольного или принудительного порядка определения размера выплат, например, на несовершеннолетних детей, эта сумма может быть погашена, но не подлежит списанию в рамках процедуры банкротства, то есть остается в установленном объеме. Поскольку и в текущих, и в реестровых платежах алименты признаются требованиями первой очереди, обязательства по уплате алиментов, включая те, которые не были заявлены в ходе реструктуризации долгов или реализации имущества гражданина, сохраняют юридическую силу и подлежат взысканию в неудовлетворенной части после завершения банкротства в соответствии с действующим российским законодательством.

В ходе анализа алиментных обязательств в рамках дела о банкротстве стоит уделить внимание проблемам, которые носят актуальный и дискуссионный характер. Как уже известно из вышенаписанного, неприкосновенность алиментов гарантируется государством, однако в процессе развития общественных отношений возникает проблема недобросовестного использования института алиментов. Юлова Е. С. отмечает, что часто можно встретить случаи фиктивного развода, умышленного накопления долга по алиментам и последующую инициацию банкротства. Таким образом, после погашения текущих платежей и требований 1 очереди реестра иные кредиторы находятся в ущемленном положении и рискуют не удовлетворить свои требования [1].

Семейным законодательством, регулирующим институт алиментов, помимо назначения алиментов через суд регламентировано право заключения соглашения об уплате алиментов, причем срок, способы, порядок уплаты и размер алиментов могут быть установлены сторонами самостоятельно. Но в целях защиты интересов несовершеннолетних детей законом также установлено ограничение этого права, а именно это касается размера алиментов, который не может ухудшать положение несовершеннолетних детей, то есть не может быть ниже долей от дохода родителя, предусмотренных статьей 81 Семейного Кодекса (Далее – СК РФ). Или, как указано в п. 4 ст. 113, ниже тех же долей исходя из размера средней заработной платы по Российской Федерации, в случае отсутствия на момент взыскания задолженности дохода. Подчеркнем, что «потолок» размера алиментов законодатель не учел, тем самым предоставив недобросовестным должникам возможность искусственно превысить размер алиментов с целью ущемления интересов кредитора, вывода денежных сумм из конкурсной массы⁵.

В научной литературе отмечается рост оспаривания финансовыми управляющими или иными кредиторами таких соглашений в связи с признанием их фиктивными или «предбанкротными» по статьям 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве, если эти соглашения выглядят подозрительными и входят в срок для признания их судом недействительными.

Добавим, что по общему правилу алименты за прошлые периоды можно взыскать в пределах 3 лет с даты подачи иска в суд о неуплате (ст. 107 СК РФ) с условием доказательства мер взыскания и вины плательщика в неисполнении обязательств по содержанию несовершеннолетних или нетрудоспособных лиц. Но при наличии исполнительного листа или нотариального соглашения об уплате алиментов взыскание производится без ограничения по времени, то есть в контексте банкротства можно взыскать задолженность более, чем за три года⁶.

Необходимо учитывать, что еще одним указанием на приоритет прав детей являются положения, согласно которым алименты на несовершеннолетних детей могут быть взысканы даже с тех категорий доходов и с тех видов имущества, которые перечислены в статье 446 ГПК РФ как минимум имущества, необходимого для соблюдения базового уровня жизни и удовлетворения базовых потребностей лица и его иждивенцев (например, предметы домашнего обихода, единственное жилье и т.д.). Причем, если по общему порядку исполнительное производство приостанавливается, когда назначается реструктуризация долга гражданина, то в

3 Там же.

4 Гражданский кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

5 Семейный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

6 Семейный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

отношении алиментов, как текущих платежей, это правило не применяется, чтобы дети или иные получатели алиментов могли получить ежемесячные выплаты, не ожидая реестровых. Стоит сделать акцент на том, что согласно абзацу 2 пункта 1 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 48 в случаях, когда сам должник является получателем алиментов на содержание иных лиц, сумма алиментов не включается в конкурсную массу⁷.

Основными механизмами борьбы кредиторов, требования которых включены в реестр, и финансового управляющего с уклонением от исполнения обязательств при использовании «фиктивных» алиментов являются обращения в суд об оспаривании соглашения об уплате алиментов, заключенного сторонами, и об оспаривании самого факта алиментов или их размера, установленные судом.

В Постановлении №48 указано, что финансовый управляющий или кредиторы вправе оспорить внесудебное соглашение об алиментах. Оно признаётся недействительным, если выплаты превышают разумные нужды получателя и наносят вред остальным кредиторам. Учитывая риск злоупотреблений со стороны плательщика, следует гарантировать выплату алиментов лишь в той мере, которая реально требуется для выполнения алиментных обязательств и поддержания минимальных нужд получателя. Арбитражный суд при рассмотрении недействительности подобного соглашения обязан установить, имела ли сделка намерение причинить вред именно на момент её заключения⁸.

Однако практика по этому вопросу на сегодняшний день неоднозначная. Например, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ № 310-ЭС17-9405, в котором финансовый управляющий потребовал признать недействительным соглашение, по которому алименты на несовершеннолетних детей составляли большую часть зарплаты должника, а именно 90 %, арбитражный суд округа отменил решения нижестоящих инстанций, указав, что сделка заблокировала взыскание с доходов, оставив кредиторам лишь 10 %, что является явно недостаточным для выплат. Верховный Суд РФ отменил это постановление, руководствуясь интересами детей и их реальными материальными нуждами, отметив, что ущерб другим кредиторам не делает соглашение недействительным само по себе. Однако если доказано явное превышение размера, возникает право оспаривания только этого превышения⁹.

Вместе с тем, определение Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС18-1570 доказывает противоречивость практики. В данном случае судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ усмотрела злоупотребление правом в соглашении об алиментах, где должник обязывался платить супруге по 8 млн рублей ежемесячно на двоих несовершеннолетних детей. Нижестоящие инстанции установили, что сделка заключена для искусственного раздувания долгов, когда должник уже был неплатежеспособен и взял на себя заведомо невыполнимые обязательства, далекие от разумного размера алиментов¹⁰.

При этом Герасимова также акцентирует внимание на том, что при рассмотрении недействительности соглашения об алиментах суды анализируют не только, отвечает ли размер выплат реальным нуждам ребенка, но и соотносит ли он с доходами должника. Когда обязательство превышает возможности плательщика по заработку, это указывает на недобросовестность — попытку ущемить имущественные права кредиторов [2].

Таким образом, при рассмотрении споров об оспаривании алиментного соглашения важно сбалансировать право ребенка на достойный уровень жизни, обеспечивающий его физическое, интеллектуальное, моральное, духовное и социальное развитие, с правом кредитора на полное исполнение обязательств должником.

Проблемы баланса между правами плательщика-алиментщика и кредиторов, а также критериев чрезмерных выплат остаются нерешенными без уточнения многочисленных спорных моментов, связанных с превышением размера алиментов, доходами плательщика и т.д.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что при анализе алиментных обязательств в рамках банкротства плательщика закон последовательно защищает интересы несовершеннолетних и нетрудоспособных совершеннолетних иждивенцев всеми доступными мерами. В частности:

- получатели алиментов могут инициировать процедуру банкротства должника;
- алиментные требования имеют приоритет перед прочими долгами;
- алименты выпадают из конкурсной массы, если должник является получателем алиментов;
- обязанность платить алименты сохраняется после признания банкротства;
- исполнительное производство по алиментам не прекращается.

При рассмотрении исков об аннулировании алиментных соглашений суды должны находить равновесие между гарантией ребенку надлежащего уровня существования и притязаниями кредиторов банкрота. Требуется методология, которая учитывает подлинные нужды детей и блокирует махинации с их участием со стороны недобросовестных плательщиков.

В то же время правовое поле нуждается в доработке. Стоит внедрить единые стандарты разумного уровня алиментов, строгие сроки для оспаривания договоров и инструменты быстрого анализа доходов должников. Лишь всестороннее решение обеспечит охрану интересов всех сторон — от детей до кредиторов и самого плательщика.

Пристатейный библиографический список

1. Абдиева А. Ш., Юлова Е. С. Алиментные обязательства при несостоятельности физических лиц // Образование и право. – 2021. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/alimentnye-obyazatelstva-pri-nesostoyatelnosti-bankrotstve-fizicheskikh-lits> (дата обращения: 02.02.2026).
2. Герасимова О.А. Оспаривание соглашения об уплате алиментов в деле о банкротстве гражданина // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 5. – С. 48-51.
3. Карнаух Ю. Г., Яценко О. В. Алиментные обязательства в российской федерации. Причины возникновения и пробелы в законодательстве // Вестник науки. – 2025. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/alimentnye-obyazatelstva-v-rossiyskoy-federatsii-prichiny-vozniknoveniya-i-probely-v-zakonodatelstve> (дата обращения: 03.02.2026).
4. Саргсян Г. А. Алиментные обязательства при банкротстве физического лица в гражданском праве // Science Time. – 2019. – № 6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/alimentnye-obyazatelstva-pri-bankrotstve-fizicheskogo-litsa-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 03.02.2026).
5. Степаненко О. Г., Мякотина А. С. Особенности оспаривания алиментного соглашения, заключенного гражданином-должником в рамках дела о банкротстве // Скиф. – 2023. – № 5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-osparivaniya-alimentnogo-soglasheniya-zaklyuchennogo-grazhdaninom-dolzchnikom-v-ramkah-dela-o-bankrotstve> (дата обращения: 04.02.2026).
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 декабря 2018 г. № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsr.ru/documents/own/27539/> (дата обращения: 02.02.2026).
8. Там же.
9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 27 октября 2017 года № 310-ЭС17-9405 (1,2) // СПС «Гарант».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 2 августа 2018 года № 305-ЭС18-1570 // СПС «Гарант».

КУЛИК Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Московский университет им. С. Ю. Витте, филиал в г. Ростов-на-Дону

РЕФОРМИРОВАНИЕ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКА ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ

Проблема договорного регулирования рынка юридических услуг в России носит комплексный характер и заключается в фундаментальном противоречии: с одной стороны, действует принцип свободы договора, с другой — отсутствуют специальные законодательные требования к качеству услуг и статусу исполнителя, что приводит к массовым злоупотреблениям и правовой неопределенности. Это создает замкнутый круг, где недобросовестные юристы пользуются правовой безграмотностью клиентов, а добросовестные участники рынка сталкиваются с проблемами при взыскании оплаты и доказывании качества своей работы.

Ключевые слова: юридические услуги, гражданско-правовой договор, соглашение об оказании правовой помощи, свобода договора, заказчик, исполнитель.

KULIK Tatyana Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, S. Yu. Witte Moscow University, Branch in Rostov-on-Don

REFORMING CONTRACTUAL REGULATION OF THE LEGAL SERVICES MARKET

The problem of contractual regulation of the legal services market in Russia is complex and lies in a fundamental contradiction: on the one hand, the principle of freedom of contract applies, while on the other, there are no specific legislative requirements for the quality of services and the status of the provider, leading to widespread abuse and legal uncertainty. This creates a vicious circle in which unscrupulous lawyers exploit their clients' legal ignorance, while bona fide market participants face problems collecting fees and proving the quality of their work.

Keywords: legal services, civil contract, agreement on the provision of legal assistance, freedom of contract, client, provider.

Дискуссия о реформе рынка (введение профессионального представительства) перешла в практическую плоскость. Хотя полная «адвокатская монополия» маловероятна из-за социально-экономических рисков, можно ожидать поэтапного введения обязательных требований к судебным представителям: профильное образование, повышение квалификации, страхование ответственности и соблюдение этических норм.

В отношении юридической помощи законодатель избрал форму услуг, принимая во внимание их правовые природу и особенности, которые присущи услугам в целом. Таким образом, можно говорить о том, что в отношении юридических услуг правомерно распространение на них следующих отличительных характеристик: нематериальность результата, невозможность его гарантированности даже при надлежащем исполнении своих обязанностей лицом, оказывающим услуги, а также невозможность «отделить» услугу от лица, оказывающего услугу. Это признаки традиционно выделяются в гражданско-правовой доктринальной литературе, как присущие услугам в целом. И, несмотря на то, что некоторые услуги занимают, скорее, промежуточное положение между услугами и работами, к юридическим услугам, как видится, эти признаки присущи в полной мере. И в нормативных актах, регулирующих порядок оказания юридических услуг, эти признаки проявляются в полной мере [1].

Соответственно, юридические услуги можно определить через комплекс действий (бездействие в данном случае, хотя и теоретически возможно, но, скорее относится к исключению), которые осуществляются в рамках их оказания. Они охватывают оказание помощи гражданам и юридическим лицам (хотя в принципе и обращение за юридическими услугами публично-правовых образований не запрещено, их обращение за юридическими услугами является, скорее, исключением), которая направлена на восстановление или защиту нарушенных или оспоренных прав, свобод и закон-

ных интересов. Представляется, что юридические услуги оказываются в рамках правового поля, т.е. связаны с применением нормативно-правовых актов, судебной практики и даже доктринальной юридической литературы (в случае, если необходимо обосновать, например, фундаментальные нарушения норм права). Причем неважно, осуществляется ли оказание услуг посредством обращения в компетентные органы государственной власти или местного самоуправления, или путем обращения в иные организации, наделенные полномочиями осуществлять защиту или восстановление нарушенных прав (например, нотариат, арбитраж). В любом случае их можно отнести к услугам юридическим, поскольку опираются они на закрепленные государством специальные правовые механизмы, цель которых придать определенность тем или иным юридическим фактам, обеспечить стабильность гражданского оборота, восстановить нарушенные права и т.д.

Обеспечение оказания юридических услуг является логичным продолжением конституционно закреплённого права на судебную защиту и на квалифицированную юридическую помощь (ст.ст. 46, 48 Конституции РФ), а также одним из проявлений гражданского общества и правового государства. Без гарантированной возможности защитить свои права, даже не обладая необходимыми юридическими знаниями, невозможно существование правового государства, построенного, в т.ч. на принципе законности, который положен в основу всего государственного устройства.

Конечно, в идеале все субъекты права должны действовать добросовестно и разумно, реализуя свои права. Но, к сожалению, реальность свидетельствует о том, что это, скорее, желаемая действительность. На практике же количество дел, рассматриваемых ежегодно судами, лишь подтверждает рост нарушений гражданских и не только прав граждан и организаций. Поэтому грамотные юридические услуги являются объективно необходимым условием их восстановления и защиты.

К сожалению, законодатель не стал идти по пути создания единого нормативного акта, в котором бы были обобщены порядок оказания юридических услуг. Такой опыт имеется применительно ко многим услугам. ГК РФ, который содержит базовые положения, касающиеся возмездного оказания услуг, нельзя назвать в полной мере актом, который бы исчерпывающим образом решал проблему их правового регулирования. Поэтому медицинские, аудиторские, образовательные и иные услуги, которые не вошли в часть 2 ГК РФ, регулируются отдельными нормативными актами, которые содержат их дефиницию и особенности. И такой путь правового регулирования следует признать эффективным, поскольку он позволяет учесть как гражданско-правовые аспекты услуг, так и ее административные начала. Например, обязательный контроль со стороны Министерства образования РФ не укладывается в гражданско-правовое регулирование общественных отношений в части образовательных услуг. Зато отдельный нормативный акт позволяет урегулировать эти отношения, не попирая принципы гражданского права, включающие равенство субъектов.

Однако некоторые виды юридических услуг все же регулируются отдельными нормативными актами. Речь идет об услугах, которые оказываются, например, адвокатами. В отношении их деятельности можно выделить целый спектр правовых регуляторов, включающих Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», а также Кодекс адвокатской этики¹.

К сожалению, и сам ГК РФ в части 2 не закрепил соответствующий параграф, который бы отражал хотя бы самые основные черты юридических услуг. Таким образом, одной из проблем правового регулирования является отсутствие единого нормативного акта, который бы определял общий для всех видов юридических услуг правовой режим и единые принципы правового регулирования. Конечно, обобщить все аспекты юридических услуг не представляется возможным в настоящее время. Они настолько разнообразны и осуществляются в разных плоскостях, что обобщение их в едином нормативном акте осложнило бы гражданско-правовое регулирование таких услуг. Различный правовой статус лиц, оказывающих такие услуги, различные органы и организации, осуществляющие контроль за деятельностью лиц, оказывающих юридические услуги, различные договорные конструкции – все это создает объективные препятствия для их обобщения в нормативно-правовом акте. Но в целом, включение в ГК РФ главы, определяющей основы правового регулирования юридических услуг видится возможным.

Отличительной особенностью юридических услуг является субъектный состав, а именно, не все лица, даже обладая полной дееспособностью, вправе оказывать юридические услуги. Представляется, что применительно к этим видам услуг целесообразно применение критерия образовательного ценза, который может и должен стать фильтром, позволяющим обеспечить ту самую квалифицированную юридическую помощь, право на которую предоставляет нам Конституция РФ. И хотя на практике не раз ставился вопрос о том, могут ли оказывать юридическую помощь лица, не обладающие высшим юридическим образованием, представляется, что на этот вопрос нужно ответить отрицательно. И речь не идет о том, что все юридические услуги должны оказывать только адвокаты – это как раз спорный вопрос, но наличие высшего юридического образования необходимо. Поэтому постепенное внедрение образовательного ценза в различные сферы юридических услуг более чем оправдано.

Что касается неграмотности самих лиц, оказывающих юридические услуги, то это «исправляется» деловой репутацией и ответственностью, в т.ч. гражданско-правовой, к которой можно привлечь лицо, ненадлежащим образом исполняющее свои обязанности по договору. Поэтому аргументы касательно того, что наличие высшего юридического образования также не всегда гарантирует правильность оказываемых услуг вполне можно отвести. В сфере услуг, тем более юридических, большое значение имеет эффективность результата. Отсутствие желаемого результата либо недобросовестность лица, оказывающего юридические услуги, приведет к тому, что к нему престанут обращаться за помощью. В связи с этим можно говорить о том, что наличие высшего юридического образования все же является необходимой лакмусовой бумажкой, которая свидетельствует о наличии знаний касательно порядка оказания юридических услуг.

Классификация договоров, связанных с оказанием юридических услуг, зависит от того, в какой сфере юридической деятельности эти услуги оказываются. Доктринальные подходы к правовому регулированию юридических услуг свидетельствуют, что наиболее предпочтительными являются договорные формы, которые позволяют наиболее гибко и в тоже время полно охватить перечень тех действий, которые совершаются в рамках таких услуг. Поэтому наиболее распространенной гражданско-правовой формой, опосредующей оказание юридических услуг, является договор возмездного оказания юридических услуг.

Для разграничения сходных по правовой конструкции договоров, необходимо определить их квалифицирующие признаки. И хотя напрямую ГК РФ не говорит о квалифицирующих признаках каждого договора, они выводятся из содержания соответствующих норм ГК РФ и помогают определить особенности правового режима договора и особенности реализации прав и обязанностей сторонами договора [2].

Не вдаваясь в дискуссию относительно правовой природы соглашения об оказании юридической помощи адвокатами, это не является предметом исследования в настоящей работе, нельзя не отметить все же, что юридические услуги, будучи часто связующим звеном между публично-властными субъектами и гражданами и организациями, призваны упростить и грамотно выстроить взаимодействие между ними. Поэтому лицо, прибегая к помощи, должно получать квалифицированные услуги, нивелирующие последствия от незнания нормативных актов самим этим лицом. И именно адвокатская деятельность призвана обеспечить такие услуги. Тем более странно, что до сих пор законодателем не устранены дискуссионные вопросы юридического оформления услуг адвокатов.

В отличие от других видов юридических услуг, специфику которых можно увидеть, лишь проанализировав целый пласт нормативных актов, соглашение об оказании юридической помощи получило правовую регламентацию в Федеральном законе от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». К сожалению, законодатель ограничился лишь одной статьей, которая ставит больше вопросов, нежели закрепляет ответы, но уже это свидетельствует о том, что законодатель признает, что юридические услуги необходимо оформлять с помощью специальных договоров.

Тем не менее, можно согласиться с мнением некоторых авторов, что закрепления в одной статье явно недостаточно для определения правовой природы такого договора и его особенностей. Так полагает, например, В. Р. Дюкина [3, с. 21]. Она подчеркивает, что, с одной стороны, законодатель специально подчеркивает, что услуги адвоката оформляются специальным соглашением, с другой – развернутой информации по нему не дает. И все же некоторые выводы можно сделать даже из единственной статьи.

1 Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 18.04.2025) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. – 2003. – № 2. – 2003.

Во-первых, в ст. 25 Закона об адвокатуре прямо подчеркивается гражданско-правовая природа такого соглашения, что не раз подчеркивалось и в судебной практике². Поэтому все положения гражданского законодательства в равной мере распространяются и на данное соглашение, как бы оно не называлось. Так, ст. 421 ГК РФ, закрепляющая возможность использования свободы договора при выборе организационно-правовых форм, опосредующих отношения между субъектами права, допускает и использование условий, относящихся к различным договорам, и создание самостоятельных договорных конструкций. При этом не должны нарушаться императивные нормы гражданского и других отраслей законодательства. Таким образом, в принципе не исключена возможность как «создания» договора применительно к юридическим услугам, так и встраивание этих услуг в те договорные конструкции, которые уже есть в ГК РФ. Термин «соглашение» лишь подчеркивает гражданско-правовую природу таких соглашений – заключение их своей волей и в своем интересе, добровольно, путем согласования всех существенных условий такого соглашения. Таким образом, прямое указание на гражданско-правовой характер соглашения об оказании правовой помощи, отмечает любые дискуссии относительно его отличия от других договорных обязательств в силу того, что оно заключается адвокатом.

Кроме того, при проверке надлежащего выполнения адвокатом своих услуг применяются такие же критерии, как и для договоров возмездного оказания услуг, в частности объем выполненных услуг и их соответствие перечню, согласованному в договоре³.

Во-вторых, для такого рода соглашений предусмотрена простая письменная форма. Следовательно, на него в равной мере будут распространяться и все нормы, содержащиеся в главе 9 ГК РФ «Сделки».

В-третьих, сторонами такого соглашения будут доверитель и адвокат. Такую формулировку нельзя признать удачной, поскольку она смешивает два гражданско-правовых понятия – сторона обязательства и особенности статуса стороны. Когда речь идет о доверителе, законодатель имеет в виду сторону обязательства. Традиционно доверителю, как стороне обязательства, противостоит поверенный или представитель (в зависимости от вида юридической помощи, которую оказывает адвокат), пользуясь терминологией ГК РФ. Название стороны обязательства позволяет сразу понять, какой договор заключается. Что касается указания на то, что стороной соглашения об оказании правовой помощи является адвокат, то здесь законодатель имеет в виду уже специальные требования, которым должен соответствовать поверенный (представитель). Таким образом, акцент делается на том, что только адвокаты могут заключать подобные соглашения в рамках оказания правовой помощи по Закону об адвокатуре. В связи с этим необходимо не просто определить, какой гражданско-правовой договор заключается в рамках оказания правовой помощи адвокатами, но и закрепить соответствующее название сторон, оставив требования о правовом статусе за рамками самой дефиниции.

Также, описывая субъектный состав договорных отношений с адвокатами, необходимо принимать во внимание, что Закон об адвокатуре предусматривает некоторые ограничения, которые ГК РФ не оговаривает применительно к возмездному оказанию услуг. Так, в соответствии со ст. 6 Закона об адвокатуре при наличии потенциального конфликта интересов адвокат должен отказаться от выполнения получения доверителя. Хотя напрямую термин «конфликт интересов» Законом об адвокатуре не упоминается и не расшифровывается, но запрет принимать поручение доверителя при любом подозрении на наличие прямой или косвенной заинтересованности как раз свидетельствует о том, что конфликт интересов законом запрещен.

Предмет соглашения об оказании правовой помощи тоже не безграничен. Ст. 2 Закона об адвокатуре очерчивает пределы правовой помощи, которую может оказывать адвокат. Несмотря на стремление законодателя перечислить максимальное количество услуг, оказываемых адвокатом, их можно распределить на две группы. К первой относятся услуги, связанные с представительством в судах и органах государственной власти и местного самоуправления. Ко второй относятся консультационные услуги и услуги, которые связаны с составлением документов правового характера.

В связи с этим следует отметить, что, перечисление большого перечня услуг можно сократить. Так, указание в подп. 10 ч. 2 ст. 2 Закона об адвокатуре на возможность адвоката выступать в качестве представителя в налоговых правоотношениях, по сути, дублирует полномочие представлять в отношениях в органах государственной власти (подп. 7 ч. 2 ст. 2 Закона об адвокатуре). Следовательно, подпункт 7 включает в себя подпункт 10, который лишь конкретизирует перечень органов государственной власти. Поэтому целесообразно систематизировать полномочия адвоката, перечисленные в ст. 2 Закона об адвокатуре и объединить указанные подпункты. Также можно говорить о возможности и целесообразности объединения подпунктов 3 и 4 указанной статьи, которые перечисляют виды судопроизводства, в которых имеет право участвовать адвокат в качестве представителя.

Таким образом, необходимо признать необходимость включения в ГК РФ норм, определяющих особенности юридических услуг. Например, главу, посвященную договорам поручения необходимо дополнить соответствующей статьей, в которой закрепить требование о том, что юридические услуги могут оказываться только лицами, которые имеют высшее юридическое образование. Однако более эффективным видится все же закрепление отдельной главы, устанавливающей базовые требования гражданско-правового регулирования юридических услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Мартиросова Л. Э. Оказание услуг как объект гражданских прав // Инновационная наука. – 2016. – № 7-8. – С. 14.
2. Пшеничников М. А. Место договора возмездного оказания услуг в системе договорных типов // Вестник гражданского права. – 2024. – № 1. – С. 188-210.
3. Дюкина В. Р. Гражданско-правовое регулирование оказания адвокатских услуг в праве Европейского Союза: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.

2 Апелляционное определение Московского городского суда от 02.09.2025 по делу № 33-34261/2025 (УИД 77RS0022-02-2024-011587-58). Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 21.08.2025 № 33-16000/2025 (УИД 78RS0019-01-2024-003308-53). [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Судебная практика» (дата обращения: 14.02.2025).

3 Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2025 № 88-18914/2025 (УИД 78RS0019-01-2024-002939-93). Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 23.10.2025 № 88-27544/2025 (УИД 50RS0028-01-2024-008973-62). [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Судебная практика» (дата обращения: 11.02.2025).

МЕДЕНЦЕВА Евгения Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Институт права, Самарский государственный экономический университет

ТЮНИН Игорь Игоревич

аспирант, Институт права, Самарский государственный экономический университет

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И МЕСТО ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

В России, не смотря на сложную экономическую ситуацию, в настоящее время наблюдается активное развитие строительной отрасли. При этом одной из актуальных проблем Российской Федерации является осуществление жилищного строительства и качественное функционирование жилищно-коммунального комплекса страны. Важно отметить, что договор строительного подряда является основополагающей формой реализации строительно-монтажных работ на территории Российской Федерации. Рассматриваемая проблема изучается на протяжении длительного времени как теоретиками правовых наук, так и практиками. При этом необходимо сделать особый акцент на том, что проводимые исследования не ответили на многие вопросы, которые связаны с договором отношений. Проблемы договора строительного подряда выступали предметом научных дискуссий в разные периоды развития договорного права. Перечисленные обстоятельства требуют проведения дальнейших исследований в сфере договора строительного подряда. В ходе проведенной работы был проведен анализ цивилистических исследований в сфере договора строительного подряда. По результатам проведенного анализа авторы пришли к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования договора строительного подряда.

Ключевые слова: договор строительного подряда, работы, результат работ, цена, смета.

MEDENTSEVA Evgeniya Vladimirovna

Ph.D.in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

TYUNIN Igor Igorevich

postgraduate student, Institute of Law, Samara State University of Economics

GENERAL CHARACTERISTICS AND PLACE OF THE CONSTRUCTION CONTRACT IN THE SYSTEM OF CIVIL LAW OBLIGATIONS

In Russia, despite the difficult economic situation, there is currently an active development of the construction industry. At the same time, one of the urgent problems of the Russian Federation is the implementation of housing construction and the high-quality functioning of the country's housing and communal complex. It is important to note that the construction contract is the fundamental form of implementation of construction and installation works on the territory of the Russian Federation. The problem under consideration has been studied for a long time by both legal theorists and practitioners. At the same time, it is necessary to place special emphasis on the fact that the conducted research has not answered many questions related to the contract of relations. The problems of the construction contract have been the subject of scientific discussions in different periods of the development of contract law. These circumstances require further research in the field of the construction contract. In the course of the work carried out, an analysis of civil studies in the field of construction contracts was carried out. Based on the results of the analysis, the authors came to the conclusion that it is necessary to further improve the legal regulation of the construction contract.

Keywords: construction contract, work, result of work, price, estimate.

Договор строительного подряда выделяется законодателем из-за наличия специфического характера работ, которые имеют место в сложной сфере строительства [1].

Одним из важных обстоятельств, которое характеризует договор строительного подряда, является наличие двух признаков.

Во-первых, объект, на котором реализуется работа. При этом объект не отделен от земли.

Во-вторых, выполняемые работы, отличающиеся значимостью, так как оказывают воздействие на качество сооружения.

М. И. Брагинский, рассматривая особенности договора строительного подряда, особо подчеркивал сложность отношений, возникающих в ходе заключения договора. Кроме этого исследователь отмечал в нем смешение нескольких видов договоров [2].

Специфика рассматриваемого вида договора выражается и в его основополагающих условиях. Существенными ус-

ловиями договора, кроме предмета, является срок действия и цена.

Без рассмотренных условий договор считается незаключенный. Другим важным условием является следующая обязанность заказчика: «формирование условий для подрядчика с целью выполнения им соответствующих работ». Анализ судебной практики, позволяет сделать вывод, что в настоящее время ключевыми условиями договора являются:

- виды выполняемых работ;
- цена;
- объемы работ;
- сроки выполнения¹.

Определение предмета договора строительного подряда является важнейшим этапом в процессе подписания догово-

1 Постановление Федерального арбитражного суда МО от 17 декабря 2009 г. № КГ-А41/12592-09. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2026).

ра. В случае если предмет не согласован, не могут возникнуть и отношения, так как отсутствует юридический факт. Кроме этого, в случае четкой формулировки предмета договора, у сторон появляется возможность прописать и другие условия договора, в том числе технические факторы объекты, цену.

При возникновении ситуаций недостаточно четкого определения предмета договора, и как следствие, неверного оформления договора, рассматриваемый договор будет считаться заключенным при исполнении его подрядчиком и принятии заказчиком, но принадлежность предмета к договору при этом не должна оспариваться. Данное обстоятельство подтверждается и судебной практикой².

При заключении договора у сторон могут возникать трудности в ходе формулировки условий о предмете. Приведем пример.

Субъект хозяйственной деятельности нацелен взыскать задолженность через суд с акционерного общества. Предметом спора является несоответствие качества подготовительных работ для строительства скважины.

Со стороны ответчика поступила частичная оплата, тем самым суд удовлетворил иски требования предпринимателя.

В результате того, что было зафиксировано нарушение правила подсудности, было отменено судебное решение. В ходе последующего рассмотрения дела в иске субъекту хозяйственной деятельности было отказано, поскольку в договоре не был четко определен предмет.

Ключевым фактором, выдвинутым судом, который осуществлял повторное рассмотрение дело, было то, что в ходе заключения договора объем работ не был конкретно обговорен, поэтому предмет также не определен.

Подписание акта выполненных работ определяет согласование самого факта работ, но не процесса их согласования. По этой причине суд кассационной инстанции расценил данное обстоятельство убедительным³.

При изучении правовой литературы, посвященной исследованию вопросов, связанных с предметом договора строительного подряда, был сделан вывод о существовании нескольких подходов о существенном условии рассматриваемого вида договора [3].

Кроме рассмотренных подходов, существуют и другие точки зрения, заключающиеся в том, что предмет договора включает два аспекта: во-первых, материальная составляющая, которая отражает результат работ; во-вторых, юридическая, которая характеризует деятельность сторон при реализации договора [4].

Встречается и точка зрения, принадлежащая Л. Ю. Грудцыной, согласно которой предмет договора расценивается как отношения сторон [5].

В. Н. Сидорова в проводимом исследовании, посвященном изучению особенностей предмета договора строительного подряда, делает вывод о том, что предмет включает два элемента: во-первых, сам процесс работ и, во-вторых, полученный результат [6].

Необходимо отметить, что предмет любого договора определяет единство интересов всех сторон, в противном случае соглашение не может быть достигнуто.

Отличительной особенностью строительной сферы и выполняемых работ является то, что могут возникнуть какие-либо работы, которые никак не учтены в технической документации. Данное обстоятельство обусловлено тем, что в строительной сфере невозможно предусмотреть все виды работы, которые необходимо провести для достижения цели и получения запланированного результата, пока не начат процесс строительства. Тем самым, часть работ возникают и являются необходимыми для достижения окончания запланированного объема.

Выявление подрядчиком подобного рода работ является причиной повышения стоимости строительства. В данном случае подрядчику важно сообщить об этом заказчику. Данное обстоятельство нашло отражение в п. 3, ст. 743 ГК РФ⁴.

Дополнительными работами являются такие работы, которые подрядчик обнаружил в качестве необходимых уже в процессе осуществления строительства, которых нет в технической документации, но дальнейшее строительство без них реализовать затруднительно или невозможно [7].

В случае, если подрядчик осуществил уведомление заказчика в порядке, определенном законодательством, но не получил ответ в течение 10 дней, он должен приостановить работы до момента получения ответа. Данное правило закреплено нормами ГК РФ, при этом данная норма носит диспозитивный характер, поскольку у сторон существует возможность определить иной срок. Если в ходе приостановки работ были понесены убытки со стороны подрядчика, то они возмещаются заказчиком. При этом существуют исключения, в том случае если заказчику удастся доказать обратное [8].

Актуальным вопросом в настоящее время является процесс оформления дополнительных работ. В большинстве случаев судебные органы выносят решение об отказе оплаты рассматриваемых работ. Основными причинами отказа при этом могут быть следующие:

Во-первых, отсутствия извещения о появившейся необходимости выполнения дополнительных работ⁵;

Во-вторых, в случае отсутствия согласования на реализацию и выполнение дополнительных работ⁶.

При этом органы судебной власти в качестве фактов надлежащего исполнения признают:

— переписку сторон договора строительного подряда;

— подписанные сторонами акты приемки⁷ или дополнительное соглашение к договору⁸.

При появлении дополнительных работ возникает другое важное условие – срок выполнения данных работ. Так как

² Постановление Федерального арбитражного суда УО от 18 ноября 2009 г. № Ф09-8485/09-С4. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2026).

³ Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22 февраля 2020 г. № Ф04-586/2020(8561-А75-11) С4. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2026).

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ ред. от 24.06.2025). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2026).

⁵ Определение ВАС РФ от 19 июля 2010 г. № ВАС-9335/10 по делу № А40-46989/09-15-355. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2026).

⁶ Определение ВАС РФ от 23 мая 2011 г. № ВАС-6157/11 по делу № А53-24680/09. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2026).

⁷ Определение Верховного Суда РФ от 21 октября 2024 г. № 306-ЭС24-18158 по делу № А49-5343/202309. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2026).

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 27.01.2025 г. № 307-ЭС24-23045 по делу № А56-54731/202309. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2026).

если срок не согласовать, то договор признают незаключенным, что отражается в ст. 432 ГК РФ⁹.

В ходе проводимого в рамках выпускной квалификационной работы исследования, было рассмотрено дело, где генеральный подрядчик обратился в суд с целью взыскания с заказчика пени за нарушение сроков передачи технической документации для строительства. При этом ответчик не согласился с иском, так как отметил, что в случае отсутствия условия о сроке в подписанном договоре, он не является заключенным [9].

Орган судебной власти, рассматривавший данное дело, отказался удовлетворить иск, обосновывая решение тем, что срок является основополагающим условием заключения договора строительного подряда (ст. 740 ГК), а при отсутствии этого условия договор не заключен (ст. 432 ГК). Таким образом, заказчик, согласно подписанному договору, не обязан предоставлять техническую документацию. Тем самым, взыскать пени недопустимо¹⁰.

Необходимо отметить, что существуют начальные и конечные сроки

Кроме сроков, указанных выше, существуют и промежуточные сроки, то есть даты завершения отдельных этапов строительных работ. В случае если в договоре допускается досрочное выполнение работ, об этом факте также необходимо прописать в договоре.

Прописывая сроки промежуточных работ, необходимо сформулировать типы работ и этапы их выполнения, и требуемое количество времени. Зачастую это находит отражение в календарном плане работ.

В случае нарушения сформулированных и утвержденных сроков, заказчик имеет право взыскать с подрядчика неустойку и потребовать возмещения ущерба (ст. 15 ГК РФ). Также в ст. 405 п. 2 ГК РФ определено, что при нарушении конечного срока, заказчик может совсем отказаться от договора. И как следствие, потребовать возмещение всех убытков.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что наиболее часто в случае нарушения сроков, осуществляется выплата пени или штрафа со стороны подрядчика.

Необходимо отметить, что подрядчик осуществляет выполнение работ согласно требованиям технической документации, которую разрабатывает и передает ему заказчик.

Необходимо учитывать и проектную документацию. Основные требования к проектной документации определяются Правительством Российской Федерации. В случае если данная документация соответствует всем регламентированным нормам, заказчик имеет право на получение разрешения на строительство (ст. 51 Градостроительного кодекса РФ).

До момента утверждения проектной документации, необходимо пройти государственную экспертизу (ст. 49 Градостроительного кодекса РФ).

Итак, можно сделать вывод, что предмет договора строительного подряда формируется и определяется в соответствии с технической документацией. Данное обстоятельство определяет то, что сам предмет является закрепленным, в случае, когда стороны согласовали техническую документа-

цию. В случае если предмет не согласован, то и договор не заключен.

Все условия о составе и содержании технической документации, а также о порядке и сроках ее предоставления — это существенное условие договора. Если в нем будет отсутствовать такое условие, договор признают незаключенным.

Отличительной чертой договора строительного подряда является обязательное согласование цены. При этом смета является денежным выражением работ, которые необходимо выполнить согласно подписанному договору.

Пристатейный библиографический список

1. Гончаров А. В. Проблемы определения существенных условий договора строительного подряда // Гуманистические и социокультурные аспекты кризиса традиционных ценностей и социальных институтов: глобальный и региональный контуры новой реальности. Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. — М., 2020. — С. 225-232.
2. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — М.: Статут, 2001. — 1055 с.
3. Олейникова А. П. Существенные и несущественные условия договора строительного подряда // Вопросы права. — 2025. — № 2. — С. 83-86.
4. Надтачаев П. В., Мельник С. В. К вопросу о понятии договора строительного подряда // Аграрное и земельное право. — 2022. — № 11 (215). — С. 150-151.
5. Грудцына Л. Ю., Спектор А. А. Гражданское право России: учебник для вузов. — М.: Юстицинформ, 2016. — 560 с.
6. Сидорова В. Н. Правоотношения несостоятельности (банкротства) юридического лица: теория и практика. — СПб., ВВМ, 2019. — 522 с.
7. Байtimiров Р. И. Гражданско-правовое регулирование строительного подряда: автореферат дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — СПб., 2005. — 17 с.
8. Абрамова Е. Н., Арсланов К. М., Байгушева Ю. В., Валеев Д. Х., Грачев В. В., Иванов Н. В., Крашенинников Е. А., Мазур О. В., Никифоров И. В., Павлов А. А., Сергеев А. П., Скворцов О. Ю., Терещенко Т. А., Тычинин С. В., Челышев М. Ю., Чуваков В. Б., Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: учебно-практический комментарий / под ред. д.ю.н., проф. А. П. Сергеева; 2-е изд., перераб. и доп. — М: «Проспект», 2016. — 976 с.
9. Гришаев С. П., Свит Ю. П., Богачева Т. В. Постатейный комментарий к Разделу IV «Отдельные виды обязательств» части второй Гражданского кодекса Российской Федерации, 2021 «Новая правовая культура». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/77250732/> (дата обращения: 25.03.2026).

9 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2026).

10 Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 января 2000 г. № 51 «Обзор практики разрешения споров по договору строительного подряда». [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 25.03.2026).

ПОТАПОВА Екатерина Николаевна

аспирант, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В СИСТЕМЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ ИНДИИ: ОСНОВНЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье исследуются особенности индийской системы государственно-частного партнерства (далее ГЧП) в сфере здравоохранения. Проанализированы основные направления взаимодействия субъектов партнерских отношений, выявлены правовые модели, среди которых наибольшую распространенность получило «контрактное соглашение (contractual agreement)».

С учетом проанализированных доктринальных концепций и практического опыта реализации программ ГЧП в Республике Индия, автор приходит к выводу, что формирование современной системы ГЧП позволит повысить качество и эффективность оказываемых медицинских услуг, их доступность и целевую направленность, что является непосредственными задачами на пути достижения Республикой цели Всеобщего охвата населения услугами здравоохранения.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, медицинские услуги, частный сектор здравоохранения, государственный сектор здравоохранения, соглашение.

POTAPOVA Ekaterina Nikolaevna

postgraduate student, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN INDIA'S HEALTHCARE SYSTEM: KEY CHALLENGES AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article examines the specifics of the Indian public-private partnership (hereinafter PPP) system in the healthcare sector. The main directions of interaction between the subjects of partnership relations are analyzed, legal models are identified, among which the "contractual agreement" has become the most widespread.

Taking into account the analyzed doctrinal concepts and practical experience of implementing PPP programs in the Republic of India, the author concludes that the formation of a modern PPP system will improve the quality and efficiency of medical services, their accessibility and target orientation, which are the immediate tasks on the way to achieving the goal of Universal Health Coverage by the Republic.

Keywords: public-private partnership, medical services, private sector.

Потанова Е. Н.

В современном мире национальные системы здравоохранения стран БРИКС подвергаются серьезному реформированию, что предопределило разработанный Всемирной организацией здравоохранения (далее по тексту ВОЗ) комплекс мер по Всеобщему охвату услугами здравоохранения (далее по тексту ВОУЗ)¹. Данное направление придает новый импульс развитию медицинской помощи и подтверждает свою приверженность реализации основополагающего права каждого человека без каких-либо различий на обладание «наивысшим достижимым уровнем здоровья, а также ценностям и принципам справедливости и солидарности, отмечая важность здоровья для мира, безопасности и социально-экономического развития. На международном уровне было заявлено, что для принятия надлежащих мер в связи с сохраняющимися и новыми проблемами в области здравоохранения и развития моделей, а также для успешного использования новых ресурсов и возможностей, необходимо провести реформирование национальных систем здравоохранения с целью решения поставленных задач»².

Однако, как показывают проведенные исследования, современное реформирование систем здравоохранения в странах БРИКС сталкивается с проблемами недостаточного охвата населения первичной медико-санитарной помощью, а также нереализованными направлениями программы ВОУЗ [3, с. 28], которые носят различный характер.

Наиболее уязвимой и не способной полноценно удовлетворить основные потребности своего населения в здравоохранении в рассматриваемом контексте является система

здравоохранения Республики Индия, имеющая густонаселенную территорию, которая характеризуется размытостью границ между городским и сельским населением, что создает дополнительные трудности для государства в обеспечении граждан доступными и качественными медицинскими услугами [7]. В связи с этим большинство индийцев обращаются за медицинскими услугами в частные организации. Так, данные Национальной организации выборочных обследований (NSSO) показали, что, несмотря на высокую стоимость, граждане Республики, в большинстве своем, пользуются услугами частного сектора здравоохранения. Данная тенденция связана, прежде всего, с более высоким уровнем качества услуг и большей степенью их доступности по сравнению с государственным сектором.

Ограниченное финансирование государственной системы здравоохранения привели к необходимости разработки инновационных подходов для преодоления социально-правовых барьеров и удовлетворения потребностей населения в рассматриваемой области.

Так, правительственный аналитический центр «NITI Aayog» предложил Министерству здравоохранения и социального обеспечения принять модель государственно-частного партнерства (далее по тексту ГЧП), которое в самых общих чертах представляет собой сотрудничество между государственным и частным секторами здравоохранения, позволяющее достигать определенных общих целей [11, с. 28].

Становление института ГЧП в Индии связаны с экономическим кризисом 1980-х годов, когда оказание медицинских услуг в частном секторе при явной поддержке государства, значительно возросло [6]. В частности, коммерциализация медицинских услуг произошла на всех уровнях системы здравоохранения. До этого времени частный сектор был крайне малочисленным и представлен в основном частнопрактикующими врачами или подразделениями, ко-

1 Всеобщий охват услугами здравоохранения (ВОУЗ). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/universal-health-coverage-\(uhc\)](https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/universal-health-coverage-(uhc)) (дата обращения: 30.11.2025).

2 Там же.

торые оказывали медицинские услуги в третьем звене системы здравоохранения (учреждения медицинских колледжей, благотворительные клиники)³.

Департамент здравоохранения Республики предлагает следующее определение ГЧП: это соглашение между правительством (государственным органом, государственной организацией) с одной стороны и частным предприятием с другой, направленное на предоставление государственных активов и/или государственных услуг посредством инвестиций и/или управления, осуществляемых частным предприятием, на определенный период времени, при наличии четко определенного распределения ресурсов⁴.

Данная формулировка поясняет, что отношения субъектов возникают на основании заключенного на определенный срок соглашения, в рамках которого частный сектор предоставляет какой-либо «актив» или оказывает услугу, которые традиционно предоставляются государством в обмен на плату, основанную на результатах соответствующей деятельности. Государство в рассматриваемых отношениях выступает в качестве посредника. Частный сектор берет на себя роль строителя, финансиста и оператора [5]. Основная цель сотрудничества заключается в оказании качественных медицинских услуг, основанных на соответствующих стандартах. Центральное место занимает результативность оказываемых услуг, что позволяет объединить знания, умения и навыки в рассматриваемой области двух секторов одновременно.

Индийская теория, основанная на практике взаимодействия партнеров, выделяет различные направления деятельности субъектов. В частности, рассматриваются три подхода к установлению партнерства с частным сектором [1, с. 34]. Первый подход включает организацию «конкурентных торгов», которые подразумевают выбор исполнителя, предлагающего наиболее низкую цену по организации соответствующей деятельности (эксплуатационные, ремонтные работы и др.). Второе направление реализуется через организацию переговоров между субъектами (государство и частный сектор) о заключении контракта. Третий элемент взаимодействия партнеров, известный как метод «швейцарского вызова» [12] предполагает получение государством полноценного предложения по сотрудничеству, включающего технические, финансовые, управленческие направления по сотрудничеству. Рассматривая полученное предложение, правительство, может официально заявить о нем другим субъектам. В случае получения предложения на более выгодных условиях, первоначальному инициатору предоставляется возможность внести изменение в свои предложения, после чего государство выбирает наиболее выгодного партнера.

Индийская доктрина выделяет другие классификации моделей партнерства, исходя из целевой направленности взаимодействия, и предполагающих заключение договоров лизинга, концессионных соглашений, договоров о создании совместного предприятия и др.

Так, описывая модель взаимодействия партнеров, ученые выделяют два основных блока, в которых частный сектор предоставляет финансирование, а государство – услуги, и наоборот. Сторонники данной модели ГЧП исходят из убеждения, «что при таком взаимодействии субъектов качество и эффективность оказываемых медицинских услуг будут выше, так как партнерство помогает объединить сильные стороны частного сектора (инновации, технические знания и навыки, эффективность управления) и государства (социальная справедливость, подотчетность, создание благоприятной среды для высококачественной инфраструктуры и услуг здравоохранения)» [11, с. 29].

Одной из самых распространенных моделей ГЧП в здравоохранении является «контрактное соглашение (contractual

agreement)», которое может включать в себя заключение локальных соглашений в организации, непосредственно договоры на оказание медицинских услуг, контракты на управление организацией и эксплуатацию объектов и др.

Таким образом, проводимые исследования выявили ряд положительных моментов развития института ГЧП в сфере здравоохранения:

1. Повышение эффективности деятельности, так как объединение ресурсов может помочь в решении проблем, которые не могут быть решены единолично организацией. Модернизация инфраструктуры здравоохранения там, где государственного финансирования недостаточно, повышает количество и улучшает качество оказываемых услуг;

2. Обеспечение доступности. Взаимодействие государственного и частного секторов здравоохранения позволяет обеспечить возможность оказания медицинских услуг гражданам, проживающим в самых труднодоступных сельских районах Республики.

3. Снижение личных расходов. ГЧП, сделав государственный сектор более доступным, позволяет снизить расходы индийцев на здравоохранение на 80 % [2].

4. Распределение рисков. Установление взаимодействия между государственным и частным секторами здравоохранения способствует распределению финансовых, управленческих, операционных и иных рисков между партнерами.

5. Активизация работы национальных программ здравоохранения, оценки и мониторинга услуг, оказываемых в сфере здравоохранения.

6. Введение стандартов оказания медицинских услуг, способствующих повышению их качества.

В то же самое время, для реализации направлений института ГЧП в сфере здравоохранения необходимо, во-первых, предусмотреть ресурсы для мониторинга качества медицинских услуг; во-вторых, отрегулировать и сделать прозрачным механизм финансирования и управления для обеспечения деятельности организаций; в-третьих, обеспечить правовое регулирование взаимодействия партнеров в рамках общепринятых моделей. В случае если не учитывать эти простые правила, можно приобрести неудачный опыт реализации, казалось бы, удачной модели сотрудничества. Индийские СМИ в качестве примера приводят неисполнение своего обязательства («мандата») знаменитой медицинской организацией «Apollo Indraprastha» [4, с. 2].

Так, в 1986 году администрация Дели предложила проект создания многопрофильной специализированной больницы, руководствуясь принципом «без прибыли и убытков», сдав в аренду престижную недвижимость сети больниц «Apollo» за символическую плату в одну рупию в год для создания новой клиники «Indraprastha», которая являлась совместным предприятием с Правительством Дели. В соответствии с заключенным между сторонами соглашением, государство предоставило «Apollo» 15 акров земли и 16 крор рупий. В свою очередь, частная клиника обязалась оказывать на безвозмездной основе медицинские услуги пациентам. Таким образом, соглашение предполагало взаимодействие субъектов в рамках модели ГЧП. Кроме того, администрация Дели установила для клиники юридическое обязательство предоставлять определенные, четко оговоренные услуги своим гражданам в обмен на существенную финансовую субсидию компании. Однако, «Apollo» не оказала ни одной из этих услуг⁵, что послужило отрицательным опытом в становлении отношений в сфере ГЧП.

Для успешной реализации программ партнерства, по мнению Бхате⁶, рассматриваемое взаимодействие должно строиться на базовых принципах: прозрачность, предполагающая открытое осуществление процесса отбора, разработки, расчета стоимости и согласование иных условий договора

3 Kutumbale, Vishakha, Telang. Public Private Partnerships in India (An Overview of Current Scenario), 2015. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/28102475> (дата обращения: 04.04.2026).

4 Национальная политика в области здравоохранения 2017 года. Министерство здравоохранения и социального обеспечения, Правительство Индии, 2017 год. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mohfw.gov.in/documents/policy> (дата обращения: 09.03.2026).

5 Correspondent. The court ordered Apollo to provide free medicines to poor and needy patients. The Hindu [Internet]. September 23, 2009 [cited December 28, 2009]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thehindu.com/2009/09/23/stories/2009092354760400.htm> (дата обращения: 04.04.2026).

6 Bhatе P-Deosthali Private health sector report Final. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.cser.in/uploads/Pubcref13.pdf (дата обращения: 04.04.2026).

с контрагентом (партнером); беспристрастность в отношениях между партнерами допускает разработку программ ГЧП с максимальной осторожностью, дабы не нанести ущерб приоритетам общественного здравоохранения. Малейшее нарушение баланса может привести к еще большему ослаблению частного сектора, а, следовательно, к невыполнению поставленной задачи; принцип социальной ответственности государства сохраняет его стабильную роль при оказании медицинских услуг (предоставление медицинской помощи) для всего населения; принцип соотношения цены и качества; интеграция услуг здравоохранения посредством ГЧП, целью которого является обеспечение командного подхода для достижения конечного результата – создание общедоступной системы здравоохранения.

Примером успешной деятельности ГЧП в Индии, на наш взгляд, является программа «Раштрия Свастхья Бима Йоджана» (далее по тексту РСБИ), которая была разработана специально для того, чтобы защитить малоимущих от катастрофических расходов на лечение в больницах [3, с. 35]. Под руководством федерального Министерства труда и занятости она обеспечивает защиту более 30 миллионов малоимущих семей по всей стране от прямых расходов на лечение в больницах. РСБИ – это добровольная программа частного медицинского страхования, в рамках которой семья, состоящая (максимум) из пяти человек, может зарегистрироваться в страховой компании, заплатив символический вступительный взнос в размере около 30 рупий за семью в год. Страховые компании регистрируют семьи, проживающие за чертой бедности, и выдают им «умную карту» РСБИ, содержащую биометрические данные зарегистрированной семьи. Карта необходима для всех операций в больнице. Страховая премия за каждую семью, которая составляет от 10 до 12 долларов США, выплачивается государством напрямую страховой компании. Зарегистрированный пациент может обратиться за помощью при любом серьезном заболевании, требующем госпитализации в специализированных больницах, которые выставляют счета страховым компаниям на основе пакетов услуг, представляющих собой базовую форму диагностических групп (Diagnostic Related Groups, DRG). Страховая компания возмещает больнице расходы в размере не более 600 долларов США на семью в год. Поскольку большинство из 1000 пакетов услуг DRG укладываются в этот лимит, ожидается, что большинство пациентов будут выписываться из больницы без каких-либо выплат во время болезни, что улучшит доступ к больничному обслуживанию и защитит семьи от обнищания [10]. Хотя за реализацию программы РСБИ отвечает страховая компания, надзор за этой схемой осуществляет государственное агентство. С учетом анализа результатов действия программы, следует отметить, что РСБИ способствовала улучшению доступа к стационарной медицинской помощи в некоторых штатах Индии [9, с. 29].

Таким образом, исходя из опыта выстраивания отношений в сфере ГЧП, в том числе и отрицательного, необходимо обратить внимание на следующие критерии: во-первых, государство должно контролировать процесс развития частного сектора здравоохранения и его взаимодействия с государственным сектором посредством детальной проработки соглашений, в основу которых должны быть положены программы взаимодействия партнеров. При таком подходе, как отмечают исследователи, ГЧП смогут улучшить доступ к медицинским услугам, снизить затраты и повысить их эффективность [8]. Во-вторых, как мы уже пояснили, необходимо проработать нормативно-правовую базу, касающуюся правил регистрации, лицензирования, аккредитации медицинских организаций и их работников. В-третьих, необходимо решать вопрос о качестве оказываемых услуг минимизируя неравенство между различными слоями населения, тем самым решая вопрос о социальной справедливости и доступности медицинских услуг всех уровней для каждого гражданина вне зависимости от места его жительства.

Состояние здоровья, факторы риска, всеобщий охват услугами здравоохранения населения являются ключевыми показателями, которые правительство должно обязательно учитывать при разработке программ ГЧП. Модель должна делать акцент на принципе равных рисков и выгод. Рамочная основа для развития ГЧП должна учитывать потребности на-

циональной системы здравоохранения. Нормативно-правовая база и руководящие принципы, касающиеся стандартов оказания услуг, способствуют их необходимому оказанию, что на сегодняшний день является необходимым критерием оказания медицинских услуг населению.

Важно отметить, что государственно-частное партнерство в Индии является современным регулятором взаимоотношений между государственным и частным секторами здравоохранения, ресурсом для решения проблем, возникающих в практике оказания медицинских услуг населению. Растет понимание того, что при наличии возможностей и соблюдении нехитрых правил, частный сектор может внести еще больший вклад в развитие системы здравоохранения в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Amit P., Ramani K. V., Mavalankar D., Agarwal A. K., Shilpa M., Bina N. Implementing a Public-Private Partnership Model for Urban Health Management in Ahmedabad. Indian Institute of Management Ahmedabad, Research and Publications Department. - 2007; 12(7) W.P. - No. 2007-09-03. - 71 p.
2. Buzé C., Wachsman A. Public-private partnerships in health: a strategy for WHO // Bulletin of the World Health Organization. - 2001. - No. 79 (8). - P. 748-754.
3. Devadasan N, Swarup A: Rashtriya Swasthya Bima Yojana: an overview // IRDA J. - 2008. - № 6. - P. 33-36.
4. George Thomas, Sunita Krishnan. Effective Public-Private Partnership in Healthcare: The Apollo Success Story as a Cautionary Tale // Indian Journal of Medical Ethics. - 2010. - Vol. 7. No 1. - P. 2.
5. Jomo K. S., Chowdhury A., Sharma K., Platz D. Public-Private Partnerships and the 2030 Agenda for Sustainable Development: Does It Meet the Goals? New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs. - 2016. DESA Working Paper No 148.
6. Lefebvre B. Providing World-Class Healthcare in India: The Rise of Corporate Hospitals. The Indian Healthcare Landscape in a Globalized World. - New Delhi: Manohar and Centre for Human Sciences, 2009.
7. Martin R., McIntyre D., Travassos C., Assessment of progress towards universal health coverage in Brazil, Russia, India, China, and South Africa (BRICS) // Lancet. - 2014; № 384 (9960):2164-71.
8. Muralidharan V. R., Nandraj S. The Private Healthcare Sector in India: Political Challenges and Options for Partnership. Health Policy Research in South Asia: Building Capacity for Reform. - Washington, DC. - 2003. - P. 229-255.
9. Narayanan Devadasan, Tanya Seshadri. Promoting universal financial protection: evidence from the Rashtriya Swasthya Bima Yojana (RSBY) in Gujarat, India // Devadasan et al. Health Research Policy and Systems. - 2013. - № 11. - P. 29.
10. Palacios R. A New Approach to Providing Health Insurance for the Poor in India: The First Results of the Rashtriya Swasthya Bima Yojana. Health Insurance Program for the Poor in India // New Delhi: Center for Policy Research. - 2011. - P. 1-37.
11. Ranganadhan S. Public-Private Partnership in Health Sector - Opportunities for better Health Care delivery // OSR Journal of Nursing and Health Science. - 2018. - Vol. 7. - P. 25-33.
12. Reena Titoria, Anu Mohandas. A glance on public private partnership: an opportunity for developing nations to achieve universal health coverage // International Journal of Community Medicine and Public Health. - 2019. - Vol. 6. - Issue 3. - P. 1354.
13. Tediosi F., Finch A., Prokacci K., Martin R., Missoni E. BRICS Countries and the Global Movement for Universal Health Coverage // Health Policy Plan. - 2016. - № 31 (6). - P. 28 (717).

РАТНИКОВА Василиса Игоревна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного, частного и транспортного права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ «ХОЛОДОВОЙ ЦЕПИ» ПРИ ТРАНСПОРТИРОВКЕ ИММУНОБИОЛОГИЧЕСКИХ ЛЕКАРСТВЕННЫХ ПРЕПАРАТОВ

В статье исследуется гражданско-правовая ответственность за нарушение температурного режима при транспортировке иммунобиологических лекарственных препаратов. На основе анализа нормативно-правовой базы и обобщения актуальной арбитражной практики (2020–2025 гг.) выявлены устойчивые тенденции правоприменения: презумпция вины перевозчика, достаточность данных автоматических терморегистраторов в качестве доказательств, квалификация груза как недоброкачественного при фиксированном отклонении от температурного режима. Сделан вывод о необходимости формирования единообразных разъяснений высших судебных инстанций для минимизации правовых рисков, обеспечения безопасности пациентов и создания предсказуемых условий развития фармацевтической логистики.

Ключевые слова: холоддовая цепь, иммунобиологические лекарственные препараты, температурный режим, транспортировка, гражданско-правовая ответственность, договор перевозки, арбитражная практика, недоброкачественные лекарственные средства.

RATNIKOVA Vasilisa Igorevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Public, private and transport law sub-faculty, Far Eastern State Transport, Khabarovsk

CIVIL LIABILITY FOR VIOLATION OF THE COLD CHAIN DURING TRANSPORTATION OF IMMUNOBIOLOGICAL MEDICINAL PRODUCTS

This article examines civil liability for temperature violations during the transportation of immunobiological medicinal products. Based on an analysis of the regulatory framework and a summary of current arbitration practice (2020–2025), consistent enforcement trends are identified: the presumption of carrier guilt, the sufficiency of automatic temperature recorder data as evidence, and the classification of cargo as defective in the event of a fixed temperature deviation. It is concluded that uniform clarifications from higher judicial authorities are necessary to minimize legal risks, ensure patient safety, and create predictable conditions for the development of pharmaceutical logistics.

Keywords: cold chain, immunobiological medicinal products, temperature control, transportation, civil liability, transport contract, arbitration practice, substandard medicinal products.

Ратникова В. И.

Расширение национального календаря профилактических прививок и календаря прививок по эпидемическим показаниям¹, реализация государственной программы «Фарма – 2030»², внедрение новых биотехнологических вакцин и переориентация международного товародвижения обусловили устойчивый рост объёмов транспортировки фармацевтических продуктов. Большинство иммунобиологических лекарственных препаратов (ИЛП) относятся к категории термочувствительных грузов, требующих строгого соблюдения «холодовой цепи» – бесперебойно функционирующей системы, гарантирующей соблюдение оптимального темпе-

ратурного режима хранения и транспортировки ИЛП от изготовителя до потребителя³.

Учитывая биологическую уязвимость данной категории продукции, в зависимости от физико-химических свойств ИЛП устанавливаются дифференцированные температурные режимы: основная группа вакцин, как АКДС, живая полиомиелитная вакцина, БЦЖ, транспортируется при температуре от +2 °С до +8 °С; отдельные препараты чувствительны к перегреву, другие – к замораживанию, например, «Инфанрикс Гекса», рекомбинантные ДНК-вакцины, третьи – к воздействию света (М-М-Р II). Ключевая правовая особенность таких грузов заключается в том, что даже кратковременное отклонение от температурного графика влечёт необратимую утрату биологической активности, тогда как визуальная целостность упаковки и товарный вид остаются неизменными, что квалифицирует повреждение в гражданском обороте как скрытый дефект.

1 Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок: приказ Минздрава России от 06.12.2021 № 1122н: в ред. от 12.12.2023 № 677н // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

2 Об утверждении Стратегии развития фармацевтической промышленности Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 07.06.2023 № 1495-р: в ред. от 21.10.2024 № 2963-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

3 Методические указания устройства, оборудования и эксплуатации аптечных учреждений, складов мелкооптовой торговли фармацевтической продукцией (МосМУ 2.1.3.005-01): утв. Главным гос. санитарным врачом по г. Москве 25.12.2001 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

Осознание указанных рисков на государственном уровне нашло отражение в стратегических документах. Так, Стратегия развития иммунопрофилактики инфекционных болезней в Российской Федерации на период до 2035 года⁴ определяет оптимизацию «холодовой цепи» и оснащение поставщиков современным холодильным и контрольным оборудованием в качестве ключевого приоритета обеспечения безопасности иммунизации.

Данная стратегическая установка реализуется через многоуровневую нормативно-правовую базу. Исторически организация температурного контроля восходит к совместному приказу Министерства здравоохранения СССР и Министерства медицинской и микробиологической промышленности СССР от 1988 г.⁵, регламентирующему пятиуровневую схему транспортировки и хранения живых вакцин, иммуноферментных тест-систем и сорбированных препаратов, а также воздушную перевозку ИЛП. Указанный акт сохраняет действие в части, не противоречащей современному законодательству.

В настоящее время система «холодовой цепи» детально регламентирована СанПиН 3.3686-21⁶, который выделяет четыре уровня обеспечения температурного режима: от доставки от производителя до оптовых дистрибьюторов (первый уровень) до хранения и применения в медицинских организациях (четвёртый уровень). На каждом этапе обязателен сквозной непрерывный контроль температуры с применением сертифицированных средств измерения (термометров, термографов, терморегистраторов) и термоиндикаторов, фиксирующих выход за пределы заданных температурно-временных порогов. Подобный контроль охватывает все субъекты цепочки независимо от формы собственности и напрямую трансформируется в условия гражданско-правовых отношений.

В рамках договора перевозки груза перевозчик обязуется доставить вверенный ему отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному лицу, а отправитель обязуется уплатить за перевозку установленную плату (п. 1 ст. 785 ГК РФ⁷). При этом условие о соблюдении температурного режима квалифицируется как специальное, приобретающее конституирующее значение в силу особой природы груза и императивных требований санитарного законодательства [2].

Соответственно, любое отступление от согласованных параметров квалифицируется как разновидность повреждения груза (ст. 796 ГК РФ), однако с учётом качественной трансформации свойств продукции: утрата биологической активности происходит при сохранении визуальной целост-

ности упаковки [1]. В этой связи правовая оценка должна смещаться от формально-визуальной к функционально-качественной, учитывающей утрату целевого назначения термочувствительного груза.

В рамках указанной квалификации особую роль играет механизм распределения ответственности. Согласно п. 1 ст. 796 ГК РФ и ч. 5 ст. 34 Устава автомобильного транспорта⁸, перевозчик несёт ответственность за несохранность груза, если не докажет, что утрата или повреждение произошли вследствие обстоятельств, которые он не мог предотвратить. Аналогичные нормы содержатся в Уставе железнодорожного транспорта РФ (ст. 95)⁹, Воздушном кодексе РФ (ст. 118)¹⁰, Кодексе торгового мореплавания РФ (ст. 186)¹¹, Кодексе внутреннего водного транспорта РФ (ст. 117)¹².

В отношении ИЛП данная презумпция приобретает особое практическое значение: во-первых, техническая неисправность оборудования (рефрижератора, терморегистратора) не относится к обстоятельствам непреодолимой силы для профессионального участника транспортного рынка, обязанного обеспечивать исправность подвижного состава и средств контроля; во-вторых, отсутствие данных температурного мониторинга приравнивается к недоказанности соблюдения режима, что влечёт применение ответственности в полном объёме.

Строгий подход судов к доказыванию отсутствия вины перевозчика дополняется императивными нормами фармацевтического законодательства. В силу п. 38 ст. 4 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» (далее – ФЗ № 61)¹³ недоброкачественным признаётся лекарственное средство, не соответствующее требованиям фармакопейной статьи либо нормативной документации. Согласно ОФС.1.1.0037 «Перевозка лекарственных средств»¹⁴, для термолабильных ИЛП при транспортировании должен соблюдаться регламентируемый температурный режим. Таким образом, документально подтверждённое нарушение температурного режима влечёт признание груза недоброкачественным в силу прямого указания закона, что обосновывает его изъятие из оборота и уничтожение (ст. 59 Закона № 61-ФЗ) и формирует основание для взыскания

4 Об утверждении Стратегии развития иммунопрофилактики инфекционных болезней на период до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 18.09.2020 № 2390-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

5 Об организации на территории страны системы «холодовой цепи» при транспортировке и хранении медицинских иммунобиологических препаратов: приказ Минздрава СССР № 827, Минмедбиопроста СССР № 672 от 18.11.1988 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

6 Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 4: в ред. от 25.06.2025 № 12 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

7 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ: в ред. от 24.06.2025 № 178-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

8 Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта: федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ: в ред. от 31.07.2025 № 304 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

9 Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации: федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ: в ред. от 31.07.2025 № 339-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

10 Воздушный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 19.03.1997 № 60-ФЗ: в ред. от 28.11.2025 № 432-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

11 Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации: федеральный закон от 30.04.1999 № 81-ФЗ: в ред. от 31.07.2025 № 304-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

12 Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации: федеральный закон от 07.03.2001 № 24-ФЗ: в ред. от 31.07.2025 № 307-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

13 Об обращении лекарственных средств: федеральный закон от 12.04.2010 № 61-ФЗ: в ред. от 29.12.2025 № 549-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 05.04.2026).

14 Государственная фармакопея Российской Федерации. XV издание. ОФС.1.1.0037 «Перевозка лекарственных средств»: утв. приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 20.07.2023 № 377 // СПС «Гарант» (дата обращения: 05.04.2026).

полной стоимости груза, поскольку восстановить его потребительские свойства невозможно¹⁵.

Правоприменительная реализация указанных норм получила последовательное отражение в арбитражной практике. Обобщение судебной практики по делам о нарушении «холодовой цепи» при транспортировке и хранении лекарственных средств (далее – ЛС), включая ИЛП, позволяет сделать следующие выводы:

1. Презумпция вины перевозчика/экспедитора. Бремя доказывания обстоятельств, исключающих ответственность, возложено на перевозчика (дела № А03-16459/2022¹⁶, № А56-49152/2021¹⁷, № А71-16148/2020¹⁸). Практика демонстрирует строгий подход к оценке его возражений: ссылки на техническую неисправность рефрижераторного оборудования (дело № А06-8176/2024¹⁹) или сбои в работе терморегистраторов не признаются обстоятельствами непреодолимой силы. Суды исходят из того, что профессиональный участник транспортного рынка обязан обеспечивать надлежащее техническое состояние транспортного средства, дублирующие системы контроля и процедуры оперативного реагирования на температурные отклонения. Отсутствие температурных графиков или их несоответствие требованиям приравнивается к признанию нарушения. Профессиональные участники (перевозчики, экспедиторы, поставщики ЛС) несут повышенную ответственность и обязаны знать специальные требования к обращению термолабильных препаратов. Ссылки на «незнание» требований, «технические ошибки» или «отказ контрагента предоставить документы» не освобождают от ответственности (дела № А56-73254/2019²⁰, № А60-25310/2022²¹, № А06-8176/2024).

2. «Холодовая цепь» как императивное требование. Подтверждение соблюдения температурного режима на всех этапах движения ЛС (от производителя до получателя) является обязательным (дело № А06-8176/2024²²). Недостаточность доказательств соблюдения «холодовой цепи» приравнивается к её нарушению и влечёт признание ЛС недоброкачественными

ми (дела № А71-16148/2020²³, № А03-16459/2022²⁴). Термоиндикаторы/терморегистраторы должны быть: активированы до погрузки; размещены непосредственно с грузом; иметь возможность выгрузки данных без специального ПО; подвергаться проверке (дело № А56-73254/2019²⁵).

3. Качество лекарственных средств и температурный режим. Нарушение температурного режима, установленного в инструкции или нормативной документации, автоматически делает ЛС недоброкачественными (ст. 4, 57, 59 Закона № 61-ФЗ). Недоброкачественные ЛС подлежат изъятию из оборота и уничтожению; их дальнейшая реализация запрещена (дела № А33-1619/2022²⁶, № А06-8176/2024, № А33-25055/2021²⁷).

4. Доказательственная сила данных автоматического температурного мониторинга. Анализ судебной практики (в т.ч. дело № А06-8176/2024²⁸) показывает, что арбитражные суды признают данные автоматических терморегистраторов надлежащим и достаточным доказательством нарушения температурного режима, если зафиксированные отклонения не опровергнуты перевозчиком контрдоказательствами. В случаях отсутствия средств мониторинга (дело № А71-16148/2020²⁹) суды исходят из того, что невозможность документального подтверждения соблюдения «холодовой цепи» влечёт применение ответственности к перевозчику. При этом последовательно отклоняются доводы о том, что общая отметка в товаросопроводительной документации о соблюдении температурного режима является достаточным подтверждением надлежащего качества термочувствительного груза. Так, по делам № А32-1450/2020³⁰ и № А32-1387/2020³¹ суды указали, что соблюдение «холодовой цепи» носит не декларативный, а документально подтверждаемый характер: наличие общей записи в транспортной накладной не свидетельствует о контроле температурного режима на каждом

15 Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.11.2025 по делу № А06-8176/2024 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2026).

16 Решение Арбитражного суда Алтайского края от 10.07.2023 по делу № А03-16459/2022 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

17 Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23.09.2021 по делу № А56-49152/2021 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

18 Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.01.2022 по делу № А71-16148/2020 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

19 Решение Арбитражного суда Астраханской области от 18.07.2025 по делу № А06-8176/2024 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

20 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2020 по делу № А56-73254/2019 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2026).

21 Решение Арбитражного суда Свердловской области от 19.09.2022 по делу № А60-25310/2022 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

22 Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.11.2025 по делу № А06-8176/2024 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

23 Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 21.07.2021 по делу № А71-16148/2020 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

24 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 21.02.2025 по делу № А03-16459/2022 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

25 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2020 по делу № А56-73254/2019 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

26 Решение Арбитражного суда Красноярского края от 23.09.2022 по делу № А33-25055/2021 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

27 Решение Арбитражного суда Красноярского края от 23.09.2022 по делу № А33-25055/2021 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

28 Решение Арбитражного суда Астраханской области от 18.07.2025 по делу № А06-8176/2024 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2026).

29 Решение Арбитражного суда Удмуртской Республики от 21.07.2021 по делу № А71-16148/2020 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 04.04.2026).

30 Решение Арбитражного суда первой инстанции от 20.10.2020 по делу № А32-3000/2020 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2026).

31 Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 11.12.2020 по делу № А32-1387/2020 // Картоотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2026).

этапе передачи груза от производителя до получателя, что при отсутствии специальных данных мониторинга создаёт обоснованные сомнения в доброкачественности ИЛП.

5. Вопрос о необходимости лабораторной экспертизы. Не во всех делах поднимается вопрос о необходимости проведения экспертизы физико-химических свойств препарата при спорах о нарушении «холодовой цепи». Так, в деле № А03-16459/2022 перевозчик ходатайствовал о назначении лабораторной экспертизы, полагая, что только прямое исследование груза может подтвердить утрату его свойств. Однако суд, опираясь на заключение судебных экспертов, указал, что современная методика оценки соответствия лекарственных средств не требует обязательного лабораторного тестирования при наличии документально зафиксированного нарушения температурного режима и прямого запрета на отклонение от него в инструкции производителя. Данная позиция согласуется с практикой по делам № А06-8176/2024 и № А71-16148/2020, где суды признали данные автоматического температурного мониторинга, акты осмотра и нормативные требования достаточными основаниями для вывода о недоброкачественности груза.

Вместе с тем данное направление не носит абсолютного характера. В отдельных случаях (например, по делу № А46-23241/2023³²) суды сохраняют требовательный подход к доказыванию причинно-следственной связи, отказывая в удовлетворении исков при отсутствии убедительных данных о фактической утрате фармакологических свойств препарата. Отказ от экспертизы допустим только при наличии бесспорных данных логгера и прямого запрета в инструкции.

Несмотря на сформировавшиеся доктринальные подходы, анализ судебной практики подтверждает, что единообразие правоприменения остаётся неполным. Ключевые пробелы проявляются в:

- отсутствию единого процессуального стандарта оценки данных IoT-устройств и терморегистраторов (требования к проверке, калибровке, защите от вмешательства, порядку выгрузки данных);
- неоднозначном подходе к распределению бремени доказывания при многоступенчатой логистике (перегрузка, субподряд, таможенное хранение, использование услуг третьих лиц);
- отсутствию законодательно закреплённой методики расчёта убытков, учитывающей специфику фармацевтической логистики и регуляторные последствия нарушения «холодовой цепи».

Особую проблематику в данном контексте представляет разнотечность в трактовке соотношения индивидуальных требований производителя и общих фармакопейных норм. С одной стороны, суды отдают приоритет индивидуальным требованиям производителя (дела № А06-8176/2024, № А71-16148/2020), последовательно исходя из того, что для ИЛП инструкция производителя имеет приоритет над общими положениями фармакопейных статей, а любое отклонение влечёт признание груза недоброкачественным. С другой стороны, в ряде споров применяется общий фармакопейный стандарт (дело № А03-16459/2022), согласно которому, поскольку специальные условия хранения («постоянное хранение в холодном месте», «не замораживать») предусмотрены

не для всех перевозимых препаратов, однократное краткосрочное отклонение (не более 24 часов) не свидетельствует о порче всего объёма груза, а затрагивает лишь ту часть, для которой специальные условия были прямо оговорены. Подобная дифференциация подчёркивает необходимость формирования единообразных разъяснений высших судебных инстанций для устранения коллизий в оценке качества термочувствительных грузов.

В результате проведённого исследования установлено, что соблюдение температурного режима при транспортировке ИЛП трансформировалось из сугубо технологического регламента в императивное условие гражданско-правового обязательства. Любое документально зафиксированное отклонение от установленных температурных параметров квалифицируется как повреждение груза (утрата его целевого назначения) и служит безусловным основанием для признания лекарственного средства недоброкачественным. Подтверждённый выход за пределы допустимого температурного коридора влечёт обязательное изъятие ИЛП из гражданского оборота, что формирует объективную правовую базу для взыскания полной стоимости груза и сопутствующих убытков.

Несмотря на сформировавшиеся доктринальные и правоприменительные ориентиры, сохраняются системные пробелы, снижающие предсказуемость правоотношений: отсутствие единого процессуального стандарта допуска данных IoT-мониторинга в качестве доказательств, неопределённость в распределении бремени доказывания при многоступенчатой логистике (перегрузка, субподряд, ответственность экспедиторов и перевозчиков), а также коллизии в толковании приоритета индивидуальных требований производителей над общими фармакопейными стандартами. Преодоление указанных пробелов путём совершенствования договорных конструкций, внедрения верифицируемых цифровых систем температурного контроля и выработки единообразных подходов судебной практики является необходимым условием обеспечения правовой определённости и устойчивого развития логистической инфраструктуры обращения ИЛП в Российской Федерации.

Пристатейный библиографический список

1. Антонов Д. А., Силова Е. С., Тарынин Ю. С. Особенности института закупок в здравоохранении // Вестник Челябинского государственного университета. – 2019. – № 9 (431). – С. 92-99. – DOI 10.24411/1994-2796-2019-10910. – EDN FHUNED.
2. Быкова Г. П., Подоляко А. А. Дифференциация требований к экспедиторской деятельности в зависимости от вида перевозимых грузов / Г. П. Быкова, // Вестник Академии знаний. – 2025. – № 6 (71). – С. 108-113.

32 Решение Арбитражного суда Омской области от 09.04.2024 по делу № А46-23241/2023 // Картотека арбитражных дел. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 05.04.2026).

СИНЯКОВА Татьяна Вячеславовна

доцент кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

ЗДОРОВЦЕВА Анна Аркадьевна

доцент кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

ДОРОФЕЕВА Светлана Николаевна

старший преподаватель кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

НОТАРИАЛЬНАЯ ФОРМА: ПОНЯТИЕ И ЕЕ СОВРЕМЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ

В статье предпринята попытка по-новому взглянуть на понятие нотариальной формы и рассматривать ее комплексно во взаимосвязи с имущественным оборотом, с которым она одновременно развивается. Авторы анализируют последние судебные решения высших судебных инстанций о правовых последствиях использования нотариальной формы и приходят к выводу, что нотариальная форма перестала быть в имущественном обороте просто формой сделки, теперь это потенциал (преференции) для его участников и средство публичного контроля за тем же имущественным оборотом. Авторы определяют преимущества нотариальной формы, в том числе в аспекте имущественной ответственности нотариуса, так как еще одним потенциалом нотариальной формы выступают ее преференции для обратившихся к нотариусу, включая гарантию полной имущественной ответственности нотариального сообщества. Кроме того, дается оценка доктринальных подходов к определению квазинотариата, его содержанию и сущности, исследуются проблемы реализации и специфики его правового регулирования с учетом последних изменений законодательства и нотариальной практики. Возникающие правовые последствия вследствие совершения квазинотариальных действий соответствующими субъектами влияют на концептуальный потенциал нотариальной формы в современном осмыслении

Ключевые слова: нотариус, нотариальное удостоверение, нотариальная форма, сделки, ответственность нотариуса, квазинотариат.

SINYAKOVA Tatyana Vyacheslavovna

associate professor of Civil law sub-faculty, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of justice of Russia)

ZDOROVITSEVA Anna Arkadjevna

associate professor of Civil law sub-faculty, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of justice of Russia)

DOROFEEVA Svetlana Nikolaevna

senior lecturer of Civil law sub-faculty, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of justice of Russia)

NOTARIAL FORM: CONCEPT AND ITS MODERN POTENTIAL

The article attempts to take a fresh look at the concept of notary form and consider it comprehensively in relation to the property turnover, with which it is simultaneously developing. The authors analyze the latest court decisions of the highest judicial authorities on the legal consequences of using the notary form and conclude that the notary form has ceased to be just a form of a transaction in the property turnover, and is now a potential (preference) for its participants and a means of public control over the same property turnover. The authors identify the advantages of the notary form, including the aspect of the notary's property liability, as another potential of the notary form is its preferences for those who seek the services of a notary, including the guarantee of full property liability of the notary community. In addition, the authors assess the doctrinal approaches to defining quasi-notary services, their content and essence, and explore the challenges and specific features of their implementation

Keywords: notary, notarial certification, notarial form, transactions, notary liability, quasi-notariat.

В последние годы возрастает интерес имущественного оборота к нотариальной форме и это не случайно, поскольку и в отечественной правовой доктрине, и в судебной практике с ней связывают стабильность имущественного оборота [1, с. 43]. Отдельные авторы буквально бьют тревогу, демонстрируя в своих работах серьезные правовые последствия отмены

нотариальной формы в сделках с недвижимостью [2, с. 126], [3, с. 126-135]. Вместе с тем мало кто в науке исследовал потенциал нотариальной формы комплексно, по большей части мы имеем дело с ее пониманием как формы сделки [4, с. 367-368] или как с нотариальным процессом [5, с. 38], [6]. При этом даже и в этих вопросах российские правоведы не едины,

Синякова Т. В.

Здоровцева А. А.

Дорофеева С. Н.

а ведь именно в свете последних судебных решений высших судебных инстанций нотариальная форма не ограничивается способностью минимизировать риски нарушений субъективного права. И теперь обобщить и систематизировать знания о нотариальной форме и о ее потенциале в имущественном обороте – вот цель настоящего научного исследования.

С традиционным пониманием нотариальной формы как формы сделки встречаемся в статье 163 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), где законодатель предусмотрел, что воля сторон сделки формируется с помощью публичного лица – нотариуса и иного должностного лица, на которого Основами законодательства РФ о нотариате (далее – Основы) возложена обязанность совершать нотариальные действия. И если фигура нотариуса здесь не вызывает сомнений (ст. ст. 1, 35 Основ), точно также как и консульских должностных лиц (ст.ст. 1, 38 Основ), и должностных лиц органов местного самоуправления (ст. ст. 1, 37 Основ), то вопрос о включении в нотариальную систему иных должностных лиц, на которых законодатель возложил удостоверение доверенностей и завещаний, по-прежнему открыт для дискуссии в науке [7, с. 52-56].

Понятие нотариального удостоверения дается законодателем в той же ст. 163 ГК РФ и сводится к проверке законности сделки, при этом сами проверочные действия явно не исчерпываются не ограничиваются проверками полномочий лица на сделку и законодательством о нотариате и нотариальной деятельности по вопросам использования правил нотариальной удостоверительной деятельности. Однако в этой норме законодатель ведет речь применительно к сделкам в то время, как статья 35 Основ перечисляет нотариальные действия со сделками и с другими юридическими фактами и просто с фактами. И здесь возникает закономерный вопрос, а распространяется ли понятие нотариального удостоверения в ст. 163 ГК РФ на иные отношения?

Ответ очевиден с учетом того, что законодатель, используя общие представления о нотариальном производстве применительно к сделке, чтобы показать отличие нотариальной формы от простой письменной формы, сам того не желая ввел в статью 163 ГК РФ норму, имеющую отношение к нотариальному законодательству. И несмотря на то, что эта норма находится среди норм частного права в ГК РФ, теперь относиться к ней нужно двояко. Рассматривать ее как норму частного права, когда речь идет просто о нотариальной форме, и как норму публичного права, если возникнет потребность посмотреть на сделку через призму соблюдения нотариальных правил.

В ГК РФ предусмотрен ряд статей, нормами которых полномочиями по удостоверению доверенностей и завещаний наделены должностные лица разных органов, например, военно-лечебных, гражданских медицинских учреждений, воинских частей, мест лишения свободы, учреждений социальной защиты, судов под флагом России, экспедиций (далее – квазинотариат) (ст.ст. 185.1, 1127, 1128, 1129 ГК РФ). Такие удостоверительные действия законодатель назвал приравненные к нотариальным, иногда в юриспруденции их называют квазинотариальными действиями [8, с. 9-13] и по замыслу законодателя в ст. 1 Основ, они не включены в нотариальную систему. И вот здесь возникает целая цепочка вопросов, связанных с правовыми последствиями такой приравненной удостоверительной деятельности. Это и юридическая сила сделок (доверенности и завещания), совершенных в таком необычном для нотариального производства формате, и возможность отнесения таких норм ГК РФ к нотариальному законодательству, и правовой потенциал конечного квазинотариального документа для сторон сделки и вопросы имущественной ответственности квазинотариата.

Анализ определения Конституционного суда РФ (далее – КС РФ) от 09 июля 2024 г. № 1757-ОКС РФ подтвердил, что для должностных лиц органов, перечисленных в ст. ст. 1127, 1129 ГК РФ точно также как и для консульских должностных лиц и должностных лиц органов местного самоуправления отсутствие нотариуса – это объективная невозможность. И при наличии таковой требования об оказании квалифицированной правовой помощи не отменяются, а значит строгое

соблюдение формальности в части круга должностных лиц, уполномоченных на приравненные к нотариальным действиям, обязательно, и также обязательно ознакомление квазинотариата именно с нотариальными правилами по удостоверению завещаний при том, что КС РФ на осведомленности и владении знаниями о них не настаивает. Из этого следует, что поименованные должностные лица, удостоверяя последнюю волю гражданина, все-таки получают статус публично-го лица и нормы ст.ст. 1127, 1129 ГК РФ – те же нормы с двоякой правовой природой. Только здесь названные статьи ГК РФ будут являться нормами частного права, когда речь пойдет о форме завещания, и нормами публичного права, когда поименованные должностные лица столкнутся с необходимостью применения нотариальных правил, часть из которых в них уже в наличии.

По сути, поименованные должностные лица тоже являются частью нотариальной системы с той лишь разницей, что в отличие от нотариуса и других прямо названных в ст. 1 Основ должностных лиц, они в ней не присутствуют постоянно, а включаются в нотариальную систему точно, каждый раз, когда перед ними возникает задача по удостоверению завещания. И эта задача такая же государственная по оказанию квалифицированной правовой помощи как это задумано в ст. 48 Конституции РФ.

При этом использование законодателем термина «действия, приравненные к нотариальным» не совсем корректно, потому что форма сделки в этом случае может быть только нотариальной, волю завещателя формирует должностное лицо, точно вовлекаясь в нотариальную систему, по-иному это противоречие общей части ГК РФ о формах сделки и не объяснить, почему квазинотариальные сделки способны отменить нотариальные сделки.

Аналогичным образом должно обстоит дело и с удостоверением доверенностей (ч. 2 ст. 185.1 ГК).

Внесение ясности в понимание таких завещаний и доверенностей позволяет высказаться о том, что оных и любых нотариальных сделок должны располагать тем же потенциалом нотариальной формы и повлечь ту же имущественную ответственность поименованных должностных лиц, какую несет нотариус, при том что гражданские дела об обжаловании тех же бытовых завещаний – явления нередкие в судебной практике (например, определение Первого КСОЮ от 26 октября 2022 г. по делу № 88-27086/2022, определение Второго КСОЮ от 26 ноября 2019 г. по делу № 88-773/2019).

Если строго следовать статье 35 Основ, то любое нотариальное действие для стороны правоотношения повлечет правовые последствия. И эти правовые последствия, традиционно представленные в общей теории права субъективными правами и обязанностями [9, с. 191-192], дифференцируются на две группы. Первую группу составляют субъективные права и обязанности, возникающие для конкретного правоотношения, вторая группа правовых последствий – это уже дополнительные, возникающие из использования нотариальной формы, к чему законодатель стимулирует имущественный оборот, закладывая для его участников разные преференции в отдельных нормативных актах.

Например, широкомасштабные реформы последнего десятилетия наделили нотариальную форму неоспоримым доказательственным эффектом, что следует из ч. 5 ст. 61 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) и ч. 5 ст. 66 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ). Отныне стороны той же нотариальной сделки свободны от доказывания в суде и тогда вторая сторона спора просто так не может заявить о ее недействительности, не пройдя предусмотренную в указанных нормах ГПК РФ и АПК РФ процедуру по лишению нотариального акта аутентичной силы. Точно также и для суда, рассматривающего спор, нотариальный акт бесспорен и по-прежнему является доказательством до утраты им свойства аутентичности. В противном случае отпадет смысл в такой процессуальной преференции нотариальной формы.

Обратимся к нашему делу в средствах массовой информации арбитражному делу, где учредить попытался оспорить нотариальную сделку по продаже своей фирмы

ООО «Оптика ОкулисКонстантины», на что намерений не было, а психическое состояние истца в момент совершения сделки препятствовало пониманию правовых последствий. При этом истец оперировал экспертным заключением психиатров по уголовному делу, которое беспрепятственно принималось судами общей юрисдикции и на основании которого иные сделки с недвижимостью признавались недействительными.

Вместе с тем арбитражный суд пришел к абсолютно правильному выводу о том, что психиатры в момент совершения сделки, как это должно быть по замыслу ч. 1 ст. 177 ГК РФ, рядом с истцом не находились и в отличие от нотариуса с его волей не работали, а потому судебные эксперты вынуждены признать вероятностные выводы экспертного заключения, которые можно приблизить к достоверным только за счет вовлечения психиатров в нотариальное действие, чего в действительности не происходило (постановления Девятого апелляционного арбитражного суда от 16 октября 2019 г. и от 19 июля 2021 г. по арбитражному делу № А40-304649/18).

Это арбитражное дело знаменует победу нотариальной формы над экспертным заключением, с чем в конечном итоге согласилась высшая судебная инстанция (определения Верховного суда РФ (далее – ВС РФ) от 10 сентября 2020 г. и от 25 марта 2022 г. по арбитражному делу № А40-304649/18). Конечно, нотариусы не являются психиатрами и даже не имеют медицинского образования, и суды общей юрисдикции все-таки лишают завещания нотариальной аутентичности и признают их недействительными (например, определение ВС РФ от 5 апреля 2016 г. по делу № 60-КГ16-1). И здесь, возвращаясь к норме ст. 163 ГК РФ, которой введены общие представления о нотариальном производстве, нельзя не задать вопрос об имущественной ответственности нотариуса и ее условиях.

Вопрос об имущественной ответственности нотариуса раскрывается законодателем в ст. 17 Основ, которая сегодня толкуется вместе с определением КС РФ от 27 октября 2022 г. за № 2762-О (это не первая попытка оспорить конституционность ст. 17 Основ, более раннее отказное определение КС РФ вынесено 23 апреля 2015 г. за № 907-О) и вводит гарантию полной имущественной ответственности нотариуса, когда имущественный ущерб нотариальным действием причинен по его вине.

Представим ситуацию, когда нотариус оказался введен в заблуждение мошенниками и удостоверяет сделку по отчуждению недвижимости, например, на основании подложного общегражданского паспорта, где фотография владельца явно не соответствует внешности обратившегося, например, определение ВС РФ от 16 апреля 2019 г. № 49-КГ19-13. Традиционно потерпевший обращается в органы внутренних дел с заявлением о преступлении и с иском в суд о признании сделки недействительной, что в обоих случаях положительного результата не дает, так как преступника могут не найти и получить деньги по недействительной сделке тоже не с кого. В аналогичной ситуации оказываются граждане и тогда, когда они при сделках с недвижимостью используют простую письменную форму, но такого не должно быть, ведь по замыслу ст. 17 Основ нотариальная сделка предоставляет ее сторонам гарантию полной имущественной ответственности нотариуса. А это означает, что пострадавшие от нотариального действия, при наличии всех атрибутов деликта у нотариуса, в любом случае получают материальное возмещение в соответствии с четырехуровневой системой нотариального сообщества.

Таким образом, закрепленная в ст. 17 Основ гарантия полной имущественной ответственности нотариуса, есть нечто иное, как еще одна преференция (потенциал) нотариальной формы, которая открывает для пострадавшего возможность напрямую обратиться с иском к нотариусу, минуя стадии обращения в правоохранительные органы и искового производства. Условия, когда начинает работать данная гарантия, последовательно оттачиваются судебной практикой высшей судебной инстанции, для чего обратимся к определению ВС РФ от 11 сентября 2023 г. по делу № А40-107892/2022, которое в отличие от более раннего определения от 16 марта

2021 г. по делу № 49-КГ20-25-К6, выдвигает вперед заключенный нотариусом договор страхования гражданско-правовой ответственности, где выгодоприобретателем выступает пострадавший. И теперь ВС РФ ориентирует пострадавшего на иск к нотариусу и одновременно к страховой организации, поскольку доказывание страхового случая, выплата страхового возмещения и ответственность нотариуса взаимосвязаны в предмете доказывания. Подобную тактику взыскания страхового возмещения высшая судебная инстанция уже давно практикует по делам об умерших и застрахованных банками заемщиках по кредитным договорам, заключенным под залог недвижимого имущества, ориентируя банк получать такое страховое возмещение на правах выгодоприобретателя (например, определения ВС РФ от 12 декабря 2023 г. по делу № 18-КГ23-155-К4, от 19 апреля 2022 г. по делу № 19-КГ22-2-К5).

Итоги настоящего исследования позволяют прийти к ряду выводов. В первую очередь, следует отказаться от ограниченного научного взгляда на нотариальную форму как на форму сделки, который не позволяет раскрыть весь ее правовой потенциал, накапливаемый в законодательстве и культивируемый судебной практикой. Нотариальная форма – это, по сути, универсальный инструмент в нотариальной практике, поскольку о ней можно говорить в разных аспектах – это и оказание правовой помощи населению, и средство публичного контроля за тем же имущественным оборотом. А еще одним потенциалом нотариальной формы выступают ее преференции для обратившихся к нотариусу, включая гарантию полной имущественной ответственности нотариального сообщества.

Пристатейный библиографический список

1. Иншакова А. О., Чулова Ю. С. Влияние обязательной нотариальной формы сделок с недвижимостью на стабильность гражданского оборота // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2016. – № 1 (36). – С. 43-48.
2. Иншакова А. О., Тымчук Ю. А. Обязательное нотариальное удостоверение сделок с недвижимостью как Гарант стабильности ее гражданского оборота // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. – Т. 15. № 2 (31). – С. 125-133.
3. Правовое регулирование профессиональной деятельности в сфере недвижимости / А. А. Здоровцева, Н. А. Киселева, А. В. Кузнецов [и др.]. – Санкт-Петербург: ВГУЮ (РПА Минюста России), 2025. – 195 с. – С. 126-135.
4. Аракелян Ф. П. Нотариальная форма сделки с точки зрения гражданского законодательства и законодательства о нотариате // Мир науки, культуры, образования. – 2014. – № 2 (45). – С. 367-368.
5. Погосян Е. В. Нотариальный процесс и нотариальные процессуальные правоотношения как основа нотариального доказывания // Нотариальный вестник. – 2022. – № 2. – С. 36-48.
6. Погосян, Е. В. Доказательства и доказывание в нотариальном процессе: монография. – Москва: Статут, 2023. – 174 с.
7. Язова М. А. Теоретические проблемы применения подпункта 1 пункта 1 статьи 1127 ГК РФ // Судья. – 2015. – № 12 (60). – С. 52-56.
8. Балышева О. В. Нотариат и квазинотариат: перспективы правового регулирования // Нотариальный вестник. – 2011. – № 3. – С. 9-13.
9. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. – Москва: Издательская группа «Юрист», 2004. – С. 191-191. – 512 с.

Стыслович А.П.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ СПОРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ОБЪЕДИНЁННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТАХ

Статья посвящена анализу правового регулирования цифровизации гражданского правосудия. Отмечается, что процесс цифровизации основывается на исторической, политической или культурной модели исследуемого государства. Целью научного исследования является формирование научных и практических знаний о процессе формирования цифровизации гражданского правосудия в рассматриваемых странах. Результатом исследования являются выявленные общие и особенные черты правового регулирования и практическая применимость цифровизации в гражданском правосудии Российской Федерации и Объединённых Арабских Эмиратов.

Ключевые слова: гражданское правосудие, информация, искусственный интеллект, разрешение гражданско-правовых споров, технологии цифровизация.

Styslovich A.P.

LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION AND THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN CIVIL DISPUTE RESOLUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE UNITED ARAB EMIRATES

This article analyzes the legal regulation of the digitalization of civil justice. It is noted that the digitalization process is based on the historical, political, and cultural model of the country under study. The aim of this research is to develop scholarly and practical knowledge about the development of digitalization of civil justice in the countries under consideration. The study identifies common and specific features of legal regulation and the practical applicability of digitalization in the civil justice systems of the Russian Federation and the United Arab Emirates.

Keywords: civil justice, information, artificial intelligence, civil dispute resolution, digitalization technologies.

Технологический облик общества, меняющий строение общественных отношений и институтов, повлек процесс трансформации механизмов судебной деятельности, от перестройки которой зависит дальнейшее высокие стандарты защиты прав и свобод человека, общества и государства. Складывающийся процесс цифровизации, особенно затрагивающий сферу гражданского правосудия, потребовал детального правового регулирования, от которого зависит дальнейшая модернизация правовой системы: трансформация общественных отношений приводит к тому, что современное правовое регулирование в большей степени носит бессистемный и не актуальный характер, что несомненно сказывается на правоприменительной деятельности. Современная действительность требует осуществления мер сбалансирования правового регулирования, направленных, с одной стороны, на стимулирование инновационной деятельности, а с другой, полную защиту прав и свобод граждан, общества и государства.

В Российской Федерации правовое регулирование цифровизации гражданского правосудия находится на начальной стадии разработки, по сравнению с некоторыми странами, в которых цифровизация уже заняла свое устойчивое положение (например, Китай).

Первостепенным актом, регулирующим основополагающие принципы и устройство правосудия, в том числе гражданского, является Конституция Российской Федерации. Данный нормативный акт содержит положения касающиеся организации и осуществления правосудия, закрепляет основные права и свободы граждан, тем самым устанавливает основополагающие требования к процессу осуществления правосудия. Конституция Российской Федерации содержит принципиальное предписание о равенстве всех перед законом и судом, а также содержит гарантирующую норму о равенстве прав и свобод¹. Применительно к рассматриваемым

правоотношениям данный нормативный акт подразумевает невозможность полного перевода процесса разрешения гражданско-правового спора на цифровой формат с использованием технологий искусственного интеллекта, в связи с возможным нарушением конституционных норм о равенстве. Данная гарантия связана с тем, что в настоящее время в Российской Федерации процесс цифровизации не достиг того уровня, при котором возможно создать равные условия в случае перевода правосудия на цифровой формат: у значительной части населения отсутствует полный и бесперебойный доступ к информационно-коммуникационным технологиям.

Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон от 27.07.2006 г. № 149) закрепляет основу понятийно-категориального аппарата процесса цифровизации. В частности, Закон от 27.07.2006 г. № 149 закрепляет понятия информация, информационные технологии, информационно-коммуникационные сети. Нормативный акт устанавливает обязанность государственным органам предоставлять информацию в электронном виде².

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации закрепляет возможность формирования состава суда посредством автоматизированной судебной системы, что исключает возникновение предвзятости и заинтересованности в процессе разрешения спора, в следствии чего обеспечивается принятие законного решения или иного судебного постановления. Рассматриваемый нормативный акт устанавливает право доступа к судебному заседанию с помощью информационно-коммуникационных технологий: лица могут участвовать в судебном заседании применяя системы видео-

Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

2 Федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (Часть I). – Ст. 3448.

1 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Собрание законодательства

конференц-связи и веб-конференции, что обеспечивает реализацию полной защиты прав и свобод³.

Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – от 10 октября 2019 г. № 490) закрепляет понятие искусственного интеллекта и технологий на его основе. В частности, в Российской Федерации под искусственным интеллектом понимается «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их. Комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе, в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений». При этом под соответствующими технологиями Указ от 10 октября 2019 г. № 490 раскрывает «совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта». На основании этого, Указ от 10 октября 2019 г. № 490 содержит комплексное понятийное регулирование рассматриваемых правоотношений.

Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 1 августа 2018 г. № 428 «Об утверждении разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее – Приказ от 1 августа 2018 г. № 428) устанавливает основное начало процесса цифровизации, при этом под цифровизацией закрепляет «процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности (бизнес-процессов), ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов. Цифровизация предполагает внедрение в каждый отдельный аспект деятельности информационных технологий». Приказ от 1 августа 2018 г. № 428 предоставляет возможность на региональном уровне «использование облачных платформ веб-конференций, обеспечивающих возможность дистанционного участия граждан и организаций в судебных заседаниях как в судебных, так и во внесудебных органах»⁴.

Объединённые Арабские Эмираты. Правовое регулирование цифровизации и применения искусственного интеллекта в Объединённых Арабских Эмиратах (далее – ОАЭ) носит системообразующий характер: правовые акты содержат комплексное правовое регулирование, где нормы закрепляют синтез детального применения технологий и защиты основополагающих прав и свобод человека, общества и государства.

В соответствии со статьёй 14 Конституции Объединённых Арабских Эмиратов основой общества провозглашается равенство, социальная справедливость и обеспечение безопасности, защищенности и равных возможностей всем гражданам. Конституция Объединённых Арабских Эмиратов, как основополагающий нормативный акт, предоставляет возможность использования любых не запрещенных средств связи для передачи информации, тем самым предоставляется право внедрения цифровых технологий в судебную деятельность⁵.

Гражданский процессуальный кодекс ОАЭ детально регулирует внедрения цифровизации в гражданский судебный процесс. Возможность использования смарт-приложения и иных средств связи целью направления процессуальных документов закреплено в Гражданском процессуальном кодексе ОАЭ. Статья 11 данного закона устанавливает обязанность суда размещать всю открытую информацию по судебному делу на официальном сайте суда. Статья 17 Закона фиксирует, что суд обязан осуществлять протоколирование судебного заседания в цифровом формате⁶.

С целью приданию правовой определенности понятия «использование технологий дистанционной связи», Закон закрепил данное понятие в виде «использование аудиовизуальных средств связи между двумя или более сторонами для обеспечения удалённого присутствия и обмена документами, что включает в себя регистрацию дела, процессуальные процедуры, судебное разбирательство и исполнение, которые происходят с использованием такой технологии»⁷.

Законодательство ОАЭ не устанавливает санкционированного понятия искусственного интеллекта, однако в соответствии с официальным сайтом Министерства юстиции ОАЭ, под искусственным интеллектом понимается «отрасль информатики, направленная на создание систем, способных выполнять задачи, которые обычно требуют человеческого интеллекта. Это включает в себя обучение, рассуждение, понимание и взаимодействие с окружающей средой. Такие технологии, как машинное обучение, нейронные сети и обработка естественного языка, используются для разработки систем, способных обучаться на основе данных и улучшать свою производительность с течением времени»⁸.

В 2017 году была принята Стратегия в области искусственного интеллекта, закрепляющая принципы работы информационных коммуникационных технологий на базе искусственного интеллекта. В частности, основой работы средств передачи информации где используется искусственный интеллект являются следующие руководящие принципы: беспристрастность (система должна работать объективно, без искажения информации и без учета предубеждения), подотчетность (окончательное решение за выбор искусственного интеллекта несет человек), транспарентность (принятое решение с помощью искусственного интеллекта должно руководствоваться информационной прозрачностью), объяснимость (процесс принятия решения должен быть понятен для человека), человеческая ценность (правам человека и гражданину уделяется высшая ценность)⁹.

Анализ процесса цифровизации гражданского правосудия Российской Федерации и Объединённых Арабских Эмиратов позволяет понять, что не существует идеальной или универсальной модели цифровизации. Данный процесс основывается на исторической, политической и культурной моделях исследуемого государства. Однако несмотря на это, в процессе цифровизации можно выявить и ряд общих признаков, в частности, процессуальная гибкость, объективность и доступность, что задают четкие векторы и для дальнейшего развития.

United_Arab_Emirates_2009 (дата обращения: 10.11.2025).

- 6 Federal Decree by Law № 42 of 2022 Promulgating the Civil Procedure Code. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1602> (дата обращения: 05.04.2026).
- 7 Federal Decree by Law № 42 of 2022 Promulgating the Civil Procedure Code. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1602> (дата обращения: 05.04.2026).
- 8 Официальный сайт министерства Юстиции Объединённых Арабских Эмиратов Artificial Intelligence. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.moj.gov.ae/en/artificial-intelligence.aspx>.
- 9 UAE Strategy for Artificial Intelligence. Текст: электронный. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://u.ae/en/about-the-uae/strategies-initiatives-and-awards/strategies-plans-and-visions/government-services-and-digital-transformation/uae-strategy-for-artificial-intelligence> (дата обращения: 04.03.2026).

3 Federal Decree by Law № 42 of 2022 Promulgating the Civil Procedure Code. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://uaelegislation.gov.ae/en/legislations/1602> (дата обращения: 05.04.2026).

4 Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

5 Constitution of the United Arab Emirates. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.constituteproject.org/constitution/>

ФЕСЕНКО Елена Алексеевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры гражданского права, Сибирский университет потребительской кооперации, г. Новосибирск

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОБОРОТА МАШИНО-МЕСТ, АПАРТАМЕНТОВ И ЕДИНЫХ НЕДВИЖИМЫХ КОМПЛЕКСОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ И ТЕНДЕНЦИИ

В статье анализируется правовое регулирование оборота таких специфических объектов недвижимости, как машино-места, апартаменты и единые недвижимые комплексы, которые все чаще вызывают дискуссии в юридическом сообществе. Статья направлена на выявление современных вызовов, связанных с оборотом машино-мест, апартаментов и единых недвижимых комплексов. Анализируется действующее законодательство, проводится обзор научной литературы, приводятся статистические данные и судебная практика, выявляются проблемные аспекты и намечены перспективные направления совершенствования законодательства и правоприменительной практики для обеспечения более стабильного и прозрачного оборота машино-мест, апартаментов и единых недвижимых комплексов.

Ключевые слова: машино-место, апартаменты, единый недвижимый комплекс, оборот недвижимости, право собственности, Гражданский кодекс РФ, жилищное законодательство, правоприменительная практика.

FESENKO Elena Alexeevna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of Civil law sub-faculty, Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk

LEGAL REGULATION OF THE CIRCULATION OF PARKING SPACES, APARTMENTS, AND UNIFIED REAL ESTATE COMPLEXES: MODERN CHALLENGES AND TRENDS

The article analyzes the legal regulation of the turnover of such specific real estate objects as parking spaces, apartments and single real estate complexes, which are increasingly causing discussions in the legal community. The article is aimed at identifying modern challenges associated with the turnover of parking spaces, apartments and single real estate complexes. The current legislation is analyzed, a review of scientific literature is carried out, statistics and judicial practice are provided, problematic aspects are identified and promising areas for improving legislation and law enforcement practice are outlined to ensure a more stable and transparent turnover of parking spaces, apartments and unified real estate complexes.

Keywords: parking space, apartment, single real estate complex, real estate turnover, ownership, Civil Code of the Russian Federation, housing legislation, law enforcement practice.

В условиях динамичного развития современного рынка недвижимости все чаще появляются и активно вовлекаются в гражданский оборот ранее малоизвестные или вовсе не встречавшиеся объекты. К таким объектам, безусловно, относятся места для парковки транспортных средств (машино-места), предоставляющие законное право пользования парковочной зоной; апартаменты, которые, в отличие от традиционного жилья, обладают особым правовым статусом; а также единые недвижимые комплексы, представляющие собой интегрированное сочетание функционально связанных между собой объектов недвижимости. Оборота указанных объектов имеет свои особенные характеристики, влияющие на порядок возникновения и перехода права собственности, налогообложение и, собственно, использование. Это, в свою очередь, порождает целый спектр правовых проблем, требующих глубокого и всестороннего осмысления.

Отечественная юридическая наука уже начала активно исследовать различные грани правового регулирования оборота машино-мест, апартаментов и единых недвижимых комплексов. В частности, научные изыскания, посвященные машино-местам, фокусируются на определении их правовой природы, анализе возможностей свободного оборота и нюансах регистрации прав собственности.

Что касается правового статуса апартаментов, то он продолжает оставаться предметом активных научных споров. При этом, как подчеркивает Н. В. Филатов, существующая неопределенность в правовом режиме апартаментов зачастую становится катализатором возникновения споров, касающихся их использования и налогообложения [4]. Р. Г. Прибылов предлагает рассматривать апартаменты как нежилые помещения, пригодные для временного проживания, что отличает их от жилых помещений с точки зрения жилищного законодательства [3].

С 2018 года машино-места получили более четкое законодательное определение в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) как объект недвижимости. Подобные парковочные участки относили к нежилой недвижимости. «Сегодня ввиду п. 1 ст. 130 ГК РФ парковочные места получили законодательную «прописку» в ГК РФ среди недвижимых вещей» [1]. К ним относят, помимо зданий и сооружений, относящихся к предприятиям как имущественным комплексам, также предметы, для которых перемещение невозможно без несоразмерного ущерба их назначению (воздушные и морские суда, суда вну-

тренного плавания, космические объекты). При этом, в контексте оборота с недвижимым имуществом, машино-место теперь может быть самостоятельным объектом недвижимости.

Машино-места могут быть образованы в составе многоквартирного дома или на земельном участке. При этом для их образования требуется соблюдение ряда условий, установленных законодательством о градостроительной деятельности и государственной регистрации недвижимости. Право собственности на машино-место подлежит государственной регистрации в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). Машино-места могут быть предметом договоров купли-продажи, дарения, залога, аренды.

Важно отличать машино-место как объект индивидуальной собственности от доли в праве общей долевой собственности на земельный участок или места общего пользования в многоквартирном доме [2].

Апартаменты, несмотря на их широкое распространение, продолжают вызывать споры с точки зрения их правового статуса. Законодательство РФ не содержит прямого определения «апартаментов» как отдельного вида объекта недвижимости. По своей сути, апартаменты являются нежилыми помещениями, предназначенными для временного или постоянного проживания.

В качестве основной проблемы следует отметить, что апартаменты не признаются жилыми помещениями, что влечет за собой ряд последствий: отсутствие возможности постановки на регистрационный учет по месту жительства; неприменение правил жилищного законодательства, регулирующих отношения собственников помещений в многоквартирном доме (например, в части определения платы за содержание жилья, пользования коммунальными услугами); отсутствие права на получение субсидий и льгот, предусмотренных для собственников жилых помещений.

Отнесение апартаментов к нежилым помещениям зачастую приводит к спорам с управляющими компаниями, соседями, налоговыми органами. Стоимость апартаментов, как правило, ниже стоимости аналогичных по площади жилых помещений, но их доходность при сдаче в аренду может быть выше.

Следующий объект недвижимости, подлежащий рассмотрению это единый недвижимый комплекс (далее – ЕНК) – это совокупность взаимосвязанных зданий, сооружений и иных объ-

ектов, предназначенная для выполнения единой цели и, как правило, расположенная на едином земельном участке.

Статья 133.1 ГК РФ закрепляет понятие предприятия как имущественного комплекса, который может включать в себя как движимое, так и недвижимое имущество. Однако, непосредственно «единый недвижимый комплекс» как самостоятельный объект гражданских прав в ГК РФ не выделен.

В практике кадастрового учета и регистрации прав применяются подходы, позволяющие формировать и ставить на учет единые объекты, включающие в себя совокупность зданий и сооружений (например, промышленные объекты, торговые центры, логистические комплексы).

Важно различать ЕНК как единый объект с обособленным земельным участком и множество отдельных объектов недвижимости, расположенных на одном или нескольких смежных земельных участках.

Процесс формирования ЕНК требует детальной кадастровой работы, разработки проектной документации, определения единой цели функционирования комплекса. Оборót ЕНК предполагает переход прав на весь комплекс как единое целое, либо на отдельные его части (при наличии соответствующего законодательного регулирования и технической возможности). Собственник ЕНК несет ответственность за содержание всей входящей в комплекс инфраструктуры, включая инженерные сети, дороги и т.д.

Анализ судебной практики и статистических данных за последние годы позволяет выявить основные тенденции и проблемные аспекты правоприменения.

Суды часто рассматривают споры, связанные с отказом в государственной регистрации права собственности на машино-места, связанные с нарушением порядка их образования или несоответствием документов требованиям законодательства. Так, согласно Постановлению от 6 ноября 2024 г. по делу № А40-242389/2023 не согласившись с принятыми по делу судебными актами, Департамент и Правительство обратились в Арбитражный суд Московского округа с кассационной жалобой, в которой просят отменить решение суда первой инстанции и постановление суда апелляционной инстанции и принять новый судебный акт об отказе в удовлетворении требований. В обоснование кассационной жалобы заявитель ссылается на нарушение судами норм процессуального и материального права, на несоответствие выводов судов фактическим обстоятельствам дела и представленным в дело доказательствам и указывает на неполное выяснение судами обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения спора, судами не применен закон, подлежащий применению¹.

Хотя встречаются случаи, когда суды принимают положительные решения в пользу владельца машино-места. Например, Мытищинский городской суд г. Москвы рассмотрел заявление истца против ответчика ООО «Загородная Усадьба» о признании права собственности на машино-место. Между истцом и ООО «Загородная Усадьба» был заключен предварительный договор купли-продажи машино-места. Покупатель полностью оплатил стоимость машино-места согласно условиям договора. Продавец не заключил основной договор купли-продажи и не оформил право собственности на машино-место на имя покупателя. Сложилась ситуация, когда покупатель полностью исполнил свои обязательства, но не получил товар, а продавец не исполнил свои. К тому же, ООО «Загородная Усадьба» было признано банкротом, что осложнило процедуру.

Суд, изучив материалы дела, установил, что истец добросовестно исполнил свои обязательства по предварительному договору, полностью оплатив машино-место. Поскольку основной договор купли-продажи не был заключен по вине продавца, а строительство было завершено и объект введен в эксплуатацию, суд счел, что права истца нарушены. Исковые требования истца были полностью удовлетворены. Суд признал за ним право собственности на машино-место. Это решение позволяет истцу зарегистрировать свое право на машино-место, несмотря на банкротство продавца².

Нередкими являются споры между собственниками машино-мест и управляющими компаниями о включении машино-мест подвала или надземных паркингов в состав общего имущества. Судебная практика в целом склоняется к признанию

машино-мест самостоятельными объектами, на которые распространяется право собственности.

Также судебные органы продолжают рассматривать дела, связанные с правовым статусом апартаментов, в частности, с вопросами начисления платы за коммунальные услуги. Арбитражные суды зачастую признают, что если помещение не является жилым, то к нему не применяются нормы жилищного законодательства, касающиеся расчета платы за коммунальные услуги по тарифам для населения. «Для собственников апартаментов стоимость коммунальных услуг может быть выше, чем для собственников квартир», - сказал вице-президент Гильдии российских адвокатов Никита Филиппов. - Так, оплата собственниками апартаментов электроэнергии производится по тарифам, установленным для нежилых помещений, которые можно использовать в коммерческих целях»³.

Возникают споры по поводу применения налога на имущество физических лиц и налога на недвижимость. Суды, как правило, руководствуются фактическим назначением помещения, а не его наименованием.

Чаше всего споры связаны с определением, является ли совокупность объектов единым недвижимым комплексом, или же это отдельные самостоятельные объекты. Практика показывает, что для признания объекта ЕНК необходимо наличие единого целевого назначения и связанной инфраструктуры. По решению Брянского районного суда Брянской области от 07.06.2017 г. по делу № 2-370/2017 суд отказал в признании торгового комплекса единым недвижимым комплексом, так как объекты, входящие в его состав, могли быть самостоятельными объектами гражданских прав и участвовать в обороте по отдельности⁴.

Отсутствие в ЕПРН отдельной категории «единый недвижимый комплекс» затрудняет его регистрацию и оборот, что зачастую приводит к необходимости регистрации прав на отдельные объекты, входящие в его состав.

Так, в 2024 году по данным ДОМ.РФ, за январь-июль было запущено 1,8 млн. кв. м апартаментов. При этом портфель строящихся апартаментов за этот период вырос на 14 % по сравнению с аналогичным периодом 2023 года.

На момент августа 2024 года общая площадь апартаментов в стадии строительства составляла 7,9 млн. кв. м.⁵ Это отражает коммерческую привлекательность данного типа объектов для застройщиков.

Статистические данные по обороту единых недвижимых комплексов как самостоятельного объекта отсутствуют из-за отсутствия соответствующей категории в ЕПРН.

Таким образом, считаем важным шагом внесение в законодательные акты положения о признании апартаментов жилыми помещениями, что окажет положительное влияние на развитие рынка недвижимости и создаст новые возможности для граждан в реализации их права на жилище. Следует признать, что машино-места, единые недвижимые комплексы объективно существуют, и их будущее развитие будет напрямую зависеть от правового регулирования на законодательном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Камышанский В. П. О выделении доли в праве общей собственности для образования машино-мест // Власть Закона. - 2024. - № 4 (60). - С. 14-21.
2. Кудренко А. П. Машино-место как объект недвижимости // Современные научные исследования и разработки. - 2018. - № 1 (18). - С. 217-218.
3. Прибылов Р. Г. Особенности правового статуса апартаментов // В сборнике: Державинские чтения. Сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. - Москва, 2025. - С. 427-429.
4. Филатов Н. В. О возможности признания апартаментов жилым помещением // Вопросы российской юстиции. - 2025. - № 38. - С. 234-244.
5. Куликов А. Юристы дали разъяснения владельцам апартаментов о налогах и повышенной стоимости коммунальных услуг. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clc.li/lvshN> (дата обращения: 10.04.2026).
6. Решение Брянского районного суда Брянской области от 07.06.2017 г. по делу № 2-370/2017. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clc.li/tWhmO> (дата обращения: 10.04.2026).
7. Портфель строящихся апартаментов в России растет вдвое быстрее МКД. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clc.li/Esprj> (дата обращения: 10.04.2026).
1. Постановление от 6 ноября 2024 г. по делу № А40-242389/2023. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clc.li/uchwd> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Решение № 2-9214/2025 2-9214/2025-М-7017/2025 М-7017/2025 от 31 октября 2025 г. по делу № 2-9214/2025. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://clc.li/xmWuQ> (дата обращения: 10.04.2026).

ХАНОВА Заира Рейманова

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса, Северо-Кавказский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

МАММАЕВА Мадина Гаджимурадовна

юрист-консультант Юридического центра «Профессионал»

ДОГОВОРНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УСЛУГ РЕАБИЛИТАЦИИ ИНВАЛИДОВ

Научная статья посвящена детальному анализу состояния правового регулирования реабилитации инвалидов в Российской Федерации. В исследовании выделяются основные недостатки существующей системы, такие как фрагментированный нормативный массив, ограничение автономии волеизъявления граждан, излишне формализованный подход к заключению договоров и неопределенность ответственности различных субъектов. Сформулированы предложения по развитию договорного регулирования, включая согласование правовых подходов, повышение роли индивидуальных программ реабилитации и развитие механизма координационной ответственности, а также укрепление межведомственного взаимодействия, совершенствование процедур правоприменения и обеспечение эффективной защиты прав инвалидов в данной сфере.

Ключевые слова: реабилитация инвалидов, индивидуальная программа реабилитации и абилитации (ИПРА), договор социального обслуживания, медицинская реабилитация, страхование по обязательному медицинскому страхованию (ОМС), техническое средство реабилитации (ТСР), социальная интеграция.

KHANOVA Zaira Reimanova

Ph.D. in Law, Head of Civil law and process sub-faculty, North Caucasus Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

MAMMAEVA Madina Gadzhimuradovna

lawyer-consultant at the Professional Law Center

CONTRACTUAL REGULATION OF REHABILITATION SERVICES FOR THE DISABLED

The scientific work is devoted to a detailed analysis of the state of legal regulation of rehabilitation of the disabled in the Russian Federation. The study highlights the main disadvantages of the existing system, such as a fragmented regulatory framework, limited autonomy of citizens' expression of will, an overly formalized approach to concluding contracts, and uncertainty about the responsibilities of various entities. Proposals have been formulated for the development of contractual regulation, including the harmonization of legal approaches, increasing the role of individual rehabilitation programs and developing a mechanism for coordinating responsibility, as well as strengthening interdepartmental cooperation, improving law enforcement procedures and ensuring effective protection of the rights of persons with disabilities in this area.

Keywords: rehabilitation of the disabled, individual rehabilitation and habilitation program (IPRA), social service contract, medical rehabilitation, compulsory medical insurance (MHI), technical means of rehabilitation (TSR), social integration.

Введение

Сегодня в правовом дискурсе реабилитация людей с инвалидностью постепенно смещается от модели социальной льготы к модели юридически гарантированного комплекса мер, направленного на достижение максимально возможной независимости, самоопределения и полноценной интеграции человека в общественную жизнь.

Комплексный межсекторный характер российской модели реабилитации

Нормативную основу российской системы реабилитации составляет Федеральный закон № 181-ФЗ, закрепляющий основные понятия реабилитации и абилитации, регулирует институт ИПРА и определяет федеральный перечень мероприятий, технических средств реабилитации и услуг, подлежащих бюджетному финансированию¹. ИПРА при этом выступает одновременно и правовым документом индивидуализации, и практической базой для последующих юридических взаимодействий: именно она задает допустимый и обеспечиваемый за счет бюджета объем помощи, а также основные параметры персонализации.

В сегменте социального обслуживания договорная модель предоставления социальных услуг закреплена Федеральным законом № 442-ФЗ. Существенные условия такого договора определяются индивидуальной программой предоставления социальных услуг и порядком оплаты, а сам договор должен быть оформлен в короткий срок после представления программы. В результате, договор выступа-

ет юридической формой реализации публичной гарантии и лишь в ограниченной степени выражает автономию воли сторон, что обуславливает необходимость дополнительных мер защиты более слабой стороны и более четкого закрепления критериев надлежащего исполнения обязательств.

Медицинская реабилитация регулируется в Федеральном законе № 323-ФЗ и конкретизируется ведомственными порядками, устанавливающими правила ее организации медицинской реабилитации. При этом договорные инструменты используются неодинаково². В платном сегменте применяется договор на оказание также медицинских услуг, предусматривающий специальные правила и дополнительные гарантии защиты прав потребителей. В системе ОМС сохраняется страховая модель, где пациент, не выступает стороной договоров с оплатой медицинской помощи, а реализует свои субъективные права через маршрутизации, процедуры контроля качества и механизмы защиты, предусмотренные в страховой системе.

Проблемы современного правового регулирования реабилитации

Первостепенной проблемой является несистемность нормативного массива и одновременное действие нескольких правовых режимов. Реабилитационные правоотношения одновременно подпадают под действие законодательства о социальной защите инвалидов и ИПРА, о социальном обслуживании и договоре социальных услуг, о здравоохранении об ОМС, о контрактной системе, а также законода-

1 Федеральный закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (ред. от 29.12.2025). [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=LAW&n=8559&req=doc> (дата обращения: 13.02.2026).

2 Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 23.07.2025). Ст. 40. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 13.02.2026).

тельством о защите прав потребителей и о порядке предоставления платных медицинских услуг [3]. В результате это приводит к тому, что один и тот же конфликт в зависимости от конкретных обстоятельств, может быть квалифицирован как спор о качестве услуги по гражданско-правовому договору, как спор о надлежащем исполнении индивидуальной программы, как публично-правовой спор об отказе в предоставлении меры поддержки либо как спор, связанный с закупочными процедурами. При отсутствии понятных критериев выбора правовой траектории снижается предсказуемость защиты прав получателя, а рассмотрение дела затягивается из-за процессуальной и материально-правовой неопределенности.

Второй значимой проблемой является ограниченная реализация принципа автономия воли и сопровождаемая совместно с ней тенденция к формализации договоров. В модели 442-ФЗ договор во многих случаях механически воспроизводит содержание индивидуальной программы и тарифно-реестровые параметры, не фиксируя при этом процедурные гарантии, поэтапность предоставления помощи, стандарты информирования, порядок документирования фактически оказанных услуг и ответственность за срыв сроков либо ненадлежащее оказание³. Как следствие, договор, сохраняя внешнюю форму и признаки гражданско-правового соглашения, может не обеспечивать реальной защищенности получателя и не работать как инструмент управления качеством, что повышает конфликтность и усложняет доказывание нарушений.

Третья проблема связана с противоречием между индивидуализацией и стандартизацией. ИПРА по своей задумке предназначена для обеспечения индивидуализации, однако на практике фактическое предоставление мероприятий и ТСР нередко осуществляется по унифицированным схемам - через федеральные перечни, типовые требования, закупочные спецификации, тарифы и установленные лимиты [4]. Таким образом, возникает ситуация, когда мера формально предоставлена, но, по существу, не приводит к реабилитационному эффекту, выражающемуся в росте самостоятельности и функциональной независимости.

Четвертая проблема выражается в неопределенности ответственности при участии множества субъектов. Организационные и финансовые функции в сфере реабилитации часто разделены между органами социальной защиты, поставщиками социальных услуг, медицинскими организациями, страховыми организациями ОМС, Социальным фондом России, поставщиками ТСР и сервисных услуг, а также самим гражданином в части доплате. В ОМС пациент не выступает стороной договоров, по которым оплачивается медицинская помощь, поэтому защита его интересов во многом переносится в страховые и административные процедуры [2]. При обеспечении ТСР по государственному контракту гражданин также не является стороной контракта, что усложняет предъявление требований к срокам и качеству непосредственно в рамках контрактных отношений. В конструкции электронного сертификата, напротив, гражданин становится стороной сделки, однако бюджетное финансирование ставит вопросы о том, как распределять ответственность при несоответствии товара или услуги ИПРА и при ошибках в параметрах обеспечения.

Пути совершенствования договорного регулирования

Совершенствовать договорное регулирование в сфере реабилитации разумно строить без радикального пересмотра базовых моделей, посредством точечной настройки квалификации споров, минимальных договорных стандартов и процедурных гарантий. В российских условиях наиболее реалистичен сценарий согласования действующих режимов за счет методических разъяснений, применения типовых форм и выстраивания стандартов межведомственного взаимодействия.

Прежде всего, необходима систематизация межотраслевой квалификации и выработка ясных ориентиров для вы-

бора способа защиты. Представляется целесообразным закрепить подход, в соответствии с которым договор по 442-ФЗ является инструментом исполнения публичной гарантии, тогда как нормы гражданского права подлежат субсидиарному применению в пределах, не ведущих к ухудшению положения получателя и не нивелирующих специальные социальные гарантии. По спорам, связанным с ТСР, целесообразно методически разграничить публично-правовые вопросы, связанные с назначением, сроками и организацией обеспечения, и частноправовые вопросы, связанные с недостатками товара или услуги по сделке с использованием сертификата, дополнив это одновременным описанием процедур стыковки в случаях, когда для восстановления права объективно требуется последовательность участия разных органов и субъектов.

Наряду с этим требуется превращение договора из формального документа в инструмент обеспечения качества оказания услуг. Для социального обслуживания реализуемым решением является внедрение типовых условий, дополняющих индивидуальную программу процедурными гарантиями. В договорной форме целесообразно закреплять порядок информирования, сроки начала и этапность оказания, правила фиксации объема и качества оказанного, порядок рассмотрения претензий и сроки устранения нарушений, условия приостановления и изменения предоставления при изменении состояния получателя. Такие условия не подменяют программу, но обеспечивают проверяемость надлежащего исполнения и повышают эффективность защиты слабой стороны.

В целях снижения эффекта размывания ответственности представляется целесообразным развитие модели координационной ответственности, при которой в каждой подсистеме определяется субъект, отвечающий за организационную доступность, сроки маршрутизации и устранение административных барьеров, при сохранении ответственности непосредственного исполнителя за качество оказания услуги или товара. Такая конструкция не подменяет договорную ответственность поставщика, но обеспечивает гражданину понятную точку обращения и повышает результативность восстановления права в ситуации межведомственных разрывов.

Заключение

В завершении важно подчеркнуть, что исследование позволяет сделать вывод о наличии серьезных препятствий в действующей системе правового регулирования реабилитации инвалидов в России. Хотя российская практика включает ряд важных законодательных инициатив, их реализация сталкивается с серьезными трудностями, такими как фрагментированность нормативного массива, низкая степень защиты прав получателей услуг и недостаточность механизмов координации действий между различными инстанциями.

Предлагаемые в работе меры, направленные на гармонизированную квалификацию конфликтов, повышение роли индивидуальных программ и разработку новых подходов к ответственности, открывают перспективы для существенных улучшений. Дальнейшее изучение опыта международного сотрудничества и лучших национальных практик позволит определить оптимальные пути совершенствования отечественного законодательства и добиться большей эффективности реабилитационных мер.

Пристатейный библиографический список

1. Герасименко Н. Ф., Григорьев Ю. И., Александрова О. Ю. Законодательство в сфере охраны здоровья граждан / под общ. ред. д-ра мед. наук, академика РАН В. И. Стародубова. - М.: МЦФЭР, 2015. - С. 320.
2. Григорьев И. В. Гражданско-правовые конструкции в законодательстве о социальном обслуживании // Сибирское юридическое обозрение. - 2020. - Т. 17. № 4. - С. 465.
3. Гусев А. Ю. Защита социально-обеспечительных прав граждан: проблемы, перспективы, тенденции: монография. - М.: КНОРУС, 2022. - С. 65.
4. Синкевич Ж. В. Правовая природа социальной услуги: конвергенция частных и публичных начал // Сибирский юридический вестник. - 2020. - № 2 (89). - С. 51.

3 Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» (ред. от 26.12.2024). Ст. 16-17. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 13.02.2026).

ЧЕРДАКОВА Лариса Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права, Восточно-Сибирский филиал, Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Иркутск

МОГИЛЕВА Александра Вячеславовна

юрисконсульт юридического отдела акционерного общества «Профсталь», г. Иркутск

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 401 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье проводится комплексный анализ правовой природы и правоприменительных аспектов пункта 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации, закрепляющего режим безвиновной ответственности лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность, в контексте его доктринального обоснования и современной судебной практики. Актуальность исследования обусловлена дискуссионным характером теоретических основ данной нормы, её диспозитивной природой и неоднозначностью правоприменительной практики. На основе анализа научных позиций (теория профессионального риска, концепция ответственности за принятое решение) и актуальных судебных актов определяется сфера действия исследуемого правила, включая его распространение на некоммерческие организации, осуществляющие приносящую доход деятельность, а также необходимость строгого разграничения договорной и внедоговорной ответственности предпринимателя. Особое внимание уделено критериям непреодолимой силы (чрезвычайность и объективная непредотвратимость), их отличию от случая, а также складывающейся тенденции квалификации санкций иностранных государств в качестве форс-мажорных обстоятельств. Обосновывается допустимость договорного регулирования ответственности предпринимателя при соблюдении императивных запретов, в частности, касающихся защиты прав потребителей. Делается вывод о необходимости дальнейшего уточнения содержания п. 3 ст. 401 ГК РФ для обеспечения единообразия судебной практики и достижения баланса интересов участников гражданского оборота.

Ключевые слова: безвиновная ответственность, предпринимательская деятельность, непреодолимая сила, договорные обязательства, институт ответственности, чрезвычайность, непредотвратимость.

CHERDAKOVA Larisa Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of Civil law sub-faculty, East Siberian Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Irkutsk

MOGILEVA Alexandra Vyacheslavovna

legal adviser of the Legal Department of Profstal Joint Stock Company, Irkutsk

Чердакова Л. А.,

Могилева А. В.

SOME ISSUES OF THE APPLICATION OF ARTICLE 401 OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article provides a comprehensive analysis of the legal nature and law enforcement aspects of paragraph 3 of Article 401 of the Civil Code of the Russian Federation, which establishes the regime of innocent liability of a person engaged in entrepreneurial activity in the context of its doctrinal justification and modern judicial practice. The relevance of the study is due to the controversial nature of the theoretical foundations of this rule, its dispositive nature and the ambiguity of law enforcement practice. Based on the analysis of scientific positions (the theory of occupational risk, the concept of responsibility for a decision) and current judicial acts, the scope of the rule under study is determined, including its extension to non-profit organizations engaged in income-generating activities, as well as the need for strict differentiation of contractual and non-contractual responsibilities of an entrepreneur. Special attention is paid to the criteria of force majeure (emergency and objective unavoidability), their difference from the case, as well as the emerging trend of qualifying sanctions of foreign states as force majeure circumstances. The author substantiates the permissibility of contractual regulation of entrepreneur's liability in compliance with mandatory prohibitions, in particular, concerning consumer protection. It is concluded that it is necessary to further clarify the content of paragraph 3 of art. 401 of the Civil Code of the Russian Federation to ensure uniformity of judicial practice and achieve a balance of interests of participants in civil turnover.

Keywords: innocent responsibility, entrepreneurial activity, irresistible force, contractual obligations, institution of responsibility, emergency, unavoidability.

Согласно пункту 3 статьи 401 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹ лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство

при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы. Указанное в законе правило устанавливает так называемую безвиновную ответственность лица, осуществляющего предпринимательскую деятельность. Известно, что данное

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

правило является исключением из предусмотренного гражданским законодательством принципа виновной ответственности.

Думается, что доктринальную основу правила, заложенного в п. 3 ст. 401 ГК РФ составила теория, получившая название «теории профессионального риска». Сущность данной теории сводится к довольно простому постулату: «чья прибыль – того и риск»².

Особый интерес в этом контексте представляет собой научная позиция Скловского К. И., который сказал о том, что «невиновную ответственность, присущую предпринимательству, можно... рассматривать... как ответственность за принятое решение, за выбор... предпринимательство потому является сферой повышенной ответственности, что представляет собой деятельность по принятию свободных (случайных) решений, сопряженных с риском»³.

Гражданское законодательство указывает на то, что под предпринимательской деятельностью следует понимать самостоятельную, осуществляемую на свой риск деятельность, направленную на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Заслуживает внимания точка зрения Кузнецова М. В., в силу которой «предприниматель принимает на себя риск, ответственность без вины не за возможность получения им прибыли, а, наоборот, деятельность по приобретению им прибыли будет возможной, если перед ним его контрагент – предприниматель сможет отвечать без вины»⁴. Таким образом, автор приходит к выводу о том, что указанное в п. 3 ст. 401 ГК РФ ответственность является не следствием предпринимательской деятельности, а ее предпосылкой.

Сфера применения института ответственности в предпринимательских отношениях находит своё отражение при разрешении споров в арбитражном суде, котором подведомственны дела, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, а также в судах общей юрисдикции, где одной из сторон спора является потребитель, а другой предприниматель.

Вместе с тем, известны позиции судов, в силу которых последние применяют положения п. 3 ст. 401 ГК РФ, в том числе к некоммерческим организациям, которые осуществляют приносящую доход деятельность⁵. Известно, что статья 50 ГК РФ предусматривает деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие. К числу некоммерческих юридических лиц законодатель относит такие организации, которые не преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности и не распределяют полученную прибыль между участниками. ГК РФ указывает на тот факт, что некоммерческие организации вправе осуществлять приносящую доход деятельность, если это предусмотрено их

уставами, лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы и, если это соответствует таким целям.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что суды распространяют положения п.3 ст. 401 ГК РФ не только на коммерческие юридические лица, но и на те организации, которые осуществляют свою деятельность с целью получения дохода, что позволяет сделать вывод о том, что критерием применения п. 3 ст. 401 ГК РФ является не организационно-правовая форма юридического лица, а сам факт осуществления деятельности с целью получения дохода.

Немаловажной проблемой сферы применения исследуемой нормы является тот факт, что она применяется исключительно в тех обязательствах, которые возникают из договора. При возникновении внедоговорных и кондикционных обязательств, предприниматель отвечает при наличии своей вины, то есть на общих основаниях. Вместе с тем, суды зачастую смешивают режимы договорной и внедоговорной ответственности. Очевидным примером сказанному является судебное дело⁶, описанное в рамках научной статьи Кузнецова М. В. «Ответственность без вины в предпринимательских отношениях». Автор справедливо приходит к выводу о необходимости четкого разграничения договорной и внедоговорной ответственности предпринимателя.

Одной из немаловажных проблем содержания исследуемой нормы является вопрос о понимании непреодолимой силы, которая выступает единственным основанием освобождения предпринимателя от ответственности. Известно, что непреодолимая сила должна отвечать критериям чрезвычайности и непредотвратимости. Согласно п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 24.03.2016 № 7 обстоятельство следует признавать непредотвратимым, если любой участник гражданского оборота, осуществляющий аналогичную с должником деятельность, не мог бы избежать наступление этого обстоятельства или его последствий. Таким образом, Пленум ВС РФ определил критерий объективной непредотвратимости. Показательным примером является вышеупомянутое Постановление Президиума ВАС РФ от 20.10.2010 № 3585/10⁷, который указал на то, что дорожно-транспортное происшествие следует относить к обычным рискам предпринимательской деятельности, а не к обстоятельствам непреодолимой силы. Одним из примеров целесообразности разграничения указанных категорий является Определение ВС РФ от 01.04.2026 по делу № А40-291694/2024⁸.

Вторым критерием определения непреодолимой силы является чрезвычайность произошедшего обстоятельства, то есть его исключительность. В Постановлении Президиума

2 Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источниками повышенной опасности. – М.: Юридическая литература, 1966. – С. 143.

3 Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. – М.: Статут, 2008. – С. 34.

4 Кузнецов М. В. Ответственность без вины в предпринимательских отношениях // Арбитражные споры. – 2017. – № 1 (77). – С. 77-86.

5 Комментарий к статье 401 Гражданского кодекса Российской Федерации // ГК РФ: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gkodeksrf.ru/ch-1/rzd-3/podrzd-1/gl-25/st-401-gk-rf> (дата обращения: 25.03.2026). – Текст: электронный.

6 Постановление Президиума ВАС РФ от 20.10.2010 № 3585/10 по делу № А40-59532/07-32-46 // Иск о возмещении убытков, составляющих стоимость утраченного груза и транспортных расходов по договору поставки удовлетворен, поскольку перевозчик не доказал, что утрата груза произошла вследствие обстоятельств, которые он не мог предотвратить и устранение которых от него не зависело, поэтому должен нести ответственность за причиненные истцу убытки» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 1.

7 Там же.

8 Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.04.2026 по делу № А40-291694/2024 // Судебные и нормативные акты РФ: информационно-правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/vsrf/doc/kENwzee48XWO/> (дата обращения: 28.03.2026). – Текст: электронный.

ВАС РФ от 21.06.2012 № 3352/12⁹ чрезвычайность определяется как выход за пределы «нормального», обыденного, необычайность для тех или иных жизненных условий, что не относится к жизненному риску и не может быть учтено не при каких жизненных обстоятельствах.

Сказанное влечет за собой необходимость разграничения таких категорий как случай и обстоятельства непреодолимой силы, поскольку правило п. 3 ст. 401 ГК РФ предусматривает в качестве основания, исключающего ответственность предпринимателя, наличие непреодолимой силы.

Несмотря на тот факт, что и то и другое обстоятельство являются причиной невозможности исполнения договорного обязательства, следует различать, как минимум, в целях применения п. 3 ст. 401 ГК РФ. Так, случай характеризуется субъективной непредотвратимостью, в то время как обстоятельства непреодолимой силы – объективны. Более того, случай не обладает критерием чрезвычайности, что является обязательным для непреодолимой силы.

Также нельзя не сказать о той тенденции, которая сложилась за последние годы по поводу квалификации санкций иностранных государств в отношении Российской Федерации как обстоятельства непреодолимой силы. Вряд ли можно утверждать о сформированности на сегодняшний день единой позиции судов по этому поводу¹⁰.

В Постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 апреля 2023 г. № 13АП-42773/22¹¹ отключение кредитной организации от международной межбанковской системы SWIFT было признано обстоятельством непреодолимой силы. Сходную правовую позицию выразил Девятый арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 29 марта 2023 г. № 09АП-6095/23¹², квалифицировав включение банка в перечень лиц, в отношении которых введены блокирующие санкции, в качестве форс-мажорного обстоятельства. Вместе с тем Шестой арбитражный апелляционный суд в Постановлении от 2 февраля 2023 г. № 06АП-7061/22¹³ указал, что введение экономических санкций в отношении Российской Федерации само по себе не свидетельствует о невозможности исполнения обязательств и относится к сфере предпринимательского риска. Данную тенденцию подтверждает Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 12 февраля 2026 г. № 10АП-19235/25 по делу № А41-80724/2024¹⁴, в котором суд также не признал санкции

обстоятельством непреодолимой силы, отметив, что блокировка платежа иностранным банком по указанным мотивам не может рассматриваться как надлежащее исполнение обязательства. Указанная противоречивость свидетельствует о необходимости формирования устойчивой правовой позиции высшими судебными инстанциями для обеспечения предсказуемости правоприменения в условиях санкционного давления.

В завершении хотелось бы обратить внимание на диспозитивный характер п. 3 ст. 401 ГК РФ, в силу чего стороны вправе по договору предусмотреть ответственность за вину или исключить ее наступление. При этом стороны могут указать в качестве форс-мажорных обстоятельств те, которые таковыми не являются по своей природе (например, нарушение контрагентов). В настоящее время суды признают такие условия ничтожными, если они противоречат специальным нормам, носящим императивный характер¹⁵.

Верховный суд Российской Федерации в своем Определении от 19.03.2024 № 305-ЭС23-25070 запретил включать в публичную оферту условия, которые исключают ответственность предпринимателя перед потребителями, подчеркнув их ничтожный характер в силу противоречия ст. 401 ГК РФ.

Таким образом, исследуемые положения п. 3 ст. 401 ГК РФ представляют интерес не только научного, но и правоприменительного характера, ввиду диспозитивности нормы, дискуссионного характера и некоторой неопределенности ее содержания, описанной авторами выше.

Пристатейный библиографический список

1. Красавчиков О. А. Возмещение вреда, причиненного источниками повышенной опасности. – М.: Юридическая литература, 1966. – 198 с.
2. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве. – М.: Статут, 2008. – 890 с.
3. Кузнецов М. В. Ответственность без вины в предпринимательских отношениях // Арбитражные споры. – 2017. – № 1 (77). – С. 77-86.

9 Постановление Президиума ВАС РФ от 21.06.2012 № 3352/12 по делу № А40-25926/2011-13-230 // О взыскании убытков по договору на оказание услуг по ответственному хранению // Вестник ВАС РФ. – 2012.

10 Так например: Положение о порядке свидетельствования ТПП России обстоятельств непреодолимой силы, утв. Постановлением Правления ТПП России от 23.12.2015 № 173-14, Положения о свидетельствовании уполномоченными ТПП России обстоятельств непреодолимой силы по договорам (контрактам), заключенным в рамках внутрисекторной экономической деятельности, утв. Постановлением Совета ТПП России от 24.06.2021 № 7-2.

11 Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.04.2023 № 13АП-42773/22 // СПС «КонсультантПлюс».

12 Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.03.2023 № 09АП-6095/23 // СПС «КонсультантПлюс».

13 Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 02.02.2023 № 06АП-7061/22 // СПС «Гарант».

14 Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2026 № 10АП-19235/25 по делу № А41-80724/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

15 Определение от 13.02.2024 №305-ЭС23-18507 // СП Консультант.

АБДУЛЛИН Ильдар Рафисович

аспирант кафедры гражданского права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ПОДРЯД КАК СТРУКТУРА ДОГОВОРНЫХ СВЯЗЕЙ

В статье рассматривается генеральный подряд как исторически сложившаяся структура договорных связей в строительстве, основанная на разделении функций проектирования и строительства между различными участниками проекта. Прослеживается эволюция организации строительства от концентрации всех функций в фигуре главного строителя к современной модели, при которой заказчик обеспечивает проектирование, а подрядчик выполняет строительные работы. Анализируется правовое значение пункта 1 статьи 743 Гражданского кодекса Российской Федерации как нормативного закрепления данной структуры. Проводится сопоставление генерального подряда со структурами EPC и EPCM.

Ключевые слова: генеральный подряд, структура договорных связей, строительный подряд, техническая документация, проектирование, EPC, EPCM, FIDIC.

ABDULLIN Ildar Rafisovich

postgraduate student of Civil law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

GENERAL CONTRACTING AS A STRUCTURE OF CONTRACTUAL RELATIONS

The article examines general contracting as a historically developed structure of contractual relations in construction, based on the separation of design and construction functions among different project participants. The evolution of construction organization is traced from the concentration of all functions in the master builder figure to the modern model where the client provides the design and the contractor performs construction work. The legal significance of Article 743(1) of the Civil Code of the Russian Federation as the normative embodiment of this structure is analyzed. General contracting is compared with EPC and EPCM structures.

Keywords: general contracting, structure of contractual relations, construction contract, technical documentation, design, EPC, EPCM, FIDIC.

Современные крупные строительные проекты предполагают участие целого ряда специализированных субъектов: проектировщиков, подрядчиков, поставщиков, инженеро-консультантов и т.д. Однако такая дифференциация функций не была исходным состоянием организации строительства. Исторически наиболее ранние формы строительной деятельности характеризовались соединением проектной и строительной функций в одном лице – фигуре так называемого главного строителя (*master builder*). Архитектурный замысел, организация работ и непосредственное руководство, и осуществление строительства составляли единую профессиональную компетенцию, а проектирование не выделялось в самостоятельную стадию, предшествующую строительству [4, с. 443-444].

Усложнение строительных технологий, углубление профессиональной специализации и появление архитектурного чертежа как самостоятельного результата интеллектуальной деятельности привели к постепенному обособлению проектирования. Л. Кляе определяет генеральный подряд как «традиционную форму организации проекта, при которой заказчик несёт ответственность за проектирование, включающее чертежи, спецификации и ведомости объёмов работ» [1, с. 51]. Выделение проектирования в самостоятельную сферу создало предпосылки для разделения ответственности: проектировщик стал отвечать за содержание проектных решений, а подрядчик – за выполнение работ в соответствии с подготовленным заказчиком проектом. Укреплению этой тенденции способствовало и развитие публичного финансирования строительства: необходимость сравнения конкурирующих предложений подрядчиков требовала предварительной фиксации проекта, на основании которого формировались условия торгов.

Таким образом, к XIX веку сложилась структура, при которой проектирование и строительство организационно и договорно отделены друг от друга. В англоязычной литературе эта модель получила обозначение «проектирование – торги – строительство» (*design-bid-build*). Именно она в дальнейшем стала восприниматься как традиционная и послужила

основой для формирования структуры генерального подряда в его современном понимании.

Правовое содержание генерального подряда как структуры договорных связей определяется характерным распределением функций между участниками строительного проекта. Центральным элементом этой структуры является сохранение функции проектирования на стороне заказчика при одновременной передаче функции строительства подрядчику.

Заказчик обеспечивает подготовку проектной документации – самостоятельно или с привлечением проектировщика и передаёт её подрядчику в качестве задания. Как указывает М. И. Брагинский, техническая документация, определяющая объём, содержание работ и другие, предъявляемые к ним требования, и представляет собой задание заказчика, в соответствии с которым должен выполнять работы подрядчик¹. Подрядчик принимает на себя обязанность выполнить строительные работы в соответствии с полученной документацией и сдать результат. Проектировщик, если он привлекается как самостоятельный субъект, действует на стороне заказчика и не вступает в прямую договорную связь с подрядчиком.

Тем самым генеральный подряд как структура договорных связей характеризуется не числом договорных звеньев и не наличием субподрядных отношений, а именно способом распределения двух ключевых функций – проектной и строительной. Этот признак позволяет отграничить генеральный подряд от иных структур организации строительного проекта, в которых указанное распределение функций выстроено иначе.

Данная структура предполагает преимущественно последовательную организацию стадий реализации проекта:

1 Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Изд. испр. и доп. - М.: Статут, 2002. - Кн. 3. - 1055 с. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=4466&rnd=wptFIQ#YkLx7HVsbj5rthjk> (дата обращения: 03.03.2026).

сначала подготавливается проектная документация, затем на её основании определяется подрядчик, и лишь после этого начинается строительство. Л. Клэе подчёркивает, что при генеральном подряде «значительная часть проектирования должна быть завершена до выбора подрядчика» [1, с. 54]. Последовательность стадий обеспечивает возможность конкурсного отбора подрядчиков на основании заранее определённого проекта, что особенно значимо в сфере публичных закупок.

Международной моделью, воплощающей описанную структуру, являются условия контракта для строительства (Красная книга FIDIC), разработанные Международной федерацией инженеров-консультантов. Как отмечает Л. Клэе, данная типовая проформа «предназначена для проектов со сбалансированным распределением рисков, при которых риски, связанные с проектированием, несёт преимущественно заказчик», при этом «заказчик (его проектировщик) подготавливает детальный проект, включая ведомости объёмов работ, спецификации и чертежи» [1, с. 273]. Красная книга FIDIC представляет собой, таким образом, контрактную форму именно для структуры генерального подряда.

Нормативным отражением охарактеризованной структуры в российском праве выступает пункт 1 статьи 743 Гражданского кодекса Российской Федерации², согласно которому подрядчик обязан осуществлять строительство и связанные с ним работы в соответствии с технической документацией, определяющей объём, содержание работ и другие, предъявляемые к ним требования, а также со сметой, определяющей стоимость работ. Данная норма закрепляет ту модель отношений, при которой содержание строительных работ определяется не подрядчиком, а заданием заказчика, облечённым в форму технической документации.

При этом пункт 1 статьи 743 ГК РФ носит диспозитивный характер³, что позволяет сторонам перераспределить бремя подготовки проектной документации. Однако именно по умолчанию, при отсутствии иного соглашения – обязанность обеспечения строительства технической документацией лежит на заказчике. Это диспозитивное правило по существу и фиксирует генеральный подряд в качестве основной, исходной структуры договорных связей в строительстве.

Сопоставление генерального подряда со структурами EPC (Engineering, Procurement, Construction) и EPCM (Engineering, Procurement, Construction Management) позволяет точнее определить его внешние границы.

В структуре EPC проектирование, снабжение и строительство сосредоточиваются на стороне одного подрядчика, который принимает на себя единую ответственность за результат. Х. М. Стейнберг указывает, что в контрактах EPC, в отличие от традиционного подхода, при котором «заказчик отвечает за проектирование объекта», именно подрядчик принимает на себя эту функцию [2, с. 22-24]. Заказчик при EPC формулирует лишь функциональные требования к объекту, например, объём генерируемой мощности или уровень производительности, а подрядчик самостоятельно определяет техническое решение, обеспечивающее достижение заданных параметров. При этом подрядчик EPC принимает на себя значительно большие риски, нежели при структуре генерального подряда: риск пригодности проекта, риск соблюдения сроков и бюджета, риск работоспособности объекта. Именно этим обусловлена и более высокая стоимость EPC-контрактов.

Российскому гражданскому законодательству конструкция EPC-контракта легально не известна. На практике такие контракты реализуются посредством смешанных договоров, соединяющих элементы строительного подряда, подряда на проектные работы и поставки.

Принципиально иную конструкцию представляет EPCM, при которой центральный участник осуществляет координацию проекта, однако не принимает на себя единой ответственности за строительный результат. Л. Клэе характеризует EPCM как «договор на оказание профессиональных

услуг», при котором EPCM-подрядчик «действует как посредник между заказчиком и его подрядчиками, но не несёт ответственности за выполненные строительные работы» [1, с. 77]. З. Е. Николаева и К. Ф. Егоров, анализируя данную структуру в контексте российского права, квалифицируют EPCM-контракт как смешанный договор, сочетающий элементы подряда, возмездного оказания услуг и агентирования [3, с. 340].

Таким образом, если при генеральном подряде заказчик сохраняет проектирование на своей стороне и передаёт подрядчику только строительную функцию, то EPC интегрирует проектирование и строительство на стороне подрядчика, а EPCM выделяет координацию в самостоятельную функцию. Каждая из этих структур предполагает собственное распределение рисков и ответственности, а их разграничение имеет практическое значение для квалификации конкретных договорных отношений.

Квалификация генерального подряда в системе российского гражданского законодательства не вызывает серьёзных затруднений. Генеральный подряд по своей правовой природе представляет собой договор строительного подряда в значении параграфа 3 главы 37 ГК РФ⁴. Статья 740 ГК РФ определяет строительный подряд как договор, по которому подрядчик обязуется в установленный срок построить по заданию заказчика определённый объект либо выполнить иные строительные работы, а заказчик обязуется создать подрядчику необходимые условия для выполнения работ, принять их результат и уплатить обусловленную цену⁵.

Признаки, характеризующие генеральный подряд как структуру договорных связей, – сохранение проектирования на стороне заказчика, выполнение строительных работ подрядчиком в соответствии с переданной технической документацией, последовательность стадий реализации не выводят его за рамки строительного подряда, а, напротив, отвечают нормативной модели статьи 740 ГК РФ. Пункт 1 статьи 743 ГК РФ, предусматривающий обязанность подрядчика строить в соответствии с технической документацией заказчика, по существу описывает именно ту конфигурацию отношений, которая составляет генеральный подряд.

В отличие от генерального подряда, структура EPC не укладывается в рамки одного лишь строительного подряда и нуждается в конструкции смешанного договора, объединяющего подрядные, проектные и поставочные элементы. Структура EPCM, в свою очередь, тяготеет к договорам возмездного оказания услуг с элементами агентирования. Генеральный подряд, напротив, квалифицируется как строительный подряд без необходимости обращения к конструкции смешанного договора, что свидетельствует о его органичности для системы российского гражданского права.

Пристатейный библиографический список

1. Klee L. International Construction Contract Law. – Chichester: Wiley Blackwell, 2015. – 563 p.
2. Steinberg H. M. Understanding and Negotiating EPC Contracts. Vol. 1: The Project Sponsor's Perspective. – Abingdon: Routledge, 2017. – 278 p.
3. Николаева З. Е., Егоров К. Ф. Управление договорными связями в строительном проекте: отечественный и международный опыт // Проблемы строительного права. Выпуск 2 / под ред. Н. Б. Щербакова. – М., 2023. – С. 317-348.
4. Пономарев Н. А. Есть ли в России место договору строительного подряда под ключ // Проблемы строительного права. Выпуск 2 / под ред. Н. Б. Щербакова. – М., 2023. – С. 437-462.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

³ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Указ. соч.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

БОРИСОВ Анатолий Андреевич

соискатель кафедры информационного и интеллектуального права, цифровых технологий и инноватики, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева

СОВМЕЩЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА УМЕНЬШЕНИЕ ЦЕНЫ С ИНЫМИ СПОСОБАМИ ЗАЩИТЫ ПРОТИВ НЕКАЧЕСТВЕННОГО ИСПОЛНЕНИЯ ДОЛЖНИКА

В статье анализируется возможность совмещения реализации права на соразмерное уменьшение цены с иными способами защиты против некачественного исполнения (устранение недостатков исполнения и возмещение расходов на устранение недостатков). На примере договора аренды демонстрируется, что отсутствие ограниченной кумуляции этих способов защиты в некоторых видах договорных обязательств может приводить к нарушению субъективной эквивалентности предоставлений по договору. В результате проведенного исследования предлагается признать ограниченную кумуляцию требований кредитора о соразмерном уменьшении, об устранении недостатков и о возмещении расходов на устранение недостатков в некоторых видах длящихся обязательств.

Ключевые слова: соразмерное уменьшение цены, устранение недостатков, возмещение расходов на устранение недостатков, способ защиты гражданских прав, договор аренды, эквивалентность встречных предоставлений.

BORISOV Anatoly Andreevich

competitor of Information and intellectual law, digital technologies and innovation sub-faculty, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

CONCURRENT EXERCISE OF THE RIGHT TO A PRICE REDUCTION AND OTHER REMEDIES AGAINST THE DEBTOR'S DEFECTIVE PERFORMANCE

The paper analyzes the possibility of combining the exercise of the right to a proportionate price reduction with other remedies against non-conforming performance (elimination of defects and reimbursement of expenses for defect elimination). Using a lease agreement as an example, it is demonstrated that the absence of limited cumulation of these remedies in certain types of contractual obligations may lead to a violation of the subjective equivalence of reciprocal performances under the contract. As a result of the study, it is proposed to recognize the limited cumulation of the creditor's claims for a proportionate price reduction, for the elimination of defects, and for reimbursement of expenses for defect elimination in certain types of continuing obligations.

Keywords: proportionate price reduction, elimination of defects, reimbursement of expenses for defect elimination, civil law remedy, lease agreement, equivalence of reciprocal performances.

Борисов А. А.

По некоторым договорным типам отечественное гражданское право предусматривает право кредитора на соразмерное уменьшение цены в случае дефектного исполнения обязательства должником. При этом право кредитора на соразмерное уменьшение цены не является единственным способом защиты кредитора против дефектного исполнения должником обязательства по договору. ГК РФ также предоставляет кредитору право потребовать безвозмездное устранение недостатков исполнения или возмещение своих расходов на устранение недостатков (например, п. 1 ст. 475, п. 1 ст. 612, п. 1 ст. 723 ГК РФ). Это ставит вопрос о возможности совмещения (одновременного использования) уменьшения цены с указанными способами защиты.

В отечественной доктрине и судебной практике указанные способы защиты кредитора против дефектного исполнения должника по договору традиционно рассматриваются в качестве альтернативных по отношению к соразмерному уменьшению цены. С. В. Лазарев отмечает, что покупатель, которому передан товар ненадлежащего качества, вправе реализовать лишь одно из правомочий, указанных в ст. 475 ГК РФ [4]. А. В. Егоров указывает на то, что «нельзя и снизить цену, и взыскать расходы на устранение недостатков, необходимо выбрать что-то одно» [2, с. 74]. Альтернативность способов защиты кредитора, предоставленных ГК РФ на случай

некачественного исполнения, отмечает С. В. Трофимов и ряд других авторов [6, с. 52-53], [5], [1].

Иными словами предъявление кредитором требования об устранении недостатков или о возмещении своих расходов на устранение недостатков лишает кредитора права на соразмерное уменьшение цены.

Альтернативность способов защиты кредитора против дефектного исполнения должника также отмечается в практике Верховного Суда РФ. В п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» указывается: «не является альтернативным обязательство, предмет которого определен, но кредитору предоставлено право выбора из нескольких предусмотренных законом способов защиты своего нарушенного права, например, в случаях, предусмотренных пунктом 1 статьи 475, пунктом 1 статьи 612, пунктом 1 статьи 723 ГК РФ»¹. То есть Верховный Суд РФ признал, что кредитор может выбрать лишь один из нескольких способов защиты против дефектного исполнения должника.

¹ О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 // Российская газета. - 2016. - № 275.

Указанные способы защиты кредитора (соразмерное уменьшение цены, безвозмездное устранение недостатков исполнения и возмещение своих расходов на устранение недостатков) действительно имеют единую целевую направленность – восстановление нарушенного права кредитора, получившего дефектное исполнение. Тем не менее, это не должно приводить к категоричному отрицанию кумуляции указанных способов защиты. Недопустимость ограниченной кумуляции этих способов защиты в некоторых видах договорных обязательств может приводить к нарушению субъективной эквивалентности предоставлений по договору. Это касается договоров, обладающих темпоральной особенностью синаллагматической связи встречных обязательств, а именно длящихся договоров, в которых существует фактическая невозможность исправления недостатков уже предоставленного исполнения. Примером такого рода договорных обязательств является договор аренды.

По договору аренды арендодатель обязан к длящемуся предоставлению (обеспечению доступа к арендуемой вещи), а арендатор обязуется вносить за открытый единожды и продолжающийся бесперебойно доступ денежные суммы или иные ценности. Если арендодатель в какой-то момент не смог обеспечить доступность вещи, то интерес арендатора в реальном исполнении обязательства может быть удовлетворен лишь на будущее. Арендодатель не может повернуть время вспять и устранить те неудобства, которые арендатор уже успел претерпеть к моменту, когда уведомил арендодателя о недостатках арендованного имущества.

Исправление характера ненадлежащего исполнения обязательства арендодателя (например, исправление недостатков арендуемой вещи) выравнивает эквивалентность встречных предоставлений по договору аренды лишь в отношении будущего периода пользования и (или) владения арендуемой вещью (т.е. пользования и (или) владения вещью после устранения недостатков), но оно не способно полностью выровнять эквивалентность встречных предоставлений по договору аренды с учетом ненадлежащего характера исполнения обязательства арендодателя за прошедший период пользования вещью.

Например, представим, что арендатор по договору аренды, заключенному со сроком на 1 год, пользовался дефектным имуществом на протяжении 9 месяцев, после этого потребовал от арендодателя устранения недостатков арендуемой вещи и последний их незамедлительно устранил. В таком случае устранение арендодателем недостатков выравнивает эквивалентность встречных предоставлений лишь в отношении оставшегося срока аренды (3 месяца). Однако устранение недостатков арендованного имущества не выравнивает эквивалентность предоставлений в отношении прошедшего периода действия договора аренды (9 месяцев). Предоставление в таком случае арендатору кумулятивной возможности уменьшения арендной платы за прошедший период пользования (наряду с заявлением требования об устранении недостатков арендованного имущества) позволит полностью выровнять эквивалентность встречных предоставлений по договору аренды и будет соответствовать отмеченной выше цели соразмерного уменьшения цены (т.е. выравнивание эквивалентности встречных предоставлений по договору). В таком случае можно условно говорить об ограниченной кумуляции уменьшения цены с иными способами защиты (устранение недостатков и возмещение расходов на устранение недостатков), поскольку арендатор умень-

шает цену не за весь срок действия договора аренды, а лишь за срок до устранения недостатков.

Иной подход означал бы, что реализация арендатором иного права вместо уменьшения цены обрекает его лишь на частичное выравнивание встречных предоставлений, поскольку арендатор не смог бы выровнять встречные предоставления за прошлый период. В рассмотренном примере устранение дефектов арендованного имущества выравнивает эквивалентность предоставлений лишь на три из 12 месяцев. Это привело бы к нарушению разумного баланса интересов сторон, которое, по справедливому замечанию В. В. Кулакова, проявляется «в эквивалентности встречного исполнения, предполагающей отсутствие, как чрезмерной выгоды, так и чрезмерных убытков для каждой из сторон» [3, с. 183].

Указанные выводы об ограниченной кумуляции требований арендатора о соразмерном уменьшении арендной платы и об устранении недостатков арендуемой вещи могут быть применимы также к иным договорным типам. Условием для признания ограниченной кумуляции в таком случае является особая характеристика обязательства должника по синаллагматическому договору: как и в аренде, обязательство должника должно состоять в длящемся исполнении, при котором существует фактическая невозможность исправления недостатков уже предоставленного исполнения. Подобной особенностью синаллагматической связи обладает договор найма жилого помещения (ст. 671 ГК РФ); ее можно теоретически представить в отношении договора возмездного оказания услуг (ст. 779 ГК РФ), по которому исполнитель оказывает продолжительную услугу или повторяющиеся услуги на протяжении длительного времени.

Таким образом, предлагается признать ограниченную кумуляцию уменьшения цены с иными способами защиты кредитора в длящихся обязательствах, в которых существует фактическая невозможность исправления недостатков уже предоставленного исполнения. Реализация кредитором иного альтернативного требования вместо уменьшения цены в таких обязательствах (например, устранение недостатков) не лишает его возможности ретроактивного уменьшения цены в отношении уже предоставленного исполнения.

Пристатейный библиографический список

1. Белов В. Е. Поставка товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: правовое регулирование. - М.: Норма: Инфра-М, 2011. - 304 с.
2. Егоров А. В. Недостатки в выполненных подрядчиком работах и способы защиты заказчика // Цивилистика. - 2022. - № 4. - С. 56-86.
3. Кулаков В. В. Разумный баланс интересов как цель гражданско-правового регулирования // Российское правосудие. - 2016. - S1. - С. 174-185.
4. Лазарев С. В. Понятие и виды серийных дел в арбитражных судах // Вестник экономического правосудия РФ. - 2019. - № 1. - С. 139-153.
5. Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. - М.: Волтерс Клувер, 2006. - 416 с.
6. Трофимов С. В. Соразмерное уменьшение цены как способ защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2025. - 232 с.

КАНДРИНА Елена Геннадьевна

аспирант кафедры гражданского права, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева

НАСЛЕДОВАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ПРЕДЕЛЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ НАСЛЕДНИКОВ КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА ЛИЦ

В данной статье осуществляется всесторонний междисциплинарный анализ правовой сущности и специфических характеристик процесса наследования обязательств, возникающих в силу привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности. Прежде всего, в исследовании акцентируется внимание на сложной теоретико-прикладной проблеме перехода к правопреемникам задолженности наследодателя, который был привлечен либо потенциально подлежал привлечению к ответственности по обязательствам юридического лица, включая случаи прекращения деятельности последнего через исключение из Единого государственного реестра юридических лиц.

Наряду с этим в статье детально исследуются доминирующие в современной судебной практике подходы, что позволяет выявить существенные противоречия в правовой квалификации данных обязательств как имущественных (подлежащих наследованию) либо обладающих сугубо личным, неразрывным характером.

Кроме того, в контексте исследования подвергаются критическому осмыслению пределы ответственности наследников, в частности, вопросы стоимостной оценки наследственной массы, специфика исчисления сроков исковой давности и особенности распределения бремени доказывания между участниками процесса. Таким образом, в статье последовательно обосновывается объективная необходимость внедрения дополнительных процессуальных и материально-правовых гарантий, направленных на защиту интересов наследников при одновременном сохранении эффективности механизмов взыскания для кредиторов.

По результатам исследования на основе полученных данных формулируются авторские предложения, ориентированные на системное совершенствование норм действующего законодательства и унификацию правоприменительной практики в данной сфере.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, наследование долгов, контролирующее должника лицо, банкротство, защита прав наследников.

KANDRINA Elena Gennadjevna

postgraduate student of Civil law sub-faculty, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

INHERITANCE OF LIABILITIES ARISING FROM VICARIOUS LIABILITY: THE LIMITS OF PROTECTING THE RIGHTS OF HEIRS OF PERSONS CONTROLLING THE DEBTOR

This article provides a comprehensive interdisciplinary analysis of the legal nature and specific characteristics of the process of inheriting liabilities arising from the imposition of vicarious liability on persons controlling the debtor. First and foremost, the study focuses on the complex theoretical and practical problem of the transfer of debt to successors from a decedent who was either held liable or was potentially subject to liability for the obligations of a legal entity, including cases involving the termination of the latter's activities through its exclusion from the Unified State Register of Legal Entities.

Alongside this, the article examines in detail the prevailing approaches in modern judicial practice, which allows for the identification of significant contradictions in the legal qualification of these obligations as either property-based (and thus inheritable) or as having a purely personal, inseparable character.

Furthermore, within the context of this research, the limits of the heirs' liability are subjected to critical reflection — specifically, issues concerning the valuation of the estate, the specifics of calculating statutes of limitations, and the particularities of the burden of proof distribution among the parties to the proceedings. Thus, the work consistently substantiates the objective necessity of implementing additional procedural and substantive legal guarantees aimed at protecting the interests of heirs while simultaneously maintaining the effectiveness of recovery mechanisms for creditors.

Based on the results of the study and the data obtained, the author formulates proposals oriented toward the systemic improvement of current legislation and the unification of law enforcement practice in this field.

Keywords: vicarious liability, inheritance of debts, person controlling the debtor (CDL), bankruptcy, protection of heirs' rights.

На протяжении последних лет институт субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (далее — КДЛ) претерпел существенную трансформацию в рамках российской правовой системы, демонстрируя выраженную тенденцию к расширению сферы своего применения. При этом стоит отметить, что последовательное увеличение перечня оснований для возложения ответственности на КДЛ способствовало заметному укреплению правового положения кредиторов, однако одновременно с этим оно детерминировало возникновение ряда комплексных теоретических и практических проблем, среди которых особого внимания

заслуживают вопросы, касающиеся правопреемства по указанным обязательствам.

В данном контексте представляется крайне актуальным детальное рассмотрение правовой ситуации, характеризующейся привлечением контролирующего лица к субсидиарной ответственности по долгам юридического лица, уже исключенного из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ), в случае последующей смерти данного субъекта. Следовательно, на первый план выдвигается фундаментальная научно-практическая дилемма, заключающаяся в определении точного объема и специфических условий,

при которых наследники обязаны отвечать по деликтным обязательствам наследодателя, возникшим в рамках субсидиарной ответственности. Таким образом, вышеуказанные обстоятельства обуславливают необходимость глубокого анализа механизмов перехода долговых обязательств КДЛ в порядке наследования.

Установление правовой природы субсидиарной ответственности лиц, контролирующих должника, представляется фундаментальной задачей, решение которой напрямую детерминирует допустимость и конкретные параметры перехода соответствующих обязательств в порядке наследования. Следует констатировать, что на современном этапе в академической среде и правоприменительной практике не выработано консенсуса относительно квалификации данного института, что, в свою очередь, порождает значимые коллизии, как в доктринальном, так и в практическом аспектах.

В рамках существующей дискуссии традиционно выделяется несколько концептуальных подходов к пониманию сущности рассматриваемой ответственности. Прежде всего, необходимо указать на широкую распространенность позиции о деликтной природе обязательств КДЛ, согласно которой ответственность интерпретируется как результат совершения противоправных деяний, повлекших за собой невозможность адекватного удовлетворения требований кредиторов. При таком подходе ключевое значение приобретает совокупность классических элементов состава правонарушения, включая вину, причинно-следственную связь и наличие имущественного ущерба, что подтверждается выраженной компенсаторной функцией, направленной на реституцию нарушенных прав кредиторов [7, с. 91-98].

Наряду с этим, в юридической доктрине активно обосновывается корпоративно-правовая трактовка, в контексте которой ответственность позиционируется как закономерное следствие неисполнения КДЛ фидуциарных обязанностей по добросовестному и рациональному управлению субъектом хозяйствования. В данном случае базисом для возложения ответственности выступает злоупотребление механизмами корпоративного контроля, а сама мера реагирования приобретает статус специфической санкции за дефектное управление [2, с. 439-450].

Также нельзя оставить без внимания существенный личностный компонент, выражающийся в необходимости оценки субъективных критериев поведения КДЛ, таких как добросовестность и разумность. Именно этот аспект инициирует правовую неопределенность в вопросе автоматической трансмиссии ответственности на наследников, в особенности, если факт противоправности не был констатирован в судебном порядке при жизни контролирующего лица [8, с. 47-48].

Обобщая вышеизложенное, можно заключить, что правовая природа субсидиарной ответственности КДЛ отличается высокой степенью сложности и многогранности, что диктует необходимость реализации дифференцированного и осторожного подхода к проблематике ее наследования, балансирующего между имущественной сущностью обязательства и личностными характеристиками его субъекта.

Проблема правопреемства по долговым обязательствам наследодателя выступает в качестве одного из фундаментальных аспектов при детерминации правового режима ответственности, вытекающей из статуса контролирующего должника лиц. Безусловно, базовые императивы трансляции обязанностей в рамках наследственных правоотношений детерминированы гражданским законодательством и базиру-

ются на основополагающем принципе универсального правопреемства.

Исходя из существующей на сегодня юридической практики, вступление в права наследования является не всегда только получением активов. Поэтому важно понимать, что согласно действующему законодательству, наследство представляет собой неразрывную совокупность не только имущества и прав, но и обязательств наследодателя. Иными словами, всё, что принадлежало человеку на момент смерти, переходит к его преемникам в формате единого комплекса. Следовательно, переход долгов происходит автоматически непосредственно в силу самого факта принятия наследства, что объективно исключает необходимость подписания каких-либо дополнительных договоров или соглашений с кредиторами.

Вместе с тем, законодателем был предусмотрен механизм, предотвращающий финансовый крах наследников. Следует в этом контексте уточнить, что кредиторы, естественно, имеют право предъявить требования ко всем принявшим наследство лицам в солидарном порядке. Однако, также необходимо отметить, что здесь вступает в силу ключевое правило, когда ответственность каждого наследника строго ограничена рыночной стоимостью того имущества, которое он фактически получил. То есть, если сумма накопленных покойным долгов превышает стоимость его квартиры или автомобиля, наследнику не придется погашать остаток за счет собственных сбережений.

Таким образом, современная правовая конструкция выстроена на принципах разумного компромисса. С одной стороны, обеспечивается защита интересов кредиторов, которые сохраняют шанс на возврат средств. С другой стороны, гарантируется безопасность самих граждан, защищая их от чрезмерного и несправедливого материального бремени, возникшего не по их воле [4, с. 245-251].

Прежде всего, стоит обратить внимание на принципиально важный нюанс: далеко не все долги могут переходить по наследству. В гражданском праве существует незыблемое правило о непередаваемости тех обязательств, которые неразрывно связаны с личностью самого наследодателя. Собственно говоря, речь идет о случаях, когда личность должника имеет для кредитора определяющее значение, и замена этого лица другим субъектом попросту невозможна. В частности, к классическим примерам таких исключений закон относит: алиментные обязательства; обязанность по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью граждан.

Важно понимать, что в данных правоотношениях индивидуальные качества плательщика являются ключевыми. По сути, в современной доктрине главным критерием «ненаследуемости» считается объективная реальность, так как обязательство нельзя исполнить силами другого человека, не исказив при этом саму правовую природу данного долга [5, с. 45-50].

С другой стороны, если мы говорим о чисто имущественных претензиях, то здесь ситуация выглядит диаметрально противоположным образом. Как правило, в этой сфере действует устойчивая презумпция наследуемости, что указывает на то, что практически любые денежные требования автоматически переходят к преемникам, если только закон или специфика самого договора напрямую не запрещают подобную правопреемственность [9, с. 110-121].

Дополнительно следует указать, что крайне спорным представляется вопрос о точном моменте возникновения долгового обязательства, переходящего по наследству отно-

сительно природы тех долгов, которые юридически оформляются уже после кончины наследодателя. В первую очередь речь идет о ситуациях, когда правовое основание для претензии формализуется уже «постфактум», хотя, по факту, первопричиной послужили действия человека еще при его жизни. Следовательно, в целом, возникает закономерная дилемма — правомерно ли включать такие «отложенные» обязательства в наследственную массу, или же они должны определяться как нечто обособленное от личности покойного [4, с. 259-264].

В современной цивилистической доктрине и актуальной судебной практике превалирует концепция, согласно которой обязательства, возникающие в рамках субсидиарной ответственности, подлежат включению в состав наследственной массы. Данный методологический подход базируется на совокупности аргументов, среди которых первостепенное значение имеет сугубо имущественный характер рассматриваемой обязанности, поскольку её правовая природа ориентирована, прежде всего, на компенсацию убытков, понесенных кредиторами в результате неправомерных действий контролирующего должника лица. Вместе с тем, принципиально важным представляется тезис о том, что данная ответственность не связана неразрывно с личностью должника, что позволяет рассматривать её как трансляторное обязательство, переходящее к правопреемникам.

Тем не менее, правоприменительная деятельность сталкивается с определенными нюансами, существенно усложняющими процесс взыскания, в частности, если решение о привлечении к ответственности было вынесено судом еще при жизни субъекта, то правовая определенность, как правило, сохраняется и не вызывает острых дискуссий. Напротив, в ситуациях, когда соответствующий процесс на момент смерти лица не был завершен или вовсе не был инициирован, возникают значительные правовые неопределенности, порождающие проблему так называемой «незавершенной ответственности» [12, с. 54-60].

В данном аспекте особую теоретическую и практическую сложность представляет сценарий, при котором контролирующее лицо умирает до момента его официального привлечения к субсидиарной ответственности, вследствие чего в рамках действующего правового поля допускается возможность предъявления требований непосредственно к наследственной массе. Таким образом, наследники фактически вовлекаются в судебный процесс, изначально направленный против наследодателя, что, в свою очередь, провоцирует фундаментальные дискуссии о правомерности и пределах допустимости «посмертного» привлечения к ответственности через имущественную сферу правопреемников.

Процедура исключения юридического лица из Единого государственного реестра юридических лиц по решению регистрирующего органа в качестве недействующего субъекта оказывает детерминирующее воздействие на правовой механизм защиты интересов кредиторов. Следует отметить, что действующее законодательство предусматривает правовую возможность инициации процесса привлечения контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности даже после фактического прекращения правоспособности организации.

В контексте наследственных правоотношений данный правовой институт порождает ряд существенных доктринальных и практических проблем, требующих детального рассмотрения. Прежде всего, принципиальное значение имеет отсутствие полноценной процедуры банкротства, что, в отличие от классических банкротных моделей, влечет за со-

бой дефицит процессуальных гарантий и нарушение необходимого баланса интересов вовлеченных сторон [6, с. 43-49].

Кроме того, в рамках упрощенного порядка взыскания кредиторы наделяются правом прямого обращения к КДЛ, что, естественно объективно и закономерно влечет за собой экспоненциальный рост правовых и финансовых рисков для наследников соответствующего лица. При этом также нельзя также игнорировать серьезные доказательственные сложности, связанные с тем, что наследники вынуждены осуществлять процессуальную защиту по спорам, где ключевая доказательственная база неразрывно связана с управленческой деятельностью наследодателя, о специфике которой они зачастую даже не обладают объективной информацией. Таким образом, можно резюмировать, что существующая на сегодня действующая правовая конструкция ставит наследников в заведомо уязвимое положение, существенно ограничивая их возможности по эффективному опровержению доводов о недобросовестности действий правопреемника [1, с. 129-142].

Ключевым фактором, лимитирующим объем ответственности наследников по обязательствам наследодателя, выступает совокупная стоимость перешедшего к ним имущества. Тем не менее, в правоприменительной практике обнаруживается ряд существенных проблем, препятствующих реализации данного принципа. Прежде всего, серьезные затруднения вызывает процедура оценки наследственной массы, обусловленная объективной сложностью определения актуальной рыночной стоимости активов, а также отсутствием унифицированных методологических подходов к проведению подобных оценочных мероприятий. В этой связи нередко возникают риски необоснованного завышения требований со стороны кредиторов, стремящихся максимизировать объем взыскания [10, с. 150-154].

В современном правопорядке наблюдается устойчивая тенденция к совершенствованию механизмов регулирования, направленных на обеспечение безусловного приоритета защиты интересов кредиторов, что представляется вполне обоснованным с позиции поддержания стабильности и предсказуемости гражданского оборота. Тем не менее, необходимо учитывать, что избыточный крен правоприменительной практики в сторону удовлетворения требований кредиторов потенциально детерминирует существенное нарушение прав и законных интересов наследников. С этой точки зрения следует выделить ряд ключевых рисков, среди которых особого внимания заслуживают непредсказуемость итогового объема материальной ответственности, неизбежное вовлечение правопреемников в многолетние и ресурсоемкие судебные разбирательства, а также фактическая трансформация обязательств, приводящая к возложению ответственности за неправомерные действия третьих лиц.

Вместе с тем нельзя игнорировать тот факт, что неоправданное сужение пределов ответственности контролирующих должника лиц и, как следствие, их наследников может выступить негативным стимулом для формирования недобросовестных моделей поведения, подрывающих основы предпринимательской этики.

Отметим, что при анализе соотношения деликтной природы обязательств и их наследуемости следует констатировать, что, хотя обязательства из причинения вреда по общему правилу входят в состав наследственной массы, вопрос о сохранении сугубо личного элемента ответственности КДЛ по-прежнему остается дискуссионным. Более того, существующая на сегодняшний день процессуальная форма

характеризуется отсутствием унифицированных процедур, применяемых при исключении организации из ЕГРЮЛ, что, вне всякого сомнения, провоцирует состояние правовой неопределенности и затрудняет правоприменение.

Наряду с этим, особого внимания заслуживает специфический статус наследников, которые, по сути, выступают в роли вынужденного субститута ответчика, будучи при этом полностью отстраненными от процесса формирования фактических оснований возникновения ответственности. Таким образом, в данной правовой конструкции наблюдается определенный разрыв между личностным характером противоправного поведения наследодателя и имущественным бременем,

В рамках совершенствования правового регулирования рассматриваемого института представляется необходимым, прежде всего, обеспечить установление специальных правил наследования субсидиарной ответственности, что предполагает закрепление специфики привлечения правопреемников к указанному виду ответственности непосредственно на законодательном уровне.

Наряду с этим, первостепенное значение приобретает внедрение системы процессуальных гарантий для наследников, в состав которых целесообразно включить как существенное расширение их возможностей по самостоятельному истребованию необходимых доказательств, так и введение правовых презумпций в их пользу в ситуациях, характеризующихся объективным отсутствием первичной документации. Кроме того, в контексте обеспечения правовой определенности следует осуществить уточнение порядка исчисления сроков исковой давности посредством императивного закрепления четкого момента начала их течения.

Также представляется обоснованным нормативное ограничение так называемого «посмертного» привлечения к ответственности, при котором возможность предъявления соответствующих требований должна быть поставлена в строгую зависимость от наличия совокупности достаточных и неопровержимых доказательств вины самого наследодателя.

Выводы. Правовой институт наследования обязательств, возникающих в результате привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, представляет собой комплексное и внутренне противоречивое правовое явление, функционирующее в рамках междисциплинарного взаимодействия норм наследственного, корпоративного и арбитражного процессуального права.

Прежде всего, необходимо отметить, что признание данных деликтных обязательств объектом наследственного преемства выступает важным инструментом обеспечения прав конкурсных кредиторов, препятствуя потенциальным злоупотреблениям и необоснованному выводу активов из-под взыскания.

Тем не менее, следует признать, что существующий уровень нормативно-правового регулирования в недостаточной степени учитывает законные интересы наследников, которые вынужденно вовлекаются в сложные правовые конфликты, обусловленные профессиональной или управленческой деятельностью правопреемника, к которой они объективно не имели отношения.

В связи с этим представляется очевидным, что вектор дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики должен быть направлен на поиск оптимального баланса интересов вовлеченных сторон, существенное повышение уровня правовой определенности,

а также на институциональное укрепление процессуальных гарантий защиты прав наследников в рамках процедур банкротства.

Пристатейный библиографический список

1. Анасийчук Н. А. Особенности рассмотрения заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках дела о банкротстве // Вестник науки. — 2026. — № 3.
2. Козменкова С. В., Ижнина Л. П., Киселёва И. А. Финансово-экономическая экспертиза: привлечение к субсидиарной ответственности лиц при расследовании объективного банкротства организаций // Дайджест-Финансы. — 2023. — Т. 28. № 4.
3. Никулин И. Л. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц при ликвидации корпорации в процессе банкротства: тенденции судебной практики // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — № 5.
4. Новичков И. В. Понятие и общая характеристика контролирующих должника лиц // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2025. — № 5.
5. Романов А. А. Институт субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности (банкротстве) // Российский судья. — 2024. — № 9.
6. Рубан П. О. Субсидиарная ответственность участников (акционеров) хозяйственных обществ: проблемы современной судебной практики // Право и управление. — 2025. — № 1.
7. Сидоров А. В. Разграничение субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц с применением иных мер гражданско-правовой ответственности // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. № 5. — С. 91-98.
8. Сильченко В. Ю. Презумпция злоупотребления процессуальными правами в делах о привлечении к субсидиарной ответственности по обязательствам исключенного из ЕГРЮЛ общества // Арбитражный и гражданский процесс. — 2023. — № 7.
9. Согоян Д. П. Кредиторское сообщество в правоотношениях несостоятельности (банкротства): опыт России и зарубежных стран // Проблемы экономики и юридической практики. — 2025. — № 21.1.
10. Соколов А. П. Процессуальные аспекты субсидиарной ответственности: исковая давность и права контролирующих лиц в деле о банкротстве // Образование. Наука. Научные кадры. — 2025. — № 2.
11. Тарабарин М. В. Деликтная природа субсидиарной ответственности // Молодой ученый. — 2025. — № 16 (567).
12. Шардаков А. Е. Субсидиарная ответственность как часть системы гражданско-правовой ответственности // Право и управление. — 2024. — № 10.

МАМЕДОВ Ислам Фикрат оглы

аспирант кафедры предпринимательского права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО РЕЖИМА ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ АКТИВОВ КАК ИНСТРУМЕНТОВ ФИНАНСОВОГО РЫНКА

В статье исследуется правовая природа цифровых финансовых активов (ЦФА) в контексте их интеграции в систему объектов гражданских прав. Анализируются фундаментальные противоречия между классической догматикой обязательственного права и технологической формой фиксации прав в распределенном реестре. Рассматривается проблема квалификации ЦФА как *sui generis* инструмента финансового рынка, отличного от бездокументарных ценных бумаг, и выявляются риски фрагментации правового регулирования оборота цифровых прав. Автор обосновывает необходимость корректировки правового режима в части механизмов перехода прав, ответственности операторов информационных систем и защиты интересов инвесторов при транзакциях.

Ключевые слова: актив, обязательство, токенизация, реестр, оборот, правосубъектность, риск, идентификация, легитимация, децентрализация.

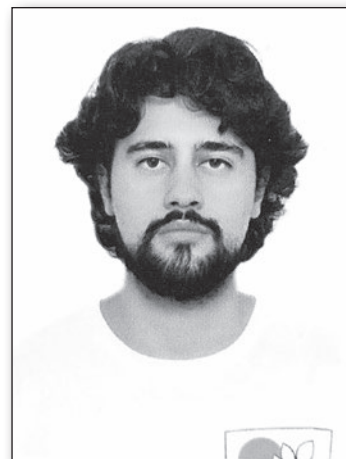
MAMEDOV Islam Fikrat ogly

postgraduate student of Business law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

THE SPECIFICS OF THE LEGAL FRAMEWORK FOR DIGITAL FINANCIAL ASSETS AS FINANCIAL MARKET INSTRUMENTS

The article examines the legal nature of Digital Financial Assets (DFA) within the context of their integration into the system of objects of civil rights. It analyzes the fundamental contradictions between the classical doctrine of the law of obligations and the technological mechanisms for recording rights in a distributed ledger. The author addresses the problem of characterizing DFAs as *sui generis* financial market instruments, distinct from uncertificated securities, and identifies the risks regarding the fragmentation of the legal regulation governing the circulation of digital rights. Furthermore, the author substantiates the necessity of adjusting the law regime regarding the mechanisms of rights transfer, the liability of information system operators, and the protection of investor interests during transactions.

Keywords: asset, obligation, tokenization, ledger, circulation, legal capacity, risk, identification, legitimation, decentralization.

Мамедов И. Ф.

Глубинные преобразования финансового рынка, вызванные распространением технологии распределённого реестра (DLT), вынудили правовую доктрину заново осмыслить место цифровых явлений среди объектов гражданских прав. Принятие Федерального закона № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах...» (далее – Закон № 259-ФЗ)¹ явилось шагом к правовому оформлению уже сложившихся практик токенизации, но детальное исследование правоприменения и доктринальных позиций показывает, что выстроенная законодателем конструкция, снимая одни вопросы, неизбежно генерирует иные коллизии [1]. В сердцевине проблемы правового режима цифровых финансовых активов (ЦФА) лежит дуалистичность их сущности: на одном полюсе – обязательственное правопритязание, на другом – способ его закрепления, который благодаря технологической специфике всё активнее претендует на статус самостоятельного объекта гражданского оборота.

Стоит признать, что интеграция цифровых прав в ст. 128 ГК РФ² была продиктована скорее политико-правовой целесообразностью, чем системной догматической разра-

боткой. Легальное определение относит к ЦФА денежные требования, возможность реализации прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и требование передачи эмиссионных ценных бумаг. По существу, под единым наименованием объединяются инструменты, неоднородные и экономически, и юридически, а связывает их лишь цифровой способ фиксации.

Такой подход чреват размыванием демаркационной линии между институтами ценных бумаг и цифровых прав. Коль скоро ЦФА удостоверяют права, содержательно сходные с правами акционеров или держателей облигаций, обоснованно встаёт вопрос: зачем конструировать параллельный правовой режим, изъятый из-под непосредственного действия законодательства о рынке ценных бумаг, но выполняющий аналогичные экономические функции?

Подобное положение дел открывает дорогу для регуляторного арбитража: эмитенты отдадут предпочтение форме ЦФА не благодаря технологическим достоинствам, а ради ухода от более строгих требований к раскрытию информации и стандартам корпоративного управления, характерных для традиционного фондового рынка [5].

Особенности правового режима ЦФА в значительной мере определяются механизмом легитимации управомоченного субъекта. Классическое обязательственное право исходит из того, что кредитор идентифицируем для должника (или должник знает, в чью пользу надлежит исполнять),

1 О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

а переход требования (цессия) предполагает уведомление обязанного лица. Применительно к ЦФА действует другая логика: «код – это закон», хотя и с важными поправками, обусловленными российским правовым порядком. Уполномоченным лицом считается тот, кто обладает уникальным кодом доступа, позволяющим распоряжаться записью в информационной системе.

Вместе с тем, в отличие от криптовалют, отечественная модель ЦФА лишена анонимности и не предполагает полной децентрализации. Оператор информационной системы берёт на себя функцию «суперпосредника»: он не только ведёт реестр, но и де-факто контролирует валидность транзакций. Именно в этом заложена серьёзная коллизия: гражданско-правовая ответственность оператора за системные сбои или неправомерное списание активов всё ещё не приведена в полное соответствие с общими положениями о деликтной либо договорной ответственности [4]. Если вследствие технической неисправности запись о принадлежности актива окажется утрачена, судебное восстановление права столкнётся с проблемой доказывания самого факта обладания активом, поскольку единственным источником достоверной информации служит сам реестр. Тем самым оператор информационной системы превращается в ключевого участника финансового рынка, от степени надёжности которого напрямую зависит оборотоспособность актива.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема оборотоспособности ЦФА. Законодатель, стремясь оградить неквалифицированных инвесторов от чрезмерных рисков, установил жёсткие ограничения на приобретение отдельных видов активов. Однако суть проблемы глубже, чем пороговые суммы. Она кроется в «островной» природе действующих платформ. ЦФА, выпущенный в рамках одной информационной системы, технически и юридически остаётся запертым внутри неё. Нехватка интероперабельности между платформами различных операторов делает ЦФА инструментом с крайне ограниченной ликвидностью на вторичном рынке.

С позиции гражданского оборота ситуация выглядит абсурдной: как если бы акцию, приобретённую на одной бирже, было невозможно реализовать через другую или уступить лицу, не имеющему счёта у того же брокера. Это вступает в прямое противоречие с самим замыслом ЦФА как инструмента, призванного ускорить и удешевить движение капитала. Правовая квалификация сделки по передаче ЦФА также остаётся предметом споров [3]. По существу, происходит внесение записи в реестр, однако сводима ли такая операция к традиционной цессии? Пункт 6 ст. 6 Закона № 259-ФЗ устанавливает, что сделки совершаются путём внесения записи в информационную систему. Это роднит режим ЦФА с бездокументарными ценными бумагами (ст. 149 ГК РФ), однако для последних выработана развитая депозитарная инфраструктура и существует институт номинального держания, которых ЦФА лишены. Отсутствие полноценного института номинального держателя применительно к цифровым финансовым активам – если не считать ограниченных случаев совершения брокером операций в интересах клиента, правовая конструкция которых, впрочем, принципиально отлична от классической модели номинального держания в системе учёта ценных бумаг – выступает ощутимым барьером на пути привлечения институциональных инвесторов на рынок ЦФА.

Ещё один проблемный пласт связан с соотношением вещно-правового и обязательственного компонентов в режиме ЦФА. Хотя ст. 128 ГК РФ квалифицирует их как имуще-

ственные права, и в доктрине, и на практике прослеживается стремление к «овеществлению» токенов. Это видно, в частности, на примерах использования ЦФА в качестве предмета залога. Здесь обнаруживается коллизия: правила о залоге прав (ст. 358.1 ГК РФ) предполагают уведомление должника, которым опосредованно является эмитент актива, тогда как технически залог должен оформляться посредством блокировки токена в информационной системе.

Серьёзной теоретико-правовой проблемой остаётся квалификация смарт-контрактов, которые обслуживают исполнение обязательств по цифровым финансовым активам. Закон № 259-ФЗ использует конструкцию, функционально близкую к смарт-контракту, раскрывая её через применение информационных технологий для автоматизированного исполнения обязательств.

При этом автоматический и необратимый характер такого исполнения вступает в противоречие с основополагающими началами гражданского права, прежде всего – с принципом автономии воли и возможностью изменения обязательства по взаимному согласию сторон. Указанная коллизия приобретает практическую остроту при применении принудительных мер – обеспечительных мер, судебных запретов на совершение сделки, реституции – в ситуации, когда алгоритмическое исполнение уже запущено. Законодатель снимает это противоречие, обязывая оператора информационной системы обеспечить техническую возможность вмешательства в работу распределённого реестра.

Однако подобный «бэкдор» (административный вход) подрывает доверие к самой технологии блокчейн, ценность которой определяется именно неизменностью данных. Получается, что российский ЦФА – отнюдь не тот актив, с которым знакомы глобальные рынки DeFi, а скорее централизованный цифровой суррогат [7]. Это снижает привлекательность отечественных платформ для зарубежного капитала, призывающего к большей автономности цифровых активов.

Обращаясь к судебной перспективе споров вокруг ЦФА, можно предвидеть серьёзные затруднения при квалификации добросовестного приобретения. Виндикация к обязательственным правам напрямую неприменима, хотя ст. 149.3 ГК РФ охраняет добросовестного приобретателя бездокументарных ценных бумаг. Экстраполяция этой логики на ЦФА представляется необходимой, но осложняется технологической спецификой. Если злоумышленник завладел приватным ключом владельца (без компрометации платформы оператора) и перевёл активы, будет ли такая транзакция квалифицирована как волеизъявление правообладателя? По действующей логике закона и правилам большинства платформ – да, поскольку использование ключа приравнивается к подписи. Это возлагает на обладателя ЦФА беспрецедентно высокие риски хранения ключей, несоизмеримые с рисками владельца безналичных средств в банке, где функционируют процедуры чарджбэка и антифрод-механизмы, блокирующие подозрительные операции.

Итак, подводя итог проведённому исследованию, можно констатировать следующее. Сложившаяся в отечественном праве модель регулирования цифровых финансовых активов – это, по существу, результат компромисса между стремлением государства легитимировать токенизированные инструменты и невозможностью (или нежеланием) выстроить для них самостоятельную догматическую основу. Отсюда – цепочка внутренних противоречий, пронизывающих весь правовой режим ЦФА.

Корневая проблема состоит в том, что законодатель пытается описать качественно новое технологическое явление посредством привычного цивилистического инструментария. Формально ЦФА отнесены к категории обязательственных прав, однако фактическая логика их обращения тяготеет к вещно-правовой. Регулирование во многом калькирует конструкции, разработанные для бездокументарных ценных бумаг, но при этом не воспроизводит ни полноценной депозитарной системы, ни механизма номинального держания. Далее, самоисполняющийся характер смарт-контрактов плохо уживается с классическим принципом свободы воли сторон, а закреплённое в законе право оператора корректировать записи в реестре обесценивает ключевое свойство блокчейна – иммутабельность.

Столь же острой остаётся проблема фрагментированности инфраструктуры. Каждая платформа функционирует как замкнутая экосистема, что делает ЦФА малоликвидным инструментом с усечённой оборотоспособностью – и это при том, что официальная риторика связывает с ними надежды на ускорение капиталоборота. Совместимость информационных систем разных операторов практически не обеспечена; вопрос об ответственности оператора за сохранность реестровых записей остаётся открытым; бремя последствий компрометации закрытого ключа несоразмерно смещено на владельца актива. В совокупности перечисленные дефекты создают питательную среду не для подлинной финансовой инновации, а скорее для регуляторного арбитража: эмитент прибегает к форме ЦФА прежде всего затем, чтобы обойти более жёсткие требования, предъявляемые к эмиссионным ценным бумагам.

Пристатейный библиографический список

1. Заров И. К. Анализ понятия и сущности цифровых финансовых активов // Структурные и институциональные трансформации в экономике и управлении. Международные научные чтения памяти профессора Ю. М. Ясинского: Сборник материалов. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2023. – С. 132-137.
2. Камышанова А. Е. Вовлечение цифровых прав в имущественный оборот: новеллы российского законодательства // Модернизация российского общества и образования: новые экономические ориентиры, стратегии управления, вопросы правоприменения и подготовки кадров. Материалы XXIV Национальной научной конференции (с международным участием). – Таганрог: ТИУиЭ, 2023. – С. 233-235.
3. Кушниренко М. Р. Выпуск цифровых финансовых активов на цифровых платформах в банковском секторе как инструмент повышения качества кредитного портфеля // Экономика и инновации. Сборник статей участников межвузовской научно-практической конференции. В трех томах. – М.: Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, 2023. – С. 126-130.
4. Рассолов И. М. Информационное право: учебник и практикум для вузов / 7-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2023. – 427 с.
5. Ситдикова Л. Б. Цифровые права в корпоративных отношениях // Проблемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций. Материалы XIV Всероссийской

научно-практической конференции с международным участием, посвященной памяти профессора Ф. М. Рудинского / под общ. ред. Д. А. Пашенцева, Н. М. Ладнушкиной. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2023. – С. 227-230.

6. Смирнова В. В., Правкин С. А. Правовые аспекты регулирования цифровых прав на финансовом рынке // Актуальные проблемы развития социально-экономических систем: практика и теория. Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2023. – С. 217-220.
7. Федоткина О. П., Ватолкин М. А. Риски и уязвимости цифровых активов: влияние на финансовую устойчивость // Экономическая и информационная безопасность цифровых интеллектуальных экосистем. Монография. – СПб: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. – С. 142-162.
8. Цифровая валюта и цифровые финансовые права как предмет и средство совершения преступлений: монография / О. П. Грибунов, П. В. Никонов, С. В. Пархоменко, Е. В. Рогова, В. Н. Шиханов и др. – Иркутск: Иркутский юридический ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Российской Федерации, 2023. – 169 с.

МАНУЧАРЯН Арман Артурович

аспирант кафедры гражданского права, Института права, Уфимский университет науки и технологий

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОВ ДОЛЖНИКА И АРБИТРАЖНОГО УПРАВЛЯЮЩЕГО ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОНКУРСНОЙ МАССЫ

Работа посвящена экспликации механизмов гармонизации разнонаправленных устремлений субъектов несостоятельности при аккумулировании конкурсной массы арбитражным управляющим. В фокусе внимания находится статус распорядителя как независимого профессионала и градация кредиторских требований на реестровые и текущие с учетом очередности погашения. Автором вскрыты коллизионные зоны конфликта интересов, охватывающие аффилированность и процессуальные упущения при взыскании долгов, что подкрепляется анализом практики Верховного Суда РФ за 2023-2025 годы включая Обзоры от 11.10.2023 и 18.06.2025. Аргументирована потребность в ужесточении надзора со стороны саморегулируемых организаций и нормативной фиксации критериев баланса ради формирования ориентиров для судебной оценки профессиональной осмотрительности.

Ключевые слова: арбитражный управляющий, конкурсная масса, баланс интересов, аффилированность, оспаривание сделок, дебиторская задолженность, гражданско-правовая ответственность, банкротство.

MANUCHARYAN Arman Arturovich

postgraduate student of Civil law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

REALIZATION OF THE INTERESTS OF THE DEBTOR AND THE BANKRUPTCY TRUSTEE DURING THE FORMATION OF THE BANKRUPTCY ESTATE

This paper explains the mechanisms for harmonizing the competing interests of insolvency entities during the accumulation of bankruptcy assets by an insolvency administrator. It focuses on the administrator's status as an independent professional and the classification of creditors' claims into registered and current claims, taking into account the priority of repayment. The author identifies areas of conflicting interests, encompassing affiliation and procedural omissions in debt collection, supported by an analysis of the Supreme Court of the Russian Federation's practice for 2023-2025, including the Reviews of October 11, 2023, and June 18, 2025. The need for stricter oversight by self-regulatory organizations and the statutory consolidation of balance criteria to establish benchmarks for judicial assessment of professional diligence is argued.

Keywords: bankruptcy trustee, bankruptcy estate, balance of interests, affiliation, challenging transactions, accounts receivable, civil liability, bankruptcy.

Статистические бюллетени Единого федерального реестра фиксируют экспоненциальную эскалацию банкротных процедур в Российской Федерации. Судебный статус несостоятельности в 2024 году обрели 431 940 граждан, превысив на 23,6 % показатели 2023 года с его 349 600 кейсами.

Острота тематики подтверждается динамикой привлечения управляющих к ответственности, возросшей на 27,75 % за год и на 106,07 % относительно базисного 2019 года. Утвержденный Президиумом ВС РФ 11.10.2023 Обзор систематизировал типичные девиации наподобие избирательного взыскания и аффилированности, а документ от 18.06.2025 закрепил прокредиторский вектор правоприменения.

Целеполагание работы сводится к детекции инструментов балансировки интересов и выработке предложений по оптимизации регулирования. Методологический каркас синтезирует формально-юридический разбор статей 20.2–138 профильного Закона и сравнительную оценку судебных актов включая Определения ВС РФ от 25.10.2024 от 27.01.2024 № 305-ЭС24-15718 и от 17.04.2025 по делу № А40-168450/2019 наряду с Постановлениями Пленума ВАС РФ № 63 от 2009 и 2010 годов.

Научная новизна выражается в систематизации маркеров фактической связанности, таких как имущественная общность и перекрестное представительство базирующихся на позициях 4.5 и 14.1 Обзора от 11.10.2023. Исследование конкретизирует условия гражданско-правовой ответственности с учетом стандарта доказывания причинно-следственной связи и обосновывает внедрение в статью 20.3 пункта 4.1 о презумпции недобросовестности при пассивности в оспаривании сделок свыше трех месяцев.

Функционирование института несостоятельности базируется на сложносочиненном конгломерате правоотношений, внутри которого сталкиваются разнонаправленные устремления множества акторов, в том числе, арбитражного управляющего. Нормативная дефиниция, закрепленная статьей 20 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ, идентифицирует соответствующего субъекта в качестве гражданина РФ, обладающего членством в профильной саморегулируемой организации¹.

Императив пункта 4 статьи 20.3 упомянутого нормативного акта предписывает ведение деятельности на началах добросовестности и разумности, обязывая блюсти интересы должника кредиторского сообщества и социума. Статья 20.2 содержит жесткие фильтры к кандидатурам, исключая аффилированных лиц, ради обеспечения беспристрастности при аккумуляции имущества.

Гетерогенность кредиторского корпуса диктует необходимость стратификации требований на реестровые и текущие. Первая группа обязательств, возникшая до инициирования банкротного производства, подлежит удовлетворению согласно иерархии пункта 4 статьи 134, где приоритет отдан компенсациям за вред жизни здоровью, далее следуют расчеты с персоналом по оплате труда и выходным пособиям, а замыкают перечень остальные контрагенты. Вторая категория взыскателей, чьи претензии сформировались после при-

1 О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 31.08.2025) // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 22.11.2025).

нения судом заявления, обладает привилегией внеочередного погашения на основании пункта 1 статьи 134, критерии чего детализированы Постановлением Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 63². Внутривидовая градация наделяет залоговых кредиторов предпочтениями на получение возмещения из стоимости предмета обременения в объеме 80 % выручки в силу статьи 138, оставляя незалоговым участникам третьей очереди лишь остаточный ресурс.

Необходимость нивелирования противоречий, продиктованная статьей 20.3, нашла отражение в Определении Верховного Суда РФ от 25.10.2024 акцентирующем главенство банкротных процедур над иными процессами³. Обзор судебной практики, утвержденный 18.06.2025, дополнительно запрещает управляющему отдавать предпочтение отдельным группам в ущерб остальным⁴. Трактовка имущественного вреда, данная в пункте 5 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63, связывает его с уменьшением активов либо ростом долговой нагрузки, квалифицируя пассивность при формировании массы как деликт⁵.

Ключевым дефектом выступает аффилированность, дефинируемая в утвержденном Президиумом ВС РФ 11.10.2023 Обзоре судебной практики как наличие самостоятельного интереса, где позиция 4 предписывает толковать любые обоснованные сомнения против утверждения кандидатуры⁶.

Систематическое предложение конкретной кандидатуры одним кредитором согласно позиции 5 названного Обзора само по себе объясняется презумпцией профессионализма и не доказывает подконтрольность если не сопряжено с аномальным процессуальным поведением заявителя⁷.

Искажение баланса интересов посредством предпочтений отдельным группам запрещено Определением ВС РФ от 25.10.2024, утвердившим недопустимость ущерба большинству ради выгоды меньшинства⁸. Недобросовестность объективируется в избирательном взыскании дебиторской задолженности или заключении разорительных контрактов, что иллюстрируется позицией 21 Обзора от 11.10.2023 о взы-

скании убытков за необоснованное привлечение третьих лиц к торгам⁹.

Особую угрозу формирует игнорирование пропуска срока исковой давности по требованиям аффилированных структур, легализующее их участие в распределении активов, чему противостоит позиция 14.1 квалифицирующая подобное бездействие как противоправное¹⁰. Пополнение массы через оспаривание сделок на основании статей 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве является императивом, закрепленным в позиции 16 Обзора, пресекающим попытки управляющих уклониться от аннулирования подозрительных транзакций под прикрытием статьи 61.4 об обычной хозяйственной деятельности или намеренного затягивания сроков¹¹.

Позиция 15 обязывает предпринимать исчерпывающие меры к истребованию реальной ко взысканию задолженности, исключая ее уступку по заниженной цене, а эталоном добросовестности может служить прецедент пополнения массы на 370 миллионов рублей¹². Утрата права требования вследствие пропуска исковой давности генерирует основания для возмещения управляющим причиненных кредиторам убытков.

Гражданско-правовая ответственность антикризисного менеджера выступает фундаментальным инструментом гарантирования добросовестности при аккумуляции конкурсной массы, балансируя широту полномочий с необходимостью защиты кредиторов. Нормативная конструкция пункта 4 статьи 20.4 Закона о банкротстве императивно предписывает возмещение ущерба, детерминированного ненадлежащим исполнением функционала, где судебная констатация факта причинения вреда служит преюдициальным основанием для применения санкций по правилам статьи 15 ГК РФ. Деликтная природа данного обязательства, базирующаяся на генеральных положениях статьи 1064 ГК РФ, исключает договорный характер отношений, постулируя обязанность управляющего предотвращать уменьшение активов [1, с. 82].

Реализация механизма взыскания требует кумулятивного доказательства четырех компонентов, включающих противоправность деяния, возникновение реального ущерба или упущенной выгоды, причинно-следственную связь и вину, презумпция которой обусловлена предпринимательским статусом субъекта. Отсутствие любого из названных элементов блокирует возможность компенсации потерь. Обзор судебной практики, утвержденный Президиумом ВС РФ 11.10.2023 в позиции 15 обязывает предпринимать исчерпывающие меры по истребованию реальной ко взысканию дебиторской задолженности, что иллюстрируется прецедентом пополнения фонда на 370 миллионов рублей¹³. Позиция

2 Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о возмещении вреда: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.11.2025).

3 Определение Верховного Суда РФ от 25.10.2024 № 309-ЭС24-14555(2) по делу № А60-2103/2023 // ЛегалАктс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25102024-n-309-es24-145552-po-delu-n-a60-210312023/>.

4 Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/documents/all/34516/>.

5 О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_109923/.

6 Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/.

7 Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/.

8 Определение Верховного Суда РФ от 25.10.2024 № 309-ЭС24-14555(2) по делу № А60-2103/2023 // ЛегалАктс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-25102024-n-309-es24-145552-po-delu-n-a60-210312023/>.

9 Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/.

10 Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/.

11 Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/.

12 Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // Консультант Плюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/.

13 Обзор судебной практики по вопросам участия арбитражного управляющего в деле о банкротстве: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 11.10.2023 // Консультант Плюс. – [Электронный

21 того же документа санкционирует ответственность за необоснованное привлечение третьих лиц к организации торгов повлекшее излишние расходы.

Стандарт доказывания каузальной связи конкретизирован Определением ВС РФ от 27.01.2024 № 305-ЭС24-15718¹⁴, требующим от истца обоснования с разумной степенью достоверности высокой вероятности погашения требований за счет имущества контрагентов, отсутствие которого освобождает управляющего от ответственности. Напротив, Определение СК по экономическим спорам от 17.04.2025 по делу № А40-168450/2019¹⁵ утвердило взыскание 210 758 584 рублей 67 копеек с В. А. Алтунина, упустившего возможность реализации исполнительного листа и устранения процессуальных дефектов [2, с. 88].

Налоговый аспект проблемы рассматривался в рамках дела № А40-251199/2023, где фискальный орган настаивал на взыскании 150 миллионов рублей с Д. И. Демкина за неуплату налога на прибыль после реализации имущества, но суды отклонили притязания ввиду пассивности самого заявителя, Определением Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ обжалованные судебные акты были отменены, а требования налоговой службы удовлетворены в полном объеме¹⁶. При ротации кадров ответственность персонифицируется по периодам совершения нарушений, возлагая на премника обязанность нивелировать ошибки предшественника путем оспаривания сделок или взыскания долгов если процессуальные сроки позволяют это сделать.

Профессиональный статус предполагает презумпцию осведомленности о нюансах законодательства, о чем свидетельствует позиция 14.1 упомянутого Обзора, признающая незаконным игнорирование пропуска исковой давности кредиторами. Пункт 7 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 от 23.12.2010 облегчает доказывание недобросовестности при наличии аффилированности хотя Определение ВС РФ от 24.11.2022 № 305-ЭС22-12874(1), предупреждает от механического применения презумпций без достаточных фактологических оснований, ошибочно квалифицирующих банк как участника должника¹⁷.

Фундаментальная коллизия между императивом максимизации имущественной массы дивергенцией мотивов должника кредиторского сообщества арбитражного управляющего предопределяет сложность реализации интересов в процедурах несостоятельности. Закрепленная пунктом 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве триединая обязанность генерирует онтологические предпосылки для аффилированности селективного формирования фондов, находя подтверждение в позициях 4 5 14.1 15 21 Обзора судебной практики, утвержденного Президиумом ВС РФ 11.10.2023.

Оптимизация контрольной функции диктует интенсификацию активности саморегулируемых организаций посредством внедрения рейтинговых метрик, учитывающих

удельный вес пополнения активов, своевременность оспаривания сделок взыскания дебиторской задолженности, коррелируя с Постановлением Правительства РФ от 22.05.2024 № 634. Законодательная формализация ежеквартального мониторинга с применением санкций вплоть до исключения из реестра при систематическом игнорировании обязанностей видится обоснованной мерой.

Нормативное закрепление баланса интересов требует дефиниции разумного удовлетворения требований с фиксацией минимального тридцатипроцентного порога для третьей очереди при наличии потенциала взыскания. Имплементация в статью 20.3 пункта 4.1, вводящего презумпцию недобросовестности за неоспаривание транзакций в течение трех месяцев с момента выявления пороков за исключением случаев экономической нецелесообразности существенно укрепит дисциплину.

Утвержденный Президиумом ВС РФ 18.06.2025 Обзор практики по делам граждан иллюстрирует дрейф правоприменения к усилению защиты кредиторов через унификацию подходов к реструктуризации формированию реестра исключению единственного жилья. Оформленные новациями 2024 года расширение полномочий управляющих в части доступа к банковской коммерческой тайне создает базу для деанонимизации скрытых активов, требуя синхронного ужесточения ответственности за эксплуатацию сведений в личных целях.

Практическая ценность изыскания выражается в формировании инструментария для судебной квалификации действий менеджеров через призму стандартов профессиональной осмотрительности разумности, облегчая взыскание убытков. Выявленные паттерны аффилированности избирательного взыскания долгов пропуска сроков давности служат маркерами для кредиторского мониторинга, тогда как предложенные критерии способны стать фундаментом совершенствования нормативного ландшафта ради максимизации выплат при сохранении независимости профессионалов.

Пристатейный библиографический список

1. Иванченко Д. Е. Гражданско-правовая ответственность арбитражных управляющих: выпускная квалификационная работа магистра; Санкт-Петербургский государственный университет. – СПб., 2023. – 90 с.
2. Соколов А. Ю. Презумпция осведомленности в банкротных спорах: принципы и стандарты доказывания // Электронный журнал «Экономика и жизнь». – 2024. – 6 нояб. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/492663/> (дата обращения: 22.11.2025).

ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_459286/.

14. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27.01.2025 № 305-ЭС24-15718 по делу № А41-82674/2018 // ГАРАНТ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://base.garant.ru/411379173/>.
15. Судебная практика Верховного Суда РФ по делам о банкротстве // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/>.
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2025 г. № 305-ЭС25-6799 по делу № А40-251199/2023 // ГАРАНТ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412816113/>.
17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.11.2022 № 305-ЭС22-12874(1) по делу № А40-236217/2016 // ГАРАНТ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405707199/>.

ОСИПОВА Елизавета Андреевна

аспирант, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, г. Хабаровск

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ

В статье автор исследует потенциальные риски и перспективы внедрения цифрового рубля, оценивая возможные последствия для финансовой системы и экономики государства, а также изучает преимущества и недостатки цифровой валюты Центрального банка Российской Федерации, вопросы повышения доступности финансовых услуг и обеспечения кибербезопасности в условиях современной технологической среды. В целях сравнения процесса внедрения цифрового рубля в Российской Федерации автор обращается к международному опыту внедрения иными странами цифровой формы национальных валют. Исследует реализацию розничной двухуровневой модели цифрового рубля в Российской Федерации. Анализирует риски возникновения дефицита ликвидности в банковской системе.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта, безналичные деньги, Центральный банк Российской Федерации, кибербезопасность, технологическая среда, дефицит ликвидности, розничная двухуровневая модель, национальная валюта.

OSIPOVA Elizaveta Andreevna

postgraduate student, Far Eastern State Transport University, Khabarovsk

Осипова Е. А.

DIGITAL RUBLE: POTENTIAL RISKS AND IMPLEMENTATION PROSPECTS

In this article, the author examines the potential risks and prospects of implementing the digital ruble, assessing the potential consequences for the country's financial system and economy, also examines the advantages and disadvantages of the digital currency of the Central Bank of the Russian Federation, as well as issues of increasing access to financial services and ensuring cybersecurity in the modern technological environment. To compare the implementation of the digital ruble in the Russian Federation, the author draws on international experience with other countries' implementation of digital national currencies. The author examines the implementation of the retail two-tier model of the digital ruble in the Russian Federation and analyzes the risks of liquidity shortages in the banking system.

Keywords: digital ruble, digital currency, non-cash money, Central Bank of the Russian Federation, cybersecurity, technological environment, liquidity shortage, retail two-tier model, national currency.

В настоящее время во всем мире проводится работа по внедрению в оборот нового вида электронных денег, получившего название Central bank digital currency (CBDC) - цифровая валюта центрального банка и Российская Федерация не исключение, следовательно, со стороны юриспруденции встают вопросы относительно правового регулирования названного вида денег, их правовой природы, порядка использования и другие.

В качестве примера успешного развития цифровой валюты целесообразно обратиться к опыту соседствующего государства - Китайской Народной Республики. Так, в Китае активно формируется опыт по обращению с цифровой валютой - цифровым юанем (e-CNY). К середине 2021 года, по данным отчета Народного Банка Китая, было зарегистрировано 20 миллионов кошельков для физических лиц и 3,5 миллиона для юридических¹. К 2024 году объем транзакций с использованием e-CNY достиг уже 986 миллиардов долларов².

В настоящее время на территории Российской Федерации в качестве форм валюты предусмотрены: наличные (банкноты (банковские билеты) и монета Банка России)³; безналичные денежные средства (записи банковского счета их обладателя); цифровой рубль, введенный в 2023 году в качестве дополнения к уже сосуществующим видам денежных

средств⁴ и представляющий из себя уникальный цифровой код (токен), находящийся в цифровом кошельке клиента на платформе цифрового рубля⁵.

Относительно процесса внедрения цифрового рубля необходимо отметить, что он в нашей стране начат чуть позже других стран. Так, в октябре 2020 года Центральный банк выпустил доклад, посвященный созданию цифрового рубля, а в апреле 2021 года опубликовал соответствующую концепцию цифрового рубля, после чего начали стартовать «пилотные» проекты. По данным на 2025 год, в пилотном проекте по внедрению цифрового рубля участвуют 14 банков: Сбербанк; ВТБ; Газпромбанк; Альфа-банк; Тинькофф Банк; Банк «Открытие» и другие крупные банки.

Цифровой рубль, как следует из представленной 08.04.2021 года Банком России концепции цифрового рубля, был введен в ответ на растущий запрос граждан и бизнеса на более удобные, безопасные и менее затратные платежи и переводы.

Изучение сегодняшней нормативной базы показывает, что все операции, совершаемые с использованием цифрового рубля, осуществляются через взаимодействие оператора платформы цифрового рубля (кредитные организации, имеющие право осуществлять переводы денежных средств, ВЭБ, РФ и Банк России) и пользователей платформы цифрового рубля в рамках информационной системы. При этом орга-

1 Отчет Народного Банка Китая «Прогресс исследований и разработок электронного юаня в Китае» // Июль 2021 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021072014364791207.pdf>.

2 Новостной ресурс: <https://www.kommersant.ru/doc/7219475?f>.

3 Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. - 15.07.2002. - № 28. - Ст. 2790.

4 Письмо Министерства финансов Российской Федерации от 10.09.2024 № 05-06-11/86239. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: Вопрос: О внедрении цифровых рублей.

5 «Концепция цифрового рубля». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cbr.ru/> по состоянию на 08.04.2021.

низация и обеспечение функционирования указанной платформы входит в число функций Банка России, что следует из пункта 4.2 статьи 4 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)». В пределах предоставленной компетенции Банком России издано Положение от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля», в котором закреплены порядок функционирования платформы цифрового рубля, требования к оператору и пользователям платформы цифрового рубля. Документ также устанавливает виды операций с цифровыми рублями, порядок их совершения, а также применяемые формы расчетов.

В России реализуется розничная двухуровневая модель цифрового рубля, где Банк России выступает эмитентом и оператором платформы, открывая кошельки финансовым организациям и Федеральному казначейству. Финансовые организации, в свою очередь, открывают кошельки клиентам на платформе, проводят расчеты. Цифровой рубль представляет собой уникальный цифровой код, размещенный в кошельках на платформе Банка России. Безопасность операций обеспечивается специальным программным модулем, а клиентам предоставляется возможность беспроводных переводов.

В центре архитектуры прототипа платформы цифрового рубля находится Банк России, обеспечивающий через узлы процессинг расчетов и подтверждение всех операций, а также эмиссию цифрового рубля. Безопасность и идентификацию участников обеспечивает система удостоверяющих центров, состоящая из центра Банка России и центров кредитных организаций, осуществляющих проверку и выдачу цифровых «ключей» клиентам. Для связи между разными частями системы используются API (программный интерфейс приложений): API платформы для подключения банков к ядру Банка России и API банков для взаимодействия банков с их клиентами. Пользователи взаимодействуют с системой через мобильные приложения, включающие в себя специальный модуль от Банка России. Такое устройство системы обеспечивает безопасный и контролируемый обмен цифровыми рублями, где Банк России является центральным регулятором и эмитентом, а банки выступают посредниками между пользователями и платформой.

Можно выделить ряд факторов, обеспечивающих благоприятные перспективы внедрения:

1. Универсальный доступ - пользователи смогут осуществлять финансовые операции в цифровом кошельке через любые кредитные организации, где они обслуживаются.
2. Экономичность финансовых операций - внедрение линейки тарифов для переводов цифровых рублей позволит уменьшить транзакционные издержки (комиссии за банковский перевод в другой банк, плата за обслуживание приложения, через которое осуществляется перевод).
3. Доступность в отдаленных районах региона - технология онлайн-расчетов позволит расширить доступ к финансовым услугам в регионах с некачественными интернет-соединением и нестабильной энергетической инфраструктурой.
4. Надежность, обеспечиваемая Банком России (пункт 1 раздела I концепции цифрового рубля).
5. Конкуренция и инновации - развитие цифрового рубля будет стимулировать появление новых финансовых сервисов и продуктов, улучшая качество обслуживания клиентов.
6. Безопасность и открытость - уникальная нумерация каждого цифрового рубля повысит безопасность операций

и облегчит отслеживание и восстановление средств в случае мошенничества.

7. Независимость от графиков работы - цифровой рубль предлагает возможность совершать расчеты в любое время, вне зависимости от банковских графиков

8. Оптимизация государственных платежей - использование цифрового рубля упростит проведение государственных платежей и сделает их более прозрачными для надзорных органов.

В то время как перспективы внедрения цифрового рубля представляются весьма многообещающими, нельзя упускать из виду и потенциальные риски, которые могут затруднить его повсеместное распространение и эффективное использование:

1. Риск мошенничества - повышенные риски мошенничества, особенно с использованием социальной инженерии.
2. Риск снижения ликвидности банковского сектора - переток (массовое перемещение) клиентских средств со счетов кредитных организаций на кошельки в цифровых рублях и, как результат, снижение ликвидности банковского сектора.
3. Риски информационной безопасности и киберриски: риски, аналогичные существующим безналичным расчетам, а также новые риски, к примеру, разный уровень кибербезопасности в финансовых организациях, предоставляющих доступ к одному кошельку. Появление новых вредоносных программ и хакерских атак, спровоцированных новой защищенной системой данных. В том числе, мошенники через методы социальной инженерии могут внушить искаженное понимание цифрового рубля, цифровой валюты, цифрового кошелька, заставить вывести все имеющиеся в кошельке средства на «более безопасный и привычный» специальный счет.

Риски, связанные с технологией и инфраструктурой: риск незаконного отказа от приема цифрового рубля, риск недостаточной производительности технологии распределенных реестров, риск сложности обеспечения конфиденциальности в распределенных реестрах, риск сложности реализации офлайн-режима, риск сложности массового производства российского программного обеспечения.

Несмотря на общие перспективы и потенциальные трудности, связанные с внедрением цифрового рубля в России, особое значение этот процесс приобретает также и для конкретных регионов. Например, рассмотрим значение для Дальневосточного округа. Учитывая активное формирование благоприятного инвестиционного климата и сосредоточение в регионе точек роста для предприятий (территории опережающего развития (ТОР «Хабаровск, ТОР «Якутия», ТОР «Чукотка»), свободный порт Владивосток (СПВ), арктическая зона Российской Федерации (АЗФР), в которую входит Саха (Якутия) (Абыйский, Аллаиховский, Анабарский, Булунский районы), можно полагать, что идея внедрения цифрового рубля на Дальнем Востоке будет иметь позитивную тенденцию. Положительная перспектива при этом обусловлена, к примеру, международной интеграцией платежных систем (расширение возможностей для эффективного участия российских компаний в международных сделках и торгово-финансовых отношениях с партнерами из Азиатско-Тихоокеанского региона; новые формы расчета предлагают более низкие транзакционные издержки, минимальные сроки прохождения платежей между участниками международного рынка и максимальную прозрачность операций; особенно актуальным это становится для компаний, осуществляющих

бизнес-деятельность в странах Юго-Восточной Азии, Японии, Южной Кореи и Китая, поскольку многие из них уже приступили к разработке собственных национальных цифровых валют и интеграционных решений; для российских фирм это значит значительное улучшение условий взаимодействия с зарубежными контрагентами).

Вместе с тем, процесс внедрения цифрового рубля в отдаленном регионе повлечет и сопутствующие затруднения, к примеру, технические риски, связанные с возможностью некорректной работы инфраструктуры и отсутствием стабильного доступа к интернет-соединению в некоторых регионах Дальнего Востока. Хотя сама операция может проводиться офлайн, регулярная синхронизация устройств с основным сервером необходима для подтверждения валидности транзакций и предотвращения двойного списания средств. Без регулярного обновления состояния аккаунта возникает риск возникновения ошибок и противоречий в записях. Нехватка интернет-доступа замедляет реагирование на угрозы и затрудняет быстрое устранение уязвимостей. Дополнительно можно отметить, что существует риск перегрузки сети при массовом обновлении. Повсеместное и единовременное обновление программного обеспечения на большом количестве устройств может создать чрезмерную нагрузку на сеть.

Для решения проблем, связанных с правовыми рисками следует обратиться к трудам современных ученых, которые затрагивали вопрос о правовом регулировании цифрового рубля.

Так, Рождественская Татьяна Эдуардовна (доктор юридических наук) и Гузнов Алексей Геннадьевич (доктор юридических наук) в статье «Правовое регулирование цифрового рубля» справедливо отмечают, что любая цифровая валюта может стать успешной только в том случае, если потенциальные пользователи сочтут, что она становится удобным дополнением к существующим способам оплаты. Для этого будущие участники цифровой платформы должны понимать, что определяется под цифровым рублем и цифровым кошельком. В настоящее время в законодательстве Российской Федерации не выработаны определения для данных категорий, что значительно затрудняет их внедрение и популяризацию среди масс.

Однако юридическая наука уже смотрит в сторону развития основных положений. Так, одни ученые полагают, что под цифровым рублем, как законным средством платежа, стоит понимать эмитированное Центральным банком Российской Федерации имущественное право, выступающее объектом денежных обязательств [2].

Турбанов Александр Владимирович (доктор юридических наук), указывает, что цифровые денежные средства являются новой разновидностью безналичных денег [3], базирующейся на технологии блокчейн (выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию)⁶.

Морозова Ирина Геннадьевна (кандидат юридических наук) через соотношение цифрового рубля с криптовалютой

приходит к выводу, что цифровой рубль представляет собой централизованную цифровую валюту, на которую не распространяется вещно-правовой режим [1].

Каждое из приведенных определений затрагивает свой аспект. Так, первое акцентирует внимание на финансовых обязательствах Банка России, второе отмечает лежащую в основе функционирования цифрового рубля технологию (блокчейн), третье базируется на противопоставлении с криптовалютами.

При этом интересным представляется, что учеными не рассматривался вопрос о понятии цифрового кошелька, под которым в рамках блокчейн-технологий понимается программно-техническое средство, позволяющее хранить информацию о цифровых записях и обеспечивающее доступ к реестру цифровых транзакций.

Подводя итог, можно отметить следующий комплекс мер для минимизации рисков роста мошенничества:

1. Разработка основных положений, дающих понимание о природе цифрового рубля, принципах правового регулирования рассматриваемого финансового явления.

2. Повышение компьютерной грамотности населения через разработку и реализацию широких образовательных программ, особенно для жителей отдаленных регионов, по вопросам кибербезопасности; стоит также рассмотреть вариант с введением упрощенной процедуры подачи заявлений о киберпреступлениях, в том числе возможность их подачи дистанционно.

Для предотвращения технических рисков можно предусмотреть следующие меры:

1. Поэтапная синхронизация и обновления. Можно разделить обновление программного обеспечения и синхронизацию данных на этапы, определив конкретные дни для каждого региона. Также следует определить время проведения синхронизации и обновлений в ночное время, когда потребление электроэнергии и трафик в сети минимальны (для каждого региона отдельно).

2. Более частые, но небольшие обновления, вместо крупных обновлений (например, раз в полгода) помогут уменьшить объем передаваемых данных за один раз, снижая нагрузку на сеть и облегчая процесс обновления для устройств с ограниченными ресурсами.

3. Можно проводить локальное эширование, развернув локальные эширующие серверы в ключевых точках инфраструктуры. Это позволит устройствам получать обновления с ближайшего сервера, а не напрямую с центрального, сокращая использование интернет-канала. По смыслу пункта 4.5.3.3 ГОСТ Р 57127-2016/PAS 2001:2001 под локальным эшированием следует понимать создание копии контента, расположенного на удаленном ресурсе (например, в хранилище знаний компании), на компьютере пользователя для повышения скорости доступа к этому контенту в будущем⁷.

Относительно финансовых рисков можно сказать, что Банк России, разрабатывая концепцию цифрового рубля, предусмотрел ряд ключевых аспектов модели цифровой платформы, которые потенциально снижают риск значительного оттока депозитов из коммерческих банков и, как следствие, дефицита ликвидности. В частности:

6 Постановление № 54-11 Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ «О Глоссарии терминов, используемых органами внутренних дел (полицией) государств-участников Содружества Независимых Государств, по вопросам противодействия преступлениям, совершаемым посредством блокчейн-технологий и криптовалют» (Принято в г. Самарканде 28.10.2022) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. - 2023. - № 77 (часть 2).

7 ГОСТ Р 57127-2016/PAS 2001:2001. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент знаний. Руководство по наилучшей практике (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 10.10.2016 № 1342-ст). - М.: Стандартинформ, 2016.

1. Единственный кошелек. Клиенту открывается только один кошелек в цифровых рублях, что ограничивает возможность массового перевода всех средств в цифровую форму и стимулирует сохранение части сбережений на банковских счетах.

2. Отсутствие процентного дохода. На цифровые рубль не начисляется процентный доход на остаток, вследствие чего банковские услуги по начислению процентов остаются для клиентов все еще более привлекательными.

В качестве дополнительной меры стоит рассмотреть установление предельных величин, подлежащих хранению в цифровом кошельке (лимит). Такая мера позволит ограничить объемы средств, которые могут быть переведены со счета кредитных организаций в цифровой рубль, тем самым снизив риски возникновения дефицита ликвидности в банковской системе.

Таким образом, внедрение цифрового рубля предоставляет значительные перспективы для повышения финансовой доступности, стимулирования инноваций, международной интеграции и оптимизации государственных платежей.

На основе изложенного, положений статей 128 и 140 Гражданского кодекса Российской Федерации⁸, можно выработать единое, удобное для восприятия, и корректно отражающее экономическую сущность, понятие цифрового рубля и цифрового кошелька.

Так, в целях формирования правовых основ для внедрения цифрового рубля следует рассмотреть к принятию следующие изменения в Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»:

1. Добавить главу «Основы правового регулирования цифрового рубля». Включить в главу пункт «Понятие цифрового рубля». Содержание пункта: «Цифровой рубль – это форма денежных средств, приравненная к безналичной, представленная в виде уникального цифрового кода (токена), эмитентом которой является Банк России».

2. Включить в главу пункт «Понятие цифрового кошелька». Содержание пункта: «Цифровой кошелек – это программно-техническое средство, предназначенное для хранения информации о цифровых записях в виде токенов цифрового рубля и обеспечивающее доступ к реестру цифровых транзакций с использованием технологии блокчейн на платформе цифрового рубля, эмитентом которой является Банк России. Цифровые кошельки могут функционировать в двух режимах телекоммуникации: онлайн (через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет») и офлайн (в отсутствие соединения с информационно-телекоммуникационной сетью «Интернет»).

В целях ограничения рисков оттока ликвидности и обеспечения финансовой стабильности, Банк России в концепции цифрового рубля рассматривает возможность использования банками лимитных механизмов при операциях с цифровой валютой, о чем заявлялось, в том числе Председателем ЦБ РФ Э. С. Набиуллиной⁹. Учитывая озвученные планы сделать переводы в цифровых рублях бесплатными для физических лиц в пределах лимита 300 000 рублей в ме-

сяц, необходимо предусмотреть возможность установления лимитов на различные операции с цифровыми рублями в статье 7.1 «Особенности совершения операций с цифровыми рублями» Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе».

Предлагается внести следующие изменения в статью 7.1. Дополнить пунктом «Лимиты на операции с цифровыми рублями». Содержание пункта: «В целях ограничения рисков оттока ликвидности и обеспечения финансовой стабильности, устанавливаются следующие лимиты на операции с цифровыми рублями, совершаемые физическими лицами, индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами:

«Для физических лиц: максимальная сумма пополнения кошелька цифрового рубля с банковского счета в месяц: 300 000 рублей; максимальная сумма переводов цифровых рублей между физическими лицами в месяц: 300 000 рублей; совершение операций по переводу цифровых рублей сверх установленного лимита возможно с взиманием комиссии, размер которой устанавливается Банком России».

«Для индивидуальных предпринимателей: максимальная сумма операций по приему цифровых рублей в качестве оплаты за товары, работы или услуги в месяц: 1 000 000 рублей; максимальная сумма перевода цифровых рублей на расчетный счет индивидуального предпринимателя в месяц: 500 000 рублей; совершение операций по приему цифровых рублей и переводу на расчетный счет сверх установленного лимита возможно с ограничениями, устанавливаемыми Банком России».

«Для юридических лиц: максимальная сумма операций по приему цифровых рублей в качестве оплаты за товары, работы или услуги в месяц: 5 000 000 рублей; максимальная сумма перевода цифровых рублей на расчетный счет юридического лица в месяц: 2 500 000 рублей; совершение операций по приему цифровых рублей и переводу на расчетный счет сверх установленного лимита возможно с ограничениями, устанавливаемыми Банком России».

Итак, цифровой рубль как цифровая валюта Банка России является стимулом для проведения серьезной работы над действующим законодательством. На сегодняшний день процесс внесения изменений не завершен, однако частичная трансформация позволяет определить, что такая форма валюты, как цифровой рубль, обладает значительным потенциалом для повышения эффективности и прозрачности финансовых операций, снижения транзакционных издержек и стимулирования инноваций в финансовом секторе, что в конечном итоге приведет к укреплению финансовой системы России и улучшению благосостояния граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Морозова И. Г. Правовой режим цифрового рубля // Юрист. - 2023. - № 9. - С. 6-10. - DOI: 10.18572/1812-3929-2023-9-6-10 (www.doi.org).
2. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. - 2024. - № 1. - С. 48-55. - DOI: 10.17803/1994-1471.2024.158.1.048-055 (www.doi.org).
3. Турбанов А. В. Правовая природа счета цифрового рубля // Банковское право. - 2024. - № 2. - С. 40-51. - DOI: 10.18572/1812-3945-2024-2-40-51 (www.doi.org).

⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. - 08.12.1994. - № 238-239.

⁹ Выступление Эльвиры Набиуллиной на пленарном заседании Государственной думы, посвященном рассмотрению Годового отчета Банка России за 2022 год // Банк России: официальный сайт. - 2023. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 10.12.2025).

ПЕРЕПЕЛКИН Владислав Максимович

аспирант кафедры гражданского и корпоративного права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПЦИИ ДОПУСТИМОСТИ ИСКЛЮЧЕНИЯ УЧАСТНИКА ИЗ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА НА ОСНОВАНИИ НАРУШЕНИЯ КОРПОРАТИВНОГО ДОГОВОРА

В настоящей статье рассматриваются правовые проблемы теории принудительного исключения участника хозяйственного общества на основании обязательственных соглашений (корпоративного договора). Автор рассматривает проблемы допустимости применения принципа автономии воли сторон для расширительного толкования оснований исключения участника хозяйственного общества, в том числе с учетом анализа сложившегося правоприменения и частноправовой доктрины континентальной школы права. Автор обоснована концептуальная допустимость исключения участника из хозяйственного общества в случае нарушения им корпоративного договора. Автор сформулировано теоретическое предложение о критериях допустимости исключения участника хозяйственного общества в случае нарушения им корпоративного договора, при условии обеспечения компенсационного характера такого исключения.

Ключевые слова: корпоративный договор, хозяйственное общество, исключение участника хозяйственного общества, опционный договор, опционное соглашение.

PEREPELKHIN Vladislav Maximovich

postgraduate student of Civil and corporate law sub-faculty, St. Petersburg State University of Economics

THEORETICAL ISSUES IN THE CONCEPT OF THE ADMISSIBILITY OF EXPELLING A MEMBER FROM A BUSINESS ENTITY ON THE GROUNDS OF A BREACH OF THE CORPORATE CONTRACT

This article examines the legal issues surrounding the theory of compulsory expulsion of a member of a business entity based on contractual agreements (corporate contract). The author examines the issues surrounding the admissibility of applying the principle of party autonomy to broadly interpret the grounds for excluding a member of a business entity, including an analysis of established legal practice and the private law doctrine of the civil law school. The author substantiates the conceptual admissibility of excluding a member from a business entity in the event of a breach of the corporate contract. The author formulates a theoretical proposal regarding the criteria for the admissibility of judicial exclusion of a member of a business entity in the event of a breach of the corporate contract, provided that such exclusion is compensatory in nature.

Keywords: corporate agreement, business entity, expulsion of a member from a business entity, option contract, option agreement.

Перепелкин В. М.

Значимой проблемой применения института корпоративного договора является ограниченность участников корпоративных отношений в инструментах своевременного пресечения блокирующих действий недобросовестной стороны такого соглашения. Иными словами, ключевой целью развития института корпоративного договора является выработка законодателем и правоприменением такой процедуры передачи стороне, чьи права были нарушены, прав корпоративного управления нарушившего участника, которая могла бы обеспечить оперативное и упрощенное исключение недобросовестной стороны корпоративного договора от принятия ею управленческих решений.

Актуальность поставленной проблемы подтверждается, в частности, высоким научным интересом к развитию доктрины исключения участника из хозяйственного общества, и поиску ответов на сложности, с которыми она сталкивается. Актуальные научные исследования в данной области, в основном, приходят к выводу о востребованности опционных конструкций практическим правоприменением как способа прекращения корпоративных прав участника, допускающего отклонение от принятой участниками корпорации модели поведения [1, с. 146], в условиях, когда институт судебного исключения такого участника существенно ограничен толкованием оснований для его применения в рамках существующей судебной практики [2, с. 198]. При этом ключевой сложностью реализации опционных конструкций в рамках корпоративных договоров является нецелесообразность их объединения в рамках одного документа и существенные риски неисполнимости опциона, а институт исключения участника из хозяйственного общества применим только в

случае нарушения участником императивных требований законодательства, и не может быть мерой ответственности за нарушение обязательственных соглашений.

Указанное следует из нескольких оснований: во-первых, в отношении опциона на куплю-продажу доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, существующее правовое регулирование опционных соглашений требует обязательного нотариального удостоверения соглашения об опционе на основании требований п. 11 ст. 21 Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», а также нотариального удостоверения безотзывной оферты продавца доли в ООО, что обуславливает необходимость предоставления нотариусу всего содержания корпоративного договора, частью предмета которого является опционное соглашение, и, как следствие, приводит к повторной оценке нотариусом предмета достигнутых сторонами договоренностей и раскрытию условий корпоративного управления, что может оказаться нежелательным для участников корпоративных правоотношений.

Аналогичная проблема существует и в отношении опционного договора на отчуждение акций, в отношении которого законодательством хотя и не предусмотрено требование об обязательном нотариальном удостоверении, однако специфика исполнения которого требует от сторон опционного договора выдачи безотзывной нотариальной доверенности от имени продавца акций (в целях обеспечения исполнения принятых обязательств по продаже акций при наступлении указанных в доверенности обстоятельств), при этом в случае возникновения спора о факте перехода права покупатель обязан предоставить доказательства, подтверждающие нена-

ступление или наступление условий раскрытия опциона, что также накладывает на стороны риски фактической неисполнимости опционной конструкции в случае упущения ими при структурировании сделки любого из перечисленных нюансов [3, с. 285].

В указанных условиях последним инструментом возвращения нормального порядка деятельности хозяйственного общества является механизм исключения участника из хозяйственного общества в судебном порядке с выплатой ему действительной стоимости его доли участия, в случае, если такой участник своими действиями (бездействием) причинил существенный вред хозяйственному обществу либо иным образом существенно затруднил его деятельность и достижение целей, ради которых оно создавалось. Указанный правовой механизм является экстраординарной мерой воздействия на участника хозяйственного общества, допускающего противоправное поведение [4, с. 144].

В рамках актуальной судебной практики, «экстраординарность» исключения участника из хозяйственного общества как меры ответственности заключается, в частности, в том, что такое требование истца зачастую удовлетворяется судом только в том случае, если устранить негативные последствия от действий (бездействий) такого участника невозможно без его исключения. При разрешении споров, связанных с требованием об исключении участника из хозяйственного общества, суды осуществляют самостоятельную оценку доводов, лежащих в основе заявленного требования, применяя в том числе и расширительные критерии оценки. Так, в деле А40-47359/2023, Арбитражный суд Московского округа отдельно отмечает, что исключение участника из хозяйственного общества «может применяться лишь тогда, когда последствия действий участника не могут быть устранены без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом, при этом целью такого иска является обеспечение нормальной деятельности общества, а не защита корпоративных интересов отдельных участников либо разрешение конфликта между ними».

Необходимо отметить, что судебная практика по данной категории требований является неоднородной и содержит в том числе и примеры судебных решений, в рамках которых суд отходит от концепции экстраординарности исключения участника из общества, тем самым с точки зрения практического правоприменения вопрос о допустимости использования данной меры воздействия в целях защиты корпоративных (а значит – имущественных и связанных с ними неимущественных) прав участников хозяйственного общества является дискуссионным и до настоящего времени не закрыт.

Между тем, вопрос о допустимости использования механизма принудительного исключения недобросовестного участника из хозяйственного общества в целях защиты корпоративных прав его участников (в том числе прав, возникших на основании соглашений участников хозяйственного общества) остается окончательно не раскрытым и в частности правовой доктрине. Основной массив научных исследований по данной тематике посвящен, в первую очередь, анализу пределов перечня допустимых с точки зрения применимого законодательства и судебной практики оснований исключения участника из общества, оставляя существенно меньшее внимание вопросу о научном допущении и оценки соответствия механизма исключения участника хозяйственного общества пределам автономии воли участников корпоративных отношений, т.е. оценки концептуальной возможности реализации данного правового механизма не только в силу нарушений ими требований законодательства и устава хозяйственного общества, но и в случае нарушения ими иных обязанностей (в том числе принятых ими на себя добровольно в рамках корпоративных договоров).

В научной литературе существует две противоположные позиции по данному вопросу. В рамках первой позиции, сам институт исключения участника из хозяйственного общества (применительно к данной статье мы рассматриваем непубличные хозяйственные общества – ООО и АО) по замыслу законодателя является крайней мерой публичного воздействия, обеспечивающей участникам корпоративных отношений последнюю возможность преодоления управленческого тупика в ситуации, когда все остальные правовые способы его преодоления оказались бессильны, а тяжесть последствий допущенного участником нарушения такова, что вернуть общество к нормальной деятельности без его исключения представляется невозможным. С точки зрения данного подхода, каких-либо обязательственных оснований, концептуально допустимых для обоснования требования об исключении участника хозяйственного общества, её сторонниками не усматривается, а такими основаниями может являться лишь нарушение закона или устава и вытекающие из них фактические последствия, предопределяющие невозможность нормальной деятельности хозяйственного общества [5, с. 111].

Другая позиция, представленная сторонниками дозволительного подхода к регулированию института исключения участника из хозяйственного общества, базируется на методе экономического анализа права и теории допустимости понимания корпоративно-правовой природы хозяйственного общества в качестве «совокупности соглашений» [6, с. 830] его участников, тем самым допускается и право участников корпорации, являющейся продуктом обязательственной сделки, предусмотреть обязательственные основания для исключения участника [7, с. 86].

Необходимо отметить, что в текущем правопонимании механизма исключения участника из хозяйственного общества практикой и нормой закона не допускается исключение такого участника на основании принятых им на себя обязательств в рамках корпоративных договоров. При этом данный правовой механизм широко изучен в доктрине и практике правоприменения континентального правопорядка, например, в рамках немецкой доктрины, где определение пределов допустимости оснований исключения участника из хозяйственного общества является одним из примеров так называемого «судебного правотворчества».

В частности, в немецкой доктрине отмечается, что исключение участника хозяйственного общества на основании принятого им обязательственного соглашения принципиально допустимо с точки зрения теории природы хозяйственного общества и основ обязательственного права, однако возможность признания законным такого требования ограничена, с одной стороны, относительностью таких обязательств (не исключает необходимости соблюдения иных обязательных требований к процедуре исключения участника, в т.ч. доказанности существенного вреда корпорации в результате нарушения корпоративного договора), а, с другой стороны, связана с необходимостью исполнения императивных мер защиты корпоративных прав таких участников (в частности, права на получение компенсации), определенных корпоративным законодательством [8, с. 191-218]. Эта позиция подтверждается судебной практикой Верховного Суда Германии, согласно которой обязательство стороны по выходу из общества в случае нарушения корпоративного договора обычно противоречат § 138 BGB, если не оправданы исключительными обстоятельствами.

В рамках отечественного правопонимания, концептуальная возможность признания нарушения участником обязательств из корпоративного договора в качестве основания для исключения такого участника из хозяйственного общества сталкивается со следующими правовыми проблемами:

Во-первых, отечественное законодательство и практика не рассматривает природу фикции хозяйственного общества в качестве «совокупности сделок» его участников, следуя подходу буквального применения порядка, установленного п. 1 ст. 67 ГК РФ;

Во-вторых, нанесение действиями нарушившей стороны ущерба корпоративным правам другой стороны в рамках правоприменения не признается тождественным нанесению существенного вреда хозяйственному обществу (как обязательного критерия для удовлетворения судом требования об исключении участника);

В-третьих, действующим законодательством РФ порядок возмещения исключенному из хозяйственного общества участнику действительной стоимости его доли хронологически прямо не увязан с исполнением решения суда о его исключении, тем самым данные события разнесены во времени на срок до одного года и более (в случае своевременного неисполнения хозяйственным обществом обязанности по выплате компенсации либо возникновения спора о её размере), что признается существенным риском для применения обязательственных критериев исключения участников из корпорации.

Оценивая первый из вышеуказанных доводов, представляется, что положения п. 1 ст. 67 ГК РФ сами по себе не исключают (при наличии соответствующего политико-правового интереса) возможности формирования в рамках так называемого «судебного правотворчества» механизма принудительного исключения участника хозяйственного общества на основании обязательств из корпоративного договора, определяемого как восполняющего способа защиты нарушенного права. В таком случае относительность обязательственных отношений сторон корпоративного договора будет обеспечена обязательной силой судебного правоприменения, что может оказать положительное влияние на практику разрешения ситуаций блокирующих действий в рамках корпоративного управления.

Оценивая второй из указанных доводов, необходимо отдельно отметить, что отождествление вреда корпоративным интересам участников хозяйственного общества с вредом корпорации в целом может представляться допустимым в случае, если все участники хозяйственного общества являются участниками корпоративного договора, нарушение обязательств из которого будет являться основанием для исключения такого участника, а степень значимости нарушения для корпорации является соразмерным достигнутому сторонами усмотрению об этом. Представляется, что в вышеуказанном случае отказ от признания допустимости исключения участника ввиду нарушения им обязательственного соглашения со ссылкой на отсутствие вреда корпорации в целом необходимо признавать формалистским подходом, когда отсутствуют и объективные, и доктринальные причины разделять законные интересы корпорации и её участников [9, с. 119]. В свою очередь, обеспечение соразмерности санкции в виде исключения участника из общества действительному «весу» последствий допущенного нарушения обязательств возможно в случае, если такое обязательство оценено существенным всеми участниками общества – например, закреплено в уставе корпорации в качестве дополнительного основания для исключения участника из общества, что не противоречило бы требованиям применимого законодательства и доктрины.

Относительного третьего из доводов против применения обязательственных оснований для исключения участника из хозяйственного общества, важно отметить, что в рамках актуальной правоприменительной практики вопрос о подходах к своевременному обеспечению исключенного участника справедливой компенсацией является достаточно острым: в судебной практике по данной категории споров исключение участника из хозяйственного общества не увязано с одновременным определением судом суммы компенсации и возложения на общество обязанности по выплате действительной стоимости этой доли. В этой связи разумным выходом из сложившегося положения являлось бы, например, определение в рамках отечественного законодательства или разъяснений высших судов методики и стандарта судебной оценки

действительной стоимости доли исключаемого участника с одновременным наложением на хозяйственное общество обязанности по выплате стоимости такой доли, как условия для исключения нарушившего участника. Стоит отметить, что судебная практика стран континентального праваопорядка (например, ФРГ) признает возможность исключения участников из хозяйственного общества именно при условии одновременного установления размера стоимости доли такого участника и присуждения соответствующей компенсации.

Таким образом, с точки зрения доктринальной обоснованности, теория исключения участника хозяйственного общества на основании обязательственных соглашений с его участием, по нашему мнению, соответствует науке частного права, при этом для практической реализации данной теоретической конструкции во многом может быть достаточно соответствующей воли со стороны Верховного Суда РФ, имеющего большой опыт самостоятельного осмысления и выведения формулы функционирования тех или иных институтов права посредством судебного правотворчества. Расширение перечня допустимых оснований исключения недобросовестного участника из хозяйственного общества, по нашему мнению, отвечает потребностям участников корпоративных отношений, заинтересованных в появлении надежных и быстродействующих механизмов обеспечения нормальной деятельности корпорации, в случае, когда сохранение «общего дела» признается более ценным, чем сохранение общности его участников.

Пристатейный библиографический список

1. Юлдашев М. Ю. Опцион на заключение договора и опционный договор. Проблемы практического применения оферно-акцептной конструкции сделок // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2023. – № 4 (71). – С. 146-152.
2. Шиткина С. И., Габов А. В., Губин Е. П. и др. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 томах / под ред. И. С. Шиткиной. – М.: Статут, 2021. – Т. 1. – 622 с.
3. Новиков М. А. Возможности использования опционных соглашений в арбитражной и корпоративной практике в контексте третейской реформы в Российской Федерации // Современная научная мысль. – 2017. – № 1. – С. 285-286.
4. Демиева А. Г., Носов Д. Р. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью: новый подход правоприменительной практики // Гуманитарный научный журнал. – 2025. – № 6-1. – С. 142-151.
5. Кузнецов А. А. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью. – М.: Статут, 2014. – 141 с.
6. Eisenberg M. A. The Conception That the Corporation Is a Nexus of Contracts, and the Dual Nature of the Firm // The Journal of Corporation Law. – 1999. – Vol. 24. № 4. – P. 819-836.
7. Никольский Д. А. Исключение участника как способ принудительного расторжения корпоративной сделки // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – Т. 20. № 4 (173). – С. 84-98.
8. Fleischer H. Gesellschaftsrecht im Spiegel seiner Habilitationsschriften // Max Planck Institute for Comparative and International Private Law. – 2022. – № 22/15. – P. 191-218.
9. Кузнецов А. А. Пределы автономии воли в корпоративном праве: краткий очерк / Исследоват. центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте Рос. Федерации; А. А. Кузнецов. – М.: Статут, 2017. – 161 с.

ПОРЕЧНЫЙ Егор Михайлович

аспирант, Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПОНЯТИЙ: «АПАРТАМЕНТ», «СЕРВИСНЫЙ АПАРТАМЕНТ», «НЕСЕРВИСНЫЙ АПАРТАМЕНТ», «КОМПЛЕКС АПАРТАМЕНТОВ»

В статье рассматривается проблема определения дефиниций «апартамент», «сервисный апартамент», «комплекс апартаментов», «несервисный апартамент». На сегодняшний день в отечественной доктрине нет ни одного комплексного исследования, конкретизирующего названные понятия. Нетипичная природа апартаментов должна быть отражена и в их характеристике. Автор статьи не вводит новые понятия, он конкретизирует существующие путем использования тех же принципов конструирования определений, использованных для описания видов жилых помещений и иных объектов недвижимости. В результате автор представляет собственные конкретизированные дефиниции понятий.

Ключевые слова: апартамент, комплекс апартаментов, определение, сервисный апартамент, несервисный апартамент.

PORECHNY Egor Mikhailovich

postgraduate student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics

GENERAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPTS: «APARTMENT», «SERVICE APARTMENT», «NON-SERVICE APARTMENT», «APARTMENT COMPLEX»

The article discusses the problem of defining the definitions of «apartment», «service apartment», «apartment complex», «non-service apartment». To date, there is not a single comprehensive study in the Russian doctrine that specifies these concepts. The atypical nature of the apartments should be reflected in their characteristics. The author of the article does not introduce new concepts, he concretizes existing ones by using the same principles of constructing definitions used to describe types of residential premises and other real estate objects. As a result, the author presents his own concretized definitions of concepts.

Keywords: apartment, apartment complex, definition, service apartment, non-service apartment.

Поречный Е. М.

Несмотря на то, что апартаменты, как объекты недвижимости, присутствуют на рынке недвижимости Российской Федерации более двадцати лет, до сих пор отсутствует нормативно-правовой акт, определяющий их правовую природу и отношения, связанные с куплей-продажей и сдачей апартаментов в аренду. Гражданское законодательство не содержит определения понятия апартамент и комплекс апартаментов. В отдельных локальных нормативно-правовых актах можно встретить упоминание об апартаментах. Однако большая часть из них находится в специальных ведомственных актах, предназначенных для урегулирования смежных отношений, а часть относится исключительно к отношениям в сфере организации туризма и отдыха. В связи с чем, не представляется возможным говорить о наличии в отечественном гражданском законодательстве определений, характеризующих апартаменты, как один из полноценных объектов гражданского оборота. Помимо этого, в отечественной доктрине не существует единого мнения относительно проблемы определения понятий «апартамент», «комплекс апартаментов», «несервисный апартамент», «сервисный апартамент». Д. Ю. Гришмановский одним из первых в отечественной доктрине стал заниматься определением правовой природы нежилых помещений и апартаментов в частности. Автор отмечает, что для определения правовой природы апартаментов необходимо решить вопрос о получении в них регистрации [1]. Следующая проблема остается актуальной и по сей день. Вынесенное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 февраля 2026 г. № 4-П должным образом не решило проблемы получения временной регистрации в апартаментах. Оно лишь подтвердило наличие проблемы, но никак не описало механизм защиты собственниками своих законных прав. Проблема получения регистрации в апартаментах имеет ключевое значение с точки зрения конструирования

самого понятия «апартамент», а также его видов. Полагаем, что критерий временного прибывания применим к сервисным апартаментам, используемым по аналогии с гостиничными номерами, т.е. на небольшой промежуток времени с возможностью его продлить, но в рамках нескольких недель или месяцев. Многие концепции сервисных апартаментов не предусматривают возможности собственнику проживать в них лично на протяжении длительного периода времени. Как правило, в рамках подписываемого договора с управляющей компанией, собственник может выбирать конкретный месяц в году, когда он будет использовать апартамент для личных целей. В течение следующего времени апартамент будет исключаться из общей массы сдаваемых объектов, а после окончания срока, снова возвращаться обратно. Подобная практика использования сервисных апартаментов развита в курортных городах Российской Федерации. В связи с этим, при формировании определения понятия «сервисный апартамент» необходимо использовать именно критерий «временного прибывания».

Еще одним дискуссионным вопросом является выделение в качестве основных критериев апартаментов фиксированной площади и определенного набора помещений. Следующие критерии содержатся в Приказе Минкультуры России от 11 июля 2014 г. № 1215. Однако считаем подобный подход неверным, т.к. необходимо проводить различие между двумя самостоятельными видами апартаментов, несервисные апартаменты используются для личных целей собственника, а сервисные приобретаются для осуществления предпринимательской деятельности. Помимо этого, на территории страны от комплекса к комплексу меняется формат самих апартаментов, а как следствие, их площадь, количество комнат и иных помещений. В некоторых сетях апарт-отелей представлены юниты (апартаменты) от двадцати пяти до семидесяти квадратных метров. Полагаем, что все

же определяющим признаком сервисного или несервисного апартаментов будет именно срок возможного пребывания/проживания в нем.

Несервисные апартаменты являются одним из видов апартаментов, используемых собственниками для личных нужд. При определении дефиниции «несервисный апартамент» важно понимать, что апартаменты следующего вида могут располагаться в разных зданиях, как новых, так и в реконструированных. В договорах участия в долевом строительстве (далее – ДДУ) как сервисных, так и несервисных апартаментов мы не встретим различий в описании предмета договора и функционального назначения. Оба вида будут признаны нежилыми. Однако, на практике ситуация обстоит иным образом. Существует ряд комплексов, которые изначально предназначены исключительно для личного проживания собственников, а сдача апартаментов в них в посуточную или долгосрочную аренду запрещена.

При формировании определений понятий нельзя обойти стороной и проблему соотношения критериев «пригодности» и «предназначенности» апартаментов. Так, И. Д. Кузьмина понимает под «предназначенностью»: «изначально заданную функцию, обозначенную в соответствующих документах, которая не зависит от характера фактического использования объекта и сохранения им способности удовлетворять жилищные способности граждан» [2]. Если трактовать следующую позицию буквально, то можно прийти к выводу о том, что апартаменты не предназначены для постоянного проживания и должны использоваться исключительно для временного пребывания, что, в свою очередь, не соответствует действительности. Следуя этому подходу, собственники обоих видов апартаментов не могут в полном объеме реализовать свои жилищные потребности, несмотря на то, что апартаменты в большинстве случаев приобретаются как альтернатива квартире или загородному дому. Думается, что наиболее верным в этой ситуации способом определить «предназначенность» того или иного объекта недвижимости – это обратиться к действующему градостроительному законодательству, а, в частности, к положениям ч. 11 ст. 48 «Градостроительного кодекса Российской Федерации» от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 23.03.2026) (далее – ГрК). Что в таком случае необходимо понимать под пригодностью объекта? В ст. 55 ГрК говорится о том, что перед тем, как произвести ввод объекта в эксплуатацию, в обязательном порядке производится проверка объекта на соответствие требованиям строительных, санитарных и иных правил и норм, т.е. по сути, происходит проверка пригодности объекта, таким образом, исходя из буквального толкования норм права, можно сделать вывод о том, что установление «предназначенности» и «пригодности» являются составными элементами единого процесса. Без установления «предназначенности» объекта не возможно будет говорить о его «пригодности». В ч. 2 ст. 16 «Жилищного кодекса Российской Федерации» от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 20.02.2026) используется именно термин «предназначенность», следовательно, при формировании определений мы можем использовать его как один из основных элементов.

Одним из основных вопросов, возникающих при формировании определений, является происхождение дефиниции «апартамент» и возможность ее использования в отечественном законодательстве в дальнейшем. Нами было установлено, что правовая природа апартаментов за границей во многом отличается от отечественной. В большинстве стран термин «flat» и «apartment» являются синонимами и обозначают жилое помещение, по своим признакам и функциональному назначению идентичное с квартирой [3]. Апартаменты в США, Великобритании, Австралии и Канаде идентичны отечественным квартирам, в них можно получить регистрацию, сдавать внаем. Иногда термин «apartment» может использоваться для обозначения объекта недвижимости высокого класса, расположенного на одном из последних этажей в доме. Подобная формулировка характерна в большей степени для американского, нежели

английского законодательства. На территории нашей страны термин «апартамент» получил нетипичное значение и используется для обозначения объектов недвижимости, построенных на земельных участках, не предназначенных для возведения объектов жилой инфраструктуры, а также с неопределенным функциональным назначением. Несмотря на иностранное происхождение термина, он широко используется как в профессиональной среде, так и в рамках бытового общения.

Неопределенность правовой природы является одним из критериев отличия апартаментов от других нежилых помещений. В связи с тем, что перечень нежилых помещений на территории Российской Федерации является открытым, необходимо конкретизировать правовой режим апартаментов как самостоятельных объектов недвижимости. Решения требует и проблема определения правового режима комплексов апартаментов и разграничения их с многофункциональными торговыми центрами, многофункциональными торговыми центрами с комплексами апартаментов и иными похожими объектами недвижимости.

Для решения названных проблем, возможно, разработать и принять нормативно-правовой акт, регулирующий отношения по купле-продаже, управлению и сдаче апартаментов в аренду. Думается, что возможно использовать опыт ряда зарубежных стран, систематизирующих законодательство о нетипичных объектах недвижимости. Определения должны четко отражать правовую природу апартаментов, отражать основные признаки объектов недвижимости.

Таким образом, на основе вышеизложенного предлагается следующие конкретизированные определения понятий:

– под «апартаментом» следует понимать: «структурно обособленное помещение в комплексе апартаментов, которое состоит из комнат, а также помещений вспомогательного использования, предназначенных, в зависимости от вида апартаментов, как для временного, так и постоянного проживания, а также для удовлетворения гражданами бытовых и иных нужд, связанных с проживанием в комплексе апартаментов».

– под «комплексом апартаментов» необходимо понимать: «одно или несколько зданий, состоящих из нескольких функциональных общих пространств, включающих: входную зону, помещения общего досуга для жителей комплекса и апартаментов сервисного или несервисного вида».

– под «сервисным апартаментом» необходимо понимать: «структурно обособленное помещение, в комплексе апартаментов, состоящие из одной или нескольких комнат, предназначенное исключительно для временного проживания».

– под «несервисными апартаментами» необходимо понимать: «структурно обособленное помещение, как со свободной, так и со стандартной планировкой, состоящие из одной или нескольких комнат, предназначенное для постоянного проживания».

Пристатейный библиографический список

1. Гришмановский Д. Ю., Тенетко А. А. Апартаменты как вид жилого помещения: направления и инициативы совершенствования законодательства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. - 2018. - № 3. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/apartamenty-kak-vid-zhilogo-pomescheniya-napravleniya-i-initsiativy-sovershenstvovaniya-zakonodatelstva> (дата обращения: 10.04.2026). - С. 47-52.
2. Кузьмина И. Д. Правовой режим зданий и сооружений как объектов недвижимости: дис. ... докт. юрид. наук. - Томск, 2004. - 432 с.
3. Оганесян С. М., Поречный Е. М. Виды апартаментов в Российской Федерации: отечественный и зарубежный опыт // Журнал правовых и экономических исследований. - 2024. - № 2. - С. 84-89. - DOI 10.26163/GIEF.2024.93.29.010. - EDN GVKAAL.

САННИКОВ Глеб Дмитриевич*

аспирант, Самарский государственный экономический университет

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «УЧАСТНИК ЗАКУПКИ», РЕГЛАМЕНТИРУЕМОЕ РОССИЙСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

В статье исследуется необходимость законодательной корректировки понятия «участник закупки». Актуальность исследования обусловлена наличием юридических пробелов в правоприменительной практике в сфере закупок. Целью статьи является исследование законодательно закреплённых понятий «участник закупки» в российском законодательстве; разъяснений органов исполнительной власти; правоприменительной практики контролирующих органов в сфере закупок. Методология включает комплексный подход с использованием сравнительно-правового метода при изучении в статье рассматриваемых понятий; диалектического метода, в частности, анализа правоприменительной практики по исследуемой тематике; логического и системного метода для систематизации и изложения выводов по результатам данного исследования. Проведённое исследование иллюстрирует необходимость в корректировке нормативно правовых актов, регулирующих закупочную деятельность в рассматриваемой области. В статье выявлены недостатки действующих законодательных трактовок исследуемого понятия и обоснована необходимость внесения изменений в действующее законодательство для корректного применения исследуемого понятия в правоприменительной практике.

Ключевые слова: участник закупки, правоприменительная практика, Федеральная антимонопольная служба, хозяйствующий субъект, закупочная документация.

SANNIKOV Gleb Dmitrievich

postgraduate student, Samara State University of Economics

DEFINITION OF «PARTY TO THE PROCUREMENT», REGULATED BY RUSSIAN LAW

This article explores the need for legislative adjustment of the concept of "procurement participant". The relevance of the study is determined by the presence of legal gaps in the law enforcement practice within the procurement sector. The aim of the work is to investigate the legally established concepts of "procurement participant" in Russian legislation; explanations from executive authorities; and the law enforcement practices of regulatory bodies in the field of procurement. The methodology includes a comprehensive approach using a comparative legal method to study the concepts discussed in the work; a dialectical method, particularly analysing the law enforcement practice on the subject matter; and logical and systematic methods for organising and presenting conclusions based on the results of this research. The conducted study illustrates the need for adjustments to the regulatory legal acts governing procurement activities in the area under consideration. The scientific novelty of the work lies in identifying the shortcomings of the current legislative interpretations of the concept under investigation and justifying the need for amendments to the existing legislation for the correct application of the concept in law enforcement practice.

Keywords: procurement participant, law enforcement practice, Federal Antimonopoly Service, economic entity, procurement documentation.

Санников Г. Д.

На сегодняшний день в законодательстве о закупках термин «участник закупки» определяется подпунктом 4 пункта 1 статьи 3 федерального закона - № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее - 44-ФЗ), частью 5 статьи 3 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» (далее - 223-ФЗ). Из законодательной трактовки данных определений можно выявить схожесть определения «участник закупки» в рассматриваемых федеральных законах, которая выражается в том, что под вышеуказанную трактовку попадает любое лицо независимо от организационной правовой формы, формы собственности, места нахождения и места происхождения капитала за исключениями, описанными в вышеуказанных федеральных законах. Различия трактовки исключений объяснимы различной спецификой регулирований закупочной

отношений для каждого федерального закона в отдельности и не имеют значимости в разрезе данного исследования.

Анализируя данные понятия, и буквально трактуя нормы законодательства, можно определить, что согласно тексту вышеуказанных статей, участником закупки может являться любой хозяйствующий субъект. С нашей точки зрения данное законодательное определение порождает ряд правоприменительных пробелов в юридической практике. Это выражается, в свою очередь, в ситуациях, когда происходит обжалование в антимонопольные органы закупочных документов участниками закупочной деятельности, которые не имеют возможности участия в определённой закупочной процедуре (например, отсутствует членство в необходимой саморегулируемой организации для выполнения подрядных работ, для выполнения которых членство в саморегулируемой организации является обязательным согласно нормам действующего законодательства, либо отсутствует лицензия на выполнение определённых видов услуг, таких как возможность оказания услуг по монтажу противопожарных систем или отсутствует лицензия на оказания охранных услуг), так

* Научный руководитель - Шпанягель Федор Федорович, кандидат юридических наук, доцент, Самарский государственный экономический университет.

как данные субъекты не соответствуют обязательным требованиям к участникам закупок. Тем самым происходит ситуация, при которой права обжалуемого субъекта никак не затрагиваются обжалуемой процедурой. Это законодательный пробел, который, в свою очередь, порождает негативную правоприменительную практику при рассмотрении жалоб на закупки, благодаря которой любые хозяйствующие субъекты (участники закупки), обладающие низким правосознанием, подают жалобу на закупку определённого заказчика не для того, чтобы восстановить свои нарушенные права, а для того, чтобы вынудить определённого заказчика следовать своим интересам (затянуть сроки заключения договора, увеличить цену по торговой процедуре, или откорректировать техническое задание или условия, необходимые ему для участия). Также возникают ситуации, когда недобросовестные хозяйствующие субъекты, используя данный законодательный пробел, занимаются шантажом и вымогательством денежных средств с заказчиков чтобы не блокировать заключения договора по определённой торговой процедуре. Аналогичную проблему поднимал в своей работе М. С. Соловьев, который указывал, что «предоставление права обжалования положений закупочной документации неопределённому кругу лиц, помимо стимулирования обращения к административному способу защиты, повлекло рост числа злоупотреблений. В ряде случаев целью подачи таких жалоб является не восстановление нарушенных прав, в том числе на равный доступ к закупкам, а причинение вреда добросовестным участникам оборота» [3].

До 29 декабря 2023 года сотрудники антимонопольной службы обязаны были принимать к рассмотрению данные жалобы, так как в действующем законодательстве было описано определение участника закупки таким образом, что под его трактовку попадали абсолютно все хозяйствующие субъекты и, в свою очередь, сотрудники антимонопольного ведомства не принимали данные жалобы к рассмотрению не имели никаких юридических оснований. Примером данного законодательного пробела может служить решение управления федеральной антимонопольной службы по Ростовской области (далее – УФАС России по Ростовской области) по делу № 061/06/54.3–1101/2021 от 25.06.2021 по жалобе общества с ограниченной ответственностью «Джули» на действия министерства транспорта Ростовской области. Комиссией УФАС России по Ростовской области принято решение о необоснованном формировании лота путем включения в него различные участки дорог в пределах одной области, что сократило число участников, привело к неэффективному расходованию бюджетных средств. Участник конкурса ООО «МОП КОМПЛЕКС 1» с указанными выводами не согласился и обжаловал данное решение в Арбитражный суд Ростовской области. Арбитражный суд Ростовской области признал действия заказчика правомерными, а также отметил, что податель жалобы является профессиональным жалобщиком, что в свою очередь подтвердил и представитель УФАС России по Ростовской области (за год деятельности общества с ограниченной ответственностью было подано более шестьсот шестидесяти девяти жалоб), а хозяйствующий субъект не принимал участия ни в одной конкурентной процедуре, не имеет обязательного членства в саморегулируемой организации, являющейся обязательным требованием для участия в данной процедуре. Также судом определено, что «механизм защиты прав участников закупки должен применяться в случаях действительных, а не мнимых нарушений прав и законных интересов участников закупки и не должен создавать предпосылки для нарушения публичных интересов»¹. В дальнейшем рассматриваемое выше решение

безуспешно пыталось обжаловаться в апелляционной и кассационной инстанции. Из данного примера следует, что сотрудникам антимонопольного ведомства при рассмотрении жалобы уже было известно, что заявитель является профессиональным жалобщиком, и его права и законные интересы никак не могли быть нарушены данной закупкой, но из-за законодательного пробела, а именно отнесения к участникам закупки абсолютно всех хозяйствующих субъектов не смогли критически отнестись как к самому заявителю, так и к доводам, указанным в жалобе, и только благодаря долгому судебному обжалованию неправомочное решение было изменено. В свою очередь данной ситуации, возможно, было бы избежать, если бы законодательно дефиниция «участник закупки» была отражена более корректно.

В дальнейшем были предприняты попытки к исправлению данной ситуации в рамках рассмотрения жалоб в рамках 44-ФЗ, а именно 29 декабря 2023 года были изданы «разъяснения центрального аппарата Федеральной антимонопольной службы в письме № МШ/112518/23 по вопросу принятия жалоб к рассмотрению. Которые установили в качестве обязательного условия для подачи жалобы в рамках 44-ФЗ нарушения прав и законных интересов участника закупки, а также наличие специальной правоспособности. В случае отсутствия одного из вышеуказанных условий жалоба должна быть оставлена без рассмотрения. Данный ведомственный нормативно-правовой акт частично позволил решить вышеописанную проблему, но, в свою очередь его издание породило следующий юридический пробел в законодательстве. Вышеуказанное разъяснение центрального аппарата федеральной антимонопольной службы является ведомственным нормативно-правовым актом, отражающим исключительно позицию антимонопольного ведомства по рассматриваемому вопросу, данное утверждение подтверждается позицией, отраженной в постановлении арбитражного суда Московского округа в котором обозначено, что «разъяснение Президиума Федеральной антимонопольной службы от 07.06.2017 № 8 О применении положений статьи 10 Закона о защите конкуренции является точкой зрения антимонопольного органа»². И как следствие, в настоящее время ведомственный нормативно-правовой акт органа исполнительной власти противоречит нормам действующего федерального законодательства о закупках, а именно пункту 1 части 2 статьи 105 44-ФЗ в которой говорится о том, что «жалобу на положения извещения об осуществлении закупки, документации о закупке может подать именно «участник закупки»»³, а как рассматривалось ранее в работе, 44-ФЗ определено, что участником закупки является любой хозяйствующий субъект, таким образом, ведомственный нормативно-правовой акт ограничивает нормы федерального законодательства, что, по нашему мнению, не является корректным. Обобщая вышесказанное можно сказать, что действующим законодательством нарушен принцип правовой определенности.

В 223-ФЗ на первый взгляд проблема «обилия типовых необоснованных жалоб, поданных хозяйствующими субъектами, обладающими низким правосознанием» решена пу-

1 Решение Арбитражного суда Ростовской области от 13.08.2021 по делу № А53-21288/2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/28e6763d-1526-475b-](https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/28e6763d-1526-475b-80b9-06549a6a1768/a6ebdde-9f25-421b-b65363882ca518f5/A53-21288-2021_20210814_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True/)

80b9-06549a6a1768/a6ebdde-9f25-421b-b65363882ca518f5/A53-21288-2021_20210814_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True/ (дата обращения: 20.01.2026).

2 Постановление арбитражного суда Московского округа по делу № А40-90347/17 от 12.04.2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1f3a59bf-86ea-4258-9e1b-53faa5705b08/1b1adf7b-ce7b-4c54-8b0e-74834a1db299/A40-90347-2017_20180412_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True/ (дата обращения: 20.01.2026).

3 Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 20.01.2026).

тем указания в части 10 статьи 3 отсылочной нормы о том, что порядок обжалования процедуры закупки и положений документации установлен в статье 18.1 135-ФЗ «О защите конкуренции». В которой указано, что обжаловать документацию о закупке до наступления срока окончания подачи заявок может неопределённый круг лиц, права, и законные интересы которых могут быть нарушены. Данная позиция подтверждена определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 30.01.2026 № 310-ЭС25-11008 по делу № А14-7449/2024. Но в свою очередь, проведя анализ решений по жалобам, рассмотренным федеральной антимонопольной службы, можно сделать вывод о том, что вопрос о нарушении действиями заказчика прав и законных интересов заявителя непосредственно при обжаловании закупки по поставке товаров, оказание услуг, не требующих специальных разрешений, решить довольно-таки сложно, так как большинство компаний уже на этапе создания открывают как можно больше позиций в общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, а оставляя жалобу без рассмотрения по причине отсутствия опыта в поставке определенного товара, или выполнения определенного вида услуг или работ будет явно неправомерным. Исходя из вышеизложенного, в настоящее время существует законодательный пробел, используемый для массовой подачи типовых и необоснованных жалоб на закупку «хозяйствующими субъектами, обладающими низким правосознанием» по 223-ФЗ с целями, отличными от восстановления нарушенных прав и законных интересов обжалуемой закупкой. Схожей позиции в своей монографии придерживаются Моисеев С. В., Моисеева П. С., которые считают, что «в России 44-ФЗ, 223-ФЗ и другие законы, регулирующие сферы торгов различными видами ресурсов, стали основой для «профессиональных жалобщиков», для «честных» участников торгов, для «борцов за честность». Указанные выше российские законы не создают достаточно преград для такой деятельности» [2]. Вышеуказанное утверждение также находит свое отражение при анализе статистики поданных жалоб в Новосибирское управление федеральной антимонопольной службы России в рамках 223-ФЗ за период с 2023 по 2025 годы. Исходя из указанного анализа, следует вывод о том, что «в целом по всей совокупности жалоб практика Новосибирского управления показывает, что только 30 % признаются обоснованными и 70 % необоснованными» [1]. Данная проблема стоит в 223-ФЗ наиболее остро в силу того, что поводов для подачи жалобы на документацию о закупке намного больше, в силу того, структурой рассматриваемого федерального закона дано право заказчикам самостоятельно определять требования к участнику, и требования к составу информации и документов, предъявляемых участнику закупки. Схожей позиции придерживается В. Ю. Трутнева, которая «полагает, что отсутствие конкретики в некоторых запретах, касающихся формирования требований к участникам закупки и составу их заявок, вкупе с ориентацией правоприменителей на общие принципы Закона о закупках вместо конкретных норм при решении споров, порождает неопределённость, приводящую к нарушениям законодательства» [4]. Данный пробел в законодательстве порождает дополнительные трудности при осуществлении закупочной деятельности добросовестным заказчиком, а также повышает нагрузку на сотрудников антимонопольного ведомства, заставляя рассматривать в большинстве своем типовые жалобы в «огромном» количестве, тем самым существенно увеличивая нагрузку и уменьшают коэффициент полезности контрольного органа, что в свою очередь не может не сказаться на состоянии конкуренции в целом в экономической сфере нашего государства.

Исправить первый рассмотренный в работе законодательный пробел возможно, внося корректировку в пункт 1 части 2 статьи 105 44-ФЗ (регулирующий порядок подачи

жалобы, а также определяющую какой субъект может ее подавать), а именно, определить, что подать жалобу может не любой участник закупки, а только тот, чьи права и законные интересы нарушены. Данную корректировку предлагается осуществить путем дополнения второго предложения данного пункта следующим текстом: права и законные интересы, которого при осуществлении закупки нарушены действиями (бездействием) субъекта контроля. Данное изменение позволит обеспечить единообразную трактовку понятия «участник закупки» в 44-ФЗ и рассмотренном ранее в исследовании разъяснении центрального аппарата федеральной антимонопольной службы в письме № МШ/112518/23, также, а обеспечит гармонизацию законодательства о закупках.

Исправить второй рассмотренный в работе законодательный пробел возможно, внося корректировку в часть 5 статьи 3 223-ФЗ, которая уточнила бы дефиницию «участник закупки» дополняя действующую норму условием о том, что участником закупки является именно лицо, подавшее заявку на участие в закупке. Данное изменение позволит нивелировать основной поток «обилия типовых необоснованных жалоб, поданных хозяйствующими субъектами, обладающими низким правосознанием», поданных в рамках обжалования закупок по 223-ФЗ, так как большая часть данных жалоб приходится на закупки, осуществляемые на общих основаниях. Вышеуказанные изменения не коснутся закупок, участниками которых являются только субъекты малого и среднего предпринимательства, так как в указанных закупках установлен закрытый перечень требований к составу информации и документов, предоставляемых участникам, а как уже отмечалось выше в работе, количество жалоб, поданных на документацию о закупках в рассматриваемых закупках ничтожно мал. Таким образом, при внесении указанной законодательной корректировки, появится своеобразный «имущественный ценз» (закрывающий в себе обязанности платить взнос, который берут электронные торговые площадки за подачу заявки на участие в закупках на общих основаниях), именно это позволит уменьшить количество хозяйствующих субъектов, обладающих низким правосознанием подающих типовые заведомо необоснованные жалобы, направленные исключительно на преследование их интересов находящихся за пределами правового поля.

Пристатейный библиографический список

1. Мещерягина В. А., Мусихин Ю. В. Практика рассмотрения жалоб в рамках процедуры закупки товаров по 223-ФЗ с применением разного подхода к участникам с разными системами налогообложения // Экономическая безопасность - XXI век: вопросы теории и практики: сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 08 апреля 2025 года. – Екатеринбург: Уральский государственный горный университет, 2025. – С. 169-173. – EDN KHEDLF.
2. Моисеев С. В., Моисеева П. С. Другая парадигма конкуренции. Тезисы. Критика, примеры и предложения // Актуальные вопросы развития науки и современного общества: монография. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2025. – С. 5-34. – EDN NXJMUА.
3. Соловьев М. С. Специальная административная жалоба в сфере публичных закупок: о формировании нового квазисудебного процесса // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2018. – № 4. – С. 112. – EDN YKWHVJ.
4. Трутнева В. Ю. Образцы закупаемого товара как вид неправомерного требования к составу заявки участника «корпоративной закупки» // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 287-290. – DOI 10.47643/1815-1329_2025_4_287. – EDN KYKZUH.

СМИРНОВ Петр Валериевич

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы; юрист, генеральный директор ООО «Правовой центр «Смирнов и партнеры»

К ВОПРОСУ О СРЕДСТВАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В ЧАСТНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

В статье рассматриваются правовые, экономические и административные средства государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов. Автор уделяет внимание отдельным видам средств, проводится их анализ, а также предлагаются меры по устранению существующих проблем в отдельных механизмах государственного регулирования. По итогам исследования автором отмечается необходимость государственного вмешательства в предпринимательскую деятельность в целях соблюдения прав и законных интересов социума как «слабой стороны» в профессиональных отношениях.

Ключевые слова: государственное вмешательство, частный интерес, публичный интерес, средства государственного воздействия, императивность.

SMIRNOV Pyotr Valerievich

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; Lawyer, General Director of the Legal Center Smirnov and Partners LLC

ON THE ISSUE OF STATE INTERVENTION IN THE PRIVATE ACTIVITIES OF ECONOMIC ENTITIES

The article examines the legal, economic, and administrative means of state intervention in the private activities of economic entities. The author pays attention to specific types of means, analyzes them, and proposes measures to address existing problems in certain mechanisms of state regulation. Based on the results of the study, the author emphasizes the need for state intervention in entrepreneurial activities to ensure the rights and legitimate interests of society as a "weak party" in professional relations.

Keywords: state intervention, private interest, public interest, means of state influence, and imperativeness.

Смирнов П. В.

Введение

Государство, выступая одним из главных регуляторов общественных отношений, имеет непосредственное влияние на экономическую составляющую таких отношений. Частная деятельность хозяйствующих субъектов, несмотря на рыночный характер российской экономики, находится под пристальным вниманием государства. При этом, именно рыночный тип экономики обуславливает необходимость постоянного изменения пределов государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов, поскольку основной задачей государства в данных отношениях является не прямое распределение товаров и услуг, а эффективное регулирование рыночных механизмов в целях дальнейшего развития экономики.

В сложившихся социально-экономических условиях государство берет на себя ответственность за справедливое распределение ресурсов, обеспечение условий для развития предпринимательства, защиту конкуренции, в связи с чем направления государственного вмешательства в частную деятельность обусловлены созданием эффективной правовой базы частных отношений, стабильной экономики, обеспечению социальных функций. В связи с изложенным, видится, что перед государством и обществом стоит задача соблюдения баланса между публичным и частным интересом, разработка адекватного механизма и пределов государственного вмешательства в частную деятельность. В рамках настоящего исследования будут обозначены некоторые средства государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов, а также определена их значимость для рыночных отношений.

Основная часть

Общие положения о средствах государственного регулирования частной деятельности

Прежде чем перейти к анализу конкретных средств государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов, необходимо отметить, что государство выполняет множество функций в экономических отношениях в целом. Через свои функции государство создает правовые основы регулирования частной деятельности, обеспечивает стабильность экономики, а также социальные гарантии. Государство участвует в экономических отношениях либо непосредственно – через государственные органы, т.е. используя административные методы воздействия, либо опосредованно – через созданные им юридические лица и выступая стороной в частных отношениях.

Особый статус государства определяется возможностью вмешиваться в частные отношения любыми средствами, в том числе с использованием методов принуждения. Однако, в связи с тем, что рыночная экономика основана на свободе предпринимательства, равенстве субъектов гражданских правоотношений, своим вмешательством государство может помехи в нормальном функционировании экономической деятельности, поэтому на государстве лежат задачи не только создания благоприятных механизмов для развития экономики в целом, но и создание таких средств вмешательства, которые будут отвечать общественному благосостоянию.

Под средствами государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов следует понимать систему различных методов и инструментов, с помощью которых государство воздействует на частные от-

ношения в целях достижения баланса между публичным и частным интересами, социальных и экономических задач. К числу таких средств относятся: правовые, экономические и административные. Грамотное сочетание представленных средств позволяет государству являться активным регулятором частных отношений, при этом с учетом общественных и предпринимательских интересов.

Правовые средства государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов

Несмотря на преимущества рыночного типа хозяйствования, необходимо отметить, что сама по себе рыночная экономика не способна автоматически регулировать социальные и экономические процессы, справедливо распределять доходы и защищать от монополий в отдельных сферах хозяйствования, гарантировать право на труд и т.д. В этой связи на государство ложится ответственность по установлению правовых основ экономического порядка, создания институтов государственного контроля за осуществлением деятельности частными лицами, непосредственного участия в производственных процессах, поддержания отдельных отраслей хозяйства. Как отмечает в одном из своих исследований Фролова Е. Е., «государство теряет облик чуждой обществу силы, приверженной насилию и подавлению личной инициативы. Государство обретает черты «арбитра», регулирующего социальные взаимосвязи» [4].

Правовые средства подразумевают собой систему нормативных правовых актов, регулирующих частную деятельность. Субъекты хозяйствования обязаны соблюдать закон, требования, предъявляемые как к ним самим, так и к их деятельности.

Основным законом, регулирующим экономические отношения, является Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Как указано в ч. 2 ст. 1 указанного закона, «целями настоящего Федерального закона являются обеспечение единства экономического пространства, свободного перемещения товаров, свободы экономической деятельности в Российской Федерации, защита конкуренции и создание условий для эффективного функционирования товарных рынков»¹.

Существенным является тот факт, что данный закон распространяет свое действие на участников хозяйственных отношений, устанавливая для них определенные правила поведения. При этом, закон также защищает не только самих «предпринимателей», которые вправе обратиться с жалобами в государственные органы по вопросам обоснованности заключения договоров, изменения условий договоров, повышения цен и т.д., но и позволяет одновременно осуществлять контроль за действиями местных властей в части расходования бюджетных средств, проведению торгов и др. Так, антимонопольным органом была рассмотрена жалоба органа социальной защиты населения с жалобой на действия бюджетного учреждения социального обслуживания по проведению закупок обуви, одежды, нижнего и постельного белья для нужд учреждения без организации и проведения процедуры торгов, что содержит признаки нарушения антимонопольного законодательства. Решением Ивановского УФАС России действия учреждения и индивидуального предпринимателя признаны нарушением ФЗ «О защите конкуренции», поскольку ими заключено антиконкурентное соглашение, результатом которого является заключение договоров

без проведения конкурентных процедур посредством искусственного дробления закупки².

При использовании правовых методов регулирования деятельности частных субъектов, немаловажным является тот факт, что Российская Федерация располагает огромной территорией с различными климатическими условиями, месторождениями, и иными факторами, которые не позволяют обеспечить равные условия развития предпринимательской и социальной среды путем только федерального регулирования хозяйственных отношений. В связи с этим, на конституционном уровне закрепляется возможность осуществления собственного правового регулирования субъектами РФ (ст. 76 Конституции РФ), что делает возможным снизить неравномерность в развитии отдельных регионов, а также повысить экономический уровень региона в зависимости от его особенностей.

Кроме того, законодатель, осознавая территориальные различия субъектов РФ, устанавливает особые экономические зоны, на которых «действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности»³. Статус особо экономической зоны устанавливается для решения государственных и экономических задач. Так, промышленно-производственные зоны устанавливаются в целях производства и переработки товаров. В качестве примера можно привести «титановую долину», расположенную в Свердловской области, которая ориентирована на развитие авиакосмической отрасли, медицины. Осуществление деятельности в особых экономических зонах также стимулируется государством путем предоставления налоговых льгот, таможенных преференций и т.д.

Еще одним правовым средством государственного регулирования частной деятельности, является принятие программ социально-экономического развития. Программы направлены не только на социальные сферы жизни, но и принимаются в целях разрешения некоторых экономических проблем в развитии регионов. К примеру, национальный проект «Эффективная и конкурентная экономика», направлен на поддержку малого и среднего предпринимательства, на рост инвестиций в различных секторах экономики⁴.

Таким образом, правовые средства государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов, устанавливает нормативные правила поведения участников гражданских правоотношений не только в целях их унификации, соблюдения баланса прав и свобод, свободы конкуренции, но и в целях реализации контрольных функций государства за поведением субъектов.

Экономические средства государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов

К числу экономических средств, используемых государством для непосредственного регулирования деятельности хозяйствующих субъектов, относится фискальная политика, предоставление государственных гарантий и субсидий. Как отмечалось в одном из постановлений Конституционного

1 О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 24.06.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

2 Решение Ивановского УФАС России от 11.07.2025 по делу № 037/01/11-45/2025 // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=5A9E47C983450B4043E6EDB970C2F320&mode=backrefs&base=RGS&n=85643&BASENODE=IliMSwzMjg3NCwzMjg3NCliLCliMiwNxCxBUChIlg&rnd=WRCgw#cJqeSAVJDGNoc8W5> (дата обращения: 01.02.2026).

3 Об особых экономических зонах в Российской Федерации: Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.

4 Эффективная и конкурентная экономика. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_effektivnaya_i_konkurentnaya_ekonomika/ (дата обращения: 01.02.2026).

Суда РФ, «регулируя деятельность коммерческих организаций, федеральный законодатель обязан учитывать, что возможные ограничения ее свободы и свободы договоров должны отвечать требованиям справедливости, быть адекватными цели защиты конституционных ценностей, в том числе прав и законных интересов других лиц, а государственное вмешательство - обеспечивать частное и публичное начала в сфере экономической деятельности»⁵. Соответственно, несмотря на публичность экономических средств, они должны быть направлены на достижение баланса частных и публичных интересов, поскольку без соблюдения данного баланса, рыночная экономика как правовое явление, в принципе существовать не может.

Фискальная политика с одной стороны характеризуется установлением обязательных правил для участников хозяйственных отношений, но в то же время, в зависимости от действующего в моменте типа политики, направлена либо на стимулирование экономического роста (экспансионистская) путем снижения налоговых ставок, предоставления налоговых льгот в наиболее важных отраслях, либо наоборот, на его замедление (рестриктивная), путем повышения налоговой ставки и сокращения государственных расходов.

Фискальная политика также позволяет решить социальные задачи за счет перераспределения доходов, «выравнивания» социальной справедливости. Ярким примером здесь может послужить введение в Российской Федерации с 1 января 2025 года прогрессивной шкалы налогообложения. Таким образом, государство за счет доходов граждан РФ, обеспечило себе дополнительный источник дохода для достижения публичных интересов. Конечно, для хозяйственной деятельности, данный фактор сказался достаточно негативно. Возможно, в будущем граждане начнут скрывать часть своих доходов, во избежание повышенного налогообложения, что в очередной раз может привести к росту «серой» экономики. Кроме того, введение данной системы может спровоцировать рост количества судебных споров с налоговыми органами. Но, тем не менее, государство, являясь регулятором хозяйственных отношений, внедрил прогрессивную шкалу для достижения отдельных поставленных задач – снижения неравенства доходов населения, развития отдельных регионов.

Фискальная политика позволяет воздействовать на все социальные и экономические сферы, поскольку напрямую влияет на цены и инфляцию, способствует равномерному распределению доходов. В случае, если фискальная политика направлена на стимулирование экономического роста, она не только позволяет повысить уровень потребления и объемов производств, но и решить социальную задачу в виде создания новых рабочих мест, снижению уровню безработицы и т.д.

Следующим экономическим средством являются государственные расходы. Данная категория достаточно широкая, включает в себя как расходы на социальные и военные нужды, так и бюджетные инвестиции в отдельные сферы хозяйствования. При этом, следует отметить, что понятие бюджетных инвестиций отличается от понятия инвестиций в классическом его понимании.

Если инвестиции в общем смысле следует понимать как вложение денежных средств или материальных активов в целях получения полезного результата в будущем, то в соответствии с Бюджетным кодексом РФ, «бюджетные инвестиции - бюджетные средства, направляемые на создание или увеличение за счет средств бюджета стоимости государственного (муниципального) имущества»⁶. Из легального определения

можно сделать вывод, что фактически под бюджетной инвестицией понимается увеличение имущественной части казны (публичного имущества) за счет уменьшения ее денежной части.

В целом, бюджетные инвестиции направлены либо на увеличение стоимости уже существующих объектов публичной собственности, либо на создание таких объектов. Бюджетная инвестиция выступает в качестве материальной помощи регионам, унитарным предприятиям, фондам и т.д. Кроме того, бюджетные инвестиции могут быть направлены и в адрес частных юридических лиц, после чего возникает право публичной собственности на ту часть капитала юридического лица, которая эквивалентна стоимости предоставляемой инвестиции.

Решение о предоставлении бюджетной инвестиции ежегодно включается в закон о бюджете, с указанием адресата, целей и объемов предоставляемых инвестиций. К примеру, на 2026 год предоставлена субсидия акционерному обществу «Российский Сельскохозяйственный банк» в целях возмещения недополученных доходов по льготным кредитам, выданным акционерному обществу «Росгеология»⁷.

Из изложенного можно сделать вывод, что бюджетные инвестиции в некоторой степени противоречат классическому пониманию инвестиций, поскольку они не направлены на достижение прибыли в будущем, порядок получения такой прибыли не регулируется действующим законодательством. Соответственно, бюджетные инвестиции можно рассматривать как экономическое средство государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов путем предоставления последним денежного актива для достижения поставленных задач. К числу бюджетных инвестиций также следует отнести гранты (к примеру, на 2026 год утвержден Грант в форме субсидии Государственному бюджетному общеобразовательному учреждению города Москвы «Школа-интернат № 1 для обучения и реабилитации слепых» Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы на содержание и функционирование Всероссийского центра для слепых обучающихся, проявивших выдающиеся академические способности).

Особое место среди бюджетных инвестиций занимают государственные, федеральные и региональные целевые программы, направленные на создание комфортного проживания граждан в стране, поддержку отдельных категорий граждан, развитие отдельных отраслей промышленности и производства. Данное средство является важнейшим направлением государственного вмешательства в хозяйственную деятельность, поскольку непосредственно влияет на развитие отдельных регионов, отраслей, а, соответственно, и на экономику страну в целом.

Целевые программы выступают универсальным средством достижения максимально полезного эффекта: с одной стороны предоставление и обеспечение конкретной отрасли или региона в виде вложений государства, с другой стороны, после реализации программы, пополнение государственного бюджета за счет увеличения налоговых поступлений от конкретного субъекта или региона. Кроме того, государственные программы направлены не только на материальное благополучие обеих участников программы, но и на разрешение социальных задач в виде улучшения инфраструктуры, увеличения рабочих мест. В данном случае предоставление бюджетных средств на реализацию государственной программы можно рассматривать как инвестицию в классическом понимании.

Предоставление субсидий хозяйствующим субъектам достаточно подробно регулируется бюджетным законода-

5 Постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2018 № 32-П // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 30. – Ст. 4810.

6 Бюджетный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

7 О федеральном бюджете на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов: Федеральный закон от 28.11.2025 № 426-ФЗ // Российская газета. – 2025. – № 278-279.

тельством. Как уже было отмечено, по результату предоставления субсидии, выигрывают обе стороны. Однако, как указывается исследователями, существование данного института не решает проблемы привлечения частных инвестиций в отдельные сферы хозяйствования, поскольку при предоставлении субсидии на реализацию какой-либо государственной программы, государство преследует, прежде всего, свои интересы [1].

Кроме того, не следует забыть и об особой отчетности по расходованию бюджетных средств. С одной стороны, это вполне обоснованно, поскольку государство осуществляет контроль за расходованием его денежных средств, с другой стороны, помимо заказчика и координатора целевой программы, отчеты предоставляются и в соответствующие государственные органы, что негативно отражается на самом частном лице, получившем данную субсидию.

В подтверждение данного довода, представляется интересным анализ судебной практики, которая, во-первых, располагает достаточно широкой базой арбитражных споров, во-вторых, различные органы власти обращаются в суды со своими требованиями, что еще раз говорит о перегруженности финансового контроля. Так, одним из судов рассматривалось дело по иску прокурора, в котором в ходе проверки выявлено нарушение обществом законодательства, выразившееся в получении одновременно двух мер государственной поддержки из бюджета (субсидии и гранта) на фактически совпадающие цели⁸. В другом случае, в суд обратилось Министерство сельского хозяйства, которое указывало на нарушение обществом законодательства РФ, выразившееся в отсутствии его на дату подачи заявки на получение субсидии в едином реестре субъектов малого и среднего предпринимательства, и на невозврат бюджетных средств⁹.

Следует также отметить, что контроль за расходованием средств является достаточно жестким, поскольку если в процессе реализации деятельности предоставленная субсидия хоть и была использована в этой сфере, может быть произведено взыскание денежных средств за несоответствие статьи расходов. К примеру, в рамках проведения мониторинга за соблюдением условий, целей и порядка предоставления гранта установлено, что часть средств гранта по направлению расходов «аренда нежилого помещения» вместо аренды была израсходована в качестве оплаты по договорам на размещение нестационарного торгового объекта¹⁰.

Изложенное позволяет сделать вывод, что в настоящее время действительно существует проблема избыточного государственного контроля за реализацией субсидий и гран-

тов. Органы государственного контроля зачастую выходят за рамки своих полномочий, что, судя по всему, самим государством и поощряется. В ходе осуществления контроля за расходованием предоставленных бюджетных средств, фактически под контроль попадает вся деятельность участника целевой программы, что не соответствует как раз соблюдению баланса между публичным и частным. Видится, что на законодательном уровне необходимо разработать четкий механизм государственного контроля за реализацией целевых программ, который будет отвечать не только интересам публичным, но и частным, т.е. осуществление контроля непосредственно за тем инвестиционным проектом, на которые направлены денежные средства. Кроме того, необходимо определить конкретный перечень полномочий государственных органов, осуществляющих контроль, что проверка реализации инвестиционного проекта не превращалась в проверку всей хозяйственной деятельности частного лица.

Как отмечает в одном из своих исследований Шохин С. О., «контроль - достаточно дорогая процедура. Цена контроля может многократно превышать значимость его результатов» [5]. Соответственно, послабление контроля в этой сфере позволит значительно упростить деятельность субъектов хозяйствования, что даст толчок к дальнейшему развитию отраслей и регионов, вовлечению частных инвесторов в решение государственных задач.

Административные средства государственного вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов

Административные средства характеризуются прямым вмешательством государства в частную деятельность, поскольку само их название говорит о наличии отношений «власти-подчинения», императивности. В этой связи, с учетом конституционного закрепления свободы экономической деятельности, свободы конкуренции, государству необходимо постоянно регулировать баланс соотношения публичного и частного, поскольку чрезмерное администрирование может повлечь чрезмерную жесткость в реализации им своих полномочий, автоматически нарушив права частных лиц.

При этом, необходимость существования административных средств вмешательства в деятельность субъектов хозяйствования обусловлена, в первую очередь, недопущением нарушения прав потребителей товаров и услуг. Введение стандартов качества к определенным товарам, экологических и санитарных норм, а также других «ограничивающих» факторов, безусловно, положительным образом отражаются на благополучии населения, защищают право на нормальную экологическую среду и здоровье.

В силу своего властного характера, административное регулирование отличается вертикальным характером отношений, имея в своем арсенале достаточно много средств воздействия на общественные отношения. В реализации данных средств сталкиваются две противоположности: с одной стороны императивный характер предписаний, а с другой – свобода и равенство субъектов. В этой связи представляется логичным рассмотрение института лицензирования, поскольку он имеет особое значение в социально-экономическом развитии.

Институт лицензирования является достаточно сложным правовым явлением, поскольку даже в теории административного права не сложилось единого подхода относительно его определения. Одни авторы рассматривают лицензирование как процесс выдачи разрешение на занятие конкретной деятельностью, другие говорят об оказании государственной услуги, механизме государственного регулирования [2, С. 28 - 30].

С точки зрения лицензирования как правового института, его следует определить как определение соответствия деятельности хозяйствующих субъектов законодательным

8 Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.02.2026 № Ф04-3728/2025 по делу № А27-17901/2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C3Bo24C39BDEEoDo6526D7142BA00E4D&mode=backrefs&base=AZS&n=219511&BASENODE=IiIiMiwyMDEsRkFTIiIsIiIyLDIwMCxBUyIiLCIiMiwyLEFSQilIlg&rnd=WRCgw#SaoJUAVv8ruHetga> (дата обращения: 03.02.2026).

9 Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26.01.2026 № Ф08-9219/2025 по делу № А25-3179/2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C3Bo24C39BDEEoDo6526D7142BA00E4D&mode=backrefs&base=ASK&n=217201&BASENODE=IiIiMiwyMDEsRkFTIiIsIiIyLDIwMCxBUyIiLCIiMiwyLEFSQilIlg&rnd=WRCgw#25WLUAV649zcrELB1> (дата обращения: 03.02.2026).

10 Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21.01.2026 № Ф10-4013/2025 по делу № А83-24366/2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=C3Bo24C39BDEEoDo6526D7142BA00E4D&mode=backrefs&base=ACN&n=166357&BASENODE=IiIiMiwyMDEsRkFTIiIsIiIyLDIwMCxBUyIiLCIiMiwyLEFSQilIlg&rnd=WRCgw#oQVKUAVugBDA9k9w1> (дата обращения: 03.02.2026).

требованиям. Однако, с учетом того, что лицензирование относится к административной процедуре, поскольку выдача лицензий осуществляется государственными органами, институт лицензирования следует рассматривать как воздействие государства на хозяйствующие субъекты путем предъявления к ним требований соответствия, взамен обеспечивая их специальным статусом.

Институт лицензирования играет важную роль в развитии экономической сферы государства, поскольку позволяет регулировать осуществление предпринимательской деятельности в особых сферах в строгом соответствии с действующим законодательством. Соответственно, само лицензирование является и регулятивным средством, так как позволяет осуществлять контроль за предпринимательской деятельностью субъекта.

Сферы деятельности, подлежащие лицензированию, находятся под пристальным вниманием государства, что говорит о значимости данных сфер не только для самого государства, но и общества. Предполагается, что хозяйствующий субъект, имеющий лицензию, подвержен более строгим правилам поведения на рынке, а государство в лице органов исполнительной власти, выдавая ему лицензию, в некоторой степени выступает гарантом доверия к данному субъекту. Данное положение подтверждается целями лицензирования, определенными в законе – «предотвращения ущерба правам, законным интересам, жизни или здоровью граждан, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, обороне и безопасности государства»¹¹.

При этом, следует отметить, что требования к осуществлению предпринимательской деятельности, подлежащей лицензированию, не должны нарушать принципу свободы осуществления предпринимательской деятельности и препятствовать ее осуществлению [3]. В этом смысле перед государством опять же ставится задача обеспечения баланса публичных и частных начал в сфере хозяйствования.

Сложность института лицензирования заключается в том, что к каждому лицензируемому виду деятельности предъявляются свои требования соответствия, имеются различия в сроках действия лицензии. Также не исключаются проблемы осуществления лицензионного контроля в той степени, в которой этого ожидается от государственных органов, в частности в отношении неполных проверок на соответствие лицензионным требованиям. Результатом таких упущений являются многочисленные судебные споры о привлечении к административной ответственности, о приостановлении действия лицензий в связи с многочисленными нарушениями законодательства, в особенности, в области санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защиты прав потребителей, законодательства о пожарной безопасности¹².

Особенно остро ощущаются ситуации, когда после проведенных проверок, в результате которых действие лицензий приостановлено или лицензия аннулирована, хозяйствующие субъекты продолжают осуществление предпринимательской деятельности. Конечно, законодательством предусмотрена ответственность за такие нарушения, но пока данный факт выявится, могут произойти негативные последствия.

В целом, можно сделать вывод, что лицензирование существует только в тех сферах хозяйственной деятельности, которые находятся под пристальным вниманием государства и требуют соответствий. В некоторой степени получение лицензии является гарантом качества и защитой неопределенного круга лиц, потребляющих товары и услуги. Данное средство является жестким методом государственного регулирования хозяйственной деятельности, но в то же время обусловлено значимостью лицензируемых видов деятельности как для государства, так и для общества.

Выводы

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что государство располагает массивным набором средств вмешательства в частную деятельность хозяйствующих субъектов. Вся совокупность средств государственного вмешательства направлена на эффективное использование бюджетных средств, реализацию социально-значимых программ, развитие экономики регионов.

Отдельные виды средств государственного вмешательства преследуют свои цели, которые в общем сочетании отвечают социальным и экономическим интересам. Перед государством стоит сложная задача в части соблюдения баланса публичных и частных интересов, который должен быть обеспечен грамотным сочетанием правовых, экономических и административных средств государственного воздействия на хозяйственные отношения. Резюмируя, следует отметить, что несмотря на жесткость некоторых процедур и осуществление чрезмерного контроля за деятельностью хозяйствующих субъектов, данная деятельность позволяет поддерживать порядок в предпринимательских отношениях, что является гарантом недопущения прав и законных интересов «непрофессиональных участников» таких отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Куликов В. М. Предложения по совершенствованию грантовой поддержки и субсидирования субъектов малого предпринимательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 2-3 (89). – С. 220-222. – Текст: непосредственный.
2. Стандзень Л. В. Лицензионно-разрешительная система: монография. – Москва, 2021. – С. 28-30. – 272 с. – ISBN 978-5-392-32761-4.
3. Суслова М. В. Назначение института лицензирования предпринимательской деятельности // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 112-113. – Текст: непосредственный.
4. Фролова Е. Е. К вопросу правового обеспечения формирования гражданского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2016. – № 1. – С. 36-40. – Текст: непосредственный.
5. Шохин С.О. Правовые проблемы финансирования федеральных целевых программ // Юридический мир. – 2014. – № 1. – С. 51-55. – Текст: непосредственный.

11 О лицензировании отдельных видов деятельности: Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 19. – Ст. 2716.

12 Апелляционное определение Омского областного суда от 16.07.2025 № 33-3915/2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=9FCD8AE60DC463CBFF1275D67738054C&mode=full&plus&base=SOSB&n=358036&BASENODE=IiIiMiwyMDYsU09KTiIiLCIiMiwyMTksU09KIiIsIiIyLDIsQVJCIiIi&rnd=W8KdSAV3MedvFgk5#JfEgUAVYdZecmSmp> (дата обращения: 04.02.2026).

ТУЖИЛКИНА София Сергеевна

независимый исследователь, г. Владивосток

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ПРИМЕНЕНИЯ СУДАМИ РФ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ, СОДЕРЖАЩИХ КОНТРСАНКЦИОННЫЕ МЕРЫ В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

В условиях экономического давления на Российскую Федерацию со стороны недружественных государств возникает необходимость трансформации подходов к регулированию интеллектуальной собственности. Законодателем были введены специальные механизмы защиты национальных интересов, включая особый порядок исполнения обязательств перед иностранными правообладателями. Однако эффективность данных мер раскрывается лишь в процессе правоприменения. Цель настоящей статьи – проанализировать контрсанкционные меры РФ в сфере интеллектуальной собственности и выявить особенности их отражения в судебной практике.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, защита интеллектуальной собственности, интеллектуальные права, контрсанкции, реторсии, судебная практика, цессия, злоупотребление правом.

TUZHILKINA Sophiya Sergeevna

independent researcher, Vladivostok

ANALYSIS OF THE PRACTICE OF APPLYING REGULATORY ACTS CONTAINING COUNTER-SANCTIONS IN THE FIELD OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION BY RUSSIAN COURTS

In the context of economic pressure exerted on the Russian Federation by unfriendly foreign states, the need has arisen to transform approaches to the regulation of intellectual property. Russian legislators have introduced special mechanisms to protect national interests, including a specific procedure for fulfilling obligations to foreign right holders. However, the effectiveness of these measures can only be revealed in the process of their practical application. The purpose of this article is to analyze Russia's counter-sanction measures in the field of intellectual property and to identify the key features of their interpretation and implementation in judicial practice.

Keywords: intellectual property, protection of intellectual property, intellectual rights, counter-sanctions, retorsions, judicial practice, cession, abuse of right.

В настоящее время открыто констатируется экономическое противостояние между Российской Федерацией и рядом недружественных иностранных государств. Указанное противостояние выражается, в том числе, в применении ограничительных политических и экономических мер в отношении России, что неизбежно влечет трансформацию подходов к регулированию имущественных отношений, включая сферу интеллектуальной собственности.

Российское законодательство предусматривает механизмы защиты национальных интересов в условиях внешнего давления. Согласно статье 1194 ГК РФ Правительством Российской Федерации могут быть установлены ответные ограничения (реторсии) в отношении имущественных и личных неимущественных прав граждан и юридических лиц государств, в которых имеются специальные ограничения имущественных и личных неимущественных прав российских граждан и юридических лиц.

В законодательстве РФ реторсии также закреплены в п. 4 ст. 398 ГПК РФ, п. 4 ст. 254 АПК РФ. Согласно ст. 4 Федерального закона от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах» (далее – 281-ФЗ), Президент РФ на основе предложений Совета Безопасности принимает решение о применении экономических мер, а

далее Правительство РФ устанавливает перечень конкретных ограничений.

Цель реторсий – добиться отмены дискриминационной политики, восстановить применение принципа взаимности в отношениях между государствами. Стоит отметить, что применение реторсий не нарушает принципа недискриминации [1, с. 209].

Российская Федерация принимает комплексные меры в отношении юридических и физических лиц, аффилированных с недружественными государствами.

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 № 430-р утвержден Перечень иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц.

Указом Президента Российской Федерации от 27.05.2022 № 322 (далее – Указ № 322) установлен временный порядок исполнения обязательств перед некоторыми правообладателями. Рассматривая в своей работе данный нормативный акт, Ходаков И. Д. подчеркивает: Указ № 322 не ограничивает исключительное право в части возможности правообладателей использовать, распоряжаться или защищать свое право на объекты интеллектуальной собственности. Его целью является защита российских лицензиатов от неисполнения своих

обязательств в случае недобросовестных действий правообладателей [2, с. 308].

Постановлением Правительства РФ от 28.06.2023 № 1057 в п. 1 постановления Правительства РФ от 29.03.2022 № 506 внесены изменения, согласно которым Министерство промышленности и торговли РФ утверждает перечень товаров, в отношении которых не применяются положения ст. 1252, 1254, п. 5 ст. 1286.1, ст. 1301, 1311, 1406.1, пп. 1 ст. 1446, ст. 1472, 1515 и 1537 ГК РФ при условии введения указанных товаров в оборот за пределами территории РФ правообладателями (патентообладателями), а также с их согласия.

При этом в доктрине отмечается, что частичное снятие запрета на параллельный импорт – это не контрсанкция России, а действенный способ насытить российский рынок привычной всем зарубежной продукцией и предотвратить дефицит товаров [3, с. 75]. В связи с этим исследование практики по данному вопросу не входит в предмет настоящей статьи.

Актуальность темы обоснована экстраординарным характером современных экономических и политических вызовов, с которыми сталкивается Российская Федерация. Согласимся также с Черничкиной Г. Н., которая указывает, что определение баланса прав и интересов участников гражданских правоотношений в последнее время все более приобретает существенное значение при разрешении споров, связанных с использованием интеллектуальной собственности в гражданском обороте [4, с. 132].

Тема остается слабоизученной в отечественной правовой доктрине. Это обусловлено как новизной явления, так и динамичностью развития законодательства и правоприменительной практики. На сегодняшний день практически отсутствуют научные работы, комплексно оценивающие влияние исследуемых нормативно-правовых актов на институт защиты интеллектуальных прав. Фрагментарность научных работ предопределила необходимость обращения прежде всего к эмпирическому материалу.

В данной работе мы рассмотрим антикризисные меры РФ в сфере защиты интеллектуальной собственности и то отражение, которое они нашли в судебной практике. Анализ конкретных правовых позиций судов позволит не только оценить эффективность текущего регулирования, но и спрогнозировать дальнейшее развитие правоприменения в условиях сохранения санкционного режима.

Первый и основополагающий вывод, который следует из анализа практики: сам по себе статус лица как резидента недружественного государства не является основанием для отказа в судебной защите его интеллектуальных прав.

Например, в деле № А34-7428/2024 18 Арбитражный апелляционный суд (далее - ААС) указал, что статус истца как резидента страны, которая признана недружественной по отношению к РФ, не может являться основанием для освобождения ответчика от гражданско-правовой ответственности за нарушение исключительных прав, предусмотренной гражданским законодательством Российской Федерации.

В Постановлении от 12.01.2024 № С01-2238/2023 по делу № СИП-394/2023 Суд по интеллектуальным правам (далее – СИП) оставил в силе решение Роспатента об отказе в регистрации обозначения в качестве знака обслуживания. Отклоняя доводы заявителя о том, что компания, с обозначением которой установлено сходство до степени смешения, зарегистрирована в США, суд постановил, что недружественность

того или иного государства – не повод разрешить вводить в заблуждение российских потребителей.

А в Определении от 03.02.2025 № 307-ЭС24-18161 по делу № А56-2577/2023 Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) указал: тот факт, что истец осуществляет финансирование вооруженных сил Украины, не означает, что иск не подлежит рассмотрению по существу. Российское законодательство определяет особый порядок исполнения обязательств, но не исключает возможность разрешения спора и вынесения судебного акта.

Таким образом, суды четко разделяют два обстоятельства:

признание факта нарушения и присуждение компенсации (права иностранцев защищаются в полном объеме)

исполнение денежного обязательства (вступает в силу специальный режим).

Указ Президента РФ № 322 ввел специальный порядок исполнения денежных обязательств перед правообладателями из недружественных стран. Указом предусмотрено открытие специфического вида счетов – специальных счетов типа «О». Счет открывается в уполномоченном банке РФ в рублях, списания допускаются только с разрешения Правительственной комиссии.

Введение данного механизма позволяет ограничить вывод из России денежных средств в недружественные юрисдикции и выступить потенциальной мерой обеспечения при привлечении к имущественной ответственности правообладателей, допустивших нарушение российского законодательства [5, с. 70].

Судебная практика позволила уточнить особенности применения Указа № 322.

Во-первых, положения Указа распространяются не только на договорные отношения, но и на обязательства из деликта. Как отметил Арбитражный суд (далее – АС) Томской области в решении от 23 июня 2025 г. по делу № А67-4831/2024, неверно полагать, что Указ № 322 касается лишь договоров: его действие распространяется на любые денежные обязательства, связанные с использованием результатов интеллектуальной деятельности.

Во-вторых, Указ не отменяет обязательство по выплате, но меняет порядок расчетов. Ключевым инструментом является специальный счет типа «О». В постановлении по делу № А34-7428/2024 от 19 июня 2025 г. 18 ААС уточнил: вопреки заблуждению ответчика, счет типа «О» должен открываться не правообладателем, а должником.

Пытаясь обойти процедуру спецсчетов, иностранные компании стали уступать права требования к нарушителям российским юридическим лицам по договору цессии. Однако суды квалифицируют такие сделки как ничтожные.

ВС РФ в своем Определении № 307-ЭС24-18161 от 03.02.2025 потребовал от нижестоящих судов тщательно исследовать доводы об аффилированности сторон цессии и ее мнимости, не ограничиваясь формальной констатацией факта уступки.

В серии дел с участием южнокорейских, американских и испанских компаний (дела № А76-25109/2024, № А35-8354/2023, № А41-97573/2024) суды признали договоры цессии недействительными, усмотрев в таких действиях злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) и попытку обхода положений Указа № 322.

Кроме того, злоупотреблением была признана практика, когда цессионарий обязывался внести плату за переданные права требования не деньгами, а оказанием юридических услуг в будущем.

Но есть и исключения. Суды отказываются признавать договор цессии недействительным, если он заключен между двумя российскими лицами, даже если правообладатель – иностранец (дело № А10-1967/2025), либо если он подпадает под исключения из Указа № 322 (№ А03-14233/2024).

Подпункт «в» пункта 17 Указа устанавливает исключение для правообладателей, надлежащим образом исполняющих обязательства.

Судебная практика детализировала, кто может претендовать на такой режим: товары с объектами интеллектуальной собственности компании должны быть в свободной продаже в РФ; правообладатель не должен заявлять об уходе с российского рынка или поддерживать недружественные действия; необходимо подтверждение продолжения деятельности: уплата налогов, наличие дистрибьюторов, выдача лицензий (дела № А40-205682/2024, № А03-14233/2024).

Значимое пояснение дал АС Томской области по делу № А67-4831/2024: исключение, предусмотренное п. 17 Указа, не носит общего характера, не отменяет специального порядка расчетов по каждому отдельному обязательству. Факт надлежащего исполнения правообладателем иных договоров не исключает необходимости расчетов через специальный счет «О» по обязательствам, вытекающим из защиты исключительных прав. Право определять применимость к себе исключения правообладателям не предоставлено.

На основании данного анализа можно сделать следующие выводы.

Правовая система РФ в сложных международных обстоятельствах сохраняет принцип защиты прав иностранных правообладателей, в том числе резидентов недружественных государств, в сфере интеллектуальных прав. Специальный правовой режим, предусмотренный Указом № 322, не исключает возможность разрешения судом спора и вынесения судебного акта по существу, а судебная практика играет ключевую роль в конкретизации механизмов применения Указа.

Значимым вектором правоприменения является пресечение попыток обхода установленного порядка. Суды последовательно признают недействительными договоры цессии, заключенные с единственной целью – избежать действия Указа.

Также законодатель предусмотрел исключение, обеспечивающее баланс интересов. Правообладатели, продолжающие добросовестно исполнять свои обязанности по договорам и вести деятельность в РФ, могут быть освобождены от ограничительных мер.

Можно предположить, что правоприменение и в будущем будет строиться на дифференцированном подходе: правообладатели, надлежащим образом исполняющие обязательства, смогут свободно продолжить деятельность в РФ, тогда как в отношении ушедших с рынка или аффилированных лиц сохранятся финансовые ограничения. По этой теме необходимы дальнейшие исследования: анализ судебной практики даст возможность экономическим субъектам РФ прогнозировать риски и грамотно выстраивать сотрудничество с иностранными контрагентами.

Исследование подтверждает: российская судебная система в условиях внешнего давления демонстрирует способность к выработке сбалансированных правовых позиций, позволяющих обеспечить как интересы государства, так и права участников гражданского оборота.

Пристатейный библиографический список

1. Бутакова Я. С. Российские «контрсанкции» как современная форма реторсий // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2025. № 1 (60). (дата обращения: 22.03.2026).
2. Ходаков И. Д. О проблеме ограничительных мер в отношении недружественных иностранных правообладателей интеллектуальной собственности // Образование и право. 2023. № 12. (дата обращения: 22.03.2026).
3. Шахназаров Б. А. Отдельные вопросы реализации правового режима параллельного импорта и смежные проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в России в условиях санкций // Lex Russica. 2023. № 10 (203). (дата обращения: 22.03.2026).
4. Черничкина Г. Н. К вопросу о соблюдении баланса интересов при использовании интеллектуальной собственности в гражданском обороте // Образование и право. 2022. № 6. (дата обращения: 22.03.2026).
5. Карпычев М. В., Хужин А. М. Использование специальных банковских счетов для обеспечения защиты национальных интересов Российской Федерации // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2024. № 9 (121). (дата обращения: 22.03.2026).

КОРОТИЧ Артемий Витальевич

аспирант кафедры гражданского права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

РАЗРАБОТКА ПОНЯТИЯ «ВЕЩЬ» ПРИ СОЗДАНИИ ГЕРМАНСКОГО ГРАЖДАНСКОГО УЛОЖЕНИЯ. ЗНАЧЕНИЕ КРИТЕРИЯ ТЕЛЕСНОСТИ

В статье рассматривается процесс разработки понятия вещи при создании Германского Гражданского Уложения. Показано, что для понятия вещи в юридическом смысле критерий телесности играет важнейшую роль, поскольку позволяет определить границы, в рамках которых лицо может вести себя абсолютным образом. Автором демонстрируется каким образом критерий телесности влияет на принципы вещных прав, а также на способы их защиты. Автором также определяется причина, по которой распространение вещных прав на нематериальные объекты не представляется возможным, а понятие бестелесной вещи оказывается бессодержательным.

Ключевые слова: вещь, вещные права, телесность, право собственности, абсолютность.

KOROTICH Artemy Vitalievich

postgraduate student of Civil law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF "THING" IN THE CREATION OF THE GERMAN CIVIL CODE. THE IMPORTANCE OF THE CORPOREALITY CRITERION

The article examines the process of developing the concept of a thing when creating a German Civil Code. It is shown that for the concept of a thing in the legal sense, the criterion of physicality plays an important role, since it allows us to determine the boundaries within which a person can behave in an absolute way. The author demonstrates how the criterion of physicality affects the principles of property rights, as well as ways to protect them. The author also identifies the reason why the extension of property rights to intangible objects is not possible, and the concept of an incorporeal thing turns out to be meaningless.

Keywords: thing, property rights, corporeality, ownership, absoluteness.

Коротич А. В.

В соответствии с господствующей позицией вещами в гражданском праве признаются материальные, физические осязаемые объекты, имеющие экономическую форму товара. Таким образом отечественная правовая наука, следуя за немецким правопорядком определяет вещи, в качестве объекта господства как телесный объект. При этом указанный реквизит и связанная с ним концепция абсолютного права как господства над объектом не позволяет распространить вещно-правовой режим на нематериальные блага.

При подходе к определению понятия вещи, первый проект гражданского уложения рассматривал критерий способности быть объектом господства в качестве основополагающего.

Так, разработчики первого проекта Германского гражданского уложения указывали, что предложенный ими проект в части, относящейся к вещным правам, имеет дело только с вещами «в узком смысле», т.е. пространственно ограниченными фрагментами несвободной природы. Широкое же понимание «вещей» относится к «предметам распоряжения (имущественного права)» [1, s. 17-20].

После чего было определено то, какие вещи могут подпадать под избранный «узкий» смысл т.е. способны быть предметом господства человеческой воли [1, s. 33].

Так в качестве примера приводится вода, которая, в принципе, может быть подвластна человеческой воле, но при больших объемах, даже стоячей воды, говорить об установлении господства над ней невозможно. Лишь при физи-

ческом отделении ее отдельных частей (при переливании в емкость/ сосуд), можно говорить об установлении над ней господства. В остальных случаях вода, лишенная свободного оттока, будет являться составной частью земельного участка, на котором находится.

Подход был немного уточнен при работе второй комиссии. Здесь уже прямо указывается, что понятие вещи может быть применено только к телесным объектам, как частям «несвободной природы», которые могут являться предметом оборота. При этом не требуется, чтобы части несвободной природы являлись цельными и неделимыми, иначе вещами могли бы в полной мере считаться только атомы [2, s.90]. В отношении жидких или газообразных тел, указывается, что заключенные в сосуд в определенном количестве, могут быть рассмотрены как самостоятельная вещь [2, s. 90].

Из этого возможно сделать вывод, что возможность отграничить какое-либо количество вещества от другого также является одним из условий восприятия того или иного объекта как вещи.

Таким образом на этапе разработки гражданского уложения признак телесности получил свое развитие, и стал относиться к возможности установления господства над объектами, которые могут быть предметом оборота, состоят из какого-либо вещества и ограничены в пространстве.

Также критерий телесности вещи, позволял исключить двусмысленность, которая, без включения данного критерия,

могла возникнуть, позволяя распространять правовой режим вещей как на телесные объекты, так и на права [3, s. 426].

В итоге, включенный в определение понятия «вещь» признак телесности стал выполнять две функции: выступать разграничителем с распространенным в тот период времени «широким» понятием вещи, существовавших в принятых кодексах, а также определять, что именно быть подчинено человеческой воле в качестве объектов несвободной природы.

Дальнейшее развитие понятия телесных объектов было сосредоточено вокруг выделения свойств, которые позволяли определить тот или иной объект как телесный. Всего в литературе указывается на два свойства: (1) чувственная восприимчивость и пространственная ограниченности [4, s. 305-306]. Которые являются предпосылками к тому, чтобы вещь приобрела третий признак – (3) способность быть предметом господства [5, s. 16].

Первое свойство связано с возможностью тех или иных предметов быть непосредственно воспринимаемыми человеком, за счет органов чувств. При этом существуют расхождения относительно того, необходимо ли включать все пять чувств, или же достаточно какого-то одного. Так одна из позиций настаивает на том, что чувственная восприимчивость ограничивается именно осязанием: для газов или жидкостей достаточно иметь возможность осязать сосуд, в котором они находятся. Другими также допускается, что для удовлетворения этого критерия достаточно наличия возможности воспринимать тот или иной объект за счет любых органов чувств.

Идущее в совокупности с осязаемостью свойство пространственной ограниченности обозначает возможность выделения предмета из «общего пространства». Для земельных участков такое отграничение производится за счет кадастровых измерений и последующего внесения записи в поземельную книгу. Наряду с ним также выделяется критерий пространственной протяженности, обозначающий, что объект как субстанция самостоятельно занимает некоторое пространство во внешнем мире [6, s. 175].

Чувственная восприимчивость и пространственная ограниченность одновременно делают объекты способными к установлению над ними исключительного господства со стороны человека, что делает объект способным к установлению на него права собственности, т.е. получению возможности исключить какое-либо воздействие со стороны всех третьих лиц на вещь.

Важным также является то, что все указанные признаки являются кумулятивными, и должны выполняться одновременно для того, чтобы тот или иной объект стал «вещью» в правовом смысле.

Однако, в теории так или иначе поднимаются вопросы, а не стоит ли нам отказаться от понятия «телесности» [7, s. 57]?

Не создает ли указанный критерий искусственного разделения объектов, которым может распоряжаться субъект права? Ведь если мы исходим из того, что основной целью права, построенного по модели права собственности является определение принадлежности какого-либо блага к какому-либо лицу, а также закрепление за субъектом возможности распоряжения тем или иным благом, то подчинение этому режиму прав требования и авторских права, как может показаться, вполне удовлетворяет этой цели, поскольку степень свободы лица в распоряжении вещью вытекает не из

понятия собственности, а из правопорядка, который обеспечивает лицо правом и определяет сферу его действия. При этом ограничении сферы действия права свойственны не только для права собственности, а вообще для любого права, из чего делается вывод, что следует сосредотачиваться именно на содержании права, а не на то, к какому предмету оно относится [6, s. 175].

Иными словами: есть ли причины для сохранения критерия «телесности» как конституирующего для вещных прав?

Один из принципов права собственности заключается в невозможности установления права собственности на один и тот же объект двумя и более лицами. В свою очередь, на нематериальные блага, к примеру, права на результаты интеллектуальной деятельности могут устанавливаться права одинакового содержания.

Вещные права и право собственности, в частности, также наиболее полным образом обеспечивают возможность установления власти лица над материальными объектами, посредством абсолютного действия, направленного на исключение всех третьих лиц.

При этом против такой абсолютности, как свойства именно вещных прав высказывается аргумент о том, что любой объект, представляющий из себя какую-либо ценность для оборота, будет предполагать, что такое использование является исключительным [8, S 125]. Так требование кредитора к должнику на выполнение для него каких-либо действий также является конкурирующим, поскольку другое лицо не может реализовать то же самое требование к тому же самому должнику, основанное на том же самом обязательственном отношении. Такой объект как доменное имя или энергия в каком-либо объеме, также представляют из себя ценность и не предполагают возможности одновременного использования одних и тех же объектов, при этом данные объекты не будут являться вещами, ввиду отсутствия у них критерия телесности.

И здесь важно оговорить то, какие последствия для вещи, будет иметь установление господства над ней.

Как уже было отмечено ранее, наиболее полным правом на вещь является собственность, которая представляет из себя абсолютное господство лица над телесным объектом. При этом само по себе содержание права собственности сложно описать, и несмотря на то, что отечественная правовая традиция исходит из триады правомочий собственника, заключающихся во владении, пользовании и распоряжении – она не представляет из себя исчерпывающего объема возможностей собственника в отношении вещи.

В действительности ключевым свойством права собственности является обеспечение возможности субъекта вести себя наиболее абсолютным образом, т.е. совершенно независимо от любых третьих лиц, в отношении вещей и, более того, иметь возможность получить абсолютную защиту от всех третьих лиц при любом нарушении его господства над вещью.

При этом, предоставляемое право дает возможность не только совершать юридические действия, будь то распоряжение правом собственности, но и фактические. При бесконечно широком объеме правомочий прав собственника, которые заключаются в абсолютном господстве, которое имеет как фактическое, так и правовое значение отсутствие критерия телесности повлекло бы за собой невозможность

в полной мере определить где именно заканчиваются права собственника в отношении какого-либо объекта, но также и не позволили бы с точностью определить то, когда право собственности считается нарушенным.

Следовательно, мы приходим к состоянию, когда мы не можем описать что может собственник, но хотим ему дать максимально широкие полномочия.

Тогда телесность как совокупность признаков осязаемости и пространственной ограниченности становится естественным выражением границ этого абсолютного господства, которое позволяет исключить любых третьих лиц из действия своей сферы. Любое нарушение телесности и возможности осуществлять над ней свою власть будет являться нарушением и позволяет избежать необходимости формального перечисления всех тех возможностей, которые приписаны собственнику.

Невозможность установления на вещь прав, имеющих одинаковое содержание, в рамках континентального права, становится не просто понятием, которое обозначает невозможность удовлетворения субъектами своих интересов за счет одного и того же объекта, а синонимом особенного положения, обеспечиваемого управомоченному субъекту, неразрывно связанным с признаком телесности, устанавливающей границы такого поведения, обозначающего, что возможность вести себя по отношению к вещи наиболее абсолютным образом исключает в принципе возможность кого-либо осуществлять те же самые действия в отношении данной вещи.

Отсюда же, на наш взгляд, следуют и принципы вещных прав, обеспечивающие вещно-правовой режим. Так, установление того, что объектом вещных прав могут служить только индивидуально-определенные вещи дополнительно определяет границы тех объектов, в отношении которых управомоченный может вести себя наиболее абсолютным образом, а также невозможность установления таких границ, если речь идет о неиндивидуализированных вещах, чтоб в свою очередь приводит к возникновению принципа специализации.

Такая же логика применима и к принципу следования. Ведь если вещь, как обозначение границ, в рамках которых управомоченный может вести себя определенным образом исчезает, ввиду ее уничтожения, то и право на эту вещь теряет свой предмет.

Что не менее важно, и способы защиты, сформировавшиеся для вещных прав: негативный и виндикационный иск, впитывают в себя указанную особенность. Ведь если вещные права заключаются в возможности вести себя наиболее абсолютным образом, то и любое нарушение такого поведения должно влечь за собой восстановление именно утраченной возможности в обусловленных вещью пределах.

И именно поэтому распространение вещного режима не бестелесные объекты, нематериальные блага и вообще на что-либо, что не является телесным объектом не представляется возможным: отсутствие пространственной ограниченности, при наличии возможности вести себя абсолютным образом приводит к невозможности определения ни границ права, ни его содержания, а также невозможности определения границ, нарушение которых должно приводить к возможности использования средств защиты.

Поставленный вопрос о содержании телесности позволил выявить основные свойства телесности как осязаемость и пространственная ограниченность, позволяющие в совокуп-

ности выступать вещам в качестве объекта права, обеспечивающего возможность вести себя абсолютным образом. Узкое определение понятия вещи, ограниченное признаком телесности, обеспечивает возможность существования широкого понимания собственности как абсолютного права.

В свете всего описанного «бестелесная вещь», как юридическое понятие, является оксюмороном, соединяющим в одно понятие два друг друга взаимоисключающих.

Пристатейный библиографический список

1. Reinhold Johow Entwurf eines bürgerlichen Gesetzbuches für das Deutsche Reich: Sachenrecht. Begründung, Band 1, 1880. S. 17-33
2. Planck Gottlieb Planck's Kommentar zum Bürgerlichen Gesetzbuch nebst Einführungsgesetz. 3. Auflage 1903. S. 35-46
3. Jakobs Horst Heinrich, Schubert Werner. Allgemeiner Teil Die Beratung des Bürgerlichen Gesetzbuchs in systematischer Zusammenstellung der unveröffentlichten Quellen Die Beratung des Bürgerlichen Gesetzbuchs (1.Teilband), 1985. S. 426.
4. Manfred Wolf, Jörg Neuner, Karl Larenz. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts Hardcover 13 Auflage CH Beck 2023 §25. S. 305-306.
5. Hermann Eichler. Die Rechtsidee des Eigentums, Rowohl, 1960 S. 16
6. Martin Wolff, Ludwig Raiser. Lehrbuch des Bürgerlichen Rechts, Band 3, Sachenrecht, 10. Mohr Siebeck. Tübingen, 1957 S. 175.
7. Wieacker Franz. Wandlungen der Eigentumsverfassung, Archiv für die civilistische. Praxis 148 (1948). S. 75.
8. Berberich Matthias, Virtuelles Eigentum, Mohr Siebeck 2009. S. 125.
9. Berger Peter Klaus Sachbegriff. Datenbesitz und Dateneigentum, Zeitschrift für Geistiges Eigentum 9 (2017) s. 348.

МАНУЧАРЯН Арман Артурович

аспирант кафедры гражданского права, Института права, Уфимский университет науки и технологий

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ДОСТАТОЧНОСТИ МЕР ПО СОХРАННОСТИ КОНКУРСНОЙ МАССЫ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

Исследование консолидирует признаки достаточности мер по сохранению имущества должника в делах о несостоятельности. Нормативная основа включает Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48. Эмпирическая база охватывает судебные акты за период с 2020 по 2025 годы. В центре внимания находятся процессуальные ограничения по статье 46 указанного закона плюс статья 90 АПК РФ. Отдельный блок составляют методы физического депонирования через договор ответственного хранения. Применяются управленческие формы административного надзора. Исследовательский акцент смещен к ответственности арбитражного управляющего по нормам гражданского права за дефекты сбережения имущества по статье 20.4 Закона о банкротстве. Выявлены коллизии правоприменения, связанные с недобросовестным поведением кредиторов, поиском равновесия встречных интересов, трудностями исключения объектов из описи, включая защиту жилищных прав.

Ключевые слова: конкурсная масса, процедура банкротства, арбитражный управляющий, обеспечительные механизмы, сбережение активов, исполнительский иммунитет, баланс прав.

MANUCHARYAN Arman Arturovich

postgraduate student of Civil law sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

DEFINITION OF SUFFICIENCY OF MEASURES FOR PRESERVING THE DEBTOR'S ASSETS IN INSOLVENCY PROCEDURES BANKRUPTCY

The study consolidates indicators of sufficiency of measures to preserve property debtor in insolvency cases. The normative basis includes Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002, Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation Resolution No. 48 of 25.12.2018. The empirical base covers court acts from 2020 to 2025. The focus is on procedural restrictions under Article 46 of the law plus Article 90 of the Arbitration Court Procedure Code. A separate block comprises methods of physical depository through a contract of custodial storage. Administrative supervision forms are applied. The research emphasis shifts to the liability of the arbitrator for civil law standards regarding defects in preserving the debtor's property under Article 20.4 of the Bankruptcy Law. Collisions in law enforcement have been identified associated with unscrupulous behavior of creditors, seeking balance of opposing interests, difficulties in removing objects from the inventory, including protection of housing rights.

Keywords: insolvency estate, bankruptcy procedure, arbitrator/receivership manager protective mechanisms for asset preservation, execution immunity, balance of rights.

Правовой режим несостоятельности гарантирует легитимное разрешение долговых кризисов, обеспечивая защиту прав вовлеченных субъектов. Дивергенция статистических трендов 2024 года проявилась в достижении численности граждан признанных банкротами отметки 431 940 человек с приростом 23,6% к предшествующему периоду на фоне исторического минимума корпоративного сектора в 8 570 кейсов. Аккумуляция имущественного пула подлежащего распределению предопределяет достижение публично-правовых задач удовлетворения требований взыскателей, при соблюдении конституционных гарантий дебитора делая адекватность мер по консервации фондов фундаментом справедливости процедуры.

Арбитражный мониторинг 2023-2025 годов фиксирует лавинообразный рост исков о компенсации убытков вызванных утратой либо порчей материальных ценностей расширивший массив подобных заявлений в 2024 году на 56% относительно предыдущего цикла. Инстанции отвергают формальное исполнение обязанностей, настаивая на комплексной верификации хранителей и непрерывном аудите состояния объектов. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П переформатировало границы исполнительского иммунитета, допуская обращение взыскания на роскошное жилье при установленном злоупотреблении правом.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 289-ФЗ усилил режим обеспечительных мер, отсутствие кодифицированных стандартов сохранности конкурсной массы породило правовую неоднозначность.

Исследовательская перспектива сконцентрирована на выработке исчерпывающих критериев достаточности действий по сбережению конкурсной массы посредством синтеза нормативных предписаний с актуальными актами правоприменения. Реализация замысла предполагает декомпозицию правовых основ сквозь призму процессуального законодательства систематизацию защитных механизмов классификацию способов контроля и диагностику проблем ответственности управляющих завершаясь выработкой предложений по модернизации отраслевых норм для устранения пробелов регулирования.

Доктринальная интерпретация института несостоятельности позиционирует конкурсную массу в качестве фундаментального базиса удовлетворения притязаний кредиторов [5, с. 291]. Пункт 1 статьи 131 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ¹ включает в данный фонд совокупность активов числящихся за дебитором на момент открытия про-

1 Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. - 2002. - № 43. - Ст. 4190.

изводства и выявленных впоследствии, а статья 213.25 экстраполирует аналогичный режим на банкротство граждан.

Объектный состав охватывает материальные вещи ценные бумаги и денежные средства в любой валюте наряду с имущественными правами дебиторской задолженностью и долями участия. Пункт 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 конкретизирует наполнение массы физического лица путем включения собственности, имеющейся на дату судебного решения и приобретенной позднее наподобие заработной платы².

Гуманитарные соображения и конституционные гарантии диктуют исключение из распределения объектов изъятых из оборота и прав, неразрывно связанных с личностью согласно пункту 2 статьи 131 упомянутого акта. Статья 446 ГПК РФ формирует исполнительский иммунитет запрещающий обращение взыскания на единственное пригодное жилье при отсутствии ипотечного обременения, что подтверждается Постановлением № 48.

Обеспечение сохранности аккумулированных фондов относится к компетенции арбитражного управляющего. Пункт 2 статьи 129 возлагает на субъекта обязанность принять ценности в ведение и завершить инвентаризацию в трехмесячный срок, исключая возможность договорного изменения предписаний [2, с. 20]. Операционный функционал предполагает активный поиск и истребование имущества у третьих лиц привлечение оценщиков и фиксацию данных в ЕФРСБ.

Верховный Суд РФ в Определении от 26.10.2017 № 305-ЭС17-8225 обозначил критерии проверки действий через призму должной заботливости и осмотрительности, отвергая формальный подход³.

Статья 20.4 регламентирует гражданско-правовую ответственность за дефекты формирования и охраны массы, обязывая компенсировать причиненные убытки. Взыскание ущерба предопределено доказанностью полного состава правонарушения включающего противоправность деяния наличие вреда причинную связь и вину. Судебная практика 2023-2025 годов исходит из презумпции профессиональной осведомленности менеджера, о сроках исковой давности допуская переложение ответственности на преемника при наличии временного ресурса для оспаривания сделок и демонстрируя тренд на ужесточение контроля [4, с. 185].

Передача активов аффилированным субъектам бывшее руководство либо сам гражданин должник образует повышенный риск утраты имущественного фонда. Судебные акты фиксируют долг управляющего по предвидению негативных последствий заключения договоров с заинтересованными лицами. В деле, где хранение доверено самому должнику суд пришел к выводу об отсутствии гарантий сохранности со стороны банкрота.

Надзор за хранителем рассматривается как императив надлежащего исполнения. Устранение управляющего после подписания договора не допускается, требуются регулярные инспекции состояния объектов, контроль соблюдения усло-

вий, своевременная реакция на угрозы. Ограничение активности бумажным оформлением квалифицируется судами как самоустранение, что влечет взыскание убытков⁴.

Пункт 4 статьи 20.3 Закона о банкротстве предписывает страхование риска причинения убытков участникам дела на сумму от 1 млн. рублей для процедур юридических лиц, для дел граждан действует аналогичное правило.

Практика Верховного Суда РФ 2023-2025 формирует единый критерий достаточности мер сохранности. Определение ВС РФ от 20.03.2025 № 310-ЭС24-10890(2) по делу № А48-11855/2021 [1, с. 157] закрепило подход отказа в признании недействительной сделки по изъятию имущества из хозяйственного ведения МУП при наличии в конкурсной массе денежных средств, превышающих объем требований кредиторов. Сформирован принцип достаточности массы как фильтр необходимости оспаривания транзакций.

Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 03.03.2025 № 305-ЭС24-20514 по делу № А41-67743/2021 придало базовое значение защите жилищных прав должников. Высшая инстанция отменила нижестоящие акты из-за направления финансовым управляющим средств, предназначенных для решения жилищного вопроса, на погашение требований незалоговых кредиторов без отказа должника от иммунитета. Соблюдение очередности распределения рассматривается как проявление разумности, добросовестности, требуемых пунктом 4 статьи 20.3.

Судебные акты 2025 года усилили стандарты проверки действий управляющего. Определение ВС РФ от 19.08.2025 № 305-ЭС25-3974⁵ подтвердило полномочие суда оценивать документальные свидетельства формирования массы. Определение от 17.09.2025 № 307-ЭС23-26563(5) по делу № А56-107008/2021⁶ легитимировало взыскание в массу прироста стоимости отчужденного по недействительной сделке имущества, установлен возврат действительной стоимости на момент приобретения плюс убытки от изменения цены.

Частота взыскания убытков за утрату имущества демонстрирует установку на активные меры сохранности. В 2024 году объем заявлений вырос на 56 процентов, ужесточены требования к доказыванию добросовестности. Утрата конкурсной массы либо ликвидных активов выступает типичным основанием ответственности, что обязывает управляющего компенсировать эквивалент потерь.

Взыскание убытков предполагает установление четырех элементов ущерба, противоправность, причинная связь, вина. Практика 2023-2025 формирует комплексный стандарт достаточности мер, охватывается проверка фактических действий, оценка разумности, соблюдение баланса интересов [3, с. 7].

Нормативная регламентация ответственности распорядителя, закрепленная статьей 20.4 Закона о банкротстве, охватывает механизмы устранения и возмещения имущественного ущерба. Арбитражная статистика демонстрирует эскалацию взысканий обусловленных утратой активов на-

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 48 «О некоторых вопросах, связанных с особенностями формирования и распределения конкурсной массы в делах о банкротстве граждан» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 2.

3 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.10.2017 № 305-ЭС17-8225 по делу № А40-154653/2015 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 22.11.2025).

4 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2024. - № 7.

5 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.03.2025 № 305-ЭС24-20514 по делу № А41-67743/2021 // Картоoteca арбитражных дел. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 22.11.2025).

6 Определение Верховного Суда РФ от 17.09.2025 № 307-ЭС23-26563(5) по делу № А56-107008/2021 // Картоoteca арбитражных дел. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 22.11.2025).

рушением сроков исковой давности либо необоснованными тратами [4, с. 183]. Квалификация халатности происходит даже при наличии формального договора хранения, если фактический контроль над сбережением ценностей отсутствовал.

Манипулирование обеспечительными инструментами со стороны недобросовестных взыскателей проявляется в тотальном аресте собственности при несопоставимо малом размере иска. Часть 2 статьи 41 АПК РФ устанавливает санкции за подобные процессуальные девиации. Пункт 10 Постановления Пленума ВАС РФ № 55 от 12.10.2006 обязывает трибуналы верифицировать связность и пропорциональность испрашиваемого ограничения предмету спора во избежание блокировки хозяйственной деятельности.

Фундаментальным вызовом для института несостоятельности остается поиск равновесия интересов дебитора и его оппонентов. Конституционный Суд РФ в Определении от 13.03.2025 подтвердил публично-правовую ориентацию процедур на защиту законных ожиданий обеих сторон в строгом соответствии со статьями 17 19 и 55 Основного закона. Паритет подразумевает распределение прав и обязанностей исключающее ущемление легитимного статуса одной из сторон.

Исключение единственного пригодного для проживания помещения из конкурсной массы провоцирует острую доктринальную полемику. Верховный Суд РФ в практике 2024-2025 годов закрепил неприкосновенность жилья ранее подвергнутого аресту в гражданском процессе. Императивы социального государства диктуют запрет на обращение взыскания на необремененную ипотекой недвижимость, обязывая финансового управляющего универсально применять правила исполнительского иммунитета.

Судебные акты высшей инстанции 2025 года постулируют приоритет жилищных гарантий перед претензиями незалоговых кредиторов. Отсутствие формального ходатайства об исключении объекта не трактуется как отказ, от привилегии понуждая администратора выяснять волю гражданина касательно распределения средств. Соблюдение очередности выплат отражает добросовестность требуемую пунктом 4 статьи 20.3 и прямо влияет на размер вознаграждения специалиста.

Революционный подход к реализации роскошной недвижимости при злоупотреблении правом внедрен Постановлением Конституционного Суда РФ № 15-П от 26.04.2021⁷. Конституционное оправдание защиты единственного жилья ограничивается рамками сохранения условий для достойного существования. Превышение разумной достаточности допускает включение объекта в массу при условии предоставления должнику менее дорогостоящей альтернативы.

Современное правоприменение в сфере сохранности активов требует балансировки кредиторской защиты и конституционных гарантий гражданина при пресечении любых злоупотреблений. Тенденции, прослеживаемые в актах 2020-2025 годов иллюстрируют ужесточение контроля за сбережением фондов на фоне усиления протекции жилищных прав.

Гарантирование целостности активов достигается исключительно через синхронизацию процессуальных обременений согласно статье 46 профильного Закона со статьей 90 АПК РФ при физическом депонировании объектов по договорам ответственного хранения под непрерывным надзором управляющего. Фрагментарная эксплуатация любого инструмента провоцирует взыскание убытков за номинальное исполнение функционала не обеспечивающее реальной защиты ценностей.

Унификацию толкования норм о сохранности фондов детерминирует правоприменительная деятельность Верховного Суда РФ периода 2023-2025 годов. Фундаментальными ориентирами признаны императив защиты жилищных прав гражданина вкупе с оценкой достаточности массы для погашения реестра зафиксированные Определениями ВС РФ от 3 марта 2025 г. № 305-ЭС24-20514 а равно от 20.03.2025 № 310-ЭС24-10890(2). Ранее Постановление КС РФ от 26.04.2021 № 15-П кардинально трансформировало институт исполнительского иммунитета, санкционировав реализацию единственного роскошного жилья при доказанности злоупотребления правом.

Оптимизация нормативного регулирования требует детализации в статье 129 Закона о банкротстве минимальных параметров охранных мероприятий с фиксацией обязательных контуров мониторинга. Утверждение федеральных стандартов позволит установить жесткий квалификационный ценз для хранителей включающий финансовую состоятельность наличие материальной базы отсутствие аффилированности. Расширение компетенции саморегулируемых организаций, по инспекции действий арбитражных управляющих предполагается осуществлять через цифровой аудит в системе ЕФРСБ. Имплементация инициатив повысит результативность банкротных процедур, соблюдая баланс интересов взыскателей с конституционными гарантиями должника.

Пристатейный библиографический список

1. Воронов А. А. Актуальные проблемы банкротства физических лиц в Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. - 2025. - № 2. - С. 156-160.
2. Налбандян Е. А. Мировое соглашение как реабилитационная процедура в делах о несостоятельности (банкротстве): дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3; Санкт-Петербургский государственный университет. — СПб., 2023. - 189 с.
3. Латцарини А. Правовые средства формирования конкурсной массы несостоятельного должника // Юрист. - 2024. - № 4. - С. 9-15.
4. Незнамова Ю. Н. Актуальные проблемы привлечения арбитражных управляющих к ответственности в виде взыскания убытков // Вопросы российской юстиции. - 2024. - № 30. - С. 581-589.
5. Поташник О. А. Понятие конкурсной массы // Молодой ученый. - 2024. - № 19 (529). - С. 290-292. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/529/116893/>.

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 26.04.2021 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»» // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 19. - Ст. 3290.

ПАСЕНКО Юрий Игоревич

аспирант 3-го курса аспирантуры «Частноправовые (цивилистические) науки», Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕДДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СРЫВ ПЕРЕГОВОРОВ

В рамках статьи проанализирован институт преддоговорной ответственности за срыв переговоров. Установлено, что указанный правовой институт направлен на защиту доверия, возникающего между участниками соответствующего отношения. В связи с этим ответственность возникает в результате совершения деликта, выражающегося в необоснованном нарушении разумных ожиданий потерпевшего, который полагался на скорое заключение договора. При этом ключевой особенностью такого правонарушения является отсутствие презумпции вины, доказывание которой обеспечивается истцом. Кроме того, объем компенсации, на которую вправе претендовать, пострадавший от недобросовестного срыва переговоров ограничен произведенными под влиянием веры в скорый успех переговоров расходами на приобретение специфических активов, необходимых для совершения сделки.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, преддоговорная ответственность, ответственность за срыв переговоров, переговоры о заключении договора, статья 434.1 ГК РФ, принцип добросовестности.

PASENKO Yuriy Igorevich

postgraduate student of the 3rd course of postgraduate courses Private Law (Civil Law), St. Petersburg State University of Economics

CHARACTERISTICS OF PRE-CONTRACTUAL LIABILITY FOR DISRUPTION OF NEGOTIATIONS

The article analyses the institution of pre-contractual liability for the disruption of negotiations. It has been established that this legal institution is aimed at protecting the trust that arises between the parties to the relevant relationship. In this regard, liability arises as a result of a tort consisting in the unjustified breach of the injured party's reasonable expectations, who relied on the imminent conclusion of a contract. A key feature of such an offence is the absence of a presumption of fault, the burden of proving which lies with the claimant. Furthermore, the scope of compensation to which a victim of a bad faith disruption of negotiations is entitled is limited to the expenses incurred under the influence of belief in the imminent success of the negotiations namely, costs for acquiring specific assets necessary to execute the transaction.

Keywords: civil liability, pre-contractual liability, liability for disruption of negotiation, negotiations on concluding a contract, Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation principle of good faith.

Пасенко Ю. И.

Зарождение института ответственности за срыв переговоров прочно связано с именами его основоположников – Раймоном Салейлем и Габриэлем Фаджеллой. Упомянутые авторы доказали, что уже с момента вступления в переговоры о заключении договора стороны будущего договора вступают в отношения, которые не являются безразличными для права. Так, Г. Фаджелла указал, что отсутствие in idem pactum consensus предопределяет право каждого участника переговорного процесса покинуть его, однако сама по себе такая возможность не делает ее реализацию безупречной в отдельно взятом случае [1, с. 271]. Иначе говоря, при определенных обстоятельствах сторона, реализовавшая право на выход из переговоров, может быть привлечена к ответственности.

Вышеупомянутые авторы связывали ответственность за срыв переговоров с достижением между сторонами переговорного консенсуса, который выражался в выраженном согласии на вступление и проведение переговоров [1, с. 299], [2, с. 711]. Ведь такой консенсус предопределяет несение сторонами затрат, необходимых для достижения согласия. В свою очередь, необоснованный выход из переговоров, под которым отсутствует какая-либо надлежащая причина, обесценивает усилия противоположной стороны, направленные на заключение договора [2, с. 718]. Между тем, такое необоснованное обесценивание усилий контрагента является недопустимым, так как это противоречит проистекающей из преддоговорного консенсуса обязанности приложить максимальные усилия для заключения договора [1, с. 299].

В основе этого подхода лежит идея защиты доверия. Так, отмечается, что доверие представляет собой способ прогнозирования возможного поведения контрагента [3, с. 165]. С этой категорией неразрывно связано понятие разумных

ожиданий [4, с. 151], выражающихся в том, что поведение противоположной стороны переговоров способно создавать определенные стимулы для дальнейших действий, так как оно содержит в себе соответствующие маркеры доверия. В свою очередь, преддоговорный консенсус, описываемый авторами, является источником таких ожиданий, стимулирующих преддоговорные инвестиции.

Защита доверия играет важную роль для гражданского оборота по нескольким причинам. Во-первых, само по себе доверие является важнейшей социальной ценностью, поддержание которой право должно обеспечивать. Это связано с тем, что в отсутствие правовой защиты доверия велик риск распространения в обороте модели поведения, основанной на обмане. Ведь в отсутствие наказания за оппортунистическое поведение такая модель за счет большей выгоды становится более привлекательной. В свою очередь, это в конечном итоге выливается в рост социальных издержек, как отмечают некоторые авторы [5, с. 987]. Во-вторых, защита обоснованного доверия способствует росту преддоговорных инвестиций в планируемую сделку, что позволяет достичь их оптимального уровня, обеспечивающего эффективность соглашения. Это обусловлено гарантией возврата таких инвестиций в случае неправомерного поведения другой стороны за счет возможности их взыскания в качестве убытков.

Идея защиты доверия выражена и в пп. 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ, устанавливающим ответственность за срыв переговоров в российском праве. Это следует из указания на презумпцию недобросовестности при выходе из переговоров, когда в сложившейся обстановке потерпевшая сторона не могла разумно предположить такое развитие событий. Толкуя эту норму от обратного, можно прийти к выводу, что ответствен-

ность возлагается, когда жертва необоснованного отказа от заключения договора могла разумно предполагать, что переговоры, по крайней мере, будут продолжены, а не прерваны. Такое толкование этой нормы также подтверждается судебной практикой. Например, оно нашло отражение в постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 02.12.2024 по делу № А53-32635/2023 и постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.08.2023 по делу № А56-90428/2022.

Однако положения ст. 434.1 ГК РФ не позволяют сделать однозначный вывод о природе преддоговорной ответственности. При этом привлечение к ответственности за необоснованное прекращение переговоров возможно как в рамках договорной ответственности, так и в рамках деликтной модели. Кроме того, несмотря на, казалось бы, точку, которую поставил ВС РФ в п. 19 постановления Пленума № 7 от 24.03.2016, деликтный подход все равно критикуется.

С этой критикой затруднительно согласиться. Наличие между участниками переговоров некоторого социального отношения, обусловленного началом обсуждений проекта планируемого к заключению соглашения, не говорит о том, что такое отношение должно быть признано непременно в качестве правового. Так, следует разграничивать общественные отношения на те, регламентация которых целесообразна, и те, в отношении которых в силу их нежелательности лишь следует устанавливать меры правового реагирования, направленные на их пресечение [6, с. 5-59]. В свою очередь, переговоры как процесс достижения между сторонами соглашения праву безразличен. Иначе говоря, право стремится лишь ограничить оппортунизм со стороны участников этого отношения, но не регламентировать его, сказав им, что и как следует делать.

Также представляется дискуссионным рассматривать ключевым признаком деликта нарушение какого-либо субъективного права потерпевшего. Едва ли такое право может быть выделено в переговорном отношении. Однако деликтная ответственность служит цели не просто защиты отдельно взятых прав, она гарантирует, что индивидуумы будут придерживаться социально одобряемой модели поведения. Ведь ответственность налагается за обман «ролевого ожидания» партнера, имеющего место в рамках возникающего и развивающегося отношения [7, с. 257].

Таким образом, деликтная ответственность за срыв переговоров наступает в результате того, что поведение лица, отказавшегося от заключения договора, обманывает ожидания партнера, который мог ввиду определенного стечения обстоятельств полагаться на заключение договора или, по крайней мере, продолжение переговоров.

Между тем, как деликт преддоговорная ответственность за срыв переговоров имеет ряд особенностей, понимание которых крайне важно для практического применения данной нормы.

Так, вина лица, отказавшегося от заключения договора, имеет о сложную структуру. Кроме того, пп. 2 п. 2 ст. 434.1 ГК РФ требует от потерпевшего доказать вину правонарушителя, что не соотносится с презумпцией вины, содержащейся в п. 2 ст. 1064 ГК РФ. Отход от презумпции вины, как видится, обусловлен положениями п. 5 ст. 10 ГК РФ и п. 1 ст. 434.1 ГК РФ, которые закрепляют общую презумпцию добросовестности участников гражданского оборота и переговорного отношения, в частности. Из этого следует, что при осуществлении договорной свободы какая-либо недобросовестность, а, следовательно, и вина не могут предполагаться. Более того, презумпция вины участника переговоров, который покинул их, противоречила бы самой сути гражданского права, основополагающим принципом которого является свобода договора. Именно поэтому привлечение к преддоговорной ответственности за срыв переговоров требует от истца доказательств вины его несостоявшегося партнера.

Для установления вины требуется доказать наличие у потерпевшего разумных ожиданий и отсутствие надлежащей причины, которая с учетом сформировавшегося доверия, могла бы подтвердить допустимость выхода из переговоров. Необходимость доказывания наличия разумных ожиданий у потерпевшего связана с тем, что ответственность наступает за нарушение доверия.

В связи с этим требуется наличие в поведении стороны, прекратившей переговоры, таких маркеров, которые могли бы быть распознаны ее контрагентом как сигнал о возможном успехе.

Например, в одном из дел, которое было рассмотрено в Германии (OLG Brandenburgisches, Urteil vom 28.11.2017 - 6 U 37/13), суд указал, что согласие на подготовку к исполнению обсуждаемого договора создает разумные ожидания, которые не могут быть необоснованно разрушены другой стороной. Аналогично в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 29.11.2017 по делу № А41-90214/2016 и постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 19.11.2019 по делу № А60-3964/2019 суды также признали подготовку к исполнению по просьбе противоположной стороны в качестве обстоятельства, которое создает обоснованные ожидания. Кроме того, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.08.2023 по делу № А56-90428/2022 также указано, что разумные ожидания могут быть связаны также с прямыми уверениями другой стороны, которая гарантирует желание заключить договор и достичь компромисса. Такая позиция встречается и в зарубежных судебных актах. Например, Высший земельный суд Гамбурга в решении от 14.11.2014 - 4 U 107/13 учел, что лицо, прекратившее переговоры, ранее заверило потерпевшего о заинтересованности в сделке.

Такие обстоятельства как прямые уверения о готовности совершить сделку или склонение к подготовке исполнения по сделке прямо говорят о потенциальном успехе. Именно поэтому с ними суды связывают наличие разумных ожиданий у потерпевшего.

В свою очередь, успешное доказывание потерпевшим наличия разумных ожиданий ставит противоположную сторону в положение, когда в целях избежания привлечения к ответственности ее необходимо доказать наличие надлежащего мотива, в связи с которым она была вынуждена прекратить переговоры. Такой своеобразный перенос бремени доказывания, как видится, обусловлен тем, что отсутствие надлежащего мотива является отрицательным фактом, который было бы крайне затруднительно доказать потерпевшему. В связи с этим, как отмечал ВС РФ, в частности, в определении от 28.02.2018 № 308-ЭС17-12100, для обеспечения баланса между сторонами процесса доказывание негативного факта возлагается на противоположную сторону, которая способна доказать исключаящий его позитивный факт.

Следует отметить, что зарубежные законодательства в целом рассматривают в качестве надлежащей причины любые мотивы, которые связаны с планируемой сделкой и препятствуют ее заключению [4, с. 40]. Иначе говоря, этот стандарт не должен быть слишком строгим для того, чтобы стороны переговоров имели возможность покинуть переговорный процесс без риска нести ответственность.

Надлежащая причина, как представляется, должна препятствовать заключению экономически эффективного договора. Ведь в противном случае не достигается первейшая задача договора в виде обеспечения экономически эффективного обмена. Кроме того, навязывание стороне переговоров невыгодного соглашения противоречило бы принципу свободы договора. В силу этого соответствующий участник переговоров должен иметь возможность покинуть их, если планируемая сделка перестала отвечать его интересам.

Кроме того, степень серьезности надлежащей причины должна быть соразмерна степени сформировавшегося меж-

ду сторонами доверия. Ведь, например, если сторона неоднократно уверялась в скором заключении договора и понесла в связи с этим существенные затраты, то справедливость требует, чтобы мотивы для отказа от планируемого договора были более серьезны. Иначе говоря, чем сильнее уверенность в скором заключении договора, тем сложнее для стороны, создавшей такие ожидания, должно быть, отказаться от его заключения. Например, Верховный суд Австрии в решении от 22.03.2005 № 10 Ob10/05a указал, что в силу сложившихся отношений сторон потерпевший мог ожидать преодоления обстоятельств, наличием которых другая сторона мотивировала прекращение сотрудничества.

Также в судебной практике признается, что стороны не обязаны вести переговоры до конца, даже если им не удастся найти взаимоприемлемое решение. Например, в решении Арбитражного суда Свердловской области от 21.01.2025 по делу № А60-62603/2024 указано, что выход из переговоров в связи с невозможностью достижения согласия является обычной деловой практикой, в виду чего он не может служить основанием для привлечения к ответственности.

Таким образом, надлежащая причина прекращения переговоров представляет собой препятствие, которое делает невозможным достижение согласия между сторонами. Ввиду наличия такой причины соответствующая сторона переговоров вправе покинуть их, не рискуя быть привлеченной к ответственности.

Не менее важной отличительной чертой ответственности за срыв переговоров является особый характер причинно-следственной связи. Это связано с тем, что до момента срыва переговоров понесенные затраты не являются убытками в собственном смысле слова, а представляют собой расходы, направленные на заключение сделки. Именно поэтому понесенные расходы должны быть во взаимосвязи с предметом переговоров [4, с. 120]. Это подчеркивается в решении Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 23.11.2022 по делу № А56-90428/2022. Кроме того, ответственность за срыв переговоров связана с наличием неоправданных ожиданий. В силу этого понесенные переговорные затраты, как видится, должны быть взаимосвязаны с этими ожиданиями. Из этого следует, что при срыве переговоров компенсируются не вообще все затраты потерпевшего, связанные с неудавшимися переговорами, а только такие расходы, которые были обусловлены разумным доверием. Это крайне важно, так как в противном случае ответственность фактически наступала бы не за нарушение доверия, а за недостижение согласия между сторонами, что видится неприемлемым с точки зрения принципа свободы договора. В частности, в решении Арбитражного суда города Москвы от 01.07.2021 по делу № А40-51885/21-113-352 указано, что истец не может претендовать на возмещение расходов, осуществленных в ходе переговоров, если их причиной было не разумное доверие, а поспешность его действий.

Проведенный анализ позволяет заключить, что возмещение произведенных преддоговорных расходов возможно, если такие расходы были осуществлены на основании разумного доверия, а не в связи с поспешностью, и их осуществление требовалось для достижения соглашения между сторонами.

Наконец, следует обратить внимание, что далеко не все затраты, направленные на проведение переговоров, должны компенсироваться в случае необоснованного прекращения переговоров. Исследователи отмечают, что существуют базовые расходы, характерные для любых переговоров, которые не должны компенсироваться в случае срыва переговоров [4, с. 143]. Например, это могут быть расходы на трансфер, проведение юридической проверки актива, найм представителей и т.д.

Представляется, что такие расходы, как правило, не имеют цели создать кооперативный излишек сделки – общую

выгоду для сторон. Наоборот, такие расходы направлены на решение организационных моментов переговоров или преследуют сугубо эгоистичную цель в виде получения более выгодных условий сотрудничества. В свою очередь, в рамках переговорного процесса возможно выделение инвестиций, направленных на приобретение специфических активов – всего того, что необходимо в целях наиболее эффективной реализации планируемой сделки [8, с. 201]. Как правило, осуществление таких инвестиций представляет большой риск, так как ставит сторону, осуществившую их в более слабое положение, так как для нее риск срыва переговоров становится более болезненным. В силу этого, когда в результате поведения своего партнера сторона переговоров понесла такого рода затраты, которые в конечном итоге оказались напрасными, она должна иметь полное право компенсировать их.

Проведенное исследование позволяет сделать несколько ключевых выводов. Так, деликтная ответственность за срыв переговоров наступает в результате нарушения разумного доверия потерпевшего по причине необоснованного прекращения переговоров, из контекста которых можно было ожидать их продолжения или скорого завершения заключением договора. Наличие разумных ожиданий и отсутствие надлежащего мотива образуют вину правонарушителя по этому составу правонарушения. При привлечении к ответственности пострадавшая сторона может претендовать только на возмещение таких затрат, которые обусловлены разумной уверенностью в скором успехе, а также были направлены на создание ценности будущей сделки.

Пристатейный библиографический список

1. Faggella G. Dei periodi precontrattuali e della loro vera ed esatta costruzione scientifica // Studi giuridici in onore di Carlo Fadda. - 1906. - Vol. III. - P. 269-343.
2. Saleilles R. La responsabilité précontractuelle // Revue trimestrielle de droit civil. - 1907. - № 7. - С. 697-751.
3. Штопка П. Доверие – основа общества. - М.: Логос, 2012. - 440 с.
4. Zuloaga I. Reliance in the breaking-off of contractual negotiations. - Cambridge: Intersentia, 2019. - 452 p.
5. Cohen G.M. The Negligence – opportunism tradeoff in contract law // Hofstra Law Review. - 1992. - Vol. 20. Iss. 4. - P. 941-1016.
6. Гримм Д. Д. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права. Том II. - СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1900. - 300 с.
7. Крамер Э. А. Начало общего вменения в деликтном праве // Вестник гражданского права. - 2011. - № 1. - С. 248-275.
8. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / науч. ред. В. С. Катыкало ; пер. с англ. - СПб.: Лениздат; CEU Press, 1996. - С. 201.

СЕМЕНОВ Данила Александрович

аспирант кафедры коммерческого права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; адвокат Адвокатского бюро города Москвы «РКП»

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ ЭСТОППЕЛЯ В РОССИЙСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Автором исследуются правовая природа и условия применения эстоппеля в российском частном праве. Обосновывается, что для применения эстоппеля требуется сложный фактический состав, включающий противоречивое поведение одной стороны, возникновение у другой стороны доверия и последующий подрыв созданных ожиданий. Дополнительно показывается, что для правовой реакции требуется квалификация подрывающего доверие противоречивого поведения в качестве противоправного. В зависимости от способа установления объективной противоправности эстоппель рассматривается автором в двух формах существования: как специальный корректирующий механизм, а также как общая правовая идея недопустимости вредоносного и подрывающего доверие противоречивого поведения.

Ключевые слова: эстоппель, противоречивое поведение, доверие, добросовестность, противоправность.

SEMYONOV Danila Alexandrovich

postgraduate student of Commercial law sub-faculty, M. V. Lomonosov, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University; attorney-at-law of the Moscow City Law Firm "RKP"

THE LEGAL NATURE AND CONDITIONS FOR THE APPLICATION OF ESTOPPEL IN RUSSIAN PRIVATE LAW

This article explores the legal nature of estoppel and the conditions for its application in Russian private law. It argues that estoppel is based on a complex set of facts, including inconsistent behavior by one party, the other party's reliance on that behavior, and the subsequent frustration of the expectations thereby created. The article further demonstrates that a legal response is possible only where such reliance-undermining inconsistent conduct is treated as unlawful. Depending on the way in which objective unlawfulness is established, estoppel is examined both as a special corrective mechanism and as a general legal idea prohibiting harmful inconsistent conduct that undermines reliance.

Keywords: estoppel, inconsistent behavior, reliance, good faith, unlawfulness.

Семенов Д. А.

Для частного права нехарактерно общее требование к субъекту всегда оставаться последовательным в своих действиях, поскольку сама логика гражданско-правового регулирования исходит из свободы усмотрения, автономии воли и допустимости изменения ранее избранной линии поведения. Поэтому изменение линии поведения, даже очевидное и существенное с житейской точки зрения, как правило, остается для права безразличным. Вместе с тем в некоторых случаях непоследовательность участников оборота становится юридически значимой и даже влечет специальные правовые последствия.

Для применения эстоппеля, т.е. запрета или механизма правовой реакции на противоречивое поведение, требуется, во-первых, само юридически значимое противоречивое поведение, которое фактически составляет ядро данной правовой категории. Под юридически значимым противоречивым поведением в частном праве предлагается понимать правовое поведение участника гражданских правоотношений, выраженное в совокупности двух разнонаправленных поведенческих актов, которые совершаются применительно к одной правовой связи и / или одному юридически существенному вопросу, находятся во внешней несовместимости по отношению друг к другу и воспринимаются адресатом поведения в качестве взаимоисключающих.

Вместе с тем правопорядок должен реагировать не на всякую перемену позиции, а лишь на такую, которая разрушает ранее созданные самим лицом ожидания другой стороны. В этой связи в контексте применения эстоппеля приобретает значение также доверие, т.е. носящие персонализированный характер ожидания одного субъекта (участника) гражданских правоотношений относительно последующего поведения другого субъекта и порядка дальнейшего развития определенной правовой связи. При этом применение эстоппеля и его правовая природа не могут быть должным образом объяснены ни через одну категорию противоречивого поведения, ни через только категорию доверия. Первая из них, будучи взята изолированно, слишком широка и охватывает множество юридически нейтральных случаев смены поведения. Вторая, напротив, в отрыве от поведения непоследовательного лица и обоснованности полагания на него

рискует остаться лишь описанием внутреннего состояния участника оборота.

В связи с этим для возникновения особого правового эффекта, направленного на предотвращение противоречивого поведения и защиту разумных ожиданий другой стороны относительно будущего благоприятного развития правовой связи, требуется три основных элемента: (1) противоречивое поведение одной стороны правовой связи, включающее в себя два разнонаправленных поведенческих акта, (2) возникновение доверия у другой стороны в результате первоначального поведенческого акта и (3) его последующий подрыв (разрушение созданных ранее разумных ожиданий) в результате последующего поведенческого акта. Лишь в соединении указанных обстоятельств возникает та фактическая конфигурация, которая образует условия для пресечения противоречивого поведения. Случаи, когда наступление единых юридически значимых последствий (правового эффекта) связывается с совокупностью нескольких обстоятельств, в научной литературе принято называть сложным фактическим (или юридическим) составом [1, с. 59-61], [2, с. 23-24].

Однако само по себе наличие указанных элементов еще не дает ответа на вопрос о причинах возникновения правовых последствий от противоречивого поведения и подрыва доверия. Необходимо, чтобы эти входящие в сложный фактический состав элементы с точки зрения гражданского права образовывали юридический факт. Как справедливо указывает С. Ю. Филиппова, разница между юридически безразличными обстоятельствами и юридическими фактами состоит в их признании со стороны права. При этом круг обстоятельств, за которыми право закрепляет свойство юридического факта, связан с волей государства: как выраженной прямо (при соответствующем закреплении в законе, в частности, в ст. 8 ГК РФ), так и косвенно (для прямо непоименованных, но выводимых из принципов права обстоятельств) [3, с. 31-35].

В литературе встречается мнение, что само нарушение доверия можно считать юридическим фактом, влекущим правовые последствия. В частности, А. С. Керселян справедливо выделяет множество казусов, когда разумные ожидания участника оборота действительно в той или иной форме получают право-

вую защиту (и, как следствие, их предшествующий подрыв – выступает юридическим фактом) [4, с. 165-189]. Вместе с тем, какой-либо догматической конструкции, обосновывающей способность нарушения доверия влечь юридические последствия (как минимум, в рамках российской правовой действительности), исследователь, на взгляд автора настоящей статьи, не приводит.

А. Г. Карапетов и Д. В. Федоров, несмотря на указание на связь эстоппеля с принципом добросовестности, в качестве центрального ядра применения данного механизма, как видится, выделяют фактор несправедливости подрыва доверия в результате противоречивого поведения. По мнению авторов, несправедливость должна оцениваться посредством следующих критериев: степенью обоснованности возникшего доверия, фактором «адаптации поведения добросовестной стороны» (т.е. насколько явно и действительно доверившееся лицо положило на созданные другой стороной ожидания), степенью «упречности поведения недобросовестной стороны» и, наконец, целями «формальных элементов права, которые неминимум подрываются за счет применения эстоппеля» [5, с. 747-751]. Итоговую оценку несправедливости подрыва доверия посредством этих, равно как и каких-либо иных факторов (приведенный перечень исследователи называют неисчерпывающим), А. Г. Карапетов и Д. В. Федоров оставляют за судом [5, с. 751]. Несмотря на то, что с некоторыми изложенными факторами можно согласиться, представляется, что предлагаемая исследователями матрица лишь дополнительно усложнит применение эстоппеля и еще сильнее размоет его границы, так как возлагает на суд необходимость наряду и без того довольно размытыми и легально неопределенными категориями «доверие» или даже «добросовестность» руководствоваться еще более размытой и более этической категорией «справедливость».

При этом ни осуществление противоречивого поведения, ни подрыв (в том числе несправедливый) доверия (как конечный элемент изложенного выше сложного фактического состава) сами по себе не могут с точки зрения российского позитивного частного права влечь правовой эффект в материальных отношениях сторон, не наделены правом порядком прямо или косвенно свойством юридического факта.

Вместе с тем представляется, что ключевым элементом, позволяющим применить эстоппель и объясняющим возникновение специальных правовых последствий, является квалификация противоречивого поведения, подрывающего доверие, в качестве противоправного. Стоит согласиться с С. Ю. Филипповой, которая указывает, что для выявления противоправности необходимо наличие как субъективного, так и объективного критериев, т.е. должны наличествовать соответственно и (1) определенный вредоносный результат, нарушение чьих-то субъективных прав и охраняемых законных интересов, и (2) нарушение объективного права, выход противоправными действиями за пределы дозволенной правом модели поведения [6, с. 22-27].

Применительно к эстоппелю вредоносность проявляется в негативных последствиях, возникших в связи с подрывом разумных ожиданий у доверившейся стороны. Поэтому правовое значение приобретает не всякая непоследовательность поведения, а лишь такая, которая затрагивает основанную на предшествующем поведении лица связанность сторон, причиняя доверившейся стороне неблагоприятные последствия и тем самым обнаруживая наличие права или законного интереса, нуждающегося в защите. Вместе с тем в отсутствие негативных последствий (и соответствующей инициативы у доверившейся стороны на их пресечение или компенсацию) каких-либо оснований у правом порядка реагировать на непоследовательное поведение не имеется, какое-либо право или законный интерес, подлежащий правовой защите, отсутствует.

Стоит отметить, что вредоносность подрыва доверия следует понимать шире, чем просто причинение реального ущерба доверившемуся лицу. Так, Н. С. Малеин причислял к вреду в том числе «умаление, уничтожение какого-либо блага, ценности, субъективного права, ограничение пользования ими, стеснение свободы поведения других субъектов» [7, с. 8-9]. Представляется, что и применительно к подрыву доверия в связи с противоречивым поведением вред может заключаться не только в непосредственном умалении имущественной массы доверившегося лица, но и в ином нарушении его заслуживающих защиты интересов. Кроме того, фактически применение эстоппеля как раз может быть направлено на превенцию какого-либо нарушения прав доверившегося лица, что особенно характерно при пресечении возможности оспаривания сделок

(п. 5 ст. 166 ГК РФ). Иными словами, вредоносность может заключаться не только в реальном нарушении прав и законных интересов, но и в соответствующем потенциальном нарушении, на которое правом порядок должен отреагировать.

При этом, по мнению автора настоящей статьи, несмотря на обязательность наличия вреда какого-либо рода на стороне доверившегося субъекта для реагирования права, вред в данном случае является не частью сложного фактического состава, а выступает пусть и обязательным, но элементом квалификации подрывающего доверие противоречивого поведения в качестве противоправного.

Перейдем теперь к объективному фактору противоправности, т.е. выходу подрывающего доверие противоречивого поведения за пределы дозволений, установленных позитивным правом. В данной части стоит сразу рассмотреть вопрос о том, что эстоппель, как видится, существует в рамках российского частного права в двух разных ипостасях (в двух формах существования).

С одной стороны, эстоппель может рассматриваться как общая правовая идея, лежащая в основе целого ряда специальных правил и институтов. В этом аспекте речь идет не о самостоятельном механизме, который суд всякий раз заново конструирует применительно к конкретному казусу, а о более общей логике недопустимости противоречивого поведения, уже так или иначе нашедшей свое отражение в строгом праве. В теоретико-правовой литературе право часто рассматривается не только как совокупность позитивных норм и институтов, но и как выражение определенных принципов, ценностей и идей [8, с. 25-27, 204]. Под правовой идеей можно понимать общее ценностно-смысловое и нормативно-ориентирующее начало, выражающее определенную модель юридической оценки общественных отношений и способное получать различное позитивно-правовое воплощение в конкретных нормах и институтах. При этом правовая идея в некоторой степени становится воплощением сформировавшихся в обществе интересов, одновременно с этим влияя на правотворческий процесс [9, с. 379-380].

Необходимость реагирования правом порядка на противоречивое поведение, подрывающее доверие в частноправовых отношениях, в той или иной форме получила свое закрепление в основных современных правовых системах (в частности, доктрина *estoppel* и *venire contra factum proprium* в англо-американском и континентальном праве соответственно). Более того, корни таких механизмов можно проследить и в древнейших правовых системах, в частности, в римском праве. С учетом изложенного, можно утверждать, что недопустимость вредоносного противоречивого поведения (эстоппель) можно рассматривать в качестве правовой идеи, прямо или косвенно влияющей на определение правом границ допустимости тех или иных действий, закрепление недозволённых или упречных моделей поведения.

Если мы обратимся к российскому правом порядку, то проявления такой правовой идеи, возможно, проследить во многих частноправовых нормах и институтах, с эстоппелем напрямую не отождествляемых. Можно привести следующие далеко не исчерпывающие примеры.

В частности, недопустимое противоречивое поведение и подрыв доверия усматриваются в правиле, запрещающем заказчику ссылаться на явные недостатки в результате выполненных работ после осуществления их приемки (ст. 720 ГК РФ). Становится ли исполнение подрячка надлежащим в случае, если заказчик не указал при приемке на явный и объективно имеющийся недостаток? Представляется, что нет, условия взятого на себя обязательства подрячком все равно были нарушены. В то же время само пассивное поведение заказчика создает у подрячка разумные ожидания, что обязательство было исполнено им в том объеме и с тем качеством, которые соответствуют требованиям кредитора. Предъявление в таком случае заказчиком последующих претензий относительно качества или объема работ будет противоречить его первоначальному поведенческому акту, и подрывать возникшие у подрячка ожидания.

Одни из наиболее ярких проявлений правовой идеи превенции противоречивого поведения содержатся также в корпоративном законодательстве. Так, участник (акционер), голосовавший за принятие на общем собрании решение, лишается в последующем права на его дальнейшее оспаривание в судебном порядке (п. 1 ст. 43 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», абз. 1 п. 7 ст. 49 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). При этом особенно примечательно, что указанные правила существовали еще в первых редакциях данных

нормативных актов¹, начавших свое действие еще в 1998 и 1996 годах (т.е. задолго до масштабной реформы, начатой в 2012 году и внедрившей в российское право специальные нормы, традиционно связываемые с эстоппелем).

При этом во всех указанных и подобных случаях противоправность и, как следствие, специальные правовые последствия, направленные на пресечение непоследовательного поведения, наступают в силу прямого указания закона, прямо следуют из норм позитивного права. Отрицательная оценка поведения, подрывающего вызванное им же доверие, уже как бы имплицитно учитывается законодателем при конструировании специальной нормы.

Несколько иначе обстоят дела с другой ипостасью эстоппеля, когда он выступает уже в качестве специального корректирующего механизма, непосредственно и самостоятельно влияющего на материальные отношения субъектов частного права. В таких случаях должен иметься тот же сложный фактический состав: противоречивое поведение одной стороны, возникновение доверия у другой стороны и его последующий подрыв. Однако так как законодатель прямо не закрепил его противоправность в соответствующих обстоятельствах, необходимо обращение к какой-либо общей норме, позволяющей квалифицировать противоречивое поведение в качестве противоправного.

Как справедливо указывает В. С. Ем, в отсутствие прямого законодательного запрета на совершение какого-либо действия, в качестве критерия для признания поведения участников оборота юридически значимым, правомерным или неправомерным, следует обращаться к началам гражданского законодательства, которые «являются ничем иным, как принципами гражданского права» [10, с. 404]. И именно здесь решающее значение приобретает принцип добросовестности как фактически единственная возможность решить задачу противодействия прямо не запрещенному законом, но упречному противоречивому поведению и защитить права и законные интересы доверившегося лица. Пока закон безмолвствует, подрыв доверия как таковой не может автоматически трансформироваться в правовое ограничение субъекта. Для этого необходимо подтвердить, что противоречивое поведение лица, вступающее в конфликт с ранее вызванными им ожиданиями другой стороны, представляет собой форму недобросовестного осуществления права. Иными словами, именно добросовестность придает общей правовой идее недопустимости противоречивого поведения качество нормативного механизма.

Центральной нормой, позволяющей судам пресекать вредоносное противоречивое поведение в таком широком круге споров, выступает ст. 10 ГК РФ. Несмотря на то, что данная норма не содержит прямого указания на эстоппель, она содержит генеральный запрет на недобросовестное осуществление гражданских прав. Таким образом, она распространяет свое действие абсолютно на все регулируемые ГК РФ правоотношения в отличие от статей, в которых запрет противоречивого поведения закреплен напрямую.

При этом, не вдаваясь детально в имеющуюся в отечественной доктрине дискуссию, стоит согласиться с теми авторами, которые причисляют злоупотребление правом и нарушение участниками гражданского оборота принципа добросовестности к противоправному поведению. Еще В. П. Грибанов справедливо указывал, что злоупотребление правом «есть поведение противоправное», заключающееся в «использовании управомоченным лицом недозволенных конкретных форм поведения в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [11, с. 57].

Из современных авторов представляется, что данный вопрос был убедительно разрешен в работах А. В. Волкова, обосновавшего противоправный характер злоупотребления правом. Под противоправностью в контексте злоупотребления правом автор понимает недобросовестное поведение участников гражданских правоотношений в ситуациях правовой неопределенности, нарушающее принцип добросовестности и запрет, установленный в ст. 10 ГК РФ [12, с. 219-226]. Наиболее ярко позицию исследователя по рассматриваемому вопросу может проиллюстрировать следующая цитата: «признание субъекта добросовестным либо недобросовестным означает по факту признание его поведения правомерным либо неправомерным» [13, с. 245].

Таким образом, необходимым условием применения эстоппеля выступает формирование сложного фактического состава, включающего в себя: (1) противоречивое поведение одной

стороны правовой связи, состоящего из двух разнонаправленных поведенческих актов, (2) возникновение доверия у другой стороны в результате первоначального поведенческого акта и (3) его последующий подрыв (разрушение созданных ранее разумных ожиданий) в результате последующего поведенческого акта. Одновременно с этим для наступления правовых последствий необходимо, чтобы подрывающее доверие противоречивое поведение было дополнительно квалифицировано как противоправное.

При этом в российском частном праве эстоппель существует в двух взаимосвязанных ипостасях. Во-первых, под эстоппелем может пониматься общая правовая идея недопустимости вредоносного и подрывающего доверие противоречивого поведения участников гражданского оборота, в том числе нашедшая выражение в ряде классических для частного права норм и институтов. В случае с казусами, в которых эстоппель проявляется исключительно как общая правовая идея, объективная сторона противоправности (т.е. выход подрывающего доверие противоречивого поведения за пределы дозволенных правом моделей поведения) и, как следствие, возникновение правовых последствий обеспечиваются в силу прямо установленного нормой закона правила. Во-вторых, эстоппель может выступать в качестве специального корректирующего механизма в обстоятельствах, когда противоречивое поведение не признается упречным в силу прямого указания какой-либо нормы позитивного права, однако поведение стороны, подрывающее вызванное ею же доверие, все же требует реакции со стороны права. В таких случаях объективная сторона противоправности обеспечивается посредством обращения к принципу добросовестности как к универсальному и общеобязательному стандарту поведения участников оборота.

Пристатейный библиографический список

1. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. - М., 1958.
2. Рожкова М. А. Юридические факты в гражданском праве // Приложение к ежемесячному журналу «Хозяйство и право». - 2006. - № 7.
3. Филиппова С. Ю. Юридические факты в гражданском праве: в 3 частях. Часть I. Правомерные юридические действия: гражданско-правовые проблемы квалификации. - М., 2020.
4. Керселян А. С. Нарушение доверия как юридический факт // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. - 2024. - № 5.
5. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов (авторы пункта 1.7 комментария к ст. 10 ГК РФ – А. Г. Карапетов и Д. В. Федоров). - М., 2020.
6. Филиппова С. Ю. Юридические факты в гражданском праве: в 3 частях. Часть II. Противоправные юридические действия: гражданско-правовые проблемы квалификации. - М., 2021.
7. Малейн Н. С. Правонарушение: понятие, причины, ответственность. - М., 1985.
8. Трофимов В. В. Правовой интерес и правовая идея в структуре правообразовательного процесса современного российского общества // Вестник Тамбовского государственного университета. - 2012. - № 9.
9. Алексеев С. С. Теория права. - М., 1995.
10. Российское гражданское право: учебник в 2-х томах. Том I. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / под ред. Е. А. Суханова (автор главы 9 – В. С. Ем). - М., 2015.
11. Грибанов В. В. Осуществление и защита гражданских прав. - М., 2020.
12. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики / диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. - М., 2010.
13. Волков А. В. Добросовестность и разумность в концепции «злоупотребление гражданским правом» // Актуальные проблемы российского права. - 2009. - № 3.

¹ В первоначальной редакции Закона об акционерных обществах данная норма была помещена в п. 8 ст. 49.

ШЕСТАКОВ Павел Андреевич

аспирант кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, Институт философии и права, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ ПРОДУКТ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ОБЪЕКТ АВТОРСКИХ ПРАВ: ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ОТГРАНИЧЕНИЕ ОТ ИНЫХ СЛОЖНЫХ ОБЪЕКТОВ

Статья посвящена исследованию мультимедийного продукта как самостоятельного объекта авторских прав в системе сложных объектов интеллектуальных прав. Обосновывается, что прямое упоминание мультимедийного продукта в статье 1240 ГК РФ не сопровождается его легальной дефиницией и не устраняет проблему его отграничения от программы для ЭВМ, аудиовизуального произведения, базы данных и сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Цель исследования – выработать доктринально точное определение мультимедийного продукта, выявить его обязательные признаки и оценить подходы судебной практики и современных законодательных инициатив. Обосновывается, что мультимедийный продукт представляет собой самостоятельный сложный объект авторских прав, для которого существуют цифровая форма выражения, разнородный состав, единство общего функционального или художественного замысла и интерактивность. Делается вывод о недопустимости механического переноса на него режимов смежных объектов и о целесообразности более четкого нормативного закрепления его квалифицирующих признаков.

Ключевые слова: мультимедийный продукт, сложный объект, авторское право, цифровая форма, программа для ЭВМ, аудиовизуальное произведение, база данных, видеоигра, интеллектуальная собственность.

SHESTAKOV Pavel Andreevich

postgraduate student of Business law, civil and arbitration process sub-faculty, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk National Research State University

MULTIMEDIA PRODUCT AS AN INDEPENDENT OBJECT OF COPYRIGHT: CONCEPT, FEATURES AND DISTINCTION FROM OTHER COMPLEX OBJECTS

The article examines the multimedia product as an independent object of copyright within the system of complex intellectual property objects. It is substantiated that the direct mention of the multimedia product in Article 1240 of the Civil Code of the Russian Federation is not accompanied by a legal definition and does not eliminate the problem of distinguishing it from a computer program, an audiovisual work, a database, and a website in the information and telecommunication network Internet. The purpose of the study is to formulate a doctrinally precise definition of a multimedia product, identify its mandatory features and assess relevant case law and recent legislative initiatives. The article substantiates that a multimedia product is an independent complex object of copyright characterized by its digital form, heterogeneous structure, unity of functional or artistic concept and interactivity.

Keywords: multimedia product, complex object, copyright, digital form, computer program, audiovisual work, database, video game, intellectual property.

Введение

Мультимедийный продукт прямо поименован законодателем в числе сложных объектов в статье 1240 ГК РФ¹. Однако само по себе это упоминание не устраняет главной проблемы: действующее законодательство не содержит его легального определения и не раскрывает квалифицирующих признаков. В результате в доктрине и правоприменении сохраняется разнородность подходов. Одни авторы стремятся рассматривать мультимедийный продукт как разновидность программы для ЭВМ, другие – как аудиовизуальное произведение, третьи – как базу данных либо как цифровой контент без самостоятельного правового режима [3], [6], [13].

Для российской цивилистики эта проблема усугубляется тем, что сама категория сложного объекта остается нормативно недоработанной. Статья 1240 ГК РФ использует закрытый перечень отдельных видов сложных объектов, однако не закрепляет их общего понятия и не формулирует исчерпывающих признаков. Это особенно важно для видеоигр, интерактивных образовательных сервисов, цифровых музеев и иных результатов, функционирующих в информационно-

телекоммуникационной сети Интернет. В подобных случаях вопрос состоит не в том, является ли перед нами «новый цифровой контент», а в том, позволяет ли действующая система объектов авторского права описать соответствующий результат без утраты его специфики. На взгляд автора, мультимедийный продукт следует рассматривать как самостоятельный объект авторских прав в составе сложных объектов интеллектуальных прав.

Цель статьи – раскрыть содержание понятия мультимедийного продукта, определить его обязательные признаки, показать его соотношение с иными сложными и смежными объектами, а также оценить, насколько судебная практика и современные законодательные инициативы способствуют выработке устойчивой квалификации.

Мультимедийный продукт в системе объектов авторских прав

Вопрос о месте мультимедийного продукта в системе объектов авторских прав не может быть решен путем одного лишь буквального обращения к статье 1240 ГК РФ. Само по себе включение данного объекта в текст закона имеет значение, однако не раскрывает его собственной юридической природы. В силу этого требуется установить, обладает ли

Шестаков П. А.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. I). – Ст. 5496.

мультимедийный продукт самостоятельной совокупностью признаков, которые будут позволять его отграничить от программы для ЭВМ, базы данных, аудиовизуального произведения и иных результатов интеллектуальной деятельности.

В российской доктрине неоднократно обращалось внимание на неточность самого термина «мультимедийный продукт». Е. С. Котенко справедливо отмечала, что слово «продукт» в большей степени ассоциируется с материальным результатом, тогда как в действительности речь идет об объекте авторского права, существующем независимо от вещного носителя [5]. На этом основании высказывались предложения использовать выражение «мультимедийное произведение». Вместе с тем в современных условиях спор о слове сам по себе не является определяющим: для цивилистики решающее значение имеет не лексическая чистота обозначения, а точность правовой конструкции. Поскольку термин «мультимедийный продукт» уже включен в текст ГК РФ и закрепился в профессиональном обороте, его сохранение представляется допустимым при условии четкого раскрытия содержания [6].

Содержательно мультимедийный продукт не является простой суммой слагаемых включенных в него элементов. Он представляет собой единый результат, создаваемый посредством соединения нескольких разнородных результатов интеллектуальной деятельности, которые объединяются общим функциональным либо художественным замыслом и предоставляются пользователю в цифровой среде как одно целое. В этой части мультимедийный продукт продолжает логику учения о сложных объектах. Не случайно В. А. Дозорцев, анализируя кинофильм, использовал формулу «сложное многослойное произведение» [4]. Хотя указанная характеристика была выработана применительно к кинофильму, она методологически важна и для мультимедийного продукта: речь идет о результате, в котором отдельные творческие «слои» образуют новое целое, не теряя полностью собственной юридической автономии.

Современная доктрина развивает этот подход. М. А. Рожкова, Е. В. Алымова, М. В. Лабзин и А. А. Никифоров подчеркивают, что для сложного объекта значимо не простое механическое соединение элементов, а наличие конституирующих признаков, позволяющих говорить о самостоятельной правовой конструкции [10]. Е. С. Гринь, в свою очередь, показывает, что даже онлайн-курсы, в зависимости от структуры и механизма функционирования, могут быть отнесены к мультимедийным продуктам, базам данных или аудиовизуальным произведениям [2]. Тем самым границы мультимедийного продукта проходят не по названию объекта, а по его признакам.

Исходя из этого, мультимедийный продукт, по мнению автора, может быть определен как выраженный в цифровой форме самостоятельный сложный объект, который объединяет в себе разнообразные результаты интеллектуальной деятельности, связанные единым художественным либо функциональным замыслом, который раскрывается в процессе интерактивного взаимодействия.

Обязательные признаки мультимедийного продукта

Первым обязательным признаком мультимедийного продукта выступает цифровая форма выражения. Речь идет не о случайном способе хранения информации, а о форме объективного существования результата. Мультимедийный продукт не просто может быть переведен в электронный формат, он изначально создается и функционирует как циф-

ровой объект. Его запуск, воспроизведение, взаимодействие с пользователем, обновление и техническое использование возможны лишь в электронной среде [5]. Именно поэтому цифровая форма выражения здесь не является внешней оболочкой: она определяет сам способ существования объекта. Вместе с тем сама по себе электронная форма еще не создает новый объект авторского права, юридически значимой она становится лишь в сочетании с иными признаками [8].

Второй обязательный признак состоит в сложном разнородном составе мультимедийного продукта. Обычно в его структуру входят программа для ЭВМ, графические и дизайнерские элементы, тексты, музыкальные произведения, анимация, звуковые эффекты, аудиовизуальные сцены, элементы интерфейса, а в отдельных случаях – базы данных, персонажи, пользовательский контент и иные результаты интеллектуальной деятельности [6]. Существенно, однако, не только количество, но и разнородность таких элементов. М. А. Рожкова и соавторы обоснованно указывают, что наличие не менее трех охраняемых результатов интеллектуальной деятельности и их неоднородность выступают конституирующими признаками сложного объекта [10]. Применительно к мультимедийному продукту данный тезис приобретает особую значимость, поскольку именно он дает возможность отграничить рассматриваемый объект как от простого произведения, так и от однородных массивов данных либо файлов.

Третий признак выражается в единстве общего функционального либо художественного замысла. Именно этот критерий отличает мультимедийный продукт от случайного набора цифровых объектов. Наличие программы, изображений, текстов и звуков само по себе еще не образует мультимедийного продукта. Такой результат возникает лишь тогда, когда все элементы подчинены единой задаче и воспринимаются как части одного целого. Для видеоигр общий замысел выражается в единстве игрового мира, логики повествования, системы интерфейсов, образов персонажей и сценарных решений. Для интерактивного обучающего курса – в подчинении отдельных модулей общей образовательной траектории. Для сайта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет – в единстве архитектуры, навигации, содержания и пользовательских сценариев [2, 9].

Четвертым и наиболее характерным признаком мультимедийного продукта является интерактивность. Пользователь такого объекта не ограничивается пассивным восприятием заранее фиксированного содержания. Он взаимодействует с объектом: выбирает сценарии, активирует команды в коде посредством взаимодействия, определяет траекторию переходов, активирует отдельные элементы, влияет на способ раскрытия содержания. Интерактивность не означает соавторства пользователя; она означает, что актуализация и восприятие объекта предполагают ответную реакцию на его действия. Именно по этой причине интерактивность не следует сводить к техническому удобству или дополнительной функциональности. Это самостоятельный квалифицирующий признак, определяющий юридическую специфику мультимедийного продукта [14].

Отграничение мультимедийного продукта от иных сложных и смежных объектов

Наиболее близким по внешним признакам к мультимедийному продукту выступает аудиовизуальное произведение. Согласно пункту 1 статьи 1263 ГК РФ оно представляет собой произведение, состоящее из зафиксированной серии связанных между собой изображений, сопровождаемых или

не сопровождаемых звуком, предназначенное для зрительного и слухового восприятия². В центре данной конструкции находится заранее заданный линейный ряд, который воспринимается пользователем в установленной последовательности. Л. В. Шварц справедливо подчеркивает, что аудиовизуальное произведение, даже как сложный объект, сохраняет специфику линейного восприятия и нормативно определенного круга основных авторов [14]. Мультимедийный продукт устроен иначе: хотя он может включать аудиовизуальные сцены и фрагменты, они не исчерпывают его правовую природу, поскольку пользователь управляет способом раскрытия содержания [6], [13].

Не менее сложным является соотношение мультимедийного продукта и программы для ЭВМ. Значительное число споров о компьютерных играх долгое время разрешалось именно через режим статьи 1261 ГК РФ, поскольку любой мультимедийный продукт технически функционирует благодаря программному коду. Однако программа для ЭВМ не тождественна мультимедийному продукту. Ее функция состоит прежде всего в обеспечении алгоритмической и технической стороны работы системы, тогда как мультимедийный продукт включает также графическую, текстовую, музыкальную, сценарную, дизайнерскую и интерфейсную составляющие [6]. В. А. Корнеев обоснованно отмечал, что программа для ЭВМ охраняется по модели литературного произведения, то есть через текст кода и его структуру, а не через весь комплекс цифрового восприятия, который сопровождает ее использование [7]. Следовательно, программа для ЭВМ образует обязательную технологическую основу мультимедийного продукта, но не исчерпывает его содержания.

База данных также названа в статье 1240 ГК РФ в числе сложных объектов, однако ее правовая природа иная. В ее основе находится систематизация материалов, обеспечивающая их поиск и обработку. Ценность базы данных связана либо с творческим характером отбора и расположения материалов, либо с инвестициями, необходимыми для ее создания и поддержки. Иначе говоря, ее ядро составляет модель структурирования и доступа к информации [7], [10]. Мультимедийный продукт также может включать массивы данных и механизмы систематизации, однако они не образуют его сущности. Его назначение состоит не в хранении и предоставлении упорядоченных сведений как таковых, а в создании единого интерактивного результата, рассчитанного на пользовательское восприятие и участие [1].

Особого внимания требует сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В соответствии с Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ сайт определяется как совокупность программ для ЭВМ и иной информации, содержащейся в информационной системе, доступ к которой обеспечивается посредством сети Интернет по доменным именам и (или) по сетевым адресам³. Уже из этого определения видно, что сайт не совпадает ни с одним простым объектом интеллектуальных прав. М. А. Рожкова и О. В. Исаева справедливо подчеркивают, что веб-сайт характеризует не только содержательное наполнение, но и его внешняя эстетика, то есть дизайн [9]. Показательно и то, что пункт 28.3 ГОСТ Р 34888-2022 относит к основным видам мультимедийного продукта, в частности, компьютерную игру и сайт в сети Интернет [9]. Вместе с тем не всякий сайт автоматически является мультимедийным продуктом: если речь идет о статичном ресурсе, лишенном сложной интерактивной логики, основания для такой квалификации могут отсутствовать. Но если сайт объединяет разнородные результаты интеллектуальной деятельности, обладает собственной архитектурой взаимодействия с пользователем и раскрывает содержание через навигацию, поиск, выбор сценариев и мультимедийные вставки, он может рассматриваться как разновидность мультимедийного продукта [9].

Судебная практика: от программы для ЭВМ к мультимедийному продукту

Судебная практика не демонстрирует полной единообразности, однако позволяет выявить как минимум две тенденции. Для более ранних споров о компьютерных играх характерна квалификация игры как программы для ЭВМ. Характерным примером выступает постановление ФАС Московского округа от 26.05.2010 № КГ-А40/4772-10 по делам № А40-10764/09-67-126 и № А40-13773/09-67-160, где спор касался компьютерной игры Disciples 2: Rise of the Elves⁴. Практическая логика подобного подхода понятна: режим программы для ЭВМ позволял применить уже отработанный инструментарий защиты. Однако концептуально такая квалификация сужала правовую природу игры, оставляя за пределами анализа ее многоэлементный и интерактивный характер [12].

Иной вектор проявился в более поздних делах, где суды стали прямо использовать категорию мультимедийного продукта. Показательны споры по игре Atomic Heart. Так, в решении Арбитражного суда Ярославской области от 01.04.2024 по делу № А82-14876/2023 и постановлении Второго арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 по тому же делу было указано на защиту самостоятельных объектов авторского права, составляющих видеоигру Atomic Heart, включая логотип и персонажей⁵. Аналогичная линия прослеживается в постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2024 № 15АП-14753/2024 по делу № А32-6782/2024, где подтверждена защита исключительных прав на персонажей указанной видеоигры при продаже контрафактной продукции на маркетплейсе⁶. Хотя даже в таких делах суды нередко концентрируются на защите конкретного элемента, а не на охране мультимедийного продукта во всем объеме, сама практика демонстрирует явный сдвиг в сторону признания комплексной природы видеоигры.

В отношении сайта важное значение сохраняет постановление Президиума ВАС РФ от 22.04.2008 № 255/08 по делу № А63-14046/2006-С1⁷, а также Информационная справка, утвержденная постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 14.09.2017 № СП-23/24, в которой сайт фактически описывается как единое целое логически связанных страниц, объединенных общей идеей и (или) дизайном и содержащих тексты, графику, аудио, видео-, мультимедий-

2 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая). Статья 1263.

3 Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.

4 Постановление ФАС Московского округа от 26.05.2010 № КГ-А40/4772-10 по делам № А40-10764/09-67-126, № А40-13773/09-67-160.

5 Решение Арбитражного суда Ярославской области от 01.04.2024 по делу № А82-14876/2023; Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 11.07.2024 по делу № А82-14876/2023.

6 Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 28.11.2024 № 15АП-14753/2024 по делу № А32-6782/2024.

7 Постановление Президиума ВАС РФ от 22.04.2008 № 255/08 по делу № А63-14046/2006-С1.

ные данные и программы⁸. Это описание хорошо согласуется с концепцией сайта как сложного цифрового результата и, при наличии интерактивности, как разновидности мультимедийного продукта.

Законопроект о видеоигровой индустрии и проблема нормативной квалификации

Дополнительный интерес представляет проект федерального закона № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации», внесенный в Государственную Думу 12.12.2024⁹. Для настоящего исследования он важен как индикатор того, каким образом законодатель пытается описать видеоигру на понятийном уровне. В анализируемой редакции законопроекта фактически стремится соединить в одной дефиниции программную основу, творческий замысел, аудиовизуальный ряд и пользовательскую интерактивность. Однако именно в этом соединении и проявляется его методологическая слабость: видеоигра по существу сводится к программе для ЭВМ, хотя сама совокупность перечисленных признаков указывает на более сложную конструкцию.

В современной литературе эти недостатки уже отмечены. Р. Л. Лукьянов и А. О. Нерсисян справедливо указывают, что законопроект, пытаясь создать специальную отраслевую дефиницию видеоигры, не подменяет и не может подменить вопроса о ее цивилистической квалификации [15]. Следовательно, даже в случае принятия специального закона правовая природа видеоигры в системе объектов авторского права должна определяться через нормы части четвертой ГК РФ и через доктрину сложных объектов. На взгляд автора, именно по этой причине видеоигру следует рассматривать исключительно как разновидность мультимедийного продукта, а не как иную конструкцию ранее (например, программу для ЭВМ).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Мультимедийный продукт представляет собой самостоятельный объект авторских прав в системе сложных объектов. Его квалификация определяется совокупностью таких признаков, как цифровая форма выражения, разнородный состав, единство общего функционального или художественного замысла и интерактивность. Он не сводится ни к аудиовизуальному произведению, ни к программе для ЭВМ, ни к базе данных, хотя перечисленные объекты авторских прав могут входить в его состав. Сайт в информационно-телекоммуникационной сети Интернет при наличии сложного состава и интерактивности для пользователя также может рассматриваться как разновидность мультимедийного продукта. Отмечаю, что судебная практика также демонстрирует постепенный переход от квалификации видеоигры преимущественно через режим программы для ЭВМ к признанию ее правовой природы в виде мультимедийного продукта. В этих условиях часть четвертая ГК РФ нуждается в уточнении квалифицирующих признаков.

Пристатейный библиографический список

1. Гринь Е. С. Разновидности сложных объектов интеллектуальных прав: вопросы судебной практики // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. № 9. – С. 112-118.
2. Гринь Е. С. Онлайн-курсы как разновидность сложных объектов интеллектуальных прав // Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. № 9. – С. 61-67. DOI: 10.17803/1994-1471.2024.166.9.061-067.
3. Грушина Е. В. Сложные объекты как новая категория // Законодательство. – 2009. – № 2. – С. 26-31.
4. Дозорцев В. А. Авторские права на фильм как сложное многослойное произведение // Интеллектуальные права: понятие, система, задачи кодификации. – М.: Статут, 2005. – С. 143-170.
5. Котенко Е. С. Понятие и признаки мультимедийного продукта // Lex Russica. – 2013. – № 6. – С. 601-615.
6. Котенко Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт. – М.: Проспект, 2014.
7. Корнеев В. А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. – М.: Статут, 2010.
8. Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Отношения доступа к объектам авторских прав, выраженных в цифровой среде // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2024. – № 9 (121). – С. 98-106. – DOI: 10.17803/2311-5998.2024.121.9.098-106.
9. Рожкова М. А., Исаева О. В. Понятие сайта (веб-сайта) для целей права // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 2 (32). – С. 46-54.
10. Рожкова М. А., Алымова Е. В., Лабзин М. В., Никифоров А. А. Сложные объекты интеллектуальных прав. Общая часть // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – № 2 (48). – С. 24-42. – DOI: 10.58741/23134852_2025_2_3.
11. Рожкова М. А., Алымова Е. В., Григорьев Д. А., Самарцева М. В., Паламарчук И. А., Морозюк О. В., Ходаков И. Д. Сложные объекты интеллектуальных прав. Особенная часть // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – № 4 (50).
12. Чувствинов И. В. Видеоигры и интеллектуальная собственность: особенности защиты прав при небуквальном копировании // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 3 (33). – С. 102-111.
13. Шатковская Т. В., Андросова Д. А. Режим правовой охраны мультимедийных продуктов по законодательству Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2025. – № 2. – С. 41-49.
14. Шварц Л. В. Аудиовизуальное произведение как сложный объект авторского права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 3 (17). – С. 30-36.
15. Лукьянов Р. Л., Нерсисян А. О. Об отдельных аспектах законопроекта «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации» // Труды по интеллектуальной собственности. – 2025. – Т. 41. № 2. – С. 74-79.

8 Информационная справка, утв. постановлением президиума Суда по интеллектуальным правам от 14.09.2017 № СП-23/24.

9 Законопроект № 795581-8 «О деятельности по разработке и распространению видеоигр на территории Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/795581-8> (дата обращения: 08.04.2026).

ХАЙРУЛЛИН Раиль Рамилевич
аспирант, Университет управления «ТИСБИ»

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ О СУБЪЕКТИВНОМ СОСТАВЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА

В статье анализируется дискуссионный вопрос о субъективном составе экспериментальных правовых режимов в контексте цифровой трансформации экономики и общества. Рассматриваются различные доктринальные подходы к определению понятия экспериментального правового режима. Предлагается авторское определение экспериментального правового режима на основе анализа указанных подходов с учетом закрепленных федеральным законодательством положений. Особое внимание уделено роли государства как участника правоотношений в рамках таких режимов. Обосновывается необходимость переосмысления роли государства в экспериментальных правовых режимах, признавая факт непосредственного участия государства наравне с участниками эксперимента.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим, субъективный состав, государство, участники экспериментального правового режима, инновации, субъект экспериментального правового режима, регуляторные песочницы.

KNAYRULLIN Rail Ramilevich
postgraduate student, University of Management «TISBI»

TOPICAL ISSUES ABOUT THE SUBJECTIVE COMPOSITION OF AN EXPERIMENTAL LEGAL REGIME

This article analyzes the controversial issue of the subjective composition of experimental legal regimes in the context of the digital transformation of the economy and society. Various doctrinal approaches to defining the concept of an experimental legal regime are considered. The author proposes an original definition of an experimental legal regime based on an analysis of these approaches, taking into account the provisions of federal legislation. Particular attention is paid to the role of the state as a participant in legal relations within such regimes. The article substantiates the need to rethink the role of the state in experimental legal regimes, calling for limiting its participation to rule-making and supervisory functions.

Keywords: experimental legal regime, subjective composition, state, participants in the experimental legal regime, innovation, the subject of the experimental legal regime, regulatory sandboxes.

Вопросы о субъективном составе экспериментального правового режима (далее – ЭПР) находятся в центре научного внимания. Столь пристальное внимание со стороны научного сообщества обусловлено тем, что данный режим является новеллой в правовой системе (хоть и начал свое фактическое существование в 2020 году) и фактически является центром четвертой промышленной революции, которая трансформирует существующие государственные границы правового поля для того, чтобы произвести цифровую трансформацию нашего общества, промышленности и бытия, как такового. Следует признать, что рассматриваемый в рамках данного исследования режим представляет собой достаточно перспективное направление, которое охватывает как цели, так и задачи развития конкуренции, привлечения инвестиций, формирования новых видов и форм экономической деятельности, совершенствование действенности государственного и муниципального управления и, как следствие развития наиболее благоприятных условий для внедрения инноваций.

Примечательно, что в научной правовой доктрине не сложилось единого мнения относительно рассматриваемой дефиниции. Именно поэтому, целесообразно начать данное исследование с определения ключевых понятий. Так, М. А. Давыдова рассматривает под ЭПР: «особый порядок правового регулирования, предусматривающий возможность временного применения специальных правил, отличных от общих, в отношении отдельных видов деятельности или объектов, с целью оценки эффективности такого регулирования и определения целесообразности его дальнейшего распространения» [5, с. 34].

В свою очередь, Ю. П. Гаврильченко предлагает следующее определение: «экспериментальный правовой режим – это особый правовой институт, характеризующийся временным приостановлением действия отдельных норм права или введением альтернативного регулирования в отношении специфических правоотношений, с целью выявления оптимальных моделей правового воздействия и минимизации

потенциальных рисков при их внедрении в масштабе всей правовой системы» [2, с. 4].

Согласно позиции И. С. Сушиленикова, ЭПР – это «комплекс нормативно установленных правил, процедур и институтов, временно применяемых на ограниченной территории или в отношении определенной группы лиц, направленных на апробацию новых правовых решений и оценку их практической применимости» [7, с. 110].

Наряду с этим, В. С. Плетников определяет ЭПР как «временный правовой механизм, позволяющий отступать от действующих норм права в целях создания благоприятных условий для развития отдельных отраслей экономики или социальной сферы, при условии обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и организаций» [6, с. 214].

Проанализировав основные подходы авторов-правоведов, представляется возможным сформулировать авторское определение. Тем самым, под экспериментальным правовым режимом, следует понимать комплексный правовой институт, характеризующийся временным действием и предусматривающий возможность установления особого, отличного от общеправового, правового регулирования в отношении определенной сферы общественных отношений, территории и круга лиц, с целью апробации новых регуляторных моделей и оценки их эффективности, потенциальных рисков и социально-экономических последствий для принятия решения о последующей имплементации в правовую систему.

Принимая во внимание особенности данного института, в том числе обусловленную законодательством его ограниченность во времени, в пространстве и по кругу участвующих лиц, в данном исследовании особый интерес представляет субъектный состав правоотношений в рамках реализации программы ЭПР. Поскольку вопросы об ограничении экспериментального правового регулирования во времени и в пространстве представляются достаточно регламентированными нормативными положениями федерального законодательства, в том числе частью 2 статьи 7 федерального закона

от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» (далее – Закон об ЭПР)¹ и соответствующих подзаконных актов, например подпунктами 8–10 программы ЭПР по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств², по сравнению с определением участников ЭПР, их роли и правового статуса в рамках складывающихся отношений указанных программ.

Согласно части 1 статьи 2 Закона об ЭПР приведен перечень лиц, имеющих право вступить и вступающих в правоотношения в рамках реализации ЭПР. Между тем понятийно-категориальный аппарат положений данного закона предусматривает не только исключительно количественный субъектный состав участников данных правоотношений, а также их качественный признак. Указанное означает, что лицо, реализующее определенную экспериментальную программу в зависимости от стадии ЭПР, трансформируется от инициатора, предлагающего программу внедрения цифровой или технологической инновации, либо претендента, изъявившего волю вступить в уже существующие правоотношения по реализации такой программы, до субъекта ЭПР, который уже непосредственно реализует установленную от лица соответствующих органов государства экспериментальную программу. В данном случае «инициатор» и «претендент» по сути являются потенциальными «субъектами экспериментального правового режима», занимающими активную роль по внедрению инноваций в жизнь общества и государства. Кроме того, законодательство тождественно очерчивает круг лиц, могущих занять данную роль, в том числе: государственный орган, орган местного самоуправления, юридическое лицо, индивидуальный предприниматель³.

При этом под участником ЭПР следует понимать субъекта рассматриваемого режима, а также лицо, которое вступило в правоотношения с данным субъектом, возникшим в рамках ЭПР⁴. Однако данная категория лишена правовой определенности в части указания на лиц, вступивших в правоотношения с субъектом режима, а также имеет правовой порок в связи с исключением государства как участника из цепочки возникающих отношений в рамках реализации программы ЭПР.

Говоря о лицах, вступающих в правоотношения с субъектом ЭПР (далее – иных лиц), стоит отметить, что нормативная база дает основания для расширительного толкования данных участников, включая сюда государственные органы, органы местного самоуправления, юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и физических лиц. Обособленное выделение субъектов ЭПР и иных лиц, а также учитываю «особую привилегированность» первых в связи с возникающими преференциями специального правового регулирования, позволяют сделать вывод о наличии сильной и слабой сторон в данных правоотношениях соответственно. Указанное обстоятельство должно учитываться вне зависимости от вида сложившихся правоотношений как договорных, так и деликтных.

Если таким образом очертить круг иных лиц, возникает обоснованный вопрос в какой момент они считаются всту-

пившими в правоотношения с субъектом ЭПР и приобретшими данный правовой статус: а) в момент когда иные лица вступили в договорные либо внедоговорные отношения с субъектом ЭПР; б) в момент установления конкретной программы ЭПР на определенной территории, в границах которой находятся иные лица?

С одной стороны, предполагается правильной ситуация, при которой участниками ЭПР являются только вступившие в правоотношения между собой субъекты права независимо от оснований их возникновения. Так, Е. А. Громова отмечает распространение действия правового режима на «контрагентов и потребителей товаров, работ и услуг», реализующихся в его рамках. При этом, по ее мнению, наличествуют лица, не вступающие в правоотношения с субъектом ЭПР, чьи права и законные интересы могут быть затронуты в ходе осуществления программы указанного режима [4, с. 136–137].

С другой стороны, установление программы ЭПР представляет собой властный акт органа государства по распространению специального правового регулирования на определенной территории и втягивание иных лиц в отношения с субъектом ЭПР без их намерения и согласия участия в конкретном эксперименте. То есть в этом случае отношения считаются возникшими уже с начала действия ЭПР в соответствии с нормативным актом Правительства РФ (Банка РФ).

В рамках обозначенной проблематики также привлекает внимание роль государства как участника данных правоотношений. Так пункт 13 части 1 статьи 2 Закона об ЭПР содержит формулировку субъектов ЭПР, в рамках которого государство может выступать инициатором программы ЭПР по направлению предоставления государственных услуг и осуществления государственного контроля (надзора), осуществления иных полномочий и функций государственными органами. То есть фактически будет являться непосредственным актором определенного правового режима в этой области общественных отношений и впоследствии реализовывать данную программу через уполномоченные органы.

В юридической литературе представлены различные точки зрения относительно участия государства в ЭПР. Распространено мнение, согласно которому государство в лице уполномоченных органов (например, Правительства РФ согласно статье 114 Конституции РФ, либо специализированных ведомств, определяемых федеральными законами) выступает не только регулятором, устанавливающим правила функционирования правового режима, но и непосредственным участником, взаимодействующим с организациями-разработчиками инновационных технологий и потребителями. Такая позиция, в частности, находит отражение в работах С. О. Яценко [8, с. 89]. При этом обосновывается это необходимостью содействия реализации общественно значимых проектов и достижения стратегических целей развития государства.

В связи с изложенным складывается впечатление о необходимости переосмысления роли государства в данных правоотношениях, независимо от его позиции в качестве регулятора либо инициатора ЭПР. Не отрицая значимости государственной поддержки инноваций, необходимо подчеркнуть, что роль государства в качестве субъекта ЭПР в рассматриваемом правовом режиме, не должно создавать условия для нарушения принципа равенства перед законом и преференций отдельным участникам, что противоречит основам конституционного строя России. Поэтому более оправданным, на наш взгляд, представляется подход, при котором государство помимо прочих установленных законом ролей также будет выступать гарантом соблюдения законности правовой системы в рамках экспериментального правового режима, обеспечивая правовое регулирование.

Вместе с тем, существует иная точка зрения, согласно которой участие государства в ЭПР должно быть ограничено исключительно нормотворческой и контрольно-надзорной функциями. Сторонники данного подхода (например, работа Д. С. Банного) полагают, что прямое участие государства в правоотношениях, возникающих в рамках ЭПР, может формировать определенные проблемные аспекты. Утвержда-

1 Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»: в ред. от 31.07.2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2 Постановление Правительства РФ от 17.10.2022 № 1849 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций по эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств в отношении реализации инициативы «Беспилотные логистические коридоры»: в ред. от 13.11.2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3 Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»: в ред. от 31.07.2025 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4 Там же.

ется, что государство должно обеспечивать равные условия для всех участников эксперимента, не отдавая предпочтение какому-либо отдельным организациям или технологиям [1, с. 39].

Анализ нормативно-правовой базы, регулирующий ЭПР, свидетельствует о неоднозначности позиции законодателя по данному вопросу. С одной стороны, государство наделяется широкими полномочиями по определению условий, порядка и субъектов ЭПР. С другой стороны, предусматриваются механизмы защиты прав и законных интересов участников, а также ограничения на вмешательство государства в их деятельность.

Учитывая положения статьи 114 Конституции РФ, Правительство РФ как орган, осуществляющий исполнительную власть, в рамках ЭПР наделено правомочиями по обеспечению проведения единой государственной политики в различных сферах⁵. Следовательно, участие государства должно быть направлено на создание благоприятной среды для развития инноваций, а не на прямое инвестирование в отдельные проекты, тем самым, признаем положение: роль государства в ЭПР заключается не только в создании регуляторной песочницы, но и в принятии на себя части ответственности за последствия реализации эксперимента.

«Предпринимательская направленность» российской модели ЭПР предполагает наделение потенциально обширными предпочтениями субъектов данного режима при тестировании бизнес-моделей и сервисов, внедряющих цифровые и технологические инновации, не обременяя их особыми требованиями и не оценивая их способностей нести ответственность за потенциальный ущерб от совершаемых действий [4, с. 148-149]. Тем самым прикрывая проведение ЭПР под предлогом «общего блага» следует в первую очередь определить достижению чьих интересов способствует установление подобного режима: субъектов предпринимательства, государства либо общества? Исходя из этого необходимо пересмотреть механизмы по соблюдению баланса интересов всех участников ЭПР.

Учитывая опосредованную заинтересованность общества во внедрении новых цифровых и технологических инноваций, исходя из анализа и толкования законодательства наличия номинальных гарантий иных лиц ЭПР, созревает мысль о незащищенности лиц, вступающих в правоотношения с субъектами ЭПР и находящимися в границах территорий этого режима, и нахождении их в позиции слабой стороны. Данное обстоятельство подтверждается также фактом безмолвного согласия (по умолчанию) с устанавливаемыми от имени государства программами ЭПР и непосредственно преследования цели извлечения прибыли субъектами ЭПР через сокращение финансовых и временных издержек в рамках реализуемых программ.

С этой точки зрения регуляторные песочницы критикуются также зарубежными исследователями ввиду недостаточной защищенности прав контрагентов и пользователей современных сервисов, поскольку временное освобождение участников «регуляторной песочницы» от части обязательных требований де-факто является намеренно скрытым способом легитимации обхода установленных законодательством норм, в частности законодательства о защите прав потребителей [9, с. 332].

Фактически государство выступает не просто гарантом соблюдения законодательства, но и активным участником процесса, разделяющим риски, связанные с внедрением инноваций. Согласно Закону об ЭПР, государство устанавливает правила, но в тоже время несет ответственность за создание результатов эксперимента. Несмотря на то, что прямое возмещение убытков субъектами ЭПР в случае неудачи эксперимента законодательством не предусмотрено, государство несет косвенную ответственность в форме репутационных

рисков, связанных с надлежащим исполнением регуляторных функций.

Следует отметить, что положения законодательства об ЭПР содержит лишь номинальные гарантии, вызывающие сомнения в их действенности и способности на практике реализовать должную защиту прав участников эксперимента [3, с. 20]. В случае выявления нарушений или причинения ущерба потребителям, государство обязано принять меры по их устранению и компенсации. В этой связи распределение ответственности между государством и субъектами ЭПР является необходимым условием для успешной реализации эксперимента и внедрения инноваций в экономику страны. Необходима дальнейшая разработка нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу, с учетом международного опыта и лучших практик (например, опыт Сингапура и Великобритании в создании «регуляторных песочниц»). Вместе с тем тот факт, что данный аспект позволит создать эффективную систему, способствующую развитию инноваций и укреплению конкурентоспособности российской экономики.

Исходя из вышеизложенного следует отметить, что из содержания и прямого толкования норм Закона об ЭПР вытекает, что участники и субъекты ЭПР соотносятся как общее и частное. Данный вывод основан, в частности, на положении о возможности вступления в исследуемые правоотношения в рамках ЭПР иных лиц, находящихся в пространстве и во времени реализуемой программы ЭПР как добровольно и сознательно вступившие участники в данные правоотношения, так и по не зависящим от них обстоятельствам (например, в рамках деликтных правоотношений). Также необходимо включить государство либо ответственный орган в области реализации ЭПР в качестве обособленного участника ЭПР как реального, а не формального гаранта ответственного за любой потенциальный и реальный вред, возникший в результате проведения данного эксперимента.

Пристатейный библиографический список

1. Банный Д. С., Дресвянин Д. А. Экспериментальные правовые режимы: некоторые проблемы правового регулирования // Право и бизнес. – 2025. – № 2. – С. 19-46.
2. Гаврильченко Ю. П., Хватик Ю. Экспериментальные правовые режимы: экономико-правовой взгляд // Банковский вестник. – 2020. – № 12 (689). – С. 3-8.
3. Громова Е. А. Проблемы обеспечения защиты прав потребителей в условиях применения экспериментального правового режима создания цифровых инноваций // Право и экономика. – 2022. – Т. 407. № 1. – С. 20-23.
4. Громова Е. А. Стимулирующие правовые режимы предпринимательской деятельности в сфере цифровых инноваций и технологий: дис. ... докт. юрид. наук. – Казань, 2024. – 366 с.
5. Давыдова М. Л. Экспериментальный правовой режим в российской правовой системе: теоретическая модель и практика реализации // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 33-39.
6. Плетников В. С., Плетникова М. С. Общее правовое регулирование и экспериментальный правовой режим: вопросы соотношения // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 213-217.
7. Сушильников И. С. Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2023. – № 1 (15). – С. 109-121.
8. Яценко С. О., Поляков В. Г. Экономика отрасли. – Волгоград: Волгоградский государственный технический университет, 2023. – 148 с.
9. Bromberg L., Godwin A., Ramsay I. Fintech Sandboxes: Achieving a Balance between Regulation and Innovation // Journal of Banking and Finance Law and Practice. – 2017. – № 28 (4). – Рр. 330-345.

⁵ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ХАНОВА Заира Рейманова

кандидат юридических наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса, Северо-Кавказский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Махачкала

ХАЛИДОВА Патимат Давудовна

юрист-консультант Юридического центра «Профессионал»

НАСЛЕДОВАНИЕ УСЫНОВЛЁННЫМИ ДЕТЬМИ И СИРОТАМИ ИМУЩЕСТВА КРОВНЫХ РОДСТВЕННИКОВ: ПРАВОВЫЕ КОЛЛИЗИИ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье рассматриваются правовые проблемы наследования имущества биологических родственников, когда в наследственных отношениях участвуют усыновлённые дети и дети, оставшиеся без попечения родителей. В центре внимания — коллизии, возникающие при определении их наследственных прав, а также вопросы соотношения статуса усыновлённых и сирот с правовым положением кровных родственников. Отдельно анализируются нормы действующего законодательства и подходы, сложившиеся в судебной практике, с оценкой того, насколько они обеспечивают баланс интересов и справедливость регулирования. По итогам исследования формулируются направления устранения выявленных пробелов и предлагаются меры по совершенствованию правового механизма наследования в указанных ситуациях.

Ключевые слова: наследование, усыновлённые дети, сироты, права на имущество, кровные родственники, правовые коллизии, наследственное право, судебная практика, законодательство, правовые механизмы.

KHANOVA Zaira Reimanova

Ph.D. in Law, Head of Civil law and process sub-faculty, North Caucasus Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Makhachkala

KHALIDOVA Patimat Davudovna

lawyer-consultant at the Professional Law Center

INHERITANCE OF BLOOD RELATIVES' PROPERTY BY ADOPTED CHILDREN AND ORPHANS: LEGAL CONFLICTS AND WAYS TO OVERCOME THEM

This research paper examines the legal issues of inheritance of biological relatives' property, where adopted children and children left without parental care are involved in inheritance relations. The focus is on the conflicts that arise in determining their inheritance rights, as well as the relationship between the status of adopted children and orphans and the legal status of blood relatives. The paper also analyzes the current legislation and court practices, assessing their effectiveness in balancing interests and ensuring fair regulation. The research concludes with recommendations for addressing the identified gaps and suggestions for improving the legal framework for inheritance in these situations.

Keywords: Inheritance, adopted children, orphans, property rights, blood relatives, legal conflicts, inheritance law, judicial practice, legislation, and legal mechanisms.

Введение

Наследование в Российской Федерации выполняет не только задачу распределения имущества умершего, но и обеспечивает правопреемство имущественных прав и обязанностей, тем самым поддерживая устойчивость института частной собственности и семейно-родственных связей. Конституционно-правовое значение и смысл наследования соотносится с гарантией права частной собственности и ее охраны, поскольку право наследования является элементом конституционно защищаемого имущественного статуса гражданина и входит в механизм реализации части 4 статьи 35 Конституции РФ¹.

Семейно-правовой статус ребенка напрямую отражается и влияет на наследование по закону, поскольку круг наследников определяется юридическим родством и установленной очередностью. Российская модель усыновления ориентирована на полное усыновление, при котором формируется новая юридическая семейная принадлежность ребенка и, как общее правило, прекращаются права и обязанности по отношению к кровным родственникам.

Отдельного рассмотрения требует наследование детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. Сама по себе их наследственная правоспособность по материальному праву не имеет специального режима, такие лица наследуют по общим правилам как дети наследодателя или иные родственники, включая наследование по праву представления, либо по завещанию [2].

Неопределенность родственной связи и тайна усыновления

Сложности наследования усыновленных в кровной семье обусловлена неопределенностью объема сохраненной родственной связи. Закон допускает сохранение отношений с одним из родителей или другими родственниками по происхождению и связывает с этим возможность наследования по закону (пункт 3 статьи 1147 ГК РФ, пункты 3-4 статьи 137 СК РФ)². Однако нормативный текст не раскрывает, должен ли суд индивидуализировать каждого родственника, с которым сохраняются отношения, либо достаточно указания на сохранение отношений по линии конкретного родителя. На доктринальном уровне отмечается наличие разнородных подходов к определению круга лиц, сохраняющих наследственную связь при сохранении отношений по линии родителя [1]. Для нотариальной практики данная неопределенность имеет принципиальное значение: нотариус действует в документальном режиме и не вправе восполнять отсутствующие формулировки и неточности путем предположений.

Дополнительные трудности связаны с соотношением тайны усыновления и доказывания юридически значимых фактов при оформлении наследственных прав. Тайна усыновления охраняется статьей 139 СК РФ и дополнительно обеспечивается уголовно-правовым запретом разглашения тайны усыновления по статье 155 УК РФ. Вместе с тем наследование по закону предполагает подтверждение родства надлежащими документами, что отражено и в разъяснениях Верховного Суда РФ относительно доказательств, необходи-

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант-Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 13.02.2026).

2 Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024, с изм. от 30.10.2025) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 13.02.2026).

мых для призвания к наследованию³. Иногда в применении нормы материального права, когда для установления круга наследников нередко требуется информация о факте усыновления либо о сохраненных отношениях с кровной семьей, но ее раскрытие затрагивает охраняемую законом тайну и частную жизнь. Конституционный Суд РФ исходит от такого подхода, согласно которому тайна усыновления не должна восприниматься как абсолютный бессрочный запрет, если предоставление сведений по решению суда явно необходимо для охраны конституционных прав и возможно при соблюдении баланса прав и законных интересов⁴. Однако в уже стандартизированной процедуре наследования отсутствует специальный и понятный механизм целевого доступа к сведениям для целей наследования, который очень часто приводит либо к отказам в совершении нотариальных действий, либо к необходимости инициировать судебные процедуры даже при отсутствии спора по существу, хотя в этом нет необходимости.

Риски принятия наследства детьми-сиротами и несовершеннолетними наследниками

Для детей-сирот и включая других несовершеннолетних наследников, ключевые риски на практике связаны с принятием наследства и представительством. По общему правилу срок принятия наследства составляет шесть месяцев со дня открытия наследства, однако несовершеннолетний реализует наследственные права не самостоятельно, а через своего законного представителя. При этом если представитель бездействует или пропускает необходимые действия, то это способно повлечь за собой утрату наследственного имущества, при том, что сам ребенок объективно лишен возможности контролировать процесс. Однако механизм предварительного разрешения органа опеки, предусмотренный пунктом 2 статьи 37 ГК РФ для действий, влекущих уменьшение имущества подопечного, включая отказ от прав⁵, не снимает саму по себе проблему бездействия, поскольку контроль включается лишь при совершении действия, но не распространяется на ситуации отсутствия действия частичного или полного. Научные исследования совершенно, верно, указывают на то, что утрата наследственных прав у детей-сирот нередко обусловлена именно бездействием представителей и недостаточной определенностью их обязанностей по принятию наследства.

Дополнительно сложности усиливаются, когда наследник ссылается на фактическое принятие наследства. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ № 9 предусматривают критерии фактического принятия наследства как совершение действий, свидетельствующих об отношении к наследству как к своему имуществу, то есть конклюдентных действий, в пределах установленного срока. На практике у сирот такие действия нередко осуществляются опекуном или организацией, подтверждающие документы которых могут не сохраняться, имущество может находиться вообще в другом субъекте РФ, что в результате может привести к отказам нотариуса при отсутствии заявления и подтверждений и фактически переносит спор для разрешения в суд. Доктрина также обращает внимание, подчеркивая на допустимость фактического принятия от имени несовершеннолетнего через представителя, однако при недостатке законодательных презумпций бремя доказывания нередко ложится на наслед-

ника уже после достижения совершеннолетия, когда доказательства объективно утрачены.

Предложения по совершенствованию правового регулирования

При решении указанных проблем и некоторых вопросов в части наследования усыновленных в кровной семье первоочередное ключевое значение имеет повышение качества и конкретной определенности резолютивной части решения суда об усыновлении, поскольку действующее право напрямую связывает применение исключения с содержанием судебного акта (пункт 3 статьи 1147 ГК РФ, статья 137 СК РФ). Это говорит об оправданной необходимости развития разъяснений и методических ориентиров для судов, рассматривающих дела об усыновлении, с учетом существующих подходов Верховного Суда РФ по соответствующей категории дел. В случаях сохранения отношений отвечает интересам ребенка, суду следует формулировать резолютивную часть таким образом, чтобы из решения однозначно следовало: лица, с которыми сохраняются права и обязанности, и пределы такого сохранения.

Одновременно с этим целесообразно рассмотреть возможность законодательного уточнения пункта 3 статьи 1147 ГК РФ или статьи 137 СК РФ, чтобы устранить неопределенность при определении круга лиц. Наиболее совместимым с документальным характером наследственного процесса представляется подход, при котором наследственная связь сохраняется только по отношению тех кровных родственников, которые прямо указаны в судебном решении.

Чтобы согласовать противоречия между режимом тайны усыновления и доказыванием наследственных прав необходим механизм целевого получения сведений по судебному решению при строгом соблюдении конфиденциальности. Конституционно-правовая приемлемость такого решения подтверждается позицией Конституционного Суда РФ, допускающей предоставление сведений при необходимости защиты конституционных прав и обеспечения баланса интересов. Практически такая модель может включать рассмотрение вопроса либо же спора в закрытом судебном заседании, ограничение круга лиц, допущенных к материалам, и предоставление нотариату только минимально необходимого объема информации для совершения нотариального действия - без избыточного раскрытия обстоятельств, при сохранении ответственности за разглашение тайны усыновления.

Заключение

Для защиты наследственных прав детей-сирот и иных несовершеннолетних наследников приоритетны меры, направленные на предотвращение пропуска сроков и на устранение зависимости результата от бездействия представителей. Реалистичным нормативным решением является введение презумпции принятия наследства несовершеннолетним наследником при отсутствии в установленный срок отказа от наследства, совершенного законным представителем с предварительного разрешения органа опеки. Такая конструкция согласуется с логикой пункта 2 статьи 37 ГК РФ и перераспределяет риск с ребенка на систему представительства и контроля.

Реализация данных мер повышает правовую определенность и обеспечивает более надежную защиту имущественных прав детей как наиболее уязвимых участников наследственных отношений.

Пристатейный библиографический список

- Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 24.12.2020) СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130453/d124e681b25aa98b6137ebe2193ff66a26fcffdb/ (дата обращения: 13.02.2026).
- Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.2015 № 15-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 139 Семейного кодекса Российской Федерации и статьи 47 Федерального закона Об актах гражданского состояния в связи с жалобой граждан Г. Ф. Грубич и Т. Г. Гущиной» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181188/ (дата обращения: 13.02.2026).
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.11.2025) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/d987f8aecdca90060f74c0c6bdfef46d28f528d7e/ (дата обращения: 13.02.2026).
- Мамаева Л. М. Роль обязательной доли в наследстве в России и в зарубежных странах // Образование и право. - 2024. - № 12. [Электронный ресурс]. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-obyazatelnoy-doli-v-nasledstve-v-rossii-i-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 13.02.2026).
- Шиловост О. Ю. Спорные вопросы правового регулирования наследования усыновленных // Журнал российского права. - 2006. - № 1. - С. 62.

ШВЫДЕНКО Анастасия Сергеевна

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

СООТНОШЕНИЕ КОНСТРУКЦИЙ ЗАВЕРЕНИЙ И ГАРАНТИЙ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН ОБЩЕГО ПРАВА И РОССИИ

В статье рассматривается регулирование конструкций заверений и гарантий в Великобритании, Соединенных Штатах Америки и России. Рассмотрены исторические аспекты, проанализированы понятия и положения нормативных правовых актов, судебной практики, касающиеся заверений и гарантий, а также приведены их классификации. Делается вывод о существенных различиях указанных конструкций в странах общего права и об их трансформации в российском законодательстве. При этом подчеркивается, что имплементация данных институтов в российское право носит адаптационный характер и сопровождается нивелированием классического разграничения между ними.

Ключевые слова: заверения об обстоятельствах, гарантии, недостоверность, убытки, договорное право.

SHVYDENKO Anastasiya Sergeevna

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

THE RELATIONSHIP BETWEEN REPRESENTATIONS AND WARRANTIES IN THE LEGISLATION OF COMMON LAW COUNTRIES AND RUSSIA

This article examines the regulation of representations and warranties in the United Kingdom, the United States, and Russia. It examines historical aspects, analyzes the concepts and provisions of regulatory legal acts concerning representations and warranties, and provides their classifications. The article concludes that there are fundamental differences in these structures and highlights the results of their implementation in the legislation of the Russian Federation.

Keywords: representations, warranties, misrepresentation, damages, contract law.

Швыденко А. С.

Перед заключением сделки стороны всегда стараются обезопасить себя от неблагоприятных последствий, с которыми можно столкнуться ввиду ее исполнения. В такой ситуации каждая сторона нацелена на всесторонний сбор информации, получение подтверждающих документов, а также грамотное формулирование условий договора. Для реализации последнего аспекта статей 431.2 Гражданского кодекса РФ была закреплена конструкция заверений об обстоятельствах¹, заимствованная из зарубежного опыта стран общего права.

В английской правовой системе есть два основополагающих понятия «representation» и «warranty». Первое переводится как заверение, то есть подразумевается подтверждение конкретных фактов, их отсутствие или наличие, которые способствуют заключению договора. «Warranty» означает гарантии, то есть условие в договоре, которое подтверждает определенный факт, имеющий значение в рамках исполнения обязательств. Основопологающим источником данной конструкции является Закон Великобритании от 22 апреля 1967 г. «О ложных заверениях» (Misrepresentation Act 1967), в котором обеспечивается защита исковых требований, связанных с нарушением заверений². Несмотря на формальное закрепление института только в 1967 году, зародиться он начал еще в Средние века в связи с разделением гражданского процесса на договорные и долговые иски.

Еще в XVI веке английские суды вывели важные принципы гарантий и заверений. Во-первых, любой договор, который подразумевает исполнение в будущем, означает, что стороны взяли на себя обязательства и должны их исполнить. Во-вторых, так называемый принцип «caveat emptor», который несет в себе обязанность покупателя быть осмотрительным, то есть риски автоматически переходят на «принимающую сторону».

Отличие гарантий от заверений в ответственности за несоблюдение договоренностей. Так, нарушение гарантий при-

водит к требованию возместить убытки, а недостоверные заверения будут иметь последствия в виде возмещения убытков, так и к возможности расторгнуть договор.

Английское право в зависимости от наличия вины, степени последствий и уровня ответственности классифицирует недостоверные заверения на три вида: 1) невиновные заверения (innocent representations), 2) ошибочные заверения (negligent representations), 3) умышленно недостоверные заверения (fraudulent representations). Самые незначительные по всем трем характеристикам – невиновные заверения, то есть субъект был уверен в правдивости заверений, но последствия наступили неблагоприятные. Ответственность наступает в виде взыскания убытков или реституции, или и того, и другого сразу.

Ошибочные заверения связаны с тем, что субъект не намеревался обманывать, но не был до конца уверен в подлинности значимых фактов, либо если им не была исполнена обязанность по проверке фактов. За подобные заверения накладывается обязанность компенсировать убытки.

Самый серьезный тип недостоверных заверений – умышленно недостоверные заверения, при этом не имеет значения прямой или косвенный умысел был в действиях субъектов, важен факт обмана. В таком случае субъект имеет право одновременно и взыскать убытки, и расторгнуть договор. В связи с этим и степень доказывания должна быть выше. Пострадавшая сторона обязана доказать и то, что заверения были умышленно недостоверными, и что субъект полагался именно на них.

Единообразный торговый кодекс США выделяет: 1) «representation» как и в английском праве, то есть обстоятельство, способствующее заключению договора, 2) «warranties» – близкий к английскому праву институт, означающий гарантии или факт, ответственность за истину которого берет на себя одна из сторон договора³. Главным отличием является «covenants», или буквально конвенты, договорное обязательство на совершение того или иного действия.

1 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2 Misrepresentation Act 1967 // Legislation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3GGyJG> (дата обращения: 08.04.2026).

3 Uniform Commercial Code 1963 // Legislation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://clck.ru/3T8h6o> (дата обращения: 08.04.2026).

Существенная разница гарантий и заверений в праве США заключается во времени действия и в последствиях, которые наступят в случае полагания на те или иные факты. Заверения относятся к прошлому и настоящему относительно заключения договора, а гарантии относятся в том числе к будущему. С. Л. Будылин также подчеркивал, что утверждения о будущих фактах являются договорными гарантиями, заранее невозможно знать окажется ли данный факт истинным или ложным [1]. Последствия заверений заключаются в обязанности второй стороны подписать договор на основе предоставленных фактов, а последствия гарантий в намерении взять материальную ответственность за предоставленные факты.

При этом практика и законодательство Соединенных Штатов исходит из так называемой разумной заботливости и компетенции (*reasonable care or competence*) субъектов делового оборота. Следовательно, субъекты должны заботиться о достоверности информации, предоставляемой контрагенту со стороны третьих лиц или их самих. В том случае, если разумная заботливость была проявлена, но наступили неблагоприятные последствия, то это может быть воспринято не как умысел, а как неосторожность.

Недостоверные заверения об обстоятельствах (*misrepresentation*) и гарантии классифицируются в соответствии с Единым образным торговым кодексом США и Сводом права о деликтах от 1977 г.⁴ включают два вида: явные и вменяемые.

Среди явных гарантий: 1) утверждение о фактах или обещание, относящееся к товару, 2) описание товара, 3) образец товара.

Вменяемые или подразумеваемые гарантии: 1) гарантия «пригодности для конкретной цели», 2) гарантия «годности для продажи» (*merchantability*), 3) и другие гарантии, возникающие из обычаев делового оборота.

Недостоверные заверения об обстоятельствах классифицируются на: 1) умолчание или сокрытие (*concealment*), 2) обман (*fraud*), 3) невинное введение в заблуждение (*innocent misrepresentation*).

Последствия недостоверных заверений об обстоятельствах и применения тех или иных гарантий тоже отличаются. В случае существенного нарушения договорных гарантий вне зависимости от того были они явные или подразумеваемые: либо возмещение убытков, либо отказ от договора. В случае же, если нарушение гарантий было несущественным по мнению сторон или суда, то права на отказ от договора пострадавшая сторона не имеет, однако может требовать возмещения убытков. Последствий при выдаче недостоверных заверений больше. Во-первых, если будет доказан умышленный характер недостоверных заверений, прежде всего, в форме обмана, то пострадавшая сторона имеет право не только компенсировать убытки, но и признать договор недействительным. При этом не имеет значения насколько существенными были эти заверения в контексте договора. Во-вторых, в случае, если недостоверные заверения признаны неумышленными, то возможность аннулирования предусмотрена только в случае существенности этих обстоятельств в контексте договоренностей. Право на компенсацию убытков пострадавшая сторона имеет в любом случае, даже если нарушенные условия были несущественны.

Российское законодательство не содержит дефиниции заверений и не даёт их классификации. На основании статьи 431.2 Гражданского кодекса РФ данное понятие можно определить как обстоятельства, имеющие значение для заключения договора, его исполнения или прекращения.

В свою очередь А. Г. Карапетов выделяет три основные группы заверений: 1) в отношении актива (чистота титула передаваемой вещи), 2) в отношении стороны (финансовое положение контрагента), 3) в отношении правовой судьбы самого договора (на сделку получены необходимые согласия государственных органов или третьих лиц) [2].

Иную классификацию предлагает Е. М. Кондратьева на основании положений статьи 431.2 Гражданского кодекса РФ, классифицирует три вида недостоверных заверений об обстоятельствах в Российской Федерации: 1) обычные, 2) заверения, имеющие существенное значение, 3) заверения, повлекшие недействительность договора [3]. Разновидности классифицируются на основании последствий, которые наступили в результате недостоверных заверений и соответственно воз-

можных действий пострадавшего лица. В случае обычного недостоверного заверения пострадавшая сторона имеет право на взыскание убытков или неустойки. Недостоверное заверение, имеющее существенное значение, влечет право не только на возмещение убытков или неустойки, но и отказ пострадавшей стороны от заключенного договора. Из последнего вида, как следует из названия, возникает не только возможность вышеперечисленного, но и возможность признания договора недействительным в соответствии с Гражданским кодексом РФ.

При заимствовании конструкции заверений об обстоятельствах в российском законодательстве была выявлена невозможность предоставления заверений на будущее. Э. Р. Хагба подчеркивает, что функцию заверений, предоставляемых на будущее в английском праве, в России выполняют правила о качестве товара [4].

Правовой смысл конструкции гарантий не определен законом, но применительно к договорам купли-продажи и поставке передан в статье 470 Гражданского кодекса РФ (гарантия качества товара). В России стороны, формулируя в договорах положения, касающиеся состояния объекта позиционируют их как *warranties* аналогичные праву стран общего права. Таким образом, в практике гарантии приобретают большую значимость через договорную конструкцию.

До появления правового регулирования заверений к правоотношениям применялась статья 475 Гражданского кодекса РФ, касающаяся недостатков товара. При приобретении вещи разумно полагать, что она будет передана в состоянии, которое присуще ей в рамках договорных отношений при сопоставимых условиях. В последующем Верховный Суд РФ в постановлении Пленума от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса РФ о заключении и толковании договора» указал на возможность применения санкций, предусмотренных и положениями о ненадлежащем качестве товара, и выдачей недостоверных заверений⁵.

Таким образом, конструкции заверений и гарантий в странах общего права имеют глубокую историю: в Великобритании начали формироваться еще в Средневековье, в США значимость приобретают в XX веке. В России внедрение конструкции заверений в законодательство официально происходит в 2015 году и до настоящего времени существенных изменений не претерпел. Конструкция заверений заимствована из английского права, носит информационный характер для сторон при заключении сделок, закрепляет ответственность при их нарушении. Гарантии, в свою очередь, не были имплементированы в российское законодательство в таком виде, в котором реализованы в странах общего права. Более того, российский законодатель опосредует смысл конструкции гарантий специальными нормами о товаре и принципом свободы договора, так как стороны не ограничены в формулировке текста договора. Тем самым представляется обоснованным вывод, что Россия успешно внедрила конструкцию заверений, не копируя положения о гарантиях, действующие в Великобритании и США, а адаптировав под свои исторические условия и юридические традиции.

Пристатейный библиографический список

1. Будылин С. Л. Заверения и гарантии. Компаративное исследование. - М.: Infotropik, 2017. - 160 с.
2. Карапетов А. Г. Заверения об обстоятельствах и условия о возмещении потерь в новой редакции ГК РФ // Закон - 2015. - № 6. - С. 43-56.
3. Кондратьева Е. М. Виды заверений об обстоятельствах в англо-американской и российской правовых системах. Сравнительно-правовой анализ // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. - 2019. - № 4. - С. 117-123.
4. Хагба Э. Р. Заверения об обстоятельствах в сделках слияния и поглощения // Современное корпоративное право: времен связующая нить: сборник статей / сост. и отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И. С. Шиткина. - М.: Статут, 2024. - С. 481-499.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» от 25.12.2018 № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019 г. - № 2.

4 Restatement of the Law, Second, Torts. Vol. 3. American Law Institute, 1977.

ЩУПАКОВА Мария Евгеньевна

аспирант кафедры гражданского права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

НАСЛЕДОВАНИЕ АВТОРСКИХ ПРАВ В ГЕРМАНИИ И РОССИИ

Статья посвящена вопросу существования авторских прав после смерти по немецкому и российскому праву, в частности, исследуются возможность наследования авторских прав, особенности осуществления авторских прав наследниками и иными уполномоченными лицами. Автор приходит к выводу, что монистическая концепция, предполагающая наследование единого авторского права с имущественными и неимущественными правомочиями, принятая в Германии, способна создать единый и непротиворечивый порядок осуществления авторских прав после смерти автора, тогда как подход российского права не способствует единообразию в правовом положении авторских прав после смерти.

Ключевые слова: авторское право, наследование, монистическая концепция, наследование авторских прав.

SHCHUPAKOVA Mariya Evgenjevna

postgraduate student of Civil law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

THE INHERITANCE OF COPYRIGHT IN GERMANY AND RUSSIA

This article examines the existence of copyright after death under German and Russian law. Specifically, it examines the possibility of copyright inheritance and the specifics of the exercise of copyright by heirs and other authorized persons. The author concludes that the monistic concept, which assumes the inheritance of a single copyright with both property and non-property elements, adopted in Germany, is capable of creating a unified and consistent procedure for the exercise of copyright after the author's death. However, the approach adopted by Russian law does not promote uniformity in the legal status of copyright after death.

Keywords: copyright; inheritance; monist concept; inheritance of copyright.

По немецкому праву, как личные права автора, так и имущественные права (права на использование) образуют неразрывное целое [21, s. 430].

Монистическая теория возобладали в немецкой науке об авторском праве после Второй мировой войны, особенно благодаря работам О. Ульмера и Г. Хубманна, и легла в основу действующего Закона об авторском праве 1965 года [24].

Авторское право не является ни чисто имущественным правом, ни чисто личным правом. Скорее, оно занимает особое место в правовой системе [22, s. 10-11].

В силу прав на использование автор имеет право принимать решения о воспроизведении, коммерческом распространении и публичном исполнении произведения. Решение о публикации и дальнейшем воспроизведении остаётся за автором с учётом его интересов. От этого решения зависят его репутация и судьба его интеллектуального творения. Таким образом, права на использование имеют также лично-правовой аспект [23, s. 98-99].

В случае виновного нарушения права на признание авторства или права на защиту произведения от искажения могут также возникнуть иски о возмещении ущерба, основанные на имущественных правах: в результате отрицания своего авторства или искаженного воспроизведения своего произведения автор может потерять доход, на который он в противном случае рассчитывал, тем самым понесёт убытки [23, s. 98-99].

Яркой иллюстрацией монистической теории является образ дерева, созданный О. Ульмером: две группы интересов (материальные и нематериальные), подобно дереву, представляют собой корни авторского права, а само авторское право – ствол дерева. Полномочия, вытекающие из авторского права, можно сравнить с ветвями этого ствола. Иногда они

черпают свою силу из обеих корней, иногда преимущественно из одного из них [23, s. 101].

Сегодня монистический принцип закреплён в § 11 Закона об авторском праве¹: авторское право защищает автора в его интеллектуальном и личном отношении к произведению, а также при использовании произведения. Оно также служит для обеспечения надлежащего вознаграждения за использование произведения.

Достоинством монистической концепции является отсутствие необходимости разделять имущественные и личные элементы в авторском праве, тогда как в рамках дуалистической концепции не всегда просто осуществить это разделение. Существуют иные интеллектуальные права, которые не относятся ни к имущественным, ни к личным; в отношении некоторых традиционных личных неимущественных прав автора высказываются сомнения относительно отсутствия имущественных элементов в них.

Дуализм позволяет устанавливать разное регулирование для имущественных и личных неимущественных прав, в частности, разные сроки их существования, какие-то права могут быть отчуждаемыми и наследуемыми, какие-то – нет. На первый взгляд, это достоинство с учетом разной природы прав. Но, с другой стороны, с учетом связи между имущественными и личными правами разное регулирование может не быть преимуществом, а, наоборот, создавать противоречия. В рамках монистической концепции личные права также прекращают свое действие по истечении срока действия авторского права, но в Германии по истечении 70-летнего срока

1 Urheberrechtsgesetz vom 9. September 1965 (BGBl. I S. 1273), das zuletzt durch Artikel 28 des Gesetzes vom 23. Oktober 2024 (BGBl. 2024 I Nr. 323) geändert worden ist.

охрана личности автора возможна, во-первых, в рамках защиты, предоставленной общим личным правом, во-вторых, в соответствии с законодательством об охране памятников и культурных объектов².

Также свободно допускается передача исключительного права. В рамках монистической модели, поскольку передача авторского права среди живых недопустима, у производного правообладателя возникает самостоятельное право путем обременения первоначального права использования автора.

Однако практических следствий различия между монистической и дуалистической концепциями не так много, хотя нельзя сказать, что их нет совсем. Несмотря на неотчуждаемость авторского права, автор может предоставлять лицензии на использование произведения, которые в соответствии с договором могут быть ограничены по месту, времени и цели или не иметь ограничений, могут быть для определенного способа использования или для всех известных способов использования; могут быть исключительными или неисключительными. Исключительный лицензиат имеет право принимать меры против нарушений авторских прав без согласия автора и исключать всех, включая автора, в порядке, указанном в договоре. Последствия исключительной и бессрочной лицензии будут практически такими же, как и последствия уступки исключительного права. Что касается различий между лицензией и уступкой, они заключаются в том, что лицензиаты ограничены действиями, предусмотренными договором. За исключением исключительных лицензий, лицензиаты не имеют права противодействовать нарушениям прав другими лицами без согласия автора [17, р. 208].

В свою очередь, когда уступка исключительного права допустима, полномочия производных обладателей исключительного права не безграничны, они обязаны не допускать нарушений личных неимущественных прав автора.

§ 28 Закона об авторском праве посвящен наследованию авторских прав.

Автор имеет два способа распорядиться своими правами на случай смерти: завещание или наследственный договор. Если автор не оставляет ни того, ни другого, авторские права наследуются в соответствии с законом³.

Все авторские права подлежат наследованию, авторские права могут наследоваться многократно до окончания срока действия охраны. § 28 Закона об авторском праве применяется к авторскому праву в целом, т.е. к основному праву, находящемуся в руках правообладателя, при этом завещательное распоряжение может быть также направлено на разделение отдельных компонентов, таких как права использования, но в определенных пределах⁴.

К наследникам переходят не только права на использование, которые легко подпадают под определение «имущества» согласно § 1922 ГГУ⁵, но и личные неимущественные права автора. В соответствии с монистическим толкованием оба компонента остаются связанными и при наследовании [18, S. 154f].

Принцип непередаваемости, закрепленный в § 29 Закона об авторском праве, гласит, что авторское право не может быть передано ни полностью, ни частично (например, в части прав на использование) между живыми [20, s. 183]. Доля соавторов также непередаваема. Разрешается предоставление прав использования (§ 31), обязательно-правовые согласия и соглашения о правах эксплуатации, а также юри-

дические сделки о личных неимущественных правах, регулируемые § 39 Закона об авторском праве⁶.

Исключением из принципа непередаваемости является передача авторских прав *inter vivos* в порядке исполнения завещательного распоряжения, в частности, в случае завещательного отказа или условного завещательного распоряжения, а также при разделе наследства [20, s. 184].

Таким образом, основной особенностью немецкого авторского права, предопределяющей и наследование авторских прав, является, конечно, монистическая концепция. Монистический подход к авторскому праву требует установления единых правил, относящихся ко всем аспектам авторского права. Достоинством такого подхода является единый порядок наследования – все правомочия в составе авторского права переходят к наследникам, в отличие от дуалистического подхода, в котором наследуются не все права автора. Это проще, чем определять судьбу каждого права автора после его смерти отдельно, и позволяет сосредоточить все авторские права в руках, по крайней мере, только наследников, без привлечения родственников, не являющихся наследниками, и иных заинтересованных лиц.

Российский законодатель придерживается дуалистического (а на самом деле тройственного) подхода: выделяются имущественное исключительное право, которое может свободно отчуждаться и передаваться по наследству, личные неимущественные права автора, на первый взгляд, неотчуждаемые, и иные права, которые нельзя отнести ни к имущественным, ни к личным правам, и для каждого из которых есть свои правила.

При этом нельзя сказать, что критерий разделения авторских прав на имущественные и личные неимущественные не вызывает никаких дискуссий. Считается, что принципиальное различие достигается благодаря неотчуждаемости личных прав автора и характеру защищаемого интереса [16]. Однако, как видно на примере немецкого права, характер защищаемого интереса таким критерием быть не может, так как во многих случаях нарушений исключительного права затрагиваются личные неимущественные права автора и наоборот. Такая зависимость между имущественными и неимущественными интересами автора носит фактический характер и никак не связана с теоретическими представлениями о структуре авторских прав.

В отношении права авторства и права автора на имя существует меньше всего сомнений в том, что они действительно соответствуют традиционным признакам личных неимущественных прав, то есть неотчуждаемы, тесно связаны с личностью, не преследуют прямо материальную выгоду. Так, В. А. Дозорцев именно в отношении этих прав писал, что они соответствуют требованиям, установленным ГК РФ, упоминая, однако, что право автора на имя может быть отнесено к личным неимущественным правам очень условно [5, с. 137-138, 291]. В п. 2 ст. 1228 ГК РФ среди личных неимущественных прав автора прямо названы только право авторства и право автора на имя.

В. А. Хохлов описывает право авторства как личное право и в плане противопоставления имущественным правам, и для указания на роль самого творца в формировании всей системы авторских прав [14].

Можно сказать, что право авторства и право автора на имя действительно в большей степени, нежели иные личные неимущественные права автора, соответствуют их признакам. Однако все равно нельзя утверждать, что при нарушении права авторства или права автора на имя вообще никогда не могут затрагиваться имущественные интересы. Например, автор может потерять какую-то часть дохода, если его имя не будет указано на книге, и такие экземпляры будут пользоваться гораздо меньшей популярностью.

6 Fromm K. F., Nordemann J. B. Op. cit. § 29 Rn. 3.

2 Dietz A. in: Urheberrecht: Kommentar / Hrsg. von G. Schricker. - 2. Aufl. : München, 1999. - Vor §§ 12 ff. Rn. 35. - S. 259.

3 Urheberrecht. Kommentar zum Urheberrechtsgesetz, Verlagsgesetz, Urheberrechtswahrnehmungsgesetz / begr. von Fromm K. F., Nordemann J. B. - 11. Aufl. Stuttgart, 2014. - Rn. 5.

4 Fromm K. F., Nordemann J. B. Op. cit. § 28 Rn. 9.

5 Гражданское уложение Германии: Вводный закон к Гражданскому уложению / 4-е изд., перераб. - М.: Инфотропик Медиа, 2015.

Относительно права на неприкосновенность произведения и права на обнародование необходимо отметить, что прямо они не названы законодателем личными неимущественными, следовательно, сохраняется теоретическая возможность их квалификации в качестве иных прав, что еще больше ставит под сомнение их неимущественную природу.

В. А. Дозорцев полагал, что право на неприкосновенность произведения нельзя отнести к личным неимущественным правам, поскольку оно, по крайней мере, в части, может переходить к другому лицу, то есть не обладает признаком неотчуждаемости. Право на неприкосновенность произведения и право на его опубликование влекут за собой имущественные последствия, и, безусловно, являются отчуждаемыми, во всяком случае, в существенных частях [5, с. 17, 30-31, 291].

Г. Н. Чернишкина также не считает возможным относить право на неприкосновенность к личным неимущественным правам, она полагает, что это иное право, так как право на неприкосновенность произведения может принадлежать не только автору по смыслу абз. 2 п. 1 ст. 1266 ГК РФ, но и правообладателю, который аналогично может реализовать данное право [15].

В п. 1 ст. 1266 ГК РФ подчеркивается связь права на неприкосновенность с имущественными интересами правообладателей автора, так как после смерти автора только лицо, обладающее исключительным правом на произведение, вправе разрешить внесение в произведение изменений, сокращений или дополнений, тогда как наследники и другие заинтересованные лица могут только осуществлять охрану неприкосновенности произведения.

Правообладатель исключительного права может внести изменения в произведение, заинтересованные лица могут требовать защиты чести и достоинства умершего автора, если изменение произведения порочит честь, достоинство или деловую репутацию автора (п. 2 ст. 1266 ГК РФ), заинтересованные лица (круг которых не обязательно совпадает с лицами, уполномоченными защищать честь и достоинство умершего) могут осуществлять охрану неприкосновенности произведения. Полагаем, что такая ситуация с разным кругом субъектов способна порождать конфликтные ситуации (например, наследник исключительного права дает согласие на внесение изменений в произведение, а родственник автора считает, что такие изменения искажают замысел автора), логичнее сосредоточить указанные полномочия в руках одних и тех же субъектов.

Посмертный режим одного только права на неприкосновенность произведения не является единообразным, не говоря уже о других авторских правах.

Согласно п. 90 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»⁷, при переходе исключительного права в порядке наследования у обладателей исключительного права могут возникать и иные интеллектуальные права, имеющие неимущественный характер, в объеме, определяемом ГК РФ, в частности право разрешать внесение в произведение изменений, сокращений или дополнений (абз. 2 п. 1 ст. 1266 ГК РФ), право на обнародование произведения, не обнародованного при жизни автора (п. 3 ст. 1268 ГК РФ).

Верховный Суд РФ исключает переход данных прав по наследству, полагая, что такие права возникают у наследников в силу прямого указания закона, то есть наследники осуществляют свое собственное право. Это, однако, не вполне соответствует тому, что наследники должны действовать в соответствии с интересами автора, а не своими собственными,

что особенно ярко видно на примере права на неприкосновенность произведения.

В науке же существует позиция о наследуемости права на неприкосновенность произведения: как пишет Э. П. Гаврилов, правомочия наследника вносить в произведение определенные изменения явно свидетельствуют о том, что право на неприкосновенность переходит по наследству, хотя и не полностью, а лишь частично [4].

Представляется, что формулировка нормы абз. 2 п. 1 ст. 1266 ГК РФ все же не дает оснований для вывода о наследуемости права на неприкосновенность, скорее данная норма свидетельствует о передаваемости права на неприкосновенность вообще, поскольку исключительное право может перейти к другому лицу при жизни автора, и после его смерти у этого лица возникнет право давать согласие на внесение изменений в произведение не в порядке наследования.

Таким образом, существующий посмертный режим права на неприкосновенность произведения нельзя признать совершенным, он излишне сложный и разрозненный, и основная причина этого заключается, по нашему мнению, в том, что право на неприкосновенность произведения охватывает и неимущественные, и имущественные интересы автора, а после его смерти – правопреемников.

Наличие имущественной составляющей в праве на обнародование уже, по-видимому, не является предметом спора.

В. А. Дозорцев [5, с. 137-138], Н. В. Щербак [11], В. А. Корнеев [8, с. 85], Е. А. Павлова [1], М. В. Телюкина [12], И. А. Михайлова [9] указывают на наличие имущественной составляющей в праве на обнародование произведения.

Э. П. Гаврилов полагает, что целесообразно признать, что и право на неприкосновенность, и право на обнародование включают имущественный элемент и потому переходят по наследству [4]. С наследуемостью права на обнародование произведения соглашались также П. В. Крашенинников [7], А. В. Китаева [6]. Напротив, по мнению Б. А. Булаевского, право на обнародование, несмотря на имущественный характер, прекращается смертью автора, а у наследников возникает самостоятельное право на обнародование [3].

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 также говорит о возникновении у наследников права на обнародование, а не переходе его по наследству.

Проведенный анализ авторских прав, традиционно относимых к личным неимущественным правам автора, показывает, что нет никакого единого правового режима личных неимущественных прав, в том числе посмертного. Право авторства и право автора на имя еще можно признать неотчуждаемыми и, как следствие, не передаваемыми по наследству, но тогда необходимо объяснить, на каком основании наследники и иные заинтересованные лица осуществляют их охрану. Наличие имущественных элементов в праве на неприкосновенность произведения и праве на обнародование, несомненно, судебная практика исходит из того, что данные права не наследуются, но у наследников возникают самостоятельные права на внесение изменений в произведение и на обнародование неопубликованного автором при жизни произведения, при этом их посмертный режим также не отличается единообразием, особенно это касается права на неприкосновенность произведения.

Позиция Е. А. Ходыревой заключается в том, что наследники не могут быть наделены только правом авторства, правом на имя и правом доступа в силу личного характера таких прав и прямого указания закона, но наделяются иными личными неимущественными правами: правом на неприкосновенность произведения, правом на обнародование произведения, правом на отзыв произведения, правом следования. При этом право на обнародование произведения не переходит к наследникам, но принадлежит им в силу презюмируемого законом согласия самого автора, право на не-

7 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. - 06.06.2012. - № 127.

прикосновенность произведения и защиту произведения от искажения после смерти автора также принадлежит наследникам как обладателям исключительного права [13].

Данная позиция представляется небесспорной, поскольку отрицание наследования в полной мере не объясняет, на каком основании наследникам принадлежит личное неимущественное право автора, а также создается ситуация, когда разные личные неимущественные и иные права возникают у наследников в силу разных оснований.

Приходится констатировать, что действующее законодательство не содержит четкой и ясной системы интеллектуальных прав, что не может не влечь последствий в виде отсутствия определенного и понятного посмертного режима всех авторских прав, кроме исключительного. Какие-то права наследуются, какие-то охраняются заинтересованными лицами после смерти автора, какие-то осуществляются правообладателями исключительных прав, относительно некоторых авторских прав нет никаких законодательных предписания об их судьбе после смерти автора.

Во многом такая ситуация вызвана, по нашему мнению, невозможностью разграничить имущественные и неимущественные интересы автора. Во всех личных неимущественных правах, и тем более в иных правах, можно увидеть имущественную составляющую.

Изложенное позволяет предположить, что монистическая концепция, предполагающая существование единого авторского права с имущественными и личными неимущественными правомочиями в его составе, может оказаться предпочтительной.

Данная идея для российского права вовсе не нова. В. И. Серебровский полагал, что каждое принадлежащее автору право (правомочие) призвано в той или иной мере охранять как его имущественные, так и неимущественные интересы [10, с. 101].

Б. С. Антимонов и Е. А. Флейшиц также полагали, что в порядке наследования авторское право на произведение переходит как известный комплекс; к наследнику переходят как личные неимущественные правомочия автора, так и его имущественные правомочия. Переход только одной категории правомочий был бы невозможен, поскольку имущественные правомочия автора основаны на его личных неимущественных правах [2, с. 152].

В рамках монистической концепции все правомочия автора, и имущественные, и личные неимущественные, и те, которые нельзя однозначно отнести к имущественным или неимущественным, должны наследоваться. Это не так уж сильно расходится с текущим положением дел, при котором большинство авторских прав так или иначе могут осуществляться после смерти автора, а авторство, право на имя и неприкосновенность произведения, по крайней мере, могут быть предметом охраны со стороны заинтересованных лиц. Наследование единого авторского права позволит создать единый правовой режим осуществления авторского права после смерти автора и, в том числе, избежать путаницы с кругом лиц, уполномоченных на осуществление или охрану соответствующих прав.

Пристатейный библиографический список

1. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г. Е. Авилов, К. В. Всеволожский, В. О. Калятин и др.; под ред. А. Л. Маковского. - М.: Статут, 2008.
2. Антимонов Б. С., Флейшиц Е. А. Авторское право. - М.: Госюриздат, 1957.
3. Булаевский Б. А. Посмертные режимы имущественных интеллектуальных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2021. - № 5. - С. 12-15.

4. Гаврилов Э. О наследовании интеллектуальных прав // Хозяйство и право. - 2011. - № 10. - С. 46-57.
5. Дозорцев В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. статей. - М.: Статут, 2003.
6. Китаева А. В. Наследование интеллектуальной собственности // Наследственное право. - 2016. - № 4. - С. 38-40.
7. Крашенинников П. В. Наследственное право (включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / 4 е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2019.
8. Корнеев В. А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. - М.: Статут, 2010.
9. Михайлова И. А. Имущественная составляющая личных неимущественных авторских прав: вопросы теории и практики // Труды по интеллектуальной собственности. - 2022. - № 41 (2). - С. 44-53.
10. Серебровский В. И. Вопросы советского авторского права. - М.: Изд во АН СССР, 1956.
11. Гражданское право: учебник. В 4 томах. Т. 2. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е. А. Суханов. - М.: Статут, 2019.
12. Телюкина М. В. Право на обнародование произведения - личное или имущественное? // ИС. Авторское право и смежные права. - 2007. № 8. - С. 6-7.
13. Ходырева Е. А. Охрана и осуществление личных неимущественных прав автора произведения науки, литературы, искусства после его смерти // Наследственное право. - 2012. - № 2. - С. 37-42.
14. Хохлов В. А. О праве авторства // Законы России: опыт, анализ, практика. - 2012. - № 4. - С. 52-59.
15. Чернишкина Г. Н. Право на неприкосновенность произведения, право на обнародование произведения и его отзыв // Современное право. - 2019. - № 4. - С. 93-100.
16. Щербак Н. В. Проблемы авторского права в трудах В. И. Серебровского // Вестник гражданского права. - 2025. - № 2. - С. 123-143.
17. Dietz A. The Moral Right of the Author: Moral Rights and the Civil Law Countries // 19 Columbia-VLA Journal of Law & the Arts. - 1994. - Vol. 203. - P. 199-286.
18. Eggersberger M. Die Übertragbarkeit des Urheberrechts in historischer und rechtsvergleichender Sicht. - VVF, 1992.
19. Urheberrecht. Kommentar zum Urheberrechtsgesetz, Verlagsgesetz, Urheberrechtswahrnehmungsgesetz / begr. von Fromm K. F., Nordemann J. B. - 11. Aufl. Stuttgart, 2014.
20. Haertel K., Schiefler K. Urheberrechtsgesetz und Gesetz über die Wahrnehmung von Urheberrechten und verwandten Schutzrechten. - Köln, 1967.
21. Schulze M. Materialien zum Urheberrechtsgesetz: Texte - Begriffe - Begründungen. - 2. Aufl, 1997.
22. Schricker G. Urheberrecht: Kommentar / Hrsg. von G. Schricker. - 2. Aufl.: München, 1999.
23. Ulmer O. Urheber und Verlagsrecht. - 3 neu bearbeitete Auflage. - Berlin, 1960.
24. Vogel M. in: Urheberrecht: Kommentar / Hrsg. von G. Schricker. - 2. Aufl.: München, 1999. - Einleitung, Rn. 72. - S. 39.

КУЛИК Татьяна Юрьевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Московский университет им. С. Ю. Витте, филиал в г. Ростов-на-Дону; доцент кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ «ГОНОРАРА УСПЕХА»: ЧТО ГОВОРIT ЗАКОН И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Долгие годы оплата юридических услуг путем включения в договор «гонорара успеха» был предметом дискуссий. Суды то отрицали в принципе возможность его взыскания, то разрешали опосредовать оплату юридических услуг в зависимости от их результата. Урегулирование «гонорара успеха» — это необходимость для баланса интересов клиента и юриста, а также для предотвращения злоупотреблений и судебных споров. Этот вопрос важен с правовой, этической и практической точек зрения. Главная причина — разный правовой статус исполнителей. С 2020 года в России «гонорар успеха» официально разрешен только для адвокатов. «Гонорар успеха» создает почву для конфликта интересов, если его не ограничивать. Главная проблема сегодня — это не столько отсутствие закона, сколько отсутствие единообразного понимания и применения закона судами, а также правовая дискриминация юристов без статуса.

Ключевые слова: свобода договора, договор возмездного оказания услуг, заказчик, исполнитель, соглашение об оказании правовой помощи, адвокатура, «гонорар успеха».

KULIK Tatyana Yurjevna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, S. Yu. Witte Moscow University, Branch in Rostov-on-Don; associate professor of Procedural law sub-faculty, South-Russian Institute of Management (Branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don

LEGAL REGULATION OF «SUCCESS FEES»: WHAT THE LAW AND CASE LAW SAY

For many years, the inclusion of a «success fee» in legal services contracts has been a subject of debate. Courts have either denied the possibility of collecting it altogether or allowed payment for legal services to be based on results. Regulating the «success fee» is essential to balance the interests of the client and the lawyer, as well as to prevent abuse and litigation. This issue is important from a legal, ethical, and practical perspective. The main reason is the different legal status of the providers. Since 2020, in Russia, «success fees» have been officially permitted only for attorneys. «Success fees» create grounds for conflicts of interest if left unchecked. The main problem today is not so much the absence of a law, but rather the lack of a uniform understanding and application of the law by the courts, as well as legal discrimination against unregistered lawyers.

Keywords: freedom of contract; contract for the provision of services; client; provider; agreement on the provision of legal assistance; advocacy; «success fee».

Для договоров оказания юридических услуг, если мы не берем случаи бесплатного оказания юридической помощи адвокатами, важным условием является оплата, размер и порядок которой необходимо указать в договоре. Размер оплаты может варьироваться в зависимости от вида услуги лица, ее оказывающего. ГК РФ в качестве обязанности заказчика предусматривает оплату в сроки и в порядке, согласованном в самом договоре (п. 1 ст. 781 ГК РФ). Собственно, учитывая, что помимо адвокатских образований, чаще всего юридические услуги оказываются коммерческими организациями или индивидуальными предпринимателями, цель оказания юридических услуг для них, в первую очередь, получать доход от такого вида деятельности. Поэтому неудивительно, что в договоре возмездного оказания юридических услуг размер оплаты не просто должен быть зафиксирован, он является существенным условием.

Порядок оплаты услуг может определяться как в твердой денежной сумме, так и повремено (почасовая, дневная, помесечная, поэтапная оплата), с учетом конечного результата.

Если юридическая услуга четко определена как по периоду ее оказания, так и по перечню действий, то, как правило, применяется твердая оплата. Так, для составления договора, искового заявления (без дальнейшего сопровождения в суде), проекта документов, необходимых для совершения регистрационных действий, перечень документов заранее определен, стандартен и не подразумевает наличие неожиданностей. И наоборот, количество судебных заседаний не может быть запланировано заранее, равно как и перечень документов, необходимых для отстаивания своей правовой позиции в суде: может потребоваться подача ходатайств, истребование доказательств, уточнение исковых требований в зависимости от хода дела. Следовательно, оплату в данном случае целесообразно установить в зависимости от того, насколько трудоемким оказался процесс, и сколько времени потребовалось для оказания юридической услуги.

Камнем преткновения относительно оплаты юридических услуг является так называемый «гонорар успеха». Вопрос о возможности обоснования размера оплаты результа-

том дела не раз становится предметом обсуждения в научных кругах. Конституционный Суд РФ также не раз высказывался относительно правомерности «гонорара успеха» [1]. Необходимо отметить, что мнение Конституционного Суда РФ долгое время было негативным. Что, в общем-то, странно, поскольку ГК РФ не запрещает обосновывать какие-либо условия договора выполнением или не выполнением других условий. Принцип свободы договора, который является базовым в договорном регулировании, позволяет сторонам при наличии взаимного согласия включать в договор любые, не запрещенные законом, условия, отвечающие их потребностям. Подтверждает в настоящее время возможность согласования «гонорара успеха» с адвокатами и судебная практика¹. Более того, в законодательстве, регулирующем адвокатскую деятельность, применительно к соглашению об оказании правовой помощи адвокатами, прямо указывается, что оно имеет гражданско-правовую природу. Следовательно, принципы договорного регулирования, закрепленные в Гражданском кодексе РФ, в равной мере будут распространяться и на это соглашение.

Регулирование «гонорара успеха» в мире представляет собой сложную и разнообразную картину. Подходы разных стран варьируются от практически полной свободы до строгих запретов, при этом большинство юрисдикций выбирают срединный путь, устанавливая определенные рамки и ограничения. Эти ограничения, как правило, касаются тех же областей, о чем речь идет и в контексте российского права. Так, США являются классическим примером, где процентная модель стала основой доступа к правосудию по гражданским искам.

Известный российский адвокат Г. М. Резник утверждает: «Категорически воспрещено осуществлять *aktum de quota*

1 Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2025 № 88-6770/2025 (УИД 25RS0004-01-2024-001232-59). [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Судебная практика» (дата обращения: 14.12.2025).

litis, т.е. соглашение с клиентом, на основании которого гонорар ставится в зависимость от результатов по делу, исключая имущественные споры, где есть цена иска. (разумеется, это не служит препятствием клиенту, удовлетворенному полученным результатом, дополнительно отблагодарить адвоката, но это исключительно по собственной доброй воле)» [2].

Однако как раз в этом случае и возникает вопрос о правомерности такой благодарности. В какие правовые рамки она укладывается, если укладывается вообще. И почему благодарность, которая возможна по собственной доброй воле, не может быть включена в договор при его заключении по той же собственной доброй воле.

Еще одним аргументом против упоминания «гонорара успеха» в договоре является природа услуг, как объектов гражданско-правового регулирования. Действительно, в отличие от работ (пользуясь терминологией ст. 128 Гражданского кодекса РФ – результатов работ), услуги (точнее, оказание услуг (ст. 128 ГК РФ)) не всегда предполагают материальный результат, который можно оценить. Поэтому и само их правовое регулирование услуг направлено на регулирование процесса оказания услуг. Однако это не означает, что результат у услуг нет, так или иначе любой процесс заканчивается результатом. Оценивать его должны сами стороны договора, причем лучше закрепить критерии оценки уже при заключении договора. Это поможет и сами сторонам, которые будут представлять, к чему именно должен привести процесс оказания услуг, и суду – в случае возникновения спора о ненадлежащем их оказании.

Представляется, что при участии адвоката по уголовным делам «гонорар успеха» может привести к возможным, но только возможным, действиям, которые противоречат сущности и назначению правовой помощи. Но когда речь идет о гражданских делах, то включение в договор оказания юридических услуг условия о «гонораре успеха» кажется логичным хотя бы потому, что процент этого гонорара может быть определен, исходя из имущественных требований заявителя.

Дискуссионным является возможность оплаты «гонорара успеха» применительно к неимущественным спорам. Основополагающий принцип, на который опираются суды, был сформулирован Конституционным Судом РФ еще в 2007 году. Согласно ему, судебное решение не может быть объектом гражданских прав или предметом договора. Включение условия о выплате вознаграждения в зависимости от решения суда, по мнению КС РФ, «расходится с основными началами гражданского законодательства», так как подразумевает своеобразную «торговлю» правосудием².

Логика проста: по имущественным спорам (взыскание долга, убытков) «успех» легко измерим в деньгах – это сумма, которую удалось отсудить для клиента. Процент от этой суммы и составляет «гонорар успеха». В неимущественных спорах (о защите чести и достоинства, о правах ребенка, об определении порядка общения, о компенсации морального вреда) «успех» невозможно объективно и точно измерить в денежном эквиваленте. Как оценить в рублях восстановленную репутацию или выигранное дело о лишении родительских прав? По делам искового производства, как правило, оценка «выигрыша» возможна, тогда как по делам особого производства о «выигрыше» вообще говорить некорректно. Именно поэтому закон прямо не предусматривает, и суды не применяют «гонорар успеха» в таких категориях дел. В деле, где среди требований будет компенсация морального вреда (неимущественное требование), суд, скорее всего, вделает вывод о недействительности условия о гонораре, привязанном к результату.

Конечно, и применительно к имущественным спорам размер такого «гонорара» должен быть согласован с заказчиком, как и сама возможность его включения в договор. Как представляется навязать заказчику размер оплаты юридических услуг в зависимости от результата дела нельзя, поскольку это будет противоречить самой природе гражданско-правового договора, который должен быть взаимосогласованным. Конечно, гражданское законодательство знает исключения, когда сторонами заключается договор присоединения, однако договор возмездного оказания юридических услуг к таковым отнести нельзя. В имущественных требованиях опре-

делить размер «гонорара успеха» проще, однако и в других исковых требованиях, например, связанных с признанием права собственности, это не исключено. Даже в случае участия в качестве представителя по делам, вытекающим из публичных правоотношений, по желанию сторон включение условия об определении размера вознаграждения в зависимости от результата дела не кажется противозаконным. В любом случае оплата «гонорара успеха» возможна только в случае достижения результата, согласованного сторонами³.

В связи с этим, как для будущего реформирования законодательства, так и для правоприменителей большой интерес имеет дело, которое передано на рассмотрение в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ (Определение Верховного Суда РФ от 05.02.2026 № 305-ЭС25-13450 по делу № А40-5833/2024⁴). В ходе изучения кассационной жалобы судей Верховного Суда РФ было установлено, что нижестоящие суды по требованию индивидуального предпринимателя взыскали не только стоимость оказанных им юридических услуг, но и включили в эту стоимость «гонорар успеха», ни размер, ни сам факт оплаты которого не был согласован сторонами. Что примечательно, суды при рассмотрении дел в основу решений положили оценку экспертов, которые проанализировав стоимость юридических услуг на рынке, автоматически добавили к стоимости оказанных услуг «гонорар успеха» в размере 10 % от суммы спора, проигнорировав необходимость достижения соглашения о порядке и условиях его выплаты.

Даже из этого определения можно сделать ряд выводов, которые могут повлиять на правовое регулирование «гонорара успеха». Во-первых, ВС РФ указал, что «гонорар успеха» не имеет дефиниции в законодательстве Российской Федерации. Тем не менее, на практике «под этим термином подразумевается премия, согласованная сторонами договора». Во-вторых, это условие договора должно быть согласовано сторонами, поскольку имеет договорную, гражданско-правовую природу. Следовательно, он не автоматически выплачивается лицу, оказывающему юридические услуги, его размер не может быть определен экспертами, а должен быть согласован в заключаемом между исполнителем и заказчиком договоре. В-третьих, успешность или неуспешность результата услуги не может определяться одной из сторон договора. Это необходимо также согласовать обеими сторонами.

Также еще одним интересным выводом, который важен по итогам рассмотрения указанного дела в Судебной коллегии ВС РФ, является применимость правила о выплате «гонорара успеха» к лицам, не являющимся адвокатами. Ведь в настоящее время такое условие может быть включено лишь в соглашение, заключаемое с адвокатами.

Таким образом, можно говорить о том, что дискуссии относительно упоминания в договоре оказания юридических услуг не утихнут как минимум до тех пор, пока законодатель не определит четкие критерии его уплаты. Целесообразно уравнивать в правах адвокатов и лиц, не имеющих такого статуса, для обеспечения принципа равенства при получении гражданами и организациями юридической помощи, а также предусмотреть в принципе специфику юридических услуг в качестве объекта гражданско-правового регулирования.

Пристатейный библиографический список

1. Накушинова Е. В. Вознаграждение исполнителя по договорам оказания правовых услуг (гонорар успеха) // Современное право. – 2014. – № 2 – С. 3.
 2. Резник Г. В адвокатуре завелся вирус коммерции, но эпидемия предотвратима // Российская юстиция. – 1999. – № 11. – С. 24-33.
 3. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.10.2025 № 8Г-29234/2025 [88-26682/2025] (УИД 77RS0023-02-2024-007372-40). [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». Раздел «Судебная практика» (дата обращения: 14.02.2025).
 4. Определение Верховного Суда РФ от 05.02.2026 № 305-ЭС25-13450 по делу N А40-5833/2024. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=877916#10pLdCVCcCofXqxU> (дата обращения: 23.02.2026).
- 2 Бобылин С. Л. ВС усмотрел в премии юристам «гонорар успеха». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bartolius.ru/news_comm/vs-usmotrel-v-premii-yuristam-gonorar/ (дата обращения: 28.02.2026).

ФАТЫХОВА Анарина Радиковна

старший преподаватель кафедры гражданского процессуального права, Казанский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Казань

ТРЕТЕЙСКИЙ СУД КАК ФОРМА ДЕЛЕГИРОВАНИЯ ЮРИСДИКЦИОННОЙ ФУНКЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В условиях усложнения экономического оборота и роста трансграничных связей арбитраж сохраняет устойчивые позиции как способ разрешения частноправовых конфликтов. Российское законодательство о третейских судах после реформы 2016-2017 гг. исходит из институциональной модели постоянных арбитражных учреждений и усиливает механизмы государственного контроля.

В доктрине сохраняется дискуссия о правовой природе третейского суда. Одни авторы подчеркивают договорной характер арбитража и выводят его полномочия из автономии воли сторон. Другие акцентируют внимание на институциональной зависимости от национального правопорядка. Между тем отсутствие целостной теории, объясняющей происхождение юрисдикционной компетенции третейского суда, затрудняет системное понимание соотношения частного и публичного начал. Представляется обоснованным рассматривать третейский суд как форму делегирования юрисдикционной функции при условии строгого разграничения данного делегирования и конституционного правосудия.

Ключевые слова: третейский суд, арбитраж, арбитражная юрисдикция, правоприменительная деятельность, публичная функция, государственное принуждение, судебный контроль, арбитражное соглашение, арбитрабельность, публичный порядок, процессуальный суверенитет.

FATYHOVA Anarina Radikovna

senior lecturer of Civil process law sub-faculty, Kazan Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

ARBITRATION COURT AS A FORM OF DELEGATION OF THE JURISDICTIONAL FUNCTION: A THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS

In the context of increasing complexity of economic transactions and the expansion of cross-border relations, arbitration continues to maintain a strong position as a method of resolving private law disputes. Following the 2016-2017 reform, Russian legislation on arbitral tribunals is based on an institutional model of permanent arbitral institutions and strengthens mechanisms of state supervision.

Academic doctrine continues to debate the legal nature of the arbitral tribunal. Some scholars emphasize the contractual character of arbitration and derive its authority from the autonomy of the parties' will. Others focus on its institutional dependence on the national legal order. Meanwhile, the absence of a coherent theory explaining the origin of the arbitral tribunal's jurisdictional competence complicates a systematic understanding of the relationship between private and public elements. It appears well-founded to consider the arbitral tribunal as a form of delegation of the jurisdictional function, provided that this delegation is strictly distinguished from constitutional justice.

Keywords: arbitration court, arbitration, arbitral jurisdiction, law enforcement activity, public function, state coercion, judicial control, arbitration agreement, arbitrability, public policy, procedural sovereignty.

Юрисдикционная деятельность характеризуется решением правового конфликта на основе норм права, вынесением обязательного решения и возможностью его принудительного исполнения. Третейский суд, разрешая спор, осуществляет квалификацию фактических обстоятельств, толкование и применение норм материального права, формулирует властное предписание индивидуального характера. По своей структуре эта деятельность совпадает с классической моделью правоприменения [2].

Признаки публичной функции третейского суда проявляются, прежде всего, в обязательности решения для сторон и в возможности его принудительного исполнения [3]. Хотя третейский суд не входит в систему государственных судов, его решение после прохождения процедуры признания и выдачи исполнительного листа приобретает качество акта, обеспеченного государственным принуждением [4]. Следовательно, арбитражная деятельность не исчерпывается частной процедурой согласования интересов; она завершает правовой конфликт путем вынесения юридически значимого акта [1].

Вместе с тем третейский суд не осуществляет правосудие в конституционном смысле. Конституционная модель

правосудия предполагает осуществление судебной власти исключительно судами, образованными в соответствии с федеральным законом и входящими в судебную систему¹. Третейский суд не наделен статусом органа судебной власти, его решения не обладают свойством преюдициальности вне рамок конкретного спора, а процессуальные гарантии обеспечиваются в ином объеме. Поэтому речь может идти не о «частном правосудии», а о правоприменительной деятельности, санкционированной государством.

Арбитражная юрисдикция возникает на основании третейского соглашения. Однако соглашение само по себе не способно придать решению обязательную силу вне сферы добровольного исполнения. Обязательность обеспечивается механизмом государственной поддержки. Государственный суд проверяет соблюдение процессуальных требований, отсутствие нарушений публичного порядка и выдает исполнительный лист. Международное признание обеспечивается режимом, установленным в

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 2020.

Нью-Йоркской конвенции, которая обязывает государств-участников признавать и исполнять иностранные арбитражные решения при соблюдении определенных условий².

Таким образом, арбитражная юрисдикция не является чисто частной. Ее действие выходит за пределы договорной сферы, поскольку конечная стадия исполнения опирается на публичную власть. Государство сохраняет монополию на принуждение, не передавая ее третьей стороне. Именно это обстоятельство отличает арбитраж от иных альтернативных способов разрешения споров, например медиации, где результат не обладает принудительной силой без дополнительной легитимации.

Следовательно, юрисдикционная власть третейского суда имеет производный характер: она реализуется при условии признания государством процедурных рамок и результатов деятельности арбитража.

Относительно делегирования, под которым в публичном праве понимают передачу части полномочий от одного субъекта власти другому при сохранении общей ответственности и контроля, в контексте арбитража, означает, что государство не передает судебную власть, но допускает осуществление частными субъектами правоприменительной деятельности, результаты которой признаются при соблюдении установленных условий.

Делегирование в арбитраже носит условный характер по нескольким основаниям. Во-первых, оно основано на добровольном волеизъявлении сторон. Без арбитражного соглашения третейский суд не обладает компетенцией. Во-вторых, делегирование ограничено сферой частноправовых споров, допускаемых к арбитражу. Закон устанавливает пределы арбитрабельности, исключая дела, затрагивающие публичные интересы в значительной степени. В-третьих, государство сохраняет возможность изменения результата через процедуру отмены решения или отказа в признании [5], [6].

Контролируемый характер делегирования проявляется в институциональных требованиях к постоянным арбитражным учреждениям, правилах формирования состава арбитров, обязанностях по соблюдению принципов равенства и состязательности. Формирование единообразных подходов к применению законодательства осуществляется в судебной практике Верховного Суда Российской Федерации, что обеспечивает интеграцию арбитража в национальную правовую систему.

Тем самым делегирование не разрушает принцип единства судебной власти, а функционирует как особый режим взаимодействия частной инициативы и публичного контроля.

Нередко судебный контроль над арбитражем интерпретируется как вмешательство в автономию сторон. Однако с теоретической точки зрения контроль выступает конструктивным элементом механизма делегирования. Передача возможности разрешать споры частному составу арбитров предполагает наличие гарантии соответствия процедуры и решения основополагающим принципам правопорядка.

Процедуры отмены арбитражного решения и отказа в признании направлены не на пересмотр спора, по существу, а на проверку соблюдения базовых стандартов: компетенции, равенства сторон, надлежащего уведомления, отсутствия противоречия публичному порядку. Такой контроль носит ограниченный характер и не трансформирует государственный суд в апелляционную инстанцию по отношению к третейскому суду. Напротив, он подтверждает, что арбитраж действует в пределах делегированной ему сферы.

Судебный контроль выполняет три функции: легитимирующую, корректирующую и интеграционную. Легитимирующая функция выражается в придании решению статуса акта, подлежащего принудительному исполнению. Корректирующая функция позволяет устранить существенные процессуальные дефекты. Интеграционная функция обеспечивает согласованность арбитражной практики с национальным правопорядком.

Именно наличие контроля позволяет говорить о делегировании как о юридически оформленном механизме, а не о простом признании частной автономии.

Таким образом, рассмотрение третейского суда как формы делегирования юрисдикционной функции позволяет системно объяснить природу арбитража. Во-первых, третейский суд осуществляет правоприменительную деятельность, обладающую признаками публичной функции, однако не входит в систему судебной власти и не осуществляет правосудие в конституционном смысле. Во-вторых, арбитражная юрисдикция имеет производный характер и обеспечивается государственным принуждением на стадии признания и исполнения решения. В-третьих, делегирование носит условный и контролируемый характер, ограничивается рамками арбитрабельности и процессуальных гарантий. В-четвертых, судебный контроль выступает не вмешательством, а необходимым элементом механизма делегирования, обеспечивающим легитимность и интеграцию арбитража в национальный правопорядок.

Предложенная модель позволяет преодолеть противопоставление «частного» и «публичного» в понимании арбитража и раскрывает его как сложную форму взаимодействия автономии воли и процессуального суверенитета государства.

Пристатейный библиографический список

1. Абова Т. Е. Правовая природа третейского разбирательства и компетенция третейского суда в сфере недвижимости: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2013. – С. 34.
2. Каса И. Арбитраж (третейский суд): история создания и правовая природа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 2. – С. 269-288.
3. Михайлова Е. В. Третейское разбирательство как процессуальная форма защиты публичных интересов // Государство и право. – 2024. – № 3. – С. 60-68.
4. Скворцов О. Ю. Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации: учебник для вузов / 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2023. – 291 с. – (Высшее образование). - ISBN 978-5-534-14673-8 // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urait.ru/bcode/514661> (дата обращения: 01.03.2026).
5. Сорокин В. П. Арбитражное соглашение как условие для разрешения спора в форме арбитража (третейского разбирательства) // Проблемы экономики и юридической практики. – 2020. – № 2. – С. 358-364.
6. Туктамышев В. Д. Арбитрабельность (подведомственность) споров: теоретические пробелы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2024. – С. 21-29.

² Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.).

ВАН Вэй

аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Ван Вэй

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ В КНР*

В теории международного гражданского процесса существуют два подхода к определению иммунитета государства: теория абсолютного иммунитета и теория ограниченного иммунитета. Теория абсолютного иммунитета предполагает, что иностранное государство пользуется иммунитетом во всех гражданских делах, тогда как теория ограниченного иммунитета различает суверенные акты государства и акты управления, предоставляя иммунитет только для суверенных актов [2]. С увеличением международных экономических связей все больше стран придерживаются теории ограниченного иммунитета. 1 января 2024 года вступил в силу Закон КНР об иммунитете иностранных государств**, что ознаменовало переход Китая от теории абсолютного иммунитета к теории ограниченного иммунитета на законодательном уровне.

Закон об иммунитете иностранных государств создал материально-правовую основу для системы определения иммунитета иностранных государств в Китае, установив общий принцип иммунитета иностранных государств и их имущества, а также предусмотрев конкретные случаи исключений из иммунитета.

Однако для реализации этого закона нужно процессуальные правила. В этом контексте Верховный народный суд КНР 26 марта 2025 года опубликовал новое судебное разъяснение «Уведомление Верховного народного суда КНР о процессуальных вопросах, связанных с гражданскими делами с участием иностранных государств в отношении иммунитета»***, которое четко регулирует процессуальные вопросы по таким делам, как принятие, подсудность, вручение документов и рассмотрение, предоставляя процессуальные руководства для судов всех уровней при рассмотрении дел.

Ключевые слова: иммунитет иностранных государств; гражданское судопроизводство с участием иностранных государств; Закон КНР об иммунитете иностранных государств; процессуальное регулирование; китайское законодательство; подсудность.

WANG Wei

postgraduate student of Civil law and process and private international law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

PROCEDURAL REGULATION OF CIVIL PROCEEDINGS INVOLVING FOREIGN STATES IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

In the theory of international civil procedure, there are two approaches to determining state immunity: the absolute immunity theory and the restrictive immunity theory. The absolute immunity theory presumes that a foreign state enjoys immunity in all civil cases, whereas the restrictive immunity theory distinguishes between sovereign acts (*acta jure imperii*) and commercial acts (*acta jure gestionis*), granting immunity only for sovereign acts. With the expansion of international economic relations, an increasing number of states adhere to the restrictive immunity theory. On 1 January 2024, the Law of the People's Republic of China on the Immunity of Foreign States entered into force, marking China's shift from the absolute immunity theory to the restrictive immunity theory at the legislative level.

The Law on the Immunity of Foreign States has established the substantive legal foundation for the system of determining foreign state immunity in China by laying down the general principle of immunity of foreign states and their property and by setting forth specific exceptions to immunity. However, the implementation of this law requires procedural rules. In this context, on 26 March 2025, the Supreme People's Court of the People's Republic of China issued a new judicial interpretation, "Notice of the Supreme People's Court of the People's Republic of China on Procedural Issues Concerning Immunity in Civil Cases Involving Foreign States", which explicitly regulates procedural matters in such cases, including case acceptance, jurisdiction, service of documents, and trial proceedings, thereby providing procedural guidance for courts at all levels when adjudicating such cases.

Keywords: foreign state immunity; civil proceedings involving foreign states; Law of the People's Republic of China on the Immunity of Foreign States; procedural regulation; Chinese legislation; jurisdiction.

* Исследование выполнено при поддержке научной школы «Компаративистика частного права и цивилистического процесса» кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Фролова Евгения Евгеньевна.

** Закон Китайской Народной Республики об иммунитетах иностранных государств (принят Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 1 сентября 2023 г., вступает в силу с 1 января 2024 г.) // Официальный сайт Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей. – Текст: электронный. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://flk.npc.gov.cn/detail2.html?ZmY4MDgxODE4YTIxZGMxMzAxOGE1MTMyOGUwYzBjM2M%3D> (дата обращения: 23.05.2024). Оригинальный текст: 《中华人民共和国国家豁免法》.

*** Уведомление Верховного народного суда КНР о процессуальных вопросах, связанных с гражданскими делами с участием иностранных государств в отношении иммунитета (утверждено Верховным народным судом КНР 26 марта 2025 г. № Фа [2025] 39) // Официальный сайт Верховного народного суда КНР. – Текст: электронный. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ipc.court.gov.cn/zh-cn/news/view-4094.html> (дата обращения: 23.05.2024). Оригинальный текст: 《最高人民法院关于涉外国家豁免民事案件相关程序事项的通知》(法[2025]39号).

Трансформация системы иммунитета иностранных государств в Китае прошла длительную теоретическую подготовку и практическое накопление. До принятия Закона об иммунитете иностранных государств Китай долгое время придерживался теории абсолютного иммунитета в теории, а на практике разрешал гражданские споры с участием иностранных государств через дипломатические каналы.

С установлением более тесных экономических связей с другими странами абсолютный иммунитет уже не мог удовлетворять потребностям внешних сношений Китая, особенно в гражданском судопроизводстве с участием иностранных государств, что требовало четкого процессуального правового механизма. 1 сентября 2023 г. на пятом заседании ПК ВСНП 14-го созыва был принят Закон КНР об иммунитете иностранных государств, вступивший в силу 1 января 2024 г., он закрепил переход Китая от абсолютного к ограниченному иммунитету. Закон перечисляет исключения из юрисдикционного иммунитета, в том числе явно выраженное согласие, коммерческая деятельность, деликты (причинение вреда личности и имуществу), споры об интеллектуальной собственности и другие [5].

Гражданские дела с участием иностранных государств в отношении иммунитета нуждаются в более детальных и специальных процессуальных правилах регулирования. Чтобы заполнить этот пробел в процессуальных правилах, Верховный народный суд КНР после более чем года действия Закона об иммунитете иностранных государств, 26 марта 2025 года опубликовал «Уведомление о процессуальных вопросах, связанных с гражданскими делами с участием иностранных государств в отношении иммунитета» (далее – Уведомление)¹. Руководитель Четвертой гражданской палаты Верховного народного суда КНР указал, что Уведомление направлено на обеспечение того, чтобы местные суды при получении исков с участием иностранных государств точно применяли Закон об иммунитете иностранных государств, надлежащим образом осуществляли работу по принятию и рассмотрению дел, предоставляли четкие ожидания для иностранных государств, участвующих в судебном процессе в китайских судах, и балансировали двойные цели поддержания равенства государственного суверенитета и защиты законных прав и интересов сторон.

Процессуальное дополнение Уведомления к Закону об иммунитете иностранных государств проявляется в следующих аспектах.

Во-первых, Уведомление конкретизирует условия подачи иска. Истец, предъявляющий гражданский иск к иностранному государству (ответчику или третьему лицу), обязан в силу ст. 1 Уведомления прямо сослаться в заявлении на конкретную статью Закона об иммунитете и обосновать, под какое именно исключение из иммунитета подпадает его требование, тем самым именно на истца возлагается бремя первичного обоснования иска.

Во-вторых, Уведомление закрепляет механизм централизованной подсудности. Принимая во внимание особую сложность дел, касающихся иммунитета иностранных государств, ст. 2 Уведомления относит их по первой инстанции к ведению ограниченного круга 31 промежуточных народных судов. Одновременно четко определена подсудность специальных дел морским судам, финансовым судам и судам по интеллектуальной собственности. В приложении к Уведомлению также перечислены конкретные промежуточные народные суды в различных регионах, обладающие юрисдикцией, такие как Четвертый промежуточный народный суд г. Пекина, Третий промежуточный народный суд г. Тяньцзиня и другие. По словам руководителя Четвертой гражданской палаты Верховного народного суда КНР, данная система централизованной подсудности направлена на унификацию стандартов судебных решений, повышение уровня профессионализма судопроизводства и обеспечение единообразного применения Закона об иммунитете иностранных государств (2024 г.).

В-третьих, учитывая особый статус иностранных государств, статьи 3 и 4 Уведомления разработали многоуров-

невые правила вручения документов: приоритет отдается способам, предусмотренным международными договорами; затем применяются другие способы, приемлемые для иностранного государства и не запрещенные законом КНР; если вручение не может быть выполнено указанными выше способами, Верховный народный суд КНР может осуществить вручение через Министерство иностранных дел КНР путем дипломатической ноты. Данная система вручения, с одной стороны, уважает суверенное достоинство иностранных государств, а с другой стороны, обеспечивает исполнимость судебной процедуры, избегая судебных препятствий, вызванных невозможностью вручения.

Помимо этого, в соответствии с требованиями Уведомления, на истца, подающего гражданский иск с иностранным государством в качестве ответчика или третьего лица, возлагается обязанность четко указать в исковом заявлении, под какой именно случай исключения из иммунитета, предусмотренный Законом об иммунитете иностранных государств (2024 г.), подпадает данное дело. Конкретно, истец должен прямо сослаться в исковом заявлении на соответствующие статьи Закона об иммунитете иностранных государств (2024 г.), такие как согласие на юрисдикцию в соответствии со статьей 4, спор в связи с коммерческой деятельностью по статье 7, трудовой спор по статье 8, иск о возмещении вреда по статье 9 и другие. Например, в случае исключения для коммерческой деятельности истец должен предварительно доказать, что данное иностранное государство осуществляло коммерческую деятельность, соответствующую определению, и что эта деятельность имела место на территории Китая или оказала на территории Китая непосредственное воздействие [1].

Статьи 5 и 6 Уведомления различают проверку в двух ситуациях: во-первых, когда иностранное государство заявляет возражение о подсудности; во-вторых, когда иностранное государство не заявляет возражений и не участвует в судебном разбирательстве. В обоих случаях суд должен активно проверять вопрос иммунитета. Согласно статье 5 Уведомления, если иностранное государство в срок для представления возражений заявляет возражение о подсудности по причине обладания иммунитетом, народный суд должен провести всестороннюю проверку того, пользуется ли это иностранное государство иммунитетом в соответствии с Законом об иммунитете иностранных государств (2024 г.), и может при необходимости заслушать мнения сторон. Важной особенностью данной процедуры является то, что участие иностранного государства в процедуре рассмотрения возражения о подсудности и изложение своей позиции не рассматривается как принятие подсудности. Данное правило согласуется с положением пункта 1 статьи 6 Закона об иммунитете иностранных государств (2024 г.), согласно которому «участие в процессе исключительно для заявления об иммунитете» не считается принятием подсудности. Это устраняет опасения иностранного государства, что его участие в процессе может быть расценено как принятие подсудности, и способствует вынесению судом объективного решения на основе всестороннего изучения обстоятельств. В связи с этим, иные действия иностранного государства в процессе также должны квалифицироваться в соответствии с Законом об иммунитете иностранных государств (2024 г.). Например, в соответствии со статьей 5 данного Закона, если иностранное государство участвует в процессе в качестве ответчика и дает ответ по существу дела или предъявляет встречный иск, это считается принятием подсудности китайского суда.

Одновременно статья 6 Уведомления предусматривает, что даже если иностранное государство в срок для представления возражений не заявило возражение о подсудности по причине обладания иммунитетом и не участвует в судебном разбирательстве, народный суд все равно должен по собственной инициативе активно проверить, пользуется ли данное иностранное государство иммунитетом. Данное положение отражает активную обязанность суда по проверке в гражданских делах, связанных с иммунитетом иностранных государств, и позволяет избежать неблагоприятных презумпций, которые могут возникнуть в случае неучастия иностранного государства [4]. Что касается стандарта проверки, Уведомление требует от суда проведения «всесторонней проверки», что означает, что суд проверяет не только доводы, представленные сторонами, но и активно исследует все факторы, включая потенциально существующие случаи исключения из иммунитета.

Кроме этого, Уведомление еще создало систему централизованной подсудности с промежуточными народными су-

1 ВНС КНР разъяснил процессуальные вопросы по гражданским делам, связанным с иммунитетом иностранных государств // Синьхуа. – 2025. – 26 марта. – Текст: электронный. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.news.cn/20250326/5fa06d74d3f3443ab9b18ac6a5b31f37/c.html> (дата обращения: 23.05.2024). Оригинальный текст: 最高法院发文明确涉外国家豁免民事案件相关程序事项.

дами в качестве ядра, в сочетании со специализированными судами. В соответствии со статьей 2 Уведомления, гражданские дела первой инстанции с иностранным государством в качестве ответчика или третьего лица подсудны промежуточным народным судам, расположенным в местах нахождения народных правительств провинций, автономных районов и городов центрального подчинения, которые обладают юрисдикцией по транснациональным гражданским и коммерческим делам. Примечательно, что для таких городов центрального подчинения, как Пекин и Шанхай, где имеется несколько промежуточных народных судов, в приложении к Уведомлению четко указаны конкретные суды, обладающие юрисдикцией, такие как Четвертый промежуточный народный суд г. Пекина и Первый промежуточный народный суд г. Шанхая.

Автор считает, что гражданские дела, связанные с иммунитетом иностранных государств, часто затрагивают сложные вопросы международного гражданского процесса и дипломатические отношения, централизованное рассмотрение небольшим количеством судов, обладающих профессиональными возможностями, способствует повышению качества судопроизводства, обеспечивает единообразие применения права и важность рассмотрения данной категории дел. Одновременно централизованная подсудность помогает иностранному государству четко определить место для представления возражений и снижает судебные издержки. Помимо обычных промежуточных народных судов, Уведомление также регулирует юрисдикцию специализированных судов. По делам, которые в соответствии с законом подлежат рассмотрению в морских судах, финансовых судах и судах по интеллектуальной собственности, даже если они затрагивают иностранное государство, юрисдикция сохраняется за этими специализированными судами [3].

В отношении судебных сроков, статья 4 Уведомления устанавливает специальный срок для представления возражений, предусматривая, что при вручении копии искового заявления иностранному государству народный суд должен уведомить это иностранное государство о необходимости представления возражений на иск в течение трех месяцев с момента получения копии искового заявления, и четко указывает, что иностранное государство может ходатайствовать об отсрочке представления возражений. Данное положение учитывает особое время, необходимое иностранному государству как субъекту процесса для подготовки возражений, и является более длительным по сравнению с 30-дневным сроком для представления возражений по обычным транснациональным делам, установленным в ГПЗ КНР (2023 г.). Кроме того, Уведомление также затрагивает требования к переводу судебных документов, предписывая, что к ним должен быть приложен перевод на соответствующий язык в соответствии с международными договорами, а при отсутствии соответствующих международных договоров, перевод должен на официальный язык данного иностранного государства.

Помимо гражданского судопроизводства, Уведомление и Закон об иммунитете иностранных государств (2024 г.) совместно обеспечивают определенные гарантии для признания и принудительного исполнения на территории Китая арбитражных решений международных инвестиционных арбитражей. В соответствии со статьей 12 Закона об иммунитете иностранных государств (2024 г.), в отношении споров, по которым иностранное государство дало согласие на арбитраж в письменной форме, например, через международный инвестиционный договор, это иностранное государство не пользуется иммунитетом от юрисдикции при рассмотрении китайским судом вопросов действительности арбитражного соглашения, признания и принудительного исполнения арбитражного решения. В сочетании с процессуальными правилами Уведомления, инвестор, выигравший дело, может на основании данных положений обратиться в компетентный китайский суд с ходатайством о принудительном исполнении арбитражного решения, в котором ответчиком является иностранное государство. Данный механизм имеет важное значение как для китайских, так и для иностранных инвесторов.

Хотя Уведомление обеспечило относительно всеобъемлющие процессуальные рамки для гражданских дел, связанных с иммунитетом иностранных государств, некоторые нерешенные вопросы все еще имеют место на практике.

Во-первых, стандарты определения коммерческой деятельности требуют дальнейшего уточнения. Пункт 2 статьи 7 Закона об иммунитете иностранных государств (2024 г.)

устанавливает, что при определении, является ли деятельность коммерческой, следует комплексно учитывать природу и цель данного действия [6]. Этот стандарт «комплексного учета природы и цели» заимствован из Конвенции ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности², однако то, как балансировать факторы природы и цели в конкретных делах, все еще требует уточнения судами.

Во-вторых, правила, касающиеся иммунитета от принудительного исполнения, должны быть проверены практикой. Статьи 13-15 Закона об иммунитете иностранных государств устанавливают принцип иммунитета собственности иностранных государств от судебных принудительных мер и исключения из него. Однако в конкретном процессе принудительного исполнения то, как идентифицировать «собственность, используемую для коммерческой деятельности и связанную с судебным разбирательством», и как реагировать на возможные международные споры, требует от судов постепенного создания более детализированных операционных стандартов на практике. Кроме того, с точки зрения эффективности вручения, доставка путем дипломатической ноты может занять много времени, что может привести к задержке судебного процесса. Как повысить эффективность вручения, является вопросом, который необходимо учитывать при будущей оптимизации процедур.

Автор считает, что «Уведомление Верховного народного суда КНР о процессуальных вопросах, связанных с гражданскими делами с участием иностранных государств в отношении иммунитета» является важным достижением в правовой системе Китая в области гражданского судопроизводства, знаменующим установление процессуальной институциональной системы иммунитета иностранных государств в Китае. Уведомление обеспечивает оперативное руководство для реализации Закона об иммунитете иностранных государств (2024 г.) и заполняет пробелы в процессуальных правилах Китая по гражданским делам, связанным с иммунитетом иностранных государств.

Пристатейный библиографический список

- Бегичев А. В., Уткина В. К. Электронное правосудие в Китайской Народной Республике // Вестник Российской правовой академии. – 2025. – № 6. – С. 173-184. – DOI 10.33874/2072-9936-2025-0-6-173-184. – EDN DLEOKU.
- Мальцев В. А., Элязян А. Ш. Иммунитет государства: доктрины, виды и современные проблемы // Вестник Российского университета кооперации. – 2023. – № 1 (51). – С. [уточнить страницы]. – УДК 342.3.
- Русакова Е. П., Ван В. Новая веха в гражданском судопроизводстве с участием иностранных лиц в КНР // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 5. – С. 48-51. – DOI 10.18572/1812-383X-2024-5-48-51. – EDN HFSABT.
- Rusakova E. P. The application of artificial intelligence in the civil proceedings of the People's Republic of China: theoretical and legal analysis // RUDN Journal of Law. – 2023. – Vol. 17. № 2. – P. 468-480. – DOI 10.22363/2313-2337-2023-27-2-468-480. – EDN DSOMQQ.
- Тан Инмао. Создание китайской модели разрешения споров о суверенном долге: с обсуждением судебной функции Закона об иммунитете иностранных государств // Финансовое право. – 2025. – № 4. – С. 193-208. – DOI: 10.16823/j.cnki.10-1281/d.2025.04.006. Оригинальный текст: 唐应茂. 构建主权债纠纷解决的中国模式: 兼论《外国国家豁免法》的司法功能. 财经法学, 2025(04).
- Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2024. – № 3. – С. 57-83. – DOI 10.17323/2072-8166.2024.3.57.83. – EDN CZYVCM.
- Конвенция Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности (принята резолюцией 59/38 Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 2004 г.) // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. – Текст: электронный. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state-immunities.shtml.

КОШМАН Николай Анатольевич

аспирант, Национальный исследовательский университет Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск; адвокат Адвокатской палаты Московской области

СИСТЕМА ПРИМИРИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕДУР В СЕМЕЙНЫХ СПОРАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: РАЗГРАНИЧЕНИЕ МЕДИАЦИИ, СУДЕБНОГО ПРИМИРЕНИЯ И МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ

Статья посвящена разграничению трех взаимосвязанных, но не тождественных институтов, применяемых при урегулировании семейных споров в Российской Федерации: медиации, судебного примирения и мирового соглашения. Исследуется их нормативная основа, процессуальная природа и специфика применения в делах, возникающих из брачно-семейных отношений. Особое внимание уделяется тому, что в современной доктрине и правоприменительной практике указанные формы нередко смешиваются, вследствие чего размываются пределы диспозитивности сторон, снижается определенность процессуального статуса достигнутых договоренностей и осложняется выбор оптимального способа урегулирования конфликта. На основе анализа положений семейного и гражданского процессуального законодательства, законодательства о медиации, а также научных подходов ведущих российских исследователей обосновывается вывод о различной юридической природе рассматриваемых явлений. Медиация рассматривается как автономная согласительная процедура с участием нейтрального посредника, судебное примирение — как особая процессуальная форма содействия примирению в рамках судебного разбирательства, а мировое соглашение — как процессуально оформленный результат допустимого компромисса сторон. Новизна исследования состоит в предложении функционально-правового критерия разграничения указанных институтов применительно к семейным спорам. Сделан вывод о необходимости их дифференцированного использования с учетом предмета спора, интересов ребенка и пределов судебного контроля.

Ключевые слова: семейные споры, примирительные процедуры, медиация, судебное примирение, мировое соглашение, семейное право, гражданский процесс, интересы ребенка.

KOSHMAN Nikolay Anatoljevich

postgraduate student, National Research South Ural State University, Chelyabinsk; Lawyer of the Moscow Region Bar Association

THE SYSTEM OF CONCILIATORY PROCEDURES IN FAMILY DISPUTES IN THE RUSSIAN FEDERATION: DELINEATION OF MEDIATION, JUDICIAL CONCILIATION, AND AMICABLE SETTLEMENT

The article is devoted to the delineation of three interconnected yet non-identical legal institutions used in the settlement of family disputes in the Russian Federation: mediation, judicial conciliation, and amicable settlement. The study examines their normative foundations, procedural nature, and specific features of application in cases arising from family relations. Particular attention is paid to the fact that, in contemporary legal doctrine and law-enforcement practice, these forms are often conflated, which blurs the limits of party autonomy, reduces the certainty of the procedural status of the agreements reached, and complicates the choice of the most appropriate means of dispute resolution. Based on the analysis of the provisions of family and civil procedure legislation, the legislation on mediation, as well as the scholarly approaches of leading Russian legal researchers, the article substantiates the conclusion that the legal phenomena under consideration differ in their juridical nature. Mediation is interpreted as an autonomous conciliatory procedure involving a neutral intermediary; judicial conciliation as a special procedural form of facilitating reconciliation within court proceedings; and amicable settlement as a procedurally formalized result of a legally permissible compromise between the parties. The novelty of the study lies in proposing a functional and legal criterion for distinguishing these institutions in the context of family disputes. It is concluded that they should be applied in a differentiated manner, taking into account the subject matter of the dispute, the best interests of the child, and the limits of judicial control.

Keywords: family disputes, conciliatory procedures, mediation, judicial conciliation, amicable settlement, family law, civil procedure, best interests of the child.

Кошман Н. А.

Современное российское семейное судопроизводство все менее может удовлетворяться старой дихотомией, в рамках которой спор либо разрешается судебным решением, либо прекращается частным соглашением сторон. После реформы 2019 г. отечественное процессуальное право закрепило развернутую систему примирительных процедур, а в семейно-правовой сфере это обстоятельство приобрело особую значимость. Семейный спор почти всегда выходит за пределы обычного имущественного конфликта. Он затрагивает длительные личные связи, интересы ребенка, вопросы доверия, эмоциональной безопасности и сохранения минимально приемлемого уровня взаимодействия между

сторонами после завершения процесса. Поэтому выбор примирительного механизма здесь не является чисто техническим вопросом. Он предопределяет характер участия суда, степень автономии сторон, конфигурацию гарантий и даже пределы допустимого распоряжения субъективным правом.

Актуальность темы подтверждается и судебной статистикой. По сводным данным Судебного департамента за 2024 г., судами были рассмотрены 352 052 дела о расторжении брака супругов, имеющих детей, 30 288 дел о разделе совместно нажитого имущества между супругами, 203 094 дела о взыскании алиментов на несовершеннолетних детей, 22 408 иных споров, связанных с воспитанием детей. Такой массив

дел показывает, что семейный конфликт в России остается массовым социально-правовым явлением, а потому вопрос о корректном разграничении способов примирения имеет не только теоретическое, но и непосредственное прикладное значение.

В научной литературе, верно, подчеркивается, что примирительная направленность современного процесса не сводится к снижению судебной нагрузки. Она отражает изменение самой модели правосудия, в которой суд обязан содействовать мирному урегулированию спора, но не вправе подменять собой свободное усмотрение сторон [4, с. 24-26]. С. К. Загайнова обоснованно связывает развитие примирительных процедур с расширением диспозитивных начал процесса, а Е. А. Борисова обращает внимание на опасность механического переноса медиативных моделей в судебную среду без учета процессуальной природы суда [5, с. 24-26], [1, с. 20-21]. Новейшие исследования показывают, что именно в семейной сфере проблема разграничения различных примирительных форм проявляется наиболее остро, поскольку здесь совпадают частноправовой элемент, повышенная конфликтность и публичный интерес в защите слабой стороны, прежде всего ребенка [6, с. 189-191], [8, с. 59-61].

Нормативная основа рассматриваемой системы складывается из нескольких блоков. Медиация регулируется Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹. Судебное примирение и иные примирительные процедуры в гражданском процессе получили системное закрепление после принятия Федерального закона от 26.07.2019 № 197-ФЗ, которым в процессуальные кодексы были введены положения о примирении сторон, в том числе статьи 153.1-153.10 ГПК РФ². Отдельный регламент судебного примирения утвержден Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.2019 № 41³. Мировое соглашение как процессуальный институт опирается на положения ГПК РФ об окончании дела примирением сторон⁴ и на специальные нормы семейного законодательства, допускающие соглашения супругов и родителей в пределах, не противоречащих закону и интересам детей⁵.

При внешней близости медиация, судебное примирение и мировое соглашение не образуют три разновидности одного и того же явления. Их правильнее понимать как три различных правовых механизма, которые могут быть связаны общей целью достижения согласия, но различаются по юридической природе. Медиация представляет собой самостоятельную процедуру урегулирования спора с участием независимого посредника, существующую вне властного процессуального воздействия суда. Судебное примирение

является встроенной в судебную систему примирительной процедурой, проводимой с участием судебного примирителя и в логике уже начатого процесса. Мировое соглашение не есть процедура в строгом смысле слова. Это итоговый процессуальный результат диспозитивного волеизъявления сторон, который может быть, достигнут как без всякого посредничества, так и после переговоров, медиации либо судебного примирения. Именно смешение процедуры и результата составляет один из наиболее устойчивых дефектов современной доктрины и практики [3, с. 104-106], [8, с. 61-63].

Юридическая природа медиации определяется тем, что ее ядром является не судебная деятельность, а переговорный процесс, организуемый третьим нейтральным лицом. Закон о медиации прямо исходит из добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон. Процедура может применяться как до обращения в суд, так и после начала судебного разбирательства. При этом медиатор не разрешает спор по существу и не формулирует обязательное для сторон решение. Он лишь создает условия для выработки ими согласованной позиции. В семейной сфере это имеет принципиальное значение, поскольку конфликт здесь нередко продолжается и после завершения формального спора, а значит, правовой результат должен быть не только юридически допустимым, но и практически исполнимым в повседневной коммуникации бывших супругов или родителей [6, с. 191-195].

Наталия В. Летова справедливо связывает востребованность семейной медиации с нематериальной природой значительной части семейных связей и с необходимостью сохранения коммуникации между участниками конфликта [6, с. 195-197]. Этот тезис представляется особенно важным применительно к спорам о порядке общения с ребенком, участии в его воспитании, согласовании образовательных и бытовых решений. В таких делах обычная бинарная логика судебного решения, где одна из сторон объективно воспринимает исход как проигрыш, нередко усиливает конфликт. Медиация же ориентирована не на фиксацию правоты, а на конструирование устойчивого режима дальнейшего взаимодействия. Поэтому в семейном праве ее функциональное назначение шире, чем просто альтернатива суду. Она выступает механизмом восстановления минимального доверия, без которого формально верное судебное решение может оказаться конфликтогенным.

В то же время абсолютизировать медиацию в семейных делах недопустимо. Е. А. Борисова убедительно показала, что идея обязательной семейной медиации вызывает серьезные сомнения, если она понимается как жесткий досудебный фильтр, ограничивающий доступ к правосудию [1, с. 71-73]. Данный вывод сохраняет значение и сегодня. Семейный конфликт может сопровождаться насилием, экономической зависимостью, выраженным неравенством переговорных возможностей, манипулятивным поведением одной из сторон. В такой ситуации формальная добровольность не тождественна реальной автономии воли. По этой причине семейная медиация должна рассматриваться как предпочтительная, но не универсальная форма примирения. Ее пределы определяются не только волеизъявлением сторон, но и содержанием конфликта, а также наличием реальной договороспособности участников.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о результате медиации. Согласно ст. 12 Закона о медиации, медиативное соглашение заключается в письменной форме и подлежит исполнению на основе принципов добровольности и добросовестности сторон. Если оно достигнуто по спору, возникшему из гражданских правоотношений, в том числе семейных,

1 Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2010. - № 31. - Ст. 4162.

2 Федеральный закон от 26 июля 2019 г. № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. - 26.07.2019. - № 0001201907260004.

3 Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 2019 г. № 41 «Об утверждении Регламента проведения судебного примирения» // Российская газета. - 2019. - № 254 (08 ноября).

4 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 46. - Ст. 4532.

5 Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 1996. - № 1. - Ст. 16.

и нотариально удостоверено, такое соглашение приобретает силу исполнительного документа; одновременно Основы законодательства РФ о нотариате предусматривают специальное нотариальное действие по удостоверению медиативного соглашения⁶. Следовательно, в российском праве медиативное соглашение уже не является сугубо морально-психологическим итогом переговоров. Оно способно трансформироваться в юридически сильный инструмент исполнения, но лишь при соблюдении установленных законом условий.

Однако именно здесь проходит важная граница между медиацией и мировым соглашением. Медиативное соглашение возникает из внесудебной или около судебной переговорной процедуры и сохраняет договорную природу даже тогда, когда получает нотариальную исполнимость. Мировое же соглашение является процессуальным актом распорядительного характера, который становится юридически значимым лишь после контроля со стороны суда и его утверждения определением. В семейных спорах эта разница особенно существенна. Нотариально удостоверенное медиативное соглашение не превращает медиатора или нотариуса в орган правосудия. Проверка законности и допустимости его условий здесь иная по объему и природе, чем судебный контроль за мировым соглашением. Поэтому отождествление этих конструкций методологически неверно, даже если они внешне приводят к прекращению конфликта на согласованной основе [7, с. 28-30], [6, с. 196-197].

Судебное примирение, напротив, по своей конструкции привязано к отправлению правосудия. ГПК РФ закрепляет обязанность суда принимать меры к примирению сторон, содействуя урегулированию спора на основе добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности. Регламент, утвержденный Пленумом Верховного Суда РФ, устанавливает, что судебное примирение проводится для достижения взаимоприемлемого результата, а судебным примирителем может быть только судья в отставке из списка, утверждаемого Верховным Судом. Более того, процедура для сторон бесплатна. Эти признаки позволяют квалифицировать судебное примирение как особую форму процессуального посредничества, институционально включенную в судебную систему, но не совпадающую ни с деятельностью рассматривающего дело судьи, ни с классической медиацией.

В литературе судебное примирение оценивается неоднозначно. Е. А. Борисова, В. М. Жуйков, М. О. Долова и Е. С. Трезубов сходятся в том, что новая процедура усилила примирительный потенциал процесса, но не решила автоматически проблему доступности и эффективности посредничества [1, с. 20-23], [4, с. 24-30], [3, с. 116-118], [8, с. 67-69]. Наиболее убедительным представляется вывод Е. С. Трезубова о том, что судебное примирение институционально выгодно отличается от прежних моделей судебной медиации за счет бесплатности и специального статуса посредника, но его реальная эффективность зависит от организационного обеспечения и практической вовлеченности судов [8, с. 67-68]. Для семейных споров это означает следующее. Судебное примирение целесообразно, прежде всего, там, где конфликт уже перешел в процессуальную стадию, стороны не готовы к чисто внесудебному диалогу, но сохраняют минимальную заинтересованность в компромиссе.

При этом судебное примирение нельзя трактовать как «судебную медиацию» в строгом смысле слова. Во-первых, его субъектный состав иной. Судебный примиритель обладает особым статусом судьи в отставке, а не независимого частного посредника. Во-вторых, процедура находится в орбите судебного дела, а ее временные и процессуальные рамки определяются судом и процессуальным законом. В-третьих, результат судебного примирения обычно требует дальнейшей процессуальной объективации, чаще всего в форме мирового соглашения либо отказа от иска, признания иска, соглашения по обстоятельствам дела и др. Следовательно, судебное примирение — это не альтернатива процессу, а специальный режим внутри процесса, тогда как медиация способна существовать автономно от него [3, с. 104-109].

Если медиация и судебное примирение являются процедурами, то мировое соглашение есть, прежде всего, юридическая форма завершения спора. ГПК РФ исходит из того, что стороны могут окончить дело мировым соглашением, а суд обязан проверить, не противоречит ли оно закону и не нарушает ли права и законные интересы других лиц. Утверждение мирового соглашения влечет прекращение производства по делу. Именно здесь проявляется его двойственная природа. С одной стороны, мировое соглашение основывается на частной автономии и взаимных уступках сторон. С другой стороны, без судебной санкции оно не приобретает процессуального эффекта прекращения дела. Поэтому мировое соглашение в семейном споре следует понимать как процессуально оформленный результат допустимого распоряжения семейным правом либо связанными с ним имущественными и процессуальными требованиями.

Именно вопрос о пределах допустимости мирового соглашения в семейных делах требует наиболее точного анализа. Семейное право традиционно сочетает диспозитивные и императивные начала. Отсюда вытекает, что мировое соглашение допустимо не во всех категориях семейных споров и не по всем элементам одного и того же дела. Так, споры о разделе общего имущества супругов по своей природе вполне совместимы с мировым соглашением. Более того, ст. 38 СК РФ прямо допускает раздел общего имущества по соглашению супругов, а судебная практика по искам о разделе имущества регулярно использует мировые соглашения как способ завершения процесса. Напротив, в делах, где предметом является установление или оспаривание статуса, усыновление, лишение или ограничение родительских прав, пространство для диспозитивного усмотрения существенно уже либо отсутствует вовсе, поскольку суд связан задачей охраны публично значимых интересов и не может утвердить компромисс, подменяющий проверку предусмотренных законом оснований. В ряде смешанных дел допустимо мировое соглашение лишь по отдельным требованиям, тогда как остальные подлежат разрешению судом по существу.

Из этого следует, что мировое соглашение в семейной сфере должно оцениваться через призму предмета спора. Если спор касается преимущественно имущественных последствий распада семьи, мировое соглашение является естественным и юридически удобным инструментом. Если же в центре спора стоит охрана интересов ребенка, соглашение допустимо лишь постольку, поскольку оно не выводит этот вопрос из-под полноценного судебного контроля. Даже когда родители достигают договоренности о порядке общения с ребенком или его содержании, суд не может ограничиться чисто формальным утверждением воли сторон. Он обязан проверить соответствие достигнутых условий интересам несовершеннолетнего. Следовательно, семейно-правовая специфика не исключает мирового соглашения, но существенно

6 Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. Верховным Советом РФ 11 февраля 1993 г. № 4462-1 // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. - 1993. - № 10. - Ст. 357.

повышает интенсивность судебного контроля за его содержанием.

На этой основе можно предложить рабочее разграничение трех рассматриваемых институтов. Медиация – это внесудебная или сопутствующая суду согласительная процедура частноправового типа, в которой нейтральный медиатор помогает сторонам самостоятельно выработать решение конфликта; ее результатом выступает медиативное соглашение, при определенных условиях способное получить исполнительную силу. Судебное примирение – это интегрированная в судебную систему процессуальная процедура посредничества, проводимая судебным примирителем, чья задача состоит в содействии выработке приемлемого для сторон варианта завершения дела. Мировое соглашение – это процессуальная форма закрепления достигнутого сторонами компромисса, которая подлежит судебному утверждению и влечет прекращение производства по делу. В этом смысле медиация и судебное примирение отвечают на вопрос *как* стороны приходят к согласию, тогда как мировое соглашение отвечает на вопрос, в какой юридической форме достигнутое согласие приобретает значение для суда.

Предлагаемое разграничение позволяет по-новому взглянуть и на их соотношение. Медиация может предшествовать мировому соглашению, если стороны после переговоров переносят достигнутые договоренности в процессуальную плоскость. Судебное примирение также может завершиться мировым соглашением. Но ни один из этих переходов не означает тождества институтов. Процедурная логика достижения согласия и процессуальная логика завершения дела остаются различными. Для семейных споров это имеет принципиальное практическое значение. Ошибка в квалификации способна привести либо к необоснованной подмене судебного контроля договорной формой, либо, напротив, к неоправданному вытеснению более мягких и продуктивных средств урегулирования конфликта.

С практической точки зрения наиболее перспективной представляется не конкуренция, а последовательная модель применения примирительных форм. На досудебной стадии при наличии реальной переговорной способности сторон и отсутствии признаков грубого неравенства приоритет следует отдавать медиации, особенно по спорам о детях, коммуникации родителей после развода и имущественным договоренностям, требующим гибкой настройки. Если спор уже передан в суд и стороны не готовы обращаться к внешнему медиатору, но сохраняют установку на компромисс, более уместным оказывается судебное примирение. Если же согласие достигнуто в рамках уже возбужденного дела и его предмет допускает диспозитивное урегулирование, оптимальным юридическим оформлением выступает мировое соглашение. Такая трехзвенная модель точнее соответствует действующему законодательству, чем попытки объявить один институт универсальной заменой двум другим [1, 71-76], [8, с. 67-71].

Новизна данного подхода состоит в том, что система примирительных процедур в семейных спорах рассматривается не как совокупность параллельных способов «мирного урегулирования», а как иерархически и функционально разграниченная конструкция. Критерием разграничения предлагается считать не только субъектный состав процедуры, но прежде всего вид юридического эффекта. Если правовой эффект заключается в организации переговорного взаимодействия, речь идет о медиации либо судебном примирении. Если правовой эффект состоит в прекращении дела посредством судебного утверждения согласованной воли сторон, речь идет о мировом соглашении. Такой критерий позволя-

ет точнее определить пределы применимости каждого механизма в семейных спорах и избежать распространенной в литературе подмены результата процедурой.

В результате можно сформулировать несколько итоговых выводов. Российское право уже располагает нормативно оформленной системой примирительных процедур, пригодной для семейных споров, однако ее элементы различаются по правовой природе и не подлежат смешению. Медиация наиболее адекватна тем семейным конфликтам, где требуется восстановление коммуникации и выработка индивидуализированного режима дальнейших отношений. Судебное примирение является особым посредническим инструментом внутри процесса и должно использоваться как форма институционально поддержанного диалога сторон. Мировое соглашение не является самостоятельной процедурой примирения, а представляет собой процессуальную форму фиксации допустимого компромисса, достижимого как самостоятельно, так и через иные примирительные механизмы. Для семейных дел решающим остается не сам факт согласия сторон, а его соответствие закону, интересам ребенка и пределам допустимой диспозитивности. Именно поэтому дальнейшее развитие системы примирительных процедур в семейных спорах должно идти не по пути их формального расширения, а по пути более точного разграничения сфер применения, повышения качества судебного контроля и укрепления профессиональных стандартов семейной медиации.

Пристатейный библиографический список

1. Борисова Е. А. Обязательная семейная медиация как предчувствие // Законодательство. – 2021. – № 5. – С. 71-76.
2. Борисова Е. А. Судебное примирение: кто виноват и что делать? // Российский судья. – 2019. – № 9. – С. 20-23.
3. Долова М. О., Багрянская П. Д. Судебное примирение по гражданским делам // Журнал российского права. – 2020. – № 5. – С. 104-119. – DOI: 10.12737/jrl.2020.059.
4. Жуйков В. М. Роль суда в примирении сторон по гражданским делам // Российский судья. – 2019. – № 9. – С. 24-30.
5. Загайнова С. К. Совершенствование института примирения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 7. – С. 24-28.
6. Летова Н. В. Медиация как способ урегулирования семейных споров // Вестник Российской правовой академии. – 2024. – № 3. – С. 189-199. – DOI: 10.33874/2072-9936-2024-0-3-189-199.
7. Мрастьева О. С., Казакова С. П. К вопросу о соотношении мирового и медиативного соглашений в эпоху цифровизации // Мировой судья. – 2023. – № 7. – С. 28-32. – DOI: 10.18572/2072-4152-2023-7-28-32.
8. Трезубов Е. С. Проблемы эффективности судебного примирения в российском цивилистическом процессе // Журнал российского права. – 2023. – Т. 27. № 4. – С. 59-71. – DOI: 10.12737/jrp.2023.041.

МАГОМЕДОВ Магомед Русланович

аспирант, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ

В статье рассматриваются ключевые вопросы ответственности супругов по обязательствам, включая правовые основания ее возникновения, изменения и прекращения. Особое внимание уделяется механизмам защиты интересов кредиторов, а также правам и гарантиям второго супруга в подобных правоотношениях. Отмечается, что на практике значительные трудности вызывает разграничение личных и общих обязательств супругов, а также определение пределов имущественной ответственности каждого из них. Делается вывод о необходимости более четкой правовой регламентации соответствующих процедур и формирования единообразного подхода в судебной практике.

Ключевые слова: имущественная ответственность, общее имущество, брачный договор, выдел доли, личные и общие долги супругов.

MAGOMEDOV Magomed Ruslanovich

postgraduate student, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CERTAIN ASPECTS OF THE SPOUSES' LIABILITY FOR OBLIGATIONS

The article examines key issues of spouses' liability for obligations, including the legal grounds for its emergence, modification, and termination. Particular attention is paid to mechanisms for protecting the interests of creditors, as well as to the rights and guarantees of the other spouse in such legal relationships. It is noted that, in practice, significant difficulties arise in distinguishing between personal and joint obligations of spouses, as well as in determining the limits of each spouse's property liability. The author concludes that clearer legal regulation of the relevant procedures and the development of a uniform approach in judicial practice are necessary.

Keywords: property liability, common property, prenuptial agreement, division of shares, personal and joint debts of spouses.

Семейное законодательство Российской Федерации закрепляет достаточно четкую систему правовых норм, регулирующих порядок обращения взыскания на имущество супругов в случае наличия долговых обязательств у одного из них. В соответствии с положениями ст. 45 СК РФ (далее — СК РФ) супруги несут ответственность по своим личным обязательствам принадлежащим им раздельным имуществом¹. Однако при недостаточности этого имущества кредиторы вправе требовать выдела доли супруга-должника в общем имуществе супругов. При наличии общих обязательств, например, если заем был получен в интересах семьи, взыскание первоначально обращается на общее имущество супругов, а при его недостаточности — на их личное имущество, что фактически порождает солидарную ответственность.

Если смотреть на ст. 45 и 46 СК РФ в отрыве от судебной практики, конструкция видится логичной. По личному обязательству одного из супругов взыскание обращается лишь на его имущество. Если этого имущества не хватает, кредитор требует выдела доли должника из общего имущества супругов. А когда супруг меняет имущественный режим через брачный договор, он обязан уведомить кредиторов, иначе содержание брачного договора не может быть противопоставлено им в ущерб. Формально баланс есть. В реальном споре — не всегда.

Главная практическая трудность состоит в том, что закон говорит формальным языком, а дело рассматривается в условиях дефицита фактов. Суду нужно понять, был ли долг личным или общим. Нужно отделить личное имущество от

совместно нажитого. Нужно установить, когда именно семья фактически прекратила совместную жизнь, на что пошли заемные деньги, имелось ли согласие второго супруга, и было ли оно вообще юридически значимым для конкретного обязательства. Поэтому спор об ответственности супругов — это почти всегда спор о квалификации фактической семейной ситуации, а не только о толковании одной нормы. Возникает ключевой для современной практики тезис: презумпция общности имущества не означает презумпцию общности долгов. Верховный Суд в обзоре 2016 года подчеркнул, что долг, возникший из сделки одного из супругов, может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из п. 2 ст. 45 СК РФ, то есть когда обязательство возникло по инициативе обоих супругов в интересах семьи либо все полученное по обязательству было использовано на нужды семьи². Это важная корректировка. И она до сих пор остается системообразующей.

Но именно на этом этапе практика начинает расходиться. Одни суды достаточно строго требуют подтверждать семейную цель долга: платежными документами, договорами, сведениями о направлении средств на ремонт общего жилья, покупку семейного автомобиля, оплату лечения, обучения детей. Другие фактически выводят общность долга из самого факта брака, наличия нотариального согласия на залог или того, что кредит был получен в период совместной жизни. Сам же по себе кредит, взятый одним супругом, не становится автоматически общим, требуется анализ, как именно за-

1 Семейный кодекс Российской Федерации: Кодекс РФ, Федер. закон № 223-ФЗ: [принят Государственной Думой 8 дек. 1995 г.] // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=m6ocwvcun9782790987 (дата обращения: 09.10.2025).

2 «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2016)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/beb81d44c85822b065cc2739b92dc526991a6cd4/?ysclid=mo2104ab1j643258665 (дата обращения: 13.04.2026).

емные средства были использованы и была ли семейная цель обязательства [2, с. 40].

Отсюда следует дискуссионный вывод: проблема ответственности супругов по обязательствам сегодня — это не отсутствие нормы, а недостаточная определенность стандарта доказывания семейной цели долга. Закон не раскрывает, какой именно набор доказательств считается достаточным. Судебная практика ориентиры дает, но делает это фрагментарно. В результате один и тот же долг — например, ипотечный или потребительский кредит на ремонт жилья — в одном деле квалифицируется как общий, а в другом остается личным обязательством заемщика. Для частного права это нормально лишь до известного предела. Для оборота — уже риск. Отдельного внимания заслуживает вопрос обращения взыскания на долю должника в общем имуществе. Ст. 255 ГК РФ и п. 63 Постановления Пленума Верховного Суда РФ³ прямо требуют определенной очередности: при недостаточности иного имущества взыскание обращается именно на долю должника в общей собственности, а не на все общее имущество без процессуального разведения долей [3, с. 144–152]. На бумаге механизм ясен. На практике он обременителен: нужно устанавливать состав совместного имущества, определять доли, иногда — инициировать отдельный спор, привлекать второго супруга, а затем еще и решать вопрос о реализации доли с публичных торгов. Для кредитора это длинный путь. Для второго супруга — тоже. Отсюда и соблазн упрощения. Кредитор заинтересован быстрее выйти на ликвидный актив, например, квартиру, автомобиль, вклад. Приставу проще работать с конкретным объектом. Но такое «упрощение» бьет по второму супругу, который в личном обязательстве участия не принимал. Поэтому в семейном праве здесь нельзя соглашаться с логикой исполнительной эффективности любой ценой. Нужна именно процессуальная дисциплина, когда сначала осуществляется разграничение режима имущества, потом выдел доли, потом взыскание. Иначе сама идея раздельной ответственности по личным обязательствам оказывается размыта. Разграничение личных и общих долгов супругов представляет собой ключевой аспект института имущественной ответственности в семейном праве. При определении правовой природы обязательства суды, как правило, исходят из цели его возникновения и времени заключения сделки [5, с. 79].

Таким образом, проблема распределения долговых обязательств супругов в российском семейном праве носит комплексный характер и сопровождается рядом пробелов в правоприменительной практике. Существующие противоречия в судебных решениях указывают на необходимость уточнения законодательных положений, касающихся порядка определения долей и характера обязательств, с целью предотвращения ситуаций, когда добросовестный супруг несет ответственность по долгам, к возникновению которых он фактически не имел отношения.

Одним из центральных механизмов обеспечения прав кредиторов в семейных правоотношениях выступает возможность обращения взыскания на долю должника в общем

имуществе супругов. Данная мера носит исключительный характер и применяется лишь при условии недостаточности личного имущества супруга-должника, на которое может быть обращено взыскание. В соответствии со ст. 255 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ)⁴ и п. 1 ст. 45 СК РФ, кредиторы вправе требовать выдела доли супруга-должника из состава общего имущества. Указанный правовой механизм направлен на достижение баланса интересов сторон: он, с одной стороны, обеспечивает кредитору возможность удовлетворения его имущественных требований, а с другой — защищает имущественные права второго супруга, не являющегося должником, от неправомерного вмешательства.

На практике реализация этого положения сталкивается с рядом сложностей, особенно в тех случаях, когда объектом взыскания является неделимая вещь — квартира, автомобиль, гараж и иные виды имущества, раздел которых в натуре невозможен. В подобных ситуациях законодатель предусматривает альтернативные способы защиты интересов сторон. Так, согласно пп. 2 и 3 ст. 255 ГК РФ, суд может: предложить второму супругу выкупить долю должника по рыночной стоимости с последующим направлением вырученных средств на погашение долга; в случае отказа супруга от выкупа — разрешить обращение взыскания на долю должника путем ее реализации через публичные торги. Особое правовое регулирование предусмотрено для случаев, когда судом установлено, что имущество супругов было приобретено или увеличено за счет средств, добытых преступным путем. В соответствии с абзацем вторым п. 2 ст. 45 СК РФ, взыскание может быть обращено на все общее имущество либо на его часть. Однако суды гражданской юрисдикции не обладают полномочиями самостоятельно устанавливать факт преступного происхождения имущества — такое обстоятельство должно подтверждаться вступившим в законную силу приговором суда по уголовному делу.

В то же время данный механизм порождает и существенные правовые риски. Добросовестный супруг, не принимавший участия в заключении сделки или образовании задолженности, фактически может понести имущественные потери из-за действий своего партнера. Несмотря на то, что институт солидарной ответственности супругов способствует укреплению правовой защищенности кредиторов, он нуждается в дальнейшей нормативной корректировке, направленной на обеспечение баланса между интересами кредитора и защитой имущественной самостоятельности супругов.

Показательным для анализа является дело, рассмотренное Арбитражным судом Московского округа, в котором рассматривался вопрос о признании требований кредитора общим обязательством супругов. Суд пришел к выводу, что если кредитор при первоначальном обращении в рамках дела о банкротстве не указал, что его требования относятся к общему долгу супругов, а не к личному долгу одного из них, это не лишает его права впоследствии подать соответствующее заявление. Такое заявление подлежит рассмотрению по правилам ст. 60 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁵ с обязательным привлечением супруга должника, который выступает в деле

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 (ред. от 19.11.2024) «О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства» // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/beb81d44c85822b065cc2739b92dc526991a6cd4/?ysclid=mo2104ab1j643258665 (дата обращения: 13.04.2026).

4 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Кодекс РФ, Федер. закон № 51-ФЗ: [принят Государственной Думой 30 нояб. 1994 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

5 О несостоятельности (банкротстве): Фед. закон № 127-ФЗ: [принят Государственной Думой 27 сен. 2002 г.; одобрен Советом Фе-

в процессуальном статусе ответчика. В соответствии с разъяснениями, содержащимися в п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 48, вопрос о признании обязательства общим должен разрешаться именно в рамках дела о банкротстве, по инициативе кредитора, как на стадии предъявления требований, так и на более позднем этапе — если к этому приводят вновь выявленные обстоятельства⁶. Такой подход направлен на обеспечение процессуальной определенности и защиты прав всех участников обязательственного правоотношения. Существенное правовое последствие признания долга общим состоит в изменении порядка распределения вырученных от реализации имущества средств. В этом случае действует не принцип равенства долей супругов, установленный п. 1 ст. 39 СК РФ, а приоритетное направление полученных средств на погашение общего обязательства. Только после полного удовлетворения требований кредитора возможно распределение остатка, приходящегося на супруга-должника, в пользу второго супруга, если за ним признается право на часть выручки — например, при реализации недвижимости, приобретенной в период брака.

Отдельный, но тесно связанный с семейной имущественной ответственностью, блок составляют обязательства, возникающие из причинения вреда детьми. Здесь семейно-правовой элемент проявляется особенно наглядно. По ст. 1073 ГК РФ родители отвечают за вред, причиненный малолетними, если не докажут отсутствие своей вины в воспитании или надзоре; сходная модель действует и применительно к несовершеннолетним от 14 до 18 лет по ст. 1074 ГК РФ. Это не просто техническое распределение гражданско-правовых рисков. Законодатель исходит из презумпции дефекта семейного надзора, а значит, связывает имущественные последствия с ненадлежащим осуществлением родительской функции.

Существует проблема, которая связана с обращением взыскания на имущество супругов, когда выдел доли должника в натуре невозможен. Например, проблемы возникают с однокомнатной квартирой или автомобилем. Согласно ст. 255 ГК РФ у кредитора есть право требовать от должника продать долю этого должника остальным участникам общей собственности. Цена должна быть соразмерной рыночной стоимости. Вырученные средства должны пойти на погашение долга. На практике возникает проблема при применении ст. 255 ГК к имуществу, находящемуся в собственности супругов. Согласно презумпции, совместного имущества супругов, имущество, приобретенное супругами в период брака, считается их совместной собственностью, если не доказано иное. Такая конструкция упрощает процедуру обращения взыскания и исключает необходимость детального выяснения принадлежности имущества каждому из супругов [4, с. 27]. Однако на практике это нередко приводит к нарушениям имущественных прав добросовестного супруга, не имеющего отношения к обязательствам должника.

Таким образом, действующее российское регулирование в целом выстраивает модель ответственности, в которой сочетаются частноправовые и публично-правовые начала. С

одной стороны, она ориентирована на защиту потерпевшего и кредитора. С другой — не должна разрушать семейную имущественную сферу там, где для этого нет достаточных оснований. Именно в этом, по существу, и проявляется логика законодателя: сохранить устойчивость гражданского оборота, но не ценой полного игнорирования интересов семьи. Вместе с тем практическое применение этих норм по-прежнему связано с заметными трудностями. Наибольшее число вопросов возникает при разграничении личного и общего имущества супругов, а также при определении оснований и пределов ответственности родителей. Поэтому проблема сегодня состоит уже не столько в отсутствии правовых механизмов, сколько в недостаточной определенности отдельных нормативных конструкций и в сохраняющейся неоднородности судебных подходов.

В этом контексте введение ст. 46 СК РФ выглядит вполне оправданным. Ее появление было обусловлено не абстрактными идеями, а конкретной потребностью ограничить недобросовестное поведение супругов-должников, которые могли использовать брачный договор как средство перераспределения имущества в ущерб кредиторам. Обязанность уведомлять кредитора о заключении, изменении или расторжении брачного договора направлена именно на это: не допустить сокрытия активов и искусственного изменения имущественного режима после возникновения обязательства [6, с. 110-117]. При этом законодатель выбрал достаточно гибкую модель. Сам брачный договор сохраняет силу, но супруг-должник лишается возможности ссылаться на его условия в отношениях с кредитором, если обязанность по уведомлению не была исполнена. Такой подход представляется обоснованным, поскольку он не подрывает брачно-договорную автономию как таковую, но одновременно защищает принцип добросовестности в имущественном обороте.

Не менее сложной остается ситуация, когда взыскание затрагивает общее имущество супругов, а выдел доли должника по тем или иным причинам оказывается затруднен или практически невозможен. В таких случаях действует механизм, предусмотренный ст. 255 ГК РФ: кредитор вправе требовать продажи должником своей доли другим участникам общей собственности, а при отсутствии результата — ее реализации с публичных торгов. Формально конструкция выглядит достаточно ясной. Но на практике именно этот этап часто становится конфликтным, поскольку затрагивает интересы не только кредитора, но и второго супруга, который сам должником не является. Дополнительное значение здесь получили законодательные изменения 2022 года, ориентированные на более упорядоченную реализацию долей в праве общей собственности при обращении взыскания⁷. Однако даже после этого нельзя сказать, что все проблемные вопросы были сняты. Напротив, в ряде случаев спор смещается с материального основания долга на процедуру обращения взыскания и на пределы вмешательства в имущественную сферу семьи.

Особую остроту проблема приобретает тогда, когда имущественное положение должника меняется уже после заключения договора с кредитором — например, вследствие изменения или расторжения брачного договора. Здесь в дело

дерации 16 окт. 2002 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 43. — Ст. 4190.

6 Постановление Арбитражного суда Московского округа от 07.02.2025 № Ф05-16630/2021 по делу № А41-42394/2021 // Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/5e3f940d-900b-4afa-ac28-19d1037bd6dd/a37ebe26-fab1-4fe1-9cc1-1a920b216ea5/A41-42394-2021_20250207_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 09.10.2025).

7 О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации закон № 310-ФЗ [принят Государственной Думой 28 июня 2022 г.; одобрен Советом Федерации 8 июля 2022 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 29. — Ч. 3. — Ст. 5277.

вступают общегражданские способы защиты. Кредитор, чьи интересы объективно ухудшились, получает возможность ставить вопрос о пересмотре или расторжении договора с должником в судебном порядке. Подобный подход нельзя рассматривать как чрезмерно жесткий. Скорее, он отражает стремление законодателя перераспределить риски справедливо и не допустить ситуации, при которой третье лицо несет неблагоприятные последствия внутренних договоренностей супругов, в которых оно не участвовало.

Современное семейное и гражданское законодательство пытается удержать баланс между двумя ценностями. Это защита имущественной автономии супругов и обеспечение надлежащего исполнения обязательств перед кредиторами. Центральное место в этой конструкции занимает презумпция совместности имущества супругов, закрепленная в ст. 34 СК РФ. Она важна не только для внутренних семейных отношений, но и для внешнего имущественного оборота. Именно эта презумпция позволяет исходно считать имущество, приобретенное в браке, общим, пока не доказано иное. Для кредитора это удобно, также как и для правоприменителя. Такая модель действительно упрощает решение вопроса о составе имущества и снижает объем доказывания. Но здесь возникает и обратная сторона. В условиях конкретного спора презумпция совместности имущества нередко начинает работать слишком механически, что создает риск ущемления прав добросовестного супруга, который не участвовал в обязательстве и, более того, мог не знать о нем. Поэтому дальнейшее развитие регулирования должно быть связано не с отказом от самой презумпции, а с более точной настройкой механизмов ее применения в спорах с участием кредиторов.

Как отмечает Е. А. Чефранова, современное законодательство нуждается в более четком регламентировании порядка разграничения имущества супругов, а также в установлении механизма временного ареста совместной собственности, если выдел доли должника в данный момент невозможен [4, с. 77]. Ученым предложено ввести ограничение срока действия ареста — не более трех месяцев, в течение которых кредитор обязан обратиться в суд с требованием о выделе доли должника; в противном случае арест подлежит снятию. Подобное регулирование обеспечило бы баланс интересов кредитора и защиты прав добросовестного супруга. Сформировавшаяся судебная практика подтверждает, что обращение взыскания на имущество, составляющее совместную собственность супругов, допустимо лишь после установления доли супруга-должника либо ее выдела в установленном порядке. При возникновении подобных ситуаций супруг, не являющийся должником, сохраняет право на судебную защиту посредством предъявления иска о разделе общего имущества и об освобождении принадлежащей ему доли от ареста. Эта конструкция свидетельствует о том, что действующий механизм согласования интересов кредитора и второго супруга еще не достиг необходимой степени нормативной определенности. Кредитору требуется предоставить действенный правовой инструментарий для удовлетворения законных имущественных требований. Одновременно супруг, не участвующий в обязательстве, не может нести несоразмерные имущественные ограничения лишь по причине существования брачной связи с должником. Устойчивое равновесие между указанными интересами достижимо при более тщательной регламентации порядка наложения ареста на общее имущество супругов, процессуальных сроков заявления соответствующих требований, а также способов

судебной защиты добросовестного участника семейных правоотношений.

Законный режим имущества супругов, выступая основной моделью правового оформления имущественных отношений в браке, обеспечивает реализацию начала юридического равенства супругов в имущественной сфере и закрепляет за каждым из них право на долю в совместно нажитом имуществе независимо от объема личного дохода. Наряду с этим, семейное законодательство допускает установление договорного режима имущества. Это существенно расширяет пределы частноправового усмотрения супругов при определении содержания взаимных имущественных прав и обязанностей. Такое решение приобретает особую значимость в условиях усложнения имущественного оборота, увеличения числа активов с различным правовым режимом и расширения участия граждан в предпринимательской деятельности. По этой причине брачный договор постепенно трансформируется из факультативного правового инструмента в значимый способ превентивного упорядочения имущественных отношений, позволяющий не только определить имущественную автономию супругов, но и снизить риск нарушения законных интересов кредиторов.

Пристатейный библиографический список

1. Калис М. Н., Рожкова С. М. Способы защиты прав кредиторов в случае их нарушения в результате заключения брачного договора // Ленинградский юридический журнал. – 2023. – № 2 (72). – С. 222-241.
2. Коршунов Н. М. Семейное право России: супружеское имущество и имущество супругов // Семейное законодательство Российской Федерации: опыт десятилетия и перспективы. Тверь: Научная книга. – 2017. – С. 39-40.
3. Начаров А. В. Защита имущественных интересов супруга должника при исполнении долговых обязательств в процедуре банкротства: проблемы распределения конкурсной массы и общих обязательств // Экономические исследования и разработки. – 2025. – № 1. – С. 144-152.
4. Хоменко Е. Г. Особенности договоров банковского вклада и банковского кредита с учетом правового режима имущества супругов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 27.
5. Чефранова Е. А. Обеспечение неприкосновенности собственности при обращении взыскания на имущество супругов // Государство и право. – 2003. – № 1. – С. 75-79.
6. Шишмарева Т. П., Енькова Е. Е. Гарантии жилищных прав несостоятельного должника и членов его семьи в процедурах банкротства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2025. – № 7 (131). – С. 110-117.

ГЕТМАН Яна Борисовна

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права, Ростовский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИЗНАНИЯ ОТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКШИХ НА ОСНОВАНИИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО ДОГОВОРА, ТРУДОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье на основе анализа нормативных правовых актов, доктринальных источников и актуальной судебной практики исследуются правовые последствия перекалфикации гражданско-правовых договоров в трудовые. Обосновывается, что уполномоченный субъект не создаёт новое правоотношение, а выявляет уже существовавшую трудовую связь и распространяет на неё нормы трудового права с момента фактического допуска к работе. Выявлены и проанализированы ключевые проблемы правоприменения. На основе анализа конкретных судебных актов сформулированы предложения по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: трудовое правоотношение, трудовой договор, гражданско-правовой договор, перекалфикация, фактический допуск к работе, налоговый агент, налог на профессиональный доход, срок исковой давности, судебная практика.

GETMAN Yana Borisovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal procedure law sub-faculty, Rostov Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

CONSEQUENCES OF RECOGNIZING RELATIONS ARISING ON THE BASIS OF A CIVIL LAW AGREEMENT AS EMPLOYMENT RELATIONS: PROBLEMS OF LEGAL QUALIFICATION AND LAW ENFORCEMENT

The article, based on the analysis of regulatory legal acts, doctrinal sources and current judicial practice, examines the legal consequences of reclassifying civil law contracts into employment contracts. It is substantiated that the authorized entity does not create a new legal relationship, but identifies an already existing labor relationship and applies the norms of labor law to it from the moment of actual admission to work. The key problems of law enforcement have been identified and analyzed. Based on the analysis of specific court decisions, proposals have been formulated to improve the legislation.

Keywords: labor relationship, employment contract, civil law contract, requalification, actual admission to work, tax agent, professional income tax, limitation period, judicial practice.

Проблема признания отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями долгое время исследовалась преимущественно через разграничение трудового договора и гражданско-правовых конструкций. Однако современная практика показывает, что центральным становится уже не только вопрос о критериях квалификации, но и вопрос о правовых последствиях перекалфикации. Именно на этом этапе, возникают наиболее сложные коллизии: с какого момента отношения считаются трудовыми, как определить условия фактического допуска к труду, какие выплаты и гарантии подлежат взысканию, каковы налоговые и страховые последствия для работодателя, а также какие сроки и процессуальные правила применимы к спору.

Действующее регулирование основывается, прежде всего, на части 4 статьи 11, части 2 статьи 15, абзаце восьмой части 2 статьи 16, статье 19.1, статьях 57, 61, 67, 236, 237, 392 и 393 Трудового кодекса Российской Федерации. Системообразующее значение для решения поставленной проблемы имеют Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15¹, Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора (утверждённый Президиумом ВС РФ 27.04.2022)², а также Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 3 (2025)³. В отечественной науке трудового права вопрос о признании отношений трудовыми связан с более широкой проблемой правовой природы трудового договора и трудового правоотношения. А. М. Лушников и М. В. Лушникова отмечают, что трансформация правового регулирования труда требует междотраслевого подхода и учёта комплексного взаимодействия трудового, гражданского и административного законодательства, в том числе с точки зрения юрисдикции [1]. С. Ю. Головина подчёркивает важность единства понятийного аппарата трудового

права, указывая на недопустимость расхождений в квалификации отношений в силу формального различия в юридической терминологии и процессуальных подходах [2]. Нарушение внутреннего единства этой конструкции ведёт к дефектам правового регулирования. Отсюда следует вывод, если фактически трудовое отношение оформляется гражданско-правовым договором, нарушается не отдельная формальность, а целостность трудово-правовой конструкции. Поэтому последствия признания отношений трудовыми должны охватывать не только наименование договора, но и весь нарушенный правовой режим в целом.

Часть 2 статьи 15 ТК РФ прямо запрещает заключение гражданско-правовых договоров, фактически регулирующих трудовые отношения. Абзац восьмой части 2 статьи 16 ТК РФ указывает, что трудовые отношения могут возникать и в результате признания отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми. Следовательно, законодатель прямо допускает ситуацию, при которой фактическое трудовое отношение существует до его надлежащего юридического оформления. Часть 4 статьи 19.1 ТК РФ устанавливает, что если отношения, возникшие на основании гражданско-правового договора, признаны трудовыми, такие отношения считаются возникшими со дня фактического допуска физического лица к исполнению обязанностей. Это позволяет утверждать, что признание отношений трудовыми имеет восстановительный характер: уполномоченный субъект не создаёт новое отношение на будущее, а выявляет уже существовавшую трудовую связь и придаёт ей надлежащую форму. Из этого следует, что институт признания отношений трудовыми не должен пониматься как исключение из принципа свободы договора в узком смысле. Его функция гораздо шире - он обеспечивает приоритет реального содержания трудового отношения над формально избранной договорной оболочкой. Исследуя трансформацию трудового правоотношения в условиях цифровой экономики, Н. Л. Лютов показывает, что в новых моделях занятости особое значение приобретают не только организационная субординация, но и экономическая зависимость, технологически опосредованный контроль и цифровое управление трудом [3]. Для настоящей проблемы это означает, что признание отношений трудовыми и последствия такой квалификации должны рассматриваться не только как реакция на классическую договорную фикцию, но и как средство восстановления правового статуса работника в более сложных гибридных моделях труда.

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2018. - № 7 (июль).

2 Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2022. - № 6 (июнь).

3 Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. - 2025. - № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 08.10.2025).

К материально-правовым последствиям переквалификации относится распространение трудового законодательства на весь период фактической работы. После признания отношений трудовыми лицо получает право требовать выплаты заработной платы, компенсации за неиспользованный отпуск, доплат за работу в выходные и праздничные дни, за сверхурочную работу, компенсации за задержку выплаты денежных сумм и компенсации морального вреда. Отсутствие задолженности по гражданско-правовому договору не исключает наличия задолженности в трудовом смысле, поскольку по ППД обычно не предоставляются обязательные гарантии и компенсации, присущие трудовому законодательству. Судебная практика за последние годы выработала устойчивый перечень признаков, позволяющих переквалифицировать договор.

В определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17 июля 2025 г. № 88-11271/2025⁴ суд указал, что ключевыми признаками, свидетельствующими о трудовом характере отношений, являются постоянный характер обязанностей, а не выполнение разовых поручений; регулярные выплаты одинаковых сумм в фиксированные даты без зависимости от объёма выполненных работ; наличие у исполнителя дополнительных полномочий, таких как право привлекать третьих лиц и представительские функции по доверенности.

Наиболее сложным последствием переквалификации является определение содержания трудового договора, который ранее не был заключен надлежащим образом. Закон чётко отвечает на вопрос, с какого момента отношения считаются трудовыми, но гораздо менее подробно регулирует вопрос, на каких условиях соответствующий трудовой договор должен считаться заключённым. При определении содержания трудового договора необходимо учитывать гражданско-правовой договор, поскольку он фактически закрепляет элементы трудового отношения, трудовую функцию, режим работы, порядок выплат, иногда должность или объём обязанностей. Одновременно недостающие условия должны определяться по правилам статьи 57 ТК РФ с учётом фактически сложившихся отношений и содержания судебного решения. В постановлении Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26 марта 2024 г. № Ф01-463/24⁵ суд установил, что договоры носили типовой характер, заключались на срок от 5 до 29 дней с последующей пролонгацией, в них не были согласованы определённый объём работы и конечный результат, при этом исполнители подчинялись графику работы и выполняли работы незамедлительно по заявкам, а самозанятые сообщили, что регистрировались в качестве плательщиков НПД по рекомендации директора, которого воспринимали как своего начальника. На основе этих обстоятельств суд пришёл к выводу о трудовой природе отношений.

Вместе с тем встречается и другая практика. Дело хлебокомбината⁶ является одним из споров, когда в удовлетворении требований о переквалификации было отказано. Суд установил существенные различия между условиями гражданско-правового договора и трудового: оплата по километражу (а не два раза в месяц), использование личного транспорта, расходы на ГСМ за счёт самозанятого, отсутствие предпрейсовых осмотров и путевых листов, а также то, что самозанятый не взаимодействовал с иными работниками организации. Суд указал, что наличие сходных положений о разгрузке, работе по графику и маршрутном листе не свидетельствует о трудовой функции при существенных различиях остальных условий. Это дело показывает, что переквалификация не является автоматической и требует доказательства совокупности признаков, свидетельствующих о трудовой природе отношений. Спорным остаётся и вопрос о сроке обращения в суд. Более обоснованным представляется подход, при котором такие споры по своей природе являются индивидуальными трудовыми, а потому срок определяется статьёй 392 ТК РФ и исчисляется с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении трудовых прав, а не автоматически с даты подписания гражданско-правового договора. Эта правовая позиция была сформулирована ВС РФ в Определении № 64-КГ24-4-К9⁷ и включена в п. 15 Обзора судебной практики № 3 (2025). Суд указал, что специальный годичный срок по ч. 2 ст. 392 ТК РФ (по требованиям о взыскании заработной платы и иных выплат)

начинается только после признания отношений трудовыми. Суд мотивировал это тем, что до момента признания отношений трудовыми у работника отсутствовала юридическая возможность заявлять требования, основанные на нормах ТК РФ, а применение формального подхода к срокам сделало бы институт переквалификации практически бессмысленным.

Признание отношений трудовыми влечёт не только подписание трудового договора, но и необходимость восстановления всего кадрового сопровождения, которое должно было существовать с начала трудового отношения. Работодатель обязан внести запись в трудовую книжку, если она ведётся, передать сведения о трудовой деятельности, ознакомить работника с локальными актами, организовать исполнение обязанностей по охране труда, а в необходимых случаях - по медицинским осмотрам, обучению и иным обязательным процедурам. Поскольку дата возникновения отношений определяется по моменту фактического допуска к работе, именно эта дата должна быть в основе кадрового оформления и исправления учётных сведений. В этом проявляется восстановительный, а не символический характер переквалификации. Если гражданско-правовой договор фактически прикрывал трудовые отношения, это означает, что в период его действия организация не исполняла надлежащим образом обязанности налогового агента и страхователя. Судебная практика признаёт допустимым выявление трудовой природы отношений для целей налогообложения, даже если отдельный работник не предъявлял иска о признании отношений трудовыми. Налоговые органы уделяют повышенное внимание договорам с лицами, применяющими налог на профессиональный доход, а также случаям регистрации работников в качестве ИП при фактическом сохранении трудовых отношений. Ключевым вопросом о зачёте НПД был разрешён ВС РФ в Определении № 309-ЭС24-20306 от 3 февраля 2025 г.⁸ Суд указал, что налоговый агент (работодатель) обязан удерживать и перечислять НДФЛ из собственных средств независимо от того, уплачивал ли сам работник какой-либо налог (п. 10 ст. 226 НК РФ). Уплаченный самозанятыми НПД не подлежит автоматическому зачёту в счёт обязательств налогового агента, а самозанятый вправе самостоятельно обратиться в налоговый орган с заявлением о возврате излишне уплаченного НПД. В рассматриваемом деле предпринимателю были доначислены страховые взносы в размере 3 626 430 рублей 56 копеек, штраф 181 321 рубль 52 копейки, НДФЛ в размере 2 603 428 рублей и штраф 65 085 рублей 70 копеек.

Признание отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми отношениями представляет собой не техническую замену одного договора другим, а восстановление нарушенной трудовоправовой конструкции. Последствия такой переквалификации носят комплексный характер. Они включают перерасчёт трудовых выплат и гарантий, оформление письменного трудового договора, восстановление кадрового и учётного сопровождения, возможность компенсации морального вреда, а также перерасчёт налоговых и страховых обязательств работодателя. Наиболее проблемными остаются установление содержания трудового договора, неоднородность практики по срокам обращения в суд и фрагментарность межотраслевых последствий переквалификации. Доктринальный анализ позволяет дополнительно обосновать, что признание отношений трудовыми является способом восстановления отраслевой юридической конструкции трудового права и формой защиты права на труд в условиях трансформации занятости и усложнения моделей завуалирования зависимого труда.

Пристатейный библиографический список

1. Лушников А. М., Лушникова М. В. Генезис евразийской региональной модели международно-правового регулирования труда // Трудовое право в России и за рубежом. - 2017. - № 2. - С. 58-61.
2. Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. - Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. - 178 с.
3. Лютов Н. Л. Трансформация трудового правоотношения и новые формы занятости в условиях цифровой экономики // Журнал российского права. - 2019. - № 7. - С. 117.
4. Трудовое право: национальное и международное измерение: монография / под ред. С. Ю. Головиной, Н. Л. Лютова. - М.: Норма, 2022. - Т. 2. - С. 271.

4 Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2025 № 88-11271/2025 (УИД 55RS0001-01-2024-006792-54).
 5 Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 26.03.2024 № Ф01-463/2024 по делу № А29-2726/2023.
 6 Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.03.2024 № Ф07-755/2024 по делу № А66-4126/2023.
 7 Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.12.2024 № 64-КГ24-4-К9 (УИД 65RS0010-01-2023-001037-86).

8 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.02.2025 № 309-ЭС24-20306 по делу № А76-20897/2023.

КУДРИН Антон Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственного управления и истории, Пермский национальный исследовательский политехнический университет; доцент кафедры юридических дисциплин, Пермский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Кудрин А. С.

К ВОПРОСУ О ТРАНСФОРМАЦИИ КОЛЛЕКТИВНОГО ДОГОВОРА ОТ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА К СОВРЕМЕННОСТИ

В статье проводится сравнительный анализ института коллективного договора в двух историко-экономических контекстах: советской плановой системе и современной рыночной экономике России. Показывается, что переход от советской модели к современной — это не просто формальное обновление нормативной базы, а качественная трансформация самой сути документа. Если в СССР коллективный договор выполнял прежде всего функцию административного закрепления заранее утвержденных плановых показателей, то в условиях рынка он приобретает новый смысл: становится потенциальным инструментом переговоров между работниками и работодателями за справедливое распределение добавленной стоимости.

Ключевые слова: коллективный договор; эволюция; трудовые отношения; советский период.

KUDRIN Anton Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Public administration and history sub-faculty, Perm National Research Polytechnic University; associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Perm Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ON THE TRANSFORMATION OF THE COLLECTIVE AGREEMENT INSTITUTION: FROM THE SOVIET MODEL TO MODERN RUSSIAN PRACTICE

This article presents a comparative analysis of the collective bargaining agreement as an institution across two distinct historical and economic contexts: the Soviet planned economy and contemporary market-oriented Russia. We argue that the shift from the Soviet model to the modern framework represents far more than a formal update of legal norms—it reflects a fundamental transformation in the very nature and purpose of the document. Whereas in the USSR the collective agreement primarily served to administratively endorse pre-approved plan targets, in today's market environment it is evolving into a potential instrument for negotiation between labor and capital over the distribution of value added.

Keywords: collective bargaining agreement, institutional evolution, labor relations, Soviet economy, market transformation.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторических корней современных институтов трудового права в условиях продолжающейся трансформации социально-экономических отношений в России. Коллективный договор, являясь одним из центральных элементов системы социального партнерства, претерпел существенные изменения за последние три десятилетия. Однако его современное функционирование невозможно адекватно оценить без понимания генезиса данного института в советский период, когда он выполнял принципиально иные функции в системе командно-административного управления.

Цель статьи — выявить содержательные и функциональные различия коллективного договора советского и постсоветского периодов, проанализировать факторы, обусловившие трансформацию его правовой природы, и оценить перспективы развития договорного регулирования социально-трудовых отношений в современной России.

Советская модель коллективного договора: идеология и практика

Следует начать с того, что особенность появления коллективного договора в дореволюционной России была обусловлена необходимостью урегулирования острых со-

циальных конфликтов между нанимателями и наемными работниками [2]. В советский период правовая природа данного института была переосмыслена в соответствии с марксистско-ленинской доктриной. Как отмечалось в юридической литературе того времени, «в частновладельческих предприятиях коллективные договоры призваны ставить жесткие рамки для эксплуатации рабочей силы занятых там работников... В государственных предприятиях коллективные договоры, повышая уровень правовых гарантий, призваны были содействовать росту производительности социалистического труда, развитию социалистического хозяйства» [4].

Ключевой особенностью советской концепции являлось теоретическое отрицание объективной основы трудовых конфликтов: «в условиях социалистического строя отсутствуют конфликты между руководством предприятий и рабочим классом, поскольку обе стороны принадлежат к единому классу и руководствуются общими целями» [8]. Данная идеологическая конструкция, абсолютизирующая классовое единство, создавала существенный разрыв между нормативной моделью коллективного договора и его фактической ролью в производственных отношениях.

На практике документ трансформировался из инструмента переговорного баланса в форму административного

оформления решений, уже принятых партийно-хозяйственным руководством. Содержание типовых коллективных договоров, разрабатываемых централизованно профсоюзными органами и утверждаемых на уровне министерств, сводилось преимущественно к декларативному закреплению плановых показателей и социальных нормативов, предусмотренных общесоюзным законодательством, что фактически лишало стороны возможности самостоятельного определения условий труда и его оплаты [7].

Особую роль в этой трансформации сыграла специфика советской профсоюзной системы. В отличие от западных профсоюзов, выполнявших функцию коллективного представительства интересов работников, советские профсоюзы рассматривались как «передача» партийной политики в трудовые коллективы. Их задача заключалась не в защите прав работников через переговоры, а в содействии выполнению государственных планов и мобилизации трудовых ресурсов. В результате коллективный договор утрачивал свою сущностную характеристику как соглашение, рождающееся из баланса противоположных интересов, и превращался в ритуальный акт утверждения существующих административно-командных решений [12].

Исходя из изложенного, следует сделать вывод о том, что именно в условиях декларируемого отсутствия конфликтов коллективный договор как правовой институт постепенно утрачивал свою регулятивную функцию. Если в рыночных экономиках необходимость заключения коллективных договоров поддерживалась постоянным напряжением между интересами капитала и труда, то в советской системе, где это напряжение официально отрицалось, исчезал и стимул для содержательного наполнения договорных отношений. Договор становился формальностью, а его реальное влияние на условия труда определялось не договорными обязательствами, а административными распоряжениями и возможностями конкретного предприятия в рамках распределительной системы [8].

Сравнительный аспект: опыт ГДР и Республики Беларусь как прошлое и настоящее

Исторический опыт развития института коллективного договора в СССР демонстрирует принципиальную зависимость эффективности договорного регулирования трудовых отношений от наличия экономической обоснованности его сторон. Отрицание антагонистических противоречий, вместо устранения конфликтов, привело к девальвации самого механизма их урегулирования через институт соглашения [13].

Вместе с тем, не следует отрицать и позитивных качеств коллективного договора в рассматриваемый период истории – обеспечение гарантий оплаты труда, предоставления санаторно-курортного лечения работнику и членам его семьи, улучшение охраны труда и ряда других положений, направленных на улучшение социально-экономического положения трудящихся [10].

Интересно сопоставить советскую практику с опытом Германской Демократической Республики. Как и в СССР, в ГДР коллективный договор рассматривался в качестве формы «социалистического соревнования» и инструмента мобилизации трудовых коллективов. Аналогичную функцию выполняли §§ 218-224 Arbeitsgesetzbuches (AGB) 1977 г., где договор определялся как средство конкретизации общегосударственных заданий на уровне комбината или предприятия с обязательным участием Betriebsgewerkschaftsleitung (BGL) и

администрации. Несмотря на внешнее сходство терминологии, восточногерманская конструкция отличалась большей правовой детализацией: AGB прямо фиксировал перечень подлежащих обсуждению вопросов (нормирование, премирование, охрана труда, социальное обеспечение) и устанавливал жесткие сроки согласования, тогда как советские акты оставляли содержание договора в значительной степени на откуп локальной практики [14].

Следует отметить, что в ГДР после реформ 1960-1970-х годов у руководителей предприятий и коллективов работников появилось больше свободы: они стали использовать коллективный договор как инструмент реального согласования социально-экономических интересов с минимальным участием партийных органов [1].

Интересно, что сегодня в постсоветских странах этот институт развивается неравномерно. Яркий пример тому – Беларусь, где коллективный договор стал уникальным институтом регулирования социально-трудовых отношений: советские традиции не были просто отброшены, а были адаптированы под новые условия. В отличие от соседних государств, пошедших на радикальные рыночные реформы, Беларусь выбрала путь постепенной трансформации экономики для смягчения негативных последствий для большинства граждан [4].

Особое значение приобретает трансформация функциональной нагрузки коллективного договора. Если в СССР он служил инструментом мобилизации на выполнение плановых заданий, то в современной Беларуси коллективный договор выполняет двойственную функцию: с одной стороны, формально закрепляя рыночные регуляторы трудовых отношений, с другой – выступая механизмом социальной стабилизации через сохранение гарантированных государством минимальных стандартов с возможностью их повышения за счет средств нанимателя.

Кроме того, часть заключаемых коллективных договоров содержат положения, дублирующие нормы Трудового кодекса, а реальное расширение прав работников достигается преимущественно через административные решения органов государственной власти и нанимателей, а не через переговорный процесс [6].

Современная российская модель: нормативные основания и практические вызовы

Фундаментальное различие между коллективным договором советского периода и его современной рыночной природой обусловлено трансформацией самой экономической основы социально-трудовых отношений. В условиях административно-командной системы коллективный договор функционировал не как результат переговорного компромисса, а как инструмент трансляции сверху принятых решений. В рыночной экономике коллективный договор, напротив, приобретает характер юридически обязывающего соглашения, возникающего из противоречия и последующего согласования интересов наемного труда и капитала [12].

Современное регулирование опирается на статьи 40–44 Трудового кодекса РФ. В них коллективный договор определяется как правовой акт, регулирующий социально-трудовые отношения в организации или у индивидуального предпринимателя и заключаемый между работниками и работодателем через их представителей [2]. Отдельно в статье 45 ТК РФ закреплён статус соглашений как еще одного правового акта социального партнерства.

Следует заметить, что в советское время коллективный договор формально считался локальным нормативным актом, но на деле не порождал реальных обязательств. Сегодня, согласно статье 41 ТК РФ, он имеет приоритет над локальными нормативными актами работодателя, закрепляет конкретные социально-экономические обязательства сторон, направлен на улучшение правового и социального положения работника.

Тем самым, это изменение отражает переход от модели административного подчинения к принципам договорной автономии сторон социально-трудовых отношений [11].

Меняется и содержание коллективного договора. Если в СССР он в основном служил для выполнения госплана, то сейчас в центре внимания — вопросы, обусловленные рыночной реальностью: индексация зарплаты с учетом инфляции, системы премирования, гибкие формы занятости, а также защита работников при или банкротстве работодателя [5].

Не менее важна изменившаяся роль профсоюзов. В советский период они фактически передавали партийную линию по вопросам регулирования труда, тогда как в рыночной экономике от них ждут независимой позиции на переговорах, реальной защиты прав и законных интересов работников. Однако на практике этот переход в России до конца не завершен: сохраняется корпоративная модель, при которой профсоюзные организации и их руководство фактически встроены в систему управления работодателя. Это воспроизводит негативные советские традиции и ограничивает возможности коллективного договора как инструмента реального баланса интересов [9].

Заключение

Таким образом, переход от советской модели коллективного договора к современной рыночной версии представляет собой не простую модификацию правовой формы, а глубинную трансформацию самого назначения рассматриваемого договора: от механизма административной регламентации партийно-государственных решений — к потенциальному инструменту рыночного торга за распределение создаваемой стоимости.

Вместе с тем, полная реализация этого потенциала остается зависимой от развития гражданского общества, укрепления независимости профсоюзного движения и формирования у сторон готовности к подлинному социальному диалогу, а не к формальному соблюдению процедуры заключения договора. Исторический опыт СССР и ГДР наглядно демонстрирует: там, где договорное регулирование подменяется административной «гармонизацией» интересов, институт коллективного договора утрачивает свою регулятивную функцию и превращается в формальный акт.

Перспективы дальнейшего исследования видятся в анализе региональных практик заключения коллективных договоров, оценке эффективности механизмов контроля за их исполнением, а также в сравнительном изучении постсоветских моделей социального партнерства в контексте интеграционных процессов на евразийском пространстве.

Пристатейный библиографический список

1. Бегунович Р. В. Закрепление права на труд в нормативных правовых актах Восточной Германии 1945-1990 гг. // Сибирский юридический вестник. – 2023. – № 2 (101). – С. 4.
2. Волк Е. А. Нормативные соглашения в трудовом праве. – Минск: Амалфея, 2013. – С. 11.
3. Гончаров А. Ф. История государства и права СССР: в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Г. С. Калинин. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 163.
4. Давидюк П. Г. Профсоюзное движение: история, теория, практика. – Минск: МИТСО, 1999. – С. 68.
5. Киселев И. Я. Трудовое право России. Историко-правовое исследование. – М.: ИНФРА-М, 2001. – С.197
6. Ковалева Е. А., Ковалева Т. В. Очерки по истории трудового права Беларуси. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2015. – С. 69.
7. Кузнецов В. В. О заключении коллективных договоров на 1947 г. – М.: Профиздат, 1947. – С. 5-6.
8. Кулешов Г. Н. История становления института коллективных договоров в России//Проблемы экономики и юридической практики. – 2017. – № 2. – С. 127.
9. Пасынкова В. В. Политические стратегии российских профсоюзов в 1989-2003 гг. // Политэкс. – 2006. – Т. 2. № 2. – С. 236.
10. Советское трудовое право / под ред. Н. Г. Александра. – М.: Госюриздат, 1949. – С. 232.
11. Трудовое право России / под ред. А. М. Куренного. – М.: Проспект, 2015. – С. 156.
12. Трудовое право России / под ред. А. С. Пашкова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. – С. 47.
13. Уржинский К. П. Гарантии права на труд. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 138.
14. Arbeitsgesetzbuch der Deutschen Demokratischen Republik vom 16. Juni 1977 (GBl. I, S. 371), §§ 218-224; Jahn K.H. Arbeitsrecht der DDR. Berlin: Staatsverlag der DDR, 1982. S. 89.

ТАРАСОВА Ольга Александровна

кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры политологии и связей с общественностью, Уфимский университет науки и технологий.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ В СФЕРЕ ГЕНДЕРНОГО РАВЕНСТВА В РАСПРЕДЕЛЕНИИ ОПЛАТЫ ТРУДА В РОССИИ

В статье рассматривается современное состояние российского рынка труда, отличающегося значительным увеличением гендерного разрыва в уровне оплаты труда мужчин и женщин. Определены сферы занятости и группы профессий, характеризующиеся традиционным присутствием женского труда и, как следствие, наиболее склонные к нарастанию гендерного разрыва: здравоохранение, образование и социальные услуги. Выявлены экономические и демографические факторы, способствующие значительному снижению возможности женщин получать одинаковую с мужчинами заработную плату. На основе данных социологических исследований установлено, что в текущей экономической ситуации тенденция на разделение профессий по традиционно «мужскому» и «женскому» признаку продолжает сохраняться, а гендерный разрыв в оплате труда нарастает по мере роста уровня образования.

Ключевые слова: оплата труда, гендерный разрыв, рынок труда, средняя заработная плата, гендерная сегрегация, гендерные стереотипы, гендерное равенство.

TARASOVA Olga Alexandrovna

Ph.D. in sociological sciences, senior lecturer of Political science and public relations sub-faculty, Ufa University of Science and Technology

Тарасова О. А.

ON THE ISSUE OF MODERN TRENDS IN THE FIELD OF GENDER EQUALITY IN THE DISTRIBUTION OF WAGES IN RUSSIA

The article examines the current state of the Russian labor market, characterized by a significant increase in the gender pay gap between men and women. The spheres of employment and groups of professions characterized by the traditional presence of women's labor and, as a result, the most prone to widening the gender gap are identified: healthcare, education and social work. The economic and demographic factors contributing to a significant decrease in the ability of women to receive the same salary as men have been identified. Based on the data of sociological research, it has been established that the tendency to divide professions into traditionally «male» and «female» continues to persist. In the current economic situation the gender gap increases as the level of education increases.

Keywords: wages, gender gap, labor market, average salary, gender segregation, gender stereotypes, gender equality.

Актуальность темы гендерного равенства в оплате труда, понимаемого как справедливое соотношение среднего заработка мужчин и женщин, остается значимой в условиях развития современной мировой и российской экономики.

За последние четыре года структурные изменения национальной экономики вызвали потребность в увеличении показателей рабочей силы. Компенсировать возросшую потребность возможно за счет привлечения в новые отрасли производства женщин, которые, по оценкам аналитиков, составляют до половины трудовых ресурсов страны. Однако, в силу целого ряда причин, женщины как трудовой ресурс остаются выключенными из ряда высокооплачиваемых отраслей. Так, по данным исследования, проведенного научными сотрудниками С. Ю. Рощиным и Н. К. Емелиной по состоянию на 2022 год, гендерный разрыв в оплате труда мужчин и женщин в России в среднем оценивался в 37,3 % и достиг почти 70 % в отдельных отраслях экономики [5], а по данным

Федерации независимых профсоюзов России в 2024 году гендерный разрыв средней заработной платы руководящего состава предприятий приблизился к 50 %, что является историческим максимумом¹.

Существование гендерного разрыва зарплат мужчин и женщин маркирует проблему неравенства не только в нашей стране, но и на международном уровне. Так, по данным МОТ, глобальный гендерный разрыв в оплате труда мужчин и женщин оценивается в диапазоне от 16 до 22 %, а сокращение

разрыва в соотношении рабочей силы мужчин и женщин на четверть могло бы способствовать увеличению мирового ВВП на несколько процентов².

Проблема справедливой оплаты труда обозначается в ряде фундаментальных правовых документов, призванных улучшить положение женщин. Например, в 1951 году Международной организацией труда была принята Конвенция о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности № 100. Конвенция вступила в силу в 1953 году и была ратифицирована 173 странами, включая Россию³.

Равная оплата за труд равной ценности предусмотрена Целями устойчивого развития ООН до 2030 года: Цель 5 «Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек» и Цель 8 «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех», а также предусмотрена в Декларации Столетия Международной Организации Труда о будущем труда, принятой на 108-й сессии Конференции МОТ.

Несмотря на меры, используемые для преодоления гендерного разрыва в оплате труда мужчин и женщин, это остается важнейшей проблемой мировой экономики и ши-

1 В 2024 году разрыв между зарплатами руководителей мужчин и женщин достиг почти 50 % (Росстат). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://fnpr.ru/events/novostichlenskikh-organizatsiy/v-2024-godu-razryv-mezhdu-zarplatami-rukovoditeley-muzhchin-i-zhenshchin-dostig-pochti-50-rosstat.html?sphrase_id=177880 (дата обращения: 13.04.2026).

2 Доклад «Заработная плата в мире в 2018/2019: что стоит за гендерным разрывом в оплате труда» [Резюме]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ilo.org/ru/publications/doklad-%20zarabotnaya-plata-v-mire-v-20182019-cto-stoit-zagendernym-razryvom> (дата обращения: 13.04.2026).

3 Конвенция Международной организации труда №100 относительно равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности (Женева, 29 июня 1951 г.) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 13.04.2026).

роко распространен в большинстве видов занятости. Согласно статистике, опубликованной Росстатом, женщины в РФ зарабатывают меньше мужчин практически во всех сферах. В целом по стране в 2023 году средняя зарплата женщины составляла около 70 % от дохода российского мужчины. В то же время, интерес вызывает тот факт, что среди директоров и руководителей крупных российских предприятий женщины представлены наравне с мужчинами.

На существование достаточно негативных тенденций в сфере мужского и женского труда также указывает исследование Росстата «Женщины и мужчины России 2024» определившее, что по состоянию на 2023 год женщины получали в среднем 61,1 тыс. рублей в месяц, а мужчины – 87,7 тыс. рублей. Различаются также и темпы роста окладов – к концу 2023 года размер оклада женщин вырос на 25,7 %, в то время как у мужчин рост зарплат составил 30,9 % [4].

Дополнительную нагрузку на рынок труда дали последствия кризиса, связанного с пандемией COVID-19. За период ковидного кризиса женщины теряли работу чаще мужчин и, согласно исследованию Международного торгового центра, 64 % компаний, возглавляемых женщинами, пострадали от кризиса, связанного с пандемией, сильнее, чем 52 % компаний, возглавляемых мужчинами. Более 90 % опрошенных женских предприятий сообщали о снижении продаж во время пандемии⁴.

Исследователи выделяют следующие причины, поддерживающие существующее распределение занятости: бытующие в современном общественном сознании гендерные стереотипы о женщине как более слабом работнике, занятым преимущественно домашним трудом; продолжающееся разделение профессий на традиционно «мужские» и традиционно «женские»; неоплачиваемый домашний труд, которым женщины заняты в 2,3 раза больше, чем мужчины [5].

Тем не менее, по данным социологических исследований, прослеживается существование фундаментального запроса на гендерное равенство в оплате труда, который существует в российском обществе на протяжении десятилетий. Так, по данным исследований 2005 года 67 % мужчин и 75 % женщин высказывались за гендерное равенство в профессиональном росте. Однако более половины респондентов отмечали, что мужчины обладают большими возможностями для построения карьеры и продвижения по службе. Участники исследования подтверждали, что сталкивались с профессиональной дискриминацией, в особенности при работе на должностях, имеющих требования к высокой квалификации. Возможно, данная тенденция ассоциировалась с тем, что «в сфере высококвалифицированного труда присутствует больше возможностей для карьерного продвижения и профессионального роста, гендерные производственные роли закреплены не очень четко, соответственно более вероятна «гендерная конкуренция» (и, как одно из сопутствующих ей явлений – наличие «стеклянного потолка» для карьеры женщин)» [1, с.73].

Обращаясь к показателям распределения мужской и женской занятости по отраслям и группам профессий, статистические исследования Росстата в 2023 году подтверждают глубокую поляризацию отдельных профессиональных сфер. Женская занятость достигает максимальных показателей в таких отраслях экономики, как: образование (82 %), здравоохранение и социальные услуги (80 %), гостиничное обслуживание (74 %), культура и досуг (67 %), оптовая и розничная торговля (62 %).

Важно заметить, что в традиционно «женских» сферах занятости средний уровень зарплат на порядок ниже, чем в традиционно «мужских». «Мужская» занятость характеризуется высоким уровнем средней заработной платы и повышенными требованиями к физическим нагрузкам. Большинство «мужских» профессий представлены в таких высокооплачи-

ваемых отраслях, как: добыча полезных ископаемых (84 %), строительство (88 %), транспортировка и хранение (78 %), обеспечение электрической энергией (77 %), деятельность в области информации и связи (66 %) [4].

Похожая картина наблюдается и в Республике Башкортостан, где на начало 2024 года женщины, как и в целом по стране, составляли почти половину трудовых ресурсов республики (46,4 %). Четко прослеживается, что в труд женщин задействован в образовании (84,2 % от занятых в данной сфере), в области здравоохранения и социальных услуг (81,6 %), в оптовой и розничной торговле, гостиницах и предприятиях общественного питания (66,2 %). Доля работающих женщин, имеющих высшее образование (37,3 %), преобладает над уровнем образования мужчин (25,7 %) ⁵.

Рассмотренные нами статистические данные позволяют сделать вывод о том, что усиление гендерного разрыва в оплате труда происходит за счет следующих тенденций:

1. Имеющие хороший уровень профессионального образования женщины в России сталкиваются с серьезными экономическими барьерами, например с феноменом «штрафа за материнство» - ситуации, когда женщина, имеющая детей, получает заработную плату в меньшем размере, чем ее бездетные коллеги. Женщины в целом чаще мужчин уходят в отпуск по уходу за ребенком, берут больничный, предпочитают частичную занятость.

2. Гендерная сегрегация профессий подразумевает невидимые барьеры, препятствующие продвижению женщин в областях производства и группах профессий, требующих от них традиционно «мужских» навыков [3].

3. Существующая вертикальная сегрегация и понятие «стеклянного потолка» создает ситуацию, когда женщины, обладающие профессиональными знаниями и умениями, и высоким уровнем образования, зачастую получают заработную платукратно ниже мужской и сталкиваются с ограничениями при продвижении по карьерной лестнице [2].

4. Присутствующие в общественном сознании гендерные стереотипы о традиционно «женских» качествах. В современном обществе бытует представление о том, что женщины склонны меньше конкурировать и рисковать. Кроме того, женщинам свойственна меньшая амбициозность и большая предсказуемость поведения, отказ от слишком рискованных стратегий, умение выстраивать более осторожные отношения с партнерами [5]. Мужчинам же предписывается готовность к серьезному риску и личной ответственности, быстрому осуществлению принятых решений.

Для подтверждения влияния данных тенденций на рынок труда был проведен ряд социологических исследований под эгидой Федерации независимых профсоюзов России. Так, согласно данным исследования 2023 года «Соблюдение трудовых прав женщин в России», большинство опрошенных женщин действительно заняты в традиционных для них сферах экономики: образование (31,5 %), здравоохранение (23,4 %) и культура (6,9 %), что в целом совпадает с данными российской статистики. Причем почти 60 % из них имели высшее образование, а еще 32 % - среднее специальное образование.

Женщины чаще сталкивались с трудностями и при приеме на работу (отказ, требование не уходить в декретный отпуск на протяжении определенного периода) – 26 % опрошенных, что подтвердило тенденцию о влиянии домашней занятости и материнства на карьерные возможности и трудоустройство женщин. При назначении на высокие управленческие позиции проблемы возникли у 19 % женщин, что, скорее всего, может указывать на эффект «стеклянного потолка» (снижение веры в собственные силы и способности). С занижением предлагаемой женщинам оплаты труда по сравнению с оплатой труда мужчин, занятых на аналогичных должностях, сталкивались 20 % респондентов.

4 Дайджест «Женщины и экономика», август 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d30/obzory_i_analitika/daydzhest_zhenshchiny_i_ekonomika_zh_avgust_2020_goda.html (дата обращения: 15.04.2026).

5 8 марта - Международный женский день. Башкортостанстат. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://o2.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/press-woman_2025.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

Молодые замужние женщины с детьми (20 %) указывали на следующие сложности, возникшие при назначении на должность: неудобный график отпусков, отказ в предоставлении неоплачиваемых дней отпуска, невозможность уйти на больничный по уходу за больным ребенком, частые командировки, постановка в ночные смены и др.). Молодые работницы значительно чаще сталкивались с занижением предлагаемой оплаты труда по сравнению с оплатой труда мужчин, занимающих аналогичные должности⁶.

С целью исследования текущего состояния в распределении оплаты труда мужчин и женщин в России, Федерацией независимых профсоюзов России в октябре 2025 года было проведено масштабное социологическое исследование. В исследовании приняли участие 38 342 респондента и 87 регионов Российской Федерации, из них - 88,1 % женщин и 11,9 % - мужчин. Данные, полученные Федерацией независимых профсоюзов России (ФНПР), наглядно показывают продолжающееся гендерное разделение в сфере профессиональной занятости: «явно мужскими» оказались научная и техническая профессиональная деятельность, информация и связь, электроэнергетика, обрабатывающие производства, транспорт и хранение, добыча полезных ископаемых, тогда как «традиционно женскими» остаются здравоохранение и образование, социальное обеспечение. Среди руководителей гендерный разрыв продолжает увеличиваться - мужчин на таких должностях стало в 1,5 раза больше, чем женщин⁷.

Анализ данных наглядно продемонстрировал следующую закономерность: высшее образование не является универсальным инструментом сокращения гендерного разрыва. Наличие высшего образования у работников неквалифицированного труда сокращает гендерный разрыв более чем в 2 раза (на 16,5 п.п.) и для данной группы служит дополнительным сигналом компетентности для работодателя, нивелируя гендерные стереотипы. Обратную тенденцию можно отметить в группе руководителей - наличие высшего образования увеличивает гендерный разрыв в оплате труда на 18,7 п.п., что является доказательством существования «стеклянного потолка» и гендерной составляющей в назначении зарплат мужчин и женщин. Высокообразованные женщины-руководители сталкиваются с наибольшим сопротивлением системы: их достижения и компетенции не переводятся в справедливую оплату в отличие от мужчин. Таким образом, полученные статистические данные указывают, что высшее образование не является универсальным механизмом, позволяющим преодолеть структурные барьеры («стеклянный потолок»), связанные с культурой назначения зарплат и продвижения на руководящих должностях⁸.

Исследование ФНПР России позволяет сделать вывод о том, что на всех уровнях трудовой занятости высшее образование выступает сдерживающим фактором трудовой дискриминации, способствуя большей прозрачности и стандартизации оплаты; на руководящих должностях высшее образование становится фактором, выявляющим и укореняющим глубинные дискриминационные практики. Система допускает женщин к высшему образованию, но блокирует монетизацию этого капитала в процессе роста карьеры: данные опровергают упрощенный взгляд, что повышение уровня образования женщин автоматически приведет к ра-

венству. Образование не преодолевает структурные барьеры («стеклянный потолок»), связанные с культурой назначения зарплат и продвижения на руководящих должностях.

Данные, полученные в ходе исследования ФНПР, наглядно доказывают наличие и усугубление системной проблемы неравенства в оплате труда мужчин и женщин в РФ. Решение данной проблемы требует координации усилий со стороны государства и социального партнерства, внедрения конкретных, измеримых механизмов на всех уровнях жизнедеятельности: от государственной политики до кадровой практики в каждой организации.

Подводя итог, важно отметить, что экономические вызовы, с которыми столкнулась Россия после 2022 года, и необходимость повышения включенности женщин в создание экономического роста требуют усиления системы мер по преодолению проблемы гендерного разрыва и увеличению присутствия женщин в сфере высокооплачиваемого труда. На наш взгляд, особое значение сейчас могут приобрести следующие направления государственной детализации, которые будут способствовать снижению напряженности в сфере оплаты труда мужчин и женщин:

1. Улучшение доступности части профессий из «мужского» списка, запрещенных для женского труда, что даст возможность увеличить среднюю заработную плату и обеспечить рабочими местами достаточное количество женщин.
2. Увеличение доли женщин, обучающихся IT-профессиям, развитие цифровизации и автоматизации производственных процессов увеличит женскую занятость в сфере информационных технологий.
3. Дальнейшее развитие и расширение онлайн-торговли, удаленной работы, частичной занятости позволит женщинам совмещать работу и материнство.
4. Развитие женского предпринимательства. Например, в Республике Башкортостан, где доля женщин в малом и микробизнесе достигает почти половины от всех занятых, активно развиваются и функционируют бизнес-структуры, а также акселераторы и ассоциации, такие как: Ассоциация женщин-предпринимателей РБ, региональное отделение «Женщины бизнеса», а также внедрена специальная программа «Мама-предприниматель», которая помогает женщинам с детьми открыть бизнес, совмещая его с материнством.

Пристатейный библиографический список

1. Вовк Е. Права и возможности женщин: работа, зарплата, карьера. Социологические наблюдения (2002-2004). - М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2005. - С. 73.
2. Гринина Ю. А., Леонова Л. А. Гендерное неравенство на российском рынке труда: экономический анализ разрыва в заработной плате // *Alter Economics*. - 2025. - Т. 22. № 3. - С. 503-526.
3. Елисеева И. И., Декина М. П. Статистический анализ гендерного неравенства оплаты труда в современной России. // *Статистика и экономика*. - 2019. - Т. 16. № 5. - С. 85-93.
4. Иванова А. М., Моруга А. С., Никитина С. Ю., Фатянова Л. Н., Чумарина В. Ж., Элефтерова М. П. Женщины и мужчины в России. 2024: Стат. сб. / Росстат. - М., 2024. - 176 с.
5. Роцин С. Ю., Емелина Н. К. Мета-анализ гендерного разрыва в оплате труда в России // *Экономический журнал Высшей школы экономики*. - 2022. - № 2. - С. 213-239.

6 Женщины в профсоюзах: документы, социология, практика. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://fnpr.ru/upload/iblock/2a4/ny67z3kohn4f759qrj7f7efv17tuit9/ZHenshchiny_v_profsoyuzakh.pdf (дата обращения: 25.04.2026).

7 Анализ результатов социологического исследования равенства в оплате труда мужчин и женщин в России, ноябрь 2025. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://fnpr.ru/documents/dokumenty-federatsii/analiz-rezultatov-sotsiologicheskogo-issledovaniya-ravenstva-v-oplate-truda-muzhchin-i-zhenshchin-v.html> (дата обращения: 25.04.2026).

8 Анализ результатов социологического исследования равенства в оплате труда мужчин и женщин в России, ноябрь 2025. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://fnpr.ru/documents/dokumenty-federatsii/analiz-rezultatov-sotsiologicheskogo-issledovaniya-ravenstva-v-oplate-truda-muzhchin-i-zhenshchin-v.html> (дата обращения: 25.04.2026).

СТЕПАНОВ Игорь Леонидович

адвокат, Адвокатская палата Московской области, НКО коллегия адвокатов «Содействие»

СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНОГО И КОРПОРАТИВНОГО В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СТАТУСА АДВОКАТА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: К ВОПРОСУ О ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ АДВОКАТУРЕ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ

В статье исследуются законодательные и практические вопросы, возникающие в сфере соотношения публично-правовых и корпоративно-правовых основ регулирования правового статуса адвоката в союзном государстве России и Беларуси через призму развития принципа независимости адвокатуры и его реализации в национальных законодательствах двух стран. Проводится анализ регулятивных функций государства, реализуемых органами государственной власти при приобретении статуса адвоката в Беларуси, аттестации адвокатов. Автор полагает, что для преодоления препятствий в процессах гармонизации законодательства об адвокатуре, необходимо реформирование как двусторонних отношений между профессиональными сообществами адвокатов в Союзном государстве, так и национальных законодательств стран-участников.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская деятельность, адвокатура, гармонизация законодательства, статус адвоката, аттестация, Союзное государство.

STEPANOV Igor Leonidovich

lawyer, Moscow Region Bar Association, Bar Association «Assistance»

THE RELATIONSHIP BETWEEN PUBLIC AND CORPORATE IN THE LEGAL REGULATION OF THE STATUS OF A LAWYER UNDER THE LAWS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS: ON THE ISSUE OF HARMONIZATION OF LEGISLATION ON ADVOCACY IN THE UNION STATE

The article examines legislative and practical issues arising in the field of the correlation of public law and corporate law bases for regulating the legal status of lawyers in the Union state of Russia and Belarus through the prism of the development of the principle of independence of the legal profession and its implementation in the national legislations of the two countries. The analysis of the regulatory functions of the state, implemented by public authorities when acquiring the status of a lawyer in Belarus, and the certification of lawyers is carried out. The author believes that in order to overcome obstacles in the process of harmonizing legislation on the legal profession, it is necessary to reform both the bilateral relations between the professional communities of lawyers in the Union State and the national legislations of the participating countries.

Keywords: lawyer, advocacy, advocacy, harmonization of legislation, lawyer status, certification, Union State.

Договором о создании Союзного государства, который был заключён между Республикой Беларусь и Российской Федерацией 8 декабря 1999 года, закреплён курс, направленный на формирование единой правовой системы стран-участников Союзного государства. Российская Федерация и Республика Беларусь ещё в 1999 году приняли совместную Программу действий, в которой закрепили механизм реализации положений указанного договора. Данным механизмом предполагает проведение поэтапной унификации законодательства России и Беларуси¹.

Процесс реализации положений, установленных Договором в части обеспечения равенства прав граждан и субъектов экономической деятельности в Союзном государстве, обуславливает необходимость установления единых принципов и механизмов, регулирующих порядок защиты указанных прав как на наднациональном уровне, так и в законодательствах стран Союзного государства, в том числе таких принципов и механизмов, которые закрепляют вопросы организации и деятельности институтов гражданского общества, обеспечивающих профессиональную защиту прав, свобод и охраняемых законом интересов граждан и субъектов хозяйствования.

Обоснованным является мнение А. В. Егорова по вопросу формирования единого правового пространства в Союзном государстве. «Одной из самых значимых задач является формирование единого правового пространства Союзного государства, то есть общей правовой системы стран-участников» [4, с. 147].

Статус адвокатуры как правового института, на который возложены задачи обеспечения оказания квалифицированной юридической помощи, закреплён в России и Беларуси на конституционном уровне. Вместе с тем, в национальных юрисдикциях по-разному регламентированы вопросы государственно-правового и корпоративного регулирования адвокатуры и организации адвокатской деятельности, что, по нашему мнению, наиболее ярко проявляется при сравнительном анализе законодательства, закрепляющего правовые основы статуса адвокатов.

Вопросы соотношения публичного и корпоративного начал в регулировании статуса адвоката в России и Беларуси нашли свое отражение в исследованиях И. И. Мартинович, А. А. Синичкина, Д. Н. Мулгачева, Е. А. Цеперко, М. В. Жердецкого, Д. А. Витковской, С. В. Стародумова и других авторов. Однако, анализ литературы неизбежно свидетельствует о том, что настоящее время не предложено эффективных способов, позволяющих провести гармонизацию действующего законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности как на уровне Союзного государства, так и на уровне национальных законодательств стран-участников.

Ключевым аспектом в балансе публичного и корпоративного в правовом регулировании статуса адвоката является

1 Программа действий Российской Федерации и Республики Беларусь по реализации положений Договора о создании Союзного государства (совершено 08.12.1999) // «Российская газета». № 22. 01.02.2000. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25948/ (дата обращения: 15.04.2026).

реализация принципа независимости адвокатуры как в законодательстве, так и в правоприменительной практике. Как справедливо отметила С. И. Володина в ходе сессии о независимости адвокатуры, прошедшей в рамках Восьмого Петербургского международного юридического форума, «независимость адвокатуры обеспечивает в том числе независимость адвоката как субъекта – возможность независимого прихода в профессию, приостановления и прекращения статуса, выбора формы адвокатской деятельности»².

Необходимо согласиться и с мнением С. М. Стародумова о том, что: «Независимость адвокатуры определяется, прежде всего, самостоятельным определением и регулированием адвокатским сообществом правил профессиональной деятельности и поведения адвокатов и дисциплинарной ответственности за нарушения этих правил» [5, с. 73].

В качестве важнейшей гарантии реализации принципа независимости адвокатуры нам видится закрепление в законодательстве полного и исключительного права адвокатской корпорации самостоятельно определять судьбу адвокатов в профессиональной сфере.

Данные положения находят свое отражение в Федеральном Законе РФ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Статья 9 указанного Закона закрепляет исключительное право принятия решений о присвоении гражданину статуса адвоката за квалификационной комиссией адвокатской палаты субъекта Российской Федерации³. Постоянно действующая комиссия не только принимает у претендентов квалификационный экзамен, но и является полностью самостоятельным органом, который разрешает вопрос о присвоении претенденту статуса адвоката. Формирование самой комиссии осуществляется в составе адвокатских палат в соответствии с установленными требованиями. Закрепленное в законе соотношение представительства адвокатской палаты (семь представителей) и государственных органов (шесть представителей от различных государственных органов), четко разграниченное разделение представителей государственных органов в соответствии с конституционным механизмом разделения властей позволяет в полной мере органам адвокатского самоуправления реализовывать корпоративные задачи при разрешении вопросов, входящих их компетенцию.

В Республике Беларусь осуществление профессиональной адвокатской деятельности отнесено законом к подлежащим лицензированию видам деятельности, в рамках которого лицензиатом (субъектом лицензирования) является физическое лицо, намеревающееся приобрести статус адвоката, а лицензирующим органом от лица государства выступает Министерство юстиции Республики Беларусь. Это следует из взаимосвязанных правовых положений ст. 41 Закона РБ «О лицензировании»⁴.

Нормами главы 10 Закона РБ «О лицензировании» закреплен ряд долицензионных требований, которые изначально предъявляются к лицам, выступающим в качестве соискателей статуса адвоката. Указанный перечень требований является полностью исчерпывающим и включает: обязательное наличие гражданства Республики Беларусь, наличие высшего юридического образования, прохождение всеми претендентами предварительной стажировки в территориальных коллегиях адвокатов в полном или сокращенном

формате в предусмотренных законодательством случаях, а также обязательную сдачу квалификационного экзамена в письменной и устной форме, либо сдачу экзамена в облегченном формате в устной форме для бывших работников судов, прокуратуры, правоохранительных органов, которые рекомендованы для работы в адвокатуре по представлению руководителей соответствующих республиканских органов управления. Необходимо отметить, что критерий обязательного наличия гражданства для лиц, претендующих на получение статуса адвоката в рассматриваемых государствах, устанавливается лишь законодательством Беларуси. Спорным представляется вопрос о необходимости закрепления такого критерия белорусским законодателем. В Российской Федерации такое ограничение не предусмотрено, что обеспечивает равные возможности для всех лиц, проживающих на территории России на доступ к профессии. На наш взгляд, в рамках Союзного государства с белорусской стороны было бы логичным и правильным предоставить возможность доступа к адвокатской профессии в том числе гражданам России, проживающим в Республике Беларусь. Такой вывод обоснованно следует из содержания ст. 14 Договора о создании союзного государства⁵.

Упомянутым выше законом «О Лицензировании» устанавливается обязанность по сдаче претендентами квалификационного экзамена до принятия решения о предоставлении лицензии, либо отказе в ней, а также определяется правовой статус и закрепляются полномочия квалификационной комиссии по вопросам адвокатской деятельности в Республике Беларусь. В соответствии со ст. 48 Закона РБ «О лицензировании» перечень полномочий квалификационной комиссии включает следующие функции: комиссия осуществляет рассмотрение заявлений, а также иных материалов по вопросам связанным с осуществлением лицензиатами адвокатской деятельности, реализует мероприятия по оценке соответствия соискателя лицензии долицензионным требованиям до принятия решения о допуске к квалификационному экзамену, непосредственно проводит квалификационный экзамен; рассматривает иные вопросы, которые связаны с адвокатской деятельностью. Решение ключевых вопросов, связанных с лицензированием адвокатской деятельности, принимается Министерством юстиции исключительно на основании заключения квалификационной комиссии (ч. 2 ст. 48 Закона РБ «О лицензировании»).

Порядок формирования и функционирования квалификационной комиссии в Республике Беларусь устанавливается и определяется в соответствии с принятым Положением о квалификационной комиссии по вопросам адвокатской деятельности в Республике Беларусь⁶. Данным положением регламентирован состав квалификационной комиссии, в которую включены: председатель Белорусской республиканской коллегии адвокатов; по одному представителю от территориальных (областных и Минской городской) коллегий адвокатов; по одному представителю от Верховного Суда и Генеральной прокуратуры, иных государственных органов; пять представителей от Министерства юстиции, а также два

2 Взгляды на принцип // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/news/fpa/vzglyady-na-printsip/> (дата обращения: 15.04.2026).

3 Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 23. – Ст. 2102.

4 Закон Республики Беларусь от 14 октября 2022 г. № 213-З «О лицензировании» // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 20.10.2022. – 2/2933.

5 Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08.12.1999 г. «О создании Союзного государства». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2026).

6 Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 16.12.2022 № 151 «О комиссиях по вопросам лицензирования и проведении оценки» (вместе с «Положением о комиссиях по вопросам лицензирования», «Положением о Квалификационной комиссии по вопросам адвокатской деятельности в Республике Беларусь», «Инструкцией о порядке проведения оценки соответствия возможностей соискателя лицензии долицензионным требованиям, лицензиата лицензионным требованиям») // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – 27.12.2022. – 8/39185.

представителя от научных организаций. Председателем комиссии по должности является заместитель министра юстиции, обладающий правом решающего голоса при голосовании по вопросам, вынесенным на заседания.

Анализ данных положений позволяет прийти к выводу о том, что при разрешении вопроса о выдаче соискателю лицензии на право осуществления адвокатской деятельности, а также ряда иных ключевых вопросов, затрагивающих статус адвоката, адвокатская корпорация в Беларуси не имеет права решающего голоса. Обладая в составе квалификационной комиссии меньшим количеством голосов по сравнению с представителями государственных органов, адвокаты фактически не могут реализовать корпоративное мнение по вопросам, выносимым на рассмотрение комиссии. Кроме того, в силу законодательной неопределенности понятия «иные государственные органы» не представляется возможным предположить, какое количество представителей и от каких государственных органов могут входить в квалификационную комиссию. Соответственно, вопросы допуска адвоката в профессию регулируются в Беларуси не самими адвокатами, а непосредственно государством, несмотря на декларирование принципа самоуправления как одного из важнейших принципов организации адвокатской деятельности и адвокатуры Беларуси.

Одной из ключевых обязанностей адвокатов, установленных в Российской Федерации, является обязанность по постоянному совершенствованию своих знаний самостоятельно и повышению своего профессионального уровня в порядке, установленном Федеральной палатой адвокатов и адвокатскими палатами субъектов Федерации⁷. Аналогичное требование для адвокатов соседнего государства закреплено и в белорусском национальном законодательстве. Так, ч. 1 ст. 18. Закона РБ «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», устанавливает для адвокатов обязанность по постоянному совершенствованию своих знаний и повышению квалификации. При этом адвокат обязан учитывать существующие рекомендации Белорусской республиканской коллегии адвокатов⁸.

Контроль за выполнением указанной обязанности адвокатами в России осуществляется советами адвокатских палат, которые на основании действующего Стандарта профессиональной деятельности в условиях предоставленной адвокатам самостоятельности в решении вопросов по повышению квалификации реализуют контрольные функции за повышением профессионального уровня адвокатами в установленном Стандартом объеме и принимают меры дисциплинарного характера в отношении адвокатов, уклоняющихся от исполнения обязанности данной профессиональной обязанности⁹. На практике такой контроль сведен к осуществлению адвокатскими палатами учета часов повышения профессионального уровня каждым адвокатом. В законодательстве, регулирующем адвокатскую деятельность на территории России и в корпоративных нормах, к сожалению, не установлено механизмов осуществления реального контроля за

качеством повышения профессионального уровня адвокатов. Такое положение в известной степени может привести к нивелированию того значительного объема работы, который реализуется Федеральной палатой адвокатов, адвокатскими палатами субъектов Федерации в области повышения профессионального уровня, поскольку ограничение контроля фактически до учета часов повышения квалификации не обеспечивает обратной связи с адвокатами по вопросам, связанным с поддержанием адвокатами высокого уровня знаний законодательства и складывающейся судебной практики, применения новых методов и форм оказания юридической помощи, овладения современными профессиональными техниками, использования информационных технологий в оказании юридической помощи, популяризации альтернативных (внесудебных) способов разрешения споров.

В свою очередь в Республике Беларусь такой контроль выражен в строгой и централизованной форме. В соответствии со ст. 14-1 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» на адвокатов возложена обязанность по прохождению аттестации. Правила и условия прохождения аттестации, а также порядок её проведения определяется регулятором – Министерством юстиции Республики Беларусь¹⁰. Обязанность по проведению аттестации адвокатов возложена на квалификационную комиссию по вопросам адвокатской деятельности, которая в определенных случаях вправе делегировать поручение о проведении очередной аттестации аттестационным комиссиям, создаваемым в территориальных коллегиях адвокатов. Как вытекает из Инструкции о порядке проведения аттестации адвокатов, аттестация проводится в целях оценки знаний адвокатом законодательства, соблюдения адвокатом законодательства об адвокатуре, оценки деловых и личностных качеств адвоката, определения возможности выполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей в случае выявления фактов, свидетельствующих о его недостаточной квалификации¹¹.

Законом установлено, что очередная аттестация членов территориальных коллегий адвокатов проводится один раз в пять лет, однако в случае выявления фактов, свидетельствующих о недостаточной квалификации адвоката, либо фактов ненадлежащего выполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей по представлению Министерства юстиции или Белорусской республиканской коллегии адвокатов адвокат может быть подвергнут внеочередной аттестации. Аттестация проводится при личной явке адвоката в форме собеседования с обязательным предоставлением характеристики на адвоката. В ходе аттестации члены квалификационной комиссии вправе задавать адвокату вопросы по законодательству, судебной практике, профессиональной деятельности адвоката. По результатам аттестации принимается одно из следующих возможных решений: о соответствии (не соответствии) адвоката установленным требованиям, либо о не полном соответствии с отсрочкой аттестации на шесть месяцев. В случае принятия решения о несоответствии адвоката установленным требованиям Министерство юстиции прекращает действие его лицензии.

Вопросы приостановления и прекращения статуса адвоката в Республике Беларусь так же, как и в Российской Федерации отнесены к ведению адвокатской корпорации за исключением некоторых особенностей, связанных с лицен-

7 Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 2002. – № 23. – Ст. 2102.

8 Закон Республики Беларусь от 30.12.2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» // Ведомости Национального Совета Республики Беларусь. – 1998. – № 28. – Ст. 459.

9 Стандарт профессионального обучения и повышения профессионального уровня адвокатов и стажеров адвокатов (утв. IX Всероссийским съездом адвокатов 18.04.2019) // Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-standard-of-professional-training-and-improvement-of-professional-level-of-lawyers/> (дата обращения: 15.04.2026).

10 Закон Республики Беларусь от 30.12.2011 г. № 334-З «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь» // Ведомости Национального Совета Республики Беларусь. – 1998. – № 28. – Ст. 459.

11 Постановление Министерства юстиции Республики Беларусь от 02.02.2012 № 34 (ред. от 16.12.2022) «Об утверждении Инструкции о порядке проведения аттестации адвокатов» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 21.03.2012. – № 34. 8/25070.

зированием данного вида деятельности в Беларуси (в случае прекращения лицензии Минюстом).

Проведенный анализ действующего законодательства государств-участников Союзного государства России и Беларуси позволяет прийти к выводу о наличии значительных противоречий в правовом регулировании адвокатской деятельности и вопросов правового статуса адвокатов в соседних государствах, что не позволяет определить единый и приемлемый для двух адвокатур путь гармонизации законодательства.

Возникновение адвокатуры в России и Беларуси имеет одинаковые корни. Общую направленность адвокатуры двух государств сохранили в своем становлении и в дореволюционное и советское время. Вместе с тем с наступлением в 1991 году новой политической и экономической реальности российской и белорусская адвокатура прошли разные пути своего развития – первая с бережным отношением к сохранению и укреплению корпоративного регулирования, а вторая – в условиях жесткой поступательной централизации и единого регулирования со стороны государства с постепенной частичной утратой права адвокатуры на внутрикорпоративное регулирование и принятие самостоятельных решений без влияния со стороны государственных органов.

В 2023 году между Белорусской республиканской коллегией адвокатов и Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации заключено Соглашение о сотрудничестве, в котором определяются только ориентиры на координацию усилий, направленных на развитие адвокатуры, развитие принципов организации адвокатуры без определения конкретного вектора развития таких принципов. В сложившихся условиях с учетом кардинального различия подходов в понимании принципа независимости адвокатуры такое соглашение фактически имеет сугубо декларативный характер.

На данном уровне представляется целесообразным принять двустороннюю программу развития адвокатуры с последующим созданием на ее основе наднационального правового акта, регламентирующего деятельность адвокатуры в Союзном государстве России и Беларуси. Указанная программа может предусматривать поэтапную гармонизацию законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуры в странах Союзного государства по российской модели. В частности, уменьшение централизации государственного регулирования вопросов статуса адвоката в Республики Беларусь, передачу данных вопросов в ведение исключительно адвокатского сообщества с оставлением за компетентными государственными органами контрольной функции, возвращение к множественности форм организации адвокатских образований, в том числе учреждаемых самими адвокатами.

Принимая во внимание опыт белорусских коллег, а также отсутствие законодательно закрепленных механизмов контроля повышения адвокатами своего профессионального уровня, можно говорить о целесообразности введения в Российской Федерации процедуры аттестации адвокатскими палатами субъектов Федерации тех адвокатов, которые были подвергнуты дисциплинарному взысканию вследствие невыполнения ими обязанности по повышению своего профессионального уровня. Такая аттестация может быть проведена через один год с момента привлечения к дисциплинарной ответственности и должна включать проверку знаний адвокатом действующего законодательства и судебной практики, основных направлений развития адвокатуры. Введение такой аттестации, во-первых, повысит уровень ответственности адвокатов перед органами адвокатского самоуправления и адвокатским сообществом в целом, во-вторых, исключит возможность формального исполнения адвокатами указанной обязанности.

На межнациональном уровне необходимо разрешить давно назревшую проблему о взаимном признании статуса адвоката в юрисдикциях стран-участников Союзного госу-

дарства и взаимного беспрепятственного обеспечения доступа к осуществлению адвокатской деятельности в России и Беларуси. Одновременно с разрешением указанной проблемы представляется необходимым разрешить вопрос об устранении препятствий, для граждан России, проживающих на территории Республики Беларусь, на допуск к профессии адвоката. Разрешение данного вопроса находится исключительно в компетенции белорусского государства и не требует паритетных действий с российской стороны, поскольку, как уже писалась выше, таких ограничений российским законодательством не устанавливается. Вместе с тем, установленное белорусским законодательством ограничение явно находится в противоречии с нормами заключенного союзного договора.

Исходя из складывающихся вытекает вывод о том, что не представляется возможным в настоящее время говорить о формировании в ближайшие годы единого института адвокатуры на уровне Союзного государства.

Вместе с тем, принятие совместных программ, реализация дорожных карт по гармонизации законодательства, а также решение вопроса о взаимном признании адвокатского статуса приведет в конечном итоге к принятию единого нормативного правового акта на уровне Союзного государства, что должно, на наш взгляд, обеспечить в будущем не только гармонизацию, но и унификацию законодательства в рассматриваемой сфере в странах-участниках Союзного государства, приведение адвокатур России и Беларуси к единым стандартам осуществления адвокатской деятельности.

Пристатейный библиографический список

1. Байрамукова С. Б. Публичные функции адвокатуры // Адвокатская практика. – 2025. – № 1. – С. 42-45.
2. Васяев А. А. Роль адвокатуры в функционировании гражданского общества в России // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2024. – № 4. – С. 58-62.
3. Володина С. И. К вопросу об адвокатуре на современном этапе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 11. – С. 27-36. – <https://doi.org/10.17803/2311-5998.2020.75.11.027-036>.
4. Егоров А. В. Правовая система Союзного государства Беларуси и России: новая синергетика и перспективы развития // Журнал российского права. – 2026. – № 1. – С. 147.
5. Жердецкий М. В. Адвокатура Республики Беларусь: состояние, проблемы и пути развития // Евразийская адвокатура. – 2024. – № 5. – С. 23-26.
6. Скупова А. А. Принцип независимости в деятельности современной российской адвокатуры // Молодой ученый. – 2024. – № 48 (547). – С. 456-458.
7. Стародумов С. В. Реализация принципа независимости адвокатуры на современном этапе // Судебная власть и уголовный процесс. – 2022. – № 1. – С. 72-74.
8. Толчеев М. Н. О конституционно-правовом закреплении публичного статуса адвокатуры // Адвокатская практика. – 2024. – № 3. – С. 2-7.

КАМЫШНИКОВА Татьяна Сергеевна

ассистент, Аграрно-технологический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ШМЕЛЁВА Марина Юрьевна

ассистент, Аграрно-технологический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ЦУРИКОВ Александр Алексеевич

ассистент, Аграрно-технологический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ РЕСУРСОВ И ЗЕМЕЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Статья посвящена рассмотрению аспектов правового регулирования земельных ресурсов и земельных правоотношений. Проанализированы положения Конституции Российской Федерации, основных кодифицированных нормативных правовых актов, федеральных законов, актов регионального и муниципального уровней, регулирующие обозначенные институты. Особое внимание уделено межотраслевому характеру регулирования, включая влияние лесного, водного и градостроительного законодательства. Выявлены ключевые тенденции развития системы источников земельного права и их значение для обеспечения рационального использования и охраны земельных ресурсов.

Ключевые слова: земельное право, земельные правоотношения, правовое регулирование, земельные ресурсы, источники права.

KAMYSHNIKOVA Tatyana Sergeevna

assistant, Agrarian and Technological Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

SHMELEVA Marina Yurjevna

assistant, Agrarian and Technological Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

TSURIKOV Alexander Alexeevich

assistant, Agrarian and Technological Institute, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

LEGAL REGULATION OF LAND RESOURCES AND LAND LEGAL RELATIONS

The article is devoted to the consideration of aspects of legal regulation of land resources and land legal relations. The provisions of the Constitution of the Russian Federation, the main codified normative legal acts, federal laws, acts of the regional and municipal levels regulating the designated institutions are analyzed. Particular attention is paid to the intersectoral nature of regulation, including the impact of forestry, water and urban planning legislation. The key trends in the development of the system of sources of land law and their importance for ensuring the rational use and protection of land resources are revealed.

Keywords: land law, land legal relations, legal regulation, land resources, sources of law.

Современное состояние правового регулирования земельных ресурсов в Российской Федерации является результатом длительного и поэтапного реформирования, начавшегося в начале 1990-х годов. Ключевой задачей проводимых преобразований выступало преодоление монополии государственной собственности на землю и формирование многообразия форм владения и пользования земельными участками, отвечающих требованиям рыночной экономики. Данные преобразования носили эволюционный характер и реализовывались через последовательное изменение нормативной базы, регуливающей земельные отношения.

Следует подчеркнуть, что развитие земельного законодательства Российской Федерации происходило в тесной взаимосвязи с экономическими реформами и трансформацией хозяйственных отношений.

Первоначально базовые принципы правового регулирования земельных ресурсов и земельных правоотношений в Российской Федерации закреплены на конституционном уровне. Так, ст. 9 Конституции Российской Федерации посвящена вопросам рационального использования земельных ресурсов, и многообразию форм собственности на данные ресурсы¹. При этом ст. 36 Основного закона закрепляет

принцип диспозитивности в земельных правоотношениях, а именно «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц».

Важным аспектом является разграничение полномочий между уровнями публичной власти. Условия и порядок использования земельных ресурсов определяются федеральным законодательством, при этом субъекты Российской Федерации вправе принимать собственные нормативные правовые акты по соответствующим вопросам. Вместе с тем такие акты не должны противоречить федеральным законам, что обеспечивает единство правового регулирования на всей территории страны.

С учетом положений ст. 72 Конституции Российской Федерации вопросы владения, пользования и распоряжения землей относятся к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Это означает, что регионы обладают определенной нормотворческой самостоятельностью и могут регулировать земельные отношения на своем уровне. Однако в случае принятия федерального закона по соответству-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе

общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993 (25 декабря). – № 237.

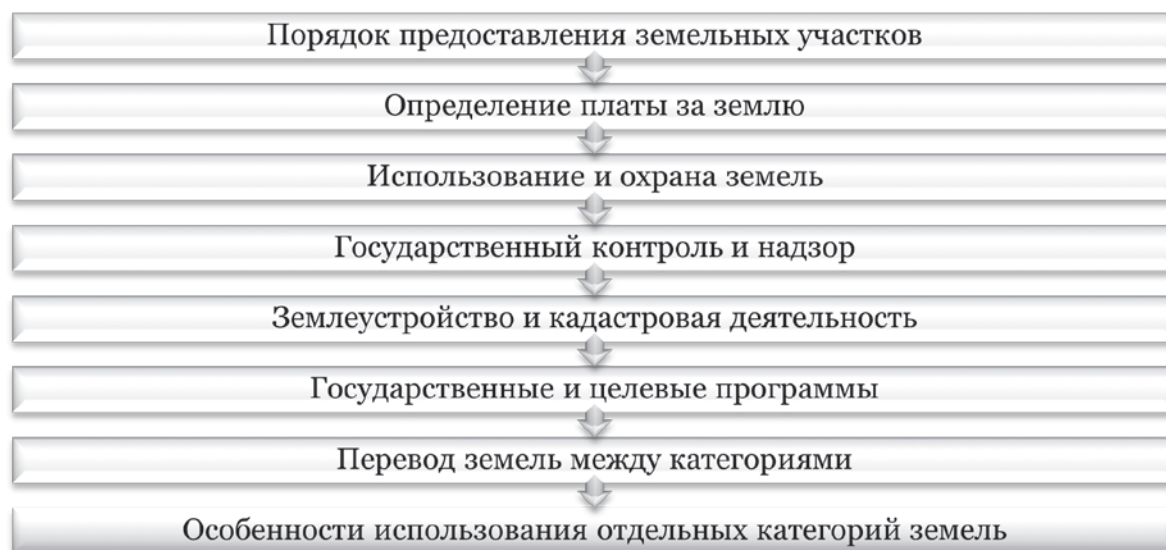

Рисунок 1. Вопросы, регулируемые подзаконными актами в земельном праве

ющим вопросам региональные нормативные акты подлежат приведению в соответствие с ним, что прямо следует из статьи 76 Конституции Российской Федерации и направлено на устранение возможных коллизий в праве.

По мере становления рыночной экономики возростала необходимость систематизации и упорядочения нормативного регулирования в сфере земельных отношений, что нашло отражение в принятии кодифицированного акта — Земельного кодекса Российской Федерации от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (далее — ЗК РФ)². Указанный нормативный правовой акт закрепил основные положения правового режима земель, определил их категории, а также установил правовой статус субъектов земельных правоотношений.

Исходные и принципиальные положения ЗК РФ развиваются и дополняются рядом иных законов³. Значимым этапом развития земельного законодательства стало его реформирование в последующий период, в том числе посредством принятия Федерального закона от 23.06.2014 г. № 171-ФЗ⁴, направленного на совершенствование порядка предоставления земельных участков, повышение эффективности их использования и упрощение административных процедур. Данные изменения способствовали модернизации правового регулирования и адаптации земельного законодательства к современным экономическим условиям.

2 Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. № 136-ФЗ (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 44. - Ст. 4147.

3 Федеральный закон от 18 июня 2001 г. № 78-ФЗ «О землеустройстве» (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2001. - № 26. - Ст. 2582; Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О государственном кадастре недвижимости» (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2007. - № 31. - Ст. 4017; Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2002. - № 30. - Ст. 3018; Федеральный закон от 21 декабря 2004 г. № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» (в ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2004. - № 52 (ч. 1). - Ст. 5276.

4 Федеральный закон от 23 июня 2014 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2014. - № 26 (ч. 1). - Ст. 3377.

Следует отметить, что особенностью земельного законодательства является его межотраслевой характер. Так, отдельные нормативные положения, регулирующие рассматриваемые в данном исследовании институты, содержатся не только в отраслевом земельном законодательстве, но и, например, в водном, лесном и даже градостроительном. В качестве примера можно привести положения ст. 7 Лесного кодекса Российской Федерации⁵, согласно которым формирование лесного участка осуществляется с учетом норм как земельного, так и лесного законодательства.

Особое место в системе правового регулирования земельных ресурсов и земельных правоотношений имеют подзаконные правовые акты, к которым относятся постановления Правительства РФ, а также ведомственных министерств и ведомств (Рисунок 1).

В целом подзаконные акты Правительства Российской Федерации можно условно классифицировать по их функциональному назначению: одни из них устанавливают особенности правового режима отдельных категорий земель, другие направлены на реализацию полномочий по управлению федеральной собственностью, а третьи регулируют иные вопросы, связанные с организацией и функционированием земельных отношений. Такая многоуровневая система нормативного регулирования обеспечивает комплексный характер правового воздействия на земельные ресурсы и способствует формированию стабильной и эффективной правоприменительной практики.

К числу источников земельного права Российской Федерации обоснованно относятся также нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации, играющие значимую роль в детализации и конкретизации федеральных положений с учетом региональной специфики. Их значение обусловлено тем, что именно на уровне субъектов осуществляется адаптация общих норм к природным, экономическим и социальным условиям конкретной территории.

Характерным примером является Земельный кодекс Республики Карелия от 21 ноября 1991 г. № XII 10/250, который в течение длительного периода времени выполнял функцию

5 Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2006. - № 50. - Ст. 5278.

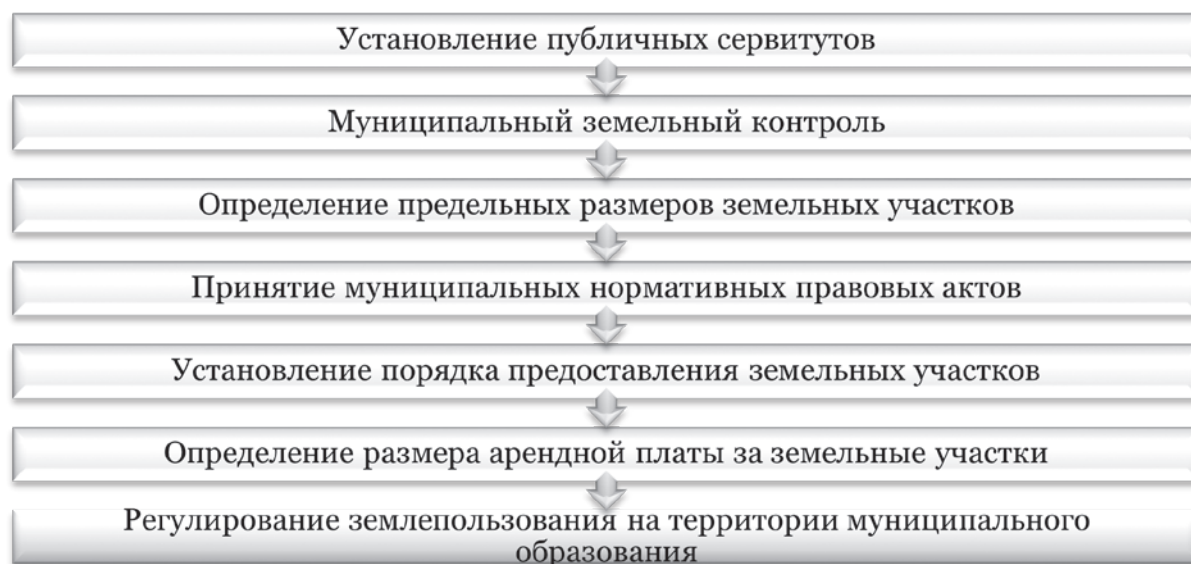

Рисунок 2. Компетенция органов местного самоуправления в сфере правового регулирования земельных ресурсов и земельными правоотношениями

базового регионального акта, регулирующего земельные отношения. Также в качестве примера рассматриваемого уровня регулирования земельных ресурсов и земельных правоотношений можно привести правовые акты иных субъектов Российской Федерации⁶.

Особое место среди региональных источников занимает Закон города Москвы от 19 декабря 2007 г. № 48 «О землепользовании в городе Москве». Указанный нормативный правовой акт регулирует широкий круг вопросов, связанных с использованием земель в условиях крупного мегаполиса, включая особенности установления публичных сервитутов, порядок управления земельными ресурсами города, а также иные аспекты, обусловленные высокой плотностью застройки и значительной экономической активностью. Дополнительное значение имеют подзаконные акты, принимаемые органами исполнительной власти субъектов, в частности постановление Правительства Москвы от 20 сентября 2011 г. № 430-ПП, которым утверждена Государственная программа города Москвы «Имущественно-земельная политика города Москвы на 2012-2016 гг.». Данный документ определяет стратегические направления развития земельных отношений на региональном уровне и закрепляет механизмы их реализации.

Наряду с актами субъектов Российской Федерации значительный объем полномочий в сфере регулирования земельных ресурсов и земельных правоотношений предоставлен органам местного самоуправления. В пределах своей компетенции они вправе принимать муниципальные нормативные правовые акты, направленные на урегулирование конкретных вопросов землепользования на территории соответствующего муниципального образования (Рисунок 2).

Таким образом, в заключение проведенного исследования можно отметить, что правовое регулирование земельных ресурсов и земельных правоотношений в Российской Федерации представляет собой сложную систему, включа-

ющую в себя нормативные правовые акты различных уровней правового регулирования, а также различных отраслей права. Именная такая система правового регулирования обеспечивает эффективное и рациональное использование земельных ресурсов с учетом как общегосударственных, так и частных интересов пользователей земельных ресурсов.

Пристатейный библиографический список

1. Федоров М. Г., Гусева Т. А. Правовое регулирование земельных правоотношений в Российской Федерации // Теория и практика современной науки. - 2024. - № 6 (108). - С. 147-150.
2. Королев Р. В. Правовое регулирование земельных правоотношений на муниципальном уровне // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 10 (226). - С. 79-82.

6 Закон Тверской области от 9 апреля 2008 г. № 49-ЗО «О регулировании отдельных земельных отношений в Тверской области» // СПС «КонсультантПлюс»; Закон Оренбургской области от 17 марта 2003 г. «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения в Оренбургской области» // СПС «КонсультантПлюс».

ДАНИЛОВА Ксения Николаевна

аспирант, Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

О НОВОЙ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЛЕСНОГО КОНТРОЛЯ (НАДЗОРА)

В статье рассматривается новая правоприменительная практика в деятельности государственного лесного контроля (надзора) в условиях реформирования контрольно-надзорной деятельности и цифровой трансформации государственного управления. Цель исследования состоит в выявлении ключевых тенденций применения риск-ориентированного подхода, профилактических инструментов и доказательственных стандартов при пресечении нарушений обязательных требований в сфере использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов. На основе теоретико-правового анализа раскрываются эволюция правового регулирования лесопользования в России, сущность устойчивого развития лесного хозяйства и его правовое значение, а также содержание организационно-правового механизма обеспечения устойчивого лесопользования.

Ключевые слова: государственный лесной контроль (надзор), лесопользование, устойчивое развитие, риск-ориентированный подход, профилактика нарушений.

DANILOVA Kseniya Nikolaevna

postgraduate student, I. N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary

ON NEW LAW ENFORCEMENT PRACTICE IN THE ACTIVITIES OF STATE FOREST CONTROL (SUPERVISION)

This article examines new law enforcement practices in state forest control (supervision) activities in the context of reforming control and supervision activities and the digital transformation of public administration. The aim of the study is to identify key trends in the application of a risk-based approach, preventative tools, and evidentiary standards to prevent violations of mandatory requirements in the use, conservation, protection, and restoration of forests. Based on a theoretical and legal analysis, the article explores the evolution of legal regulation of forest management in Russia, the nature of sustainable forestry development and its legal significance, and the organizational and legal mechanism for ensuring sustainable forest management.

Keywords: state forest control (supervision), forest management, sustainable development, risk-based approach, violation prevention.

Данилова К. Н.

Актуальность исследования новой правоприменительной практики в деятельности государственного лесного контроля (надзора) обусловлена одновременно институциональными, технологическими и ресурсными изменениями в системе управления лесами. Реформа контрольно-надзорной деятельности, закрепленная Федеральным законом от 31 июля 2020 года № 248-ФЗ, сместила акцент с «карательной» модели сплошных проверок к риск-ориентированному управлению, профилактике нарушений и приоритету доказуемости обязательных требований в конкретной надзорной ситуации.

В лесной сфере эта перестройка имеет повышенную значимость, поскольку объект контроля связан с публичными интересами высокой плотности: сохранением лесов как природного ресурса и элемента экологической безопасности, предотвращением незаконных рубок и деградации лесных экосистем, обеспечением пожарной и санитарной безопасности, а также соблюдением процедур использования лесов, закрепленных в Лесном кодексе Российской Федерации.

Практическая «новизна» здесь выражается в том, что меняется не только набор инструментов надзора, но и логика доказательства нарушения: возрастает роль цифровых следов, фотофиксации, дистанционного мониторинга и межведомственных данных, что влечет вопросы допустимости, достаточности и процессуальной корректности доказательственной базы. Указанные тенденции дополнительно усиливаются последними изменениями лесного законодательства, включая уточнения правил представления и подписания документов, а также внедрение фотофиксации в ряде процедур сохранения лесов, что влияет на стандарты административного доказывания и практику надзорных решений.

Цель исследования состоит в комплексном анализе складывающейся правоприменительной практики государствен-

ного лесного контроля (надзора) в части применения риск-ориентированных механизмов, профилактических процедур и доказательственных стандартов при выявлении и пресечении нарушений обязательных требований в сфере использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов, а также в выявлении типовых проблем и формулировании обоснованных предложений по повышению правовой определенности и эффективности надзора. Нормативной рамкой такого анализа выступают положения Федерального закона № 248-ФЗ и подзаконные акты, определяющие порядок осуществления федерального государственного лесного контроля (надзора), включая соответствующее положение, утвержденное постановлением Правительства Российской Федерации от 30 июня 2021 года № 1098 (с последующими изменениями).

Практическая значимость выражается в возможности использовать результаты исследования при подготовке внутренних регламентов и методических рекомендаций контрольных органов, при разработке программ профилактики рисков причинения вреда, в обучении должностных лиц надзора, а также в правовом сопровождении лесопользователей и органов власти субъектов Российской Федерации.

Степень разработанности темы можно охарактеризовать как неоднородную. С одной стороны, в российской юридической науке сформирована развитая доктрина экологического и природоресурсного права, в рамках которой исследуются публичные интересы в природопользовании, правовые режимы природных ресурсов и механизмы их охраны; к числу ученых, внесших значимый вклад в эти направления и используемых в качестве теоретической опоры, относятся Сергей Александрович Боголюбов, Михаил Михайлович Бринчук, Ольга Леонидовна Дубовик, Александр Константинович Голиченков, Марина Ивановна Васильева и другие представители научной школы экологического права.

Теоретико-правовые аспекты регулирования организации устойчивого развития лесного хозяйства в современной российской правовой системе целесообразно рассматривать как совокупность взаимосвязанных элементов: правового режима лесов как природного ресурса и объекта публичной собственности; института лесопользования как формы реализации хозяйственных интересов; системы публичного управления, обеспечивающей баланс экономической отдачи, экологической безопасности и социальных эффектов. В таком понимании устойчивое развитие лесного хозяйства выступает не лозунгом, а юридически «упакованной» целью, которая должна быть выражена в принципах, обязательных требованиях, разрешительных процедурах, механизмах контроля и ответственности, а также в правилах воспроизводства и восстановления лесов. Концептуальная сложность здесь связана с тем, что лесные отношения одновременно включают природоохранный, имущественный, административный и экономический компоненты, поэтому устойчивость достигается не одной нормой, а организационно-правовой архитектурой, в которой заранее распределены функции, риски, обязанности и критерии допустимого воздействия на лесные экосистемы.

История формирования и условия правового регулирования отношений лесопользования в России демонстрируют смену доминирующих подходов: от преимущественно ресурсной модели, ориентированной на заготовку древесины и фискальную отдачу, к модели, где лес понимается как элемент экологической инфраструктуры страны, влияющий на климаторегулирующие функции, защиту почв, водный баланс и качество среды обитания. Историческая эволюция правового регулирования важна не только как «фон», но и как объяснение устойчивых институциональных инерций: неоднородность лесного фонда по регионам, сложность учета и охраны территорий, зависимость местных экономик от лесосырьевых цепочек, а также постоянное напряжение между интересами хозяйствующих субъектов и публичной обязанностью государства обеспечивать охрану лесов. Условия правового регулирования в данной сфере всегда были связаны с пространственными факторами (протяженность, труднодоступность), технологическими возможностями контроля и уровнем управленческой координации между федерацией и субъектами Российской Федерации, а в последние годы – и с цифровой трансформацией процедур учета, мониторинга и надзорной деятельности [1].

Развитие лесопользования как правового института сталкивается с проблемой правового определения его содержания и границ. С одной стороны, лесопользование нередко воспринимается упрощенно как совокупность хозяйственных операций (заготовка древесины, сбор недревесных ресурсов, рекреация, охота), но с другой – правовая конструкция лесопользования включает условия допустимости, цели использования, ограничения, требования к сохранению лесов и обязательства по восстановлению. Проблемность определения проявляется в том, что экономические модели лесного бизнеса постоянно усложняются: появляются смешанные виды использования, комбинирование договорных режимов, интеграция лесопользователей в цепочки переработки, использование новых технологий, что требует уточнения «предмета» и «мер» правового воздействия. Если правовое определение отстает, возникают зоны правовой неопределенности: размывается ответственность за последствия, усложняется доказывание нарушений, снижается качество контроля и повышаются транзакционные издержки добросовестных субъектов.

Составляющие устойчивого развития лесопользования в юридическом смысле целесообразно раскрывать через триединство экологических, экономических и социальных параметров, которые должны быть переведены в измеримые критерии правового значения. Экологическая составляющая выражается в запрете или ограничении действий, ведущих к деградации лесов, в закреплении требований к охране, защите, санитарному состоянию и противопожарным мерам, а также в обязательности воспроизводства лесов и компенсационных механизмов.

Экономическая составляющая проявляется в обеспечении предсказуемости и стабильности лесопользования, прозрачности процедур предоставления прав, а также в стимулировании глубокой переработки, рационального использования сырья и снижения потерь. Социальная составляющая, в свою очередь, связана с занятостью в лесных регионах, обеспечением законных интересов местных сообществ, сохранением традиционных форм природопользования, а также с безопасностью населения (в частности, в части пожарных рисков и санитарных угроз). Правовое значение устойчивости состоит в том, что эти элементы должны быть сопряжены: экономическая выгода легитимна лишь при соблюдении экологических ограничений и социальных гарантий, а публичное управление обязано поддерживать этот баланс не декларативно, а через процедуры и ответственность [2].

Организационно-правовой механизм обеспечения устойчивого развития лесопользования включает, во-первых, нормотворческий блок (принципы, требования, регламенты, стандарты), во-вторых, управленческий блок (полномочия органов, координация, планирование, учет и мониторинг), и, в-третьих, охранительно-юрисдикционный блок (контроль, надзор, меры принуждения, ответственность, восстановительные меры). Внутренняя эффективность такого механизма зависит от согласованности уровней управления: федерального (единые правила и приоритеты), регионального (учет природных и экономических особенностей), муниципального (локальные практики и профилактика). На практике ключевым становится вопрос «сшивки» данных и решений: учет лесного фонда, результаты мониторинга, сведения о договорах, информация о нарушениях и восстановительных работах должны образовывать единую управленческую картину, иначе юридические нормы работают фрагментарно и не обеспечивают устойчивый результат.

Характеристика лесопользования как объекта правового регулирования требует подчеркнуть его сложную природу: это не только использование ресурса, но и управление экологическими рисками, где объектом правового воздействия является поведение пользователей (лесопользователей) и состояние лесной экосистемы как публично значимого блага. Отсюда вытекает особый режим допустимости: лесопользование законно лишь при соблюдении условий, направленных на предотвращение вреда и обеспечение воспроизводства. Специфика объекта также в том, что вред от нарушений часто имеет латентный характер, проявляется отсроченно и территориально распределен, а потому требует превентивного регулирования, профилактики и доказательственных стандартов, ориентированных на причинно-следственные связи и оценку рисков.

Основные принципы правового регулирования лесопользования в целях устойчивого развития логически выстраиваются вокруг приоритета сохранения лесов, рациональности и воспроизводимости использования, превентивности охраны, публичности и прозрачности предоставления прав, ответственности за негативные последствия, а также научной обоснованности управленческих решений. Важным принципом является дифференциация правового режима по природным и хозяйственным условиям: одинаковые юридические требования при резко различающихся типах лесов и уровнях антропогенной нагрузки могут порождать либо чрезмерные ограничения, либо недостаточную защиту. Поэтому принцип адаптивности (в рамках закона) – фактически условие устойчивости: нормы и управленческие инструменты должны учитывать риск пожаров, санитарное состояние, доступность территорий, структуру лесного бизнеса и инфраструктуру контроля [3].

Характеристика и целевое видение социально-экономических тенденций в развитии лесопользования в разрезе федеральных округов позволяют увидеть неоднородность факторов устойчивости. В одних округах лесопользование тесно связано с экспортно-ориентированными сырьевыми потоками и концентрацией заготовки, в других – с внутренними цепочками переработки, в третьих – с высокой долей

защитных лесов, рекреационных функций и повышенной пожарной опасностью.

Такие различия имеют прямое юридическое значение, поскольку влияют на конфигурацию рисков и приоритеты контроля: где-то ключевыми становятся вопросы законности заготовки и транспортировки древесины, где-то – профилактика пожаров и санитарные мероприятия, где-то – регулирование рекреационной нагрузки и сохранение особо ценных лесных участков. Целевое видение устойчивого развития в этой части предполагает, что правовые и управленческие решения должны опираться на региональные профили рисков, не разрушая единства правового пространства.

Теоретические и практические аспекты совершенствования государственного управления охраны, защиты и воспроизводства лесов сводятся к повышению управляемости и доказуемости решений. Теоретически это означает уточнение компетенций и процедур: кто и на каком основании принимает решение, какие данные признаются достаточными, как обеспечиваются права участников, как фиксируются результаты. Практически это означает развитие регламентов взаимодействия органов, повышение качества планирования профилактики и контрольных мероприятий, укрепление кадрового и методического обеспечения, а также создание контуров обратной связи, когда результаты мониторинга и надзора реально корректируют нормы и управленческие практики. Отдельное значение имеет настройка баланса между профилактикой и принуждением: устойчивость достигается, когда добросовестное поведение выгодно и понятно, а недобросовестное – неизбежно выявляется и влечет соразмерные последствия.

Административное обследование лесов и проблемы межведомственного взаимодействия выступают узловым участком современной правоприменительной практики. Административное обследование как инструмент позволяет оценивать соблюдение обязательных требований без вторжения в хозяйственную деятельность в классическом «проверочном» формате, но его эффективность зависит от качества источников данных, процедур фиксации и обмена информацией между ведомствами и уровнями власти. Межведомственное взаимодействие в лесной сфере объективно необходимо: правонарушения часто затрагивают транспорт, земельные отношения, природоохранные требования, пожарную безопасность, и без согласованного обмена сведениями контроль становится «слепым». Проблемы здесь, как правило, возникают на стыке юридических режимов данных, несовместимости информационных систем, разного понимания доказательственной силы цифровых материалов, а также при распределении ответственности за итоговое управленческое решение. Следовательно, совершенствование требует не только технической интеграции, но и четкого правового описания: кто является владельцем данных, каков порядок доступа, как обеспечивается достоверность и неизменность материалов, как исключаются дублирование и «перекладывание» компетенций [4].

Основные направления оптимизации законодательного обеспечения охраны лесов от пожаров логично связывать с профилактикой, готовностью, реагированием и восстановлением. В части профилактики правовая система должна стимулировать своевременные противопожарные мероприятия, устанавливать ясные требования к пользователям и ответственным лицам, а также обеспечивать проверяемость их исполнения. В части готовности и реагирования значимы вопросы режима ограничений доступа, оперативного управления, использования ресурсов и ответственности за несоблюдение правил. В части восстановления – правовые механизмы оценки ущерба, восстановления лесов и контроля результатов. При этом оптимизация должна быть направлена на устранение пробелов и коллизий, которые мешают оперативности: когда правовая неопределенность задерживает меры, риск пожара реализуется быстрее, чем административная процедура.

Проблемы государственного регулирования государственного мониторинга воспроизводства лесов связаны с тем, что воспроизводство является долгосрочным процессом, а

юридические решения часто принимаются в горизонте краткосрочной отчетности. Для устойчивости требуется, чтобы мониторинг фиксировал не только факт проведения лесовосстановительных работ, но и их качество и результативность в перспективе, иначе возникает имитация исполнения.

Сложность регулирования заключается в необходимости соединить биологические и лесоводственные параметры с юридически значимыми критериями: какие показатели считаются надлежащим воспроизводством, какие сроки и методы проверки допустимы, как учитывать природные колебания и чрезвычайные факторы, как распределять ответственность между пользователем, подрядчиком и публичными органами. Дополнительный вызов связан с цифровизацией: данные дистанционного наблюдения и учетные сведения должны подтверждать друг друга, а не создавать параллельные реальности, в которых «по документам» лес восстановлен, а в действительности – нет. Следовательно, вектор совершенствования здесь включает правовое закрепление методик и стандартов мониторинга, повышение прозрачности данных, а также развитие механизмов ответственности, ориентированной на конечный экологический результат, а не на формальное действие [5].

Таким образом, перечисленные блоки показывают, что устойчивое развитие лесопользования как предмет научного анализа требует одновременного рассмотрения истории и теории правового режима, современных социально-экономических тенденций и конкретных инструментов государственного управления, включая административное обследование, межведомственное взаимодействие, противопожарное регулирование и мониторинг воспроизводства. Именно на стыке этих элементов формируется новая правоприменительная практика государственного лесного контроля (надзора): она становится более риск-ориентированной и доказательственно требовательной, но при этом нуждается в дальнейшей методической и нормативной доработке, чтобы устойчивость лесопользования обеспечивалась не декларацией, а воспроизводимой управленческой процедурой с ясными правовыми последствиями.

Пристатейный библиографический список

1. Арсланов Р. Р. Правовая охрана лесов от негативного воздействия хозяйственной и иной деятельности человека: проблемы и перспективы // Молодой ученый. – 2020. – № 51 (341). – С. 143-145.
2. Елсукова А. А. Правовое регулирование обеспечения пожарной безопасности в лесах на примере Кировской области // Молодой ученый. – 2021. – № 46 (388). – С. 160-162.
3. Каширский В. Н. Актуальные проблемы права в области охраны лесов от пожаров // Молодой ученый. – 2022. – № 50 (445). – С. 250-252.
4. Еремина Я. Э. О реформе контрольно-надзорной деятельности в области обеспечения экологической безопасности // Молодой ученый. – 2023. – № 16 (463). – С. 180-182.
5. Хромов И. В., Кривченя В. В. Цифровизация в сфере охраны лесов // Молодой ученый. – 2025. – № 46 (597). – С. 472-473.

ЗИМУЛЬКИН Максим Игоревич

кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового права, Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева, г. Екатеринбург

«ИНВЕСТИЦИОННОЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО ГОСУДАРСТВ БРИКС» (РЕЦЕНЗИЯ НА СЕРИЮ «ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ ИНСТИТУТА ПРАВА БРИКС») [1], [2], [3], [4], [5]

Серия монографий «Избранные труды Института права БРИКС» является наиболее полным, системным и актуальным исследованием в области инвестиционного и налогового права стран БРИКС. Каждая из книг серии представляет собой логически выстроенную законченную работу по одному или нескольким наиболее проблемным вопросам трансграничной деятельности, а также гармонизации законодательства стран БРИКС. Вместе с тем, все труды серии в своей совокупности последовательно и всецело погружают читателя в актуальное правовое регулирование инвестиционной и налоговой деятельности в государствах БРИКС. Ознакомившись с работами серии «Избранные труды Института права БРИКС», читатель получает полное представление об инвестиционном и налоговом праве государств БРИКС.

Ключевые слова: налог, налоговое право, инвестиционное право, злоупотребление правом, обход закона, перекавалификация, постоянное представительство, обмен информацией, банкротство, БРИКС.

ZIMULKIN Maxim Igorevich

Ph.D. in Law, associate professor of Financial law sub-faculty, V. F. Yakovlev Ural State Law University, Yekaterinburg

“INVESTMENT AND TAX LAW OF BRICS” (REVIEW OF THE SERIES “INTERNATIONAL AND COMPARATIVE TAX RESEARCH SERIES OF THE BRICS LAW INSTITUTE”)

The monograph series “International and Comparative Tax Research Series of the BRICS Law Institute” is the most comprehensive, systematic, and current research in the field of investment and tax law within the BRICS countries. Each volume in the series constitutes a logically structured, complete study on one or several of the most pressing issues of cross-border activities, as well as the harmonization of legislation among BRICS nations. At the same time, all works in the series, taken together, thoroughly and consistently immerse the reader in the current legal regulation of investment and tax activities in BRICS countries. By familiarizing themselves with the “International and Comparative Tax Research Series of the BRICS Law Institute” series, readers gain a complete understanding of the investment and tax law of the BRICS states.

Keywords: tax, tax law, investment law, abuse of rights, avoidance of law, requalification, permanent establishment, information exchange, bankruptcy, BRICS.

Зимулькин М. И.

Десять лет назад – 17 июня 2015 года на базе Уральского государственного юридического университета (ныне – УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева) по инициативе ученых из ведущих университетов России, Бразилии, Индии, Китая и Южной Африки был создан Институт права БРИКС.

Институт права БРИКС является уникальным исследовательским и образовательным центром, созданным в рамках сотрудничества ключевых юридических университетов государств БРИКС при значительном участии представителей Уральской школы права [6].

Научный задел Экспертных групп Европейско-Азиатского правового конгресса – (проф., д.ю.н. Д. В. Винницкий (D.V. Vinnitskiy), Россия, Институт права БРИКС; проф., д.ю.н. Е. Ю. Грачева (Ye. Yu. Gracheva), Россия, Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА); проф., д.ю.н. Луис Эдуардо Шуэри (Luís Eduardo Schoueri), Бразилия, Университет Сан-Паулу; Ромеро Таварес (Romero Tavares), Бразилия, Национальная конфедерация промышленности Бразилии; д.ю.н. Д. П. Сенгупта (D. P. Sengupta), Индия, Национальный институт публичных финансов и политики; д.ю.н. На Ли (Na Li), Китай, Восточно-Китайский университет политологии и права; проф. Крейг Уэст

(Craig West), ЮАР, Университет Кейптауна; проф. Сальваторе Манкуссо (Salvatore Mancuso), Италия, Университет Палермо; проф., д.ю.н. Паскуале Пистоне (Pasquale Pistone), Международное бюро фискальной документации; проф. Адди Мацц (Addy Mazz), МЕРКОСУР / Уругвай, Республиканский университет и др.), а также Уральской школы финансового и налогового права, сформировавшийся в результате многолетней работы членов кафедры финансового права УрГЮУ имени В. Ф. Яковлева стал прочной основой деятельности Института права БРИКС [7], [8], [9], [10], [11].

В качестве основных целей создания Института права БРИКС значится выполнение сравнительных исследований правовых систем государств БРИКС как фундаментального, так и прикладного характера.

Среди множества значимых исследований Института права БРИКС следует выделить серию избранных трудов, посвященных инвестиционному и налоговому праву государств БРИКС [1], [2], [3], [4], [5].

Первый том серии называется «Общие правила о запрете обхода налогового закона (General Anti-Avoidance Rules) в государствах БРИКС: сравнительно-правовое исследование», издан под авторством к.ю.н., доцента Д. А. Курочкина и по-

священ актуальным вопросам реализации правил о запрете обхода налогового закона в государствах БРИКС [1].

Монография включает в себя три главы, разделенные на параграфы. Первая глава отражает результаты исследования подходов к толкованию General Anti-Avoidance Rules.

В указанной главе Д. А. Курочкин предлагает классификацию General Anti-Avoidance Rules. Автор отмечает, что общее правило может быть введено как на национальном, так и на международном уровнях законодательного регулирования. По мнению автора, общее правило может быть принято как в качестве нормы права (статутное GAAR / statutory GAAR), так и быть представлено существовать в судебных актах (judicial GAAR) [1].

В главе второй автор исследует GAAR уже применительно к конкретным странам БРИКС.

В указанной главе автор рассматривает отражение в законодательстве и применение на практике запрета на обход налогового закона применительно к каждой из стран БРИКС.

Третья глава представляет собой сравнительно-правовое исследование тех моделей GAAR, которые реализуются в странах-членах БРИКС. Особый интерес вызывает анализ элементов GAAR в государствах БРИКС (например, схема по обходу налогового закона (tax avoidance scheme), налоговая выгода (tax benefit), цель налогоплательщика (taxpayer's purpose) и др.).

Представленное исследование основано на анализе значительного объема нормативно-правовых положений, судебной и административной практики, достижений отечественной и зарубежной доктрины, а также аналитических и статистических материалов.

Особый практический интерес вызывают предложения автора по сближению представлений государств БРИКС относительно правовых конструкций GAAR.

Второй том серии «Избранные труды Института права БРИКС» принадлежит авторству к.ю.н., доцента И. А. Ракова и называется «Переквалификация доходов, расходов и операций в налоговом праве государств БРИКС (на примере России и Бразилии)» [2].

Указанный труд представлен в двух главах, разделенных на параграфы.

В первой главе рассматриваются проблемы процедуры переквалификации в двух выбранных юрисдикциях, а также представлен анализ конституционно-правовых основ переквалификации доходов, расходов и операций.

Вторая глава представляет конкретные способы переквалификации в вопросах пресечения попыток уклонения от уплаты налогов. В указанной главе автор анализирует конкретные положения законодательства государств БРИКС, раскрывая порядок переквалификации в случаях выявления злоупотреблений положениями налогового законодательства.

В обозначенной монографии И. А. Раков демонстрирует примеры применения общих (GAARs) и специальных (SAARs) положений о запрете обхода налогового законодательства, рекомендуя совершенствовать реализацию российских внутригосударственных правил о контролируемых иностранных компаниях, а также реализацию положений о недостаточной капитализации.

Третий том серии «Избранные труды Института права БРИКС» подготовлен к.ю.н., доцентом Е. А. Захаровым и называется «Налогообложение иностранных организаций, осуществляющих экономическую деятельность через постоянное представительство сервисного типа – «service permanent

establishment» на примере правовых систем России и группы БРИКС» [3].

Структура указанной работы также содержит две главы, каждая из которых включает в себя параграфы.

Первая глава раскрывает содержание понятия постоянного представительства сервисного типа в положениях национального законодательства и нормах международного права.

Е. А. Захаров отмечает, что в законодательстве каждого из государств БРИКС имеются определенные особенности юридической конструкции постоянного представительства сервисного типа (например, на законодательном уровне закрепляется конкретный перечень видов услуг), что часто является следствием исторических предпосылок или приоритетных направлений развития [3].

Тем не менее, автор отмечает, что несмотря на имеющиеся отличительные черты в правовом регулировании «Service Permanent Establishment», государства БРИКС в целом демонстрируют единство концептуального подхода к налогообложению «Service Permanent Establishment», поскольку используют положения и/или принципы модельной налоговой конвенции ООН [3].

Во второй главе монографии автор обращает внимание на особенности налогообложения «service permanent establishment» в международном и российском налоговом праве.

Результаты исследования автора работы направлены на разграничение разных типов постоянных представительств и выявление проблем налогового-правового регулирования деятельности по оказанию услуг зарубежными компаниями.

Кроме того, Е. А. Захаров предлагает критерии определения постоянного представительства сервисного типа.

Четвертый том серии «Избранные труды Института права БРИКС» принадлежит автору к.ю.н., доценту Е. В. Пустовалову и называется «Правовые проблемы защиты прав налогоплательщиков в рамках процедур обмена налоговой информацией в государствах БРИКС (на основе анализа правовых систем России, Индии и ЮАР)» [4].

Представленная монография содержит три самостоятельных главы, разделенных на параграфы.

Первая глава описывает общую характеристику обмена информацией между фискальными органами. Также рассматриваются вопросы правового положения налогоплательщиков в связи с обменом информацией в странах БРИКС.

В указанной главе автором рассматривается круг компетентных органов, уполномоченных в соответствии с заключенными соглашениями обмениваться информацией, а также субъектный состав лиц, информация о которых может быть предметом обмена [4].

Во второй главе представлен результат исследования межгосударственного автоматического взаимобмена финансовыми сведениями и страновыми отчетами. Указанная глава содержит анализ стандартов автоматического обмена финансовой информацией, их имплементации в национальные законодательства государств БРИКС.

Глава третья монографии посвящена проблемам обмена информацией при проведении налоговых проверок при участии компетентных органов иностранных государств.

В своей работе Е. В. Пустовалов провел детальный анализ проблем обеспечения основных гарантий налогоплательщиков при обмене информацией фискальными органами стран, участвующих в БРИКС.

В монографии представлено все многообразие форм предоставления сведений, описаны процедуры истребования

ния таких сведений, описывается объем прав налогоплательщиков.

Пятый том серии «Избранные труды Института права БРИКС» представляет собой монографию к.ю.н., доцента С. С. Извекова и называется «Налогообложение при банкротстве в государствах БРИКС» [5].

Представленная работа состоит из шести глав, разделенных на параграфы.

Первая глава работы раскрывает предпосылки обособления публичных требований (в том числе требований, вытекающих из налоговых обязательств) в делах о банкротстве.

В указанной главе автор дает общую характеристику концепции «involuntary creditor», исследует источники распространения и эволюцию указанной концепции.

Вторая глава представляет результаты исследования налогового обязательства в делах о несостоятельности (банкротстве).

В указанной главе С. С. Извеков рассуждает о том, как изменяется налоговое обязательство при введении в отношении должника процедуры банкротства. Автор приводит доводы в пользу отграничения налоговых обязательств в делах о банкротстве от иных публичных имущественных отношений обязательственного типа.

Глава третья монографии посвящена правовому режиму налогообложения при банкротстве (нормативно-правовые основы и практические проблемы исполнения налоговых обязательств).

В четвертой главе говорится о способах обеспечения исполнения обязанностей по уплате налогов и сборов.

В пятой главе труда рассматриваются проблемы защиты прав налогового кредитора в делах о банкротстве.

Шестая глава монографии посвящена банкротству и налогообложению в странах БРИКС.

В рассматриваемой монографии автор продолжает развивать собственный научный задел, связанный с налогообложением при банкротстве организации, однако уже в рамках сравнительно-правового исследования [12].

Ознакомившись с работами серии «Избранные труды Института права БРИКС», читатель получает полное представление об инвестиционном и налоговом праве государств БРИКС.

Каждая из книг серии представляет собой логически выстроенную законченную работу по одному или нескольким наиболее проблемным вопросам трансграничной деятельности, а также гармонизации законодательства стран БРИКС.

Вместе с тем, все труды серии в своей совокупности последовательно и всецело погружают читателя в актуальное правовое регулирование инвестиционной и налоговой деятельности в государствах БРИКС.

Следует особо отметить, что каждое исследование выполнено на основе действующего законодательства, актуальной административной и судебной практики, аналитических и статистических данных, а также с учетом достижений отечественной и зарубежной доктрины.

Исследования представляют интерес для ученых и практикующих юристов, а также обучающихся по юридическим и экономическим специальностям.

Серия монографий «Избранные труды Института права БРИКС» является достойным результатом и продолжением плодотворной исследовательской деятельности Института права БРИКС, внося ощутимый вклад в юридическую науку и практику.

Пристатейный библиографический список

1. Курочкин Д. А. Общие правила о запрете обхода налогового закона (General Anti-Avoidance Rules) в государствах БРИКС: сравнительно-правовое исследование / под научной редакцией Д. В. Винницкого. – Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2023. – 290 с.
2. Раков И. А. Переквалификация доходов, расходов и операций в налоговом праве государств БРИКС (на примере России и Бразилии) / под научной редакцией Д. В. Винницкого. – Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2023. – 248 с.
3. Захаров Е. А. Налогообложение иностранных организаций, осуществляющих экономическую деятельность через постоянное представительство сервисного типа – «service permanent establishment» на примере правовых систем России и группы БРИКС / под научной редакцией Д. В. Винницкого. – Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2023. – 220 с.
4. Пустовалов Е. В. Правовые проблемы защиты прав налогоплательщиков в рамках процедур обмена налоговой информацией в государствах БРИКС (на основе анализа правовых систем России, Индии и ЮАР) / под научной редакцией Д. В. Винницкого. – Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2023. – 256 с.
5. Извеков С. С. Налогообложение при банкротстве в государствах БРИКС: монография / под научной редакцией Д. В. Винницкого. – М.: Юстицинформ, 2025. – 420 с.
6. Vinnitskiy D. BRICS and Developing Countries Legal Experts Forum: Emergence of International Coordination in Economic and Tax Law // BRICS Law Journal. – 2018. – № 5 (1). – P. 140-168.
7. Винницкий Д. В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики. – Москва: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2017. – 463 с.
8. Финансовое право (право публичных финансов): доктрина, законодательство, судебная практика, сравнительно-правовой анализ: Учебник / Д. В. Винницкий, Д. А. Курочкин, И. А. Раков [и др.]. – Москва: Юридический Дом «Юстицинформ», 2023. – 676 с.
9. Малокогин Л. С. Роль государственного арбитража в организации и осуществлении расчетных правоотношений: страницы истории права / под научной редакцией Д. В. Винницкого. – 2-е издание, исправленное и дополненное. – Москва: Юридический дом «Юстицинформ», 2025. – 224 с.
10. Зимулькин М. И. Налоговое процессуальное право: понятие «существенности нарушения» / под научной редакцией Д. В. Винницкого. – Москва: Юридический дом «Юстицинформ», 2025. – 332 с.
11. Винник А. В. Правовое регулирование субсидирования научной деятельности в Российской Федерации: проблемы эффективности контроля и защиты прав получателей / под научной редакцией Д. В. Винницкого. – Москва: Юридический дом «Юстицинформ», 2026. – 338 с.
12. Извеков С. С. Налогообложение при банкротстве организации: проблемы теории и практики. – Москва: Издательство «Юрлитинформ», 2020. – 152 с.

ИВАНОВА Людмила Александровна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения, Институт экономики и права, Астраханский государственный технический университет

ТАСТЕМИРОВА Милана Бекбулатовна

независимый исследователь, г. Астрахань

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ РЯД ФИНАНСОВЫХ СДЕЛОК В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ: ПРАВОВОЙ И ДОКТРИНАЛЬНЫЙ ПОДХОДЫ

В статье сфокусировано внимание на отсутствии четких правовых регуляторов, устанавливающих перечень финансовых услуг. В статье проанализированы научные позиции, позволившие сконструировать авторскую позицию об общностях и дифференциации доктринально-дефинитивных подходов к фиксации перечня финансовых сделок, позволяющих реализовать механизм защиты прав потребителей. Выделены проблематичные точки доктринального и нормативно-правового соприкосновения, охарактеризованы наиболее удачные конфигурации, позволяющие очертить круг потребительских финансовых услуг. На основании проведенного анализа зафиксирована необходимость легализации потребительских финансовых сделок в едином документе с целью формирования наиболее успешных правоприменительных практик. Предложены вариации включения такого перечня на основании консолидации доктринальной мысли современных цивилистов.

Ключевые слова: защита прав потребителей, потребительские финансовые сделки, правовые дефиниции, правовое регулирование.

IVANOVA Lyudmila Alexandrovna

Ph.D. in Law, associate professor of Jurisprudence sub-faculty, Institute of Economics and Law, Astrakhan State Technical University

TASTEMIROVA Milana Bekbulatovna

independent researcher, Astrakhan

TERMINOLOGICAL RANGE OF FINANCIAL TRANSACTIONS IN THE CONTEXT OF CONSUMER PROTECTION: LEGAL AND DOCTRINAL APPROACHES

This article focuses on the lack of clear legal regulations establishing a list of financial services. The article analyzes scholarly positions that allowed the author to formulate her position on the commonalities and differentiations of doctrinal and definitional approaches to establishing a list of financial transactions that enable the implementation of a consumer protection mechanism. Problematic points of doctrinal and regulatory convergence are highlighted, and the most successful configurations for defining the scope of consumer financial services are characterized. Based on the conducted analysis, the need to legalize consumer financial transactions in a single document was established in order to develop the most successful law enforcement practices. Variations for including such a list are proposed based on the consolidation of doctrinal thought among modern civil law scholars.

Keywords: consumer protection, consumer financial transactions, legal definitions, legal regulation.

В современном правовом пространстве легально зафиксированных понятий финансовых сделок на настоящий момент не зафиксировано. Более того, материалы правоприменительной практики также не позволяют единообразно определить с тем, что входит в правовую дефиницию. Как следствие, доктринальный обзор не в состоянии оформиться в единообразном толковании исследуемого терминологического ряда. Основная идея определяющих элементов закладывается в перечислении относимых к данной категории договоров.

В представленном контексте наиболее полный обзор доктринальных позиций был представлен А. Б. Афанасьевым, который проанализировал несколько авторитетных позиций и консолидировал их в перечне пересекающихся сделок. Автором были представлены мнения:

– А. Г. Карапетова, который к таковым отнес заем, кредит, факторинг, вклад и счет;

– В. В. Витрянского, включившего займ, кредит, банковский вклад, банковский счет и безналичные расчеты;

– П. В. Крашенинникова, который добавил к представленным вариациям эскроу-счета, то есть депонирование, указав, что перечень не исчерпывается и может быть сформирован иными продуктами [1].

Более детально к вопросам включения перечня сделок, возможных к компоновке финансовых услуг отнеслась Л. Г. Ефимова, включившая в него кредитный и договор займа (разделив их по смысловым и полномочным нагрузкам), финансирование под уступку денежного требования, банковский вклад и счет, а также весь спектр расчетных сделок [3].

Наиболее углубленно вопросы финансовых сделок в контексте потребительских отношений были рассмотрены в работе А. Я. Курбатова, который акцентировал внимание на том, что для организации потребительского сектора и формирования вопросов защиты прав потребителей, необходимым представляется оформить понятие финансовой услуги, в рамках которой предлагает рассмотреть ус-

луги в области кредитования, страхования, рынка ценных бумаг, специфичные сферы рынка, доступные в настоящее время потребителю (валютный, рынок драг металлов), а также стандартные банковские вклады и счета, платежные услуги и негосударственное пенсионное обеспечение. Последнее видится новым элементом, ранее в доктринальном срезе не представленным, но активно реализующимся в последнее время [5].

Сопоставление доктринальных исследований и детализированный анализ законодательства, представляет возможным сформулировать авторскую позицию об отнесении сделок к финансовым услугам. В них следует включить: банковские операции (кредитование, банковский вклад и счет и т.д.);

факторинг, как небанковская компонента [2].

Представленное позволяет зафиксировать признак денежного объективирования как обязательного элемента правоотношений. Соотнесение же с положениями Закона о банках и банковской деятельности¹ позволяет констатировать, что в представленный перечень могут быть включены операции по переводам денежных средств, инкассация, валютные операции.

Исследование норм гражданского законодательства позволяет также вычленировать такие операции, которые также могут быть реализованы банками, но в специальной научной литературе обойденные вниманием. Например, поручительство, доверительное управление, независимая гарантия, тогда как они также функционируют в сфере денежного оборота, имеют специфику услуг, оказываемых кредитными и иными финансовыми структурами, направлены на обеспечение стабилизации финансового рынка [4].

Еще одна интересная сфера, позволяющая включить элементы финансовых услуг и наполнить компонентами исследуемую сферу, на которую в рамках защиты прав потребителей финансовых услуг ученые не обращали внимания – лизинг, который также относится к финансовым сделкам.

Единственным нормативно-правовым обоснованием для включения сделок в перечень финансовых услуг служит закон о совершении финансовых сделок², содержание которого также не является однозначным. Так, закон относит к финсделкам таковые по предоставлению:

- банковских услуг;
- страховых услуг;
- услуг на рынке ценных бумаг;
- сделки с фининструментами;
- обеспечительные сделки по реализации заемных обязательств.

Следует констатировать, что в нормативно-правовой среде единообразного подхода к фиксации понятий финансовых услуг и относимые к ним сделки не находят, также, как и в доктринальной сфере, хотя в последней разногласий значимо меньше.

В рамках освещения именно финансовых услуг следует включить также рынок страховых услуг, который может выходить за рамки деятельности банковских организаций. Таким образом, в перечень финансовых услуг, требующих защиты прав потребителей, следует также включить страховые финансовые услуги и ряд страховых договоров.

Правовые основы, формирующие страховые услуги как финансовые, содержатся в специализированном законе, который раскрывает и содержание представленной финансовой услуги, и субъектный состав, и особенности функционирования правовых положений³.

Следующий дискуссионный момент – отнесение операции на рынке ценных бумаг к финансовым услугам, требующим защиты прав потребителей. Дискуссионным он считается потому, что сам рынок ценных бумаг не подразумевает потребительский оборот, а предусматривает профессиональных участников. Этот аспект позволяет субъективно относиться к включению данной сферы к рассмотрению, поскольку требования представленных правовых положений вряд ли имеет место быть в среде потребительского правоотношения.

Большинство авторов [6], при анализе закона о рынке ценных бумаг⁴, сходятся во мнении о том, что структурно данные отношения включают профессиональную деятельность в области эмиссии гражданского оборота ценных бумаг. Более того, ученые акцентируют внимание, что закон осуществляет попытки обособить такие виды профессиональной деятельности – это брокерские, дилерские услуги, которые на рынке ценных бумаг связывают с приобретением или отторжением прав на ценные бумаги.

Тем не менее, гражданское законодательство подразумевает различные виды ценных бумаг: векселя, закладные. Они также имеют возможность гражданского оборота, например, продажа закладной влечет перевод права требования долга. Такой рынок подразумевает возможность участия не только профессионалов, но и физических лиц, однако, в сектор потребительских правоотношений представленные инструментариум также не подпадают.

Доказательство указанного тезиса заложено в трактовке финансовых инструментариумов, которые реализуются на рынке ценных бумаг, их трактовке, в которой отражена непотребительская суть реализации тех сделок, которые совершаются в рамках организации услуг на рынке ценных бумаг⁵.

Перечня финансовых услуг обеспечительного характера в области кредитного обязательства исчерпывающего характера, законодатель так и не установил, что существенно усложняет практику правоприменения и определяет потенциал для доктринального вектора развития в части формирования авторских идей за пределами четкого нормативно-правового регулирования [7].

1 Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 28.11.2025) // Собрание законодательства РФ. – 05.02.1996. – № 6. – Ст. 492.

2 Федеральный закон от 20.07.2020 № 211-ФЗ «О совершении финансовых сделок с использованием финансовой платформы» (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – 27.07.2020. – № 30. – Ст. 4737.

3 Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» (ред. от 17.11.2025) // Российская газета. – № 6. – 12.01.1993.

4 Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. – № 17. – 1996. – Ст. 1918.

5 Указание Банка России от 16.02.2015 № 3565-У «О видах производных финансовых инструментов» // Вестник Банка России. – 2015. – № 28.

Очевидным остается одно – потенциальным услугодателем в рассматриваемой сфере правоотношений является финансовая организация, которая и выступает сильной стороной по сделкам, в которых потребитель может потребовать защиты своих прав с применением специализированного законодательства. При этом довольно обширное поле для анализа в данном случае предлагает функционирование положений закона, регламентирующего финансовые платформы, позволяющему фиксировать в данной сфере понятийный аппарат.

Еще одна сложная сфера, которую слабо осветила наука в контексте рассматриваемого вектора – деятельность ломбардов⁶, которые также реализуются финансовые операции, путем предоставления краткосрочных кредитов с обеспечительными мерами в виде залога.

Наиболее полно с целью правоприменения вопросы защиты прав потребителей финансовых услуг в части возможностей включения различных правоотношений и конкретики самих услуг представлены в инструментарии финансового омбудсмена⁷, где, как непосредственно в законе, так на сайте по соответствующим вкладкам довольно просто определить направления его деятельности, на основании защищаемых правомочий. В законе к субъектам, осуществляющим финансовые услуги, подпадающие под защиту прав потребителей, относятся:

- страховые организации;
- микрофинансовые организации;
- кредитные кооперативы;
- ломбарды;
- кредитные организации;
- негосударственные пенсионные фонды.

Интерес вызывает тот факт, что в рамках перечисленных компонентов к оказывающим финансовые услуги и требующим защиты прав потребителей отнесены и некоммерческие организации, что явно не определяется в стандартную канву потребительских правоотношений, в которых, как правило, участниками становятся предпринимательские структуры со стороны лица, оказывающего услуги.

Подводя итоги следует отметить, что единообразного подхода, как к вопросам установления финансовых услуг в исчерпывающем виде, так и перечню финансовых организаций, на настоящий момент нет. Тем не менее, наиболее удобная сфера, с помощью которой представляется возможным вычленивать и субъектный состав, и перечень финансовых услуг, требующих защиты прав потребителей, деятельность финомбудсмена, с помощью направлений которой следует определять верность потенциальных отношений в области защиты прав потребителей финансовых услуг.

Пристатейный библиографический список

1. Афанасьев А. Б. Финансовые сделки в доктрине и законодательстве: терминологический диссонанс // *Ex iure*, 2025. – № 1. – С. 84-97.
2. Елецких Н. Ю. Защита прав потребителей финансовых услуг: важность соответствующего законодательства и его совершенствование в РФ // *Общество и экономическая мысль в XXI в.: пути развития и инновации*. – Материалы XII Международной научно-практической конференции. – Воронеж, 2024. – С. 459-464.
3. Ефимова Л. Г. Денежные обязательства и финансовые сделки: учеб. для магистратуры. – М.: Проспект, 2024.
4. Игнатьева И. В. Защита прав и интересов потребителей финансовых услуг // *Право и государство: теория и практика*. – 2025. – № 2. – С. 226-229.
5. Курбатов А. Я. Защита прав потребителей финансовых услуг. – М.: Юстицинформ, 2023.
6. Темирплатов С. Р. Рынок ценных бумаг (статья подготовлена для системы КонсультантПлюс, 2023) // СПС «КонсультантПлюс».
7. Устимова С. А. Защита прав потребителей банковских услуг в условиях развития цифровых технологий // *Вестник Московского университета МВД России*, 2024. – № 3. – С. 202-205.

6 Федеральный закон от 19.07.2007 № 196-ФЗ «О ломбардах» (ред. от 28.12.2024) // *Собрание законодательства РФ*. – 30.07.2007. – № 31. – Ст. 3992.

7 Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (ред. от 28.12.2025) // *Собрание законодательства РФ*. – 11.06.2018. – № 24. – Ст. 3390.

МЕДЕНЦЕВА Евгения Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Институт права, Самарский государственный экономический университет

КАКОВКИН Илья Геннадьевич

аспирант, Институт права, Самарский государственный экономический университет

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ БАНК РФ: ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ПОДЧИНЕННОСТЬ, ОРГАНЫ УПРАВЛЕНИЯ

Центральный банк Российской Федерации занимает особое положение в системе финансово-экономических институтов государства. Его деятельность оказывает прямое влияние на стабильность национальной валюты, функционирование кредитной системы и реализацию государственной денежно-кредитной политики. Экономическая и геополитическая обстановка постоянно меняются, за счет чего возрастает значимость правовой регламентации его статуса, полномочий и механизма подчиненности государственным органам. Актуальность обусловлена необходимостью уточнения правовой природы Центрального банка России, соотношения его независимости с конституционными принципами разделения властей, а также анализа эффективности действующей системы органов управления. В научной литературе до сих пор нет единой позиции относительно вопроса, к какой ветви власти можно отнести Банк России и в какой мере его действия подлежат контролю. По результатам проведенного анализа авторы пришли к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства, регулирующего деятельность Центрального банка Российской Федерации. В частности, необходимо инициировать принятие изменения в ст. 1, 4 закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», закрепляющие особый публично-правовой статус ЦБ, внедрить положения о цифровой валюте и финтехе.

Ключевые слова: Центральный банк, денежно-кредитная политика, государственный контроль, финтех, цифровая валюта.

MEDENTSEVA Evgeniya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

КАКОВКИН Ilya Gennadjevich

postgraduate student, Institute of Law, Samara State University of Economics

REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF FINANCIAL AND CREDIT RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The Central Bank of the Russian Federation occupies a special position in the system of financial and economic institutions of the state. Its activities have a direct impact on the stability of the national currency, the functioning of the credit system and the implementation of the state monetary policy. The economic and geopolitical environment is constantly changing, which increases the importance of legal regulation of its status, powers and mechanism of subordination to government agencies. The relevance is due to the need to clarify the legal nature of the Central Bank of Russia, the relationship of its independence with the constitutional principles of separation of powers, as well as an analysis of the effectiveness of the current system of governing bodies. There is still no consensus in the scientific literature on the question of which branch of government the Bank of Russia can be attributed to and to what extent its actions are subject to control. Based on the results of the analysis, the authors came to the conclusion that it is necessary to further improve the legislation regulating the activities of the Central Bank of the Russian Federation. In particular, it is necessary to initiate the adoption of amendments to Articles 1-4 of the Law of July 10, 2002 No. 86-FZ "On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)", fixing the special public legal status of the Central Bank, to introduce provisions on digital currency and fintech.

Keywords: Central bank, monetary policy, government control, fintech, digital currency.

Центральный банк Российской Федерации представляет собой особый публично-правовой институт, обладающий уникальным правовым статусом, отличным как от органов государственной власти, так и от традиционных юридических лиц. Его деятельность регулируется Конституцией РФ, федеральными законами, а также внутренними актами, издаваемыми самим Банком России в пределах его компетенции.

Конституционно-правовой основой функционирования Банка России является статья 75 Конституции Российской Федерации, закрепляющая его исключительное право на эмис-

сию денежных знаков и проведение единой государственной денежно-кредитной политики. Конституция прямо указывает на основную функцию Банка России — обеспечение стабильности национальной валюты. При этом в основном законе государства отсутствует четкая характеристика институциональной природы Банка России, что оставляет открытым вопрос о его точной юридической квалификации в системе органов публичной власти¹.

1 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе

Меденцева Е. В.

Каковкин И. Г.

Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» раскрывает особенности правового положения Банка России, подчёркивая его независимость от других органов государственной власти. Банк России прямо не отнесён ни к одной из ветвей власти, не подчиняется Правительству РФ и действует автономно при реализации возложенных на него функций. При этом наделение его функциями публичного характера и установление подотчётности Государственной Думе и Президенту РФ свидетельствует о его включённости в систему государственной власти в более широком, институциональном смысле².

В законодательстве реализован принцип «подотчётности без подчинённости», суть которого заключается в следующем: Банк России обязан отчитываться перед высшими государственными органами о результатах своей деятельности, но не принимает указания от этих органов и не включён в вертикаль управления. Он независим в принятии решений, однако функционирует в рамках правового поля и под контролем парламентского органа.

В научной литературе принцип «подотчётности без подчинённости» объясняется как компромисс между необходимостью соблюдения публичных интересов и сохранением автономии. С одной стороны, подотчётность обеспечивает публичность, прозрачность и демократическую легитимацию деятельности Банка России. С другой стороны, независимость гарантирует свободу от краткосрочных политических решений, что особенно важно при проведении долгосрочной макроэкономической политики. Также учёные подчеркивают, что слишком тесная связь ЦБ с государственным аппаратом создаёт угрозу «финансового популизма», при котором цели устойчивости денежной системы подменяются мимолетными политическими интересами [1].

В то же время часть исследователей выражают опасения относительно недостаточной ответственности Банка перед обществом. Отсутствие реальных рычагов воздействия на решения ЦБ со стороны представительных органов власти может привести к дефициту прозрачности и ослаблению контроля. Поэтому актуальной задачей является совершенствование механизмов парламентского надзора за деятельностью Банка без вмешательства в его профессиональные полномочия.

Таким образом, Законодателем была выстроена четкая правовая конструкция, которая одновременно обеспечивает равновесие, казалось бы, взаимоисключающих аспектов в правовом статусе Банка России, а именно ответственность перед обществом и государством и самостоятельность при осуществлении своих полномочий. При этом успешно преодолеваются все вызовы современности, связанные с трансформациями в экономике и изменениями в политике, что не исключает государственной поддержки в некоторых аспектах.

Сложность правового статуса Банка России проявляется, прежде всего, в его двойственной природе. ЦБ РФ осуществляет достаточно широкий круг функций органа власти как метарегулятор. Сюда можно отнести лицензирование, контрольные функции, нормотворчество в финансовой сфере. И в то же время ЦБ РФ, как и любая кредитная организация, а в целом, как и любое юридическое лицо, обладает имуществом, которое строго обособлено от остального государственного имущества, что является одним из основных признаков юридического лица в гражданском праве. Сложившаяся ситуация вызывает неутраченные дискуссии в науке о принадлежности ЦБ РФ к органам власти, или его

всё-таки стоит расценивать как субъект публичного права, обладающий самостоятельностью [2].

Для таких сфер общественной жизни, как политика и экономика, в условиях современности, с учетом всех вызовов и задач, Банк России остается главным регулятором, оказывающим существенное влияние на указанные общественные сферы. Его действия в условиях финансовой нестабильности, санкционного давления и необходимости обеспечения внутренней экономической устойчивости напрямую влияют на эффективность государственной политики.

Согласно одной из научных позиций, Центральный банк представляет собой орган публичной власти, осуществляющий регулятивные и контрольные функции в сфере банковской деятельности и денежно-кредитной политики. Сторонники данной позиции указывают, что Банк России наделён властными полномочиями: он вправе издавать обязательные нормативные акты, регулировать деятельность кредитных организаций, применять меры административного воздействия. Так ЦБ приравнивается к федеральным органам исполнительной власти, обладающими регулирующими функциями [3], [4].

Другая группа учёных акцентирует внимание на автономности и функциональной независимости Банка России, утверждая, что его правовой статус не позволяет отнести его к числу государственных органов. ЦБ РФ не подчиняется Правительству, обладает собственной системой управления, распоряжается принадлежащим ему имуществом самостоятельно, действует от своего имени, не являясь юридически частью государственного аппарата [5].

Некоторые учёные считают, что Центральный банк занимает особое положение и не относится полностью ни к органам власти, ни к обычным финансовым учреждениям [6]. С одной стороны, он выполняет важные государственные функции — следит за стабильностью рубля, регулирует банки, сдерживает инфляцию. С другой стороны, он действует независимо от Правительства и других органов, имеет свою систему управления и распоряжается своим имуществом. Поэтому его нельзя однозначно назвать частью государственной власти. Такая двойственность вызывает споры: где проходит граница между независимостью ЦБ и его обязанностями перед государством и обществом.

Аргументы в пользу включения Центрального банка в систему органов государственной власти строятся на идее подотчётности и прозрачности. Придание Банку статуса государственного органа позволило бы усилить парламентский и общественный контроль за его деятельностью, исключить непрозрачность решений в сфере денежно-кредитной политики, а также установить более чёткие механизмы ответственности. В условиях кризисов и нестабильности особое значение приобретает обеспечение скоординированности действий между ЦБ и Правительством РФ, что требует институциональной связки между ними [7].

Противники включения Центрального банка в систему органов государственной власти указывают на опасность политизации его деятельности. Потеря независимости Банка может привести к давлению со стороны исполнительной власти, стремящейся к краткосрочным результатам в ущерб долгосрочной стабильности. Вмешательство в решения по ключевым ставкам, эмиссии, курсовой политике может спровоцировать инфляционные процессы, подорвать доверие к национальной валюте и негативно сказаться на инвестиционном климате.

Таким образом, Центральный банк Российской Федерации выступает в качестве уникального субъекта, сочетающего признаки органа публичной власти и хозяйствующего субъекта. Его правовое положение требует постоянного научного осмысления и корректировки с учётом изменяющихся социально-экономических реалий. Двойственная природа Центрального банка остаётся предметом научных споров. Необходимость обеспечения институциональной независимости при одновременной публичной подотчётности требует поиска сбалансированной модели правового регулирования, способной учесть, как экономическую целесообразность, так

общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>. – 04.07.2020 (дата обращения: 01.03.2026).

2 Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (ред. от 29.12.2025). [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru> - 28.02.2025. (дата обращения: 01.03.2026).

и правовые гарантии открытости и ответственности перед обществом.

Управление Центральным банком Российской Федерации осуществляется тремя основными органами: Советом директоров, Председателем Банка России и Национальным финансовым советом. Каждый из них обладает собственной сферой полномочий, правовым статусом и порядком формирования, однако взаимодействие между ними подчас вызывает вопросы в научной и правоприменительной среде [8].

Совет директоров является постоянно действующим коллегиальным органом Банка России и осуществляет стратегическое руководство его деятельностью. Председатель Банка России одновременно входит в состав Совета директоров и возглавляет его. Он выполняет функции по организации работы Банка России. Национальный финансовый совет (НФС) представляет собой орган общественного контроля за деятельностью Банка России.

Органы управления ЦБ РФ выстроены в определенную систему. Задачи такой системы направлены на обеспечение устойчивости и самостоятельности мегарегулятора. Но в то же время остаются проблемные аспекты в совершенствовании механизмов ответственности органов управления, в прозрачности их деятельности и возможности общества контролировать их деятельность. Для устранения указанных проблемных аспектов можно предложить такие меры как пересмотр полномочий НФС в сфере регулирования финансовой системы в целом, определить возможность участия экспертов в деятельности органов управления ЦБ РФ, изменить порядок формирования совета директоров.

Как уже было указано ранее, Банк России имеет неопределенный статус и его правовое положение двойственное. В соответствии с основным законом страны (ст. 75 Конституции РФ), ЦБ РФ определен как эмитент денег, реализатор денежно-кредитной политики. Но вместе с тем он отсутствует в системе органов власти, установленных законодательством. Ст. 1 ФЗ «О центральном банке РФ», повторяя нормы Конституции РФ, определяет его независимость и статус юридического лица. Что исключает ЦБ РФ из системы ветвей власти, которая призвана ограничивать их свободу через определенные механизмы.

Решить указанный пробел можно путем закрепления в ст. 1 ФЗ «О центральном банке РФ» особого публично-правового статуса ЦБ РФ, как самостоятельного публично-правового института, не входящего в имеющуюся систему органов власти. При этом необходимо четко установить, что ЦБ РФ действует строго в рамках, закрепленных федеральным законодательством для системы органов власти. Такое изменение ст. 1 ФЗ «О центральном банке РФ» позволит устранить юридическую неопределенность в статусе ЦБ РФ, и отнести его публичному органу, хоть и обладающему независимостью.

Несмотря на активную разработку цифрового рубля и внедрение цифровых платформ, законодательство о Центральном банке по-прежнему ориентировано на привычные формы денежного обращения и банковских операций. В Законе № 86-ФЗ отсутствуют конкретные положения, регулирующие деятельность Банка России в части выпуска и обращения цифровой валюты, а также его надзорные и регулирующие полномочия в сфере финансовых технологий.

Так же можно выделить такую проблему как ориентирование ЦБ РФ на традиционные средства расчетов и операции с ними. Несмотря на последние изменения в ФЗ «О центральном банке РФ» отсутствуют положения об эмиссии цифровой валюты и по контролю за новыми технологиями в сфере цифровых финансов. На практике Банк России уже осуществляет эмиссию цифрового рубля и участвует в разработке платформенных решений, однако правовая основа для этой деятельности остаётся фрагментарной.

Для решения необходимо дополнить статью 4 Закона № 86-ФЗ новым пунктом, который бы закреплял следующие положения: «Банк России осуществляет разработку, эмиссию и организацию обращения цифровой валюты Российской Федерации, а также осуществляет регулирование и надзор в сфере финансовых технологий, в том числе посредством цифровых платформ». Такое дополнение создаст необходи-

мую нормативную базу для цифровой трансформации финансовой системы.

Особо хочется отметить неурегулированность проблемы ответственности ЦБ РФ за ненадлежащее выполнение им своих функций, например, в сфере банковского надзора, который является одной из функций ЦБ РФ. Позиция судов в данном вопросе является двойственной: одни считают, что подача иска невозможно, другие указывают, на такую возможность, при наличии оснований [9].

Анализ действующего законодательства показывает, что в нормативной базе, регулирующей статус и деятельность Банка России, сохраняется ряд существенных проблем. Во-первых, отсутствует чёткое определение его статуса в системе публичной власти, что создаёт правовую неопределённость и снижает уровень правовой прозрачности. Во-вторых, регулирование цифровых валют и финтех-сектора развивается быстрее, чем успевает обновляться законодательство, в результате чего возникают правовые пробелы и неопределённость в компетенциях ЦБ.

Предложенные изменения направлены на устранение этих недостатков. Закрепление особого публично-правового статуса ЦБ, внедрение положений о цифровой валюте и финтехе — всё это позволит сбалансировать независимость Банка России с необходимым уровнем правового контроля и прозрачности.

Таким образом, правовое совершенствование института Центрального банка не только повысит эффективность его работы, но и будет способствовать укреплению доверия со стороны общества и органов государственной власти.

Пристатейный библиографический список

1. Хван И. И. Центральный банк России: правовой статус // Актуальные проблемы общества, экономики и права в контексте глобальных вызовов. Сборник материалов XX Международной научно-практической конференции. Том Часть 1. - Санкт-Петербург, 2023. - С. 235-238.
2. Бабичев В. О., Тарасенко О. А. Предпринимательская активность центральных банков в зарубежных странах // Право и управление. - 2024. - № 4. - С. 178-182.
3. Блинов А. Е. Детерминация правового статуса Банка России // ПРЭД. - 2022. - № 3. - С. 21-27.
4. Ибрагимов А. Г. К вопросу о правовом статусе Центрального Банка Российской Федерации // Проблемы экономики и юридической практики. - 2015. - № 4. - С. 33-35.
5. Белякова А. В. Правовое положение Центрального банка Российской Федерации как субъекта публично-финансовой деятельности // Молодой ученый. - 2023. - № 16 (463). - С. 155-158.
6. Кузнецова В. В., Ларина О. И. Эволюция роли национальных центральных банков // Финансы: теория и практика. - 2022. - № 2. - С. 62-73.
7. Козлов И. В. Правовой статус Банка России: вопросы правовой теории, законодательного регулирования и судебной практики // Вестник СПЮА. - 2024. - № 2 (157). - С. 241-246.
8. Кусакин А. А. Правовой статус и функции Центрального Банка РФ // Тенденции и перспективы развития банковской системы в современных экономических условиях. - 2023. - С. 16-20.
9. Лангнер Т. С. Правовая природа и положение Центрального банка Российской Федерации в системе государственных институтов // Государственная служба и кадры. - 2025. - № 3. - С. 96-100.

ПЕРЕПЕЧКИНА Елена Геннадьевна

кандидат экономических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, г. Москва

МИТЯЧКИНА Екатерина Сергеевна

кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный социальный университет, г. Москва

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЛЕГАЛИЗАЦИИ (ОТМЫВАНИЮ) ДОХОДОВ И ФИНАНСИРОВАНИЮ ТЕРРОРИЗМА В РОССИИ

Масштаб вреда, причиняемого экономической преступностью, существенно превосходит последствия большинства иных имущественных посягательств. Повышенную угрозу представляет легализация денежных средств и другого имущества криминального происхождения, поскольку данная деятельность приобрела выраженное международное измерение. В статье рассматривается совокупность методических решений, предназначенных для оценки результативности национальных систем ПОД/ФТ, в том числе действующей в Российской Федерации. К числу российских инструментов относится национальная оценка рисков, ориентированная на упорядочение аналитической работы государственных структур, обнаружение уязвимых зон и подготовку предложений по развитию механизмов ПОД/ФТ. При исследовании материалов Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма авторы пришли к выводу, что определяющее значение имеют процедуры взаимной оценки, обработка статистики правоприменения и сравнительно-правовой метод, обеспечивающие не только диагностику текущего состояния, но и разработку направлений дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: риск-ориентированный подход, надзорная деятельность, публичный отчет, риски, аккумулярование, экспертный анализ, дробление, терроризм, легализация.

PEREPCHIKINA Elena Gennadievna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Russian State Social University, Moscow

MITYACHKINA Ekaterina Sergeevna

Ph.D. in Law, associate professor, Russian State Social University, Moscow

METHODOLOGICAL APPROACHES TO ANALYZING THE ACTIVITIES OF PUBLIC AUTHORITIES TO COUNTER THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF REVENUES AND THE FINANCING OF TERRORISM IN RUSSIA

The scale of damage caused by economic crime significantly exceeds the consequences of most other property crimes. Money laundering and other criminally motivated property laundering pose a heightened threat, as this activity has acquired a distinct international dimension. This paper examines a set of methodological solutions designed to assess the effectiveness of national AML/CFT systems, including those in place in the Russian Federation. These Russian tools include a national risk assessment, which aims to streamline the analytical work of government agencies, identify vulnerabilities, and develop proposals for the development of mechanisms to combat money laundering and terrorist financing. In examining the materials of the Eurasian Group on Combating Money Laundering and the Financing of Terrorism, the authors concluded that mutual assessment procedures, the processing of law enforcement statistics, and the comparative legal method are of decisive importance, ensuring not only a diagnosis of the current state, but also the development of areas for further improvement.

Keywords: risk-based approach, supervisory activities, public reporting, risks, accumulation, expert analysis, fragmentation, terrorism, laundering.

При исследовании деятельности уполномоченных органов Российской Федерации – Банка России, Росфинмониторинга, контрольных и правоохранительных структур – используются риск-ориентированные процедуры, показатели эффективности правоприменения и критерии, закрепленные в стандартах Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ)¹. В состав применяемого

инструментария входят проверка качества надзорной практики, изучение криминальных проявлений, финансовые расследования. Центральное место в анализе занимает не только работа отдельных институтов, но и согласованность межведомственного взаимодействия.

Комплекс соответствующих методических подходов сформирован Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма – межгосударственным объединением регионального типа, функционирующим по модели ФАТФ. В состав ЕАГ входят девять государств: Узбекистан, Беларусь, Туркменистан, Индия, Таджикистан, Казахстан, Россия, Кыргызстан, КНР. Система разработанных ею подходов применяется для оценки национальных механизмов ПОД/ФТ, включая рос-

Перепечкина Е. Г.

Митячкина Е. С.

¹ Методические рекомендации ЕАГ по организации и проведению финансовых расследований в сфере ПОД/ФТ / Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Public_typology_reports/FI_Guidence_rus.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

Рисунок 1. Методические подходы к анализу деятельности государственных органов в сфере ПОД/ФТ*

сийскую модель. Их перечень и краткое описание приведены на рисунке 1.

Главная задача указанных подходов состоит в упорядочении оценки работы государственных институтов, обнаружении уязвимых участков и подготовке предложений по модернизации инструментов противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. При таком методическом ракурсе результативность деятельности публичных органов в сфере ПОД/ФТ может определяться с использованием нескольких способов².

1. Сопоставление законодательных решений и практики их реализации, ориентированное на сравнение национальных режимов ПОД/ФТ с требованиями ФАТФ, форм контроля за поднадзорными организациями и подходов к применению мер ответственности за допущенные нарушения. Через такой анализ выявляются наиболее результативные правовые и организационные модели, пригодные для заимствования государствами ЕАГ и для последующей настройки внутренних регулятивных механизмов.

2. Взаимные оценки государств-участников представляют собой экспертное обследование национальных режимов ПОД/ФТ с участием специалистов из иных стран ЕАГ. Приоритет отводится особенностям правоприменения, степени имплементации стандартов ФАТФ, качеству нормативной базы, уровню межведомственной координации. Итогом выступают доклады, содержащие градацию рисков, описание удачных практик и фиксацию проблемных сегментов.

3. Анализ инструментов финансового расследования и их связи с работой иных участников системы ПОД/ФТ, при котором изучаются применение материалов расследований при уточнении национальной оценки рисков, порядок обнаружения сомнительных сделок и направления сведений

уполномоченным органам, модели взаимодействия с негосударственными участниками финансового рынка, включая страховщиков, микрофинансовые институты, кредитные организации, В данном блоке ЕАГ исходит из того, что финансовое расследование выполняет интегрирующую функцию, соединяя усилия правоохранительного блока, деятельность коммерческих организаций и надзор.

4. Оценивание степени включенности государственных органов в реализацию национальной политики ПОД/ФТ предполагает выделение ряда критериев: осознание взаимосвязи собственной компетенции с национальной системой оценки рисков ОД/ФТ; участие в подготовке и исполнении профильных государственных мер; согласованность действий с иными субъектами, включая Росфинмониторинг, Банк России и правоохранительные структуры. Сохраняются и институциональные изъяны: часть ведомств не в полной мере воспринимает собственное место в механизме ПОД/ФТ и слабо встроена в процедуры риск-анализа.

5. Исследование отчетных материалов и статистических массивов по финансовым расследованиям охватывает сведения о числе обнаруженных подозрительных транзакций и инициированных уголовных производств по делам о легализации доходов и террористическом финансировании, а также о результатах информационного обмена между ведомствами. Такой анализ ориентирован на измерение масштабов угрозы, оценку продуктивности государственных структур и отслеживание изменений показателей. Существенным ограничением остается дефицит детализированной статистики по целям финансовых расследований в ряде стран ЕАГ, в том числе в России, что сужает аналитическую достоверность.

Сводное сопоставление применяемых аналитических методов представлено в таблице 1.

Основное достоинство методик ЕАГ заключается в объединении количественного массива данных, включающего статистические показатели и отчетные материалы, с качественным анализом экспертных заключений и правоприменительных практик, за счет чего достигаются достоверность оценок и их прикладной характер. Посредством указанных методических решений возможно:

* Составлено авторами на основе Методических рекомендаций ЕАГ по организации и проведению финансовых расследований в сфере ПОД/ФТ / Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Public_typology_reports/FI_Guidance_rus.pdf (дата обращения: 22.04.2026).

² Там же.

Таблица 1. Сравнительная характеристика методов анализа деятельности государственных органов в сфере ПОД/ФТ¹

Метод	Суть	Ключевые показатели оценки	Выявленные проблемы (на примере России и стран ЕАГ)	Цель применения
Сравнительный анализ законодательства и практики	Сопоставление национальных норм и правоприменения с международными стандартами	Соответствие законам ФАТФ, эффективность контроля, практика привлечения к ответственности	Наличие «серых зон» в регулировании, пробелы в правоприменении	Гармонизация законодательства, внедрение лучших практик
Взаимные оценки	Экспертный анализ национальных систем ПОД/ФТ странами-участницами ЕАГ	Соответствие рекомендациям ФАТФ, межведомственная координация, качество правоприменения	Различия в понимании задач и механизмов ПОД/ФТ между ведомствами	Унификация подходов, обмен опытом
Анализ механизмов финансовых расследований	Изучение процедур выявления, передачи и использования информации о подозрительных сделках	Качество взаимодействия с частным сектором, применение результатов расследований для оценки рисков	Различия в национальных законодательствах, снижающие оперативность обмена данными	Оптимизация процессов выявления и пресечения ОД/ФТ
Оценка вовлеченности госорганов	Анализ участия ведомств в разработке и реализации политики ПОД/ФТ	Степень интеграции в процессы оценки рисков, координация действий	Неполное понимание роли отдельными ведомствами в общей системе	Повышение эффективности межведомственного взаимодействия
Анализ отчетности и статистики	Изучение данных о подозрительных операциях, уголовных делах, межведомственном обмене	Количество выявленных операций, динамика раскрываемости, объем передаваемой информации	Недостаток детализированной статистики по целям расследований (ОД/ФТ/ФРОМУ)	Оценка масштаба проблемы и эффективности работы

1 Составлено авторами на основе Методических рекомендаций ЕАГ по организации и проведению финансовых расследований в сфере ПОД/ФТ / Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Public_typology_reports/ (дата обращения: 22.04.2026).

– проводить целостную оценку функционирования государственных органов России в области ПОД/ФТ;
– обнаруживать устойчивые дисфункции, связанные с ограниченным участием отдельных ведомств, изъянами статистического учета и недостаточной согласованностью действий;
– разрабатывать предложения по развитию механизмов финансового расследования, укреплению межведомственной кооперации, обновлению правового регулирования.

В Российской Федерации центральным принципом исследования деятельности публичных институтов в сфере ПОД/ФТ выступает риск-ориентированная модель. На ее основе выстроен механизм национальной оценки рисков, представляющий собой согласованную работу уполномоченного органа с представителями бизнеса, органами государственной власти, профессиональными ассоциациями, Банком России. Назначение данного механизма состоит в идентификации и снижении вероятности использования финансовых операций для ОД/ФТ.

Структура национальной оценки рисков охватывает два направления:

– анализ угроз, обусловленных финансовым обеспечением террористической деятельности.
– анализ угроз, связанных с приданием правомерного вида активам преступного происхождения.

К числу базовых задач национальной оценки рисков в российской практике относятся: внедрение риск-ориентированной логики в работу всех субъектов системы ПОД/ФТ; упорядочение сведений об угрозах и слабых местах национального контура ПОД/ФТ; разработка точечных инструментов снижения рисков; установление детерминант, формирующих степень риска.

Нормативно-методическая основа национальной оценки рисков в России включает:

– Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»³, закрепляющий обязанность проведения риск-оценки;

– рекомендации Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег, посвященные национальной оценке рисков ОД/ФТ;

– методологический документ по национальной оценке рисков, подготовленный Межведомственной комиссией по ПОД/ФТ, а также финансированию распространения ОМП при участии профильных органов и иных значимых субъектов;

– открытые доклады, содержащие результаты проведенной оценки.

Применяемая методология прошла межведомственное согласование и получила утверждение на заседании вышеуказанной комиссии⁴.

3 Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ (редакция, действующая с 09.01.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33. – Ст. 3418.

** Составлено авторами на основе: Национальная оценка рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Публичный отчет Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинга России), 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D1%8B%20%D0%BD%D0%BE%D1%80/%D0%BD%D0%BE%D1%80-%D0%BE%D0%B4-2022-6.pdf> (дата обращения: 26.03.2026).

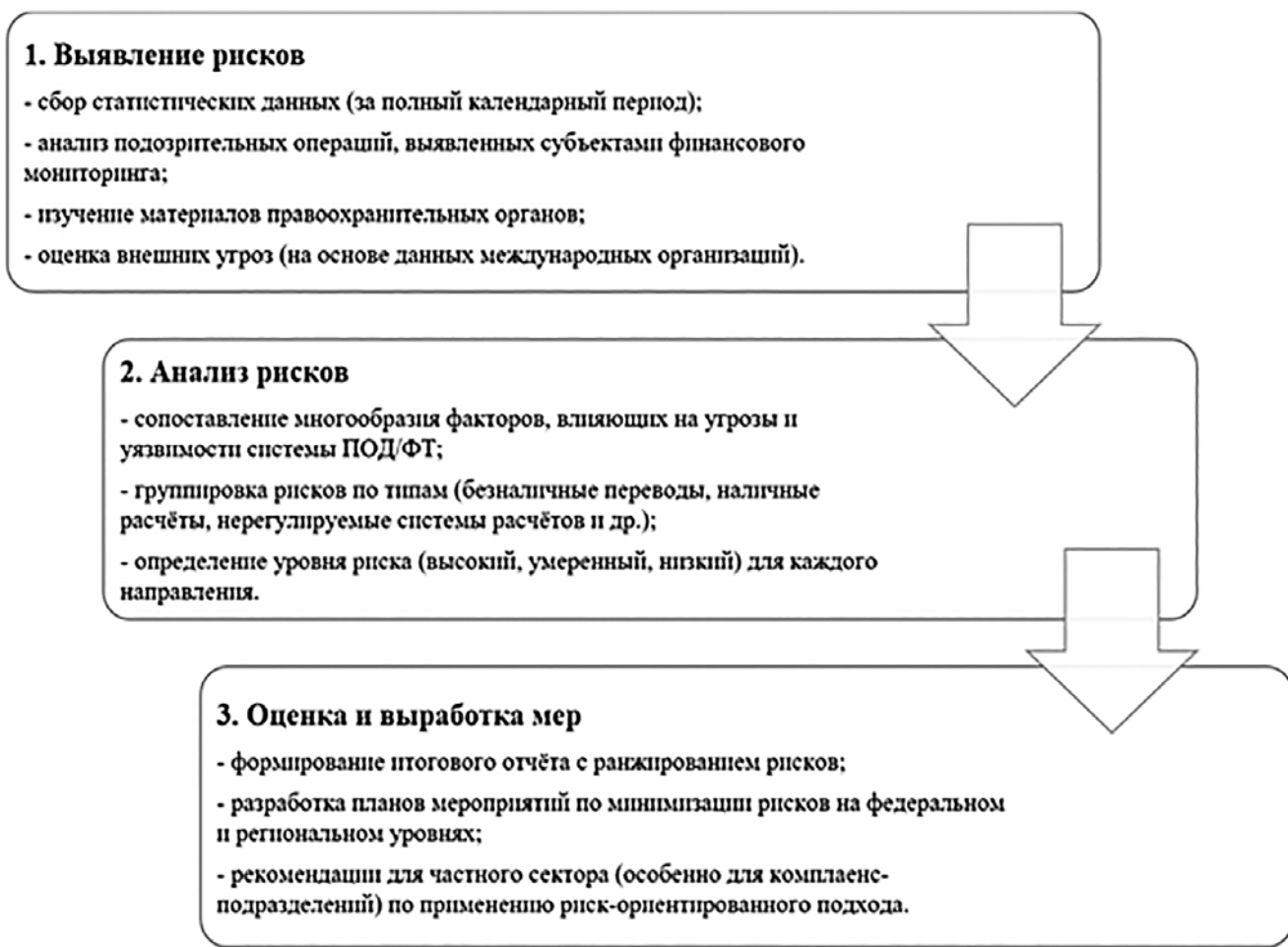

Рисунок 2. Этапы процесса оценки рисков легализации доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма**.

В процедуру риск-оценки вовлечен широкий круг участников. Координирующую роль и основную аналитическую нагрузку несет уполномоченная структура – Росфинмониторинг. Наряду с ним действуют федеральные органы исполнительной власти и контрольные инстанции. Анализ состояния финансового сектора и практики кредитных учреждений обеспечивает Банк России.

Со стороны профессионального сообщества участвуют СРО аудиторов, Федеральная палата адвокатов, Федеральная нотариальная палата. Существенный массив текущих сведений передают организации, работающие с денежными средствами и иными активами, включая страховые организации, микрофинансовые институты, банки; от них поступают данные об операциях, имеющих признаки сомнительности. Материалы о выявленных и расследованных деяниях предоставляют правоохранительные органы⁴.

Процедура определения рисков включает три базовые стадии (рис. 2).

В ходе НОР предметно анализируются неправомерное использование юридических лиц, безналичные переводы через банковскую систему, способы окончательного вложения криминально обусловленных средств, оборот наличности, сервисы финансовых организаций и УНФПП, неформальные расчетные механизмы. В результате выделяются ключевые угрозы и уязвимые элементы.

К числу характерных рисков отнесены использование недостатков налоговых и корпоративных конструкций, транзитное перемещение средств по безналичным каналам с их дроблением и последующим накоплением, объединение легальных и незаконных потоков в сферах с преобладанием наличных расчетов, прежде всего в строительстве и розничной торговле, оформление платежных инструментов на номинальных лиц. По итогам оценки, проведенной в 2022г., слабые стороны национального механизма ПОД/ФТ были связаны с региональной неоднородностью правоприменительной практики в рассматриваемой сфере, недостаточным уровнем межведомственного взаимодействия и автоматизации, несоответствием контрольных инструментов скорости развития финансовых технологий, включая DeFi и криптоактивы, затрудненным установлением бенефициарных владельцев в многоуровневых корпоративных схемах⁶.

4 Национальная оценка рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Публичный отчет Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинга России), 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D1%8B%20%D0%BD%D0%BE%D1%80/%D0%BD%D0%BE%D1%80-%D0%BE%D0%B4-2022-6.pdf> (дата обращения: 26.03.2026).

5 Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Президентом РФ 30.05.2018) // СПС «КонсультантПлюс»; Национальная оценка рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Публичный отчет Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинга России), 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D1%8B%20%D0%BD%D0%BE%D1%80/%D0%BD%D0%BE%D1%80-%D0%BE%D0%B4-2022-6.pdf> (дата обращения: 26.03.2026).

8B%20%D0%BD%D0%BE%D1%80/%D0%BD%D0%BE%D1%80-%D0%BE%D0%B4-2022-6.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

6 Национальная оценка рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Публичный отчет Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинга России), 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D1%8B%20%D0%BD%D0%BE%D1%80/%D0%BD%D0%BE%D1%80-%D0%BE%D0%B4-2022-6.pdf> (дата обращения: 26.03.2026).

К числу базовых итогов национальной оценки рисков в Российской Федерации относятся пересмотр методических ориентиров для участников системы финансового мониторинга; комплексы мер по снижению приоритетных угроз на федеральном и территориальном уровнях; открытый доклад, предназначенный для профессионального экспертного круга, бизнеса, контрольных структур, правоохранительного блока.

Материалы НОР применяются при уточнении государственной линии в сфере ПОД/ФТ с учетом международных тенденций, в рамках участия в процедурах внешней оценки, а также при трансграничном обмене апробированными подходами. Прикладное значение данной работы выражается в нескольких измерениях:

- для профильных международных институтов и зарубежных партнеров – свидетельство открытости и следования стандартам ФАТФ;
- для частного сектора – ориентир при выстраивании внутренних контуров комплаенса и управления рисками;
- для органов публичной власти – нормативная и аналитическая база для обновления законодательства и совершенствования практики его реализации.

НОР занимает центральное место в превентивном механизме противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма. Данная система объединяет статистический инструментарий и экспертно-аналитические процедуры, включая межведомственную проработку выявленных угроз. Опорным началом национальной оценки выступает ее регулярная ревизия с учетом трансформации рисков ландшафта и изменений глобальной архитектуры ПОД/ФТ. Полученные результаты носят прикладной характер и используются для модернизации нормативного регулирования, правоприменительных механизмов и корпоративных процедур.

На основе комплексного теоретического анализа основ ПОД/ФТ в связи с задачами обеспечения экономической безопасности России представляется возможным сформулировать следующие выводы.

1. Проведенный анализ выявил тесную сопряженность отмывания криминально полученных средств с обеспечением террористической активности. Воздействуя на денежно-кредитную сферу, указанные явления нарушают конкурентные механизмы, подпитывают организованные преступные структуры и формируют ресурсную основу для экстремистских практик. Их общественная вредоносность выражается в ослаблении национальной безопасности, ухудшении условий для инвестирования и затрагивании государственного суверенитета, что требует результативного механизма предупреждения и пресечения.

2. В ходе исследования установлено, что отечественный механизм ПОД/ФТ имеет многоуровневое и межведомственное устройство, основанное на согласованности действий участников. Центральное место в нем занимает Росфинмониторинг, аккумулирующий и обрабатывающий сведения о подозрительных операциях; значимую функцию выполняет Банк России как мегарегулятор финансовой сферы; на начальном этапе контроля действуют организации, обязанные осуществлять первичный мониторинг; в блоке пресечения и надзора задействованы правоохранительные и контрольные структуры, включая подразделения экономической безопасности Министерства внутренних дел Российской Федерации. Особое значение МВД связано с выявлением базовых преступлений, предшествующих легализации, а также с фиксацией соответствующих эпизодов.

3. Исследование подтвердило, что в основе оценки результативности публичных органов в рассматриваемой области лежат риск-ориентированная модель и стандарты Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег. В российской практике данный подход воплощен в формате Национальной оценки рисков, посредством которой определяются наиболее уязвимые сегменты, в том числе наличный оборот, цифровые активы и транзитные банковские инструменты, после чего корректируются приоритеты государственной политики. При изучении материалов Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма установлено, что определяющее значение имеют процедуры взаимной оценки, обработка статистики правоприменения и сравнительно-правовой метод, обеспечивающие не только диагностику текущего состояния, но и разработку направлений дальнейшего совершенствования.

Таким образом, результаты теоретического этапа сформировали основу для последующего эмпирического изучения действующей системы ПОД/ФТ в Российской Федерации, определения ее значения для экономической безопасности и подготовки прикладных предложений, адресованных органам, участвующим в противодействии, прежде всего подразделениям экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ (редакция, действующая с 09.01.2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 33. – Ст. 3418.
2. Методические рекомендации ЕАГ по организации и проведению финансовых расследований в сфере ПОД/ФТ / Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Public_typology_reports/FI_Guidence_rus.pdf (дата обращения: 22.04.2026).
3. Национальная оценка рисков легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Публичный отчет Федеральной службы по финансовому мониторингу (Росфинмониторинга России), 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fedsfm.ru/content/files/%D0%BE%D1%82%D1%87%D0%B5%D1%82%D1%8B%20%BD%D0%BE%D1%80/%D0%BD%D0%BE%D1%80-%D0%BE%D0%B4-2022-6.pdf> (дата обращения: 26.03.2026).
4. Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (утв. Президентом РФ 30.05.2018) // «СПС КонсультантПлюс».

ХАЙБРАХМАНОВА Альбина Дамировна

аспирант кафедры международного и публичного права, Юридический факультет, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ФИНАНСОВЫЙ КОНТРОЛЬ

В условиях цифровой трансформации экономики технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) приобретают статус ключевого инструмента оптимизации государственных процессов, включая сферу финансового контроля. Автор отмечает, что ранее стратегические документы Российской Федерации последовательно подчёркивали курс на развитие технологий ИИ, акцентируя их значимость для социально-экономического прогресса, модернизации ключевых отраслей экономики и повышения конкурентоспособности государства на глобальном уровне. В качестве новой вехи развития законодательства в сфере искусственного интеллекта выступает разработка проекта федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации». Его принятие позволит нормативно закрепить риск-ориентированный подход к регулированию применения технологий ИИ, в соответствии с которым степень строгости предъявляемых требований к системам искусственного интеллекта дифференцируется в зависимости от уровня потенциальных рисков причинения вреда правам и законным интересам физических лиц, интересам юридических лиц, а также интересам общества и государства.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, искусственный интеллект, концепция доверенного искусственного интеллекта, алгоритм.

КНАИВРАХМАНОВА Albina Damirovna

postgraduate student of International and public law sub-faculty, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation

FINANCIAL AND LEGAL REGULATION OF THE IMPLEMENTATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN STATE FINANCIAL CONTROL

In the context of the digital transformation of the economy, artificial intelligence technologies (hereinafter referred to as AI) are becoming a key tool for optimizing government processes, including financial control. The author notes that the Russian Federation's strategic documents have consistently emphasized the importance of AI technologies for socio-economic progress, modernization of key economic sectors, and enhancing the country's global competitiveness. The development of a draft federal law "On the Fundamentals of State Regulation of the Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation" represents a new milestone in the evolution of AI legislation. Its adoption will allow for a risk-based approach to regulating the use of AI technologies, in accordance with which the degree of strictness of the requirements imposed on AI systems is differentiated.

Keywords: state financial control, artificial intelligence, the concept of reliable artificial intelligence, algorithm.

Современный этап развития государственного управления характеризуется глубокой интеграцией цифровых технологий в процессы реализации публичных функций, включая осуществление государственного финансового контроля – одной из ключевых институциональных гарантий законности, эффективности и прозрачности использования бюджетных средств.

В этих условиях всё большее значение приобретает концепция доверенного ИИ [6, с. 12], в том числе в информационных системах [4, с. 51], основанная на принципах прозрачности, подотчётности, справедливости, надёжности и уважения прав человека.

Вопросы автоматизации и применения искусственного интеллекта в системе государственного финансового контроля (далее – ГФК) активно изучаются научным сообществом. Значительный вклад в разработку данной проблематики внесли такие исследователи, как Р. Е. Артюхин [1], И. О. Антропова [2], Э. А. Исаев [5], М. М. Прошунин [8], К. Е. Лукичев [7] др.

Интересна позиция группы учёных, определивших понятие ИИ специально для сферы ГФК – «это профессио-

нальный комплекс мероприятий по имитации когнитивных функций специалистов в сфере ГФК для получения результатов посредством выполнения заданного алгоритма с последующей оценкой их применимости практиками-экспертами из органов ГФК» [3, с. 74].

В России процесс цифровизации финансового контроля активно поддерживается на государственном уровне, в частности, через реализацию Национальной стратегии развития¹, Концепцию совершенствования контрольной (надзорной) деятельности², а также через развитие цифровой

1 Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 14.10.2019. – № 41. – Ст. 5700.

2 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 21.12.2023 № 3745-р «Об утверждении Концепции совершенствования контрольной (надзорной) деятельности до 2026 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 01.01.2024. – № 1 (Часть IV). – Ст. 285.

инфраструктуры в таких ведомствах, как Федеральное казначейство³ и Счётная палата⁴.

В 2024 году Россия сделала значительный шаг вперед в реализации долгосрочной цифровой повестки – Правительство Российской Федерации утвердило актуализированное стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления на период до 2030 года⁵.

Действительно, сегодня государственный финансовый контроль все более активно реализуется посредством использования государственных информационных систем (далее – ГИС), что способствует повышению прозрачности, достоверности и оперативности контрольных процедур [9, с. 120]. В связи с этим, например, Федеральное казначейство фактически трансформируется в мегаоператора бюджетного процесса [10, с. 297], осуществляя централизованное исполнение бюджета, учет бюджетных обязательств и контроль за целевым использованием бюджетных средств в режиме реального времени. Таким образом, цифровая инфраструктура становится неотъемлемой частью современной модели государственного финансового контроля.

В марте 2026 года размещен проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»⁶ (далее – Проект), ориентированный на установление правовых основ разработки, внедрение и использование технологий искусственного интеллекта, определение полномочий органов власти, прав и обязанностей участников соответствующих правоотношений, а также закрепление ключевых понятий и принципов безопасного и эффективного применения ИИ-технологий на территории Российской Федерации.

Проект впервые закрепляет на уровне закона полный жизненный цикл работы с ИИ – от разработки и обучения моделей до внедрения и эксплуатации.

Проект нормативно закрепляет понятие искусственный интеллект «как комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека (в т.ч. самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их» (п. 1 ст. 3 Проекта). Данное определение воспроизводит формулировку,

ранее закреплённую в Указе Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490. Это может свидетельствовать о преемственности правового регулирования в сфере искусственного интеллекта и поступательном формировании единства понятийного аппарата в действующем законодательстве.

Впервые законодателем осуществлено разграничение правового статуса субъектов, вовлечённых в процессы создания и эксплуатации ИИ-систем, закрепляя их функциональные обязанности и пределы ответственности. В рамках Проекта выделяются следующие категории участников: разработчик (осуществляет проектирование и тестирование ИИ-системы), оператор (в значении лица, непосредственно эксплуатирующего систему ИИ), владелец (обладатель имущественных и иных прав на ИИ-систему), пользователь (субъект, применяющий ИИ для решения прикладных задач), а также органы государственной власти (устанавливающие нормативные требования и осуществляющие контрольно-надзорные функции). При этом обнаруживается терминологическая коллизия: понятие «оператор» в контексте регулирования ИИ (как субъект эксплуатации системы) вступает в противоречие с его устоявшимся значением в сфере финансовых и бюджетных правоотношений, где оно применяется к участникам, обеспечивающим функционирование ГИС.

Проект также вводит принципиально новую правовую категорию – «доверенная модель ИИ, определяемую как модель искусственного интеллекта, соответствующую установленным требованиям и включённая в реестр доверенных моделей ИИ»⁷. Вместе с тем практическое применение указанного механизма сопряжено с рядом нерешённых вопросов. В частности, остаётся неопределённым статус действующих ГИС, уже функционирующих на основе ИИ-технологий.

Проект предусматривает закрепление концепции ответственности субъектов отношений в сфере искусственного интеллекта (ст. 11 Проекта). В соответствии с положениями документа субъекты несут ответственность в рамках действующего законодательства Российской Федерации за результаты, полученные с применением ИИ и противоречащие закону, – пропорционально степени их вины. При этом распределение ответственности осуществляется между всеми участниками жизненного цикла ИИ (разработчиками, операторами, владельцами и иными лицами) с учётом их вовлечённости в процесс принятия решений на основе ИИ, а также установленной причинно-следственной связи между действиями субъекта и наступившими последствиями.

При этом, в настоящее время сохраняется проблематика определения объёма ответственности указанных субъектов, которые нормативно не определены, что создаёт правовую неопределённость при квалификации действий, связанных с разработкой, внедрением и эксплуатацией ИИ. Это обусловлено отсутствием специализированных составов административных правонарушений и преступлений. В этой связи можно предположить, что в таких случаях привлечение к ответственности будет осуществляться на основе действующих норм КоАП РФ и УК РФ. При этом Проект не конкретизирует, какие именно составы правонарушений или преступлений подлежат применению в подобных случаях.

7 Там же.

3 Приказ Федерального казначейства от 09.01.2023 № 2 «Об утверждении ведомственной программы цифровой трансформации на 2023-2025 годы» // Федеральное казначейство: официальный сайт. – 2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roskazna.gov.ru/> (дата обращения: 03.04.2026).

4 Основные направления деятельности Счетной палаты Российской Федерации на 2025 – 2027 годы (утв. Коллегией Счетной палаты Российской Федерации 26.12.2024) // Счетная палата Российской Федерации: официальный сайт. – 2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/> (дата обращения: 03.04.2026).

5 Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16.03.2024 № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 13. – Ст. 1837.

6 Проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ID: 166424) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов: официальный сайт. – 2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regulation.gov.ru/projects/166424/> (дата обращения: 03.04.2026).

Вопрос о применимости норм об ответственности, предусмотренных Проектом, к сфере государственного финансового контроля требует отдельного рассмотрения. Хотя в тексте Проекта нет прямого указания на такую применимость, его положения затрагивают обязательные требования, связанные с процедурами государственного и муниципального контроля, привлечением к административной ответственности. Кроме того, как следует из пояснительной записки к Проекту, предлагаемые изменения соотносятся с положениями Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»⁸, что косвенно подтверждает возможность их применения в сфере государственного финансового контроля.

В правовом государстве автоматизированные процедуры, затрагивающие права и обязанности субъектов финансовых правоотношений, обязаны отвечать требованиям как технической, так и юридической определённости. Выявление и анализ ключевых признаков соответствующего алгоритма выступают необходимым условием для оценки его законности, эффективности и допустимости использования в рамках реализации публичной власти.

Современный подход к построению контрольных механизмов подразумевает, что алгоритм в сфере финансового контроля не может быть только техническим решением – он должен соответствовать требованиям законодательства и отражать ключевые принципы государственного управления: законность, объективность, прозрачность и подотчётность. Поэтому алгоритм, применяемый в государственном финансовом контроле, должен отвечать определённым критериям, гарантирующим его правомерность и возможность практического применения. К таким критериям можно отнести однозначность, универсальность и др.

Однозначность алгоритма означает чёткую формализацию и воспроизводимость каждого предусмотренного им действия, обеспечивающую идентичность результатов при многократном применении к одинаковым ситуациям.

Универсальность алгоритма заключается в возможности его применения к широкому кругу однотипных задач без изменения логической структуры. В сфере финансового контроля это даёт возможность использовать единые алгоритмические модели для анализа однородных операций, в том числе: проверки обоснованности бюджетных расходов, оценки соответствия контрактов законодательству о закупках, выявления дублирующих платежей.

Таким образом, современное состояние государственного финансового контроля требует закрепления алгоритмической ответственности с учётом особенностей автономных систем и обеспечения баланса между эффективностью цифрового контроля и соблюдением конституционных прав участников финансовых отношений.

Пристатейный библиографический список

1. Артюхин Р. Е. Автоматизация контроля – история сегодняшнего дня // Финконтроль. – 2020. – № 4 (22). – С. 4-9.
2. Антропцева И. О. Новые возможности публичного финансового контроля в условиях цифровизации // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. № 3. – С. 255-261.
3. Выжитович А. М., Боровских Д. В., Краева В. Ю. Методические и практические аспекты применения технологий искусственного интеллекта в системе государственного финансового контроля // Сибирская финансовая школа. – 2024. – № 1 (153). – С. 73-80. – DOI 10.34020/1993-4386-2024-1-73-80.
4. Грипич С. А. Разработка рекомендаций по формированию прозрачной и подотчётной системы применения ИИ в государственных информационных системах // Юрист. – 2025. – № 9. – С. 50-56.
5. Исаев Э. А. Автоматизированные алгоритмы выявления признаков административных правонарушений в финансово-бюджетной сфере // Финконтроль. – 2025. – № 3 (41). – С. 77-82.
6. Карцхия А. А., Ивлиев Г. П. Современное понимание искусственного интеллекта: правовой аспект // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2025. – № 4. – С. 4-12.
7. Лукичев К. Е. Теоретико-правовые основы финансового права в условиях цифровой трансформации // Финансовое право. – 2025. – № 9. – С. 3-8. – DOI 10.18572/1813-1220-2025-9-3-8.
8. Прошунин М. М. Государственный цифровой финансовый контроль: правовая сущность // Российское правосудие. – 2022. – № 7. – С. 98-104. – DOI 10.37399/issn2072-909X.2022.7.98-104.
9. Хайбрахманова А. Д. Государственный финансовый контроль в условиях цифровой экономики: правовые аспекты трансформации понятия // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 12 (149). – С. 116-121. – DOI 10.24158/per.2025.12.15.
10. Хайбрахманова А. Д. Федеральное казначейство как мегаоператор бюджетного процесса // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 4 (73). – С. 291-298. – DOI 10.25683/VOLBI.2025.73.1493.

⁸ Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 (ч. 1). – Ст. 6249.

ШИПОВ Максим Викторович

аспирант кафедры финансового права, Институт аспирантуры и докторантуры, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИСТЕМЫ ФИНАНСОВОГО МОНИТОРИНГА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРОБЛЕМАТИКА РЕГУЛИРОВАНИЯ

Цель исследования – анализ глубинной трансформации системы финансового мониторинга (далее – ПОД/ФТ/ФРОМУ) под воздействием цифровизации и выявление ключевых правовых проблем, возникающих в связи с внедрением новых технологий. Исследуется эволюция института от формального контроля к риск-ориентированной модели и его переход в цифровую плоскость. Методология включает сравнительно-правовой и системный анализ, а также изучение современной практики регулирования в России и ЕС.

Установлено, что цифровизация трансформирует финансовый мониторинг в проактивную систему упреждающего анализа больших данных на основе алгоритмов ИИ, что меняет саму механику реализации правовых норм. Однако это приводит к серьезным правовым коллизиям: отсутствию легальных дефиниций цифрового мониторинга, неопределенности статуса алгоритмических решений, размыванию ответственности и фрагментарности регулирования. Выявлен конфликт между публично-правовой природой мониторинга и коммерческими интересами частных субъектов.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, цифровизация, риск-ориентированный подход, большие данные, алгоритмическое регулирование, правовые проблемы, правовая неопределенность, Росфинмониторинг.

SHIPOV Maxim Viktorovich

postgraduate student of Financial law sub-faculty, Institute of Postgraduate and Doctoral Studies, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

TRANSFORMATION OF THE FINANCIAL MONITORING SYSTEM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: LEGAL FOUNDATIONS AND REGULATORY ISSUES

The purpose of the study is to analyze the profound transformation of the financial monitoring system (AML/CFT) under the influence of digitalization and identify the key legal issues arising from the introduction of new technologies. The study explores the evolution of the institution from formal control to a risk-oriented model and its transition to the digital realm. The methodology includes comparative legal and systemic analysis, as well as the study of current regulatory practices in Russia and EU.

It has been established that digitalization is transforming financial monitoring into a proactive system of proactive analysis of big data based on AI algorithms, which changes the very mechanics of implementing legal norms. However, this leads to serious legal conflicts: the lack of legal definitions for digital monitoring, the uncertainty of the status of algorithmic decisions, the blurring of responsibility, and the fragmentation of regulation. A conflict has been identified between the public law nature of monitoring and the commercial interests of private entities.

Keywords: financial monitoring, digitalization, risk-based approach, big data, algorithmic regulation, legal issues, sanctions risks, legal uncertainty, Rosfinmonitoring.

Эволюция системы финансового мониторинга как объекта правового регулирования

Финансовый мониторинг, как деятельность по контролю за финансовыми операциями с целью противодействия отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма, изначально был сугубо публичным институтом. Государство, по сути, закрепило за собой монополию на контроль за финансовыми потоками, чтобы перекрывать каналы отмывания денежных средств, финансирование терроризма.

Однако, по мере развития модели системы финансового мониторинга, она разделилась на два направления трансформации. Первое связано с отказом от универсального формального контроля за операциями, где каждая операция свыше N-ной суммы подлежала одинаково жесткому контролю. Данный контроль показал свою неэффективность. Основным недостаток заключался в большом объеме ложных срабатываний: под формальный контроль попадало слишком много операций. В результате контрольные механизмы работали с избыточной нагрузкой, что приводило к снижению эффективности и малому количеству действительно выявленных рискованных операций. Что с подвигло законодателя

и правоприменителя перейти к риск-ориентированной модели, основным отличием которой является выявления сфер, клиентов или транзакций, которые с высокой долей вероятности могут характеризоваться как противоправные.

Вторым направлением трансформации, можно выделить как передачу части контрольных функций от государства к частным структурам (в большинстве финансовым организациям, таких например как банки и операторы цифровых активов). По сути, государство переложило часть своих контрольных функций по выявлению подозрительных операции на частных лиц, которые при выявлении подозрительных операций обязаны фиксировать их и передавать соответствующие сообщения (информацию, документы и материалы) уполномоченным органам. Данный механизм можно назвать формированием новой модели, где частный сектор, по сути, становится частью системы государственного контроля. Внедрение данного механизма потребует от государства выполнения ряда конкретных шагов и повлечет за собой дополнительные финансовые издержки для обеспечения соответствия установленным нормам. Кроме того, существует вероятность того, что это может привести к ограни-

чению прав клиентов, действующих в рамках закона. Но все же он является ключевым элементом современной системы противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма (ПОД/ФТ/ФРОМУ), обеспечивая ее устойчивость за счет сочетания государственного и частного участия.

На ранних этапах развития системы ПОД/ФТ/ФРОМУ как российская, так и иностранная, выстраивались на базе жестких, единообразных процедур. Для всех клиентов и типов операций задавались единые показатели для контроля, применялись стандартные чек-листы, а любое отклонение от установленной нормы подлежало обязательной фиксации. В то же время законодательство в основном концентрировалось административных ограничений и инструкций для финансовых институтов. Не смотря на простоту данного подхода, он обладал серьезными недостатками такими как:

- трата ресурса со стороны бизнеса;
- создание неинформативных данных для регулятора;
- низкая эффективность в противодействии сложным схемам легализации доходов, поскольку лица, их использующие, со временем адаптировались к формальным ограничениям.

По своей сути, формальный контроль создавал скорее иллюзию полноты выявления нарушений, чем их реальное обнаружение, вследствие чего существенная часть действительно опасных операций могла оставаться вне контроля. С целью борьбы с данными проблемами и был инициирован глобальный переход к риск-ориентированному подходу (RBA), который стал качественным сдвигом в парадигме финансового мониторинга, произошедшим еще до наступления эпохи активной цифровизации.

Его суть, закрепленная в рекомендациях ФАТФ и национальных законодательствах, заключается отход от единого шаблона контроля в пользу гибкой системы, где интенсивность контроля прямо зависит от оценки риска, связанного с клиентом, операцией, продуктом или географическим фактором и каналом их осуществления.

Это потребовало от законодателя изменить акцент: вместо императивных предписаний «что делать» в центре правового регулирования оказались требования к созданию субъектами мониторинга внутренних систем оценки рисков, разработке собственных методик и принятию обоснованных решений. На наш взгляд, данная трансформация была революционной, поскольку она перенесла центр тяжести с внешнего административного диктата на внутреннюю, осмысленную аналитическую работу финансовых институтов. Законодательство стало задавать не алгоритм действий, а рамки для построения эффективной риск-ориентированной культуры.

Публично-правовая природа финансового мониторинга при этом не только сохранилась, но и приобрела новые черты. Государство, оставаясь единственным источником легитимного принуждения и конечным бенефициаром системы ПОД/ФТ/ФРОМУ, делегировало часть контрольных и аналитических функций частным коммерческим организациям – в первую очередь, кредитным.

Таким образом, банки и иные субъекты обязательного мониторинга были привлечены к выполнению задач публичного порядка, выступая, по сути, «первой линией обороны» финансовой системы.

Эта гибридная модель порождает правовую двойственность: кредитная организация действует в частноправовом поле, обслуживая клиентов, но одновременно наделяется публично-правовыми обязанностями по их идентификации,

оценке уровня риска, внутреннему контролю и представлению сведений, о подозрительных операциях уполномоченному государственному органу (Росфинмониторинга). По нашему убеждению, именно это сочетание частного интереса и публичной функции является ключевой особенностью и одновременно недостатком системы. С одной стороны, оно позволяет использовать ресурсы и клиентские данные частного сектора для общегосударственных целей, с другой – создает неизбежный конфликт интересов, где коммерческие цели банка (удержание клиента, рост оборотов) могут вступать в противоречие с его ролью контролера.

Цифровизация как фактор трансформации системы финансового мониторинга

Цифровизация финансового мониторинга представляет собой комплексный процесс внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (ПОД/ФТ/ФРОМУ).

Содержание данного процесса, как отмечает Д. А. Казанцев, «заключается не только в механической замене бумажных носителей электронными, но в фундаментальном пересмотре методологии контроля, основанном на непрерывном анализе больших массивов структурированных и неструктурированных данных в режиме, близком к реальному времени» [5]. Это трансформирует финансовый мониторинг из системы преимущественно последующего, выборочного контроля в систему упреждающего анализа рисков.

Ключевым элементом данной трансформации является использование автоматизированных и алгоритмических решений.

Современные системы, как подчеркивает В. А. Артемов, базируются на «технологиях больших данных, машинного обучения и искусственного интеллекта. Они позволяют выявлять сложные, неочевидные паттерны поведения, сетевые связи клиентов и аномальные операции, которые практически недоступны при ручном анализе» [2].

Алгоритмические модели, описанные в работах А. Ю. Проскуряков, способны «непрерывно обучаться на новых данных, адаптируя профили рисков и детектируя новые схемы отмывания денег» [6].

Однако, как справедливо указывает Д. В. Гордя, это порождает проблему «черного ящика», когда логика принятия решения алгоритмом может быть неочевидной даже для его разработчиков, что ставит вопросы о верифицируемости и потенциальной дискриминации [3].

Использование таких технологий кардинально меняет механизм реализации правовых норм в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ. Происходит переход от реализации норм через усмотрение должностного лица, основанное на его опыте и интуиции, к превалированию алгоритмических моделей.

Это явление, подробно изученное А. В. Зудиной, ведет к «формализации и стандартизации процедур контроля» [4]. Решение о том, является ли операция подозрительной, все чаще принимается не человеком, а программным комплексом на основе заданных параметров и исторических данных.

С одной стороны, это снижает субъективизм и повышает охват проверок, с другой – требует от законодателя и регулятора установления четких требований к таким алгоритмам, включая вопросы их валидации, корректности используемых данных и недопущения смещения.

Принципиальное отличие цифровизации финансового мониторинга как современного способа организации и осуществления контрольной деятельности от традиционных форм контроля заключается в его проактивности, масштабируемости и интегрированности.

Если традиционный контроль, по мнению А. А. Аникиец, был фрагментарным и реактивным, фокусируясь на отдельных сделках по формальным признакам, то «цифровой мониторинг стремится к построению целостного цифрового профиля клиента, анализируя его поведение в контексте тысяч взаимосвязанных параметров из разнородных источников» [1]. Это позволяет выявлять сложные многоступенчатые схемы.

Однако стремительное внедрение цифровых инструментов наталкивается на проблему фрагментарности нормативного регулирования.

Как отмечает В. В. Сериков, «правовое поле зачастую не успевает за технологическим развитием» [7]. Нормы, касающиеся использования искусственного интеллекта, больших данных, сквозной идентификации (например, на основе биометрии), регулируются разрозненными, а иногда и противоречащими друг другу актами в сфере информационной безопасности, защиты персональных данных, финансового и административного права.

С правовой точки зрения, цифровизация требует адекватной регуляторной базы. Европейский союз активно формирует такую базу через пакет специализированных нормативных актов.

Ключевыми из них являются:

- регламент о рынках криптоактивов, устанавливающий единые правила для эмиссии и предоставления услуг в криптосекторе ЕС;
- регламент о переводе средств, распространяющий действие «правил поездки» на провайдеров услуг с криптоактивами для повышения прослеживаемости транзакций;
- регламент об операционной устойчивости в цифровой сфере, задающий жесткие стандарты управления ИКТ-рисками для финансовых организаций.

Все эти законы и правила вместе формируют такую правовую базу, которая одновременно разрешает и регулирует, как цифровые технологии могут использоваться в финансах и при их контроле.

Вывод

Институт финансового мониторинга прошел путь изменений от малоэффективной системы универсального формального контроля к более гибкой модели, основанной на оценке рисков. Законодательство также претерпело изменения, которые выражаются не в отказе от жестко предписанных правил, а в дополнение их обязательствами, возлагающимися на финансовые организации по разработке собственных систем оценки рисков в рамках, установленных законом, а также закрепление за государством функций по надзору. Однако государство передало часть операций частному сектору, что вызывает конфликт интересов: банки, хотя больше денег, но им также нужно выполнять свои обязанности перед государством и гражданами.

Дополнительным стимулом к трансформации выступила цифровизация, которая постепенно переводит финансовый мониторинг из режима реагирования постфактум в превентивную логику, опирающуюся на анализ больших данных. Внедрение технологий искусственного интеллекта и машинного обучения, в свою очередь, меняет сам характер

правоприменения: часть решений делегируется от человека алгоритму. Однако правовая база в этой сфере отстает от технологического развития, что порождает комплекс пока не решенных проблем. Среди них – отсутствие в специальном законодательстве легальных дефиниций цифровых инструментов, используемых в практике финансового мониторинга, а также неопределенность правового статуса алгоритмов, применяемых при оценке рисков, размытость ответственности при автоматизированном принятии решений, а также фрагментарность регулирования на разных уровнях.

Становится очевидным, что существующее правовое регулирование нуждается в кардинальном пересмотре. Чтобы устранить несоответствие между стремительным развитием технологий и устаревшими законами, необходим не косметический ремонт, а комплексное решение. Это включает в себя: разработку новой терминологии для цифровых технологий, принятие основополагающего закона о цифровом контроле, а также установление ясных правил для алгоритмов и распределения ответственности. Только создание единой правовой системы, объединяющей нормы финансового, информационного и административного права, сможет гарантировать эффективную борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма в цифровую эпоху, обеспечивая при этом правовую ясность.

Пристатейный библиографический список

1. Аникиец А. А. Развитие механизмов финансового обеспечения деятельности профессиональных образовательных организаций: дис. ... канд. наук. – Самара, 2024. – 190 с.
2. Артемов В. А. Трансформация системы финансирования социальной сферы: вопросы методологии и методики: дис. ... докт. наук. – Орел, 2024. – 406 с.
3. Гордя Д. В. Формирование системы мониторинга и прогнозирования банковских рисков под влиянием развития цифровых технологий: дис. ... канд. наук. – Орел, 2024. – 190 с.
4. Зудина А. В. Кросс-секторальная модель банковского надзора за деятельностью банковских групп в России: дис. ... канд. наук. – М., 2024. – 189 с.
5. Казанцев Д. А. Трансформация механизма мониторинга противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма в условиях цифровизации экономики: дис. ... канд. наук. – М., 2024. – 314 с.
6. Проскуряков А. Ю. Математические методы и информационные технологии управления торговыми операциями с цифровыми валютами: дис. ... докт. наук. – М., 2024. – 258 с.
7. Сериков В. В. Развитие системы внутреннего контроля на основе мониторинга непрерывности деятельности экономического субъекта: дис. ... канд. наук. – Ставрополь, 2024. – 288 с.

ЗЕМСКОВ Дмитрий Олегович

аспирант кафедры гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ ОБ ОХРАНЕ ТОПОЛОГИЙ ИНТЕГРАЛЬНЫХ МИКРОСХЕМ

Интегральные микросхемы, без которых невозможно представить современное общество, стали частью человеческой жизни относительно недавно – во второй половине XX века. При том специальное законодательство, регулирующее правовую охрану результатов интеллектуальной деятельности разработчиков микроэлектроники, возникло еще позже, в восьмидесятые годы XX века. Первым государством, принявшим подобный нормативный правовой акт, являются Соединенные Штаты Америки, где в 1984 г. вступил в силу Закон об охране полупроводниковых чипов, который оказал значительное влияние на принимавшиеся в дальнейшем законы прочих стран, однако все же говорить о всемирной унификации правовых норм, регулирующих общественные отношения в области создания и охраны топологий интегральных микросхем, не приходится. Национальное законодательство каждой отдельной страны обладает теми или иными особенностями, некоторые из которых могут быть в том числе учтены при совершенствовании отечественного законодательства. В рамках данной статьи были изучены и проанализированы нормативно-правовые акты двадцати пяти иностранных государств.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, топология интегральной микросхемы, исключительное право, условие охраноспособности, государственная регистрация.

ZEMSKOV Dmitry Olegovich

postgraduate student of Civil law sub-faculty, Saratov State Law Academy

COMPARATIVE ANALYSIS OF FOREIGN LEGISLATION, THAT PROVIDES PROTECTION TO THE TOPOGRAPHIES OF THE INTEGRATED CIRCUITS

Integrated circuits, without which it is impossible to imagine modern society, have become a part of human life relatively recently – in the second half of the 20th century. Moreover, special legislation regulating the legal protection of the results of intellectual activity of microelectronics developers arose even later, in the eighties of the XX century. The first State to adopt such a regulatory legal act is the United States of America, where in 1984 The Law on the Protection of Semiconductor Chips came into force, which had a significant impact on the laws of other countries that were subsequently adopted, but still there is no need to talk about the worldwide unification of legal norms governing public relations in the field of the creation and protection of integrated circuit topologies. The national legislation of each individual country has certain features, some of which can be taken into account, among other things, when improving domestic legislation. Within the framework of this article, the regulatory legal acts of twenty-five foreign countries were studied and analyzed.

Keywords: intellectual property, integrated circuit topology, exclusive right, protection condition, state registration.

Специальное законодательство об охране топологий интегральных микросхем (далее также – топологии) возникло в рамках множественных дискуссий о том, какой правовой режим охраны может быть использован по отношению к данному результату интеллектуальной деятельности [7]. Топологии не могут быть отнесены ни к объектам патентно-правовой охраны, поскольку не соответствуют условиям охраноспособности таких объектов, ни к объектам авторского права ввиду своей научно-технической природы [5, с. 14], вследствие чего большинство государств разработало специальные режимы охраны топологий, представляющие собой сочетание элементов патентно-правовой и авторско-правовой охраны.

Начать сопоставление законодательства, в соответствии с которым топологиям (иностранное законодательство может также применять термины «топография», «рабочий шаблон», «макет» или «макет-дизайн») предоставляется правовая охрана, необходимо с определения объекта охраны. Большинство изученных нормативно-правовых актов определяет топологию как серию взаимосвязанных изображений, описывающих строение интегральной микросхемы. Например, в ст. 901 Закона об охране полупроводниковых чипов 1984 г. (США) содержится следующая дефиниция: «рабочий шаблон полупроводникового чипа – это серия взаимосвязанных изображений, закрепленных на бумажном

носителе или представленных в виде программного кода, которые в своей совокупности описывают predetermined трехмерное строение металлического, изоляционного или полупроводникового материалов, присутствующих или удаляемых из слоев полупроводникового чипа¹». В ст. 2 Закона об охране топографий интегральных микросхем 2004 г. (Турция) под топографией интегральной микросхемы также понимают серию изображений, предназначенных для производства и закрепленных в любой доступной форме, в совокупности демонстрирующих трехмерную компоновку слоев, составляющих интегральную микросхему на различных этапах ее изготовления². Консолидированный Закон Об охране

1 The United States Code, Title 17, Chapter 9 – Protection of semiconductor chip products; Semiconductor Chip Protection Act of 1984, 17 U.S.C. §§ 901-914 // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/3927> (дата обращения: 22.02.2026).

2 Law № 5147 on the Protection of Integrated Circuit Topographies, Türkiye // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22521> (дата обращения: 22.02.2026).

топографий полупроводниковых продуктов 1987 г. (Дания) определяет топографию как серию взаимосвязанных изображений, закрепленных на бумажном носителе или в виде цифрового кода, которые в своей совокупности дают представление о трехмерной структуре полупроводникового продукта или его отдельных частей на любой стадии производства³. На территории Европейского Союза действует Директива Совета Европейского Союза 87/54/ЕЭС о правовой охране топографий полупроводниковых продуктов, в соответствии с которой под топографией понимается серия взаимосвязанных изображений, закрепленных на бумажном носителе или в виде цифрового кода, в совокупности отражающая строение слоев, составляющих полупроводниковый продукт или его часть на любом из этапов его производства⁴. Схожим образом выглядят определения топологии интегральной микросхемы, содержащиеся в нормативно-правовых актах Италии, Испании, Нидерландов, Греции, Чехии, Бельгии, Бразилии. Национальные законы Франции и Швеции не содержат собственных определений топологии, однако ввиду членства данных государств в Европейском Союзе, скорее всего ими применяется дефиниция, указанная в Директиве 87/54/ЕЭС.

Законодательство отдельных государств также может использовать термин «изображение» при определении топологии, однако объединить данные дефиниции в некую единообразную группу невозможно. К примеру, ст. 2 Правил о праве на дизайн (топографию полупроводникового продукта) 1989 г. (Великобритания) содержит следующую дефиницию: «топография полупроводникового продукта – это рисунок, каким бы образом он ни был выражен, изображающий взаимное расположение элементов и слоев полупроводникового продукта и предназначенный для производства такого продукта»⁵. Австралийский Закон о макетах микросхем 1989 г. в ст. 5 определяет макет интегральной микросхемы как закрепленное в любой материальной форме изображение расположения активных и пассивных элементов микросхемы, а также связующих их проводов⁶. Схожее определение приводится и в ст. 2 Закона о топографиях интегральных микросхем 1990 г. (Канада), в соответствии с которой топография

– это изображение, выраженное в любой доступной форме, отражающее строение элементов и взаимосвязей между такими элементами в структуре интегральной микросхемы⁷.

В определениях топологий в иных нормативных правовых актах не используется термин «изображение». Так, в ст. 1 Закона об охране топографий полупроводниковых микроэлектронных изделий 1988 г. (Австрия) топография определяется как трехмерная структура микроэлектронных полупроводниковых изделий⁸. В ст. 1 Закона об интегральных микросхемах 1999 г. (Израиль) макет-дизайн интегральной микросхемы представляется как трехмерная композиция интегральной микросхемы, предназначенная для ее изготовления, выраженная любым доступным образом⁹. Помимо указанных примеров, термин «изображение» не используется также в законодательстве таких государств, как Польша, Эстония, Индия, Япония, Китай, Южная Корея, Южно-Африканская Республика (ЮАР). Отсутствует термин «изображение» и в определении, предусмотренном в п. 1 ст. 1448 ГК РФ, согласно которому под топологией понимается зафиксированное на материальном носителе пространственно-геометрическое расположение совокупности элементов интегральной микросхемы и связей между ними¹⁰. Важно отметить, что нормы гл. 74 ГК РФ, посвященной правовому режиму охраны топологий, не содержат указаний на то, что следует понимать под материальным носителем, на котором закрепляется топология. Так, В. И. Еременко, анализируя данную норму, отмечает, что в качестве материального носителя могут использоваться бумага, прозрачная полимерная пленка, магнитные или оптические диски, а также непосредственно кристалл интегральной микросхемы [4, с. 5]. В свою очередь А. В. Мостовщиков и А. Ю. Чурилов считают, что отсутствие в определении топологии указания на характер материального носителя влечет за собой неопределенность отечественной дефиниции касательно того, что именно следует считать топологией: проектную документацию (чертежи микросхемы), готовое изделие, в котором воспроизведено охраняемое пространственно-геометрическое расположение элементов микросхемы, или же и то, и другое одновременно [1, с. 61]. Представляется, что использованные в рассмотренных ранее иностранных определениях термины «изображение» и указания на форму закрепления таких изображений на бумажном носителе или в виде цифрового кода, дают более точное представление о сущности топологии, поскольку установить

3 The Consolidate Act № 92 on the Protection of the Topographies of Semiconductor Products, Denmark // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/18693> (дата обращения: 22.02.2026).

4 Council Directive of 16 December 1986 on the legal protection of topographies of semiconductor products, European Union (EU) (87/54/EEC) // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/1410> (дата обращения: 22.02.2026).

5 The Design Right (Semiconductor Topographies) Regulations 1989, United Kingdom // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/1693> (дата обращения: 22.02.2026).

6 Circuit Layouts Act 1989 (consolidated as of October 12, 2012), Australia // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/15646> (дата обращения: 22.02.2026).

7 Integrated Circuit Topography Act, Canada (S.C. 1990, с. 37, amended up to June 1, 2001) // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/15594> (дата обращения: 22.02.2026).

8 Law on the Protection of Topographies of Microelectronic Semiconductors Products 1988, Austria // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/18231> (дата обращения: 22.02.2026).

9 Integrated Circuits (Protection) Law, 5760-1999, Israel // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/2386> (дата обращения: 22.02.2026).

10 Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 4) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 04.01.2026; с изм. и доп. от 23.07.2025) // Российская газета. 2006. 22 дек.; 2025. 30 июля.

конкретные характеристики охраняемого пространственно-геометрического расположения элементов микросхемы по готовому изделию зачастую возможно лишь при помощи специального оборудования, тогда как изображения и техническая документация доступны восприятию без применения дополнительных средств.

Если же говорить о конкретных условиях предоставления топологиям правовой охраны, то изученные нормативные правовые акты можно подразделить на три группы по критерию юридического значения государственной регистрации данного результата интеллектуальной деятельности: с обязательной регистрацией, с добровольной регистрацией и без регистрации. Важно отметить, что отнесение национальных законов к разным группам в рамках данной классификации не означает, что правовые режимы охраны топологий в соответствующих государствах не имеют идентичных или схожих элементов. Так, условие охраноспособности топологии интегральной микросхемы определяется идентичным образом как в законодательстве государств с обязательной регистрацией данного охраняемого результата интеллектуальной деятельности, так и в законодательстве стран, относящихся к двум другим группам. К примеру, в соответствии со ст. 4 Положения об охране макетов-дизайнов интегральных микросхем 2000 г. (Китай), правовая охрана предоставляется только оригинальным макетам-дизайнам, при этом оригинальным считается макет-дизайн, являющийся результатом интеллектуальной деятельности автора и не известный на дату создания в среде разработчиков макетов-дизайнов и производителей интегральных микросхем, а также макет-дизайн, который хоть и состоит из известных в указанной отрасли элементов и частей, но представляет собой комбинацию таких компонентов, которая в целом отвечает описанному ранее требованию¹¹. Аналогичные положения с незначительными отличиями содержатся и в исследованном законодательстве прочих государств, в том числе и России. Так, в соответствии с абз. 1 п. 2 ст. 1448 ГК РФ, правовая охрана распространяется только на оригинальную топологию, созданную в результате творческой деятельности автора и не известную автору и (или) специалистам в области разработки топологий на дату ее создания, при том, топология признается оригинальной пока не доказано обратное. Важно отметить, что учеными справедливо критикуется использование в указанном положении союза «или», присутствие которого позволяет считать топологию оригинальной в случае, если топология известна автору, но не известна специалистам в области разработки топологий, или неизвестна автору, но известна специалистам [2, с. 4], [3, с. 5], однако указанный союз из текста п. 2 ст. 1448 ГК РФ не исключен и по сей день.

Другим общим признаком законодательства большинства государств, относящихся ко всем указанным группам, можно назвать также и предоставление правовой охраны иностранным топологиям на основании принципа взаимности, международных договоров или членства в той или иной межгосударственной организации. К примеру, в соответствии с п. (2) ст. 902 Президент США имеет право своим ука-

зом предоставить правовую охрану иностранным топологиям, при условии, что государства, где такие топологии были разработаны, предоставляют равноценную охрану топологиям США на своей территории, в первый и последний раз данное право Президента США было применено в Указе 6780 об имплементации определенных положений Торговых Соглашений по итогам многосторонних переговоров в Уругвае и об иных вопросах 1995 г., в соответствии с которым начиная с 1 января 1996 г. режим национальной охраны топологий интегральных микросхем предоставлялся всем настоящим и будущим государствам-участникам ВТО, поскольку участие в данной организации предполагает подписание Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС). Для стран континентальной Европы свойственно предоставлять правовую охрану топологиям, созданным или введенным в гражданский оборот на территории любого государства, состоящего в Европейском Союзе (например, такое положение содержится в ст. 3 Закона Испании о правовой охране топографий полупроводниковых изделий 1988 г.¹²), некоторые государства также предоставляют такую охрану топологиям, принадлежащим лицам, которые проживают или зарегистрированы в государстве, состоящем во Всемирной Торговой Организации (например, в соответствии со ст. 6 Закона Чехии об охране топографий полупроводниковых продуктов 1991 г.¹³, правовая охрана предоставляется как гражданам Чешской Республики, так и физическим или юридическим лицам, проживающим или зарегистрированным на территории государства, состоящего во Всемирной Торговой Организации) и т.д.

Итак, к первой группе относится законодательство государств, в которых государственная регистрация является обязательным условием для предоставления правовой охраны (Германия, Италия, Испания, Финляндия, Нидерланды, Австрия, Турция, Дания, Греция, Чехия, Франция, Эстония, Индия, Япония, Китай, Южная Корея, Канада, Бразилия, ЮАР и США). Правило об обязательности регистрации может формулироваться различным образом. Например, ст. 3 Закона о защите полупроводников 1987 г. (Германия) гласит: «Заявки на регистрацию топографий, для которых запрашивается правовая защита, должны быть поданы в письменной форме в Патентное ведомство»¹⁴.

В свою очередь, в соответствии со ст. 7 Закона об охране топологий микросхем 1998 г. (Эстония), правовая охрана пре-

12 Law № 11/1988 of May 3, 1988, on the Legal Protection of Topographies of Semiconductor Products (as amended up to Law № 39/2010 of December 22, 2010), Spain // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/11802> (дата обращения: 23.02.2026).

13 Act № 529 /1991 Coll., of December 3, 1991, on the Protection of Topographies of Semiconductor Products (amended up to Act № 261/2021 Coll.), Czech Republic // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22334> (дата обращения: 23.02.2026).

14 Act on the Protection of Topographies of Microelectronic Semiconductor Products, Germany // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21841> (дата обращения: 23.02.2026).

11 Regulations on the Protection of Layout-Designs of Integrated Circuits, China // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/842> (дата обращения: 23.02.2026).

доставляется топологии на основании ее регистрации в соответствии с положениями указанного закона¹⁵. В то же время, ст. 9 Указа Президента Греции о правовой охране полупроводниковых продуктов в соответствии с Директивой Совета ЕЭС 87/54/ЕЭС от 16.12.1986 г. с дополнениями, внесенными Директивой 87/532/ЕЭС и Директивой 88/311/ЕЭС, устанавливает обязанность правообладателя топографии подать заявку на ее регистрацию в течение двух лет, исчисляемых с даты первого коммерческого использования, несоблюдение которой влечет за собой невозможность регистрации топографии и возникновения исключительного права на нее¹⁶.

Как бы ни были сформулированы соответствующие нормы, для законодательства всех перечисленных в данном абзаце государств верно следующее утверждение: незарегистрированная топология интегральной микросхемы не подлежит правовой охране, на нее не возникает исключительное право.

Особое место в данной группе государств занимают США. Так, в соответствии со ст. 908 Закона об охране полупроводниковых чипов 1984 г., правообладатель рабочего шаблона интегральной микросхемы вправе по своему усмотрению зарегистрировать его в Реестре авторских прав США, при этом, несмотря на характеристику регистрации как права, а не обязанности, действие исключительного права на рабочий шаблон прекращается по истечении двух лет с даты первого коммерческого использования, если в течение указанного срока не была подана заявка на ее регистрацию. Говоря иначе, десятилетний срок правовой охраны топологии применяется только при условии ее государственной регистрации.

Срок действия исключительного права на топологию в государствах с обязательной регистрацией исчисляется с одной из двух дат: даты подачи заявки на регистрацию топологии или даты ее первого коммерческого использования, в случае если оно предшествовало подаче заявки на регистрацию. Так, в соответствии со ст. L622-6 Кодекса Интеллектуальной Собственности 1992 г. (Франция), исключительное право на топографию считается действующим с даты подачи правообладателем заявки и установленного пакета документов, прилагаемого к такой заявке, на регистрацию топографии или с даты ее первого коммерческого использования, в случае, если такое использование имело место раньше, чем обращение за регистрацией, прекращается действие исключительного права по истечении десяти лет, исчисляемых с даты, когда такое право начало действовать¹⁷. Аналогичные

формулировки приведены в нормативно-правовых актах большинства государств, где регистрация топологий является обязательной. Исключением из данного правила можно назвать Закон о макете-дизайне полупроводниковой интегральной микросхемы 1985 г. (Япония), в соответствии со ст. 10 которого, исключительное право на макет-дизайн возникает в дату регистрации такого макета-дизайна и действует до истечения десятилетнего срока, исчисляемого с указанной даты¹⁸.

Законодательство большинства государств данной группы также содержит положения о сроках, по истечении которых регистрация топологии становится невозможной. Например, в соответствии со ст. 5 Закона об охране топографий полупроводниковых продуктов 1991 г. (Чехия), право на подачу заявки на регистрацию топографии, которая никогда не была коммерчески использована, прекращается по истечении пятнадцати лет, исчисляемых с даты ее создания, а ст. 13 Закона о правовом регулировании охраны оригинальных топографических дизайнов полупроводниковых продуктов 1987 г. (Нидерланды) дополнительно закрепляет требование о подаче заявки на регистрацию строго в течение двух лет, исчисляемых с даты первого коммерческого использования топографии, если такое событие предшествовало подаче заявки на регистрацию¹⁹.

Ни одно из государств, в соответствии с законодательством которых регистрация топологий интегральных микросхем является обязательной для предоставления им правовой охраны, не осуществляет проверки регистрируемых топологий на предмет их соответствия описанному ранее условию оригинальности. В нормативно-правовые акты данных стран были включены положения о возможности заинтересованного лица предоставить возражение против заявки на регистрацию топологии или решения о ее регистрации. К примеру, в ст. 21 и 22 Закона об исключительных правах на макет-дизайн (топографию) интегральной микросхемы 1991 г. (Финляндия) предусмотрена возможность перевода заявки на регистрацию макета-дизайна на имя иного лица на основании судебного решения, если такое лицо в суде докажет, что именно ему в соответствии с указанным законом принадлежит право на подачу такой заявки, тогда как в случае несоответствия макета-дизайна требованию оригинальности, решение о ее регистрации может быть отменено регистрирующим органом на основании заявления любого заинтересованного лица (ст. 25-27)²⁰. Лишь одно государство данной

15 Layout-Designs of Integrated Circuits Protection Act (consolidated text of August 31, 2023), Estonia // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22108> (дата обращения: 23.02.2026)

16 Presidential Decree № 45/1991 Legal Protection of Topographies of Semiconductor Products in Compliance with Council Directive 87/54/EEC of 16 December 1986 as supplemented by Decisions 87/532/EEC and 88/311/EEC, Greece // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/8696> (дата обращения: 23.02.2026).

17 Intellectual Property Code, France (consolidated version as of March 13, 2025) // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/23227> (дата обращения: 23.02.2026).

18 Act № 43 of 1985 on the Circuit Layout of a Semiconductor Integrated Circuits, Japan // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22497> (дата обращения: 23.02.2026).

19 Act of October 28, 1987, Containing Regulations for the Protection of Original Topographical Designs for Semi-Conductor Products, Netherlands // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/3192> (дата обращения: 23.02.2026).

20 Act № 32/1991 on Exclusive Rights to Layout-Designs (Topographies) of Integrated Circuits, Finland // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим до-

группы не предусмотрело подобных положений в своем национальном законодательстве – США.

Выделяются на фоне прочих государств, в которых регистрация является обязательным условием для предоставления охраны топологиям, такие страны, как Индия, Южная Корея и Бразилия, поскольку законодательство данных государств содержит оговорку о возможности независимого создания топологии, идентичной уже существующей. Так, в соответствии со ст. 9 Закона о макете-дизайне полупроводниковой интегральной микросхемы 1992 г. (Южная Корея), создание третьим лицом в результате независимого труда макета-дизайна, идентичного иному охраняемому макету-дизайну, не является нарушением исключительного права на макет-дизайн, созданный ранее²¹. Идентичные нормы содержатся в ст. 18 Закона о макетах-дизайнах полупроводниковых интегральных микросхем 2000 г. (Индия)²² и ст. 37 Закона о топографиях интегральных микросхем 2007 г. (Бразилия)²³.

Среди исследованных иностранных нормативно-правовых актов об охране топологий лишь национальный закон Польши предусматривает процедуру государственной регистрации топологии на добровольной основе. Срок действия исключительного права на топологию в данном случае также исчисляется либо с даты подачи заявки на ее регистрацию, либо с даты, когда топология была впервые коммерчески использована. Так, ст. 220 Закона о промышленной собственности 2000 г. (Польша) предусматривает десятилетний срок охраны топографий, исчисление которого ведется с конца календарного года, в течение которого имела место подача заявки на регистрацию топографии или ее первое коммерческое использование, в зависимости от того, какое из указанных событий наступило раньше²⁴. Как уже упоминалось, условие охраноспособности топологии характеризуется идентично приведенному ранее определению, однако в отличие от законодательства государств, в которых регистрация является обязательным условием предоставления охраны, указанный нормативно-правовой акт Польши не содержит норм, пред-

усматривающих возможность подачи возражений против регистрации топологии.

Стоит отметить, что ст. 219 Закона о промышленной собственности 2000 г. (Польша) также содержит оговорку, согласно которой независимое создание третьим лицом топографии, идентичной уже существующей и охраняемой топографии, не является нарушением исключительного права на такую охраняемую топографию.

Наконец, в третью группу входят государства, законодательство которых не предусматривает возможности регистрации топологий интегральных микросхем в принципе (Великобритания, Норвегия, Швеция, Бельгия, Израиль и Австралия). Срок действия исключительного права на топологию в таких государствах, по очевидным причинам, не может исчисляться ни с даты подачи заявки на регистрацию, ни с непосредственной даты регистрации охраняемого решения. Так, в соответствии со ст. XI. 327 Кодекса экономического (хозяйственного) права 2013 г. (Бельгия), исключительное право на топографию возникает в момент ее создания, под которым понимается закрепление на бумажном носителе или в виде цифрового кода, и продолжает действовать до истечения десятилетнего срока, исчисляемого с конца календарного года, когда имело место первое коммерческое использование такой топографии, а если топография никогда не использовалась, то исключительное право прекращает действовать по истечении пятнадцати лет с конца календарного года, когда имело место создание топографии²⁵. Аналогичные правила содержатся в ст. 5 Закона об охране топографий интегральных микросхем 1990 г. (Норвегия)²⁶ и ст. 4 Закона об охране топографий полупроводниковых продуктов 1992 г. (Швеция)²⁷.

Выделяются на фоне прочих государств, в которых регистрация топологий не предусматривается, такие страны, как Израиль и Австралия. Во-первых, несмотря на то, что по общему правилу в Израиле макеты-дизайны интегральных микросхем не подлежат государственной регистрации, они могут быть зарегистрированы в Патентном Ведомстве Израиля как изобретения с применением к ним положений Закона о патентах, *mutatis mutandis*, в случае если министром обороны Израиля будет принято решение о необходимости использования такого результата интеллектуальной деятельности в государственных целях. Во-вторых, законодательство данных государств содержит нормы о сроке действия исключительного права на топологию, отличающиеся от указанных выше. Так, в соответствии со ст. 9 Закона о инте-

ступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/17892> (дата обращения: 23.02.2026).

21 Act on the Layout-Design of Semiconductor Integrated Circuits (Act No 4526 of December 8, 1992, as amended up to Act No 13150 of February 3, 2015), Republic of Korea // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/15605> (дата обращения: 23.02.2026).

22 The Semiconductor Integrated Circuits Layout-Design Act, 2000, India // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/2392> (дата обращения: 23.02.2026).

23 Law on Integrated Circuit Topographies No 11.484 of May 31, 2007, Brazil // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/21411> (дата обращения: 23.02.2026).

24 Act of June 30, 2000, on Industrial Property (amended up to Act of March 9, 2023), Poland // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22308> (дата обращения: 23.02.2026).

25 Code of Economic Law, Belgium // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22717> (дата обращения: 23.02.2026).

26 Act No 27 of June 15, 1990, relating to the Protection of Topographies for Integrated Circuits, Norway // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22550> (дата обращения: 23.02.2026).

27 Act (1992:1685) on the Protection of Topographies for Semiconductor Products, Sweden // Официальный портал Всемирной организации интеллектуальной собственности – WIPO Lex (всемирный фонд правовой информации в области интеллектуальной собственности). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/22761> (дата обращения: 23.02.2026).

гральных микросхемах 1999 г. (Израиль), исключительное право на макет-дизайн также возникает в дату ее создания, но прекращается в наиболее раннюю из двух возможных дат: по истечении десяти лет со дня первого коммерческого использования, или по истечении пятнадцати лет со дня создания. То есть в данном случае исключительное право на топологию перестает действовать по истечении пятнадцати лет со дня ее создания, независимо от того, истекли ли десять лет, исчисляемые с даты первого использования топологии, тогда как в иных нормативных правовых актах данной группы пятнадцатилетний срок действия применяется лишь в случае, если топология не использовалась. В свою очередь ст. 5 Закона о макетах микросхем 1989 г. (Австралия) устанавливает следующее правило: исключительное право все также возникает в дату создания макета микросхемы, в случае если макет микросхемы коммерчески не использовался, то такое право действует до истечения десятилетнего срока с конца календарного года, в течение которого имело место создание макета, а в случае, если в течение этого десятилетнего срока макет микросхемы коммерчески использовался, то исключительное право будет действовать до истечения десяти лет с конца года, в течение которого макет микросхемы был впервые использован. В данном случае сокращен срок действия исключительного права на топологию, если она не использовалась, с пятнадцати лет до десяти. В-третьих, ст. 7 Закона о интегральных микросхемах 1999 г. (Израиль) содержит оговорку об отсутствии нарушения исключительного права на макет-дизайн в результате независимого создания третьим лицом идентичного макета-дизайна.

В рамках описанной классификации Россию можно отнести к группе государств, законодательство которых предусматривает добровольную регистрацию топологий интегральных микросхем. Так, п. 1 ст. 1452 ГК РФ предоставляет правообладателю топологии право по своему усмотрению подать заявку на регистрацию такой топологии, ограничивая срок ее подачи двумя годами с даты первого коммерческого использования, если такое использование предшествовало обращению в Роспатент. Статья 1457 ГК РФ предполагает исчисление десятилетнего срока действия исключительного права на топологию либо с даты ее регистрации в Роспатенте, либо с даты ее первого коммерческого использования, в зависимости от того, какое из событий произошло раньше. При этом, в отличие не только от большинства иностранных государств, но и от особо выделенных в рамках своих групп Южной Кореи, Индии, Бразилии, Польши и Израиля, российское законодательство содержит не просто оговорку об отсутствии нарушения исключительного права на топологию в результате независимого создания идентичной топологии третьим лицом, но и в соответствии с п. 3 ст. 1454 предоставляет такому третьему лицу самостоятельное исключительное право на эту топологию, действие которого прекращается одновременно с действием исключительного права на топологию, созданную ранее (п. 3 ст. 1457 ГК РФ). Возможность сосуществования нескольких независимых правообладателей существенно ограничивает исключительное право на топологию [6, с. 217], и порождает проблемы при осуществлении и защите исключительного права. Более разумным представляется подход упомянутых зарубежных стран, в соответствии с которым независимое создание третьим лицом топологии, идентичной уже существующему решению, лишь не признается нарушением исключительного права на разработанную ранее топологию.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что особые режимы охраны топологий представляют собой сочетания традиционных режимов патентного и авторского права в различных пропорциях, что и обуславливает как указанные отличия, так и сходство между отечественным и зарубежным законодательством о топологиях. Исследование зарубежного законодательного опыта позволяет более глубоко осмыслить недостатки отечественного режима охраны топологий и предложить возможные варианты их устранения.

Пристатейный библиографический список

1. Мостовщиков А. В., Чурилов А. Ю. Топологии интегральных микросхем: особенности правового режима. - М.: Юстицинформ, 2025. - 104 с.
2. Гаврилов Э. П. Понятие топологии интегральной микросхемы // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2008. - № 5. - С. 2-6.
3. Еременко В. И. Особенности правовой охраны топологий интегральных микросхем в Российской Федерации // Законодательство и экономика. - 2012. - № 3. - С. 21-40.
4. Еременко В. И. Понятие топологии интегральной микросхемы и исключительное право на топологию // Изобретательство. - 2010. - Т. 10. № 8. - С. 1-14.
5. Мухамедшин И. С., Тыцкая Г. И. Объекты интеллектуальных прав, охраняемые *sui generis* // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. - 2015. - № 6. - С. 14-17.
6. Чурилов А. Ю., Мостовщиков А. В. Проблемы правовой охраны топологии интегральных микросхем // Вестник Томского государственного университета. - 2023. - № 490. - С. 212-219.
7. Корнеев В. А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав: дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2010. - С. 31.

ЗУБКОВА Мария Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Институт права, Самарский государственный экономический университет

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ ЭКОНОМИКИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ И ДРУГИХ СТРАН

Онлайн-платформы и их цифровые экосистемы лежат в основе цифровой платформенной экономики. Цифровые данные стали важнейшим и ценным экономическим ресурсом в цифровом мире. Поскольку онлайн-платформы и цифровые данные появились сравнительно недавно, их правовое регулирование всё ещё находится в зачаточном состоянии. Принимая во внимание автономность и независимость поставщиков цифровых платформ и необходимость защиты интересов пользователей-поставщиков товаров, представляется необходимым повышение прозрачности и справедливости определенных цифровых платформ путем назначения определенных поставщиков цифровых платформ, раскрытия условий предоставления услуг определенными поставщиками цифровых платформ, оценки прозрачности и справедливости определенных цифровых платформ и принятия других мер, а также содействие улучшению жизни населения и устойчивому развитию национальной экономики путем поощрения честной и свободной конкуренции в отношении определенных цифровых платформ, чему и способствует совершенствование правового регулирования данной сферы отношений.

Ключевые слова: цифровая экономика, онлайн платформы, правовое регулирование платформенной экономики, оператор цифровой платформы.

ZUBKOVA Mariya Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

STATE REGULATION OF THE PLATFORM ECONOMY: COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND FOREIGN LEGISLATION

Online platforms and their digital ecosystems underpin the digital platform economy. Digital data has become an essential and valuable economic resource in the digital world. Since online platforms and digital data have appeared relatively recently, their legal regulation is still in its infancy. Taking into account the autonomy and independence of digital platform providers and the need to protect the interests of users who supply goods, it seems necessary to increase the transparency and fairness of certain digital platforms by appointing certain digital platform providers, disclosing the terms of service of certain digital platform providers, evaluating the transparency and fairness of certain digital platforms, and taking other measures, as well as contributing to improving the lives of the population and the sustainable development of the national economy by encouraging fair and free competition in relation to certain digital platforms, which is facilitated by improving the legal regulation of this area of relations.

Keywords: digital economy, online platforms, legal regulation of the platform economy, digital platform operator.

Цифровая политика в настоящее время является одним из самых амбициозных и перспективных направлений регулирования цифровой экономики. Онлайн-платформы на многосторонних рынках с цифровыми экосистемами лежат в основе цифровых технологий и бизнес-моделей. Цифровая трансформация не только создаёт огромные преимущества, но и создаёт ряд серьёзных проблем для общества из-за своего разрушительного воздействия на экономические структуры [5].

Современные цифровые технологии способствуют формированию новых реалий для человека, общества и государства. С одной стороны, они открывают новые возможности, с другой - эти возможности сопровождаются новыми серьёзными угрозами и рисками, как для человека, так и для бизнеса и для государства. Формирующаяся новая модель экономического взаимодействия порождает и новые риски и угрозы [2].

Как отмечается в литературе «... платформенная экономика - это новая экономическая парадигма, движущей силой которой являются цифровые платформы, выступающие в качестве посредников, соединяя различных пользователей посредством использования цифровых технологий» [1].

Но, поскольку онлайн-платформы и цифровые данные появились сравнительно недавно, правовое регулирование цифровой экономики все еще находится на начальной стадии.

1 октября 2026 года вступит силу Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирова-

ния платформенной экономики в Российской Федерации»¹, целью которого является создание безопасной цифровой среды на цифровых платформах, которая бы дала возможность повысить уровень доступности товаров, работ, услуг, способствовала бы росту предпринимательства и конкуренции. Принятие данного закона было также продиктовано необходимостью формирования правовых, экономических и организационных условий развития и функционирования цифровых платформ, а также потребностью в балансе экономических интересов хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в сфере платформенной экономики, и повышении доступности осуществления торговой деятельности для хозяйствующих субъектов.

Указанный закон впервые на законодательном уровне вводит и дает определения таким важным понятиям как «платформенная экономика», «цифровая платформа», «посредническая цифровая платформа», «оператор цифровой платформы» и т.д.

Необходимо отметить, что процесс принятия правовых актов, регулирующих данную сферу, в зарубежных правовых порядках носит довольно неоднородный характер. Где-то (например, Япония, Китай) такие законы были приняты уже довольно давно (2020 и 2018 годы соответственно), где-то (например, Европейский Союз) относительно недавно (Регламент (ЕС) 2022/1925 Европейского Парламента и Совета от 14 сентября 2022 г. О конкурентных и справедливых рынках в

1 Собрание законодательства РФ. - 2025. - № 31. - Ст. 4643.

цифровом секторе и о внесении изменений в Директивы (ЕС) 2019/1937 и (ЕС) 2020/1828 (Закон о цифровых рынках)² - далее DMA), а где-то (например, США) до сих пор все усилия по принятию такого закона терпят неудачу, в частности, внесенный на рассмотрение в Конгресс еще в 2021 году Закон об американских инновациях и выборе в Интернете (American Innovation and Choice Online Act). Данный законопроект запрещает некоторым крупным онлайн-платформам совершать определенные действия, включая предоставление преимуществ собственной продукции на платформе, несправедливое ограничение доступности на платформе конкурирующих товаров от других компаний или дискриминацию при применении или обеспечении соблюдения условий обслуживания платформы среди пользователей, находящихся в аналогичном положении. AICOA предлагает Федеральной торговой комиссии (FTC) и Министерству юстиции (DOJ) обеспечить соблюдение новых антимонопольных и антиконкурентных норм³. Эти нормы включают в себя: запрет доминирующим платформам препятствовать взаимодействию продуктов или услуг других компаний с данной платформой; запрет на принуждение бизнеса к покупке товаров или услуг доминирующей платформы; запрет на приоритетное размещение пользователей на своей платформе; запрет на неправомерное использование данных компании в целях конкуренции. Подразумевалось, что правой акт будет регулировать деятельность самых крупных онлайн-платформ, такие как, например, сайты, приложения, операционные системы, онлайн-сервисы или цифровые помощники. Однако, указанный законопроект так и не был утвержден из-за серьёзных проблем с конфиденциальностью, безопасностью и модерацией контента, которые были выявлены на первом этапе рассмотрения, но так и не были устранены разработчиками.

DMA — это комплексный законодательный акт ЕС, который устанавливает новые правила в целях более эффективного регулирования цифровых рынков и услуг, включая социальные сети. Цель принятия закона обеспечить потребителям безопасные продукты и защиту их основных прав, одновременно стимулируя инновации и рост в цифровом секторе за счёт усиления конкуренции, в связи, с чем устанавливает правила для крупных онлайн-платформ, назначенных Европейской Комиссией «контролерами». Этим платформам необходимо будет внести существенные изменения в свою деятельность, чтобы соответствовать требованиям регламента.

Еврокомиссия должна оценить как саму компанию-администратора платформы, так и её системы сертификации по трём основным параметрам: какое платформа имеет влияние на внутренний рынок ЕС; как налажен контроль над каналом связи между бизнес-пользователями и конечными потребителями; насколько у платформы стабильная позиция в данной сфере рынка. По этой причине в рамках каждого параметра предусмотрены количественные лимиты: годовой оборот должен быть равен или превышать 7,5 млрд. евро в каждом из последних трех финансовых лет, или если его средняя рыночная капитализация или его эквивалентная справедливая рыночная стоимость составляли не менее 75 млрд. евро в последнем финансовом году, и он предоставляет ту же самую основную платформенную услугу не менее чем в трех государствах-членах; если он предоставляет услугу основной платформы, которая в последнем финансовом году имела не менее 45 миллионов ежемесячно активных конечных пользователей, созданных или находящихся в Союзе, и не менее 10 000 ежегодно активных бизнес-пользователей, зарегистрированных в ЕС и при этом компания должна соот-

ветствовать данному критерию в каждом из последних трех финансовых лет (п. 2 ст. 3)

После этого Комиссия должна принять решение об их статусе «контролера» в течение 45 рабочих дней. Если компания соответствует вышеуказанным критериям, Комиссия считает ее «контролером».

Из-за критериев и соответствующих пороговых значений не все крупные цифровые компании будут подпадать под действие законодательства. Фактически, даже не все цифровые компании, считающиеся «доминирующими» в соответствии с антимонопольным законодательством ЕС, будут подпадать под его действие.

Однако Закон предоставляет Комиссии право проводить рыночное расследование в отношении компании и назначать ее «контролирующим органом» на основе качественной оценки — даже если она не соответствует количественным пороговым значениям. Кроме того, компании обязаны постоянно отслеживать пороговые значения для всех своих продуктовых наборов и уведомлять Комиссию о достижении любого из этих пороговых значений.

Какие компании подпадают под действие DMA? В сентябре 2023 года Европейская Комиссия приняла решение о придании статуса контролера таким компаниям как Alphabet, Amazon, Apple, ByteDance, Meta и Microsoft, а также киберфизические системы, для которых они выступают в качестве контролирующих органов. Они должны самостоятельно оценить, соответствуют ли они указанным выше количественным критериям. Если они соответствуют, то им необходимо уведомить Европейскую комиссию в течение двух месяцев, чтобы Комиссия могла назначить их в качестве контролирующих органов.

Операторы платформ в соответствии с DMA не могут отказать пользователям в возможности предлагать те же товары или услуги конечным пользователям через другие посреднические онлайн-сервисы или через свой собственный канал прямых онлайн-продаж по ценам или на условиях, которые отличаются от тех, что предлагают онлайн-сервисы данного оператора.

Оператор не вправе регистрировать конечных пользователей в других своих сервисах с целью объединения персональных данных.

Европейская комиссия обладает исключительным правом обеспечивать соблюдение DMA. Если она установит, что посредник не выполнил положения DMA, она может наложить штраф в размере до 10 % от годового оборота соответствующего посредника.

Если лицо, осуществляющее контроль за соблюдением требований, повторно нарушит их в течение восьмилетнего периода, штраф, налагаемый Европейской комиссией, может достигать 20 % от оборота соответствующего лица.

Несмотря на наличие регулирующего формата, Закон о регулировании цифровых рынков (DMA) не призван урегулировать все аспекты цифровых рынков. Его действие направлено на контроль за деятельностью платформ, которые были замечены в злоупотреблении своим положением во влияние на экономику и, тем самым, препятствуют нормальному функционированию цифровых рынков. Закон о DMA разработан на основе ряда ключевых принципов и связанных с ними обязательств. Во-первых, он продвигает три принципа, обеспечивающих нормальное функционирование цифровых рынков: состязательность, справедливость и инновационность. Во-вторых, он устанавливает ряд обязательств для посредников, чтобы обеспечить соблюдение трёх принципов цифровых рынков (DMA, ст. 5, 6 и 7) и снизить риск злоупотребления экономической властью со стороны посредников [6].

В Японии действует принятый 3 июня 2020 года Закон № 38 «О повышении прозрачности и справедливости цифровых платформ»⁴.

2 Директив (ЕС) 2019/1937 и (ЕС) 2020/1828 (Закон о цифровых рынках). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2022/1925/oj/eng> (дата обращения: 10.03.2026).

3 Законопроект S. 2992 - Закон об американских инновациях и праве выбора в интернете. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bills/117/congress/senate-bill/2992> (дата обращения: 10.03.2026).

4 Закон Японии № 38 от 3 июня 2020 года «О повышении прозрачности и справедливости цифровых платформ». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.japaneselawtranslation.go.jp/ja/laws/view/4532/en> (дата обращения: 03.03.2026)

«Цифровая платформа» в его понимании представляет собой услугу, посредством которой веб-форум, созданный посредством обработки информации с помощью компьютера, с целью использования такого форума большим числом лиц, на котором информация, относящаяся к товарам, услугам или правам лица, которое намеревается предоставлять товары и услуги, непрерывно отображается, предоставляется через Интернет или другую информационную и телекоммуникационную сеть.

Поставщик цифровой платформы это хозяйствующий субъект, который самостоятельно или совместно предоставляет цифровую платформу.

Орган регулирования должен назначить из числа цифровых платформ тех поставщиков цифровых платформ, масштаб бизнеса которых по каждой категории бизнеса, исходя из общего объема продаж товаров на соответствующей цифровой платформе, количества пользователей и других показателей масштаба бизнеса, в качестве цифровых платформ, которые особенно необходимы для принятия мер по добровольному повышению прозрачности и справедливости цифровых платформ.

В Китайской Народной Республике действует принятый еще в 2018 году Закон КНР об электронной торговле⁵. В соответствии с ним выделяют две основные группы субъектов такой торговли. Первую группу составляют непосредственно операторы электронной коммерции, под которыми понимают «физических лиц, юридических лиц или неинкорпорированные организации, которые занимаются оперативной деятельностью по продаже товаров или предоставлению услуг через Интернет и другие информационные сети, включая операторов платформ электронной коммерции, операторов на платформе и операторов электронной коммерции, продающих товары или предоставление услуг через свои собственные веб-сайты или другие веб-сервисы» (ст. 9 Закона). Вторую группу представляют уже операторы платформ электронной коммерции, под которыми понимают «юридических лиц или другие некорпоративные организации, предоставляющие помещения для ведения бизнеса в режиме онлайн, а также согласование транзакций, распространение информации и прочие услуги двум или более участникам электронной коммерции, для целей совершения сторонами независимых транзакций» (ст. 9).

Как следует из нормы ст. 13 Закона товары или услуги, которые предлагаются операторами электронной коммерции, должны быть безопасными в использовании и применении как с позиции личной и имущественной безопасности, так и в экологическом плане. Если оператор платформы электронной коммерции владеет информацией, о несоответствии представленных на платформе товаров и услуг требованиям безопасности или они иным образом нарушают законные права и интересы потребителей, то он должен принять необходимые меры по устранению таких товаров для доступа потребителей, в противном случае оператор несет солидарную ответственность вместе с производителями или поставщиками таких товаров (ст. 38).

В обязанности оператора электронной коммерции входит обязанность по всестороннему, достоверному и своевременному предоставлению пользователям всей необходимой информации относительно предлагаемых товаров и услуг. Иными словами, оператору необходимо всеми способами пресекать вероятность возможного обмана пользователей или введения их в заблуждение (например, путем фальсификации отзывов потребителей). Кроме того, на операторов возложены и все риски, связанные с доставкой товара, если только потребители сами не выберут другого поставщика.

Если по условиям функционирования платформы оператором предусматривается предоставление пользователями определенного депозита, то оператору цифровой

платформы необходимо предусмотреть способ и процедуру возврата такого депозита. При подаче потребителем соответствующей заявки на возврат депозита, оператору необходимо осуществить его своевременный возврат (ст. 58).

В целях защиты прав и интересов потребителей, операторы электронной коммерции должны разработать удобную и эффективную систему подачи жалоб, а также своевременно реагировать на все поступившие жалобы и сообщения (ст. 59).

Для целей разрешения возникающих спорных ситуаций, связанных с электронной коммерцией, закон предлагает разрешать их посредством переговоров. Для чего предусматривается участие организаций потребителей, отраслевых ассоциаций и иных посреднических организаций. Сами же потребители вправе также обращаться за защитой своих прав в соответствующие государственные или судебные органы (ст. 60).

Подводя итог, нельзя не отметить, что в настоящее время «цифровые данные стали важным и ценным экономическим ресурсом в цифровом мире. Но, поскольку онлайн-платформы и цифровые данные появились сравнительно недавно, правовое регулирование цифровой экономики все еще находится на начальной стадии» [3]. Правовое регулирование в условиях рыночной экономики, как правило, направлено «... на стимулирование технологических изменений путем субсидирования НИОКР и предоставления прав интеллектуальной собственности для интернализации потенциальных положительных технологических внешних эффектов. Иными словами, процесс правовой эволюции можно рассматривать как экспериментальный процесс проб и ошибок, в котором проверяются гипотезы о том, какое правовое регулирование следует применять для решения проблем, возникающих в результате появления новых технологий» [4].

Пристатейный библиографический список

1. Алексахин А. Н., Алексахина С. А., Горшкова А. А., Байтимерова Л. С. Современные тенденции развития платформенной экономики // Вестник Академии знаний. - 2024. - № 5 (64). - С. 46.
2. Волкова Н. С., Емельянов А. С., Ефремов А. А. и др. Цифровые платформы - организационно-правовая форма взаимодействия в обществе: монография / отв. ред. Л. К. Терещенко. Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. - М.: Инфотропик Медиа, 2025. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=CMB&n=131&dst=101193>
3. Eckardt M. EU digital law and the digital platform economy - an inquiry into the co-evolution of law and technology. *Rev Evol Polit Econ* 6, 183-213 (2025). - DOI: 10.1007/s43253-024-00135-z.
4. Kerber W. Competition, knowledge, and institutions. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://www.tandfonline.com/loi/mjei20>.
5. Kerber W. Digital revolution, institutional coevolution, and legal innovations. *European Business Law Review*. - DOI: 10.54648/eulr20230475.
6. Simone C., Laudando A. Principles and obligations of the Digital Markets Act in regulating the economic power of gatekeepers: Positive, negative or trade-off effects? // *Electron Markets* 35, 42 (2025). - DOI: 10.1007/s12525-025-00788-6.

5 Закон Китайской Народной Республики «Об электронной торговле» / Принят на Пятой сессии Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 13-го созыва 31 августа 2018 года. [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://faolex.fao.org/docs/pdf/chn215050.pdf> (дата обращения: 10.03.2026).

ШПАНАГЕЛЬ Федор Федорович

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Самарский государственный экономический университет

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СУБЪЕКТОВ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена мало изученному кругу субъектов индивидуального предпринимательства в целом как общему понятию, противоположному коллективному предпринимательству.

Автор указывает на обострение в последнее время проблемы формирования системы участников индивидуального предпринимательства в связи с осуществляемой в России законодательской деятельностью.

В статье рассматривается общая совокупность субъектов индивидуального предпринимательства, проводится анализ и дается критическая оценка понятийного аппарата, используемого отечественным законодателем с учетом исторического аспекта проблемы.

Проводится сравнительный анализ отдельных положений гражданского и налогового законодательства о субъектах индивидуального предпринимательства; высказывается аргументированное предположение о мотиве российского законодателя при введении налога на профессиональный доход для российских граждан и в связи с этим делается вывод о недостаточной определенности особенностей гражданско-правового положения субъектов индивидуального предпринимательства.

Ключевые слова: индивидуальное предпринимательство, законодательская деятельность, субъекты предпринимательской деятельности, гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, индивидуальные предприниматели, самозанятые.

SHPANAGEL Fedor Fedorovich

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activity sub-faculty, Samara State University of Economics

SEPARATE LEGAL ISSUES OF THE FORMATION OF THE SYSTEM OF INDIVIDUAL ENTREPRENEURSHIP ENTITIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article is devoted to a little-studied circle of individual entrepreneurship entities. The author states that the problem of determining the circle of individual entrepreneurship participants has become more acute in recent years due to the ongoing legislative activity in Russia. The article examines the circle of individual entrepreneurship entities, analyzes and provides a critical assessment of the conceptual framework used by the domestic legislator to establish the definition of such entities, taking into account the historical aspect of the problem.

The article provides a comparative analysis of the norms of civil and tax legislation on the circle of subjects of individual entrepreneurship; it examines the motivation of the Russian legislator in introducing a tax on professional income for Russian citizens, and concludes that there is insufficient certainty about the specifics of their civil legal status.

Keywords: individual entrepreneurship, legislative activity, subjects of entrepreneurial activity, citizen engaged in entrepreneurial activity without forming a legal entity, individual entrepreneurs, self-employed.

Шпангель Ф. Ф.

При всей определяющей роли коллективных форм предпринимательской деятельности, прежде всего крупных предприятий, в обеспечении устойчивого положения российской экономики важное экономическое и социальное значение современное государство придает развитию малых и средних предприятий, преобладающее большинство среди которых имеют индивидуальные предприниматели. Так, в ЕГРИП на 10.02.2026 года числилось 4707708 индивидуальных предпринимателей, число которых продолжает расти¹ и уже более чем в два раза превышает количество юридических лиц в России. Так, на 10.02.2026 года в ЕГРЮЛ было зарегистрировано только 2204115 юридических лиц².

Бизнес подавляющего большинства индивидуальных предпринимателей относится к группе микро-предприятий и не может конкурировать и даже сравниться с крупными предприятиями по своим производственным и экономическим показателям, по своему кадровому потенциалу и другим ресурсам.

В то же время, большое значение деятельность индивидуальных предпринимателей в создании рабочих мест, в обслуживании населения и во многих других сферах общественного производства обуславливает повышенное внима-

ние ученых к правовым и экономическим проблемам в их деятельности, анализу их правового статуса, причем исследователей как в частно-правовых, так и в публично-правовых науках, как в виде научных статей [1], [2] и монографий [4], так и на уровне кандидатских диссертаций [3], [5], [6].

Однако, организационно-правовой формой индивидуального предпринимателя перечень видов субъектов индивидуального предпринимательства, конечно, не исчерпывается, поэтому следует признать, что не только сохраняется, но даже обостряется актуальность решения как теоретических, так и «прикладных» правовых и иных проблем, включая установление всей совокупности видов субъектов индивидуального предпринимательства и изучения правового положения как каждого вида, так и всей совокупности таких субъектов.

Анализ гражданского законодательства в части, избранной нами в качестве предмета исследования темы, позволяет сделать вывод о недостаточной определенности гражданско-правового положения всего индивидуального предпринимательства в целом. В связи с разнообразием вопросов, относящихся к данной проблематике, остановимся только на отдельных аспектах обозначенной нами общей темы.

Отечественное законодательство не только не содержит определение понятия «индивидуальное предпринимательство» как противоположное понятию «коллективное предпринимательство», но не использует и сам термин. В силу этого понятие «субъекты индивидуального предпринима-

1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?level=2&fo&ssrf> (дата обращения: 28.02.2026).

2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ofd.nalog.ru/statistics.html?level=2&fo&ssrf> (дата обращения: 28.02.2026).

тельства» является не легальным, а исключительно доктринальным. Под индивидуальным предпринимательством предлагаем понимать совокупность всех физических лиц, осуществляющих или имеющих право осуществлять предпринимательскую деятельность самостоятельно в отношениях с другими участниками экономических отношений.

Необходимо отметить, что российский законодатель в качестве субъекта, противоположного участникам коллективного предпринимательства, все же использует в статье 23 Гражданского кодекса РФ³, (далее – ГК РФ) другое обобщающий и очень длинный термин, состоящее аж из 8 слов и поэтому не используемый даже в виде аббревиатуры – «гражданин, осуществляющий предпринимательскую деятельность без образования юридического лица» (ГОПДБЮЮЛ). Этот термин фактически почти полностью воспроизводит ранее широко использовавшийся и менее громоздкий (состоящий только из 5 слов), но почти столь же неудобный (особенно в виде аббревиатуры) и медленно с трудом приживавшийся в среде юристов и особенно предпринимателей и давно забытый гражданско-правовой термин начала 90-х годов прошлого века – «предприниматель без образования юридического лица» (ПБЮЮЛ), в котором был использован более удачный родовой термин «предприниматель» вместо современного и менее точного для данного случая «гражданин».

Считаем, что в анализируемой статье ГК РФ более приемлемым было бы использование более удобных терминов, например, «гражданин-предприниматель» или благодаря ГК РФ, ставший привычным более общий термин – «физическое лицо».

Ненамного добавляет определенности круга субъектов индивидуального предпринимательства новая редакция пункта первого статьи 23 ГК⁴, поскольку в абзаце втором допускает осуществление отдельных видов предпринимательской деятельности гражданином без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, но не только никак не определяет правовое положение такого гражданина как субъекта соответствующей (по сути специальной) деятельности, но и оставляет его вообще безымянным, то есть, не назвав собственным именем этого субъекта. Данная правовая норма носит отсылочный характер, переводя правовое регулирование такой деятельности гражданина с данного кодифицированного акта на уровень федерального закона, причем не ограничивая его конкретной отраслевой принадлежностью.

При этом законодатель называет субъектов таких отдельных видов предпринимательской деятельности просто гражданами, не вводя специальный вид субъекта индивидуального предпринимательства. Возникает вопрос: а не будет ли нарушением границ делегирования конкретным федеральным законом при введении им нового субъекта такого вида деятельности? Считаем, что будет, поскольку кодифицированный акт гражданского права уже назвал данное лицо гражданином, однако, делегировал такому закону (возможно, не только одному закону, а нескольким?) определение условий осуществления гражданами таких отдельных (специальных) видов деятельности.

Представляется правомерным и даже необходимым закрепление в таком специальном законе разванного, детализированного правового статуса участников данной специальной деятельности, что, возможно, будет использовано при введении нового вида субъектов индивидуального предпринимательства или обновлении правового статуса действующих организационно-правовых форм субъектов индивидуального предпринимательства.

Обилие нерешенных законодателем и рассмотренных нами вопросов можно объяснить следующим образом. Учитывая последующую правотворческую деятельность ответственного законодателя, можно сделать вывод о том, что он и не ставил перед собой такую задачу, еще до внесения измене-

ний в ГК РФ запланировав проведение налогового эксперимента в сфере предпринимательской деятельности граждан сначала в режиме регулятивной песочницы, а потом продлив ее до конца 2028 года, при этом преследуя исключительно фискальные цели.

Новая (действующая в настоящее время) редакция пункта 1 статьи 23 ГК РФ устранила барьер для введения предпринимательской деятельности граждан без их обязательной государственной регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей; иначе говоря, «подготовила» необходимые условия для появления новой категории гражданина-предпринимателя как субъекта исключительно налогового права – плательщика налога на профессиональный доход (НПД)⁵.

Гражданское законодательство не использует ни это ни другие понятия налогового законодательства, поэтому, на наш взгляд, не может назвать «по-своему» («для целей настоящего кодекса», применительно к соответствующим понятиям и терминам, как указано в пункте 2 статьи 11 Налогового кодекса РФ⁶) и определить гражданско-правовое положение соответствующих субъектов налогового права, в отношении которых быстро закрепился в правовой и бизнес среде непонятный и неопределенный термин «самозанятые».

Считаем, что законодатель должен быть крайне осторожным при введении в гражданский оборот новых участников и обязан сразу же четко и достаточно полно определить его правовое положение, чтобы исключить различное толкование соответствующих правовых норм в процессе их применения как в гражданских и иных правоотношениях, так и особенно в судебной практике. Далеко не всегда данное требование, предъявляемое к правотворческой деятельности, исполняется при определении круга субъектов индивидуального предпринимательства и их правового статуса.

Учитывая многоаспектность и сложность правовых проблем самозанятых, представляется необходимым проанализировать правовое положение их и других субъектов индивидуального предпринимательства в рамках самостоятельного исследования.

Пристатейный библиографический список

- Александрович В. В. Особенности правового статуса индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации и за рубежом // Научное образование. – 2023. – № 4 (21). – С. 185-189.
- Ерохина Т. В., Казаросян З. М. Общий правовой статус индивидуального предпринимателя как основа его административно-правового статуса // Промышленность: экономика, управление, технологии. – 2016. – № 1 (60). – С. 28-30.
- Каширина Ю. П. Гражданско-правовой статус индивидуальных предпринимателей в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2012. – С. 24.
- Тихомиров М. Ю. Индивидуальный предприниматель: правовое положение и виды деятельности. – М.: Издательство Тихомирова М. Ю., 2009. – С. 156.
- Шапсугова М. Д. Правовое положение индивидуальных предпринимателей по законодательству Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – С. 24.
- Юсупов В. В. Конституционно-правовой статус индивидуального предпринимателя в Российской Федерации: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2006. – С. 23.
- Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 28.11.2025) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
- См.: Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» от 26.07.2017 № 199-ФЗ (последняя редакция) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).
- Налоговый кодекс Российской Федерации // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sps-consultant.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).

МАМЕДОВ Ислам Фикрат оглы

аспирант кафедры предпринимательского права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

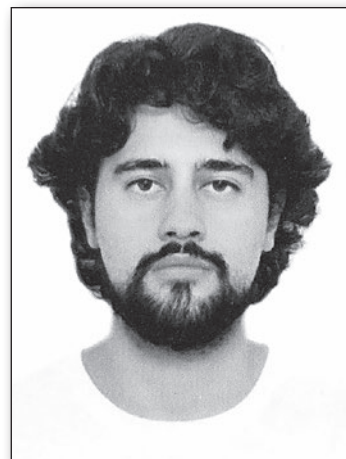
ТОКЕН КАК ОБЪЕКТ ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

В статье рассматриваются актуальные проблемы классификации токенов как объектов права. Анализируется правовая природа токенов, существующие подходы к их правовому регулированию, как в России, так и за рубежом. В частности, особое внимание уделено «тесту Хоуи» как инструменту классификации токенов, а также практическим аспектам токенизации активов. В данной статье предлагается выделение критериев, которые могут лечь в основу формирования правовой доктрины в сфере регулирования цифровых активов.

Ключевые слова: токен, криптовалюта, цифровые активы, правовое регулирование, предпринимательская деятельность.

MAMEDOV Islam Fikrat oglu

postgraduate student of Business law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

Мамедов И. Ф.

TOKENS AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS: PROBLEMS OF CLASSIFICATION AND DETERMINATION OF LEGAL NATURE

The article discusses current issues in the classification of tokens as objects of law. It analyzes the legal nature of tokens and existing approaches to their legal regulation both in Russia and abroad. In particular, special attention is paid to the "Howey test" as a tool for classifying tokens, as well as to the practical aspects of asset tokenization. This article proposes criteria that could form the basis for the development of legal doctrine in the field of digital asset regulation.

Keywords: Token, cryptocurrency, digital assets, legal regulation, entrepreneurial activity.

Введение

Развитие цифровых технологий, в особенности технологий распределённых реестров (блокчейн), привело к появлению новых объектов гражданских прав, не имеющих прямых аналогов в традиционной правовой системе. Одним из таких объектов является токен – цифровое представление определённых прав, зафиксированных в информационной системе и защищённых криптографическими методами.

В Российской Федерации потребность в правовом регулировании токенов возникла вследствие активного развития криптовалют, ICO и технологий распределённого реестра. Законодатель отреагировал принятием специальных норм – прежде всего, Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...»¹, а ранее закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ, регулирующего инвестиционные платформы². Тем не менее, правовой режим токенов остается сложным и фрагментированным. Настоящая статья представляет комплексный анализ действующего законодательства РФ о токенах, включая ключевые их виды (цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права, NFT и др.), доктринальные подходы к их классификации, правоприменительную практику, проблемы регулирования и пробелы (налогообложение, смарт-контракты, идентификация владельцев, защита прав) и возможности использова-

ния международного опыта (ЕС, Швейцария, США, Сингапур) для совершенствования российского законодательства.

Правовая природа токена

Появление токенов открыло новые возможности для инвестиций, управления имущественными правами, проведения расчётов и организации цифровых экосистем. Вместе с тем, широкое распространение токенов в экономике обнажило серьёзную правовую проблему – отсутствие единых подходов к их определению, классификации и правовому регулированию. Различные юрисдикции предлагают собственные модели правового признания токенов, что приводит к фрагментарности и непоследовательности регулирования. В связи с этим, в юридической практике и теории возникла необходимость выработки единых подходов к их правовой квалификации [1, с. 13].

В широком смысле токен представляет собой цифровой объект, удостоверяющий определенные права или ценность, запись в распределённом реестре (блокчейне), которая служит единицей учета, связанной с тем или иным активом или правом³. В энциклопедической литературе отмечается многоаспектность понятия токена: изначально означавшего «жетон», а ныне обозначающего цифровой код (запись), владение которым даёт определенные возможности или права в сети⁴.

1 Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2020. - № 31 (ч. I). - Ст. 5018.

2 Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. - 2019. - № 31. - Ст. 4418.

3 FINMA. Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs). Bern: Swiss Financial Market Supervisory Authority, 2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-we-gleitung/> (дата обращения: 13.03.2026).

4 Ситник А. А. Токен // Большая российская энциклопедия: науч.-образоват. портал. - 2023. [Электронный ресурс]. – Режим

Современное законодательство Российской Федерации лишь частично регулирует сферу цифровых активов. Федеральный закон № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» не раскрывает содержания понятия «токен», что приводит к отсутствию четкого нормативного закрепления его правового статуса. Вместо него используются такие категории, как «цифровой финансовый актив» и «утилитарное цифровое право». В результате практическое определение токенов осуществляется на основе их экономической сущности и функциональных характеристик.

Стоит отметить, что, несмотря на отсутствие легального определения «токен» в актуальном законодательстве Российской Федерации, законодатель применял попытки определить его.

Так, изначально при разработке нормативно-правового регулирования цифровых активов в Проекте Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» было дано определения токену и даже криптовалюте⁵.

Токен – вид цифрового финансового актива, который выпускается юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем (эмитент) с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций.

Криптовалюта – вид цифрового финансового актива, создаваемый и учитываемый в распределенном реестре цифровых транзакций участниками этого реестра в соответствии с правилами ведения реестра цифровых транзакций.

Однако в конечный вариант закона эти формулировки не дошли, сейчас у нас есть только понятие цифрового финансового актива и цифровой валюты.

В настоящее время существует проблема определения правовой природы токена, которая вызвана отсутствием общепринятых правовых норм и стандартов для данного инструмента. Поскольку токены являются новым финансовым инструментом, юридическая классификация их правовой природы неоднозначна и вызывает споры и неопределенность в правовой системе. Правоприменительная практика показывает, что далеко не все виды токенов могут быть однозначно отнесены к указанным категориям, что затрудняет их правовую квалификацию и определение соответствующего режима защиты [2, с. 93].

Собственно, возникает главный вопрос – что такое токен и для чего он нужен?

Токен представляет собой уникальную запись в блокчейне. Эти записи являются подтверждением прав его владельца на какой-либо актив.

В научной и правоприменительной литературе встречается смешение понятий токена и криптовалюты, что обусловлено их схожей технологической природой, но различным правовым режимом [3, с. 111].

Однако токен не является криптовалютой, а представляет собой цифровой актив, который эмитируется на технологии блокчейн. Криптовалюта – это вид цифровой валюты, который обладает своей независимой сетью блокчейн и используется в качестве средства обмена и накопления стоимости. Примерами криптовалют являются Bitcoin, Ethereum, Litecoin и др.

Токен выпускается и работает на платформе другой криптовалюты или блокчейна. Примерами токенов являются ERC-20 токены на платформе Ethereum, которые используются для создания децентрализованных приложений (DApps), или токены на платформе NEO, которые используются для различных целей, включая голосование на устройствах IoT, цифровую идентификацию и др. [4, с. 202].

Таким образом, основная разница между криптовалютой и токеном заключается в том, что криптовалюта имеет свою независимую сеть блокчейн, тогда как токен работает на другой платформе блокчейн или криптовалюте.

Но это не единственная разница между ними. Сатоши Накамото (создатель Биткойна) выделяет следующие отличия между токеном и криптовалютой:

- эмиссия токенов может проходить централизованно (под управлением одной организации) и децентрализованно, а эмиссия криптовалют – только децентрализованно;

- верификация транзакций токенов может проходить централизованно, и децентрализованно, криптовалют – только децентрализованно;

- на цену токенов может влиять очень широкий список факторов, помимо спроса и предложения (выпуск дополнительных токенов, привязка к другим активам), цена криптовалют полностью регулируется рынком;

- токены необязательно должны быть запущены на собственном блокчейне, криптовалюты же всегда имеют собственный блокчейн.

Таким образом, токен и криптовалюта являются принципиально разными понятиями, и их не следует смешивать.

Токены могут быть обеспечены активами только в том случае, если они связаны с реальными физическими активами, такими как земля или строения, в отличие от криптовалют, которые ничем не обеспечены и представляют собой «мыльный пузырь». Такие токены традиционно именуются *asset-backed tokens* (сырьевые токены). Токенизация активов является процессом создания цифровых эквивалентов реальных активов с целью их более эффективного управления и торговли.

Пример токенизации может быть связан с недвижимостью. Компания, владеющая жилым зданием, может создать токены, которые представляют определенную долю в здании. Токен может иметь ценность, равную доле в здании, а его владелец может иметь право на получение определенного процента от дохода, полученного от аренды единицы недвижимости. Это позволяет людям инвестировать в недвижимость на довольно простых условиях, не затрачивая больших сумм денег на покупку недвижимости [5, с. 44].

Токенизация имеет ряд преимуществ, таких как ускорение процессов торговли, улучшение безопасности и увеличение функциональности платформы, а также упрощение использования благодаря интеграции дополнительных модулей.

Однако существуют риски, связанные с возможной потерей или кражей личных ключей пользователей, сложной задачей обеспечения конфиденциальности в публичных блокчейнах и ограничениями по пропускной способности в децентрализованной базе данных. В целом, блокчейн играет важную роль в токенизации, обеспечивая надежность и децентрализацию системы учета и проверки.

Итак, токен это вид цифрового актива, который эмитируется субъектом частных правоотношений и служит для удостоверения прав его владельца. Токенизация – это процесс создания цифровых монет, которые представляют ре-

доступа: <https://bigenc.ru/c/token-4eb03b> (дата обращения: 13.03.2026).

5 Проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 13.03.2026).

альные активы, такие как недвижимость, товары или услуги. Токенизация упрощает процесс торговли и управления активами, а токены являются цифровым эквивалентом реальных активов.

В настоящее время в доктрине существует следующая классификация токенов⁶:

1. Utility tokens (служебные или утилитарные токены).

Это наиболее распространенные токены, которые используются для доступа к продуктам или услугам в рамках определенной экосистемы. Например, токены на децентрализованных биржах могут использоваться в качестве оплаты комиссий и получения дополнительных возможностей на платформе.

Одним из самых популярных в мире служебных токенов является BNB, эмитентом которой выступает биржа Binance [6]. Его основная цель – поддержание экосистемы Binance Chain. BNB можно использовать для оплаты транзакционных сборов на бирже Binance. Это основное назначение токена, поэтому он считается служебным.

2. Security tokens (инвестиционные токены).

Эти токены являются цифровым представлением ценных бумаг, таких как акции или облигации. Иными словами, эти токены дают их владельцам право на реализацию их инвестиционных интересов, таких как получение, прибыли, дивидендов и т.п. Права на эти токены зафиксированы в смарт-контракте, а их оборот осуществляется в соответствии с правовыми нормами финансовых регуляторов различных стран. Так, в США таким регулятором является Комиссия по ценным бумагам и биржам (Securities and Exchange Commission).

3. Payment tokens (платежные токены).

Это криптовалюты, которые используются для осуществления платежных операций на блокчейн-платформах. Они также используются в магазинах, ресторанах, банках и на других платежных платформах, где пользователи могут покупать товары и услуги с помощью токенов. Преимущества использования платежных токенов включают быстрые транзакции, меньшие комиссии по сравнению с традиционными платежными системами, и защищенность благодаря использованию блокчейна. Примерами такого вида токена является Bitcoin [7, p. 1261].

4. Asset-backed tokens (сырьевые токены).

Эти токены обеспечены реальными активами, такими как золото, недвижимость или иные объекты. К примеру, каждый токен может представлять один грамм золота и его обмен на физический золотой слиток обеспечивается [8, с. 1].

5. Non-fungible tokens (невзаимозаменяемые токены).

Эти токены уникальны и не могут быть заменены другими токенами. Эти токены могут использоваться для представления ценностей, таких как картины, музыкальные произведения или документы.

Другими словами, каждый NFT имеет уникальную идентификационную информацию, которая отличает его от всех остальных токенов в сети. Это делает каждый NFT уникальным, подобно тому, как уникальна картина или скульптура. NFTs используются для представления цифровых активов, таких как изображения, видео и аудиофайлы, в качестве неподделываемых и эксклюзивных объектов коллекционирования и инвестирования.

От того, к какому классу относится токен, зависят его правовой режим и механизмы регулирования.

Для решения проблемы отнесения токена к конкретному классу в настоящее время появляются различные подходы и методы определения правовой природы токена, среди которых наиболее распространенным является метод «теста Хоуи». Этот метод заключается в анализе свойств и функций токенов, а также в рассмотрении намерений эмитента и практики рынка.

Тест Хоуи (Howey Test) – это юридический тест, используемый в США для определения того, квалифицируется ли сделка как инвестиционный контракт и, следовательно, считается ли она ценной бумагой в соответствии с федеральным законодательством. Тест был установлен Верховным судом США в деле SEC против W.J. Howey Co. (1946)⁷.

Для квалификации сделки в качестве инвестиционного контракта, сделка должна соответствовать следующим четырем критериям в совокупности:

1. Это инвестирование денежных средств.
2. Это инвестирование в общее предприятие.
3. Инвестор ожидает разумной прибыли от инвестиций.
4. Ожидание прибыли основано на действиях третьих лиц.

Последствия теста Хоуи для токена очень важны, поскольку это обеспечивает основу для определения того, следует ли классифицировать конкретную сделку в качестве инвестиционной сделки и, следовательно, трактовать токен в качестве ценной бумаги в соответствии с законодательством США. Если токен соответствует всем этим четырем критериям, он может считаться токеном ценной бумаги в соответствии с федеральным законодательством США о ценных бумагах.

Это имеет важные последствия для криптобизнеса и инвесторов, поскольку нарушение федеральных законов о ценных бумагах может привести к штрафам, судебным искам, репутационному ущербу для бизнеса и даже к уголовной ответственности.

Инвестиционный токен (Security token) нацелен на получение прибыли для своего владельца. Потребитель ожидает получить прибыль в соответствии с 3 и 4 критериями теста Хоуи. Все действия потребителя заключаются непосредственно в инвестировании денег, а дальнейшее получение прибыли непосредственно зависит от производственных или организаторских способностей и действий других лиц.

Служебные токены (Utility token) служат конкретной цели. Компании используют их для привлечения интереса клиентов к своим продуктам и услугам. В случае со служебными токенами человек приобретает его с целью получения доступа к какому-либо продукту, услуге. Деятельность покупателя не связана напрямую с получением прибыли от покупки/продажи токена.

Служебные токены используются для финансирования первичных предложений монет и для построения внутренней экономики в блокчейн проекте. Владелец данного токена также будет иметь право голоса в экосистеме. Напротив, инвестиционные токены представляют собой инвестиционный контракт, который был проверен на блокчейне и представляет собой законное владение материальным или цифровым товаром.

Поэтому, если токен предназначен в первую очередь для служебных целей, он, скорее всего, будет считаться ути-

6 FINMA. Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs). [Electronic resource]. - Bern: Swiss Financial Market Supervisory Authority, 2018.

7 (US) SEC v. W.J. Howey Co., 328 U.S. 293 (1946).

литарным токеном. Такие токены часто имеют уникальную функциональность, например, оплата товаров и услуг в экосистеме, и они не привязаны к базовому активу или потоку доходов.

Зачем нужны security-токены? По сравнению с utility-токенами, они рассматриваются как финансовые инвестиции и имеют регулятивные требования, включая предоставление отчетности. Security-токены также решают проблему отсутствия гарантий компенсаций в случае провала проекта или мошенничества со стороны организаторов ICO (Initial Coin Offering). Они также обеспечивают устранение посредничества в лице банков и других организаций, что позволяет создать новую среду для инвестирования и заключения сделок.

STO (Security Token Offering) – это механизм привлечения инвестиций, который выполняет предписания законодательства о ценных бумагах и ориентирован на привлечение профессиональных инвесторов. Чтобы участвовать в STO, инвесторам нужно знать много технических деталей, а организаторам нужно принимать во внимание различные положения Закона США о ценных бумагах от 1933 года⁸. Security-токены обладают рядом преимуществ, таких как доленое владение, снижение транзакционных издержек, повышение ликвидности рынка и возможность автоматизации compliance-процедур.

Токены могут являться объектами прав, однако правовая природа токенов отнюдь не прозрачна. На данный момент, нет однозначного определения юридического статуса токенов во всех странах мира. Есть только отдельные позиции и официальные документы, отражающие правовую позицию зарубежных регуляторных органов и органов государственной власти РФ на данном этапе. Законодательство стран относительно токенов может отличаться в зависимости от того, дают ли токены право на получение доли прибыли компании или являются ли они просто технической единицей для работы внутри платформы.

Подводя итог исследованию, следует заключить, что сохраняющаяся правовая неопределенность токенов продиктована попытками законодателя вписать принципиально новый цифровой актив в рамки единой юридической категории. Проведенный анализ показывает, что такой унитарный подход неэффективен. Вместо ожидания формирования глобального законодательства, национальному правопорядку необходимо перейти к активной рецепции апробированных зарубежных практик, в частности функциональной модели классификации, успешно применяемой в юрисдикциях Швейцарии, Сингапура и ЕС.

Основываясь на рассмотренном зарубежном опыте, предлагается отказаться от толкования токена как уникального монолитного объекта и законодательно закрепить его дифференциацию в зависимости от экономической сущности и функционала (принцип «substance over form»). Для этого необходимо имплементировать в гражданское законодательство трехзвенную структуру, разграничивающую правовую режим токенов по целевому назначению:

Во-первых, токены, выполняющие функцию средства платежа (payment tokens / cryptocurrencies), должны регулироваться нормами о валютном контроле и противодействии

отмыванию доходов, с признанием их в качестве суррогата денежных средств или иного имущества.

Во-вторых, токены, предоставляющие доступ к цифровым услугам или платформам (utility tokens), следует рассматривать в плоскости защиты прав потребителей и обязательственного права, применяя к ним нормы о предоплаченных услугах, лицензиях или правах требования, что исключит излишнее финансовое регулирование.

В-третьих, токены, обладающие инвестиционными характеристиками (security tokens / asset-backed tokens), удостоверяющие права на капитал, дивиденды или управление, должны безальтернативно подпадать под действие законодательства о рынке ценных бумаг. Это потребует от эмитентов соблюдения процедур раскрытия информации и защиты прав инвесторов по аналогии с традиционными эмиссионными ценными бумагами.

Таким образом, предлагаемый подход смещает фокус с технической природы токена на его правовой и экономический функционал. Внедрение данных критериев позволит не только устранить существующие пробелы в законодательстве, но и создаст предсказуемую среду для участников рынка, обеспечив баланс между защитой публичных интересов и стимулированием инновационного развития цифровой экономики.

Пристатейный библиографический список

1. Брой У. Ш. Блокчейн и кибервалюты: нужна ли новая законодательная база // Право и цифровая экономика. – 2018. – № 1. – С. 13-18.
2. Быков А. Ю. Право цифровой экономики: некоторые народно-хозяйственные и политические риски. – М.: Проспект, 2018. – 224 с.
3. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 111-119.
4. Ермаков А. В. Цифровые права как объект гражданских прав // Трансформация сферы интеллектуальной собственности в современных условиях: тезисы докладов участников XXIV Международной конференции Роспатента. – М.: ФИПС, 2020. – С. 202-206.
5. Сергеева Н. Ю., Гринёва О. В. NFT как новое цифровое явление в медиасфере с позиции права интеллектуальной собственности // Гражданин и право. – 2022. – № 3. – С. 44-60.
6. Blandin A. et al. Global Cryptoasset Regulatory Landscape Study. – Cambridge: Cambridge Centre for Alternative Finance, 2019. – 61 p.
7. Fairfield J. Tokenized: The Law of Non-Fungible Tokens // Indiana Law Journal. – 2022. – Vol. 97. № 4. – P. 1261-1315.
8. Oliveira L., Zavolokina L., Bauer I., Schwabe G. To Token or not to Token: Tools for Understanding Blockchain Tokens // Proceedings of the 39th International Conference on Information Systems (ICIS). – San Francisco: Association for Information Systems, 2018. – P. 1-17.

8 Securities Act of 1933 // U. S. Securities and Exchange Commission. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sec.gov/rules-regulations/statutes-regulations#secact1933> (дата обращения: 13.03.2026).

МИРЗОЕВА Елизавета Георгиевна

аспирант кафедры предпринимательского права, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Мирзоева Е. Г.

СООТНОШЕНИЕ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ И НЕНАДЛЕЖАЩЕЙ РЕКЛАМЫ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

В статье рассматривается проблема соотношения институтов недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы согласно действующему законодательству Российской Федерации. Проводится анализ указанных понятий, правовых запретов в указанных сферах, их сходств и различий, влияния на конкурентов и потребителей, подробно рассматриваются проблемные вопросы соотношения таких неправомерных действий как некорректное сравнение и дискредитация. Сделан вывод, что недобросовестная конкуренция и ненадлежащая (недобросовестная), реклама являются смежными, но не тождественными правовыми категориями, различающимися по своей сущности и объекту защиты. Необходимо учитывать, что не всякая ненадлежащая реклама образует состав недобросовестной конкуренции, но любой акт недобросовестной конкуренции, выраженный в форме рекламы, квалифицируется как ненадлежащая (недобросовестная) реклама. Ключевым критерием для разграничения выступает направленность действий недобросовестной конкуренции на причинение ущерба другим хозяйствующим субъектам.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция, ненадлежащая реклама, законодательство о защите конкуренции, законодательство о рекламе, дискредитация, некорректное сравнение.

MIRZOEVA Elizabeth Georgievna

postgraduate student of Business law sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

THE RATIO OF UNFAIR COMPETITION AND INAPPROPRIATE ADVERTISING UNDER RUSSIAN LAW

The article examines the problem of the correlation between institutions of unfair competition and inappropriate advertising in accordance with the current legislation of the Russian Federation. The analysis of these concepts, legal prohibitions in these areas, their similarities and differences, the impact on competitors and consumers, and the problematic issues of the correlation of such illegal actions as incorrect comparison and discrediting are considered in detail. It is concluded that unfair competition and improper (unfair) advertising are related, but not identical, legal categories that differ in their essence and object of protection. It should be borne in mind that not all inappropriate advertising forms part of unfair competition, but any act of unfair competition expressed in the form of advertising qualifies as inappropriate (unfair) advertising. The key criterion for distinguishing is the focus of unfair competition on causing damage to other business entities.

Keywords: unfair competition, inappropriate advertising, competition law, advertising law, discrediting, incorrect comparison.

В условиях цифровой экономики и информационной насыщенности рынка формы конкурентной борьбы усложняются; реклама становится не только инструментом продвижения товаров, но и сферой для неправомерных конкурентных действий. В ряде случаев одно и то же поведение хозяйствующего субъекта может соответствовать признакам недобросовестной конкуренции и ненадлежащей рекламы. При этом цели правового регулирования законодательства о защите конкуренции и законодательства о рекламе во многом схожи: они направлены на соблюдение принципов добросовестной конкуренции, обеспечение единства экономического пространства и свободы экономической деятельности.

Необходимо признать, что в отношении недобросовестной конкуренции в научном сообществе существуют различные подходы. Например, О. Н. Зименкова [6] рассматривает ее в качестве «некорректной» конкуренции, которая не соответствует рыночным правилам, применяемым в торговом и промышленном обороте. М. В. Залеская [5] высказывает схожую точку зрения и акцентирует внимание на применении при недобросовестной конкуренции таких методов и приемов, которые неприемлемы с точки зрения этики бизнеса. Многие авторы рассматривают недобросовестную конкуренцию с позиции правонарушения, совершаемого хозяйствующим субъектом с умыслом и посягающего на свободу конкуренции – такого подхода придерживаются А. С. Глаголева [1], М. А. Егорова [2], В. И. Еременко [4], С. А. Парашук [11], К. Ю. Тотьев [15] и др.

При этом необходимо отметить, что в отношении такого подхода (определения недобросовестной конкуренции как правонарушения) есть критики – например, Д. И. Серегин [13]. Однако, представляется, что понимание недобросовестной конкуренции как правонарушения более корректно, поскольку представляется, что действие, образующее недобросовестную конкуренцию, содержит в себе признаки правонарушения.

Полагаем, что недобросовестную конкуренцию следует рассматривать в качестве правонарушения по следующим основаниям:

- 1) носит общественно-опасный характер, так как может привести к причинению убытков или ущерба деловой репутации конкурирующих хозяйствующих субъектов;
- 2) имеет противоправный характер (согласно ст. 4 Федерального закона № 135-ФЗ от 26 июля 2006 года «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции), такие действия противоречат законодательству Российской Федерации);
- 3) совершена субъектами права – организациями, обладающими дееспособностью и правоспособностью;
- 4) осуществлена виновными лицами, как уже указывалось выше, представляется, что при недобросовестной конкуренции вина имеет форму умысла;
- 5) имеет форму действия или бездействия – видится, что и здесь недобросовестная конкуренция, которая по закреплённому законодателем определению всегда является действием, также подходит под признаки правонарушения.

Важной выглядит позиция Верховного Суда РФ, согласно которой необходимо оценить данные действия, в том числе, и по критериям, перечисленным в ст. 10.bis Конвенции по охране промышленной собственности (далее – Парижская конвенция)¹, согласно которой запрещены акты конкуренции, противоречащие честным обычаям в промышленных и торговых делах².

В отношении ненадлежащей рекламы в научном сообществе существуют также различные точки зрения. Но, по нашему мнению, наиболее верными видятся трактовки ненадлежащей рекламы, основанные на нормах Федерального закона № 38-ФЗ от 13 марта 2006 года «О рекламе»³ (далее – Закон о рекламе). В частности, такой точки зрения придерживается В. А. Егупов [3], отмечая такие признаки, как недобросовестность и недостоверность. Ю. С. Куликова [8] указывает, что ненадлежащая реклама не соответствует требованиям, предъявляемым к ней согласно ст. 5 Закона о рекламе, либо специальным требованиям (содержание, время, место и способ распространения). О. В. Сушкова [14] акцентирует внимание на несоответствии ненадлежащей рекламы морально-этическим требованиям.

Полагаем, что для исследования сущности ненадлежащей рекламы и её отграничения от правомерной рекламы необходимо рассмотреть само назначение рекламы и ее функции.

Е. В. Медянка [10], исходя из коммуникационной функции рекламы, рассматривает ее как распространяемую информацию о физических или юридических лицах, производимых ими товарах и оказываемых услугах, а также высказываемых ими идеях и начинаниях с целью сформировать коммерческий интерес к ним у неопределенного круга лиц. Исползуется в научном сообществе и подход, когда реклама понимается как деятельность, имеющую экономическую основу и сопровождающую человечество на протяжении всей истории его развития. Еще один подход предлагает З. Ш. Шугаилов [16], рассматривая рекламу как произведение, защищенное законодательством об авторском праве, в большей степени как «рекламную продукцию», являющуюся товаром. Представляется интересной идея Е. А. Коротковой [7] объединить указанные три подхода «воедино» для формирования более полного понятия рекламы.

Исходя из темы исследования важным видится различие между объектами рассматриваемых нарушений: недобросовестная конкуренция направлена на получение преимуществ и причинение ущерба конкурентам (от нее «страдают» преимущественно хозяйствующие субъекты), в то время как ненадлежащая реклама нарушает интересы, в первую очередь, неопределенного круга лиц, которыми являются в большинстве своем потребители (такой вывод можно сделать на основании определения «реклама», данного законодателем). Однако, ненадлежащая реклама может также оказать негативное влияние и на конкурентов рекламодателя, например, при наличии в рекламном материале некорректного сравнения с товарами другого продавца. Некоторые авторы (например, Д. Д. Семенова [12]) также отмечают, что ненадлежащая реклама направлена на получение преимуществ в борьбе с конкурентами, что является расширительным толкованием закона, однако видится, что цель рекламы в этом и заключается.

Высший Арбитражный суд РФ указал на разницу между недобросовестной конкуренцией и ненадлежащей рекламой в способе совершения нарушения: например, при некорректном сравнении, содержащемся в рекламе, нарушитель должен быть привлечен к ответственности по ст. 14.3 КоАП РФ (Нарушение законодательства о рекламе), а не по ст. 14.33 КоАП РФ (Недобросовестная конкуренция)⁴.

Данный подход широко применяется на практике, в частности, Федеральная антимонопольная служба развила эту идею, отметив, что при передаче информации не только в рекламных материалах, креативах, но и другими способами (в том числе, на этикетках товара, в переписке с контрагентами), нарушитель привлекается к ответственности по статье 14.33 КоАП РФ⁵. Вместе с тем, полагаем, что данный подход подлежит критической оценке, поскольку суть различия между ненадлежащей рекламой и недобросовестной конкуренцией гораздо глубже, чем просто способ её подачи. Ограничиваться этим критерием – значит упускать из виду более важные аспекты.

Основным инструментом запрещения недобросовестной конкуренции в первую очередь следует считать антимонопольное законодательство, а ненадлежащей (недобросовестной) рекламы – законодательство о рекламе.

Субъектами нарушения при размещении ненадлежащей (недобросовестной) рекламы выступают рекламодатели, рекламораспространители (и иногда – рекламопроизводители), которые, по мнению И. Р. Кульшарипова [9], также являются хозяйствующими субъектами в понимании Закона о защите конкуренции.

Если рассматривать такую неотъемлемую характеристику как направленность действия, то в ненадлежащей (недобросовестной) рекламе – это продвижение товаров и услуг перед потребителем, в свою очередь, при недобросовестной конкуренции основной целью субъектов таких отношений следует считать получение конкурентного преимущества.

Представляется, что недобросовестная конкуренция – это более широкое понятие. Она охватывает любые действия участников рынка, которые противоречат принципам честной борьбы за экономическое преимущество. К недобросовестной конкуренции относится и незаконное использование средств индивидуализации, и дискредитация конкурентов, и другие действия, которые наносят ущерб другим участникам рынка (конкурентам).

Ненадлежащая реклама, однако, фокусируется на сообщении потребителю рекламы о товаре или услуге и связана с распространением рекламной информации, которая является недобросовестной или недостоверной.

Одной из проблемных сфер пересечения Закона о защите конкуренции и Закона о рекламе является некорректное сравнение в рекламе. Представляется, что это самый яркий пример, ведь категории, указанные в обоих законах, очень схожи, а сравнение своего товара с товаром конкурента – один из излюбленных приемов хозяйствующих субъектов. Закон о рекламе запрещает некорректное сравнение объекта рекламы с товарами других производителей, что означает, что иные сравнения, корректные, под запрет не попадают.

Такой вывод подтверждается судебной практикой – так, в одном деле заявитель обратился в антимонопольный орган с жалобой на рекламную листовку оператора связи, где содержалась сравнительная таблица тарифов мобильных операторов региона, которая, по информации от заявителя, содержала недостоверные данные. В частности, стоимость тарифа одного из операторов была рассчитана по его внутреннему курсу, что могло вводить потребителей в заблуждение относительно реальной выгоды от приобретения услуг именно этого оператора. Суд установил, что данные, содержащиеся в рекламных листовках и отражающие сравнение тарифов нескольких операторов связи, достоверны, поэтому их распространение не противоречит нормам Закона о рекламе⁶.

Закон о защите конкуренции в ст. 14.3 запрещает недобросовестную конкуренцию, выраженную в некорректном сравнении хозяйствующего субъекта (или его товара) с конкурентом, путем создания искаженного представления об их превосходстве, в том числе, с использованием неправильных логических цепочек с целью

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.03.2021 № 2 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением судами антимонопольного законодательства» // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2021. - № 5.

2 Конвенция по охране промышленной собственности (заключена в Париже 20.03.1883) // Закон. - 1999. - № 7.

3 Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Российская газета. - 2006 (15 марта).

4 Постановление Пленума ВАС РФ от 08.10.2012 № 58 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами

Федерального закона «О рекламе» // Вестник ВАС РФ. - 2012. - № 12.

5 Приказ ФАС России от 28.12.2023 № 1079/23 «Об утверждении руководств по соблюдению обязательных требований в сфере рекламы» (опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

6 Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.06.2007 № 17АП-4019/2007-АК по делу № А71-1041/2007-А5 // СПС «ГАРАНТ».

внедрения негативной оценки конкурента (или его товара). ФАС России разъяснил в своем Письме от 24 декабря 2015 года № ИА/74666/15, что некорректное сравнение может осуществляться в двух формах: негативной (принижение достоинств товара/услуги конкурента при одновременном возвышении качеств собственного товара/услуги) и позитивной (без подрыва репутации чужого продукта, а с ее использованием для продвижения своего товара/услуг – как некоего более востребованного аналога)⁷.

Представляется, что некорректное сравнение как недобросовестная конкуренция значительно больше описано законодателем, чем как недобросовестная реклама. В отличие от нормы ст. 14.3 Закона о защите конкуренции, рекламное законодательство не устанавливает в качестве обязательного требования для квалификации недобросовестной рекламы, совершенной путем некорректного сравнения, сопоставления хозяйствующим субъектом себя или своего товара непосредственно с конкурентами, а также не конкретизирует способы выражения некорректного сравнения в рекламе. Тем не менее, полагаем, что основным разграничением некорректного сравнения в обоих случаях остается причинение (или риск причинения) убытков другому хозяйствующему субъекту.

Еще одна из проблемных сфер пересечения норм ст. 14.3 Закона о защите конкуренции и Закона о рекламе заключается в соотношении недобросовестной рекламы и недобросовестной конкуренции путем дискредитации, направленной на предоставление информации ложного характера о товаре/услуге другого лица, а также неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту либо нанести ущерб его деловой репутации. Важно, что в обоих нормативных актах используется практически идентичная формулировка дискредитации. Поэтому представляется, что из всех схожих составов правонарушений эти категории наиболее близки по содержанию друг другу. Применительно к ним видятся только два отличия: причинение ущерба или убытков в обязательном порядке конкуренту (в отношении недобросовестной конкуренции), а также форма распространения (только в рекламе – для целей привлечения к ответственности по ст. 14.3 КоАП РФ).

В качестве примера дискредитации в рекламе можно привести кампанию, где сознательно порочится товар конкурента, в частности, если ему приписываются несуществующие побочные эффекты.

Интересным представляется вопрос о квалификации нарушения, которое связано с размещением на цифровых платформах информации, например, в форме отзывов, содержащих негативную оценку товара продавца; или же распространение схожей информации в карточке товара (в частности, в виде сравнения с карточкой товара другого продавца и распространением ложной информации о нем для формирования определенного покупательского поведения). Представляется, что такие нарушения могут быть расценены как дискредитация по Закону о защите конкуренции. Однако, учитывая тенденцию регулятора к признанию продвижения карточки товара рекламой, представляется, что если недобросовестный продавец приобретет услугу по продвижению на цифровой платформе и разместит дискредитирующую конкурента карточку вверху поисковой выдачи, то такое действие в перспективе может быть расценено уже как нарушение Закона о рекламе.

Таким образом, недобросовестная конкуренция и ненадлежащая (недобросовестная) реклама являются смежными, но не тождественными правовыми категориями, различающимися по своей сущности и объекту защиты. Первая направлена на получение преимущества путем причинения вреда конкретным конкурентам. Вторая же нарушает установленный порядок информирования потребителей. Не всякая ненадлежащая реклама образует состав недобросовестной конкуренции, однако любой акт недобросовестной конкуренции, выраженный в форме рекламы, квалифицируется как ненадлежащая (недобросовестная) реклама.

Ключевым критерием для разграничения выступает направленность действий недобросовестной конкуренции на причинение ущерба другим хозяйствующим субъектам. Практика формального разграничения исключительно по способу распространения информации (например, рекламный креатив против этикетки товара) представляется поверхностной, так как игнорирует это существенное различие. Наиболее ярко проблема пересечения проявляется в составах дискредитации и некорректного сравнения, где рекламное законодательство зачастую содержит менее детальную регламентацию по сравнению с антимонопольным, сохраняя общий принцип приоритета защиты публичных интересов.

Пристатейный библиографический список

1. Глаголева А. С. Понятие и признаки недобросовестной конкуренции // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). - Чита: Издательство Молодой ученый, 2017. - С. 56-58.
2. Егорова М. А. Возмещение убытков как способ защиты гражданских прав при нарушении антимонопольного законодательства // Lex russica (Русский закон). - 2017. - № 5 (126). - С. 95-104.
3. Егупов В. А. Теория и практика юридической науки // Вестник Академии права и управления. - 2017. - № 1 (46). - С. 85-93.
4. Еременко В. И. О пресечении недобросовестной конкуренции // Вопросы изобретательства. - 1992. - № 1-2. - С. 28-30.
5. Залеская М. В. Недобросовестная конкуренция: некоторые проблемы неправомерного получения, использования и разглашения конфиденциальной коммерческой информации // Законодательство и экономика. - 1998. - № 5. - С. 23-34.
6. Зименкова О. Н. Правовое регулирование борьбы с недобросовестной конкуренцией в ЕЭС и в странах-членах сообщества: дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 1984. - 192 с.
7. Короткова Е. А. Правовая природа отношений рекламного характера в сети Интернет в рамках нормативного правового и договорного регулирования // Право и государство: теория и практика. - 2025. - № 1. - С. 341-344.
8. Куликова Ю. С. Ненадлежащая реклама как форма недобросовестной конкуренции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2003. - 24 с.
9. Кулышарипов И. Р. К вопросу о субъектах рекламной деятельности // Science Time. - 2016. - № 4 (28). - С. 456-458.
10. Медянцева Е. В. Правовое регулирование рекламной информации: дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2002. - 146 с.
11. Парашук С. А. Недобросовестная конкуренция: содержание и правовые средства её пресечения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 1996. - 24 с.
12. Семенова Д. Д. Правовые аспекты и коллизии соотношения недобросовестной конкуренции и недобросовестной рекламы // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. - 2016. - № 2. - С. 248-258.
13. Серегин Д. И. Недобросовестная конкуренция как правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук. - Москва, 2002. - 159 с.
14. Сушкова О. В. Конкурентные механизмы оборота фармацевтических изделий и биотехнологий в предпринимательской деятельности // Конкурентное право. - 2019. - № 2. - С. 17-24.
15. Тотьев К. Ю. Конкуренция и монополии: Правовые аспекты регулирования: учеб. пособие. - Москва: Юрист, 1996. - 261 с.
16. Шутаилов З. Ш. Возможные пути дальнейшего совершенствования договорных правоотношений в сфере рекламы // Реклама и право. - 2006. - № 1. - С. 9-21.

7 Письмо ФАС России от 24.12.2015 № ИА/74666/15 «О применении «четвертого антимонопольного пакета» ФАС России. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://fas.gov.ru/documents/ia-74666-15?ysclid=mmhzks1f0309630042>.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-3-214-380-382

МОСКОВЕЦ Андрей Евгеньевич

соискатель на ученую степень кандидата юридических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; руководитель направления, Банк России

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПАРАЛЛЕЛЬНОЙ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ: НЕОЧЕВИДНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ АНТИСАНКЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ 2022 ГОДА

В статье исследуется правовой статус денежных средств, находящихся на банковских счетах типа «С». Указанный вид банковских счетов был введен Указом Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» в рамках российского антисанкционного регулирования. Банковский счет типа «С» введен для целей исполнения обязательств, поименованных в указе, перед нерезидентами. В статье исследуются особенности эмиссии, учета и обращения денежных средств, находящихся на банковских счетах типа «С». Определение отдельных специфических особенностей позволяет выделить денежные средства, находящиеся на банковских счетах типа «С», в качестве самостоятельного нового элемента российской денежной системы.

Ключевые слова: банковский счет, банковский счет типа «С», денежная система, антисанкционное регулирование.

MOSKOVETS Andrey Evgenjevich

competitor for the degree of Ph.D. in Law, M. V. Lomonosov Moscow State University; Head of the Department, Bank of Russia

THE EMERGENCE OF A PARALLEL MONETARY SYSTEM IN RUSSIA: THE NON-OBVIOUS CONSEQUENCES OF ANTI-SANCTIONS REGULATION IN 2022

The article examines the legal status of funds held in bank accounts of type "C". This type of bank account was introduced by Decree of the President of the Russian Federation dated 05.03.2022 No. 95 "On the temporary procedure for fulfilling obligations to certain foreign creditors" within the framework of Russian anti-sanctions regulation. A bank account of type "C" was introduced for the purpose of fulfilling the obligations mentioned in the decree to non-residents. The article examines the features of the issue, accounting and circulation of funds held in bank accounts of type "C". The definition of certain specific features makes it possible to allocate funds held in bank accounts of type "C" as an independent new element of the Russian monetary system.

Keywords: bank account, bank account of type "C", monetary system, anti-sanctions regulation.

Московец А. Е.

Согласно статье 75 Конституции Российской Федерации денежной единицей в Российской Федерации является рубль, денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации, введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются.

Ранее в Российской Федерации существовал Закон РФ от 25 сентября 1992 г. № 3537-1 «О денежной системе Российской Федерации», который закреплял, что денежная система Российской Федерации включает в себя официальную денежную единицу, порядок эмиссии наличных денег, организацию и регулирование денежного обращения¹. Несмотря на отмену указанного закона Российской Федерации, предложенный в нем подход к определению составных элементов денежной системы представляется корректным: основополагающим элементом любой денежной системы выступает денежная единица (в России – рубль), с чем также согласны исследователи².

Рубль Российской Федерации согласно статье 30 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (далее – Закон № 86-ФЗ) является безусловным обязательством Банка Рос-

сии и обеспечивается всеми его активами. Статьей 140 «Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая)» от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (далее – ГК РФ) установлено, что рубль является законным платежным средством. Федеральным законом от 10 декабря 2003 г. N 173-ФЗ (ред. от 28 декабря 2024 г.) «О валютном регулировании и валютном контроле» установлено, что российский рубль может быть представлен в виде денежных знаков и средств на банковских счетах (вкладах).

В силу того, что Банк России является эмитентом рубля, он предоставляет рубли (денежные средства) банкам через механизм кредитования на корреспондентские счета кредитных организаций, открытые в Банке России (т.н. предоставление ликвидности). Отдельные аспекты такой «эмиссии» закреплены нормативными актами Банка России, к которым, например, относятся положение Банка России от 29 июня 2021 г. № 762-П, положение Банка России от 28 июня 2017 г. № 590-П, положение Банка России от 23 октября 2017 г. № 611-П, положение Банка России от 31 июля 2025 г. № 864-П. Таким образом, статус «должника последней инстанции», либо «кредитора последней инстанции» (в зависимости от взгляда на правоотношения Банка России и кредитных организаций) по безусловному обязательству, именуемому рубль, принадлежит Банку России³. Данный статус выражается в том, что

1 Закон РФ от 25 сентября 1992 г. № 3537-1 (последняя редакция) «О денежной системе Российской Федерации». Ст. 2. // СПС «Консультант Плюс».

2 Финансовое право: учебник / под общ. ред. Э. Д. Соколовой; отв. ред. А. Ю. Ильин. М.: Проспект, 2019.

3 Предпринимательское право: учебник: в 2 т. / А. П. Алексеенко, А. М. Баринов, А. Ю. Бушев и др.; под ред. В. Ф. Попондопуло. 6-е

все кредитные организации обязаны иметь банковские счета в Банке России, то есть Банк России выступает последним (или наоборот – первым) местом учета рублей.

Следовательно, представляется возможным в некоторой степени идентифицировать рубль согласно вышеуказанным признакам – это имущественное право, эмитируемое Банком России и являющееся законным средством платежа.

Рубль может быть представлен в документарной форме (наличные денежные средства), а также в бездокументарной форме – безналичные денежные средства. Указанные виды рубля по своей сути представляют собой одно и то же имущественное право, однако особенности их обращения значительно отличаются. Субстантивные признаки, описанные выше, остаются применимыми к обеим формам рубля – их эмитентом является Банк России, они являются законным платежным средством, их обращение регулируется законодательством Российской Федерации.

Остановимся на бездокументарной форме рубля – безналичные денежные средства. Бездокументарная форма имущественного права требует надлежащего порядка его фиксации и учета. Так, ценные бумаги учитываются на счетах депо (статья 149.2 ГК РФ), а безналичные денежные средства – на банковских счетах. Исходя из совокупности норм статей 858-859, 861-862 ГК РФ, статей 5-7, 11 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» и положения Банка России от 29 июня 2021 г. № 762-П «О правилах осуществления перевода денежных средств» безналичные денежные средства существуют исключительно в виде соответствующей записи на банковских счетах, и их обращение (расчеты) осуществляется только посредством изменения записей по таким счетам.

Законодательство Российской Федерации устанавливает возможность ограничения распоряжения денежными средствами в отдельных случаях. При этом, например, исходя из положений статей 76 «Налогового кодекса Российской Федерации (часть первая)» от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ, 858 ГК РФ, статьи 7 Федерального закона от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», статей 8-9 Федерального закона от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе», ограничения на распоряжение безналичными денежными средствами осуществляются в форме введения ограничений в отношении банковского счета.

Вышесказанное позволяет сделать следующий интересный вывод в отношении безналичной формы рубля: имущественное право как таковое определяется «режимом» банковского счета, на котором учитываются безналичные денежные средства, и именно банковский счет определяет совокупность прав, которыми обладает собственник денежных средств.

Соответственно, безналичный рубль не может существовать в отсутствие банковского счета, а также ограничения, накладываемые на банковский счет, непосредственно влияют на имущественное право, учитываемое на таком счете. Таким образом, существует правовая связь имущественного права с режимом банковского счета, на котором учитываются безналичные денежные средства.

Соответственно, безналичный рубль можно определить как имущественное право, должником по которому (или эмитентом) выступает Банк России, существующее в виде записи на банковском счете. Или, иными словами, безналич-

ный рубль – это запись на банковском счете. Такую характеристику также предлагают отдельные исследователи.⁴ При этом субстантивной характеристикой безналичного рубля в контексте понятия денежной системы выступает то, что он является законным средством платежа. Некоторые исследователи справедливо указывают, что банковский счет по своей сути представляет собой право требовать выдачи денежных средств с банковского счета [1].

Статьей 859 ГК РФ предусмотрены последствия расторжения договора банковского счета. Так, при отсутствии в течение двух лет денежных средств на счете клиента и операций по этому счету банк вправе в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора банковского счета, что влечет за собой закрытие счета.⁵ При закрытии счета банк обязан возратить учитываемые денежные средства. Соответственно, не только безналичный рубль не может существовать без банковского счета, но и банковский счет не может существовать без безналичных денежных средств на нем.

Законодательство Российской Федерации также устанавливает перечень допустимых операций по банковскому счету, которые фактически представляют собой перечень допустимых способов распоряжения денежными средствами, что обусловлено статусом законного средства платежа. Статья 845 ГК РФ и статья 5 Федерального закона от 02 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности», а также Инструкция Банка России от 30 июня 2021 г. № 204-И «Об открытии, ведении и закрытии банковских счетов и счетов по вкладам (депозитам)» в общем виде закрепляют допустимые способы распоряжения безналичными рублями: (1) перевод на другой счет, и (2) выдача наличных.

При этом как перевод денежных средств между банковскими счетами, так и выдача наличных представляют собой разновидности двух основных способов распоряжения денежными средствами: списание с банковского счета и зачисление на банковский счет. Соответственно, в отношении безналичного рубля существуют два возможных способа распоряжения: списание и зачисление.

Исходя из вышеуказанного, следует закрепить следующую неразрывную юридическую взаимосвязь безналичного рубля и банковского счета: (1) ограничения, накладываемые на банковский счет, одновременно влекут ограничения для денежных средств на нем; (2) банковский счет не может существовать без безналичных денежных средств, равно как и наоборот; (3) право распоряжения денежными средствами приравнено к перечню допустимых операций по банковскому счету.

Здесь также следует кратко остановиться на понятии банковского счета. Российское законодательство не содержит понятия банковского счета, ГК РФ непосредственно отождествляет понятие банковского счета с договором банковского счета. Соответственно, категория «банковский счет» определяется через основание – договор и ранее описанные допустимые операции по нему.

Из указанных размышлений можно сделать интересное допущение, которое необходимо нам для последующего анализа в рамках настоящей статьи – банковский счет (договор

4 Ефимова Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: монография. М.: Проспект, 2018; Банковское право: Учебник для бакалавров / Е. С. Губенко, А. А. Кликушин, М. М. Прошунин и др.; под ред. И. А. Цинделиани. М.: Российский государственный университет правосудия, 2016.

5 «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Ст. 859. Ч. 2. // СПС «Консультант Плюс».

банковского счета) фактически является тем же самым, что и денежные средства на нем: это разные названия одного и того же правового явления, заключение договора банковского счета и подача соответствующего распоряжения (например, о зачислении денежных средств) влечет создание нового сложного объекта гражданского права – безналичного рубля. В силу указанного, по нашему мнению, именно банковский счет (договор банковского счета) определяет правовую природу имущественных прав, учитываемых на таком счете – безналичных рублей.

Таким образом, мы можем выделить несколько основных признаков безналичного рубля как составляющей российской денежной системы: (1) возможность переводов на другие банковские счета и снятие наличных (то есть – особенности обращения рубля как составляющей денежной системы), (2) его эмиссию осуществляет Банк России, выступающий должником по данному виду имущественного права, (3) безналичный рубль является законным средством платежа. Данные три признака безналичного рубля во взаимосвязи с банковским счетом, по нашему мнению, являются универсальными для определения безналичной денежной системы в целом – именно они определяют понятие «безналичный рубль» через описание его основных характеристик.

Указ Президента Российской Федерации от 05.03.2022 № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» (далее – Указ № 95) создал в правовой системе новый вид банковского счета – банковский счет типа «С». Особенности такого счета были установлены решением Совета директоров Банка России от 21 ноября 2022 г. «Об установлении режима счетов типа «С» для проведения расчетов и осуществления (исполнения) сделок (операций), на которые распространяется порядок исполнения обязательств, предусмотренный Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 года № 95 «О временном порядке исполнения обязательств перед некоторыми иностранными кредиторами» (далее – Решение о режиме счета).

Решение о режиме счета установило перечень допустимых операций по банковским счетам типа «С», как мы писали выше – перечень допустимых способов распоряжения безналичными денежными средствами. Например, по общему правилу с банковского счета типа «С» безналичные денежные средства могли быть перечислены только на другой банковский счет типа «С», либо в соответствии с иными специальными основаниями (на основании разрешений того или иного уполномоченного органа, либо по отдельным видам сделок). Таким образом, банковский счет типа «С» и «обычный» банковский счет отличаются по своей правовой природе в силу наличия отдельных видов ограничений в отношении допустимых операций, а значит они имеют разные правила обращения указанных денежных средств. Более того, Решение о режиме счета не предполагает возможность снятия наличных денежных средств, соответственно, возникает справедливый вопрос – в отсутствие такого системообразующего признака «классического» банковского счета, как снятие наличных денежных средств, можем ли мы относить к банковским счетам счета типа «С»?

Операции по банковскому счету типа «С» ограничены; при этом, в отличие от возможных ограничений в отношении «обычных» банковских счетов (например, арест или заморозка операций), ограничения банковского счета типа «С» имманентны – они неразрывно присущи этому виду счета и определяют его как отдельный вид банковского счета. Исхо-

дя из положений Решения о режиме счета, мы также можем сделать вывод, что безналичные рубли типа «С» не являются законным средством платежа, так как режим банковского счета типа «С» не позволяет соответствующим образом распоряжаться безналичными денежными средствами.

Последний признак – эмиссия безналичного рубля Банком России – также в некоторой степени неприменим к безналичным рублям типа «С». Согласно решению Совета директоров Банка России от 11 марта 2022 г. «Об организации расчетов по счетам типа «С» (далее – Решение о расчетах) денежные средства, учитываемые на банковских счетах типа «С», имели конечную корреспонденцию с Государственной корпорацией «Агентство по страхованию вкладов» (далее – АСВ), то есть кредитные организации обязаны открывать банковские счета типа «С» в АСВ. Из положений Решения о расчетах можно сделать вывод, что «должником последней инстанции» по обязательству, именуемому «безналичный рубль типа «С», выступает именно АСВ, а не Банк России. Мы не можем непосредственно констатировать, что указанная государственная корпорация является эмитентом безналичного рубля типа «С», так как это прямо не закреплено в соответствующих положениях. Однако ранее мы установили, что «должник последней инстанции» и эмитент рубля приравнены в российском законодательстве в отношении Банка России.

Ранее мы выделили три признака безналичного рубля, которые определяют его как основу российской денежной системы. Антисанкционное регулирование закрепило в российской правовой системе новый вид счета, который всеми своими субстантивными признаками отличается от классических банковских счетов, вплоть до того, что он открывается не на основании договора банковского счета, а на основании заявления стороны по денежному обязательству. Безналичный рубль типа «С» не является законным платежным средством, конечный его учет осуществляется не Банком России, а АСВ, его обращение строго ограничено.

Таким образом, в российской правовой (и экономической) системе сложилась параллельная система правоотношений, связанных с новой категорией денег – безналичных рублей типа «С». Представляется очевидным, что указанный вид рублей рано или поздно должен будет либо исчезнуть, либо интегрироваться в «классическую» денежную систему.

Пристатейный библиографический список

1. Ефимова Л. Г. Безналичные деньги - законное средство платежа // Закон. 2000. № 3.
2. Ефимова Л. Г. Договоры банковского вклада и банковского счета: монография. М.: Проспект, 2018 @@ Банковское право: Учебник для бакалавров / Е. С. Губенко, А. А. Кликушин, М. М. Прошунин и др.; под ред. И. А. Цинделиани. М.: Российский государственный университет правосудия, 2016.
3. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. / А. П. Алексеенко, А. М. Баринов, А. Ю. Бушев и др.; под ред. В. Ф. Попондопуло. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. Т. 2.
4. Финансовое право: учебник / под общ. ред. Э. Д. Соколовой; отв. ред. А. Ю. Ильин. М.: Проспект, 2019.

ЗУБКОВА Мария Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения экономической деятельности, Институт права, Самарский государственный экономический университет

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ СЕРВИСА РАССРОЧКИ

Рассрочка платежей представляет собой структурированный метод оплаты, позволяющий потребителям оплачивать товары или услуги в течение определенного периода времени небольшими, запланированными платежами. Такая модель расчетов очень популярна, прежде всего, в электронной коммерции и розничной торговле. Регулирование услуг по рассрочке платежей за потребительские товары, в частности, услуг «Купи сейчас, заплати позже» (BNPL) и услуг «раздельной оплаты», в мире значительно ужесточается с целью лучшей защиты потребителей, при этом во многих юрисдикциях эти продукты переходят под действие традиционных законов о потребительском кредитовании. В 2026 году многие краткосрочные программы рассрочки без комиссий стали подлежать обязательной проверке на кредитоспособность, а также усилились требования к операторам сервисов рассрочки в отношении раскрытия потребителям информации относительно условий предоставления рассрочки.

Ключевые слова: рассрочка платежа, сервис рассрочки, оператор сервиса рассрочки, договор о предоставлении сервиса рассрочки.

ZUBKOVA Mariya Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support of economic activities sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF THE INSTALLMENT SERVICE

Installment payments are a structured payment method that allows consumers to pay for goods or services over a period of time in small, scheduled payments. This payment model is very popular, primarily in e-commerce and retail. The regulation of installment payment services for consumer goods, in particular, "Buy now, pay later" (BNPL) and "split payment" services, is being significantly tightened worldwide in order to better protect consumers, while in many jurisdictions these products are subject to traditional consumer credit laws. In 2026, many short-term installment programs without fees became subject to mandatory credit checks, and the requirements for installment service operators to disclose information to consumers regarding the terms of the installment plan increased.

Keywords: installment payment, installment service, installment service operator, installment service agreement.

Зубкова М. Н.

Возрастающая в последние годы популярность цифровых платформ для интернет-торговли сопровождается одновременным ростом ассортимента товаров, география субъектов дистанционной торговли становится все шире, а пользователи получают возможность круглосуточного обслуживания. Моментальное и незатратное оформление удобных условий платежа, возможность удовлетворения различных потребительских запросов на одной торговой площадке (маркетплейсе) в режиме онлайн, быстрая доставка неоплаченного или частично оплаченного товара – это очевидные и неоспоримые преимущества для покупателей. А одним из неоспоримых преимуществ совершения сделок в Сети является возможность оплаты товара в рассрочку [2].

Одним из самых распространенных в мировой практике видов рассрочки можно назвать «Купи сейчас, заплати позже» (BNPL), который представляет собой вид краткосрочного кредитования, позволяющий потребителям совершать покупки и оплачивать их позже. Существуют различные модели продуктов BNPL. Чаще всего, они подразделяются на рассроченную оплату, постоплату, долгосрочное кредитование с нулевой годовой процентной ставкой, долгосрочное кредитование с субсидированными процентами или комиссией.

Этот уникальный рынок динамично развивается и создает стимулы как для кредиторов BNPL, так и для их пар-

тнеров-продавцов, побуждая потребителей увеличивать свои расходы с помощью сервисов BNPL. Это привело к опасениям, что BNPL может ухудшить финансовое состояние потребителей, становясь причиной перерасхода средств и импульсивных покупок. Эти риски усугубляются тенденцией кредиторов представлять BNPL как разумный инструмент формирования бюджета, вместо того чтобы описывать его как форму кредита. Именно потребительские риски, связанные с несоблюдением регулирования BNPL стали причиной тенденций по устранению пробела в регулировании деятельности подобных сервисов [3].

Именно очень широкое распространение сервисов рассрочки привело к усилению регуляторного контроля, хотя в некоторых юрисдикциях предпочтительным путем является саморегулирование посредством отраслевых кодексов. Регуляторы обеспокоены тем, что потребители могут не до конца понимать последствия участия в схеме BNPL.

Регулирование услуг по рассрочке платежей за потребительские товары в последние годы в мире значительно ужесточается с целью лучшей защиты потребителей, при этом во многих юрисдикциях эти продукты переходят под действие традиционных законов о потребительском кредитовании. С текущего года многие страны начнут в обязательном порядке проверять кредитоспособность при предоставлении

рассрочки, а также усилят требования к раскрытию информации.

С 1 апреля 2026 года в России вступил в силу Федеральный закон от 31.07.2025 № 283-ФЗ «О деятельности по предоставлению сервиса рассрочки» (далее - Закон № 283-ФЗ)¹, в соответствии с нормами которого изменился порядок оплаты потребителями товаров, приобретаемых в рассрочку. Значение данного правового акта словно переоценить, поскольку он призван распространить механизмы защиты прав заемщиков по потребительским кредитам на потребителей, приобретающих товары, услуги (работы) в рассрочку. Причем у потребителей есть возможность, в случае невозможности выплатить полностью стоимость, выбрать сервис рассрочки или потребительский кредит. Другая важная цель данного закона заключается в контроле за задолженностью населения, цель которого минимизировать безнадёжную задолженность граждан.

Согласно ст. 2 Закона № 283-ФЗ деятельностью по предоставлению сервиса рассрочки следует считать деятельность, направленную на оказание оператором сервиса рассрочки услуг в соответствии с договором о предоставлении сервиса рассрочки. Сам сервис рассрочки представляет собой информационную систему в сети Интернет, в которой при помощи специальных технических средств и технологий заключаются договоры о предоставлении сервиса рассрочки между оператором и потребителем. В качестве оператора сервиса может выступать организация (обязательно хозяйственное общество), оказывающая услуги сервиса рассрочки потребителям в соответствии с заключенным между ними договором. Для целей оказания таких услуг, информация об операторе должна быть включена в реестр операторов сервиса рассрочки. Минимальный размер собственного капитала оператора должен быть не менее 5 млн. рублей. Некредитной финансовой организации запрещено совмещать свою деятельность с деятельностью оператора сервиса, исклучение сделано только для микрофинансовых организаций.

Ключевой обязанностью оператора сервиса рассрочки является утверждение правил предоставления сервиса рассрочки. Эти правила необходимо разместить на официальной странице оператора в сети Интернет, а также непосредственно в местах обслуживания пользователей. В правилах, помимо информации непосредственно о самом операторе и порядке заключения договора должны быть указаны вид и размер стоимости объекта рассрочки, порядок и сроки его оплаты оператором, сроки и порядок уплаты пользователем цены договора с оператором (периодичность платежей, если они предусмотрены), порядок изменения периодичности и размера платежей при досрочном погашении, вид и размер ответственности пользователя при нарушении оплаты договора.

В соответствии с договором о предоставлении сервиса рассрочки оператор совершает действия, связанные с оплатой товара (работы, услуги), приобретенного потребителем у продавца (исполнителя) в соответствии с договором, предусматривающим рассрочку оплаты. Пользователь, свою очередь, уплачивает оператору сервиса обусловленную в договоре между ними цену. Договор должен быть представлен в виде указанной в законе таблицы и заполняется четким, хорошо читаемым шрифтом.

Закон также устанавливает максимально допустимые для оплаты потребителем цены договора сроки. Если до-

говор с оператором будет заключен с 1 апреля 2026 года, то срок не может превышать 6 месяцев, а после 1 апреля 2028 года - 4 месяцев.

Запрещается заключать договор о предоставлении сервиса рассрочки, в случае если у пользователя имеется задолженность перед оператором сервиса и ее размер в совокупности с ценой договора о предоставлении сервиса превышает 50 тысяч рублей и оператор сервиса рассрочки не сообщает о заключенных с пользователем договорах в бюро кредитных историй.

Также Закон №283-ФЗ устанавливает предельный размер штрафных санкций в отношении потребителя по договору о предоставлении сервиса в размере 20 % годовых от суммы просроченной задолженности пользователя. Также оператор не вправе лишить пользователя права в любое время досрочно уплатить цену договора, причем без взимания платы.

В случае возникновения просрочки исполнения со стороны потребителя, оператор сервиса должен уведомить его о необходимости погашения долга, на что потребителю отводится 60 календарных дней. Если оператором ответ не будет получен в этот срок, а равно, если потребитель выразит отказ в погашении задолженности, оператор вправе обратиться в суд с исковым заявлением к пользователю.

В Европейском Союзе также, начиная с 20 ноября 2026 года, начинает действовать принятая в 2023 году Директива (ЕС) 2023/2225 Европейского парламента и Совета от 18 октября 2023 года о кредитных соглашениях для потребителей и отменяющая Директиву 2008/48/ЕС², которая распространит действие большинства платежей в рассрочку, включая платежи на срок менее 3 месяцев, на потребительское кредитование. Это потребует проверки кредитоспособности и ужесточения правил, хотя традиционная «оплата в рассрочку» (напрямую продавцу, без участия третьих лиц) может остаться за пределами этого правила (ст. 2).

С июля 2026 года Управление по финансовому регулированию и надзору Великобритании включает в британскую систему регулирования финансовых услуг беспроцентные продукты «Купи сейчас, заплати позже» ((Buy Now Pay Later)), предоставляемые сторонними кредиторами. Компании, работающие по модели «купи сейчас, получи позже», также будут обязаны проводить предварительные проверки, чтобы убедиться в платежеспособности заемщиков и упростить клиентам доступ к возврату средств. Потребители также смогут подавать жалобы на услуги BNPL в Финансовый омбудсмен — службу, созданную парламентом Великобритании для урегулирования споров между потребителями и компаниями, предоставляющими финансовые услуги³.

В США Нью-Йорк стал первым штатом, который ввел регулирование системы «купи сейчас, заплати потом» (BNPL), установив режим лицензирования, причем для процентных и беспроцентных продуктов нужны будут отдельные лицензии. Кроме того, кредиторы должны на основе анализа рисков проводить оценку платежеспособности заемщиков.

2 Директива (ЕС) 2023/2225 Европейского парламента и Совета от 18 октября 2023 года о кредитных соглашениях для потребителей и отменяющая Директиву 2008/48/ЕС. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32023L2225>.

3 Regulation of Buy-Now, PayLater Consultation on Draft Legislation. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/6710efdb8a62ffa8df77b28c/Regulation_of_BNPL_consultation_2024_-_final_17.10.pdf.

1 Собрание законодательства РФ. - 2025. - № 31. - Ст. 4637.

ШИРЯЕВ Родион

аспирант кафедры гражданского права, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

ЭВОЛЮЦИЯ ТРЕБОВАНИЙ К МИНИМАЛЬНОМУ УСТАВНОМУ КАПИТАЛУ В КВАЗИКОРПОРАТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫХ ФОРМАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ

В статье прослеживается трансформация института минимального уставного капитала в организационно-правовых формах, занимающих промежуточное положение между классическими корпорациями и товариществами, – обществах с ограниченной ответственностью и их функциональных аналогах (GmbH, UG, SARL, Ltd., LLC). Анализируются причины отказа ряда зарубежных правовых порядков от сколько-нибудь значительных требований к размеру уставного капитала таких обществ, а также альтернативные механизмы защиты кредиторов, получившие распространение в условиях девальвации капитальной модели. Показано, что реформирование данного института в праве квазикорпоративных форм протекает существенно интенсивнее, нежели в праве классических акционерных обществ, что подтверждает тезис о самостоятельности квазикорпоративных форм как объекта правового регулирования. Автор обосновывает позицию, согласно которой минимальный уставный капитал в квазикорпоративных формах уже не способен выполнять функцию гарантии интересов кредиторов и нуждается в дополнении иными защитными инструментами.

Ключевые слова: уставный капитал, минимальный капитал, общество с ограниченной ответственностью, GmbH, UG (haftungsbeschränkt), SARL, Ltd., LLC, защита кредиторов, квазикорпоративная форма, корпоративное право.

SHIRYAEV Rodion

postgraduate student of Civil law sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

EVOLUTION OF MINIMUM SHARE CAPITAL REQUIREMENTS IN QUASI-CORPORATE ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS IN FOREIGN JURISDICTIONS

The article traces the transformation of the institution of minimum share capital in organizational and legal forms occupying an intermediate position between classical corporations and partnerships – limited liability companies and their functional analogues (GmbH, UG, SARL, Ltd., LLC). The reasons for the abandonment by a number of foreign legal systems of any significant requirements for the share capital of such companies are analyzed, as well as alternative creditor protection mechanisms that have become widespread in the context of the devaluation of the capital maintenance model. It is shown that the reform of this institution in the law of quasi-corporate forms proceeds significantly more intensively than in the law of classical joint-stock companies, which confirms the thesis of the independence of quasi-corporate forms as an object of legal regulation. The author substantiates the position that the minimum share capital in quasi-corporate forms is no longer capable of fulfilling the function of guaranteeing creditors' interests and needs to be supplemented by other protective instruments.

Keywords: share capital, minimum capital, limited liability company, GmbH, UG (haftungsbeschränkt), SARL, Ltd., LLC, creditor protection, quasi-corporate form, corporate law.

Вопрос о минимальном размере уставного капитала юридических лиц – один из тех, которые на первый взгляд представляются сутобо техническими, но при ближайшем рассмотрении оказываются, тесно сплетены с фундаментальными проблемами корпоративного права: природой ограниченной ответственности, балансом интересов участников и кредиторов, пределами частной автономии учредителей при конструировании организационной формы. Настоящая статья продолжает эту линию исследования и посвящена одному конкретному аспекту правового режима квазикорпоративных форм, в котором их отличие от классических корпораций проявляется особенно рельефно.

Отправной точкой рассуждений служит следующее наблюдение: на протяжении последних трёх десятилетий именно применительно к квазикорпоративным формам законодатели зарубежных государств наиболее решительно пересматривали традиционные требования к минимальному уставному капиталу – вплоть до фактической отмены таких требований. Для классических корпораций (Aktiengesellschaft, Société anonyme, plc) минимальный капитал, как правило, сохраняется на относительно значимом уровне; для квазикорпоративных же форм он во многих юрисдикциях снижен до символических величин или элиминирован вовсе. Это расхождение не случайно и, по наше-

му убеждению, отражает глубинные различия в назначении двух категорий организационных форм.

Прежде чем обращаться к конкретным правовым порядкам, полезно напомнить теоретические основания, на которых зиждется требование о минимальном уставном капитале. Традиционно ему приписывают три основные функции [2, с. 134-135]. Во-первых, гарантийная функция: уставный капитал обеспечивает кредиторам общества некоторый минимальный имущественный фонд, к которому они могут обратиться взыскание в случае неисполнения обществом своих обязательств. Во-вторых, функция «серьёзности намерений» (Seriositätsfunktion, как её именуют в германской литературе): необходимость внесения определённой суммы при создании общества отсеивает недобросовестных учредителей, не располагающих достаточными ресурсами. В-третьих, стартовая (Startkapitalfunktion): уставный капитал обеспечивает вновь созданное юридическое лицо минимальными средствами, необходимыми для начала хозяйственной деятельности. В каждой из этих функций, однако, при более строгом рассмотрении обнаруживаются серьёзные изъяны, которые и послужили основанием для пересмотра капитальной модели.

Рассмотрим эволюцию капитальных требований в отдельных правовых порядках, начиная с германского права, которое – в силу того, что именно Германия создала первый в

мире прототип квазикорпоративной формы – представляет особый интерес.

Закон о GmbH 1892 года установил минимальный уставный капитал (*Mindeststammkapital*) в размере 20 000 марок – по тем временам сумму весьма существенную, рассчитанную на то, чтобы обеспечить кредиторам ощутимую гарантию¹. Со временем размер минимального капитала неоднократно пересматривался; в результате реформы 1980 года он был установлен на уровне 50 000 немецких марок, а после перехода на евро – зафиксирован в размере 25 000 евро (§ 5 Abs. 1 GmbHG)². Эта сумма оставалась неизменной на протяжении десятилетий и воспринималась как один из устоев германского права обществ.

Однако в 2000-х годах ситуация радикально изменилась – и импульс к переменам, что примечательно, пришёл извне. Решение Суда ЕС по делу *Centros* (1999)³, а затем по делам *Überseering* (2002)⁴ и *Inspire Art* (2003)⁵ установило, что свобода учреждения (*Niederlassungsfreiheit*), гарантированная Договором о функционировании Европейского Союза, позволяет предпринимателям из одного государства-члена учреждать компании в другом государстве-члене – в том числе с целью воспользоваться более мягкими требованиями к капиталу.

Ответом германского законодателя стала реформа 2008 года – Закон о модернизации права GmbH и противодействии злоупотреблениям (*MoMiG*)⁶, которую справедливо называют наиболее масштабной реформой GmbH-права за всю его историю. Среди прочих новелл *MoMiG* ввёл принципиально новую разновидность GmbH – предпринимательское общество (*Unternehmergesellschaft, UG (haftungsbeschränkt)*), для учреждения которого достаточно уставного капитала в размере 1 (одного) евро (§ 5a GmbHG)². Тем самым германский законодатель *de facto* отказался от сколько-нибудь значимого минимального капитала для квазикорпоративной формы – шаг, который за полтора десятилетия до того представлялся немыслимым для страны, породившей GmbH.

Вместе с тем отказ от минимального капитала был offset компенсаторных условий. UG обязано направлять четверть чистой ежегодной прибыли в резервный фонд до тех пор, пока совокупный размер уставного капитала и резервного фонда не достигнет 25 000 евро, после чего UG может быть преобразовано в полноценную GmbH (§ 5a Abs. 3 GmbHG)². Кроме того, UG обязано в своём наименовании использовать дополнение «(*haftungsbeschränkt*)», что предупреждает контрагентов о недостаточности его капитализации.

Французское право проделало сходный, хотя и несколько более прямолинейный путь. До 2003 года минимальный капитал SARL составлял 7 500 евро. Законом от 1 августа 2003 года (*Loi pour l'initiative économique*, так называемый *Loi Dutreil*) эта планка была снижена до символического 1 евро⁷. В отличие от германского подхода, французский за-

конодатель не стал вводить специальной «облегчённой» разновидности SARL: требование к капиталу было снижено для всех SARL единообразно, без компенсаторных механизмов в виде обязательного резервирования прибыли. Реформаторы исходили из того, что минимальный капитал в 7 500 евро – сумма, несоразмерная ни реальным потребностям бизнеса, ни ожиданиям кредиторов: для серьёзного коммерческого оборота она слишком мала, чтобы служить гарантией, а для мелкого предпринимателя – достаточно велика, чтобы стать препятствием [7, р. 812-813]. Подобный аргумент – капитал слишком мал, чтобы защищать, но достаточно велик, чтобы мешать – стал, пожалуй, наиболее ёмкой формулой критики капитальной модели.

Параллельно с SARL во Франции получила стремительное развитие форма *Société par actions simplifiée (SAS)*, введённая Законом от 3 января 1994 года и первоначально предназначенная для межкорпоративных альянсов, но после либерализации 1999 года ставшая доступной любым учредителям⁸. SAS, минимальный капитал которой также составляет 1 евро, а внутренняя организация определяется практически исключительно уставом (*statuts*), представляет собой, пожалуй, наиболее яркое воплощение тенденции к дерегуляции квазикорпоративных и «полукорпоративных» форм. По числу ежегодных регистраций SAS к 2020 году уверенно обогнала SARL, что, впрочем, не привело к исчезновению последней [7, р. 815].

Английское право, в отличие от континентальных право порядков, исторически не придавало минимальному капиталу значения, сопоставимого с германским или – до 2003 года – французским. *Companies Act 2006* не устанавливает для *private limited company (Ltd.)* какого-либо минимального размера уставного капитала; достаточно, чтобы компания имела хотя бы одну выпущенную акцию номинальной стоимостью, определяемой учредителями самостоятельно (*section 763*). Практически это означает возможность учреждения компании с капиталом в один пенни. Требование минимального капитала в размере 50 000 фунтов стерлингов установлено лишь для *public limited company (plc)* – классической корпоративной формы (*section 763*). Такое дифференцированное регулирование наглядно иллюстрирует различие подходов к двум категориям: для классической корпорации капитальный минимум сохраняется, для квазикорпоративной формы – отсутствует.

Право Соединённых Штатов демонстрирует ещё более радикальный подход. *Revised Uniform Limited Liability Company Act (RULLCA) 2006* года⁹ не содержит каких-либо требований к минимальному капиталу LLC. Более того, концепция уставного капитала (*stated capital*) как такового чужда американскому праву LLC: участники вносят вклады (*contributions*) в порядке, определённом операционным соглашением (*operating agreement*), а требование фиксированного капитала отсутствует [6, S. 414-416]. Пол Махони убедительно показал, что отказ от капитальных требований в праве LLC тесно связан с общей ориентацией американского корпоративного права на рыночные, а не легальные механизмы защиты кредиторов [5, р. 882].

Если минимальный капитал более не рассматривается как эффективный инструмент защиты кредиторов, то какие альтернативные механизмы выдвигаются на его место? Здесь необходимо упомянуть несколько направлений, каждое из которых по-своему восполняет лауну, образовавшуюся в результате эрозии капитальной модели.

Первое – это так называемый тест на платёжеспособность (*solvency test*, или *Solvenztest*), предполагающий за-

1 Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG) vom 20. April 1892 (RGBl.). - S. 477.

2 Gesetz betreffend die Gesellschaften mit beschränkter Haftung (GmbHG) in der Fassung der Bekanntmachung vom 20. Mai 1898, zuletzt geändert durch Art. 1 des Gesetzes vom 10. August 2021 (BGBl. I S. 3436) // gesetz-im-internet.de

3 EuGH, Urteil vom 9. März 1999, Rs. C-212/97 (*Centros Ltd. v. Erhvervs- og Selskabsstyrelsen*) // curia.europa.eu.

4 EuGH, Urteil vom 5. November 2002, Rs. C-208/00 (*Überseering BV v. Nordic Construction Company Baumanagement GmbH*) // curia.europa.eu

5 EuGH, Urteil vom 30. September 2003, Rs. C-167/01 (*Kamer van Koophandel en Fabrieken voor Amsterdam v. Inspire Art Ltd.*) // curia.europa.eu.

6 Gesetz zur Modernisierung des GmbH-Rechts und zur Bekämpfung von Missbräuchen (*MoMiG*) vom 23. Oktober 2008 (BGBl. I.). - S. 2026.

7 Loi n° 2003-721 du 1er août 2003 pour l'initiative économique (*Loi Dutreil*) // legifrance.gouv.fr.

8 Loi n° 94-1 du 3 janvier 1994 instituant la société par actions simplifiée; Code de commerce, art. L227-1 et seq. // legifrance.gouv.fr.

9 Revised Uniform Limited Liability Company Act (RULLCA), 2006; last amended 2013 // Uniform Law Commission, uniformlaws.org.

прет распределения имущества общества среди участников, если такое распределение повлечёт неспособность общества исполнять свои обязательства по мере наступления сроков их исполнения. Этот подход, традиционный для англо-американского права, в последние годы привлекает всё большее внимание и на континенте. Группа учёных, разработавших Модельный закон о европейском обществе с ограниченной ответственностью (European Model Company Act), включила solvency test в качестве основного критерия допустимости распределений [4, р. 137-140]. Достоинство этого подхода состоит в том, что он ориентирован на реальное финансовое состояние общества, а не на формальную цифру уставного капитала, которая зачастую не имеет никакого отношения к действительной платёжеспособности.

Второе направление – расширение ответственности участников и управляющих за действия, причиняющие ущерб кредиторам. В германском праве получил развитие институт ответственности за разрушение экзистенциальной основы общества (Existenzvernichtungshaftung), сформулированный Федеральным Верховным Судом Германии (BGH) в решении по делу «Trihotel» (2007)¹⁰. Суть его состоит в том, что участник GmbH, изымающий из общества активы, необходимые для исполнения его обязательств перед кредиторами, несёт личную деликтную ответственность по § 826 BGB (умышленное причинение вреда, противоречащее добрым нравам)¹¹. Данный механизм, по существу, представляет собой германский функциональный аналог англо-американской доктрины «снятия корпоративной вуали» (piercing the corporate veil), однако – в отличие от последней – основан не на игнорировании правосубъектности юридического лица, а на деликтной ответственности участника [3, с. 178].

Третье направление связано с усилением требований к раскрытию информации. Логика здесь проста: если кредитор не может полагаться на минимальный капитал как на гарантию, он должен иметь возможность самостоятельно оценить финансовое состояние контрагента. Обязательный аудит, публикация бухгалтерской отчётности, ведение реестров бенефициарных владельцев – всё это элементы информационной модели защиты кредиторов, которая приходит на смену капитальной [1, с. 213]. Примечательно, что Директива ЕС 2013/34/EU о годовой финансовой отчётности¹² дифференцирует объём обязанностей по раскрытию информации в зависимости от размера предприятия, а не от его организационно-правовой формы, тем самым де-факто признавая, что разграничение между AG и GmbH (или между SA и SARL) утрачивает значение в сфере финансовой прозрачности.

Отдельного замечания заслуживает вопрос о влиянии рассмотренных тенденций на российское право. Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает для общества с ограниченной ответственностью минимальный уставный капитал в размере 10 000 рублей¹³. Эта сумма, и без того невысокая на момент принятия соответствующей нормы, в результате инфляции утратила какое-либо содержательное значение. По существу, она не способна выполнять ни гарантийную, ни фильтрующую, ни стартовую функцию [2, с. 141]. Между тем российская доктрина и законодательная практика, по нашим наблюдениям, пока не в полной мере восприняли альтернативные – некапитальные механизмы защиты

кредиторов, получившие распространение в зарубежном праве. Введение института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц при банкротстве, предусмотренного главой III Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁴, представляет собой шаг в этом направлении, однако он затрагивает лишь одну и притом крайнюю ситуацию: несостоятельность должника. Целостная система защиты кредиторов, не опирающаяся на фикцию гарантийной функции минимального капитала, в российском праве пока не сформирована.

В качестве итога можно выделить несколько закономерностей, прослеживающихся в ходе эволюции капитальных требований к квазикорпоративным формам. Во-первых, наблюдается устойчивая тенденция к снижению или полной отмене требований к минимальному уставному капиталу – тенденция, охватившая практически все рассмотренные правовые порядки, хотя и с различной степенью решительности. Во-вторых, данная тенденция затрагивает преимущественно именно квазикорпоративные формы: для классических корпораций (AG, SA, plc) минимальный капитал, как правило, сохраняется, что лишний раз подтверждает нашу гипотезу об их самостоятельном месте в системе юридических лиц. В-третьих, девальвация капитальной модели компенсируется развитием альтернативных механизмов защиты кредиторов: теста на платёжеспособность, расширенной ответственности участников и управляющих, усиленных требований к раскрытию информации. В-четвёртых, рассмотренный опыт свидетельствует о необходимости критического переосмысления и отечественного подхода к уставному капиталу ООО: сохранение символического требования в 10 000 рублей без системы действенных альтернативных механизмов не отвечает ни гарантийным потребностям кредиторов, ни задачам стимулирования предпринимательской инициативы.

Пристатейный библиографический список

1. Габов А. В. Общества с ограниченной и дополнительной ответственностью в российском законодательстве. – М.: Статут, 2010. – 256 с.
2. Долинская В. В. Акционерное право: основные положения и тенденции. – М.: Волтерс Клаувер, 2006. – 736 с.
3. Суханов Е. А. Сравнительное корпоративное право. – 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2020. – 456 с.
4. Kraakman R. et al. The Anatomy of Corporate Law: A Comparative and Functional Approach. – 3rd ed. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 281 p.
5. Mahoney P. G. Contract or Concession? An Essay on the History of Corporate Law // Georgia Law Review. – 2000. – Vol. 34. – P. 873-893.
6. Merkt H., Göthel S. US-amerikanisches Gesellschaftsrecht. – 3. Aufl. – Frankfurt am Main: Verlag Recht und Wirtschaft, 2013. – 864 s.
7. Ripert G., Roblot R. Traité de droit commercial. – T. 1. – Vol. 2. – 21e éd. – Paris: LGDJ, 2022. – 1104 p.

10 BGH, Urteil vom 16. Juli 2007 - II ZR 3/04 (Trihotel) // bundesgerichtshof.de.

11 Bürgerliches Gesetzbuch (BGB), § 826 // gesetz-im-internet.de.

12 Directive 2013/34/EU of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on the annual financial statements // eur-lex.europa.eu.

13 Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ, ст. 14 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Российская газета. – 1998 (17 февраля). – № 30.

14 Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», глава III.2 // Российская газета. – 2002 (2 ноября). – № 209-210.

БЕРЕЗИН Павел Викторович

магистрант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет; младший юрисконсульт АО «Код Ноль»

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОГЛАШЕНИЙ О РАЗДЕЛЕ ПРОДУКЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются проблемы и перспективы правового регулирования соглашений о разделе продукции в Российской Федерации. Показано, что соглашение о разделе продукции представляет собой особую форму недропользования, сочетающую договорные и публично-правовые элементы, а также тесно связанную с законодательством о недрах, инвестиционным режимом и специальным порядком распределения ресурсной ренты. Раскрываются правовые основы современной модели соглашений о разделе продукции в России, анализируются подходы к определению их правовой природы, выявляются причины ограниченного применения данного механизма. Особое внимание уделено исключительному характеру режима соглашений о разделе продукции, сложности процедуры заключения соглашений, проблеме юридической неопределенности, действию стабилизационных оговорок и влиянию изменений 2022–2023 годов на субъектный состав проектов и применимое право. Сделан вывод о том, что дальнейшее развитие правового регулирования соглашений о разделе продукции должно быть связано с повышением правовой определенности, сокращением избыточных процедурных барьеров и более четким закреплением баланса интересов государства и инвестора.

Ключевые слова: соглашение о разделе продукции, недропользование, инвестиционный режим, правовое регулирование.

BEREZIN Pavel Viktorovich

master's student, Saint Petersburg State University of Economics; Junior Legal Counsel at JSC «Code Zero»

PROBLEMS AND PROSPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF PRODUCTION SHARING AGREEMENTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the problems and prospects of the legal regulation of production sharing agreements in the Russian Federation. It is shown that a production sharing agreement constitutes a special form of subsoil use combining contractual and public-law elements, and is also closely connected with subsoil legislation, the investment regime, and a special procedure for the distribution of resource rent. The legal foundations of the modern model of production sharing agreements in Russia are explored, approaches to determining their legal nature are analyzed, and the reasons for the limited use of this mechanism are identified. Particular attention is paid to the exceptional nature of the production sharing agreement regime, the complexity of the procedure for concluding such agreements, the problem of legal uncertainty, the operation of stabilization clauses, and the impact of the 2022–2023 changes on the composition of project participants and the applicable law. It is concluded that the further development of the legal regulation of production sharing agreements should be associated with increasing legal certainty, reducing excessive procedural barriers, and more clearly defining the balance of interests between the state and the investor.

Keywords: production sharing agreement, subsoil use, investment regime, legal regulation.

Соглашения о разделе продукции (далее – СРП) занимают особое место в российском праве, представляя особый интерес для изучения, поскольку затрагивают вопросы, связанные с недропользованием, налогообложением, инвестиционным режимом и соотношения интересов государства и инвестора. Актуальность темы связана с тем, что механизм СРП в Российской Федерации получил ограниченное применение, хотя изначально рассматривался как один из инструментов привлечения инвестиций в проекты освоения нефтегазовых месторождений.

Объектом работы выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере правового регулирования СРП в Российской Федерации.

Цель исследования состоит в выявлении основных проблем правового регулирования соглашений о разделе продукции в России и определении возможных направлений его дальнейшего развития.

Для достижения указанной цели в исследовании решаются две задачи. Первая заключается в раскрытии правовых

основ режима СРП и характеристике его современной модели в российском праве. Вторая связана с анализом ключевых проблем действующего регулирования и оценкой перспектив его совершенствования.

Методологическую основу работы составляют формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы.

Соглашение о разделе продукции в российском праве представляет собой специальную договорную форму предоставления права пользования недрами. Федеральный закон от 30.12.1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»¹ (далее – Закон о СРП) закрепляет, что Российская Федерация предоставляет инвестору на возмездной основе и на определенный срок исключительные права на поиски, разведку и добычу минерального сырья, а инвестор

Березин П. В.

1 О соглашениях о разделе продукции: Федеральный закон № 225-ФЗ от 30.12.1995 г. (ред. от 08.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 18.

принимает на себя обязанность вести работы за свой счет и на свой риск [4, с. 128-129]. Одновременно данный механизм не может существовать изолированно от общих положений Закона РФ от 21.02.1992 г. № 2395-1 «О недрах»², регулирующих вопросы недропользования в Российской Федерации. Указанный закон сохраняет основополагающее значение для определения публично-правового статуса недр, порядка и сроков предоставления участков недр, а также пределов государственного контроля. Из сказанного следует, что СРП нельзя свести к обычному гражданско-правовому договору, так как предметом соглашения выступает использование ресурса, находящегося в государственной собственности и имеющего стратегическое значение для государства.

В юридической литературе правовая природа СРП раскрывается через сочетание частноправовых и публично-правовых начал. Такой подход выглядит наиболее обоснованным. С одной стороны, в соглашении фиксируются права и обязанности сторон, имущественные условия, распределение продукции, ответственность и порядок разрешения споров. С другой стороны, сама возможность заключения СРП, состав участников, специальный налоговый режим и связь с лицензией предопределяются императивными нормами публичного права. Именно поэтому СРП в российской доктрине обычно рассматривается как смешанная либо комплексная конструкция, в которой договорный элемент сочетается с властным регулированием со стороны государства [1, с. 136-138].

Стоит отметить, что в российской практике СРП не стало равноправным и массовым способом недропользования. Изначально, по словам А. А. Конопляника, возглавлявшего в 1990-х годах группу разработчиков законодательства о СРП, рассматриваемый режим задумывался как значимая часть инвестиционного законодательства и как один из инструментов формирования более гибкой системы освоения недр. Смысл этого режима А. А. Конопляник видел не просто в особом налогообложении, а в создании комплексного экономико-правового инструмента развития всей национальной экономики [2, с. 97-98]. Однако в действующем виде СРП фактически приобрело исключительный характер. Закон связывает возможность его применения с особыми условиями, в том числе с отсутствием возможности эффективного освоения участка недр на иных условиях, отличных от СРП, а последующее внесение изменений в законодательство сделало доступ к такому режиму еще более усложненным. В итоге современная модель СРП в России строится не как общая альтернатива лицензии, а как специальный режим для ограниченного круга участков недр.

Содержание самого соглашения также подтверждает особый характер этой конструкции. Российская модель СРП основана не просто на передаче инвестору исключительных прав на поиск, разведку и добычу минерального сырья, а на специальном порядке распределения ресурсной ренты между государством и инвестором.

В действующих соглашениях применялась традиционная схема, при которой сначала определяются платежи за пользование недрами, затем инвестору выделяется компенсационная продукция для возмещения затрат, после чего оставшаяся прибыльная продукция делится между сторонами, а с доли инвестора уплачивается налог на прибыль. Такая

модель отличается от обычного лицензионного режима тем, что правовое регулирование здесь изначально строится вокруг проектного баланса интересов, а не только вокруг стандартного набора обязательных платежей.

Наконец, современное состояние СРП в России показывает, что данный институт сохраняет юридическое значение, но уже в существенно трансформированном виде. Так, например, А. Ф. Шарифуллина, анализируя современное состояние СРП в России, отмечает, что после политических событий, произошедших в последнее время у нас в государстве и мире, и изменений, касающихся существующих проектов СРП, произошедших в течение 2022–2023 года, во всех действующих проектах инвесторами выступают российские юридические лица, а применимое право смещается в сторону российского правопорядка [5, с. 103-105].

Сегодняшнюю модель СРП можно определить как специальный, узкий и сильно контролируемый государством режим недропользования, который сочетает договорную форму, элементы налоговой и инвестиционной стабильности и при этом остается встроенным в систему публичного управления недрами. Именно такая конструкция и создает основу для дальнейшего анализа ее проблем и перспектив.

Ключевая проблема российского регулирования СРП связана с тем, что данный механизм недропользования закреплён в законодательстве, но фактически выведен в сферу исключений. В литературе подчеркивается, что после законодательных изменений конца 1990-х и особенно после реформы 2003 года доступ к СРП оказался связан с настолько сложной процедурой, что сама возможность заключения новых соглашений стала почти нереализуемой [3, с. 8]. Речь идет не просто о формальной бюрократической нагрузке. Существующая правовая конструкция заключения СРП выстроена таким образом, что участок недр сначала должен оказаться невостребованным при проведении аукциона на предоставление права пользования таким участком на иных условиях, чем раздел продукции (аукцион должен быть признан несостоявшимся), а затем пройти дополнительный путь включения в специальный перечень участков недр и проведения второго аукциона, победитель которого получает права на заключение СРП с государством. В литературе такая модель «двойного аукциона» обоснованно критикуется, поскольку резко снижает интерес инвестора к самому институту СРП³.

Не менее существенной выглядит и проблема внутренней юридической неопределенности СРП. В доктрине соглашение одновременно описывается как гражданско-правовой договор, как контракт, построенный по модели административного договора, и как конструкция смешанного типа. Существование подобных дискуссий в науке нельзя назвать чем-то плохим, однако оно способно оказывать влияние на правоприменение.

Не до конца разрешены вопросы соотношения договорной свободы сторон, существующих императивных норм в законодательстве о недрах, налогового режима, публичных гарантий государства и общих норм гражданского права. В связи с этим в ряде работ говорится о возможных трудностях при толковании и разрешении вопросов, связанных с ответственностью сторон, расторжении соглашения и судебным порядком разрешения споров [1, с. 137-138].

2 О недрах: Закон Российской Федерации № 2395-1 от 21.02.1992 г. (ред. от 29.12.2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 10. – Ст. 823.

3 О соглашениях о разделе продукции: Федеральный закон № 225-ФЗ от 30.12.1995 г. (ред. от 08.12.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 18.

В свою очередь В. В. Крюков также обращал внимание на то, что СРП в российском праве не получило полноценного окончательного и завершённого формирования как самостоятельный и стабильный институт, а текущее состояние этого режима в России автор характеризует как «младенческий возраст», сопровождающийся значительными трудностями реализации [3, с. 4, 17].

Отдельный блок проблем касается экономико-правового содержания СРП. Российская модель строится вокруг компенсационной продукции и возмещения затрат инвестора, а значит, государственный интерес в получении прибыльной части проекта во времени сдвигается на более поздний этап. Именно этот элемент чаще всего вызывал критику как в публичной дискуссии, так и в юридической литературе, поскольку при высоком объеме компенсируемых расходов усиливается риск того, что государство долго не получает ожидаемого финансового эффекта. При этом для старых соглашений дополнительно действует принцип стабильности условий, из-за которого индивидуальные параметры конкретного СРП сохраняют приоритет даже при изменении общего законодательства [5, с. 98-99].

А. А. Конопляник, напротив, оценивает такую стабильность как сильную сторону режима СРП, поскольку именно она делает проект предсказуемым для инвестора. В результате в центре правовой проблемы оказывается уже не сам факт существования стабилизационной оговорки, а поиск пределов ее допустимости в условиях изменения экономической политики государства [2, с. 80-82].

Современный этап добавил к этим трудностям еще один слой. Изменения 2022–2023 годов показали, что в российской системе СРП принцип стабильности не является абсолютным. Под влиянием специальных экономических мер изменились субъектный состав действующих проектов, применимое право и юрисдикционные механизмы разрешения споров. По существу, СРП были возвращены в поле российского публичного контроля, а иностранные инвесторы утратили прежний объем влияния на реализацию проектов [5, с. 103-104]. С точки зрения государственного суверенитета такая трансформация выглядит закономерной. С точки зрения классической инвестиционной логики она означает ослабление той самой правовой стабильности, которая исторически считалась главным преимуществом СРП.

Перспективы дальнейшего развития правового регулирования СРП в России выглядят неоднозначно. Один из возможных векторов развития связан с сохранением института лишь как режима для уже действующих проектов без реальных перспектив заключения новых соглашений подобного типа. Другой вектор выражается в постепенном сближении СРП с лицензионной системой недропользования, когда различия между двумя моделями будут последовательно сокращаться [5, с. 105-106].

Более убедительной все же выглядит точка зрения, в соответствии с которой полного отказа от модели СРП не произойдет, а его точечное использование сохранится для тех случаев, где обычный лицензионный режим действительно не обеспечивает запуск капиталоемких и технологически сложных проектов. При таком подходе решающее значение приобретает уже не расширение сферы СРП как таковой, а корректировка правового механизма его применения. Главный смысл здесь состоит в сокращении избыточных процедурных барьеров, необходимых для заключения соглашения согласно действующему законодательству, повышении опре-

деленности правовой природы соглашения и более четком согласовании интересов государства и инвестора в пределах российского правового порядка [1, с. 140-141].

В заключение хочется отметить, что СРП в российском праве представляют собой особую форму недропользования, в которой сочетаются договорные и публично-правовые элементы. Значение СРП связано прежде всего с возможностью освоения сложных и капиталоемких месторождений при более гибком распределении рисков и результатов между государством и инвестором.

Одновременно действующая модель СРП в России сохраняет ряд существенных ограничений. К ним относятся исключительный характер применения данного режима, сложная процедура заключения соглашений, сохраняющаяся неопределенность их правовой природы, а также соотношение принципа стабильности условий с существующим механизмом правового регулирования в отношении реализуемых на данный момент проектов СРП. Современные изменения в вопросах правового регулирования показали, что институт СРП формально сохраняется, но все заметнее сближается с общей системой лицензионного недропользования.

Перспективы же дальнейшего развития СРП в нашем государстве связаны с повышением правовой определенности, сокращением избыточных процедурных барьеров и более четким закреплением баланса интересов государства и инвестора, а также реализацией этого принципа.

Пристатейный библиографический список

1. Исаев Н. В. Проблемы правового регулирования соглашений о разделе продукции // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2021. – № 2 (98). – С. 132-142.
2. Конопляник А. А. Умный инвестрежим для прогресса ТЭК. К 30-летию юбилею истории соглашения о разделе продукции в России: субъективный взгляд от первого лица // Нефтегазовая вертикаль. – 2023. – № 12. – С. 77-170.
3. Крюков В. В. Современный правовой режим соглашений о разделе продукции (СРП): дис. ... к.ю.н. М., 2004. – 199 с.
4. Хидирова А. В. Особенности реализации соглашений о разделе продукции на территории Российской Федерации // Молодой ученый. – 2024. – № 10 (509). – С. 128-130.
5. Шарифуллина А. Ф. Соглашение о разделе продукции: нелегкая судьба в России // Закон. – 2024. – № 5. – С. 96-106.

ИВАНЦОВА Наталья Владимировна

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права России и зарубежных стран, Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

ГОРОДНОВА Ольга Николаевна

кандидат философских наук, кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела научной работы, Чебоксарский кооперативный институт (филиал), Российский университет кооперации

**ЗВУКОВАЯ АГРЕССИЯ КАК ОБЪЕКТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ:
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ ПРИЗНАКОВ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ**

В настоящей статье рассмотрена актуальная проблема уголовно-правовой оценки звуковой агрессии как формы психологического насилия, то есть речь идет о такой разновидности психического насилия как звуковая агрессия. На основе анализа судебной практики, включая дела об истязании, и правовых позиций Конституционного Суда РФ выявляется пробел в законодательстве. В результате предложена авторская теоретическая конструкция психического насилия, выделены его шесть сущностных признаков, позволяющих отграничить звуковую агрессию от смежных правонарушений. Установлено, что существующие нормы УК РФ и КоАП РФ не обеспечивают адекватной защиты психической неприкосновенности личности. В заключение обосновывается значимость введения специальной уголовно-правовой нормы, что будет способствовать реализации конституционных гарантий и создаст перспективы для совершенствования системы охраны здоровья граждан от деструктивных психологических воздействий.

Ключевые слова: звуковая агрессия, психическое насилие, уголовное законодательство, истязание, психические страдания, уголовное дело, противоправность, умысел, вред здоровью.

IVANTZOVA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in Law, professor, professor of Public Law of Russia and foreign countries sub-faculty, Mari State University, Yoshkar-Ola

GORODNOVA Olga Nikolaevna

Ph.D. in philosophical sciences, Ph.D. in Law, associate professor, Head of Scientific work sub-faculty, Cheboksary Cooperative Institute (branch), Russian University of Cooperation

**SOUND AGGRESSION AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT:
A SYSTEMATIC ANALYSIS OF SIGNS OF PSYCHOLOGICAL VIOLENCE**

This article examines the current problem of the criminal law assessment of sound aggression as a form of psychological violence, i.e., a type of mental violence known as sound aggression. Based on an analysis of judicial practice, including cases of torture, and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the article identifies a gap in the legislation. As a result, the author proposes a theoretical construct of mental violence and identifies six essential features that distinguish sound aggression from related offenses. It has been established that the existing norms of the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation do not provide adequate protection of an individual's mental integrity. In conclusion, the importance of introducing a special criminal law norm is substantiated, which will contribute to the implementation of constitutional guarantees and create prospects for improving the system of protecting citizens' health from destructive psychological influences.

Keywords: sound aggression, mental violence, criminal law, torture, mental suffering, criminal case, illegality, intent, harm to health.

Иванцова Н. В.

Городнова О. Н.

В обществе и законодательстве общепринято дифференцировать насилие на физическое и психологическое. Бесспорно, если потерпевшего ударили, то есть причинили физический вред, должна наступать ответственность административная или уголовная в зависимости от тяжести последствий. Но как квалифицировать причинение психического насилия, когда орудием становится звук?

Закон принципиально различает виды физического насилия по степени опасности для жизни и здоровья, детально прописывая составы преступлений. Однако для насилия психического такой классификации (за исключением прямого состава угрозы убийством или причинением тяжкого вреда) нормативно не закреплено. Особенно показателен в этом ряду феномен психологического насилия. Ученые (например, работы [2], [3], [6]) не первое десятилетие поднимают проблему отсутствия самостоятельной формы психологического насилия в структуре составов преступлений.

Сущность психологического насилия, как справедливо отмечается в литературе, заключается именно «в целенаправленном деструктивном воздействии на психику, преследующем цели подавления воли потерпевшего, подчинения его чужой воле, либо достижения определенных изменений некоторых психологических характеристик личности» [8, с. 23].

Положителен законодательный опыт французского законодателя, предусмотревшего в УК Франции, запрет под угрозой наказания звуковой агрессии. Описанные в этой статье действия направлены против психической неприкосновенности личности [4].

Теоретической основой исследования звуковой агрессии как разновидности психического насилия выступает синтез нескольких научных направлений: нейропсихологии, юридической психологии, акустической экологии и теории виктимологии.

Исследования по уголовно-правовой теории, обосновывающие необходимость охраны потерпевшего от звуковой агрессии, отсутствуют. Вместе с тем, высшие судебные инстанции обращают внимание на пробелы правового регулирования. Как отмечено в актуальных обзорах судебной практики, «существующие положения уголовного права оставляют многие из форм насилия, такие как психологическое или экономическое насилие, контролирующее или принуждающее поведение, за рамками уголовно-правовой защиты» [8, с. 36]. Это не просто констатация несовершенства — это признание системной «юридической слепоты» к некоторым разновидностям деструктивного поведения, реально существующего и причиняющего вред, но формально не попадающего под действие уголовно-правовых запретов.

Ключевая проблема заключается в том, что законодатель до сих пор не легитимировал звук как орудие преступления.

В ст. 2 Конституции Российской Федерации человек, его права и свободы признаны высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства. В защите нуждается не только физическая оболочка человека, но и его психическая основа. Законодателю следует обратить пристальное внимание на охрану и защиту здоровья человека, в том числе, и путем уголовно-правовой репрессии. Преступно воздействуя на психику человека, виновное лицо разрушает его психосоматические процессы, тормозит нормальную мыслительную деятельность. Порой психическое насилие бывает гораздо губительнее физического. Серьезным поражающим способом насильственного воздействия на психику является звуковая агрессия.

Учитывая, что нормы административного законодательства не способны в полной мере противодействовать подобному рода деяниям, актуализирована необходимость дополнить уголовный закон Российской Федерации нормой о запрете звуковой агрессии.

Целью исследования является анализ правоприменительной уголовно-правовой практики борьбы с психологическим звуковым насилием и предложение совершенствования законодательной теории.

Метод системного анализа позволил рассмотреть звуковую агрессию не как изолированный акт, а как элемент более широкой системы – дѣящегося психического насилия. Выявлялись связи между акустическими параметрами воздействия (громкость, частота, продолжительность) и юридическими последствиями (степень тяжести вреда, наличие отягчающих обстоятельств).

Эмпирическую базу исследования составляют материалы судебной практики (опубликованные уголовные дела), анализ постановлений Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации, затрагивающих вопросы о пробельности уголовно-правовой охраны психической неприкосновенности личности.

Формально-юридический (догматический) метод – основной в работе. Он включал толкование норм УК РФ (ст. 117, 119) для определения возможности квалификации звуковой агрессии как истязания или угрозы убийством; анализ признаков объективной стороны: систематичность, причинение психических страданий, адресность воздействия; разграничение смежных составов: звуковая агрессия как способ совершения хулиганства (оценка мотива, ст. 213 УК РФ), нарушение тишины (ст. 6⁴ КоАП РФ «Нарушение санитарно-эпидемиологических требований к эксплуатации жилых помещений и общественных помещений, зданий, сооружений и транспорта»).

В 2020 году районным судом города Нижнего Новгорода осужден гражданин, который в течение двух лет изводил соседей лошадиным ржанием, записанным на звуковые носители, причем эти записи он включал круглосуточно. Нижегородец был осужден по ч. 2 ст. 117 УК РФ за истязание [9].

В 2026 г. в районный суд г. Архангельска направлено аналогичное уголовное дело в отношении 43-летнего жителя, обвиняемого в регулярных издевательствах над проживающими по соседству гражданами. Следствие установило, что с декабря 2022 года по июнь 2025 года злоумышленник, находясь в своей квартире, регулярно включал музыкальную аппаратуру на полную мощность, в том числе и в ночное время. Громкость звука существенно превышала установленные нормы. Игнорируя неоднократные обращения соседей, мужчина продолжал свои действия. В результате его деяния шестеро соседей, включая одного ребенка, испытали сильные физические и моральные страдания, а у одного из пострадавших возникли проблемы со здоровьем, квалифицированные как причинение вреда здоровью средней тяжести [1].

Обращает на себя внимание тот факт, что преступные действия вышеназванных лиц продолжались длительное время. По словам потерпевших и очевидцев, им довольно долго пришлось доказывать то, что в отношении них осуществляется такое психическое насилие, но правоохранительная система работала неторопливо. И лишь когда наступили в результате причиненного насилия последствия в виде причинения вреда здоровью, были возбуждены уголовные дела. В первом случае свидетели утверждали, что в названный период про-

изошло несколько случаев смерти от сердечных приступов, которые, по их словам, явились следствием воздействия на них того самого лошадиного ржания. В ходе следствия эти факты не нашли своего подтверждения.

Рассмотрим еще одно резонансное дело, связанное с подобного рода психическим насилием, которое, к счастью, не привело к тяжким последствиям, но спровоцировало своевременную реакцию Конституционного Суда РФ на несовершенство отечественного законодательства. Гражданин П. Н. Лакин в течение трех лет пытался найти защиту от соседей, которые нарушали режим тишины в ночное время. В различных инстанциях (органах внутренних дел, прокуратуре, судах всех инстанций, вплоть до Верховного Суда РФ) он безуспешно пытался защитить свое право на тишину, охрану здоровья, благоприятную окружающую среду. И лишь Конституционный Суд РФ, руководствуясь правовой позицией о том, что обязанность государства является защита высшей конституционной ценности, каковой являются права и свободы человека, обратил внимание законодателя на необходимость совершенствования законодательства, связанного с защитой права человека на тишину [6]. В данном постановлении предписано устранить противоречия, существующие, в том числе, в административном и уголовном законодательстве, направленном на охрану права граждан на отдых, охрану их здоровья, благоприятную окружающую среду.

В первых двух случаях виновные были привлечены к уголовной ответственности по ст. 117 УК РФ, то есть за истязание. Под истязанием закон и судебная практика признают систематическое нанесение побоев либо иными насильственными действиями, если такими действиями не причинен тяжкий либо средней тяжести вред здоровью.

В уголовном законе (ст. 117 УК РФ) предусмотрено два самостоятельных способа совершения истязания: систематическое нанесение побоев; насильственные действия, не повлекшие причинения тяжкого или средней тяжести вреда здоровью.

Для рассматриваемых случаев виновным лицам был вменен второй способ совершения истязания, а именно: причинение физических или психических страданий иными насильственными действиями. Общественно опасные последствия истязания могут выражаться в причинении не только физических, но и психических страданий, которые могут характеризоваться проявлением стрессового состояния потерпевшего, причинением ему других психических травм, не носящих характер психических расстройств. Возникает вопрос, почему потерпевшие и в Нижнем Новгороде, и в Архангельске так долго ждали, чтобы органы следствия обратили внимание на тот вред, который причиняется их здоровью в результате психического насилия?

На наш взгляд, это было обусловлено рядом причин. Во-первых, в уголовном законе отсутствует норма, которая наказывала бы за ту звуковую агрессию, которая осуществлялась в отношении потерпевших на протяжении длительного времени. Во-вторых, статья 117 УК РФ, хотя и не связывает напрямую иные насильственные действия с признаком систематичности (два и более раза), но на практике побуждает следователей придерживаться этого признака. К насильственным действиям, как правило, относили длительное причинение боли щипанием, сечением, нанесением множественных, в том числе небольших, повреждений, других аналогичных действий, которые главным образом являлись контактным воздействием на тело потерпевшего. И такое воздействие, безусловно, влечет не только физические, но и психические страдания. А вот воздействие, которое направлено непосредственно на психику человека, оставалось за рамками ст. 117 УК РФ. И лишь когда было установлено длительное воздействие на потерпевших, сопряженное с причинением вреда здоровью средней тяжести, а также в отношении нескольких лиц, у следователей появились основания для возбуждения уголовного дела по ст. 117 УК РФ.

Пробельность уголовного законодательства, выражающегося в отсутствии нормы о звуковой агрессии, не компенсируется административной ответственностью, предусмотренной ст. 6.3. КоАП РФ о нарушении законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения. Данная норма защищает не столько благополучие и покой граждан от звуковых агрессоров, сколько установленный порядок не превышения шумовых показателей. А по-

этому, чтобы привлечь нарушителя к такому виду ответственности, необходимо научиться производить замеры шумовых показателей, для которых необходимы специальные приборы, установить круг очевидцев, которые также будут свидетельствовать о превышении нормативного шума. До вышеназванного постановления Конституционного Суда РФ привлечь сотрудников полиции и работников прокуратуры для решения вопросов о возбуждении административного производства в отношении соседа-агрессора было практически невозможно. Да и предусмотренные незначительные суммы штрафа вряд ли остановили бы злостного нарушителя тишины.

Во всех трех описанных выше ситуациях речь идет о насильственном воздействии на психику людей. Обобщение доктринальных подходов и анализ правоприменительной практики позволяют предложить авторскую теоретическую конструкцию психического насилия, основанную на выделении системы существенных признаков. Каждый из этих признаков выполняет не только описательную, но и квалифицирующую функцию, отграничивая психическое насилие от смежных явлений — психологического давления, аморального поведения, административно наказуемых нарушений или педагогических воздействий.

Ниже приведены и последовательно раскрыты признаки, которые, на наш взгляд, в своей совокупности образуют родовую конструкцию звукового агрессивного насилия (психического насилия) как уголовно значимого деяния.

Первый и основополагающий признак — противоправность — деяние должно быть прямо запрещено уголовным законом либо выходить за пределы дозволенного поведения, установленного иными отраслями права, и в силу своей общественной опасности требовать уголовно-правовой оценки.

Второй признак — умышленный характер психического насилия. Психическое насилие по своей юридической природе не может быть неосторожным. Умысел (прямой или косвенный) охватывает не только сам факт воздействия на психику, но и цель такого воздействия — подавление воли, причинение страданий, изменение поведения потерпевшего либо создание опасности для его психического здоровья. Звуковая агрессия как разновидность психического насилия всегда предполагает осознанное использование акустического канала для достижения деструктивных целей: принуждения к чему-либо, наказания, запугивания или простого самозатверждения за счет страданий другого.

Информационное или вне информационное воздействие на психику со стороны насильника — третий признак психологического насилия.

Данный признак отражает дуализм способов психического воздействия. Информационное воздействие — это передача потерпевшему семантически значимых сообщений (словесные угрозы, оскорбления, ложные сведения, приказы, компрометирующая информация). Вне информационное воздействие — это влияние на психику через физические параметры сигнала, не несущие смысловой нагрузки, но аффективно заряженные: громкость, частота, ритм, неожиданность, длительность звучания, инфра- и ультразвуковые колебания. Именно вне информационная составляющая является специфической для звуковой агрессии.

Четвертый признак — предмет психического насилия — психика человека. Этот признак отличает психическое насилие от физического, предметом которого выступает телесная (соматическая) сфера человека. Психика как предмет посягательства — это сложная функциональная система, включающая эмоционально-волевую, когнитивную и регуляторную подсистемы. Деструктивное воздействие на психику может проявляться в виде страха, тревоги, подавленности, когнитивной дезорганизации, нарушений сна, диссоциативных расстройств.

Пятый признак — совершение психического насилия против или помимо воли потерпевшего. Добровольность участия в коммуникации исключает признак насилия. Психическое насилие всегда предполагает отсутствие информированного добровольного согласия потерпевшего на такое воздействие. Выражение «против или помимо воли» охватывает как ситуацию прямого сопротивления, так и ситуацию, когда потерпевший не имеет возможности выразить свою волю или его воля подавлена самим воздействием.

Шестой признак — психическое насилие признается уголовно-наказуемым деянием только в том случае, если оно причиняет вред жизни или здоровью личности либо создает опасность причинения такого вреда.

Предложенная система признаков психического насилия позволяет четко отграничить это явление от смежных категорий и создает теоретическую основу для криминализации его отдельных форм, включая звуковую агрессию. Под звуковой агрессией мы понимаем такую разновидность психического насилия, при котором чрезмерный уровень шума негативно влияет на физическое и психическое здоровье людей.

Источником шума могут быть технические процессы (транспортные, строительные), отсутствие звукоизоляции в зданиях, социальные факторы и др. В рамки уголовно-правового регулирования, на наш взгляд, должны быть отнесены социальные факторы, которые имеют происхождение от вредоносного поведения людей.

Перечисленные признаки психического насилия не просто позволяют, но и убедительно доказывают, что звуковая агрессия как разновидность психического насилия должна быть запрещена уголовным законом. Значение указанной нормы продемонстрирует конституционно установленную обязанность государства заботиться о здоровье граждан, и в частности, о такой тонкой его (здоровья) составляющей как психический (душевный) покой. Не следует забывать и о профилактической направленности этой нормы на охрану психического и физического здоровья граждан. Она будет способствовать воспитанию бережного отношения к душевному покою россиян со стороны окружающих их лиц.

Пристатейный библиографический список

1. Василенко Е. В. Житель Архангельска попал под суд за то, что больше года истязал соседей громкой музыкой. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.gazeta.ru/social/news/2026/02/24/27932269.shtml> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Гертель Е. А. Оскорбление и клевета как виды психического насилия // Уголовное право. - 2011. - № 6. - С. 10-14.
3. Ениколопов С. Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. - 2001. - № 1 // Электронная библиотека МПГУ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psychlib.ru/mgppu/periodica/pp102001/PP011060.HTM#p60> (дата обращения: 01.04.2026).
4. Иванцова Н. В. Проблемы отражения и оценки общественно опасного насилия в уголовном праве (вопросы теории и практики) - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004 (Чебоксары: Чувашский гос. ин-т гуманитар. наук). - 345 с.
5. Лоренц К. Агрессия (так называемое «зло») / пер. с нем. Г. Ф. Швейника. - М.: Прогресс: Универс, 1994.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 06.04.2023 № 15-П «По делу о проверке конституционности абзаца девятого пункта 2 статьи 1, абзацев первого и второго пункта 1 и предложения первого пункта 2 статьи 21, пункта 2 статьи 22 и пункта 3 статьи 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», абзаца второй части 6 статьи 28.3 и предложения второй части 1 статьи 28.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, а также пункта 1 части 3 статьи 16.5 Закона города Москвы «Кодекс города Москвы об административных правонарушениях» в связи с жалобой гражданина П. Н. Лакина». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_444269/?ysclid= «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2026).
7. Стуканов В. Г. К уточнению понятия «информационно-психологическое воздействие» // Вестник Московского университета МВД России. - 2014. - № 5. - С. 224-227.
8. Зигмунд Фрейд Основные психологические теории в психоанализе / пер. М. В. Вульф, А. А. Спектор. - М.: АСТ, 2006. - 400 с.
9. Язева Д. А. Вот и посмеялись: суд вынес приговор Юрию Кондратьеву, мучившему соседей конским ржанием на протяжении двух лет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nnov.kp.ru/daily/28301/4442393/?ysclid=mnnygkyqof7510514620> (дата обращения: 14.04.2026).

НЕДБАЙЛОВ Павел Андреевич

ассистент кафедры уголовного права, Юридический институт, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск

МОШЕННИЧЕСТВО ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ВЫПЛАТ В ФОРМЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ ПРАВА НА ЧУЖОЕ ИМУЩЕСТВО: ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Статья посвящена проблеме определения предмета мошенничества при получении выплат, в частности, возможности отнесения к нему права на имущество. В отличие от общей нормы о мошенничестве, специальная норма (ст. 159.2 УК РФ) не предусматривает приобретение права на чужое имущество в качестве формы преступного деяния. Вместе с тем анализ законодательства свидетельствует, что ряд мер социальной защиты реализуется посредством предоставления гражданам недвижимого имущества – земельных участков и жилых помещений. Социальный характер данных мер, в свою очередь, позволяет рассматривать их в качестве социальных выплат. Автор приходит к выводу, что отсутствие соответствующего указания в диспозиции ч. 1 ст. 159.2 УК РФ является законодательным пробелом, и предлагает дополнить ее указанием на возможность совершения данного преступления путем приобретения права на чужое имущество.

Ключевые слова: хищения, мошенничество, социальные выплаты, право на имущество, недвижимое имущество, земельный участок, жилое помещение.

NEDBAYLOV Pavel Andreevich

assistant of Criminal law sub-faculty, Institute of Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

FRAUD IN OBTAINING BENEFITS IN THE FORM OF ACQUIRING THE RIGHT TO ANOTHER PERSON'S PROPERTY: PROBLEMS OF LEGISLATIVE IMPROVEMENT

The article addresses the problem of defining the object of fraud in obtaining benefits, specifically the possibility of classifying property rights as such an object. Unlike the general provision on fraud, the special provision of Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation does not include the acquisition of rights to another's property as a form of criminal conduct. However, legislative analysis reveals that a number of social protection measures are implemented through the provision of immovable property to citizens – land plots and residential premises. The social nature of these measures, in turn, allows them to be considered as social benefits. The author concludes that the absence of a corresponding provision in the disposition of the norm constitutes a legislative gap and proposes to supplement Part 1 of Article 159.2 of the Criminal Code of the Russian Federation by indicating the possibility of committing this crime through the acquisition of rights to another's property.

Keywords: misappropriation, fraud, social benefits, property rights, real estate, land plot, residential premises.

Федеральным законом от 29 ноября 2012 года № 207-ФЗ Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) был дополнен статьей 159.2, установившей ответственность за мошенничество при получении выплат. Согласно части 1 данной статьи мошенничество при получении выплат представляет собой «хищение денежных средств или иного имущества при получении пособий, компенсаций, субсидий и иных социальных выплат, установленных законами и иными нормативными правовыми актами, путем представления заведомо ложных и (или) недостоверных сведений, а равно путем умолчания о фактах, влекущих прекращение указанных выплат».

Введение специальной нормы об ответственности за мошенничество при получении выплат было призвано обеспечить дифференцированный подход к уголовно-правовой оценке мошеннических действий в зависимости от сферы, в которой они совершаются, способа их совершения и предмета посягательства. Законодатель исходил из того, что мошенничество при получении выплат обладает определенной спецификой, отличающей его от мошенничества, ответственность за которое предусмотрена статьей 159 УК РФ, что обусловило необходимость его выделения в самостоятельную норму.

Однако законодательная конструкция статьи 159.2 УК РФ оказалась далеко не безупречной. Одним из наиболее существенных недостатков является неопределенность предмета преступления, а именно – возможность отнесения к нему права на имущество. В отличие от общей нормы о мошенничестве

(ст. 159 УК РФ), диспозиция ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, при ее буквальном толковании, охватывает лишь хищение денежных средств или иного имущества, предоставляемых в качестве социальных выплат, не предусматривая такую форму посягательства, как приобретение права на чужое имущество.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: может ли приобретение права на жилое помещение или земельный участок, предоставляемые государством, субъектом РФ или муниципальным образованием, признаваться предметом мошенничества при получении выплат?

В самом общем виде можно выделить следующие возможные способы получения гражданами от публично-правовых образований недвижимого имущества или денежных средств на его приобретение: получение субсидии на приобретение или строительство жилья (в том числе с использованием сертификата на материнский капитал или государственного жилищного сертификата); получение субсидии на приобретение земельного участка; заключение договора социального найма жилого помещения с последующей его приватизацией; предоставление земельного участка гражданам в собственность бесплатно.

Ситуации, при которых на приобретение жилья, земельных участков или строительство жилья предоставляются субсидии, не входят в круг проблем, рассматриваемых в настоящей работе, поскольку предметом мошенничества в таких случаях, очевидно, выступают денежные средства.

Сложнее определить предмет в случаях, когда право на получение мер социальной защиты удостоверяется выдачей

Недбайлов П. А.

официального документа – государственного жилищного сертификата, сертификата на материнский (семейный) капитал и т.п. Здесь возникает неопределённость: что именно является предметом мошенничества – право, закреплённое в сертификате, или денежные средства, которые перечисляются при его реализации?

Исследователи обоснованно указывают, что именные сертификаты не относятся ни к ценным бумагам, ни к иным документам, которые сами по себе удостоверяют право на имущество, а потому не могут выступать самостоятельным предметом хищения. Средства субсидий, минуя держателя сертификата, направляются напрямую его контрагентам (продавцам жилья, подрядным организациям и др.). Следовательно, предметом преступления необходимо признавать именно безналичные денежные средства, предоставленные государством [1], [2].

Наибольший интерес представляют два последних способа, при реализации которых граждане приобретают непосредственно право собственности на недвижимое имущество, а не денежные средства, предназначенные для его приобретения.

Вопрос о возможности признания самого права на недвижимость (в отличие от денежных средств на её приобретение) предметом мошенничества при получении выплат остается в доктрине недостаточно исследованным. А. В. Архипов допускал отнесение права на недвижимость, предоставляемую как меру социального обеспечения, к предмету ст. 159.2 УК РФ [1], однако анализ данного вопроса не сопровождался исследованием правового механизма передачи недвижимости гражданам.

Судебная практика по данному вопросу также неоднозначна. Несмотря на то, что в подавляющем большинстве случаев суды квалифицируют мошенническое приобретение права на недвижимое имущество, полученное в качестве меры социальной поддержки, по статье 159 УК РФ¹, встречаются судебные решения, в которых указанные действия были квалифицированы по ст. 159.2 УК РФ².

Следует отметить, что термин «социальная выплата» не имеет легального определения. Он не раскрывается ни в уголовном законе, ни в иных нормативных правовых актах. С учетом того, что меры социальной защиты реализуются не только в денежной, но и в натуральной форме, позиция авторов о том, что положения ст. 159.2 УК РФ применимы к случаям мошеннического получения не только денег, но и иного имущества [3], на наш взгляд, представляется верной. Такой подход получил подтверждение и в правоприменительной практике³. В связи с этим, полагаем, что термин «социальная выплата» может быть применен к случаям предоставления недвижимого имущества.

Вместе с тем в п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – Постановление Пленума № 48) разъяснено, что под социальными выплатами следует понимать установленные федеральными законами, законами субъектов Российской Федерации, нормативными правовыми актами федеральных органов исполнительной власти, нормативными правовыми актами органов местного самоуправления выплаты гражданам, нуждающимся в социальной поддержке.

Таким образом, вопрос об отнесении конкретной выплаты к категории социальных, в первую очередь, должен разрешаться, исходя из ее характера. Как отмечается в доктрине, на социальный характер выплаты может быть прямо указано в предусматривающем ее нормативном правовом акте, либо такой характер может следовать из содержания соответству-

ющей выплаты [4]. О социальном характере может также свидетельствовать отраслевая принадлежность нормативно-правового акта, которым предусмотрена выплата [5]. Сам же социальный характер выплат, по нашему мнению, проявляется в следующем. Во-первых, выплаты осуществляются только при наличии определенных оснований, установленных законом или иными нормативными правовыми актами. Такими основаниями могут быть: наступление объективных причин, влекущих необеспеченность физических лиц; отнесение получателя выплаты к установленной социально уязвимой категории; нуждаемость; наличие особых заслуг перед государством и т.д. Во-вторых, предоставление выплат всегда обусловлено определенными социальными целями, к которым, например, относятся: предотвращение, смягчение или устранение неблагоприятных последствий наступления страховых и нестраховых случаев; обеспечение каждому человеку возможности удовлетворять базовые жизненно необходимые потребности свои и своей семьи в объеме, достаточном для достойной жизни; повышение доходов населения и т.д.

Действующее законодательство предусматривает множество оснований, по которым земельные участки из государственной или муниципальной собственности могут передаваться отдельным категориям граждан бесплатно. При этом такие основания не всегда продиктованы именно социальными целями.

Особое внимание в контексте настоящего исследования заслуживают случаи предоставления земельных участков многодетным семьям. Подпункт 6 ст. 39.5 «Земельного кодекса Российской Федерации» от 25.10.2001 № 136-ФЗ (далее – ЗК РФ) закрепляет возможность получения земельного участка гражданами, воспитывающими трех и более детей. Данная норма имеет бланкетный характер, конкретизация условий и процедуры предоставления таких участков отнесена к компетенции субъектов Российской Федерации.

Например, пунктом 2 ст. 14 Закона Красноярского края от 04.12.2008 г. № 7-2542 «О регулировании земельных отношений в Красноярском крае» закреплено, что «многодетные граждане, имеющие место жительства на территории Красноярского края, вправе однократно бесплатно и без проведения торгов получить в собственность земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности». Аналогичные положения закреплены в Законе Московской области от 01.06.2011 г. № 73/2011-ОЗ «О бесплатном предоставлении земельных участков многодетным семьям в Московской области», а также в законодательстве и других субъектов.

Нормы, закрепляющие за многодетными гражданами право на безвозмездное приобретение земельных участков, были включены в ЗК РФ на основании Федерального Закона «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона «О содействии развитию жилищного строительства» и Земельный кодекс Российской Федерации» от 14.06.2011 г. № 138-ФЗ. Предпосылкой для указанных изменений послужило Послание Президента от 30 ноября 2010 года Федеральному Собранию⁴, в котором Правительству совместно с регионами было поручено проработать порядок бесплатного предоставления земельных участков при рождении третьего и последующего ребенка с целью создания режима наибольшего благоприятствования и поддержки для многодетных семей.

В научных работах, посвященных исследованию вопросов предоставления земельных участков многодетным семьям, неоднократно подчеркивалась социальная направленность данного института [6], [7], [8]. Указывается, что такая мера выступает важной гарантией социальной защиты семьи, материнства и детства [9]. Отмечается, что предоставление земельных участков способно содействовать решению проблемы обеспеченности жильем многодетных семей [10], что, безусловно, является немаловажной частью механизма поддержки семей, нуждающихся в улучшении жилищных условий.

Кроме того, в пп. 6 ст. 39.5 ЗК прямо указано, что органами государственной власти субъектов Российской Федерации может быть установлена возможность предоставления таким гражданам с их согласия *иных мер социальной поддержки* (выделено нами – П. Н.) по обеспечению жилыми помещения-

1 См.: Приговор Кузнецкого районного суда Пензенской области от 23.03.2023 г. по делу № 1-67/2023 // СПС «КонсультантПлюс» @@ Приговор Среднеахтубинского районного суда Волгоградской области от 24.06.2025 г. по делу № 1-114/2025 // СПС «КонсультантПлюс» @@ Приговор Усольского городского суда Иркутской области от 11.10.2024 г. по № 1-178/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

2 См.: Приговор Привокзального районного суда города Тулы от 29.10.2018 г. по делу № 1-115/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

3 См. п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // СПС «КонсультантПлюс».

4 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 30 ноября 2010 года, Москва, Кремль. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.prli.ru/node/359179/source>.

ми взамен предоставления им земельного участка в собственность бесплатно. Таким образом, сам законодатель называет предоставление земельных участков многодетным гражданам мерой социальной поддержки граждан, что прямо указывает на социальный характер данного института.

Представляется, что по тем же основаниям к категории социальных выплат обоснованно относить предоставление земельных участков и иным льготным категориям граждан. Согласно пп. 7 ст. 39.5 ЗК РФ, земельные участки могут быть предоставлены бесплатно и категориям граждан, не указанным в пп. 6, в случаях, установленных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации. К числу таких категорий относятся, в частности, граждане, воспитывающие несовершеннолетнего ребенка-инвалида⁵, молодые семьи (где возраст каждого из супругов не превышает 35 лет), имеющие одного и более детей⁶ и т.д. При этом настоящее исследование не ставит своей целью определение исчерпывающего перечня всех льготных категорий граждан. Принципиальное значение имеет сам факт признания предоставления земельных участков данным категориям граждан в качестве социальной выплаты.

Полагаем, что приватизация жилых помещений гражданами, занимающими их по договору социального найма, также может быть отнесена к числу социальных выплат.

В соответствии со ст. 1 Закона РФ от 04.07.1991 № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» приватизация жилых помещений представляет собой безвозмездную передачу в собственность граждан, занимаемых ими на добровольной основе жилых помещений государственного и муниципального жилищного фонда. Статья 2 того же Закона закрепляет, что граждане, имеющие право пользования жилыми помещениями государственного или муниципального жилищного фонда на условиях социального найма, вправе приобрести их в общую собственность либо в собственность одного лица.

Таким образом, необходимым условием приобретения государственного или муниципального жилого помещения в собственность является факт наличия у гражданина права пользования этим помещением на основании договора социального найма.

Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) в Постановлении от 23.04.2024 № 20-П⁷, Конституция провозглашает Россию социальным правовым государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Обозначенные в Конституции цели социальной политики государства предопределяют его обязанность заботиться о благополучии своих граждан, их социальной защищенности и обеспечении им нормальных условий существования. Социальная природа государства применительно к жилищным отношениям уточняется в статье 40 Конституции, закрепляющей право каждого на жилище и недопустимость произвольного его лишения (часть 1), а также право быть обеспеченным жильем в случаях, установленных этой статьей и законом. В условиях рыночной экономики граждане реализуют свои жилищные права в основном самостоятельно, используя для этого различные допускаемые законом способы, при этом законодателью на конституционном уровне предписывается определить категории граждан, нуждающихся в жилище, а также конкретные формы, источники и порядок обеспечения их жильем с учетом имеющихся у государства финансово-экономических возможностей. Реализуя предоставленные Конституцией полномочия, за-

конодатель предусмотрел в Жилищном кодексе Российской Федерации институт социального найма жилых помещений, который предполагает предоставление из государственных и муниципальных жилищных фондов жилых помещений во владение и пользование гражданам, нуждающимся в жилье. Правом на получение жилого помещения из муниципального жилищного фонда по договору социального найма наделяются малоимущие граждане, признанные нуждающимися в таких жилых помещениях по установленным данным Кодексом основаниям (часть 2 статьи 49), а из жилищного фонда Российской Федерации или жилищного фонда субъекта Российской Федерации – ряд иных категорий граждан, признанных нуждающимися в жилых помещениях по основаниям, установленным этим Кодексом и (или) федеральным законом, указом Президента или законом субъекта Российской Федерации.

На то, что отношения, связанные с социальным наймом жилых помещений, складываются между органами публичной власти и нуждающимися в жилье гражданами в рамках реализации государством мер социальной защиты неоднократно указывалось и в судебной практике судов общей юрисдикции⁸.

При этом, как отмечено в Постановлении КС РФ от 23.05.2025 № 21-П⁹, гражданско-правовые институты, в частности договор социального найма, используются в данном случае для регулирования отношений, которые по своему содержанию направлены на предоставление нуждающимся в жилище гражданам мер социальной поддержки.

Таким образом, предоставление жилья по договору социального найма является формой социальной защиты граждан. Поскольку при этом жилое помещение не выбывает из государственной или муниципальной собственности и реальный ущерб собственнику не причиняется, незаконное получение такого жилья не может быть квалифицировано как оконченное мошенничество [11], [12].

Однако в отличие от социального найма, в случае приватизации жилого помещения вместо правомочий владения и пользования гражданин приобретает право собственности, включающее возможность распоряжения указанным имуществом.

С одной стороны, приватизация жилья представляет собой реализацию общей политики государства по разгосударствлению собственности, формированию рынка недвижимости, созданию условий для свободного распоряжения гражданами жилыми помещениями. В этом смысле приватизация может рассматриваться как элемент экономических реформ, а не как мера социальной защиты населения.

С другой стороны, как было показано выше, приватизация в ее современном правовом воплощении неразрывно связана с институтом социального найма, являющимся формой социальной защиты. Право на безвозмездную приватизацию возникает в силу закона и, как указал Конституционный Суд РФ, производно от статуса нанимателя (п. 2.2 Постановления КС РФ от 15.06.2006 № 6-П¹⁰), выступая свое-

5 См. Закон Тульской области от 26.10.2015 г. № 2362-ЗТО «О предоставлении земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, отдельным категориям граждан в собственность бесплатно». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/430645470>.

6 См.: Земельный кодекс Республики Татарстан от 10.07.1998 г. № 1736. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/543546838>.

7 Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2024 № 20-П «По делу о проверке конституционности части 3 статьи 19, частей 1 и 2 статьи 57, части 1 статьи 59, части 1 статьи 60 и части 1 статьи 63 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е. А. Александровой» // СПС «Консультант-Плюс».

8 См.: Постановление Президиума Московского городского суда от 12.02.2019 г. по делу № 44г-0033/2019 // СПС «Консультант-Плюс» @@ Апелляционное определение Томского областного суда от 24.01.2020 г. по делу № 2-256/2019, 33-175/2020 // СПС «Консультант-Плюс» @@ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 23.07.2019 г. по делу № 33-4786/2019 // СПС «Консультант-Плюс».

9 Постановление Конституционного Суда РФ от 23.05.2025 № 21-П «По делу о проверке конституционности части 2 статьи 1, статей 86 и 87 и части 1 статьи 89 Жилищного кодекса Российской Федерации, а также частей первой и второй статьи 1 и абзацев второго и четвертого статьи 2 Закона Российской Федерации «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» в связи с жалобой граждан И. В. Федониной и Ю. В. Федониной» // СПС «Консультант-Плюс».

10 Постановление Конституционного Суда РФ от 15.06.2006 № 6-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 1 пункта 2 статьи 2 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» и части первой статьи 4 Закона Российской Федерации «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» (в редакции статьи 12 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации») в

образным продолжением социальной защиты, оказываемой гражданам посредством предоставления им жилых помещений на условиях социального найма.

Немаловажно и то, что законодатель прямо подчеркивает социальную направленность приватизации: преамбула Закона РФ «О приватизации жилищного фонда» определяет её целью создание условий для реализации права граждан на свободный выбор способа удовлетворения потребностей в жилище. Приватизация, таким образом, рассматривается как инструмент реализации конституционного права на жилье, что соответствует целям социального государства.

Безвозмездность приватизации (граждане несут лишь расходы на оформление документов) также свидетельствует о её социальной природе.

Важно отметить и следующее: хотя право на приватизацию предоставлено всем нанимателям, договор социального найма заключается лишь с гражданами, признанными нуждающимися в жилье, что изначально ограничивает субъектов права на приватизацию социально значимыми критериями.

С учётом изложенного представляется обоснованным рассматривать приватизацию жилых помещений в качестве меры социальной защиты граждан и, соответственно, в качестве социальной выплаты в смысле ст. 159.2 УК РФ.

Таким образом, предоставление земельных участков и приватизация жилья могут быть рассмотрены в качестве социальной выплаты.

Следует отметить, что действующее уголовное законодательство не раскрывает содержание категории «приобретение права на чужое имущество». В теории уголовного права по данному вопросу сложились две основные позиции. Представители первой исходят из того, что приобретение права на чужое имущество не образует хищения и должно рассматриваться как самостоятельная разновидность мошенничества [13], [14], [15]. Сторонники второго подхода, напротив, рассматривают приобретение права на чужое имущество как особую форму хищения [16], [17], [18]. Пленум Верховного Суда не дает прямых разъяснений относительно понимания содержания данной категории, однако разграничивает моменты окончания хищения и приобретения права на имущество. Так, хищение признается оконченным с момента, когда имущество «поступило в незаконное владение виновного или других лиц и они получили реальную возможность пользоваться или распорядиться им по своему усмотрению» (п. 5 Постановления Пленума № 48). Приобретение права на имущество, в свою очередь, считается оконченным «с момента возникновения у виновного юридически закрепленной возможности вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным (в частности, с момента регистрации права собственности на недвижимость или иных прав на имущество)» (п. 6 Постановления Пленума № 48).

Не вдаваясь в дискуссию о том, следует ли считать приобретение права на чужое имущество разновидностью хищения либо самостоятельной формой мошенничества, важно подчеркнуть иное: состав, описанный в ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, по своей природе является специальным по отношению к составу, предусмотренному ч. 1 ст. 159 УК РФ. Как уже было обосновано, законодательством предусмотрены случаи предоставления социальных выплат не только в денежной или натуральной форме, но и посредством передачи объектов недвижимости, в том числе земельных участков и жилых помещений. Если исходить из того, что мошенничество, предусмотренное ч. 1 ст. 159 УК РФ, в силу прямого указания закона, может совершаться либо в форме хищения имущества, либо в форме приобретения права на него, а оформление права собственности на недвижимость Пленум относит к приобретению права на чужое имущество как форме совершения мошенничества, то отсутствие аналогичного указания в ч. 1 ст. 159.2 УК РФ представляется труднообъяснимым. Невключение приобретения права на чужое имущество в состав мошенничества при получении выплат не имеет убедительного обоснования и, по всей видимости, является следствием недостаточно продуманной законодательной техники.

С учетом изложенного представляется необходимым внести изменения в ч. 1 ст. 159.2 УК РФ, дополнив диспози-

цию указанием на приобретение права на чужое имущество в качестве самостоятельной формы мошенничества при получении выплат. Такое решение позволит обеспечить надлежащую уголовно-правовую оценку всех случаев мошеннического получения мер социальной защиты, независимо от формы их предоставления.

Пристатейный библиографический список

1. Архипов А. В. Мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ): уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2016. – С. 74.
2. Ермакова О. В. Квалификация специальных видов мошенничества (ст. 159.1-159.6 УК РФ): учебное пособие. – Барнаул, 2016. – С. 18.
3. Болдырев В. А., Вишнякова Н. В., Кузнецов А. А. Предмет мошенничества при получении выплат (статья 159.2 Уголовного кодекса РФ) // Современное право. – 2015. – № 3. – С. 112-113.
4. Яни П. С. Специальные виды мошенничества // Законность. – 2015. – № 4. – С. 25.
5. Болдырев В. А. Мошенничество с целью получения социальных выплат: предмет преступления // Уголовное право. – 2014. – № 3. – С. 12.
6. Воронина Н. П. Правовое регулирование предоставления земельных участков многодетным семьям: региональный аспект // Хроноэкономика. – 2018. – № 3. – С. 29.
7. Фаттахова Р. Р. Предоставление земельных участков льготным категориям граждан // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2016. – № 2. – С. 21-22.
8. Габдрахманова Л. Г., Салиева Р. Н. Защита прав граждан при предоставлении земельных участков в собственность: социальный и правовой аспекты // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 2. – С. 204-205.
9. Долотина Р. Р. К вопросу о бесплатном предоставлении земельных участков многодетным семьям // Аграрное и земельное право. – 2016. – № 12. – С. 116.
10. Агафонов А. С., Берестенникова А. Г. К вопросу о предоставлении земельных участков многодетным семьям // Сибирский юридический вестник. – 2025. – № 3. – С. 20.
11. Хромов Е. В. Право на чужое имущество как предмет мошенничества // Уголовное право. – 2025. – № 6. – С. 57-80.
12. Винокуров В. Н. Право на имущество как предмет мошенничества (ст. 159 УК РФ) // Уголовное право. – 2018. – № 4. – С. 40-44.
13. Волженкин Б. В. Мошенничество. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. юрид. ин-та Генеральной прокуратуры РФ, 1998. – С. 20.
14. Гаухман Л. Д., Максимов С. В. Ответственность за преступления против собственности. – М.: ЮрИнфоР, 1997. – С. 65.
15. Иванов Н. Г. Проблемы применения законодательства об ответственности за мошенничество // Уголовное право. – 2015. – № 5. – С. 26.
16. Лопашенко Н. А. Преступления против собственности. Авторский курс. В 4 кн. Кн. III. Формы хищения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2019. – С. 87.
17. Бойцов А. И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 317.
18. Складов С. В. Уголовная ответственность за хищение недвижимого имущества // Российская юстиция. – 2001. – № 6. – С. 53.

АЛЕКСЕЕВ Всеволод Олегович

аспирант кафедры уголовного права, Юридический институт, Сибирский федеральный университета, г. Красноярск

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ПЫТКИ: ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

В статье рассматриваются доктринальные проблемы определения объективной стороны преступлений, совершаемых с применением пытки. Автором проанализированы существующие в научной литературе подходы к определению объективной стороны пытки, выявлены их сильные и слабые стороны. Исследование научной литературы и правоприменительной практики позволило прийти к выводу, что применение пытки, являясь особо квалифицирующим признаком превышения должностных полномочий и принуждения к даче показаний, в то же время представляет собой сложную правовую категорию, характеризующуюся совокупностью объективных и субъективных признаков. При этом к признакам объективной стороны пытки следует относить преступное деяние, общественно опасное последствие и причинно-следственную связь между ними.

Ключевые слова: пытка, применение пытки, объективная сторона преступления, общественно опасное последствие, сильная боль, физические страдания, нравственные страдания.

ALEXEEV Vsevolod Olegovich

postgraduate student of Criminal Law sub-faculty, Institute of Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk

THE OBJECTIVE SIDE OF CRIMES INVOLVING TORTURE: DOCTRINAL ISSUES AND APPROACHES TO THEIR RESOLUTION

This article examines doctrinal challenges in defining the objective side of crimes involving torture. The author analyzes existing scholarly approaches to delineating the objective elements of torture, assessing their respective strengths and limitations. A comprehensive review of academic literature and judicial and law enforcement practice leads to the conclusion that, while torture functions as a specially qualifying circumstance for abuse of official authority and coercion to give testimony, it simultaneously constitutes a complex legal concept characterized by a combination of objective and subjective elements. Accordingly, the objective side of torture should encompass the criminal act, the socially harmful consequence, and the causal link between them.

Keywords: torture, objective side of a crime, criminal consequence, severe pain, physical suffering, mental suffering.

После внесения изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) Федеральным законом от 14 июля 2022 года № 307-ФЗ¹ дефиниция понятия «пытка» была закреплена в пункте 1 примечаний к статье 286 УК РФ. В соответствии с данным определением под пыткой как в статье 286, так и в других статьях УК РФ понимается любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо, или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера. Некоторые исследователи приходят к обоснованному выводу, что норма-дефиниция пытки, по существу, не является определением специфического способа совершения преступления, а представляет собой правовую конструкцию, сформулированную по аналогии с самостоятельным составом преступления, характеризующимся уникальным набором субъективных и объективных признаков [15, с. 165], [21, с. 653]. При этом отдельный состав преступления, предусматривающий уголовную ответственность за применение пытки, в УК РФ отсутствует. В рамках данной статьи будут рассмотрены существующие в уголовно-правовой доктрине проблемы, связанные с определением объективной стороны преступлений, совершаемых с применением пытки.

Исследование признаков объективной стороны пытки, прежде всего, предполагает ответ на вопрос, относятся ли к обязательным признакам данной правовой категории преступный результат и причинно-следственная связь между деянием и наступившим общественно опасным последствием. В отечественной уголовно-правовой доктрине не сформировалось единого подхода к решению данной проблемы. Так, по мнению К. А. Бардеева [3, с. 139] и Р. С. Чобаняна [22, с. 22], пытка представляет собой формальный состав, иными словами, наступление общественно опасного последствия и причинно-следственная связь понятием «пытка» не охватываются. Представители противоположного подхода рассматривают сильную боль, физические и нравственные страдания в качестве конститутивного признака объективной стороны пытки – ее общественно опасного последствия. Среди авторов, разделяющих эту позицию, можно назвать М. А. Куликову [15, с. 166], Р. Д. Шарапова [23, с. 264, 274-275], А. Б. Журтова [10, с. 81].

В рамках исследования признаков объективной стороны пытки представляется целесообразным обратиться также к научным работам, посвященным анализу признаков объективной стороны истязания (статья 117 УК РФ). Это обусловлено схожестью формулировок, используемых законодателем при конструировании состава истязания и понятия пытки. Так, если истязание представляет собой причинение физических или психических страданий насильственными действиями, то применение пытки с объективной стороны выражается в совершении любого действия (бездействия), которым какому-либо лицу причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания. В научном сообществе до настоящего времени не выработано согласованной позиции касательно того, каким образом следует классифицировать

1 Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 307-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Гарант: справочная правовая система. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://base.garant.ru/404993519/#block_11 (дата обращения: 13.04.2026).

состав истязания: как формальный или как материальный. Часть исследователей отрицает возможность рассмотрения физических либо психических страданий в качестве преступного результата, приводя аргументы в пользу формальной конструкции данного преступления [4, с. 151-162], [6, с. 9, 20-21], [20, с. 8, 15]. Альтернативную позицию занимают ученые, отстаивающие материальную конструкцию состава истязания и определяющие причиненные страдания как обязательный признак его объективной стороны [2, с. 144], [5, с. 9, 19], [12, с. 9, 25], [15, с. 90-91]. Рассмотрим данные теоретические позиции более подробно.

Сторонники первого подхода полагают, что законодатель, используя термин «причинение», не подразумевал наступления преступного результата, а стремился охарактеризовать само общественно опасное деяние [6, с. 9, 20-21]. Таким образом, признак применения пытки с объективной стороны сводится исключительно к процессу причинения вредного последствия, не охватывая при этом фактического наступления сильной боли или страданий потерпевшего [20, с. 15]. Иными словами, единственным обязательным признаком объективной стороны пытки, по мнению сторонников данного подхода, является преступное деяние, тогда как причиненный этим деянием результат не имеет квалифицирующего значения.

Из перечисленных доктринальных положений с необходимостью следует вывод прикладного характера: для признания оконченным преступления, совершенного с применением пытки, достаточно наличия преступного деяния, а само наступление сильной боли или страданий находится за рамками состава преступления [там же, с. 8]. При этом наступление данных последствий будет подлежать доказыванию в уголовном процессе, но не как признак объективной стороны, а как обстоятельство, влияющее на назначение наказания в пределах санкции формального состава преступления.

Проанализируем некоторые аргументы, сформулированные сторонниками рассматриваемого подхода. По мнению К. А. Бардеева, использование законодателем формулировки «причинение сильной боли либо физических или нравственных страданий» указывает не на необходимость фактического наступления данных общественно опасных последствий, а лишь на направленность умысла виновного [3, с. 139]. По нашему мнению, с этим утверждением нельзя согласиться. Если бы законодатель исходил из того, что общественно опасное последствие не является признаком объективной стороны применения пытки, а представляет собой только цель преступления, то при формулировании дефиниции пытки использовалась бы конструкция, характерная для усеченных составов преступлений, например: применение насилия в целях причинения сильной боли либо физических или нравственных страданий. Правовая конструкция, закрепленная законодателем в пункте 1 примечаний к статье 286 УК РФ, свидетельствует об обратном: преступный результат (сильная боль либо страдания) должен не только охватываться умыслом виновного, но и наступить фактически.

Высказывается также точка зрения, согласно которой в пользу вывода о формальной конструкции понятия «пытка» свидетельствует проблематичность установления в рамках уголовно-процессуального доказывания общественно опасного последствия в виде сильной боли, физических или нравственных страданий [там же]. Действительно, одной из основных причин закрепления в уголовном законе формальных составов преступлений является трудность процессуального доказывания наступления определенных последствий [19, с. 192-193]. Однако проведенный нами анализ актов официального судебного толкования и приговоров по конкретным уголовным делам позволил прийти к выводу, что установление в рамках доказывания по уголовному делу сильной боли, физических или нравственных страданий не является

непреодолимой проблемой для правоприменителя. Приведем некоторые примеры.

В пункте 8 постановления от 27 января 1999 года «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»² Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что признак особой жестокости наличествует, в том числе, в тех случаях, когда убийство совершено способом, заведомо для виновного связанным с причинением потерпевшему особых страданий. К таким способам относятся, в частности, нанесение потерпевшему большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д. Проиллюстрируем эти положения на примере из судебной практики. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор в отношении Ж., осужденного за убийство, совершенное с особой жестокостью, оставлен без изменения. По обстоятельствам дела, Ж. нанес потерпевшей Д. множественные удары различными предметами, после чего заставил потерпевшую ползти в дом, где намеревался ее сжечь. При этом потерпевшая «находилась на снегу, в полулежачем состоянии, после избияния у нее на голове была кровь, она слышала требования Ж., соглашалась с ними, пыталась их выполнить, ползла в дом. Указанные обстоятельства свидетельствуют о том, что потерпевшая испытывала особые физические мучения и нравственные страдания»³. Важно подчеркнуть, что суд не просто учитывает специфический способ совершения преступления, но и констатирует, что использование данного способа указывает на наступление общественно опасного последствия – особых физических мучений и нравственных страданий.

Помимо специфического способа совершения преступления на причинение общественно опасного результата – физических или нравственных страданий – могут указывать и другие обстоятельства. Во-первых, орудия совершения преступления, такие как металлическая монтировка, предельно нагретый утюг и т.п. Во-вторых, средства совершения преступления, например, легковоспламеняющаяся жидкость. В-третьих, обстановка совершения преступления, в частности, когда преступление совершается в присутствии лиц, близких потерпевшему [16, с. 99-102]. Можно сделать вывод, что само по себе использование специфических способов, средств или орудий преступления не свидетельствует с очевидностью о наступлении общественно опасного последствия в виде физических или нравственных страданий. В то же время, установление данных обстоятельств имеет доказательственное значение в рамках уголовного дела, то есть позволяет правоприменителю прийти к выводу о том, что потерпевшему действительно были причинены физические или нравственные страдания.

Этот вывод также находит подтверждение в материалах судебной практики, сложившейся после закрепления в статье о превышении должностных полномочий особо квалифицирующего признака «с применением пытки». Так, приговором Верхневелиюльского районного суда Республики Саха (Якутия)⁴ оперуполномоченный ОУР ОМВД России по Верхневелиюльскому району Г. А. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного частью 4 статьи 286 УК РФ. Суд пришел к выводу о причинении потерпевшему сильной боли, физических и нравственных страданий,

2 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // КонсультантПлюс: справочная правовая система (дата обращения: 13.04.2026).

3 Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 26 октября 2022 года № 66-УД22-14 // КонсультантПлюс: справочная правовая система (дата обращения: 13.04.2024).

4 Приговор Верхневелиюльского районного суда Республики Саха (Якутия) от 24.04.2023 по делу № 1-24/2023 // КонсультантПлюс: справочная правовая система (дата обращения: 13.04.2026).

приняв во внимание способ совершения преступления. Так, потерпевшему были нанесены множественные удары: «не менее двух ударов кулаком в живот», «не менее десяти ударов ногами и руками по туловищу», «не менее десяти ударов по голове» и т.д. Кроме того, в качестве обстоятельств, указывающих на причинение потерпевшему страданий, суд принял во внимание длительное пребывание потерпевшего в наручниках, прикованным к перилам лестницы, без возможности спать или справить естественную нужду. Важно подчеркнуть, что способ совершения преступления в данном деле имеет значение не для уголовно-правовой квалификации (то есть как признак объективной стороны преступления), а для доказывания наступивших общественно опасных последствий. Иными словами, способ совершения преступления, наряду с другими обстоятельствами дела, подтверждает факт наступления физических и нравственных страданий потерпевшего и наличие причинной связи между действиями Г. А. и наступившим преступным результатом.

Аналогично причинение потерпевшему сильной боли обосновывается в приговоре Искилькульского городского суда Омской области⁵. Признанный виновным в превышении должностных полномочий с применением пытки оперуполномоченный отдела уголовного розыска Г. Е. нанес потерпевшему один удар тыльной частью ладони в область живота, один удар в правое плечо разрядом электрического тока электрошокового устройства, не менее десяти ударов кулаком правой руки в область спины и головы, не менее десяти ударов обутрой ногой в область правого бедра и т.д. Принципиально значимым представляется то обстоятельство, что в приведенных судебных актах правоприменитель последовательно дифференцирует, с одной стороны, способы и орудия преступления, а с другой стороны – общественно опасный результат, наступивший вследствие использования указанных способов и орудий. При этом именно преступный результат в виде сильной боли и страданий выступает в качестве признака состава преступления.

Таким образом, доктринальный подход, в соответствии с которым понятие «пытка» не включает в качестве обязательных признаков объективной стороны общественно опасный результат и причинно-следственную связь, следует признать неубедительным. Кроме того, предпринимаемые в научной литературе попытки определить пытку не через указание на специфические преступные последствия, а исключительно исходя из специфики способа совершения преступления [1, с. 55-56] или средств и орудий совершения преступления [7, с. 17], не только не способствуют решению задач уголовно-правовой квалификации, но, напротив, могут породить новые трудности теоретического и практического характера. Например, использование в дефиниции пытки указания на особо изощренный способ воздействия порождает необходимость выработать достаточно точные юридические критерии установления данного способа. Однако в уголовно-правовой доктрине такие критерии до настоящего времени не сформулированы. В свою очередь, специфические средства и орудия преступления действительно часто используются при применении пытки. В то же время, возможны ситуации, когда использование таких средств или орудий не приводит к причинению сильной боли или страданий потерпевшего. Полагаем, что в таком случае нет оснований квалифицировать содеянное как оконченное преступление, совершенное с применением пытки, поскольку отсутствует характерное для пытки общественно опасное последствие. При этом возможна и противоположная ситуация, когда сильная боль или страдания причиняются потерпевшему без использования определенных средств или орудий. В таком случае, напротив,

действия виновного следует рассматривать как применение пытки.

Вторая доктринальная позиция относительно содержания объективной стороны пытки основывается на тезисе о необходимости включения в число ее обязательных признаков трех юридически значимых характеристик: преступного деяния, общественно опасного последствия и причинной связи. Сформулируем аргументы, обосновывающие правильность данного теоретического подхода. Во-первых, использование законодателем термина «причинение» при конструировании дефиниции пытки имплицитно предполагает отнесение к признакам состава преступления, совершенного с применением пытки, как общественно опасного деяния, так и преступного результата, между которыми и надлежит устанавливать причинно-следственную связь. Термин «причинение», иными словами, указывает на необходимость преобразования процесса в имеющий уголовно-правовое значение результат [9, с. 86-87], [11, с. 58]. Из этого следует, что совершенные с применением пытки преступления можно считать оконченными только в случае наступления общественно опасного последствия в виде сильной боли либо физических или нравственных страданий.

Во-вторых, сильная боль и физические страдания представляют собой негативные физические ощущения потерпевшего, тогда как нравственные страдания – негативное состояние его психики [5, с. 19-20]. Полагаем, что указанные ощущения и состояние не могут быть сведены ни к характеристике форм преступного деяния, ни к характеристике его способов по следующим основаниям. Традиционно в науке уголовного права к формам преступного деяния относят действие и бездействие [8, с. 58], [18, с. 5]. Преступное действие представляет собой общественно опасный противоправный акт внешнего поведения, осуществляемого собственными телодвижениями виновного лица [14, с. 72]. Под преступным бездействием, в свою очередь, понимается «общественно опасный акт поведения, состоящий в несовершении лицом того действия, которое оно должно было и могло выполнить» [там же, с. 85]. Способ совершения преступления определяется в уголовно-правовой доктрине как порядок, метод, последовательность движений и приемов, применяемых в процессе совершения преступного деяния [17, с. 8], [24, с. 3]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что сильная боль, физические и нравственные страдания, представляя собой физиологические или ментальные состояния потерпевшего, не могут рассматриваться ни в качестве характеристики телодвижений или пассивного поведения виновного лица, ни в качестве характеристики приемов и методов, которые виновный использует в процессе совершения преступного деяния. Страдания и сильную боль, таким образом, следует определять не как характеристику преступного деяния или способа совершения преступления, а как вред, причиняемый преступным деянием охраняемым уголовным законом общественным отношениям.

В-третьих, при решении рассматриваемой проблемы нельзя игнорировать правоприменительную практику по делам о превышении должностных полномочий с применением пытки. Так, в проанализированных нами приговорах суды при описании сильной боли, физических и нравственных страданий использовали термины «общественно опасные последствия» и «существенные последствия», а при характеристике связи между совершенным деянием и наступившим преступным результатом прибегали к формулировке «причинно-следственная связь»⁶. Таким образом, «материальная

5 Приговор Искилькульского городского суда Омской области от 26.08.2024 по делу № 1-46/2024 // КонсультантПлюс: справочная правовая система (дата обращения: 13.04.2026).

6 Приговор Далматовского районного суда Курганской области от 20.02.2025 по делу № 1-14/2025 // КонсультантПлюс: справочная правовая система (дата обращения: 13.04.2026) @ Приговор Верхневильского районного суда Республики Саха (Якутия) от 24.04.2023 по делу № 1-24/2023 // КонсультантПлюс:

конструкция» нормы-дефиниции пытки судами признается эксплицитно.

Исследование существующих в научной литературе доктринальных подходов к определению объективной стороны пытки, а также анализ актуальной правоприменительной практики позволили прийти к выводу, что пытка с объективной стороны характеризуется тремя обязательными признаками: 1) преступным деянием, 2) общественно опасным последствием и 3) причинно-следственной связью между деянием и преступным результатом. Указанный вывод имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку прямо влияет на решение вопросов уголовно-правовой квалификации и доказывания по такого рода уголовным делам.

Пристатейный библиографический список

1. Андреева Л. А., Константинов П. Ю. Влияние жестокости преступного поведения на уголовную ответственность: уч. – Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 210 с.
2. Аубакирова-Тер-Григорян Н. М. Особая жестокость как оценочное понятие уголовного закона / Актуальные проблемы российского права. – 2024. – Т. 19. № 4. – С. 142-148.
3. Бардеев К. А. Пытка как уголовно-правовой феномен: компаративистское исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4.; ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет». – Краснодар: КубГУ, 2023. – 221 с.
4. Барышева К. А. Уголовно-правовая защита частной жизни в России и за рубежом // Закон. – 2017. – № 12. – С. 151-162.
5. Булавин Е. Д. Уголовная ответственность за истязание: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08; Сев.-Кавказ. гос. техн. ун-т. – Ставрополь, 2008. – 29 с.
6. Вениаминов В. Г. Уголовная ответственность за побои и истязание: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Саратов, 2005. – 32 с.
7. Гладких Г. Ю. Уголовная ответственность за пытки в Российской Федерации: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08; Сев.-Кавказ. науч. центр высш. шк. – Ростов-на-Дону, 2004. – 26 с.
8. Ермакова О. В. Формы преступного деяния как обязательного признака объективной стороны состава преступления // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: IX Балтийский юридический форум. Материалы международной научно-практической конференции. – Калининград, 2021. – С. 57-58.
9. Жалинский А. Э. Причинность в структуре уголовной ответственности // Российский ежегодник уголовного права. 2006. – Санкт-Петербург: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2007. – № 1. – С. 79-107.
10. Журтов А. Б. Характеристика объективных признаков пытки // Проблемы экономики и юридической практики. – 2019. – № 3. – С. 80-82.
11. Зимирева Л. А. Причинная связь в преступлениях против жизни: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2016. – 228 с.
12. Кабанов П. Н. Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Москва, 2006. – 30 с.
13. Кошелев Н. Н. Истязание: вопросы квалификации // Вестник Владимирского юридического института. – 2014. – № 1 (30). – С. 93-98.
14. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. – Москва: Госюриздат, 1960. – 243 с.
15. Куликова М. А. Истязание и пытка: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4. – Москва, 2025. – 282 с.
16. Меньшикова А. Г. Особая жестокость: медицинские и уголовно-правовые аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 2015. – 184 с.
17. Михайлов Н. Ф. Способ совершения преступления и его уголовно-правовое значение: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Москва, 2007. – 30 с.
18. Нагаева Т. И. Формы и виды преступного деяния: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08. – Москва, 2012. – 366 с.
19. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. – Москва: Юрид. лит., 2004. – 496 с.
20. Пестерева Ю. С. Уголовно-правовая характеристика истязания: автореф. дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Тюмень, 2008. – 26 с.
21. Радченко А. А. Принуждение к даче показаний: изменение уголовного закона и проблемы квалификации // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – № 6. – С. 648-657.
22. Чобанян Р. С. Пытка: уголовно-правовое и криминологическое исследование: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Москва, 2007. – 30 с.
23. Шарапов Р. Д. Насилие в уголовном праве: Понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения: дис. ... доктора юридических наук: 12.00.08. – Екатеринбург, 2006. – 418 с.
24. Шиловский С. В. Способ совершения преступления как признак уголовно-наказуемого деяния и дифференцирующее средство: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08. – Саратов, 2014. – 27 с.

ПАВЛОВ Никита Вадимович

аспирант 3-го года обучения очной формы кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРИМЕНЕНИЕ НАСИЛИЯ К ПРЕДСТАВИТЕЛЯМ ВЛАСТИ: ОПЫТ СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

С ростом социальной и политической напряженности в обществе в целом, государство сталкивается с проблемой доверия граждан к деятельности органов, обеспечивающих правопорядок и нормальное функционирование государственной власти. Подрыв организационно-правовых принципов и установленного порядка управления негативно сказывается на авторитете государства в целом и структур, его обеспечивающих. Совершенствование системы мер, направленных на защиту представителя власти, приобрело на сегодняшний день особую значимость. В указанных целях интересным представляется изучение зарубежного опыта, в частности опыта США. В статье рассматриваются примеры уголовно-правовой защиты представителей власти, в частности, сотрудников правоохранительных органов, как на федеральном уровне, так и на уровне отдельных штатов. Делается вывод, что представители власти, включая сотрудников полиции и иных правоохранительных органов, имеют достаточно высокий уровень защиты от преступных посягательств как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. Особо подчеркивается, что во многих штатах любой физический контакт с сотрудником полиции, совершенный в грубой или агрессивной манере, а также бросок любым предметом, даже если бросавший промахнулся, является преступлением, хотя и малозначительным. Рассматриваются также и случаи слишком широкого и неизбирательного применения указанной нормы в целях сокрытия злоупотреблений со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Ключевые слова: представители власти, сотрудники полиции, сотрудники правоохранительных органов, нападение, нанесение побоев, исполнение служебных обязанностей.

PAVLOV Nikita Vadimovich

postgraduate student of 3rd year of full-time study of Criminal law, criminal process and criminalistics sub-faculty, Institute of Law, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

CRIMINAL LIABILITY FOR THE USE OF VIOLENCE AGAINST GOVERNMENT OFFICIALS: THE EXPERIENCE OF THE UNITED STATES OF AMERICA

With growing social and political instability in society as a whole, the state faces the challenge of citizens' trust in the activities of its agencies, the maintenance of law and order, and the normal functioning of state power. The undermining of organizational and legal constraints and established governance negatively impacts the authority of the state as a whole, as well as its structure and support. Improving the system of measures aimed at protecting government officials has achieved particular innovation in recent years. Study of international best practices, particularly those of the United State, in these circumstances could be of interest. The article provides examples of criminal law protections offered to government officials, including law enforcement officers, at both the federal and state levels. It concludes that government officials, including police officers and other law enforcement officers and federal agents, enjoy a relatively high level of protection from criminal attacks at both the federal and state levels. It is specifically stated that in many states, any physical contact with police, committed in a rude or aggressive manner, as well as a throw of any kind of items in any direction, even if the thrower misses, is a violation of the criminal law, albeit a minor one. Cases of excessively broad and indiscriminate application of these norms in order to conceal abuses by the law enforcement officers are also considered.

Keywords: government officials, police officers, law enforcement officers, assault, battery, performance of official duties.

С ростом социальной и политической напряженности в обществе в целом, государство сталкивается с проблемой доверия граждан к деятельности органов, обеспечивающих правопорядок и нормальное функционирование государственной власти. В связи с этим статус представителя власти приобретает особое значение. Именно от четкой работы государственных органов, и лиц, их представляющих, зависит нормальное функционирование всех систем и ветвей государственной власти. Подрыв организационно-правовых принципов и установленного порядка управления негативно сказывается на авторитете государства в целом и структур, его обеспечивающих. Совершенствование системы мер, направленных на защиту представителя власти, приобрело на сегодняшний день особую значимость. В указанных целях интересным представляется изучение зарубежного опыта, в частности опыта США, где уголовно-правовая защита представителей власти является достаточно развитой.

В США нападение на сотрудника полиции и в целом на представителя власти (государственного служащего) является серьезным преступлением, которое может быть

квалифицировано как тяжкое преступление (felony) или как проступок либо малозначительное преступление (misdemeanor) в зависимости от степени тяжести полученных травм и юрисдикции (федеральной либо штата). Наказания варьируются от условного наказания и штрафов до пожизненного заключения в зависимости от тяжести нанесенных травм. Наказания при нападении на сотрудника правоохранительных органов или иных органов по охране правопорядка, как правило, более суровы, чем при нападении на обычного гражданина, поскольку жертва в этом случае выполняла свои служебные обязанности. В силу федерального устройства США принятие уголовного законодательства отнесено к полномочиям штатов, поэтому в каждом штате законодательное регулирование уголовной ответственности за применение насилия к представителям власти разнится. При этом на федеральном уровне согласно § 111 Титула 18 Кодекса законов США преступлением является применение к федеральным служащим или сотрудникам правоохранительных органов насилия, нападение на них, их запугивание, сопротивление или воспрепятствование их законной

деятельности при исполнении ими служебных обязанностей.¹ К числу таких федеральных служащих относятся любые должностные лица или сотрудники любого органа, представляющего одну из ветвей власти Соединенных Штатов (включая судей, прокуроров, федеральных агентов и лиц, по роду своей деятельности носящих форменное обмундирование).² Действие закона распространяется как на действующих, так и на бывших федеральных служащих, если нападение связано с исполнением их обязанностей в прошлом. Данное преступление имеет экстерриториальную юрисдикцию.

Таким образом, § 111 охватывает целый ряд действий и устанавливает наказания за их совершение:

Проступок – «простое нападение» (simple assault)

В случае, когда действия, предусмотренные § 111, совершались без применения оружия, отсутствуют серьезные телесные повреждения и значимый физический контакт, указанные действия могут рассматриваться как проступок, однако даже в этом случае наказание предусматривает крупный штраф, лишение свободы на срок до одного года, либо применение обоих видов наказания. Также, в случае признания виновным осужденный приобретает судимость федерального уровня.

Нападение на федерального служащего, квалифицируемое как тяжкое преступление

Закон предусматривает более суровые наказания в случаях, когда имел место значительный физический контакт либо имелось намерение совершить другое тяжкое преступление. В этом случае в качестве наказания предусматривается более крупный штраф, а также лишение свободы на срок до восьми лет, либо применение обоих видов наказания.

Усиленная ответственность за нападение на федерального служащего, которое квалифицируется как особо тяжкое

В случае, когда в ходе нападения использовалось смертоносное или опасное оружие (включая случаи, когда оружие являлось смертоносным, но не сработало в силу внутреннего дефекта частей или компонентов), либо были нанесены тяжкие телесные повреждения, наказание предусматривает как штраф, так и лишение свободы на срок до 20 лет, либо применение обоих видов наказания.

Во многих штатах также предусмотрены конкретные и суровые наказания за нанесение побоев полицейскому. Нанесение травмы или попытка причинить кому-либо вред может быть названо «нанесением побоев» (battery) или «нападением» (assault). Как правило, нанесение побоев считается совершенным, если лицо нанесло реальный вред потерпевшему (полицейскому), а нападение – если лицо угрожало или пыталось причинить вред. Хотя некоторые штаты все еще признают нападение и нанесение побоев в качестве одного состава преступления (assault and battery), большинство штатов выделяют в качестве отдельного состава нападение (нанесение незначительного телесного повреждения – это нападение; угроза или попытка нанесения телесного повреждения – это попытка нападения), и нанесение телесного повреждения (само нанесение серьезного телесного повреждения, а также угроза или попытка нанесения такового) [1].

В штатах, в которых приняты соответствующие законы, в качестве самостоятельного состава выделяется «нанесение побоев сотруднику полиции»; в других штатах есть преступление, называемое «нападением на сотрудника полиции». Однако в некоторых штатах преступления в отношении сотрудников правоохранительных органов в отдельный состав не выделяются – в первую очередь предъявляется обвинение

в общем нападении или нанесении побоев, но если обвиняемый будет осужден, ему грозит более суровое наказание, чем обычно, поскольку нападение совершено на представителя власти. Название преступления не имеет значения; важен тип поведения, запрещенный законом [2].

Как правило, для того, чтобы осудить лицо за такое преступление как нанесение побоев офицеру полиции, прокурор должен доказать, что обвиняемый фактически нанес телесные повреждения (или, как в некоторых штатах, угрожал или пытался причинить телесные повреждения) полицейскому, который выполнял свои служебные обязанности, и обвиняемый знал или имел основания полагать, что потерпевший является сотрудником правоохранительных органов.

Однако, в некоторых штатах для привлечения к ответственности за нападение обвиняемый должен фактически причинить телесные повреждения представителю власти. Степень тяжести травмы, как правило, может быть довольно легкой, и даже синяк или порез можно квалифицировать как преступное деяние. Причинение серьезных травм полицейскому, например, перелом кости или огнестрельное ранение, почти всегда является тяжким преступлением, наказуемым многолетним тюремным заключением.

В большинстве штатов преступление, связанное с нанесением побоев представителю власти, может быть совершено только в том случае, если это произошло во время исполнения им служебных обязанностей или во время исполнения иным лицом функций представителя власти (гражданский арест). Примерами официальных обязанностей являются: производство ареста (даже если арест является незаконным), руководство дорожным движением и проведение расследования.

Наказание сильно варьируется от штата к штату и отчасти зависит от обстоятельств преступления. Наказания могут включать в себя:

- лишение свободы;
- выплату компенсации потерпевшему за любые понесенные травмы;
- условное осуждение или штраф в несколько тысяч долларов.

Столкновение с офицером полиции может рассматриваться как проступок (наказывается сроком до одного года лишения свободы) или преступление (наказывается сроком от одного года и более лишения свободы). Чем серьезнее нанесенные травмы, тем суровее наказание. Если полицейский получил серьезную травму, то в большинстве штатов подсудимый может ожидать наказания в виде лишения свободы сроком от пяти до 25 лет.

К примеру, в соответствии с § 18.2-57 Кодекса штата Вирджиния³, нападение и нанесение побоев определяется как проступок 1-й степени, обычно наказуемый лишением свободы на срок до 12 месяцев и/или штрафом в размере 2500 долларов. При этом закон не определяет, что такое простое нападение или нападение с нанесением побоев, он устанавливает только наказание. Данное преступление рассматривается в рамках общего права, а это значит, что определение преступления дается на основе прецедентной судебной практики. Согласно данной практике преследуются по закону как простое нападение (с угрозой причинения вреда), так и нападение с нанесением побоев (физический контакт). При этом нанесение побоев может представлять собой просто незаконное прикосновение – даже легкое – в грубой или агрессивной манере. В Вирджинии даже малейшее прикосновение к другому человеку, совершенное в гневной, грубой, оскорбительной или мстительной манере, достаточно для предъявления обвинения в нападении и нанесении побоев и осуждения виновного. Кроме того, если кто-то намеренно совершает явное действие с целью вызвать у другого человека опасение нанесения побоев, это считается простым нападением, даже если прикосновения не было. И если кто-то пытается нанести побои и терпит неудачу, это тоже считается

1 18 U.S.C. Part 1, Chapter 7, § 111. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/111> (дата обращения: 15.03.2026).

2 18 U.S.C. Part 1, Chapter 51, § 1114. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/uscode/text/18/1114> (дата обращения: 15.03.2026).

3 Virginia Code, Chapter 4, § 18.2-57. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.lis.virginia.gov/vacode/title18.2/chapter4/section18.2-57/> (дата обращения: 03.03.2026).

простым нападением. Это означает, что если кто-то бросит в кого-то предмет, например снежный ком, и промахнется, и даже если потенциальная жертва не поймет, что задумал бросавший, это будет считаться простым нападением [3].

Более суровые наказания применяются, если жертвой является сотрудник правоохранительных органов или если это преступление на почве ненависти. Нападение и нанесение телесных повреждений сотруднику правоохранительных органов, пожарному, фельдшеру скорой помощи или судье квалифицируется как тяжкое преступление 6-й степени, за которое предусмотрено обязательное минимальное наказание в виде шести месяцев лишения свободы. Условное наказание или отсрочка наказания в этом случае не могут быть применены. Обязательное минимальное лишение свободы сроком на шесть месяцев может быть увеличено до одного-пяти лет лишения свободы [4].

В соответствии с § 120.08 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк⁴ лицо может быть обвинено в нападении на полицейского, если оно напало на кого-либо, кто, как ему было известно (или должно было быть известно), был полицейским, с намерением воспрепятствовать выполнению им служебного долга, и это нападение привело к нанесению тяжких телесных повреждений. Нападение на сотрудника полиции квалифицируется в штате Нью-Йорк как тяжкое преступление класса С. Помимо нападений на сотрудников полиции, данная статья призвана защитить иных лиц, привлекаемых к охране правопорядка, специалистов скорой медицинской помощи и пожарных при исполнении ими своих служебных обязанностей. Лицо, пытающееся помешать этим лицам выполнять свои обязанности, намереваясь причинить тяжкие телесные повреждения и совершая действия, направленные на причинение тяжких телесных повреждений, нарушает уголовный закон.

Тяжкие телесные повреждения определяются как такие, которые могут привести к смерти, существенному риску смерти, длительному расстройству здоровья или обезображиванию, либо потере органа. Для совершения нападения может быть также использовано смертоносное оружие или опасное орудие, что является отягчающим обстоятельством. В соответствии с законом о нападении при отягчающих обстоятельствах на сотрудника полиции, термин «смертоносное оружие» определяется как включающий в себя огнестрельное оружие, ножи, дубинки, кинжалы, металлические кастеты и пр. [5]

Осуждение за нападение на сотрудника полиции влечет за собой наказание в виде лишения свободы на срок до пятнадцати лет. Однако, если это насильственное преступление, срок лишения свободы должен составлять не менее трех с половиной лет, если у осужденного нет предыдущих судимостей за тяжкие преступления; если у осужденного есть одна или более предыдущих судимостей за тяжкие преступления, то минимальный срок будет больше. При назначении наказания председательствующий судья оценивает характер осужденного и его предыдущие судимости. Председательствующий судья также может наложить на осужденного штраф в размере до 5000 долларов.

Согласно § 241 Уголовного кодекса штата Калифорния⁵ нападение на сотрудника полиции – это проступок, за совершение которого предусмотрено достаточно суровое наказание. Нападением является умышленное применение или попытка применения силы к сотруднику полиции во время исполнения им служебных обязанностей. Статья 241 квалифицирует как преступление нападение на полицейского с применением силы, способной причинить тяжкие телесные повреждения. Согласно этому закону, умышленное и противоправное применение силы или насилие в отношении по-

лицейского, способное причинить серьезный физический вред, является преступлением. Тяжкие телесные повреждения определяются как значительные или существенные травмы. Перелом кости, серьезная рваная рана или сильный ожог являются классическими примерами значительных травм.

Стоит отметить, что для того, чтобы нападение на сотрудника полиции было расценено как применение силы, оно не обязательно должно привести к травмам. Даже незначительное физическое столкновение или угрожающее поведение могут повлечь за собой уголовное преследование. Таким образом, действия, включающие удары, бросание предметов или пинки в адрес сотрудника полиции, повлекут за собой уголовную ответственность.

При этом, закон требует, чтобы сотрудники полиции находились на службе во время предполагаемого инцидента. Поэтому, если сотрудник полиции был не при исполнении служебных обязанностей или у правонарушителя не было возможности узнать, что он является сотрудником полиции, такое лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности по данной статье.

Параграф 241(c) Уголовного кодекса штата Калифорния касается нападения не только на сотрудников полиции, но и на других специалистов, работающих в экстренных службах, чья деятельность в силу своего характера признана необходимой для обеспечения готовности к чрезвычайным ситуациям и бесперебойного функционирования. Список потенциальных объектов посягательства по статье 241(c) включает в себя:

- сотрудников полиции;
- пожарных;
- сотрудников Калифорнийского дорожного патруля (CHP);
- фельдшеров и парамедиков;
- спасателей;
- лиц, ответственных за вручение судебных документов;
- сотрудников службы контроля за соблюдением правил благоустройства;
- сотрудников дорожной полиции;
- сотрудников службы контроля за животными;
- сотрудников службы контроля за парковкой;
- участников поисково-спасательных работ, а также
- врачей или медсестер, оказывавших неотложную медицинскую помощь во время предполагаемого инцидента.

Для привлечения лица к уголовной ответственности за нападение на сотрудника полиции прокурор должен доказать следующее вне всякого разумного сомнения:

- лицо умышленно и противоправно пыталось насильственно причинить телесные повреждения сотруднику правоохранительных органов;
- сотрудник правоохранительных органов в момент попытки нападения находился при исполнении своих служебных обязанностей;
- лицо имело возможность совершить нападение, и
- лицо знало или должно было знать, что человек, на которого оно пыталось напасть, является сотрудником правоохранительных органов [6].

Нападение на полицейского является правонарушением небольшой тяжести – проступком, и предусматривает наказание до одного года лишения свободы в окружной тюрьме или штраф в размере до 2000 долларов, либо применение обоих видов наказания. Лишение свободы может быть назначено условно.

Судимость за нападение на сотрудника полиции в соответствии с § 241(c) Уголовного кодекса может быть погашена, однако обстоятельства дела и усмотрение суда существенно влияют на исход рассмотрения ходатайства о погашении судимости. Принимая решение об удовлетворении ходатайства, судьи будут учитывать такие факторы, как предыдущие судимости и влияние данной судимости на жизнь осужденного. В целом, погашение судимости возможно для большинства правонарушений и некоторых тяжких преступлений, включая нападение на сотрудника полиции. Осужденный имеет право на погашение судимости за нападение на сотрудника полиции только в том случае, если он:

4 Penal (PEN) Chapter 40, Part 3, Title H, Article 120, § 120.08. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/PEN/120.08> (дата обращения: 02.03.2026).

5 Ca Penal Code – Pen, Part 1, Title 8, Chapter 9, § 241. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?sectionNum=241&lawCode=PEN (дата обращения: 02.03.2026).

- выполнил все условия своего приговора, включая соблюдение испытательного срока;
- оплатил все штрафы или компенсации;
- не совершил новых преступлений после вынесения приговора.

Одновременно Уголовным кодексом штата Калифорния предусмотрена ответственность за нанесение побоев сотруднику полиции. Параграф 243 Уголовного кодекса⁶ определяет преступление, связанное с нанесением побоев сотруднику полиции, как умышленное и противоправное применение силы или насилия в отношении сотрудника правоохранительных органов при исполнении им своих обязанностей. Потенциальными жертвами могут быть сотрудники полиции, пожарные, фельдшеры скорой помощи, спасатели, члены поисково-спасательных служб и другие сотрудники органов общественной безопасности.

Для привлечения лица к уголовной ответственности за нанесение побоев сотруднику полиции, обвинению необходимо доказать, что:

- лицо умышленно и противоправно прикоснулось к сотруднику полиции травматичным или оскорбительным образом;
- предполагаемая жертва была сотрудником правоохранительных органов при исполнении своих служебных обязанностей; и
- лицо знало или должно было разумно полагать, что предполагаемая жертва была сотрудником правоохранительных органов при исполнении своих служебных обязанностей.

В случае осуждения, наказание за нанесение побоев сотруднику полиции может включать следующее:

- до одного года лишения свободы в окружной тюрьме и/или штраф до 2000 долларов за правонарушение, квалифицируемое как проступок (без нанесения тяжких телесных повреждений), или
- до трех лет лишения свободы в тюрьме штата и/или штраф до 10 000 долларов за тяжкое преступление (при нанесении тяжких телесных повреждений).

Кроме того, обвинительный приговор за нанесение побоев сотруднику полиции может иметь долгосрочные последствия, включая потерю определенных гражданских прав и возможностей трудоустройства.

Параграф 71 Уголовного кодекса штата Калифорния⁷ квалифицирует как преступление угрозы в адрес государственного должностного лица, включая сотрудников полиции, с целью воспрепятствовать или помешать должностному лицу выполнять свои обязанности. Это преступление известно как «криминальные угрозы в адрес государственного должностного лица».

Для привлечения лица к уголовной ответственности за угрозу государственному должностному лицу, обвинению необходимо доказать, что:

- лицо угрожало применением силы или насилия в отношении государственного должностного лица, включая сотрудника полиции;
- угроза была направлена на то, чтобы воспрепятствовать или помешать должностному лицу выполнять свои служебные обязанности; и
- угроза была недвусмысленной, безусловной, немедленной и точной.

Угроза в адрес сотрудника полиции или государственного должностного лица считается тяжким преступлением. Наказание за данное преступление может включать следующее:

- лишение свободы на два, три или четыре года в тюрьме штата; и/или
- штраф до 10 000 долларов.

Кроме того, суд может обязать осужденного выплатить компенсацию потерпевшему и в течение определенного испытательного срока находиться на пробации в случае условно-досрочного освобождения. Точные меры наказания варьируются в зависимости от конкретных обстоятельств дела и наличияотячающих или смягчающих обстоятельств.

Таким образом, можно заключить, что в Соединенных Штатах Америки представители власти, включая сотрудников полиции и иных правоохранительных органов, имеют достаточно высокий уровень защиты от преступных посягательств как на федеральном уровне, так и на уровне штатов. В свете российских реалий, когда задержанные в ходе несанкционированных митингов пытались оправдаться незначительностью нанесенного сотрудникам полиции ущерба («просто бросили пластиковый стаканчик или пустую пластиковую бутылку») следует особо подчеркнуть, что во многих штатах любой физический контакт с сотрудником полиции, совершенный в грубой или агрессивной манере, а также бросок любым предметом, даже если бросающий промахнулся, является преступлением, хотя и малозначительным.

При этом, однако, не следует забывать, что обвинение в нападении на сотрудника полиции, которое призвано защитить полицейских от опасности, может быть использовано и в качестве тактики противодействия гражданам в осуществлении их законных прав. Так, в ходе пятимесячного расследования, проведенного WAMU 88.5 News и семинаром по журналистским расследованиям при Американском университете при участии Reveal в 2015 году по материалам полицейских задержаний в 2012–2014 годах, было задокументировано и проанализировано почти 2000 дел с обвинениями в нападении на сотрудника полиции в столичном округе Колумбия. Результаты вызвали опасения по поводу слишком частого или чрезмерного использования этого обвинения. Некоторые адвокаты видят в этих цифрах тревожные признаки, утверждая, что закон используется как тактика для сокрытия злоупотреблений со стороны полиции и нарушений гражданских прав. Источники в полиции утверждают, что такой подход чрезмерно акцентирует внимание на тревожных, но редких инцидентах и не учитывает опасностей, с которыми сталкиваются полицейские при исполнении служебных обязанностей [7].

Слишком широкая трактовка понятий «нападение» и «угроза нападения» на сотрудника правоохранительных органов вызвала особую озабоченность после печального инцидента – гибели 7 января 2026 года писательницы и поэта Рене Гуд от рук агента Иммиграционной и таможенной службы США (ICE), который позднее был идентифицирован как Джонатан Росс, в ходе рейда, проводившегося в штате Миннеаполис в целях выявления и депортации нелегальных эмигрантов. Гражданка США Рене Гуд на собственном автомобиле возвращалась из школы, куда отвезла своего сына, и увидела агентов ICE, проводивших очередной рейд. Она остановилась на прилегающей улице у тротуара, возможно, чтобы наблюдать за их деятельностью, и ее машину обступили агенты ICE, один из которых приказал ей выйти из машины, протянув руку через открытое окно. Гуд попыталась покинуть место проведения рейда и ненадолго сдала назад, после начала двигаться вперед и вправо, в направлении движения, чтобы попасть обратно на трассу, поскольку улица была с односторонним движением. В этот момент Росс, стоявший слева от капота автомобиля, произвел три выстрела в Гуд, повлекших ее смерть [8]. Данный случай вызвал общенациональные протесты.

Сотрудники федеральных правоохранительных органов и президент Дональд Трамп защищали действия Росса, утверждая, что агент действовал в порядке самообороны, что Гуд сбила его машиной, и агент восстанавливался в больнице. Секретарь по внутренней безопасности Кристи Нозм заявляла, что Гуд «преследовала и препятствовала деятельности ICE весь день» [9]. Она также отметила: «Сотрудники Иммиграционной и таможенной службы неоднократно при-

6 Ca Penal Code – Pen, Part 1, Title 8, Chapter 9, § 243. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?sectionNum=243.&nodeTreePath=4.7.9&lawCode=PEN (дата обращения: 02.03.2026).

7 Ca Penal Code – Pen, Part 1, Title 5, § 71. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://leginfo.legislature.ca.gov/faces/codes_displaySection.xhtml?lawCode=PEN&sectionNum=71 (дата обращения: 02.03.2026).

казывали ей выйти из машины и прекратить препятствовать действиям правоохранительных органов, но она отказалась подчиниться их приказам. Затем она использовала свою машину в качестве оружия – а в законодательстве четко установлено, что транспортное средство, управляемое человеком и используемое для причинения вреда кому-либо, является смертоносным оружием – и попыталась переехать сотрудника правоохранительных органов» [9]. К тому же, в июне 2025 года Росс действительно стал жертвой водителя, который, при попытке Росса задержать его через открытое окно машины, нажал на газ и протащил Росса за собой несколько миль. Однако, такое описание событий было оспорено очевидцами, а также не соответствовало появившемуся в сети видеоролику, снятому одной из нательных камер агентов ICE [10]. Несколько должностных лиц штата Миннесота, включая Генерального прокурора Миннесоты Кита Эллисона [11], заявили, что во время инцидента Гуд действовала в качестве легитимного гражданского наблюдателя за деятельностью ICE. В настоящее время по факту смерти Рене Гуд ведется следствие.

В последнее время в США наблюдается тенденция к увеличению числа дел с участием агентов ICE по мере того, как данное федеральное агентство наращивает масштабы операций по массовой депортации незаконных мигрантов. Случаи протеста и гражданского неповиновения с участием агентов ICE часто следуют схожим схемам:

Блокировка транспортного средства федерального агента

Протестующие собираются вокруг служебного автомобиля или минивэна агента, встают перед ним или сидят на проезжей части. Позже агенты заявляют, что они были «заблокированы», «им помешали уехать» или они были «вынуждены ехать крайне медленно», чтобы избежать столкновения с кем-либо из протестующих.

Использование транспортного средства для побега или разрыва контакта с агентом

Во время попытки ареста по иммиграционному делу или остановки транспортного средства водитель резко ускоряется, когда агент находится у дверей автомобиля и перегнулся через окно со стороны водителя. В результате водитель тащит офицера, частично находящегося внутри автомобиля, или сталкивается с преследующим его правительственным автомобилем. Департамент юстиции обычно рассматривает сам автомобиль как «опасное» или «смертоносное» оружие и предъявляет обвинение в совершении тяжкого преступления в соответствии с § 111(b) Кодекса законом США [1].

В данном случае необходимо очень тщательно прописывать в законе объективную сторону данного преступления, чтобы избежать описанных выше эксцессов. В то же время, возможность подобных эксцессов также необходимо учитывать при реформировании российского законодательства об обеспечении уголовно-правовой охраны представителей власти.

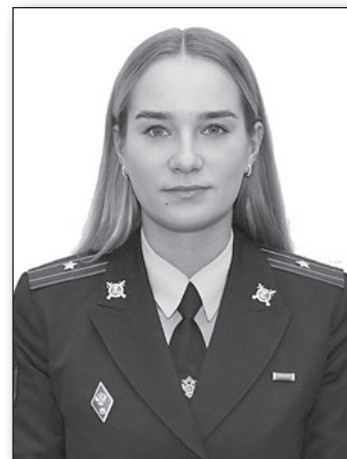
Пристатейный библиографический список

1. "Battery against a Police officer". – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.criminaldefenselawyer.com/crime-penalties/federal/Battery-on-Officer> (дата обращения: 03.03.2026).
2. "Assaulting a Police Officer". [Электронный ресурс] Режим доступа <https://www.theblanchlawfirm.com/practice-areas/major-felonies/assaulting-a-police-officer/> (дата обращения: 15.03.2026).
3. Fairfax Criminal Defense Attorney Explains: Simple Assault and Assault & Battery in Virginia. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.freeman4law.com/assault-battery> (дата обращения: 03.03.2026).
4. Common offences you may be charged with for assaulting a low enforcement officer. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.greenspunlaw.com/library/assault-on-a-police-officer-is-a-serious-offense-in-virginia.cfm> (дата обращения: 02.03.2026).

5. Assaulting a Peace Officer, Police Officer, Emergency Medical Services Professional, or Fireman: New York Penal Code § 120.08. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.newyorkcriminallawyer24-7.com/new-york-penal-code/assaulting-a-peace-officer-police-officer-emergency-medical-serv/> (дата обращения: 02.03.2026).
6. What Is Considered An Assault On A Police Officer? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thelacrimelawattorney.com/blog/429-what-is-considered-an-assault-on-a-police-officer> (дата обращения: 02.03.2026).
7. Davidson, Christina and Patrick Madden, Assault on Justice. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wamu.org/projects/assault-on-justice/> (дата обращения: 02.03.2026).
8. Inal K., Kofsky J., Margolin J. (January 8, 2026). "Minneapolis ICE Shooting: A Minute-By-Minute Timeline of How Renee Nicole Good Died". ABC News. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://abcnews.com/US/minneapolis-ice-shooting-minute-minute-timeline-renee-nicole/story?id=129021809/> (дата обращения: 02.03.2026).
9. Beitsch R. (January 7, 2026). "Noem Said Officer Was Hit by Car in Deadly Minneapolis Shooting, Bashes City and State Leaders". The Hill. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://thehill.com/homenews/state-watch/5677970-noem-said-officer-was-hit-by-car-in-deadly-minneapolis-shooting-bashes-city-and-state-leaders/> (дата обращения: 02.03.2026).
10. Lum D., Stein R., Tiefenthaler A. (January 8, 2026). "Video: Videos Contradict Trump Administration Account of ICE Shooting in Minneapolis". The New York Times. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nytimes.com/video/us/100000010631041/minneapolis-ice-shooting-video.htm> (дата обращения: 02.03.2026).
11. Chappell B., Kim J., (January 8, 2026). "What We Know One Day After the Killing of Renee Good by an ICE Agent in Minneapolis". NPR News. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.npr.org/2026/01/08/nx-s1-5671061/minneapolis-ice-shooting-noem> (дата обращения: 02.03.2026).

БУЕВИЧ Ольга Леонидовна

старший преподаватель кафедры предварительного расследования Учебно-научного комплекса по предварительному следствию в ОВД, Волгоградская академия МВД России

Бувевич О. Л.

ПРАВО НА ИНФОРМАЦИЮ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается право на информацию как комплексный правовой институт в уголовном судопроизводстве России, анализируется его роль в обеспечении информационной открытости предварительного расследования и влияние на соблюдение прав участников процесса. Автор выявляет противоречия в применении норм УПК РФ о неразглашении данных следствия и ознакомлении с материалами уголовного дела, создающие правовую неопределенность. На основании анализа судебной практики и решений Конституционного суда РФ раскрываются типичные нарушения права на информацию: формальное разъяснение прав, злоупотребление тайной следствия, ограничение доступа защитника к материалам дела. Отдельное внимание в статье уделяется влиянию общественного резонанса на качество расследования уголовных дел через призму права на информацию.

Ключевые слова: право на информацию, тайна следствия, общественный резонанс, информационная открытость, процессуальные права, защита прав участников, нарушение прав, уголовно-процессуальное законодательство.

BUEVICH Olga Leonidovna

senior lecturer of Preliminary Investigation sub-faculty of the Educational and Methodological Complex for the Preliminary Investigation in the DIA, Volgograd Academy of the MIA of Russia

THE RIGHT TO INFORMATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the right to information as a complex legal institution in Russian criminal proceedings, analyzes its role in ensuring the information transparency of the preliminary investigation and its impact on the observance of the rights of participants in the process. The author identifies contradictions in the application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation on non-disclosure of investigative data and familiarization with the materials of a criminal case, which create legal uncertainty. Based on the analysis of judicial practice and decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the article reveals typical violations of the right to information, such as formal explanations of rights, abuse of investigative secrecy, and restrictions on the defense attorney's access to the case materials. The article pays special attention to the impact of public opinion on the quality of criminal investigations through the lens of the right to information.

Keywords: right to information, investigative secrecy, public outcry, information transparency, procedural rights, protection of participants' rights, violation of rights, criminal procedure legislation.

В современном российском уголовно-процессуальном праве вопрос обеспечения информационной открытости предварительного расследования для его участников представляет собой одну из наиболее сложных и дискуссионных проблем, так как открытость уголовного судопроизводства выступает гарантией соблюдения прав и свобод человека. Информация в уголовном процессе является не просто сведениями о фактах, а специфическим процессуальным ресурсом, наличие или отсутствие которого определяет возможность стороны защиты эффективно оппонировать стороне обвинения, а стороне обвинения, в свою очередь, осуществлять качественное расследование уголовных дел, изобличать виновных и принимать законные решения, избегая необоснованного нарушения прав участников уголовного судопроизводства. Кроме того, в 2023-2024 годах в Уголовно-процессуальный кодекс внесены изменения, направленные на внедрение элементов электронного документооборота. Федеральным законом от 25.12.2023 № 672-ФЗ [1] были внесены изменения в статьи 222, 474.1 УПК РФ и введена статья 474.2, что создало нормативную базу для изготовления обвинительных заключений в электронной форме и дистанционного взаимодействия с органами следствия. Эти изменения, с одной стороны, упрощают доступ к информации, а с другой — порождают новые риски, связанные с кибербезопасностью и цифровым неравенством участников.

Противоречивая практика применения ст. 161 УПК РФ (недопустимость разглашения данных следствия) и ст. 217 УПК РФ (ознакомление с материалами дела) создает ситу-

ацию правовой неопределенности, в которой реализация конституционного права на защиту ставится в зависимость от дискреционного усмотрения должностного лица. Кроме того, цифровая трансформация общественных отношений и внедрение элементов «электронного правосудия» требуют концептуального пересмотра традиционных бумажных механизмов обмена информацией.

Так, например, «Дело Ивана Голунова» получившее широкий общественный резонанс в 2019 году по обвинению журналиста Ивана Голунова по факту незаконного оборота наркотических средств. По версии следствия, при нём обнаружили свёртки с наркотическим средством, а в квартире — весы, наркотические средства и другие предметы, связанные с наркобизнесом. В свою очередь, Голунов полностью отрицал свою причастность к незаконному обороту и употреблению наркотических средств. Коллеги-журналисты, медийные личности и правозащитные организации активно поддерживали Голунова. Газеты «Коммерсантъ», «Ведомости» и РБК вышли с одинаковыми первыми полосами с лозунгом «Я/МЫ Иван Голунов». У здания МВД проходили одиночные пикеты, в поддержку журналиста высказывались актёры и общественные деятели. Под давлением общественного мнения и после внутренней проверки уголовное дело было прекращено по п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ за отсутствием в деянии состава преступления. Позже, в 2020-2024 годах, были уволены несколько сотрудников МВД, участвовавших в задержании журналиста, и привлечены к уголовной ответственности по обвинению в превышении должностных

полномочий, фальсификации доказательств и незаконном обороте наркотических средств. Общественный резонанс по данному уголовному делу привел к внесению изменений в уголовно-процессуальное законодательство в 2021 году. Теперь не может служить основанием для возбуждения уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьями 228.1 и 228.4 УК РФ, сам факт нахождения лица в состоянии наркотического опьянения или обнаружения в теле человека наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов – при отсутствии достаточных данных, указывающих на факт их передачи в нарушение положений Федерального закона от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» [2].

Вышеуказанное наглядно показывает как право на информацию и его реализация, выразившееся в широком общественном резонансе, позволяет стороне защиты избежать незаконного привлечения к уголовной ответственности невиновного лица.

Примеров, когда сотрудники правоохранительных органов обращаются к гражданам за помощью в раскрытии преступлений, достаточно. Так, в сентябре 2017 года оперативники Управления уголовного розыска ГУ МВД России по Красноярскому краю устанавливали подозреваемых в совершении особо тяжкого преступления. В августе в полицию краевого центра поступило сообщение об обнаружении в квартире одного из жилых домов тела мужчины-инвалида, 1963 г.р., с признаками насильственной смерти. С целью раскрытия тяжкого преступления была создана следственно-оперативная группа, куда вошли опытные сотрудники Управления уголовного розыска, отработывались связи потерпевшего. В ходе расследования установлено, что из квартиры погибшего мужчины похитили коллекцию монет, крупную сумму денег, ювелирные украшения. С целью установления свидетелей, обладающих какой-либо значимой информацией о лицах, причастных к совершению преступления, на официальном сайте ведомства была размещена видеозапись. Таким образом, разместив в общем доступе видеозапись, на которой зафиксированы лица, причастные к совершению преступления, сторона обвинения обеспечила доступ к информации.

Приведенные примеры демонстрируют, как огласка информации о преступлении может активизировать правоохранительные органы, обнаружить дополнительные доказательства и свидетелей, а также создать общественное давление, которое способствует более тщательному расследованию. Однако важно учитывать, что такие случаи требуют баланса между правом на свободу информации, тайной предварительного расследования и презумпцией невиновности до вступления приговора в силу.

Право на информацию в уголовном процессе — это комплексный правовой институт, одновременно являющийся субъективным правом каждого участника, процессуальной гарантией и элементом конституционного принципа охраны прав и свобод. Его содержание дифференцировано: наибольший объем информационных правомочий закреплён за обвиняемым и защитником, наименьший — за свидетелем и гражданским ответчиком. Несмотря на детализированное нормативное регулирование в УПК РФ (ст. 11, 42, 46, 47, 53, 161, 215–217) и обширную практику Конституционного Суда РФ, реализация этого права сталкивается с системными проблемами: формальное разъяснение прав, злоупотребление тайной следствия, ограничение доступа защитника к материалам дела.

Конституционный Суд РФ сформировал корпус из нескольких десятков решений, развивающих содержание права на информацию в уголовном процессе, а именно: расширил понятие «подозреваемый» для целей обеспечения информационных прав и установил право защитника знакомиться с протоколами следственных действий и документами, что не ограничивается формальным процессуальным статусом подзащитного; установил принцип соразмерности: ограничение права на информацию не должно посягать на само существо права и приводить к утрате его реального содержания; подтвердил, что ограничение допустимо лишь федеральным за-

коном в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции. Серия определений Конституционного Суда РФ сформировала стандарт права на копирование: разъяснило право обвиняемого снимать за свой счёт копии с материалов дела; установило, что ст. 46 и 47 УПК «не только не исключают, но и предполагают» это право; указало, что эти позиции «не могут игнорироваться судами и иными правоприменительными органами». Относительно прав потерпевшего: любое чрезмерное сокрытие информации, лишаящее потерпевшего возможности защищать себя, противоречит Конституции. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 30.06.2015 №29 указал: обеспечение права на защиту — «сквозной» принцип, действующий во всех стадиях; формальное разъяснение прав недопустимо. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 17 разъяснило, что потерпевшему должны быть вручены копии постановлений, а по ходатайству — копии иных документов, затрагивающих его интересы. Постановление Пленума ВС от 21.12.2010 № 28 подчеркнуло обязанность соблюдения прав при назначении экспертиз.

Необходимо выделить типичные нарушения права на информацию на практике. Формальное разъяснение прав — следователи зачитывают стандартный бланк без пояснений о способах реализации прав. Понятие «достаточности времени» для подготовки к защите (ч. 3 ст. 47 УПК РФ) является оценочным и допускает субъективное толкование. Ограничение доступа защитника — несмотря на позиции Конституционного Суда РФ, следователи отказывают защитнику в ознакомлении с процессуальными документами до завершения расследования, препятствуют фотокопированию материалов (ссылаясь на отсутствие «технической возможности»). Злоупотребление тайной следствия — следователи отбирают у защитников подписки о неразглашении в неконкретизированной форме, фактически запрещая любое обсуждение обстоятельств дела. Адвокатские палаты рекомендуют требовать конкретизации данных, не подлежащих разглашению, с указанием сроков. На практике ст. 161 УПК РФ нередко используется как инструмент давления на защиту. Проблема прав потерпевшего — несвоевременное признание потерпевшим (вопреки требованию «незамедлительно»), отказы в ознакомлении при приостановлении дела. Проблема экспертиз — следователи несвоевременно знакомят участников уголовного судопроизводства с постановлениями о назначении экспертиз, что лишает участников уголовного судопроизводства возможности заявить отвод эксперту, поставить дополнительные вопросы, ходатайствовать о проведении экспертизы в другом учреждении.

Право на информацию в уголовном судопроизводстве не является простой процессуальной льготой или техническим элементом иных прав. Это сложнейшее, самостоятельное, комплексное субъективное публичное право, выступающее фундаментом для реализации всех остальных процессуальных прав личности, в связи с чем есть необходимость конкретизации норм УПК РФ, например: закрепить право участников (потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого) уголовного судопроизводства на ознакомление с материалами уголовного дела при приостановлении и прекращении дела; установить минимальные нормативы времени ознакомления (1 день на том уголовном деле); обязать следователя указывать в подписке о неразглашении конкретные данные и сроки.

Пристатейный библиографический список

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон № 672-ФЗ от 25.12.2023 // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ // Справ.-правовая система «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/>.

ЛУЧИНКИН Федор Михайлович

преподаватель кафедры уголовного права, Ижевский филиал, Российская правовая академия Минюста России

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В отечественной уголовно-процессуальной доктрине доказательственное значение результатов оперативно-розыскных мероприятий остается спорным. Причиной тому является неудачный законодательный подход к определению доказательственного значения результатов оперативно-розыскной деятельности, сформулированный в статье 89 УПК РФ. В рамках эволюционного развития уголовно-процессуального законодательства уместно постепенное изменение подхода к пониманию доказательственного значения результатов оперативно-розыскных мероприятий. Предлагается изменить этот подход на тот, что сложился в родственных российской уголовно-процессуальных системах стран ближнего зарубежья: Беларуси, Таджикистане, Туркменистане. Автор предлагает свою классификацию результатов оперативно-розыскных мероприятий в зависимости от их доказательственного значения. Исходя из нее, возможно изменение правового стандарта использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов отдельных оперативно-розыскных мероприятий. Некоторые из них следует признавать доказательствами, ряд требует обязательной проверки путем производства следственных действий, другие же не могут иметь самостоятельного доказательственного значения.

Ключевые слова: доказательства, доказывание, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, доказательственное значение.

LUCHINKIN Fyodor Mikhailovich

lecturer of Criminal law sub-faculty, Izhevsk Branch, Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia

ON THE EVIDENTIARY VALUE OF THE RESULTS OF OPERATIONAL- INVESTIGATIVE ACTIVITIES

The evidentiary value of the results of operational-investigative activities remains controversial in Russian criminal procedure doctrine. This is due to the inappropriate legislative approach to determining the evidentiary value of the results of operational-investigative activities, as formulated in Article 89 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. It is proposed to change this approach to that adopted in the criminal procedure systems of neighboring countries, such as Belarus, Tajikistan, and Turkmenistan, which are related to Russia. As part of the evolutionary development of criminal procedural legislation, a gradual change in the approach to understanding the evidentiary value of the results of operational investigative measures is appropriate. The author proposes a classification of the results of operational investigative measures based on their evidentiary value. Based on this classification, it is possible to change the legal standard for the use of the results of individual operational investigative measures in criminal procedural proof. Some of these measures should be recognized as evidence, others require mandatory verification through investigative actions, and others cannot have independent evidentiary value.

Keywords: evidence, proof, operational investigative measures, operational investigative activity, evidentiary value.

Вопрос о доказательственном значении результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) разделяет современную российскую науку на два лагеря. Представители одного из них являются принципиальными противниками признания результатов ОРД доказательствами [5], [3]. Другие, напротив, призывают к признанию в том или ином виде доказательственного значения у результатов ОРД [1], [4, с. 46].

Надо отметить, что Россия является единственной страной в мире, где в уголовно-процессуальном кодексе запрещается использование результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 89 УПК РФ). Даже в тех государствах, где почти наличествуют полностью идентичные российской уголовно-процессуальные системы, законодатель избрал противоположный подход к формулированию основного правила использования в доказывании результатов ОРД: «материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть признаны в качестве источников доказательств» (ст. 101 УПК Республики Беларусь), «Полученные результаты оперативно-розыскной деятельности, могут быть признаны» доказательствами (ст. 84 УПК Республики Таджикистан); «Результаты оперативно-розыскной деятельности, полученные при соблюдении требований закона, могут использоваться в доказывании по уголовному делу» (ст. 138 УПК Туркменистана).

Во всех приведенных законодательных примерах проявилась советский уголовно-процессуальный правовой стандарт использования в уголовно-процессуальном доказывании результатов ОРД, а именно: они могут быть использованы в уголовно-процессуальном доказывании. Основным

условием их допустимости является проверка органом предварительного расследования в установленном законом порядке, то есть следственным путем. Вариации этого правового стандарта могут быть различными. Но именно российский подход к трактовке результатов ОРД – через «запрет», то есть через презюмирование отсутствия у них доказательственным значения, надо признать, на наш взгляд, неудачным.

Этот запрет имел негативные институциональные последствия для становления и развития российской модели уголовно-процессуального доказывания, в которой ОРД откано в способности образовывать доказательства. Он породил многочисленные бесплодные теоретические споры, что называется на ровном месте, уводя внимание ученых, от решения действительно важной проблемы правовой организации досудебного расследования, раскрытия преступления.

Радикальное решение проблемы использования в уголовно-процессуальном доказывании теперь стало хорошо известным. Это проведение реформы досудебного производства и признание того, что у нас не считается способами собирания доказательств – оперативно-розыскные мероприятия – способами собирания доказательств: «негласные следственные действия» (глава 30 УПК Республики Казахстан); «специальные следственные действия» (глава 31 УПК Кыргызской Республики).

Вопрос о подобной реформе отложен в России на неопределенное время и выбран эволюционный путь преобразования уголовно-процессуального права. Подход уральской школы процессуалистов вполне укладывается в эволюцион-

ную стратегию развития отечественного уголовного судопроизводства. Такой, эволюционный путь правового развития допускает на наш взгляд, пересмотр формулировки правила об использовании результатов ОРД в уголовно-процессуальном доказывании по образцу, который, закреплен в уголовно-процессуальном законе Белоруссии, Таджикистана, Туркменистана и других государств со сходным типом уголовного процесса.

Разделяя и развивая данную позицию, предлагается дифференцированный подход к оценке доказательственного значения результатов различных ОРМ. В зависимости от доказательственного значения получаемых результатов можно выделить следующие виды ОРМ:

1. ОРМ, проводимые с разрешения суда, что дает правовую гарантию допустимости их результатов в качестве доказательств по уголовному делу. В число таких ОРМ входят контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи; получение компьютерной информации. Результаты этих ОРМ, при подтверждении в ходе проверки следственным путем их относимости к предмету доказывания, становятся следующими доказательствами: иные документы, протокол осмотра предмета, документа.

2. ОРМ, в которых субъектами ОРД, в том числе с применением технических средств, было зафиксировано событие преступления: проверочная закупка, оперативный эксперимент, наблюдение, контролируемая поставка. Этими ОРМ могут быть получены предметы, документы со следами преступления, которые по решению следователя признаются вещественными доказательствами. Результаты этих предметных ОРМ, имеют самостоятельное доказательственное значение, если получены с соблюдением ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025)¹, подзаконных актов², представлены в надлежащем порядке³; не противоречат требованиям УПК РФ, касающимся соблюдения прав личности и документирования хода и результатов мероприятия

3. Предметные ОРМ [2], проводимые гласно: сбор образцов для сравнительного исследования; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Гарантией допустимости результатов гласного оперативного обследования жилища является превентивный судебный контроль за этим ОРМ. При проведении гласных предметных ОРМ может производиться изъятие документов, предметов, материалов и информации,

которые могут быть признаны следователем вещественными доказательствами.

4. Негласные предметные ОРМ, позволяющие получить материалы и сведения о доказываемых фактах: наведение справок; отождествление личности; оперативное исследование предметов и документов. Результаты этой разновидности ОРМ не являются «готовыми» уголовно-процессуальными доказательствами. Они могут быть основаниями для производства предметных следственных действий в досудебном производстве уголовного процесса. Сведения, полученные таким путем, могут использоваться в раскрытии преступления и иным образом, в рамках уголовно-процессуального законодательства

5. Опрос, как гласный, так и скрытый, является разновидностью метода расспроса, который составляет и основное содержание допроса. Между тем различие между ними кардинальное: в уголовно-процессуальной форме, которая гарантирует права личности – опрашиваемого человека. Поэтому оперативный опрос, и даже следственные допрос не могут быть признаны способами собирания показаний, личных доказательств. Разумеется, в настоящее время следственный допрос признается способом формирования уголовно-процессуальных доказательств, в том числе производного – письменного доказательства в виде протокола (допроса, иного вербального следственного действия). Но мы полагаем, что вербальная информация, полученная как в ходе гласного опроса, так и следственного допроса требует обязательного представления суду путем судебного допроса, если только стороны не согласились на оглашение ранее данных показаний в порядке статьи 281 УПК РФ. Вербальная информация, полученная в ходе негласного опроса, не имеет самостоятельного доказательственного значения и подлежит реализации через другие ОРМ и следственные действия. Если говорить о сообщениях, получаемых от лиц в устной форме при проведении других ОРМ, то, на наш взгляд, самостоятельного доказательственного значения они не имеют, но могут быть основанием для допроса лица, сделавшего заявления о фактах.

Согласимся с позицией А. О. Машовец, что показания формируются в окончательном виде судебными допросами [6, с. 19-22], за исключением тех случаев, когда уголовное дело разрешается в досудебном порядке.

Таким образом, целесообразен дифференцированный подход к оценке доказательственного значения результатов различных оперативно-розыскных мероприятий.

Пристатейный библиографический список

1. Александров А. С., Кучерук Д. С. Результаты ОРМ – база приговора? Российские регламенты устарели // Российский следователь. - 2012. - № 6. - С. 35-39.
2. Выговтов А. Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности): дис. ... канд. юрид. наук. - Омск: Восточно-Сибирский институт МВД РФ. - 2020. - 221 с.
3. Григорьев В. Н. Некоторые суждения о результатах оперативно-розыскной деятельности // Судебная власть и уголовный процесс. - 2018. - № 2. - С. 48-52.
4. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / кол. авторов. Под ред. А. С. Александрова. - Москва: Юрлитинформ, 2015. - 304 с.
5. Доля Е. А. Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. - 2007. - № 6. - С. 38-42.
6. Машовец А. О. Судебное следствие в уголовном процессе России: теоретико-доктринальный, нормативно-правовой и прикладной аспекты: монография / под ред. А. Д. Прошлякова. - Москва: Юрлитинформ, 2016. - 456 с.
- 1 Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон Российской Федерации от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025): принят Государственной Думой 05.07.1995 // Российская газета. - 1995 (18 августа) // СПС Консультант плюс: [сайт]. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2025).
- 2 Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств: приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 01.04.2014 № 199 (Зарегистрирован в Минюсте РФ 21.05.2014: Регистрационный № 32369) // Российская газета. - 2014 (28 мая) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2025).
- 3 Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд: приказ МВД России, МО России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, СК России [от 27.09.2013 № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68] // Российская газета. - 2013 (13 декабря) // СПС «КонсультантПлюс»: [сайт]. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.10.2025).

МИХАЙЛОВ Александр Михайлович

аспирант кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, Институт права, Самарский государственный экономический университет

БЕЛЯКОВ Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, Институт права, Самарский государственный экономический университет

К ВОПРОСУ О ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЯХ ПРОКУРОРА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В данной статье анализируется конституционная роль органов прокуратуры Российской Федерации, их полномочия в сфере уголовного преследования и надзора за соблюдением уголовно-процессуального законодательства путём изучения нормативно-правовых актов и ведомственных приказов. Основное внимание уделяется правовому статусу прокурора на стадии возбуждения уголовного дела, а также его функциям в рамках уголовного судопроизводства, проанализирован вопрос разграничения надзорных полномочий прокурора и полномочий при осуществлении уголовного преследования, дана оценка точкам зрения учёных-процессуалистов на вопрос о целесообразности возвращения прокурору полномочий самостоятельно возбуждать уголовное дело.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, возбуждение уголовного дела.

MIKHAILOV Alexander Mikhailovich

postgraduate student of Combating economic crimes sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

BELYAKOV Alexey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor of Combating economic crimes sub-faculty, Institute of Law, Samara State University of Economics

ON THE ISSUE OF THE PROCEDURAL POWERS OF THE PROSECUTOR AT THE PRE-TRIAL STAGE OF CRIMINAL PROCEEDINGS

This article analyzes the constitutional role of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, their powers in the field of criminal prosecution and supervision of compliance with criminal procedure legislation through the study of regulatory legal acts and departmental orders. The main attention is paid to the legal status of the prosecutor at the stage of initiation of a criminal case, as well as his functions in criminal proceedings, the issue of distinguishing the supervisory powers of the prosecutor and the powers in carrying out criminal prosecution is analyzed, and the views of procedural scientists on the expediency of returning the prosecutor's authority to initiate criminal proceedings independently are assessed.

Keywords: criminal procedure, prosecutor, initiation of a criminal case.

Конституционная роль органов прокуратуры РФ закреплена ст. 129 Конституции РФ. Помимо осуществления надзора за соблюдением федерального законодательства органы прокуратуры уполномочены осуществлять от имени государства уголовное преследование.

Данное положение находит свое отражение в ст. 29 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», где за рассматриваемым органом закрепляется обязанность осуществлять надзор деятельностью властных структур, осуществляющих предварительное расследование, особо акцентируя внимание на стадии возбуждения уголовного дела (далее – ВУД).

Основные полномочия прокурора в рамках уголовного процесса регламентированы ст. 37 УПК РФ. Правовой статус (положение) прокурора на стадии ВУД регламентирован положениями, закреплённым в п.п. 1-3, 5.1, 6-7, 12 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, ч. 4 ст. 146 УПК РФ, ч. 6 ст. 148 УПК РФ, ч. 8 ст. 151 УПК РФ.

Согласно вышеозначенным нормам уголовно-процессуального законодательства, прокурор осуществляет надзор за деятельностью, связанной с регистрацией сообщений о преступлениях и их рассмотрением.

В соответствии с законом стадия ВУД заканчивается принятием одного из следующих решений:

- 1) вынесение постановления о ВУД;
- 2) вынесение постановления об отказе в ВУД;
- 3) вынесение постановления о передаче сообщения по подследственности.

В рамках надзора прокурор имеет право проверки вышеуказанных процессуальных решений на предмет их законности и обоснованности, а также их отмены при обнаружении нарушений.

Кроме того, соответствующее решение прокурора является поводом для ВУД.

Изучение указанных положений позволяет сделать вывод о том, что прокурор как на исследуемой стадии, так и в рамках уголовного судопроизводства в целом обладает лидирующей ролью при осуществлении уголовного преследования от имени государства, что позволяет охарактеризовать его полномочия как координирующие, так как они определяют основной вектор деятельности правоохранительных органов, направленный от точки, в которой осуществляется приём и регистрация сообщения о преступлении, в сторону принятия окончательного процессуального решения, составления обвинительного заключения (акта, постановления), его утверждения и направления в суд для рассмотрения по существу.

Всё вышеперечисленное анализируется, обобщается и детализируется в ведомственных нормативных актах¹.

1 Приказ Генпрокуратуры России от 23.10.2023 № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.>

Согласно данному приказу прокуроры должны минимум 1 раз в месяц проверять правоохранительные органы, имеющих право принимать, регистрировать и разрешать сообщения о преступлениях, а также изучать состояние учётно-регистрационной документации.

Прокуроры ориентированы на предупреждение волокиты при проведении доследственных проверок и обеспечение соблюдения принципа разумного срока уголовного судопроизводства, исключение фактов неоднократного вынесения постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по одному и тому же сообщению о преступлении, правомерное и целесообразное продление сроков проверки таких сообщений.

Данный приказ обязывает прокуроров организовывать ежемесячную сверку сообщений о преступлениях, переданных по подведомственности и территориальной подследственности, устанавливать их фактическое направление, поступление и регистрацию. Обязывает сотрудников прокуратуры сверять регистрационно-учетные документы органов расследования с соответствующей документацией медицинских организаций и других учреждений для выявления незарегистрированных сообщений. Так же, указывается на необходимость осуществления мониторинга СМИ, интернет-ресурсов, материалов надзорных проверок, содержания обращений граждан.

На прокуроров возлагается обязанность по выявлению и пресечению фактов укрытия от учёта преступлений. В частности, указывается на необходимость получения объяснений от граждан, сообщивших о преступлении, однако в последствии отказавшихся от своего заявления, что привело к вынесению решения об отказе в ВУД.

Прокуроров обязывают своевременно отменять незаконные и (или) необоснованные постановления об отказе в ВУД, акцентируя внимание на сроки и процессуальный порядок. Пять суток дается для отмены постановления об отказе в ВУД и 24 часа – незаконного решения о ВУД.

Последнее решение отменяется только в случаях, угрозы незаконного привлечения лица к уголовной ответственности или признания доказательств недопустимым. Смягчение квалификации не является основанием для применения вышеуказанных полномочий.

Анализ вышеуказанного ведомственного приказа показывает, что его содержание детализирует полномочия, возложенные на прокурора при осуществлении надзора за процессуальной деятельностью правоохранительных органов на стадии возбуждения уголовного дела, регламентирует конкретный перечень проверочных мероприятий, в рамках которых данные полномочия могут быть наиболее эффективно реализованы, а также наиболее основательно раскрывает роль прокурора в анализируемом вопросе.

Изучение специальной литературы по рассматриваемой проблеме позволил выявить следующую тенденцию. Большинство авторов высказываются за возвращение прокурору права на ВУД.

Так, Н. С. Манова мотивирует необходимость у прокурора рассматриваемой возможности тем, что без нее его участие в уголовном преследовании на досудебных стадиях носит формальный характер [1].

Ш. М. Абдул-Кадыров пишет, что отсутствие данного права мешает оперативному обеспечению защиты прав и законных интересов потерпевших [2].

Вместе с тем, М. В. Сидорова утверждает, что данная ситуация негативно влияет на состояние законности в стадии ВУД [3].

Здесь необходимо уточнить, что деятельность прокурора на рассматриваемой стадии носит двойственный харак-

тер: во-первых, это осуществление прокурорского надзора; во-вторых, осуществление уголовного преследования.

В этой связи А. А. Василенко в своём исследовании справедливо утверждает, что «определить, какие из предоставленных прокурору полномочий надзорные, а какие направлены на уголовное преследование, крайне сложно» [4]. В обоих случаях процессуальная деятельность прокурора должна соответствовать назначению уголовного судопроизводства, регламентированного ст. 6 УПК РФ. Однако на досудебной стадии уголовного судопроизводства она более выражена в осуществлении надзора за законностью принимаемых субъектами уголовного преследования процессуальных решений, в то время как на судебной стадии прокурор уже выступает более ярко в качестве субъекта уголовного преследования, поддерживая государственное обвинение, принимая участие в исследовании доказательств на судебном следствии, защищая права и законные интересы потерпевшей стороны.

Исходя из изложенного следует разделить указанные полномочия прокурора следующим образом. На досудебных стадиях уголовного судопроизводства он реализует надзорные функции, а на судебных стадиях – полномочия по уголовному преследованию.

Данный вывод позволяет нам прийти к тому, что отсутствие у прокурора возможности самостоятельно возбудить уголовное дело не является проблемой в той степени, в какой она рассматривается в точках зрения вышеуказанных ученых-процессуалистов. На наш взгляд отсутствие такого полномочия у прокурора в текущей ситуации является целесообразным и обеспечивает действие системы сдержек и противовесов в правоохранительной системе, а в конкретно рассматриваемом случае, на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Отдельно стоит отметить тот факт, что прокурор обладает полномочиями к внесению в адрес поднадзорных правоохранительных органов требований об устранении нарушений уголовно-процессуального законодательства, в том числе и требование на возбуждение уголовного дела.

Таким образом, прокурор на стадии возбуждения уголовного дела обладает лидирующей ролью и, несмотря на отсутствие прямых полномочий к принятию процессуального решения о возбуждении уголовного дела, обладает рычагами воздействия на поднадзорные правоохранительные органы, имея возможность отменять указанные процессуальные решения и вносить требования об устранении нарушений уголовно-процессуального законодательства, прописывая в них в том числе и указание на возбуждение уголовного дела.

Пристатейный библиографический список

1. Лапин С. Ю. Прокурор-следователь: революция началась // ЭЖ-Юрист. – 2007. – № 26. – С. 21-25.
2. Манова Н. С. Функции и полномочия прокурора в досудебном производстве // Публичное и частное право. – 2009. – № 11. – С. 183.
3. Сидорова М. В. К вопросу о правовом статусе прокурора на стадии возбуждения уголовного дела // Молодой ученый. – 2020. – № 27 (317). – С. 301-302.
4. Василенко А. А. Манова Н. С. Функции и полномочия прокурора в досудебном производстве // Публичное и частное право. – 2009. – № 11. – С. 183.

МОКРОВСКИЙ Андрей Викторович

аспирант, Ульяновский государственный университет

ОТНОСИМОСТЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ДОСТИЖЕНИЯ ЦЕЛИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

В статье исследуется правовая природа относимости доказательств в уголовном процессе. На основе анализа доктринальных подходов (М. С. Строгович, Л. Т. Ульянова, П. А. Лупинская) и концепции единства статики и динамики права С. С. Алексеева автор обосновывает дуалистическую природу относимости, которая выступает одновременно как имманентное свойство доказательства, определяющее его логико-фактическую связь с предметом доказывания, и как активный процессуальный инструмент, обеспечивающий реализацию целей уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ). Раскрывается функциональная роль относимости в качестве первичного фильтра доказательственной информации, позволяющего достичь законности, обоснованности и справедливости судебных решений.

Ключевые слова: относимость доказательств, уголовный процесс, предмет доказывания, дуализм, статика и динамика права, свойство доказательства, процессуальный инструмент, цели уголовного судопроизводства, правоприменение.

MOKROVSKY Andrey Viktorovich

postgraduate student, Ulyanovsk State University

RELEVANCE AS AN INSTRUMENT FOR ACHIEVING THE GOAL OF CRIMINAL PROCEEDINGS

The article examines the legal nature of the relevance of evidence in criminal proceedings. Based on an analysis of doctrinal approaches (M.S. Strogovich, L.T. Ulyanova, P.A. Lupinskaya) and the concept of the unity of statics and dynamics of law by S.S. Alekseev, the author substantiates the dualistic nature of relevance, which acts simultaneously as an immanent property of evidence, determining its logical and factual connection with the subject of proof, and as an active procedural instrument ensuring the realization of the goals of criminal proceedings (Article 6 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation). The functional role of relevance as a primary filter of evidentiary information, enabling the achievement of legality, validity, and fairness of judicial decisions, is revealed.

Keywords: relevance of evidence, criminal procedure, subject of proof, dualism, statics and dynamics of law, property of evidence, procedural instrument, goals of criminal proceedings, law enforcement.

Доктринальное осмысление такого правового явления как относимость раскрывает его комплексную природу. Так, классик процессуальной науки М. С. Строгович [14, с. 361] обосновал логико-гносеологическое основание относимости, определяя её как вопрос о логической связи между содержанием доказательства и обстоятельством, подлежащими установлению. Ученый писал, что в науке уголовного процесса установление предмета доказывания фактически определяет содержательные пределы и направление всего судебного исследования. Именно эти законодательно установленные пределы и являются критерием для отбора доказательств. Свойство доказательства, в силу которого устанавливаемый им факт входит в эти пределы (предмет доказывания), и называется относимостью. Таким образом, относимость доказательства есть не что иное, как его соответствие установленным законом пределам доказывания по конкретному уголовному делу. Этот подход акцентирует познавательный (гносеологический) аспект относимости, связанный с её ролью в установлении истины.

Однако правовая природа относимости не сводится исключительно к логическому отношению. Л. Т. Ульянова [15, с. 852-862] делала акцент на процессуально-функциональном аспекте. В её трактовке относимость – это свойство, позволяющее доказательству выполнять свою главную функцию: устанавливать или опровергать обстоятельства, входящие в предмет доказывания. Это взгляд на относимость как на инструмент достижения цели уголовного процесса. П. А. Лупинская указывала, что относимость как свойство, определяющее практическую значимость (релевантность) доказательства для установления обстоятельств, перечисленных в ст. 73 УПК РФ [9, с. 143]. В. А. Лазарева в своих работах по доказыванию рассматривает относимость как первичный фильтр, отсекающий сведения, не способные выполнить свою функцию в установлении предмета доказывания [8, с. 112-114]. В современной научной дискуссии укрепляется позиция, характеризующая правовую природу относимости как комплексную, сочетающую материально-логическую и процессуальную составляющие. Согласно данному взгляду, относимость представляет собой не формальный критерий,

а функциональное свойство, производное как от логической связи доказательства с предметом доказывания, так и от процессуального контекста его получения [4, с. 12-24], [5], [7]. Однако подобный подход, повышая гибкость оценки, одновременно содержит риск чрезмерной субъективизации и разобщённости судебной практики из-за неопределённости методических ориентиров. Следовательно, эффективное внедрение комплексной модели в правоприменение требует разработки и введения дополнительных стандартизирующих процедур и контролируемых критериев, которые ограничили бы самостоятельные пределы усмотрения правоприменителя, обеспечивая единообразие и предсказуемость в решении вопроса об относимости доказательств.

Для целей настоящего исследования представляется необходимым провести углублённый анализ сформулированного в доктрине фундаментального тезиса, согласно которому относимость доказательств в российском уголовном судопроизводстве обладает дуалистической природой. Содержательный смысл данного тезиса заключается в признании относимости в качестве двойственного феномена: с одной стороны, она предстаёт как неотъемлемое свойство доказательства, выражающее объективную логико-фактическую связь его содержания с предметом доказывания. С другой стороны, и это является ключевым для процессуальной практики, относимость одновременно выполняет функцию активного процессуального инструмента (средства), целенаправленно используемого для обеспечения реализации законодательно закреплённых целей уголовного судопроизводства, определённых в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Подробное рассмотрение данной концепции позволит раскрыть не только статическую характеристику доказательства, но и его динамическую, регулятивную роль в построении законного, обоснованного и справедливого правосудия.

О двойственном феномене права писал в своих работах С. С. Алексеев [1, с. 94-96], указывая, что содержание права – это единство его статики (система норм, идеальных моделей поведения) и динамики (государственно-волевая энергия, направленная на реализацию этих норм в жизни). Норма – не

просто правило, а инструмент целенаправленного регулирования, где статическая форма и динамическая функция неразрывны. Право существует как живой институт лишь в постоянном переходе от нормативной заданности к реальному правовому воздействию.

Применение концепции С. С. Алексеева о единстве статичности и динамики в праве к анализу категории относимости позволяет выявить методологическую основу её двойственной (дуалистической) природы. Данная концепция убедительно обосновывает авторский тезис, согласно которому относимость выступает одновременно как имманентное свойство доказательства и как целевой процессуальный инструмент.

В своих работах Случевский В. К., Балакшин В. С., Орлов Ю. К., Михайловская И. Б., Александров А. С., Фролов С. А., Лупинская П. А., Белкин А. Р. указывали, что статический аспект относимости раскрывается через её нормативное и доктринальное закрепление в качестве неотъемлемого свойства доказательства, определяющего его «строение» и связь с предметом доказывания (ст. 73, 88 УПК РФ). Это устойчивая, нормативно заданная характеристика. Как совершенно верно отмечал В. С. Балакшин [2, с. 310] свойство относимости (релевантность) служит материальной предпосылкой для её практической функции и без этой связи с делом сведение лишено доказательственной ценности и не может использоваться как инструмент процессуальной экономии, позволяющий отфильтровывать нерелевантные данные и экономить ресурсы.

Динамический аспект относимости проявляется в её функциональной реализации в процессе доказывания [1, с. 94-96]. Как справедливо отмечал А. Р. Белкин, критикуя изолированное рассмотрение свойств доказательства, относимости, допустимости и достоверности представляющих собой элементы единой системы, оценка которых должна носить последовательный и целевой характер [3, с. 256]. В рамках данного подхода относимость закономерно занимает место первичного фильтра, поскольку именно она определяет саму возможность использования сведений для достижения целей уголовного судопроизводства. Игнорирование этого системного места относимости ведёт к нарушению логики всего процесса доказывания.

Таким образом, дуализм «свойство-инструмент» представляет собой конкретное выражение в доказательственном праве общего принципа: нормативно закреплённое свойство (статика) обретает свою подлинную сущность и социальную ценность только в процессе своей инструментальной реализации (динамика), обеспечивающей эффективность и легитимность правоприменения.

В этом качестве относимость выполняет «работу» активного процессуального фильтра и механизма отбора, направляя познавательную деятельность на достижение конкретных целей уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ).

Целью уголовного судопроизводства является установление истины по делу, понимаемой как соответствие выводов суда объективно существовавшим обстоятельствам преступления. Однако сущность этой истины является дискуссионной в науке. Исторически и доктринально противостоят два подхода: материальная (объективная) истина (полное соответствие фактам, к чему стремился инквизиционный процесс) [6, с. 84], [17, с. 184], [13, с. 298] и юридическая (формальная) истина (истина, ограниченная доказанным в суде в рамках состязательной процедуры, принципом презумпции невиновности и правилами допустимости) [12, с. 303]. Современные авторы, например, И. Б. Михайловская [10, с. 18] видят в этом дилемму: либо цель — материальная истина, либо допустимый результат — юридическая истина как доказанность обвинения. Другие учёные, например Ю. К. Орлов [11, с. 21], настаивают на необходимости стремления к объективной истине, но в границах, установленных законом. Независимо от подхода, инструментом установления любой формы истины служат относимые и допустимые судебные доказательства, которые и формируют основание для выводов суда.

С точки зрения официальной нормы, закреплённой в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, уголовное судопроизводство начато на реализацию комплекса взаимосвязанных задач: защиту прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления, обеспечение уголовного преследования, а также гарантирование законности, обоснованности и справедливости судебных актов. Относимость доказательств выступает в данном контексте ключевым операционным механизмом (инструментом),

превращающим эти нормативно декларируемые цели в конкретные, применимые на каждом этапе доказывания правила отбора фактических данных. В части, касающейся защиты прав потерпевших, свойство относимости выполняет функцию охранительного барьера, исключая из процесса доказывания нерелевантные, порочащие сведения, которые, не имея связи с предметом доказывания, необоснованно ущемляют честь, достоинство или иные охраняемые законом интересы пострадавшего лица. Применительно к гарантии прав личности от незаконного обвинения, относимость обеспечивает принцип целесообразности и соразмерности уголовного преследования. Она концентрирует усилия стороны обвинения на сборе и представлении исключительно той доказательственной базы, которая объективно релевантна инкриминируемому составу преступления. Это предотвращает распыление процессуальных ресурсов, избыточное ограничение прав обвиняемого и способствует эффективной реализации его права на защиту. Формирование доказательственной базы, состоящей исключительно из относимых сведений, создаёт необходимую основу для законности, обоснованности и справедливости итогового решения. Законность обеспечивается соблюдением нормативного критерия отбора; обоснованность достигается благодаря тому, что выводы правоприменителя логически выводятся из релевантной, а не произвольной совокупности данных; справедливость же становится следствием исключения из процесса информации, способной вызвать необъективное предубеждение или эмоциональную оценку, не связанную с юридической сутью дела. Таким образом, относимость служит неотъемлемым условием достижения всех процессуальных целей, заявленных в ст. 6 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеев С. С. Общая теория права. - М.: Юрид. лит., 1981. - Т. 1. - 359 с.
2. Балакшин В. С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания: дис. ... докт. юрид. наук. - Екатеринбург, 2006. - 533 с.
3. Белкин А. Р. Теория доказывания в уголовном судопроизводстве. - М.: Норма, 2007. - 528 с. (ISBN 5-89123-898-5).
4. Беляев М. С. Правовая природа относимости доказательств: теоретический анализ // Журнал российского права. - 2020. - № 6.
5. Беляев М. С. Правовая природа относимости доказательств: функции и место в системе процессуальных критериев. - СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. - 256 с. (ISBN 978-5-00000-000-2).
6. Тальберг Д. Г. Русское уголовное судопроизводство. - Киев, 1819. - Т. 2.
7. Козлов К. К. Правовая природа относимости доказательств в уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. - М., 2016. - 192 с.
8. Лазарева В. А. Доказывание в уголовном процессе: учебник для вузов / 7-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство Юрайт, 2022. - 263 с. (Высшее образование). - ISBN 978 5 534 07326 3.
9. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика: монография / 3-е изд., стереотип. - М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. - 240 с.
10. Михайловская И. Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / Ин-т государства и права РАН. - М.: Проспект, 2006.
11. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве. - М., 2020.
12. Розин Н. Н. Уголовное судопроизводство. - СПб., 1914.
13. Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса. - СПб., 1913.
14. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. - М.: Наука, 1968. [Текст: электронный]. - 1968. - Т. 1. - 469 с.
15. Ульянова Л. Т. Оценка доказательств судом первой инстанции. - М.: Изд-во «Юрид. лит-ра», 1959. - С. 62-96.
16. Доказывание в уголовном процессе: Учебно-методические материалы / Краснояр. гос. ун-т; Сост. А. С. Барабаш. - Красноярск, 1997. - 1094 с.
17. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Том 2. - издание третье. - СПб., 1910.

ПРИХОДЬКО Виталий Вячеславович

старший преподаватель, Институт высокотехнологичного права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

МЕСТО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

В статье исследуется проблема определения места совершения дистанционных преступлений против половой неприкосновенности, отличие понятия «места совершения преступления» от «места происшествия», предложено ввести в криминалистику понятие «виртуального места происшествия», приведены примеры из практической деятельности правоохранительных органов, проанализирована позиция Верховного Суда Российской Федерации, освещена проблема уголовно-правовой защиты потерпевших при совершении дистанционных половых преступлений с территории иностранного государства, выработаны предложения по уголовно-правовой защите при ситуациях, когда место дистанционного преступления против половой неприкосновенности не установлено.

Ключевые слова: место преступления, место происшествия, дистанционные преступления, половая неприкосновенность, интернет-преступления, трансграничность.

PRIKHODKO Vitaliy Viacheslavovich

senior lecturer, Institute of High-Tech Law, Social Sciences and Humanities, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology»

SCENE OF CRIMES AGAINST SEXUAL INVIOABILITY USING THE INTERNET

The article examines the problem of determining the location of remote sexual crimes, the difference between the concept of "scene of the crime" and "scene of the incident", proposes to introduce the concept of "virtual scene of the incident" into forensic science, provides examples from the practical activities of law enforcement agencies, analyzes the position of the Supreme Court of the Russian Federation, highlights the problem of criminal-legal protection of victims when remote sexual crimes are committed from the territory of a foreign state, and develops proposals for criminal-legal protection in situations where the location of a remote sexual crime is not established.

Keywords: crime scene, incident scene, remote crimes, sexual inviolability, internet crimes, cross-border.

В классической доктрине уголовного права место совершения преступления рассматривается как один из признаков объективной стороны [1]. Место преступления имеет важное значение для установления территориальной юрисдикции и квалификации деяния, однако развитие цифровых технологий поставило под сомнение традиционное понимание данной категории.

Дистанционные преступления против половой неприкосновенности (развратные действия, иные действия сексуального характера, понуждения к действиям сексуального характера, а также совершаемые в совокупности с указанными деяниями изготовление и распространение порнографических материалов) характеризуются отсутствием физического контакта, асинхронностью действий жертвы и преступника, распределенностью элементов объективной стороны.

Для рассматриваемой категории преступлений различие между местом преступления и местом происшествия приобретает принципиальный характер.

В данном случае место преступления – это место реализации общественно опасного деяния (например, отправка сообщений сексуального характера). Место происшествия – это любое место обнаружения следов преступления (например, устройство потерпевшего, сервер, облачное хранилище).

Нередко при совершении дистанционных половых преступлений место преступления множественно. Так, 10 декабря 2023 года 48-летний житель Московской области Д., находясь в г. Зеленограде г. Москвы, используя мобильный телефон с доступом к сети «Интернет», через приложение «WhatsApp» отправил 11-летней жительнице города Зеленограда г. Москвы Дм. порнографический материал с участием несовершеннолетнего лица, который она просматривала. В ходе расследования следователем с применением криминалистической техники был осмотрен мобильный телефон, изъятый у преступника, и среди удаленных сообщений в том же мессенджере установлен факт переписки Д., находящегося на тот момент в районе Комсомольской площади г. Москвы, с другой малолетней жительницей Московской области – 11-летней Дю., которая под воздействием обвиняемого 06 декабря 2023 года самостоятельно изготовила и отправила ему свои фотографии и видеозаписи откровенного содержания. При этом место совершения обвиняемым Д. преступления в отношении малолетней Дю. (район Комсомольской площади г. Москвы) было установлено следствием путем истребования и анализа детализации телефонных соединений преступника с привязкой к базовым станциям, а место преступления в отношении малолетней Дм. – свидетельскими показаниями [2].

Из приведенного примера следует, что в достаточно короткий промежуток времени преступник, находясь в различных местах города Москвы, осуществил два самостоятельных преступления против половой неприкосновенности разных малолетних потерпевших. Местом преступления в данном случае следствием и судом признано место нахождения преступника в момент противоправных действий. В подобных делах место происшествия становится более значимой категорией для расследования, чем место преступления, поскольку именно оно определяет тактику сбора доказательств.

С учетом распределенного характера дистанционных половых преступлений при отработке места происшествия предлагается концепция «множественного осмотра». Так, осмотр по делам данной категории должен охватывать: 1) место нахождения преступника; 2) место нахождения жертвы; 3) цифровую среду (аккаунты, серверы, «облака»).

В связи с необходимостью фиксации и сохранения цифровых следов при отработке анализируемых преступлений предлагается ввести в криминалистику понятие «виртуальное место происшествия», то есть совокупность цифровых объектов, содержащих следы преступления.

В соответствии с позицией Пленума Верховного Суда Российской Федерации [3] преступления против половой неприкосновенности следует считать оконченными соответственно с момента начала полового сношения, мужеложства, лесбиянства и иных действий сексуального характера, а применительно к ст. 135 УК РФ – с момента начала развратных действий. Кроме того, высшей судебной инстанцией определено, что развратными могут признаваться и такие действия, при которых непосредственный физический контакт с телом потерпевшего лица отсутствовал, включая действия, совершенные с использованием сети Интернет, иных информационно-телекоммуникационных сетей.

Вместе с тем, определяя момент окончания дистанционного полового преступления, Верховный Суд не конкретизировал, что именно считать местом преступления – место нахождения жертвы или место осуществления противоправных действий преступником.

В соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»» при определении места совершения преступлений с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», необходимо учитывать, что доступ к данной сети может осуществляться с помощью различных компьютерных устройств, в том числе переносных (мобильных). Местом совершения такого преступления является место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава преступления (например, при публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности – территория, на которой лицом использовалось компьютерное устройство для направления другому лицу электронного сообщения, содержащего такие призывы, независимо от места нахождения другого лица, или ис-

пользовалось компьютерное устройство для размещения в сети «Интернет» информации, содержащей призывы к осуществлению экстремистской деятельности).

Таким образом, из позиции, изложенной Верховным Судом РФ в отмеченных Постановлениях Пленумов, местом дистанционного полового преступления следует считать место нахождения преступника в момент совершения противоправных действий. Данная позиция имеет важное юридическое значение для определения территориальной подследственности и подсудности уголовных дел данной категории.

В этой связи возникает вопрос: доступна ли правовая защита лицам, находящимся на территории Российской Федерации, в отношении которых половое преступление совершено в дистанционном формате с территории иностранного государства? Как применять данные уголовно-правовые нормы в случае трансграничного совершения дистанционных половых преступлений, например, когда преступник находится в Российской Федерации, а жертва – за границей, или наоборот? В первом случае российские правоохранительные органы могут и вовсе не узнать о совершении противоправных действий, так как от заявителя в отечественную правоохранительную систему не поступит никакого сообщения о преступлении. Во втором случае заявитель или его представитель могут и обратиться с заявлением о преступлении, однако в иностранном государстве, откуда действовал преступник, данные действия вообще могут не считаться преступлениями.

Российской судебно-следственной практике известен показательный случай успешного взаимодействия с правоохранительными органами другого государства по борьбе с преступлениями, связанными с педофилией, который, несмотря на нахождение в рассматриваемом случае преступника и потерпевшей на территории города Москвы, может быть использован при организации работы по выявлению подобных преступлений при нахождении жертвы на территории иностранного государства, а преступника – в Российской Федерации. Так, 09.11.2023 в следственном отделе по Зеленоградскому АО ГСУ СК России по г. Москве за № 332пр-2023 зарегистрировано сообщение о преступлении, предусмотренном п. «в» ч. 2 ст. 242.2 УК РФ, по материалам, поступившим из Управления уголовного розыска ГУ МВД России по г. Москве [4]. В данном случае выявлению преступления предшествовала работа оперативников с информационным письмом, поступившим из Интерпола, по результатам работы с базой данных ICSE, содержащей материалы сексуального насилия в отношении детей (International Child Exploitation Database). Согласно имевшимся материалам, компания «Google» проинформировала правоохранительные органы США о загрузке серии фотофайлов и одного видеофайла, которые компания идентифицирована как изображения сексуального насилия над детьми. В свою очередь, имеющаяся информация компетентными органами США была передана для дальнейшей реализации в Интерпол, где и получила надлежащую оценку российскими следственными и оперативно-розыскными подразделениями. В ходе проведения оперативно-розыскного мероприятия «Наведение справок» установлена принадлежность аккаунта жителю города Зеленограда города Москвы, а также подтверждены

факты совершения в мае 2018 года противоправных действий в отношении полуторагодовалой девочки, что дало возможность следователю в короткий срок возбудить уголовные дела по п. «в» ч. 2 ст. 242.2 и п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ [5]. При этом, законный представитель ребенка до момента выявления преступления сотрудниками правоохранительных органов не был осведомлен об имевших место противоправных деяниях.

При совершении дистанционного полового преступления в отношении лица, находящегося на территории Российской Федерации, с территории другого государства следует применять положения Глав 53 и 54 УПК РФ, допускающих возможность направления уголовного дела в компетентные органы иностранного государства для осуществления уголовного преследования, а также регламентирующие процедуру выдачи в Российскую Федерацию подозреваемых и обвиняемых, находящихся на территории иностранного государства.

Кроме того, ч. 5 ст. 247 УПК РФ допускает возможность проведения в исключительных случаях судебного разбирательства по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, то есть и о дистанционных половых преступлениях, предусмотренных ст. 132, п. «б» ч. 3 ст. 133, ч.ч. 2-5 ст. 135 УК РФ, может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу.

Таким образом, судебно-следственная практика местом совершения дистанционного полового преступления признает место использования преступником устройства, имеющего доступ в сеть «Интернет», с помощью которого совершались противоправные действия. Однако при совершении преступлений рассматриваемой категории в отношении лиц, находящихся на территории России, с территории иностранного государства, жертвы преступлений имеют все предусмотренные законодательством Российской Федерации права на защиту от преступлений и могут принять меры к инициированию уголовного преследования.

В то же время, возникает вопрос, как поступать следователю и суду в случаях, когда место дистанционного полового преступления не установлено. Например, злоумышленник пользовался мессенджером, не имеющим представительств в Российской Федерации, а также по иным причинам отсутствует возможность получить данные о местонахождении преступника. С одной стороны, в соответствии с ч. 1 ст. 47 Конституции РФ [6] никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. С другой – жертва от преступлений также имеет право на восстановление справедливости, принятие законного и обоснованного решения по совершенному в отношении него преступлению.

В этой связи полезным будет подход, сформулированный в п. 1 ст. 5 Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства Таможенного союза и государств-членов Таможенного союза [7], в соответствии с которым уголов-

ное дело о таможенном нарушении возбуждается и расследуется по месту совершения преступления, а в случае невозможности определения места совершения преступления – по месту обнаружения преступления.

Таким образом, предлагается применять данный подход при определении места преступления и при рассмотрении сообщений и расследовании уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности, совершенных в сети «Интернет».

Пристатейный библиографический список

1. Попов А. Н., Зимирева Л. А., Федышина П. В. Объективная сторона состава преступления. Учебное пособие. – СПб, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2015. – С. 5.
2. Уголовное дело № 2-16/25. Архив Московского городского суда.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // СПС «Консультант Плюс».
4. Контрольное производство № 65-23/123024500 44000050. Архив следственного отдела по Зеленоградскому АО ГСУ СК России по г. Москве.
5. Уголовное дело № 01-0365/2024. Архив Зеленоградского районного суда г. Москвы.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант Плюс».
7. Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств-членов таможенного союза (подписан в г. Астане 05.07.2010) (ред. от 10.10.2014) // СПС «Консультант Плюс».

ФЕДОТОВА Анастасия Алексеевна

аспирант кафедры уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ЭКСПЕРТИЗА «В СОСТЯЗАТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ»: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ОПЫТ РЯДА СТРАН НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируются модели судебной экспертизы, существующие в странах на постсоветском пространстве. Дается оценка реформам в Казахстане, Кыргызстане и Украине, связанным с наделением следственного судьи, осуществляющего судебный контроль в уголовном процессе, полномочием по назначению экспертизы в досудебном производстве. Делается вывод о формировании в этих странах новой модели экспертизы, имеющей ряд серьезных недостатков и проблем в реализации. Исходя из этого, автор приходит к выводу о нецелесообразности проведения подобных реформ в России.

Ключевые слова: судебная экспертиза, следственный судья, судебный контроль, постсоветское пространство, уголовный процесс.

Федотова А. А.

FEDOTOVA Anastasiya Alexeevna

postgraduate student of Criminal process, justice and prosecutor's supervision sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

EXPERT EXAMINATION «IN ADVERSARIAL CONDITIONS»: THE CRIMINAL PROCEDURAL EXPERIENCE OF SEVERAL COUNTRIES IN THE POST-SOVIET SPACE

The article analyzes the models of expert examination existing in the countries of the post-Soviet space. An assessment is given of the reforms in Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Ukraine related to granting the investigating judge, who exercises judicial review in criminal proceedings, the authority to appoint an expert examination at the pre-trial stage. The conclusion is drawn that a new model of expert examination is being formed in these countries, and that this model has several serious shortcomings and implementation problems. Based on this, the author concludes that it is inadvisable to carry out similar reforms in Russia.

Keywords: expert examination, investigating judge, judicial review, post-Soviet space, criminal procedure.

Введение

В уголовно-процессуальной доктрине в наиболее обобщенном виде выделяют две модели экспертиз – континентальную (несостязательную) и англосаксонскую (состязательную) [6, с. 399-400, 563-564; 8, с. 9-10]. В первой решение о проведении экспертизы принимает лицо, ведущее производство по уголовному делу. Оно же назначает эксперта и ставит перед ним вопросы, при этом ограниченному кругу невластных участников предоставляется определенный комплекс прав. При состязательной модели каждая сторона проводит собственное исследование, определяет вопросы и экспертов по своему усмотрению, вызывает их в судебное заседание для допроса в качестве свидетелей.

В литературе справедливо отмечается, что выделение этих двух моделей обусловлено принципиальными различиями доказывания в континентальном и англо-американском уголовных процессах [8, с. 9], где существуют два разных подхода к разграничению субъектов доказывания. В таком случае понятно, что в любой стране в зависимости от принадлежности к тому или иному типу уголовного судопроизводства устанавливается одна из двух указанных моделей экспертизы, взаимоисключающих друг друга. Однако в последнее время это утверждение подвергается сомнению рядом постсоветских стран, предпринимающих попытки вписать «состязательную экспертизу» в структуру смешанного уголовного процесса, либо совместить две модели экспертизы в рамках одного процесса, а также не ограничиваться только ими.

Модели экспертизы в странах на постсоветском пространстве

В постсоветский период бывшие республики СССР встали перед выбором модели уголовного судопроизводства в целом и модели экспертизы, в частности. Большая часть стран сохранила классическую экспертизу континентального типа, а переход к состязательному типу осуществили только Грузия и Украина, предоставив право обеим сторонам получать заключение эксперта (ч. 2 ст. 101 УПК Украины 2012 года¹, ч. 3 ст. 144 УПК Грузии 2009 года²). Введение в этих странах «чисто состязательной модели экспертизы» повлекло отказ от регулирования уголовно-процессуальным законом многих вопросов, связанных с порядком назначения и производства экспертизы стороной обвинения. Так, например, УПК Украины не устанавливает для стороны защиты право ходатайствовать перед следователем или прокурором о назначении экспертизы в обычном порядке (не за свой счет и не на договорных условиях), какие-либо права при проведении исследования по инициативе стороны обвинения. Согласно ч. 9 ст. 101 УПК Украины заключение передается экспертом стороне, по ходатайству которой проводилась экспертиза.

1 УПК Украины от 13.04.2012 № 4651-VI // ИС «Континент». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31197178#pos=5;144 (дата обращения: 03.03.2026).

2 УПК Грузии от 09.10.2009 № 1772 // Сайт Законодательного вестника Грузии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/90034?publication=171> (дата обращения: 03.03.2026).

Следовательно, сторона самостоятельно определяет, приобщать его к материалам дела или нет, не ставя в известность о результатах исследования другую сторону.

В УПК Республики Казахстан 2014 года (далее – УПК Казахстана)³ и УПК Кыргызской Республики 2021 года (далее – УПК Кыргызстана)⁴ было установлено право адвоката, являющегося защитником либо представителем потерпевшего, обратиться на договорной основе к эксперту за заключением, являющимся полноценным доказательством по делу: в Казахстане – напрямую (ст. 272-1 УПК Казахстана) в Кыргызстане – через следственного судью (п. 4 ч. 2 ст. 53, ч. 10 ст. 182 УПК Кыргызстана). Определённую роль в такой реформе могли сыграть положения Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств-участников СНГ⁵, допустившего возможность для сторон «по своей инициативе и за свой счет» произвести экспертизу (ч. 2 ст. 285)⁶.

Осознавая недостатки состязательной экспертизы, казахстанский и кыргызский законодатели при установлении для адвокатов права на обращение к эксперту в частном порядке решили оставить традиционные положения, свойственные континентальной модели экспертизы – подробно урегулировали порядок ее назначения и производства, права некоторых участников при проведении экспертизы по инициативе «органа, ведущего процесс» (в том числе на ознакомление с постановлением о назначении экспертизы, с заключением эксперта; представление вопросов, кандидатур экспертов; указание объектов исследования; заявление ходатайства о назначении экспертизы). Таким образом, опыт этих стран показал, что представление адвокату возможности провести экспертизу на договорной основе не всегда неизбежно влечет автоматическую утрату прав в отношении экспертизы, проводимой по инициативе «органа, ведущего процесс».

УПК Казахстана (ч. 1 ст. 272-1) и УПК Кыргызстана (ч. 12 ст. 179) содержат конкретное условие, при котором возможно проведение экспертизы «по запросу адвоката» – от-

сутствие необходимости в истребовании объектов исследования от органа, ведущего производство по делу. При этом должностные лица последнего не остаются в стороне – они уведомляются о направлении адвокатом запроса эксперту, проверяют наличие оснований к отводу эксперта и при необходимости направляют ему дополнительные вопросы (ч. 3 ст. 272-1 УПК Казахстана, ч. 13 ст. 179 УПК Кыргызстана). Этим же должностным лицам эксперт направляет экземпляр заключения (ч. 5 ст. 272-1 УПК Казахстана). Такой подход, очевидно, больше, чем украинский, способствует установлению действительных обстоятельств по делу, поскольку у стороны не остаётся возможности для использования в процессе только полностью «устраивающего» ее заключения эксперта. Но в результате такую экспертизу и нельзя назвать в чистом виде состязательной.

Очевидной проблемой подобной экспертизы «на договорной основе» является отсутствие в законе указаний о том, что ее производство является для эксперта таким же обязательным, как и при назначении экспертизы следователем или судьей (ч. 2 ст. 272 УПК Казахстана, ч. 2 ст. 179 УПК Кыргызстана). Условие об отсутствии необходимости в истребовании предметов и документов заранее сужает круг возможных исследований, которые могут быть проведены в таком частном порядке. Кроме того, именно адвокат разъясняет эксперту права и обязанности, предупреждает его об уголовной ответственности «с отобранием расписки» (ч. 4 ст. 272-1 УПК Казахстана), что вызывает у многих авторов обоснованные вопросы об основаниях наделения адвокатов, не являющихся властными участниками процесса, такими полномочиями [7, с. 235]. Также встает традиционный вопрос о равноправии сторон, поскольку далеко не каждый обвиняемый и потерпевший имеет возможность провести экспертизу за свой счет. Предъявляются претензии, связанные с недостаточной регламентацией процедуры проведения такой экспертизы и правового статуса эксперта, выполняющего исследование «по адвокатскому запросу» [1], однако такие последствия представляются закономерными, поскольку отношения между адвокатом и привлеченным им экспертом выходят за рамки уголовно-процессуальных.

Предпосылки появления экспертизы «в состязательных условиях»

Представляется, что именно осознание обозначенных недостатков экспертизы «на договорной основе» стало причиной установления в украинском, казахстанском и кыргызском уголовно-процессуальных кодексах нового механизма, позволяющего невластным участникам добиться производства экспертизы – наделение их правом заявить соответствующее ходатайство следственному судье, осуществляющему судебный контроль в досудебном производстве. Согласно п. 7 ч. 2 ст. 55 УПК Казахстана, такое право имеется у адвоката, являющегося защитником или представителем потерпевшего. В Кыргызстане им наделен «участник процесса, защищающий свои или представляемые права и интересы» (ч. 7 ст. 179 УПК Кыргызстана). Привнесение «публичного элемента» в процедуру назначения экспертизы в ходе досудебного производства по инициативе невластных участников должно было решить основные проблемы, с которыми последние сталкивались при обращении к эксперту с «адвокатскими запросами».

Данная реформа вписывалась и в сформированную после распада СССР постсоветскую теорию судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса [2], основы которой были заложены в Концепции судебной реформы

3 УПК Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // ИС «Параграф (Юрист)». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 03.03.2026).

4 УПК Кыргызской Республики от 28.10.2021 № 129 // ИС «Континент». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=36639004 (дата обращения: 03.03.2026). В части регулирования затрагиваемых в настоящей статье вопросов действующий ранее с 1 января 2019 года УПК Кыргызской Республики от 02.02.2017 №20 содержал аналогичные положения, поэтому следует иметь в виду, что реформирование института судебной экспертизы в этой стране состоялось не в 2021, а в 2019 году.

5 Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств-участников СНГ, принятый постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ от 17.02.1996 // СПС «Гарант».

6 Подход, аналогичный установленному в Модельном УПК для государств-участников СНГ, был также воспринят УПК Республики Молдова от 14.03.2003 № 122-XV // ИС «Континент». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397729&pos=4;-122 (дата обращения: 03.03.2026). Однако в ст. 142 УПК Республики Молдова уточняется, что сторона подает в экспертное учреждение ходатайство о производстве экспертизы по своей инициативе и за свой счет через орган уголовного преследования, прокурора или суд, которые могут его отклонить, если посчитают нецелесообразным проведение экспертизы (ст. 142). Представляется, что указанная формулировка не позволяет говорить о принципиальном отличии такого подхода от континентальной модели экспертизы (разве что в части возложения на сторону бремени несения расходов по оплате деятельности эксперта).

в РСФСР⁷. Этот документ, помимо дачи в ходе предварительного расследования судом «разрешения на проведение действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод», «рассмотрения жалоб на следователя», предусматривал также наделение суда правами «разрешать все конфликты между обвинением и защитой в ходе расследования», «рассматривать отвергнутые следствием ходатайства защиты», что позволило бы, по мнению разработчиков Концепции, обеспечить «реальную состязательность» на досудебных стадиях. Эти полномочия планировалось передать фигуре «следственного судьи». Данный институт в последующем был введен некоторыми странами на постсоветском пространстве в ходе реформирования своего уголовно-процессуального законодательства [5, с. 113-136], однако сфера судебного контроля не стала такой широкой, как это предполагалось Концепцией судебной реформы в РСФСР, и в целом соответствует российскому подходу, где как таковая фигура «следственного судьи» с судостроительной точки зрения отсутствует. Отличия состоят лишь в том, что в отдельных странах на постсоветском пространстве в ходе досудебного производства у судебного органа появились дополнительные полномочия по депонированию доказательств, а в Казахстане, Кыргызстане и Украине – также и по назначению судебной экспертизы.

По мнению А. В. Смирнова, введение института следственных судей является «наиболее радикальным вариантом» приближения предварительного расследования «к состязательному идеалу», поскольку они (следственные судьи), «стоя «над схваткой», обеспечивают обеим сторонам равные возможности по получению по их сторон инициативе «готовых» судебных доказательств за счет так называемых судьейских следственных действий (прежде всего, допросов свидетелей и проведения экспертиз)» [9, с. 24]. Этим же автором неоднократно высказывались предложения о введении в российский уголовный процесс фигуры следственного судьи, к которому сторона защиты могла бы обратиться с ходатайством о назначении судебной экспертизы «при несогласии с результатами экспертизы, проведенной по инициативе органа предварительного расследования, либо при неосновательном, по мнению защиты, отказе последнего от назначения по делу соответствующей экспертизы»⁸. Инициатива поддерживалась некоторыми другими исследователями [4].

Особенности экспертизы «в состязательных условиях» и оценка реформы

УПК Кыргызстана предусматривает следующие основания для назначения экспертизы следственным судьей: 1) назначение экспертизы необходимо, но сторона обвинения отказала в этом, 2) стороной обвинения перед экспертом поставлены вопросы, которые «не позволяют дать полный и надлежащий вывод», 3) существуют «достаточные основания полагать, что привлеченный стороной обвинения эксперт предоставил неполное или неправильное заключение» (ч. 6 ст. 182). УПК Украины предусматривает похожие основания, но в качестве дополнительного обязательного условия отмечает невозможность для стороны защиты «привлечь эксперта самостоятельно из-за отсутствия средств или по другим объективным причинам» (ч. 1 ст. 244). В УПК Казахстана не указывается перечень оснований для обращения к следствен-

ному судье с соответствующим ходатайством о назначении экспертизы, но отмечается, что это возможно «в том числе (выделено мной. – А. Ф.) если органом уголовного преследования в удовлетворении ходатайства о назначении экспертизы было необоснованно отказано либо по нему не принято решение в течение трех суток» (п. 7 ч. 2 ст. 55).

Следственный судья обычно проводит заседание, вызывает заявителя, может заслушивать свидетелей, исследовать любые материалы (ч. 3, 5 ст. 244 УПК Украины, ч. 3, 5 ст. 182 УПК Кыргызстана), стороны высказывают свои мнения относительно вопросов и кандидатур экспертов, а также объектов, подлежащих исследованию (ч. 6 ст. 272 УПК Казахстана), собственно поэтому такой механизм назначения экспертизы поименован в данной статье как экспертиза «в состязательных условиях». Следственный судья определяет перечень вопросов и конкретного эксперта, решает вопрос о получении образцов для экспертизы и обязует лицо, осуществляющее предварительное расследование, предоставить необходимые предметы и материалы в распоряжение эксперта. Его постановление обязательно для эксперта или органа судебной экспертизы (ч. 2 ст. 272 УПК Казахстана, ч. 2 ст. 179 УПК Кыргызстана).

Между тем, возможность назначения экспертизы следственным судьей вызывает ряд вопросов. Как справедливо отмечают А. А. Давлетов и Н. В. Азаренок, расширение прав следственного судьи в Казахстане и Кыргызстане (в том числе по назначению экспертизы) означает, что «следственный судья прямо вторгается в процесс доказывания, осуществляемый следователем, и обязывает его произвести те следственные действия, которые, по мнению защиты, имеют значение для дела» [3, с. 24], что в целом противоречит указанию в законе на 1) невозможность предрешиения следственным судьей вопросов, относящихся к существу дела⁹, и 2) самостоятельность следователя в определении хода производства по уголовному делу. В данном случае можно говорить о том, что лицо, ведущее производство по делу, утрачивает полноту процессуальной власти над ним.

Подключение к участию в досудебном производстве судебного органа для решения вопроса о назначении экспертизы не связано с основной причиной учреждения судебного контроля в странах на постсоветском пространстве – «восстановлением судебной легитимности предварительного расследования, превратившегося в советский период в деятельность преимущественно полицейскую» [2, с. 27], поскольку также сохраняется возможность назначения экспертизы следователем. Здесь речь идет не о легитимации «полицейской деятельности», а об активном вмешательстве в нее. При этом, когда суд вмешивается в ход предварительного расследования и дает указания о его направлении, это обоснованно вызывает возражения по причине недопустимости совмещения процессуальных функций обвинения и разрешения дела, нарушения принципа состязательности. Однако если это делается по ходатайству защитника либо представителя потерпевшего – то почему-то аналогичные претензии не выдвигаются.

9 Осознавая это противоречие, законодатель Казахстана в 2017 году внес изменения в ч. 4 ст. 56 УПК Казахстана, отметив, что запрет предрешиения вопросов по существу и дачи указаний о направлении расследования не распространяется на случаи, предусмотренные п. 7 ч. 2 ст. 55 УПК Казахстана (рассмотрение по мотивированным ходатайствам адвокатов вопросов о назначении следственным судьей экспертизы либо производстве органом уголовного преследования иных следственных действий). Однако разумное объяснение такому исключению найти сложно.

7 Постановление ВС РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР» // СПС «Гарант».

8 Смирнов А. В. Поиск решения // Адвокатская газета. 2020. № 24. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/poisk-resheniya/> (дата обращения: 03.03.2026).

Кроме обозначенной проблемы можно отметить и другие. Не совсем ясно, на чем будет основывать свое решение следственный судья, не будучи погруженным во все обстоятельства дела. Непонятно, как должны оценивать иные заключения эксперта лица, ведущие производство по делу, и суд при рассмотрении дела по существу, если им уже фактически дал оценку следственный судья в ходе досудебного производства, когда принимал решение о назначении другой экспертизы.

В качестве обязательного условия обозначенного порядка назначения экспертизы не ставится необходимость первоначального обращения с соответствующим ходатайством к следователю. Вероятны случаи, когда по делу будет проводиться одновременно несколько экспертиз, назначенных разным способом, что затруднит оценку полученных заключений. Председатель одного из следственных судов Казахстана по этому поводу отметил, что иногда следователь может быть и согласен с тем, чтобы провести экспертизу в обычном порядке, тогда первоначальное обращение к следственному судье повлечет удвоение расходов, возможное повторение вопросов и ряд других дополнительных проблем, если следователем также будет назначена судебная экспертиза с учетом того, что в законе не указывается, что следователь может предлагать следственному судье свои вопросы¹⁰. Неясно, каким участникам и какие права необходимо предоставить при проведении по делу одновременно нескольких экспертиз.

Анализ судебной статистики Казахстана свидетельствует о непопулярности механизма по назначению экспертизы следственным судьей. И хотя ежегодно растет количество направляемых в следственные суды ходатайств¹¹, оно все же является незначительным в сравнении с общим «количеством правонарушений, уголовные дела о которых находятся в производстве»¹².

Выводы

Наделение следственного судьи полномочием по назначению судебной экспертизы позволяет говорить о появлении в Казахстане, Кыргызстане и Украине новой модели экспертизы, которую сложно отнести к классическим. Однако обоснованность ее существования видится далеко не однозначной, тем более в странах, где не происходит реформирования типа уголовного процесса в целом. Представляется, что предлагаемая в этих странах вариативность способов назначения экспертизы («классический континентальный», «чисто состязательный» и «в состязательных условиях» следственным судьей) создает проблемы с точки зрения объема прав участников и оценки экспертных заключений, когда одновременно по делу проводятся разные экспертизы, касающиеся одного и того же предмета. Еще больше затруднений вызывает тот факт, что для этих трех стран так же, как и для России, актуальна проблема разграничения деятельности эксперта и специалиста. В таком случае проведение подобных реформ в России не является целесообразным.

Пристатейный библиографический список

1. Борчашвили И. Ш., Парамонова Л. Ф. Адвокатский запрос о даче экспертного заключения в уголовно-процессуальном кодексе Республики Казахстан: работа над ошибками. Часть 2 // Теория и практика судебной экспертизы. - 2016. - № 3 (43). - С. 84-91.
2. Головкин Л. В. Постсоветская теория судебного контроля в досудебных стадиях уголовного процесса: попытка концептуального переосмысления // Государство и право. - 2013. - № 9. - С. 17-32.
3. Давлетов А. А., Азаренок Н. В. Следственный судья в современной модели уголовного процесса // Российский судья. - 2020. - № 6. - С. 19-26.
4. Зайцева Е. А. Регламентация судебной экспертизы в состязательном досудебном уголовном производстве Республики Казахстан // Материалы Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы», Иркутск, 15-16 марта 2019 года. - Иркутск: издательство Восточно-Сибирского института МВД России, 2019. - С. 38-41.
5. Коновалов С. Г. Постсоветские реформы досудебного производства в свете германских процессуальных институтов. - М.: Городец, 2023.
6. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головкин. 4-е изд., испр. и доп. - М.: Статут, 2025.
7. Парамонова Л. Ф. Регламентация назначения экспертизы по адвокатскому запросу в уголовном процессе Республики Казахстан // Материалы X Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях», Москва, 30-31 января 2025 года. - М.: РГ-Пресс, 2025. - С. 234-236.
8. Самутичева Е. Ю. Заключение эксперта и его оценка в уголовном процессе (сравнительно-правовое исследование): дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2015.
9. Смирнов А. В. О реализации конституционного принципа состязательности в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. - 2026. - № 1. - С. 22-26.

10 Бекназаров Н. Б. Назначение экспертизы следственным судьей, 2018 // ИС «Параграф». [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=34332605&pos=4;132 (дата обращения: 03.03.2026).

11 Для наглядности: в 2015 году поступило 33 ходатайства (5 удовлетворено), в 2020 году – 124 ходатайства (44 удовлетворено), в 2025 году – 231 ходатайство (38 удовлетворено). См.: Интернет-портал правовой статистики Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 03.03.2026).

12 Так, согласно годовому Отчету № 1 «О работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел» по всей стране, в 2025 году в порядке п. 7 ч. 2 ст. 55 УПК Казахстана поступило 231 ходатайство о назначении экспертизы либо производстве органом уголовного преследования иных следственных действий, за исключением негласных следственных действий. Из них 5 было отозвано, 70 возвращено, 1 передано по подследности, 155 рассмотрено (38 удовлетворено). При этом, согласно «Сведениям об основных показателях деятельности правоохранительных органов», в 2025 году количество «правонарушений, уголовные дела о которых находились в производстве», составило 146758. При этом из данных судебной статистики невозможно определить, какое количество из указанных ходатайств было связано именно с назначением экспертизы. Особенно странным выглядит указание в таблицах с данными судебной статистики на то, что соответствующие ходатайства в порядке п. 7 ч. 2 ст. 55 УПК Казахстана заявляются (хотя и в редких случаях) не только адвокатами, но и органами уголовного преследования (МВД, КНБ, Службой экономических расследований, Агентством по противодействию коррупции). См.: Интернет-портал правовой статистики Республики Казахстан. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics> (дата обращения: 03.03.2026).

СЕМЕНОВ Илья Александрович

адъюнкт адъюнктуры, Барнаульский юридический институт МВД России

ПРИБОЖЕНИЕ ПРЕДМЕТА В КАЧЕСТВЕ ВЕЩЕСТВЕННОГО ДОКАЗАТЕЛЬСТВА КАК СПОСОБ ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена исследованию института вещественных доказательств через призму ограничения и прекращения права частной собственности в уголовном судопроизводстве. Проанализирована двойственная природа приобщения предмета в качестве вещественного доказательства: с одной стороны, как необходимого элемента доказывания по уголовному делу, с другой — как формы государственного вмешательства в имущественную сферу, сопряжённого с существенным ограничением их прав. Выявлены ключевые практические и научные проблемы в данной области. Представлены конкретные предложения по совершенствованию норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, направленные на соблюдение баланса публичных и частных интересов.

Ключевые слова: вещественные доказательства, ограничение права собственности, прекращение права собственности, уголовный процесс, хранение вещественных доказательств, изъятие имущества, реализация вещественных доказательств, судебная практика, Конституционный Суд РФ, правовые позиции.

SEMENOV Ilya Alexandrovich

adjunct of the Adjuncts, Barnaul Law Institute of the MIA of Russia

THE INCLUSION OF AN OBJECT AS MATERIAL EVIDENCE AS A WAY OF LIMITING PROPERTY RIGHTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the study of the institution of physical evidence through the lens of the restriction and termination of private property rights in criminal proceedings. It analyzes the dual nature of including an item as physical evidence: on the one hand, as a necessary element of proof in a criminal case, and on the other, as a form of state interference in the property sphere of participants in the proceedings, entailing a significant restriction of their rights. Key practical and problems in this area are identified. Specific proposals are presented for improving the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, aimed at striking a balance between public and private interests.

Keywords: material evidence, restriction of property rights, termination of property rights, criminal proceedings, storage of material evidence, seizure of property, sale of material evidence, judicial practice, Constitutional Court of the Russian Federation, legal positions.

Конституция Российской Федерации допускает возможность ограничения права частной собственности по средствам федерального законодательства в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55)¹. Уголовное судопроизводство, как сфера наиболее интенсивного публично-правового воздействия, является той областью, где подобные ограничения проявляются с особой остротой и систематичностью. Одним из ключевых институтов, порождающих серьезные ограничения прав собственника, выступает институт вещественных доказательств. Признанию предмета в качестве вещественного доказательства предшествует его предварительное изъятие и помещение под особый публично-правовой режим хранения, что, по сути, означает длительное и зачастую неопределённое по срокам ограничение права собственности.

В соответствии со статьёй 81 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), вещественными доказательствами признаются любые предметы, которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления, сохранили на себе его следы, на которые были направлены преступные действия, а также иные предметы и документы, могущие служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Факт признания предмета вещественным доказательством оформляется постановлением следователя, дознавателя или суда и влечёт за собой его приобщение к материалам уголовного дела². С этого момента на имущество распространяется специальный процессуальный режим, содержание которого определяется статьёй 82 УПК РФ и многочисленными подзаконными нормативными правовыми актами. В частности, в работах К.Б. Калиновского, указывается, что правовое регулирование обращения с вещественными

доказательствами носит излишне казуистичный и громоздкий характер, а его практическая реализация сопряжена с возникновением комплекса юридических проблем, затрагивающих конституционные права граждан на собственность и судебную защиту [1].

Гражданский кодекс РФ (далее – ГК РФ) не закрепляет единого порядка временного ограничения права частной собственности, а в главах 14–15 устанавливает лишь способы его возникновения и утраты. Прекращение права означает его переход к иному субъекту либо гибель самого объекта, тогда как ограничение — это временная мера, которая сужает правомочия владельца: например, вводит запрет на отчуждение, пользование вещью или предполагает физическое изъятие имущества из владения. Фактически право сжимается в объеме и содержании, оставаясь при этом за собственником. Так, приобщение предмета к делу в качестве вещественного доказательства именно ограничивает, а не прекращает собственнические возможности лица.

Даже ч. 2 ст. 235 ГК РФ, оперируя термином «принудительное изъятие», по эффекту близким к ограничению права, по сути, регулирует недопустимость такого изъятия вне случаев, влекущих последующее полное прекращение собственности. Таким образом, водораздел между ограничением и прекращением пролетает в срочности меры: право сохраняется, но реализуется в урезанном режиме [4].

Анализ нормативно-правовой базы дает понять, что способ ограничения права частной собственности лишь один — признание предмета вещественным доказательством. Непосредственное изъятие имущества у законного владельца является лишь промежуточным этапом, реализуемым через нормы статей КоАП РФ (ст. 27.7 и ст. 27.10)³, УПК РФ (ст. 182–185) и при производстве ОРМ.

Тут важен особый режим хранения, который лишает собственника возможности пользоваться и распоряжаться своим имуществом на неопределённый срок. Законодатель, предусмотрев в части 4 статьи 81 УПК РФ обязанность возврата предметов, изъятых в ходе досудебного производства, но не признанных вещественными доказательствами, лицам, у которых они

1 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 23.04.2026).

2 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 23.04.2026).

3 Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 09.04.2026) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 23.04.2026).

были изъяты, не установил аналогичной чёткой обязанности в отношении предметов, уже признанных вещественными доказательствами, но утративших своё доказательственное значение до окончания производства по делу.

Наиболее радикальным способом воздействия на право собственности, является возможность его прекращения. Статья 81 УПК РФ предусматривает, что орудия преступления, принадлежащие обвиняемому, подлежат конфискации, предметы, запрещённые к обращению, подлежат передаче в соответствующие учреждения или уничтожаются, а в случаях, когда законные владельцы остальных предметов не установлены, они переходят в собственность государства⁴. При этом, как следует из судебной практики, споры о принадлежности вещественных доказательств разрешаются в порядке гражданского судопроизводства, что подчёркивает недопустимость решения вопроса о судьбе имущества в уголовном процессе. Показательным в этом контексте является ситуация, рассмотренная Конституционным Судом РФ по жалобам ООО «Восток» и гражданки Снежиной Н. В., где суд постановил обратить похищенное имущество стоимостью свыше 40 млн руб. в собственность государства, мотивируя это тем, что законный владелец не был установлен, в то время как исходный собственник был ликвидирован, а потерпевшая получила возмещение в денежном выражении⁵.

В практической деятельности нередко встречаются проблемы, связанные с ограничением права собственности при приобщении вещественных доказательств. Наиболее острой из них является проблема неопределённости сроков осмотра (приобщения) и хранения вещественных доказательств. Срок, в рамках которого должен быть осмотрен предмет и приобщен в качестве вещественных доказательств регламентирован лишь для составов преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 81.1 УПК РФ, и составляет 10 суток, который в случаях, указанных в части 2 рассматриваемой статьи, может быть продлен до 30 суток⁶. По остальным же составам срок вынесения постановления о приобщении предмета (документа) в качестве вещественного доказательства составляет от 30 суток и более (в зависимости от формы и с учетом продления сроков расследования).

Что же касается сроков хранения, то законодатель привязывает его к моменту вступления приговора в законную силу либо к истечению срока обжалования постановления о прекращении уголовного дела. В условиях многолетнего расследования сложных экономических преступлений или коррупционных дел имущество добросовестных владельцев, не имеющих отношения к преступной деятельности, может быть изъято на годы, что фактически парализует их экономическую деятельность.

Дополнительной проблемой, неотъемлемо связанной с хранением вещественных доказательств, являются существенные судебные издержки, возмещение которых зачастую становится предметом длительных судебных разбирательств. Как указал Верховный Суд РФ, вопрос о возмещении таких издержек подлежит рассмотрению исключительно в порядке уголовного судопроизводства⁷, однако чёткий механизм такого возмещения в настоящее время отсутствует.

Не менее значительный пласт проблем выявляется на уровне научного осмысления рассматриваемого института. В доктрине уголовного процесса до сих пор отсутствует единое понимание правовой природы и целей ограничения права собственности при приобщении предметов в качестве вещественных доказательств. Некоторые ученые справедливо отмечают, что порядок обращения с вещественными доказательствами в недостаточной мере регламентирован уголовно-процессуальным законом, а имеющиеся специализированные нормы изобилуют бланкетными предписаниями, требующими от правоприменителя умения оперативного и правильного их применения

в зависимости от видовой принадлежности объектов [3]. Действительно, чрезмерное применение норм, выходящих за рамки УПК РФ может привести к ошибкам со стороны правоохранительных и без необходимости ограничить права собственников.

Существенным научным пробелом является и отсутствие комплексного межотраслевого исследования проблем ограничения права собственности в уголовном судопроизводстве, которое позволило бы выработать единые подходы к пониманию пределов и оснований такого вмешательства государства в частные имущественные отношения.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что институт вещественных доказательств в российском уголовном процессе, нуждается в ряде изменений. Совершенствование правового регулирования в рассматриваемой сфере должно идти по нескольким направлениям. В качестве первоочередной меры представляется необходимым нормативное закрепление предельных сроков хранения вещественных доказательств, не зависящих от длительности производства по уголовному делу.

В связи с чем, считаем целесообразными внесение следующих изменения в нормы статей УПК РФ:

Во-первых, необходимо установить конкретный срок, дополнив статью 81.1 УПК РФ частью 2.1 в которой будет изложено следующее: «Постановление о признании предметов и документов в качестве вещественного доказательства по уголовному делу выносится в срок не позднее 15 суток с момента их фактического изъятия». Такое изменение позволит учесть непредвиденные обстоятельства (командировки, отпуска и болезни сотрудников, производивших изъятие), а также позволит соблюсти баланс между интересами правоохранительных органов и граждан, чье имущество было изъято.

Во-вторых, предлагается ввести в статью 81 УПК РФ новую часть 4.1 следующего содержания: вещи, изъятые на стадии предварительного расследования и получившие статус вещественных доказательств, должны возвращаться законному владельцу, если с момента их приобщения к материалам дела прошло шесть месяцев. Возврат осуществляется при условии, что в указанный период с этими предметами не выполнялись следственные действия либо экспертные исследования, требующие их физического присутствия, и необходимо их дальнейшего удержания для доказывания обстоятельств дела отпала. При этом возврат осуществляется под обязательство владельца обеспечить сохранность предмета и предоставить его по первому требованию следователя или суда. Данное предложение направлено на устранение существующего в настоящее время пробела в правовом регулировании, когда закон обязывает возвращать только те предметы, которые не были признаны вещественными доказательствами, но не регламентирует возможность досрочного возврата предметов, уже признанных таковыми, но утративших своё актуальное доказательственное значение.

В-третьих, дополнить статью 82 УПК РФ положением, устанавливающим обязанность следователя или дознавателя не реже одного раза в шесть месяцев проверять обоснованность дальнейшего удержания вещественного доказательства и, в случае если необходимость в нём отпала, выносить постановление о его возврате законному владельцу. Такая норма позволит минимизировать случаи необоснованно длительного удержания имущества и будет способствовать соблюдению принципа соразмерности ограничения права собственности.

Пристатейный библиографический список

1. Калиновский К. Б. Вещественные доказательства: проблемные вопросы по материалам практики Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. — 2022. — № 12. — С. 28-35.
2. Калиновский К. Б. Вещественное доказательство надо возвращать бесспорному владельцу // Уголовный процесс. — 2024. — № 5. — С. 8-9.
3. Николук В. В., Анешева А. Т. Вещественные доказательства в уголовном процессе: взгляд из Конституционного Суда Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2023. — № 4 (62). — С. 45-56.
4. Гапонова В. Н., Лукьянова А. А., Антонов В. А. Ограничение и прекращение права собственности в уголовном судопроизводстве // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2024. — № 2 (30). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ogranichenie-i-prekraschenie-prava-sobstvennosti-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 23.04.2026).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 23.04.2026).
5. Определение Конституционного Суда РФ от 01.12.2015 № 2698-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 133, части первой статьи 135 и статьи 139 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Восток» и «Спецдорстрой» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 23.04.2026).
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 20.02.2026) [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 23.04.2026).
7. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27 февраля 2024 г. № 67-КГ23-18-К8 [Электронный ресурс] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». (дата обращения: 23.04.2026).

ЯН Синьцян

аспирант, Юридический факультет, Санкт-Петербургский государственный университет

ИНСТИТУТ ВОСПОЛНЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ В ПРАВИЛАХ ОБ ИСКЛЮЧЕНИИ НЕЗАКОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ КНР: НОРМАТИВНАЯ СТРУКТУРА, ИСКАЖЕНИЯ В ПРАВОПРИМЕНЕНИИ И ДОГМАТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы применения института устранения процессуальных нарушений (восполнения недостатков) в рамках правил об исключении незаконных доказательств в КНР. Автор на основе нормативного и эмпирического анализа судебных актов прослеживает деформацию данного механизма в правоприменительной практике: выход объекта восполнения за установленным законом пределы, подмену сущностного исправления дефектов односторонними «объяснениями ситуации» со стороны следствия и размывание критериев судебного усмотрения. Основная причина данных аномалий кроется в неясности законодательных границ между «незаконными» и «дефектными» доказательствами. В качестве решения предлагается догматическая реконструкция рассматриваемого института на основе принципа соразмерности через трехступенчатую судебную проверку (действительность, упречность, сбалансированность). Внедрение данной структуры послужит надежным инструментом для рационального ограничения судебного усмотрения в уголовном процессе.

Ключевые слова: исключение незаконных доказательств, дефектные доказательства, институт восполнения процессуальных дефектов, принцип соразмерности, судебное усмотрение.

YANG Xinqian

postgraduate student, Faculty of Law, St. Petersburg State University

Ян Синьцян

THE MECHANISM OF CURING PROCEDURAL DEFECTS WITHIN THE EXCLUSIONARY RULE OF ILLEGAL EVIDENCE IN THE CRIMINAL PROCEDURE OF THE PRC: NORMATIVE STRUCTURE, DISTORTIONS IN APPLICATION, AND DOGMATIC RECONSTRUCTION

The article deals with the problems of applying the mechanism of curing procedural defects (rectification of flaws) within the exclusionary rule of illegal evidence in the PRC. Based on normative and empirical analysis of judicial acts, the author traces the deformation of this mechanism in judicial practice: the object of rectification exceeding statutory boundaries, the substitution of substantive defect correction with unilateral “explanations of the situation” by the investigation, and the blurring of judicial discretion criteria. The root cause of these anomalies lies in the ambiguity of legislative boundaries between “illegal” and “defective” evidence. As a solution, a doctrinal reconstruction of the mechanism is proposed based on the principle of proportionality through a three-tier judicial review (validity, culpability, and balance). Implementing this mechanism will serve as a reliable instrument for rationally constraining judicial discretion in criminal proceedings.

Keywords: exclusionary rule, defective evidence, procedural defect remediation, proportionality principle, judicial discretion.

Статья 56 Уголовно-процессуального кодекса КНР (в редакции 2018 г.; далее — УПК КНР) закрепляет базовый каркас правил исключения незаконных доказательств. Норма императивно требует абсолютного исключения вербальных доказательств, полученных под пытками, насилием или угрозами. Для вещественных и документальных доказательств, собранных с процессуальными нарушениями, способными «серьезно повлиять на правосудие», устанавливается обязательная предварительная процедура восполнения (исправления) допущенных нарушений или дачи разумных объяснений, почему они были совершены. Если исправления или объяснения невозможны, соответствующие доказательства подлежат исключению¹. Данная норма определила восполнение как обязательную стадию перед исключением вещественных доказательств. Но отсутствие четких критериев «серьезного влияния на правосудие» и границ понятия «дефект» (ошибка, нарушение) приводит к деформации судебной практики.

Следует отметить, что в доктрине накоплен богатый материал по рассматриваемому вопросу. Так, Чэн Лэй обосновал необходимость догматического уточнения законных

границ использования доказательств, полученных с нарушениями [13, с. 182], У Хунъюа выявил доминирование тенденции «приоритета материальной истины» в судах [8, с. 121], Ван Ин предложил дискреционное исключение для общих нарушений на основе баланса интересов [2, с. 118], а Чэнь Жуйхуа систематизировал правила восполнения (исправления) доказательств, заложив, тем самым, соответствующую теоретическую базу [14, с. 66-84].

Тем не менее, догматические критерии разграничения устранимых дефектов и «фатальных» нарушений, а также стандарты оценки материалов восполнения остаются недостаточно разработанными. В связи с этим в настоящей статье сначала анализируются нормативные пределы рассматриваемого правового института, а затем на выборке из 120 судебных актов систематизируются формы его деформации, и, в заключении, предлагается интеграция принципа соразмерности для построения иерархической догматической структуры проверки в целях жесткого регулирования судебного усмотрения.

I. Нормативная структура института восполнения доказательственных нарушений в уголовном процессе КНР

Эволюция института и его правовой статус. Институт устранения (исправления) процессуальных нарушений берет

1 Уголовно-процессуальный кодекс КНР (в ред. 2018 г.), ст. 56. // База данных Beida Fabao. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.pkulaw.com/chl/5a06769be1274052bdfb.html> (дата обращения: 08.04.2026).

начало с двух Положений о доказательствах 2010 г.². Первое из них – Положение об исключении незаконных доказательств, впервые закрепило правила восполнения вещественных и документальных доказательств. Второе – Положение о доказательствах по делам, караемым смертной казнью, – создал базовый нормативный каркас «исцеления» дефектов для всех видов улик, заложив основу доктринальной концепции «дефектных доказательств». Позднее УПК КНР 2012г. включил в себя содержащиеся в названных Положениях правила восполнения вещественных и документальных доказательств. Разъяснения Верховного народного суда КНР по применению Уголовно-процессуального кодекса КНР 2012г. также закрепили правила восполнения для всех видов доказательств на уровне судебного толкования. Вслед за указанными Разъяснениями правила строгого исключения 2017г. детализировали процедуры явки следователей в суд и стандарты судебной проверки материалов восполнения³. При этом УПК 2018г. сохранил стержневую ст. 56, а Разъяснения УПК 2021 г. окончательно систематизировали нормы, став прямым основанием для современного правоприменения⁴. В результате был создан институт, призванный сбалансировать «процессуальную справедливость» и «эффективность», строго ограничиваясь лишь техническими упущениями, не посягающими на базовые права человека [6, с. 65]. Причем составляющие данный институт правила исключения доказательств не являются второстепенными по отношению к правилам императивного и дискреционного исключения, формируя вместе с ними трехуровневую систему оценки законности доказательств [14, с. 66]. Однако законодательная размытость понятия «дефект» и стандартов доказывания создает лазейки для расширительного применения института на практике.

Законодательное разграничение «незаконных» и «дефектных» доказательств. Нормативное разграничение данных категорий – базовая предпосылка применения рассматриваемого института. Ключевой критерий: посягает ли сбор улик на конституционные права личности [15, с. 158] или вызывает лишь формальные отклонения без ущерба для достоверности доказательств [10, с. 43]. Границы определяются в трех аспектах: во-первых, сущность нарушения (незаконные доказательства посягают на ядро прав – личную неприкосновенность и свободу воли; дефектные нарушают лишь технико-административные нормы); во-вторых, допустимость восполнения (незаконные делятся на абсолютно невозможные, как показания под пытками, и ограниченно возможные, как показания под угрозами); в-третьих, правовые последствия (абсолютно незаконные императивно исключаются; незаконные вещественные «спасаются» лишь полным устранением «серьезного влияния на правосудие»; для дефектных доказательств «исцеление» является стандартом, а исключение – крайней мерой при невозможности восполнения).

Догматическая основа рассматриваемого института состоит в том, что общей предпосылкой восполнения является отсутствие посягательства на свободу воли лица [12, с. 25]. Незаконные методы необратимо разрушают добровольность вербальных доказательств, исключая тем самым возможность их восполнения; тогда как формальные или технические упущения не затрагивают свободу воли и объективную истину, что обеспечивает легитимную основу для их процессуального восполнения.

Нормативное содержание предусмотренных законом способов восполнения. Статья 56 УПК КНР закрепляет два пути «исцеления» с различной догматической логикой: «восполнение» и «разумное объяснение». Восполнение подразумевает прямое объективное исправление незначительных дефектов (например, добавление недостающих подписей) для восстановления формальной законности. Разумное объяснение применяется при объективной невозможности исправления. Догматически оно требует обоснования причин отклонений, исключаящего умысел на обход закона, с обязательным подкреплением объективными данными (например, видеозаписями).

Однако закон не конкретизирует их субординацию и стандарты доказывания [3, с. 111], что лишает соответствующие правила операциональности и девальвирует их на практике [9, с. 129]. По сути, дефицит императивного требования «объективного подкрепления» породил засилье голословных односторонних «объяснений ситуации». Эта подмена сущностного восполнения пустыми декларациями выступает главным нормативным катализатором деформации института.

II. Деформация института восполнения в судебной практике: анализ судебных актов КНР

Описание выборки. Для изучения применения правил восполнения в реальной судебной практике было проведено эмпирическое исследование на базе платформы «Бэйда Фабао»⁵. После установки временного порога (2025г.) был проведен поиск по ключевым словам «незаконные доказательства» и «дефектные доказательства», выдавший 157 актов. В результате последующего ручного отбора сформирована итоговая выборка из 120 дел. Главным критерием отбора стало наличие в деле прямого ходатайства защиты об исключении незаконных доказательств или конкретных возражений относительно законности их получения. Дела, в которых отсутствовал спор о допустимости доказательств, были исключены. Из 120 дел лишь в 4 делах ходатайства об исключении были удовлетворены, в остальных 116 спорные доказательства сохранили допустимость. В 13 типичных случаях процессуальные нарушения были устранены путём расширительного толкования стандартов восполнения, что свидетельствует о расширении сферы применения института. Исследование носит качественный, а не количественный характер. Полученные результаты согласуются с выводами доктрины: «У Хунци указывает на структурные ограничения реального «заградительного» эффекта процедуры исключения» [7, с. 149]; Ван Бяо фиксирует устойчивую склонность судей к сохранению допустимости доказательств [1, с. 75].

Расширение границ восполнения: перекалфикация существенно незаконных доказательств. Суть деформации рассматриваемого института заключается в выходе правоприменителя за законные рамки. Доказательства, подлежащие императивному исключению, искусственно перекалфицируются в устранимые дефекты. Типичная аномалия – подмена существенного нарушения формальной ошибкой. При допросе без протокола судьи уклоняются от проверки допустимости доказательств, некритично полагаясь на односторонние «объяснения» следствия. Проблема не в техническом упущении, а в сомнениях относительно добровольности показаний. Квалифицируя нарушение как документальный дефект, судьи разрывают связь между следственным действием и протоколом и позволяют следствию скрывать факты незаконного давления. Как отмечает Чжао Син, на практике прослеживается тенденция с помощью понятийных манипуляций ретушировать степень посягательства на права личности [11, с. 194].

Девальвация восполнения: подмена процессуального «исцеления» односторонними «объяснениями ситуации». Законодательная цель восполнения – устранение дефектов. Но на практике «исцеление» подменяется декларативным объяснением нарушений: признание следствием факта нарушения ошибочно отождествляется с устранением его последствий. Характерным примером является практика низовых судов: при заявлениях о пытках судьи нередко принимают голословные «объяснения ситуации» от органов расследова-

2 Положения о некоторых вопросах исследования и оценки доказательств по делам, за которые может быть назначена смертная казнь; Положения о некоторых вопросах исключения незаконных доказательств по уголовным делам: документ Фа фа, 2010. - № 20 // База данных Beida Fabao. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pkulaw.com/chl/off93bae9d8e53bdfb.html> (дата обращения: 08.04.2026).

3 Положения о некоторых вопросах строгого исключения незаконных доказательств по уголовным делам», 2017. // База данных Beida Fabao. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pkulaw.com/chl/aa7fa2e5d8c2f563bdfb.html> (дата обращения: 08.04.2026).

4 Разъяснения Верховного народного суда КНР «О применении Уголовно-процессуального кодекса КНР»: документ Фа ши, 2021. - № 1. // База данных Beida Fabao. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pkulaw.com/chl/b9e351a3215cecd-bdfb.html> (дата обращения: 08.04.2026).

5 «Бэйда Фабао» – одна из самых известных и наиболее полных платформ правовой информации в КНР, совместно разработанная Центром правовой информации Пекинского университета и компанией «Бэйда Инхуа». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pkulaw.com> (дата обращения: 10.04.2026).

ния об их отсутствии без истребования объективных данных (видеозаписей, медицинских заключений). Как отмечает Се Бо, подобные справки стали инструментом обхода правил исключения, фактически освобождая сторону обвинения от бремени доказывания законности действий [5, с. 19]. Методологическая ошибка здесь кроется в признании «заявления о причинах» полноценным механизмом восполнения. «Объяснение» не устраняет незаконность и не снимает сомнений в добровольности показаний. Эмпирические данные подтверждают, что суды подменяют проверку законности подтверждением «материальной истины» и достоверностью содержания, ретроспективно легализуя процедуру. Как указывают Ма Шэнъянь и Чжоу Юнцзюнь, под давлением обвинительного уклона судьи склонны использовать механизмы «компенсационного взвешивания», смятая наказание при наличии дефектов доказательств [4, с. 71]. Такое структурное злоупотребление усмотрением превращает институт восполнения в скрытый канал легализации незаконных данных.

III. Догматическая реконструкция границ применения института восполнения

Принцип соразмерности как легитимная основа судебного усмотрения. Эмпирически выявленная деформация вызвана нормативной неопределенностью и дефицитом критериев усмотрения. Решение заключается в интеграции принципа соразмерности (пропорциональности) и построении иерархической структуры догматической проверки. Данный принцип требует легитимности целей и адекватности средств, ограничивая вмешательство в фундаментальные права необходимым минимумом. В доказывании это означает соответствие оценки допустимости характеру нарушения: недопустимо как избыточное исключение при малозначительных дефектах, так и легализация нарушений в угоду значимости улик. Догматическая проверка конкретизируется в прогрессивной модели «предварительная квалификация + трехмерная структура»: фильтрация императивных запретов (проверка «красных линий» абсолютного исключения), действительность, упречность, сбалансированность.

Предварительный этап: приоритетная проверка абсолютных запретов на исключение. Судья должен, прежде всего, установить: нарушало ли получение доказательств конституционные права на личную свободу и достоинство по ст. 37-38⁶, а также право на добровольные показания по ст. 56 УПК.

Критерий действительности. Первая ступень проверки призвана гарантировать реальное устранение дефектов и снятие сомнений в допустимости доказательств, охватывая два правила. Прежде всего, при возможности фактического исправления дефекта восполнение обязательно; объяснения допустимы лишь там, где исправление невозможно. Помимо этого, односторонние объяснения без объективных доказательств — видеозаписей, медицинских документов и т.п. доказательственной силы не имеют: если обвинение располагает лишь ими, бремя доказывания считается неисполненным, что влечёт неблагоприятный вывод и исключение доказательств.

Критерий упречности. Вторая ступень оценивает легитимность восполнения через субъективную вину следствия: чем выше упречность, тем слабее эффект восполнения. Нарушения делятся на две категории:

1. Низкая упречность. Дефекты, вызванные объективными факторами (экстренные ситуации) или легкой неосторожностью, без умысла на обход закона. Они оправдывают процессуальное излечение и признание силы восполнения.
2. Высокая упречность. Сознательное неисполнение установленных процедур при наличии возможности или намеренный обход правил исключения. Являясь проявлением прямого умысла, они принципиально исключают возможность восполнения.

Критерий сбалансированности. Критерий сбалансированности представляет собой третий уровень иерархической проверки. После прохождения предварительной квалификации и первых двух этапов проверки, данный уровень предполагает проведение оценки баланса защищаемых интересов (взвешивание правовых благ) в целях соблюдения требований принципа соразмерности. Формулировка «могут быть

признаны допустимыми», содержащаяся в Разъяснении Верховного Народного Суда КНР по применению УПК 2021 года, наделяет судей дискреционными полномочиями. Проверка на сбалансированность — догматическая конкретизация судебного усмотрения. Суть: сопоставить «общественный интерес в установлении истины» и «ущерб правам личности и авторитету правосудия». Восполнение признаётся лишь при превышении выгоды над вредом.

Заключение

Рассматриваемый механизм обнажает ключевое противоречие китайского уголовного судопроизводства: конфликт между материальной (объективной) истиной и процессуальной справедливостью. Искажения в правоприменительной практике привели к его существенному отклонению от изначального предназначения. Нормативное восстановление данного института требует принятия мер на двух уровнях. На нормативном (законодательном) уровне — обеспечить строгое соблюдение границ классификации доказательств и исключить легализацию недопустимых доказательств путем их необоснованной «переквалификации». На практическом — ввести механизм предварительной квалификации и трёхуровневой проверки для стандартизации усмотрения и мотивировки решений.

Пристатейный библиографический список

1. Ван Бяо. Эмпирическое исследование проблем исключения незаконных вещественных доказательств // Применение права. — 2022. — № 2. — С. 75.
2. Ван Ин. Системная реконструкция норм об исключении доказательств на фоне кодификации уголовно-процессуального права // Вестник Восточно-Китайского университета политологии и права. — 2023. — № 4. — С. 118.
3. Ли Сюэцзюнь, Лю Цзин. Дефектные доказательства и применение правил их исправления // Правоведение Цинхуа. — 2020. — № 5. — С. 111.
4. Ма Шэнъянь, Чжоу Юнцзюнь. Анализ и управление феноменом взвешивания в уголовном правосудии // Применение права. — 2015. — № 7. — С. 71.
5. Се Бо Атрибуты, формы и регулирование «письменных объяснений ситуации» в уголовном процессе нашей страны // Вестник Ганьсуского политико-правового института. — 2016. — № 5. — С. 19.
6. Ся Хун, Гун Юньфэй. Между законным и незаконным — на основе позиции двух «Положений» в отношении дефектных доказательств // Китайский журнал уголовного права. — 2012. — № 3. — С. 65.
7. У Хунци. Исключение доказательств или проверка доказательств: эмпирическое исследование исключения незаконных доказательств на стадии рассмотрения дела для утверждения обвинительного заключения // Правовое и социальное развитие. — 2016. — № 5. — С. 149.
8. У Хунъяо. Правила и фактическая эффективность исключения незаконных доказательств, а также о путях совершенствования правила исключения незаконных доказательств в нашей стране // Современное право. — 2014. — № 4. — С. 121.
9. Хань Сюй. Прогресс и недостатки новых правил исключения незаконных доказательств — анализ нового «Регламента исключения незаконных доказательств» // Журнал права. — 2025. — № 1. — С. 129.
10. Чжан Хэнань. О разграничении сферы незаконных доказательств // Академические исследования. — 2015. — № 8. — С. 43.
11. Чжао Син, Чжоу Тин. Преобразование легитимности дефектных доказательств в уголовном процессе // Общественные науки Ганьсу. — 2014. — № 4. — С. 194.
12. Чжоу Синь, Ма Инчуань. О понятии и признаках дефектных доказательств в уголовном процессе // Журнал права. — 2012. — № 11. — С. 25.
13. Чэн Лэй. Нормативный анализ правила исключения незаконных доказательств // Трибуна политологии и права. — 2014. — № 6. — С. 182-192.
14. Чэнь Жуйхуа. О правилах исправления дефектных доказательств // Юрист. — 2012. — № 2. — С. 66-84.
15. Ян Юйгуань, Го Сюй. О сфере незаконных доказательств // Ланьчжоуский академический журнал. — 2015. — № 6. — С. 158.

6 Конституция КНР (в ред. 2018 г.). // База данных Weida Fa-bao. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.pkulaw.com/chl/7c7e81f43957c58bbdbf.html> (дата обращения: 08.04.2026).

ИГОШИН Владимир Геннадьевич

кандидат педагогических наук, доцент кафедры организации режима, охраны и конвоирования, Самарский юридический институт ФСИН России

АБДУРАЗАКОВ Ахмед Абдурахманович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации режима, Юридический факультет, Санкт-Петербургский университет ФСИН России

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПЕРЕЧНЯ ПРЕДМЕТОВ, РАЗРЕШЕННЫХ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ В СЛЕДСТВЕННЫХ ИЗОЛЯТОРАХ: ПЕРЕХОД К ЗАПРЕТИТЕЛЬНОЙ МОДЕЛИ В ЦЕЛЯХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье исследуется актуальная проблема совершенствования правового регулирования перечня предметов, разрешенных к использованию лицами, содержащимися в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Авторы анализируют действующую разрешительную модель, закрепленную в Правилах внутреннего распорядка следственных изоляторов, и выявляют её существенные недостатки, включая негибкость нормативного регулирования, правовую неопределенность и отставание от современных реалий обеспечения безопасности. Обосновывается необходимость перехода к запретительной модели регулирования, предполагающей замену исчерпывающего перечня разрешенных предметов на перечень запрещенных с установлением четких критериев отнесения предметов к категории запрещенных.

Ключевые слова: следственный изолятор, запретительная модель, безопасность учреждений, права подозреваемых, уголовно-исполнительная система, режим содержания, презумпция невиновности, правовое регулирование, запрещенные предметы, модернизация СИЗО.

IGOSHIN Vladimir Gennadjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor of Mode organization, security and escort sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

ABDURAZAKOV Akhmed Abdurakhmanovich

Ph.D. in Law, associate professor of Mode organization sub-faculty, Faculty of Law, St. Petersburg University of the FPS of Russia

MODERNIZATION OF THE LIST OF ITEMS ALLOWED FOR USE IN PRE-TRIAL DETENTION CENTERS: TRANSITION TO A PROHIBITIVE MODEL TO ENSURE SECURITY

This article examines the pressing issue of improving the legal regulation of the list of items permitted for use by individuals held in pretrial detention facilities of the Russian Federation penal system. The author analyzes the current permit-based model, enshrined in the Internal Rules of Pretrial Detention Facilities, and identifies its significant shortcomings, including regulatory inflexibility, legal uncertainty, and a lag in keeping with modern security realities. The article substantiates the need to transition to a prohibitive regulatory model, which would replace the exhaustive list of permitted items with a list of prohibited ones, establishing clear criteria for classifying items as prohibited.

Keywords: pretrial detention facility, prohibitive model, institutional security, suspects' rights, penal system, detention regime, presumption of innocence, legal regulation, prohibited items, pretrial detention facility modernization.

Система содержания подозреваемых и обвиняемых в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации представляет собой сложный механизм правового регулирования, требующий постоянного совершенствования в соответствии с современными реалиями обеспечения безопасности и защиты прав человека. Действующие Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов, утвержденные Приказом Минюста России от 04.07.2022 № 110, закрепляют разрешительный принцип определения перечня предметов, которые могут находиться у лиц, содержащихся под стражей. Однако практика применения данных норм выявляет существенные проблемы, связанные с необходимостью обеспечения безопасности как самих подозреваемых и обвиняемых, так и персонала учреждений, что актуализирует вопрос о переходе к запретительной модели регулирования.

Современная правовая доктрина в области уголовно-исполнительного права исходит из необходимости баланса между обеспечением прав лиц, содержащихся под стражей, и требованиями безопасности. Специфичность рассматриваемого института уголовно-исполнительного права обуслов-

лена, прежде всего, воплощением конституционного принципа презумпции невиновности, по смыслу которого лица, находящиеся в предварительном заключении, считаются невиновными до момента вступления в законную силу вынесенного в отношении них приговора [3, с. 145]. Данное положение определяет особый статус подозреваемых и обвиняемых, который должен учитываться при формировании режимных требований содержания в следственных изоляторах. Вместе с тем, презумпция невиновности не может служить основанием для игнорирования требований безопасности, которые являются приоритетными в условиях изоляции от общества.

Действующая система правового регулирования, основанная на исчерпывающем перечне разрешенных предметов, демонстрирует ряд существенных недостатков. Прежде всего, такой подход требует постоянной актуализации перечня в связи с появлением новых товаров и предметов, что делает нормативное регулирование негибким и отстающим от реальной действительности.

Анализ практики функционирования следственных изоляторов свидетельствует о том, что именно предметы, находящиеся у подозреваемых и обвиняемых, нередко становят-

ся источником угроз безопасности. Случаи использования разрешенных предметов в целях причинения вреда здоровью, совершения побегов, передачи запрещенных веществ и предметов между камерами, а также для оказания давления на других лиц, содержащихся под стражей, демонстрируют необходимость пересмотра концептуальных подходов к формированию перечней. При этом важно понимать, что вопросы обеспечения общественной безопасности и предупреждения противоправных деяний – это одна из основных конституционных задач государства, для реализации, которой на территории Российской Федерации различными государственными учреждениями и ведомствами реализуется комплекс мероприятий, часть которых направлена на расследование и раскрытие преступлений, а часть на изоляцию правонарушителей от общества [1, с. 376].

Следует отметить, что если законодатель вместо разрешенных вещей и предметов включит перечень запрещенных вещей и предметов, в Правила внутреннего распорядка СИЗО, определив при этом четкий порядок изъятия и дальнейшую «судьбу» данных вещей, то это позволит сотрудникам уголовно-исполнительной системы изъять вещи и предметы из обозначенного перечня. Также сотрудники смогут понимать потенциальную угрозу возможности использования обозначенных в перечне вещей.

Реформирование системы регулирования перечней предметов должно осуществляться в контексте общей модернизации уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. В своих нормах настоящие Правила СИЗО по многим позициям реализуют основные цели Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г. в части совершенствования и гуманизации уголовно-исполнительной политики [2, с. 55], а предлагаемые изменения будут обеспечивать правовую определенность, и для сотрудников, и для лиц, содержащихся в следственных изоляторах. Однако, запретительная модель должна обеспечивать правовой статус подозреваемых, обвиняемых и осужденных и не должна приводить к произвольному ограничению прав на право получения и использования вещей и предметов, не включенных в обозначенный список. Кроме того, необходимо закрепить презумпцию разрешенности вещей и предметов, если он не отвечает установленным критериям запрещенности и не включен в перечень запрещенных предметов. Такой подход обеспечит баланс между требованиями безопасности и необходимостью соблюдения прав человека в условиях содержания под стражей.

Переход к запретительной модели регулирования полностью соответствует целям указанной Концепции, поскольку направлен на повышение эффективности обеспечения безопасности при одновременном расширении возможностей лиц, содержащихся под стражей, в части доступа к предметам, не представляющим угрозы безопасности. Это позволит создать более комфортные условия содержания, что особенно важно с учетом презумпции невиновности и необходимости минимизации негативных последствий изоляции от общества для лиц, в отношении которых еще не вынесен обвинительный приговор.

Практическая реализация предлагаемых изменений требует внесения соответствующих корректировок в приложение к Приказу Минюста России от 04.07.2022 № 110. Конкретно предлагается исключить из приложения исчерпывающий перечень разрешенных предметов и заменить его перечнем запрещенных предметов с указанием критериев отнесения к таковым. В перечень запрещенных пред-

метов должны быть включены все виды оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и средств взрывания, наркотические средства и психотропные вещества, сильнодействующие и ядовитые вещества, спиртные напитки, предметы, изготовленные из материалов, позволяющих использовать их в качестве оружия или средства совершения побега, технические средства связи, не разрешенные к использованию в установленном порядке, а также иные предметы, которые могут быть использованы для нарушения режима содержания под стражей или создания угрозы безопасности. При этом необходимо предусмотреть возможность дополнения перечня запрещенных предметов на уровне конкретного учреждения с учетом особенностей его функционирования и выявленных угроз безопасности, что обеспечит гибкость правового регулирования и возможность оперативного реагирования на новые вызовы.

Важным элементом предлагаемой системы должна стать процедура контроля за соблюдением запретов и механизм ответственности за нарушение установленных требований.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что переход от разрешительной к запретительной модели – это необходимый шаг для развития уголовно-исполнительной системы в рамках обеспечения безопасности. Изменения позволят сотрудникам уголовно-исполнительной системы четко следовать закону и добавят понимания, какие вещи и предметы могут находиться у подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Кроме того, указанное обстоятельство обусловит объективную потребность в наличии специального правового инструментария, обеспечивающего возможность изъятия запрещенных вещей и предметов, не выходя за пределы штатного функционирования пенитенциарного учреждения. Роль подобного инструментария выполняет режим чрезвычайных обстоятельств, нормативная база которого складывается на нескольких уровнях регулирования и охватывает как материальные, так и процессуальные аспекты введения, осуществления и отмены особого правового состояния в условиях исправительного учреждения.

Пристатейный библиографический список

1. Гусев А. С., Коржова Е. А. Отдельные проблемные аспекты в формулировке обязанностей подозреваемых и обвиняемых содержащихся в СИЗО // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 8 (236). – С. 376-378.
2. Закаржевский Н. Н. Правовые новеллы Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации 2022 года // Вестник Кузбасского института. – 2022. – № 4 (53). – С. 50-57.
3. Самиулина Я. В. К вопросу о совершенствовании правового положения следственно-арестованных лиц: уголовно-исполнительный аспект // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2024. – № 51 (25). – С. 141-145.

СТЕПАНЕНКО Юрий Сергеевич

кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск, подполковник полиции

САНЖИЕВА Алтана Цыденовна

студент, Иркутский национальный исследовательский технический университет, независимый исследователь

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ И ПРОФИЛАКТИКА СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ

В статье проведен комплексный анализ проблем суицидального поведения среди осужденных в российских исправительных учреждениях. В статье рассмотрены доминирующие причины суицидального поведения: невозможность удовлетворения жизненных потребностей, отсутствие привычных социальных контактов, давление криминальной субкультуры, наличие неизбежных в указанной среде межличностных конфликтов, а также травля лиц с нетрадиционной ориентацией со стороны других осужденных. Авторами выявлены характерные и повторяющиеся недостатки в деятельности пенитенциарной системы, а также предложены меры по совершенствованию системы профилактики суицидов, включая улучшение методов диагностики, мониторинга и реабилитационных программ с целью минимизации данного явления среди заключенных.

Ключевые слова: суицидальное поведение, пенитенциарная система России, профилактика самоубийств, психологическая помощь, оценка суицидального риска, реабилитация осужденных, психоэмоциональное состояние осужденного, личные характеристики осужденных, социальная адаптация, психологические интервенции, постсудебная.

STEPANENKO Yuriy Sergeevich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy and socio-humanitarian disciplines sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk, lieutenant colonel of police

SANZHIEVA Altana Tsydenovna

student, Irkutsk National Research Technical University, independent researcher

COMPREHENSIVE ANALYSIS OF PROBLEMS AND PREVENTION OF SUICIDAL BEHAVIOR IN THE PENITENTIARY SYSTEM

The article provides a comprehensive analysis of the problems of suicidal behavior among convicts in Russian correctional institutions. The paper examines the dominant causes of suicidal behavior: the inability to satisfy vital needs, the absence of familiar social contacts, the pressure of the criminal subculture, the presence of interpersonal conflicts that are inevitable in this environment, as well as bullying of people with non-traditional sexual orientation by other prisoners. The authors identified characteristic and recurring shortcomings in the penitentiary system and proposed measures to improve the suicide prevention system, including improved diagnostic methods, monitoring, and rehabilitation programs in order to minimize this phenomenon among prisoners.

Keywords: suicidal behavior, Russian penitentiary system, suicide prevention, psychological assistance, suicide risk assessment, rehabilitation of convicts, psycho-emotional state of convicts, personal characteristics of convicts, social adaptation, psychological interventions, post-conviction.

Суицидальное поведение среди лиц, лишенных свободы, остается одной из наиболее острых и сложных проблем для уголовно-исполнительных систем во всем мире, включая Российскую Федерацию. Проблема является показателем системных сбоев, поскольку обусловлена переплетением глубоких личностных кризисов, деструктивного влияния тюремной среды и недостатков в организации работы пенитенциарных учреждений. Высокий уровень суицидов в местах лишения свободы не только свидетельствует о недостаточной эффективности профилактической работы, но и ставит под сомнение выполнение государством его фундаментальной обязанности — гарантировать право на жизнь и охрану здоровья для всех лиц, находящихся под его стражей регламентированных в УИК РФ [1]. Пенитенциарная среда в силу своей природы создает уникальную совокупность стрессоров, которые многократно увеличивают уязвимость человека. Сочетание таких факторов, как изоляция от общества, лишение автономии, строгий режим, потенциальная виктимизация, выявление ранее латентных психических расстройств, обострение тяжелых хронических заболеваний и ограниченный доступ к качественной помощи, формирует так называемый «идеальный шторм» для возникновения суицидального поведения. Системное противодействие этому явлению требует не только понимания глубинных причин, но и внедрения научно обоснованных, комплексных превентивных мер, направленных на сохранение жизни и здоровья осужденных и заключенных, что является не только гуманной, но и правовой обязанностью государства [2].

Анализ мотивов, причин и условий совершения суицидов позволяет выявить сложную картину. К наиболее распространенным мотивам относятся длительный срок лишения свободы, страх перед наказанием, осознание совершенного преступления, а также негативная информация из семьи.

Изолирование от общества несет за собой в большинстве случаев разрыв социально полезных связей с родственниками, друзьями, знакомыми [5], обострение психических заболеваний, утрата смысла жизни, наркотическую или алкогольную абстиненцию и чувство вины перед родными. Исследователи также выделяют вероятные ситуации суицидального поведения: невозможность удовлетворения привычных жизненных потребностей, отсутствие контакта со значимыми людьми на свободе, чрезмерное давление норм, в том числе криминальной субкультуры, а также длительные неразрешенные конфликты и травля со стороны других осужденных. К группе высокого риска традиционно относят осужденных с низким социально-криминальным статусом, впервые отбывающих наказание в виде лишения свободы, совершивших преступления против половой неприкосновенности, а также лиц с нетрадиционной ориентацией.

Формирование суицидального поведения в местах лишения свободы происходит под воздействием комплекса взаимосвязанных факторов, которые условно можно разделить на индивидуальные, ситуационные и институциональные [4]. Индивидуальные факторы связаны с личностными характеристиками осужденного. Большинство лиц, склонных к самоубийству, имеют травматичный жизненный опыт: насилие в семье, длительные психотравмирующие отношения, пребывание в детских учреждениях, хронические зависимости и заболевания, социальную изоляцию. Наличие суицидальных попыток в анамнезе представляет собой один из наиболее значимых прогностических критериев в отношении будущего суицидального поведения. Крайне высока распространенность психических расстройств среди заключенных: клиническая депрессия, тревожные расстройства, психозы, расстройство личности в особенности пограничное, посттравматическое стрессовое расстройство. Зависимость

от психоактивных веществ, а особенно синдром отмены в условиях изоляции, резко повышает намерение и суицидальный риск. Демографические и социальные характеристики также значимы: к группе риска часто относятся молодые люди в начале срока и пожилые осужденные; лица, не имеющие поддержки семьи, постоянного места жительства или работы до заключения.

Институциональные факторы, присущие пенитенциарной системе, оказывают глубокое и многогранное влияние на психоэмоциональное состояние заключенных. Прежде всего, это касается условий содержания. Недостаток личного пространства, невозможность уединиться, отсутствие приватности, непрекращающийся шум — все это становится источником хронического психоэмоционального напряжения. Не менее значимым аспектом является тюремная субкультура, представляющая собой сложную систему неписаных правил и иерархий, которая для новоприбывшего будет лишь триггером для совершения действий. Осужденные, занимающие низкий статус или нарушившие негласные нормы, подвергаются систематическому давлению, вербальным угрозам, психологическому воздействию, запугиванию, физическому и сексуальному насилию. Такое постоянное воздействие, лишающее человека чувства безопасности и самоуважения, может доводить его до глубоких кризисных состояний и является мощным психотравмирующим фактором. Серьезную проблему представляет дефицит ресурсов помощи: недостаточное количество или низкая квалификация медицинских и психологических работников, формальный характер помощи, отсутствие заинтересованности у персонала учреждения приводят к невозможности получения своевременной психологической помощи.

Известные в литературе примеры совершенных осужденными в местах изоляции суицидальных действий показывают о наличии системных ошибок в работе органов, исполняющих уголовные наказания. К ним можно отнести слабую подготовку личного состава пенитенциарных органов в части проведения оперативной работы с подведомственным контингентом и, как следствие, несвоевременное выявление деструктивного поведения осужденных. Чрезмерная нагрузка на психологов приводит к низкому уровню психодиагностики лиц, лишенных свободы, и наличие проблем с психологическим сопровождением осужденных, попавших в группу риска. Учитывая изложенные выше факторы, а также наличие определенных сложностей с оказанием своевременной и качественной медицинской помощи в местах изоляции, необходимо усилить проведение персоналом пенитенциарных органов профилактической работы, направленной на выявление суицидальных мыслей или наличия аффективного состояния у осужденного.

Медицинская и психологическая помощь являются краеугольным камнем профилактики. Система должна быть построена по принципу непрерывности: от первичного осмотра психиатром в момент поступления в исправительное учреждение до постоянного психологического сопровождения, нуждающегося в психологической помощи осужденного. Доступная медицинская помощь должна проводиться строго по клиническим показаниям и сопровождаться регулярным мониторингом под непосредственным наблюдением медперсонала с целью предотвращения накопления препаратов и последующей передозировки. В рамках решения системных ошибок в работе органов, исполняющих уголовные наказания, нельзя не поднять вопрос о повышении уровня подготовки персонала пенитенциарных органов. Физическая, моральная и правовая подготовка чрезвычайно важна, но наличие психологической подготовки позволит сотруднику учреждения, исполняющего наказание, распознать вербальные и невербальные маркеры суицидального риска, иметь навыки неконфликтного общения и деэскалации напряженности, знать четкие алгоритмы действий, при обнаружении попытки суицида включая первую помощь и оперативное информирование медицинской службы. Практика показывает, что вовремя оказанная медицинская и психологическая помощь резко снижает процент смертности осужденных. По словам Аркадия Гостева, директора ФСИН России, смертность в российских колониях и СИЗО снизилась на 12 процентов. «Положительная динамика в 2025 году была достигнута, несмотря на недостаточное финансирование ФСИН, отметил Гостев. Эти результаты стали следствием медицинского обеспечения контингента» [6].

Нельзя забывать о необходимости проведения профилактических мероприятий после суицидального инцидента.

Необходим комплекс мер направленный на снижение негативных последствий произошедшего суицида и предотвращения его рецидива. Безотлагательная психологическая помощь осужденному после безуспешной попытки суицида, свидетелям инцидента, персоналу учреждения, а также родственникам погибшего поможет снизить негативные последствия произошедшего события. Проведение качественного расследования с выявлением причин и условий, сопутствующих инциденту, позволит выявить проблемы в работе ответственных служб и разработать достаточные меры, доводимые до личного состава пенитенциарного органа, направленные на предотвращение повторения суицидальных происшествий в будущем.

Значимую роль в профилактике суицидального поведения играет состояние оперативной и социально-психологической обстановки в исправительных учреждениях, которая, по сути своей, является постоянно изменяющейся, но в целом должна оставаться стабильной и контролируемой. Этому способствует согласованная работа всех отделов и служб, направленных на общую превенцию правонарушений, в том числе на устранение причин и условий, которые могут стать катализатором появления у осужденного мысли о наличии единственного выхода из сложившейся ситуации — уход из жизни [3].

Подводя итоги, можно сделать вывод, что суицидальность осужденных выполняет роль сложного индикатора, демонстрирующего системные дисфункции пенитенциарной системы. Устойчивое снижение данного показателя достижимо лишь в рамках реабилитационной, а не карательной, модели. Эффективная профилактика, основанная на гуманизации, соблюдении прав и развитой психологической помощи, представляет собой стратегию, которая будет действовать только во благо общества. Она направлена не только на исполнение гуманных норм, но и на достижение основных целей: сохранение человеческого потенциала, снижение рецидивов и, как следствие, повышение общей эффективности уголовно-исполнительной системы.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 17.12.2025). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12940 (дата обращения: 12.03.2026).
2. Кириллова Т. В., Рогов А. В. Исследование феномена суицидального поведения подозреваемых, обвиняемых и осужденных // Российский девиантологический журнал. – 2022. – № 2 (2). – С. 164–180. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-fenomena-suitsidalnogo-povedeniya-podozrevaemyh-obvinyayemyh-i-osuzhdennyh> (дата обращения: 12.03.2026).
3. Пронина О. В. Профилактика совершения суицидов среди лиц, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, как способ обеспечения личной безопасности осужденных // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – Т. 41. № 1. – С. 147–153. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-soversheniya-suitsidov-sredi-otbyvayuschih-nakazanie-v-ispravitelnyh-uchrezhdeniyah-kak-sposob-obespecheniya> (дата обращения: 12.03.2026).
4. Морозова Л. Б., Широкова Л. К. Детерминанты суицидального поведения мужчин, находящихся в условиях принудительной изоляции // Нижегородский психологический альманах. – 2023. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://psykaf417.esrae.ru/ru/37-397> (дата обращения: 12.03.2026).
5. Степаненко Ю. С. Проблемы социальной адаптации лиц, освободившихся от уголовного наказания // Гаголь правосудия. – 2020. – № 1 (23). – С. 28–29.
6. Гостев А.: ФСИН РФ добила снижения на 12 % уровня смертности в колониях и СИЗО. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2026/03/12/raskryt-uroven-smernosti-v-rossijskih-koloniya/> (дата обращения: 12.03.2026).

АНТОНОВА Екатерина Александровна

старший преподаватель кафедры конституционного и международного права, Санкт-Петербургский университет МВД России

ЯВКА С ПОВИННОЙ КАК ПРИЕМ СОДЕЙСТВИЯ РАСКРЫТИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ «ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ»

В статье рассматриваются криминалистические аспекты развития знаний о содействии раскрытию преступлений как форме правомерного поведения, проявляющейся во внутренних и внешних функциональных закономерностях такой деятельности, причинах и факторах ее детерминации, а также в современных формах реализации субъектами, так или иначе связанными с событием преступления.

Проблема признания лицом своей вины в совершенном преступлении сохраняет высокую теоретическую и практическую актуальность, поскольку противодействие преступности невозможно без активного содействия граждан и должностных лиц предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений.

Такое содействие включает разнообразные действия и поступки, в том числе такой специфический способ, как явка с повинной.

Ключевые слова: раскрытие преступлений, явка с повинной, содействие раскрытию преступлений, раскрытие преступлений по горячим следам, криминалистика, поступок, раскаяние, субъект, деятельность, поведение, объект явки, мысленный образ.

ANTONOVA Ekaterina Alexandrovna

senior lecturer of Constitutional and international law sub-faculty, St. Petersburg University of the MIA of Russia

TURNING ONESELF IN AS A METHOD OF FACILITATING THE DETECTION OF CRIMES «ON THE HOT TRAIL»

The article examines the forensic aspects of the development of knowledge about facilitating the detection of crimes as a form of lawful behavior, manifested in the internal and external functional patterns of such activity, the causes and factors of its determination, as well as in the modern forms of its implementation by subjects in one way or another related to the event of a crime.

The problem of a person's recognition of their guilt in a committed crime remains highly relevant from a theoretical and practical standpoint, as combating crime is impossible without the active participation of citizens and officials in the prevention, detection, and investigation of crimes.

This participation includes various actions and behaviors, including the specific method of voluntary confession.

Keywords: crime detection, confession, assistance in crime detection, hot pursuit, criminology, act, repentance, subject, activity, behavior, object of confession, mental image.

Содействие раскрытию преступлений «по горячим следам» следует понимать как сложную систему умышленных и иных действий лиц, связанных с событием преступления, направленных на помощь и деятельное участие в надлежащей реализации правовых норм применительно к ситуациям посткриминального периода [2, с. 4-5]. Содействие раскрытию преступлений «по горячим следам» как явление объективной действительности, в том числе процессы (деятельностный, поведенческий) явки с повинной, имеют дуалистическую природу как в количественных показателях, имеющих значение для раскрытия, расследования преступлений, так и характеризующих их сущность. Для первого случая статистические показатели, данные, полученные автором в процессе исследования на протяжении последней четверти века, неоспоримо свидетельствуют о наличии устойчивой связи между посткриминальным содействием и наступившим раскрытием, расследованием и предупреждением преступлений. Как справедливо отмечает В. Л. Хамизов «раскрытие преступления «по горячим следам» – это тактическая операция, проводимая на этапе проверки сообщения о преступлении, для установления в течение 24 часов с момента регистрации сообщения в КУСП подозреваемого, в отношении которого будет возбуждено уголовное дело» [12].

Для второго случая следует отметить, что, во-первых, сущность заявления явки с повинной лица весьма многообразна, поскольку содержит закономерности преступной, посткриминальной деятельности, закономерности возник-

новения информации, закономерности его формирования (обоснование, выдвижение, отстаивание), а также закономерности проверки в криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности.

Э. Ли, С. Юань, Я. Чжан во введении к монографии, посвященной вопросам рассмотрения уголовных дел в Большом Китае, отмечают, что «за последние десятилетия сделки о признании вины или механизмы, позволяющие избежать судебного разбирательства и приводящие к вынесению обвинительного приговора, стали неотъемлемой частью систем уголовного правосудия по всему миру» [14, с. 1].

Достаточно продолжительное время в странах англосаксонской и ряда других правовых систем теоретиками уголовного права, криминологии и ряда других наук детально рассматривается и доказывается положение в весьма негативных коннотациях о том, что признание вины и последствий такой сделки для признавшего и правосудия как «катастрофа» (Ст. Дж. Шульхофер, 1992) [17, с. 1979], «юридический ярлык с отсроченным шоком» (Х. ван Ас, Д. Эразмус) [19] и т.п.

Так, Б. Ньюман, достаточно подробно изучив сделки о признании вины по неправильным причинам в контексте принудительных предложений о признании вины и реакции на неправильные причины, отмечает: «Представление о том, что обвиняемый признаёт себя виновным под давлением, не является чем-то необычным. Несмотря на то, что такая практика узаконена на основании добровольного информированного согласия обвиняемого, часто утверждается, что

практика заключения сделок о признании вины носит принудительный характер. Это может быть в тех случаях, когда предложение о признании вины влечёт за собой существенную разницу в приговоре, несоответствие в форме наказания (не связанное с лишением свободы по сравнению с лишением свободы) или когда признание вины сопряжено с риском смертной казни.

При этом сделки о признании вины часто классифицируются как «предложения без принуждения», будь то из-за их взаимовыгодного характера в соответствии с базовой концепцией принуждения или из-за того, что такое предложение можно отклонить в соответствии с непреодолимыми психологическими факторами» [15, с. 370].

Любое заявление о явке с повинной, как и связанные с ней способы содействия субъекта преступления, изменяют объективную действительность, в которой происходит раскрытие преступлений «по горячим следам» (новый эпизод преступной деятельности, установление соучастников). Для понимания многообразия ситуаций и содержания явки с повинной следует знать, что одни и те же движения, устная и письменная речь в таких сообщениях могут означать различные действия и поступки и, наоборот, различные движения, письменная или устная речь – представлять только один поступок.

А. Э. Иванышина достаточно точно подметила теоретические и практические противоречия признания вины лица, совершившего преступления, в результате содействия расследованию, при позитивном его стимулировании. Как отмечает автор, «в уголовно-процессуальном законодательстве предусмотрены формы позитивного воздействия на обвиняемого, которые создают для него ряд благоприятных стимулов для дачи признательных показаний. В связи с этим возникает так называемый «парадокс стимулирования» обвиняемого к добровольному признанию своей вины, который заключается в том, что такое признание исключает любое стимулирование, но без стимулирования добровольное признание вины само по себе является исключением» [5, с. 284].

Для явки с повинной как разновидности поощряемого позитивного посткриминального поведения основной единицей (элементом) выступает поступок. В этом смысле достаточно точно подметил В. Н. Карагодин, что в процессе расследования необходимо «знать признаки как криминальной деятельности, так и поведения, не являющегося преступным» [цит. по: 2, с. 6]. При этом мы согласны с мнением Р. А. Сабитова о том, что они могут выражаться в позитивной посткриминальной деятельности и поведении, поощряемой УК РФ [10, с. 45].

Заявление о явке с повинной (независимо от результатов проверки) как криминалистически значимый поступок, способ, действие имеет определенные признаки и свойства по отношению к преступной, посткриминальной действительности.

Анализ криминалистической литературы показал крайне скудный материал для научно-тематического анализа явки с повинной. По мнению Р. С. Белкина, явка с повинной – это добровольное личное обращение (явка) лица, совершившего преступление, с заявлением о нем в органы дознания, следствия, прокуратуру, суд с намерением отдать себя в руки правосудия [3, с. 312]. Определение Н. В. Яджина достаточно синонимично и уточнено тем, что такое обращение может

быть заявлено группой лиц, а также тем, что явка с повинной возможна до предъявления лицу правоохранительным органом обвинения в совершении преступления [цит. по: 8, с. 378].

В целом поддерживая идеи Р. С. Белкина и Н. В. Яджина, считаем необходимым разработать криминалистическое определение явки с повинной как приема содействия раскрытию преступлений «по горячим следам» с учетом проведенного семантического и фразеологического анализа, а также на основе деятельностного и ситуационного подходов.

Как отмечает Р. С. Белкин, под сообщением следует понимать передачу информации, воспринятой и психологически переработанной человеком [3, с. 156].

Согласно криминалистическим традициям, ситуационному и деятельностному подходу, рассмотрим элементы явки с повинной:

- 1) субъект явки с повинной;
- 2) явка с повинной и связанные с ней действия;
- 3) объект явки с повинной;
- 4) посткриминальные, а также криминалистические и иные ситуации явки с повинной.

Проблема субъекта явки с повинной имеет различные аспекты, связанные с предметно-объектным пониманием и организацией наук уголовного права, уголовно-процессуального права, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, юридической психологии, психиатрии и ряда других.

На наш взгляд, субъект явки с повинной и субъект заявления о явке с повинной – понятия, хоть и во многом совпадающие, но не тождественные. Субъект явки с повинной – это результат посткриминальной, а также криминалистической и уголовно-процессуальной деятельности на досудебной и судебной стадиях. Субъект заявления явки с повинной – любое лицо, связанное с событием преступления и сообщившее правоприменителям о совершении им или с его участием преступления.

Раскрывая вопрос о субъекте явки с повинной, следует разграничивать его с субъектом, заявившим явку с повинной, который может быть классифицирован на добросовестного заявителя (повинного), субъекта лжеявки с повинной и заблуждающегося заявителя (псевдоявки).

С точки зрения этапности расследования и судебного разбирательства, можно выделить таких субъектов как:

- 1) заподозренный (первоначальный этап расследования);
- 2) подозреваемый (последующий этап расследования);
- 3) подсудимый (судебное разбирательство);
- 4) осужденный.

Нами неоднократно отмечалось о необходимости использования применительно к различным видам посткриминальной деятельности такого термина как «заподозренный». Заподозренный – лицо, которое заподозрено в совершении преступления, но еще не задержано в порядке, предусмотренном УПК РФ, либо к нему пока не применена мера пресечения. Данный термин возник благодаря усилиям В.Е. Коноваловой (1953), Л. М. Карнеевой (1959 [6, с. 3], 1976 [7, с. 176]) и ряда других ученых по той причине, что круг лиц, версия о совершении преступления которыми проверяется, гораздо шире круга лиц, подпадающих под признаки подозреваемого. По-прежнему в следственной практике нередки

случаи, когда при расследовании преступлений лицо не задерживается в порядке, предусмотренном УПК РФ, а также нет необходимости избирать меру пресечения, нет достаточных доказательств для предъявления обвинения, но есть основание заподозрить лицо в совершении преступления. В данной ситуации лицо фактически подозревается субъектом предварительного расследования, но не является подозреваемым по УПК РФ.

О нацеленности субъекта на содействие расследованию преступлений как фактического основания выдвижения версий свидетельствует не только содержание явки с повинной, но и связь с другими приемами содействия расследованию, в первую очередь характеризующих деятельное раскаяние. Наиболее распространенными способами позитивного посткриминального поведения и деятельности на момент возникновения ситуации раскрытия преступления «по горячим следам» являются (результаты авторского исследования): сообщение о преступлении – 331 (36%); оказание поддержки и помощи жертве – 226 (24,6%); вызов скорой помощи и других служб – 109 (11,8%); принятие мер к охране следов – 88 (9,5%).

Субъектом истинной явки с повинной является только лицо, совершившее самостоятельно или с его участием общественно опасное деяние, предусмотренное УК РФ. В этом смысле, с точки зрения уголовного права, любой субъект преступления (исполнитель или соучастник) может выступать субъектом изучаемого нами приема содействия расследованию. С позиций уголовно-процессуального права явка с повинной, как правило, заявляется подозреваемым, также не исключается возможность таких заявлений обвиняемым, подсудимым и даже осужденным. Следует констатировать, что на практике все еще встречаются случаи, когда «свидетели» и «потерпевшие» являются с повинной. Считаем, что для устранения вышеназванных противоречий важно рассмотреть криминалистическую классификацию субъектов явки с повинной.

Применительно к проблеме явки с повинной, с точки зрения предложенного криминалистического соотношения деятельности и поведения, представляется наиболее правильным рассматривать истинную явку с повинной как социально-правовой поступок, который связан с рядом действий по обоснованию, выдвижению и отстаиванию. При этом некоторые из действий, как мы отмечаем, превращаются в поступок по мере регулирования их нормами УК РФ и УПК РФ. Следует иметь в виду, что в практике встречаются случаи усеченных явок с повинной. Подчеркнем, что обоснование, выдвижение и отстаивание могут быть не только составляющими явки с повинной, но и лже- и псевдоявки (данный аспект будет рассмотрен в отдельных работах). При этом содержание, плотность деятельности (поведенческие составляющие), цель, мотивы, решаемые задачи весьма специфичны.

Вид и тяжесть преступления, цель и мотивы, пол, возраст, судимость, место жительства, финансовое положение таких субъектов влияют как на содержание заявления о явке с повинной, так и на деятельность (поведение), связанную с ней, таких субъектов и иных лиц. К связанным лицам мы относим тех субъектов, которые участвовали в обосновании и отстаивании истинных, ложных и псевдоявок.

Среди таких лиц можно выделить:

1) добросовестные участники, стимулирующие данный вид посткриминального позитивного поведения:

- а) родители и другие родственники;
- б) коллеги, знакомые;
- в) иные лица;

2) недобросовестные участники, реализующие тот или иной способ противодействия расследованию путем лжеявок с повинной:

- а) соучастники;
- б) лжеочевидцы и лжесвидетели;
- в) недобросовестные адвокаты;
- г) свидетели, умышленно введенные в заблуждение;
- д) родственники, знакомые;
- е) иные лица.

В процессе заявления и дальнейшей проверки явки с повинной должны быть учтены не только вид и тяжесть совершенного деяния, но и пол, возраст, этническая принадлежность и некоторые функциональные признаки (к примеру, такие как речь, акцент, диалект и т.д.).

С учетом количества совершаемых преступлений мигрантами, мы солидарны с выводом Е. И. Фойгель о том, что «необходимость в криминалистическом изучении этнических характеристик личности участников уголовного судопроизводства обусловлена как развивающимися возможностями криминалистической науки, признанной совершенствовать средства и методы борьбы с преступностью, так и потребностями общественных реалий, обусловленных демографическими, политическими и социальными изменениями» [11, с. 148].

Весьма интересным и не потерявшим своей актуальности для криминалистической науки, а напротив, требующим разработки, является идея и проведенное исследование И. Сегги (1983), который изучал зависимость признания вины лицами, обвиняемыми в совершении преступления, от акцента (стандартное британское произношение, широкое австралийское произношение и азиатское произношение) и 3 типов преступления (растрата, причинение ущерба имуществу, насилие в отношении человека). Результаты показали высокую значимость взаимодействия между акцентом признающего и типом преступления [18, с. 198].

Нами подтверждена гипотеза, что в криминалистическом понимании круг лиц, участвующих в реализации заявления о явке с повинной при раскрытии преступлений «по горячим следам», как, впрочем, и сама деятельность (поведение), гораздо шире уголовно-правового или уголовно-процессуального толкования.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Явка с повинной как прием содействия раскрытию преступлений «по горячим следам» представляет собой социально-правовой поступок, включающий эмоциональные переживания и обосновывающий его действия, а также обращение, передачу, отстаивание психологически воспринятой и переработанной добросовестной информации правоприменителям о совершенном им или с его участием преступлении с намерением на деятельное участие и помощь в надлежащем применении норм уголовного права и уголовно-процессуального права, создание и поддержание благоприятных и бесконфликтных следственных ситуаций.

Следует активизировать деятельность, направленную на разработку технических средств детекции лжи и их внедрение в практику раскрытия преступлений «по горячим следам». Достаточно проблемным остается направление

криминалистического обеспечения, связанное с собиранием и исследованием цифровых следов, в том числе касающихся заявлений о явке с повинной.

Эффективность проверки истиной явки с повинной, разоблачения ложной, установления вымышленности зависит от использования тактических комбинаций и операций в процессе раскрытия преступлений. Проведение таких комбинаций (операций) при раскрытии преступлений «по горячим следам» имеет определенные специфические черты, которые следует учитывать при модернизации имеющихся и построении новых частных методик расследования преступлений.

Пристатейный библиографический список

1. Андреев А. С. Проблема соотношения деятельности и поведения в криминалистической науке, направления ее разрешения при формировании концепции познания посткриминальной деятельности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 3 (90). С. 93.
2. Андреев А. С. Тактические операции, направленные на создание позитивной посткриминальной деятельности в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2022. № 1. С. 3.
3. Белкин Р. С. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Изд. 2-е испр. и доп. М., 1973. С. 56.
4. Егерев И.М., Степаненко Д. А. Криминалистическая идентификация по мысленному образу и особенности ее реализации в процессуальной форме: монография. М., 2010. С. 44.
5. Иваньшина А. Э. «Парадокс стимулирования» обвиняемого к признанию своей вины // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 3 (67). С. 283.
6. Карнеева Л. М. К вопросу о подозреваемом в советском уголовном процессе // Советская криминалистика на службе следствия. Сборник статей, вып. 12. М., 1959. С. 3.
7. Карнеева Л. М. Тактические основы организации и производства допроса в стадии расследования. Волгоград, 1976. С. 89
8. Китаев Н. Н., Китаева В.Н. Сновидения убийц как повод для явки с повинной // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: Сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 томах. Том 1. Иркутск, 2017. С. 378.
9. Колмаков В. П. Идентификационные действия следователя. М.: Юрид. лит., 1977. С. 23.
10. Сабитов Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 360.
11. Фойгель Е. И. Исследование этнических характеристик участников уголовного судопроизводства в рамках сложившейся системно-деятельностной парадигмы криминалистического изучения личности: постановка проблемы // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 1. С. 147.
12. Хамизов В. Л. Научное представление о сущности раскрытия преступлений по горячим следам // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 3 (60). С. 256.
13. Kumar V., Pandey Sh. Confessions under the Indian Evidence Act // Zenodo. 2023. Vol. 01. P. 1.
14. Li E., Yuan X., Zhang Y. Introduction // Criminal Case Dispositions through Pleas in Greater China / ed. by E. Li, X. Yuan, Y. Zhang. Singapore: Palgrave Macmillan, 2024. P. 1.
15. Newman B. Plea Bargaining with Wrong Reasons: Coercive Plea-Offers and Responding to the Wrong Kind of Reason // Criminal Law and Philosophy. 2024. Vol. 18. P. 369.
16. Pamfil L. The Admission of Guilt and its Consequences in the Romanian Legislation // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2013. Vol. 92. P. 737.
17. Schulhofer St. J. Plea Bargaining as Disaster // Yale Law Journal. 1992. Vol. 101. P. 1979.
18. Seggie I. Attribution of guilt as a function of ethnic accent and type of crime // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1983. Vol. 4. P. 197.
19. Van As H., Erasmus D. Admission of guilt fines: A legal shortcut or delayed shock? // South African Crime Quarterly. 2020. Vol. 69. P. 45.

БЕЛЯКОВ Алексей Владимирович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, Самарский государственный экономический университет

МУСАЛЕВА Анна Владимировна

кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России

ШИШКИНА Ксения Александровна

студент 5-го курса, Самарский государственный экономический университет

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ ЖИВЫХ ЛИЦ

В статье рассматриваются криминалистические и правовые аспекты предъявления лица для опознания. Внимание уделяется как подготовительному, так и рабочему этапу. В частности, авторы рассматривают рекомендации по выяснению условий восприятия опознаваемого лица и дальнейшем их воспроизводстве. Уделено внимание проблеме описания признаков, по которым будет производиться рассматриваемое следственное действие. Рассматривается тема эмоционального состояния опознающего и его отношение к событию преступления. Затронуты вопросы организации предъявления для опознания. В частности, исследуется проблема приглашения опознающего в помещение, где находится опознаваемый.

Ключевые слова: предъявление для опознания лица, статисты, опознающий, опознаваемый, условия наблюдения.

BELYAKOV Alexey Vladimirovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Combating economic crimes sub-faculty, Samara State University of Economics

MUSALEVA Anna Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor, Head of the SIC-1 Department of the Federal Research Institute of the FPS of Russia

SHISHKINA Kseniya Alexandrovna

student of the 5th course, Samara State University of Economics

PROBLEMS OF ORGANIZING THE PRESENTATION OF LIVING PERSONS FOR IDENTIFICATION

The article discusses the forensic and legal aspects of presenting a person for identification. Attention is paid to both the preparatory and working stages. In particular, the authors consider recommendations for clarifying the conditions of perception of the identified person and their further reproduction. Attention is paid to the problem of describing the features that will be used in the investigative action. The article also discusses the emotional state of the person being identified and their attitude towards the crime. The article also addresses the issues of organizing the presentation for identification. In particular, the problem of inviting the identifier to the room where the identifier is located is being studied.

Keywords: identification of a person, extras, identifier, identified, surveillance conditions.

Существенный объем криминалистически значимых данных субъект расследования получает при изучении идеальных следов преступления. Обстоятельства исследуемого события сохраняются в памяти преступников, потерпевших и свидетелей и их показания активно используются в качестве источника информации. Однако идеальные следы преступлений субъективны, латентны, изменчивы, подвержены намеренному искажению и естественной утрате в результате забывания, поэтому работа с ними может представлять сложность, особенно при производстве такого следственного действия, как предъявление для опознания. Его организация требует принимать в расчет различные закономерности восприятия и памяти, влияющие на процесс мысленной идентификации. Также предъявление для опознания можно назвать сложным в плане производства, поскольку законом запрещается его повторное проведение и следователь должен с первого раза организовать опознание таким образом, чтобы его результат не вызывал ни единого сомнения. В то же время предлагаемые в теории тактические рекомендации по производству предъявления для опознания не единообразны, между ними отмечаются противоречия, поэтому вопросы организации данного следственного действия заслуживают рассмотрения.

Учесть различные психологические факторы при подготовке предъявления для опознания позволяет информация, полученная в ходе предварительного допроса опознающего. Его объяснения касательно обстановки наблюдения, уровня видимости, освещенности и расстояния до обозреваемого

объекта позволяют не только оценить саму возможность отождествления, но и определить условия, подлежащие воссозданию при проведении следственного действия. Узнать лицо может быть намного проще в случае предъявления его при той же интенсивности освещения, с одного и того же угла обзора, в первоначальном положении и в схожей обстановке. Кроме того, воссоздание условий снижает вероятность негативного влияния зрительных искажений на результат процесса опознания. К примеру, субъективная оценка наблюдателем возраста, роста, особенностей фигуры, телосложения в некоторых случаях сильно зависит от одежды, которую носит человек. Так, опознающий на предварительном допросе может сообщить, что видел полного человека, хотя тот на самом деле был худощав, но одет в плотную широкую куртку. Таким образом, предъявление для опознания лица в том виде, в котором оно пребывало изначально, способствует правильной идентификации.

Одновременно важно понимать, по каким признакам будет проводиться отождествление, и заранее узнать у опознающего, что ему может потребоваться в ходе следственного действия, чтобы опознать предъявляемое лицо. Если помимо внешних признаков опознающего интересует также голос предъявляемого, нужно заранее решить, какие фразы он будет произносить. Озвучивания заготовленного текста может оказаться недостаточно, поэтому в том числе определяются вопросы для построения диалога с каждым из предъявляемых лиц. Если опознающему важно увидеть походку, требуется подобрать просторное место, подходящее для произ-

водства следственного действия. В свою очередь, восприятие статических признаков на первый взгляд ничего кроме воссоздания отдельных элементов обстановки не требует, однако ситуация осложняется при проведении опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего. В комнате, оборудованной зеркалом Гезелла, опознающий уже не может достаточно близко рассмотреть предъявляемых ему лиц, увидеть мелкие, но существенные с идентификационной точки зрения приметы. В каждом таком случае следователь должен предусмотреть доступное решение. Например, когда требуется близко увидеть руки опознаваемого и статистов, обеспечить их демонстрацию через ширму.

Не менее важным фактором для опознания является эмоциональное состояние опознающего, а также его отношение к обстоятельствам уголовного дела. Как отмечают В. В. Семенов и Л. Н. Иванов, в определенных ситуациях опознающие открыто не желают признавать, что опознали кого-то из представленных лиц. На такое поведение может натолкнуть чувство страха перед опознаваемым или, напротив, жалость по отношению к нему, материальная заинтересованность при подкупе свидетеля и т. д. Авторы считают, что в подобных обстоятельствах преступник может использовать отрицательный результат опознания, настаивая на своей непричастности [1]. Поэтому перед проведением следственного действия не будет лишним дополнительно проинструктировать опознающего и убедиться в его позиции по делу. При этом важно учитывать возможность развития и обратной ситуации, при которой опознающий намеренно дает ложные показания, обвиняя законопослушное лицо в совершении преступления. Так, по приговору № 1-491/2018 Первомайского районного суда г. Ижевска подсудимая была признана виновной в совершении заведомо ложного доноса. При допросе она описывала приметы мнимых нападавших, участвовала в составлении композиционного портрета, привлекалась к опознанию¹.

Чтобы доказательство, получаемое в ходе предъявления для опознания, считалось неоспоримым, необходимо также исключить гипотетическую возможность информирования опознающего о том, кто из предъявляемых лиц является опознаваемым. После того, как тот займет свое место среди статистов, следователь должен пригласить опознающего с учетом вышеуказанного требования. В. В. Помазанов, С. И. Грицаев и С. Г. Степаненко полагают, что ни следователь, ни какое-либо другое лицо по поручению следователя не могут покидать помещения, чтобы самостоятельно привести опознающего. В данном случае лицо, покинувшее кабинет, имеет возможность подсказать опознающему местонахождение подозреваемого, что ставит под сомнение дальнейший результат следственного действия. Вызов опознающего, по мнению авторов, должен осуществляться посредством телефонного звонка [2].

Вместе с тем при описании порядка проведения предъявления для опознания по голосу и речи, когда опознающий находится в соседней комнате и не видит предъявляемых для опознания лиц, авторы допускают свободное перемещение следователя между комнатами. Стоит отметить, что наблюдения понятых недостаточно для предотвращения подсказки со стороны следователя, поскольку тот может передать информацию опознающему скрыто, с помощью условного знака, обговоренного заранее. В. Л. Григорович считает, что следователю стоит находиться в одной комнате с опознаваемым, в дверном проеме смежных комнат [3]. Хотя так следователь будет находиться под наблюдением понятых и стороны защиты, такой вариант тоже не исключает возможность скрытой подсказки. Представляется, что при проведении опознания по голосу и речи в двух смежных комнатах следственное действие могут вести двое следователей. Один из них может

проводить опознание при демонстрации голоса и речи опознаваемого и статистов, а другой зайдет в комнату к опознающему уже после, не зная порядка выступлений предъявляемых лиц, и зафиксирует результат опознания.

Другой важный организационный вопрос предъявления для опознания связан с подбором статистов. В соответствии с ч. 4 ст. 193 УПК РФ лица, предъявляемые вместе с опознаваемым, должны быть по возможности внешне сходными с ним. Других требований к статистам закон не предписывает, хотя многие криминалистические рекомендации сводятся к тому, что статистами не могут быть участники уголовного судопроизводства и их родственники, а также лица, знакомые с опознающим, или ранее наблюдаемые им [4]. При этом на практике встречаются случаи, когда необходимо предъявить для опознания близнецов, с целью выяснить, кто из них имеет отношение к преступлению. Учитывая, что закон того не запрещает, можно предъявить для опознания близнецов, один из которых будет опознаваемым, а другой статистом. Однако в подобной ситуации существует вероятность, что оба предъявляемых лиц имеют отношение к обстоятельствам преступления, в то время как предусмотренная законом процедура опознания ориентирована на проверку только одного конкретного лица. Кроме того, становится бессмысленным участие второго статиста, не имеющего такой же степени схожести с опознаваемым. Представляется, что общий порядок предъявления для опознания здесь неприменим. Для предъявления для опознания близнецов стоит предусмотреть в законе отдельную процедуру, нацеленную на проверку причастности к преступлению каждого предъявляемого и не предполагающую участия статистов. Выводы о достоверности результата такого опознания будут строиться в основном на том, насколько признаки опознаваемого совпадают с теми, о которых заявлял опознающий на предварительном допросе.

Таким образом, отдельные вопросы организации предъявления для опознания разрешаются благодаря правильно избранной тактике производства следственного действия, учета всех его психологических аспектов. С другой стороны, на практике также все еще обнаруживаются проблемы, нуждающиеся в урегулировании и на законодательном уровне.

Пристатейный библиографический список

1. Семенов В. В., Иванов Л. Н. Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа в уголовном судопроизводстве. Учеб. Пособие. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2008. – С. 147.
2. Помазанов В. В., Грицаев С. И., Степанко С. Г. Организационно-тактические особенности предъявления для опознания // Полицейская и следственная деятельность. – 2021. – № 2. – С. 40-52.
3. Григорович В. Л. Некоторые особенности предъявления для опознания по особенностям голоса и речи при расследовании разбоев // Современные проблемы и перспективы развития досудебного производства по материалам и уголовным делам: материалы Межд. науч.-практ. конф. (Минск, 29 мая 2015 г.) / учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь»; редкол.: И.Г. Мухин (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Академия МВД, 2015. – С. 43-46.
4. Чабукиани О. А. Обеспечение прав личности при предъявлении для опознания // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2009. – № 3. – С. 72-78.

¹ Приговор Первомайского районного суда г. Ижевска № 1-491/2018 от 14 ноября 2018 г. по делу № 1-491/2018 // Судебные и нормативные акты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/KQ8LjHmbi9ou/> (дата обращения: 17.03.2026).

ВЛЕЗЬКО Дмитрий Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Юридический факультет, Кубанский государственный аграрный университет, г. Краснодар

МОЛЧАНОВ Тимур Денисович

студент 2-го курса магистратуры, Юридический факультет, Кубанского государственного аграрного университета, г. Краснодар, независимый исследователь

ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТАКТИКИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Статья посвящена проблемам криминалистической тактики в условиях активного внедрения информационных и цифровых средств в уголовное судопроизводство. Рассматривается влияние цифровизации на формы и методы осуществления следственных действий, выявляются риски размывания процессуальных границ и подмены тактико-криминалистического содержания технологическими конструкциями. Анализируются доктринальные подходы к понятию криминалистической технологии, её взаимодействие с тактикой следственного действия и влияние на поисково-познавательную деятельность следователя. Обосновывается необходимость нормативного закрепления принципа приоритета процессуальной формы и тактического содержания следственного действия над используемыми технологическими средствами.

Ключевые слова: криминалистическая тактика, криминалистическая технология, следственные действия, цифровизация уголовного судопроизводства.

VLEZKO Dmitry Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Forensic science sub-faculty, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University, Krasnodar

MOLCHANOV Timur Denisovich

student of the 2nd course of master's degree programs, Faculty of Law, Kuban State Agrarian University, Krasnodar, independent researcher

PROBLEMS OF CRIMINALISTIC TACTICS IN THE CONTEXT OF INFORMATION TECHNOLOGY DEVELOPMENT

The article is devoted to the problems of criminalistic tactics in the context of the active introduction of information and digital tools in criminal proceedings. The impact of digitalization on the forms and methods of investigative actions is considered, the risks of blurring procedural boundaries and replacing tactical and criminalistic content with technological structures are identified. The article analyzes doctrinal approaches to the concept of forensic technology, its interaction with investigative tactics and its impact on the investigator's search and cognitive activity. The necessity of normative consolidation of the principle of priority of the procedural form and the tactical content of the investigative action over the technological means used is substantiated.

Keywords: criminalistic tactics, criminalistic technology, investigative actions, digitalization of criminal proceedings.

Актуальность исследования определяется цифровизацией уголовного судопроизводства и активным внедрением информационных технологий в расследование преступлений, что привело к широкому использованию категории «криминалистическая технология». Отсутствие единообразного понимания её соотношения с криминалистической тактикой и методами расследования порождает теоретические противоречия и практические риски, включая размывание процессуальных границ следственных действий.

Согласно данным МВД России, в 2024 году преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий составили около 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений, что на 13,1 % больше, чем в 2023 году, при росте числа тяжких и особо тяжких преступлений на 7,8 %. По предварительным итогам 2025 года наблюдается снижение таких преступлений на 11,8 %, а тяжких и особо тяжких — на 4,6 %, что может свидетельствовать о результативности мер по противодействию цифровой преступности [1].

Объект исследования - общественные отношения и познавательная деятельность в процессе следственных действий. Предмет - криминалистическая тактика и технология, их соотношение и влияние на производство следственных действий в условиях цифровизации. Цель статьи - выявление

различий и взаимосвязи между тактикой и технологией, а также определение допустимых пределов применения технологий в следственной деятельности.

Методологическая основа исследования включает диалектический метод, системно-структурный и функциональный подходы, а также формально-юридический, сравнительно-правовой, логико-теоретический методы и анализ доктринальных источников.

Научная новизна заключается в обосновании того, что криминалистические технологии не являются самостоятельной альтернативой тактике, а реализуются через тактический приём. В работе выявлены риски подмены тактико-криминалистического воздействия технологическими средствами и негативные последствия некритичного внедрения цифровых технологий.

В современной криминалистике наблюдается тенденция переосмысления ключевых положений следственных действий через призму технологии, обусловленная цифровой трансформацией и расширением применения технических и информационных средств в уголовно-процессуальной деятельности.

Исторически сложившаяся и неоднократно подчеркивавшаяся в научной литературе тесная взаимосвязь уголовного процесса и криминалистики проявляется особенно

наглядно в периоды обновления законодательства или появления новых доктринальных подходов. Любые значимые изменения такого рода, будучи осмыслены в теоретическом плане, неизбежно ставят перед криминалистикой вопрос о целесообразности корректировки отдельных ее положений, различающихся как по уровню абстракции, так и по методологической значимости. В этом контексте особого внимания заслуживает криминалистическая тактика - традиционный раздел криминалистики, который в последние годы все чаще рассматривается сквозь призму технологического подхода.

Представляется, что попытка определить соотношение понятий «криминалистическая тактика» и «криминалистическая технология» требует выработки взвешенной научной позиции, формируемой на основе ответов на ряд принципиальных вопросов. В частности, возникает необходимость осмыслить причины, по которым в научный оборот наряду с тактикой вводится самостоятельная категория технологии, а также выявить различия между ними как между особыми системами знаний и практических рекомендаций. Не менее значимым является и вопрос о том, не приводит ли использование термина «технология производства следственного действия» к смещению акцентов с деятельности следователя на работу специалиста, который, несмотря на высокий уровень профессиональной компетентности, по своему процессуальному статусу остается вспомогательным субъектом.

Дополнительного анализа требует и проблема оценки влияния криминалистических информационных технологий на тактический потенциал следователя. Очевидно, что внедрение цифровых решений не всегда автоматически ведет к расширению возможностей тактического воздействия и в ряде случаев может, напротив, создавать новые ограничения, обусловленные как процессуальными рамками, так и техническими особенностями используемых средств. В этой связи закономерно встает вопрос о характере воздействия информационных технологий на уголовно-процессуальную деятельность в целом, учитывая ее неразрывную связь с тактико-криминалистическими рекомендациями.

Особого внимания заслуживает и сфера, в которой допустимо говорить одновременно и о тактике, и о технологии производства следственных действий. Здесь важно установить, не приводит ли чрезмерное увлечение технологической терминологией к неоправданному упрощению содержания тактико-криминалистического воздействия, а также к размыванию границ между тактическими и технологическими приемами. В противном случае существует риск необоснованного расширения круга действий, именуемых тактическими приемами, что способно негативно сказаться на теоретической целостности соответствующего раздела криминалистики.

Следует подчеркнуть, что обозначенные вопросы не претендуют на исчерпывающий характер и не предполагают их обязательного разрешения в рамках одного исследования. Напротив, их формулирование задает общее направление анализа проблемы соотношения тактического и технологического начал в поисково-познавательной деятельности следователя, которое может быть развито, уточнено и дополнено в последующих научных работах. Каждый из указанных аспектов, по сути, образует самостоятельную тему, открывающую широкие перспективы для дальнейших исследований.

Вместе с тем авторы настоящего подхода последовательно придерживаются принципиальной позиции, сформулированной в криминалистической науке более четырех десятилетий назад, согласно которой следственная тактика

представляет собой самостоятельный и методологически значимый раздел криминалистики. Именно она во многом определяет направления ее развития, а центральным элементом данного раздела по-прежнему остается тактический прием, выступающий ядром тактико-криминалистического воздействия и сохраняющий свое фундаментальное значение даже в условиях активного внедрения современных технологий [2].

На начальном этапе доктринального осмысления роли технологий в отечественной криминалистике соответствующая проблематика в значительной степени сводилась к обоснованию самой необходимости их выделения в качестве самостоятельной категории, сосуществующей наряду с тактикой следственного действия. Иначе говоря, речь шла не столько о детальном разграничении указанных понятий, сколько о признании того факта, что в практике расследования объективно сформировалась потребность различать, помимо тактических аспектов, еще и технологический порядок осуществления следственных действий. В этом смысле существенное значение имели идеи В. А. Образцова, наставившего на «укоренении» термина «технология» в криминалистической науке. Развивая данную инициативу, Р. С. Белкин обращал внимание на то, что о тактике в строгом, «полном» смысле целесообразно говорить, прежде всего, в тех случаях, когда она выступает средством преодоления противодействия расследованию, оказываемого следователем. С этих позиций, по его мнению, обоснованным является употребление категории тактики применительно к допросу или обыску, тогда как использование выражений вроде «тактика осмотра» либо «тактика получения образцов для сравнительного исследования» представляется сомнительным. При этом ученый подчеркивал, что ключевым признаком тактики выступает наличие альтернативных вариантов действий, однако тем же свойством, по существу, обладает и технология [3, с. 85].

Приведенные рассуждения наглядно демонстрируют методологическую сложность поставленной проблемы, поскольку тактика и технология действительно сходятся по такому важному параметру, как вариативность поведения следователя. Не случайно в аргументации Р. С. Белкина присутствуют оговорки, указывающие на неполную определенность границ между рассматриваемыми понятиями. Практика предварительного расследования дополнительно усложняет данную картину. Так, в ряде случаев обвиняемый занимает позицию сотрудничества со следствием, что приводит к бесконфликтному характеру допроса и, на первый взгляд, исключает необходимость тактического преодоления противодействия. В то же время при производстве осмотра места происшествия следователь может столкнуться с умышленным искажением обстановки, осуществленным лицом, совершившим преступление, что, напротив, свидетельствует о наличии активного противодействия расследованию. Аналогичные ситуации возможны и при отображении образцов для сравнительного исследования, когда сопротивление со стороны обвиняемого может принимать форму отказа от их предоставления; при этом в отдельных случаях подобное противодействие не поддается преодолению в принципе, что еще раз ставит под сомнение жесткое противопоставление тактики и иных форм организации следственной деятельности.

Обращение к классическим источникам криминалистической мысли позволяет проследить истоки технологического подхода ещё до его современного оформления. В трудах

Ганса Гросса понятие «техника» отражало зачатки технологии следственного действия, описывая порядок и способы деятельности следователя, приобретаемые через опыт и подготовку [4, с. 153]. При этом «техника» носила общий характер и не тождественна современным техническим средствам; речь шла скорее о действиях, впоследствии концептуализированных как тактические приёмы.

В советский период предпринимались попытки анализа тактики и техники, например, исследование Е. М. Лифшица о тактике и технике обыска [5], однако доктринального соотношения этих категорий не ставилось, что связано с более поздним исследованием А. Н. Васильева, где следственная тактика выделена как самостоятельный раздел [6].

Использование технико-криминалистических и технологических средств в следственном действии представляет собой реализацию тактического приёма как познавательного инструмента более высокого уровня, включающего конкретные технические действия [7, с. 22]. В. А. Образцов отмечал, что технический приём обеспечивает целостность тактического [8, с. 346-347].

В экспертной деятельности технический приём является элементом методики, но не тактическим приёмом. Тактический приём – это «мысленное начало», определяющее целесообразность использования средств, которые актуализируются только в конкретной следственной ситуации. Философская методология подтверждает, что значимость технических элементов проявляется лишь в рамках более сложных тактико-познавательных структур [9, с. 33].

Возникновение в научном обороте нового понятия неизбежно предполагает его четкое и аргументированное разграничение с уже устоявшимися, смежными категориями. В применении к технологическому подходу в криминалистике такими сопоставляемыми понятиями, прежде всего, выступают метод и средство. Между тем в ряде работ, посвящённых, например, развитию концепции криминалистического распознавания, внимание акцентируется на необходимости учета при его осуществлении методов, средств, технологий и процессуальных действий, однако при этом, к сожалению, не проводится их системное разграничение, не выявляются различия в их поисково-познавательной природе и функциональном назначении в рамках отдельных разделов криминалистики [10, с. 186]. Подобная неопределенность терминологического аппарата объективно затрудняет как теоретический анализ, так и практическое применение соответствующих рекомендаций.

В дальнейшем одним из авторов была предложена развернутая дефиниция криминалистической технологии, трактуемой как типовая информационная модель, отражающая структуру и содержание задачи либо совокупности задач, процесса (процедуры) и средств их решения, реализуемых в целях уголовно-процессуального выявления и раскрытия преступлений, а также осуществления уголовного преследования подозреваемых и обвиняемых от имени государства [11, с. 73]. При всей теоретической насыщенности данного определения нельзя не отметить, что оно в наибольшей степени ориентировано именно на уголовно-процессуальную деятельность. В результате подобная интерпретация не позволяет в полной мере проследить проявления технологического подхода в иных структурных элементах криминалистики – в частности, в криминалистической тактике, технике и методике, что существенно ограничивает эвристический потенциал самого понятия технологии.

В отдельных публикациях соотношение криминалистической тактики и криминалистических технологий предлагается раскрывать через категорию оптимизации следственных действий, достигаемой за счет применения цифровых инструментов, таких как беспилотные летательные аппараты или системы прокторинга [12, с. 86]. Несмотря на очевидную актуальность подобных подходов, они оставляют без ответа принципиальный вопрос: корректно ли в подобных случаях одновременно говорить о тактических и технологических приемах производства следственного действия, либо правильнее рассматривать технологии как элемент, наполняющий тактический прием конкретным содержанием. Игнорирование данного различия, по сути, приводит к подмене анализа сущности тактики описанием технических возможностей ее реализации.

Стремительное расширение функционала современных информационно-коммуникационных технологий закономерно вызвало новую волну дискуссий о месте и роли технологий в расследовании преступлений. Будучи заимствованными криминалистикой из иных сфер знания, они получили наименование криминалистических технологий. Однако рассматривать их в отрыве от внутренней структуры криминалистики представляется методологически непродуктивным. Напротив, такие технологии должны анализироваться с точки зрения их применимости в тактике производства следственных действий и в методике расследования преступлений, не подменяя и не «переопределяя» данные разделы произвольно. На необходимость подобного подхода обращалось внимание еще в начале 1990-х годов, когда в числе перспектив развития криминалистической тактики указывалась ее компьютеризация [13]. Преимущества информационных технологий в следственной деятельности обычно сводятся к ускорению расследования и расширению возможностей фиксации доказательств. Реже анализируются ограничения, накладываемые цифровизацией на применение тактических приёмов. Привлечение к проведению следственного действия без личного присутствия следователя ограничивает возможности невербального воздействия и установления психологического контакта, что снижает эффективность тактических приёмов. Так, при виртуальном осмотре места происшествия отсутствует возможность динамического изучения участков и выявления причинно-следственных связей, которые доступны при непосредственном присутствии следователя. Абсолютизация технологий может размывать процессуальные границы следственных действий [14, с. 140]. А. М. Моисеев и С. В. Кондратюк выделяют юридический, информационный, структурный признаки и признак учета противодействия расследованию [15, с. 64], однако фактически их конструкция соответствует частной криминалистической методике. Этапная структура «следственной технологии» содержит методику расследования как элемент [15, с. 66], что ставит под сомнение методологическую корректность её самостоятельности. Концепция «универсального следственного действия – получения цифровой информации машинным способом» А. С. Александрова фактически заменяет предусмотренные УПК РФ следственные действия «универсумом», ставя под сомнение систему уголовно-процессуальных гарантий [17, с. 32].

Таким образом, исследование показало, что внедрение информационных и цифровых технологий в уголовное судопроизводство трансформирует формы и методы следственных действий, но не заменяет их тактико-криминалистическое содержание. Криминалистические технологии

выполняют вспомогательную функцию, актуализируясь через тактический приём и подчиняясь логике поисково-познавательной деятельности следователя. Анализ доктринальных подходов и практики выявил нормативный пробел: действующее уголовно-процессуальное законодательство не устанавливает чётких пределов использования технологий при следственных действиях. Это создаёт риски размывания процессуальных границ, подмены законной формы действия технологическими средствами и ослабления роли следователя как субъекта доказывания. Особую опасность представляет концепция «универсальных» способов получения цифровой информации, которая ставит под сомнение систему следственных действий и процессуальные гарантии. Предлагается внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ, закрепив принцип приоритета процессуальной формы и тактического содержания следственного действия над технологическими средствами. Необходима норма, устанавливающая допустимые условия использования технологий, фиксацию их применения в протоколе и недопустимость подмены одного следственного действия другим. Реализация предложенных изменений позволит сохранить ключевую роль следователя, закрепить подчинённый характер технологий по отношению к тактике и обеспечить баланс между развитием расследования и соблюдением уголовно-процессуальных гарантий.

Пристатейный библиографический список

1. Министерство внутренних дел РФ. Преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в 2024 г.: 40 % от общего числа преступлений // ТАСС [Электронный ресурс]: <https://tass.ru/proisshestiya/22925941> (дата обращения: 02.03.2026).
2. Ведерников Н. Т. Следственная тактика и пути ее развития // Актуальные вопросы борьбы с преступностью: сборник научных трудов. - Томск, 1984. - С. 194-200.
3. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. - М.: НОРМА-ИНФРАМ, 2001. - 240 с.
4. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. Новое изд., перепеч. с изд. 1908. - М.: ЛексЭст, 2002. - 1088 с.
5. Лифшиц Е. М. Тактика и техника производства обыска на предварительном следствии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 1954. - 18 с.
6. Васильев А. Н. Основы следственной тактики: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 1960. - 31 с.
7. Князьков А. С. Концептуальные положения тактического приема. - Томск: Изд-во Том. ун-та, 2012. - 190 с.
8. Образцов В. А. Тактический прием как средство познания // Криминалистика: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. В. А. Образцова. - М.: Юрист, 2002. - С. 345-354.
9. Анисин А. Л. Иерархическая структура бытия и проблемы единства сущего // Вестник Томского государственного университета. - 2010. - № 331. - С. 31-34.
10. Корма В. Д., Миронова Е. А., Образцов В. А. Теоретические и прикладные аспекты криминалистического учения о следственном распознавании // Актуальные проблемы российского права. - 2017. - № 9 (82). - С. 186-202.
11. Корма В. Д. Некоторые проблемы методики расследования преступлений // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). - 2019. - № 3 (55). - С. 71-81.
12. Бахтеев Д. В. Об основных направлениях междисциплинарного развития криминалистики // Российское право: образование, практика, наука. - 2022. - № 3. - С. 86-92.
13. Ведерников Н. Т., Путовкин К. А. Научные основы криминалистической тактики и пути ее развития // Проблемы правоведения в современный период: сборник научных трудов. - Томск, 1990. - С. 45-47.
14. Исаенко В. Н., Ищенко П. П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Пробелы в российском законодательстве. - 2021. - Т. 14. № 1. - С. 136-143.
15. Моисеев А. М., Кондратюк С. В. Расследование занятия высшего положения в преступной иерархии // Всероссийский криминологический журнал. - 2023. - Т. 17. № 1. - С. 64-72.
16. Тишутина И. В. Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности (организационные, правовые и тактические основы): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. - М., 2013. - 46 с.
17. Ищенко П. П. Следственные действия в условиях цифровизации уголовного судопроизводства // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. - 2022. - № 1. - С. 30-42.

ГАРБУЗ Григорий Сергеевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, Сибирский юридический институт МВД России; судья Кежемского районного суда Красноярского края в отставке

СИЛЬНЫЙ ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В СТРАТЕГИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

Статья включает в себя описание передовых, высокотехнологичных технических разработок, активно применяемых российскими правоохранителями в практике борьбы с преступностью, основанных на ресурсе искусственного интеллекта. Приводятся примеры использования такого направления сильного искусственного интеллекта, как компьютерное зрение, которое позволяет анализировать видеоряд и выявлять нетипичное поведение человека. Автором делается акцент на бинарных компетенциях, все более необходимых для результативной работы субъекта поисково-познавательной деятельности в условиях современного состояния научно-технического прогресса и вызовов, которые бросает высокотехнологичная преступность. Основываясь на анализе возможностей сильного искусственного интеллекта по выявлению нетипичного поведения делинквента, выдвигается гипотеза о необходимости задействовать такие возможности в выявлении, раскрытии и расследовании преступлений, которые совершаются в сфере экологии. Одновременно с этим высказывается суждение о фиксации внимания на таком применимом для криминалистики научном феномене как линия приложения преступных усилий, тесно граничащим с избирательностью преступного поведения, которое особенно характерно и для преступлений, совершаемых в экологической сфере. Дается посыл о важности продолжения научных разработок в направлении криминалистического прогнозирования, столь необходимого для стратегии расследования преступлений, осуществляемых в названной сфере.

Ключевые слова: криминалистика, методика расследования преступлений, преступления, совершаемые в сфере экологии, высокие технологии, линия приложения преступных усилий, сильный искусственный интеллект, криминалистическое прогнозирование.

GARBUS Grigory Sergeevich

Ph.D. in Law, associate professor of Criminalistics sub-faculty, Siberian Law Institute of the MIA of Russia; retired judge of the Kezhemsky District Court of the Krasnoyarsk Territory

ARTIFICIAL GENERAL INTELLIGENCE AND THE FORECASTING ASPECT IN THE STRATEGY OF ENVIRONMENTAL CRIMES INVESTIGATION

The article is focused on the description of advanced high-tech developments actively used in crime-fighting police practice which are based on Artificial Intelligence. The examples of using such direction of artificial general intelligence as computer vision which helps to analyze a video stream and isolate atypical human behavior are shown. The author focuses on binary competencies which are increasingly necessary in service activity of police and investigators in the context of modern high-tech crime challenges. Based on analysis of artificial general intelligence' capabilities to identify an atypical human behavior of a delinquent, a scientific hypothesis about the need to use such capabilities in detection, solving and investigating environmental crimes is put forward. Simultaneously the judgment of attention fixation upon such a scientific phenomena acceptable to forensics as line of criminal efforts' application is expressed. Obviously that line of criminal efforts' application is closely related to selectivity of criminal behavior in ecological sphere. The message about vital importance of further scientific developments in forensic forecasting in the strategy of investigation of crimes that are being committed in ecological sphere is given.

Keywords: forensic science, methods of crime investigation, environmental crimes, high technologies, line of criminal efforts' application, artificial general intelligence, forensic forecasting.

Пролетевшая первая четверть XXI века высоких технологий была наполнена разнообразными для человечества событиями – как полезными и значимыми, так и печальными и негативными. Темп жизни и стремительность происходящих событий настолько интенсивны, а переход ко второй четверти текущего века получился таким размытым, что все мы оказались практически лишенными времени для анализа и подведения итогов.

Высокие технологии теперь встречаются повсеместно, как в промышленности, так и в быту, в науке, а также в сфере услуг. А. Ю. Головин, описывая внедрение технологий сильного искусственного интеллекта во все больший круг отраслей человеческой активности, оценил эту данность с позиции возникновения новых задач, возникающих для криминалистической отрасли научного знания и других наук [5, с. 37].

Действительно, научное сообщество в полной мере ощутило на себе повсеместное влияние Эры четвертой промышленной революции, заставляющей более интенсивно искать качественно новые и порой нестандартные подходы для преодоления вызовов, которые бросает современная реальность. Высокотехнологичная преступность – один из таких

вызовов, на 100 % совладать с которым правоохранители, к сожалению, пока не в силах. Именно поэтому консолидация усилий ученых блока уголовно-правовых наук с опытными правоприменителями видится ключевой задачей в стратегии разработки действенных мер по борьбе с преступными посягательствами, совершаемыми новыми дистанционными и технологичными способами.

Как следует из официальных статистических данных МВД России, по состоянию на 31 января 2026 года на 25,7 % сократилось число зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (ИТТ) и в сфере компьютерной информации, на 26,7 % уменьшилось количество дистанционных краж, а преступлений в сфере компьютерной информации – на 45,8 %; вместе с тем, по итогам января 2026 года количество зафиксированных разных видов мошенничеств (ст.ст. 159-159.6 УК РФ) составляет 22 % в общей структуре преступности [8], и это, с нашей точки зрения, создает весьма серьезную угрозу для общества.

Более глубокое погружение в вопросы структуры преступности позволяет заключить, что увеличение составов общественно опасных деяний, где стали применяться уль-

трасовременные компьютерные и дистанционные способы их осуществления, требует и новых, междисциплинарных компетенций от субъектов поисково-познавательной деятельности, осуществляющих раскрытие и расследование преступлений, а также в целом от правоприменителей, задействованных в сфере уголовного судопроизводства. Обозначаемые нами аспекты имеют прямое отношение и к борьбе с криминальными деяниями в сфере экологии, а также к стратегии расследования этой категории преступлений. Не вдаваясь в настоящей статье в расшифровку дефиниции «борьба с криминальными деяниями», заметим, что для целей нашей статьи мы вкладываем в это понятие выявление, раскрытие и профилактику преступных посягательств, осуществляемых в экологической сфере, дабы разграничить его с непосредственным расследованием преступлений этого блока.

Каково же значение высоких технологий для разработки современной стратегии расследования преступлений, совершаемых в экологической сфере? Имеются ли в самой их сути и прикладном характере таких разработок подлежащие научному анализу аспекты криминалистического прогнозирования? Постараемся в этом разобраться более основательно.

Не секрет, что искусственный интеллект (далее – ИИ) как программа или алгоритм пришел к нам из точных наук. Различными алгоритмами, которые могут использоваться в программировании, ученые-математики занимались еще в середине 50-х годов прошлого века. С тех пор математические законы, положенные в основу работы таких алгоритмов, остались все теми же, тогда как процесс совершенствования функционирования таких программ и доведение работы вычислительных мощностей до аналогов человеческого восприятия и мышления, а также имитации мышления значительно усложнился.

Не стремясь в настоящий момент прибегнуть к компаративизму и не вдаваясь в сравнительный анализ возможностей искусственного интеллекта и человеческого мышления, исключительно обладающего такими свойствами как ситуативная нервная адаптация и невычислимость сознания, сделаем выбор в пользу того, чтобы избежать затяжной полемики и излишних дискуссий, и перейдем к главному. Акцентируемся лишь на том, что дальнейшая эволюция уголовно-правовых наук требует от ученых все большего обладания бинарными компетенциями; в равной степени это относится в наши дни и к правоприменителям, задействованным в уголовном судопроизводстве.

Многие практические сотрудники правоохранительных органов по достоинству оценили пользу внедряемых высокотехнологичных разработок и искусственного интеллекта как облегчающего их деятельность ресурса. Частным аспектам применения высокотехнологичного технико-криминалистического обеспечения в фазе изучения следовой картины и фиксации следов как преступных последствий, а искусственного интеллекта в процесс выдвижения криминалистических версий, планирования расследования, а также его (ИИ) практическая апробация с позиции использования специальных знаний, более того, профилактической роли – посвящены многочисленные научные статьи, учебные пособия, монографии, диссертационные исследования, а также круглые столы, научные конгрессы и конференции. При этом для практических работников, с нашей позиции, важно понимать принципы функционирования этого помощника, осознавать хотя бы на уровне опытного пользователя его технические возможности. На это указывал в своем научном докладе профессор Л. В. Бертовский [1].

Отметим, что преступная деятельность является предметом изучения разных отраслей науки из блока уголовно-правовых. И уголовное право, и уголовный процесс, и криминалистика, и криминология, а также судебная экспертиология, теория оперативно-розыскной деятельности и другие, каждая под своим углом, изучают это негативное социальное явление.

Для криминалистики же важны отдельные аспекты выявления, фиксации и анализа преступного поведения, что имеет значение как для доказывания способа осуществления преступления, мотивов совершения общественно опасного деяния (ст. 73 УПК РФ), так и для профилактики криминальных деяний. Таким аспектом видится изучение и исследование нетипичного преступного поведения, которое как познаваемый феномен характерно для разного вида составов преступлений, и содействует в этом искусственных интеллектуальных систем поистине неопределимо.

Надо сказать, что еще в 2001 году проходившие по программе обмена обучение в полицейском учебном центре г. Лондона (Pill Centre) курсанты Сибирского юридического института МВД России (г. Красноярск) делились опытом охраны общественного порядка констеблями столичной полиции Англии (Metropolitan Police), которые активно применяли видеонаблюдение и внезапно появлялись в том месте, где только что было совершено какое-либо правонарушение или преступление. С тех пор научно-технический прогресс существенно шагнул вперед. В настоящее время научному сообществу известны такие высокотехнологичные разработки в области искусственного интеллекта, способные помочь раскрытию и расследованию преступлений, как цифровое (компьютерное) зрение [10], [9]. Широко используются установленные в крупных городах нашей страны камеры слежения и внедренная программа «Безопасный город». Мы солидарны с мнением А. Н. Вяткина, который склонен считать, что оснащенные искусственным интеллектом технические комплексы повышают общий уровень общественной безопасности [3, с. 62].

Ученые из Татарстана продвинулись дальше в этом направлении и апробировали разработанную ими программу, позволяющую обучить сильный искусственный интеллект анализировать видеоряд с нетипичным поведением и подавать соответствующий тревожный сигнал о лицах, оставляющих «закладку» с наркотическим средством [11], [2]. Такие же высокотехнологичные манипуляции с применением компьютерного зрения, возможно, осуществлять в отношении, например, хулиганских действий, повреждения имущества, управления транспортным средством в состоянии опьянения.

Полагаем, что если сильный искусственный интеллект обучен проанализировать видеоряд, где зафиксировано, как гражданин подходит к забору детского сада, наклоняется, бросает какой-то предмет, затем отходит и фотографирует определенное место, либо берет в руки какой-либо предмет, подходит к транспортному средству и наносит по нему удары или выливает жидкость и поджигает, а затем выдать это в виде анализа ситуации о совершаемом преступлении, то такие возможности при некоторой доработке можно использовать и для выявления, а также раскрытия и расследования более широкого перечня преступных посягательств. Как видится, не являются исключением и преступления, совершаемые в экологической сфере.

Преступные посягательства, относимые нами к сфере экологии, а это, исходя из нашего авторского видения, и непосредственно экологические преступления (глава 26 УК РФ), и альтернативно-экологические, которые систематизировал профессор Э. Н. Жевлаков [7], и некоторые должностные, совершаемые в сфере экологии [4], обладают своей спецификой в плане особой следовой картины, общности тактических задач, которые строят перед субъектом поисково-познавательной деятельности, и других закономерностей деятельности по раскрытию и расследованию этих общественно-опасных деяний, которые подлежат консолидированному изучению.

Применение сильного искусственного интеллекта, который можно задействовать в процессе раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в сфере экологии, находим возможным, соотнести с таким изучаемым разными отраслями научного знания феноменом, как линия приложения преступных усилий. Последний заключается в следующем.

Любое преступное деяние осуществляется конкретным способом, воплощается в виде определенной объективной стороны как элемента состава преступления и отображается в окружающей обстановке через совокупность следов, формирующих преступные последствия. Это касается и преступлений, выполненных с умыслом, и общественно опасных деяний, совершенных по неосторожности. Не раскрывая детально в настоящей статье понятие «механизм преступления», а, также, не разграничивая такие дефиниции, как «преступные последствия» и «преступный результат», отметим, что субъект преступной деятельности, совершая то или иное преступление, действует осознанно (иначе утрачивается субъективная сторона состава преступления, деяние перестает быть виновно совершенным, и уголовное дело поступает в суд не с обвинительным заключением или обвинительным актом/постановлением, а с постановлением о применении принудительных мер медицинского характера), а в некоторых случаях избирательно, выполняя определенные действия по подготовке, непосредственному совер-

шению, и иногда также по сокрытию своих криминальных действий.

Избирательность действий субъекта преступления как результат осознанного планирования или эмоционального побуждения, обусловленного удовлетворением конкретного преступного интереса, определяется разными факторами: объектом и предметом преступного посягательства, обстановкой совершения преступления, сезоном года, временем суток и др.; сюда же входят психологические и ситуативные факторы. Применительно к преступлениям, которые совершаются в сфере экологии, необходимо заметить, что избирательность в механизме общественно опасного деяния формирует выбор делинквентом конкретной линии приложения преступных усилий. Последняя определяет образ действия, поскольку обусловлена наиболее рациональными, менее трудо- и энергозатратными действиями, которые направлены на достижение преступного результата.

Очевидно, что добычу водных биоресурсов необходимо вести в определенных местах, где преступный «успех» для нарушителя очевиден; незаконную охоту и незаконную рубку леса, а также добычу особо ценных пород растений необходимо осуществлять на конкретных участках местности; добычу нефрита криминальные элементы будут производить на его месторождениях, с учетом доступности местности для разработки этого полудрагоценного камня. Это же касается и загрязнения атмосферы, водной и морской среды, а также некоторых других альтернативно-экологических преступлений. Видится возможным предположить, что экологическая сфера как область человеческой активности, в которую конкретные физические лица или хозяйствующие субъекты были изначально допущены на законных основаниях, либо в которой они с самых ранних моментов действовали противоправно, определяет выбор способа совершения преступления.

С другой стороны, деятельность по расследованию преступлений – есть разновидность мыслительной деятельности, и обладающий профессиональными познаниями, а также вооруженный криминалистическими методическими рекомендациями и специальными знаниями следователь/дознатель, понимая способ совершения того или иного преступления в сфере экологии, будучи осведомленным о наиболее рациональной с точки зрения делинквента линии приложения преступных усилий, изучив следовую картину на месте происшествия, легко смоделирует стратегию, которой прикрывались криминальные элементы, а поэтому сможет безошибочно построить и надлежащую стратегию раскрытия и расследования такого преступления.

Если детальнее затрагивать в рассматриваемом вопросе аспекты криминалистического прогнозирования, то мы подходим к соприкосновению с идеей, предложенной С. В. Ермаченко, по обоснованному мнению которой для целей прокурорского надзора за состоянием законности необходимо утвердить и внедрить экологический паспорт территории, поднадзорной районным или специализированным природоохранным прокуратурам, с той целью, чтобы фиксировать результаты прокурорской активности по контролю за той или иной обособленной сферой правоотношений, в которой замыкаются вопросы, как охраны окружающей среды, так и природопользования [6]. В таком ключе криминалистическая деятельность по профилактике преступлений, основанная на изучении линии приложения преступных усилий в экологической сфере, сочеталась бы с доступными органам прокуратуры электронными ресурсами, фиксируемыми в экологическом паспорте поднадзорных территорий, в котором в режиме реального времени может содержаться актуальная информация о состоянии «проблемных зон» природопользования и соблюдения природоресурсного законодательства.

Таким образом, мы приходим к выводу, что, если мы говорим о раскрытии и расследовании преступлений, совершаемых в сфере экологии, то линия приложения преступных усилий так или иначе предсказуема, следовательно, может быть просчитана автоматизированным способом, а при совершении преступного посягательства – зафиксирована высокотехнологичными средствами, оснащенными системами сильного искусственного интеллекта с компьютерным зрением.

Многофункциональная роль криминалистического познания линии приложения преступных усилий, воплощаемых делинквентами в целях достижения преступного результата в экологической сфере, заключается и в наиболее

эффективном изучении следовой картины, возникающей вследствие совершения общественно опасных деяний данного блока, и в правильном построении следственных версий, что в генеральном смысле направлено на установление уголовно-процессуальных целей расследования, и, безусловно, важно для криминалистической профилактики. Понимание этого феномена позволяет глубже анализировать преступное поведение и совершенствовать стратегию расследования преступлений, в том числе, осуществляемых в сфере экологии.

Пристатейный библиографический список

1. Бертовский Л. В. Высокотехнологичное право: ожидания и реальность // Высокотехнологичное право. – 2025. – Т. 1. № 1. – С. 1-16.
2. В Казани запустили ИИ для розыска преступников: это хорошо или плохо. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inkazan.ru/news/2026-02-03/v-kazani-zapustili-ii-dlya-rozyska-prestupnikov-eto-horosho-ili-ploho-5545013?ysclid=mmnds28ee34365398&utm_source=ya.ru&utm_medium=referral&utm_campaign=ya.ru&utm_referrer=ya.ru (дата обращения: 12.03.2026).
3. Вяткин А. Н. Искусственный интеллект как компонент цифровизации и права: тенденции и перспективы // Высокотехнологичное право: ожидания и реальность. Материалы VI Международной научно-практической конференции (Зеленоград, 14 февраля 2025 г.). В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. проф. Л. В. Бертовского. – М.: МИЭТ, 2025. – 256 с. – С. 58-67.
4. Гарбуз Г. С. О некоторых аспектах классификации методик по расследованию преступлений, совершаемых в экологической сфере // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. – № 3. – С. 55-63.
5. Головин А. Ю. К вопросу разработки и перспективного использования технологий искусственного интеллекта в решении криминалистических задач // Высокотехнологичное право. – 2025. – Т. 1. № 1. – С. 36-41.
6. Ермаченко С. В. Экологический паспорт поднадзорной территории как один из способов обобщения сведений о состоянии законности // Законность. – 2024. – № 12 (1082). – С. 12-17.
7. Жевлаков Э. Н. Экологические и альтернативно-экологические преступления, совершаемые с использованием средств массовой информации, электронных или информационно-телекоммуникационных систем // Уголовное право. – 2024. – № 5. – С. 32-38.
8. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь 2026 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/79262389/> (дата обращения: 11.03.2026).
9. Огурцов С. С., Ефремов В. А., Леус А. В. Применение технологий искусственного интеллекта при обработке изображений с фотолувшек: принципы, программы, подходы // Принципы экологии. – 2024. – № 1. – С. 4-37.
10. Пальмов С. В., Акунишникова В. В. Компьютерное зрение как одна из ключевых технологий будущего // Индустриальная экономика. – 2025. – № 2. – С. 186-191.
11. Системуповыявлению «закладчиков» спомощью ИИ запустят в Казани. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www1.ru/news/2025/09/10/sistemupo-vyavleniiu-zakladnikov-s-pomoshhiu-ii-zapustiat-v-kazani.html?ysclid=mmnd9paqak169309057> (дата обращения: 12.03.2026).

КАЙРГАЛИЕВ Данияр Вулкайрович

кандидат биологических наук, доцент, эксперт, ООО «Экспертные технологии и сертификация», г. Саратов

СТРЕЛЬЦОВА Марина Александровна

доцент кафедры криминалистики, эксперт, Саратовская государственная юридическая академия

РЫБАЛОВ Владислав Семёнович

эксперт ООО «Авангард Эксперт», г. Саратов

СОВРЕМЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКСПЕРТИЗЫ ДАВНОСТИ ВЫПОЛНЕНИЯ РЕКВИЗИТОВ В ДОКУМЕНТЕ ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ И РАСКРЫТИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье представлен авторский взгляд на современные возможности криминалистической экспертизы не столько документов, сколько материалов, с помощью которых выполнены их наиважнейшие реквизиты (подпись, оттиск печати и т.п.), их место в расследовании и раскрытии экономических преступлений. Рассмотрены вопросы применения и использования в ходе указанных экспертных исследований современных технико-криминалистических средств. Кроме того, рассмотрены вопросы оценки заключений экспертов дознавателями, следователями, судом и иными категориями должностных лиц при расследовании и рассмотрении по существу уголовного дела.

Ключевые слова: исследование документа, давность нанесения реквизитов, судебная экспертиза, расследование экономических преступлений, технико-криминалистические средства, заключение эксперта, оценка заключения эксперта.

KAIRGALIEV Daniyar Vulkairievich

Ph.D. in biological sciences, associate professor, Expert, Expert Technologies and Certification LLC, Saratov

STRELTSOVA Marina Alexandrovna

associate professor of Criminalistics sub-faculty, expert, Saratov State Law Academy

RYBALOV Vladislav Semenovitch

expert of Avangard LLC, Saratov

MODERN POSSIBILITIES OF EXAMINING THE LIMITATION OF EXECUTION OF DETAILS IN A DOCUMENT FOR INVESTIGATION AND DISCLOSURE OF ECONOMIC CRIMES

The article presents the author's view on the modern possibilities of forensic examination of not so much documents as materials with the help of which their most important details are executed (signature, seal imprint, etc.), their place in the investigation and disclosure of economic crimes. The authors considered the issues of application and use in the course of the specified expert studies of modern technical and forensic means. In addition, the issues of assessing the opinions of experts by investigators, investigators, the court and other categories of officials during the investigation and consideration of the merits of criminal cases are considered.

Keywords: document examination, age of application of requisites, forensic examination, investigation of economic crimes, technical and forensic means, expert opinion, assessment of expert opinion.

Финансовые документы изымаются следователем в первую очередь, в расследовании экономических преступлений именно они позволяют получить ценную информацию о финансовой деятельности организации или индивидуального предпринимателя.

Для изготовления документов и их составных частей используются различные материалы и вещества, различающиеся между собой по потребительскому назначению, специфическим особенностям производства, источнику происхождения и способу изготовления. Экспертиза помогает установить первоначальное содержание расписки, квитанции или завещания, характер воздействия на документ, время или период времени составления вещественного доказательства.

Эксперт по заданию суда или следствия исследует важные характеристики основы документа, её композиционный состав и зольность, а также наличие наполнителей и добавок.

Для бумаги устанавливается её класс (вид, № или марка), производитель, а также принадлежность нескольких экземпляров к конкретной партии и/или выпуску (общая групповая или родовая принадлежность сравниваемых объектов).

Судебно-техническая экспертиза по давности выполнения реквизитов (подпись, оттиск печати и т.п.) в завещании, квитанции, ведомости назначается с целью расследования отдельных обстоятельств преступлений, связанных с уклонением от уплаты налогов. Нельзя производить такую экспертизу по копии оригинального документа, на ней отсутствует вещество или материал, с помощью которого выполнен документ. Фотокопия, скан, светокopia бухгалтерского документа непригодны для исследования физико-химическими методами.

Экспертиза реквизитов в документе (подлинник) поручается эксперту, обладающему знаниями и умениями, владеющему навыками исследования документа и его реквизитов с использованием газового хроматографа Хроматэк «Кристалл-5000.2» (и его модификаций), как правило, окончившему химический факультет ВУЗа, имеющему стаж экспертной работы по специальности 10 и более лет. Экспертиза производится в течении 35-45 дней, что соответствует требованиям методических рекомендаций [3], [4], срок может увеличиваться судом по ходатайству эксперта, в распоряжении исполнителя должно иметься разрешение на применение разрушающих (видоизменяющих) методов исследований.

Перечень вопросов эксперту [1]:

1. «Какова давность составления документа, соответствует ли дата составления документа дате, указанной в реквизитах документа – расписке о получении денежных средств гр. С. от 15 декабря 2022 года?»

2. «В какой период времени выполнены рукописный текст и подпись в заявлении гр. А. об отказе от исковых требований к ответчику гр. П. от 15 апреля 2023, расположенное на 154 странице дела №/2024?»

При производстве экспертного исследования изучаются реквизиты документа (подпись /подписи/, рукописный текст, оттиск /оттиски/ печати, оттиск /оттиски/ штампа) в поле зрения, например, стереоскопического микроскопа Микромед MC-2 Zoom (увеличение до 40 крат, освещение искусственное при разных углах направления светового потока): размещение и закрепление материала письма на основе-бумаге, распределение материала письма в штрихе (штрихах), чередование окрашенных участков со слабоокрашенными и неокрашенными, ровность и четкость края штриха (штрихов), наличие (или отсутствие) рельефа в штрихе (штрихах),

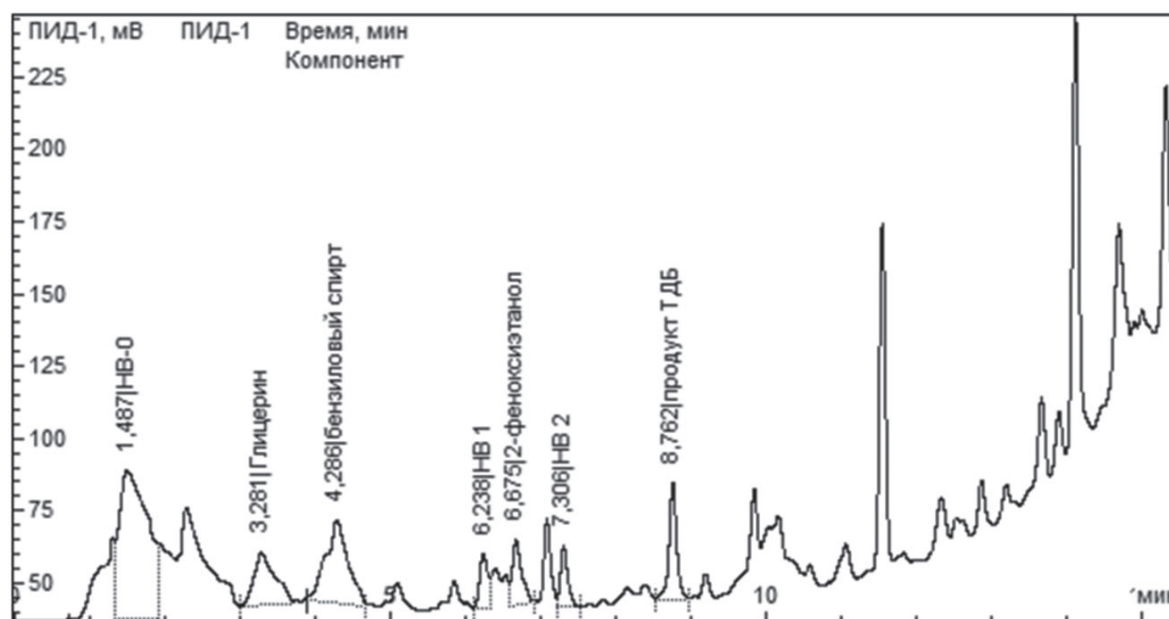

Рисунок 1. Типичная хроматограмма рукописного штриха подписи в документе (глицерин является «маркером старения» для штрихов, выполненных чернилами для капиллярных ручек, 2-феноксиэтанол – для штрихов, выполненных шариковой ручкой)

блеск (или его отсутствие) в местах скопления материала письма. Выявленная совокупность морфологических признаков позволит эксперту сформировать вывод о том, что подпись (подписи) и рукописный текст в исследуемом документе выполнены шариковой ручкой (или другим пишущим прибором) с помощью материала письма сине-фиолетового (или иного) цвета.

Оптико-микроскопическое исследование штрихов подписи и рукописного текста и его результаты раскрывают характер распределения красителя в штрихе по его траектории, форма начал и окончаний штрихов, как правило, указывает на рукописный способ выполнения штрихов.

Давность документов может быть установлена путем исследования изменений подписей и почерка исполнителя, однако подобные изменения характерны для значительных промежутков во времени, обусловленных развитием письменно-двигательного навыка (период получения начального, среднего и высшего образования от 7 до 16–18 лет), период устойчивого письменно-двигательного навыка (годы активной жизни) и период снижения письменно-двигательных навыков, связанный с естественным старением организма человека (старческие изменения почерка). Методика установления давности изготовления документов по подписи и почерку исполнителя на дистанции 1–6 лет не применима.

Подпись (подписи) и рукописный текст изучаются на предмет пригодности их штрихов для установления давности по хроматографическим параметрам (относительное содержание в исследуемом штрихе летучих компонентов, концентрация которых закономерно уменьшается в период времени, равный 2 годам).

Штрих (штрихи), исследуемых рукописного текста и подписи, в документе вырезаются с равномерным распределением красителя (вещество материала письма) по всей длине, предпочтение отдаётся одинаковым по интенсивности окраски, не имеющим пересечения с другими материалами письма и не изменяющим смыслового содержания документа. Термодесорбцию летучих компонентов из штрихов красящего вещества и последующее их детектирование (определение содержания в материале письма) осуществляют с помощью газожидкостной хроматографии три раза (например, 10 января 2025 года, 24 января 2025 года (через 14 дней) и 10 февраля 2025 года (через 31 день)).

Газохроматографическому анализу подвергаются и вырезки бумаги документа без материалов письма на их поверхности [3], [4].

Проведение трехкратного хроматографического исследования (через два промежутка времени) позволяет зарегистрировать комплексы хроматографических пиков (см.

рисунок 1), и выявить изменения относительного содержания глицерина в штрихах, выполненных чернилами для капиллярных ручек, изменения относительного содержания 2-феноксиэтанола в штрихах, выполненных шариковой ручкой.

Если высота хроматографического пика, соответствующего относительному содержанию 2-феноксиэтанола, за вычетом вклада продуктов термодесорбции бумаги, практически равна 0 мВ, можно констатировать вывод о полном старении документа, что свойственно для документов, выполненных более 2 лет назад (от даты производства хроматографического исследования). В ином случае, несоответствие даты документа результатам хроматографического определения относительного содержания 2-феноксиэтанола может указывать на подложность исследуемого документа (изготовление документа для сокрытия незаконных трат, уклонения от уплаты налогов, создания «липовой» финансовой отчетности).

Эффективность в расследовании экономических преступлений можно повысить использованием компетенций экспертов [2], производящих исследования давности выполнения реквизитов финансовых документов, без которых невозможно представить оборот денежных средств.

Суды и следствие должны получить в своё распоряжение криминалистически значимую информацию о составе материалов, входящих в красящие вещества, применяемые в изготовлении документов, особенно тех, которые покрывают незаконную финансовую деятельность организаций и индивидуальных предпринимателей.

Пристатейный библиографический список

1. Васильев Д. В., Кайргалиев Д. В. Особенности назначения и производства судебной технико-криминалистической экспертизы // Форум. – 2024. – № 1 (31). – С. 206-209.
2. Васильев Д. В., Шамшина О. С. Аспекты назначения судебной технической экспертизы по давности выполнения реквизитов в документе // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 12 (199). – С. 445-446.
3. Торопова М. В. Криминалистическая экспертиза установления относительной давности выполнения реквизитов документов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014.
4. Тросман Э. А., Бежанишвили Г. С., Батыгина Н. А. и др. Методика определения давности выполнения реквизитов в документах по относительному содержанию в штрихах летучих растворителей // Теория и практика судебной экспертизы. – 2013. – № 2 (30). – С. 80-89.

СЫСЕНКО Альфия Радиковна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, Омская академия МВД России

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДАЧИ ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ДОПРОСА В УСЛОВИЯХ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Объективные факторы, присущие феномену встречающегося и проявляющегося в социуме противодействия уголовному преследованию, детерминируют необходимость целенаправленных мер, нацеленных на его преодоление.

Ключевым источником информации по-прежнему остаются показания участников уголовного судопроизводства. В настоящее время проблема выявления и преодоления лжи приобретает новые измерения. Стремительное развитие технологий и возможностей создания дипфейков позволяет не только устно лгать следствию, но и подкреплять дезинформацию сфабрированными цифровыми сведениями. Несмотря на наличие фундаментальных разработок в этой области, тактика преодоления лжи нуждается в постоянном совершенствовании в ответ на появление новых способов противодействия следствию.

Ключевые слова: расследование преступлений, допрос, психология, конфликтная ситуация, криминалистическая тактика.

SYSENKO Alfiya Radikovna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminology sub-faculty, Omsk Academy of the MIA of Russia

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF GIVING FALSE TESTIMONY DURING INTERROGATION IN CONDITIONS OF COUNTERACTION TO CRIME INVESTIGATION

Objective factors inherent in the phenomenon of counteraction to criminal prosecution occurring and manifesting in society determine the need for targeted measures aimed at overcoming it.

The testimony of participants in the criminal proceedings remains a key source of information. Currently, the problem of identifying and overcoming lies is taking on new dimensions. The rapid development of technologies and deepfake creation capabilities allows not only to verbally lie to the investigation, but also to reinforce misinformation with fabricated digital information. Despite the existence of fundamental developments in this area, the tactics of overcoming lies need constant improvement in response to the emergence of new ways to counteract the investigation.

Keywords: crime investigation, interrogation, psychology, conflict situation, forensic tactics.

Важность определения истоков лжи обуславливает разработку эффективных стратегий по ее предупреждению, обнаружению и последующему преодолению, поскольку понимание источников данного явления существенно влияет на выбор соответствующих мер противодействия расследованию преступлений.

Достоверность показаний определяется особенностями функционирования человеческих когнитивных процессов, механизмами запоминания и восстановления информации, а также уровнем сохранности индивидуальных воспоминаний.

Как отмечает П. Экман, на процессы восприятия информации влияют следующие субъективные факторы:

1) свойства восприятия и памяти свидетеля: состояние органов зрения и слуха, обоняния и осязания. Разная память накладывает специфический отпечаток на показания свидетелей, в которых одни события (факты) изложены полно и точно, а другие – в общих чертах;

2) физическое и психическое состояние в момент восприятия. Болезненные ощущения, нервное расстройство, усталость, опьянение, сильное душевное волнение и другие факторы неблагоприятно влияют на процесс формирования свидетельских показаний. У лиц, находившихся в момент расследуемых событий в напряженном состоянии, восприятие ими происходящего отличалось пониженной категоризацией, искажением сущности событий, иллюзорностью и т.д.» [1, с. 20].

В контексте производства следственных действий наиболее распространённым оказывается второй тип восприятия, что обуславливает необходимость использования следователем комплекса тактических методов, способствующих восстановлению в памяти допрашиваемого утратившихся деталей произошедшего. Для достижения максимальной информативности допроса критически важно стимулировать функционирование эмоциональной памяти, активизировать связи, построенные на смежности событий по хронологии и локализации, а также по признаку сходства либо противоположности.

3) Формирование свидетельских показаний обусловлено патологическими нарушениями психической деятельности и функционирования нервной системы, что способно существенно исказить воспроизводимую информацию. Следует учитывать, что осуществление допроса должно быть проведено на максимально ранних этапах после совершения преступного деяния: именно в этот период свидетельская информация с наибольшей вероятностью отличается полнотой и точностью, поскольку чужеродные детали и искажения еще не проникли в содержание показаний.

С учётом изложенных обстоятельств, достижение следователем главной задачи, заключающейся в получении исчерпывающей и достоверной информации от допрашиваемого, реализуется посредством определённых методов. В случаях, когда высказанные показания соответствуют истине, однако содержат недостатки полноты либо достоверности, перед

следователем встаёт задача оказать содействие лицу, дающему объяснения, чтобы обеспечить получение разносторонних, объективных показаний.

С позиции психологии ложь – «это действие, которым один человек вводит в заблуждение другого человека, делая это умышленно. Ложь – это средство управления поведением других людей путем их дезинформации» [2, с. 89].

Ложь поддается распознаванию, поскольку не существует автономно: в уме обманывающего индивида параллельно сосуществуют два источника психической активности. С одной стороны, формируются обедненные чувственными компонентами фрагменты вымышленных построений, подвергаемые волевому подавлению со стороны субъекта; с другой – помимо намерения, спонтанно проявляются яркие, насыщенные деталями образы подлинных событий, которые конкурируют за внимание в когнитивном поле лжеца.

По мнению М. М. Миловановой, главными отличительными признаками лжи, являются:

- 1) осознание человеком того, что он говорит неправду;
- 2) намеренное, умышленное сообщение ложных сведений;
- 3) наличие у лжеца определенных целей;
- 4) всегда есть лицо, которое достоверно не знает об обмане [3, с. 9].

В психологической науке различают различные формы обмана. Одна из них реализуется посредством передачи достоверных фактов в преувеличенно ироничной манере, сопровождая изложение событий преувеличениями, ироническим выражением лица или саркастическим тоном, что провоцирует у слушателя недоверие и создает у него впечатление неправдоподобности услышанного – таким образом формируется эффект, производящий дезинформацию.

Иная стратегия основана на использовании полуправды: собеседник умышленно ограничивает объем передаваемой информации, умалчивая критически важные детали, либо переводит обсуждение на смежные темы, оставляя суть недосказанной. Подобная тактика позволяет вводить в заблуждение, обходясь без прямого искажения действительности.

Кроме разновидностей, необходимо выделять виды лжи:

1. Полная ложь (может состоять сплошь из вымысла или целиком из реальных фактов, не относящихся к делу).
2. Частичная ложь. Ее приемами являются:
 - а) упущения – исключение отдельных элементов события;
 - б) дополнение факта вымышленным элементом;
 - в) дополнение факта реальным элементом, но не относящимся к исследуемому событию;
 - г) замена отдельных элементов события вымышленными деталями;
 - д) замена отдельных элементов события реальными деталями, но не относящимися к делу [4, с. 89].

Следует учитывать, что на сегодняшний день не разработано специализированных психодиагностических подходов, равно как и оперативных методик выявления ложных высказываний.

Психосоматические проявления, к которым относят дрожь в руках и ногах, изменение ритма дыхания или сердечных сокращений, сухость слизистых, а также вариативность сосудистого тонуса, заметная по изменению оттенка кожи лица, не предоставляют достоверной информации о вероятности обмана. Также вербальные параметры – характер пауз, модуляции голоса, специфика словоупотребления – не

позволяют с уверенностью идентифицировать дезинформацию.

Следует учитывать, что определённые группы индивидов обладают выраженной восприимчивостью к влиянию, склонны к усиленному подражанию, а также характеризуются завышенной самооценкой и стремлением к самовыражению посредством демонстративного поведения; их внимание преимущественно сосредоточено на собственной личности, что провоцирует частое участие в ролевых действиях. Для таких субъектов характерна заметно возросшая вероятность возникновения непреднамеренных ложных свидетельств, а также повествований относительно событий, фактически не происходивших, что проявляется в разнообразных вариантах искажения объективных данных.

Процесс дачи заведомо ложных сведений представляет собой акт, в основе которого лежит сознательно управляемое поведение: личность формирует замысел, преследует определённые цели и реализует выбранную стратегию. Однако наличие стремления утаить действительность не исключает возможности отказа от конкретных поступков в этом направлении; прежде чем замысел преобразуется в активное действие, ему сопутствуют фазы внутренней рефлексии и становления мотивации. Механизмы внутреннего выбора вовлекают индивидуальную оценку состоятельности различных альтернатив: высказывание истины или ложное свидетельство, риски, сопряжённые с каждым вариантом, а также последствия этих решений. Следовательно, готовящийся к допросу, ещё до непосредственного общения с допрашивающим, зачастую моделирует в сознании сценарии предстоящего общения, анализируя потенциальные итоги. Личностный выбор, отражённый в конечном принятии решения, демонстрирует не только степень волевой регуляции, но и нравственный ориентир, уровень самосознания, а также его позицию относительно исполнения гражданских обязательств.

Таким образом, в случае, когда допрашиваемый создает фиктивную версию событий, она приобретает в его внутреннем мире значимость, постепенно подменяя в памяти подлинное происшествие, однако вытеснить его окончательно ей не удастся; первоисточник воспоминания, связанный с внешне воспринимаемым фактом, укореняется неизмеримо глубже, нежели сконструированная интерпретация. Соперничество между этими двумя слоями опыта предопределяет возникновение внутреннего конфликта, что, в свою очередь, приводит к возникновению несовпадающих, а подчас и противоположных сведений в ходе допроса, особенно в тех случаях, когда ложная версия не закрепила в психике допрашиваемого должным образом.

Пристатейный библиографический список

1. Экман П. Психология лжи. Обмани меня, если сможешь [пер. с англ. Е. Бойко и др.]. – М., 2010.
2. Подвойский К. В. Ложь в структуре криминалистического познания // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2020. – № 6.
3. Милованова М. М. Специфика ложных показаний // Правовой альманах. – 2021. – № 8.
4. Гончаренко Е. В., Тайсаева С. Б., Аргун С. Н., Полякова Е. В. Жесты закрытия в психологии лжи // Известия ДГПУ. Психолого-педагогические науки. – 2023. – № 1.

КАМИНСКИЙ Александр Алексеевич

аспирант, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ РАСКРЫТИЯ, РАССЛЕДОВАНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПОДКУПА

Статья посвящена исследованию современных технических средств, используемых в системе криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения коммерческого подкупа. Обосновывается, что в условиях цифровизации хозяйственной деятельности следовая картина данного преступления все более смещается в сферу электронных документов, корпоративной переписки, банковских приложений, журналов событий, облачных сервисов и цифровой валюты. В этой связи раскрываются возможности классических технико-криминалистических средств фиксации и исследования, программно-аппаратных комплексов цифровой криминалистики, средств визуализации связей, инструментов блокчейн-аналитики, а также комплаенс-платформ и систем автоматизированного риск-мониторинга. Отдельное внимание уделяется использованию технологий искусственного интеллекта как вспомогательного средства анализа следовой информации и криминалистической профилактики. Делается вывод о том, что современные технические средства приобретают практическую ценность лишь при их включении в комплексную систему доказывания и антикоррупционного комплаенса, а также при условии их процессуально грамотного применения.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, криминалистическая техника, цифровые следы, антикоррупционный комплаенс, искусственный интеллект, блокчейн-аналитика, цифровая криминалистика, расследование коррупционных преступлений.

KAMINSKY Alexander Alexeevich

postgraduate student, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

MODERN TECHNICAL TOOLS USED TO DETECT, INVESTIGATE, AND PREVENT COMMERCIAL BRIBERY

This article examines modern technical tools used in forensic support for the detection, investigation, and prevention of commercial bribery. It is argued that, in the context of the digitalization of business, the trace data for this crime is increasingly shifting to electronic documents, corporate correspondence, banking applications, event logs, cloud services, and digital currency. In this regard, the article explores the capabilities of classic forensic recording and research tools, digital forensics software and hardware systems, connection visualization tools, blockchain analytics tools, as well as compliance platforms and automated risk monitoring systems. Special attention is given to the use of artificial intelligence technologies as an auxiliary tool for trace data analysis and forensic prevention. It is concluded that modern technological tools acquire practical value only when integrated into a comprehensive system of evidence and anti-corruption compliance, and when applied procedurally competently.

Keywords: commercial bribery, forensic technology, digital traces, anti-corruption compliance, artificial intelligence, blockchain analytics, digital forensics, corruption investigation.

Коммерческий подкуп, предусмотренный статьей 204 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляет собой одно из наиболее латентных коррупционных преступлений в негосударственной сфере, поскольку противоправная договоренность, как правило, достигается в условиях взаимной заинтересованности сторон в ее сокрытии, а передача имущественной выгоды все чаще маскируется под внешне правомерные хозяйственные решения¹. В современных условиях указанное обстоятельство приобретает дополнительное значение вследствие цифровизации корпоративной среды: существенная часть доказательственно значимой информации формируется не только в бумажном документообороте, но и в корпоративной почте, мессенджерах, системах электронного документооборота, банковских приложениях, журналах действий пользователей, облачных хранилищах и, в отдельных случаях, в блокчейн-инфраструктуре².

По этой причине проблема использования современных технических средств в борьбе с коммерческим подкупом должна рассматриваться не как частный вопрос оснащения следователя или службы безопасности, а как элемент более общей системы криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения данного преступления. Представляется, что под современными техническими средствами в рассматриваемой сфере следует понимать не только традиционные средства обнаружения, фиксации, изъятия и исследования следов, но и программно-аппаратные комплексы цифровой криминалистики, системы интеллектуальной аналитики, средства визуализации связей, инструменты анализа финансовых потоков и комплаенс-платформы, ориентированные на раннее выявление коррупционных рисков.

Научный и практический интерес к указанной проблематике обусловлен тем, что современный коммерческий подкуп все реже исчерпывается передачей наличных денежных средств. В его механизме все чаще используются завуалированные формы имущественного благоприятствования, электронные расчеты, посреднические схемы, корпоративные сервисы и цифровые активы. Соответственно, и технические средства, применяемые при работе с такими делами, должны быть ориентированы не только на обнаружение матери-

1 Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Ст. 204. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/b32d2a93f9b3327729081516485d8b4f2e48ebc9/ (дата посещения: 21.03.2026).

2 Комаров И. М. Криминалистика. Учебник М.: Юрлитинформ, 2023. С. 627.

альных следов, но и на извлечение, сохранение, сопоставление и интерпретацию цифровой следовой информации.

В криминалистическом смысле технические средства, используемые применительно к коммерческому подкупу, образуют многоуровневую систему. В ее состав входят, во-первых, классические средства фиксации и исследования; во-вторых, программно-аппаратные комплексы цифровой криминалистики; в-третьих, аналитические средства обработки больших массивов данных; в-четвертых, корпоративные системы мониторинга и комплаенс-контроля.

Классические технико-криминалистические средства сохраняют свое значение и в делах о коммерческом подкупе. К ним относятся фото-, аудио- и видеозапись, измерительная техника, оптические средства исследования документов, приборы ультрафиолетового и инфракрасного контроля, средства обнаружения и фиксации следов рук, а также специальные химические вещества, применяемые при документировании предмета подкупа. Их практическое значение особенно велико на первоначальном этапе расследования, когда требуется зафиксировать обстановку передачи предмета подкупа, обнаружить следы взаимодействия с документами, упаковкой, денежными средствами, электронными носителями и иными объектами.

Однако в современных условиях решающее значение все чаще приобретают именно средства цифровой криминалистики. Это связано с тем, что значительная часть следовой информации по делам о коммерческом подкупе возникает в электронной форме: речь идет о переписке, истории редактирования файлов, данных корпоративных учетных записей, журналов событий, метаданных документов, банковских операциях, облачных резервных копиях и иных цифровых объектах. В этой связи самостоятельное процессуальное значение имеют положения статьи 164.1 УПК РФ³, регламентирующей особенности изъятия электронных носителей информации и копирования содержащейся на них информации, а также статьи 164.2 УПК РФ⁴, введенной в 2026 году и закрепившей специальный порядок изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий с обязательным участием специалиста.

Новая статья 164.2 УПК РФ имеет особое значение именно для расследования экономически и коррупционно мотивированных преступлений. Она предусматривает, что в протоколе следственного действия должны указываться вид цифровой валюты, ее количество, а при переводе цифровой валюты на адрес-идентификатор — адреса отправителя и получателя и иные данные, необходимые для идентификации операции. Данное регулирование свидетельствует о признании государством того обстоятельства, что цифровая валюта уже стала возможным носителем имущественной выгоды и,

следовательно, способна выступать элементом следовой картины и предметом процессуального изъятия.

К числу наиболее востребованных современных средств цифровой криминалистики относятся комплексы, предназначенные для извлечения и анализа данных из мобильных устройств, компьютеров, облачных сервисов и иных цифровых источников. В качестве примера могут быть названы Magnet AXIOM и Cellebrite UFED. По данным разработчиков, Magnet AXIOM⁵ обеспечивает исследование цифровых доказательств из мобильных, облачных, компьютерных и иных источников в рамках одного дела, включая восстановление удаленных данных и анализ артефактов. Cellebrite UFED⁶, в свою очередь, ориентирован на извлечение данных из мобильных устройств с использованием нескольких методов получения информации, включая полное файловое и физическое извлечение.

Применительно к делам о коммерческом подкупе такие комплексы позволяют решать ряд практических задач. Во-первых, они дают возможность извлекать переписку участников преступной сделки в мессенджерах и почтовых клиентах, включая вложения, изображения, пересылаемые реквизиты и подтверждения переводов. Во-вторых, они позволяют восстанавливать последовательность коммуникаций, историю файлов и иные цифровые артефакты, имеющие значение для установления договоренности о передаче имущественной выгоды. В-третьих, они помогают выявлять косвенные следы преступления: списки контактов, геолокационные данные, временные метки, сведения о подключении к облачным сервисам, историю доступа к корпоративным документам.

Самостоятельную группу составляют средства визуализации связей и интеллектуального анализа данных. Их криминалистическое значение особенно велико в тех случаях, когда коммерческий подкуп осуществляется через посредников, аффилированных лиц, подконтрольные организации, подставные договоры и распределенные цифровые коммуникации. Одним из наиболее известных примеров является i2 Analyst's Notebook⁷ — программное средство визуального анализа, предназначенное для объединения и сопоставления структурированных и неструктурированных данных. Возможности подобных систем позволяют выстраивать графы связей между лицами, компаниями, событиями, транзакциями и цифровыми объектами, что особенно важно при реконструкции механизма преступления.

Для расследования коммерческого подкупа это означает возможность не только установить факт передачи предмета подкупа, но и проследить всю сеть сопутствующих связей: контакты между менеджером и контрагентом, участие посредников, движение денежных средств, последовательность согласования договорных документов, распределение ролей между участниками схемы. В практическом отношении такая аналитика облегчает выдвижение и проверку следственных версий, а также позволяет более точно определить круг лиц, подлежащих допросу, обыску либо проверке по месту работы и месту жительства.

3 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ. Ст. 164.1. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/a181248bd35e283bbf253a905940bfb32dd9923e/ (дата посещения: 21.03.2026).

4 О внесении изменений в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 20 февр. 2026 г. № 38-ФЗ; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Ст. 164.2; О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/95d3770eae277d1aa0e209a747a8912cd6fd9e2f/ (дата посещения: 21.03.2026).

5 Magnet AXIOM // Magnet Forensics: official website. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.magnetforensics.com/products/magnet-axiom/> (дата посещения: 21.03.2026).

6 UFED // Cellebrite: official website. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cellebrite.com/en/products/ufed/> (дата посещения: 21.03.2026).

7 i2 Analyst's Notebook // i2 Group: official website. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://i2group.com/solutions/i2-analysts-notebook> (дата посещения: 21.03.2026).

Наряду с зарубежными решениями существенное практическое значение имеют и технические средства, применяемые в российской корпоративной и расследовательской практике. К их числу относятся прежде всего отечественные DLP-системы и системы контроля внутренних рисков, а также сервисы проверки контрагентов и выявления аффилированности. Так, DLP-система «СёрчИнформ КИБ»⁸ ориентирована на контроль информационных потоков, исследование содержания переписки и отправок, оперативное выявление нарушений политик безопасности и проведение внутренних расследований. По данным разработчика, через AlertCenter обеспечивается оперативное выявление инцидентов, а в аналитической консоли возможно проведение углубленного расследования, поиск причин нарушений и построение хронологии событий. В делах о коммерческом подкупе подобные средства имеют значение постольку, поскольку позволяют выявлять и фиксировать цифровые следы переговоров, пересылки реквизитов, обмена файлами, согласования условий передачи имущественной выгоды, а также попытки сокрытия такой информации в корпоративной цифровой среде.

Сходное значение имеют решения линейки «Стахановец»⁹, позиционируемые как программные средства выявления и предотвращения утечек информации, проведения расследований, оценки поведения сотрудников и анализа рисков. Официальные материалы указывают, что система позволяет контролировать действия работников на рабочих станциях, фиксировать доказательства хищения данных и интеллектуальной собственности, выявлять инсайдерскую активность и проводить анализ пользовательского поведения. Применительно к коммерческому подкупу такие средства могут использоваться для выявления нетипичных контактов с контрагентами, попыток копирования коммерчески значимых документов, аномальной активности перед заключением сделок, а также для последующего внутреннего расследования инцидентов, связанных с конфликтом интересов, откатными схемами и передачей конфиденциальной информации в интересах заинтересованного контрагента.

В предупредительном аспекте особого внимания заслуживают и российские сервисы проверки контрагентов и поиска связей, прежде всего «Контур.Фокус»¹⁰ и СПАРК¹¹. По данным официальных материалов, указанные системы позволяют выявлять аффилированность и взаимосвязи между юридическими и физическими лицами по совпадению руководителей, учредителей, конечных бенефициаров, адресов, телефонов и иным признакам, а также осуществлять массовую проверку контрагентов и мониторинг изменений по ним. Для антикоррупционного комплаенса это имеет прямое

значение, поскольку коммерческий подкуп нередко реализуется через аффилированные структуры, подконтрольных посредников, фиктивных поставщиков и иные формы скрытого корпоративного благоприствования. Следовательно, подобные российские технические средства целесообразно рассматривать не только как инструменты due diligence, но и как средства криминалистической профилактики, позволяющие выявлять рискованные связи еще до заключения договора или проведения закупочной процедуры.

Отдельного рассмотрения заслуживают средства блокчейн-аналитики. Поскольку цифровая валюта и криптоактивы могут использоваться как инструмент скрытой передачи имущественной выгоды, в расследовании коммерческого подкупа все большую роль начинают играть решения, позволяющие идентифицировать и проследить блокчейн-транзакции. В этой связи показательным является Chainalysis Reactor¹², который, по данным разработчика, позволяет анализировать и отслеживать криптовалютные транзакции по множеству блокчейнов, визуализируя движение средств, связи между адресами и прохождение активов через мосты, DEX и иные инфраструктурные элементы.

Криминалистическое значение таких инструментов состоит не в том, что они автоматически «доказывают» факт коммерческого подкупа, а в том, что они помогают обнаружить и интерпретировать цифровые следы движения имущественной выгоды. Особенно это важно в ситуациях, когда участники преступной схемы стремятся использовать криптовалюту как способ анонимизации расчетов. В этих условиях технические средства блокчейн-аналитики выступают ориентирующим и исследовательским инструментом, а доказательственное значение приобретают результаты, получившие надлежащую процессуальную фиксацию с участием специалиста либо эксперта.

Вопрос об использовании искусственного интеллекта в раскрытии, расследовании и предупреждении коммерческого подкупа в настоящее время приобретает прикладное значение. Российская Национальная стратегия развития искусственного интеллекта рассматривает ИИ как комплекс технологических решений, позволяющих имитировать когнитивные функции человека, включая поиск решений без заранее заданного алгоритма¹³. Вместе с тем применительно к уголовному судопроизводству и криминалистике искусственный интеллект не может рассматриваться как автономный субъект принятия процессуального решения; его роль ограничивается вспомогательной аналитической функцией.

В делах о коммерческом подкупе значение ИИ определяется способностью обрабатывать массивы данных, недоступные для полноценного ручного анализа в разумные сроки. Это прежде всего данные о финансовых потоках, транзакциях, переписке, файловой активности, изменениях в корпоративных документах, доступе к системам и сетевых контактах между участниками делового взаимодействия. В этой связи искусственный интеллект следует рассматривать как средство выявления закономерностей, аномалий, повто-

8 СёрчИнформ КИБ // СёрчИнформ: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://searchinform.ru/?utm_medium=cpc&utm_source=yandex&utm_campaign=EPK_DLP_obshhie_zaprosy_perezapusk_poisk&utm_term=dlp%20серчинформ%20киб.desktop.Москва&utm_content=brand&yclid=8615240662767894527&yubaip=1 (дата посещения: 21.03.2026).

9 Стахановец: программные средства защиты информации // Стахановец: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stakhanovets.ru/> (дата посещения: 21.03.2026).

10 Контур.Фокус: поиск связей и аффилированности // Контур.Фокус: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://focus.kontur.ru/site/features/poisk-svyazey> (дата посещения: 21.03.2026).

11 СПАРК: проверка аффилированности и связей компаний // СПАРК-Интерфакс: офиц. сайт. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spark-interfax.ru/features/realtions> (дата посещения: 21.03.2026).

12 Reactor Crypto & Blockchain Investigations // Chainalysis: official website. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.chainalysis.com/product/reactor/> (дата посещения: 21.03.2026).

13 О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 10 окт. 2019 г. № 490. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201910110003> (дата посещения: 21.03.2026).

ряющихся комбинаций и скрытых связей в следовой информации.

На стадии раскрытия преступления ИИ может использоваться для анализа больших данных и выявления подозрительных паттернов: нетипичной закупочной активности, аффилированности контрагентов, резких отклонений в договорной работе, повторяемости определенных маршрутов платежей, дробления сумм, пересечения коммуникационных цепочек. На стадии расследования он способен усиливать традиционные криминалистические методы посредством интеллектуальной сортировки документов, семантического поиска по переписке, поиска противоречий между показаниями и цифровыми данными, а также поддержки следственных версий. В предупредительном контуре ИИ интегрируется с комплаенс-инфраструктурой и становится средством непрерывного мониторинга рисков.

При этом использование ИИ должно соотноситься с требованиями надежности, воспроизводимости и объяснимости. Применительно к расследованию коммерческого подкупа это означает, что результаты аналитической обработки могут использоваться для ориентации следствия и организации проверки, но не подменяют собой процессуальную оценку доказательств.

Несмотря на очевидные преимущества современных технических средств, их применение в борьбе с коммерческим подкупом сопряжено с рядом ограничений. Прежде всего речь идет о необходимости процессуально корректного использования таких средств. Даже наиболее совершенная система цифровой криминалистики или аналитической обработки данных не придает доказательственного значения полученной информации автоматически. Необходимы законное изъятие, надлежащая фиксация, участие специалиста, соблюдение требований к сохранности данных и возможность их последующей проверки в рамках уголовного процесса.

Второй существенной проблемой является кадровый фактор. Расширение использования программно-аппаратных комплексов цифровой криминалистики, блокчейн-аналитики и комплаенс-платформ требует подготовки специалистов, способных не только технически работать с соответствующим программным обеспечением, но и интерпретировать полученные результаты в доказательственном и криминалистическом аспекте. Без такого кадрового обеспечения даже дорогостоящие и современные решения рискуют превратиться в формальный элемент технического оснащения.

Третья проблема связана с качеством исходных данных. Аналитические системы, включая решения на базе искусственного интеллекта, эффективны лишь при условии полноты, непротиворечивости и пригодности массивов данных. Если переписка удалена, журналы событий не сохраняются, корпоративная система не обеспечивает фиксацию изменений, а финансовые операции выводятся за пределы контролируемого контура, технические средства утрачивают часть своей практической ценности. Именно поэтому развитие технических средств должно сопровождаться развитием культуры документирования и хранения данных в организациях.

Перспективы дальнейшего развития рассматриваемого направления связаны, по нашему мнению, с четырьмя основными тенденциями. Во-первых, будет усиливаться интеграция традиционной криминалистической техники и цифровой криминалистики. Во-вторых, возрастет значение блокчейн-аналитики и специальных средств работы с цифровой валютой. В-третьих, комплаенс-системы все чаще будут включать модули предиктивной аналитики и интеллек-

туального мониторинга рисков. В-четвертых, искусственный интеллект будет все активнее использоваться как средство предварительной аналитической фильтрации доказательно значимой информации, однако при сохранении обязательного человеческого контроля над итоговой интерпретацией результатов.

Заключение

Современные технические средства занимают центральное место в системе криминалистического обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения коммерческого подкупа. Их значение определяется тем, что современная следовая картина данного преступления все в большей степени формируется в цифровой среде и включает электронные документы, банковские приложения, корпоративные учетные записи, облачные сервисы, журналы событий, переписку и цифровую валюту.

В расследовательском контуре такие средства позволяют фиксировать, извлекать и исследовать доказательно значимую информацию; в аналитическом — выстраивать связи между участниками преступной схемы, финансовыми потоками и цифровыми артефактами; в предупредительном — интегрироваться с антикоррупционным комплаенсом, обеспечивая непрерывный мониторинг рисков и раннее выявление потенциально коррупционных практик.

При этом современные технические средства не должны восприниматься как самоценный технологический ресурс. Их криминалистическая ценность раскрывается лишь в том случае, если они включены в системную методику расследования и профилактики, опираются на надлежащее правовое регулирование, используются квалифицированными специалистами и сопровождаются процессуально грамотной фиксацией результатов. Именно такой подход позволяет рассматривать их не как набор разрозненных инструментов, а как целостный элемент современной модели противодействия коммерческому подкупу.

Пристатейный библиографический список

1. Бессонов А. А. О некоторых возможностях современной криминалистики в работе с электронными следами // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/733> (дата обращения: 14.04.2026).
2. Ищенко Е. П. У истоков цифровой криминалистики // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 3 (55). С. 15-28. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vestnik.msal.ru/jour/article/view/730> (дата обращения: 14.04.2026).
3. Криминалистика / под ред. И. М. Комарова. М.: Юрлитинформ, 2023. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urlit-id.ru/Katalog/3103-Kriminalistika-.html> (дата обращения: 14.04.2026).
4. Шувалов М. Н. Применение криминалистической техники при расследовании коррупционных преступлений. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-kriminalisticheskoy-tehniki-pri-rassledovanii-korrupsionnyh-prestupleniy> (дата обращения: 14.04.2026).

ПОЛЕЩУК Максим Сергеевич

аспирант кафедры криминалистики, Институт права, Уфимский университет науки и технологий

ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ДЛЯ ОПОЗНАНИЯ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Повышение эффективности производства следственного действия предполагает наличие системы тактических приемов, призванных упорядочить деятельность следователя. Не является исключением и осуществление предъявления для опознания. Связано это с тем, что данное следственное действие обладает уникальной познавательной природой, требует привлечения значительного числа участников, а также характеризуется динамичностью. Наибольшую актуальность данный вопрос приобретает в тех случаях, когда его участником становятся опознающие, обладающие возрастными когнитивными и физиологическими особенностями. В настоящей статье на основе ранее проведенных научных исследований и специфики рассматриваемого следственного действия сформулировано определение понятия «тактический прием производства предъявления для опознания». Выделены тактические приемы производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего, способные повысить эффективность следственного действия. Систематизация тактических приемов осуществлена с учетом последовательности их применения.

Ключевые слова: криминалистика, криминалистическая тактика, следственное действие, предъявление для опознания, несовершеннолетний, тактический прием.

POLESHCHUK Maxim Sergeevich

postgraduate student of Forensic science sub-faculty, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology

TACTICAL TECHNIQUES FOR CONDUCTING IDENTIFICATION PARTICIPATION INVOLVING A MINOR

Improving the efficiency of investigative actions requires a system of tactical techniques designed to streamline the investigator's work. Conducting an identification parade is no exception. This is due to the unique nature of this investigative action, requiring the involvement of a significant number of participants, and being dynamic. This issue is particularly relevant when the participants are identifying individuals with age-related cognitive and physiological characteristics. In this article, based on previous scientific research and the specifics of the investigative action under consideration, a definition of the term "tactical technique for conducting an identification parade" is formulated. Tactical techniques for conducting an identification parade involving a minor that can enhance the effectiveness of the investigative action are identified. The tactical techniques are systematized based on the sequence of their application.

Keywords: forensic science, forensic tactics, investigative action, identification parade, minor, tactical technique.

Рассмотрение криминалистических особенностей производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего немыслимо без обращения к одной из основных категорий криминалистической тактики – тактическому приему. Стоит отметить, что в криминалистической литературе отсутствует единый подход к его пониманию.

Так, например, по мнению А. С. Князькова тактическим приемом является криминалистическая рекомендация, которая представляет собой законный, рациональный и этичный способ воздействия на материальные и идеальные объекты с целью изменения их состояния и имеющего конечным итогом получение важной для раскрытия и расследования информации [1, с. 101]. Вызывает вопрос указанная в данном определении цель тактического приема – изменение состояния материальных объектов. Отметим, что некоторые тактические приемы производства предъявления для опознания не направлены на изменение состояния объектов. Например, к ним относятся наблюдение за поведением и состоянием несовершеннолетнего опознающего и поддержание с ним психологического контакта.

Р. С. Белкин под криминалистическим приемом понимает «наиболее рациональный и эффективный способ действия или наиболее целесообразную линию поведения при собирании, исследовании, оценке и использовании доказательств и предотвращении преступлений» [2, с. 309]. По нашему мнению данное определение более полно отражает суть тактического приема, поскольку содержит разграничение между способом действия и линией поведения. Действительно, тактический прием может выражаться как в едином

действии (например, постановка уточняющего вопроса), так и в их последовательности (например, поддержание психологического контакта).

Анализ ранее предложенных определений и сущность предъявления для опознания позволяет признать тактическим приемом данного следственного действия разработанную в рамках уголовно-процессуального законодательства систему научно обоснованных рекомендаций, представляющих собой единое действие или их последовательность, направленных на рационализацию идентификации объекта, воспринимавшегося ранее с объектом, предъявленным для опознания, а также обеспечение безопасности несовершеннолетнего опознающего.

Полагаем, что систематизация тактических приемов производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего должна осуществляться в соответствии с последовательностью их применения, которая определяется познавательной сущностью данного следственного действия.

1. Тактический прием «рациональный сбор участников предъявления для опознания». Основой данного приема выступает правило предъявления для опознания, заключающееся в недопустимости преждевременного контакта между опознаваемым и опознающим [3, с. 168]. Данное обстоятельство исключает одновременное прибытие участников на место производства следственного действия. С учётом повышенной утомляемости несовершеннолетнего опознающего [4, с. 103], рекомендуется организовать порядок приглашения участников, предусматривающий прибытие первым опознаваемого лица. Прибывший на место производства

следственного действия опознаваемый размещается в одном помещении со статистами. Такой порядок обусловлен недопустимостью восприятия опознающим лицом образа альтернативных объектов до демонстрации их в ходе рабочего этапа.

2. Эмоциональное и логическое воздействие на опознаваемого. Целесообразность проведения предварительной беседы с опознаваемым обусловлена криминалистической характеристикой его личности и особенностями поведения на предшествующих опознанию следственных действиях. Характер указанных сведений позволяет спрогнозировать возможность оказания им противодействия достижению цели предъявления для опознания. Воздействие на опознаваемого на данном этапе осуществляется путем применения следовательно тактических приемов эмоционального и логического характера. К примеру, если опознаваемый строит свою позицию на основе отрицания причастности к совершению преступления, а также невозможности восприятия его образа несовершеннолетним, то имеется необходимость логического обоснования целесообразности производства данного следственного действия. Требуется пояснить опознаваемому, что задачей следователя является собирание всех доказательств, в том числе и оправдательных.

Сообщение подозреваемому (обвиняемому) о факте применения видеозаписи при производстве следственного действия также способствует более корректному поведению данного лица и может рассматриваться в качестве приема эмоционального воздействия [5, с. 44].

3. Тактический прием «психологическая настройка» преследует цель выработки позитивного настроя у несовершеннолетнего опознающего и поддержания установленного с ним в ходе предшествующего допроса психологического контакта. Кроме того, как верно замечает И. М. Егерев, психологическая подготовка способствует стимулированию мотивации участника следственного действия и активизации психических процессов [6, с. 41]. Затруднительность реализации данного приема вызвана повышенной утомляемостью несовершеннолетнего и недопущением продолжительного ожидания иными участниками начала следственного действия. Поддержание с несовершеннолетним, установленного в ходе допроса психологического контакта изначально предполагает непродолжительный доверительный разговор между следователем и опознающим на ранее затронутые в ходе допроса темы, представляющие интерес для ребенка. Это способствует формированию у несовершеннолетнего представления об эмоциональной вовлеченности и искренней заинтересованности следователя, что создаёт условия для установления доверительного контакта и повышения открытости в межличностном взаимодействии. Стоит отметить, что, как верно указано Р. И. Зайнуллиным, деятельность, связанная с поддержанием психологического контакта не является единовременным актом [7, с. 205] и должна осуществляться на протяжении всего следственного действия.

4. Снятие с несовершеннолетнего опознающего эмоционального напряжения. Немаловажным фактором в решении данной задачи является благоприятная обстановка производства следственного действия. Одной из тактических рекомендаций производства следственных действий с участием несовершеннолетних является их осуществление в привычной для ребенка обстановке [8, с. 74]. Отдельные исследования, касающиеся производства предъявления для опознания также содержат подобные рекомендации [9, с. 156]. По нашему мнению, реализация данного тактического приема в рамках производства предъявления для опознания недопустима. Это обусловлено следующими факторами: 1) отсутствие условий для производства предъявления для опознания в помещениях, где постоянно пребывает несовершеннолетний; 2) неэтичность нахождения опознаваемого подозреваемого или обвиняемого в местах постоянного пребывания несовер-

шеннолетнего; 3) создание угрозы безопасности несовершеннолетнего.

Укреплению уверенности несовершеннолетнего способствует производство предъявления для опознания в условиях, исключающих его визуальное наблюдение опознаваемым лицом. Как верно замечено Н.А. Моисеевым, несовершеннолетний может оказаться под психологическим влиянием опознаваемого и опасаться его мести, что влечет негативные последствия [10, с. 96]. Согласно ч. 8 ст. 193 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации целью производства следственного действия в таких условиях является обеспечение безопасности¹. Учитывая потенциальную опасность со стороны подозреваемого или обвиняемого, следовательно обязан обеспечить безопасность несовершеннолетнего при производстве опознания, исключив любую возможность психологического или физического воздействия. Поэтому законность и обоснованность предъявления для опознания при таких обстоятельствах не вызывает сомнения.

Опознание в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего, производится в специально оборудованном помещении. Стоит отметить, что в ранее проведенных исследованиях содержатся альтернативные варианты создания подобных условий. Так, например, допускается возможность производства предъявления для опознания на открытой местности. При этом опознающий располагается в автомобиле с затемненными стеклами [11, с. 98]. На наш взгляд, эффективность производства следственного действия в таком порядке вызывает сомнения по следующим причинам: 1) присутствие на открытой местности множества отвлекающих несовершеннолетнего факторов; 2) затруднительность размещения значительного числа участников следственного действия в транспортном средстве; 3) проблематичность доставки участников следственного действия к месту его производства с соблюдением условия отсутствия преждевременного контакта между опознающим и опознаваемым.

Другие авторы указывают на практику производства предъявления для опознания с помощью мобильных конструкций, изготавливаемых из алюминиевого каркаса, плотной ткани и стекла. Указанная конструкция размещается в помещении, тем самым образуя изолированную от него часть [12, с. 423-424]. По нашему мнению, использование подобных приспособлений при производстве предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего тактически нецелесообразно по следующим причинам: 1) изоляция в данной конструкции способна вызвать у несовершеннолетнего дискомфорт и чувство тревоги; 2) отсутствие возможности обеспечения контакта ребенка с педагогом (психологом) и законным представителем в связи с ограниченной площадью конструкции; 3) затрудняется постановка перед опознающим уточняющих вопросов и диагностирование его поведенческих реакций.

Вышеизложенное подтверждает целесообразность производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в специально оборудованном помещении, исключающем наблюдение опознаваемым опознающего. Производство предъявления для опознания с визуальным восприятием опознающего опознаваемым допустимо в исключительных случаях, когда у следователя имеются обоснованные предположения об умышленном сообщении несовершеннолетним ложных сведений о свойствах объекта. Данный порядок можно рассматривать в качестве тактического приема изобличения не-

1 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп.) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.01.2026).

добросовестного опознающего, суть которого заключается в эмоциональном воздействии на несовершеннолетнего.

1. Предоставление несовершеннолетнему, опознающему инициативы в осуществлении выбора объекта. Несовершеннолетнему предлагается внимательно осмотреть все предъявленные для опознания объекты и указать, воспринимал ли он какой-либо из них ранее. При этом следователь обязан обеспечить самостоятельность решения ребёнка, исключив любое внешнее воздействие. Все попытки повлиять на выбор, а также комментарии или замечания других участников следственного действия подлежат немедленному пресечению.

2. Постановка уточняющих вопросов. По справедливому замечанию Е. Ю. Самолаевой даже у взрослых лиц зачастую возникают трудности при описании характерных черт лица [9, с. 81]. Разрешение указанной проблемной следственной ситуации предполагает постановку перед несовершеннолетним, опознающим уточняющих вопросов. При этом допускаются вопросы, имеющие нейтральный характер. К примеру, путем постановки вопросов осуществляется последовательное заострение внимания несовершеннолетнего на отдельных чертах внешности или динамических признаках опознанного. Несовершеннолетнему следует предоставить достаточное время для самостоятельного описания при продолжении наблюдения за предъявленными объектами.

3. Опознание путем исключения несоответствующих признаков. Данный тактический прием целесообразно применять в ситуациях, когда несовершеннолетний указал на определенный объект как ранее воспринимаемый, однако, затрудняется в выделении признаков, по которым было осуществлено отождествление. Суть приема заключается в обращении к несовершеннолетнему с просьбой указать признаки, по которым он исключил иные представленные в качестве альтернативы объекты. Подобный порядок способствует активизации ассоциативных связей и призван обратить внимание на признаки искомого объекта.

4. Оптимальная очередность восприятия признаков объектов. Результаты производства предъявления для опознания обладают наибольшим доказательственным потенциалом при выделении и описании несовершеннолетним большого количества разнородных индивидуализирующих объект признаков. К ним относится внешний вид, характерные движения, особенности походки и другие. По общему правилу мы рекомендуем выбирать следующую последовательность акцентирования внимания на признаках: общие визуальные свойства объекта, его детальные признаки, динамические свойства. Вместе с тем, очередность выявления признаков должна определяться содержанием показаний несовершеннолетнего, данных на предшествующем опознанию допросе.

5. Наблюдение за участниками следственного действия. Одним из ключевых тактических приёмов при производстве предъявления для опознания является наблюдение за поведением участников следственного действия. Особое внимание следует уделять несовершеннолетнему опознающему. Анализ его поведения способствует своевременному диагностированию уровня тревожности, утомления, затруднений в восприятии предъявленных объектов и сравнении их с образом, запечатленным в памяти, что способствует оперативной коррекции тактики взаимодействия и правильной интерпретации результатов следственного действия. В то же время, по верному замечанию Р. А. Варфоломеева, следует учитывать внешние проявления особенностей, вызванных периодом взросления, которые могут быть ошибочно восприняты следователем как проявление лжи [13, с. 170].

Проведенное исследование позволяет сформулировать определение понятия «тактический прием производства предъявления для опознания». Под ним понимается разработанная в рамках уголовно-процессуального законодатель-

ства система научно обоснованных рекомендаций, представляющих собой единое действие или их последовательность, направленных на рационализацию идентификации объекта, воспринимавшегося ранее с объектом, предъявленным для опознания, а также обеспечение безопасности несовершеннолетнего опознающего.

К числу тактических приемов производства предъявления для опознания с участием несовершеннолетнего относятся: рациональный сбор участников предъявления для опознания; эмоциональное и логическое воздействие на опознаваемого; психологическая настройка несовершеннолетнего опознающего; снятие с несовершеннолетнего опознающего эмоционального напряжения; предоставление несовершеннолетнему, опознающему инициативы в осуществлении выбора объекта; постановка уточняющих вопросов; опознание путем исключения несоответствующих признаков; оптимальная очередность восприятия признаков объектов; наблюдение за участниками следственного действия.

Пристатейный библиографический список

1. Князьков А. С. Признаки тактического приема и критерии допустимости его применения // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 355. – С. 94-102.
2. Белкин Р. С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики: в 3 т. – Т. 1. – М.: Юристъ, 1997. – 404 с.
3. Еникеев М. И., Образцов В. А., Эминов В. Е. Следственные действия: психология, тактика, технология: учебное пособие. – М.: Проспект, 2011. – 216 с.
4. Психолого-педагогическое взаимодействие в образовательном процессе: учебник для вузов / под редакцией И. В. Дубровиной. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2026. – 513 с.
5. Коровин Н. К. Особенности применения цифровой видеозаписи при производстве допроса // ГлаголЪ правосудия. – 2011. – № 1 (2). – С. 44-46.
6. Егеров И. М. Значение психологической установки в следственной деятельности // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2 (22). – С. 37-42.
7. Зайнуллин Р. И. Криминалистическое учение о личности несовершеннолетних потерпевших и свидетелей: дис. ... докт. юрид. наук. – Уфа, 2022. – 480 с.
8. Степанова А. А., Файрушина Р. Д. Тактика допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей // Правовое государство: теория и практика. – 2011. – № 2 (24). – С. 73-79.
9. Самолаева Е. Ю. Теория и практика предъявления для опознания людей: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – 205 с.
10. Моисеев Н. А. Криминалистическое обеспечение предъявления личности для опознания при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 212 с.
11. Бурыка Д. А. Правовые, организационные и тактические основы предъявления для опознания: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 235 с.
12. Криминалистическая тактика: учебник / под общ. ред. заместителя Председателя Следственного комитета Российской Федерации, руководителя Главного военного следственного управления, кандидата юридических наук, генерал-полковника юстиции А. С. Сорочкина. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 726 с.
13. Варфоломеев Р. А. Криминалистические особенности проведения проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего: дис. ... канд. юрид. наук. – Уфа, 2025. – 242 с.

АСАНОВА Ирина Павловна

кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданских и уголовно-правовых дисциплин, Саранский кооперативный институт (филиал), Российский университет кооперации

ЕРЁМКИНА Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданских и уголовно-правовых дисциплин, Саранский кооперативный институт (филиал), Российский университет кооперации

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОЛИЧЕСТВА D-ЛИЗЕРГИДА (ЛСД) И ИНЫХ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ НА БУМАЖНЫХ НОСИТЕЛЯХ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ НАДЛЕЖАЩЕГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ РАЗМЕРА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ

В статье рассматриваются проблемы определения размера ЛСД и производных NBOMe, нанесённых на бумажные носители, для целей квалификации преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Анализируются зарубежные подходы (США, Индия), российское нормативно-правовое регулирование, судебная практика, а также отдельно анализируется решение Верховного Суда РФ по делу Репина, согласно которому исключается учёт массы бумажного носителя при определении размера ЛСД. Показано, что отсутствие единообразного подхода к учёту массы носителя и объективные ограничения судебно-экспертной практики формируют высокую степень неопределённости в вопросе количественной оценки указанных веществ и приводят к неоднородности и противоречивости судебной практики. Обосновывается необходимость нормативного закрепления специального порядка определения размера психоактивных веществ на бумажных носителях.

Ключевые слова: ЛСД, NBOMe, бумажные носители, размер наркотического средства, масса носителя, Постановление Правительства РФ № 1002, Постановление Пленума ВС РФ № 14, дело Репина, судебно-экспертная деятельность, условный вес дозы.

ASANOVA Irina Pavlovna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of Civil and criminal law disciplines sub-faculty, Saransk Cooperative Institute (branch), Russian University of Cooperation

EREMKINA Nadezhda Vasiljevna

Ph.D. in philological sciences, associate professor, Head of Civil and criminal law disciplines sub-faculty, Saransk Cooperative Institute (branch), Russian University of Cooperation

PROBLEMS OF DETERMINING THE AMOUNT OF D LIZERGID (LSD) AND OTHER PSYCHOACTIVE SUBSTANCES ON PAPER MEDIA FOR THE PURPOSE OF PROPER DETERMINATION OF THE AMOUNT OF NARCOTIC DRUGS AND QUALIFICATION OF ACTS

The article discusses the problems of determining the size of LSD and NBOMe derivatives applied to paper media for the purposes of qualifying crimes related to the illicit trafficking of narcotic drugs. It analyzes foreign approaches (USA, India), Russian legal regulation, judicial practice, and also separately analyzes the decision of the Supreme Court of the Russian Federation in the Repin case, which excludes the consideration of the mass of the paper media when determining the size of LSD. It is shown that the lack of a uniform approach to the calculation of the mass of the carrier and the objective limitations of forensic practice create a high degree of uncertainty in the quantification of these substances and lead to inconsistencies and contradictions in judicial practice. The article substantiates the need for a regulatory framework that establishes a special procedure for determining the size of psychoactive substances on paper carriers.

Keywords: LSD, NBOMe, paper media, size of a narcotic substance, mass of a media, Decree of the Government of the Russian Federation No. 1002, Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14, Repin's case, forensic activities, conditional weight of a dose.

Несмотря на проводимую государством антинаркотическую политику, согласно последним сведениям, содержащимся в Указе Президента РФ от 16.02.2026 г. № 94 «О внесении изменений в Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733» ежегодно выявляется около 200 тыс. преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков¹. Важно отметить, что данная преступность носит латентный характер [1, с. 72]. На международном уровне

по итогам 2025 года правоохранительные органы государств-участников ЦАРИКЦ отмечают сохраняющуюся напряжённую наркоситуацию и устойчиво высокий уровень преступности в сфере незаконного оборота наркотиков². При этом на практике решающее значение приобретает не только факт изъятия вещества, но и его масса. Именно она используется

№ 733». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

2 Наркоситуация в государствах-участниках ЦАРИКЦ по итогам 2025 года, информационное сообщение ЦАРИКЦ № 258 от 02 марта 2026 год: подготовлено на основе предоставленных сведений компетентных органов государств-участников ЦАРИКЦ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://caricc.org/media/reports/2026/CARICC_bulletin_rus_258.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

1 Указ Президента РФ от 16.02.2026 № 94 «О внесении изменений в Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 г.

для разграничения составов преступлений и оценки степени общественной опасности деяния, поскольку от отнесения вещества к значительному, крупному или особо крупному размеру напрямую зависят квалификация, пределы наказания, а также косвенно и общий уровень наркопреступности в стране. Это особенно заметно при сбыте наркотических средств, наносящихся на нейтральные носители, прежде всего d-Лизергида (ЛСД, ЛСД-25), а также ряда синтетических производных фенэтиламина (в том числе соединений группы NBOMe), для которых характерны микродозы действующего вещества при многократно большем весе бумажного субстрата. Научные исследования в области фармакологии показывают, что минимальная психоактивная (пороговая) доза ЛСД составляет примерно 15 мкг действующего вещества, то есть десятитысячные доли грамма. Для ряда производных NBOMe, описанных в литературе с 2013 г., пороговый диапазон составляет около 50–250 мкг [2], [3], [4]. «Марки» являются наиболее распространенной готовой к употреблению формой ЛСД [5]. Также они называются «промокаемой бумагой» и представляют собой небольшие кусочки бумаги [6]. В среднем фрагмент бумаги – «марка» с нанесённым на него ЛСД весит примерно 0,05–0,10 г, из которого масса действующего вещества составляет около 0,000020–0,000200 г, что составляет доли процента от общей массы носителя [7, с. 546], [8, с. 195].

При таком соотношении массы активного компонента и нейтрального носителя закономерным становится вопрос о том, как именно следует определять размер веществ, нанесённых на бумажные марки и иные субстраты. Учитывать ли при расчёте массу носителя либо исходить исключительно из массы действующего вещества. Отсутствие чёткого нормативно определённого ответа на данный вопрос неизбежно приведёт к различной уголовно-правовой квалификации дел со схожими фактическими обстоятельствами и как следствие к неоднородности и противоречивости судебной практики.

Данная проблема характерна не только для нашего государства, но и встречается в правоприменительной практике других государств, позволяя учитывать зарубежный опыт при оценке возможных подходов к определению размера таких веществ. Зарубежная практика показывает, что вопрос учёта массы носителя при определении размера ЛСД и психоделических соединений ряда NBOMe также носит дискуссионный характер. Так, Верховный суд США в деле *Chapman v. United States* пришёл к выводу, что при определении количества ЛСД для целей применения положений 21 U.S.C. § 841(b)(1)(B)(v) решающим является вес бумажного носителя, пропитанного ЛСД, как «смеси или вещества, содержащей обнаруживаемое количество» ЛСД, а не масса чистого действующего вещества³⁴. В результате при назначении наказания учитывался общий вес бумажного носителя с нанесённым на него ЛСД, что обуславливало существенное влияние массы используемого носителя на размер назначаемого наказания. Схожая, по сути, позиция закреплена и в индийской судебной практике: Бомбейский Высокий суд, опираясь

на правовую позицию Верховного суда Индии по делу *Hira Singh*, признал бумажный носитель неотъемлемой частью изымаемого ЛСД и указал на необходимость включения его массы при определении того, относится ли изъятое к небольшой или коммерческой массе (количеству) наркотического средства⁵. Вместе с тем в США подход, реализованный в решении по делу *Chapman*, впоследствии получил дальнейшее развитие на уровне регулирования назначения наказаний. Поправкой 488 к Федеральным руководящим принципам вынесения приговоров (*United States Federal Sentencing Guidelines*) установлено, что в случаях ЛСД, нанесённого на носитель, для целей определения количества наркотического средства не следует использовать фактическую массу ЛСД вместе с носителем. Вместо этого каждая единичная доза ЛСД для расчётов принимается равной 0,4 мг⁶.

В российском уголовном законодательстве зависимость между размером наркотических средств и психотропных веществ и пределами уголовной ответственности закреплена в диспозициях и санкциях ст.ст. 228, 228.1, 229 и 229.1 УК РФ. Постановлением Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002, установлены значительный, крупный и особо крупный размеры для отдельных веществ, в том числе d-Лизергида (ЛСД, ЛСД-25), а также ряда N-(2-метоксибензил)-производных фенэтиламина NBOMe-типа. В отношении d-Лизергида указанным подзаконным актом закреплены пороговые значения значительного, крупного и особо крупного размеров – 0,0001 г, 0,005 г и 0,1 г соответственно, для 2-(2,5-диметоксифенил)-N-(2-метоксибензил)этанамин и его производных – 0,05 г, 0,25 г и 500 г, а для 1-(бензофуран-5-ил)-N-(2-метоксибензил)пропан-2-амин (5-APB-NBOMe) – 0,2 г, 1,0 г и 200 г⁷. Из чего становится очевидным тот факт, что при столь низких пороговых значениях даже незначительное изменение подхода к учёту массы нейтрального носителя способно повлечь переход от одного установленного размера к другому при квалификации деяний, не говоря уже о том, что для указанных наркотиков действующее вещество составляет доли процента от общей массы носителя.

В постановлении Пленума ВС РФ разъяснён порядок определения размера наркотических средств, находящихся в составе смесей (препаратов) и указано, что для наркотических средств, включённых в Список I Перечня, при их нахождении в составе смеси, содержащей одно наркотическое средство, размер определяется исходя из массы всей смеси, включая нейтральные компоненты, тогда как для веществ, отнесённых к Списку II и III, размер определяется только исходя из веса действующего вещества⁸.

3 Закон о контролируемых веществах США. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/USCODE-2011-title21/html/USCODE-2011-title21-chap13-subchapI-partD.htm> (дата обращения: 30.01.2026).

4 Решение Верховного суда США от 30 мая 1991 г. по делу № 90-5744 *Chapman v. United States*. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/l1/usrep/usrep500453/usrep500453.pdf> (дата обращения: 19.02.2026).

5 Постановление Верховного суда Индии по делу *Hira Singh & Another v. Union of India & Another* от 22 апреля 2020 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://narcoticsindia.nic.in/Judgments/Hira_Singh_vs_Uoi_on_22_April_2020.pdf (дата обращения: 23.03.2026).

6 Поправка 488 к Федеральным руководящим принципам вынесения приговоров США. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ussc.gov/guidelines/amendment/488> (дата обращения: 18.02.2026).

7 Значительный, крупный и особо крупный размеры наркотических средств и психотропных веществ для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации: утв. постановлением Правительства РФ от 1 октября 2012 г. № 1002 (в ред. постановления Правительства РФ от 11.06.2025 № 880). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

8 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и

В правоприменительной практике по делам о незаконном обороте d-Лизергида и производных NBOMe, наносимых на бумажные носители, сохраняется методологическая неопределённость в части определения размера соответствующих веществ. Ведомственные методики количественного определения наркотических средств, нанесённых на носители, разрабатываются и используются в рамках судебно-экспертной деятельности как форма реализации специальных знаний, однако сами по себе не обладают статусом источников уголовного или уголовно-процессуального права. Формируемые на их основе выводы подлежат оценке судом в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом. При этом такие методики при наличии грифа для служебного пользования не содержатся в открытых источниках, что исключает возможность их доктринального анализа.

В сложившихся условиях, когда многие судебно-экспертные организации не имеют технической возможности количественно определять действующее вещество на бумажных носителях, в заключениях экспертов обычно указываются лишь масса пропитанного носителя либо масса сухого остатка после экстракции. При этом используемая в таких случаях экстракция ЛСД с бумажного носителя универсальными растворителями (например, смесью метанола с водой) неизбежно извлекает помимо целевого компонента также красители, оптические отбеливатели и иные компоненты бумаги, вследствие чего масса сухого остатка значительно превышает фактическую массу ЛСД и не может рассматриваться как её эквивалент. Вместе с тем существует утверждённая МВД методика количественного определения ЛСД на бумажных носителях, предусматривающая определение его содержания методом высокоэффективной жидкостной хроматографии с использованием стандартного раствора ЛСД известной концентрации⁹. Однако отсутствие в обращении государственных стандартных образцов фактически делает повсеместное применение данной методики невозможным.

В результате суды, опираясь на указанные заключения, формируют неоднородную судебную практику. Так, в одних случаях при определении размера учитывается общая масса бумажных фрагментов, что фактически приводит к приравниванию размера наркотического средства к массе марок, в иных – признаётся допустимым доказательством заключение эксперта о массе сухого остатка либо о невозможности количественного определения вещества, в связи с чем изменяется уголовно-правовая квалификация деяния¹⁰. В ряде уголовных дел, в том числе по обвинениям в незаконном хранении ЛСД без цели сбыта, было установлено отсутствие возможности определения массы d-Лизергида на бумажных носителях по различным объективным причинам, что повлекло правовые последствия вплоть до полного прекращения уголовного

преследования по соответствующим эпизодам, связанным с ЛСД¹¹.

В одном из дел, столкнувшись с невозможностью количественного определения массы d-Лизергида на бумажных носителях, прокурор предложил признать допустимым доказательством письмо из МГУ имени М. В. Ломоносова за подписью и.о. декана химического факультета, в котором фрагменты перфорированной бумаги с нанесённым на неё ЛСД были охарактеризованы им как смесь. Данный пример наглядно демонстрирует, что дефицит методической и материально-технической базы побуждает участников уголовного судопроизводства восполнять пробелы экспертизы несвойственными ей по своей правовой природе «доказательствами» научного характера¹².

На этом фоне особое значение приобретает позиция ВС РФ о недопустимости включения массы бумажного носителя в общий размер ЛСД, сформулированная, в частности, в деле П. В. Репина. Московский городской суд квалифицировал действия осуждённого по п. «б» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ как контрабанду наркотических средств в особо крупном размере, исходя из общей массы фрагментов перфорированной бумаги с нанесённым на неё ЛСД – 19,57 г, тогда как, согласно заключению экспертизы, наркотического средства содержалось лишь 0,07 г, что соответствует крупному, но не особо крупному размеру¹³. Суд первой инстанции исходил из того, что бумага и ЛСД образуют смесь и поэтому при определении размера учитывал совокупный вес носителя и нанесённого вещества. Верховный Суд РФ признал такой подход необоснованным, указав, что нанесённое на бумагу наркотическое средство и сам бумажный носитель представляют собой наркотик и носитель, а не наполнитель, и потому смесью в смысле Постановления Правительства Российской Федерации от 30 июня 1998 г. № 681 и Постановления от 1 октября 2012 г. № 1002 являться не могут. При установленных для ЛСД пороговых значениях значительного, крупного и особо крупного размеров учёт собственной массы бумажного носителя, как отметил Верховный Суд, практически предопределяет квалификацию содеянного как совершённого в крупном или особо крупном размере. Исходя из фактической массы наркотического средства Суд переквалифицировал действия П. В. Репина на ч. 3 ст. 229.1 УК РФ и смягчил назначенное наказание.

Тем самым своей позицией в отношении ЛСД ВС РФ закрепил подход, согласно которому размер наркотического средства определяется исходя исключительно из содер-

ядовитыми веществами» (ред. от 16.05.2017). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

9 Количественное определение некоторых наркотических средств методами газовой, жидкостной хроматографии и УФ-спектроскопии. Методические рекомендации (утв. Постоянным комитетом по контролю наркотиков, Протокол от 24.11.2004 № 7/96-2004). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

10 Апелляционное определение от 4 сентября 2020 года по делу № 22-305/2020. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://gs-sev.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=13749700&case_uid=d9de807b-94cf-41d7-84a7-f8e3f2eb5692&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 18.03.2026).

11 Апелляционное определение от 16 июня 2023 года по делу № 22-2579/2023. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kraevoy-prm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=22362643&case_uid=ffdd5037-a8f5-41dd-a4e2-eddd8799bca4&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 18.03.2026).

12 Определение суда кассационной инстанции от 27 июня 2024 г. по делу Дело № 127-УД24-6-К4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pandektum.ru/wp-content/uploads/2024/12/%D0%9E%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%92%D0%B5%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B0-%D0%A0%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9-%D0%A4%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%BE%D1%82-27.06.2024-%E2%84%96-127-%D0%A3%D0%9424-6-%D0%9A4.pdf>.

13 Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.04.2024 № 5-УД24-11-А1. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.03.2026).

жания действующего вещества. Однако данное разъяснение адресовано судам и не влечёт автоматического изменения ведомственных методик, в результате чего складывается парадоксальная ситуация, при которой суды должны руководствоваться данной позицией в целях формирования единообразия судебной практики, тогда как используемые экспертными организациями методики и их материально-техническое оснащение по-прежнему не позволяют во многих случаях количественно определять его содержание на бумажных носителях. Аналогичным образом нерешённой остаётся проблема определения размера производных NBOMe и Bromo-DragonFLY, также реализуемых преимущественно на бумажных марках и характеризующихся микродозами действующего вещества при существенно большем весе носителя.

Таким образом, действующее уголовно-правовое регулирование в Российской Федерации, устанавливающее предельно низкие пороговые значения значительного, крупного и особо крупного размеров для d-Лизергида и ряда производных NBOMe, в сочетании с отсутствием единообразного подхода к учёту массы бумажного носителя и объективными ограничениями судебно-экспертной деятельности формирует высокую степень неопределённости в вопросе количественной оценки указанных веществ. Это проявляется как в различиях применяемых экспертных методик и ограничениях материально-технической базы экспертных организаций, так и в неоднородной судебной практике, в которой лишь постепенно утверждается ориентир на исключение массы нейтрального носителя из размера наркотического средства. Полное устранение выявленных проблем предполагает не только дальнейшее развитие правоприменительных разъяснений, но и нормативное закрепление порядка определения размера наркотических средств, нанесённых на нейтральные носители. Такой порядок должен, с одной стороны, исходить из приоритета веса психоактивного вещества и исключать включение носителя в размер наркотического средства, а с другой – учитывать объективные ограничения в деятельности экспертных организаций (особенно в регионах).

Наиболее последовательным в этих условиях представляется подход, при котором размер ЛСД и производных NBOMe на бумажных носителях определяется не по фактической массе пропитанного субстрата, а по заранее установленному условному весу единичной дозы одной «марки». Закрепление такого механизма в подзаконном акте, дополняющем Постановление Правительства Российской Федерации от 1 октября 2012 г. № 1002, и последующее внесение изменений в ведомственные методики позволило бы исключить влияние физических характеристик бумажного носителя на определение размера наркотического средства и обеспечить единообразие экспертной и судебной практики, а также сохранить необходимую дифференциацию уголовной ответственности в зависимости от фактического количества доз психоактивного вещества.

Следует учитывать, что выработка и нормативное закрепление единообразного подхода к определению размера ЛСД и производных NBOMe на бумажных носителях имеет значение не только для квалификации последующих уголовных дел, но и для уже вынесенных приговоров, обеспечивая возможность применения механизмов, предусмотренных главой 49 УПК РФ.

Пристатейный библиографический список

1. Теунаев А. С. Актуальные проблемы определения количества наркотиков (d-Лизергид, ЛСД, ЛСД-25) для целей российского уголовного законодательства // Право и политика. – 2021. – № 9. – С. 72-86.
2. Baquiran M., Keyes D., Al Khalili Y. Lysergic Acid Diethylamide Toxicity. [Updated 2023 Dec 17]. In: StatPearls [Internet]. – Treasure Island (FL): StatPearls Publishing; Jan. – 2026. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/books/NBK553216/> (дата обращения: 15.03.2026).
3. Ninnemann A., Stuart G. L. The NBOMe series: a novel, dangerous group of hallucinogenic drugs // Journal of Studies on Alcohol and Drugs. – 2013. – 74 (6). – P. 977-978. – Doi: 10.15288/jsad.2013.74.977.
4. Hermle L., Ruchow M., Taschner K. L. Hallucinogen Persisting Perception Disorder (HPPD) and flashback phenomena – differential diagnosis and explanation models Fortschr // Neurol. Psychiatr. – 2015. – 83 (9). – Pp. 506-515. – Doi: 10.1055/s-0035-1553717.
5. Tsochatzis E., Lopes Ja., Reniero F. et al. Identification of 1-Butyl-Lysergic Acid Diethylamide (1B-LSD) in Seized Blotter Paper Using an Integrated Workflow of Analytical Techniques and Chemo-Informatics // Molecules. – 2020. – 25 (3). – P. 712.
6. Hida M., Mitsui T. Rapid identification of lysergic acid diethylamide in blotter paper by microscope FT-IR // Anal. Sci. – 1999. – № 15. – P. 289-291. – Doi: 10.2116/analsci.15.289.
7. Brandt S. D., Kavanagh P. V., Westphal F. et al. Separating the wheat from the chaff: Observations on the analysis of lysergamides LSD, MIPLA, and LAMPA // Drug Test Analysis. – 2022. – Vol. 14. № 3. – Pp. 545-556.
8. Лебеденко С. Е., Заер Е. В. Проблемные вопросы определения количества наркотического средства d-лизергид (ЛСД, ЛСД-25) на бумажных носителях // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2023. – № 4. – С. 190-202.

БЕРЕЗОВСКАЯ Елена Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории, истории государства и права, социально-экономических дисциплин, Казанский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)

КАЗАНЦЕВА Ольга Геннадьевна

кандидат юридических наук, доцент, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону; Московский университет им. С. Ю. Витте (филиал), г. Ростов-на-Дону

ПУХКАЛОВА Марина Олеговна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южный университет управления, бизнеса и права, г. Ростов-на-Дону, судья в отставке

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРАФАКТНЫХ ТОВАРОВ И УСЛУГ

В статье рассматривается криминологическая составляющая характеристики преступности, опосредованной реализацией контрафактных товаров и услуг. Чаще всего рассматриваемые деяния связаны с нарушением прав потребителей товара. Резонансные случаи встречались на практике, связанные со спиртосодержащей продукцией, непригодной для потребления человека либо продуктами питания, реализуемыми для детских учреждений. В большинстве случаев преступник действует решительно, их не волнует моральный аспект содеянного. Авторами рассматриваются типичные черты преступника в этой сфере, а также подчеркиваются его психологические особенности. Причем, несмотря на небольшое количество привлекаемых лиц за совершение преступлений такого рода, степень общественной опасности преступлений остается высокая.

Ключевые слова: товары, общественная опасность, требования безопасности, личность преступника, жертвы преступления.

BEREZOVSKAYA Elena Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Theory, history of state and law, and socio-economic disciplines sub-faculty, Kazan Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

KAZANTSEVA Olga Gennadjevna

Ph.D. in Law, associate professor, Don State Technical University, Rostov-on-Don; S. Yu. Witte Moscow University (Branch), Rostov-on-Don

PUKHKALOVA Marina Olegovna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty, Southern University of Management, Business and Law, Rostov-on-Don, retired judge

CRIMINOLOGICAL ASPECTS OF CRIME IN THE FIELD OF COUNTERFEIT GOODS AND SERVICES

The article examines the criminological component of the characteristics of crime mediated by the sale of counterfeit goods and services. Most often, the acts in question are related to the violation of the rights of consumers of the product. High-profile cases have occurred in practice related to alcohol-containing products unsuitable for human consumption or food sold for children's institutions. In most cases, the perpetrator acts decisively, they do not care about the moral aspect of what they have done.

Keywords: goods, public danger, security requirements, identity of the perpetrator, victims of the crime.

Криминологическая характеристика производства, хранения, перевозки либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, – исходный этап для оптимизации процесса разработки и реализации мер предупреждения указанных преступлений.

Ежегодно в России от пищевых отравлений гибнет более 50 тыс. человек, из них до 30 тыс. – от отравления суррогатным алкоголем, а общее число пострадавших превышает 30

млн. человек. Производство либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, наносят серьезный вред здоровью людей.

За данный вид преступления предусмотрена уголовная ответственность по ст. 238 Уголовного кодекса РФ¹.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

Березовская Е. В.

Казанцева О. Г.

Пухкалова М. О.

Данная статья включена в гл. 25 «Преступления против здоровья населения и общественной нравственности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка» УК РФ. Согласно указанию Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 25 декабря 2020 г. № 738/11/3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»² преступление, предусмотренное ст. 238 УК РФ, относится к преступлению экономической направленности, что в том числе также предопределяет направления деятельности различных механизмов государства в борьбе с указанным видом преступлений.

Применительно к преступлениям, связанным с производством, хранением, перевозкой либо сбытом товаров и продукции, выполнением работ или оказанием услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ), состояние преступности определяется общим количеством совершенных преступлений, а также числом лиц, их совершивших, на определённой территории за конкретный период времени. При этом следует помнить, что количество преступлений не всегда совпадает с числом лиц, их совершивших, так как одно преступление может быть совершено группой лиц, а одно лицо зачастую совершает несколько преступлений, поэтому процент нераскрытых преступлений будет гораздо выше [2, с. 138].

Однако не все преступления остаются раскрытыми и лица, виновные в их совершении, привлекаются к ответственности, часть преступлений и вовсе совершается латентно.

В широком понимании состояние преступности нельзя объективно оценить вне её реальной динамики, темпов её роста или снижения, темпов роста (снижения) отдельных групп и видов преступлений. При оценке состояния преступности в абсолютных показателях, кроме зарегистрированных преступлений, следует также учитывать латентные деяния, число которых может в 3-5 и более раз превышать количество официально зафиксированных преступлений.

Так, в целом динамика преступлений анализируемой категории характеризуется снижением количества совершений данного вида преступлений в период с 2022 по 2024 г., так по статье 238 УК РФ за 2022 осуждено 769 лиц, за 2023 – 778 лиц, за 2024 – 685 лиц³.

Согласно судебной практике, случаи нарушения прав и интересов потребителей наиболее распространены в области торговли продуктами питания, меньше – в сфере торговли промышленными товарами. Подавляющее большинство подобных нарушений допускается со стороны индивидуальных предпринимателей.

Преступления, связанные с производством, хранением, сбытом товаров и выполнением работ, не отвечающих

требованиям безопасности, отличаются видовым многообразием.

В настоящее время нарушения допускаются практически во всех сферах потребительского рынка (некачественные продукты питания, детские игрушки, алкоголь; несвоевременное предоставление необходимых лекарственных препаратов, нарушения в сфере жилищно-коммунальных услуг, при предоставлении услуг владельцами маршрутных такси, несоблюдение рекламного законодательства и др.).

Более того, с развитием общественных отношений и внедрением новых технологий появляются новые нетипичные разновидности соответствующих преступных деяний.

Криминологический портрет преступников, являющихся субъектами преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, можно составить исходя из данных судебной статистики за 2019 г. Большая часть осужденных по ст. 238 УК РФ (из 2168 осужденных) – это граждане Российской Федерации в возрасте от 30 до 50 лет (1987), как правило, не имеющие постоянного рода занятий (867), больше половины осужденных – мужчины (1133), 4,5 % осужденных – граждане стран СНГ.

Наиболее распространенным видом данного преступления является сбыт спиртосодержащей жидкости, в которой содержатся различные непищевые (технические) добавки, например метиловый спирт, опасные для жизни и здоровья.

Так, 27 февраля 2020 г., Ленинский районный суд г. Иркутска вынес приговор по уголовному делу в отношении 44-летнего местного жителя А. Он признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 238 УК РФ (сбыт продукции, не отвечающей требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, совершенный группой лиц по предварительному сговору). В суде установлено, что в декабре 2016 г. А. и его знакомый без сопроводительных документов, сертификатов и деклараций, удостоверяющих легальность производства, оборота и качества товара – спиртосодержащей продукции, перевезли и продали одному из предпринимателей города около 2 тыс. пластиковых бутылок с концентратом для принятия ванн «боярышник», содержащим ядовитый метиловый спирт. В последующем опасный для жизни и здоровья товар был изъят сотрудниками правоохранительных органов. Один из сбытчиков «боярышника» был задержан через непродолжительное время после совершения преступления и осужден в сентябре 2020 г. к 2 годам 7 месяцам лишения свободы, а А. скрылся и находился в розыске.

После событий, произошедших в Иркутской области и Красноярском крае, связанных с массовым отравлением граждан некачественными спиртосодержащими товарами, борьба с некачественной, опасной для жизни и здоровья человека алкогольной продукцией стала приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов.

Лица, реализующие спиртосодержащие товары, как правило, данной жидкостью сами не пользуются, изготавливают её в домашних условиях путём разведения водой технического спирта, жидкости для размораживателей замков, стеклоочистителей и иных спиртосодержащих жидкостей, предназначенных для технических целей. При этом оставляют без внимания тот факт, что изготовленная

2 Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 25 декабря 2020 г. № 738/11/3 «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

3 Сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 20.03.2026).

ими спиртосодержащая жидкость представляет реальную угрозу для жизни и здоровья потребителей.

Лица, постоянно занимающиеся реализацией в корыстных целях спиртосодержащих суррогатов, хотя и не имеют прямого либо даже косвенного умысла на причинение вреда здоровью потребителей, тем не менее, могут и должны предвидеть его наступление, поскольку достоверно знают о качестве реализуемого ими продукта (спиртосодержащей жидкости)⁴.

В любом случае рассматриваемая категория лиц представляет собой одну из категорий преступников наивысшей опасности, которые в силу тех или иных обстоятельств пренебрежительно отнеслись к жизни и здоровью своих сограждан, сознательно пойдя на нарушение требований безопасности в сфере потребительского рынка.

Потребителями и жертвами преступных посягательств являются представители разных слоев общества, действовавшие в различных обстоятельствах, под влиянием разных факторов [4, с. 53].

Но, как правило, при рассмотрении виктимологического аспекта преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, речь идёт о социально деклассированных элементах, а также о людях, стремящихся сэкономить либо вынужденных в силу своего финансового положения экономить, которые заведомо идут на приобретение контрафактных, просроченных товаров, доверяют оказание услуг (например, подряда) организациям с сомнительной репутацией, подчас фиктивным.

Состав преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, следует относить к тем видам уголовно-наказуемых деяний, которые влекут за собой последствия, порождающие причинение серьёзного вреда, как взрослым людям, так и несовершеннолетним. В связи с этим выделение конкретных особенностей личности преступника, совершающего преступления в области выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, важно для общего понимания сущности, исследуемого в статье уголовно-наказуемого деяния.

Так, например, И. В. Дмитерко, являясь индивидуальным предпринимателем, оказывал услуги по организации общественного питания, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Действия И. В. Дмитерко повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью малолетнего Б.Р.У. 09.06.2015. И. В. Дмитерко допустил падение незафиксированного к асфальту металлического барного стола на малолетнего Б. Р. У., который в этот момент являлся потребителем трейлера быстрого питания, в результате чего потерпевшему по неосторожности причинена механическая травма левой кисти: перелом средней фаланги 2 пальца, рана ладонной поверхности средней фаланги левой кисти, повлекшая за собой временное нарушение функций органов и (или) систем продолжительностью свыше 3-х недель, причинившая по признаку длительности расстройства здоровья вред здоровью средней тяжести⁵.

«Среди многих элементов криминологической характеристики преступлений важное значение имеет личность преступника, которая оказывает влияние на механизм совершения преступления, его правовые последствия, на следственные ситуации, возникающие в процессе расследования уголовного дела» [3, с. 86].

Анализ лица, совершившего преступление в указанных сферах, как субъекта, совершившего данное преступление, имеет два направления для расследования уголовного дела – функциональное и психологическое. Личность преступника содержит в себе как психологические особенности субъекта, так и функциональные его особенности, оказывая друг на друга взаимное влияние. Психологическое изучение лица, совершившего преступление в сфере выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности, происходит с точки зрения общей психологии личности преступника, то есть следователь при расследовании данной категории дел, должен учитывать психическое состояние, психические свойства личности конкретного лица, совершающего преступление. При расследовании данной категории уголовных дел, в отношении личности преступника следователь должен установить:

- наличие специального образования и стажа работы по данной специальности;
- должность, которую занимало лицо на момент происшествия;
- какими нормативными правовыми актами обязан был руководствоваться при исполнении служебных обязанностей;
- какими правовыми актами предусмотрены требования к безопасному проведению мероприятия, в процессе которого произошло происшествие; знакомо ли данное лицо с содержанием этих правовых актов;
- в чём, по мнению обвиняемого, заключаются причины несчастного случая;
- признает ли обвиняемый свою вину в нарушении закрепленных законом правил, и т.д.

К типичным чертам преступника, совершившего преступление в сфере работ или услуг, не отвечающих требованиям безопасности, необходимо отнести следующие характеристики: отсутствие психических заболеваний, алкогольной и наркотической зависимости, судимости, компрометирующих данных о личной жизни человека; наличие – физического здоровья, которое положительным образом влияет на психологическое состояние человека, положительные характеристики по месту жительства и работы, наличие образования, которое позволяет занимать должности для выполнения работ или оказания услуг, благоприятные семейные и бытовые условия [1, с. 197].

Так, В. П. Захаров и С. П. Демушкин совершили преступления, предусмотренные ч. 3 ст. ст. 327, ч. 1 ст. 238, ч.1 ст. 238 УК РФ. Установлено, что З.В.П., являясь заместителем генерального директора по инженерно-авиационному обеспечению – начальника авиационно-технической базы в ГУП Оренбургской области «Аэропорт Оренбург», Д.С.П.,

4 Судебные и нормативные акты РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 20.03.2026).

5 Обвинительное заключение по уголовному делу № 150529003 СО Кировскому району г. Екатеринбург СУ СК России по Свердлов-

ловской области. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kirovskii-raionnyi-sud-g-ekaterinburga-sverdlovskaja-oblast/?page=8> (дата обращения: 20.03.2026).

являясь главным инженером АТБ, организовали фиктивное проведение учений с целью повышения квалификации и присвоении квалификационных отметок с внесенными в них заведомо ложными сведениями. Общественная опасность действий обвиняемых заключалась в том, что каждое воздушное судно в соответствии с требованиями технологической документации должно проходить техническое обслуживание с обязательными работами по регламенту.

Такие работы, то есть техническое обслуживание в обязательном порядке в соответствии с требованиями Воздушного кодекса и Федеральных авиационных правил должны производить сотрудники инженерно-технической службы, имеющие свидетельство Росавиации с соответствующей квалификационной отметкой о возможности выполнения определенного вида работ на данном типе воздушного судна, а также соответствующий приказ руководства авиакомпании о допуске специалиста к самостоятельному техническому обслуживанию. Если техническое обслуживание было проведено лицом, не имеющим соответствующей квалификационной отметки в свидетельстве специалиста, то следует считать, что данное воздушное судно не прошло технического обслуживания и не может считаться исправным и не может быть допущено к эксплуатации. Сотрудники АТБ, не прошедшие КПК, получить допуск к самостоятельному обслуживанию ВС (осуществлять техническое обслуживание ВС) не могли, так же, как и не могли осуществлять техническое обслуживание ВС по указанным выше основаниям.

В данном примере можно наблюдать, что обвиняемые ради своей материальной выгоды, а именно присвоения затрат на проведение обучения, поставили под угрозу жизнь пассажиров. Особенности личности таких преступников обусловлены особенностями их трудовой деятельности. В данном случае подразумеваю, что черты их характера, социальное положение, демографические показатели зависят от того, что виновные занимаются таким видом деятельности, который возлагает на них ответственность за обеспечение безопасности граждан, обеспечения безопасности здоровья и благополучия людей.⁶

Зачастую, преступник относится небрежно, преступления совершаются им систематически, несмотря на первое предупреждение, так К. Г. Кошапов был осужден за совершение преступления – оказание услуги, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. Из обстоятельств дела известно, что К. Г. Кошапов оказывал услуги по перевозке пассажиров на технически не исправном транспортном средстве. Данные неисправности, были выявлены сотрудниками ГИБДД Управления МВД России по г. Новокузнецку, которые в последующем вынесли постановление о привлечении К. Г. Кошапова к административной ответственности, а также надлежащим образом уведомили его о запрещении эксплуатации данного транспортного средства до устранения выявленных неисправностей. Несмотря на это, К. Г. Кошапов продолжил оказывать услуги по перевозке пассажиров, на технически неисправном транспортном средстве, то есть ока-

зывал услуги, не отвечающие требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.⁷

В этой связи преступления, связанные с производством, хранением, сбытом товаров и выполнением работ, не отвечающих требованиям безопасности, характеризуются высокой степенью общественной опасности.

Пристатейный библиографический список

1. Верхотуров С. А. Особенности личности преступника, совершающего преступление в области выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности // Инновационные аспекты развития науки и техники. – 2021. – № 6. – С. 197-203.
2. Ермохина Г. В. Криминологическая характеристика оборота товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности // Образование. Наука. Научные кадры. – 2022. – № 2. – С. 138-142.
3. Маслов С. А., Ментюкова М. А. Криминалистический анализ личности преступника, совершившего должностное преступление коррупционной направленности // Научный журнал Дискурс. – 2017. – № 6(8). – С. 86-91.
4. Пархоменко С. В., Рогова Е. В. О согласии потерпевшего на причинение вреда // Вестник Российской правовой академии. – 2017. – № 2. – С. 53-58.

6 Постановление Оренбургского районного суда Оренбургской области от 21.10.2015 по делу №1-236/15. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudrf.ru (дата обращения: 20.03.2026).

7 Приговор Центрального районного суд г. Новокузнецка Кемеровской области от 07 октября 2015 года по делу № 1-689/2015ю. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: sudrf.ru (дата обращения: 20.03.2026).

ГУЩИНА Анастасия Александровна

кандидат технических наук, старший преподаватель кафедры компьютерной безопасности и технической экспертизы, Воронежский институт МВД России, подполковник полиции

ХОРОЛЬСКИЙ Владимир Витальевич

кандидат педагогических наук, доцент, старший преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России

ХУСНУЛЛИН Тагир Илдарович

преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, капитан полиции

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ СОЦИАЛЬНОЙ ИНЖЕНЕРИИ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Актуальность темы обусловлена стремительным ростом данного вида преступлений на фоне цифровой трансформации общества и расширения сферы дистанционного банковского обслуживания. Как показывают исследования, более 60 % хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, реализуются именно через психологическое воздействие на человека – манипулирование его чувствами страха, доверия, альтруизма или жадности.

Целью настоящего исследования выступает комплексный анализ уголовно-правовых и криминологических аспектов социальной инженерии как способа совершения мошенничеств, а также выработка предложений по совершенствованию мер противодействия данным деяниям. В статье раскрывается понятие и сущность социальной инженерии, под которой понимается совокупность психологических приёмов манипулирования, направленных на побуждение человека к добровольной передаче конфиденциальной информации или денежных средств.

В рамках криминологического анализа представлена классификация основных методов социальной инженерии, а также психологический портрет преступника и жертвы. Авторами выявлены факторы виктимности, среди которых ключевую роль играет недостаточная информированность населения о способах совершения подобных преступлений.

Ключевые слова: мошенничество, социальная инженерия, киберпреступность, хищение, психологическое манипулирование, виктимность, уголовно-правовая квалификация, противодействие преступности.

GUSHCHINA Anastasiya Alexandrovna

Ph.D. in technical sciences, senior lecturer of Computer security and technical expertise sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

KHOROLSKY Vladimir Vitaljevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, senior lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

KHUSNULLIN Tagir Ildarovich

lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, captain of police

FRAUD USING SOCIAL ENGINEERING METHODS: CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGICAL ANALYSIS

The relevance of the topic is due to the rapid growth of this type of crime against the background of the digital transformation of society and the expansion of the field of remote banking services. Research shows that more than 60 % of thefts committed using information and telecommunication technologies are realized precisely through psychological influence on a person – manipulating his feelings of fear, trust, altruism or greed.

The purpose of this study is a comprehensive analysis of the criminal law and criminological aspects of social engineering as a way to commit fraud, as well as to develop proposals for improving measures to counter these acts. The article reveals the concept and essence of social engineering, which is understood as a set of psychological manipulation techniques aimed at encouraging a person to voluntarily transfer confidential information or funds.

The criminological analysis provides a classification of the main methods of social engineering, as well as a psychological portrait of the perpetrator and victim. The authors have identified victimization factors, among which the key role is played by the lack of awareness of the population about the ways of committing such crimes.

Keywords: fraud, social engineering, cybercrime, embezzlement, psychological manipulation, victimization, criminal law qualification, crime prevention.

Современный этап развития общества характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер жизнедеятельности. Расширение сферы дистанционного банковского обслуживания, повсеместное использование мобильных устройств и сети Интернет, переход значительной части коммерческих и государственных услуг в электронный формат – все это, безусловно, создает дополнительные удобства для граждан. Однако одновременно с этим формируется благоприятная среда для совершения преступлений, объектом которых выступают денежные средства и иное имущество граждан.

Особое место в структуре современной преступности занимают хищения, совершаемые с использованием методов социальной инженерии. Как справедливо отмечается в исследованиях последних лет, более 60 % хищений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, реализуются именно через психологическое воздействие на человека – манипулирование его чувствами страха, доверия, альтруизма и др. Данная статисти-

стика свидетельствует о том, что «слабым звеном» в системе защиты от дистанционных хищений становится не столько технологическая инфраструктура, сколько сам человек, его психологические особенности и поведенческие установки.

Согласно официальным данным МВД России, в 2024-2025 гг. наблюдается устойчивый рост количества преступлений, квалифицируемых по ст. 159 УК РФ (мошенничество), совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Основной рост приходится на фишинг, сочиненные звонки от имени банков – 65 % от общего числа случаев. Сумма ущерба в 2025 году оценивается в ~85 млрд руб., при этом лишь 15–20 % потерпевших удается вернуть украденные средства [1].

Многие исследователи отмечают, что в цифровую эпоху дистанционное мошенничество переживает глубокую трансформацию, поскольку злоумышленники начали активно использовать искусственный интеллект и смежные технологии для создания более изощренных, масштабных и труднораспознаваемых схем. Традиционные механизмы за-

щиты, включая антивирусные программы и простые памятки о фишинге, уже не могут в полной мере противостоять высокотехнологичным атакам, где машинное обучение обеспечивает криминалистическую точность при выборе жертв и генерации контента [3].

В этой связи появляется высокая необходимость в совершенствовании механизмов предотвращения мошенничеств, совершаемых в сети интернет и с использованием методов социальной инженерии.

Термин «социальная инженерия» изначально возник в социологии и психологии для обозначения совокупности методов направленного воздействия на социальные процессы. В контексте криминологии и уголовного права под социальной инженерией понимается совокупность психологических приемов манипулирования, направленных на побуждение человека к добровольной передаче конфиденциальной информации или денежных средств.

Как отмечает Н. И. Старостенко, «социальная инженерия понимается как способ воздействия на человека без применения технических средств. В свою очередь, эти способы базируются на использовании уязвимого эмоционально-психологического состояния человека» [4]. Данное определение акцентирует внимание на ключевой особенности рассматриваемого феномена: объектом воздействия является не техническая система защиты, а человеческий фактор, который зачастую оказывается наиболее уязвимым звеном в системе обеспечения безопасности.

Социальная инженерия как способ совершения преступлений обладает рядом специфических признаков:

Опосредованный характер воздействия. Преступник не применяет физического насилия и не использует технические средства взлома. Его воздействие носит информационно-психологический характер.

Добровольность действий жертвы. Потерпевший самостоятельно совершает действия по передаче денежных средств или конфиденциальной информации, будучи введенным в заблуждение относительно истинных намерений преступника.

Использование психологических уязвимостей. Преступник воздействует на базовые эмоции и чувства человека: страх, доверие, жадность, альтруизм, любопытство, желание помочь близким.

Высокая степень латентности. Потерпевшие не всегда осознают факт совершения в отношении них преступления, полагая, что самостоятельно приняли ошибочное решение.

Криминологический анализ позволяет выделить несколько основных методов социальной инженерии, используемых при совершении мошенничеств.

Претекстинг – это мошенническая схема, основанная на методах социальной инженерии. Иными словами, это вид мошеннических действий, совершаемых, как правило, посредством средств сотовой связи, когда преступник отрабатывает заранее подготовленный текст (сценарий), целью которого является совершение потенциальной жертвой определенных действий либо получение конфиденциальной информации, необходимых для хищения денежных средств гражданина [2].

Метод «ложный сотрудник банка». Наиболее распространенный метод, при котором злоумышленник представляется сотрудником службы безопасности банка и сообщает жертве о несанкционированном списании средств, необходимости отменить подозрительную операцию или перевести деньги на «безопасный счет». В основе метода лежит эксплуатация чувства страха за сохранность собственных накоплений.

Метод «родственник в беде». Преступник связывается с жертвой, представляясь родственником (чаще всего внуком или сыном), и сообщает о необходимости срочной передачи денежных средств для решения проблем (ДТП, задержание полицией и т.п.). Здесь эксплуатируется чувство тревоги за близких и желание немедленно оказать помощь.

Метод «выигрыш» или «компенсация». Жертве сообщается о выигрыше в лотерее, получении компенсации за ранее приобретенные некачественные товары или услуги. Для получения «выигрыша» требуется перевести определенную сумму в качестве налога или комиссии. В основе метода – эксплуатация чувства жадности и надежды на легкое обогащение.

Метод «предложение работы» или «инвестиции». Жертве предлагается высокооплачиваемая удаленная работа или участие в инвестиционном проекте с гарантированной высокой доходностью. После перевода определенной суммы в качестве «вступительного взноса», «обучения» или «депозита» преступник прекращает общение.

Ки про кво (услуга за услугу). Ки-берпреступник под видом сотрудника технической поддержки информирует потерпевшего по телефону, что необходимо провести профилактические мероприятия на персональном компьютере или спрашивает у потерпевшего, есть ли какие-либо проблемы с компьютером. Затем преступник решает технические проблемы (или делает вид), а затем предлагает неопытному пользователю установить программу, которая будет передавать ему данные с этого компьютера для осуществления его преступных целей [5].

Криминологические исследования позволяют составить обобщенный психологический портрет лица, совершающего мошенничество с использованием методов социальной инженерии.

Преступники данной категории обладают развитыми коммуникативными способностями, высоким уровнем эмпатии (в криминальном контексте – способностью понимать эмоциональное состояние жертвы и прогнозировать ее поведение), стрессоустойчивостью, навыками импровизации.

Эффективное противодействие мошенничествам с использованием методов социальной инженерии возможно лишь при комплексном подходе, сочетающем совершенствование уголовного законодательства, повышение эффективности деятельности правоохранительных органов и активную профилактическую работу с населением, направленную на снижение виктимности и формирование навыков безопасного поведения в цифровой среде.

Пристатейный библиографический список

1. Дрёмин А. А., Дробот С. А. Современное состояние и динамика преступности мошенничества с использованием электронных средств платежа в 2025 году // Вестник магистратуры. – 2025. – № 6-4 (165). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-i-dinamika-prestupnosti-moshennichestva-s-ispolzovaniem-elektronnyh-sredstv-platezha-v-2025-godu> (дата обращения: 13.03.2026).
2. Зотина Е. В. Претекстинг как прием социальной инженерии, используемый телефонными мошенниками: криминологический взгляд на проблему // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2022. – № 4 (50). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/preteksting-kak-priem-sotsialnoy-inzhenerii-ispolzuemyy-telefonnymi-moshennikami-kriminologicheskii-vzglyad-na-problemu> (дата обращения: 13.03.2026).
3. Палий Е. С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 4 (108). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-i-ugolovno-pravovye-aspekty-distantsionnogo-moshennichestva-s-primeneniem-deepfake-tehnologiy-i-sotsialnoy-inzhenerii> (дата обращения: 13.03.2026).
4. Старостенко Н. И. Социальная инженерия как объект криминологического изучения // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2021. – № 1 (43). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inzheneriya-kak-obekt-kriminalisticheskogo-izucheniya> (дата обращения: 13.03.2026).
5. Янгаева М. О. Социальная инженерия как способ совершения киберпреступлений // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2021. – № 1 (42). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-inzheneriya-kak-sposob-soversheniya-kiberprestupleniy> (дата обращения: 13.03.2026).

КУДОВБА Оксана Николаевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права, Ростовский юридический институт МВД России, подполковник полиции

МУГИНОВА Зульфия Радиковна

заместитель начальника кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

ОРЕХОВА Наталья Александровна

преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел, Воронежский институт МВД России, майор полиции

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ППС: ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА МАРШРУТАХ ПАТРУЛИРОВАНИЯ

Настоящая статья посвящена комплексному анализу виктимологической профилактики как одному из перспективных и недостаточно востребованных направлений в повседневной деятельности патрульно-постовой службы полиции (ППСП). В отличие от традиционного подхода, ориентированного преимущественно на выявление и пресечение действий правонарушителей, виктимологическая профилактика смещает акцент на личность потенциальной жертвы, её поведенческие паттерны, ситуационную уязвимость и факторы, повышающие риск стать объектом преступного посягательства.

Авторами обосновывается необходимость последовательной интеграции виктимологического подхода в тактику организации и несения патрульной службы. В статье подробно рассматриваются ключевые факторы виктимности двух категорий лиц: с одной стороны, граждан, которые в силу возрастных, психологических, поведенческих или ситуационных особенностей могут оказаться жертвами преступлений на маршрутах патрулирования; с другой стороны, самих сотрудников ППС, чья профессиональная деятельность сопряжена с повышенным риском, а личная безопасность не всегда обеспечена в достаточной мере.

На основе проведённого анализа предлагаются конкретные меры, направленные на снижение уровня виктимности граждан в общественных местах. Особое внимание уделяется повышению профессиональной защищённости сотрудников через совершенствование психологической подготовки. В заключение формулируются практические рекомендации по оптимизации действий нарядов ППС с учётом виктимологической составляющей.

Ключевые слова: виктимологическая профилактика, патрульно-постовая служба полиции (ППСП), маршруты патрулирования, виктимность, предупреждение преступлений, личная безопасность сотрудника.

KUDOVBA Oksana Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor of Administrative law sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

MUGINOVA Zulfiya Radikovna

senior lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

OREKHOVA Natalya Alexandrovna

lecturer of Administrative activities of the internal affairs bodies sub-faculty, Voronezh Institute of the MIA of Russia, major of police

VICTIMOLOGICAL PREVENTION IN THE ACTIVITIES OF PPSP: PREVENTION OF CRIMES ON PATROL ROUTES

This article is devoted to a comprehensive analysis of victimological prevention as one of the promising and insufficiently demanded areas in the daily activities of the police patrol and patrol service. Unlike the traditional approach, which focuses primarily on identifying and suppressing the actions of offenders, victimological prevention shifts the focus to the personality of the potential victim, her behavioral patterns, situational vulnerability, and factors that increase the risk of becoming the target of criminal encroachment.

The authors substantiate the need for consistent integration of the victimological approach into the tactics of organizing and conducting patrol service. The article examines in detail the key factors of victimization of two categories of persons: on the one hand, citizens who, due to their age, psychological, behavioral or situational characteristics, may be victims of crimes on patrol routes; on the other hand, the CPP officers themselves, whose professional activities are associated with increased risk, and personal safety is not always sufficiently ensured, at least.

Based on the analysis, specific measures are proposed to reduce the level of victimization of citizens in public places. Special attention is paid to improving the professional security of employees through the improvement of psychological training. In conclusion, practical recommendations are formulated for optimizing the actions of CPP units, taking into account the victimological component.

Keywords: victimological prevention, police patrol service, patrol routes, victimization, crime prevention, personal safety of an employee.

Деятельность патрульно-постовой службы полиции (ППСП) является одной из наиболее массовых и социально значимых в системе МВД России. Именно сотрудники ППС первыми вступают в контакт с населением, реагируют на сообщения о происшествиях и обеспечивают правопорядок на улицах и в иных общественных местах. Традиционно в фокусе внимания сотрудников находятся преступник и противоправное деяние, тогда как личность жертвы, ее поведенческие особенности и степень уязвимости нередко остаются на периферии профилактической работы.

В современной криминологии все более актуальным становится виктимологический подход, ориентированный на изучение и коррекцию поведения потенциальной жертвы с целью снижения риска совершения в отношении нее преступления. Как справедливо отмечает А. Е. Краснова, «виктимологическая профилактика направлена на анализ, изучение и предотвращение жертвенности (виктимности) в обществе, а также на оказание помощи потенциальным жертвам преступ-

лений». Однако потенциал данного подхода в деятельности ППС, в частности, при организации патрулирования, реализован далеко не в полной мере [4].

Виктимологическая профилактика представляет собой специфическое направление предупреждения преступлений, объектом которого является не столько преступник, сколько жертва, ее поведение, образ жизни, личностные качества, делающие ее уязвимой для криминальных посягательств. Как подчеркивают С. М. Ковалев и С. В. Бабин, «поведение человека по своей природе может быть неосмотрительным, рискованным, легкомысленным, иногда распушенным или провокационным, и все это способствует увеличению опасностей для него самого» [3].

Цель виктимологической профилактики – выявление и устранение факторов, повышающих риск стать жертвой преступления, а также развитие у граждан навыков безопасного поведения. Применительно к деятельности ППС это означает, что сотрудники должны не только пресекать противо-

правные действия, но и выявлять лиц с повышенной виктимностью (в силу возраста, состояния опьянения, поведения), проводить с ними разъяснительную работу и принимать меры к устранению виктимогенных ситуаций.

Виктимность – это предрасположенность человека становиться жертвой преступления в силу определенных физических, психических или социальных качеств. Она может быть: личностной, ролевой, ситуативной.

Анализ практики несения службы позволяет выделить следующие категории граждан, наиболее подверженных риску стать жертвой преступления в общественных местах:

1) несовершеннолетние, особенно в вечернее и ночное время, в силу возрастной неосмотрительности и недостатка жизненного опыта;

2) лица в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, утратившие способность адекватно оценивать обстановку;

3) пожилые люди, обладающие физической слабостью и часто имеющие при себе сбережения;

4) лица, демонстрирующие дорогостоящие предметы (телефоны, ювелирные украшения), что провоцирует корыстные посяательства и др.;

5) лица, плохо ориентирующиеся в незнакомой местности.

Как указывает М. Н. Крыгин, эффективность профилактики во многом зависит от их способности «замечать правонарушения (преступления), предупреждать или принимать меры, объясняя это людям» [5].

Особого внимания заслуживает проблема профессиональной виктимности самих сотрудников ППС. Л. Т. Бородавко с соавторами выделяют следующие личностные факторы, повышающие уязвимость полицейских: «некритичное восприятие криминальной субкультуры; постоянный стресс; истощение копинг-ресурсов; низкий уровень профессиональной и физической подготовленности; профессиональная деформация» [1].

К. О. Стороженко, анализируя виктимность сотрудников ДПС, что во многом применимо и к ППС, отмечает, что «виктимность сотрудников ... при несении ими службы, прежде всего, связана с утратой бдительности и самонадеянным поведением. В ряде случаев сотрудники сами провоцируют нападение со стороны лиц, склонных совершать противоправные деяния, грубостью в процессе общения» [7].

А. С. Грязюк, в свою очередь, подчеркивает, что «при возникновении чрезвычайных, стрессовых и внезапных ситуаций вероятность непрофессиональных или несоответствующих действий сотрудников существенно возрастает» [2]. Это требует внедрения методик ранней диагностики виктимности еще на этапе профессионального отбора.

Оптимизация маршрутов патрулирования является одним из ключевых элементов виктимологической профилактики. Традиционно маршруты выстраиваются с учетом криминальной активности, однако не менее важно учитывать пространственную концентрацию потенциальных жертв.

В. А. Минаев и М. А. Гершкович демонстрируют возможности математического моделирования при оптимизации маршрутов, показывая, что «оптимизированный маршрут позволил сократить время патрулирования рассмотренной территории на 26 %» [6]. Однако, как представляется, критерий эффективности должен включать не только время покрытия территории, но и частоту появления нарядов в местах концентрации виктимных групп (остановки общественного транспорта в вечернее время, парки, территории у развлекательных заведений).

Система снижения профессиональной виктимности сотрудников, по мнению К. О. Стороженко, должна включать: «профессиональный отбор с учетом психофизиологических способностей; профессиональное обучение мерам личной безопасности; повышение качества работы психологических служб; оснащение современными техническими средствами».

К этому перечню следует добавить регулярный инструктаж о типичных способах нападения на сотрудников (при проверке документов, при посадке в служебный транспорт, при доставлении правонарушителей) и отработку алгоритмов действий в критических ситуациях. Как справедливо отмечает А. С. Грязюк, «целесообразным было бы введение специальных методик диагностики еще на этапе профессионально-психологического отбора».

Виктимологическая профилактика в деятельности патрульно-постовой службы полиции представляет собой не

дополнительную, а неотъемлемую составляющую службы по охране общественного порядка. Ее внедрение требует пересмотра устоявшихся подходов к организации патрулирования: от реагирования на уже совершенное преступление – к активному выявлению и устранению факторов, делающих граждан уязвимыми.

Двойственная природа виктимности в контексте деятельности ППС (виктимность граждан как объектов охраны и виктимность самих сотрудников как потенциальных жертв) требует комплексного подхода, сочетающего:

- тактические приемы работы с населением;
- организационно-штатные решения;
- психологическую подготовку и профессиональное обучение.

Перспективным направлением дальнейших исследований является разработка методики виктимологического районирования территорий обслуживания и создание математических моделей оптимизации маршрутов патрулирования с учетом пространственного распределения виктимных групп.

Пристатейный библиографический список

1. Бородавко Л. Т., Силкин Н. Н., Тавилова Н. Н. Основные направления психологической профилактики виктимности сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. – 2024. – № 2 (67). – С. 50-60. – DOI: 10.33463/2072-8336.2024.2(67).050-060.
2. Грязюк А. С. Проблема виктимности сотрудников органов внутренних дел // Вопросы российской юстиции. – 2024. – № 31. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-viktimnosti-sotrudnikov-organov-vnutrennih-del> (дата обращения: 13.04.2026).
3. Ковалев С. М., Бабин С. В. Виктимность людей в опасных ситуациях как фактор, учитываемый полицией при обеспечении общественного порядка и общественной безопасности // Научный компонент. – 2019. – № 3 (3). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnost-lyudey-v-opasnyh-situatsiyah-kak-faktor-uchityvaemyy-politsiy-pri-obespechenii-obshchestvennogo-poryadka-i-obshchestvennoy> (дата обращения: 13.04.2026).
4. Краснова А. Е. Виктимологическая профилактика в деятельности правоохранительных органов // Вестник науки. – 2024. – № 1 (70). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimologicheskaya-profilaktika-v-deyatelnosti-pravoohranitelnyh-organov> (дата обращения: 13.04.2026).
5. Крыгин М. Н. Актуальные вопросы взаимодействия ппсп с общественными формированиями и гражданами по охране общественного порядка // Вестник науки. – 2023. – № 11 (68). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-vzaimodeystviya-ppsp-s-obshchestvennymi-formirovaniyami-i-grazhdanami-po-ohrane-obshchestvennogo-poryadka> (дата обращения: 13.04.2026).
6. Минаев В. А., Гершкович М. А. Оптимизация маршрутов полицейских патрульных нарядов при организации противодействия незаконному обороту наркотиков // Криминологический журнал. – 2023. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-marshrutov-politseyskih-patrulnyh-naryadov-pri-organizatsii-protivodeystviya-nezakonnomu-oborotu-narkotikov> (дата обращения: 13.04.2026).
7. Стороженко К. О. Виктимность сотрудников дорожнопатрульной службы ГИБДД МВД России // Государственная служба и кадры. – 2020. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/viktimnost-sotrudnikov-dorozhno-patrulnoy-sluzhby-gibdd-mvd-rossii> (дата обращения: 13.04.2026).

КУЗИНА Светлана Ивановна

доктор политических наук, профессор, Южно-Российский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Ростов-на-Дону; профессор, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону; профессор, Московский университет им. С. Ю. Витте (филиал), г. Ростов-на-Дону

МЕЛЕШКО Георгий Сергеевич

кандидат юридических наук, и.о. заведующего кафедрой уголовного права и криминологии, Ростовский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону

ПАЛАМАРЧУК Евгений Александрович

доктор исторических наук, профессор, Ростовский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону; профессор, Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; профессор, Московский университет им. С. Ю. Витте (филиал), г. Ростов-на-Дону

О КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПОСЯГАТЕЛЬСТВАМИ НА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ

В статье авторы рассматривают отдельные компоненты криминологической характеристики преступных посягательств на государственный суверенитет. Рассмотрен вопрос относительно того как геополитическая обстановка влияет на уровень рассматриваемых преступлений.

Авторами обозначены особенности черт личности преступника, посягающего на государственный суверенитет России и его мотивация в большинстве случаев. Кроме того, в современных реалиях выявлено, что территориальное расположение не играет ключевую роль в механизме преступного деяния, ввиду развивающихся технологий. В статье отмечается необходимость совершенствования нормативно-правовой базы для профилактики рассматриваемых деяний и необходимость сотрудничества с правоохранителями других дружественных государств.

Ключевые слова: суверенитет, приграничные территории, личность преступника, латентность, детерминанты.

KUZINA Svetlana Ivanovna

Ph.D. in political sciences, professor, South Russian Institute of Management (Branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don; professor, Don State Technical University, Rostov-on-Don; professor, S. Yu. Witte Moscow University (Branch), Rostov-on-Don

MELESHKO Georgy Sergeevich

Ph.D. in Law, Acting Head of Criminal law and criminology sub-faculty, Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don

PALAMARCHUK Evgeny Alexandrovich

Ph.D. in historical sciences, professor, Rostov Institute (branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don; professor, Don State Technical University, Rostov-on-Don; professor, S. Yu. Witte Moscow University (Branch), Rostov-on-Don

ON THE CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIMES RELATED TO VIOLATIONS OF STATE SOVEREIGNTY

In this article, the authors examine individual components of the criminological characteristics of criminal attacks on state sovereignty. They also examine how the geopolitical environment influences the incidence of these crimes.

The authors outline the personality traits of criminals who attack Russia's state sovereignty and their motivations in most cases. Furthermore, in today's reality, they found that territorial location no longer plays a key role in the mechanism of criminal activity due to evolving technologies. The article notes the need to improve the legal framework for preventing these crimes and the need for cooperation with law enforcement agencies in other friendly states.

Keywords: sovereignty, border territories, criminal identity, latency, determinants.

Кузина С. И.

Мелешко Г. С.

Паламарчук Е. А.

Преступные посягательства на государственный суверенитет представляют собой особую категорию угроз, они направлены на подрыв конституционного строя Российской Федерации, её территориальной целостности и независимо-

сти в принятии решений как внутри государства, так и на мировой арене [4, с. 121].

Криминологическая характеристика включает в себя описание свойств, закономерностей, факторов и послед-

ствий преступности в рамках охраны государственного суверенитета, а также свойств личности преступника. Структура криминологической характеристики включает в себя три обязательных элемента, это объективные и субъективные элементы, а также детерминанты преступности, каждый из этих элементов подразделяется на подпункты, рассмотрим объективные элементы и детерминанты.

Государственный суверенитет, так или иначе, затрагивает все сферы жизнедеятельности, однако не каждое преступное посягательство затрагивает все сферы жизнедеятельности, некоторые из них могут быть узконаправленными и создавать угрозу для отдельных структурных элементов государственного суверенитета, то есть некоторые преступления могут посягать на экономический, социальный, политический или духовный, а может в целом нести угрозу для каждой сферы, например как шпионаж, госизмена или диверсия [3, с. 212].

Вышесказанное также затрагивает предмет преступного посягательства, то есть он может быть различным, а также разной степени ценности, это могут как документы и различные ценности, так и целые предприятия в случае диверсии. Некоторые из них могут и вовсе не иметь материального представления, которое также, так или иначе, влияет на состояние защищённости государственного суверенитета Российской Федерации. Поэтому сделать какую-либо традиционную классификацию по данным основаниям достаточно тяжело, и она не будет отражать всю детальность данной категории преступлений [5, с. 63].

Говоря про способы совершения преступления, они также трудно даются обычной классификации, так как составы достаточно различны, и каждый из них предполагает разные способы его совершения, большинство из них отражено в диспозиции статьи, некоторые из них содержат способ как квалифицирующий признак, а другие содержат примерный (открытый) перечень возможных способов совершения преступления, то есть способ вытекает из диспозиции и означает, что преступление может быть совершено любым способом, в большинстве случаев это означает, что общественная опасность деяния не связана со способом его совершения, и оно будет являться преступлением независимо от способа совершения.

Объективные элементы преступности включают в себя уголовно-правовое понятие преступления, статистические данные об основных показателях, социальные условия, которые включают социально-экономическую и геополитическую обстановку, время, география и другие условия, а также латентность данного преступления [2, с. 137].

Субъектом преступных посягательств на государственный суверенитет может быть лицо, которое умышленно, совершает действия, направленные на подрыв государственного суверенитета Российской Федерации, такими субъектами могут быть как граждане, так и лица, являющиеся государственными служащими, а также иностранные граждане.

Доминирующими целями являются дестабилизация политической системы, оказание давления на органы государственной власти и подрыв авторитета государственной власти. Исходя из информации, указанной выше можно и оценить последствия данных преступлений, они могут быть крайне серьёзными и носить необратимый характер, данные преступления приводят к сильной дестабилизации общества, что в свою очередь приводит к подрыву доверия к власти и условий для создания политического экстремизма, подъёму терроризма и сепаратизма в государстве [6, с. 172].

Мотивы совершения преступлений также достаточно обширны, они могут быть связаны как с чувством личной несправедливости, ненависти к обществу, недоверие к действующей власти, мести, корысть и другие, то есть он затрагивает внутренние побуждения субъекта преступления, говоря про внешний видимый результат преступления, он не так однозначен, например, рассматривая диверсию, которую люди совершали исходя из конкретных побуждений или в результате введения в заблуждение со стороны третьих лиц, лицо совершающее данное преступление может не до конца осознавать всю опасность данного деяние.

Преступления, посягающие на культурный суверенитет. К ним можно отнести противоправные посягательства на объекты культуры, распространение информационной продукции, угрожающей историко-культурной самоидентификации общества, использование сферы культуры для нанесения ущерба национальному государственно-политическому суверенитету и территориальной целостности страны.

Преступления, посягающие на политический суверенитет. К ним можно отнести посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ¹), насильственный захват власти или насильственное удержание власти (ст. 278 УК РФ), вооружённый мятеж (ст. 279 УК РФ).

Таким образом, направленность преступлений достаточно широка и ряд преступлений может, входить как в один критерий данной классификации, так и в каждую из них, что в свою очередь усложняет её детализацию.

Причины преступлений против государственного суверенитета носят комплексный характер и могут быть связаны с внутренними и внешними факторами, а также носить как внутренний, так и внешний характер и включать в себя различные идеологические мотивы.

К внешним факторам относятся вмешательство иностранных государств или организаций в дела Российской Федерации, поддержка сепаратистских движений из-за рубежа, например финансирование в 2000-е года террористов требующие признание и выделение Ичкерии как независимого государства, последним внешним фактором является информационная война и пропаганда, направленная на дестабилизацию обстановки в стране. В последние годы ситуация с финансированием радикальных групп активизировалась, это связано с проведением Россией СВО в 2022 году и переносом внимания правоохранительных органов и чиновников в этом направлении, что позволило выйти из тени радикальным группам.

К внутренним факторам относятся социально-экономические проблемы (бедность, безработица), которые могут использоваться для манипуляции общественным мнением, этнические и религиозные конфликты, недостаточная эффективность работы правоохранительных органов, распространение экстремистских идей через интернет и социальные сети. Говоря про идеологические мотивы, то они носят неоднородный характер, и выделить закрытый перечень их не представляется возможным, однако можно выделить несколько наиболее явных: стремление к изменению политического строя или отделению части территории, а также радикальные взгляды, связанные с национализмом или религиозным экстремизмом.

1 Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собрание законодательства РФ. - 17.06.1996. - № 25. - Ст. 2954.

Рассматривая социальные условия преступления необходимо отметить, что данные направлены против всего государства и в большинстве зависят от геополитической обстановки в мире, так как посягательства происходят не на отдельных людей или их группы. Как было сказано выше, данные преступления затрагивают наиболее уязвимые субъекты Российской Федерации, а именно Белгородскую область, Курскую область, Ростовскую область, Краснодарский край и недавно вошедшие регионы (ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области), а также регионы Северного Кавказа. Как показывает мировая практика такие преступления не зависят от социально-экономической обстановки в государстве, они могут совершаться как на территории развитых стран, так и на территориях развивающихся государств.

Состояние преступности против государственного суверенитета зависит от обстановки как внутри государства, так и в мире в целом, а именно от политической, социально-экономической, культурной и другими. Немалое значение имеет и проведение специальной военной операции на территории Украины, так области, граничащие с этой зонной, имеют повышенную опасность совершения преступлений против государственного суверенитета, а именно нарушение государственной границы, атаки на критическую инфраструктуру, диверсии и ряд других противоправных деяний против Российской Федерации и общества.

Однако посягательства на суверенитет происходят не только в приграничных зонах, а также в ряде регионов находящихся далеко от боевых действия, это стало возможным из-за развития беспилотных аппаратов дальнего действия, тем самым преступники могут наносить урон суверенитету Российской Федерации и в глубине страны.

Состояние преступности характеризуется не только негативными моментами, так имеет положительную тенденцию усиление борьбы с преступлениями против государственного суверенитета, а именно ужесточение законодательства, что включает в себя появление новых составов в Уголовном кодексе и разработкой новых мер противодействия современным угрозам суверенитету страны, также происходит усиление государственного контроля за сетью Интернет, в том числе и социальными сетями, что вырежется в блокировке сайтов, содержащих различные угрозы для суверенитета Российской Федерации.

Рассматривая такой фактор как латентность данного преступления, то необходимо отметить, что зачастую такие преступления совершаются извне государства, что понижает вероятность привлечения лица к ответственности. Однако такие посягательства происходят и на территории Российской Федерации, например, террористические акты, диверсии и шпионаж, что также не делает их менее латентными, так как лица, совершающие преступления против государственного суверенитета, зачастую проходят специальную подготовку перед их совершением, отрабатывают пути отхода и сокрытия следов [1, с.100].

Такие преступления можно разделить на две категории латентные и нет, так, например, лица, совершающие террористический акт на территории Российской Федерации, достаточно быстро устанавливаются, в виду масштабности такого деяния, что делает практически невозможным его сокрытие, однако это касается только тех лиц, кто являются исполнителями и одновременно организаторами, а если эти роли разделены между несколькими лицами, то организаторы зачастую остаются безнаказанными, ввиду нахождения их за пределами Российской Федерации или отсутствии данных об них, например, ситуации с террористами-смертниками.

Профилактика и борьба с преступлениями включают в себя ряд элементов, к которым относится укрепление законо-

дательства, повышение осведомлённости общественности, а также сотрудничество с международными организациями.

Эффективная профилактика и борьба с преступлениями, нарушающими государственный суверенитет, основывается на следующих моментах. Во-первых, разработка и реализация эффективных законов и механизмов их исполнения и контроля может снизить уровень такой преступности. Во-вторых, повышение общественной осведомлённости, касаясь последствий таких преступлений может помочь уменьшить количество их совершений. В-третьих, обмен опытом и технологиями между государствами может помочь с эффективной борьбой и профилактикой преступлений, угрожающих государственному суверенитету [5, с. 63].

Таким образом, рассматривая криминологическую характеристику преступлений, связанных с посягательствами на государственный суверенитет, можно выделить, что такие преступные посягательства направлены на подрыв конституционного строя, территориальной целостности и независимости Российской Федерации, такие преступления в настоящее время затрагивают уязвимые субъекты РФ, такие как Белгородская, Курская, Ростовская области и регионы Северного Кавказа, кроме того латентность таких преступлений связана с совершением преступлений из-за рубежа, а также большое значение имеет и специальная подготовка лиц совершающих данные посягательства.

Криминологическая характеристика включает в себя анализ общественной опасности, субъекта, мотивов и целей, последствий и криминологического анализа в целом, общественная опасность заключается в дестабилизации политической системы и подрыве государственного управления, субъектом же могут быть граждане, государственные служащие и иностранные лица, мотивы различны и могут включать политические, экономические, социальные и другие. Большое значение в криминологической характеристике имеют детерминанты преступности, так как они включают в себя комплексы социальных явлений, совместное действие которых порождает преступность и для эффективной борьбы и профилактики таких преступлений их необходимо рассматривать детально.

Пристатейный библиографический список

1. Козаев Н. Д., Рясков Д. А. Основание уголовной ответственности за шпионаж // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2021. - № 12-2. - С. 100-104.
2. Меркурьев В. В., Боброва О. В. Защита суверенитета России в современных геополитических реалиях // Обозреватель - Observer. - 2023. - № 1. - С. 137-152.
3. Рахмон Д. С. Актуальные вопросы защиты государственного суверенитета в условиях глобализации // Пробелы в российском законодательстве. - 2019. - № 5. - С. 210-215.
4. Темираев А. В. Конституционно-правовое содержание принципа территориальная целостность // Аграрное и земельное право. - 2017. - № 4. - С. 121-124.
5. Ходусов А. А. Уголовное право в системе национальной безопасности // Криминологический журнал. - 2020. - № 1. - С. 61-64.
6. Шерстюков С. А. Сущность экстремистской направленности преступлений // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. - 2020. - № 9. - С. 172-175.

КУРГУЗКИНА Елена Борисовна

доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права, Центральный филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева, г. Воронеж

ПОЛЯНСКАЯ Евгения Михайловна

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, законности и правопорядка, Юридический факультет им. М. М. Сперанского, Институт права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕЗАКОННОЙ ГОСПИТАЛИЗАЦИИ В МЕДИЦИНСКУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ОКАЗЫВАЮЩУЮ ПСИХИАТРИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СТАЦИОНАРНЫХ УСЛОВИЯХ (СТ. 128 УК РФ)

В статье исследуются некоторые криминологические параметры преступления, предусмотренного ст. 128 Уголовного кодекса РФ. Право на свободу является необходимым условием существования личности и гарантируется Конституцией РФ, т.е. является высшей ценностью в правовом государстве, что обуславливает наличие в уголовном законе ряда запретов нарушения этого неотъемлемого права личности, в том числе запрета на незаконную госпитализацию в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Авторы статьи делают выводы о наличии существенных проблем в правоприменительной практике данного состава преступления, включая высокую степень латентности таких деяний.

Ключевые слова: незаконная госпитализация, динамика преступности, уголовный закон, преступления против свободы личности, латентная преступность.

KURGUZKINA Elena Borisovna

Ph.D. in Law, professor of Criminal process law sub-faculty, Central Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice, Voronezh

POLYANSKAYA Evgeniya Mikhailovna

Ph.D. in Law, associate professor of Legal support for national security, legality and law and order sub-faculty, M. M. Speransky Faculty of Law, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF ILLEGAL HOSPITALIZATION IN A MEDICAL ORGANIZATION PROVIDING PSYCHIATRIC CARE IN A HOSPITAL SETTING (ARTICLE 128 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)

The article examines some of the criminological parameters of the crime provided for in Article 128 of the Criminal Code of the Russian Federation. The right to freedom is a necessary condition for the existence of an individual and is guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, it is the highest value in a legal state, which explains the existence of a number of prohibitions in the criminal law against violations of this inalienable right of an individual, including the prohibition against illegal hospitalization in a medical organization that provides psychiatric care in a hospital setting. The authors of the article conclude that there are significant problems in the law enforcement practice of this crime, including a high degree of latency in such acts.

Keywords: illegal hospitalization, crime dynamics, criminal law, crimes against personal freedom, latent crime.

Кургузкина Е. Б.

Полянская Е. М.

Согласно ст. 22 Конституции РФ каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Поскольку данное право относится к конституционным правам и свободам, то ограничить их возможно только по судебному решению на основании закона. Незаконная госпитализация лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, без достаточных оснований должна влечь уголовную ответственность, предусмотренную ст. 128 УК РФ.

Анализ показателей судебной статистики свидетельствует о том, что данная норма применяется крайне редко. С 2015 по 2024 годы было зарегистрировано всего 21 подобное преступление. А незначительное число зарегистрированных

преступлений вызывают еще больше вопросов, нежели анализ самого криминального деяния. (См. табл. 1.)

Полагаем, что давая криминологическую характеристику исследуемого преступления, следует включать в неё качественно-количественные показатели преступности:

– объём или состояние преступности в узком смысле – количество преступлений (или лиц, их совершивших) в абсолютных цифрах, совершенных (или зарегистрированных) на определённой территории за определённое время;

– уровень или интенсивность преступности – число преступлений (лиц, их совершивших), совершённых на определённой территории за определённый период времени в расчёте на определённое число населения, достигшего возраста

Таблица 1. Статистические данные по ст. 128 УК РФ «Незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях»*

Год	Зарегистрировано преступлений	Направлено в суд	Выявлено лиц	Из них по наиболее тяжкому составу
2015	2	1	2	2
2016	5	1	1	1
2017	4	2	3	3
2018	2	0	1	1
2019	2	0	0	0
2020	2	0	0	0
2021	1	1	1	1
2022	2	0	2	1
2023	1	0	1	0
2024	0	0	2	0
Всего:	21	5	13	9

наступления уголовной ответственности, проживающего на данной территории;

– структуру – значимое с точки зрения криминологии внутреннее строение преступности;

– динамику – изменение преступности (её отдельных свойств) во времени;

– географию или территориальное распространение преступности – соотношение объёмов преступности на административно обособленных территориях, входящих в состав единого административно-территориального образования;

– общественная опасность преступности – свойство, выражающееся в способности нанесения ущерба совокупности общественных отношений, охраняемых уголовным законом;

– цену или социальные последствия преступности – вредные последствия, причиняемые преступлениями, как в пределах состава преступления, так и за его пределами;

– латентность – свойство преступности, выражающееся в неполном её отражении в официальной статистике;

– уровень раскрываемости – соотношение преступлений, по которым установлены лица, их совершившие, в общей массе (виду) преступлений [2].

Состояние преступности, предусмотренной ст. 128 УК РФ, в узком смысле в исследуемые десять лет с 2015 по 2024 годы в абсолютных цифрах представляет собой 21 зарегистрированное преступление, при этом в суд было направлено за данный период с обвинительным заключением 5 уголовных дел. Выявлено в течение данного периода было 13 лиц, обвиняемых в совершении незаконной госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. При этом из этого числа было выявлено 9 лиц, совершивших незаконную госпитализацию с квалифицирующими признаками, к которым относится использование служебного положения, повлекло по неосторожности смерть потерпевшего либо иные тяжкие последствия. Интенсивность данного вида пре-

ступности ничтожно мала с учётом численности населения нашей страны¹.

Динамика исследуемого вида преступности за последние десять лет отличается заметной стабильностью, характеризующейся практически отсутствием, как увеличения, так и снижения. Незначительный рост наблюдался в 2016 и 2017 годах, потом вновь наступила стагнация.

Следует констатировать высокую общественную опасность незаконной госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, поскольку это связано не только с ограничением свободы лиц, безосновательно и злонамеренно помещённых в психиатрический стационар, но и с применением к ним специфического лечения, ухудшающего психическое состояние таких лиц.

Не только архитектура уголовного закона (расположение исследуемого состава в Главе 17, т.е. второй по счёту в Особенной части УК РФ) делает наглядной высокую степень общественной опасности незаконной психиатрической госпитализации. Об этом говорит и существенная степень ограничений (как в физическом смысле, так и в психологическом, этическом аспектах существования личности), накладываемых на госпитализированного. Кроме того, невозможно пребывать в таком медицинском учреждении и не подвергаться «лечению» сильнодействующими препаратами. Например, известны факты из советского периода истории нашего государства, касающиеся обвинений психиатрии в том, что она использовалась государственной властью в политических целях. То есть здоровые психически люди после госпитализации уже таковыми не являлись.

Анализ опубликованных официальных данных судебного департамента за последние десять лет показывает, что осуждено было по изучаемому составу преступления 5 лиц, из них по квалифицированному составу – 1. При этом два подсудимых были приговорены к условной мере наказания, а трое из осуждённых – к штрафу. Определённый интерес представляют данные о постановлении оправда-

* Преступность и правонарушения (2013-2017 гг.). Статистический сборник. - М., 2018. - 177 с.; Преступность и правонарушения (2017-2021 гг.). Статистический сборник. - М., 2022. - 177 с.; Преступность и правонарушения (2020-2024 гг.). Статистический сборник. - М., 2025. - 177 с.

1 Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [официальный сайт]. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdep.ru/index.php?id=79.&item=8946> (дата обращения: 20.03.2026).

тельных приговоров в отношении лиц, привлечённых к уголовной ответственности за незаконную госпитализацию.

Если проанализировать общее положение ситуации с постановлением оправдательных приговоров по стране, то можно прийти к выводу, что с 2015 года процент оправдательных приговоров снижался с 0,43 % до 0,19 % от их общего числа. Хочется заметить, что проведенный анализ относится только к приговорам, здесь не учитываются случаи прекращения уголовных дел по реабилитирующим основаниям по результатам судебных разбирательств. Такое положение свидетельствует о крайне незначительном числе оправданий. При этом, начиная с 2017 года, доля оправдательных приговоров по стране (за исключением незначительного роста таких приговоров в 2019 году) находилась в целом в положении стагнации. На фоне сложившейся картины положение с оправдательными судебными актами по ст. 128 УК РФ выглядит иначе.

Так, за исследуемый период в результате рассмотрения уголовных дел, по обвинению подсудимых за совершения преступлений, предусмотренных ст. 128 УК РФ (незаконная госпитализация лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях) по официальным данным Судебного департамента было оправдано 11 подсудимых. Это составляет 69 % оправдательных приговоров ото всех приговоров по обвинению подсудимых по ст. 128 УК РФ.

Думается, что высокий уровень оправдательных приговоров за данный вид преступления следует связать со сложностью процедуры доказывания в первую очередь в части субъективных признаков данного состава, что в конечном итоге и приводит к большому числу оправданий.

В целом же статья 128 УК РФ применяется крайне редко. Почему не применяется статья? Возможный довод о том, что такие преступления не совершаются – нами не рассматривается, т.к. очевидно обратное. Уровень латентности незаконной госпитализации лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, крайне высок.

Следует отметить, что недобровольная госпитализация лица в психиатрический стационар возможна в административном порядке только по решению суда, что регламентируется ст. 29, 33-36 Закона РФ от 02.07.1992 № 3185-1 (ред. от 22.07.2024) «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», а также ст. 274-279 «Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 29.12.2025, с изм. от 11.02.2026). Указанный порядок применяется только в отношении лиц, уже госпитализированных в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях [3], [4], [6]. Допустимый срок недобровольной госпитализации до решения суда не должен превышать 48 часов.

Кроме того, в ходе предварительного расследования в случае возникновения сомнений во вменяемости или способности обвиняемого самостоятельно защищать свои права и законные интересы в уголовном судопроизводстве, а также для решения вопроса о психическом состоянии лица и наличии или отсутствии у него расстройства сексуального предпочтения (педофилии) по некоторым сек-

суальным преступлениям для проведения судебно-психиатрической экспертизы принудительная госпитализация лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, производится в порядке уголовного судопроизводства (ст.ст. 196, 203 и 435 УПК РФ). Помимо этого лицо может принудительно госпитализироваться по решению суда в рамках уголовно-процессуальной деятельности для применения к нему принудительной меры медицинского характера и продления принудительной меры медицинского характера, которые также производятся по решению суда. Исследование официальных данных судебного департамента показало, что в период с 2016 по 2024 годы принудительные меры медицинского характера к невменяемым были применены в 99758 случаях. Гипотетически можно предположить, что, с учётом теории вероятности, нельзя исключить случаи необоснованного применения принудительных мер медицинского характера к лицам, признанным невменяемыми, исходя из значительно количества таких лиц.

Среди возможных причин латентности стоит упомянуть и то, что деятельность психиатрических учреждений в стране находится вне зоны эффективного правового контроля. Основные органы, осуществляющие такой контроль – отдельные департаменты Министерства здравоохранения РФ, Росздравнадзор и прокуратура либо – на уровне субъектов РФ (министерства или департаменты здравоохранения субъектов) в зависимости от бюджетной принадлежности лечебно-профилактического учреждения. Анализ литературы показывает, что контроль соответствующих министерств малоэффективен по причине корпоративной солидарности, прокурорский надзор – из-за огромного количества функциональных обязанностей и отсутствия специальных знаний в рассматриваемой сфере. Таким образом, большой процент преступных деяний, связанных с незаконной госпитализацией в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, остается невыявленным.

Что касается уже совершенных преступлений, которые могли бы быть квалифицированы по указанному составу и дойти до судебной стадии уголовного судопроизводства, то здесь возникает проблема сбора доказательств. Здоровье человека, в том числе и психическое – категория, меняющаяся во времени, и подчас даже высокопрофессиональные эксперты не могут с уверенностью подтвердить наличие или отсутствие диагноза в тот или иной промежуток времени, да еще и с учетом того, что в медицинских учреждениях для психически больных человек подвергается значительному лекарственному воздействию. Согласно экспертным оценкам, приведенным в научной литературе, условия пребывания в психиатрическом стационаре были показаны не всем пациентам. Процент необоснованной госпитализации составил в 2015 г. – 9,3 %, в 2016 г. – 13,5 %, в 2017 г. – 24 % [1], [5, с. 107].

Кроме того, такие деяния могут совершаться с целью распоряжения ценным имуществом потерпевшего, бизнесом и т.д., то есть иметь корыстную направленность и мотивацию.

Например, приговором Московского городского суда от 19 декабря 2005 г. заведующая отделением Чеховского психиатрического стационара Московской области Д.

была осуждена по ч. 2 ст. 128 УК РФ к шести годам лишения свободы с лишением права занимать должности в системе здравоохранения, связанные с выполнением организационно-распорядительных функций, а также должности, связанные с врачебной или иной медицинской деятельностью, на срок три года². Являясь заведующей отделением, Д., вступила в сговор с бандой, пытавшейся похитить имущество Л., заведомо незаконно поместила Л. под вымышленной фамилией принудительно в психиатрический стационар, где он содержался под охраной членов банды. А затем с целью сокрытия незаконного помещения в психиатрический стационар и хищения имущества Л., последний был убит.

Ученые-юристы ранее затрагивали данные вопросы. Так, И. Г. Тютюнник при исследовании корыстного мотива в преступлениях против свободы личности отмечает: «В настоящее время при оказании психиатрической помощи в условиях стационара определяющим является то обстоятельство, что в руках психиатров сосредотачивается очень большой объем почти никем не контролируемой административной власти над людьми, а решения, принимаемые врачами-психиатрами, могут повлечь наступление для госпитализированного лица негативных правовых последствий в виде нарушения его личной свободы, утраты имущества и/или права на имущество» [7, с. 67].

Исходя из вышеизложенного, полагаем, что преступность в рассматриваемой сфере носит латентный характер.

Сделанный нами краткий обзор состояния преступности, связанный с незаконной госпитализацией лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, позволяет обратить внимание на то, что в России регистрируется незначительное число таких преступлений, удельный вес их в общей преступности крайне мал. Полагаем, что это связано, по нашему мнению, с высокой степенью латентности данного деяния. А она, в свою очередь, напрямую зависит от чрезвычайной сложности доказывания данного преступления, в том числе и с ограничением возможности обращения помещаемых в такие медицинские стационары лиц за помощью в правоохранительные органы. Этим же можно объяснить и высокий уровень оправдательных приговоров.

Думается, что проблема по данному виду преступности существует и её разрешение следует искать в улучшении качества следственной и судебной практики, а также совершенствовании уголовного законодательства.

Пристатейный библиографический список

1. Белостоцкий А. В., Тер-Исраелян А. Ю., Евдокимова В. Е. Актуальные вопросы оказания психиатрической помощи в современных условиях // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья им. Н. А. Семашко. – 2019. – № 2. – С. 12-21.

2. Кургузкина Е. Б. К вопросу о криминологической характеристике преступности // Научный портал МВД России. – 2008. – № 2. – С. 55-59.
3. Маматов М. В., Насонов Ю. Г. О некоторых недостатках процессуального законодательства при урегулировании вопросов участия прокурора в рассмотрении судами дел, связанных с госпитализацией граждан в медицинскую организацию в недобровольном порядке // Таврический научный обозреватель. – 2017. – № 7 (24). – С. 8-15.
4. Оруджев Н. Я., Цыбуля Ю. В., Поплавская О. В. Нерешенные вопросы организации недобровольного оказания психиатрической помощи // Волгоградский научно-медицинский журнал. – 2016. – № 3. – С. 11-14.
5. Сопин И. О. Почему не применяется статья 128 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2023. – Т. 20. № 3. – С. 106-110.
6. Тихомирова Ю. В. Некоторые вопросы возбуждения производства по административным делам о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке, о продлении срока госпитализации в недобровольном порядке // Вестник университета им. О. Е. Кутафина. – 2017. – № 3 (31). – С. 80-81.
7. Тютюнник И. Г. Корыстный мотив в структуре преступлений против свободы личности: уголовно-правовой и криминологический анализ: монография. – М.: «Юстицинформ», 2017. – 140 с.

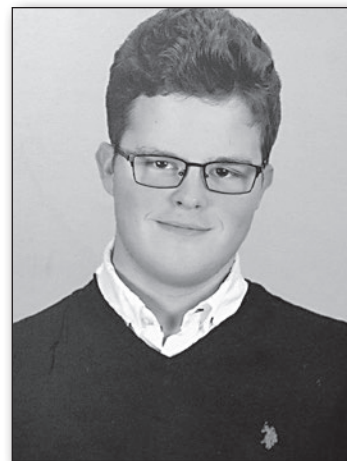
² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 16 мая 2006 г. № 5-О06-38. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://www.vsrfl.ru/files/12459/\(дата обращения: 20.03.2026\)](https://www.vsrfl.ru/files/12459/(дата%20обращения:20.03.2026)).

НЕЧЕВИН Иван Дмитриевич

преподаватель, Колледж полиции, г. Москва

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ДЕТЕРМИНАНТА НАРКОПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ И СТРАНАХ СКАНДИНАВИИ

«Не оставляй юноши без наказания;
если накажешь его розгою, он не умрет;
ты накажешь его розгою
и спасешь душу его от преисподней»
– Царь Соломон

Нечевин И. Д.

В представленном исследовании реализован сравнительно-правовой и криминологический анализ факторов, детерминирующих преступность несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотических средств. Сопоставление проведено на примере Российской Федерации и трех государств Скандинавского региона – Дании, Норвегии и Швеции. Методологическую основу работы образуют методы сравнительного правоведения, системного анализа и статистического наблюдения, для которых были привлечены статистические данные МВД России, материалы международного проекта ESPAD, официальные доклады социальных служб североευропейских стран и труды скандинавских исследователей. Проведенный анализ позволил установить универсальные для всех указанных государств криминогенные обстоятельства и уникальные национальные детерминанты.

Ключевые слова: наркопреступность, несовершеннолетние, уголовно-правовая ответственность, детерминанты преступности, профилактика преступности, криминология.

NECHEVIN Ivan Dmitrievich

lecturer, Police College, Moscow

CRIMINOLOGICAL AND CRIMINAL LAW ANALYSIS OF THE DETERMINANTS OF JUVENILE DRUG CRIME IN RUSSIA AND THE SCANDINAVIAN COUNTRIES

The presented study implements a comparative legal and criminological analysis of the factors determining juvenile delinquency in the field of illicit drug trafficking. The comparison is based on the example of the Russian Federation and three states of the Scandinavian region – Denmark, Norway and Sweden. The methodological basis of the work is formed by methods of comparative law, system analysis and statistical observation, for which statistical data from the Ministry of Internal Affairs of Russia, materials from the ESPAD international project, official reports from social services of Northern European countries and the works of Scandinavian researchers were used. The analysis made it possible to establish criminogenic circumstances universal for all these states and unique national determinants.

Keywords: drug crime, minors, criminal liability, determinants of crime, crime prevention, criminology.

Актуальность темы продиктована тревожными статистическими трендами, наблюдаемыми в последние годы в Российской Федерации. С 2022 года фиксируется резкая активизация противоправной деятельности несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотиков: общее число подобных деяний возросло в 1,8 раза. Особую обеспокоенность вызывает структура преступности, в которой доминирует сбыт наркотических средств. Количество преступлений, квалифицируемых как незаконный сбыт, совершенных подростками, увеличилось в 2,4 раза. Как аргументирует официальный представитель МВД России Ирина Волк, сложившаяся ситуация свидетельствует о системных проблемах в системе профилактики и требует пристального научного осмысления [14].

В государствах Скандинавии прослеживается напряженная криминогенная обстановка в молодежной среде, имеющая свою специфику. Согласно данным муниципалитета Осло, в 2024 году количество зарегистрированных противоправных деяний среди лиц в возрастной группе от 10 до 22 лет достигло примерно 7695. Данный показатель незначительно превышает уровень предшествующего года и демонстрирует прирост около 0,5 процента. Однако, не-

смотря на относительную стабильность количественных показателей, уровень насильственных посягательств и преступлений наркотического характера сохраняется на высоком уровне, на что указывается в отчетах норвежских властей [11]. Шведская статистика демонстрирует более выраженную негативную динамику и фиксирует беспрецедентный рост числа наркопреступлений. В 2024 году национальными правоохранительными органами было зарегистрировано порядка 130 тысяч деяний, сопряженных с незаконным оборотом наркотических веществ. Предварительные данные, обнародованные Национальным советом по предупреждению преступности Швеции (BRÅ), подтверждают достижение максимальных значений за всю историю наблюдений. В качестве одной из весомых причин подобного увеличения эксперты BRÅ называют внесение изменений в Почтовый закон, которое, по их мнению, создало определенные правовые условия, повлиявшие на рост регистрируемых показателей [7].

Представленная криминологическая картина подкрепляется выводами международного проекта Европейского школьного обследования по алкоголю и наркотикам (далее – ESPAD), опубликовавшего отчет за 2024 год. Согласно полученным данным, четверть опрошенных студентов оха-

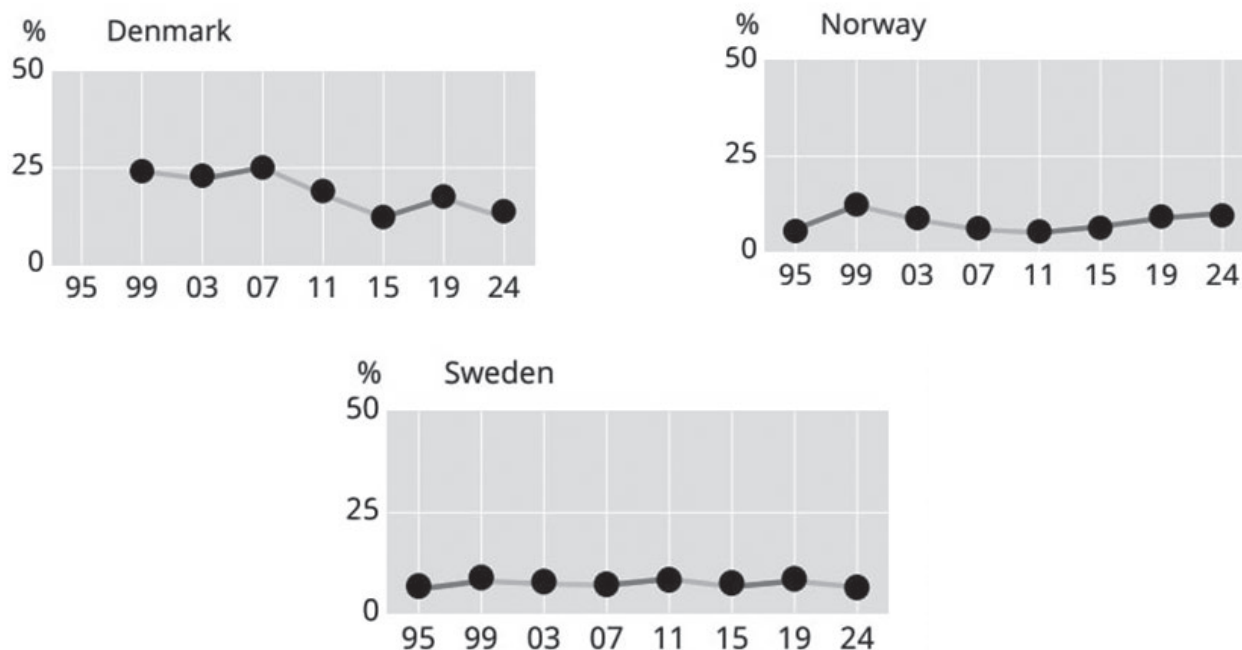

Рисунок 1. Lifetime use of cannabis by country: 1995–2024 (percentage)

Источник: ESPAD Report 2024 Results from the European School Survey Project on Alcohol and Other Drugs. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.espad.org/sites/default/files/espad-report-2024-TD0125014ENN.pdf> (дата обращения: 16.02.2026).

рактизовали каннабис как легкодоступное вещество. Наибольшие доли респондентов, указывающих на доступность марихуаны, зафиксированы в Дании (41 %) и Норвегии (40 %). Оценка доступности иных наркотических средств распределилась следующим образом: о возможности приобретения кокаина сообщили 13 процентов опрошенных, экстази – 11 %, амфетамина – 9,3 %, крэка – 7,9 %, метамфетамина – 7,8 %. Исследователи делают вывод о том, что запрещенные вещества в целом воспринимаются как более доступные именно подростками Норвегии и Дании по сравнению с их сверстниками из других европейских стран. Показатель предполагаемой доступности кокаина оказался максимальным в Норвегии и Дании, превысив 20 %, тогда как аналогичный критерий для экстази лидировал в Норвегии [3]. В отчете отдельно анализируется динамика систематического употребления каннабиса, которая демонстрирует незначительное снижение, однако темпы падения остаются минимальными, а в ряде регионов фиксируется даже повышение уровня потребления (см. Рисунок 1).

Отмеченная выше доступность психоактивных веществ выступает одним из индикаторов, характеризующих социально-экономическую ситуацию в государстве. Подобные обстоятельства традиционно относятся криминологической наукой к числу факторов, детерминирующих распространение наркотизации в подростковой среде. Представляется необходимым подвергнуть более подробному анализу упомянутые элементы, образующие причинный механизм исследуемого негативного явления.

Термин «детерминанта», происходящий от латинского глагола «determinare» (определять), в криминологическом значении употребляется как прямой аналог понятия «причина». Под причиной в философии и правоведении принято понимать явление, которое с необходимостью порождает другое, выступающее в качестве следствия действия первой категории [15, с. 34]. Исходя из приведенного определения, под детерминантами преступности следует понимать совокупность обстоятельств и процессов, которые обуславливают происхождение и существование преступности как со-

циально-правового феномена [12, с. 76]. Фундаментальной особенностью любого вида противоправной деятельности выступает наличие специфического причинного состава, который порождает возникновение и последующее распространение соответствующей разновидности преступности. Преступность несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотиков не составляет исключения из общего правила, демонстрируя собственную структуру кримиогенных факторов [15, с. 162]. Выявление и научное описание названных факторов позволяет понять природу рассматриваемого явления и дает возможность выработать продуктивные меры противодействия ему.

В криминологической науке выработана развернутая классификация причин преступных проявлений. Исследователи выделяют объективные и субъективные причины и проводят дифференциацию на индивидуальные, физические и социальные детерминанты. Отдельную категорию образуют условия преступности, под которыми понимаются явления, сами по себе не выступающие первоосновой противоправного поведения, однако без наличия которых совершение преступлений становится невозможным. Принято классифицировать условия на сопутствующие, необходимые и достаточные, помимо этого выделяют их объективную и субъективную природу [17, с. 690]. При более детальном рассмотрении общих причин преступности обнаруживается, что к объективным детерминантам относятся разнообразные социальные противоречия, формирующие среду для возникновения криминальной активности. В качестве примера можно привести экономические кризисы, вооруженные конфликты и иные масштабные потрясения [18, с. 505]. Основываясь на изложенном, представляется необходимым проанализировать воздействие экономической ситуации в государстве на динамику исследуемой категории противоправных деяний.

Незаконный оборот наркотических веществ является одним из наиболее доходных направлений деятельности транснациональных преступных синдикатов, который приносит участникам сверхприбыли. Наибольшую опасность

для общества представляет наркобизнес, обеспечивающий стабильное функционирование рынка сбыта. Обозначенная криминальная индустрия и удовлетворяет существующий спрос на психоактивные вещества, и самостоятельно формирует его: вовлекает в потребление наркотиков новых лиц и стимулирует совершение преступлений корыстной направленности. Особый упор организаторы незаконного оборота делают на подростковую среду, которую справедливо рассматривают как наименее социально защищенную категорию населения. В преступную деятельность по транспортировке и распространению наркотических средств вовлечены все крупнейшие транснациональные объединения криминального характера. Кроме того, на международном рынке фиксируется активизация средних и мелких организованных групп, специализирующихся исключительно на перевозке запрещенных веществ.

Если проанализировать понятия, связанные с незаконным оборотом наркотических средств и раскрытые в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, представляется возможным выявить определенную закономерность. Дефиниции производства, сбыта и иных сопутствующих действий выстраиваются в логическую последовательность, которая воспроизводит классическую экономическую схему – изготовление товара, его распределение, обмен и конечное потребление¹. Центральным звеном цепи неизменно выступает потребитель, поскольку именно наличие спроса на запрещенные вещества стимулирует развитие предложения со стороны криминальных структур.

Субъективные детерминанты преступности, напротив, образуют совокупность нравственных ориентиров и ценностных установок конкретной личности. В современных условиях ведущим криминогенным фактором выступает социальная среда, характеризующаяся высокой степенью цифровизации и информационной насыщенности. В Российской Федерации прослеживаются негативные тенденции в процессе социализации подрастающего поколения, которые становятся причинами вовлечения подростков в противоправную деятельность наркотической направленности. Основополагающими институтами, формирующими личность несовершеннолетнего, традиционно признаются семья, система образования и учреждения культурно-досуговой сферы.

В соответствии с зарубежной теорией социального взаимодействия, предметом исследования которой выступают социальные механизмы, ведущие к девиантному поведению, обстановка в семейном кругу и школьном коллективе относится к числу важнейших детерминант наркотизации молодежи [13, с. 73]. Внутрисемейные отношения способны оказывать и позитивное воздействие на становление личности подростка, и деструктивное влияние, провоцирующее отклоняющееся поведение. Как отмечает Д.А. Шестаков, в сложном взаимодействии обстоятельств и процессов, порождающих преступность, значительную роль играют негативные компоненты семейных отношений [20, с. 73]. Взаимодействуя между собой и иными криминогенными обстоятельствами, компоненты формируют условия для совершения противоправных деяний [16, с. 21].

Детерминанты наркопреступности несовершеннолетних, выявляемые в шведских источниках, отличаются значительным разнообразием и сложной структурой. В рамках внутрисемейных отношений шведская научная школа придает особое значение степени родительского контроля, мере эмоциональной вовлеченности взрослых и общей стабильности семейного уклада [8, с. 83]. Социальная служба

(Socialstyrelsen) в своих докладах аргументирует позицию, согласно которой несовершеннолетние, имеющие опыт злоупотребления психоактивными веществами, непропорционально часто происходят из семей, отягощенных хроническими конфликтами, проявлениями насилия либо наличием психических расстройств у родителей. К указанным обстоятельствам добавляется фактор слабой интеграции семьи в принимающее сообщество, причем тенденция наиболее рельефно проявляется в мигрантской среде [10]. Школьная среда в шведской модели предупреждения правонарушений выступает в качестве центрального элемента, способного транслировать риски и защитные ресурсы. Центральный совет по информации об алкоголе и наркотиках (CAN) фиксирует закономерность, в рамках которой именно в школьном пространстве происходит первичный контакт многих подростков с каннабисом и прочими психоактивными веществами. Одновременно с этим, учащиеся, сталкивающиеся с устойчивыми учебными трудностями, чаще демонстрируют ранние и повторные эпизоды употребления и превращают школу в место концентрации рисков и опорную площадку для реализации профилактических программ. Подобные программы нацелены на снижение привлекательности криминальных субкультур и теневого оборота наркотиков.

Шведские исследователи J.Glad и M.Berlin отмечают следующее – вовлечение подростков в противоправную деятельность, сопряженную с наркотиками, часто обусловлено отсутствием действенной поддержки в семье и школе. Среди дополнительных факторов риска, связанных с состоянием психического здоровья, авторы выделяют неспособность юношей и девушек конструктивно преодолевать жизненные трудности и заниженную самооценку [6, с. 60]. Помимо перечисленного, существенную роль играет высокая доступность запрещенных веществ в отдельных районах проживания. Сама процедура вовлечения несовершеннолетнего в наркопреступность, по наблюдениям специалистов, зачастую берет начало в кругу сверстников, причем социальные нормы в подобной среде могут прямо способствовать легализации употребления в глазах молодого человека [2].

В Дании, согласно информации Youth Crime Boards, фактор социальной маргинализации и неблагоприятные условия жизни в некоторых районах выступают важными причинами наркопреступности среди подростков [9]. Исследования показывают: подростки, выросшие в бедных районах с ограниченными образовательными и трудовыми возможностями, чаще становятся жертвами криминальных группировок, вовлекающих их в преступления, в том числе связанные с наркотиками [8, с. 81]. Социальные проблемы тесно связаны с недостаточностью раннего вмешательства и профилактических мер, усугубляющей ситуацию. В отчетах для Министерства юстиции Дании указывается, что в подростковой среде преобладают криминальные нормы, и многие молодые люди оказываются втянутыми в наркопреступность под влиянием более старших и опытных участников преступной среды [1].

Норвегия не представляет собой исключения в вопросах наркопреступности среди подростков. В одной из работ особый упор сделан на группы мигрантов, часто сталкивающиеся с дополнительными трудностями интеграции в общество, увеличивающими риск их вовлечения в преступную деятельность [4, с. 946]. Норвежские исследования указывают: в условиях культурной толерантности к употреблению наркотиков, особенно в некоторых городах, подростки могут воспринимать наркотики как средство для повышения социального статуса или решения личных проблем. Культурный фон играет ведущую роль в принятии решений о вовлечении в преступность, связанную с наркотиками. Важно отметить, в Норвегии многие подростки, по сведениям SSB, не осознают серьезность последствий своего поведения до столкновения с правовой системой [5]. Следовательно, наркопреступность среди несовершеннолетних в Швеции, Дании и Норвегии

1 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 № 14 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006.

представляет собой итог сложного взаимодействия индивидуальных, социальных и культурных факторов. Перечисленные факторы влияют на раннее вовлечение подростков в преступную деятельность, в том числе сопряженную с наркотиками. Структурные проблемы, к примеру социальная изоляция, экономическое неравенство и влияние криминальных групп, тесно переплетаются с личными и субъективными мотивами, например, с желанием принадлежать к определенной социальной группе или преодолеть внутренние конфликты [19, с. 193].

Проведенный сравнительно-правовой и криминологический анализ детерминант наркопреступности несовершеннолетних в России и странах Скандинавии позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Несмотря на различия в правовых системах, уровне жизни и моделях социальной политики, основные причины вовлечения подростков в наркопреступность являются универсальными. К ним относятся дисфункциональность институтов социализации и социально-экономическое неблагополучие.

2. В России детерминанты носят более «структурно-экономический» характер и подталкивают подростков к совершению корыстных преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков. В Скандинавии на первый план выходят «социально-психологические» и «субкультурные» детерминанты, в рамках которых преступление (сбыт или хранение) часто выступает следствием образа жизни, группового давления или попытки самоутвердиться в условиях социальной изоляции.

Выявленные различия указывают на необходимость приспособления профилактических стратегий. России следует перенимать скандинавский опыт в части развития школьных социальных программ и работы с семьями группы риска. Скандинавским странам важно учитывать российский опыт противодействия организованному наркобизнесу, целенаправленного рекрутирующему подростков, и разрабатывать меры по снижению культурной толерантности к употреблению наркотиков среди молодежи.

Пристатейный библиографический список

1. Development in juvenile crime – the most criminal children and youth. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.justitsministeriet.dk/wp-content/uploads/2022/05/Development-in-juvenile-crime-the-most-criminal-children-and-youth-25-10-2017.pdf> (дата обращения: 16.02.2026).
2. Egnell S., Villman E., Obstbaum Y. Cannabis policy and legislation in the nordic countries: A report on the control of cannabis use and possession in the nordic legal systems. Nordic Welfare Center. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nordicwelfare.org/wp-content/uploads/2019/04/Cannabis-policy-and-legislation-in-the-Nordic-countries_FINAL.pdf (дата обращения: 16.02.2026).
3. ESPAD Report 2024 Results from the European School Survey Project on Alcohol and Other Drugs. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.espad.org/sites/default/files/espad-report-2024-TD0125014ENN.pdf> (дата обращения: 16.02.2026).
4. Europa RT, Eide K, Hjern A, Manhica H, Dunlavy A. Narcotic offences and drug use disorders among young refugees in Norway. Scand J Public Health. 2024. 52(8).
5. Further decline in thefts and drug offences. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ssb.no/en/sosiale-forhold-og-kriminalitet/kriminalitet-og-rettsvesen/statistikk/anmeldte-lovbrudd-og-ofre/articles/Further%20decline%20in%20thefts%20and%20drug%20offences> (дата обращения: 16.02.2026).

6. Glad J, Berlin M, Bäckman O, Forkby T, Wallin GH. Rehabilitative measures as a legal response for adolescents convicted for drug offences: The Swedish system. Nordisk Alkohol Nark. 2025. 42(1).
7. Lagändring bakom rekordmånga narkotikabrott. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://drugnews.se/2025/02/11/lagandring-bakom-rekordmanga-narkotikabrott/> (дата обращения: 16.02.2026).
8. Moeller, K. Illicit Drug Use Initiation in the Nordic Countries. International Journal of Criminology and Sociology. 2013. 2.
9. Number of cases considered by the Youth Crime Board and the subject matter of decisions made by the Board. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.justitsministeriet.dk/wp-content/uploads/2024/02/Number-of-cases-considered-by-the-Youth-Crime-Board-and-the-subject-matter-of-decisions-made-by-the-Board.pdf> (дата обращения: 16.02.2026).
10. Socialstyrelsen «Missbruk, substansrelaterade diagnoser och spel om pengar – Behov, vård- och stöd I förhållande till det nationella ANDT-arbetet». 2021. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.socialstyrelsen.se/publikationer/missbruk-substansrelaterade-diagnoser-och-spel-om-pengar-behov-vard--och-stod-i-forhallande-till-det-nationella-andt-arbetet-och-spel-om-pengar--2021-4-7277/?utm_s (дата обращения: 16.02.2026).
11. Youth crime in Oslo slows, but violence and drugs increase. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://euroweeklynews.com/2025/05/07/youth-crime-in-oslo-slows-but-violence-and-drugs-increase/> (дата обращения: 16.02.2026).
12. Антонов И. М. Детерминанты преступности: терминологический аспект // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2018. № 4-5.
13. Арефьев А. Л. Поколение, которое теряет Россия // Социологические исследования. 2002. № 8 (220).
14. В России почти вдвое выросла статистика наркопреступлений среди детей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crimea.ria.ru/20250410/v-rossii-pochti-vdvoe-vyros-la-statistika-narkoprestupleniy-sredi-detey-1145579338.html> (дата обращения: 16.02.2026).
15. Емельянов М. Ю. Преступности несовершеннолетних в современной России: социально-экономические детерминанты // Вестник науки. 2024. № 7 (76).
16. Ильяшенко А. Н. Социальная среда в генезисе преступного поведения (особенности криминализации несовершеннолетних под влиянием социальной микросреды). М.: ВНИИ МВД России, 2001.
17. Крепышев А. М. Причины и условия преступности // Аллея науки. 2018. Т. 5. № 10 (26).
18. Лунеев В. В. Курс мировой и российской криминологии: учебник. Т. 2. М., 2011.
19. Ткаченко В. В., Колениченко В. В., Шумский В. В. Правонарушения несовершеннолетних, связанные с незаконным оборотом наркотиков: вопросы профилактики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 2 (60).
20. Шестаков Д. А. Семейная криминология: семья – конфликт – преступление. СПб., 1996.

САЗАНОВА Екатерина Алексеевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южный университет управления, бизнеса и права, г. Ростов-на-Дону

СЕМЕНЦОВА Ирина Анатольевна

кандидат юридических наук, доцент, кафедры уголовного права и криминологии, Ростовский институт (филиал), Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); доцент кафедры уголовного права и процесса, Московский университет им. С. Ю. Витте (филиал), г. Ростов-на-Дону

ЦЫМЛЯНСКАЯ Ольга Афанасьевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Ростовский юридический институт МВД России

СОВРЕМЕННЫЕ ХИЩЕНИЯ В СФЕРЕ ПЛАТЕЖЕЙ И ЦИФРОВОЙ ВАЛЮТЫ, И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИМ

В статье рассматриваются перспективные направления взаимодействия между государствами в сфере борьбы с хищением платежей и цифровой валюты, набирающими оборот с каждым годом и имеющими трансграничный характер. Несмотря на то, что на международном уровне уже существует ряд соответствующих конвенций, наша страна ввиду объективных причин их не ратифицировала. В связи с этим стоит выработать международно-правовые нормы, которые бы не несли потенциальную угрозу для каждого отдельно взятого государства. Авторами подчеркивается важность взаимодействия в расследовании в сфере киберпреступлений по хищению цифровой валюты и платежей и необходимость разработки нормативно-правовой базы для этого.

Ключевые слова: хищения, преступление, международное сотрудничество, рекомендации, валюта.

SAZANOVA Ekaterina Alexeevna

Ph.D. in Law, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty, Southern University of Management, Business and Law, Rostov-on-Don

SEMENTSOVA Irina Anatoljevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law and criminology sub-faculty, Rostov Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); associate professor of Criminal law and process sub-faculty, S. Yu. Witte Moscow University (Branch), Rostov-on-Don

TSYMLYANSKAYA Olga Afanasjevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Humanities and socio-economic disciplines sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia

MODERN FRAUD IN THE FIELD OF PAYMENTS AND DIGITAL CURRENCY AND INTERNATIONAL PROSPECTS FOR COOPERATION IN COUNTERING IT

The article examines promising areas of cooperation between states in the field of combating the theft of payments and digital currency, which are gaining momentum every year and are of a cross-border nature. Despite the fact that a number of relevant conventions already exist at the international level, our country has not ratified them due to objective reasons. In this regard, it is worthwhile to develop international legal norms that would not pose a potential threat to each individual State.

Keywords: embezzlement, crime, international cooperation, recommendations, currency.

Сазанова Е. А.

Семенцова И. А.

Цымлянская О. А.

В подтверждение актуальности работы необходимо привести анализ статистики по хищениям в сфере платежей и цифровой валюты. Согласно отчёту, RTM Group в 2021 году было зарегистрировано 517 722 преступлений, связанных с хищениями с использованием информационных технологий, что всего на 1,44 % больше, чем в 2020 г. (510 396 преступлений), но почти вдвое превышает цифру 2019 года - 294 409 зарегистрированных преступлений. Основными выводами, приведёнными в рассматриваемом отчёте, являются: хищения в сети интернет характеризуются высокой

латентностью и низкой раскрываемостью, в том числе из-за возможности дистанционного совершения данных преступлений, общая раскрываемость категории дел составляет в среднем 20 % ежегодно, самыми распространенными преступлениями в данной сфере являются мошенничество (ст. 159 УК РФ, 159.3, 159.6) – в 2021 году зарегистрировано 249 249 дел, и кража (п. г ч. 3 ст. 158 УК РФ), – в 2021 году зарегистрировано 156 792 дел. В приведённой статистике можно наблюдать небольшое, но все же увеличение количества преступлений.

Центр медиа практик Института коммуникационного менеджмента НИУ ВШЭ и Банк «Уралсиб» в начале 2024 года провели совместное исследование, как изменилась ситуация с финансовым мошенничеством в России за тот год и что помогло рынку и государству достигнуть определённых результатов в борьбе с аферистами. Основными выводами, сделанными в результате анализа, являются:

- в I квартале 2024 года злоумышленники стали чаще атаковать россиян — количество мошеннических операций увеличилось почти на 17 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 294 414, в отличие от 2023 года с показателем 252 111;

- объём хищений денег у россиян через Систему быстрых платежей вырос в два раза с 552 526,15 до 1 131 339,16, а через электронные платежи — до 40 миллионов рублей, что на 40 % выше показателя первого квартала 2023 года (28 миллионов рублей);

- наибольший объём хищений зафиксирован через банковские карты: 1,9 миллиарда рублей против 1,3 миллиарда рублей в первом квартале 2023 года (рост более чем на 40 %);

- использование методов социальной инженерии возросло почти на 10 тысяч случаев и составило 29 447, в то время как фишинговые атаки снизились почти в 2 раза до 959 раз за год [5].

Центральный Банк Российской Федерации в своём отчёте за апрель-июнь 2025 года сообщил, что банки отразили 38,7 млн. попыток совершения мошеннических операций, что в 1,5 раза больше, чем в среднем за предшествующие четыре квартала. Банк России инициировал блокировку 20,2 тыс. телефонных номеров злоумышленников, а также 13,4 тыс. мошеннических сайтов и страниц в социальных сетях [2].

По данным МВД РФ, в 2025 году наибольший рост мошенничества зафиксирован в:

- Центральном ФО (Москва, МО) – 32 % от общего числа случаев (фишинг, инвестиционные скамы).

- Северо-Кавказском ФО – рост на 25 % (социальная инженерия, поддельные переводы).

- Сибирском ФО – 18 % (мошенничество с QR-платежами и поддельными приложениями).

Основной рост приходится на дистанционное мошенничество (фишинг, сочинённые звонки от имени банков) – 65 % от общего числа случаев. Сумма ущерба в 2025 году оценивается в ~85 млрд. руб., при этом лишь 15-20 % потерпевших удаётся вернуть украденные средства. Самыми популярными у мошенников в 2025 году способами дистанционного обмана россиян стали схемы с «безопасным счётом», инвестированием в криптовалюту, фишинговыми ссылками и предоплатой за товары, сообщили «РИА Новости» в пресс-службе МВД. Мошенники представляют жертве сотрудниками государственных структур или банков, сообщают о подозрительных операциях и убеждают перевести деньги на «защищённый» счёт или передать их курьеру. Нередко мошенники давят на жертв психологически, включая угрозы привлечения к ответственности за помощь ВСУ. Глобальный ущерб от платёжного мошенничества в 2025 году, по данным Juniper Research, превысил \$48 млрд., при этом наиболее уязвимыми остаются страны с высоким уровнем цифровизации. К 2028 году глобальные потери от такого мошенничества, по прогнозам Juniper Research, превысят \$362 млрд.

На недавней пресс-конференции Владимира Владимировича Путина в формате «Прямая линия с президентом», им было отмечено, что с начала 2025 года в России количество преступлений с телефонными мошенниками снизилось на 7

%. Он добавил, что на 33 % снизилась сумма ущерба по связанным с телефонным мошенничеством делам. По данным МВД, за 10 месяцев 2025 года предотвращено более 27 млн. случаев телефонного мошенничества. Снижение количества таких преступлений по итогам января-октября составило 9,5 %. За октябрь ведомство отметило падение количества телефонных мошенничеств на 25 % [3].

Таким образом, по результатам исследования можно выявить следующие тенденции за последние годы:

- в период с 2021 года по 2024 наблюдалась динамика увеличения количества преступлений, появились новые формы социальной инженерии, которые вытеснили старые, например фишинг;

- в 2025 году увеличилось количество пресечённых попыток совершения мошенничества банковскими и кредитными организациями, наибольший рост преступлений был зарегистрирован в Центральном ФО;

- по итогам 2025 года было отмечено снижение количества телефонных мошенничеств, соответственно снизилась сумма причиненного ущерба;

- несмотря на положительную динамику, международные рейтинговые агентства прогнозируют увеличение глобального ущерба от платёжного мошенничества, особенно в странах высокой цифровизации.

В рамках борьбы с трансграничными хищениями в сфере цифровых платежей Интерпол выполняет ключевую роль в координации международных расследований. Организация способствует обмену оперативной информацией между правоохранительными органами различных стран, что критически важно для отслеживания финансовых потоков и идентификации преступников. Это позволяет эффективно противодействовать преступлениям, которые по своей природе не имеют географических границ. Оперативные функции Интерпола включают создание специализированных рабочих групп и баз данных, предназначенных для анализа киберпреступности. Эти инструменты помогают выявлять новые схемы хищений и разрабатывать скоординированные ответные меры. Таким образом, Интерпол выступает центральным звеном в глобальной системе противодействия цифровым хищениям, обеспечивая оперативную поддержку и аналитическую экспертизу.

Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) играет значительную роль в установлении международных стандартов противодействия отмыванию средств, полученных от хищений криптовалют. Рекомендации FATF направлены на создание эффективных правовых и институциональных рамок для предотвращения легализации преступных доходов. Эти стандарты охватывают широкий спектр мер, включая требования к идентификации клиентов и мониторингу транзакций. Внедрение рекомендаций FATF способствует унификации подходов к регулированию цифровых активов и предотвращению их использования в преступных целях. Это особенно актуально в контексте хищений криптовалют, где анонимность и скорость транзакций создают дополнительные сложности для правоохранительных органов. Деятельность FATF направлена на минимизацию рисков отмывания денег через криптовалютные платформы и сервисы.

Синергия усилий Интерпола и FATF проявляется в совместной разработке глобальных протоколов идентификации и блокирования преступных операций. Взаимодействие этих организаций позволяет создавать комплексные стратегии, объединяющие оперативные и регуляторные аспекты

борьбы с цифровыми хищениями. Это обеспечивает более эффективное противодействие трансграничной преступности. Несмотря на активное международное сотрудничество, существуют определённые препятствия, такие как различия в законодательстве стран. Например, «Конвенция Совета Европы о киберпреступности или Будапештская конвенция была ратифицирована 53 странами, в их число не вошла Россия. Москву не устроила статья конвенции о «трансграничном доступе к хранящимся компьютерным данным». Эта статья позволяет различным спецслужбам без официального уведомления проводить операции в компьютерных сетях третьих стран» [4, с. 54]. Это подчёркивает необходимость дальнейшей гармонизации правовых норм для повышения эффективности совместных действий.

Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью, включая хищения в цифровой сфере, опирается на ряд ключевых правовых инструментов. Одним из таких основополагающих документов является Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации, также известная как Будапештская конвенция. Этот документ заложил унифицированные стандарты для национального законодательства и стал основой для международного взаимодействия. Российская Федерация активно участвует в международном правовом поле, что подтверждается присоединением к данной конвенции. «Конвенция Совета Европы о преступности в сфере компьютерной информации (ETSN 185) была подписана 23 ноября 2001 года в Будапеште. Она открыта для подписания как государствами-членами Совета Европы, так и не являющимися его членами государствами, которые участвовали в ее разработке. В частности, ее подписали Россия, США и Япония [2, с. 226]. Это участие позволяет России эффективно взаимодействовать с другими странами в вопросах расследования и пресечения трансграничных киберпреступлений.

Помимо многосторонних конвенций, Российская Федерация активно развивает двустороннее сотрудничество с другими государствами. Эти соглашения охватывают широкий спектр вопросов, включая экстрадицию преступников и оказание правовой помощи по уголовным делам. Такие механизмы имеют решающее значение для эффективного противодействия трансграничным цифровым хищениям. Двусторонние договоры позволяют оперативно решать вопросы, связанные с получением доказательств, допросом свидетелей и задержанием подозреваемых, находящихся за пределами юрисдикции Российской Федерации. Это способствует более быстрому и полному расследованию преступлений, совершаемых с использованием электронных средств платежа и цифровых валют.

Важным аспектом международного сотрудничества является имплементация стандартов Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF) в национальное законодательство. Эти стандарты направлены на противодействие легализации доходов, полученных преступным путем, включая средства, похищенные в результате цифровых хищений. Россия активно внедряет эти рекомендации для укрепления своей финансовой системы. Применение рекомендаций FATF способствует созданию прозрачной и безопасной среды для финансовых операций, что затрудняет использование цифровых активов для отмывания денег, полученных от хищений. Это включает в себя регулирование операций с криптовалютами и усиление контроля за трансграничными переводами, что является критически важным в контексте борьбы с цифровой преступностью.

В контексте международного сотрудничества в борьбе с трансграничными хищениями, совершаемыми в сфере платежей и цифровой валюты, одной из ключевых проблем являются коллизии национальных законодательств. Эти различия существенно затрудняют оперативный обмен доказательствами, что критически важно для эффективного расследования киберпреступлений. Отсутствие единых правовых норм и процедур создает барьеры для своевременного получения и использования информации, необходимой для установления виновных лиц и привлечения их к ответственности. Разнообразие подходов к определению цифровых активов, статусу электронных доказательств и процессуальным нормам в разных странах приводит к задержкам и отказам в правовой помощи. Это особенно проявляется в случаях, когда требуется изъятие или блокировка цифровых активов, находящихся под юрисдикцией другого государства. В результате преступники получают возможность скрывать следы своей деятельности и выводить похищенные средства, используя пробелы в международном правовом регулировании.

Перспективы взаимодействия в сфере расследования киберпреступлений связаны с разработкой и внедрением унифицированных процедур для правоохранительных органов, особенно при расследовании трансграничных операций с криптовалютой. Создание таких механизмов позволит значительно повысить эффективность борьбы с цифровыми хищениями, обеспечивая более оперативный и скоординированный подход к обмену информацией и доказательствами. Это требует усилий по гармонизации законодательств и стандартизации методов расследования на международном уровне. «Думается, что принятие такой резолюции отражает высокую необходимость мирового сообщества в разработке конвенции, позволившую решить проблематику киберпреступности» [4, с. 55]. Такая конвенция могла бы стать основой для создания единых правил и стандартов, способствующих преодолению существующих правовых барьеров. Развитие общих платформ для обмена данными и обучение специалистов международным стандартам также являются важными шагами на пути к формированию эффективной системы противодействия киберпреступности.

Пристатейный библиографический список

1. Банк России: Обзор отчетности об инцидентах информационной безопасности при переводе денежных средств. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.cbr.ru/statistics/ib/review_2q_2025/ (дата обращения: 22.03.2026).
2. Джансараева Р. Е., Аратулы К. Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // KazNU Bulletin. Law series. - 2016. - №2. - С. 225-227.
3. Коммерсантъ: Путин: число случаев телефонного мошенничества в России снизилось на 7 %. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8312024> (дата обращения: 22.03.2026).
4. Кувшинова В. С. Криминологическая характеристика киберпреступности // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2020. - № 5. - С. 53-57.
5. Уралсиб Банковские мошенничества в 2024 года: новая реальность или продолжение тренда. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://journal.uralsib.ru/hse/research/7> (дата обращения: 22.03.2026).

СИДОРОВА Екатерина Закариевна

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры уголовного права и криминологии, Восточно-Сибирский институт МВД России, г. Иркутск

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ИНДИКАТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ СТРАТЕГИИ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье освещаются особенности реализации стратегии криминологической безопасности образования. Цель статьи - описание системы управленческих механизмов (организационных, правовых, экономических) и обоснование многоуровневой системы индикаторов для мониторинга и оценки результативности данной стратегии. Автором показано, что эффективность обеспечивается комплексным применением инструментов в рамках программно-целевого подхода. Предложена трехуровневая система индикаторов, включающая объективные статистические показатели и субъективные оценки участников образовательных отношений, соответствующие критериям SMART. Обоснована необходимость создания специализированной структуры межведомственного мониторинга на основе больших данных.

Ключевые слова: криминологическая безопасность образования, стратегия криминологической безопасности образования, механизмы реализации, индикаторы эффективности, программно-целевое управление, мониторинг.

SIDOROVA Ekaterina Zakariyevna

Ph.D. in Law, associate professor, Deputy Head of Criminal law and criminology sub-faculty, East Siberian Institute of the MIA of Russia, Irkutsk

MECHANISMS OF IMPLEMENTATION AND INDICATORS OF EFFECTIVENESS OF THE CRIMINOLOGICAL SECURITY STRATEGY OF EDUCATION

The article highlights the specifics of the implementation of the strategy of criminological security of education. The purpose of the work is to describe a system of management mechanisms (organizational, legal, economic) and substantiate a multi-level system of indicators for monitoring and evaluating the effectiveness of this strategy. The author shows that efficiency is ensured by the integrated use of tools within the framework of a program-oriented approach. A three-level system of indicators is proposed, which includes objective statistical indicators and subjective assessments of participants in educational relations that meet SMART criteria. The necessity of creating a specialized interdepartmental monitoring structure based on big data is substantiated.

Keywords: criminological safety of education, strategy of criminological safety of education, implementation mechanisms, performance indicators, program-oriented management, monitoring.

Современная образовательная среда подвержена множеству криминальных рисков, в том числе рискам цифрового характера, поскольку, как верно отмечают правоведы, цифровизация коснулась многих областей жизнедеятельности человека [1, с. 7], в том числе сферы образования. Традиционные угрозы, такие как насилие и буллинг, дополняются новыми вызовами цифровой эпохи: кибератаками на образовательные платформы, распространением деструктивного контента, вовлечением школьников и студентов в противоправную деятельность через сеть Интернет.

Многие стратегические документы, декларирующие цели защиты образовательной среды, сталкиваются с трудностями на этапе реализации. Основная причина – отсутствие проработанных механизмов, переводящих цели в конкретные действия, и несовершенство системы оценки эффективности. Любая стратегия профилактики остается декларацией без четкого понимания того, кто, за какие средства и как будет выполнять поставленные задачи, а также по каким критериям общество сможет судить об успешности этих усилий. Именно поэтому правоведы обоснованно отмечают, что любая стратегия борьбы с преступностью должна основываться на анализе качественных и количественных показателей преступности [2, с. 101].

Цель данной статьи заключается в описании системы управленческих механизмов и многоуровневой системы индикаторов для практической реализации, мониторинга и оценки результативности стратегии криминологической безопасности образования.

Механизмы реализации стратегии представляют собой совокупность организационно-управленческих инструментов, правовых норм и экономических ресурсов, обеспечивающих трансформацию стратегических целей в практические действия. Эффективность обеспечивается не наличием отдельных инструментов, а их комплексным применением в единой системе.

Правовые механизмы выступают правовой основой стратегии криминологической безопасности образования. Данные механизмы строятся на федеральных законах «Об образовании в Российской Федерации»¹, «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»² и др. Важная роль также отводится

1 Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 53 (ч. 1). - Ст. 7598.

2 Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: федеральный закон от 24 июня

подзаконным актам, устанавливающим стандарты безопасности и порядок межведомственного взаимодействия. Особое значение приобретает внедрение на локальном уровне паспортов криминологической безопасности образовательной организации, содержащих анализ криминогенной обстановки, карту рисков и план профилактических мероприятий [3, с. 346].

В организационных механизмах центральное место занимает программно-целевое управление. Государственная целевая программа задает четкие рамки реализации стратегии, определяя этапы, ответственных исполнителей, объемы финансирования и ожидаемые результаты. Преимущество этого метода заключается в возможности концентрации ресурсов на приоритетных направлениях и обеспечение межведомственной координации. Важным элементом выступает межведомственное взаимодействие с органами внутренних дел, по делам молодежи, социальной защиты, здравоохранения, операторами связи. На уровне образовательной организации организационный механизм включает распределение обязанностей по безопасности, создание советов профилактики, служб медиации, организацию пропускного режима и отработка алгоритмов действий при чрезвычайных ситуациях.

Экономические механизмы реализации стратегии криминологической безопасности образования требуют обоснованного финансового обеспечения на принципах бюджетирования, ориентированного на результат. Финансирование должно быть стабильным и направляться на оснащение образовательных организаций техническими средствами охраны и видеоаналитикой, повышение квалификации педагогических работников, введение дополнительных ставок психологов и социальных педагогов, программы формирования навыков безопасного поведения в сети Интернет, обновление программного обеспечения цифровой образовательной среды.

Необходимыми также являются информационные и социально-психологические механизмы стратегии криминологической безопасности образования. Современная стратегия требует развития цифровых компетенций участников образовательного процесса, создания систем мониторинга цифрового следа для выявления деструктивного контента и признаков кибербуллинга с соблюдением законодательства о защите персональных данных. Социально-психологические механизмы включают внедрение восстановительных практик и медиативных программ, тренинги по развитию коммуникативных навыков у участников образовательных отношений, вовлеченных в то или иной конфликт, в том числе криминальный, работу телефонов доверия и систем анонимного информирования школьников, студентов и педагогов.

Для объективной оценки реализации описываемой стратегии необходима научно обоснованная система индикаторов, отвечающая ряду требований.

Во-первых, индикаторы должны быть сформированы как многоуровневая система, отражающая специфику управления на федеральном, региональном, муниципальном уровнях и уровне конкретной образовательной организации. Это

позволяет, как отслеживать общенациональные тенденции развития девиантности в образовательной среде, так и выявлять локальные проблемы, характерные для той или иной образовательной организации.

Во-вторых, система должна включать объективные показатели (данные ведомственной статистики) и субъективные оценки (результаты опросов участников образовательных отношений об ощущении безопасности, уровне тревожности). Использование этих двух групп данных позволит, опираясь как на показатели официальной статистики, так и выявляемые латентные показатели, оценивать реальный уровень защищенности образовательной среды от криминальных и криминогенных угроз.

В-третьих, каждый индикатор должен соответствовать критериям SMART: быть конкретным, измеримым, достижимым, актуальным и ограниченным во времени.

На наш взгляд, система индикаторов эффективности реализации стратегии криминологической безопасности образования должна быть многоуровневой.

1. Индикаторы государственного уровня служат для оценки общенациональной ситуации в сфере образования. К таким индикаторам относятся:

- коэффициент виктимизации участников образовательных отношений, который рассчитывается как процент лиц, столкнувшихся с преступлением или правонарушением за год, на основе официальной статистики и данных криминологических опросов;
- количество зарегистрированных преступлений в отношении образовательных организаций, их работников и обучающихся, которое учитывается в абсолютных цифрах и динамике с дифференциацией по видам;
- количество отраженных кибератак на цифровые образовательные платформы, что позволяет охарактеризовать цифровую устойчивость образовательной среды;
- индекс цифровой грамотности выпускников образовательных организаций, который отражает долю успешно прошедших тестирование на знание основ безопасного поведения в сети Интернет;
- доля населения, оценивающая образовательную среду как безопасную, которая рассчитывается на основе социологических опросов.

2. Индикаторы регионального и муниципального уровня оценивают способность региональных и местных властей адаптировать федеральную стратегию к местным условиям. В данном случае речь идет о таких индикаторах, как:

- доля образовательных организаций, внедривших паспорта криминологической безопасности, что характеризует организационную готовность образовательных организаций противодействовать криминальным угрозам;
- время межведомственного реагирования на криминальную ситуацию, которое измеряется от момента поступления информации до прибытия специализированных служб, готовых к нейтрализации той или иной криминальной и криминогенной угрозы;
- доля педагогов, прошедших повышение квалификации по основам криминологической безопасности образовательной среды, которая отражает профессиональную готовность педагогических кадров противодействовать угрозам;
- доля организаций, укомплектованных штатными психологами или социальными педагогами, что является крити-

чески важным показателем для раннего выявления девиаций в образовательной среде;

- доля обучающихся, с которыми проводятся занятия по профилактике буллинга и экстремизма, что отражает охват профилактическими программами;

- количество реализованных с участниками образовательных отношений медиативных программ, которое показывает развитие восстановительных практик в образовательной среде.

3. Индикаторы локального уровня позволяют оценить уровень криминологической защищенности в конкретной образовательной организации. К индикаторам названного уровня относятся:

- индекс психологического климата в классе, который рассчитывается на основе психологического тестирования для оценки сплоченности и конфликтности;

- индекс социальной тревожности и эмоционального благополучия, обучающихся и педагогов, который оценивается с помощью стандартизированных методик, поскольку рост тревожности может быть ранним индикатором неблагополучия;

- время разрешения внутреннего конфликта между участниками образовательных отношений с момента обращения до решения конфликта, которое показывает оперативность работы служб медиации и администрации образовательной организации;

- доля обучающихся и педагогов, владеющих навыками реагирования на угрозу криминальной ситуации, которая оценивается в ходе опроса таких лиц.

В настоящее время сбор и анализ данных о состоянии криминологической безопасности образования рассредоточены по различным ведомствам: МВД России, Минпросвещения, Роскомнадзор, органы социальной защиты населения и др. Это затрудняет получение целостной картины и принятие обоснованных управленческих решений в области эффективного обеспечения криминологической безопасности сферы образования. Необходимо создание единого координационно-аналитического центра, ответственного за аккумуляцию сводной информации об эффективности достижения показателей стратегии. Функциями такого центра должны стать разработка единых методик сбора данных, создание единой базы данных, организация регулярных криминологических опросов, анализ больших данных из открытых источников и цифровых платформ для раннего выявления угроз в сфере образования, подготовка ежегодных докладов и рекомендаций по распределению ресурсов. Создание такого центра позволит перейти от эпизодических проверок к постоянному мониторингу и управлению безопасностью образовательной среды на основе больших данных и научно обоснованных прогнозов. Важным аспектом является обеспечение прозрачности системы мониторинга: основные результаты должны публиковаться в открытом доступе для привлечения к оценке эффективности институтов гражданского общества.

В заключении отметим, что обеспечение криминологической безопасности образования требует перехода от декларативных стратегий к системной реализации, основанной на четких механизмах и измеримых индикаторах. Эффективность достигается комплексным применением

правовых, организационных, экономических, информационных и социально-психологических механизмов, объединенных в рамках программно-целевого подхода. Предложенная трехуровневая система индикаторов, включающая объективные статистические показатели и субъективные оценки участников образовательных отношений, позволяет всесторонне оценивать состояние защищенности образовательной среды. Соответствие индикаторов критериям SMART обеспечивает их практическую применимость в управленческой деятельности. Важнейшим условием работоспособности этой системы является создание специализированной структуры межведомственного мониторинга, способной аккумулировать данные из различных источников и обеспечивать органы управления актуальной информацией для принятия своевременных решений.

Пристатейный библиографический список

1. Бегишев И. Р., Жарова А. К., Громова Е. А., Залоило М. В., Филипова И. А., Шутова А. А. «Цифровой поворот» в правовых исследованиях // *Journal of Digital Technologies and Law*. - 2024. - Т. 2. № 1. - С. 7-13.
2. Жубрин Р. В. Теоретические подходы к выработке стратегии противодействия преступности в России // *Вестник университета прокуратуры Российской Федерации*. - 2025. - № 4 (108). - С. 97-104.
3. Сидорова Е. З. Криминологический паспорт (криминологическое досье) образовательной организации как специально-криминологическая мера предупреждения преступности обучающихся // *Современный ученый*. - 2017. - № 6. - С. 346-349.

БАЛЯН Иван Александрович

аспирант кафедры уголовного права и криминологии, Юридический факультет, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

ТОЛКОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ «КРУПНЫЙ РАЗМЕР» И «КРУПНЫЙ УЩЕРБ» ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПОСЯГАЮЩИХ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Статья посвящена вопросам толкования крупного размера и крупного ущерба как криминообразующих признаков составов преступлений, посягающих на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации. Автор критикует сложившийся в правоприменительной практике подход к толкованию крупного ущерба по аналогии с крупным размером, который влечёт неправильное определение момента окончания преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ. Состав незаконного использования средств индивидуализации рассматривается как материальный: преступление является оконченным лишь в случае причинения ущерба правообладателю на сумму свыше установленной законом. Рассмотрены различные способы расчёта крупного ущерба, в том числе на основе стоимости реализованной продукции. Сформулированы предложения по совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: крупный размер, крупный ущерб, интеллектуальная собственность, средства индивидуализации, незаконное использование товарного знака, момент окончания преступления, упущенная выгода, контрафактная продукция, квалификация преступлений.

BALYAN Ivan Alexandrovich

postgraduate student of Criminal law and criminology sub-faculty, Faculty of Law, M. V. Lomonosov Moscow State University

INTERPRETATION OF THE ELEMENTS «LARGE SCALE» AND «LARGE DAMAGE» IN OFFENCES AGAINST INTELLECTUAL PROPERTY

The article examines the interpretation of «large scale» and «large damage» as constitutive elements of offences against intellectual property and means of individualisation. The author criticises the prevailing judicial approach of equating large damage with large scale, which leads to incorrect determination of the moment of completion of the offence under Article 180 of the Criminal Code. The offence of illegal use of means of individualisation is characterised as a material offence, completed only upon the infliction of damage to the rightholder exceeding the statutory threshold. Various methods of calculating large damage are analysed, including calculation based on the value of goods sold. Recommendations for the improvement of law enforcement practice are formulated.

Keywords: large scale, large damage, intellectual property, means of individualization, illegal use of trademark, moment of completion of offence, lost profits, counterfeit goods, criminal classification.

Балян И. А.

Криминообразующие признаки «крупный размер» и «крупный ущерб» играют важную роль в уголовно-правовой охране интеллектуальной собственности: от их правильного толкования зависит вид состава (материальный или формальный), момент окончания преступления и порядок исчисления крупного размера либо крупного ущерба.

Закрепление в диспозиции статьи криминообразующего признака «крупный ущерб» свидетельствует о материальной конструкции состава преступления. При материальном составе момент его окончания определяется наступлением общественно опасных последствий: применительно к преступлениям в сфере интеллектуальной собственности - причинением правообладателю реального ущерба.

Напротив, выбор законодателем криминообразующего признака «крупный размер» означает, что состав является формальным - его окончание не обусловлено наступлением каких-либо общественно опасных последствий. Для квалификации содеянного безразлично, понёс ли правообладатель экономический ущерб; правоприменителю достаточно установить «размер» деяния, то есть стоимость контрафактного товара.

Из всех преступлений, посягающих на результаты интеллектуальной деятельности, криминообразующий признак «крупный ущерб» в основных составах предусмотрен исключительно в ст. 147 УК РФ (нарушение изобретательских

и патентных прав) и ст. 180 УК РФ (незаконное использование средств индивидуализации).

Состав ст. 146 УК РФ прежде также строился по материальной модели, однако в 2003 году законодатель заменил криминообразующий признак «крупный ущерб» на «крупный размер», преобразовав тем самым данный состав из материального в формальный. Прямым следствием этого изменения стал кратный рост числа регистрируемых преступлений: у правоприменителя отпала обязанность доказывать факт причинения ущерба правообладателю¹.

По данным Российской криминологической ассоциации, наиболее распространённым преступлением в сфере охраны интеллектуальной собственности является незаконное использование средств индивидуализации (ст. 180 УК РФ); второе место по частоте совершения занимает незаконное использование объектов авторских и смежных прав (ч. 2 ст. 146 УК РФ)².

На примере указанных, статистически наиболее распространённых составов преступлений, целесообразно проана-

- 1 Федеральный закон от 8 апреля 2003 г. № 45-ФЗ «О внесении изменения в ст. 146 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Парламентская газета. – 11.04.2003. - № 67.
- 2 Сборники Российской криминологической ассоциации за 2012-2023 годы. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://crimas.ru/> (дата обращения: 01.12.2025).

лизировать соотношение криминообразующих признаков «крупный размер» и «крупный ущерб».

Согласно примечанию к ст. 146 УК РФ незаконное использование объектов авторского права или смежных прав признаётся совершённым в крупном размере, если стоимость экземпляров произведений или фонограмм либо стоимость прав на использование объектов авторского права и смежных прав превышает сто тысяч рублей, а в особо крупном - один миллион рублей.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 (далее - «Постановление № 14») разъяснено, что «незаконные приобретение, хранение, перевозка контрафактных произведений или фонограмм в целях сбыта» окончены «с момента совершения указанных действий в крупном размере независимо от того, наступили ли вредные последствия» (абз. 5 п. 6)³.

Изложенное свидетельствует о том, что данный состав является формальным: даже если контрафактные произведения так и не были введены в оборот путём реализации (например, были лишь изготовлены и помещены на хранение), но их стоимость превышает установленный законом порог, содеянное образует окончанный состав преступления.

Принципиально иной подход закреплён в ст. 180 УК РФ: в её примечании крупным ущербом признаётся ущерб, превышающий четыреста тысяч рублей. При этом в отличие от примечания к ст. 146 УК РФ, ни содержание крупного ущерба, ни порядок его расчёта в норме не раскрываются.

Верховный Суд РФ в свою очередь разъяснил, что уголовная ответственность по данной статье наступает лишь при условии причинения крупного ущерба правообладателям результатов интеллектуальной деятельности (п. 14 Постановления № 14).

Из этого следует, что состав ст. 180 УК РФ является материальным: преступление признаётся окончанным только в том случае, если незаконное использование средств индивидуализации повлекло причинение правообладателю ущерба, превышающего установленный законом предел.

Следовательно, момент окончания данного преступления совпадает с моментом фактической реализации контрафактного товара покупателю; соответственно, размер ущерба надлежит определять исходя из стоимости именно реализованного контрафактного товара [1, с. 5].

Примечательно, что вопрос о порядке расчёта крупного ущерба Верховный Суд РФ в значительной степени оставил открытым для правоприменителя, ограничившись указанием на необходимость учитывать обстоятельства конкретного дела. В качестве ориентиров названы различные виды убытков согласно ст. 15 ГК РФ: реальный ущерб, упущенная выгода, а также размер доходов, полученных нарушителем вследствие нарушения прав на результаты интеллектуальной деятельности (абз. 3 п. 24 Постановления № 14).

В доктрине уголовного права господствует позиция, согласно которой крупный ущерб применительно к преступлениям в сфере интеллектуальной собственности может выражаться преимущественно в упущенной выгоде правообладателя, а реальный ущерб либо объективно невозможен, либо же субъективно затруднено его доказывание [4, с. 102]. Данный подход представляется обоснованным. Вместе с тем принятие данной позиции неизбежно ставит вопрос о конкретном механизме исчисления крупного ущерба как упущенной выгоды в целях уголовно-правовой квалификации. Ввиду отсутствия соответствующих разъяснений Верховного Суда РФ в правоприменительной практике сложились два принципиально различных подхода.

Первый подход состоит в фактическом отождествлении порядка расчёта крупного ущерба и крупного размера, что закономерно ведёт к ошибочному определению момента окончания преступления, предусмотренного ст. 180 УК РФ,

когда незаконное использование средств индивидуализации осуществляется не в форме непосредственной реализации товара.

Сложившаяся правоприменительная практика свидетельствует о том, что в подавляющем большинстве приговоров по ст. 180 УК РФ суды при расчёте крупного ущерба применяют ту же формулу, что и для крупного размера: произведение количества контрафактных единиц товара на розничную цену оригинальной продукции⁴.

Очевидно, что данный подход привлекателен именно ввиду простоты расчёта. Суды исходят из предположения, что появление контрафакта на рынке лишает правообладателя потенциальных покупателей, вследствие чего каждая контрафактная единица товара приравнивается к одной упущенной продаже оригинальной продукции.

Такой способ определения крупного ущерба в ст. 180 УК РФ фактически нивелирует разницу между исследуемыми криминообразующими признаками, за что обоснованно критикуется в научной литературе [5, с. 60].

Примечательна в данном контексте позиция Верховного Суда РФ: при оценке упущенной выгоды правообладателя «неполученный доход» не может быть приравнен к производству стоимости оригинального товара на количество реализованного контрафактного, поскольку данный показатель «не находится в прямой зависимости от количества проданных контрафактных товаров»⁵.

Несмотря на это, суды в большинстве случаев по-прежнему прибегают к расчёту по указанной формуле - перемножению количества контрафактных товаров на стоимость оригинальной продукции, что неизбежно влечёт ошибочное определение момента окончания преступления.

Принципиальное же различие состоит в следующем: если крупный размер представляет собой стоимостную характеристику предмета деяния, то крупный ущерб детерминирован наступлением общественно опасных последствий и реальным причинением правообладателю экономических потерь.

Само по себе незаконное использование средств индивидуализации, например, введение контрафактных товаров в гражданский оборот посредством их изготовления и последующего хранения, без стадии реализации не образует окончанного состава преступления по смыслу ст. 180 УК РФ [7, с. 75].

Нереализованный контрафактный товар сам по себе не может причинять ущерба правообладателю. В то же время, незаконное изготовление и хранение контрафакта при наличии умысла на его сбыт может быть квалифицировано как покушение на преступление: объективная сторона выполняется частично, а предусмотренные законом общественно опасные последствия не наступили.

Отдельно отметим, что суды нередко необоснованно отождествляют крупный размер и крупный ущерб при квалификации содеянного по совокупности, в частности по ст. 171.1 и ст. 180 УК РФ.

Диспозиция ст. 171.1 УК РФ устанавливает уголовную ответственность исключительно за производство товаров без обязательной маркировки, совершённое в крупном размере.

При квалификации по совокупности суды нередко применяют единый способ расчёта как к крупному размеру для целей ст. 171.1 УК РФ, так и к крупному ущербу для целей ст.

3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.04.2007 № 14 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» // Российская газета. - 2007. - № 95. - Абз. 5 п. 6.

4 См., напр.: Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.05.2022 № 88-14091/2022; Определение Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 01.10.2024 № 88-27288/2024; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.10.2022 № 88-20702/2022; Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.06.2023 № 88-10973/2023; Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21.02.2023 № 77-792/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

5 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 7 февраля 2023 г. № 308-ЭС22-17045 // СПС «КонсультантПлюс».

180 УК РФ, допуская тем самым неверное определение момента окончания обоих преступлений [3, с. 16].

Поскольку состав ст. 180 УК РФ в части криминообразующего признака «крупный ущерб» является материальным, размер такого ущерба может быть исчислен исключительно исходя из стоимости реализованного контрафактного товара.

Если контрафактный товар так и не был реализован, например, в силу того, что реализовать умысел на сбыт не удалось, поскольку товар был изъят правоохранительными органами в ходе оперативно-розыскных мероприятий, содеянное не образует оконченного состава преступления и подлежит квалификации как покушение [6, с. 112].

Второй подход, хотя и редко, но встречающийся в правоприменительной практике, предполагает разграничение методологии расчёта крупного размера и крупного ущерба, а также квалификацию содеянного как покушения на преступление в случаях, когда контрафактная продукция не была реализована.

Следуя приведённым выше разъяснениям Верховного Суда РФ, нижестоящие суды в таких случаях определяют крупный ущерб как упущенную выгоду правообладателя, отказываясь при этом от использования формулы расчёта, тождественной предусмотренной законом для крупного размера.

Так, например, рассматривая уголовное дело о нарушении прав на товарные знаки «Chanel» и «Christian Dior», суд констатировал: нижестоящие инстанции необоснованно исходили из того, что каждая единица контрафактной продукции вытесняет с рынка единицу оригинального товара⁶. В частности, суд прямо указал на необходимость исследования вопроса о том, «мог ли обычный потребитель понимать, что покупает товар не у правообладателя», а также конкурируют ли стороны в одном рыночном сегменте.

При этом из обстоятельств дела следует, что нарушитель реализовывал, очевидно, неоригинальные товары совершенно иной ценовой категории, ориентированные на иную группу потребителей, нежели аудитория оригинальной продукции. Суд также учёл, что доказательства прямых потерь правообладателя в виде утраченных клиентов, готовых приобрести подлинное изделие, представлено не было.

Для ответа на вопрос о применимом способе расчёта ущерба принципиальное значение имеет следующий вопрос: замещают ли контрафактные товары оригинальную продукцию реальных потребителей, или же они находятся в принципиально разных нишах (в том числе, ценовых) рынка? Ответ на данный вопрос позволит определить размер упущенной выгоды правообладателя.

Аналогичная позиция сформулирована судом по другому делу в отношении лиц, реализовавших потерпевшим контрафактные часы. Суд констатировал, что эксперт при проведении товароведческой экспертизы необоснованно подменил категорию «размер ущерба» категорией «стоимость контрафактных товаров», что и обусловило ошибочный расчёт размера крупного ущерба, принятый нижестоящими судами без критической оценки⁷.

К сожалению, описанный подход не приобрёл широкого распространения: приведённые судебные акты представляют собой, по существу, отдельные исключения на фоне преобладающего подхода, в рамках которого суды отождествляют способы расчёта крупного размера и крупного ущерба [5, с. 558].

Проведённый анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, отождествление судами методологии расчёта крупного размера и крупного ущерба недопустимо, поскольку нивелирует различия между материальными и формальными составами преступлений и неизбежно влечёт неверное определение момента их окончания.

Во-вторых, если контрафактный товар не был введён в гражданский оборот посредством реализации, содеянное надлежит квалифицировать как оконченное преступление в случае, когда криминообразующим признаком выступает «крупный размер», либо как покушение на преступление в случае, когда таким признаком является «крупный ущерб».

В-третьих, для исчисления крупного ущерба, безусловно, имеет значение количество проданных контрафактных товаров, однако его размер не может быть исчислен путём механического умножения стоимости оригинального товара, на объём реализованного контрафакта. При определении размера ущерба судам надлежит устанавливать, в частности, реализовывались ли контрафактные и оригинальные товары в одном ценовом сегменте, и доказано ли, что потребители контрафактной продукции были бы готовы приобрести оригинальный товар при отсутствии контрафакта.

Пристатейный библиографический список

1. Волков К. А., Козлов А. В. О Постановлении Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака // Российский судья. - 2008. - № 1. - С. 4-6.
2. Долотов Р. О., Кудрявцев В. В. Уголовный закон - инструмент защиты и нападения по делам о незаконном использовании товарного знака // Имущественные отношения в РФ. - 2019. - № 3 (210). - С. 59-64.
3. Долотов Р. О., Пархоменко С. Д. Уголовная ответственность за незаконное использование товарных знаков: толкование признаков «неоднократность» и «крупный ущерб» // Уголовное право. - 2023. - № 11. - С. 10-24.
4. Есаков Г. А., Сарваров Д. М. О понимании крупного ущерба, размера и неоднократности в составах преступлений против интеллектуальной собственности // Имущественные отношения в Российской Федерации. - 2019. - № 5. - С. 82-90.
5. Козлов А. В. Системный подход к уголовному законодательству об ответственности за преступления против интеллектуальной собственности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. - 2012. - № 1 (12). - С. 551-562.
6. Никитина Л. Н. Неоднократность и крупный ущерб как конструктивные признаки состава незаконного использования товарного знака (ст. 180 УК РФ) // Общество и право. - 2009. - № 2. - С. 108-112.
7. Серебруев И. В. Уголовно-правовая специфика незаконного использования товарного знака: постановка проблемы // Российский юридический журнал. - 2015. - № 2. - С. 67-79.
8. Серебруев И. В. Крупный ущерб как конструктивный признак состава незаконного использования средств индивидуализации товаров (работ, услуг): проблемы уголовно-правовой оценки // Бизнес, менеджмент и право. - 2016. - № 3-4 (35-36). - С. 100-102.
9. Яни П. С. Роль Верховного Суда РФ в решении проблем квалификации преступлений в сфере экономической деятельности // Закон. - 2008. - № 11. - С. 39-50.

6 Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2023 № 88-2664/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

7 Постановление Четвёртого кассационного суда общей юрисдикции от 12.09.2023 по делу № 77-3276/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

ЛЫСЕНКО Нелли Алексеевна

магистр права, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин, Ростовский филиал, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ РФ: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПОДХОДОВ И ПРЕДЕЛЫ ВНЕДРЕНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье анализируется современное состояние цифровизации судебной системы Российской Федерации. Выявлены основные проблемы: неравномерность внедрения цифровых технологий в судах общей юрисдикции и арбитражных судах, техническое и функциональное отставание ГАС «Правосудие» от модульной системы арбитражных судов, а также недостаточность правового регулирования возникающих правоотношений. Отдельное внимание уделено перспективам использования искусственного интеллекта в правосудии. На основе анализа позиций руководства судебной системы и научных дискуссий сделан вывод о том, что ИИ может применяться только как вспомогательный инструмент (автоматизация рутины, анализ судебной практики, проверка доказательств), но не заменять судью при принятии решения. Обоснована необходимость принятия отдельного нормативного акта, закрепляющего принципы, стандарты и пределы использования технологий ИИ в судопроизводстве.

Ключевые слова: цифровые технологии, судебная система, ГАС «Правосудие», арбитражные суды, искусственный интеллект, электронное правосудие, цифровое неравенство, правовое регулирование.

LYSENKO Nelly Alexeevna

master of law, senior lecturer of General education disciplines sub-faculty, Rostov Branch, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

DIGITAL TRANSFORMATION OF THE RUSSIAN JUDICIAL SYSTEM: DIVERGING APPROACHES AND THE LIMITS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTEGRATION

The article analyzes the current state of digitalization of the judicial system of the Russian Federation. The main problems identified are: uneven implementation of digital technologies in courts of general jurisdiction and arbitration courts, the technical and functional lag of the State Automated System "Justice" (GAS "Pravosudiye") behind the modular system of arbitration courts, as well as the insufficiency of legal regulation of the resulting legal relations. Special attention is paid to the prospects of using artificial intelligence in justice. Based on an analysis of the positions of the judicial system's leadership and scholarly discussions, it is concluded that AI can only be used as an auxiliary tool (automation of routine tasks, analysis of judicial practice, verification of evidence) and not to replace the judge in decision-making. The necessity of adopting a separate normative act establishing the principles, standards and limits of using AI technologies in judicial proceedings is substantiated.

Keywords: digital technologies, judicial system, GAS "Pravosudiye", arbitration courts, artificial intelligence, ejustice, digital divide, legal regulation.

Лысенко Н. А.

В настоящее время цифровые технологии активно используются в судебной системе России. Их внедрение способствует сокращению временных и трудовых затрат как аппарата суда, так и судей. Они позволяют сократить сроки рассмотрения дел, обеспечивают открытость и доступность правосудия, способствуют реализации права на судебную защиту.

Наблюдается неравномерность внедрения таких технологий в судах общей юрисдикции в сравнении с арбитражными судами: последние «цифровизированы» более полно. С другой стороны, многие достижения в сфере цифровых технологий, использовавшиеся первоначально в арбитражных судах, уже внедрены в систему судов общей юрисдикции. Так, в 2013 году председатель Арбитражного суда Республики Коми Войнов С. А. отмечал: «Общее мнение о том, что арбитражные суды лидируют в области информационных технологий сейчас еще больше подкреплено процессуальными возможностями подачи исков в электронной форме, возможностью сторон отслеживать ход судебного процесса и знакомиться с судебными актами по Интернету, участвовать в судебных заседаниях по видеоконференц-связи»¹. Однако подобные сервисы в настоящее время уже используются и в

судах общей юрисдикции. У мировых судей цифровые технологии используются в значительно меньшей степени, поэтому их цифровизация является одним из актуальных направлений цифровизации правосудия. Неравенство в уровне цифровизации является одной из актуальных проблем внедрения цифровых технологий в судебной системе.

Ещё одной проблемой является недостаточность правового регулирования правоотношений, возникающих при использовании цифровых технологий в судебной системе РФ. Исследователями отмечается, что «...необходима разработка нового законодательного акта, который учтет особенности работы судов, а также защитит права и свободы граждан в условиях цифровых технологий» [13, с. 39].

Цифровые технологии в настоящее время позволяют подать в суд документы посредством онлайн-сервиса, обеспечивают видеоконференцсвязь, позволяют отслеживать ход рассмотрения дела, рассчитать размер государственной пошлины, ознакомиться с материалами дела, текстами судебных актов, распределить дела между судьями. Ясыркина А. А. и Чебанова А. С. в гражданском судопроизводстве предлагают разделять их на две формы – внутреннюю цифровизацию и внешнюю цифровизацию². Подобную классификацию

1 Интервью с председателем Арбитражного суда Республики Коми от 02.12.2013 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://komi.arbitr.ru/about/public> (дата обращения: 15.02.2026).

2 Использование цифровых технологий в гражданском судопроизводстве: тенденции, вызовы и перспективы // Тенденции развития науки и образования. – 2024. – № 116-13. – С. 100.

можно применить к судопроизводству в целом. Перспективным представляется внедрение технологий искусственного интеллекта, например, в части вынесения судебных приказов. Наибольшее развитие технологии искусственного интеллекта в настоящее время получили в г. Москве в рамках эксперимента по их внедрению. Одной из целей эксперимента является «повышение эффективности государственного или муниципального управления³; если эксперимент закончится положительно, то можно поднять вопрос о проведении эксперимента в судебной системе.

Первая из обозначенных проблем – «цифрового неравенства» судов общей юрисдикции и арбитражных судов – вероятно, вытекает из использования двух различных информационных систем. В арбитражных судах используются информационные системы, отличные от аналогичных систем в судах общей юрисдикции. Так, согласно пункту 7 Постановления Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100, в арбитражных судах функционируют:

1. Система автоматизации судопроизводства (в её составе – АИС «Судопроизводство» и ПК «Судебно-арбитражное делопроизводство»).
2. Системы автоматизации делопроизводства («Дело», АИС «Делопроизводство», СЭДО).
3. ИС «Картотека арбитражных дел».
4. ИС «Банк решений арбитражных судов».
5. ИС «Календарь судебных заседаний».
6. ИС «Система подачи жалоб на действия судей и работников аппаратов арбитражных судов»⁴.

В судах общей юрисдикции используется Государственная автоматизированная система «Правосудие». В её составе – 27 подсистем, в том числе:

1. Организационное обеспечение.
2. Право.
3. Кадры.
4. Судебное делопроизводство и статистика.
5. Банк судебных решений.
6. Судебная экспертиза.
7. Документооборот и обращения граждан.
8. Судейское сообщество.
9. Информационно-справочная система.
10. Интернет-портал ГАС РФ «Правосудие» и др.⁵.

ГАС «Правосудие» предназначена для обеспечения деятельности не только судов общей юрисдикции, но и Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Сравнение двух систем позволяет сделать несколько выводов. ГАС «Правосудие» является единой централизованной системой, содержащей большое количество подсистем, в то время как АИС Арбитражных судов представляет собой несколько отдельных сервисов, являющихся раздельными, но тесно интегрированными. Модульная структура АИС Арбитражных судов делает её, вероятно, более удобной для совершенствования и модернизации, поскольку изменение отдельного модуля не требует пересмотра всей архитектуры системы. Подтверждением могут служить и публикации в периодической печати, в которых ГАС «Правосудие» признаётся более «устаревшей»⁶.

Обе системы предусматривают возможность ознакомления с судебными актами, отслеживанием дел посредством сети Интернет. Однако реализация этого функционала отличается. ГАС «Правосудие» предлагает единый интернет-портал – sudrf.ru. Подача документов в электронном виде посредством этого портала возможна, однако, не для всех судов. Требуется и наличие усиленной квалифицированной электронной цифровой подписи. Подача документов посредством АИС Арбитражных судов с самого начала через сервис «Мой арбитр» позволяет подавать любые процессуальные документы в арбитражные суды полностью в электронном виде, причём система автоматически присваивает делу номер, а судья и стороны получают уведомления. По функциональности арбитражный комплекс считается более продвинутым и удобным для юридического сообщества: «... система арбитражных судов сохранила возможность электронной подачи документов, ознакомления с материалами дел и проведения онлайн-заседаний, что показало преимущества платформы и алгоритмов, используемых системой, арбитражных судов по сравнению с ГАС «Правосудие», функционирующей в системе судов общей юрисдикции» [11, с. 639]. О меньшем удобстве ГАС «Правосудие» для профессиональных юристов пишет Колесников К. Д.: «Огромное количество практикующих юристов не желает никаким образом связываться с ГАС «Правосудие» и вообще с электронным правосудием, предпочитая работать с делом вживую» [5, с. 18]. Периодически происходят сбои в работе сервисов⁷. Это можно связать с тем, что с момента внедрения в 2006 ГАС «Правосудие» развивает эволюционно, а потому подвержена моральному устареванию ввиду «наращивания» нового функционала поверх технически устаревшей базы.

Тем не менее, информационные системы судов общей юрисдикции и арбитражных судов постоянно совершенствуются и дополняются новыми возможностями. Например, АИС Арбитражных судов в 2016 году была дополнена системой «Мой арбитр», позднее появилась «Мобильная картотека», позволяющая получить доступ к ней с мобильных устройств. Система ГАС «Правосудие» с того же года была подключена к системе межведомственного электронного взаимодействия, а с 2017 года появилась возможность подачи документов в электронной форме [8, с. 133-143]. Возможности для дальнейшего развития представляются довольно широкими, причём отмечается, что научному сообществу и законодательству в настоящее время открыт «...простор для фантазии, позволяя при этом отыскивать различные пути в улучшении электронного правосудия» [6, с. 22] для преодоления «цифрового неравенства» арбитражных судов и судов общей юрисдикции.

Можно отметить тенденцию к интеграции информационных систем в сфере осуществления правосудия, «...что снизит техническую разобщенность судов, ускорит обмен информацией, а также повысит управляемость судебной системы» [3, с. 161]. В ряде регионов начато тестирование сервиса «Правосудие онлайн», о результатах которого станет известно в декабре 2026 г.⁸ Суперсервис «Правосудие онлайн» может быть интегрирован с порталом Госуслуг и позволит на их базе обеспечить доступ к правосудию во всех судах судебной системы РФ через этот портал. С целью нормативного обеспечения этой деятельности был принят Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 440-ФЗ⁹.

3 Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации - городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» от 24.04.2020 № 123-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004240030> (дата обращения: 15.02.2026).

4 Постановление Пленума ВАС РФ от 25.12.2013 № 100 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» // СПС «Консультант-Плюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_159645/ (дата обращения: 15.02.2026).

5 ГАС «Правосудие». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vetlugsy-annov.sudrf.ru/modules.php?id=3&name=information> (дата обращения: 16.02.2026).

6 «Правосудие» выглядит устаревшим // Газета «Коммерсантъ» № 86/П от 19.05.2025. [Электронный ресурс]. – Режим досту-

па: <https://www.kommersant.ru/doc/7734610> (дата обращения: 16.02.2026).

7 Поломка ГАС «Правосудие»: что делать сейчас и как восстановить сроки потом // Право.ру. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.ru/story/255626/> (дата обращения: 16.02.2026).

8 О результатах тестирования сервиса «Правосудие онлайн» доложат к декабрю 2026 года // Правосудие онлайн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravosudieonline.ru/%e2%9a%a0%ef%b8%8f-o-rezultatah-testirovaniya-servisa-pravosudie-onlajn-dolozhat-k-dekabryu-2026-goda/> (дата обращения: 01.03.2026).

9 Федеральный закон от 30.12.2021 № 440-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112300041?index=1> (дата обращения: 01.03.2026).

В будущем на развитие цифровых технологий в судебной системе РФ будут оказывать влияние технологии искусственного интеллекта. Об этом, в частности, прямо заявляет и Председатель Верховного Суда РФ И. В. Краснов: «Я уже дал поручение ускорить внедрение технологий искусственного интеллекта в судебную деятельность. Их следует использовать для эффективного анализа судебной практики, выявления в ней противоречий, недостатков правового регулирования. Хотя здесь важно отметить, что нейронные сети никогда не заменят судью, потому что решение, особенно касающееся людских судеб, всегда должно оставаться за человеком»¹⁰.

Проблемы внедрения технологий искусственного интеллекта уже дискутируются научным сообществом. Так, Заготовкин Д. Ф. и Рыльский К. справедливо отмечают, что в настоящее время внедрение этих технологий может столкнуться с отсутствием нормативной регламентации их применения, а также отсутствием «эмоционально-психологической составляющей» ИИ. Они предлагают сформулировать основные принципы работы этих технологий, стандарты их использования и закрепить их в отдельном нормативно-правовом акте [2].

Бондарева И. О. и Сафонов А. А. приходят к выводу о том, что использование ИИ для вынесения решений в настоящее время невозможно ввиду непрозрачности алгоритмов работы, хотя такой функционал позволит снизить нагрузку на судебную систему [10].

Алексеева Е. В., анализируя зарубежный опыт использования таких технологий, отмечает, что ИИ действительно способен снизить нагрузку на судебную систему. Наибольшую эффективность эти системы показывают в части анализа судебной практики, систематизации документации, а также решения некоторых процессуальных вопросов [1].

Интерес представляют и выводы казахских исследователей, осмысливших использование ИИ в судебной системе на практике: «Расширение сферы применения искусственного интеллекта при отправлении правосудия в первую очередь следует осуществлять как вспомогательную возможность для судей, но не замену им» [12]. Отмечается, что использование этих технологий помогает и в обеспечении единообразия судебной практики.

О необходимости внедрения технологий ИИ для повышения эффективности судебной системы за счёт автоматизации рутинной деятельности, не связанной с рассмотрением дела и вынесением решения, пишут Киселева А. К. и Радик Ю. У. [4].

Против участия ИИ в рассмотрении дел и вынесении решений выступают Назарова И. С. и Сапожникова М. А., которые отмечают: «верховенство права состоит в том, что человек осуществляет правосудие, и никакая машина никогда не должна заменить человека в этом ... процессе» [9, с. 171].

Малина М. А. предлагает рекомендации по использованию нейросетевых языковых моделей в судебном следствии с целью выявления фактов наличия или отсутствия противоречий в системе доказательств, представленных суду [7]. Его выводы представляются интересными и заслуживающими дальнейшей проработки, поскольку такая деятельность – анализ доказательств на наличие в них неточностей или противоречий – никак не связана с вынесением решения по делу: последнее слово в любом случае остаётся за судьёй.

Исходя из представленных данных, можно сделать вывод, что как на уровне руководства судебной системы, так и в научном сообществе доминирует подход, согласно которому искусственный интеллект не может заменить судью при принятии итогового решения. Его функция видится исключительно как вспомогательная: автоматизация рутинных процессов, анализ судебной практики, выявление противоречий в доказательствах и помощь в систематизации документов. Большинство исследователей сходятся во мнении, что внедрение технологий ИИ в правосудие сдерживается отсутствием чёткого правового регулирования. Требуется разработка отдельного нормативного акта (или внесение изменений в процессуальные кодексы), в котором будут закреплены принципы работы ИИ, стандарты его использования, требования к прозрачности алгоритмов и границы допустимого применения. В научной дискуссии отчётливо

выделяются две области: признания ИИ бесперспективным для судебной системы и, напротив, перспективным – в части аналитической работы с судебной практикой, проверки доказательственной базы на наличие логических нестыковок, автоматизации делопроизводства и совершения вспомогательных процессуальных действий. Отдельные предложения требуют дальнейшего научного осмысления и апробации в рамках судебных экспериментов. При этом важно сохранить баланс между технологическим прогрессом и неизбежностью процессуальных гарантий.

Проведённое исследование позволяет утверждать, что цифровая трансформация судебной системы РФ находится на этапе преодоления «цифрового неравенства» между арбитражными судами и судами общей юрисдикции. Наиболее перспективным направлением является унификация информационных систем и развитие суперсервиса «Правосудие онлайн». Внедрение искусственного интеллекта должно осуществляться с соблюдением принципа вспомогательной роли ИИ. Ключевым условием дальнейшего развития остаётся создание полноценной нормативной базы, определяющей правовой статус, алгоритмическую прозрачность и границы применения технологий искусственного интеллекта в судопроизводстве.

Пристатейный библиографический список

1. Алексеева Е. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: опыт правового эксперимента в Сингапуре, Китае и Казахстане // Юридическая техника. - 2025. - № 19.
2. Заготовкин Д. Ф., Рыльский К. Проблемы интеграции искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации // Российские исследования. Право и политика. - 2025. - № 1.
3. Кедык Д. А., Федосеева С. В. Информатизация судебной деятельности: современное состояние и перспективы // Вестник науки. - 2026. - № 2 (95).
4. Киселева А. К., Радик Ю. У. Перспективы применения искусственного интеллекта в сфере российского правосудия // Вестник УЮИ. - 2025. - № 2 (108).
5. Колесников К. Д. Актуальные проблемы в организации и развитии электронного правосудия в Российской Федерации // Вестник права. - 2024. - № 4.
6. Колесников К. Д. История становления электронного правосудия в России и его успехи в арбитражном, гражданском и уголовном процессах // Вестник права. - 2024. - № 3.
7. Малина М. А. Использование нейросетевых языковых моделей в судебном следствии при производстве по уголовному делу // Российский судья. - 2026. - № 2.
8. Морутин Н. А. Электронное правосудие: понятие, этапы и перспективы развития // Вестник Казанского юридического института МВД России. - 2025. - № 2 (60).
9. Назарова И. С., Сапожникова М. А. Искусственный интеллект в системе правосудия // Аграрное и земельное право. - 2025. - № 7.
10. Бондарева И. О., Сафонов А. А. Искусственный интеллект в судебной системе: на пути к ответственной интеграции // ЮП. - 2025. - № 4 (115).
11. Остроумов Н. В. Проблемы реализации эксперимента по внедрению системы электронного правосудия в арбитражном и гражданском процессе // Юридическая техника. - 2025. - № 19.
12. Сактаганова И. С., Мицкая Е. В., Сактаганова А. Б. Применение искусственного интеллекта при отправлении правосудия: перспективы и вызовы // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. - 2025. - № 1 (80).
13. Шумов В. П., Крижановский Н. А. Проблемы в цифровизации в судебной системе Российской Федерации: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: юридические науки. - 2024. - № 2 (4).

¹⁰ Цит. по: Новая высота правовой культуры: Верховный суд под руководством Краснова // Официальный сайт РАПСИ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/judicial_analyst/20260101/311483233.html (дата обращения: 15.03.2026)

ГАЛЯУТДИНОВ Рустем Флюрович

старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки, Уфимский юридический институт МВД России, подполковник полиции

СТАРОСТИН Вадим Геннадьевич

старший преподаватель кафедры физической подготовки, Казанский юридический институт МВД России

АЛЕКСЕЕВ Антон Олегович

преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки, Ростовский юридический институт МВД России, майор полиции

ОСОБЕННОСТИ ПРОХОЖДЕНИЯ СЛУЖБЫ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ В ОСОБЫХ УСЛОВИЯХ: ПРАВОВОЙ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТЫ

В данной работе детально рассматриваются ключевые особенности несения служебных обязанностей сотрудниками органов внутренних дел в условиях, выходящих за рамки стандартной оперативной обстановки. Под особыми условиями здесь понимается комплекс как объективных, так и субъективных обстоятельств, которые существенно отличаются от обычного режима функционирования и требуют от личного состава полной концентрации физических и психических сил. Повышенный интерес к данной проблеме объясняется учащением ситуаций, когда сотрудникам приходится действовать в зонах вооружённых конфликтов, а также при ликвидации последствий природных и техногенных катастроф. Основная цель исследования – провести системный анализ правовой, психологической и педагогической составляющих служебной деятельности в экстремальных условиях, а также сформулировать предложения по повышению качества профессиональной подготовки кадров.

В рамках правового раздела изучаются положения Федерального закона «О полиции» и подзаконных ведомственных актов МВД России, которые устанавливают алгоритмы поведения сотрудников при наступлении чрезвычайных обстоятельств. Значительное место уделяется вопросам правовых гарантий и мер социальной поддержки тех, кто выполняет задачи в особых условиях, в том числе механизму оказания медицинской и психологической помощи после участия в таких событиях.

Ключевые слова: особые условия, сотрудник полиции, чрезвычайная ситуация, правовой режим, профессиональная подготовка, психологическая устойчивость, межведомственное взаимодействие.

GALYAUDINOV Rustem Flurovich

senior lecturer of Professional training sub-faculty, Ufa Law Institute of the MIA of Russia, lieutenant colonel of police

STAROSTIN Vadim Gennadjevich

senior lecturer of Physical training sub-faculty, Kazan Law Institute of the MIA of Russia

ALEXEEV ANTON Olegovich

lecturer of Tactical and special training sub-faculty, Rostov Law Institute of the MIA of Russia, major of police

PECULIARITIES OF POLICE SERVICE IN SPECIAL CONDITIONS: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

This paper examines in detail the key features of the performance of official duties by law enforcement officers in conditions beyond the standard operational environment. Special conditions are understood here as a set of both objective and subjective circumstances that differ significantly from the normal mode of operation and require full concentration of physical and mental strength from the personnel. The increased interest in this problem is explained by the increasing frequency of situations when employees have to operate in areas of armed conflict, as well as in the aftermath of natural and man-made disasters. The main purpose of the study is to conduct a systematic analysis of the legal, psychological and pedagogical components of professional activity in extreme conditions, as well as to formulate proposals for improving the quality of professional training.

The legal section examines the provisions of the Federal Law "On Police" and subordinate departmental acts of the Ministry of Internal Affairs of Russia, which establish algorithms for the behavior of employees in the event of an emergency. Considerable attention is paid to the issues of legal guarantees and social support measures for those who perform tasks in special conditions, including the mechanism for providing medical and psychological assistance after participating in such events.

Keywords: special conditions, police officer, emergency, legal regime, professional training, psychological stability, interdepartmental interaction.

Современная геополитическая обстановка, рост числа вооружённых конфликтов, увеличение масштабов и интенсивности чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера предъявляют повышенные требования к готовности сотрудников органов внутренних дел к выполнению служебных задач в особых условиях.

Особые условия службы в органах внутренних дел – это ситуации, которые характеризуются повышенной опасностью и риском, требуют от сотрудников высокой квалификации и ответственности [4], [7].

Несмотря на значительное число публикаций, посвящённых данному вопросу, терминологическая неопределён-

ность и пробелы в правовом регулировании продолжают оставаться серьёзными вызовами для науки и практики.

В научной литературе отсутствует единый подход к определению содержания термина «особые условия». Как отмечает И. В. Слышалов, понятие «особые условия» может рассматриваться в двух значениях: в первом случае – как характеристика объективных условий оперативной обстановки, во втором – как специальный ведомственный режим деятельности ОВД [3].

Большинство авторов сходятся во мнении, что особые условия – это комплекс чрезвычайных обстоятельств, вызванных объективными явлениями природы или общественной

жизни, требующих введения специального правового режима и применения усиленных мер охраны общественного порядка [6]. В узком (нормативном) смысле к таким условиям относятся: период действия военного или чрезвычайного положения, проведение контртеррористической операции, ликвидацию последствий аварий и катастроф, пресечение массовых нарушений общественного порядка, а также выполнение задач в условиях вооруженного конфликта [7].

В соответствии с действующим законодательством, к особым условиям, при которых сотрудники органов внутренних дел выполняют служебные задачи в особом режиме, относятся:

- период действия военного положения или чрезвычайного положения;
- период проведения контртеррористической операции;
- период проведения специальных и иных определенных Президентом Российской Федерации операций;
- выполнение задач в области территориальной обороны;
- условия вооруженного конфликта;
- ликвидация последствий аварий, катастроф природного и техногенного характера и других чрезвычайных ситуаций;
- пресечение массовых нарушений общественного порядка и угроз общественной безопасности;
- иные подобные, критические по степени опасности и последствиям для граждан, общества и государства особые условия природного, биологического, техногенного или социального характера.

Данный перечень не является исчерпывающим, что позволяет учитывать специфику конкретных ситуаций и оперативно реагировать на новые вызовы.

Правовую основу деятельности ОВД в особых условиях образует многоуровневая система нормативных актов. Как отмечают В. Б. Княжев и А. Ф. Майдыков, в эту структуру входят Конституция РФ, международные договоры, федеральные конституционные законы («О военном положении», «О чрезвычайном положении»), профильные федеральные законы («О полиции», «О противодействии терроризму»), а также ведомственные приказы МВД России [1].

Наступление особых условий влечет за собой существенное изменение правового статуса сотрудника полиции. В соответствии с ч. 4 ст. 35 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел...», на период действия особых условий сотрудникам может быть продлен срок службы, отменены отпуска, изменен режим рабочего времени, а также введены дополнительные ограничения. Анализ показывает, что действующее законодательство, как правило, носит отсылочный характер. А. В. Снеговой справедливо указывает на необходимость легитимизации «деятельности при чрезвычайных обстоятельствах» как отдельного направления в статье 2 Федерального закона «О полиции», что позволило бы устранить имеющиеся пробелы и коллизии [5]. Особенно остро данная проблема проявляется в вопросах регламентации применения силы, специальных средств и огнестрельного оружия в условиях массовых беспорядков или при ликвидации последствий техногенных катастроф, где высока вероятность паники и ошибочной идентификации целей.

Эффективность выполнения задач в особых условиях напрямую зависит от уровня подготовленности личного состава. Как подчеркивают М. Х. Машекуашева и З. Х. Кочесокова, традиционная система обучения, построенная на передаче абстрактных знаний, недостаточна для формирования компетенций, необходимых в экстремальной обстановке [2]. В связи с этим особую актуальность приобретает контекстный подход, предполагающий максимальное приближение учебных ситуаций к реальным условиям оперативно-служебной деятельности (квазипрофессиональная деятельность).

Ключевыми компонентами готовности сотрудника к действиям в особых условиях являются:

- 1) физическая подготовленность (выносливость, сила, ловкость);
- 2) психологическая устойчивость (способность сохранять самообладание и принимать взвешенные решения в стрессовой ситуации);

3) профессиональная компетентность (знание тактики действий в составе групп, правил оказания первой помощи, алгоритмов блокирования зоны ЧС).

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос координации действий между различными ведомствами. Анализ практической деятельности свидетельствует, что в процессе ликвидации чрезвычайных ситуаций зачастую возникает несогласованность между полицией, подразделениями МЧС, Росгвардии и органами местного самоуправления. Отсутствие четкой управленческой схемы и параллелизм в выполняемых функциях ведут к падению эффективности как спасательных, так и правоохранительных операций. Одним из способов преодоления этих недостатков представляется унификация проведения тактико-специальных учений и разработка типовых планов реагирования, дифференцированных по видам чрезвычайных обстоятельств.

Пристатейный библиографический список

1. Княжев В. Б., Майдыков А. Ф. О некоторых особенностях правового регулирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в особых условиях // Труды Академии управления МВД России. – 2018. – № 3 (47). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotoryh-osobennostyah-pravovogo-regulirovaniya-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-rossiyskoy-federatsii-v-osobyh-usloviyah> (дата обращения: 08.02.2026).
2. Машекуашева М. Х., Кочесокова З. Х. Повышение квалификации сотрудников полиции: контекстный подход и особенности его реализации // Право и управление. – 2024. – № 11. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-kvalifikatsii-sotrudnikov-politsii-kontekstnyy-podhod-i-osobennosti-ego-realizatsii> (дата обращения: 08.02.2026).
3. Позднякова Е. В. Особые условия в контексте прохождения государственной службы в органах внутренних дел: теоретико-содержательные аспекты // Вестник ВИ МВД России. – 2024. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobyie-usloviya-v-kontekste-prohozhdeniya-gosudarstvennoy-sluzhby-v-organah-vnutrennih-del-teoretiko-soderzhatelnye-aspekty> (дата обращения: 04.02.2025).
4. Слышалов И. В. Особые условия в деятельности органов внутренних дел: подходы к пониманию // Право и политика. – 2019. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobyie-usloviya-v-deyatelnosti-organov-vnutrennih-del-podhody-k-ponimaniyu> (дата обращения: 08.02.2026).
5. Снеговой А. В. Выполнение задач при чрезвычайных обстоятельствах как одно из направлений деятельности полиции // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1 (37). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vypolnenie-zadach-pri-chrezvychaynyh-obstoyatelstvakh-kak-odno-iz-napravleniy-deyatelnosti-politsii> (дата обращения: 08.02.2026).
6. Хорольский В. В., Горлов В. В., Родителева Я. Н. Развитие готовности сотрудников полиции к действиям в особых условиях: теоретические и практические аспекты // Human Progress. – 2025. – № 5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-gotovnosti-sotrudnikov-politsii-k-deystviyam-v-osobyh-usloviyah-teoreticheskie-i-prakticheskie-aspekty> (дата обращения: 08.02.2026).
7. Хорольский В. В., Шагиева Г. Р., Родителева Я. Н., Кортиков А. В., Барков Е. Н. Особые условия службы в органах внутренних дел: теоретический и правовой аспект // Human Progress. – 2025. – № 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobyie-usloviya-sluzhby-v-organah-vnutrennih-del-teoreticheskiy-i-pravovoy-aspekt> (дата обращения: 17.02.2026).

КУПАВЦЕВ Тимофей Сергеевич

доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры организации огневой и физической подготовки, Академия управления МВД России

ДЖАПАРКУЛОВ Айбек Сузакбаевич

магистрант 2-го Факультета (подготовки руководителей (начальников) территориальных органов МВД России), Академия управления МВД России

МЕХАНИЗМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧЕБНО-ТРЕНИРОВОЧНОГО ПРОЦЕССА В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ)

Статья посвящена анализу механизмов обеспечения безопасности при проведении огневой и физической подготовки сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации и Кыргызской Республике. Рассматриваются правовые, организационные и технические меры, направленные на предупреждение несчастных случаев и создание безопасных условий во время тренировок. Описаны практические инструменты – от инструктажей, специальных методик обучения и использования средств индивидуальной защиты до системы контроля и расследования инцидентов. Особое внимание уделено анализу эффективности действующих мер и предложению рекомендаций по усилению безопасности в учебном процессе с учетом лучшего опыта двух стран. Статья акцентирует научную новизну в подходах к управлению рисками и практическую значимость выработанных механизмов обеспечения безопасности в ОВД.

Ключевые слова: безопасность, охрана труда, огневая подготовка, физическая подготовка, органы внутренних дел, механизмы предотвращения травматизма, нормативное регулирование, профессиональная подготовка.

KUPAVTSEV Timofey Sergeevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Fire and physical training organization sub-faculty, Academy of Management of the MIA of Russia

DZHAPARKULOV Aybek Suzakbayevich

master's student of the 2nd Faculty (Training of heads of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia), Academy of Management of the MIA of Russia

MECHANISMS FOR ENSURING THE SAFETY OF THE EDUCATIONAL AND TRAINING PROCESS IN THE INTERNAL AFFAIRS BODIES (USING THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE KYRGYZ REPUBLIC)

This article examines the mechanisms for ensuring safety during firearms and physical training of law enforcement personnel in the Russian Federation and the Kyrgyz Republic. It reviews legal, organizational, and technical measures aimed at preventing accidents and creating safe conditions during training sessions. Practical tools are described – from safety briefings, specialized training methodologies, and use of personal protective equipment to systems of oversight and incident investigation. Special attention is given to analyzing the effectiveness of current measures and offering recommendations to strengthen training safety, taking into account best practices from both countries. The article highlights the scientific novelty in risk management approaches and the practical significance of the safety assurance mechanisms developed for internal affairs agencies.

Keywords: safety, occupational health, firearms training, physical training, law enforcement, injury prevention mechanisms, regulation, professional training.

Постановка проблемы

Эффективность профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел (далее – ОВД) неразрывно связана с обеспечением безопасности учебного процесса. Огневая и физическая подготовка требуют от личного состава интенсивных нагрузок и действий в условиях, потенциально опасных для жизни и здоровья. Любой несчастный случай на занятиях не только наносит вред сотрудникам, но и отражается на общем уровне боеготовности и авторитете правоохранительной системы. Поэтому встаёт задача разработки и внедрения таких механизмов, которые максимально гарантируют безопасность при обучении владению оружием и развитию физических качеств сотрудников полиции.

Обозначенная проблема имеет как правовой, так и организационно-технический характер. С одной стороны, не-

обходимо наличие четкого нормативного регулирования: законов, инструкций, стандартов, закрепляющих требования безопасности и ответственность за их невыполнение. С другой – важна реализация этих норм на практике: создание инфраструктуры (безопасные тир, оборудованные спортзалы), подготовка инструкторов, культура соблюдения правил и постоянный контроль.

Для Российской Федерации и Кыргызской Республики – стран с общей исторической основой системы МВД, но разным современным уровнем ресурсного обеспечения – представляет интерес сопоставление действующих механизмов обеспечения безопасности, выявление лучшего опыта и областей, требующих улучшения. Вопрос этот актуален и с научной точки зрения (развитие концепции управления профессиональными рисками, адаптация передовых технологий безопасности к специфике правоохранительных органов), и

с практической – для снижения травматизма и сохранения жизни персонала.

Правовые механизмы обеспечения безопасности

В фундаменте системы мер безопасности лежит нормативно-правовое регулирование. Как в Российской Федерации, так и в Кыргызской Республике, законодательно закреплены требования охраны труда и безопасности в отношении служебной деятельности сотрудников ОВД, включая учебно-тренировочные занятия. В Российской Федерации ключевыми правовыми актами являются: Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [2], Федеральный закон № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] – эти акты устанавливают общую обязанность ОВД заботиться о жизни и здоровье сотрудников, создавать необходимые условия службы. Развитие норм происходит на ведомственном уровне: приказы МВД регулируют порядок организации учебной подготовки и необходимые меры безопасности. В качестве примера может быть назван Приказ МВД России № 44 от 2 февраля 2024 г., утвердивший новый порядок организации подготовки кадров для замещения должностей в ОВД РФ [4]. В данном порядке отдельно оговорены требования к огневой и физической подготовкам, включая нормативы обеспечения учебного процесса и контроль знаний по технике безопасности.

В Кыргызской Республике правовые механизмы аналогичного порядка: Закон КР от 01.08.2003 г. № 167 «Об охране труда» [3] специально регулирует общие вопросы безопасности труда, ведомственные приказы МВД КР регламентируют организацию профессиональной подготовки. МВД КР утвердило ряд инструкций, в частности Наставление по физической подготовке личного состава ОВД Кыргызской Республики [5] и другие акты, которые содержат главы, посвященные порядку проведения учебных занятий и обязанностям должностных лиц по обеспечению безопасности. К примеру, начальники подразделений милиции Кыргызской Республики обязаны перед началом стрельб и физических тренировок проводить инструктаж по технике безопасности и проверять готовность места занятий (состояние тира, спортплощадки).

Таким образом, правовой механизм выражается через совокупность норм, предписывающих безопасное проведение подготовки, а также установление ответственности – дисциплинарной, административной или уголовной – за нарушение этих норм.

Организационные механизмы и управление рисками

Одного наличия законов недостаточно – критически важна организация процесса на местах. В МВД РФ разработана многоуровневая система управления охраной труда: от Департамента по материально-техническому и медицинскому обеспечению МВД РФ, ответственного за методическое руководство в сфере безопасности труда, до конкретного начальника подразделения, несущего персональную ответственность за состояние условий службы и учебы. В каждом подразделении приказом назначаются должностные лица, ответственные за охрану труда и соблюдение техники безопасности. Эти ответственные регулярно организуют профилактическую работу:

- проводят инструктажи (вводный – при приеме на службу, и перед началом каждого занятия);
- контролируют обеспечение сотрудников средствами защиты;

– участвуют в расследовании мелких инцидентов для недопущения серьезных случаев.

Аналогично, в МВД КР вопросы безопасности возлагаются на руководство подразделений. Хотя структура может быть менее громоздкой ввиду меньшего масштаба системы, в каждой районной или городской милиции назначаются сотрудники, отвечающие за охрану труда.

Важным организационным механизмом является специальная оценка условий труда (СОУТ) [6, с. 110-114]. В Российской Федерации специальные оценки проводятся и на рабочих местах, и на объектах, где проходят учебные стрельбы, тренировки. Аттестуются, например, тировые помещения на соответствие требованиям по шуму, вентиляции (для удаления пороховых газов), освещенности, наличию пулеулавливателей, проверяется состояние спортивных залов (полы, матов, турников и т.д.). По итогам СОУТ выявляются потенциально вредные факторы и разрабатываются мероприятия: от ремонта и улучшения оснащения до сокращения времени пребывания под нагрузкой. В Кыргызской Республике механизм оценки условий труда также внедрен (согласно ТК КР и постановлениям Правительства о порядке аттестации рабочих мест), хотя масштаб его применения в ОВД может быть ограничен финансовыми возможностями. Тем не менее, крупные объекты (например, Центральный учебный центр МВД КР) проходят проверки на соответствие нормам безопасности.

Отдельно следует упомянуть управление рисками как современный подход. В контексте подготовки это означает идентификацию конкретных рисков: например, риск случайного выстрела при чистке оружия на занятиях, риск сердечного приступа у неподготовленного слушателя на кроссе, риск травмы при приемах рукопашного боя. После выявления – оценка вероятности и тяжести последствий и принятие мер. В Российской Федерации отдельные подразделения МВД уже применяют элементы риск-менеджмента: составляются «дорожные карты» безопасности при подготовке к крупным учебным мероприятиям (стрелковые соревнования, сборы по боевой подготовке), в которых прописаны ответственные за медобеспечение, эвакуацию при чрезвычайных происшествиях, резервные меры. В научной литературе предлагается шире внедрять такую практику, что актуально и для Кыргызской Республики.

Материально-технические и технические механизмы

Безопасность во многом достигается за счет надлежащего технического оснащения. Например, оборудование стрелковых тиров в соответствии с современными стандартами: пулеулавливатели, защитные экраны, дистанционное управление мишенными установками – все это снижает риск ricochetов и преждевременного появления людей в опасной зоне. В Российской Федерации существуют ведомственные стандарты на обустройство стрелковых объектов (на основе ГОСТ и СНИПов), им подчиняются учебные центры полиции. В Кыргызской Республике в последние годы активно модернизируются полигоны и тирыв МВД при содействии международных программ.

К техническим механизмам относится обеспечение персонала средствами индивидуальной защиты. Так, при стрельбах обязательны шумозащитные наушники или беруши, защитные очки; на занятиях по рукопашному бою – протекторы, шлемы, учебное (мягкое) оружие для отработки приемов. На занятиях по общей физической подготовке, где

есть риск падения (полосы препятствий), используются страховочные сети, маты. Эти меры предписываются инструкциями и регулярно обновляются.

Кроме того, применяются тренажеры и имитаторы, позволяющие отрабатывать навыки без риска: лазерные тир (стрельба лазерным лучом вместо пули), компьютерные симуляторы, манекены для отработки борцовских приемов – все это снижает травматизм на ранних этапах обучения, постепенно подводя сотрудника к реальным упражнениям.

Кадровые и образовательные механизмы

Ключевую роль играют сами люди, проводящие занятия. В обеих странах установлено правило: занятия по огневой подготовке и спецфизподготовке проводят квалифицированные инструкторы, прошедшие соответствующее обучение. В Российской Федерации функционирует институт подготовки инструкторов по боевой и физической подготовке, в ведомственных вузах есть курсы повышения квалификации для преподавателей по безопасности учебного процесса. В Кыргызской Республике также имеются специализированные инструкторские курсы (например, на базе Академии МВД КР), нередко с участием зарубежных тренеров по линии международных грантов (OSCE и др.). Хорошая подготовка инструкторов – залог строгого соблюдения мер безопасности: опытный наставник не допустит на огневой рубеж лиц без проверки знаний техники безопасности, остановит упражнение при малейшем нарушении, компетентно проведет разбор ошибок.

Кроме того, учебные программы МВД включают самостоятельные модули по безопасному обращению с оружием и безопасному поведению при физических нагрузках. Слушатели с первых дней службы изучают основы оказания первой помощи, правила поведения в экстренных ситуациях, требования нормативных документов (например, Дисциплинарного устава в части обязанностей соблюдать технику безопасности).

Таким образом, создание устойчивой «культуры безопасности» среди личного состава – один из важнейших механизмов: когда каждый сотрудник воспринимает правила не как формальность, а как гарантию собственной и товарищеской жизни.

Контроль и реагирование

Механизмы безопасности включают систему контроля и разбора инцидентов. В МВД РФ действует порядок расследования несчастных случаев на службе, распространяющийся и на учебные травмы [7]. Каждая травма, повлекшая потерю трудоспособности, расследуется комиссией; анализируются причины, составляется акт и разрабатываются меры, чтобы подобное не повторилось. Аналогично, если на занятиях произошел инцидент (даже без тяжких последствий), ответственное лицо обязано доложить руководству и провести внеочередной инструктаж. В МВД КР, судя по общим нормам трудового права, также должно проводиться расследование каждого несчастного случая, связанного со службой, с направлением материалов в органы труда. Однако открытых данных мало – вероятно, внутриминистерская отчетность присутствует, но в публичное поле выводятся лишь самые серьезные случаи. В Кыргызской Республике также практикуются внезапные проверки служебной дисциплины, куда включается и проверка соблюдения мер безопасности на месте (например, внезапный контроль занятий в школах милиции).

Обобщая рассмотренное, можно утверждать, что в Российской Федерации и Кыргызской Республике сформирована многоаспектная система механизмов обеспечения безопасности учебно-тренировочного процесса в полиции. Она включает правовые нормы, организационную структуру ответственности, технические средства защиты, квалифицированный персонал и культуру безопасного поведения. Несмотря на это, ни одна система не застрахована от сбоев, поэтому требуется постоянное совершенствование механизмов, адаптация к новым условиям (появление новых видов оружия, изменившееся здоровье молодых сотрудников и т.п.). Далее в выводах суммируем ключевые положения и предлагаем направления развития рассматриваемых механизмов.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // Собрание законодательства РФ, 05.12.2011, № 49 (ч. 1), ст. 7020.
2. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Собрание законодательства РФ, 14.02.2011, № 7, ст. 900.
3. Закон КР от 01.08.2003 № 167 «Об охране труда». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbd.minjust.gov.kg/1293/edition/732150/ru>
4. Приказ МВД России от 02.02.2024 № 44 «Об утверждении Порядка организации подготовки кадров для замещения должностей в органах внутренних дел Российской Федерации» (Зарегистрировано в Минюсте России 12.03.2024 № 77488). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=472049#mlDtfyUzcOE3dQZC>
5. Приказ МВД Кыргызской Республики от 06.07.2016 № 649 «Об утверждении Наставления по физической подготовке личного состава ОВД Кыргызской Республики». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.dinamo.kg/index.php?module=news&page=Prikaz_469_ot_06.07.2016_g
6. Ахметова Ю. Г. Специальная оценка условий труда как механизм обеспечения социальной безопасности // Медико-социальные и психологические аспекты безопасности промышленных агломераций: материалы Международной научно-практической конференции. – Екатеринбург, 2016. – С. 110-114.
7. Галиуллина Р. Х. Правовое регулирование охраны труда, расследования страховых случаев и несчастных случаев на производстве в системе органов внутренних дел // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 14. – С. 4-10.

ИЗМАЙЛОВА Джамиля Ибрагимовна

кандидат философских наук, доцент, Донецкий национальный университет экономики и торговли им. М. Туган-Барановского

МАМАХАТОВ Тлеш Муратович

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии, Российская академия наук

СЕМКИНА Евгения Николаевна

кандидат политических наук, доцент кафедры юридических и гуманитарных дисциплин, Невинномысский государственный гуманитарно-технический институт

АГРАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАН ШОС В УСЛОВИЯХ КЛИМАТИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ

В статье проводится анализ угроз аграрной безопасности стран Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), обусловленных климатическими изменениями. В работе рассматриваются ключевые проявления климатических вызовов в регионе, включая таяние ледников, изменение гидрологического режима, учащение экстремальных погодных явлений и деградацию земельных ресурсов. Авторы исследуют влияние этих процессов на сельское хозяйство, трансформацию условий ведения агропроизводства и связанные с этим системные риски для продовольственной безопасности. Целью научного исследования выступает рассмотрение возможности формирования общей стратегии стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества по созданию единой системы климатической безопасности. В статье выявлены ключевые факторы, влияющие на эффективность паневразийской аграрной безопасности. Авторами используется контент-анализ, сравнительные методы позволяющие провести теоретический обзор проблематики исследования. Исследователи считают, что в реализации гармоничной политики стран-участниц ШОС следует особое внимание уделять политическому измерению климатической проблематики, а также институциональным механизмам и конкретным мерам, предпринимаемым странами-членами для адаптации аграрного сектора. В статье представлен обзор существующих и планируемых программ сотрудничества, правовых инициатив, научно-технических проектов и финансовых инструментов, направленных на укрепление климатической устойчивости агропродовольственных систем в рамках организации.

Ключевые слова: аграрная безопасность, Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, климатические изменения, продовольственная безопасность, адаптация сельского хозяйства, Центральная Азия, экстремальные погодные явления, деградация земель, водные ресурсы, институциональное сотрудничество.

IZMAILOVA Jamil Ibragimovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, M. Tugan-Baranovsky Donetsk National University of Economics and Trade

МАМАХАТОВ Tlesh Muratovich

Ph.D. in economical sciences, leading researcher, Institute of China and Modern Asia, Russian Academy of Sciences

SEMKINA Evgeniya Nikolaevna

Ph.D. in political sciences, associate professor of Law and humanities sub-faculty, Nevinnomyssk State Institute of Humanities and Technology

AGRICULTURAL SECURITY OF THE SCO COUNTRIES IN THE CONTEXT OF CLIMATE CHALLENGES

The article analyzes the threats to the agricultural security of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) countries caused by climate change. The paper examines key manifestations of climate challenges in the region, including melting glaciers, changes in the hydrological regime, increased frequency of extreme weather events and land degradation. The authors investigate the impact of these processes on agriculture, the transformation of agricultural production conditions and the associated systemic risks to food security. The purpose of the scientific research is to consider the possibility of forming a common strategy of the member countries of the Shanghai Cooperation Organization to create a unified climate security system. The article identifies the key factors influencing the effectiveness of pan-Eurasian agricultural security. The authors use content analysis and comparative methods to conduct a theoretical review of the research issues. The researchers believe that in implementing the harmonious policies of the SCO member states, special attention should be paid to the political dimension of climate issues, as well as institutional mechanisms and specific measures taken by the member countries to adapt the agricultural sector. The article provides an overview of existing and planned cooperation programs, legal initiatives, scientific and technical projects, and financial instruments aimed at strengthening the climate sustainability of agri-food systems within the organization.

Keywords: agricultural security, Shanghai Cooperation Organization, SCO, climate change, food security, adaptation of agriculture, Central Asia, extreme weather events, land degradation, water resources, institutional cooperation.

Введение

Страны Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), охватывающие 60 % территории Евразии с населением более 3,2 млрд человек, сталкиваются с комплексом взаимосвязанных климатических вызовов, которые приобретают системный характер и угрожают основам продовольственной безопасности региона. Ключевыми проявлениями климатических изменений в регионе ШОС являются: ускоренное таяние ледников, повышение среднегодовых темпе-

ратур, изменение режима осадков, учащение экстремальных погодных явлений (засухи, наводнения, пыльные бури), а также деградация земельных и водных ресурсов. Президент Узбекистана Шавкат Мирзиёев в августе 2024 года констатировал: «Последствия глобального изменения климата ощущаются в каждой из наших стран. Повышение температуры, таяние ледников, паводки, засухи, пыльные бури и многие другие проблемы продолжают наносить серьезный ущерб» [9]. Процессы имеют кумулятивный эффект, создавая пороч-

ный круг экологической деградации, где сокращение водных ресурсов из-за таяния ледников усугубляет засухи, которые в свою очередь усиливают опустынивание и снижают продуктивность сельскохозяйственных земель.

Материалы и методы исследования

Авторами исследования используются контент-анализ и метод сравнительного анализа, позволяющие представить максимально точно теоретический анализ исследования.

Цель исследования

Цель настоящей статьи – рассмотрение возможности формирования общей стратегии стран-участниц Шанхайской организации сотрудничества по созданию единой системы климатической безопасности.

Результаты исследований и их обсуждение

Современные научные исследования указывают на то, что Центральная Азия – ядро пространства ШОС – является одним из наиболее уязвимых регионов мира к климатическим изменениям. Согласно докладу Всемирной метеорологической организации «Состояние климата в Азии в 2024 году», регион испытывает беспрецедентное повышение приземных температур, сокращение ледниковой массы и изменение гидрологического режима, что имеет серьезные последствия для общества, экономики и экосистем [9]. Ученые отмечают, что «изменения в наступлении и продолжительности сезонов дождей, а также возникновение более частых и интенсивных экстремальных погодных явлений, таких как засухи и засушливые периоды, подрывают устойчивость агропродовольственных систем» [6]. Особую тревогу вызывает скорость деградации ледников – ключевого источника пресной воды для орошаемого земледелия в Центральной Азии, где до 80 % водных ресурсов формируется в горных ледниковых системах.

Пом мнению А. В. Петрикова, «в условиях неопределенности мирового рынка, значительных колебаний цен на продовольствие, аграрная безопасность означает способность страны самостоятельно себя прокормить» [6]. Данная концепция включает несколько ключевых компонентов: обеспечение физической и экономической доступности продовольствия, устойчивость агропродовольственных систем к внешним шокам, сохранение и развитие сельских территорий, а также технологическую независимость в критически важных отраслях АПК.

Климатические вызовы напрямую трансформируют условия ведения сельского хозяйства в странах ШОС, создавая системные угрозы аграрной безопасности, понимаемой как способность страны самостоятельно себя прокормить [4]. Изменение температурного режима и режима осадков приводит к смещению агроклиматических зон, сокращению вегетационного периода для традиционных культур, увеличению рисков заморозков и тепловых стрессов для растений. Ким С. Г. указывает, что «сельское хозяйство играет важную ключевую роль в обеспечении продовольственной безопасности стран. Также оно чувствительно к климатическим изменениям» [5]. Чувствительность проявляется в снижении урожайности основных зерновых культур, увеличении затрат на ирригацию из-за дефицита воды, росте потерь от вредителей и болезней, распространение которых усиливается в условиях потепления.

Климатические изменения приобретают выраженное политическое измерение в пространстве ШОС, становясь фактором региональной стабильности и предметом межгосударственного сотрудничества. Генеральный секретарь ШОС Чжан Мин предупреждает, что «климатические проблемы могут подорвать основы безопасности стран», указывая на прямую связь между экологическими стрессами и социально-политической нестабильностью. В условиях, ког-

да водные и земельные ресурсы становятся дефицитными, возрастает потенциал трансграничных конфликтов, особенно в бассейнах рек Амударьи и Сырдарьи, где водопользование исторически является предметом межгосударственных договоренностей. Политизация климатической повестки проявляется и в том, что страны ШОС активно используют экологическую тематику для укрепления многостороннего сотрудничества, о чем свидетельствует объявление 2024 года Годом экологии в ШОС и принятие совместных деклараций по климатическим вопросам на саммитах организации.

Ответом на климатические вызовы становится формирование многоуровневых интеграционных механизмов в рамках ШОС, направленных на совместную разработку и реализацию адаптационных стратегий. Страны-члены организации «продолжат укреплять сотрудничество в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности, развития аграрной науки и образования», включая создание электронной платформы «Атлас продовольственной безопасности ШОС» и проведение специализированных мероприятий типа экспозиции «Агро-ШОС». Научное сообщество предлагает комплекс мер адаптации: переход на менее влаголюбивые сельскохозяйственные культуры, внедрение водосберегающих технологий (капельное орошение), развитие семеноводства устойчивых сортов, восстановление деградированных земель. По мнению Бахтияра Эргашева, директора Центра исследовательских инициатив Ма'но (Узбекистан), «странам региона следовало сперва подумать именно об экономии воды, перейдя, например, на менее влаголюбивые сельскохозяйственные культуры» [9].

Страны Шанхайской организации сотрудничества создали разветвленную систему институтов и механизмов для обеспечения аграрной безопасности. Совместное заявление Совета глав государств-членов ШОС от 4 октября 2025 года устанавливает стратегические ориентиры взаимодействия, включая «укрепление сотрудничества в области сельского хозяйства и продовольственной безопасности, развития аграрной науки и образования». В рамках организации функционирует Совет министров сельского хозяйства стран ШОС, который проводит регулярные заседания для координации аграрной политики. Особое значение имеет Демонстрационная база ШОС по обмену и обучению аграрным технологиям, созданная для трансфера передовых агротехнологий между странами-членами. Институты работают в тесной координации с профильными структурами ООН, о чем свидетельствует проведение Диалога ШОС-ФАО по продовольственной безопасности в ноябре 2023 года, где стороны обсуждали вопросы адаптации агропродовольственного сектора к глобальным изменениям климата.

Ключевой инициативой является формирование электронной платформы «Атлас продовольственной безопасности ШОС», которая должна обеспечить мониторинг продовольственной ситуации в регионе, прогнозирование урожаев и оперативное реагирование на кризисные ситуации. Ежегодно проводится экспозиция «Агро-ШОС» (последняя состоялась в Минске 3-6 июня 2025 года), которая служит площадкой для демонстрации достижений аграрной науки, заключения контрактов и обмена опытом. В рамках Климатической программы действий на 2025-2027 годы, разработанной для Центральной Азии, предусмотрены системные меры по адаптации сельского хозяйства к изменению климата, включая оценку уязвимости агросектора и разработку адаптационных стратегий [9]. Особое внимание уделяется программе «Взаимосвязь водных и земельных ресурсов в Центральной Азии» (CAWLN), финансируемой Глобальным экологическим фондом и реализуемой ФАО, которая направлена на решение проблем деградации земель и водного дефицита.

Правовая база сотрудничества в сфере аграрной безопасности включает Соглашение о сотрудничестве в области

сельского хозяйства между государствами-членами ШОС, подписанное в 2018 году, которое устанавливает рамки взаимодействия в области растениеводства, животноводства, мелиорации и защиты растений. Страны-члены гармонизируют национальные законодательства в области фитосанитарного и ветеринарного контроля, что облегчает взаимную торговлю сельхозпродукцией. В 2024 году был принят План совместных действий по адаптации сельского хозяйства к изменению климата, который предусматривает создание единой системы мониторинга климатических рисков для АПК и разработку стандартов «зеленого» сельского хозяйства. Важным элементом правового регулирования является Соглашение о создании зоны свободной торговли сельскохозяйственной продукцией в рамках ШОС, находящееся в стадии переговоров и направленное на снижение тарифных и нетарифных барьеров в аграрной торговле.

Научная составляющая аграрной безопасности обеспечивается через Сетевой университет ШОС, в рамках которого действуют магистерские программы по аграрным специальностям, и Объединенный научно-исследовательский центр агротехнологий ШОС, созданный на базе ведущих аграрных вузов стран-членов. Ежегодно проводятся международные научные конференции по климатически устойчивому сельскому хозяйству, последняя из которых состоялась в Ташкенте в мае 2025 года. Страны ШОС совместно реализуют программу селекции и семеноводства климатически устойчивых сортов сельскохозяйственных культур, адаптированных к условиям засухи и засоления почв. Как отмечает Ким С. Г., «для решения проблем, связанных с изменением климата в странах Центральной Азии, необходимы комплексные меры, включающие развитие аграрной науки и внедрение инновационных технологий» [5]. Особое внимание уделяется программе подготовки кадров для «цифрового сельского хозяйства», включающей обучение использованию спутникового мониторинга, точного земледелия и агробототехники.

Для финансирования совместных проектов в сфере аграрной безопасности создан Фонд развития сельского хозяйства ШОС с уставным капиталом 1 млрд долларов, который предоставляет льготные кредиты на модернизацию агропромышленного комплекса. Банк развития ШОС выделил специальную кредитную линию в размере 500 млн долларов на проекты по адаптации сельского хозяйства к изменению климата. Страны-члены совместно участвуют в программах международных финансовых институтов, таких как Глобальный экологический фонд и Зеленый климатический фонд, для привлечения дополнительного финансирования адаптационных мер. В 2025 году была запущена инициатива «Зеленые облигации для устойчивого сельского хозяйства ШОС», направленная на мобилизацию частных инвестиций в климатически устойчивые агропроекты.

Выводы

Таким образом, аграрная безопасность стран Шанхайской организации сотрудничества в контексте климатических изменений представляет собой сложную многоуровневую систему, где экологические, экономические, технологические и политические факторы находятся в состоянии динамического взаимодействия и взаимовлияния. Климатические вызовы, проявляющиеся в ускоренном таянии ледников, изменении гидрологического режима, учащении экстремальных погодных явлений и деградации земельных ресурсов, создают системные угрозы для продовольственной безопасности региона, требующие не просто адаптационных мер, но фундаментальной трансформации агропродовольственных систем. Страны ШОС, обладая значительным демографическим, территориальным и аграрным потенциалом, стоят перед необходимостью перехода от реактивных к проактивным стратегиям, основанным на принципах климатической устойчивости, ресурсной эффективности и технологической

инновационности. Ключевым вызовом остается преодоление асимметрии в уровнях развития и адаптационных возможностях между государствами-членами, что требует разработки дифференцированных подходов, учитывающих специфику национальных агроэкологических условий, институциональных рамок и социально-экономических контекстов.

Перспективы укрепления аграрной безопасности в пространстве ШОС связаны с дальнейшей институционализацией сотрудничества, углублением научно-технической интеграции и созданием эффективных финансовых механизмов поддержки адаптационных мер. Стратегическим приоритетом должно стать формирование единого информационно-аналитического пространства на базе платформы «Атлас продовольственной безопасности ШОС», позволяющего осуществлять мониторинг климатических рисков, прогнозирование урожаев и оперативное реагирование на кризисные ситуации. Не менее важным представляется развитие совместных программ селекции и семеноводства климатически устойчивых сортов сельскохозяйственных культур, адаптированных к специфическим условиям региона, а также масштабирование практик водосберегающих технологий и регенеративного земледелия.

Долгосрочная устойчивость аграрной безопасности будет определяться способностью стран ШОС гармонизировать национальные политики в области климатической адаптации сельского хозяйства, создать условия для трансфера зеленых технологий и обеспечить инклюзивность адаптационных процессов, учитывающих интересы малых фермерских хозяйств и сельских сообществ. Успех этих усилий в конечном счете определит не только продовольственную стабильность региона, но и его геополитическую устойчивость в условиях нарастающей глобальной климатической неопределенности.

Пристатейный библиографический список

1. Асаналиев У. А., Бредихин А. В. Роль ШОС для стран ЕАЭС в современный период // Евразийский юридический журнал. 2024. № 4 (191). С. 487-488.
2. Бредихин А. В. Основные характеристики развития кролиководства в Китае // Journal of Agriculture and Environment. 2025. № 4 (56).
3. Бредихин А. В. Перспективы развития Шанхайской организации сотрудничества // Современная Азия: политика, экономика, общество. 2023. № 1. С. 11-16.
4. Дашин А. В., Проненкова А. А. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических реалиях: вызовы времени // Аграрное и земельное право. 2024. № 8. С. 314-217.
5. Ким С. Г. Влияние изменения климата на страны центральной Азии: проблемы и пути решения // Экономика и социум. 2025. № 2-1. С. 1011-1016.
6. Петриков А. В. Проблемы модернизации аграрной политики в России // Экономика сельского хозяйства России. 2012. № 8. С. 45-52.
7. Российское кролиководство / отв. ред. А. В. Бредихин. Москва: АНО ЦЭМИ, 2025. 85 с.
8. Российское кролиководство. Том 2 / отв. ред. А. В. Бредихин. Москва: АНО ЦЭМИ, 2025. 79 с.
9. CAREC Climate Change Action Plan 2025-2027. Final Document. Asian Development Bank, (2024). 48 p.

МИТАШОВА Анастасия Анатольевна

ассистент кафедры философии, Кубанский медицинский университет Минздрава России, г. Краснодар

ИВАНЕНКО Игорь Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса и международного права, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ГЕЛИЕВА Ирина Николаевна

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского процесса и международного права, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА: ПОИСК БАЛАНСА МЕЖДУ РАЗВИТИЕМ МЕДИЦИНЫ И ЗАЩИТОЙ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Статья посвящена комплексному анализу правовых и медико-этических проблем трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации. Рассматриваются фундаментальные вопросы определения правового статуса биоматериалов, принципы добровольности и информированного согласия при прижизненном донорстве, модели посмертного донорства (презумпция согласия и испрошенное согласие), а также эτικο-правовые аспекты коммерциализации донорства. Выявлены системные пробелы действующего законодательства: отсутствие четкого правового режима органов и тканей, несовершенство механизмов прижизненного волеизъявления граждан и учета мнения родственников, недостаточное регулирование биобанков и клеточных технологий. Обосновывается необходимость принятия нового федерального закона о трансплантации в рамках концепции биоправа, позволяющего системно урегулировать отношения по распоряжению телом и его частями как при жизни, так и на случай смерти.

Ключевые слова: трансплантация органов и тканей, донорство, правовой статус биоматериалов, презумпция согласия, испрошенное согласие, информированное добровольное согласие, коммерциализация донорства, биоэтика, медицинское право, посмертное донорство, прижизненное волеизъявление, правовое регулирование трансплантологии.

MITASHOVA Anastasiya Anatoljevna

assistant of Philosophy sub-faculty, Kuban Medical University of the Ministry of Health of Russia, Krasnodar

IVANENKO Igor Nikolaevich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil process and international law sub-faculty, Kuban State University, Krasnodar

GELIEVA Irina Nikolaevna

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Civil process and international law sub-faculty, Kuban State University, Krasnodar

LEGAL REGULATION OF HUMAN ORGAN AND TISSUE TRANSPLANTATION: FINDING A BALANCE BETWEEN THE DEVELOPMENT OF MEDICINE AND THE PROTECTION OF FUNDAMENTAL RIGHTS OF CITIZENS

The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal and medical-ethical problems of human organ and tissue transplantation in the Russian Federation. Fundamental issues of determining the legal status of biomaterials, principles of voluntary and informed consent in lifetime donation, models of posthumous donation (presumption of consent and requested consent), as well as ethical and legal aspects of donation commercialization are considered. Systemic gaps in current legislation have been identified: the lack of a clear legal regime for organs and tissues, imperfect mechanisms for the expression of citizens' will in life and taking into account the opinions of relatives, insufficient regulation of biobanks and cellular technologies. The necessity of adopting a new federal law on transplantation within the framework of the biolaw concept is substantiated, which makes it possible to systematically regulate the relationship between the disposal of the body and its parts both during life and in case of death.

Keywords: organ and tissue transplantation, donation, legal status of biomaterials, presumption of consent, requested consent, informed voluntary consent, commercialization of donation, bioethics, medical law, posthumous donation, lifetime expression of will, legal regulation of transplantology.

Трансплантация органов и тканей человека представляет собой область современной медицины, где научно-технический прогресс, позволяющий возвращать к жизни безнадежно больных пациентов, неизбежно вступает в противоречие с фундаментальными правовыми и этическими принципами. Эта сфера медицинской деятельности вторгается в самые сокровенные аспекты человеческого существования: право на жизнь и здоровье, личную неприкосновенность, посмертное достоинство, а также вопросы распоряжения собственным телом. Эффективное правовое регулирование здесь призвано найти тонкий баланс между необходимостью развития трансплантологии как единственного средства спасения ты-

сяч пациентов с терминальными стадиями заболеваний и безусловной защитой фундаментальных прав граждан.

По оценкам Национального регистра доноров костного мозга, ежегодно в России в трансплантации органов нуждаются от 15 до 20 тысяч пациентов с терминальными стадиями заболеваний почек, печени, сердца и легких. Фактически же выполняется лишь 2–3 тысячи операций в год. На начало 2024 года в листе ожидания на пересадку почки находилось более 7 тысяч пациентов, из которых ежегодно умирают, не дождавшись операции, около 15–20% [1]. Эти цифры наглядно демонстрируют остроту проблемы: дефицит донорских органов остается критическим, и его преодоление невозмож-

но без совершенствования правового регулирования, которое должно одновременно способствовать увеличению донорского пула и сохранять этические принципы. Как справедливо отмечает Ю. Д. Сергеев, современная жизнь выдвигает немало проблем в сфере медицины и здравоохранения, для правового урегулирования которых нужен принципиально новый подход. Это и биобезопасность, и молекулярная медицина, и генная инженерия, и клонирование, и суррогатное материнство, и трансплантация органов и тканей [2].

Фундаментальной теоретической проблемой, от решения которой зависят все остальные аспекты правового регулирования, остается вопрос о юридической природе органов и тканей человека. Можно ли рассматривать их в качестве объектов гражданских прав (вещей), и если да, то каков их правовой режим? Действующее российское законодательство не дает прямого ответа на этот вопрос, однако содержит важные ограничения. Статья 1 Закона РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» устанавливает прямой запрет на куплю-продажу органов и тканей: «органы и (или) ткани человека не могут быть предметом купли-продажи, а сделки такого характера являются недействительными с момента их совершения и влекут за собой уголовную ответственность» [3]. Эта норма выводит органы и ткани из гражданского оборота в качестве самостоятельных объектов купли-продажи, что соответствует международным стандартам и этическим принципам трансплантологии. Однако сам вопрос о юридической природе органов и тканей – являются ли они вещами в смысле гражданского законодательства либо их следует рассматривать как неотъемлемые элементы человеческой личности – остается открытым. Судебная практика демонстрирует консервативный подход. В Определении Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2007 г. № 962-О-О подчеркивается, что человеческое тело не может рассматриваться как объект права собственности [4]. Такой подход основан на понимании тела как материального носителя личности, который не может быть приравнен к имуществу.

В то же время, с позиций практической медицины, после отделения от организма биологический материал обретает материальную форму, пригодную для оборота, хотя и строго ограниченного специальными правилами. Он может храниться в банках органов и тканей, транспортироваться между медицинскими учреждениями, подвергаться лабораторным исследованиям. Представляется обоснованным подход, предлагаемый в доктрине: различать правовой режим органов и тканей *in vivo* (в составе живого организма) и *ex vivo* (отделенных от организма). В первом случае они должны рассматриваться как неотъемлемые элементы личности, не подлежащие обособленному гражданскому обороту. Во втором – как вещи, ограниченные в обороте, что позволило бы более четко регулировать отношения по их хранению, транспортировке и использованию в медицинских целях [5]. Такой дифференцированный подход, как представляется, позволяет сохранить уважение к человеческому достоинству и одновременно создать необходимую правовую базу для развития биобанков и трансплантационных программ.

Наряду с вопросом о правовом статусе биоматериалов не менее важное значение имеют принципы, на которых строится вся система трансплантологии. Правовое регулирование трансплантологии базируется на ряде фундаментальных принципов, закрепленных как в международных рекомендациях Всемирной организации здравоохранения, так и в национальных законодательствах. Ключевым из них является принцип добровольности и информированного со-

гласия – краеугольный камень современной биоэтики и медицинского права. Согласно статье 47 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», изъятие органов и тканей у живого донора допустимо исключительно при наличии его информированного добровольного согласия [6]. Причем это согласие должно быть дано после предоставления донору полной и достоверной информации о возможных последствиях для его здоровья, включая риски, связанные с хирургическим вмешательством и последующей жизнью с одним органом. Законодатель предусматривает дополнительные гарантии, призванные защитить потенциального донора от возможного принуждения. Во-первых, изъятие органов допускается только при условии, что по заключению врачебной комиссии здоровью донора не будет причинен значительный вред. Во-вторых, донором может быть только совершеннолетний дееспособный гражданин (исключение составляют случаи пересадки костного мозга, где возможны индивидуальные решения). В-третьих, установлен прямой запрет на изъятие органов у лиц, находящихся в служебной или иной зависимости от реципиента: подчиненных, студентов, находящихся в административном подчинении у преподавателей, лиц, находящихся на иждивении. Последняя норма представляется особенно важной. Как отмечают Ю. Д. Сергеев и С. И. Поспелова, запрет изъятия органов у лиц, находящихся в зависимости, является важнейшей гарантией подлинной добровольности донорства и предотвращает эксплуатацию более уязвимых групп населения [7]. В этом проявляется глубинная этическая установка законодателя: донорство должно быть исключительно актом альтруизма, свободным от какого-либо внешнего давления.

Особого внимания заслуживает институт прижизненного волеизъявления гражданина. Российское законодательство предоставляет каждому совершеннолетнему дееспособному гражданину право выразить свое согласие или несогласие на изъятие его органов и тканей после смерти для трансплантации. Такое волеизъявление может быть сделано в устной форме в присутствии свидетелей или в письменной форме, заверенной руководителем медицинской организации или нотариусом. Проблема, однако, в том, что этот институт пока не получил широкого распространения. Причины кроются в низкой правовой информированности населения и отсутствии устоявшихся традиций заблаговременного распоряжения своими органами на случай смерти. В отличие от некоторых европейских стран, где паспорт донора или отметка в водительских правах являются привычной практикой, в России культура прижизненного волеизъявления еще только формируется.

С этим тесно связан вопрос о том, как именно должно определяться согласие на посмертное донорство, когда сам человек уже не может выразить свою волю. Наиболее дискуссионным аспектом правового регулирования, вызывающим острые споры как в профессиональном сообществе, так и в общественной морали, является модель посмертного донорства. Мировая практика знает две основные модели. Модель испрошенного согласия (*opt-in*) действует в США, Германии, Великобритании и ряде других стран. Ее суть: человек не будет являться донором после смерти, если он при жизни прямо не заявил о своем согласии. В Германии, например, такое волеизъявление оформляется в виде специального «паспорта донора», который граждане получают по достижении совершеннолетия. В США желание быть донором часто отмечается в водительских правах. При отсутствии явно выраженного

согласия изъятие органов не допускается. Эта модель ставит во главу угла индивидуальную автономию личности и недопустимость вмешательства без ясно выраженной воли. Модель презумпции согласия (opt-out) действует в России, Австрии, Бельгии, Франции, Италии и ряде других стран. Согласно частям 6, 7 и 10 статьи 47 Федерального закона № 323-ФЗ, изъятие органов и тканей у трупа допускается, если человек при жизни или его близкие родственники после смерти не заявили о своем несогласии [6]. Иными словами, отсутствие выраженного отказа рассматривается как юридически значимое согласие. Закон предоставляет гражданину право при жизни в любой форме выразить свой запрет, а в случае отсутствия такого прижизненного волеизъявления право запретить изъятие предоставляется супругу или близким родственникам. С точки зрения увеличения количества донорских органов преимущества презумпции согласия очевидны. Однако, как показывает опыт Испании – мирового лидера по количеству трансплантаций (более 50 доноров на миллион населения в год), – ключевым фактором успеха является не сама по себе правовая конструкция, а развитая институциональная инфраструктура [8]. Испанская система включает наличие координаторов трансплантации в каждой больнице, единый национальный регистр волеизъявлений, доступный медицинским работникам в режиме реального времени, постоянную просветительскую работу с населением, формирующую доверие к системе трансплантации, а также развитую систему DCD-донорства (забора органов у доноров со смертью, констатированной по критерию остановки кровообращения). В России именно этих элементов сегодня не хватает. Проблемы, снижающие эффективность закрепленной в законе модели, можно свести к нескольким. Во-первых, это низкая информированность населения: многие люди просто не знают о своем праве на отказ и о механизме его реализации. Они не заявляют о несогласии не потому, что поддерживают донорство, а потому, что не знают о такой возможности. Во-вторых, несовершенство процедуры выяснения воли умершего: врачи в условиях дефицита времени не всегда имеют возможность оперативно выяснить позицию родственников, особенно если смерть наступила внезапно и близкие находятся в состоянии стресса. В-третьих, отсутствие единого федерального регистра волеизъявлений: нет доступного медицинским работникам источника достоверной информации о том, высказывал ли человек при жизни свое согласие или отказ. Это создает ситуацию правовой неопределенности. Как отмечают Л. В. Осипова и Е. В. Юдин, проблемы правового регулирования трансплантологии в России свидетельствуют о несовершенстве нормативной базы и необходимости ее модернизации [9]. Представляется, что при сохранении самой модели презумпции согласия необходимо развивать институциональную инфраструктуру по испанскому образцу: создавать федеральный регистр волеизъявлений, внедрять институт координаторов трансплантации, проводить системную просветительскую работу. Без этих элементов презумпция согласия рискует превратиться из инструмента спасения жизней в фактор, подрывающий доверие к системе трансплантации.

Помимо вопроса о том, как получить согласие на изъятие органов, не менее остро стоит вопрос о том, допустима ли какая-либо компенсация донору и где проходит грань между стимулированием донорства и его коммерциализацией. Одним из самых сложных этических вопросов, вызывающих ожесточенные дискуссии во всем мире, остается проблема коммерциализации донорства и возможность компенсации за изъятые органы. Российское и международное право исходят

из фундаментального принципа безвозмездности: донорство должно быть актом альтруизма и гуманизма, «даром», а не товаром. Статья 1 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека» и статья 47 Федерального закона № 323-ФЗ прямо запрещают куплю-продажу органов человека [3], [6]. Этот запрет абсолютен и призван предотвратить превращение человеческого тела в объект торговли, исключить возможность эксплуатации человека, особенно из социально уязвимых слоев населения. Российское законодательство также предусматривает уголовную ответственность за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации (статья 120 Уголовного кодекса РФ). Однако при действии этого запрета сохраняется острейшая проблема хронического дефицита донорских органов. Этот разрыв между потребностью и возможностями порождает постоянные дискуссии о допустимости тех или иных форм компенсации. Опыт США, где развито платное донорство крови и плазмы (доноры получают денежную компенсацию, что позволяет обеспечивать значительную часть мировых поставок этих продуктов), иногда приводится в пример. Очевидно, что перенос этой модели на органное донорство невозможен: стоимость человеческой жизни и здоровья не может быть сведена к рыночной цене, а появление легального рынка органов неизбежно приведет к эксплуатации беднейших слоев населения. В то же время законодательство практически всех стран, включая Россию, предусматривает иные, неденежные формы поддержки доноров. Согласно статье 12 Закона «О трансплантации органов и (или) тканей человека», донор имеет право на бесплатное лечение, в том числе лекарственное обеспечение, и медицинскую реабилитацию в связи с проведенной операцией [3]. Доноры костного мозга имеют право на дополнительные меры социальной поддержки: бесплатный проезд к месту изъятия биоматериала и обратно, выплату пособия по временной нетрудоспособности, а также ежегодную денежную выплату. Представляется, что такой подход запрет купли-продажи при сохранении системы мер социальной поддержки является сбалансированным. Он позволяет сохранить этический принцип альтруизма, одновременно делая донорство доступным и социально защищенным. Компенсация затрат и социальная поддержка не превращают орган в товар, а признают заслугу донора перед обществом и государством.

После анализа ключевых принципов регулирования – правового статуса биоматериалов, добровольности согласия, моделей посмертного донорства и пределов коммерциализации, необходимо обратиться к системным пробелам действующего законодательства, которые препятствуют эффективному развитию трансплантологии в России. Анализ современного состояния правового регулирования трансплантологии в России показывает, что законодательство, основы которого были заложены еще в 1992 году, нуждается в серьезной модернизации. За прошедшие три десятилетия медицина шагнула далеко вперед: появились новые технологии работы с биоматериалом, развились методы консервации и транспортировки органов, расширились возможности трансплантации костного мозга и других тканей. Однако правовая база во многом осталась прежней. Как отмечает А. А. Мохов в рамках своей концепции «четырех bios», развитие биомедицинских технологий объективно требует пересмотра традиционных правовых конструкций, поскольку они не всегда способны адекватно отражать новые общественные отношения, складывающиеся в сфере обращения с биоматериалами человека [10].

Законодательному решению подлежат как минимум три блока вопросов. Первый блок связан с определени-

ем правового статуса биоматериалов. Как уже отмечалось, дифференцированный подход к органам *in vivo* и *ex vivo* требует законодательного закрепления. Необходимо также урегулировать вопросы хранения, транспортировки, утилизации биоматериалов, а также права собственности на биобанки. Как отмечают Л. Т. Волова, Н. А. Максименко и М. В. Левина, отсутствие федеральных законов, регулирующих деятельность тканевых банков, создает серьезные проблемы для развития трансплантологии [11]. Второй блок касается механизмов прижизненного волеизъявления граждан. Необходимо создание федерального регистра волеизъявлений (как согласий, так и отказов), доступного медицинским работникам в режиме реального времени. Это позволило бы снять правовую неопределенность и обеспечить уважение посмертной воли человека. Третий блок связан с развитием клеточных технологий и тканевой инженерии, которые все активнее входят в клиническую практику, ставя новые этические и правовые вопросы о статусе искусственно выращенных органов и тканей.

Помимо законодательных пробелов, существуют и проблемы правоприменения. Анализ судебной практики показывает, что при разрешении споров, связанных с изъятием органов у умерших, нередко возникают вопросы о соблюдении процедуры информирования родственников и фиксации их волеизъявления. Отсутствие четкого нормативного регулирования в этой части создает риски нарушения прав граждан и требует безотлагательного законодательного вмешательства. Выявленный судебной практикой пробел отсутствия законодательно закрепленной процедуры информирования родственников и фиксации их волеизъявления, может быть устранен посредством двух взаимодополняющих механизмов. Во-первых, необходимо законодательно закрепить обязанность медицинской организации при возникновении оснований для изъятия органов информировать супруга (супругу) и близких родственников умершего об их праве заявить отказ, с обязательным составлением акта о результатах такого информирования. Во-вторых, требуется создание единого федерального регистра прижизненных волеизъявлений граждан (как согласий, так и отказов), доступ к которому позволил бы исключить ситуации, когда решение принимается в условиях правовой неопределенности. Все вышеизложенное требует фундаментального пересмотра нормативной базы и принятия, возможно, нового федерального закона о трансплантации, который бы комплексно регулировал все аспекты этой сферы.

Перспективным направлением развития правовой доктрины является формирование концепции биоправа, объединяющей нормы, регулирующие отношения в сфере биомедицинских технологий. Как указывает И. А. Умнова-Конюхова, биотехнологические достижения оказывают все более значимое влияние на правовое регулирование и требуют выработки новых подходов к защите прав человека [12]. В рамках этой концепции могли бы быть законодательно закреплены право гражданина на прижизненное распоряжение своими органами и тканями (как в форме согласия, так и в форме отказа), право на информацию о судьбе изъятых биоматериалов, право на уважение посмертной воли, правовые механизмы защиты от принуждения и коммерциализации, а также порядок создания и функционирования биобанков, включая вопросы права собственности на хранящиеся биоматериалы. Проведенное исследование показывает, что правовое регулирование трансплантологии в России страдает фрагментарностью, а выявленные пробелы – от не-

определенности правового статуса биоматериалов до несовершенства процедур волеизъявления – требуют комплексного решения в рамках новой законодательной концепции биоправа.

Таким образом, правовое регулирование трансплантации органов и тканей человека в Российской Федерации требует комплексной модернизации. Только при условии создания целостной, внутренне согласованной и учитывающей современные реалии нормативной базы можно обеспечить баланс между развитием трансплантологии как жизнеспасающего направления медицины и безусловной защитой конституционных прав граждан.

Пристатейный библиографический список

1. Статистические данные Национального регистра доноров костного мозга за 2023–2024 гг. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rdkm.ru/statistika> (дата обращения: 10.03.2026).
2. Сергеев Ю. Д. Медицинское право: учебный комплекс / 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2023. – 480 с.
3. Закон Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 4180-1 «О трансплантации органов и (или) тканей человека» (в ред. от 08.12.2020) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – № 2. – Ст. 62.
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 г. № 962-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лифаря Сергея Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьей 8 Федерального закона “О погребении и похоронном деле”» // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. – 2008. – № 3.
5. Стеценко С. Г. Медицинское право: учебник / 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2024. – 352 с.
6. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.
7. Сергеев Ю. Д., Поспелова С. И. Трансплантация органов и тканей человека: правовые проблемы // Медицинское право. – 2023. – № 2. – С. 3-10.
8. Matesanz R. The Spanish model of organ donation and transplantation / R. Matesanz, B. Domínguez-Gil // Transplantation. – 2020. – Vol. 104. № 4. – P. 673-677.
9. Осипова Л. В., Юдин Е. В. Правовые проблемы трансплантологии в Российской Федерации // Медицинское право. – 2022. – № 4. – С. 18-23.
10. Мохов А. А. Концепция «четырёх bios» в российском праве: постановка проблемы // Право и политика. – 2021. – № 7. – С. 1-12.
11. Волова Л. Т., Максименко Н. А., Левина М. В. Правовое регулирование деятельности тканевых банков в Российской Федерации // Медицинское право. – 2023. – № 5. – С. 12-18.
12. Умнова-Конюхова И. А. Биоправо как интегративная отрасль права: теоретические и методологические основания // Lex Russica. – 2024. – Т. 77. № 1. – С. 32-45.

DOI 10.46320/2073-4506-2026-3-214-503-507

МИЖАРЕВА Наталья Владимировна

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса, Санкт-Петербургская юридическая академия

МИЖАРЕВА Полина Спартаковна

студент 2-го курса, Институт сердца и сосудов, Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова» Министерства здравоохранения Российской Федерации, независимый исследователь

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПЛАТНЫХ (КОММЕРЧЕСКИХ) МЕДИЦИНСКИХ УСЛУГ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация: Авторами актуализированы вопросы обеспечения фундаментальных конституционных прав человека на жизнь, медицинскую помощь и на охрану здоровья в России. Особое внимание уделяется анализу новейших нормативных правовых актов 2025 – 2026 гг. в сфере медицины, включая изменения Закона РФ «О защите прав потребителей» № 2300-1.

Исследованы тенденции развития здравоохранения Российской Федерации, выделены отраслевые особенности сферы платных (коммерческих) медицинских услуг в здравоохранении России. Подобраны эффективные перспективные механизмы и инструменты, помогающие преодолеть законодательные разночтения и подойти к формированию «качественного медицинского права».

В статье оценивается текущее состояние правовой регламентации данной сферы, обосновывается необходимость устранения законодательных пробелов и преодоления модификаций правоприменительной практики. Предложены потенциальные направления совершенствования правового регулирования, среди которых ключевое значение имеют унификация гражданско-правовых договорных форм, четкое разграничение нормативного аппарата и формирование интегрированной модели взаимодействия государственных частных медицинских организаций.

Ключевые слова: Российская Федерация, здравоохранение, охрана здоровья, медицина, медицинское право, медицинская деятельность, платные медицинские (коммерческие) услуги.

MIZHAREVA Natalya Vladimirovna

Ph.D. in Law, associate professor of Civil law and process sub-faculty, St. Petersburg Law Academy

MIZHAREVA Polina Spartakovna

student of the 2nd course, Institute of Heart and Vessels, I. I. Mechnikov North-Western State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, independent researcher

Мижарева Н. В.

Мижарева П. С.

PROSPECTS FOR LEGAL REGULATION OF PAID (COMMERCIAL) MEDICAL SERVICES IN THE HEALTHCARE SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation: The authors address issues related to ensuring fundamental constitutional human rights to life, medical care, and health protection in Russia. Special attention is paid to the analysis of the latest regulatory legal acts of 2025–2026 in the field of medicine, including amendments to the Russian Federation Law «On Protection of Consumer Rights» No. 2300-1.

Trends in the development of healthcare in the Russian Federation are examined, and sectoral characteristics of the sphere of paid (commercial) medical services in Russian healthcare are identified. Effective forward-looking mechanisms and tools have been selected to help overcome legislative discrepancies and move toward the formation of «quality medical law».

The article assesses the current state of legal regulation in this area, substantiates the need to eliminate legislative gaps and overcome modifications in law enforcement practice. Potential directions for improving legal regulation are proposed, among which the key elements include the unification of civil law contractual forms, a clear delineation of the regulatory framework, and the formation of an integrated model of interaction between public and private medical organizations.

Keywords: Russian Federation, healthcare, health protection, medicine, medical law, medical activity, paid medical (commercial) services.

Несомненно, в общественной жизни в 20-е годы XXI века вопросы правового регулирования направлений развития медицинской деятельности характеризуются повышенной актуальностью, включая регулирование платных (коммерческих) медицинских услуг в здравоохранении Российской Федерации. Появившиеся новейшие технологии диагностики и лечения заболеваний людей и

животных, их профилактики, в свою очередь, привели к необходимости скорейшей актуализации нормативных правовых актов. Поэтому, стремительно развивается и правовая база медицинской науки. С развитием общества и государства связано и развитие прав человека, и на сегодняшний день за человеком признается широкий перечень прав и свобод.

Частью 1 статьи 20 Конституции Российской Федерации фундаментально определено право каждого человека на жизнь. Право каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь закреплено частью 1 статьи 41 Конституции Российской Федерации. Обеспечение конституционных прав и свобод человека и гражданина остаётся приоритетным направлением в сфере общественной жизни, включая систему правовых отношений в здравоохранении России и государственной медицинской политике. Конституционно разграничены полномочия между органами государственной власти и органами местного самоуправления в целях их реализации [1].

Так же в России финансируются федеральные программы охраны и укрепления здоровья населения, принимаются меры по развитию государственной, муниципальной, частной систем здравоохранения, поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта, экологическому, санитарному и эпидемиологическому благополучию.

Повышение рождаемости и сохранение человеческого генофонда являются одними из первоочередных задач любого государства. Российская Федерация на протяжении длительного периода проводит демографическую политику, направленную на увеличение естественного прироста населения страны.

Таким образом, как мы понимаем, первое место в актуальном перечне системных национальных приоритетов, призванных обеспечить рост населения Российской Федерации, сегодня занимает здоровье конкретного человека, а также человеческий капитал как фактор социального и экономического роста.

Современный этап развития российского общества характеризуется расширением гражданского оборота и прочным укреплением в нем сферы услуг, которая отличается многообразием предоставляемых некоммерческих и коммерческих услуг. Открытие новых методов профилактики, диагностики и лечения многих заболеваний открывает широчайшие возможности для их внедрения в практическое звено, главным образом, в частные медицинские организации как наиболее пациентоориентированные и экономически заинтересованные в новых клиентах субъекты системы здравоохранения.

Курмангулов А. А., Брынза Н. С., Золотарев П. Н., Кельн А. А. [2] отмечают тот факт, что коммерческая медицина не имеет финансового обеспечения со стороны федерального и территориальных фондов обязательного медицинского страхования, федерального и региональных бюджетов, единственным реальным источником существования рынка платных медицинских услуг являются денежные средства населения.

Финансирование видов медицинской помощи и охраны здоровья граждан осуществляется комплексно в рамках государственных бюджетов России: федерального, регионального и даже муниципального уровней, а также за счет доходов населения (налоги, фонды, собственные финансы и т.п.). Согласно статьям 82 и 83 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации» [3] (далее — Федеральный закон № 323-ФЗ) финансовое обеспечение оказания гражданам первичной медицинской, санитарной, специализированной помощи, в том числе высокотехнологичной, паллиативной помощи, осуществляется за счет средств соответствующих бюджетов, средств обязательного медицинского страхования (ОМС) и за счет иных источников.

Формы финансирования учредителем бюджетных учреждений из средств соответствующего бюджета закреплены в статьях 78.1 и 79 Бюджетного кодекса Российской Федерации [4]. Бюджетное учреждение как юридическое лицо обладает специальной правоспособностью, выполняет социальные функции, но ограничено в возможности приобретения оборудования за счет средств, которые перечисляют медицинской организации страховые компании за предоставленные медицинские услуги.

По нашему мнению, например, в практике достигли высочайшего уровня технологии биомедицины и биоинженерии — трансплантация органов и тканей, пластическая хирургия, искусственное оплодотворение, генная инженерия, вживление зубной кости и вспомогательные репродуктивные технологии и другие, — которые активно применяются в медицине, но оставляют значительные пробелы в правовом и бюджетообразующем поле.

Хочется подчеркнуть, что в современных условиях экономического развития России бюджетная политика является основополагающей в области формирования доходов бюджетов, их расходовании и проведении межбюджетных отношений. Роль налогов чрезвычайно важна. Значительная часть доходной базы бюджета обеспечивается именно ими.

Как известно, бюджетная система Российской Федерации имеет три основных уровня: I уровень — федеральный бюджет и бюджеты государственных внебюджетных фондов; II уровень — бюджеты субъектов России и бюджеты территориальных государственных внебюджетных фондов; III уровень — местные бюджеты. Приоритетным направлением бюджетной политики является обеспечение бездефицитности бюджетов любого уровня бюджетной системы за счет изменения налоговой системы, регулирования поступлений доходов в бюджеты от налоговых и неналоговых источников доходов.

Помимо вышеперечисленных видов бюджетов существует еще консолидированный бюджет, который представляет собой свод бюджетов всех уровней на соответствующей территории. Например, консолидированный бюджет России включает в себя федеральный бюджет плюс бюджеты субъектов Российской Федерации.

Существует прямая зависимость доходности бюджета от налогов и сборов, в их число входит возможность образования и финансового обеспечения фондов, например ОМС и других фондов. Бюджет предназначен для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления. Основным источником финансирования деятельности медицинских организаций являются средства, поступающие от территориального фонда ОМС [5] за предоставленные медицинские услуги.

Базовая программа обязательного медицинского страхования предусмотрена положениями статьи 35 Федерального закона от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» [6], которая определяет виды медицинской помощи (включая перечень видов высокотехнологичной медицинской помощи, который содержит, в том числе, методы лечения), перечень страховых случаев, структуру тарифа на оплату медицинской помощи, способы оплаты медицинской помощи, оказываемой застрахованным лицам по обязательному медицинскому страхованию в России за счет средств ОМС, а также критерии доступности и качества медицинской помощи. Ежегодно пересматривается и соответствующее Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2025 года №

2188 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» [7].

Напомним, что порядки оказания медицинской помощи, утверждаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти и являются обязательными для исполнения на территории России всеми видами медицинских организаций.

Равнозначная общая юридическая ответственность в России возложена как на государственные, так и на частные юридические лица, которые оказывают платные (коммерческие) медицинские услуги в здравоохранении Российской Федерации.

Однако, считаем, что научное мнение Внуковой В. А. и Осадченко М. В. о внесении статьи в КоАП Российской Федерации об ответственности учредителей бюджетных организаций за неисполнение или ненадлежащее исполнение возложенных на них обязанностей актуальным [8].

Итак, Многие виды общественных отношений в сфере медицинских услуг в здравоохранении России еще не урегулированы де-юре государственным правом. Идентификация направлений развития правового регулирования медицинской деятельности в сфере здравоохранения Российской Федерации (далее – РФ) теснейшим образом связана с расширением ассортимента платных (коммерческих) медицинских услуг и с ростом их доли в общем объеме медицинских услуг. В условиях спроса на дополнительные медицинские услуги особое значение приобретает правовое регулирование платного (коммерческого) сектора медицины. Рост объемов оказываемой возмездной медицинской помощи преобладает в областях косметологии, стоматологии, диагностики, и репродуктивных технологий и др.

Федеральный закон № 323-ФЗ является основным документом фундаментальным в сфере здравоохранения и определяет общие принципы организации и оказания медицинской помощи, включая платные услуги; права и обязанности человека и гражданина, отдельных групп населения в сфере охраны здоровья, гарантии реализации этих прав; полномочия и ответственность органов государственной власти РФ, органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере охраны здоровья; права и обязанности медицинских организаций, иных организаций, индивидуальных предпринимателей при осуществлении деятельности в сфере охраны здоровья; права и обязанности медицинских работников и фармацевтических работников. Особое внимание законодатель через Федеральный закон № 323-ФЗ уделяет тому, что медицинская помощь должна быть оказана качественно вне зависимости от источника финансирования – будь это средства граждан или бюджета. Законодатель также урегулированы вопросы лицензирования медицинской деятельности, установлены условия и порядок предоставления медицинских услуг, что важно для легальности и контроля платной (коммерческой) медицинской деятельности.

Поэтому, согласимся с научной позицией Зубаревой Н. Н. [9] о том, что одним из важнейших механизмов повышения безопасности и качества медицинской помощи остается формирование благоприятной конкурентной среды между экономическими субъектами различной формы собственности в здравоохранении, а также что именно это является инструментом реализации антимонопольной политики государства.

Несколько ранее, был принят на федеральном уровне Закон РФ от 7 февраля 1992 года № 2300-1 «О защите прав потребителей» [10] (далее – Закон РФ № 2300-1), в который внесены новейшие изменения, вступившие в силу с 1 марта 2026 года.

Изменения коснулись пункта 2 статьи 8 о Праве потребителя на информацию об изготовителе (исполнителе, продавце) и о товарах (работах, услугах). А именно, законодателем конкретизирована формулировка о том, что потребитель вправе потребовать предоставления необходимой и достоверной информации об изготовителе (исполнителе, продавце), режиме его работы и реализуемых им товарах (работах, услугах) на государственных языках республик и иных языках народов Российской Федерации.

А также Закон РФ № 2300-1 дополнен новой статьей 10.1. Информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей. Данная статья нормативно определила что: 1) информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей и не являющаяся рекламой, за исключением информации, указанной в статьях 8, 9 и 10 Закона РФ № 2300-1 размещается изготовителем (исполнителем, продавцом) в общедоступных местах (местах, доступных для неопределенного круга лиц) и (или) доводится до сведения неопределенного круга потребителей (в случае размещения такой информации) с использованием вывесок или иных средств размещения информации (надписей, указателей, внешних поверхностей, информационных табличек, информационных знаков, конструкций, сооружений, технических приспособлений и других носителей, предназначенных для распространения информации, за исключением рекламных конструкций) при осуществлении торговли, бытового и иных видов обслуживания потребителей; 2) информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей, должна быть выполнена на русском языке как государственном языке РФ, а в случаях, предусмотренных законодательством субъектов РФ, может быть выполнена также на государственных языках республик и (или) иных языках народов РФ. При этом информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей и выполненная на государственных языках республик и (или) иных языках народов РФ, должна быть идентичной по содержанию информации, предназначенной для публичного ознакомления потребителей и выполненной на русском языке как государственном языке РФ, а также равнозначной по размещению и техническому оформлению в соответствии с частью 2 статьи 3 Федерального закона от 1 июня 2005 года № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» [11] (далее – Федеральный закон № 53-ФЗ).

И еще важный момент состоит в том, что по усмотрению изготовителя (исполнителя, продавца) информация, предназначенная для публичного ознакомления потребителей, в соответствии с частью 2 статьи 3 Федерального закона № 53 – ФЗ может быть выполнена также на иностранных языках.

В целом, по нашему мнению, Закон РФ № 2300-1 играет ключевую роль в защите прав пациентов как потребителей медицинских услуг, устанавливает требования к информированию пациентов о характере, составе и стоимости услуг, а также, содержит механизмы контроля качества и ответственности медицинских организаций – юридических лиц перед потребителями, гарантирует право пациента получать исчерпывающую информацию и защищает от недобросовестных коммерческих практик. Таким образом, это особенно важно в разрезе перспектив правового регулирования плат-

ных (коммерческих) медицинских услуг в здравоохранении РФ, так как пациент сам должен иметь возможность осознанно выбирать услуги, понимая условия их предоставления и возможные риски.

На основании части 2 статьи 17 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [12] Президентом Российской Федерации подписаны следующие указы:

– указ Президента РФ от 07 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [13];

– указ Президента РФ от 08 декабря 2025 года № 896 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года» (далее – Стратегия) [14].

Стратегия, по нашему мнению, является важнейшим документом стратегического планирования, определяющим цели, основные задачи и приоритетные направления развития здравоохранения в РФ, а также основные этапы, ожидаемые результаты и механизмы её реализации. Документ направлен на формирование и реализацию на федеральном, региональном и муниципальном уровнях скоординированной политики в сфере охраны здоровья граждан и является основой для разработки отраслевых документов стратегического планирования, государственных программ РФ, государственных программ субъектов РФ, а также национальных проектов.

Разработка и утверждение плана мероприятий по реализации Стратегии, включающего в себя задачи и мероприятия, выполнение которых обеспечивается в рамках внедрения государственной политики в сфере охраны здоровья граждан, возложена на Правительство Российской Федерации. Уполномоченным министерством по координации деятельности по практической реализации и мониторингу Стратегии является Министерство здравоохранения Российской Федерации.

Так согласно указу Президента РФ от 07 мая 2024 года № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» в качестве национальной цели развития РФ на перспективу до 2036 года определена первая цель – сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи, которая, несомненно, предполагает повышение уровня защищенности граждан в системе здравоохранения и совершенствование здравоохранительной политики.

Так поэтому, Орешникова М. Г., Верещака А. С. [15] отмечают, что развитие медицинской науки и практики клинических исследований инициирует целый комплекс проблем, требующих решения и регулирования посредством правовых норм.

Таким образом, по нашему мнению, принятые нормативные правовые акты РФ за период 2025 – 2026 гг., а также, новейшие изменения в уже существующих правовых документах предполагают комплексные системные интегрированные дальнейшие изменения не только в сфере здравоохранения, но и в общественной жизни. Безусловно, это приведет к новейшему подходу в медицинской науке и практике, а также к формированию «качественного медицинского права» как такового.

Очевидно, что законодатель не успевает уделять должное внимание вопросам своевременного обновления, конкретизации определений и терминов, систематизации и совершенствования законодательства, регулирующего систему здравоохранения России. К примеру, система стоматологической

помощи, имея свои уникальные особенности, нуждается в специальных нормативных актах.

Например, Рубанова Н. А. [16] отмечает, что в современном демократическом обществе права человека имеют первостепенное значение. «Всеобщая декларация прав человека», принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года, в статье 3 закрепила, что «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность». Права человека представляются как признаваемые и охраняемые обществом, государством равные возможности индивидов и их объединений удовлетворять свои естественные и социальные потребности. Право на жизнь для человека предусматривает возможность распоряжаться им в интересах общества по своему усмотрению.

Таким образом, нам видется, что квалифицированные работники различных медицинских учреждений в ходе своей практической деятельности комплексно погружены в юридические задачи и вопросы, которые им приходится рассматривать не только в рамках медицинского права, но и международного, конституционного, административного, гражданского, уголовного, социального и даже теории права.

1. На сегодняшний день многие виды общественных отношений в сфере платных (коммерческих) медицинских услуг в здравоохранении Российской Федерации еще не урегулированы правом. На современном этапе наблюдаются разноракурсные подходы к модернизации системы правового регулирования данного сектора. Тем не менее, на наш взгляд, необходима комплексная интегрированная модель формирования его перспектив, включающая правовое, организационное, финансовое, экономическое и социальное регулирование, а также синергию между указанными сферами [17] [18].

2. С развитием научно-технического прогресса расширяется и круг общественных отношений, требующих правовой регламентации. Активное развитие современных медицинских технологий, напрямую влияющих на жизнь российского общества, подчёркивает необходимость формирования стабильных правовых основ и устранения законодательного разночтения. Для достижения этой цели требуется тщательный научный и законодательный анализ, направленный на формирование «качественного медицинского права». Важную роль в этом процессе может сыграть системный учёт предложений от профессиональных и гражданских сообществ, а также результатов научных исследований в сфере медицинского права и здравоохранения. Кроме этого, необходимо провести параллели с позициями зарубежного законодательства в отношении прав человека при применении им платных (коммерческих) медицинских услуг в России.

3. При сохранении государственных гарантий бесплатного предоставления медицинской помощи населению России специфической чертой современной системы здравоохранения остаётся недостаточное финансирование отрасли. На наш взгляд, дефицит бюджетного обеспечения отрасли во многом обусловлен недостаточно продуманным бюджетным планированием «снизу вверх» и слабой привязкой бюджетных запросов к реальным потребностям медучреждений и населения.

4. Необходимо учитывать разнообразие и индивидуальный характер видов платных (коммерческих) медицинских услуг, а также различия в их рискованности, стоимости и степени регулируемости. В свете приоритета прав человека в современном демократическом обществе вопросы регулирования платных медицинских услуг должны опираться на

конституционные права на жизнь, свободу, личную неприкосновенность, а также на право на охрану здоровья и медицинскую помощь, закреплённые в статьях 20 и 41 Конституции Российской Федерации.

5. При текущей работе возникают вопросы правового регулирования оказания платных (коммерческих) медицинских услуг населению России. Они возникают в связи с отсутствием на федеральном уровне Российской Федерации единых форм видов стандартизированных, унифицированных, типовых и т.п. форм гражданско-правовых договоров. Именно это приводит к многообразию при оформлении и неоднозначности в определении объёма и качества самой услуги или работы. Такие договоры должны чётко определять предмет, объём, сроки, стоимость услуги, гарантийные сроки, а также права и обязанности сторон, включая порядок информирования пациента о возможных рисках для его здоровья, а также служить для защиты прав профессиональных врачей.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.03.2026).
2. Курмангулов А. А., Брынза Н. С., Золотарев П. Н., Кельн А. А. Платные медицинские услуги с позиции эконометрического анализа медико-демографических и социально-экономических показателей территории // *Здоровье мегаполиса*. – 2024. – Т. 5. Вып. 4. Ч. 1. – С. 76-85.
3. СЗ РФ. 28.11.2011. № 48. Ст. 6724. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (дата обр. 05.03.2026).
4. СЗ РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823. Бюджетный кодекс Российской Федерации. 31.07.1998 № 145-ФЗ (дата обр. 05.03.2026).
5. Там же.
6. СЗ РФ. 06.12.2010. № 49. Ст. 6422. Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (дата обр. 05.03.2026).
7. Постановление Правительства РФ от 29.12.2025 № 2188 «О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов» // Интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultant.ru>.
8. Внукова В. А., Осадченко М. В. Актуальные проблемы ответственности за качество медицинской помощи / *Юридическая ответственность в сфере здравоохранения: Сборник статей по материалам научно-практического круглого стола* (СПб. 24.10.2019) / под общей ред. В. И. Кайнова, В. П. Очередыко, В. П. Сальникова, Е. В. Семухиной; Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский го-

сударственный университет правосудия». – СПб.: Астерион, 2020. – С. 18-25.

9. Зубарева Н. Н. Методологические основы, содержание, формы и методы стратегического и операционного маркетинга на рынках медицинских услуг: дис. ... докт. экон. наук. – Белгород, 2024. – С. 27-34.
10. СЗ РФ. 15.01.1996. № 3. Ст. 140. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (дата обращения: 01.02.2026).
11. СЗ РФ. 06.06.2005. № 23. Ст. 2199. Федеральный закон от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» (дата обращения: 01.02.2026).
12. СЗ РФ. 30.06.2014. № 26 (часть I). Ст. 3378. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (дата обр. 05.02.2026).
13. СЗ РФ. 13.05.2024. № 20. Ст. 2584. Указ Президента РФ от 07.05.2024. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (дата обращения: 01.02.2026).
14. СЗ РФ. 15.12.2025. № 50. Ст. 7826. Указ Президента РФ от 08.12.2025 № 896 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2030 года» (дата обращения: 02.02.2026).
15. Орешникова М. Г., Верещака А. С. Медицинское право как отрасль гражданского права: проблема идентификации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://s.eduherald.ru> (дата обращения: 07.02.2026).
16. Рубанова Н. А. Право человека на жизнь в законодательстве Российской Федерации: понятие, содержание, правовое регулирование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2006. – С. 3-4.
17. Генеральная Ассамблея ООН. Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. – Нью-Йорк: ООН, 2015. – 44 с.
18. Конвенция Совета Европы «О защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений в биологии и медицине» (1997 г.).

ДУДИНА Юлия Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Институт лингвистики и международных коммуникаций, Научно-исследовательский Южно-уральского государственного университета, г. Челябинск

ПОНЯТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ЕГО РОЛЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Образование как самостоятельный феномен сформировалось достаточно давно, обусловленное объективными потребностями индивида и социума. Стремление к повышению личностного потенциала находит свое отражение в индивидуальной мотивации познания, тогда как потребность общества выражается в формировании профессиональной элиты, способной эффективно исполнять общественные функции. Образовательный процесс характеризуется последовательностью стадий, ориентированных на достижение конечного результата – обретения статуса образованности, что предполагает создание соответствующей образовательной программы, обеспечение учебно-методическими материалами, выбор эффективных педагогических методик и организационно-управленческих решений. Процесс социализации и адаптации индивидов является результатом целенаправленного воздействия образовательного процесса, повышающего адаптационные возможности субъектов социальной среды.

Ключевые слова: образование, государственная политика в сфере образования, социальная функция государства.

DUDINA Yuliya Alexeevna

Ph.D. in philological sciences, associate professor of International relations, political science and regional studies sub-faculty, Institute of Linguistics and International Communications, National Research South Ural State University, Chelyabinsk

THE CONCEPT OF EDUCATION AND ITS ROLE IN MODERN CONDITIONS

Education as an independent phenomenon has been formed for quite a long time, due to the objective needs of the individual and society. The desire to increase personal potential is reflected in the individual motivation for learning, while the need of society is expressed in the formation of a professional elite capable of effectively performing social functions. The educational process is characterized by a sequence of stages aimed at achieving the final result of becoming educated, which involves creating an appropriate educational program, providing educational materials, and selecting effective teaching methods and organizational and managerial solutions. The process of socialization and adaptation of individuals is the result of a purposeful educational process that enhances the adaptive capabilities of the social environment.

Keywords: education, public policy in the field of education, social function of the state.

Современная научная литература фиксирует разное изображение трактовки понятия «образование». Образование представляет собой комплексный процесс, включающий приобретение знаний, навыков и умений, итогом, которого становится развитие когнитивных способностей и готовности к активной жизнедеятельности субъекта [4, с. 60].

Согласно другому определению, подчеркивается важность освоения систематизированных знаний и навыков в процессе личностного роста и профессионализации [3].

Образование охватывает не только процессы накопления знаний и компетенций, но и интеграцию воспитательного и учебного компонентов, становления личности, адаптивной интеграции индивидуумов в социальную среду, обеспечивая условия для полноценной самореализации и продуктивного функционирования в трудовом пространстве [31, с. 48].

Анализируя соотношение категорий «образование» и «обучение», исследователи утверждают, что термин «образование» обладает более широким содержанием, поскольку оно интегрирует в себя обучение, дополненное духовной составляющей, проявляющейся в воспитательной работе и формирующей нематериальные ценности [4].

Подготовка обучающихся посредством учебной деятельности направлена преимущественно на передачу необходимой информации, позволяющей классифицировать факты, устанавливать квалификационные различия и приобретать практические навыки. Итог обучения, понимаемое в строгом смысле, заключается скорее в приобретении конкретных знаний и умений, применимых субъектом в повседневных ситу-

ациях, однако применение этих знаний не обязательно носит гуманистический характер.

Федеральный закон Российской Федерации № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г., регулирующий сферу образования, рассматривает образование как единую систему, охватывающую воспитание и обучение, представляя собой общественное достояние, реализуемое в интересах индивида, семьи, общества и государства. Этот процесс направлен на развитие интеллектуальной, нравственно-духовной, творческой и физической сфер личности, удовлетворение индивидуальных образовательных запросов и способствует формированию совокупности профессиональных компетенций определенного уровня сложности.

В Международной стандартной классификации образования (МСКО) ЮНЕСКО под образованием понимаются все целенаправленные и систематические действия, предназначенные для удовлетворения образовательных потребностей.

Образование интерпретируется как структурированный и продолжительный коммуникативный процесс, инициирующий обучение. Данный процесс допускает интерпретацию в трех аспектах: как система, наука и результат.

Во-первых, образование выступает системой, характеризующейся специфическим устройством и иерархически организованной структурой, состоящей из учреждений различного уровня: дошкольных, начальных, средних, средне-специальных, высших и последипломных форматов.

Во-вторых, в процессуальном плане образование подразумевает протяженность во времени, начинаясь с исход-

ного этапа и завершающегося определенным финальным состоянием субъектов образовательного взаимодействия. Несмотря на длительную продолжительность, этот процесс технологично организован и детерминирован преобразующими изменениями.

Наконец, в своем конечном воплощении образование фиксируется документом, удостоверяющим завершение определенного курса обучения. Итоговым показателем образования служит достигнутый уровень сформированности познавательных нужд индивида, освоенных знаний, практических навыков и готовность к разнообразным видам профессиональной активности.

Современная эпоха ставит образование на передовую линию факторов, стимулирующих прогресс человеческой цивилизации. Увеличивающаяся роль знаний в экономическом росте превалирует над вкладом производственных мощностей и природных запасов. Исследования Всемирного банка демонстрируют, что лишь шестнадцать процентов совокупного богатства государств формируется физическим капиталом, двадцать процентов обеспечиваются природными ресурсами, в то время как шестьдесят четыре процента приходятся на долю человеческого капитала. Показательно, что в высокоразвитых экономиках Японии и Германии удельный вес человеческого капитала достигает восьмидесяти процентов национальных богатств. Сегодня успех экономического развития основывается на увеличении эффективности труда благодаря внедрению инноваций и практическому применению новых знаний. Финансовое благополучие всё больше определяется способностью аккумулировать свежие знания и успешно интегрировать их в повседневную деятельность [3, с. 188].

В последние годы роль и ценность высшего образования значительно меняется, оно становится более доступным, в частности за счет развития платного образования, а также повсеместного. Отсутствует четкая корреляция между спросом на специальности, диктуемым экономическим развитием Российской Федерации, и предпочтительными профессиональными траекториями, выбираемыми студентами. Чтобы обеспечить подготовку выпускников вузов, соответствующих современным требованиям рынка труда и удовлетворяющих текущие нужды национальной экономики, учебные учреждения обязаны наладить взаимодействие и партнерские отношения с ключевыми ответственными работодателями.

Современная практика демонстрирует стремление обеих сторон усилить взаимопроникновение путем привлечения работодателей, к определению профилей компетенций будущих специалистов, организации производственно-практических мероприятий и предоставления возможностей прохождения стажировки учащимися. Следовательно, подобная интеграция позитивно сказывается на оптимизации функционирования системы высшего образования.

Проблематика образовательной сферы касается широких слоев населения, поскольку образовательные институты играют ключевую роль в разрешении социальных вопросов, включая увеличение социальной мобильности, карьерный рост отдельных лиц, трудоустройство граждан и сокращение периода нахождения безработных на рынке труда, а также оказывают непосредственное воздействие на уровень материального благосостояния. Примечательным аспектом является тот факт, что современный социальный стереотип успешного гражданина неразрывно ассоциируется с уровнем полученного образования [2, с. 149].

Сектор образования пребывает в состоянии непрерывной динамики, чутко откликаясь на внешние трансформации окружающей среды, приспосабливая свою структуру и методы под меняющиеся запросы общества, параллельно оказывая значительное влияние на развитие самой среды и формулирование её требований. Любые значительные события, происходящие в обществе, неизменно находят своё отражение в функционировании образовательных институтов. Одновременно с этим, образование играет важную роль в ускорении или замедлении протекания общественных процессов, предлагая собственные уникальные механизмы разрешения глобальных и локальных трудностей, предотвращая негативные сценарии развития ситуации.

Подобное восприятие значимости образования обосновывает его фундаментальную ценность для цивилизационного прогресса, эволюции конкретного государства, общества и отдельно взятого гражданина. На нынешнем историческом этапе положение образования в России определяется задачами построения демократического общества, укрепления института права, переходом к рыночным отношениям, преодолением нарастающего разрыва с мировыми трендами экономического и социального развития. Система образования должна занять одно из центральных мест в списке стратегических приоритетов государства и гражданского сообщества.

В современном мире увеличивается значение образования как важнейшего фактора формирования нового качества не только экономики, но и общества в целом. Его роль постоянно растет вместе с ростом влияния человеческого капитала.

Российская образовательная система сохраняет потенциал для успешной конкуренции с международными аналогами, однако эта позиция уязвима без выработки целостной национальной образовательной доктрины, восстановления ведущей роли государства в данном секторе и осуществления глубокой модернизации, подкрепленной достаточным финансированием и эффективными инструментами его распределения [1, с. 469].

Политика в области образования должна учитывать национальные интересы, демонстрируя их мировому сообществу, и одновременно соответствовать основным мировым тенденциям. Среди важнейших современных изменений выделяются:

- быстрое социальное развитие, требующее подготовки профессионалов к условиям стремительной переменчивости;

- переход к информационной эре, сопровождаемый увеличением кросс-культурных взаимодействий, что подчеркивает значение коммуникационной компетентности и терпимого поведения;

- появление глобальных вызовов, решение которых возможно исключительно через международное сотрудничество, следовательно, важно формировать современное мировоззрение у молодых поколений;

- демократизация общественных процессов, увеличивающая пространство для политических и социальных выборов, требуя повышения подготовленности граждан к принятию решений;

- динамика экономических процессов, усиление конкуренции, уменьшение числа рабочих мест для низкоквалифицированной рабочей силы, провоцирующее необходимость постоянной переквалификации сотрудников и увеличения их профессиональной мобильности;

— возрастание влияния человеческого капитала, составляющего значительную часть национального богатства в развитых странах, что предопределяет акцентированное развитие образовательных систем для молодёжи и взрослых [6, с. 77].

Перед Россией стоят ключевые вопросы относительно характера желаемого общества, ориентиров собственного пути развития и будущего облика образовательной системы. Решение этих проблем предполагает проведение реформ, согласующихся с изменением парадигмы мирового развития и содействующих гуманизации взаимоотношений внутри цивилизации.

Современное постиндустриальное общество чаще всего характеризуется как «информационное». Информационное общество – это общество интеллектуалов, которые получают знания самостоятельно, пополняя тем самым общемировую базу знаний.

Постиндустриальное общество характеризуется возрастающей востребованностью профессионально обученных специалистов, обладающих компетенциями, необходимыми для эффективного исполнения специализированных функций в сложных социальных структурах. Высокий профессионализм в конкретной профессиональной области не всегда сопровождается высоким уровнем общей образованности, что создает разрыв между техническим мастерством и культурным кругозором. Многие специалисты выполняют специализированные и зачастую ограниченные задачи в составе крупных технических и социальных комплексов, оставаясь в неведении относительно общих закономерностей функционирования этих систем. Профессиональная подготовка, таким образом, приобретает форму механического овладения техническими приемами и алгоритмами действий, игнорирующих более широкие перспективы научного и культурного осмысления действительности.

Образование представляет собой ключевой компонент экономики, основанной на знаниях, характеризующей постиндустриальную и информационную стадии развития общества. Его задача выходит далеко за рамки простого соотнесения существующим рабочим местам и расширения круга профессиональных и общекультурных компетенций [5, с. 78].

В современных условиях образование превращается в важный инструмент формирования креативной личности, способной свободно ориентироваться в условиях многокультурного окружения, принимать взвешенные решения в условиях неопределенности и свободы выбора, а также конструктивно вести диалог как основу совместного творчества и созидательности.

Сегодняшняя ситуация в российском образовании свидетельствует о постепенном осознании реальной роли образования и науки в обеспечении долгосрочного экономического роста, регионального развития и повышения уровня жизни населения. Образование, научные исследования и технические разработки стали одними из главных факторов достижения национальных целей в мировом масштабе. Российское общество отличается полиэтничностью, мультикультурализмом и религиозной плюральностью. В условиях глобализационных процессов, сопровождаемых переходом человечества в постиндустриальную фазу, зависимость каждого индивида и этнического сообщества от изменений в окружающей среде существенно возрастает.

Таким образом, образование – это целенаправленный процесс передачи знаний, умений и навыков, а также

формирования взглядов, убеждений и моральных качеств, осуществляющийся в специально созданных учреждениях или иными способами, направленный на развитие личности и подготовку ее к самостоятельной жизни и трудовой деятельности в обществе. Образование является ключевым фактором формирования креативной личности, способной эффективно действовать в условиях современного общества, характеризующегося быстрой сменой технологий и усилением межкультурных связей. Основной задачей образовательной системы становится не только передача профессиональных навыков, но и развитие широкого спектра когнитивных и культурных компетенций, позволяющих человеку успешно адаптироваться к новым социальным и профессиональным реалиям. Образование оказывает существенное влияние на экономический рост и социальную стабильность, выступая в качестве ресурса, необходимого для достижения национальных целей.

Пристатейный библиографический список

1. Бородина П. С. К вопросу о приоритетных проектах государственной политики Российской Федерации в сфере образования // *Аллея науки*. – 2022. – № 12. – С. 469-472.
2. Буюров Д. В., Цеона К. А. Государственная политика в сфере образования и повышение его конкурентоспособности в мире: цели и перспективы // *Управление образованием: теория и практика*. – 2022. – № 4. – С. 148-157.
3. Дерябин В. С. Государственная политика в сфере дополнительного образования // *Актуальные вопросы современной экономики*. – 2022. – № 8. – С. 186-191.
4. Донецкий А. А. Государственная политика и управление современной России в сфере образования // *Инновации и инвестиции*. – 2023. – № 5. – С. 75-77.
5. Образовательное право: учебник / под ред. А. И. Рожкова, В. Ю. Матвеева. – М.: Юрайт, 2023. – 376 с.
6. Смаковская Н. И. Государственная политика в области образования. Правовые основы деятельности педагога: учебное пособие. – Владимир: ВлГУ, 2022. – 179 с.

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна

кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

ФОРМИРОВАНИЕ РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТА-ЮРИСТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ ВУЗА

Статья посвящена исследованию процесса становления речевой компетентности обучающихся юридических направлений подготовки в условиях высшей школы. Анализируется структура данного феномена, включающая лингвистический, коммуникативный и профессионально-ориентированный компоненты. Рассматриваются дидактические условия, способствующие эффективному развитию речевых умений будущих правоведов. Особое внимание уделяется специфике юридического дискурса, предъявляющего повышенные требования к точности, логичности и аргументированности высказываний. Характеризуются методические приемы, применяемые в процессе обучения: моделирование профессиональных ситуаций, анализ судебных речей, тренинги делового общения. Обосновывается тезис о том, что речевая компетентность выступает интегративным качеством личности юриста, определяющим успешность его профессиональной деятельности. Результаты исследования могут быть использованы при проектировании образовательных программ юридических вузов.

Ключевые слова: речевая компетентность, юридическое образование, профессиональная коммуникация, студент-юрист, коммуникативные умения, образовательный процесс, правовой дискурс.

FURMAN Tatyana Gennadjevna

Ph.D. in cultural studies, associate professor, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty, North-West Institute of Management (branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg

FORMATION OF SPEECH COMPETENCE OF LAW STUDENTS IN THE EDUCATIONAL PROCESS OF HIGHER EDUCATION

The article examines the development of speech competence among law students within the higher education system. The structure of this phenomenon is analyzed, encompassing linguistic, communicative, and professionally-oriented components. Didactic conditions facilitating the effective advancement of future lawyers' speech skills are considered. Particular attention is given to the specificity of legal discourse, which demands enhanced precision, logical coherence, and argumentation in statements. Methodological techniques employed in the teaching process are characterized: professional situation modeling, court speech analysis, and business communication training. The thesis is substantiated that speech competence constitutes an integrative quality of a lawyer's personality, determining professional success. Research findings may be applied in designing educational programs for law schools.

Keywords: speech competence, legal education, professional communication, law student, communicative skills, educational process, legal discourse.

Фурман Т. Г.

Деятельность юриста в ее многообразных проявлениях - от консультационной работы до судебного представительства, предполагает постоянное речевое взаимодействие с различными категориями субъектов: клиентами, коллегами, представителями государственных органов, участниками судопроизводства. Качество этого взаимодействия во многом предопределяет успешность решения профессиональных задач. Между тем анализ образовательной практики обнаруживает существенное расхождение между объективными требованиями к коммуникативной подготовке выпускников юридических вузов и фактическим уровнем владения ими речевыми умениями. Указанное противоречие актуализирует научный поиск в области дидактического обеспечения процесса формирования речевой компетентности будущих правоведов.

Настоящее исследование преследует цель теоретического обоснования педагогических условий становления речевой компетентности у студентов, осваивающих образовательные программы юридической направленности. Реализация данной цели предполагает решение комплекса взаимосвязан-

ных задач: концептуализацию понятия «речевая компетентность юриста», экспликацию ее структурной организации, систематизацию методических подходов к развитию указанной компетентности в условиях высшей школы, определение критериев оценки ее сформированности.

Методологическую базу исследования составляют компетентностный подход, позволяющий рассматривать речевую компетентность как интегративный результат образования; деятельностный подход, акцентирующий связь формируемых умений с контекстом профессиональной практики; системный подход, обеспечивающий целостное видение объекта исследования во взаимосвязи его компонентов.

Проблематика речевой подготовки специалистов правовой сферы находится в фокусе внимания представителей различных научных дисциплин - лингводидактики, педагогики профессионального образования, юридической риторики, теории коммуникации. Вместе с тем понятийный аппарат данной области исследований характеризуется определенной размытостью: термины «речевая компетентность»,

«коммуникативная компетенция», «лингвистическая компетентность», «речевая культура» нередко употребляются как взаимозаменяемые, хотя их содержательное наполнение не тождественно.

Лингвистическая компетенция будущего юриста, согласно позиции Е. В. Дышековой, конституируется как комплексное образование, объединяющее владение нормами литературного языка, ориентацию в системе юридической терминологии и готовность к адекватному применению языковых ресурсов в профессионально значимых коммуникативных ситуациях [1]. Существенно, что исследователь дифференцирует собственно языковую и коммуникативную составляющие подготовки: знание грамматических правил и лексического инвентаря само по себе не гарантирует эффективности профессионального общения.

Структурная организация коммуникативной компетентности специалистов юридического профиля получила обстоятельную разработку в исследовании Д. С. Котлякова [2]. Автор дифференцирует когнитивный, операциональный и мотивационно-ценностный компоненты. В содержание когнитивного компонента входят представления о закономерностях речевого взаимодействия, принципах профессиональной этики общения, жанрово-стилистических характеристиках юридических текстов. Операциональный компонент охватывает практические умения порождения высказываний различной коммуникативной направленности. Мотивационно-ценностный компонент отражает субъективную значимость коммуникативной составляющей профессиональной деятельности для личности специалиста.

Представляется обоснованным трактовать речевую компетентность юриста не как механическую совокупность дискретных умений, но как целостное интегративное качество личности. В этом отношении заслуживает внимания концепция коммуникативно-правовой компетентности, разрабатываемая Т. М. Резер и А. С. Брунцовым [3]. Исследователи аргументируют тезис о неразрывности коммуникативной и собственно правовой подготовки: речевые умения юриста неизменно актуализируются в контексте правоприменительной деятельности, что обуславливает необходимость их формирования с учетом профессиональной специфики.

Существенным представляется разграничение понятий «компетенция» и «компетентность» применительно к предмету настоящего исследования. Если компетенция характеризует нормативно заданную совокупность требований к подготовке специалиста, то компетентность выступает личностной характеристикой, отражающей реальный уровень владения соответствующими знаниями и умениями. Речевая компетентность юриста, таким образом, есть актуализированная в личностном опыте способность к эффективному речевому взаимодействию в профессиональной сфере.

Юридический дискурс обладает совокупностью специфических признаков, определяющих содержание и направленность речевой подготовки правоведов. Прежде всего, обращает на себя внимание терминологическая детерминированность данного типа дискурса: правовые понятия характеризуются строго фиксированным объемом и содержанием, неточное их употребление чревато искажением правового смысла высказывания и способно повлечь негативные практические последствия. Другая существенная характеристика - логическая императивность, проистекающая из необходимости обоснования юридических позиций, квалификации деяний, мотивировки решений. Аргументативная доминанта также конститутивна для юридического дискурса, поскольку значи-

тельный массив профессиональных текстов юриста ориентирован на убеждение адресата - суда, оппонента, клиента.

Становление профессиональной устной речи студентов юридических вузов сопряжено с освоением разнообразных речевых жанров - консультационной беседы, допроса, прений сторон, защитительной и обвинительной речи [4]. И. К. Субботина обоснованно акцентирует внимание на том, что каждый из указанных жанров предъявляет особые требования к речевому поведению. Судебное красноречие предполагает владение арсеналом ораторского мастерства, способность продуманно выстраивать архитектуру выступления, уместно использовать экспрессивные средства. Консультирование клиента востребует иной комплекс умений - доступность изложения правовой информации, эмпатийность, управление диалоговым взаимодействием.

Примечательно, что коммуникативная компетенция юриста закладывается уже на докоммуникативной стадии речевой деятельности - на этапе планирования и подготовки высказывания [5]. З. С. Зюкина акцентирует значимость умений целеполагания, антиципации возможных коммуникативных барьеров, отбора речевых стратегий и тактик. Пренебрежение докоммуникативной фазой подготовки, как свидетельствует практика, становится типичной причиной коммуникативных неудач в профессиональной деятельности юристов - как начинающих, так и имеющих определенный опыт работы.

Отдельного рассмотрения заслуживает письменная составляющая юридического дискурса. Подготовка процессуальных документов, составление договоров, формулирование правовых заключений требуют высокого уровня владения письменной речью. Точность, однозначность, полнота, структурированность - эти качества письменного текста юриста приобретают не просто стилистическое, но правовое значение. Неточная формулировка в договоре способна стать источником правового спора; некорректно составленное исковое заявление - причиной отказа в его принятии.

Педагогическая теория и практика располагают обширным репертуаром методических средств, ориентированных на развитие речевых умений обучающихся юридического профиля. Интегрирующим принципом их селекции и реализации служит установка на воспроизведение условий реальной профессиональной деятельности, обеспечивающая перенос формируемых умений в практику.

Своеобразие профессионального коммуникативного подхода к подготовке будущих юристов раскрывается в работе Е. Ф. Усмановой и Е. М. Хохловой [6]. Исследователи обосновывают продуктивность применения кейс-метода, предполагающего анализ конкретных правовых коллизий и проектирование адекватных стратегий речевого поведения. Достоинство данной технологии состоит в синтезе правовой и коммуникативной подготовки: студенты параллельно осваивают алгоритмы правоприменения и совершенствуют умения выстраивать взаимодействие с различными участниками юридически значимых ситуаций - клиентами, свидетелями, представителями противоположной стороны.

Формирование навыков делового общения у студентов юридических специальностей эффективно осуществляется в тренинговом формате [7]. А. А. Османова характеризует методику коммуникативных тренингов, направленных на совершенствование умений ведения переговоров, урегулирования конфликтных ситуаций, публичной самопрезентации. Тренинговая форма обладает несомненным дидактическим преимуществом, обеспечивая возможность оперативной об-

ратной связи и корректировки речевого поведения непосредственно в процессе выполнения коммуникативных заданий.

Становление речевых умений будущих юристов в период вузовского обучения нуждается в системном дидактическом обеспечении, охватывающем весь спектр учебных дисциплин [8]. О. Е. Тимошина обращает внимание на целесообразность координации деятельности преподавателей риторико-речеведческих дисциплин и педагогов, ведущих специальные юридические курсы. Преподавание культуры речи и риторики в отрыве от профессионального контекста не обеспечивает переноса формируемых умений в сферу юридической практики; равным образом, занятия по специальным дисциплинам без внимания к речевой стороне деятельности упускают существенный аспект профессиональной подготовки.

Перспективным представляется использование аудио- и видеозаписей в процессе формирования речевой компетентности студентов-юристов. Анализ записей судебных заседаний, выступлений известных адвокатов, образцов консультационной работы позволяет обучающимся наблюдать эффективные модели речевого поведения. Не менее продуктивна работа с записями собственных выступлений студентов: просмотр и анализ своей речи способствует развитию рефлексивных умений, осознанию сильных и слабых сторон индивидуального коммуникативного стиля.

Ролевые и деловые игры занимают существенное место в арсенале методических средств развития речевой компетентности будущих юристов. Моделирование судебного заседания, инсценировка переговоров, имитация консультационного приема создают условия для апробации речевых умений в ситуациях, приближенных к реальным. При этом игровой формат снижает психологические барьеры, позволяя студентам экспериментировать с различными стратегиями речевого поведения без риска негативных последствий.

Систематизация результатов проведенного анализа позволяет специфицировать педагогические условия, реализация которых обеспечивает продуктивное развитие речевой компетентности студентов юридических специальностей. Первое условие – профессиональная контекстуализация речевой подготовки. Коммуникативные умения надлежит формировать не абстрактно, а применительно к типовым ситуациям юридической практики. Это требует использования профессионально ориентированного дидактического материала (судебных речей, образцов процессуальных документов, записей консультаций), моделирования реальных коммуникативных задач, привлечения практикующих юристов к образовательному процессу в качестве экспертов и наставников.

Второе условие – интегративность устной и письменной речевой подготовки. Профессиональная деятельность юриста предполагает паритетное владение обеими формами речи, между которыми существует глубинная взаимосвязь. Способность точно формулировать мысль в письменном тексте позитивно влияет на качество устной речи; развитая устная речь, в свою очередь, выступает базисом для совершенствования письменно-речевых умений. Дидактически нецелесообразно искусственно разводить эти аспекты подготовки.

Третье условие – рефлексивная ориентированность обучения. Студенты должны осмысливать закономерности речевой деятельности, анализировать собственные коммуникативные достижения и затруднения, культивировать индивидуальный стиль профессионального общения. Ста-

новлению рефлексивной позиции содействуют такие методические приемы, как самоанализ видеозаписей собственных выступлений, взаимное рецензирование, ведение портфолио речевых достижений, написание рефлексивных эссе по итогам коммуникативных практикумов.

Четвертое условие – поэтапность и преемственность формирования речевых умений. Дидактически обоснованной представляется последовательность от репродуктивных форм работы (анализ образцов, выполнение заданий по алгоритму, воспроизведение речевых моделей) к продуктивным (самостоятельное создание текстов, импровизационное речевое поведение в нестандартных ситуациях, авторская интерпретация коммуникативных задач). При этом каждый последующий этап должен опираться на достижения предыдущего.

Пятое условие – дифференциация и индивидуализация обучения. Студенты приходят в вуз с различным уровнем речевой подготовки, неодинаковыми коммуникативными способностями и склонностями. Эффективная дидактическая система должна учитывать эти различия, предлагая вариативные образовательные траектории, дифференцированные задания, возможности углубленной работы для мотивированных обучающихся.

Шестое условие – междисциплинарная координация. Речевая компетентность не может быть сформирована усилиями одной дисциплины – будь то риторика, русский язык и культура речи или иной курс. Необходима согласованная работа преподавателей различных дисциплин, объединенных общим пониманием целей и методов развития коммуникативных умений студентов. Особую роль приобретает взаимодействие гуманитарного и специально-юридического блоков подготовки.

Седьмое условие – создание коммуникативно насыщенной образовательной среды. Формирование речевой компетентности не может ограничиваться рамками аудиторных занятий. Внеаудиторные формы работы – дискуссионные клубы, конкурсы ораторского мастерства, студенческие юридические клиники, мастер-классы практикующих юристов – существенно расширяют пространство коммуникативной практики обучающихся.

Диагностика уровня речевой компетентности студентов юридических специальностей представляет собой самостоятельную методическую проблему. Сложность ее решения обусловлена интегративным характером оцениваемого качества, включающего когнитивный, операциональный и мотивационно-ценностный компоненты. Когнитивный компонент может быть диагностирован посредством тестовых заданий, выявляющих знание норм литературного языка, владение юридической терминологией, осведомленность о жанровых особенностях профессиональных текстов и правилах профессиональной этики общения. Тестирование целесообразно дополнять заданиями аналитического характера – редактированием текстов с ошибками, квалификацией речевых недочетов, сопоставительным анализом образцов.

Операциональный компонент оценивается по результатам выполнения практических заданий – подготовки устных выступлений, составления письменных текстов, участия в моделируемых коммуникативных ситуациях. Критериями оценки выступают: точность и уместность употребления терминологии, логичность и последовательность изложения, аргументированность позиции, соответствие жанровым нормам, адекватность речевого поведения коммуникативной ситуации.

Мотивационно-ценностный компонент диагностируется преимущественно косвенными методами – через анализ активности студентов на занятиях, участия во внеаудиторных мероприятиях коммуникативной направленности, качества самостоятельной работы. Допустимо использование анкетирования и самооценочных методик, хотя их результаты требуют критической интерпретации.

В заключении можно сделать следующие выводы.

Речевая компетентность юриста конституируется как интегративное качество личности, обеспечивающее способность результативно решать профессиональные задачи средствами речевого взаимодействия. Структурная организация данной компетентности включает лингвистический компонент (владение нормами языка и профессиональной терминологией), коммуникативный компонент (умения построения высказываний различных жанров) и профессионально-ориентированный компонент (способность реализовывать речевые умения в контексте правоприменительной деятельности).

Становление речевой компетентности в образовательном пространстве вуза предполагает реализацию системы педагогических условий: профессиональной контекстуализации речевой подготовки, интеграции устной и письменной форм речи, обеспечения рефлексивной направленности обучения, соблюдения принципа поэтапности и преемственности, дифференциации и индивидуализации образовательного процесса, междисциплинарной координации, создания коммуникативно насыщенной образовательной среды.

Методический инструментарий развития речевой компетентности студентов-юристов включает кейс-технологии, коммуникативные тренинги, ролевые и деловые игры, моделирование профессиональных ситуаций, анализ образцов юридических текстов и судебных речей, работу с аудио- и видеоматериалами, рефлексивные практики. Эффективность применения указанных методов обусловлена их ориентацией на воспроизведение условий реальной профессиональной деятельности.

Перспективы дальнейших исследований в данной области сопряжены с разработкой валидного диагностического инструментария для оценки уровня сформированности речевой компетентности, проектированием модульных образовательных программ, учитывающих специфику различных юридических специализаций (адвокатура, судебная деятельность, нотариат, корпоративное право), изучением влияния цифровых технологий на характер профессиональной коммуникации юристов и, соответственно, на содержание их речевой подготовки.

Пристатейный библиографический список

1. Дышкова Е. В. Профессиональная лингвистическая компетенция будущего юриста // Современные тенденции развития общества: образование, коммуникация, психология: сборник тезисов по итогам Научно-практической конференции с международным участием. - Ростов-на-Дону, 2025. - С. 209-212.
2. Котляков Д. С. Изучение структуры коммуникативной компетентности специалистов юридической направленности // Наука. Технологии. Инновации: сборник научных трудов XVIII Всероссийской научной конференции молодых ученых: в 8 частях. - Новосибирск, 2025. - С. 165-169.
3. Резер Т. М., Брунцов А. С. Об актуальности формирования коммуникативно-правовой компетентности у студентов юридических специальностей // Право и образование. - 2025. - № 6. - С. 33-38.
4. Субботина И. К. Формирование профессиональной устной речи студентов юридических вузов // Ключевые аспекты профессиональной подготовки специалистов для судебной системы в рамках социально-гуманитарных и экономических дисциплин: сборник научных статей по материалам Всероссийского круглого стола. - СПб., 2025. - С. 94-96.
5. Зюкина З. С. Коммуникативная компетенция юриста на докоммуникативном этапе речевой деятельности: практика формирования // Риторика как наука и речекоммуникативная практика современного общества: материалы XXVIII Международной научной конференции. - М., 2025. - С. 230-235.
6. Усманова Е. Ф., Хохлова Е. М. Специфика профессионального коммуникативного подхода в обучении будущих юристов // Мир науки, культуры, образования. - 2025. - № 1 (110). - С. 44-45.
7. Османова А. А. Развитие навыков деловой коммуникации у студентов юридических специальностей // Педагогика, психология, общество: от теории к практике: материалы Всероссийской научно-практической конференции. - Чебоксары, 2025. - С. 136-137.
8. Тимошина О. Е. Формирование речевых умений будущих юристов в процессе получения высшего профессионального образования // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. - Самара, 2025. - С. 164-166.

СЕКРЕТАРЁВ Роман Викторович

кандидат философских наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Институт права, Владивостокский государственный университет

БЕЛОВА Дарья Ивановна

магистрант, Институт права, Владивостокский государственный университет, независимый исследователь

ЭВОЛЮЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОБЯЗАННОСТИ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ЖИЛЬЕМ УЯЗВИМЫХ ГРАЖДАН

В статье рассмотрен правовой статус институтов предоставления жилья, эволюционировавших от работных домов до современной системы ипотечного кредитования. Проведен историко-правовой анализ и приведены актуальные исследования зарубежных авторов, а также архивные материалы и современная судебная практика Конституционного и Верховного Судов Российской Федерации. Автор приходит к выводу, что, несмотря на формальную добровольность ипотечных отношений, современная система сохраняет фундаментальные черты экономического принуждения, характерного для работных домов, однако эволюция государства привела к созданию конституционных гарантий, разрывающих прямую связь между бедностью и утратой жилья.

Ключевые слова: жилищное право, право на жилище, ипотека, работные дома, социальная защита, государственная обязанность.

SEKRETARYOV Roman Viktorovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Civil law disciplines sub-faculty, Vladivostok State University

BELOVA Darya Ivanovna

magister student, Institute of Law, Vladivostok State University, independent researcher

THE EVOLUTION OF THE STATE DUTY TO PROVIDE HOUSING FOR VULNERABLE CITIZENS

The article examines the legal status of housing institutions that have evolved from workhouses to the modern system of mortgage lending. It provides a historical and legal analysis, as well as relevant research by foreign authors, archival materials, and current court practice of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation. The author concludes that, despite the formal voluntariness of mortgage relations, the modern system retains the fundamental features of economic coercion characteristic of workhouses, but the evolution of the state has led to the creation of constitutional guarantees that break the direct link between poverty and the loss of housing.

Keywords: housing law, the right to housing, mortgage, workhouses, social protection, state duty.

Секретарёв Р. В.

Белова Д. И.

Введение

Актуальность темы определяется наличием кризиса в сфере доступности жилья и ростом долговой нагрузки населения, что способствует возникновению новых форм экономической зависимости. Объектом исследования являются правоотношения в сфере государственного обеспечения жильем уязвимых категорий граждан, их историческое развитие и современное правовое регулирование. Предмет — анализ юридических механизмов экономического принуждения в различных моделях предоставления жилья, их трансформация от института работных домов до системы ипотечного кредитования в контексте реализации конституционного права на жилище.

Методологическую основу составляют историко-правовой и сравнительно-правовой методы. Также применялись формально-юридический и системный методы. Используются архивные материалы по работным домам (на примере Биминстера), статистика Банка России, нормативно-правовые акты Российской Федерации, судебную практику Конституционного суда Российской Федерации (далее – Конституционный суд РФ) и Верховного суда Российской Федерации (далее – Верховный суд РФ).

Научная полемика выявляет два противоречия, первое, между традиционным представлением о работных домах как исключительно карательных учреждениях и их комплексной роли в обеспечении выживания. Второе, между формально добровольным характером ипотеки и ее фактическим принудительным аспектом.

Авторская позиция заключается в том, что современная ипотечная система сохраняет фундаментальные черты экономического принуждения, свойственного работным домам,

однако эволюция государственных функций привела к созданию системы конституционных гарантий, разрывающих связь между бедностью и утратой жилья.

Целью настоящего исследования является анализ эволюции функций государства в области обеспечения жильем от карательно-принудительной модели работных домов до современной системой конституционных гарантий.

Работный дом как институциональная модель предоставления жилья

Институт работных домов сформировался в Европе в XVI-XVIII веках как ответ на социально-экономический кризис: распад феодальных отношений, развитие капиталистической системы, религиозные конфликты и массовое обнищание населения. По мнению Р. Б. Головкина и Н. И. Нарышкиной, повсеместная проблема бродяжничества усугублялась роспуском частных армий, эпидемиями и ликвидацией монастырей [1]. Первоначально власти применяли жесткие карательные меры (тюремное заключение, ссылку на галеры и смертную казнь), однако во второй половине XVI века начала формироваться новая модель социального контроля – работный дом, основанный на изоляции, принудительном труде и «исправительном воздействии».

Первым учреждением подобного типа стал лондонский Брайдуэлл (1555 г.), задуманный как «дом профессий» для трудоспособных бедняков, однако вскоре превратился в исправительное учреждение. Условия жизни были настолько суровыми, что современники описывали их как «хуже смерти». Этот опыт был успешно перенят другими странами, например в 1595-1597 годах в Амстердаме были открыты мужской и

женский работные дома, которые имели своей целью исправление заключенных посредством труда и дисциплины [1].

Ключевая трансформация института работных домов в Англии произошла в XVIII – первой половине XIX века. Изначально, как отмечает Ю. Е. Барлова, концепция не всегда была карательной. Вильгельм III Оранский в 1698 году считал, что работные дома могут служить средством для воспитания религиозности, добродетели и трудолюбия [2]. Однако к XIX веку их функциональное назначение изменилось.

Эмпирические исследования инвентарей работного дома в Биминстере (Дорсет) показывают аскетичную и функциональную обстановку: стандартизированные спальни (кровати, постельные принадлежности и ночные горшки), отсутствие предметов, позволяющих персонализировать пространство или создать уют, скученность (двое человек размещались на одной кровати) [3]. Это подтверждает намеренное создание непривлекательных условий.

С принятием «Акта о проверке работным домом» (1722–1723 гг.) работные дома были интегрированы в структуру государственной социальной поддержки, что позволило организовывать их для предоставления помощи малоимущим. Проживание в них стало «проверкой» на «честность» нуждающегося [4]. С этого момента в Англии были законодательно закреплены две основные формы социального обеспечения: «закрытая» (реализуемая через работные дома), и «открытая» (включающая выплату пособий на дому).

Наиболее полно карательная модель реализована в форме 1834 года, известной как Закон о поправках к Закону о бедных. Ее философской основой послужили принципы, разработанные Иеремией Бентамом¹ и концепция «менее приемлемого права» (less eligibility), обозначающая, что условия проживания в работном доме должны быть менее привлекательными, чем условия жизни наименее оплачиваемых самостоятельных работников [4]. Как отмечает Ю. Е. Барлова, целью пребывания в работном доме должно было стать создание намеренно отталкивающих условий, которые функционировали как унижительное наказание за бедность [2].

Анализ материальной жизни пауперов в Дорсете демонстрирует, что те, кто обращался в работный дом, на момент поступления уже находились в состоянии крайней нужды. Их имущественные описи фиксируют значительно меньшее количество и худшее качество предметов домашнего обихода по сравнению с теми, кто оставался на внешнем пособии (лишь 9 % вступавших в работный дом владели перинами против 32 % среди получавших помощь на воле) [3]. То есть работный дом использовался как последнее прибежище, а не как место, привлекательное своим комфортом.

Правовой статус лиц, помещенных в работные дома, характеризовался ограничением прав и свобод:

– Доступ к жилью и питанию обусловлен обязательным трудом, который часто был бессмысленным и изнурительным (дробление камней, распутивание старых канатов). В Биминстере к 1820-м годам труд стал ориентирован на внутренние нужды заведения (работа в саду, уборка, приготовление пищи) [3], что подчеркивает дисциплинарную, а не экономическую функцию.

– При поступлении в учреждение лицо утрачивало гражданскую правоспособность: супружеские пары разделялись, а дети изымались из семей; режим дня исключал возможность частной жизни [2]. В Биминстере мужчины и женщины размещались в отдельных спальнях-дортуарах. Супружеские пары могли делить кровать только с 1827 года, и то в отдельной комнате, но вместе с другими парами. Униформа и обязательное ношение знаков, а также правила, предписывающие содержать волосы «прилично коротко», подчеркивали статус зависимого лица и служили инструментом контроля [3].

– Условия содержания создавались как суровые и унижающие: скудное и однообразное питание, переполненные спальни (например, «10 детей спало в одной кровати») и минимальный уровень гигиены. Инцидент в учреждении в Андовере в 1848 году, когда лица, находящиеся на обеспечении, вступали в конфликты за остатки испорченного мяса, кото-

рое они должны были переработать, иллюстрирует реальное положение дел [2].

Таким образом, работный дом не реализовывал право на жилище, а был мерой наказания за бедность, формируя дисциплинированный рабочий класс.

В Российской Империи институт работных домов был законодательно закреплён в рамках губернской реформы Екатерины II (1775 г.). Учреждения находились в ведении Приказов общественного призрения и предназначались «дабы работою доставить прокормление не имущим» [5]. В соответствующих нормативных актах предписывалось обращаться с находящимися в этих учреждениях «гуманно» и соблюдать «нормы нравственности». Однако на практике режим был строгим. Согласно наблюдениям Л. А. Лопатиной, в данные учреждения помещались лица, ведущие асоциальный образ жизни и занимающиеся попрошайничеством [6].

В контексте современной концепции прав человека деятельность работных домов систематически нарушала фундаментальные права: достоинство (ст. 21), свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), частную жизнь (ст. 23), право на свободный труд (ст. 37 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ))². Работные дома стали прототипом современных исправительных учреждений с методами ресоциализации через режим, труд и религиозное воздействие [1].

Эволюция института демонстрирует использование государством предоставления минимального жилья как инструмента социального контроля, что заложило основы для последующих форм зависимости, включая долговую зависимость от ипотеки.

Ипотечное кредитование как механизм экономического принуждения

Современная ипотека, основанная на добровольном соглашении и рыночных механизмах, на первый взгляд, не имеет ничего общего с институтом принудительного помещения в работный дом. Однако при детальном анализе выявляется сходство: использование доступа к жилью как условного блага, порождающего отношения зависимости.

Масштабы явления в России имеют системообразующий характер: в 2000 году объем выданных ипотечных кредитов составил 1 млрд рублей, а к 2017 году этот показатель достиг 2 трлн рублей [7]. На 01.09.2025 года задолженность по ипотечным жилищным кредитам составила 20,55 трлн рублей³. Годовой прирост задолженности на уровне 2,15 % свидетельствует об интеграции ипотеки в экономику.

А. Л. Белоусов указывал на двойственный эффект ипотеки: в краткосрочном периоде рост спроса, приводил к росту цен на объекты недвижимости, и лишь в долгосрочной перспективе стимулирует предложение. Об этом также говорит динамика показателя коэффициента доступности жилья (далее – КДЖ), который улучшился с 7,7 в 2000 году до 3,1 в 2017 году, однако корректировка формулы на величину прожиточного минимума позволяет получить более объективную картину: для семьи, состоящей из трех человек, в 2017 году скорректированный КДЖ составлял 5,18 лет [7]. Согласно исследованиям Ж. Г. Голодовой и П. А. Смирнова, в 2022 году значение КДЖ, рассчитанное с учетом потребительских расходов, увеличилось до 5,86, что указывает на снижение реальной доступности жилья для значительной части населения [8].

Ключевым индикатором, отражающим стабильность финансовой системы, является объем просроченной задолженности. При общей задолженности в размере 20,55 триллионов рублей, уровень просроченных платежей по ипотечным жилищным кредитам составляет около 0,2 %⁴. Этот парадокс (огромный долг при минимальной просрочке) свидетельствует о приоритетности ипотечных выплат для домо-

1 Bentham J. Panopticon; or, The inspection house: containing the idea of a new principle... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://archive.org/details/panopticoninsoobentgoog/page/n10/mode/2up> (дата обращения: 09.02.2026).

2 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «Консультант-Плюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.02.2026)

3 Статистика ипотечного жилищного кредитования // Банк России: официальный сайт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cbr.ru/statistics/pdco/Mortgage/ML/> (дата обращения: 15.02.2026).

4 Там же.

Таблица 1. Сравнительный анализ механизмов принуждения в моделях рабочего дома и ипотечного кредитования

Критерий	Рабочий дом (XIX в.)	Ипотека (XXI в.)
Природа принуждения	Прямое: физическое и административное	Опосредованное: экономическое и долговое
Ключевой риск	Физическая эксплуатация, лишение свободы	Задолженность, ущерб кредитной истории
Обеспечительный механизм	Дисциплинарные наказания (карцер, лишение пищи)	Угроза обращения взыскания на залог и судебных преследований
Ограничение свободы	Административный запрет на выбор труда, разлучение с семьей.	Структурное ограничение карьерных и потребительских выборов.
Социальная функция	Дисциплинирование бедных, стигматизация нищеты	Стимулирование экономики, формирование социальной стабильности через собственность.
Целевая группа	Безработные, нищие.	Социально активные слои.

хозяйств. Для заемщиков утрата жилья является недопустимым риском, вынуждающий их сокращать другие расходы и отказаться от возможных карьерных изменений. Низкий уровень просроченной задолженности является не столько признаком благополучия, сколько свидетельством высокой степени вовлечённости домохозяйств в систему финансового регулирования и дисциплины.

Эта модель поведения находит отражение в современной правовой позиции высших судов. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 принцип неприкосновенности жилища и недопустимости произвольного лишения жилища обозначен одним из основных принципов не только конституционного, но и жилищного законодательства⁵.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 года № 50 обозначена необходимость обеспечивать баланс прав и законных интересов взыскателей и должников при предоставлении отсрочки или рассрочки исполнения исполнительного документа. В частности, суд должен учитывать все имеющие значение фактические обстоятельства, к которым, в том числе, относятся тяжёлое имущественное положение должника, причины, существенно затрудняющие исполнение⁶.

В Определении Верховного Суда РФ от 26.07.2021 года № 303-ЭС20-18761, суд указал, что при оценке поведения должника на предмет добросовестности следует учитывать причины изменения регистрации по месту жительства, а также имелись ли какие-либо особые объективные причины, побудившие должника сменить место жительства без намерения причинить вред кредиторам⁷.

Данный подход свидетельствует о том, что современное правовое регулирование отвергает модель, при которой долговая зависимость приводит к утрате жилья как основополагающего элемента достойного существования.

Сравнительный анализ выявляет параллели исследуемых институтов (Таблица 1).

В современной модели к «группам риска» экономической зависимости относятся не только уязвимые категории

населения, но и формально благополучные группы. Согласно данным исследования от 10.07.2025 28 % россиян планируют ипотеку, 47 % не планируют покупку жилья в связи с высокой ставкой. Комфортный ежемесячный платеж: 40-60 тыс. рублей – 3,1 %, 20-40 тыс. – 20 %, 10-20 тыс. – 41 %, до 10 тыс. – 32,8 %⁸.

Таким образом, формируется ситуация, при которой, по словам Ж. Бодрийяра, кредитование даёт возможность «опережающего потребления», но влечёт длительную долговую нагрузку [8].

Сравнительный анализ показывает, что, несмотря на существенные различия оба института используют жилье в качестве инструмента регулирования поведения индивида. В первом случае применялось прямое, физическое и карательное воздействие, во втором – опосредованно, через экономические механизмы и добровольное согласие заемщика, основанное на страхе утраты актива и риске ситуации долговой зависимости. Принуждение не исчезает полностью, а маскируется под рыночные отношения.

Эволюция государственных функций: от контроля к гарантиям

Фундаментальный разрыв с репрессивной моделью осуществлен на конституционном уровне. В ст. 40 Конституции РФ закреплено право на жилище как неотъемлемое право граждан, что порождает обязанность государства по его обеспечению⁹. Эта обязанность включает два ключевых аспекта: первый, пассивный, заключается в недопущении произвольного лишения жилища. Второй, активный, предполагает создание условий для реализации данного права, включая безвозмездное предоставление жилья малоимущим.

В ответ на риск массового ипотечного кредитования государство разработало инструменты социально-экономической стабилизации.

1. Ипотечные каникулы (ст. 6.1-1 Закона № 353-ФЗ) предоставляются при трудной жизненной ситуации (потеря работы, инвалидность и др.)¹⁰. В отличие от рабочего дома, где потеря трудоспособности вела к ужесточению режима или выселению, современные законодательные предостережения заемщику, легальную возможность временно освободиться от долговой бремени. Эффективность данного института подтверждается судебной практикой. Например,

5 О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89120/ (дата обращения: 21.02.2026).

6 О применении судами законодательства при рассмотрении некоторых вопросов, возникающих в ходе исполнительного производства: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.11.2015 № 50 (ред. от 19.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189010/ (дата обращения: 21.02.2026).

7 Определение Верховного Суда РФ от 26.07.2021 № 303-ЭС20-18761 по делу № А73-12816/2019 // Картотека арбитражных дел. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/68a6165c-b3bc-4752-8b86-f82e632070b7/f59a1ec9-7988-4c8b-95aa-3ca3c936553c/A73-12816-2019_20210726_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 01.03.2026).

8 Высокая ставка пугает. Под какой процент россияне готовы взять ипотеку // 360.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://360.ru/news/obschestvo/vysokaja-stavka-pugaet-podkakoj-protsent-rossijane-gotovy-vzjat-ipoteku/?from=inf_cards (дата обращения: 01.03.2026).

9 Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 10.02.2026).

10 О потребительском кредите (займе): Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // СПС «КонсультантПлюс». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986/ (дата обращения: 02.03.2026).

Решением Ухтинский городской суд Республики Коми от 27.01.2020 по делу № 2-211/2020 признал недействительным отказ ПАО «Сбербанк» в предоставлении льготного периода по ипотеке¹¹.

2. Программы социального жилья (жилищные сертификаты, договоры социального найма, целевые программы для молодых ученых и семей) направлены на обеспечение жильем лиц, оказавшихся в сложной экономической ситуации, разрывая корреляцию между бедностью и отсутствием жилья. Это отклонение от принципа «менее приемлемого права», который был основой для функционирования рабочих домов. Важным элементом является гарантия предоставления жилья гражданам в случае признания их единственным жилого помещения непригодным для проживания. Конституционный Суд РФ в Постановлении от 15.12.2022 года № 55-П отметил, что в случае уклонения межведомственной комиссии и органа местного самоуправления от признания дома аварийным, суд вправе самостоятельно принять решение на основании представленных доказательств¹².

3. Судебная защита как процессуальная гарантия. Современное законодательство предусматривает многоступенчатую процедуру обращения взыскания на единственное жилье в счет погашения задолженности. Суд обязан провести оценку соразмерности требований кредитора и последствий для семьи должника. Кроме того, в статье 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации закреплен запрет на обращение взыскания на единственное пригодное для постоянного проживания жилое помещение¹³. Вместе с тем Постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 года № 28-П предписывает исключать из конкурсной массы средства, оставшиеся после реализации ипотечного жилья, для приобретения нового¹⁴. Данные положения обеспечивают баланс между правами кредиторов и конституционно гарантированным правом гражданина на жилище.

Таким образом судебная защита жилищных прав имеет социальную направленность, приоритетом которой является защита интересов семьи и детей. Верховный Суд РФ в определении от 18.04.2023 № 5-КГ23-26-К2 признал, что право пользования жилым помещением для несовершеннолетнего возникает с момента вселения или регистрации и не может быть утрачено из-за фактического отсутствия. Непроживание ребенка в жилье, особенно при конфликтах между родителями, не лишает его жилищных прав¹⁵.

Заключение

11 Решение № 2-211/2020 Ухтинский городской суд Республики Коми от 27.01.2020 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/dCxtYlo4UX5x/> (дата обращения: 01.03.2026).

12 По делу о проверке конституционности части 4 статьи 15 Жилищного кодекса Российской Федерации и пунктов 7, 42, 47, 51 и 52 Положения о признании помещения жилым помещением, жилого помещения непригодным для проживания, многоквартирного дома аварийным и подлежащим сносу или реконструкции...: постановление Конституционного Суда РФ от 15.12.2022 № 55-П // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_434566/ (дата обращения: 03.03.2026).

13 Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 22.2.2025) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 01.03.2026).

14 По делу о проверке конституционности положений статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой акционерного общества «Юридическое бюро «Факторис»: постановление Конституционного Суда РФ от 04.06.2024 № 28-П // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_477999/ (дата обращения: 01.03.2026).

15 Определение Верховного Суда РФ от 18.04.2023 № 5-КГ23-26-К2 // Официальный сайт ВС РФ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vsrfr.ru/lk/practice/cases/12-34266997#12-34266997> (дата обращения: 05.03.2026).

Проведенное исследование подтверждает трансформацию, а не исчезновение механизмов экономической зависимости в жилищной сфере.

Во-первых, анализ архивных данных конкретизирует механизмы контроля в рабочих домах: условия жизни и обстановка были подчинены задаче дисциплинирования, а не обеспечения комфорта. Однако практика кратковременных пребываний в Биминстере свидетельствуют, что для трудоспособных бедняков рабочий дом мог быть элементом «экономики выживания».

Во-вторых, присутствует фундаментальное различие: характер принуждения. В рабочем доме оно было прямым и физическим; в ипотеке – опосредованное и экономическое, основанное на добровольных долговых обязательствах. Низкий уровень просроченной задолженности в 0,2 % при колоссальном объеме долга в 20,55 трлн рублей является индикатором эффективности скрытой системы финансовой дисциплины.

В-третьих, подтвердилась эволюция роли государства. От создания учреждений для нищих, преступников и социально неугодных, стремясь к их финансовой самодостаточности, до признания обязанности по защите от рыночных рисков, посредством создания защитных механизмов (ипотечные каникулы, судебная защита от произвольного выселения, иммунитет единственного жилья).

Государство обеспечивает не только формальную, но и фактическую свободу граждан, а наличие жилища рассматривается не как привилегия, а как конституционное право, гарантируемое и защищаемое государством.

Пристатейный библиографический список

1. Головкин Р. Б., Нарышкина Н. И. Правовые и организационные основы функционирования рабочих домов в европейских странах и России в XVI–XVIII вв. // Уголовно-исполнительное право. – 2015. – № 3 (21). – С. 143–147.
2. Барлова Ю. Е. Рабочие дома в истории английской социальной политики // Наука и школа. – 2009. – № 5. – С. 73–75.
3. Harley J. Material lives of the poor and their strategic use of the workhouse during the final decades of the English old poor law // Continuity and Change. – 2015. – Vol. 30. № 1. – P. 71–103.
4. Барлова Ю. Е. Английское законодательство о бедных в XVIII – первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – Т. 1. № 3. – С. 27–31.
5. Петренко Н. И., Загайнов И. А., Блинова М. Л. Некоторые аспекты участия губернских органов управления в реализации пенитенциарной политики во второй половине XVIII века // Проблемы экономики и юридической практики. – 2021. – Т. 17. № 1. – С. 100–103.
6. Лопатина Л. А. Основные виды социального обеспечения населения России конца XIX века // Вестник Костромского государственного технологического университета. Государство и право: вопросы теории и практики (Серия «Юридические науки»). – 2012. – № 1 (2). – С. 47–50.
7. Белоусов А. Л. Развитие ипотечного кредитования и вопросы методологии определения доступности жилья // Актуальные проблемы экономики и права. – 2019. – Т. 13. № 1. – С. 935–947.
8. Голодова Ж. Г., Смирнов П. А. Подходы к оценке и повышению уровня доступности жилья в России // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23. № 4. – С. 812–824.

АНДРЮХИНА Ирина Юрьевна

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Западный филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

РАК Евгения Алексеевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Западный филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Калининград

РАК Вадим Евгеньевич

консультант отдела аналитической и лицензионной работы Министерства энергетики и жилищно-коммунального хозяйства Нижегородской области

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АРХИТЕКТУРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматриваются истоки формирования и развития современной архитектуры государственной службы Российской Федерации и государственной гражданской службы, как одного из видов государственной службы. Под архитектурой государственной службы автор подразумевает правовой и организационный институт государственной службы Российской Федерации, история формирования которого тесно взаимосвязана с историей формирования Российского государства. Автор проводит аналогию правовых и организационных основ государственной гражданской службы России в исторической ретроспективе, тем самым подтверждая российские основы становления современного института государственной гражданской службы.

Ключевые слова: архитектура, государственная служба, государственная гражданская служба.

ANDRYUKHINA Irina Yurjevna

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, associate professor of State and municipal management sub-faculty, Western Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad

RAK Evgeniya Alexeevna

Ph.D. in sociological sciences, associate professor of State and municipal management sub-faculty, Western Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Kaliningrad

RAK Vadim Evgenjevich

consultant of the Analytical and Licensing Department of the Ministry of Energy and Housing and Communal Services of the Nizhny Novgorod Region

HISTORICAL FOUNDATIONS OF THE ARCHITECTURE OF THE STATE CIVIL SERVICE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article examines the origins of the formation and development of the modern architecture of the civil service of the Russian Federation and the state civil service, as one of the types of public service. By the architecture of the civil service, the author means the legal and organizational institution of the civil service of the Russian Federation, the history of which is closely interrelated with the history of the formation of the Russian state. The author draws an analogy of the legal and organizational foundations of the state civil service of Russia in historical retrospect, thereby confirming the Russian foundations of the formation of the modern institution of the state civil service.

Keywords: architecture, public service, public civil service.

Введение.

Современная архитектура государственной службы Российской Федерации и одного из ее видов – государственной гражданской службы сформирована в начале XXI века [1, с. 461].

Несмотря на небольшой отрезок времени, в течение которого происходило совершенствование правовых и организационных основ основных видов государственной службы, составляющих ее систему на современном этапе, история формирования архитектуры государственной службы в це-

лом и государственной гражданской службы, в частности, насчитывает более тысячи лет [2].

Развитие архитектуры государственной гражданской службы в исторической ретроспективе.

Под архитектурой государственной службы автор подразумевает правовой и организационный институт государственной службы Российской Федерации, истоки формирования которого уходят в период формирования российской государственности (IX-X вв.), период времени когда прообра-

Андрюхина И. Ю.

Рак Е. А.

Рак В. Е.

зом гражданских служащих были дружинники князи, проживавшие вместе с ним и обеспечивающие необходимые полномочия начала формирования российской государственности: вершили суд, собирали дань, защищали земли от набегов враждебных племен [1].

В XVI веке, при Иване Грозном, в целях обеспечения работы новой приказной системы было утверждено Уложение о службе, как прообраз современного федерального законодательства, устанавливающего правовые и организационные основы института государственной службы. Разработка и внедрение этого документа является частью реформ «Избранной рады» [2].

«Уложением о службе» устанавливался единый порядок несения службы [3].

Формирование и развитие архитектуры государственной службы Российской Федерации более четко оформилось в период правления царя Петра I.

Петр за период своего правления не только вооружил Россию армией и флотом, провел реформы государственного управления, но и придал профессиональный характер государственной службе. При нем впервые государственная служба была разделена на статскую (гражданскую), военную и придворную. И сегодня в систему государственной службы Российской Федерации входит три вида: гражданская, военная и государственная служба иных видов¹.

Петр I не только систематизировал должности государственной службы, но и предложил их соотношение, разделив 263 должности по 14 рангам (чинам), соотнес их по видам государственной службы в знаменитой Табели о рангах [4].

И сегодня мы встречаем в российском законодательстве соотношение классов чинов, воинских и специальных званий, отмечая своего рода аналогию времен, эпох в организации архитектуры государственной службы Российской Федерации в общем и гражданской службы, в частности².

При Екатерине II государственная гражданская служба все более приобретает профессиональный характер, введено денежное содержание и пенсионное обеспечение чиновникам, находившимся на службе более 35 лет [5].

Александр I также внес свой вклад в формирование до-революционной архитектуры государственной службы, при нем была оформлена система предоставления государственных гражданских чинов на основе выслуги лет [6].

При Николае I продолжилось формирование порядка прохождения гражданской службы в части предоставления чинов. Уточнялись категории лиц, которым предоставлялось право прохождения службы. Всего было введено 4 категории лиц, допускавшихся к службе: от наследственных дворян, детей дворян, детей купцов первой гильдии до детей низших канцелярских служащих. Последние, по сути, не имели права прохождения службы, но могли оставаться в своих чинах, если были приняты на службу до издания Указа 1827 года «О канцелярских служащих гражданского ведомства».

Для разных категорий чиновников устанавливались разные сроки выслуги, которые в последствии менялись при других российских царях.

При Николае I в 1834 году было издано Положение о порядке предоставления чинов в гражданской службе», в соответствии с которым первые три категории получили льготные сроки нахождения в чинах – один год.

При Александре III было введено «Положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях Западных и царстве Польском», в соответствии с которым были введены новые формы пенсионного обеспечения чиновников.

Архитектура государственной гражданской службы конца XIX века во многом напоминает современную архитектуру – служащие обеспечивали полномочия государства и действовали от его имени. В 1894 году даже был создан комитет, занимавшийся вопросами службы чинов гражданского ведомства [6].

Необходимость создания подобного органа была обусловлена постоянным ростом численности чинов гражданского ведомства, общая численность которых к концу XIX века достигла почти 500 тыс. человек.

На современном этапе развития архитектуры государственной гражданской службы единого органа управления государственной гражданской службой нет, в связи с законодательно урегулированием наличия двух уровней ее организации: федеральным и субъектов Российской Федерации.

В период эпохи СССР, начальный период создания которой был обусловлен изданием одним из первых декретов о ликвидации сословных и иных различий. Указанным декретом были упразднены и гражданские чины т.е. государственная служба как профессиональная служебная деятельность в советский период престала существовать³.

Тем не менее, и в советский период можно найти документы, имеющие отношение к формированию основ современного служебного права, истоки которых – в положениях правовых актов, которыми устанавливались правила для работников государственных предприятий и учреждений (далее – Временные правила о службе) [7].

Временные правила о службе, по сути, представляли собой конгломерат антикоррупционных требований к работникам государственных учреждений и предприятий. Практически все эти правила сегодня включены в законодательство о государственной гражданской службе Российской Федерации (далее – ФЗ № 79-ФЗ)⁴.

Статья 16 ФЗ № 79-ФЗ регулирует ограничения на государственной гражданской службе, т.е. те обстоятельства, которые не допускают гражданина до прохождения государственной гражданской службы в Российской Федерации. Основные ограничения, закрепленные статьей 16 были установлены во Временных правилах о службе, в том числе такие как: недопустимость кровного родства работников и руководителя организации, наличие заболеваний, препятствующих прохождению службы в учреждениях и предприятиях и другие.

На современном этапе правовая база государственной гражданской службы дополнилась такими требованиями,

1 Федеральный закон от 27.03.2003 № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» / Справочно-консультационная система «Гарант» / Справочно-консультационная система «Гарант».

2 Указ Президента РФ от 01.02.2005 № 113 (ред. от 01.03.2024) «О порядке присвоения и сохранения классов чинов государственной гражданской службы Российской Федерации федеральным государственным гражданским служащим» / Справочно-консультационная система «Гарант».

3 Об уничтожении сословий и гражданских чинов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [history/act1600-1918/5308/?ysclid=m9jsr1hg49479884581](http://history.act1600-1918/5308/?ysclid=m9jsr1hg49479884581)

4 Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» / Справочно-консультационная система «Гарант».

как: признание гражданина иностранным агентом, предоставление последним подложных и недостоверных сведений.

Статья 17 Федерального закона № 79-ФЗ также коррелирует с Временными правилами о службе, устанавливая практически аналогичные запреты для государственных гражданских служащих, с требованиями, которые были установлены на работников советских государственных предприятий.

Уже в советский период развития государственного управления России запрещалось заниматься предпринимательской деятельностью, занимать выборные должности и должности на государственных и муниципальных предприятиях одновременно.

Более ста лет назад отсутствовал запрет открывать и иметь счета в иностранных банках как служащему, так и супруге (супругу) и несовершеннолетним детям. В тот период времени это было не актуально в связи с нахождением советской республики практически в полной изоляции от внешнего мира. Но основные запреты, как требования, обусловлены недопустимостью возникновения конфликта интересов, в основе которого лежит личная заинтересованность лица, замещающего должность, составляли основную часть Временных правил о службе.

Заключение

В настоящее время продолжается дальнейшее формирование института государственной службы Российской Федерации в общем и государственной гражданской службы, в частности. В статью 1 ФЗ № 79-ФЗ введены новые понятия, применение которых касается результативности профессиональной служебной деятельности гражданской службы: профессиональный уровень, оценка профессионального уровня, вид профессиональной служебной деятельности, область профессиональной служебной деятельности.⁵ Законодательно предусмотрена возможность прохождения службы лицам, замещающим должности главной и высшей групп должностей, после достижения предельного возраста прохождения гражданской службы, на основании срочного служебного контракта, при обеспечении определенных условий.

Изменились требования и формы профессионального развития служащих, прохождение которого должно осуществляться в течение всего срока прохождения службы, а в число новых форм вошли в том числе, семинары, тренинги и конференции в дистанционном формате. Введена система наставничества и стажировок служащих, приступивших к замещению должностей в органах государственной власти, впервые.⁶ Органы государственной власти реализуют инновационные системы оценки компетентности и результатов профессиональной служебной деятельности служащих.

Установлены основания для внедрения в органах государственной власти новых форм и методов отбора кадрового состава на вакантные должности в органах государственной власти.⁷

Рассмотренные нововведения в сфере государственной гражданской службы способствуют укреплению ее архитектуры и формированию высокопрофессионального кадрового состава, способного решать задачи в сфере государственного управления в любых исторических сложных условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Андрюхина И. Ю., Федоров А. В., Латвайтис О. А. К вопросу об архитектуре государственной гражданской службы Российской Федерации. Евразийский юридический журнал. 2023. № 9. С. 461-462.
2. Денисов Ю. П., Стаурский Е. С. Эволюция института государственной службы в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5 (118). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-instituta-gosudarstvennoy-sluzhby-v-rossiyskoy-federatsii/viewer>
3. Уложение о службе Ивана Грозного. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: politiko-pravovye-aspekty-standovleniya-i-razvitiya-gosudarstvennoy-sluzhby-v-rossiyskom-gosudarstve-xvi-xviii-vv.pdf
4. Львов А. В. Табель о рангах 1722 года и эволюция чиновничества в XVIII веке // Вестник МГПУ. 2022. № 3 (47). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: tabel-o-rangah-1722-goda-i-evolyutsiya-chinoproizvodstva-v-xviii-veke.pdf
5. Киселев С. Г. Политико-правовые аспекты становления и развития государственной службы в российском государстве (XVI-XVIII вв.) // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: politiko-pravovye-aspekty-standovleniya-i-razvitiya-gosudarstvennoy-sluzhby-v-rossiyskom-gosudarstve-xvi-xviii-vv.pdf
6. Воропанов В. А. Развитие системы государственной гражданской службы Российской империи во второй половине XVIII в. Управление карьерой классных чиновников // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2015. № 5 (37). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [razvitiye-sistemy-gosudarstvennoy-grazhdanskoy-sluzhby-rossiyskoy-imperii-vo-vtoroy-pолоvine-xviii-v-upravlenie-karieroy-klassnyh-chinovnikov\(1\).pdf](http://razvitiye-sistemy-gosudarstvennoy-grazhdanskoy-sluzhby-rossiyskoy-imperii-vo-vtoroy-pолоvine-xviii-v-upravlenie-karieroy-klassnyh-chinovnikov(1).pdf)
7. Байнова А. С. Становление институтов государственного управления при Александре I / Материалы Афанасьевских чтений. 2016. № 3 (16). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: stanovlenie-institutov-gosudarstvennogo-upravleniya-pri-aleksandre-i.pdf
8. Белых А. А., Дмитриев А. Л. Образование и происхождение: из истории гражданской службы в России в XIX веке // Экономическая политика. 2021. № 4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: obrazovanie-i-proishozhdenie-iz-istorii-grazhdanskoy-sluzhby-v-rossii-v-xix-veke.pdf
9. Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях. Декрет СНК РСФСР 21 декабря 1922 г. // СУ. 1923. № 1. Ст. 8.

5 Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе в Российской Федерации / Справочно-консультационная система «Гарант».

6 Указ Президента РФ от 21 февраля 2019 г. № 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) / Справочно-консультационная система «Гарант».

7 Постановление Правительства РФ Постановление Правительства РФ от 31 марта 2018 г. № 397 «Об утверждении единой методики проведения конкурсов на замещение вакантных должностей государственной гражданской службы Российской Федерации и включение в кадровый резерв государственных органов» (с изменениями и дополнениями).

ЕВСЕЕВ Иван Валентинович

кандидат юридических наук, доцент базовой кафедры благотворительного фонда поддержки образовательных программ «КАПИТАНЫ» «Инновационный менеджмент и социальное предпринимательство», Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

КРИВЕНЦОВ Родион Олегович

магистр, преподаватель базовой кафедры благотворительного фонда поддержки образовательных программ «КАПИТАНЫ» «Инновационный менеджмент и социальное предпринимательство», Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

КОНДРАШКИНА Алина Алексеевна

магистр, преподаватель базовой кафедры благотворительного фонда поддержки образовательных программ «КАПИТАНЫ» «Инновационный менеджмент и социальное предпринимательство», Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова

СОВЕТ ПО НАЦИОНАЛЬНЫМ ВОПРОСАМ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ НА МУНИЦИПАЛЬНОМ УРОВНЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ВОПРОСА

В статье исследуется роль советов по национальным вопросам как консультативно-совещательных органов при органах местного самоуправления в системе противодействия экстремизму на муниципальном уровне. Статистика зарегистрированных правонарушений экстремисткой направленности указывает на тот факт, что основная часть таких проявлений проявляется изначально на муниципальном уровне. В своей работе авторы обосновывают идею, что совет по национальным вопросам при органе местного самоуправления способен выполнять функции раннего предупреждения межнациональных конфликтов, информационно-аналитического мониторинга, межведомственной координации и гражданского просвещения. Для этой деятельности необходимо внести соответствующие изменения в Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», уставы муниципальных образований и предусмотреть расходы на организацию и работу данных Советов. Так же делается вывод о необходимости закрепления статуса советов по национальным вопросам на муниципальном уровне и наделения их конкретными полномочиями в сфере профилактики экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм, противодействие экстремизму, муниципальный уровень, совет по национальным вопросам, межнациональные отношения, профилактика, местное самоуправление.

EVSEEV Ivan Valentinovich

Ph.D. in Law, associate professor, Basic Department of the KAPITANY Charitable Foundation for Support of Educational Programs "Innovative Management and Social Entrepreneurship", G. V. Plekhanov Russian University of Economics

KRIVENTSOV Rodion Olegovich

master's degree, lecturer, Basic Department of the KAPITANY Charitable Foundation for Support of Educational Programs "Innovative Management and Social Entrepreneurship", G. V. Plekhanov Russian University of Economics

KONDRASHKINA Alina Alexeevna

master's degree, lecturer, Basic Department of the KAPITANY Charitable Foundation for Support of Educational Programs "Innovative Management and Social Entrepreneurship", G. V. Plekhanov Russian University of Economics

COUNCIL FOR NATIONAL AFFAIRS AS AN INSTRUMENT OF COUNTERING EXTREMISM AT THE MUNICIPAL LEVEL: LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS

The article examines the role of national affairs councils as advisory bodies to local self-government bodies in the system of countering extremism at the municipal level. Statistics on registered extremist offenses indicate that the main part of such manifestations initially appears at the municipal level. In their work, the authors substantiate the idea that a national affairs council attached to a local self-government body is capable of performing functions of early warning of interethnic conflicts, information and analytical monitoring, interagency coordination, and civic education. For this activity, it is necessary to make appropriate amendments to the Federal Law of 06.10.2003 № 131-FZ (as amended on 20.03.2025) "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation," municipal charters, and to provide for expenses for the organization and operation of these Councils. It is also concluded that it is necessary to establish the status of national affairs councils at the municipal level and to endow them with specific powers in the sphere of extremism prevention.

Keywords: extremism, countering extremism, municipal level, council for national affairs, interethnic relations, prevention, local self-government.

Нарастание угроз экстремистского характера в современном российском обществе остро ставит на повестку дня вопрос о выработке действенных механизмов противодействия этому явлению. На федеральном и региональном уровнях государственного управления сформирована разветвленная структура специализированных ведомств – начиная с Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму [1] до профильных антиэкстремистских подразделений правоохранительных органов. Тем не менее муниципальный уровень, невзирая на своё ключевое положение в качестве «базовой» среды межличностного и межгруппового взаимодействия, по сей день лишён надлежащей организационно-правовой инфраструктуры для участия институтов гражданского общества в предупреждении экстремизма.

Указанная проблема находит отражение в отечественной научной литературе. По данным, приводимым И. В. Евсеевым и Р. О. Кривенцовым, результаты социологических исследований обнаруживают нарастающую за-

Указанная проблема находит отражение в отечественной научной литературе. По данным, приводимым И. В. Евсеевым и Р. О. Кривенцовым, результаты социологических исследований обнаруживают нарастающую за-

кономерность: не более 10 % граждан имеют чёткое представление о сущности экстремизма, могут охарактеризовать его отличительные признаки и, руководствуясь правовыми знаниями, готовы осознанно противостоять подобным проявлениям [2, с. 152-156]. Данное обстоятельство указывает на глубокое противоречие между нормативным определением экстремистской деятельности и реальным уровнем правовой грамотности широких слоёв населения, что в значительной мере подрывает эффективность профилактической системы в целом.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации, утверждённая Указом Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 (далее – Стратегия 2024) [3], ставит императивом объединение потенциала органов публичной власти, институтов гражданского общества и широкой общественности для обеспечения национальной безопасности, сохранения гражданского единства и межнационального мира. В данном контексте совет по национальным вопросам при органе местного самоуправления видится одним из наиболее органичных институциональных решений, позволяющих воплощать антиэкстремистскую политику непосредственно в границах конкретного муниципального образования.

Рассмотрение экономико-правовой природы экстремизма предполагает прежде всего установление нормативного содержания этого понятия. В соответствии с устоявшейся научной позицией экстремизм в трактовке законодателя представляет собой не отдельное противоправное действие, а совокупность разнородных посягательств, связанных антиконституционной, дискриминационной или радикально-идеологической направленностью [4, с. 31-39]. Одновременно, как указывает И. А. Кириллов, деструктивная идеология отличается выраженным и нередко адресным деструктивным влиянием на социальную среду, подрывая устойчивость общественного уклада, а по мере расширения своего охвата она запускает нарастающие механизмы социальной дезорганизации и разрушения [5, с. 6-9].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о разграничении понятий «экстремизм» и «терроризм», имеющий самостоятельное практическое значение, – его решение основывается на анализе ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [6]. В данном нормативном акте законодатель раскрывает терроризм через призыву идеологии насилия и совокупности практических мер воздействия на органы власти всех уровней, сопряжённых с запугиванием населения и различными формами противоправного насилия, тогда как экстремизм образует более широкую по объёму категорию общественно опасных деяний. Как свидетельствует анализ судебной практики Челябинской области, формально идентичное поведение – публикация комментария в сети Интернет, присутствие на публичном мероприятии – способно получить квалификацию либо как экстремистское, либо как террористическое преступление в зависимости от смыслового содержания и целевой направленности конкретного деяния [7].

Тем не менее статистические данные фиксируют устойчивую тенденцию к росту числа преступлений экстремистской направленности. Согласно сведениям МВД России, в 2024 году по статье 280 УК РФ зарегистрировано 447 правонарушений [8] – что превышает показатель 2023 года на 21,8 %; количество уголовных дел, переданных в суд, увеличилось на 30 % и достигло 430 дел [9]. При таких обстоятельствах профилактическая деятельность приобретает приоритетное значение: оперативное выявление и нейтрализация конфликтных ситуаций в сочетании с целенаправленным правовым просвещением граждан способны существенно сократить количество потенциальных правонарушений.

Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [10] включает в перечень вопросов

местного значения участие в противодействии терроризму и экстремизму, а равно в минимизации и (или) устранении последствий их проявлений на территории муниципального образования. Следовательно, обязанность органов местного самоуправления включаться в антиэкстремистскую деятельность закреплена непосредственно в законодательстве, однако конкретные организационные механизмы исполнения данной функции по-прежнему не раскрыты.

Стратегия 2024 императивно предписывает реализацию на муниципальном уровне комплекса организационных и правовых мер, предполагающих принятие целевых программ, выстраивающих системную работу по недопущению проявлений экстремизма и терроризма, а также по урегулированию межнациональных (межэтнических) конфликтов [10]. Принципиально важно, что Стратегия 2024 представляет собой бессрочный документ, что гарантирует долгосрочную непрерывность антиэкстремистского курса государства. Среди инструментов реализации особо акцентируется «активное вовлечение в деятельность по противодействию экстремизму институтов гражданского общества, в том числе общественных объединений, социально ориентированных и иных некоммерческих организаций», что формирует нормативно-правовую основу для учреждения консультативных органов с участием представителей гражданского общества, этнокультурных объединений и религиозных организаций.

Бесомысленным доводом в пользу приоритетного развития муниципального звена антиэкстремистской системы служит то обстоятельство, что подавляющее большинство конфликтных ситуаций межнационального и межконфессионального характера зарождается и разворачивается именно на уровне конкретного города, посёлка, отдельного района или микрорайона. Опыт показывает, что федеральные и региональные органы в силу широты охватываемой территории зачастую не имеют возможности оперативно реагировать на локальные очаги напряжённости. В данном отношении органы местного самоуправления располагают незаменимым преимуществом – непосредственной близостью к населению и способностью заблаговременно распознавать предпосылки конфликтных ситуаций.

Среди институтов гражданского участия в проведении государственной национальной политики особое положение занимают советы по вопросам межнациональных и межконфессиональных отношений. На федеральном уровне действует Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям [11] – коллегиальный орган совещательного и консультативного характера, призванный координировать взаимодействие федеральных и региональных органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и научного сообщества при рассмотрении вопросов в сфере государственной национальной политики. При Совете Федерации учреждён постоянно действующий экспертно-консультативный Совет по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями [12], осуществляющий системный мониторинг действующего законодательства, в том числе в части регулирования вопросов противодействия религиозному экстремизму и предотвращения разжигания межнациональной розни.

В ряде субъектов Российской Федерации и отдельных муниципалитетах созданы консультативные советы по вопросам межэтнических отношений или взаимодействия с национально-культурными организациями. Однако на муниципальном уровне подобные структуры либо полностью отсутствуют, либо функционируют исключительно на неформальной основе, не имея чёткого правового регулирования компетенций и механизмов взаимодействия с органами местного самоуправления и урегулирования вопросов финансирования [13]. Вместе с тем общественные советы по вопросам межнациональных отношений зачастую выступают

эффективным инструментом предотвращения проявлений этнополитического и религиозно-политического экстремизма: они информируют органы власти о складывающейся этнической ситуации на подведомственной территории и вырабатывают рекомендации по профилактике экстремистских проявлений [14]. Накопленный опыт убедительно демонстрирует реальный потенциал подобных институтов и настоятельную необходимость его надлежащего правового и организационного оформления.

Совет по национальным вопросам при органе местного самоуправления призван занять центральное место в устранении выявленного противоречия между нормативным определением экстремизма и его повседневным восприятием гражданами. С этой целью совет должен на регулярной основе проводить просветительские мероприятия, охватывающие все социально-демографические группы населения: школьников и студентов, пожилых граждан, мигрантов, а также представителей различных этнокультурных и религиозных общностей, проживающих в границах муниципально-образований.

На основании проведённого исследования представляется обоснованным сформулировать концептуальную модель совета по национальным вопросам при органе местного самоуправления, целенаправленно ориентированную на решение задач противодействия экстремизму.

По своей правовой природе совет надлежит учреждать в статусе постоянно действующего консультативно-совещательного органа при главе муниципального образования (местной администрации). Положение о совете утверждается нормативным правовым актом соответствующего органа местного самоуправления и должно закреплять: цели и задачи совета; его состав и порядок формирования; функции и полномочия; регламент деятельности и принятия решений; механизмы взаимодействия с органами местного самоуправления и правоохранительными структурами.

Членами совета рекомендуется назначать: представителей органов местного самоуправления (заместителей главы администрации по социальным вопросам); сотрудников правоохранительных органов; руководителей местных отделений национально-культурных автономий; признанных представителей зарегистрированных религиозных организаций; делегатов социально ориентированных НКО; представителей образовательных учреждений; независимых специалистов в области межнациональных отношений и права.

Работа совета должна основываться на принципах прозрачности, коллегиальности, системного подхода и превентивной направленности. Первостепенным условием результативности служит включение совета в процесс разработки и реализации муниципальных программ по профилактике экстремизма. Стратегия 2024 прямо предполагает разработку таких программ на муниципальном уровне [15], вместе с тем их реальная эффективность определяется наличием компетентного органа, способного обеспечить их содержательное наполнение с учётом особенностей межнациональной обстановки на конкретной территории. Совет по национальным вопросам мог бы совмещать роль разработчика подобных программ и органа, осуществляющего надзор за их исполнением.

Муниципальный совет по национальным вопросам занимает качественно особую позицию – уровень непосредственного живого взаимодействия между людьми. Именно здесь зарождаются реальные конфликтные ситуации, именно здесь рядовой гражданин впервые встречается с проявлениями нетерпимости или экстремистской агитации. Соответственно, совет выступает инструментом первичного реагирования, реализуя те функции, которые органы более высокого уровня объективно не в состоянии выполнять ввиду масштаба охватываемой территории и удалённости от конкретных мест возникновения напряжённости.

Скоординированная деятельность советов различных уровней формирует вертикаль информационного обмена в системе противодействия экстремизму: сведения о конфликтных ситуациях передаются по принципу «снизу вверх» – от муниципальных советов к региональным, тогда как методическое и нормативное сопровождение осуществляется в обратном направлении. Выстроенная таким образом система гарантирует оперативное реагирование на конкретные угрозы при сохранении концептуального единства антиэкстремистской политики на федеральном уровне.

В данном контексте необходимо обратиться к анализу ключевых проблем, сдерживающих создание и эффективное функционирование советов по национальным вопросам на муниципальном уровне. Можно выделить четыре основных группы таких проблем.

Первое. Отсутствие унифицированного нормативного правового акта, определяющего правовой статус, компетенцию и порядок деятельности советов по национальным вопросам на муниципальном уровне. На сегодняшний день такие советы учреждаются на основе локальных нормативных актов органов местного самоуправления, что порождает существенные различия в их структуре, функциях и реальном влиянии на межнациональные процессы. Представляется обоснованным разработать на федеральном уровне типовое положение о совете по национальным вопросам при органе местного самоуправления и рекомендовать его к применению.

Второе. Недостаточная детализация полномочий органов местного самоуправления в сфере противодействия экстремизму. И. А. Кириллов обоснованно критикует Стратегию 2024 за то, что отдельные ожидаемые результаты её реализации сформулированы в «крайне эфемерных, размытых и неточных» выражениях, что придаёт документу характер «поверхностно-необязательного» акта [16, с. 9-16]. Схожая проблема воспроизводится и на муниципальном уровне: положения о профилактике экстремизма нередко имеют сугубо декларативный характер и не подкреплены конкретными, практически применимыми механизмами реализации.

Третье. Кадровый дефицит. Эффективная профилактика экстремизма требует от муниципальных служащих глубоких знаний в области регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений. Преодоление данного дефицита предполагает создание специализированных программ профессиональной подготовки и переподготовки для специалистов органов местного самоуправления, непосредственно отвечающих за реализацию государственной национальной политики на местах.

Четвёртое. Отсутствие механизма мониторинга результативности антиэкстремистской работы на муниципальном уровне. Как верно констатирует И. А. Кириллов, Стратегия 2024 не определяет ни критериев, ни методологии оценки достигнутых результатов, что вступает в противоречие с принципом измеряемости, закреплённым в Федеральном законе от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [17]. На муниципальном уровне данная проблема приобретает ещё более острый характер: унифицированные показатели результативности антиэкстремистской деятельности советов по национальным вопросам на сегодняшний день попросту не разработаны.

Результаты проведённого исследования позволяют прийти к следующим выводам. Муниципальный уровень представляет собой ключевое, однако недостаточно институционально оснащённое звено системы противодействия экстремизму в Российской Федерации. Стратегия 2024, формируя нормативно-правовую базу для развития муниципальных антиэкстремистских механизмов, тем не менее не обеспечивает их содержательной конкретизации и обязательного характера.

Совет по национальным вопросам при органе местного самоуправления представляет собой естественный и практически востребованный инструмент противодействия экстремизму на муниципальном уровне. Его функциональный потенциал распространяется на мониторинг и благоприятное предупреждение конфликтных ситуаций, правовое просвещение граждан, межведомственную координацию, формирование рекомендаций и проведение общественной экспертизы. Раскрытие данного потенциала возможно лишь при наличии надлежащего правового оформления: принятия типового положения, установления обязательного характера создания советов, выработки измеримых показателей результативности их работы, организации профессиональной подготовки кадров и выделения необходимого финансирования.

Непременным условием результативной деятельности совета служит устранение выявленного противоречия между нормативным определением экстремизма и его бытовым восприятием рядовыми гражданами. Лишь при достаточном уровне правовой грамотности населения и его реальной готовности к осознанному участию в профилактической работе совет по национальным вопросам способен внести ощутимый вклад в укрепление гражданской сплочённости, межнационального согласия и общественного порядка в масштабах конкретного муниципального образования.

Пристатейный библиографический список

1. Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/мк-по-противодействию-экстремизму> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Евсеев И. В., Кривенцов Р. О. Экстремизм как социально-правовое определение в законодательных актах, правоприменительной практике и понимании граждан // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2025. – № 4 (76). – С. 152-156.
3. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 10.04.2026).
4. Морозов И. Л. Проект Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации – политический анализ новых подходов в спектре современных угроз // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 10. – С. 31-39.
5. Кириллов И. А. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации: криминологический анализ и проблемы правового конструирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (58). – С. 9-16.
6. Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.
7. Решение по делу № 3А-20/2025 от 09.01.2025 – о признании информационного материала экстремистским. Челябинский областной суд (Челябинская область). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/gorsud/doc-67d757ee-eeed-5f09-9831-c6c906ba8fb2/> (дата обращения: 10.04.2026).
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 2025 г.). – Ст. 280. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
9. Бастрыкин: следователи раскрыли 430 дел об экстремизме в 2023 году. Ведомости. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2024/01/15/1015042-bistrikin-raskrili-430-del-ob-ekstremizme> (дата обращения: 10.04.2026).
10. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.
11. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 10.04.2026).
12. Положение о Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: утв. Указом Президента РФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_130821/ (дата обращения: 10.04.2026).
13. Положение о Совете по межнациональным отношениям и взаимодействию с религиозными объединениями при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: утв. распоряжением Председателя Совета Федерации от 1 декабря 2015 г. № 220рп-СФ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://council.gov.ru/structure/docs/61938/> (дата обращения: 10.04.2026).
14. Профилактика экстремизма в области межэтнических и межконфессиональных отношений: методические материалы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://poronajsk-r424.gosweb.gosuslugi.ru/deyatelnost/napravleniya-deyatelnosti/antiterroristicheskaya-komissiya/profilaktika-terrorizma-i-ekstremizma/novosti_1539.html (дата обращения: 10.04.2026).
15. Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51580> (дата обращения: 10.04.2026).
16. Кириллов И. А. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации: криминологический анализ и проблемы правового конструирования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2025. – № 1 (58). – С. 9-16.
17. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – № 26 (ч. I). – Ст. 3378.

МИРЗАЕВ Закир Мукайлович

кандидат юридических наук, доцент кафедры правовых дисциплин и методики преподавания, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала

МАГОМЕДОВ Шамиль Гаджиевич

аспирант 3-го года обучения, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, г. Махачкала

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: ПРОБЛЕМЫ ГАРМОНИЗАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНЫХ НОРМ И МЕСТНЫХ ПРАВОВЫХ УКЛАДОВ

Республика Дагестан – уникальный полиэтнический регион РФ с системными противоречиями в правовой политике. Сосуществование федерального законодательства с адатами и шариатом порождает правовой плюрализм, осложняющий правоприменение. Анализ конституционно-правовой базы выявляет необходимость координации на уровнях публичной власти. Статья предлагает рекомендации по совершенствованию законодательства для единства правового пространства РФ.

Ключевые слова: правовая политика, гармонизация норм, федерализм, адаты, правовой плюрализм.

MIRZAEV Zakir Mukailovich

Ph.D. in Law, associate professor of Legal disciplines and teaching methods sub-faculty, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

MAGOMEDOV Shamil Gadzhievich

postgraduate student of 3rd year of study, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University, Makhachkala

FEATURES OF IMPLEMENTING THE LEGAL POLICY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN: PROBLEMS OF HARMONIZING FEDERAL NORMS AND LOCAL LEGAL SYSTEMS

The Republic of Dagestan is a unique multiethnic region of the Russian Federation with systemic contradictions in legal policy. The coexistence of federal legislation with adats and Sharia generates legal pluralism, complicating law enforcement. The analysis of the constitutional and legal framework reveals the need for coordination at the levels of public authority. The article offers recommendations on improving legislation for the unity of the legal space of the Russian Federation.

Keywords: legal policy, harmonization of norms, federalism, adats, legal pluralism.

Республика Дагестан занимает особое место среди субъектов Российской Федерации как с точки зрения своего геополитического положения, так и с позиций сложности внутренней социально-правовой структуры. Это единственный регион страны, где официально проживают более 30 коренных народов, каждый из которых обладает самобытными правовыми традициями, восходящими к многовековой истории горской культуры и исламской цивилизации [1].

Данное обстоятельство предопределяет принципиальную специфику реализации государственной правовой политики на территории республики.

Под правовой политикой в широком смысле понимается система целей, приоритетов, принципов и мер, определяющих направления развития правовой системы государства и практику применения правовых норм. В условиях федеративного государства правовая политика реализуется одновременно на нескольких уровнях: федеральном, региональном и муниципальном, что само по себе порождает потенциальные коллизии. Применительно к Дагестану к этим объективным коллизиям добавляется мощный пласт неформальных регуляторов – обычного права (адатов) и норм шариата, которые на протяжении столетий выполняли функции основных механизмов социального контроля.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, в последние десятилетия в российской правовой доктрине усилилось внимание к проблемам правового плюрализма как неизбежного явления в многонациональных государствах [2]. Во-вторых, правоприменительная практика в Дагестане обнаруживает устойчивые «разрывы» между нормой закона и реальным поведением граждан в сферах семейного права, наследования, земельных отношений и разрешения споров. В-третьих, проблема гармонизации приобрела

новое измерение в контексте задач укрепления российской государственности и формирования единого правового пространства, поставленных в стратегических документах национальной политики.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе особенностей реализации правовой политики Российской Федерации в Республике Дагестан, выявлении ключевых противоречий между федеральными нормами и местными правовыми укладами, а также в формулировании научно обоснованных рекомендаций по совершенствованию законодательства.

Правовую основу реализации государственной политики в субъектах Российской Федерации образует Конституция Российской Федерации 1993 года, закрепляющая принципы федерализма, единства правового пространства и верховенства федерального законодательства. Статья 4 Конституции устанавливает, что Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на всей территории страны. Статья 72 определяет предметы совместного ведения Федерации и её субъектов, в числе которых – защита прав национальных меньшинств, общие принципы организации публичной власти, административное, административно-процессуальное, семейное, жилищное, земельное законодательство.

Вместе с тем Конституция признаёт многообразие форм государственности субъектов и гарантирует им право на собственное законодательство (ст. 76). В случае противоречия между федеральным законом и законом субъекта в сфере совместного ведения действует федеральный закон, что создаёт формально-юридическую иерархию норм. Конституция Республики Дагестан (Основной закон), принятая в 2003 году, в полной мере воспроизводит эту иерархию: статья 55 прямо

указывает на прямое действие федеральной Конституции на территории республики.

Тем не менее теоретическая ясность конституционной конструкции не устраняет практических коллизий. Предметы совместного ведения образуют обширную «серую зону», в которой региональный законодатель располагает значительной свободой усмотрения. Именно в этой зоне наиболее отчётливо проявляется конкуренция между федеральными стандартами и локальными правовыми укладами.

Традиционная правовая система народов Дагестана складывалась на протяжении многих веков и включала два основных нормативных пласта: адаты (обычное право отдельных народов и общин) и шариат (нормы исламского права) [4].

Адаты регулировали широкий круг отношений: порядок наследования имущества, права на земельные угодья, процедуру разрешения споров между родами и джамаатами (сельскими общинами), нормы кровной мести и примирения, семейные отношения, включая условия брака и развода [3].

После 1991 года наблюдается их возрождение: по различным оценкам, значительная часть браков в республике заключается в форме никаха без государственной регистрации, что порождает острые проблемы с правовым статусом супругов и детей.

Исследователи фиксируют следующие сферы наиболее интенсивного применения неформальных регуляторов в современном Дагестане:

- Семейное право: параллельное существование гражданского и религиозного браков, неурегулированность правового положения «шариатских» жён и детей;
- Земельные отношения: традиционные пастбищные и пахотные сервитуты джамаатов, не вписывающиеся в систему государственной регистрации прав;
- Наследственные отношения: применение исламских правил наследования вместо норм Гражданского кодекса;
- Разрешение споров: обращение к джамаатским советам старейшин как альтернативе государственному правосудию [2].

Центральная проблема реализации правовой политики в Дагестане состоит в системном рассогласовании между формальным (государственным) и неформальным (обычным, религиозным) правом. Это рассогласование проявляется на нескольких уровнях.

Региональное законодательство Республики Дагестан в целом соответствует федеральным нормам, однако содержит ряд пробелов и неопределённостей, создающих пространство для применения местных укладов.

Это порождает феномен «правового дуализма» личности, затрудняющий формирование единой правовой культуры.

Органы государственной власти республики не располагают эффективными механизмами мониторинга применения неформальных норм и их воздействия на правовой порядок. Отсутствует систематизированная база данных адатных норм, что исключает возможность их научного анализа и правовой оценки. Институт медиации, закреплённый в Федеральном законе от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника», используется в республике недостаточно активно.

Реализация федеральной правовой политики в Дагестане характеризуется сочетанием достигнутых результатов в социально-экономическом развитии с сохраняющимися проблемами в области защиты политических прав граждан. Ключевые особенности включают активное внедрение федеральных государственных программ социально-экономического развития, как, например, постановление Совета Федерации № 85-СФ от 2021 года, предусма-

тривающее 12 пунктов с 25 мероприятиями по развитию региона, а также осуществление программ национальной политики, направленных на укрепление единства народов республики.

Однако реализация политических прав и свобод граждан сталкивается с существенными препятствиями. Отсутствие устойчивых демократических традиций приводит к тому, что реализация политических прав осуществляется методом «проб и ошибок». Выявленные проблемы включают: недостаточность научно-правовых разработок в области защиты политических прав; неравномерное применение избирательного законодательства на местном уровне самоуправления; низкую роль политических партий и общественных организаций в реализации основных политических прав личности; распространение правового нигилизма и этноклановых отношений в обществе.

Рекомендации по гармонизации предполагают совершенствование путей реализации конституционного права граждан на участие в государственных делах; разработку республиканских законов о средствах массовой информации на базе федерального законодательства; обеспечение единообразного применения избирательного законодательства на всей территории республики; укрепление роли институтов гражданского общества, которые в настоящее время демонстрируют возросшую гражданскую активность. Необходимо также усилить скоординированные совместные усилия представителей всех ветвей власти, правоохранительных органов и самого населения по противодействию экстремизму и устранению причин конфликтов.

Роль местного самоуправления (МСУ) в реализации федеральной правовой политики в Дагестане заключается в самостоятельном решении вопросов местного значения в соответствии с Конституцией РФ, федеральным законом «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и Законом РД «О местном самоуправлении в Республике Дагестан», включая обеспечение жизнедеятельности населения с учетом исторических, национальных и культурных традиций.

Органы МСУ наделяются отдельными государственными полномочиями от республиканских властей, принимают муниципальные правовые акты во исполнение федеральных и региональных норм, а также взаимодействуют с Советом муниципальных образований РД для защиты общих интересов.

Проблемы на этом уровне связаны с несовпадением местных интересов и традиций с государственными задачами, что приводит к конфликтам в применении норм, а также с необходимостью совершенствования федерального закона о МСУ, как отмечается в региональных дискуссиях.

Пристатейный библиографический список

1. Амбурцев Р. А., Хрущев С. А. Этнополитические проблемы современного Дагестана // Наука. Инновации. Технологии. – 2017. – № 4.
2. Бобылев А. И. Правовой плюрализм в Российской Федерации: теоретические основания // Государство и право. – 2018. – № 3. – С. 45-53.
3. Джамалудинова З. Г. Обычное Право Народов Дагестана: Основные источники и институты // Закон и право. – 2021. – № 9.
4. Леонтович Ф. И. Адаты кавказских горцев: материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. – Одесса, 1882-1883. – Вып. 1-2.

ФУРМАН Татьяна Геннадьевна

кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права, Северо-Западный институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАТРИОТИЗМ И ПРАВО В КОНЦЕПЦИЯХ И. А. ИЛЬИНА

В представленной статье предпринят системный концептуальный анализ теоретического наследия И. А. Ильина в контексте корреляции политического патриотизма и правовых институтов. В исследовании акцентируется внимание на том, что в рамках ильинской философско-правовой парадигмы патриотизм детерминирован не только эмоциональной привязанностью к отечеству, но и выступает в качестве фундаментальной духовно-нравственной установки. Данная установка интерпретируется как базис для формирования ответственной гражданской позиции по отношению к государственным институтам и императивам правопорядка.

Центральное место в исследовании занимает категория правосознания, которая в трудах мыслителя постулируется как связующее звено между этическим содержанием патриотизма и формально-юридической структурой государства. В статье аргументировано обосновывается, что институциональная устойчивость государственно-правовой системы находится в прямой зависимости от степени интериоризации гражданами правовой природы власти. В заключении резюмируется, что идеи И. А. Ильина сохраняют высокую эвристическую значимость для современной юриспруденции, в частности - для совершенствования стратегий правового воспитания и укрепления основ гражданской идентичности.

Ключевые слова: И. А. Ильин, политический патриотизм, право, правосознание, государство, государственная власть.

FURMAN Tatyana Gennadjevna

Ph.D. in cultural studies, associate professor, associate professor of Constitutional and administrative law sub-faculty, North-West Institute of Management (branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg

POLITICAL PATRIOTISM AND LAW IN THE CONCEPTS OF I. A. ILYIN

This article undertakes a systematic conceptual analysis of Ivan Ilyin's theoretical legacy within the context of the correlation between political patriotism and legal institutions. The study emphasizes that within Ilyin's philosophical and legal paradigm, patriotism is determined not only by emotional attachment to the fatherland but also serves as a fundamental spiritual and moral attitude. This attitude is interpreted as the basis for forming a responsible civic stance toward state institutions and the imperatives of the rule of law.

Central to the study is the category of legal consciousness (pravosoznanie), which in the thinker's works is postulated as the link between the ethical content of patriotism and the formal legal structure of the state. The paper argues that the institutional stability of the state-legal system is directly dependent on the degree to which citizens internalize the legal nature of power. In conclusion, it is summarized that Ivan Ilyin's ideas maintain high heuristic significance for modern jurisprudence, particularly for refining legal education strategies and strengthening the foundations of civic identity.

Keywords: I. A. Ilyin, political patriotism, law, legal consciousness, state, state power.

Фурман Т. Г.

Введение.

Научная востребованность обращения к политико-правовому наследию И. А. Ильина продиктована необходимостью переосмысления фундаментальных категорий в контексте современных общественно-политических дискурсов, касающихся диалектического единства патриотизма, государственного суверенитета и правопорядка. В условиях наблюдаемой девальвации ценностных ориентиров и системного кризиса правосознания особый теоретический интерес представляют концепции, в которых право интерпретируется не только как совокупность формально-обязательных норм, но и как глубокий духовно-нравственный феномен.

Ключевая цель настоящей статьи заключается в комплексном раскрытии содержания политического патриотизма и права в рамках социально-философского учения И. А. Ильина, а также в экспликации их концептуальной взаимозависимости.

Непосредственные задачи исследования: осуществить критический анализ философско-правовых оснований те-

оретических построений И. А. Ильина; детализировать содержательные характеристики категории «политический патриотизм» в системе взглядов мыслителя; верифицировать роль и место права и правосознания в структуре его политической концепции; обосновать прогностическую значимость идей И. А. Ильина для развития современной юридической доктрины и методологии правовой науки.

Основной материал.

Теоретико-методологические основания мировоззрения И. А. Ильина представляют собой сложный синтез традиций русской религиозной философии и гегельянской диалектики [1]. Стоит отметить, что генезис его взглядов происходил в условиях глубокой социальной трансформации начала XX столетия, что детерминировало вектор развития всей отечественной юриспруденции того периода [4]. В качестве центральной онтологической проблемы в исследованиях Ильина выступает поиск духовного фундамента государственности и права, что, в свою очередь, обуславливает уникальную специ-

фику его аксиологического подхода к анализу политических институтов [9].

Рассматривая феномен государства, мыслитель категорически отвергает его трактовку как сугубо механической совокупности властных структур или набора формально-юридических дескрипций. Напротив, в рамках ильинской парадигмы государство позиционируется как «живой духовный организм», органически связанный с историческим субстратом, культурным кодом и правосознанием нации [3]. Следовательно, подобная дефиниция служит теоретическим базисом для обоснованной критики юридического позитивизма, который, по мнению автора, абсолютизирует нормативный аспект в ущерб ценностно-смысловому наполнению.

В контексте анализа природы права И. А. Ильин придерживается идеи его дуалистичности. С одной стороны, право объективируется через систему позитивных норм; с другой стороны, оно неизменно апеллирует к метаюридическим основаниям - чувству справедливости, имманентному правовому инстинкту и этической ответственности субъекта [7].

Резюмируя вышеизложенное, необходимо подчеркнуть тезис мыслителя о том, что эрозия духовного измерения правовой реальности неизбежно влечет за собой стагнацию в форме правового формализма, делегитимизацию государственных институтов и эскалацию правового нигилизма в обществе.

В контексте исследования политико-правовой доктрины И. А. Ильина первостепенное значение приобретает дефиниция «политического патриотизма». Автор акцентирует внимание на том, что данная категория не тождественна стихийной аффективной привязанности к территории или этносу. Напротив, феномен патриотизма интерпретируется мыслителем как рефлексивная и интенциональная форма служения государству, детерминированная признанием аксиологической значимости правовых институтов и государственности как таковой [8].

Следует подчеркнуть, что в отличие от этнической или эмоциональной репрезентации лояльности, политический патриотизм в трактовке Ильина обладает выраженным нормативно-ценностным характером. Он имплицитно предполагает субъектную вовлеченность личности в процессы воспроизводства правопорядка и сохранения территориальной целостности [10]. В структуру данного концепта интегрированы такие элементы, как:

- признание легитимности институтов публичной власти;
- высокий уровень правосознания;
- готовность к реализации гражданских обязательств в рамках правового поля.

В дополнение к сказанному, философ постулирует тезис о том, что аутентичный политический патриотизм онтологически несовместим ни с анархическим правовым нигилизмом, ни с деструктивным конформизмом [4]. Таким образом, патриотическое чувство рассматривается не как слепая покорность, а как критическая, но лояльная гражданская позиция. Она базируется на этико-правовой верификации деятельности государства и соотношении его функционирования с высшими нравственными императивами.

В структуре философско-правовой доктрины И. А. Ильина концепт правосознания занимает детерминирующее положение, выступая в качестве фундаментального базиса всей его системы. С точки зрения мыслителя, именно данная категория выступает определяющим вектором, формирующим специфику отношения индивида к институту

права, государственному устройству и феномену политического патриотизма [6].

В рамках авторского подхода правосознание интерпретируется не просто как совокупность знаний о законе, а как имманентная духовно-волевая установка. Она аккумулирует в себе следующие императивы:

- артикулированное осознание правового долга;
- аксиологическое признание ценности справедливости;
- интенцию к добровольной комплаентности (соблюдению правовых норм).

Следовательно, в данной парадигме право объективируется не в качестве механизма внешнего легитимного принуждения, а как экспликация внутренне усвоенного нравственного порядка.

Особого внимания заслуживает тезис о том, что политический патриотизм рассматривается как производная величина, развивающаяся на почве зрелого правосознания. Последнее, в свою очередь, выступает стратегическим фактором обеспечения устойчивости и консолидации государственно-правовой системы. Напротив, эрозия правосознания неизбежно детерминирует отчуждение граждан от государственного аппарата, влечет за собой девальвацию нормативно-правовых предписаний и провоцирует системный кризис легитимности институтов власти [2].

Результаты исследования

В современном научно-исследовательском поле теоретическое наследие И. А. Ильина позиционируется как фундаментальный базис, сохраняющий экстраординарную эпистемологическую и методологическую релевантность. Его идеи обретают особую значимость в рамках актуального гуманитарного и правового дискурса, сфокусированного на дешифровке онтологической природы государственности, аксиологической функции права и телеологических аспектов конструирования гражданской идентичности. Авторские концептуальные построения позволяют преодолеть доктринальную ограниченность узконормативного легизма, предлагая рассматривать право как гетерогенный социокультурный феномен, имманентно укорененный в исторической ретроспективе, духовном этосе и правосознании этнополитической общности. В данной системе координат правопорядок манифестируется не как механическая совокупность формальных императивов, а как квинтэссенция глубинных детерминант национальной государственности.

Необходимо постулировать, что предложенная И. А. Ильиным теоретическая оптика позволяет интерпретировать правовую реальность не в качестве утилитарного регулятивного инструментария, а как базовый фактор духовной консолидации социального организма. В рамках философско-правовой парадигмы Ильина праву вменяется интегративная функция, обеспечивающая гомеостазис общества и кристаллизацию устойчивой иерархии ценностных предпочтений. Подобная концептуализация существенно детерминирует расширение традиционных представлений о корреляции правовых, морально-этических и политических институтов, акцентируя внимание на их органическом и неразрывном единстве.

В условиях перманентной геополитической волатильности и нарастающей турбулентности глобального миропорядка теоретическое наследие И. А. Ильина экстраполируется на современную почву, приобретая статус фундаментального концептуального базиса. Представляется очевидным, что форсированная интенсификация интеграционных про-

цессов, сопряженная с попытками тотальной унификации национальных правовых систем, вступает в объективное противоречие с необходимостью пролонгации государственно-правовой идентичности. В данном дискурсе аргументация мыслителя, центрированная на критике аксиоматического заимствования зарубежных юридических лекал, представляется не только прогностически верной, но и методологически релевантной вызовам современности.

Необходимо подчеркнуть, что автор последовательно обосновывал деструктивность механической имплементации экзогенных правовых институтов без учета этнокультурной специфики и органики национального правосознания. Подобная диффузия чужеродных норм, согласно Ильину, неизбежно детерминирует эрозию правоприменительной системы и провоцирует когнитивный диссонанс в общественном восприятии права. Следовательно, игнорирование ценностного измерения права влечет за собой риск делегитимизации государственных институтов, трансформируя формально легальные нормы в «мертворожденные» конструкции.

Таким образом, теоретические построения Ильина фактически выступают в качестве интеллектуального пролога к современным доктринам правового суверенитета и социокультурной обусловленности права.

В контексте исследования представляется методологически значимым акцентировать внимание на том, что теоретические дефиниции И. А. Ильина обладают выраженной праксеологической ценностью в области разработки стратегий патриотического и правового воспитания. В рамках данной концептуальной схемы политический патриотизм интерпретируется не в качестве декларативного атрибута или ригидной идеологической установки, а как модус интенционального служения, ориентированного на укрепление государственно-правовой идентичности. Подобная трактовка патриотизма имплицитно предполагает деятельное участие субъекта в обеспечении легитимного правопорядка и осознание персональной ответственности за институциональную устойчивость государства.

Данный теоретический подход позволяет эффективно нивелировать ложную дихотомию между патриотическими ценностями и правовым статусом личности, которая зачастую транслируется в современном общественно-политическом дискурсе. Напротив, в философско-правовой парадигме И. А. Ильина права и свободы индивида позиционируются как конституирующее условие подлинного патриотического самосознания. В свою очередь, патриотизм выступает в качестве аксиологического фундамента, детерминирующего устойчивое развитие гражданского общества. Резюмируя, можно утверждать, что в рамках данной модели государство, право и личность образуют непротиворечивое единство, функционирующее на принципах синергии и органической взаимообусловленности всех элементов социального развития.

Выводы. Результаты проведенного анализа позволяют констатировать, что в рамках философско-правовой парадигмы И. А. Ильина политический патриотизм и правовая материя образуют имманентно целостную и взаимообусловленную систему. В данной связи представляется важным отметить, что политический патриотизм интерпретируется автором не как партикулярная эмоциональная привязанность к социокультурному пространству Отечества, а как фундаментальная духовно-нравственная интенция. Данная установка детерминирует специфику взаимодействия субъекта

с институтами государственной власти и нормативно-правовой средой.

В контексте рассматриваемой концепции право дефинируется Ильиным как объективация национального правосознания и ключевой механизм трансляции этического порядка в социальную практику. Следует акцентировать внимание на том, что девальвация духовной составляющей права, согласно воззрениям мыслителя, неизбежно влечет за собой деструктивную формализацию юридических норм и, как следствие, эрозию легитимности государственно-властных институтов.

Резюмируя вышеизложенное, можно объективно утверждать, что ретроспективный анализ теоретического наследия И. А. Ильина открывает новые горизонты для концептуализации корреляции патриотизма, права и государственности в современных реалиях. Представляется очевидным, что идеи философа сохраняют высокую теоретико-методологическую и прагматическую релевантность. Они могут служить ценным ресурсом для совершенствования юридической доктрины, а также для конструирования устойчивой государственно-правовой архитектуры, базирующейся на высоком уровне гражданского доверия и безусловном приоритете правовых ценностей.

Пристатейный библиографический список

1. Ворохобов А. В. Критика трансцендентально-феноменологической и рационалистической традиций субъективности в персоналистической философии И. А. Ильина // Христианское чтение. - 2022. - № 1. - С. 226-237.
2. Горелов А. А., Горелова Т. А. Русские философы конца XIX-XX века о безопасности и будущем России как государства-цивилизации // Знание. Понимание. Умение. - 2023. - № 3. - С. 49-65.
3. Демченко Т. И. Российская политико-правовая мысль о культуре государственного строительства // Lex russica. - 2020. - № 11. - С. 81-105.
4. Ильин А. А. Политическое трикстерство в контексте коммуникативной политики // Вопросы элитологии. - 2022. - Т.3. № 4. - С. 30-40.
5. Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве (фрагменты) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. - 1992. - № 3. - С. 93-99.
6. Кортеев И. Ю. Взгляды И. А. Ильина и В. С. Соловьева на соотношение религиозных, моральных и правовых норм // Glossa: Вестник студенческой науки. Издание кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета. - 2020. - № 4. - С. 208-211.
7. Малинин С. А., Губман Б. Л., Ильин И. А. и Гегель Г. В. Ф.: народный дух и устои государства // Современные философские исследования. - 2021. - № 4. - С. 107-116.
8. Поповкин А. В., Буланенко М. Е. Может ли патриотизм стать новой идеологией России? // Россия и АТР. - 2023. - № 4. - С. 10-21.
9. Треушников И. А. Рефлексия правосознания сквозь призму религиозной философии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2022. - № 1. - С. 225-228.
10. Углева А. В. Общественный идеал «аристократа духа» И. А. Ильина // История философии. - 2021. - Т. 26. № 2. - С. 127-141.

ГЛУЩЕНКО Сергей Николаевич

адъюнкт 3 Факультета (Подготовки научных и научно-педагогических кадров), Академия управления МВД России

ГЕНЕЗИС ЕДИНОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Актуальность исследования обусловлена сохраняющейся значимостью проблемы обеспечения единства правового пространства как одного из фундаментальных условий суверенитета, территориальной целостности и эффективного функционирования российского государства. Несмотря на длительный период конституционного развития, вопросы преодоления правовых коллизий, регионального сепаратизма и правового нигилизма, а также выработки унифицированных подходов к нормотворческой деятельности сохраняют высокую теоретическую и практическую востребованность, особенно в контексте современных тенденций федеративного строительства и обновления законодательства. Цель исследования состоит в комплексном анализе генезиса единого правового пространства России, выявлении исторических, политических и правовых факторов, препятствовавших его формированию. Методология исследования включает историко-правовой метод познания, позволивший проследить эволюцию принципа единства правового пространства с 1990-х годов по настоящее время, и формально-юридический метод познания, в рамках которого проанализированы нормы Конституции Российской Федерации (далее – Конституция), федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Конституционного и Верховного судов Российской Федерации.

Ключевые слова: единство правового пространства, правовые основы единства правового пространства, генезис единого правового пространства, конституционно-правовая доктрина, Конституция Российской Федерации.

GLUSHCHENKO Sergey Nikolaevich

adjunct of the 3rd Faculty (Training of Scientific and Pedagogical Personnel), Academy of Management of the MIA of Russia

GENESIS OF A UNIFIED LEGAL SPACE IN THE RUSSIAN FEDERATION

The relevance of the study is due to the continuing importance of ensuring the unity of the legal space as one of the fundamental conditions for the sovereignty, territorial integrity, and effective functioning of the Russian state. Despite the long period of constitutional development, the issues of overcoming legal conflicts, regional separatism, and legal nihilism, as well as developing unified approaches to law-making, remain highly relevant in theory and practice, especially in the context of current trends in federal construction and legislative updates. The purpose of this study is to provide a comprehensive analysis of the genesis of Russia's unified legal space and identify the historical, political, and legal factors that hindered its formation. The research methodology includes the historical and legal method of cognition, which allowed us to trace the evolution of the principle of the unity of the legal space from the 1990s to the present, and the formal legal method of cognition, which involved analyzing the norms of the Constitution of the Russian Federation (hereinafter referred to as the Constitution), federal laws, presidential decrees, and rulings of the Constitutional and Supreme Courts of the Russian Federation.

Keywords: unity of the legal space; legal foundations of the unity of the legal space; genesis of the unified legal space; constitutional and legal doctrine; Constitution of the Russian Federation.

Принцип единства правового пространства является одним из базовых принципов конституционной доктрины Российской Федерации (далее – РФ), нашедший свое отражение в части 2 статьи 4 Конституции [4, с. 71]. Упомянутая императивная норма закрепляет верховенство Конституции и федеральных законов на всей территории РФ¹. Нормативное содержание принципа единства правового пространства раскрывается, в том числе, через положения части 5 статьи 76 Конституции, предписывающей, что законы и нормативные акты субъектов РФ не могут противоречить федеральным законам, тем самым обеспечивая их субординацию в рамках единой правовой системы.

Однако следует подчеркнуть, что провозглашение указанных императивов в Конституции 1993 года не обеспечи-

ло их неукоснительной реализации в переходный период. Именно в 1990-е годы в России, на фоне смены парадигмы государственного управления и политической нестабильности, наблюдалась устойчивая тенденция к расхождению регионального законодательства с федеральным, что объективно ставило под угрозу единство правового пространства России. В этой связи, начиная с 1990-х годов, сохранение суверенитета и территориальной целостности России неизбежно утвердилось в системе стратегических приоритетов руководства страны.

Угрозу распаду государства выдвинула на первый план конфронтация между президентом РСФСР Ельциным Б. Н. и президентом СССР Горбачевым М. С., которые стремились в своей борьбе опереться на автономные образования. Горбачев М. С., стремясь сохранить единое, но децентрализованное государство, обещал руководству автономных республик повышение их статуса до уровня полноправных субъектов нового Союза – Содружества Суверенных Государств. В то время как Ельцин Б. Н. призывал союзные республики к обретению как можно большего суверенитета – вплоть до полной независимости от союзного центра. В результате большинство

1 Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ и от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. – 1993 (25 декабря); Собрание Законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

автономных республик и областей, за исключением Еврейской автономной области, заявили о своем суверенитете, оставаясь при этом в составе РСФСР. В ряде регионов, включая Республики Чечню и Татарстан, усилилось стремление к независимости, выраженное в требованиях выхода из состава Федерации. А такие Республики как Башкортостан и Саха-Якутия начали процесс постепенного выхода из состава РФ.

Причинами дезинтеграции правового пространства в России явились умножение круга субъектов законодательства, так как законы стали принимать не только федеральный парламент, но и парламенты региональные. Рост количества нормативно-правовых актов в целом. Признание частью национальной правовой системы принципов и норм международного права, международных договоров РФ [6, с. 13].

Указанные тенденции объективно поставили перед государством одну из наиболее острых и актуальных задач – сохранение территориальной целостности России. Вследствие чего, 31 марта 1992 года был подписан Федеративный договор², направленный на сохранение национального единства и в какой-то степени регулирующий отношения между субъектами РФ и федеральным центром. Он подтвердил суверенитет республик в составе России, а также определил статус краев, областей и городов Москвы и Санкт-Петербурга как субъектов Федерации. Его ключевое значение заключалось в четком разграничении компетенций между федеральными органами власти и органами власти республик, краев, областей, городов федерального значения, а также автономной области и автономных округов. Тем не менее, эти меры не смогли полностью решить все вопросы государственного устройства России и подавить националистические движения в ряде регионов. Несмотря на расширение прав субъектов Федерации, их реальное равноправие осталось нереализованным.

Фундамент конституционно-правовой системы России был заложен Конституцией 1993 года. Особое значение имеет статья 5, которая является неотъемлемой частью Основ конституционного строя. Эта статья определяет ключевые аспекты федеративного устройства страны: ее нерушимую целостность, единство государственной власти, разграничение компетенций между федеральными органами и органами власти субъектов, а также равенство всех субъектов и народов России в их праве на самоопределение. Важно отметить, что эти основополагающие принципы могут быть изменены только посредством принятия совершенно новой Конституции. Вопросы федеративного устройства России были охвачены статьями 65-79 Конституции. Другие ее положения также сыграли важную роль, определяя, например, механизмы урегулирования разногласий между органами государственной власти Федерации и ее субъектов, а также между органами власти внутри самих субъектов.

Несмотря на предпринятые меры, в своем Послании парламенту Президент Ельцин Б. Н. отмечал, что страна продолжает «жить в разреженном пространстве»³. Третей норма-

тивных правовых актов субъектов Федерации противоречили федеральному законодательству (по данным Министерства юстиции Российской Федерации 1999 г. (далее – Минюст России)) [6, с. 17-18]. В ответ на угрозу дезинтеграции правового пространства Конституционным Судом РФ была конкретизирована дефиниция единого правового пространства, нашедшая свое отражение в постановлении Конституционного Суда РФ от 12.04.1995 № 2-П, согласно которому «Единство государства предопределяет единство его правового, в том числе конституционного, пространства» [2, с. 99].

Правая природа единства государственной власти заключается в наличии единого управляющего центра или группы органов, формирующих совместно высшую власть. С юридической точки зрения, единство гарантируется тем, что общая компетенция этих органов охватывает все государственные функции, а также тем, что они не могут издавать взаимоисключающие предписания для одних и тех же субъектов в идентичных обстоятельствах. Конституция, согласно части 1 статьи 15, является непосредственно действующим источником права и интегрирована в правовую систему, функционируя самостоятельно без необходимости принятия дополнительных нормативных актов. Несмотря на это, многие конституционные нормы, в том числе касающиеся федеративных отношений, нуждаются в более детальной разработке и конкретизации.

Большое значение для становления и развития единого правового пространства на рубеже XX и XXI веков в России имела смена руководства страны. После победы 26 марта 2000 года Путина В. В. в выборах Президента РФ страна перешла к новому политическому курсу, ключевым фактором которого стало восстановление единого правового поля. Открыто заговорили о «правотворческом сепаратизме» [6, с. 16], что обусловило приоритетной задачей обеспечение единства правового пространства [5, с. 48].

Вскоре началось приведение региональных законов в соответствие с федеральными. Были приняты законы, укрепляющие «вертикаль власти» (например, право президента увольнять губернаторов, допустивших ошибки, и распускать местные парламенты). Губернаторы были лишены иммунитета как члены Совета Федерации, войдя в состав Государственного совета, совещательного органа при Президенте РФ. Были утверждены новые символы России, направленные на объединение общества, включая государственный гимн, герб и флаг. В целом, за первые несколько лет президентства Путина В. В. улучшилась политическая обстановка в стране, благодаря инициированию Президентом ряда законопроектов, направленных на укрепление государства, которые были приняты Государственной Думой. Кроме того, политики и лидеры бизнеса начали осознавать важность приоритета интересов страны над интересами партий, что привело к консолидации сил, выступающих в поддержку президентского курса реформ.

Борьба за территориальную целостность России поставила Президента выше внутрипартийных распри и борьбы между «левыми» и «правыми», создав предпосылки для национального примирения. В результате укрепилось сотрудничество и взаимопонимание между Президентом РФ и парламентом, что положительно повлияло на принятие ряда концептуальных законов. На встрече с представителями средств массовой информации была дана оценка социально-

2 Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации (вместе с Протоколом к Федеративному договору) от 31 марта 1992 г. // Федеративный договор: документы, комментарий. - М., 1994.

3 О действительности государственной власти в России: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию. - М., 1995. - С. 29.

экономической и политической ситуации в России. Были отмечены такие политические успехи как национальная целостность и стабильность, восстановление конституционного порядка и верховенства закона во всех регионах, положено начало судебной реформы, ускоренно внедрение уголовно-процессуального, гражданско-процессуального, трудового и других кодексов.

Независимо от предпринятых мер, формированию единого правового пространства России препятствовали возникающие правовые коллизии. Их основными взаимосвязанными причинами явились экономические проблемы, политическая борьба, плохое правовое качество, отсутствие смысла или координации нормотворческой деятельности, отсутствие соответствующей правовой культуры населения, сепаратизм и правовой нигилизм. Например, правовые коллизии вызывали неудобства в правоохранительной практике, затрудняли использование законодательства, что способствовало культивированию правового нигилизма, влияние которого нельзя недооценивать.

В начале 2000-х годов правовой нигилизм граждан в России привел к ряду последствий. Так, имело место совершение противоправных действий носителями правового нигилизма. Они, имея низкий уровень правоведения и правовой культуры, совершали их при полной уверенности в своей терпимости и правильности поведения. Если правовая культура имеет деструктивные элементы, то поведение юридического субъекта не соответствует ее нормам. В этом случае произвол и насилие доминируют в государстве и обществе, а граждане игнорируют правовые нормы, что ведет к деформации правовой культуры. Если закон содержит несправедливость, он не только не имеет исковой силы, но и создает условия для большего неуважения и несоблюдения закона. Вследствие этого правовой нигилизм, то есть отрицание права как социальной системы и системы правил поведения, препятствует формированию правового пространства. Однако, существует мнение, что правовой нигилизм имеет и положительный эффект, поскольку он, якобы, стимулирует развитие закона, выявляет его слабые стороны и приближает закон к социальным потребностям.

Серьезной помехой становлению единого правового пространства в России был сепаратизм с его направленностью на нарушение государственного суверенитета, единства и территориальной целостности российского государства. В частности, после распада СССР получили распространение такие проявления сепаратизма, влиявшие на единство правового пространства, как 1) верховенство Конституции и федеральных законов подвергалось сомнению в конституционном (уставном) законодательстве субъектов РФ; 2) принятие субъектами РФ актов в сферах, относящихся к исключительной компетенции РФ (регулирование прав и свобод человека, установление государственной границы, обеспечение целостности территории России); 3) спорная практика достижения соглашения о разграничении субъектов юрисдикции и власти, положения которых серьезно нарушают нормы Конституции; 4) приостановление действия Указов Президента РФ субъектами РФ, как противоречащих их интересам. Таким образом, в отсутствие эффективных механизмов правовой ответственности и должного уровня федерального принуждения, взаимодействие правового нигилизма населения и политико-правового сепаратизма привела к тому, что рос-

сийское правовое пространство в рассматриваемый период приобрело разрозненный характер.

В этой связи одними из ключевых вызовов для России в тот период становятся вопросы укрепления федеративных связей и поддержания единства правового поля. От того, насколько успешно будут решены эти задачи, зависела устойчивость страны. Сохранение территориальной целостности, реализация экономических преобразований, развитие демократических процессов, эффективность функционирования законодательства и иные аспекты государственного устройства находились в прямой зависимости от способности федерального центра восстановить единое правовое пространство и обеспечить верховенство Конституции на всей территории страны.

В первую очередь, требовалась разработка и принятие нормативных актов, регулирующих вертикальные связи между федеральными структурами власти и органами субъектов РФ. При их подготовке необходимо было учитывать незавершенность конституционных положений, касающихся данной сферы, а также то обстоятельство, что нормы, определяющие или уточняющие отношения между федеральным центром и субъектами РФ, зачастую формируются вне парламента, на основе двусторонних договоров между Федерацией и ее субъектами, указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, соглашений между субъектами Федерации, а также между ними и иностранными государствами или их территориальными образованиями. Общие и отдельные нормы, как правило, фиксировали наиболее значимые уступки центра тому или иному субъекту Федерации в той или иной области.

К сожалению, федеральная Конституция вряд ли способна была эффективно решить вызовы, порожденные предыдущей правовой практикой и сложившейся ситуацией. Поэтому, как полагалось, реформа федеративных отношений должна была охватить укрепление единства России как единого федеративного государства, формирование единых правовых стандартов на всей территории страны, налаживание координации законотворческой деятельности в регионах. Важным элементом являлось непрерывное осуществление конституционного принципа равноправия субъектов РФ в отношениях с органами центральной власти, что в перспективе должно было способствовать устранению растущего фактического политического и социально-экономического разрыва между субъектами. Вопросы оптимального разделения полномочий между Федерацией и ее субъектами также не остались без внимания. Для достижения этой цели требовалось более однозначное определение сферы ответственности Федерации и ее субъектов в вопросах совместного управления. Рассматривались варианты установления такого разграничения в рамках федерального отраслевого законодательства. Среди идей по совершенствованию российского федерализма были предложения о немедленной ликвидации национальной государственности и автономии, а также переходе к федерализму, основанному исключительно на территориальном принципе. Однако такие инициативы носят скорее провокационный характер, поскольку игнорирование национального фактора в российской федеративной системе может привести к последствиям, значительно тяжелее тех, что спровоцировал конфликт в Чеченской Республике.

В настоящее время формирующаяся и быстро развивающаяся правовая система России характеризуется следующими конституционными особенностями: установлена ее двухуровневая структура (федеральный и региональный уровни), которая является единой в рамках национальной правовой системы (статьи 1, 4 и 5 Конституции); четко проводится разделение исключительной юрисдикции Федерации и ее субъектов, а также определяется их общая юрисдикция (статьи 71 и 72 Конституции); гарантируется самостоятельность субъектов РФ в сфере законотворчества, наличие у них собственного конституционного (уставного) законодательства (часть 4 статьи 76 Конституции); установлен порядок разрешения правовых коллизий путем передачи их введение Федерации (пункт «п» статьи 71 Конституции) [8, с. 18].

Указом Президента РФ от 3 декабря 1994 года № 2147 «О мерах по совершенствованию юридического обеспечения деятельности Президента Российской Федерации»⁴ была введена процедура юридической экспертизы нормативных правовых актов субъектов РФ, а также определен орган, ответственный за ее проведение – Минюст России.

Дальнейшее усиление процесса приведения регионального законодательства в соответствие с федеральным было обусловлено Указом Президента РФ от 10 августа 2000 года № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации»⁵, в рамках которого Минюсту России была поручена функция ведения федерального реестра нормативных правовых актов субъектов РФ.

Интенсивное обновление законодательства на федеральном уровне требовало внесения поправок и в законодательство субъектов РФ, так как законодательство обоих уровней взаимосвязано. Единство и согласованность этих уровней являются важнейшим условием достижения целей реформ, обеспечения высокого уровня защиты прав и законных интересов всех субъектов права. В этой связи, мы не можем, не согласиться с мнением ученых, считающих, что формирование и развитие единого правового пространства в России связано с укреплением верховенства Конституции и федерального законодательства в целом, а также с созданием механизмов обеспечения соблюдения законодательства на различных уровнях [5, с. 21].

Истоки идеи единого правового пространства связаны с его статусом одного из ключевых конституционных принципов, положенных в основу построения конституционной системы, ориентированной на обеспечение суверенитета государства. Создание единого правового поля предполагает неукоснительное соблюдение фундаментальных норм поведения, закрепленных в конституционном законодательстве [7, с. 339].

Принцип единства правового пространства зафиксирован на высшем правовом уровне. Помимо Конституции, единство правового пространства обеспечивается рядом нормативных актов, включая Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»⁶, определяющий основы построения государственной власти и устанавливающий ключевые требования, предъявляемые к правовому статусу субъектов РФ. Также важную роль играет Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания»⁷, который регламентирует обязательные процедуры официального опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов на федеральном уровне.

Механизмом обеспечения единообразия правового пространства является координация и контроль деятельности государственных учреждений, направленной на обеспечение этого единообразия. Главная роль здесь принадлежит Президенту РФ, который реализует координационную функцию в отношении всех органов власти, в том числе через своих полномочных представителей на местах. Конституционный Суд РФ осуществляет проверку нормативных правовых актов на соответствие Конституции РФ, при выявлении несоответствий имея право признавать их нарушающими основной закон страны. Формированию единого правового пространства в России способствует сложившаяся судебная практика, в том числе разъяснения, содержащиеся в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ по вопросам судебной практики. К мерам, способствующим обеспечению единства правовой среды в стране, относятся и судебные акты, направленные на выстраивание единообразной практики применения закона (например, постановления Президиума Верховного Суда РФ, рассматривающие широкий круг правовых вопросов)⁸.

Ведущую роль в механизме обеспечения единства правового пространства играет Минюст России. К основным направлениям его деятельности в данной сфере следует отнести создание и ведение реестра федеральных законов и нормативных правовых актов субъектов РФ, проведение юридической и антикоррупционной проверки нормативных правовых актов субъектов РФ на соответствие федеральному законодательству, проведение проверки нормативных правовых актов (в случае признания акта не соответствующим Конституции выдается мотивированное экспертное заключение), проведение проверки территориальными органами Минюста России регионального законодательства по наиболее важным направлениям правового регулирования,

4 Указ Президента РФ от 03.12.1994 № 2147 «О мерах по совершенствованию юридического обеспечения деятельности Президента Российской Федерации» (вместе с Положением о Государственно-правовом управлении Президента Российской Федерации, Положением об обеспечении деятельности Института государства и права Российской академии наук в качестве Аналитического центра по правовой политике Президента Российской Федерации) // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3337.

5 Указ Президента РФ от 10.08.2000 № 1486 «О дополнительных мерах по обеспечению единства правового пространства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2000. - № 33. - Ст. 3356.

6 Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ. - 2025. - № 12. - Ст. 1200.

7 Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» // Собрание законодательства РФ. - 1994. - № 8. - Ст. 801

8 Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.2013 № 29-П «По делу о проверке конституционности абзаца первого пункта 1 статьи 1158 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. В. Кондрачука»; Ермаков А. Н., Щербакова Л. Г. Роль судов в обеспечении единого правового пространства Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. - 2024. - № 501. - С. 234.

при прохождении более шести месяцев после экспертизы осуществление повторной правовой проверки, обеспечивающей приведение нормативной базы субъекта в соответствие с федеральным законодательством.

Несмотря на созданную в России систему конституционного и нормативно-правового обеспечения единства правового пространства, она не является совершенной. Об этом свидетельствуют правовые нормы и системы, которые часто противоречат друг другу или не согласованы. Так, например, в 2020 году Арбитражный суд Московского округа рассматривал коллизию между частью 13 статьи 3 Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и частью 17 статьи 18.1 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Суду пришлось определять, может ли антимонопольный орган при рассмотрении жалобы учитывать нарушения, не заявленные в жалобе, что напрямую влияло на пределы контрольных полномочий государства [3, с. 9]. Это приводит к правовой неопределенности, затрудняет защиту прав граждан и создает сложности для правоприменителей.

Правовое неравенство субъектов РФ также подтверждают имеющиеся пробелы в законодательстве. Например, до 2000-х годов республики в составе РФ (Татарстан, Башкортостан, Саха-Якутия) обладали правом принимать собственные конституции и устанавливать государственные награды и почетные звания, тогда как края и области (например, Ставропольский или Пермский край), имея лишь уставы, таких прав не имели. Более того, Верховный Суд Республики Саха (Якутия) в 2009 году признал недействующими отдельные положения республиканского постановления о порядке обеспечения жильем детей-сирот, поскольку они противоречили федеральным гарантиям внеочередного предоставления жилья по договорам социального найма, установленным Жилищным кодексом РФ⁹. Это нарушает принцип равноправия субъектов РФ.

Сложность регионального нормотворчества требует соблюдения ограничений, налагаемых федеральными законодателями. Несоблюдение федерального законодательства является наиболее распространенной причиной признания недействительными правовых актов в регионах. Хрестоматийным примером здесь служит практика 1990-х годов, когда субъекты РФ принимали акты по вопросам исключительного ведения Федерации: регулирование прав и свобод человека (глава 2 Конституции Республики Башкортостан), учреждение собственных судебных систем (статья 86 Конституции Республики Саха (Якутия)), установление государственных наград (статья 23 Конституции Республики Татарстан).

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу о том, что дальнейшее развитие единого правового пространства России требует не точечного исправления имеющихся правовых коллизий, а системного подхода, основанного на единых стандартах и способного адаптироваться под реальные потребности государства и общества в современных условиях.

Пристатейный библиографический список

1. Ермаков А. Н., Щербакова Л. Г. Роль судов в обеспечении единого правового пространства Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. – 2024. – № 501. – С. 232-238.
2. Комарова В. В. Единство правового информационного пространства в России (современные средства достижения) // Информационная безопасность регионов. – 2012. – № 2 (11). – С. 98-103.
3. Краевский А. А. Темпоральные и содержательные коллизии в российском праве: правоприменительный аспект // Юридический вестник Самарского университета. – 2024. – Т. 10. № 4. – С. 7-14.
4. Новикова А. Е., Жорник А. М. Единство правового пространства как базовый принцип обеспечения стабильности конституционного строя Российской Федерации // Advances in Law Studies. – 2016. – Т. 4. № 3. – С. 68-75.
5. Пирбудагова Д. Ш., Габиева С. М., Рамазанова Х. В. Обеспечение единства правового пространства в условиях федеративной организации Российского государства: монография. – М., 2017. – 116 с.
6. Правовая жизнь общества и единое правовое пространство в Российской Федерации: монография / кол. авторов; под ред. А. В. Малько. – М.: Юстиция, 2025. – 446 с.
7. Санчат-оол И. В. Конституционно-правовой механизм обеспечения единства правового пространства России // Молодой ученый. – 2024. – № 52 (551). – С. 338-341.
8. Филиппов А. Н. Конституционно-правовой механизм обеспечения единства правового пространства Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2013. – 177 с.

⁹ Судебная практика рассмотрения административно-правовых коллизий между нормативно-правовыми актами Российской Федерации и субъектов России // Управление персоналом. Решение Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 10.11.2009 по делу № 3-47/09.

ЗАЙЦЕВ Михаил Александрович

аспирант, Сибирский институт управления (филиал), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Новосибирск

ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ ГРАЖДАН В УСЛОВИЯХ ЦИВРОВИЗАЦИИ

В статье рассматриваются гарантии защиты персональных данных граждан в условиях цифровизации Российской Федерации. На основе статистики киберпреступлений за 2025 год обосновывается необходимость совершенствования правового механизма защиты персональных данных. Анализируются нормативные, доктринальные источники, посвященные данной тематике, а также практические инструменты, включая обезличивание данных. Анализируются заседания секций Петербургского международного юридического форума, а также мнения правоведов по указанному вопросу. Отмечаются проблемы института согласия субъекта на обработку персональных данных, в частности отсутствие в законе предельного срока его действия. Предлагается введение четкого срока действия согласия (три года), создание единого электронного реестра согласий на базе портала государственных услуг, а также дифференциация ответственности операторов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей) с ранжированием штрафов. Дополнительно обосновывается необходимость введения добровольной денежной компенсации субъекту со стороны оператора за доказанное нарушение, вместо взыскания компенсации морального вреда в судебном порядке. Такие механизмы действий будут ориентированы на бережное отношение операторов и субъектов к персональным данным. Делается вывод о том, что указанные меры направлены на снижение рисков утечек и обеспечение национальной безопасности.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, персональные данные, конституционные права, правовые гарантии.

ZAITSEV Mikhail Alexandrovich

postgraduate student, Siberian Institute of Management (Branch), Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Novosibirsk

GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF PERSONAL DATA IN THE CONTEXT OF CIVILIZATION

This article examines guarantees for the protection of citizens' personal data in the context of the digitalization of the Russian Federation. Based on cybercrime statistics for 2025, the need to improve the legal mechanism for personal data protection is substantiated. Regulatory and doctrinal sources on this topic, as well as practical tools, including data anonymization, are analyzed. Sessions of the sections of the St. Petersburg International Legal Forum, as well as the opinions of legal experts on this issue, are analyzed. Problems with the institution of a subject's consent to the processing of personal data are noted, in particular the lack of a legal deadline for its validity. The article proposes the introduction of a clear consent validity period (three years), the creation of a unified electronic register of consents based on the government services portal, and the differentiation of the liability of operators (legal entities and individual entrepreneurs) with a ranking of fines. Additionally, the need to introduce voluntary monetary compensation to the subject by the operator for a proven violation, instead of collecting compensation for moral damages through the courts, is substantiated. Such action mechanisms will be focused on ensuring that operators and subjects handle personal data with care. It is concluded that the measures taken are aimed at reducing the risk of leaks and ensuring national security.

Keywords: digitalization, information technology, personal data, constitutional rights, legal guarantees.

Введение

Вследствие стремительного развития цифрового пространства Российской Федерации, одним из ведущих остается вопрос обеспечения сохранности и защиты персональных данных граждан при использовании информационных технологий, а также обработке цифровых данных. Федеральный закон «О персональных данных»¹ (далее - ФЗ «О персональных данных») относит к таким данным любую информацию, относящуюся непосредственно или опосредованно к субъекту персональных данных. К сожалению, даже при наличии действующих правовых и технических инструментов обеспечения сохранности персональных данных граждан, не исключены противоправные посяательства, направленные на их незаконное получение, распространение, даже на сегодняшний день. Преступное сообщество с каждым днем становится все более изощренным, преследуя цель заполучения этих данных в своих корыстных целях. Данная проблематика все чаще вынуждает уполномоченные органы выявлять де-

фектные места в действующем механизме правового регулирования для обеспечения безопасности и сохранности персональных данных граждан. Разработка новых инструментов или механизмов обсуждается правоведами постоянно. Ведь перспектива развития института защиты от распространения персональных данных граждан приведет к сокращению правонарушений и преступлений в данной области. Согласно статистики МВД России за 2025 год в Российской Федерации зафиксировано 663 тысячи киберпреступлений². По оценке Сбербанка в денежном выражении кибермошенники за 2025 год похитили у россиян порядка 275-295 миллиардов рублей³. Такая мрачная статистика является еще одним аргументом, выступающим за детальную защиту персональных данных граждан от неправомерного завладения и

1 Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» от 27 июля 2006 года // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 от 31 июля 2006 г. (Части I-II). Ст. 3451.

2 «МВД: число киберпреступлений в России снизилось на 12 % в 2025 году» // Коммерсантъ. 18 февраля 2026 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/8442339> (дата обращения: 30.03.2026).

3 «Сбер» раскрыл, сколько средств мошенники похитили у россиян за год» // РБК. 29 января 2026 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/finances/29/01/2026/697b2a379a7947671694187e> (дата обращения: 30.03.2026).

распространения, поскольку она уже переходит в проблематику национальной безопасности. Следовательно, основным стремлением государства в данных условиях выступает обеспечение защиты прав и свобод граждан, в том числе при использовании информационных технологий, а также обработке цифровых данных.

Гарантии обеспечения сохранности и защиты персональных данных

Главным гарантом сохранности персональных данных выступает Конституция Российской Федерации⁴, декларирующая каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, запрет на сбор, хранение, использование и распространение информации без согласия лица о его частной жизни и иные. Для обеспечения соблюдения конституционных гарантий законодателем предусмотрены различные правовые инструменты, закрепленные в действующих нормативных правовых актах. Так, ФЗ «О персональных данных», имеющий своей целью обеспечение защиты прав и свобод человека и гражданина, в том числе права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, определяет порядок сбора, систематизации, хранения, использования, распространения персональных данных. Одним из защитных инструментов выступает «обезличивание» данных установленными законом методами (Приказ Роскомнадзора от 19.06.2025 г. № 140; Постановление Правительства Российской Федерации от 1 августа 2025 г. № 1154). Однако, обезличенные данные не перестают быть персональными, считает партнер Юридической фирмы АЛРУД Мария Осташенко⁵. По задумке законодателя доступ к таким данным будет возможен посредством специального «ключа», без которого обезличенные данные невозможно трансформировать (прочитать), преобразовать, использовать. Созданием и хранением такого ключа будет озадачен оператор, которым по смыслу ФЗ «О персональных данных» является любое физическое, юридическое лицо или государственные, муниципальные органы, осуществляющие и (или) организующие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки, состав и действия (операции), совершаемые с данными. По нашему мнению, обезличивание данных должно происходить с самого начала их обработки и храниться у оператора уже в преобразованном виде. Необходимо минимизировать временные интервалы процесса обезличивания для того, чтобы персонализированные данные как можно меньше находились в таком виде у оператора. В случае их кражи или утечки уменьшится «ценность» данных для третьих лиц, поскольку они не смогут иметь к ним полноценный доступ без специального «ключа» и, соответственно, выйти на субъекта персональных данных. Алексей Мунтян, соучредитель Ассоциации профессионалов в области приватности, предложил свои критерии технологии защищенной обработки данных, которая заключается в 4-х аспектах: обработка синтетических данных, вместо персональных; дифференцированная приватность; конфиденциальное вычисление; гомоморфное шифрование⁶. Также при работе с персональными данными необходимо ответственное поведение со стороны операторов, их бережное и уважительное отношение к данным пользователей. Для создания подобных условий необходимы большие кадровые и

финансовые затраты. По предложению Милоша Вагнера, заместителя руководителя Роскомнадзора, крупным компаниям необходимо предоставлять мелким компаниям помощь в хранении (обработке) данных⁷. На наш взгляд, данные методы могут быть оправданными по причине того, что не у каждой организации, которая осуществляет сбор, хранение, обработку данных есть необходимые для этого ресурсы. Такая помощь могла бы происходить в техническом плане, например посредством предоставления доступа к своим серверам для хранения, обработки информации, разработке правил и применении на практике механизмов работы с данными, кураторства в данном направлении, а также иными средствами.

В соответствии с законом обработка персональных данных субъектов осуществляется только в предусмотренных законом случаях. Наиболее распространенным средством для получения доступа операторами к персональным данным является согласие субъекта на их сбор, хранение, использование и иное. Примечательно, что срок действия данного субъектом согласия в законе не установлен, имеется лишь оговорка о том, что он должен быть установлен в самом согласии (ст. 9 ФЗ «О персональных данных»). Зачастую можно встретить такие формулировки как: «действует бессрочно», «действует до отзыва согласия», и даже «действует до момента смерти субъекта». Указанные формулировки не могут полноценно воплотить установленную законом цель, поскольку они определяют перманентный процесс взаимодействия оператора с данными субъекта. По мнению Милоша Вагнера, необходимо задуматься о том, чтобы отказаться от получения согласия на обработку данных, либо установить в законе четкий перечень случаев, когда его можно истребовать⁸. Со слов руководителя направления персональных данных Главного радиочастотного центра Екатерины Ефимовой, требуется сбор только тех данных, которых достаточно для выполнения трудовых функций и не более⁹. Руководитель юридической практики ПАО «Т плюс» Нина Дялева предлагает убрать согласие на обработку персональных данных с первого места на последнее в ст. 6 ФЗ «О персональных данных»¹⁰. По нашему мнению, помимо вышеуказанных позиций, также следует установить в законе четкий срок действия такого согласия, например 3 года с даты крайней востребованности при взаимодействии субъекта данных с оператором, за исключением предусмотренных законом случаев обработки. Длительность такого срока обусловлена закрепленным в Гражданском кодексе¹¹ общим сроком исковой давности, а также установленным налоговым законодательством сроком получения социальных налоговых вычетов. По истечении установленного срока оператору необходимо будет заблаговременно уведомить субъекта об уничтожении данных, допустим за один месяц до даты окончания срока, и в случае невостребованности стереть (удалить) данные пользователя, в том числе обезличенные, хранящиеся у него в электронном виде.

7 Там же.

8 XII Петербургский международный юридический форум. Секция «Персональные данные – зона особого внимания». 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roscongress.ru/sessions/splf-2024-delovaya-programma-personalnye-dannye-zona-osobogo-vnimaniya/translation/#scroll> (дата обращения: 30.03.2026).

9 XIII Петербургский международный юридический форум. Секция «Защита персональных данных – стимул или барьер для развития технологий». 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roscongress.ru/sessions/splf-2025-delovaya-programma-zashchita-personalnykh-dannykh-stimul-ili-barer-dlya-razvitiya-tekhnologiy/translation/#scroll> (дата обращения: 30.03.2026).

10 Там же.

11 «Гражданский кодекс Российской Федерации» от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32 от 5 декабря 1994 г. Ст. 3301.

4 Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 года. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

5 XIII Петербургский международный юридический форум. Секция «Защита персональных данных – стимул или барьер для развития технологий». 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roscongress.ru/sessions/splf-2025-delovaya-programma-zashchita-personalnykh-dannykh-stimul-ili-barer-dlya-razvitiya-tekhnologiy/translation/#scroll> (дата обращения: 30.03.2026).

6 Там же.

Со слов Александра Журавлева, председателя комиссии по правовому обеспечению цифровой экономики московского отделения Ассоциации юристов России, необходимо информировать субъекта о нахождении его данных у оператора не реже одного раза в год¹². Для достижения эффективности указанных действий допустима возможность создания единого электронного реестра согласий, содержащего в себе информацию о всех предоставленных субъектом согласий на обработку его данных любым операторам, с возможностью их удаленного электронного отзыва по инициативе субъекта, уведомления субъекта об их наличии, а также указания на истечение срока хранения, обработки данных у оператора. Причем содержаться в данном реестре будут как электронные согласия субъекта, так и предоставленные им согласия операторам в бумажном виде. Реализацию такого реестра возможно осуществить посредством портала государственных услуг Российской Федерации, которые уже содержат у себя информацию по предоставленным государственным органам согласий в электронном виде, но без создания единого реестра. Такие действия будут ориентированы на бережное отношение субъектов к своим персональным данным и направлены на возможность самостоятельного контроля за предоставленными операторам согласия. Ведь самой надежной защитой персональных данных является ответственное поведение самого субъекта за контролем по предоставлению, обработке, хранению, использованию данных. Такой механизм должен обеспечить преждевременность недопущения совершения незаконных действий третьих лиц с персональными данными граждан в случае их незаконного распространения или утечки.

В качестве стимулирующего фактора предусмотрена административная ответственность за несоблюдение операторами законодательства в области персональных данных, предусматривающая наложение штрафа. Причем в случаях, предусмотренных Кодексом¹³, законодатель не разграничивает уровень ответственности юридических лиц с ответственностью индивидуальных предпринимателей и вменяет им одинаковые размеры штрафов. Хотя уровень технического оснащения и объем кадрового резерва не сопоставимы в сравнении между юридическим лицом и индивидуальным предпринимателем. Необходима дифференциация операторов на высокоранговых и низкоранговых, которая позволит в каждом конкретном случае определять характер и степень ответственности операторов в случае выявления правонарушения. В связи с этим законодательно необходимо ввести ранжирование ответственности между ними за одно и то же правонарушение в области персональных данных. Также дополнительным стимулированием по соблюдению законодательства в области персональных данных может стать добровольная денежная компенсация субъекту со стороны оператора за доказанный надзорным органом факт несоблюдения им норм в области обработки, хранения, передачи данных. Здесь также возможен дифференцированный подход, в зависимости от вида и объема данных, которые попали к третьим лицам без согласия субъекта. На сегодняшний день такая компенсация возможна лишь в случае взыскания морального вреда с оператора в судебном порядке.

Заключение

12 XII Петербургский международный юридический форум. Секция «Персональные данные – зона особого внимания». 2024. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roscongress.ru/sessions/splf-2024-delovaya-programma-personalnye-dannye-zona-osobogo-vnimaniya/translation/#scroll> (дата обращения: 30.03.2026).

13 «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 от 7 января 2002 г. Ст. 1.

Проведенный анализ показывает, что действующая система правового регулирования обработки и защиты персональных данных в условиях цифровизации не в полной мере соответствует современным вызовам. Конституционные гарантии и положения ФЗ «О персональных данных» дополняются техническими инструментами, такими как обезличивание, однако практическая эффективность последнего снижается из-за отсутствия механизма обязательного нахождения данных в обезличенном виде у оператора с самого начала обработки.

Наиболее уязвимым элементом остается институт согласия субъекта на обработку персональных данных. Отсутствие в законе предельного срока действия согласия, а также широкое использование формулировок о бессрочном характере такого согласия фактически лишают субъекта возможности реально контролировать свои данные. В связи с этим обоснованным представляется введение в ФЗ «О персональных данных» четкого срока действия согласия (например, три года с даты последнего взаимодействия), а также создание единого электронного реестра согласий на базе портала государственных услуг, обеспечивающего субъекту возможность удаленного отзыва согласия и получения уведомлений о нахождении и информации об истечении сроков хранения данных.

Кроме того, существующая система ответственности операторов требует дифференциации: в настоящее время законодательство не во всех случаях разграничивает юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при назначении штрафов, что не учитывает разницу в их технических и кадровых возможностях. Целесообразно введение ранжирования ответственности в зависимости от ранга оператора. Дополнительным стимулом могло бы стать закрепление обязанности оператора выплачивать субъекту добровольную денежную компенсацию за доказанный факт нарушения, а не только возможность взыскания морального вреда через суд.

Таким образом, совершенствование законодательства в области персональных данных должно идти по пути конкретизации сроков, создания публичных реестров согласий, дифференциации ответственности операторов и внедрения внесудебных механизмов компенсации. Указанные меры направлены на снижение рисков утечек и незаконного распространения персональных данных, что в конечном счете отвечает задачам обеспечения национальной безопасности.

Пристатейный библиографический список

1. Мартынов А. В., Ширеева Е. В. Правовой режим синтетических данных, используемых в деятельности органов исполнительной власти // *Lex Russica*. 2025. № 11. С. 54-69.
2. Даниленко А. О. Правовое регулирование государственных информационных систем субъектов Российской Федерации и гарантии конституционных прав граждан // *Журнал российского права*. 2025. № 10. С. 184-195.
3. Мартынов А. В., Ширеева Е. В. Понятие и виды синтетических данных: к вопросу о необходимости правового регулирования в российском законодательстве // *Журнал российского права*. 2025. № 11. С. 135-148.

ЗОТОВА Карина Валерьевна

доцент кафедры философии и истории, Академия ФСИН России

ТУАРМЕНСКАЯ Анжела Валерьевна

доцент, Институт иностранных языков, Рязанский государственный университет

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ В АГРЕССИВНОМ ПОВЕДЕНИИ МОЛОДЁЖИ: ПО РЕЗУЛЬТАТАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА СТУДЕНТОВ ЮРИДИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

В статье анализируются данные социологического опроса, проведённого среди студентов первого курса, с целью определения места социологических факторов в системе поведенческих реакций учащейся молодёжи. Результаты исследования позволили определить систему представлений студентов об агрессивном поведении молодёжи, а также выявить его структуру. Исследуемые респонденты на первое место среди рассматриваемых причин агрессии поставили психологические факторы, влияющие на деструктивное поведение молодёжи. Социальные факторы агрессивного поведения заняли вторую позицию. Среди ведущих факторов оказались «агрессия в семье», «недостаток родительской любви», «наркозависимость», «пропаганда насилия в социальных сетях» и «буллинг». В результате исследования были выявлены гендерные особенности в ответах обучаемых. Сравнительный анализ ответов студентов-юристов и будущих психологов выявил чётко выраженную профессиональную окраску ответов респондентов.

Ключевые слова: социологическое исследование, молодёжь, агрессивное поведение, социальные факторы.

ZOTOVA Karina Valerjevna

associate professor of Philosophy and history sub-faculty, Academy of the FPS of Russia

TUARMENSKAYA Angela Valerjevna

associate professor, Institute of Foreign Languages, Ryazan State University

ON THE QUESTION OF THE PLACE OF SOCIAL FACTORS IN THE AGGRESSIVE BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE: ACCORDING TO THE RESULTS OF A SOCIOLOGICAL SURVEY OF LAW STUDENTS

The paper analyzes the data of a sociological survey conducted among first-year students in order to determine the place of sociological factors in the system of behavioral reactions of students. The results of the study made it possible to determine the students' system of ideas about the aggressive behavior of young people, as well as to identify its structure. The respondents under study put psychological factors influencing the destructive behavior of young people in the first place among the considered causes of aggression. Social factors of aggressive behavior took the second position. Among the leading factors were "aggression in the family", "lack of parental love", "drug addiction", "propaganda of violence on social networks" and "bullying". As a result of the study, gender characteristics were identified in the responses of the trainees. A comparative analysis of the responses of law students and future psychologists revealed a clearly expressed professional coloring of the respondents' responses.

Keywords: sociological research, youth, aggressive behavior, social factors.

Введение

Агрессивное поведение индивида в социуме представляет собой актуальную проблему, выступающую в качестве предмета целого спектра социальных и гуманитарных дисциплин. Особенную важность она приобретает при изучении поведенческих стратегий молодёжи – особой демографической страты, характеризующейся многоаспектным процессом социального становления [2]. Комплекс причин, провоцирующих агрессивное поведение, очень часто не сводится к характеристикам личности, либо социальным процессам. Являясь многофакторным, он нуждается во всестороннем анализе и тщательном изучении [1], [3], [4].

Данное исследование представляет собой попытку дать учащейся молодёжи высказаться об агрессивном поведении своих сверстников, что, в свою очередь, позволит актуализировать наши знания о рассматриваемой проблеме.

Краткий обзор исследований. Рассмотренное в статье исследование было проведено в апреле 2025 года на базе Института Академии ФСИН России. Всего в генеральную совокупность вошёл 101 студент. Основная масса опрошенных обучается по направлению «юриспруденция» (94 человека) из них 69 девушек и 25 юношей. Для проверки результатов исследования была создана контрольная группа из 7 девушек, обучающихся по направлению «психология». В сплошную выборку попали студенты первого года обучения по направлениям – «юриспруденция» и «психология». Выбор студен-

тов именно начального периода обучения был обусловлен желанием исследователей минимизировать возможное влияние начинающейся профессиональной деформации на ответы респондентов.

Методы работы

В качестве базовых в работе были использованы системный и сравнительный подходы. Системный подход к исследованию агрессивного поведения, позволяющий изучить структуру данного феномена, выделить его составляющие элементы и взаимосвязи. Использование сравнительного подхода дало возможность соотносить ответы студентов, обучающихся по направлениям «юриспруденция» и «психология». Описанные подходы определили комплекс использованных исследовательских методов. Опросные методы (интервью, анкетирование) применялись для сбора первичной социальной информации. Ведущий метод анкеты – способ ранжирования внёс вклад в выявлении важных и отсеивания второстепенных факторов агрессивного поведения [5].

Результаты и их обсуждение

В сентябре 2024 года на базе института Академии ФСИН среди обучающихся был проведён пилотный опрос с целью определения наиболее часто встречающихся причин агрессивного поведения молодёжи. Первичные результаты диагностики позволили определиться с генеральной сово-

Таблица 1. Социальные факторы, влияющие на агрессивное поведение молодёжи

Факторы, влияющие на агрессивное поведение молодёжи	Студенты-юристы девушки (%)	Студенты-юристы юноши (%)	Студенты-юристы среднее (%)	Студенты-психологи (%)	Средние результаты двух групп (%)
Агрессия в семье	43,5	32	40,4	28,6	39,6
Недостаток родительской любви	10,1	20	12,7	42,8	14,8
Непоследовательное воспитание	5,8	12	7,4	0	10
Низкий соц.-эконом. статус семьи	1,4	4	2,1	0	2
Насилие в фильмах, играх	4,3	0	3,2	0	3
Принадлежность к агрессивной группе	5,8	4	5,3	0	5
Буллинг	20,3	20	20,2	14,3	20
Отсутствие друзей и поддержки	2,9	4	3,2	0	3
Пропаганда насилия в соц. сетях	2,9	0	2,1	14,3	3
Культура насилия	1,4	4	2,1	0	2
Гендерные стереотипы	1,4	0	1	0	1
Неравенство и дискриминация	0	12	3,2	0	3
Безработица	0	0	0	0	0
Бедность и неравенство	1,4	4	2,1	0	2
Отсутствие самореализации	0	0	0	0	0
Перенаселенность	0	0	0	0	0
Доступность оружия	0	4	1	0	1
Употребление алкоголя	1,4	0	1	0	1
Наркозависимость	10,1	16	12,7	0	11,9

купностью будущего исследования и методами сбора и систематизации данных. Пилотная анкета была доработана и апробирована. В качестве основного метода обработки информации было избрано ранжирование. Первичное исследование позволило наполнить вопросы анкеты актуальным содержанием. Первые три вопроса опросника касались базовых направлений агрессивного поведения. Последний вопрос должен был подтвердить валидность ответов студентов на первые три.

В работе подробно будет проанализирован третий вопрос анкеты, рассматривающий социальные причины агрессии. В результате пилотного исследования в него были выбраны девятнадцать вариантов ответа: агрессия в семье; недостаток родительской любви и внимания; непоследовательное воспитание; низкий социально-экономический статус семьи; насилие в фильмах, играх и на телевидении; принадлежность к агрессивной группе; буллинг (травля, агрессивное преследование); отсутствие друзей и поддержки со стороны ближайшего окружения; пропаганда насилия в социальных сетях; культура насилия; гендерные стереотипы; неравенство и дискриминация; безработица; бедность и неравенство в доходах; отсутствие возможностей для самореализации; перенаселенность; доступность оружия; употребление алкоголя; наркозависимость (таблица 1).

На первое место основная масса студентов-юристов и поместила «агрессию в семье» (40,4 %). При этом данный вид социальных факторов превалирует в ответах девушек-юристов (43,5 %) и только трети выборов юношей-юристов (32 %). Причём данный фактор формирования агрессивного поведения занял только вторую позицию у студентов-психологов (28,6 %).

С точки зрения представителей контрольной группы важнейшим социальным фактором стал «недостаток родительской любви» (42,8 %). Таким образом, мы наблюдаем различные результаты у студентов двух направлений, что вполне согласуется с результатами прежних опросов [3], [6].

Первые четыре варианта – агрессия в семье; недостаток родительской любви и внимания; непоследовательное воспитание; низкий социально-экономический статус семьи –

представляют собой совокупность влияния малой социальной группы на формирование поведения индивида. Если мы плюсуем ответы студентов, то получаем следующую картину. 62,6 % студентов-юристов и 71,4 % студентов-психологов определяют семью как важнейший фактор формирования агрессивного поведения молодёжи. У контрольной группы фактор семьи выглядит ещё более рельефно, чем у будущих юристов.

«Буллинг» в ответах студентов-юристов занял вторую строчку с 20,2 %. Мы можем отметить, что и девушки, и юноши практически единодушны в своих ответах. Студенты-психологи дали этому фактору 14,3 %. Таким образом, второй условный блок (принадлежность к агрессивной группе, буллинг, отсутствие друзей и поддержки со стороны ближайшего окружения), в большей или меньшей степени касающийся другой малой группы – учебного коллектива занимает 28 % ответов студентов двух групп.

Следующий условный блок объединяет факторы, влияющие на поведение студентов из медийного пространства (насилие в фильмах, играх и на телевидении; пропаганда насилия в социальных сетях). 5,3 % студентов-юристов и 14,3 % студентов-психологов склонны видеть в экранном насилии причину агрессии молодёжи.

Блок, содержащий варианты с зависимостями (алкогольной и наркотической) набрал 13,7 % ответов студентов-юристов и ни одного выбора у студентов-психологов. При этом «наркозависимость» указывают в основном юноши – 16 %. У девушек эпизодически в ответах встречается алкоголизм – 1,4 %. Это один из немногих ответов, где так рельефно наблюдается гендерная специфика.

«Безработица», «бедность и неравенство» практически не считаются студентами в качестве факторов агрессивного поведения. Всего 2 % опрошенных указывают на них в своих ответах.

В следующий блок можно объединить факторы дискриминации человека. «Неравенство и дискриминацию» выбрали 12 % юношей, девушки-респонденты не указали на данный фактор. В тоже время гендерные стереотипы выбрали 1,4 % девушек-юристов.

Таблица 2. Выбор социальных факторов агрессии

Вид фактора	Студенты-юристы девушки (%)	Студенты-юристы юноши (%)	Студенты-юристы среднее (%)	Студенты-психологи (%)	Средние результаты двух групп (%)
Социальный (1 место)	44,9	44	44,6	42,8	44,5
Социальный (2 место)	46,4	32	42,5	28,5	41,6
Социальный (3 место)	10,1	4	8,5	28,5	9,9

Таблица 3. Ранги групп факторов агрессии

Вид фактора	Студенты-юристы девушки (%)	Студенты-юристы юноши (%)	Студенты-юристы среднее (%)	Студенты-психологи (%)	Средние результаты двух групп (%)
Биологический	3	0	2,1	0	1
Психологический	52,1	56	53,2	71,4	54,4
Социальный	44,9	44	44,6	28,5	44,5

И ещё один фактор показал гендерную разницу в ответах – это «доступность оружия». Его выбирали исключительно юноши – 4 %.

Такие факторы как: «безработица», «перенаселённость», «отсутствие самореализации» не выбрал ни один респондент.

Второй момент нашего исследования касался частоты выбора социальных причин агрессии при ранжировании. Были отработаны три первых выбора студентов. Если мы будем сравнивать первый выбор, то примерно равное количество студентов-юристов (44,6 %) и студентов-психологов (42,8 %) поставили социальные факторы на первое место (таблица 2).

Последний блок анализа касался ранга целого изучаемого направления возможных причин агрессии (таблица 3).

В начале исследования предполагалось, что будущие психологи будут рассматривать психологические факторы в качестве ведущих причин агрессии (71,4 %). Будущая профессиональная деятельность не могла не наложить отпечаток на ответы респондентов. Примечателен факт, что профессиональная направленность личности, таким образом, проявила себя уже на первом годе обучения. Можно предположить, что на последующих курсах влияние профессионального выбора будет проявляться ещё рельефней. Кроме того, данный вопрос помог разрешить основную интригу исследования о месте психологических факторов в представлениях будущих юристов о природе агрессии. Женская часть контингента будущих юристов также разместила фактор психологии на первую позицию, но уже не с таким подавляющим перевесом, как у психологов – 52,1 %. Примерно подобные цифры мы можем наблюдать и у юношей – 56 %.

Можно с уверенностью утверждать, что для студентов психологического направления не возникал вопрос о месте психологических факторов в агрессивном поведении. У студентов-юристов наблюдается более сложная картина. Отсутствие чёткой профессиональной ориентации в данном вопросе допускает разночтения в определении факторов агрессивного поведения. Студенты-юристы в своих ответах допускают значительное влияние на агрессивное поведение молодёжи социальных факторов (44,5 %).

Заключение

Итоги исследования позволяют нам сделать вывод о том, что социальные факторы рассматриваются респондентами в качестве наиболее важных при определении причин агрессивного поведения. Однако основная масса опрошенных в качестве ведущих рассматривает психологические факторы. Но если у студентов-юристов – это чуть более половины, то у будущих психологов почти две трети. Биологические факторы агрессии выбрали единицы девушек-юристов.

Кроме того, среди ведущих факторов агрессивного поведения студенты-юристы поставили «агрессию в семье», «недостаток родительской любви», «наркозависимость» и «буллинг», а студенты-психологи добавили «пропаганду насилия в социальных сетях».

Пристатейный библиографический список

1. Артюшина А. А., Туарменский В. В. Молодежный экстремизм как острая проблема современного общества // Наука молодых - будущее России: сборник научных статей 7-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых (Курск), 12-13 декабря 2022 года. Том 3. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – С. 16-19. – EDN OYRGJX.
2. Кострова Ю. Б., Туарменский В. В., Шибаршина О. Ю. Социальная и профессиональная адаптация подростков и молодежи // Реестр новых научных направлений. Том I. – М.: ИД «Академия Естествознания», 2018. – С. 189-190. – EDN VTXHUY.
3. Туарменский В. В., Сальникова И. В., Заричный Ф. Ф., Кошелева Л. Н. Конфликтология: учебное пособие / под общей редакцией В. В. Туарменского. – Рязань: МПСИ, 2010. – 106 с. – EDN NDBUIC.
4. Туарменский В. В., Лабузова К. Н., Маслова А. В., Самошина А. А. Россия и мир в суждениях студентов // Студенческий научный поиск - наука и образованию XXI века: материалы VIII-й Международной студенческой научно-практической конференции, Рязань, 22 апреля 2016 года. – Рязань: Автономная некоммерческая организация высшего образования «Современный технический университет», 2016. – С. 243-247. – EDN FKHDQO.
5. Туарменский В. В., Горнов В. А. Педагогическая социология: Курс лекций. – Рязань: Рязанский государственный педагогический университет им. С. А. Есенина, 2004. – 123 с. – EDN ETEFBW.
6. Туарменский В. В., Кондрашова Н. П. Проблема насилия в СМК // Цифровизация экономики и общества: проблемы, перспективы, безопасность: материалы Международной научно-практической конференции. В 2-х т., Донецк, 29 марта 2019 года. Том 2. – Донецк: Цифровая типография, 2019. – С. 214-220. – EDN PEYBMJ.

АМЕЛИЧКИН Артем Валерьевич

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-культурной деятельности и педагогики, Орловский государственный институт культуры

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ТУРИЗМ КАК ЗНАЧИМОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ ВНУТРЕННЕГО ТУРИЗМА

В статье рассматривается гастрономический туризм как значимое направление развития внутреннего туризма, на примере Орловской области. Установлено, что он активизирует региональную экономику за счет создания рабочих мест, привлекает туристов уникальными фестивалями, гастрономическими турами, дегустационными экскурсиями и мастер-классами. Гастрономический туризм повышает привлекательность территории, формируя региональную идентичность, помогая глубже, познакомиться с культурой региона через призму местной кухни и традиций приготовления блюд с использованием локальных продуктов. Орловская область активно развивает гастрономический туризм, опираясь на существенный туристско-рекреационный потенциал и крупный агропромышленный комплекс.

Ключевые слова: туризм, внутренний туризм, гастрономический туризм, гастрономическая продукция, гастрономическая традиция, фестиваль.

Амеличкин А. В.

AMELICHKIN Artem Valerjevich

Ph.D. in pedagogical sciences, associate professor, Head of Socio-cultural activities and pedagogy sub-faculty, Orel State Institute of Culture

GASTRONOMIC TOURISM AS A SIGNIFICANT AREA OF DOMESTIC TOURISM DEVELOPMENT

The article considers gastronomic tourism as a significant area of development of domestic tourism in the region, using the example of the Orel region. It has been established that it activates the regional economy by creating jobs, attracts tourists with unique festivals, gastronomic tours, tasting tours, and master classes. Gastronomic tourism increases the attractiveness of the territory, forming a regional identity, helping to become more familiar with the culture of the region through the prism of local cuisine and traditions of cooking using local products. The Orel region is actively developing gastronomic tourism, relying on significant tourist and recreational potential and a large agro-industrial complex.

Keywords: tourism, domestic tourism, gastronomic tourism, gastronomic products, gastronomic tradition, festival.

Гастрономический туризм стремительно развивается во всем мире, превращаясь в значимый элемент путешествия, предлагая туристам знакомство с культурой региона через местную кухню. Данная тенденция набирает популярность, связанную со стремлением туристов к уникальным впечатлениям, через знакомство с особенностями производства продукции, дегустациями, посещением мастер-классов и другими яркими гастрономическими открытиями. Российские регионы представлены богатой палитрой гастрономических туров, предлагая уникальные местные блюда от кавказских кухонь и морепродуктов Дальнего Востока до блюд Татарстана и Калмыкии. В числе лидеров гастрономического туризма Сочи, Владивосток, Казань, Калининград, Астрахань, Мурманск, развивающие событийную гастрономию. Очевидно, что российские регионы обладают огромным потенциалом в этой сфере, т.к. путешественники получают шанс не просто попробовать новые блюда, а через них прикоснуться к истории, традициям и самобытности территории. Богатое кулинарное наследие нашей страны, ее биоразнообразие, развитое сельскохозяйственное производство, уникальные рецепты, вековые традиции приготовления пищи создают идеальные условия для его развития. Туристы получают возможность не просто попробовать блюда, а прожить их историю, т.е. поучаствовать в мастер-классах, побывать на фермах и рынках, окунуться в атмосферу народных праздников, посетить гастрономические фестивали. Всё это превращает гастрономический туризм в мощный инструмент культурного обмена, который одинаково интересен и иностранцам, и жителям России. Гастрономический туризм, будучи относителем новым направлением, обладает значительной культурной ценностью, поскольку выходит за рамки удовлетворения базовой потребности в пище. Он предоставляет уникальную возможность изучить образ жизни населения определенной территории, ее локальные кулинарные традиции, аутентичные рецепты, местные продукты и технологий приготовления, тем самым обогащая туристическое путеше-

ствие с познавательной, культурной и духовной сторон [3], [5], [11]. Исследователи Т. А. Танкиева, К. М. Рыльских отмечают, что «гастрономический туризм – молодое и перспективное направление туризма в России. Его перспективность обоснована многообразием русской кухни. Успешное развитие гастрономического туризма нельзя представить без хорошо продуманного, интересного для туриста гастрономического бренда. Создание и развитие гастрономического бренда – это способ знакомства с местной культурой, характером и менталитетом населения» [6, с. 156].

Орловская область обладает значимым потенциалом для развития гастрономического туризма, основанном на литературном наследии, органических продуктах сельского хозяйства и развитом агротуризме. Регион активно поддерживает инвестиционные проекты в этой сфере, активно внедряя локальные продукты в меню ресторанов. Основные направления и потенциал Орловской области в развитии гастрономического туризма:

1. Литературно-гастрономические туры. Использование наследия знаменитых писателей-орловцев, составляющие основу «золотого созвездия» литературного наследия Орловской области, таких как И. С. Тургенев, Н. С. Лесков и И. А. Бунин. Они родились, жили или работали на Орловщине, а их творчество глубоко связано с природой и культурой этого края. Литературное наследие писателей можно использовать для создания меню по рецептам XIX века и усадебной кухни, что позволяет воссоздать атмосферу дворянской жизни того времени, опираясь на упоминания блюд в их произведениях, а также на общие традиции русской кулинарной эпохи того времени. В современном информационном пространстве уже уделено значительное внимание продвижению кулинарного потенциала прошлого Орловщины, посредством проведения презентаций, дегустаций блюд, кулинарных изделий и напитков локальной кухни. Гастрономический потенциал региона включает использование сезонных продуктов, уникальные техники ферментации, копчения и длительного

томления. Изучение этого наследия помогает возрождать забытые вкусы и технологии приготовления.

2. Агротуризм.

Организация гастрономического туризма в Орловской области тесно связана с развитием агроэкотуризма, который предоставляет туристам возможность не только познакомиться с национальной кухней, но и погрузиться в традиционный сельский быт, узнать особенности производства экологически чистых продуктов и традиций их приготовления. В Орловской области активно развивают производство экологически чистых и органических продуктов, фокусируясь на зерновых, овощах, молочных изделиях и фермерском птицеводстве.

3. Гастрономические фестивали.

Гастрономические фестивали в Орловской области активно развиваются и привлекают туристов, объединяя местную историю и кулинарные традиции. Развитие гастрономического туризма в регионе ориентировано на укрепление его имиджа и диверсификацию туристического продукта посредством комплексной интеграции культурных, кулинарных и природных ресурсов. Реализация соответствующих мероприятий, в том числе организация тематических фестивалей и внедрение современных информационных технологий, способствует популяризации местной кухни в качестве значимого компонента туристической привлекательности территории. Рассмотрим более подробно гастрономические фестивали, организуемые на Орловщине.

Мультиформатный литературно-кулинарный фестиваль «Тургеневский бережок» объединяет производителей питания и людей, интересующихся историей своей Родины. Знакомит с великой русской культурой посредством реконструкции забав, уточений и особенностей быта тех времен. Цель мероприятия – сохранение и продвижение историко-культурных традиций Орловской области. Задачами фестиваля являются развитие событийного, культурно-познавательного и гастрономического туризма, продвижение продуктов местных производителей. В рамках фестиваля проходят: выставки-ярмарки с дегустациями продукции орловских производителей, конкурсы поварского искусства, мастер-классы от именитых шеф-поваров и народных умельцев. Фестиваль славится своей литературной программой посвящённой жизни и творчеству И. С. Тургенева.

Районный гастрономический фестиваль кваса и напитков «Квасом едины». Главная цель проекта – возрождение традиций русской кухни, популяризация кваса как национального напитка, а также продвижение здорового питания и здорового образа жизни. Районный гастрономический фестиваль кваса и напитков «Квасом едины» ежегодное яркое событие в г. Дмитровске. Фестиваль славится дегустацией различных видов кваса (из мяты, хрена, меда, березового сока), народными гуляньями, мастер-классами, выступлениями фольклорных коллективов и выставкой местных умельцев. В 2024 году проект фестиваля стал победителем конкурса Президентского фонда культурных инициатив. Грантовые средства направили на проведение мероприятия, закупку оборудования и оплату услуг, необходимых для реализации проекта.

Историко-гастрономический фестиваль «Слива-Град» в поселке Кромы – это знаковое событие событийного туризма, направленное на возрождение местных традиций и продвижение бренда региона. Это масштабное мероприятие событийного туризма, направленное на возрождение местных традиций и продвижение бренда региона. Фестиваль реконструирует культуру XVII века, совмещая интерактивные площадки, казачьи забавы, ярмарки ремесел и гастрономические изыски на основе сливы, т.к. Кромы традиционно известны своими сливовыми садами. Фестиваль популяризирует уникальные рецепты блюд из сливы, мастер-классы по выпечке и приготовлению традиционных напитков. Культурная программа традиционно включает театрализованные представления, выступления фольклорных коллективов. Фестиваль «Слива-Град» функционирует как механизм сохранения этнокультурного достояния и инструмент социально-экономического развития территории.

Весенний гастрофестиваль «Сделано в России. Выбираем орловское!» – это ежегодная выставка-дегустация продукции местных производителей региона. Товаропроизводители проводят дегустации мёда, фермерских сыров, колбасных деликатесов, масла, овощей, соков, мороженого, пряников с 3D-печатью и даже продукцию улиточных ферм. Для детей традиционно проходит агроквест «Юный фермер».

Осенний гастрономический фестиваль «Сентябрь Фест». Мероприятие объединяет ярмарку-выставку российских и белорусских товаров, выступления популярных музыкантов, а также гастрономические сет-ы от местных ресторанов и баров. Традиционно организуют показы фильмов и интеллектуальные игры в формате паб-квизов.

Таким образом, гастрономический туризм в Орловской области является перспективным драйвером регионального развития, совмещающим культурное достояние с развитой туристской инфраструктурой и сельским хозяйством. Значимый прогресс в данном направлении способствует повышению привлекательности региона, увеличивает турпоток и стимулирует региональную экономику.

Пристатейный библиографический список

1. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129 р. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72661648/> (дата обращения: 10.04.2026).
2. Горошко Н. В., Пацала С. В. Гастрономический бренд как инструмент развития регионального гастрономического туризма // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. - 2022. - № 4. - С. 377-400.
3. Илюхина Н. А., Холодик В. Ю. Развитие внутреннего и въездного туризма в регионах России: Орловская область // Инновационные аспекты развития сервиса и туризма: материалы XII Международной научно-практической конференции. - Ставрополь: СГАУ, 2024. - С. 137-140.
4. Путинцева Н. Н. Оценка туристского потенциала регионов России // ИнтерЭкспо Гео-Сибирь, 2023. - 25 с.
5. Соловьева И. А. Культура в контексте концепции устойчивого развития // Образование и культурное пространство. - 2025. - № 2. - С. 144-153.
6. Танкиева Т. А., Рыльских К. М. Гастрономический туризм как молодой и перспективный вид туризма в России // Теоретические и практические аспекты функционирования сферы туризма и гостеприимства в России и за рубежом: сборник трудов конференции. - М.: Издательство «Перо», 2024. - С. 155-160.
7. Тараторин Е. В., Курапина Е. В. Формы сохранения и популяризации культурного наследия народов России в Орловском государственном институте культуры // Центр и периферия. - 2022. - № 3. - С. 11-16.
8. Хаматгалеева Г. А. Гастрономическое разнообразие как ценность гастрономического туризма // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Сборник научных трудов V Международной конференции профессорско-преподавательского состава. - Казань: Казанский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации», 2021. - С. 169-173.
9. Харитонов Д. С. Гастрономический туризм: путешествие по вкусам и культуре // Волго-Камье: история, социально-культурное наследие и перспективы. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. - Казань: Издательство «Познание», 2024. - С. 151.
10. Что такое гастрономический туризм? // Гастрономический туризм: сайт о вкусных путешествиях. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gastrotur.ru/gastronomicheskij-turizm/chto-takoe-gastroturizm> (дата обращения: 13.04.2026).
11. Шмарков М. С., Цёхла С. Ю., Шмаркова Л. И., Казакова М. В. Гастрономический туризм как драйвер развития регионального рынка туристских услуг: оценка состояния и перспективы // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. - 2024. - Т. 10. № 4. - С. 67-83.
12. Щербакова Е. С. Формирование инновационной туристской привлекательности регионов РФ посредством развития гастрономического туризма // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. - 2019. - № 13. - С. 78-80.

ГАБРИЕЛОВА Юлия Владимировна

старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин и криминалистики, Луганский филиал, Воронежский институт МВД России

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТЬ БРЕНДА И ЦИФРОВЫЕ СТРАТЕГИИ: КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ УСПЕХА В ГАСТРОНОМИЧЕСКОМ ТУРИЗМЕ

В статье исследуется роль эмоционального маркетинга как ключевого инструмента привлечения и удержания клиентов в современном гастрономическом туризме. Анализируются существующие научные подходы к изучению эмоциональной привлекательности брендов, подчеркивается значимость эмоционального компонента в маркетинговых стратегиях для формирования лояльности и стимулирования покупательской активности.

Рассматриваются современные стратегии и цифровые инструменты эмоционального маркетинга, направленные на создание яркого, незабываемого клиентского опыта «вау-эффекта»: виртуальная и дополненная реальность, персонализированные предложения, геймификация, эмоциональное ценообразование, автоматизация бизнес-процессов (POS-системы, робототехника). Подчеркивается, что интеграция цифровых технологий позволяет не только упростить и персонализировать сервис, но и значительно усилить эмоциональное вовлечение потребителей, формируя устойчивые аффективные связи с брендом. В статье резюмируется, что компании, способные создавать яркие впечатления, персонализировать сервис и эффективно использовать современные цифровые технологии, получают существенное конкурентное преимущество в динамично развивающейся сфере гастрономического туризма.

Ключевые слова: эмоциональный маркетинг, эмоциональные стратегии, цифровые инструменты, автоматизация, «вау-эффект».

GABRIELOVA Yuliya Vladimirovna

senior lecturer of Criminal law disciplines and forensics sub-faculty, Lugansk Branch, Voronezh Institute of the MIA of Russia

Габриелова Ю. В.

EMOTIONAL BRAND APPEAL AND DIGITAL STRATEGIES: KEY FACTORS FOR SUCCESS IN GASTRONOMIC TOURISM

This article explores the role of emotional marketing as a key tool for attracting and retaining customers in modern gastronomic tourism. It analyzes existing scientific approaches to studying the emotional appeal of brands, emphasizing the importance of the emotional component in marketing strategies for building loyalty and stimulating purchasing activity.

Contemporary strategies and digital tools of emotional marketing aimed at creating a vibrant, unforgettable customer experience with a “wow” effect are examined, including virtual and augmented reality, personalized offers, gamification, emotional pricing, and business process automation (POS systems, robotics). It is emphasized that the integration of digital technologies not only simplifies and personalizes service but also significantly enhances consumer emotional engagement, fostering lasting affective bonds with the brand. The article concludes that companies capable of creating vibrant impressions, personalizing service, and effectively utilizing modern digital technologies gain a significant competitive advantage in the dynamically developing field of gastronomic tourism.

Keywords: emotional marketing, emotional strategies, digital tools, automation, wow effect.

В гастрономическом туризме эмоциональный маркетинг на современном рынке становится важным инструментом, позволяющим предприятиям индустрии привлекать и удерживать клиентов.

Исследованию вопроса эмоциональной привлекательности бренда, в том числе и в сфере гастрономического туризма посвящены труды ряда ученых, среди которых можно назвать Котлера Ф. [1], Шета Дж. Н. [2], Холбрука М. [3], Маковскую Е. [4], Акулич М. [5], Скараманга В. П. [6], Будрина А. Г. [7], Земляной А. С. [8], Соловьевой Д. В. [9], Жебалова В. Г. [10] и др. В большей степени внимание исследователей в работах было сконцентрировано на эмоциях клиента, значимости эмоционального отклика на бренд, возможности при помощи эмоциональных впечатлений сформировать долговременные эмоциональные связи с брендом, а также на особенностях воздействия эмоционального маркетинга на лояльность потребителя.

В своих работах авторы подчеркивают важность эмоционального компонента в маркетинговых стратегиях. Эмоци-

ональный маркетинг, используемый как инструмент в продвижении гастрономического туризма, является подходом, направленным на установление эмоциональной связи между брендом и потребителем, что способствует повышению лояльности и стимулированию покупательской активности.

Гастрономический туризм – это один из наиболее динамично развивающихся видов туризма в Российской Федерации. Спрос на гастрономический туризм в России летом 2025 года вырос на 30 %. С мая 2024 г. по май 2025-го клиенты запрашивали гастрономические туры на 30 % чаще, чем в предыдущий период, и в семь раз чаще, чем в 2018-2019 гг.

На современном этапе гастрономический туризм переходит из нишевого направления в массовое, так как россияне в поездках все чаще помимо природы и достопримечательностей ориентируются на местную кухню (около 25 % туристов), для многих важной частью путешествия стала дегустация национальных блюд, посещение кафе, ферм, рынков, виноделен, сыроварен, фестивалей еды и т.п. Россияне стремятся открывать для себя разнообразие кухонь и локальных вкусов

в разных регионах, чему способствует развитие внутреннего туризма. По данным ЮMoney, в России с 1 по 15 июля 2025 года наблюдался рост заказов готовой еды и предоплаченных бронирований в кафе и ресторанах (+21 %) по сравнению с прошлым годом. Общий оборот общепита увеличился на 36 %, а средний чек вырос до 2,59 тыс. рублей (+13 %). Особенно заметен этот рост в выходные: заказов стало на 47 % больше, оборот вырос на 55 %, а средний чек достиг 2,48 тыс. рублей (+5 %) [11].

Гастротуры, на наш взгляд, способствуют как формированию спроса на региональную продукцию, так и становлению устойчивых гастрономических впечатлений, формирующих лояльность россиян к национальным брендам и желание возвращения за эмоциональными впечатлениями, посещения новых мест с целью что-нибудь попробовать.

Согласно статистическим отчетам Global Sustainable Tourism Council, сегмент устойчивого туризма и гостеприимства, включая гастрономию, показывает ежегодный прирост на 10-15 %, что в 1,5-2 раза превышает темпы роста традиционного рынка. Более 73 % потребителей поколения «Z» и миллениалов заявляют о готовности платить более высокую цену за услуги компаний, придерживающихся принципов устойчивого развития [12, с. 148]. Это создает уникальные возможности для брендов, способных эффективно коммуницировать свои ценности. Однако простое декларирование приверженности принципам устойчивости уже не является достаточным конкурентным преимуществом, на передний план выходит эмоциональный маркетинг, который фокусируется не на рациональных характеристиках продукта или услуги, а на формировании устойчивой аффективной связи между брендом и потребителем.

Для гастрономической сферы, где опыт и впечатления играют ключевую роль, этот аспект приобретает первостепенное значение. Речь идет о создании целостной экосистемы впечатлений, где история происхождения продуктов, философия шеф-повара и атмосфера заведения сплетаются в единое повествование, вызывающее у гостя чувство сопричастности и доверия [13, с. 94].

Так, к примеру, современные рестораторы хотят создавать яркий, незабываемый опыт гостей, формирующий глубокую эмоциональную связь с брендом. Это уже не просто еда, а целый перформанс: от «иммерсивных гастротеатров» и ужинов на историческом трамвае до полного погружения в темноту (*Dans le noir?* в Санкт-Петербурге) или экстремальный холод (-15°C) в сочетании с экстремальной высотой (*Ice Bar RUSSKI* - на 85-м этаже башни OKO). Задача - вызвать у гостя «вау-эффект» (уникальное впечатление), предложить нечто совершенно новое и неординарное [14].

На наш взгляд, стратегия создания уникальных, запоминающихся впечатлений останется ключевой и в 2026 году. Кафе, рестораны, фермы, сыроварни и другие гастрономические предприятия будут стремиться, не только утолить голод, но и обогатить чувственный опыт гостей, вовлекая их в полноценное гастрономическое приключение.

Получение обратной реакции в виде «вау-эффекта» от гостя (клиента) на предоставленное гастрономическое предложение невозможно без использования таких инструментов эмоционального маркетинга как цифровые технологии.

Изучение и внедрение цифровых инструментов эмоционального маркетинга является необходимым условием конкурентного роста гастрономических предприятий. Цифровые инструменты эмоционального маркетинга представляют собой комплекс технологий, направленных на формирование и усиление эмоциональной вовлеченности потребителей. В научных кругах принято классифицировать цифровые инструменты в зависимости от функционального назначения и характера воздействия на целевую аудиторию [15, с. 193].

Современные гастротуристы получают свои первые впечатления посредством использования сети Интернет, а имен-

но в тот момент, когда при помощи визуального восприятия формируют свои предпочтения и маршруты. Удобные информативные сайты, социальные сети, мобильные приложения и платформы, оснащенные фото- и видеоконтентом дают возможность не просто обеспечить потенциального туриста информацией о достоинствах гастрономического тура, но и формировать эмоциональное восприятие, создавая у зрителя чувство присутствия и вовлеченности.

Эмоциональное вовлечение усиливается через персонализированные предложения, взаимодействие в социальных сетях и специальные акции для постоянных клиентов, а онлайн-коммуникация с клиентами через социальные сети, видео-контент, виртуальные туры по ресторану и интерактивные меню создают дополнительную эмоциональную связь.

Эффективными стратегиями и инструментами эмоционального маркетинга в сфере гастрономического бизнес-среды являются создание уникального клиентского опыта, эмоциональное ценообразование и геймификация [16, с. 167].

Технологиям виртуальной и дополнительной реальности в настоящее время отводится особое место, так при помощи данных инструментов осуществляется визуальное продвижение гастрономической продукции. Данные технологии позволяют демонстрировать города, фермы, рестораны, винодельни, сыроварни, ярмарки, фестивали еды, не доступные для посещения в данный момент. Виртуальные экскурсии и интерактивные карты повышают уровень вовлеченности, помогают лучше планировать поездку и создают ощущение персонализированного туристического опыта. Таким образом, интеграция визуального контента в социальные сети и туристические платформы не только усиливает впечатления от увиденной информации, но и формирует у клиента положительный отклик от бренда.

Создание уникального клиентского опыта реализуется через элементы шоу-кухни, нестандартную подачу блюд, дегустационные вечера, которые формируют незабываемые впечатления.

Эмоциональное ценообразование основано на использовании ограниченных предложений, эксклюзивных блюд и подарочных акций, которые вызывают у клиентов чувство срочности и удовольствия от покупки.

Также стоит отметить, что вовлечению и укреплению эмоциональной связи с брендом также способствует геймификация – проведение квестов, лотерей, программ лояльности и челленджей в социальных сетях. Акции вроде «третья пицца бесплатно», программы лояльности с накоплением бонусов и абонементы на кофе — все это игра, привлекающая посетителей независимо от возраста, а рестораторам дающая ощутимый рост прибыли и LTV гостей.

Н. А. Козлова в своих исследованиях справедливо отмечает, что одной из перспективных практик в продвижении гастрономических туров является создание единого туристического цифрового бренда. Такой бренд представляет собой комплексную платформу – сайт или мобильное приложение, которое объединяет полную информацию о достопримечательностях, культурных и спортивных событиях, гастрономических особенностях, туристических маршрутах, а также гостиницах, ресторанах и других услугах для путешественников [17].

Новым цифровым средством для формирования вау-эффекта станет автоматизация. Сейчас назвать, например, рестораны современными мы можем только в том случае, если эти рестораны автоматизированы. Новые технологии, используемые общепитами, обеспечивают клиентам новый уровень комфорта. Так, вас в ресторане может обслужить робот-официант, либо еду приготовит робот-повар, а владельцы гастрономических компании прямо со смартфонов управляя бизнесом

POS-системы позволяют легко и эффективно управлять маркетингом и программами лояльности. Автоматизация

обеспечивает клиенту (гостю) комфорт, скорость обслуживания, персональное внимание и удобство.

По нашему мнению, технологии снижают влияние человеческого фактора и страхуют от ошибок, делая впечатления гостей стабильно положительными. Например, кассы сами «узнают» постоянных клиентов и предлагают им их любимые блюда в один тап. Возможность тонко настроить блюдо под свои предпочтения (выбрать степень прожарки мяса, тип молока для кофе и т.д.) прямо на кассовом терминале — уже стандарт для многих современных заведений [14].

И это не просто вежливость со стороны рестораторов. Исследования показывают, что гости, персонализирующие свои заказы, тратят на 20 % больше.

Эмоциональный маркетинг является мощным инструментом привлечения клиентов и повышения их лояльности в сфере гастрономии. Компании, способные создать яркие впечатления, персонализировать сервис и использовать современные технологии, получают значительное конкурентное преимущество [16, с. 167].

Высокие темпы роста спроса на гастрономический туризм в Российской Федерации свидетельствуют о переходе данного направления из нишевого в массовое, где потребители все чаще ориентируются на гастрономические впечатления.

Создание целостной экосистемы впечатлений, включающей историю продуктов, философию заведения и атмосферу, формирует глубокую аффективную связь бренда с потребителем в гастрономической сфере.

Цифровые инструменты обеспечивают масштабируемость, персонализацию и интерактивность эмоционального воздействия, что невозможно достигнуть традиционными методами маркетинга.

Такие инструменты как виртуальная и дополненная реальность, интерактивные платформы и автоматизация, играют решающую роль в формировании «вау-эффекта» и эмоционального вовлечения современных гостротуристов. Уникальный клиентский опыт, эмоциональное ценообразование и геймификация являются эффективными стратегиями эмоционального маркетинга, повышающими конкурентоспособность гастрономических предприятий.

Автоматизация бизнес-процессов и персонализация сервиса через цифровые инструменты не только повышают комфорт клиентов, но и увеличивают их средние траты, способствуя росту прибыли, а интеграция визуального контента и создание единого туристического цифрового бренда позволяют усилить эмоциональные впечатления и сформировать положительный отклик клиента к гастрономическому предложению.

Пристатейный библиографический список

1. Котлер Ф. Основы маркетинга. – М.: Прогресс, 2019. – 784 с.
2. Шет Дж. Н. Потребительское поведение: поведенческий маркетинг. – СПб.: Питер, 2020. – 512 с.
3. Холбрук М. Эстетика и потребительская ценность. – СПб.: Питер, 2021. – 272 с.
4. Маковская Е. С. Эмоциональные продажи в ресторане. Увеличьте прибыль с помощью сервиса! – СПб.: Река, 2020. – 240 с. – ISBN 978-5-6042532-7-4.
5. Акулич М. В. Эмоциональный маркетинг. – М.: Издательские решения, 2018. – 178 с. – ISBN 978-5-4490-3562-2.
6. Скараманга В. П. Фирменный стиль в гостеприимстве: учебное пособие. – М.: Финансы и статистика, 2007. – 192 с.
7. Бударин А. Г., Соловьева Д. В., Голякова М. Д., Кондакова В. А. Визуальные и аудиальные нестандартные коммуникации брендов на основе концепции эмоционального маркетинга // Практический маркетинг. – 2022. – № 5 (302). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vizualnye-i-audialnye-nestandartnye-kommunikatsii-brendov-na-osnove-kontseptsii-emotsionalnogo-marketinga> (дата обращения: 13.02.2026).
8. Земляная А. С., Савостин Д. А. Исследование инновационной концепции эмоционального маркетинга // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 7-2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-innovatsionnoy-kontseptsii-emotsionalnogo-marketinga> (дата обращения: 17.02.2026).
9. Соловьева Д. В., Савостин Д. А., Земляная А. С. Эмоциональный маркетинг как концепция управления потребительским опытом поколения Z // Практический маркетинг. – 2020. – № 7 (281). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-marketing-kak-kontseptsiya-upravleniya-potrebitelskim-opytom-pokoleniya-z> (дата обращения: 13.02.2026).
10. Тихомирова И. В., Жебалов В. Г. Эмоциональный маркетинг: методы практического внедрения в российский бизнес // Проблемы современной экономики. – Новосибирск. – 2015. – № 28-2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnyy-marketing-metody-prakticheskogo-vnedreniya-v-rossiyskom-biznese> (дата обращения: 13.02.2026).
11. В России летом 2025 г. спрос на гостротуризм вырос на 30 % // Сетевое издание «Деловая газета. Юг», 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dg-yug.ru/news/20189834.html?ysclid=mmvr3p5if2882114837> (дата обращения: 15.03.2026).
12. Волкова Е. Д. Значение экобрендинга для устойчивого развития компании // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – № 8. – С. 148-150.
13. Жданова О. С. Эмоциональный маркетинг в маркетинговой стратегии услуг при переходе к устойчивой гастрономической бизнес-среде и его влияние на брендинг // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2025. – № 7А. – С. 93-103.
14. Главные тренды ресторанного бизнеса в 2025 году // РБК Компании. – 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://companies.rbc.ru/news/E2AykJ2kb/glavnyie-trendyi-restorannogo-biznesa-v-2025-godu/> (дата обращения: 18.03.2026).
15. Антошина К. А. Эмоциональный маркетинг в креативной индустрии на примере гастрономии // Экономика и управление: проблемы, решения. – 2024. – Т. 5. № 9 (150). – С. 191-195. – DOI 10.36871/ek.up.p.r.2024.09.05.020. – EDN FNDCUY (дата обращения: 18.03.2026).
16. Габриелова Ю. В. Эмоциональный маркетинг в сфере гастрономической бизнес-среды // Прикладные экономические исследования. – 2024. – № S2. – С. 164-168.
17. Козлова Н. А. Продвижение туристических направлений в цифровой среде. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2021.

ГОЛУБЕВА Татьяна Владимировна

старший преподаватель, Смоленский филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РАЗРАБОТКА СТРАТЕГИИ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЗИЛИЕНТНОЙ БИЗНЕС-МОДЕЛИ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье установлены предпосылки формирования резилиентной бизнес-модели промышленного предприятия, обусловленные нарастающей неопределенностью внешней среды, глобализацией, цифровизацией и усилением конкурентной борьбы. Систематизированы особенности такой модели, включая диверсификацию деятельности, гибкость производства и организационных структур, управление рисками, укрепление цепочек поставок, цифровизацию, обеспечение устойчивого развития. На основе использования резилиентного подхода при подготовке стратегии формирования бизнес-модели промышленного предприятия осуществлена интеграция принципов резилиентности в ключевые элементы стратегии, что проиллюстрировано на примере предприятия автомобильной промышленности.

Ключевые слова: промышленность, промышленное предприятие, резилиентность, резилиентный подход, бизнес-модель.

GOLUBEVA Tatyana Vladimirovna

senior lecturer, Smolensk Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

DEVELOPMENT OF A STRATEGY FOR THE FORMATION OF A RESILIENT BUSINESS MODEL OF AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

The article establishes the prerequisites for the formation of a resilient business model of an industrial enterprise, due to the increasing uncertainty of the external environment, globalization, digitalization and increased competition. The features of such a model are systematized, including diversification of activities, flexibility of production and organizational structures, risk management, strengthening supply chains, digitalization, and ensuring sustainable development. Based on the use of a resilient approach in the preparation of a strategy for forming a business model of an industrial enterprise, the principles of resilience have been integrated into key elements of the strategy, which is illustrated by the example of an automotive industry enterprise.

Keywords: industry, industrial enterprise, resilience, resilient approach, business model.

Введение. Стратегия формирования бизнес-модели промышленного предприятия представляет собой комплексный план, определяющий то, каким образом предприятие будет создавать, поставлять и получать ценность. Такая стратегия должна охватывать все ключевые аспекты деятельности предприятия и обеспечить его конкурентоспособность в перспективе.

Вопросы стратегии формирования бизнес-моделей применительно к промышленным предприятиям разрабатываются в работах ряда отечественных и зарубежных исследователей (А. Д. Бобрышева, Н. А. Пирогова, Ф. М. Тарабрина (См. таблицу.)

В качестве предпосылок формирования резилиентной бизнес-модели промышленного предприятия можно определить следующие: глобализация и усиление конкурентной борьбы; технологические изменения и цифровизация; изменения потребительских предпочтений; неопределенность внешней среды; растущее внимание к экологическим проблемам требует внедрения экологически чистых технологий и обеспечение устойчивости промышленного производства.

Рассмотрим основные особенности формирования резилиентной бизнес-модели промышленного предприятия.

В качестве первой особенности выступает диверсификация, которая дифференцируется по ряду направлений – диверсификация рынков, товаров и услуг, поставщиков.

Вторая особенность – гибкость и адаптивность, которая должна реализовываться посредством: организации гибкого производства, то есть возможность быстро перенастраивать производственные линии для выпуска различных продуктов и модификаций; использования адаптивных организационных структур, предполагающих плоские структуры управления, делегирование полномочий, кросс-функциональные команды, что дает возможность оперативно реагировать на изменения; постоянного обучения и развития персонала, что позволяет формировать у сотрудников навыки, необходимые для работы в условиях неопределенности и изменений.

Третья особенность – организацию управления рисками, которое предполагает: идентификацию и оценку рисков (иными словами определение потенциальных угроз и их вероятное воздействие на процесс промышленного производства); разработку планов реагирования на риски, то есть формирование сценариев действий в случае наступления не-

благоприятных событий; страхование рисков, то есть передача части рисков страховым компаниям.

Четвертая особенность – укрепление цепочек поставок. Реализация данной особенности предполагает выполнение следующих действий: налаживание партнерских долгосрочных отношений с поставщиками, которые базируются на взаимной выгоде и доверии; локализация производства, то есть перенос части производства ближе к потребителям продукции (либо к поставщикам) для снижения транспортных издержек, сокращения рисков сбоев в поставках; формирование резервов запасов на оптимальном уровне (сырья, материалов, готовой продукции) для обеспечения непрерывности производства.

Пятая особенность – цифровизация. Данная особенность заключается во внедрении цифровых технологий (использование больших данных, искусственного интеллекта и др.) для повышения эффективности производства, оптимизации логистики и улучшения обслуживания потребителей. Кроме того, в рамках данной особенности предполагается сбор и анализ данных о рынках, потребителях, конкурентах, производственных процессах для принятия обоснованных решений. Автоматизация рутинных задач позволяет освободить ресурсы для решения более важных задач, сократить риск возникновения ошибок.

Шестая особенность – обеспечение устойчивости развития промышленного предприятия, включающее в себя внедрение экологически чистых технологий (снижение негативного воздействия на окружающую среду, повышение энергоэффективности производства); социальная ответственность бизнеса (поддержка местных сообществ, создание безопасных и комфортных условий труда); соблюдение этических принципов ведения бизнеса (прозрачность, честность в отношениях с клиентами, поставщиками, сотрудниками).

Седьмая особенность – готовность к изменениям на промышленном предприятии, что реализуется с помощью формирования культуры изменений, поощряющей инновации и эксперименты; формирования эффективных коммуникаций изменений внутри организации; вовлечения сотрудников в процесс изменений.

Использование резилиентного подхода при подготовке стратегии формирования бизнес-модели промышленного

Элемент стратегии	Характеристика элемента
1) анализ текущей ситуации	Данный элемент включает в себя ряд компонентов: 1) анализ внешней среды: PEST-анализ (оценка политических, экономических, социальных, технологических, экологических, правовых факторов, влияющих на функционирование предприятия); анализ конкурентов (изучение слабых и сильных сторон, используемых ими стратегий, долей конкурентов); анализ рынка (определение текущего спроса на продукцию предприятия, установление ключевых тенденций развития рынка, потребительских предпочтений); 2) анализ внутренней среды: SWOT-анализ (анализ сильных и слабых сторон предприятия, его возможностей и угроз); анализ имеющихся ресурсов и ключевых компетенций предприятия; анализ бизнес-процессов (выявление узких мест, возможностей для оптимизации процессов).
2) определение стратегических целей	Четкое формулирование целей, которых хочет достичь предприятие за определенный период времени. Цели должны быть SMART: S - specific – конкретными (что нужно достичь, кто участвует в процессе, где это будет происходить, какие есть ограничения); M – measurable – измеримыми (должны быть качественные и количественные показатели, отражающие прогресс в достижении цели); A - achievable – достижимыми в рамках имеющихся ресурсов, возможностей, ограничений; R – relevant – соответствующими общим стратегическим целям организации; T – time-bound – ограниченными во времени.
3) выбор целевых сегментов и установление ценностного предложения	Данный элемент предполагает: сегментацию рынка (разбиение рынка на группы потребителей со схожими характеристиками); выбор целевых сегментов (определение наиболее привлекательных сегментов рынка, на которые предприятие будет ориентироваться); разработка ценностного предложения (формулировка уникальной ценности, которую предприятие предлагает своим клиентам (качества, цена, инновации, обслуживание)).
4) определение ключевых видов деятельности и ресурсов	В рамках данного элемента осуществляется: определение ключевых видов деятельности, которые необходимы для создания ценностного предложения (например, производство, маркетинг, продажи, логистика, обслуживание клиентов); выявление ресурсов, необходимых для осуществления ключевых видов деятельности (например, производственное оборудование, технологии, сырье, квалифицированные сотрудники, финансовые ресурсы, интеллектуальная собственность).
5) определение каналов сбыта, способов взаимодействия с клиентами	Данный элемент включает в себя: выбор каналов сбыта (определение способов, которыми продукция будет доставляться до клиентов); выбор способов взаимодействия с клиентами.
6) формирование партнерской сети	Определение ключевых партнеров, налаживание партнерских отношений.
7) определение структуры затрат и источников доходов	Данный элемент предполагает: анализ структуры затрат; определение источников доходов с акцентом на их диверсификацию и поиск новых возможностей для увеличения прибыльности.
8) формулировка стратегии развития бизнес-модели	В рамках этого элемента осуществляется: определение этапов реализации стратегии с четкими сроками и показателями достижения; разработка плана действий; определение ответственных за каждого мероприятия в рамках стратегии; разработка системы мониторинга и контроля для отслеживания реализации стратегии и корректировки ее при необходимости.
9) оценка рисков, разработка планов реагирования	Элемент включает: идентификацию потенциальных рисков, которые могут помешать реализации стратегии; оценку вероятности и последствий возникновения указанных рисков; разработка планов реагирования на риски.
10) разработка системы KPI	Определение показателей, по которым будет оцениваться успешность реализации стратегии бизнес-модели.
11) адаптация стратегии	Регулярный пересмотр стратегии в соответствии с изменениями внутренней и внешней среды промышленного предприятия.

предприятия предполагает интеграцию принципов резилентности в ключевые элементы стратегии.

Особенности формирования резилентной бизнес-модели промышленного предприятия состоят в следующем: диверсификация деятельности (рынков, товаров и услуг, поставщиков); гибкость (производства, организационных структур, постоянное обучение и развитие персонала); организация управления рисками; укрепление цепочек поставок; цифровизация; обеспечение устойчивости развития промышленного предприятия; формирование культуры изменений, поощряющей инновации и эксперименты. На основе использования резилентного подхода при подготовке стратегии формирования бизнес-модели промышленного предприятия осуществлена интеграция принципов резилентности в ключевые элементы указанной стратегии (на примере предприятия, производящего комплектующие для автомобильной промышленности).

Пристатейный библиографический список

1. Бобрышев А. Д., Пирогов Н. Л., Тарабрин Ф. М. Бизнес-модель - эффективный инструмент антикризисного управления промышленным предприятием //

- МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). - 2017. - № 4. - С. 478-491.
2. Вашакмадзе Т. Т. Сравнительный анализ бизнес-моделей компании // Экономика и жизнь. - 2012. - № 16. - С. 35-45.
3. Горевая Е. С. Управление бизнес-моделью: становление концепции и современные тренды // Российское предпринимательство. - 2016. - Т. 17. № 16. - С.1925-1944.
4. Маркова В. Д. Бизнес-модель: сущность и инновационная составляющая // Проблемы современной экономики. - 2010. - № 2. - С. 38-42.
5. Стрекалова Н. Д. Концепция бизнес-модели: методология системного анализа // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Научный журнал. - 2009. - № 92. - С. 95-105.
6. Федоренко А. Стратегия предприятия vs. Бизнес-модель предприятия. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://socio.com.ua/2011/02/businessstrategy-vs-business-model/#more-1190>.
7. Shafer S. M. The power of business models / S. M. Shafer, J. C. Linder // Business Horizons. - 2005. - № 3. - Vol. 48. - P. 199-207.

ДУДАРЕВА Ольга Владимировна

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики, Российский государственный университет правосудия им. В. М. Лебедева

АЛГОРИТМ И МЕХАНИЗМЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ЭКОСИСТЕМЫ В СОСТОЯНИЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОТ СКРИНИНГА ДО ESG-РЕЗУЛЬТАТОВ

В статье рассматривается проблема перехода ресурсоемких отраслей обрабатывающей промышленности к модели устойчивого развития, предложен двухэтапный алгоритм структурно-функциональной трансформации промышленной экосистемы, базирующийся на методологии оценки уровня готовности к симбиозу (Symbiosis Readiness Level, SRL) и механизме оркестрации устойчивого развития. Раскрывается содержание скринингового инструмента SRL, включающего пять диагностических блоков: 1. характеристику организации, 2. бизнес-модель, 3. анализ входов-выходов (энергия, вода, материалы), 4. готовность к изменениям; 5. экспертную оценку. Описаны три ключевых процесса оркестрации экосистемы - стандартизация, взращивание и управление взаимодействиями и показана их роль в формировании цепей промышленного симбиоза. Обосновано, что главным результатом трансформации выступает не столько локальное конкурентное преимущество, сколько достижение долгосрочных ценностных ESG-целей. Предложенный алгоритм трансформации промышленной экосистемы представляет собой дорожную карту для оркестраторов, стремящихся конвертировать концепцию циркулярной экономики в реальную производственную практику.

Ключевые слова: промышленная экосистема, устойчивое развитие, промышленный симбиоз, оркестрация, ESG-трансформация, уровень готовности к симбиозу, циркулярная экономика.

DUDAREVA Olga Vladimirovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor of Economics sub-faculty, V. M. Lebedev Russian State University of Justice

ALGORITHM AND MECHANISMS OF TRANSFORMATION OF AN INDUSTRIAL ECOSYSTEM INTO A STATE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT: FROM SCREENING TO ESG RESULTS

The article examines the problem of the transition of resource-intensive manufacturing industries to a model of sustainable development. A two-stage algorithm for the structural and functional transformation of an industrial ecosystem is proposed, based on the methodology for assessing the level of readiness for symbiosis (SRL) and the mechanism of orchestration of sustainable development. The content of the SRL screening tool, which includes five diagnostic blocks, is disclosed: 1. characteristics of the organization, 2. business model, 3. analysis of inputs and outputs (energy, water, materials), 4. willingness to change; 5. an expert assessment. Three key processes of ecosystem orchestration are described - standardization, nurturing and managing interactions, and their role in the formation of industrial symbiosis chains is shown. It is proved that the main result of the transformation is not so much a local competitive advantage as the achievement of long-term value ESG goals. The proposed algorithm for the transformation of the industrial ecosystem is a roadmap for orchestrators seeking to convert the concept of circular economy into real production practice.

Keywords: industrial ecosystem, sustainable development, industrial symbiosis, orchestration, ESG transformation, the level of readiness for symbiosis, circular economy.

Основная часть

Современная промышленность сталкивается с необходимостью фундаментального пересмотра моделей ведения бизнеса – истощение природных ресурсов, ужесточение экологического законодательства и рост ESG-требований со стороны инвесторов делают переход к устойчивому развитию не просто трендом, а императивом выживания для крупных производственных компаний, но единичные усилия отдельных предприятий редко приводят к эффективному результату. Поэтому ответом на этот вызов становится формирование промышленных экосистем, основанных на принципах циркулярной экономики и индустриального симбиоза. В центре внимания данной статьи находится двухэтапный алгоритм структурно-функциональной трансформации промышленной экосистемы, позволяющий оркестратору (лидеру экосистемы) перевести объединение предприятий из неустойчивого состояния к модели долгосрочного устойчивого роста.

Опираясь на результаты отечественного исследования [1] системный переход промышленной экосистемы рекомендуется выстраивать на базе двухэтапного алгоритма. Первый этап представляет собой диагностическую оценку готовности экосистемы к изменениям, а второй этап непосредственную операционную трансформацию на основе механизмов оркестрации [2]. Данный подход особенно релевантен для ресурсоемких отраслей обрабатывающей промышленности, обладающих мощным потенциалом для перехода к промышленному симбиозу. Принципиальное отличие предложенной модели от классического стратегического менеджмента заключается в акценте на коллаборацию: лидер-оркестратор не управляет закрытой корпорацией, а модулирует среду, стимулируя множество независимых акторов к кооперации ради общих целей ресурсоэффективности [3].

Первый этап – Оценка готовности к симбиозу (англ. Symbiosis Readiness Level)

Начальной и критически важной точкой запуска трансформации является оценка готовности, ее цель – дать актуальным и потенциальным участникам экосистемы возможность выявить и глубоко осмыслить пробелы, связанные с принятием парадигмы устойчивого развития. Для объективизации этого процесса целесообразно использовать скрининговый инструмент, разработанный в рамках методологии Калуннборга, – «Уровень готовности к симбиозу» (Symbiosis Readiness Level, SRL) [4]. Этот инструмент, получивший развитие в проектах «Балтийский промышленный симбиоз» (BIS) и «Северные циркулярные центры», а впоследствии включенный в Руководство для организаторов промышленного симбиоза, представляет собой девятиуровневую шкалу зрелости, которая описывает путь компании от стадии «хорошей идеи» до полностью реализованного симбиотического взаимодействия в составе устойчивой сети.

Методология скрининга базируется на комплексном анкетировании, охватывающем пять функциональных блоков, первый блок, «Характеристика организации», собирает базовые сведения о компании и корпоративной группе. Второй блок «Бизнес-модель», использует канву А. Остервальдера для выяснения предпосылок перехода к устойчивости. Третий блок, «Входы-выходы», является наиболее детализированным и направлен на таксономию потоков ресурсов, разделенных на энергию, воду и материалы, с целью понять структуру затрат и потенциал оптимизации. Четвертый блок, «Готовность», выявляет мотивацию к участию в ресурсосберегающих проектах, что напрямую влияет на выбор стратегии повышения конкурентоспособности. И в результате «Оценка эксперта» формирует независимое заключение интервьюера о потенциале предприятия. Использование шкалы SRL позволяет фасилитаторам экосистемы не только картировать текущие проекты, но и ретроспективно установить барьеры, обрушившие нереализованные инициативы.

Второй этап - Механизм оркестрации устойчивого развития

После прохождения скрининга и подтверждения достаточного уровня готовности наступает этап активной трансформации, его ядром выступает оркестрация устойчивого развития, базирующаяся на трех последовательно-параллельных процессах: стандартизация, возвращение (инкубация) и управление взаимодействиями. Процесс стандартизации предполагает участие крупных промышленных лидеров в разработке отраслевых норм и требований. Помимо формального участия в регулировании, ключевые оркестраторы активно внедряют неформальные стандарты, направляя создание экосистемы в нужное русло и синхронизируя действия ближайших партнеров. Этот процесс снижает транзакционные издержки и создает понятную среду для всех контрагентов. Не менее значимым является процесс возвращения, поскольку подавляющее большинство участников промышленных экосистем представлены малыми и средними предприятиями, их ресурсная база часто недостаточна для самостоятельного внедрения дорогостоящих технологий циркулярной экономики [5]. Задача оркестратора - купировать эту проблему через снижение ранних инвестиционных затрат, вложения в инновационную инфраструктуру и цифровые технологии. Тем самым лидеры экосистемы создают стимулы для участия в проектах устойчивого развития, делая их менее сложными и более доступными.

Управление взаимодействиями и коммуникациями представляет собой цементирующую основу оркестрации, согласованные действия множества акторов с изначально несовместимыми стимулами и ценностями требуют постоянной переговорной активности. Исследователи отмечают, что коммуникации являются ядром оркестрации, а программы селективного сотрудничества служат эффективным инструментом для выравнивания целей участников.

Организация цепей промышленного симбиоза и достижение ESG-результатов

Крайне важное место в структуре алгоритма занимает практическая организация цепочек промышленного симбиоза – это многоступенчатый процесс фасилитации, в ходе которого выявленные в блоке «Входы-выходы» потоки материалов, воды и энергии замыкаются в межорганизационные циклы: отходы одного предприятия становятся ценным ресурсом для другого, а интеграция этих цепей в архитектуру экосистемы и есть материализация трансформации.

Хотя прикладными результатами оркестрации могут становиться и локальные выгоды в виде лидерства по издержкам или продуктовой дифференциации, стратегическая цель масштабной трансформации лежит совершенно в иной плоскости – главными долгосрочными результатами алгоритма являются создание ценностных ESG-результатов (экологических, социальных и управленческих). Переход из неустойчивого состояния в устойчивое реализуется через синтез диагностики SRL и динамической оркестрации, что в итоге создает не разовую экономию, а фундаментальные возможности для устойчивого развития всей промышленности в целом. Предложенный двухэтапный алгоритм становится дорожной картой для промышленных лидеров, готовых трансформировать экономику замкнутого цикла из теоретической концепции в ежедневную бизнес-практику.

Экологические и экономические эффекты промышленного симбиоза, как правило, попадают в фокус первоочередного внимания исследователей и практиков, но долгосрочная жизнеспособность любой промышленной экосистемы неразрывно связана с третьим, социальным, измерением. Социальная устойчивость – это способность сообщества сохранять и развивать человеческий капитал, обеспечивать социальное равенство и поддерживать институциональный баланс в условиях происходящих технологических и структурных сдвигов. Именно социальное измерение превращает циркулярную трансформацию из сугубо экологического или инженерного проекта в подлинную модель устойчивого развития. Реализация двухэтапного алгоритма трансформации напрямую способствует укреплению социальной стабильности на территориях присутствия промышленных экосистем – это выражается в создании новых рабочих мест. Формирование цепей промышленного симбиоза неизбежно порождает спрос на специалистов по переработке вторичных ресурсов, логистике замкнутых циклов, мониторингу материальных потоков и обслуживанию

цифровых платформ обмена отходами. В отличие от классических индустриальных моделей, где модернизация часто означает сокращение персонала, переход к экосистемному симбиозу генерирует дополнительную занятость именно в сфере высокотехнологичных и сервисных операций. При этом малые и средние предприятия, вовлекаемые в орбиту экосистемы через процесс «возвращения», получают ресурсную и инвестиционную поддержку, что позволяет им сохранять устойчивость и кадровый состав даже в периоды макроэкономической турбулентности.

Измерение социальной устойчивости напрямую интегрировано в ESG-повестку так как экосистемы, демонстрирующие конкретные результаты в области занятости, охраны здоровья (за счет снижения вредных выбросов при замкнутых циклах) и развития местных сообществ, получают ощутимые преференции от финансовых институтов, ориентированных на ответственное инвестирование. Компонента «S» (Social) перестает быть декларативной и становится измеримым конкурентным преимуществом: потребители лояльны к брендам, ассоциирующимся с социальной справедливостью, а региональные власти охотнее представляют преференции компаниям, гарантирующим стабильную занятость. Тем самым двухэтапный алгоритм трансформации замыкает тройной итог (англ. triple bottom line): экологическая регенерация, экономическая эффективность и социальное благополучие.

Закключение

Принципиально значимым выводом исследования является то, что итоговые результаты трансформации промышленной экосистемы не ограничиваются локальными эффектами в виде лидерства по издержкам или дифференцированной рыночной позиции. Долгосрочная ценность реализуется в плоскости достижения интегральных ESG-целей, охватывающих экологическое оздоровление, экономическую устойчивость и, что особенно важно, социальную стабильность территорий. Именно социальные эффекты – создание качественных рабочих мест, справедливый переход, развитие человеческого капитала и укрепление доверия в сообществе – превращают промышленную экосистему из технико-экономического конструкта в институциональную основу устойчивого общества. Для промышленных оркестраторов данная методология выступает практическим инструментом, позволяющим конвертировать циркулярные принципы в измеримые результаты, значимые как для бизнеса, так и для общества в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Дударева О. В. Управление устойчивым развитием промышленных экосистем в условиях технологических трансформаций // Курск: ЗАО «Университетская книга. – 2023. – Т. 401.
2. Шкарупета Е. В., Дударева О. В., Филатова М. В., Беккиев А. Ю. Методология устойчивого развития промышленных экосистем // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2020. – Т. 82. № 4 (86). – С. 377-382. – DOI 10.20914/2310-1202-2020-4-377-382. – EDN WXTLHJ.
3. Астафьева О. Е., Шемякина Т. Ю. Ресурсный потенциал предприятия как фактор устойчивого развития промышленности в современных экономических условиях // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2021. – Т. 83. № 4 (90). – С. 326-329. – DOI 10.20914/2310-1202-2021-4-326-329. – EDN CUANVT.
4. Гамидуллаева Л. А., Толстых Т. О., Шмелева Н. В. Методика комплексной оценки потенциала промышленной экосистемы в контексте устойчивого развития региона // Модели, системы, сети в экономике, технике, природе и обществе. – 2020. – № 2 (34). – С. 29-48. – DOI 10.21685/2227-8486-2020-2-3. – EDN TPAFCQ.
5. Вегнер-Козлова Е. О. Перспективы развития промышленного региона в контексте целей устойчивого развития // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2021. – Т. 14. № 5. – С. 77-85. – DOI 10.17213/2075-2067-2021-5-77-85. – EDN VLXZQX.

МАРЧЕНКОВА Лилия Михайловна

кандидат экономических наук, доцент, Курский государственный университет

Марченкова Л. М.

ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА В РОССИИ: МАСШТАБЫ И ДИНАМИКА

В статье анализируется такое явление, как «теневая экономика». Дается ее понятие с точки зрения различных авторов, проводится ее анализ в различных странах мира, в том числе и в Российской Федерации. Анализируются виды и причины развития теневой экономики в России. Теневая экономика является динамичной, поскольку темпы ее развития в некоторых государствах обгоняют официальный рост ВВП, в связи с этим анализ теневой экономики и ее контроль, позволяет лучше оценить текущие проблемы в экономике и разработать совокупность мер по детенизации экономики.

Ключевые слова: теневая экономика, экономическая безопасность, фиктивная экономика, криминальная экономика.

MARCHENKOVA Liliya Mikhailovna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, Kursk State University

SHADOW ECONOMY IN RUSSIA: SCOPE AND DYNAMICS

The article analyzes the phenomenon of the "shadow economy". It provides a definition of the shadow economy from various authors' perspectives and analyzes its development in various countries, including the Russian Federation. The article also examines the types and causes of the shadow economy in Russia. The shadow economy is dynamic, as its growth in some countries exceeds the official GDP growth. Therefore, analyzing and controlling the shadow economy allows for a better understanding of current economic issues and the development of measures to de-shadow the economy.

Keywords: shadow economy, economic security, fictitious economy, and criminal economy.

В настоящее время наблюдается нестабильность экономического развития всех стран мира, в том числе и Российской экономики. Колебания цен на ресурсы, специальная военная операция, конфликт США и Ирана создают сложности для предпринимателей, фирм и организаций в прогнозировании экономической конъюнктуры. В связи с этим хозяйствующие субъекты вынуждены находить альтернативные варианты уводить свой капитал в теневой сектор и криминальные структуры поэтому, возникает необходимость государственного контроля и регулирования экономической безопасности страны.

Еще с появлением товарно-денежных отношений, при переходе от натурального хозяйства к рыночному возникли первые элементы теневой экономики. Для того, что бы лучше понять, что такое теневой сектор экономики, обратимся к понятию «теневая экономика».

Вопросы теневой экономики рассматривались еще в 1977 году американским экономистом П. Гутманом в книге «Подпольная экономика».

По мнению В. И. Авдийского теневая экономика представляет собой часть экономики, образуемой преступной (незаконной) экономической деятельностью двух типов: предпринимательской и уголовной, масштаб распространения которой зависит от уровня экономического развития страны [2, с. 125].

К. Пасс, Б. Лоуз и Л. Дэвис утверждают, что теневая экономика – это «деятельность, не учитываемая в исчислении национального дохода потому, что продукты такой

деятельности не обмениваются на рынке, либо потому, что она незаконна» [4].

Мы понимаем теневую экономику как сложное экономическое понятие, затрагивающее процессы производства, распределения и обмена товарами и услугами, деятельность государства и его влияние на незаконные процессы производства, на неуплату налоговых платежей, на незаконную деятельность хозяйствующих субъектов.

Наиболее активно теневая экономика развивается в периоды кризисов, что помогает решению сложных экономических проблем, таких как первоначальное накопление капитала, обеспечение населения дополнительными источниками денежных средств. Однако из этого не следует, что теневая экономика оказывает положительное воздействие на экономику. Теневая экономика и ее развитие ведет к следующим проблемам: дефицит государственного бюджета из-за неуплаты предпринимателями и домохозяйствами налогов, еще больше усугубляется криминальная ситуация в стране, снижается уровень общественной морали и этики, нарушается трудовое законодательство.

Существование теневого сектора экономики свойственно всем странам мира, но в различных масштабах [2]. По оценкам экспертов размер теневого сектора российской экономики оценивается в 23 % от ее ВВП, что характеризуется как достаточно высокий уровень по сравнению с США. Лидирующее положение по объемам теневого бизнеса занимает Нигерия – 80 % капитала, затем Тайланд и Египет – около 70 % ВВП. Минимальная

Таблица 1. Показатели ВВП и размера теневой экономики Российской Федерации, 2023 - 2025 гг., в млрд руб. [4]

Показатель	2022 г.	2023 г.	2024 г.	2025 г.
Объем ВВП, трлн. руб.	155320,2	171044,3	201150,0	214261,0
Размер теневой экономики, трлн. руб.	20474,5	28479,8	35000,0	40000,0
Доля от ВВП, %	21,8 %	28,9 %	20 %	20 %

Рисунок 1. Отрасли экономики, формирующие спрос на теневые финансовые услуги, 2024 г.

доля теневое сектора присуща экономике США (7,2 %) и Швейцарии (7,5 %).

Проанализируем показатели теневой экономики Российской Федерации, рассмотрев ее в 2022-2025 гг. (таблица 1).

Из данных таблицы 1 видно, что теневая экономика Российской Федерации показывает рост за представленный период. В 2024 и 2025 гг. размер теневой экономики в процентах от ВВП, составляет 15-20 %. Если же оценивать в трлн. рублей, то по сравнению с 2024, размер теневой экономики возрос на 5 трлн. руб. Необходимо отметить, что государство должно проводить мероприятия по укреплению системы управления экономикой [4].

Можно выделить составляющие теневой экономики – это, прежде всего криминальная, запретная, незаконная деятельность; скрытая деятельность, неформальная деятельность; не подлежащая учету в связи с ее индивидуальностью, личным или семейным характером. Помимо названных составляющих, к «теневой» экономике относят: приписки в отчетности затрагивающие вопросы невыполненных работ или не произведенной продукции; подпольное производство; контрабанда товаров и спекуляция ими; самогонварение; наркобизнес; теневой экспорт; бестоварные операции; информационное и телефонное мошенничество; обналичивание и вывод денежных средств; теневые финансовые услуги.

Рассмотрим отрасли, которые, по мнению экспертов и опроса предпринимателей, формируют спрос на теневые финансовые услуги (рисунок 1).

Из рисунка мы видим, что наибольшую долю – 34 % формирует строительство, затем 26 % - торговля и 23 % сфера услуг.

Численность российских работников, занятых в теневой экономике составляет примерно 5 млн. человек в 2025 году.

Экономисты выделяют самые разнообразные причины существования теневой экономики:

1. Антропологические факторы, которые характеризуют двойственную природу самого человека.
2. Экономические факторы, порождаемые противоречиями рыночного хозяйства (например, слишком высокие налоги, взимаемые с предпринимателей и домохозяйств, коррупция).
3. Социальные факторы, связаны с социальной структурой общества (например, социальная политика государства, неравенство в доходах общества).
4. Правовые факторы или правовая основа экономики (например, слабая правовая система).
5. Социокультурные факторы, т.е. влияние культуры, традиций и др. факторов.
6. Политические факторы (например, влияние проводимой политики государства, бюрократия).

Анализируя теневую экономику можно отметить две функции, которые она выполняет:

Первая функция носит положительный характер, ее можно назвать как стабилизирующая функция. Это связано, прежде всего, с тем, что теневая экономика позволяет хозяйствующим субъектам экономить на налоговых отчислениях. Неуплата налогов позволяет экономить и увеличивает чистую прибыль в 1,4 раза. Кроме того теневая занятость самих работников способствует росту их оплаты труда на 13 %.

Вторая функция носит отрицательный характер и носит название дестабилизирующей функцией. Это связано с тем, что теневая экономика снижает налоговые поступления в бюджет, что негативно сказывается в целом на состоянии экономики и ее социальных программах. Кроме того, снижается трудовая мотивация работников, возникают многочисленные конфликты. Снижается репутация страны на мировом рынке.

В реальной экономике нет точного разделения теневой и легальной экономики, поэтому нелегко выделить скрытые элементы экономики. Субъекты теневой экономики получают экономическую выгоду путем недобросовестной конкуренции, нарушения закона, они не соблюдают деловую тактику и морально-этические нормы.

Теневая экономика наносит значительный ущерб существованию экономики страны, поэтому важнейшей функцией государства является недопущение увеличения масштабов теневой экономики в стране. Государство использует различные методы для измерения величины теневой экономики. Методы можно подразделить на две группы: прямые методы и косвенные методы.

Прямые методы направлены на небольшие объекты, такие как индивиды, отрасли или районы. Они характеризуются интервьюированием, изучением разницы в доходах и расходах индивидов, аудирование и т.д.

Косвенные методы направлены на выявление теневого сектора в целом в стране, регионе. Косвенные методы основаны на анализе доходных и расходных статей ВВП, на оценивании объема денежной массы и размера налоговых поступлений, на сопоставлении официальной и фактической рабочей силы, на применении множественных индикаторов.

Основным элементом государственного воздействия на теневой бизнес является разработка и реализация государственной стратегии национальной и экономической безопасности страны. Помимо стратегии, государство должно проводить активную и адекватную экономическую политику, следить за актуальностью законодательной базы в стране, осуществлять воспитательную и правоохранительную деятельность, сотрудничать с международными организациями.

Таким образом, теневая экономика представляет собой такой элемент экономики, который требует пристального внимания со стороны государства.

Пристатейный библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 1 (ГК РФ) от 30.11.1994 № 51-ФЗ с изменениями и дополнениями. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>
3. Указ Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.
4. Золали Р. П., Арифутлин М. В. Экономическая безопасность: значение и факторы ее обеспечения // Вестник науки. – 2024. – № 6 (75). – С. 184-189.
5. Васильева Л. П. Экономическая безопасность: определения и сущность // Журнал прикладных исследований. – 2020. – № 3. – С. 6-13.
6. Есир А. И., Кискул О. А., Толмачева И. В. Исследование теоретических аспектов понятия экономической безопасности // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 8. – С. 49-54.
7. Шелухина Е. А., Румачик Н. А., Мезенцева Е. С. Сущностная характеристика и ключевые составляющие системы экономической безопасности государства // Журнал прикладных исследований. – 2022. – № 6. – С. 801-809.

СОЛОВЬЕВА Ирина Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры социально-культурной деятельности и педагогики, Орловский государственный институт культуры

Соловьева И. А.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ КУЛЬТУРНОГО ВОЛОНТЕРСТВА

В статье рассматриваются институциональные основы культурного волонтерства как одного из основных элементов современной социокультурной системы. Анализируется сущность культурного волонтерства через добровольческую деятельность, его нормативно-правовая база, раскрываются основные этапы институционализации в России – от дореволюционного меценатства до современного общественного движения «Волонтеры культуры». Уделяется внимание роли государственных, общественных и частных структур в развитии волонтерства в сфере культуры. Обосновывается важность институциональной поддержки для устойчивого развития культурного волонтерства и сохранения культурного наследия.

Ключевые слова: культурное волонтерство, добровольческая деятельность, институционализация, культурная политика, «Волонтеры культуры».

SOLOVJEVA Irina Anatoljevna

Ph.D. in economical sciences, associate professor, associate professor of Social and cultural activities and pedagogy sub-faculty, Orel State Institute of Culture

THE INSTITUTIONAL BASIS OF CULTURAL VOLUNTEERING

This article examines the institutional basis of cultural volunteering as one of the key elements of the modern sociocultural system. It analyzes the essence of cultural volunteering through volunteer activities and its regulatory and legal framework, and outlines the main stages of institutionalization in Russia—from pre-revolutionary patronage to the contemporary social movement «Cultural Volunteers». Attention is focused on the role of state, public, and private structures in the development of volunteering in the cultural sphere. The importance of institutional support for the sustainable development of cultural volunteering and the preservation of cultural heritage is substantiated.

Keywords: cultural volunteering, volunteer activities, institutionalization, cultural policy, «Cultural Volunteers»

Современное гражданское общество невозможно представить без добровольческой деятельности, которая охватывает различные сферы общественной жизни, включая культуру. Волонтерство в сфере культуры – это относительно новое явление, получившее официальный статус самостоятельного направления в 2019 году в рамках федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура» и прошло путь от разрозненных инициатив до устойчивого социального института общегосударственного масштаба. Сегодня культурное волонтерство стало одним из ресурсов расширения доступа всех слоев населения к культурным благам, поддержки учреждений культуры, которые разрабатывают «специальные программы и мероприятия, направленные на популяризацию и привлечение интереса к объектам культурного наследия» [12, с. 83], их сохранение и передачу будущим поколениям. В то же время волонтерская деятельность в сфере культуры не может быть успешно реализована без соответствующей институциональной базы: наличия определенных устойчивых норм и правил, механизмов организации, регулирующих и упорядочивающих участие граждан в культурных инициативах.

Актуальность изучения институциональных основ культурного волонтерства объясняется рядом факторов:

1. привлечение добровольцев к деятельности организаций культуры, и прежде всего, молодежи, можно рассматривать как эффективный механизм вовлечения населения в процессы формирования культурной идентичности, сохранения исторической памяти воспитания ответственного отношения к культурному достоянию;
2. сохранение культурного наследия отнесено к числу стратегических приоритетов государственной политики;
3. в научном сообществе до сих пор нет единства в понимании сущности культурного волонтерства, его границ и

специфики, что предопределяет дальнейшие исследования в этой области.

Институционализация волонтерской деятельности в целом, и культурного волонтерства предопределяется соответствующими нормативно-правовыми актами, среди которых первостепенное значение имеет Федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [1], а также Концепция развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года (распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2950-р) [2] и сменившая ее Концепция содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации до 2030 года (распоряжение Правительства РФ от 25 декабря 2025 г. № 4064-р) [3].

Итак, волонтерство в сфере культуры представляет собой относительно новый, но стремительно развивающийся объект научного исследования. До конца 2010-х годов данная проблематика изучалась преимущественно в рамках общей социологии добровольчества и педагогики социально-культурной деятельности. Систематическое осмысление культурного волонтерства как самостоятельного феномена начинается в российской науке в середине 2010-х годов – одновременно с его институциональным оформлением. Несмотря на заметный рост числа публикаций, в современном научном сообществе сущность и отличительные особенности культурного волонтерства ещё недостаточно изучены и нет единого утвержденного определения (термина), характеризующего деятельность волонтеров в сфере культуры [11]. Среди теоретиков и практиков, связанных с добровольческой деятельностью, можно услышать такие взаимозаменяемые понятия: «волонтеры культуры», «арт-волонтеры», «культурные волонтеры», «волонтеры сферы культуры и искусства», «волонтерство в проектах культурной направлен-

ности», «культурно-просветительское волонтерство», «волонтеры в сфере сохранения культурного наследия» и т.д. [7]. При этом следует разграничивать понятия «волонтер культуры» и «волонтер наследия», которые в последнее время получили отдельное смысловое наполнение. Если первый термин охватывает всё разнообразие добровольческой деятельности в сфере культуры, то второй конкретизирует деятельность по сохранению, восстановлению, популяризации и трансляции объектов культурного и природного наследия.

В широком смысле волонтерство в сфере культуры – это добровольная и безвозмездная деятельность физических лиц в сфере культуры [8]. Данная дефиниция шире институционального понимания, поскольку охватывает не только деятельность в рамках конкретных учреждений культуры, но и все формы неформального добровольческого участия в культурной деятельности. При этом важной характеристикой граждан, занятых такой деятельностью является «социальная активность» [10]. А для молодежи «культурное волонтерство выступает эффективным инструментом самореализации, сочетая рекреационные и созидательные аспекты деятельности» [9]. В более узком, субъектном смысле, под волонтером культуры следует понимать лицо, осуществляющее добровольческую деятельность на базе организаций культуры – музеев, библиотек, театров, домов культуры, парков культуры и отдыха, учреждений дополнительного образования в сфере культуры.

Опираясь на многочисленные исследования, мы считаем возможным дать следующее определение института культурного волонтерства: это устойчивый социальный институт, обеспечивающий организацию и воспроизводство добровольческой деятельности в сфере культуры, направленной на сохранение и популяризацию культурного наследия, формирование культурной идентичности и воспитание ответственного отношения общества к историческому наследию через организационно оформленную систему формальных и неформальных механизмов взаимодействия между государством, обществом, учреждениями и организациями культуры, а также бизнес-структурами. В самом общем виде, культурное волонтерство можно представить в виде системы постоянных взаимодействий между различными институтами – государством, некоммерческими организациями, учреждениями культуры, бизнес-структурами и самими волонтерами.

История становления института культурного волонтерства в России начинается с традиции дореволюционного меценатства и благотворительности, однако его современные институциональные формы складываются значительно позже. В советский период элементы добровольческой деятельности в сфере культуры реализовывались через «народные дружины», общественные объединения по охране памятников истории и культуры, а также через студенческие строительные отряды, участвовавшие в реставрационных работах [6].

В постсоветский период, с появлением рыночных отношений, традиции социального служения приобрели новый смысл, а понятие «волонтерство» вошло в повседневный обиход и стало синонимичным традиционному «добровольчеству». Первые систематические волонтерские практики в учреждениях культуры возникли в формате клубов при крупных музеях – прежде всего, речь идет о «Клубе друзей Эрмитажа», созданном в ноябре 1996 года и ставшим первым обществом Друзей музея в России [5]. За годы деятельности Клуба накоплен большой опыт партнерского взаимодействия музея с индивидуальными благотворителями и корпоративными меценатами. Их финансовая поддержка позволила осуществить реставрацию музейных предметов и исторических интерьеров, подготовить многочисленные выставочные проекты, провести научные и просветительские программы, пополнить эрмитажные коллекции новыми экспонатами. На протяжении 2000-х–2010-х годов роль волонтерских движений в организации деятельности учреждений культуры значительно возросла, хотя и оставалась по преимуществу инициативной, а не системной. То есть факти-

чески еще не было сформировано полноценного института культурного волонтерства.

Процесс полной институционализации добровольческой деятельности в сфере сохранения и популяризации культурного наследия пришелся на 2018 г., когда впервые была представлена концепция движения «Волонтеры культуры» в рамках Всероссийского образовательного форума «Таврида». Следующим этапом стало создание Дирекции общественного движения «Волонтеры культуры» на базе Ассоциации волонтерских центров (АВЦ). Интеграция в национальный проект «Культура» укрепила институциональную основу культурного волонтерства, благодаря чему стало возможным проведение профессиональных профильных мероприятий, оказание комплексной помощи в рамках методического обеспечения, информационного и ресурсного сопровождения культурных проектов и социально значимых инициатив, направленных на сохранение культурного наследия народов Российской Федерации. В результате начал формироваться социальный институт добровольчества в сфере сохранения культурного наследия в масштабах всей страны, а культурное волонтерство вышло за рамки локальных инициатив и приобрело статус элемента государственной культурной политики.

Сегодня структура движения «Волонтеры культуры» имеет разветвленный характер и охватывает все субъекты Российской Федерации. В регионах действуют региональные координаторы, которые обеспечивают взаимодействие между добровольцами, учреждениями культуры и органами государственной власти. На местах создаются волонтерские центры на базе учреждений культуры (музеев, библиотек, домов культуры) или в формате самостоятельных некоммерческих организаций [4].

Важным институциональным звеном движения являются Добро.Центры «Волонтеры культуры», открывающиеся на базе учреждений культуры в регионах. Такие центры сочетают функции ресурсного, образовательного и проектного характера, обеспечивая преемственность поколений волонтеров и формирование устойчивых сообществ добровольцев вокруг региональных музеев, библиотек и театров, включая работу с волонтерскими движениями в сфере инклюзивного волонтерства. По данным Министерства культуры РФ на декабрь 2025 г. в движении «Волонтеры культуры» состоит 237 тысяч волонтеров, работают 72 региональных отделения и 159 профильных Добро.Центров. За 2025 год было реализовано более 166 тысяч проектов.

Практику институционализации культурного волонтерства можно рассмотреть на трех уровнях: на макроуровне (инициатива со стороны государства, например, «Волонтеры культуры»), на мезоуровне (инициатива со стороны отдельных организаций сферы культуры) и микроуровне (инициативы со стороны бизнес-структур, включая отдельные локальные проекты).

На мезоуровне ярким примером является создание Службы волонтеров Государственного Эрмитажа в 2003 году для помощи в организации крупных мероприятий в связи с празднованием 300-летия Санкт-Петербурга. Сейчас эта волонтерская программа объединяет российских и иностранных граждан (США, Швейцария, Франция, Корея, Израиль и др. стран), желающих участвовать в жизни музея и вносить вклад в сохранение культурного наследия нашей страны. Волонтеры участвуют в различных мероприятиях в Эрмитаже («Ночь музеев», фестивали «Интермузей» и «Открой свою Европу в Эрмитаже», «День Эрмитажного кота» и др.), встречают иностранных гостей из других музеев в аэропорту, сопровождают гостей на специальных мероприятиях, разрабатывают и реализуют проекты на предоставленные темы, выполняют секретарскую и курьерскую работу, проводят социологические исследования и т.д. Многие мероприятия и проекты, разработанные самими волонтерами, носят инклюзивный характер, в частности, представляют собой бесплатные квесты с элементами театрализованной игры для глухих и слабослышащих детей. В целом, Служба волонтеров Эрмитажа – это яркий пример институционализированного культурного волонтерства.

Следует остановиться на проекте «Музейное волонтерство от Сбера», который был запущен 5 декабря 2025 года в целях сохранения культурного наследия для будущих поколений, а также чтобы сделать музеи доступнее и современнее. Волонтеры Сбера активно используют искусственный интеллект для оцифровки документов, фотографий разбора старых фондов и архивов. В волонтерском движении сегодня насчитывается около 40 тыс. человек, которые реализуют 1,2 тыс. проектов, среди которых Школа экскурсовода в Екатеринбурге, создание квеста на основе чат-бота для маленьких посетителей Воронежского музея им. И.Н. Крамского, сбор пластика в музее-заповеднике «Петергоф» и обмена его на саженцы для парка музея, создание арт-объектов на остановках транспорта в Оренбургской области и др. [13].

Институциональные основы культурного волонтерства связаны с созданием соответствующей инфраструктуры поддержки. В частности, в 2020 г. на базе ФГБУК «Центр культурных стратегий и проектного управления» (Роскультпроект) был создан Ресурсный центр поддержки добровольчества, в задачи которого входят:

1. помощь в разработке и реализации добровольческих проектов в сфере культуры;
2. координация деятельности волонтеров культуры в субъектах РФ;
3. организация просветительских мероприятий в виде форумов и практических сессий (Школа волонтеров наследия, Международный волонтерский лагерь, акции «Всероссийский день заботы о памятниках истории и культуры» и др.).

Сегодня культурное волонтерство можно структурировать по трем основным направлениям: сфера культуры, культурное наследие и гостеприимство (деятельность, связанная с приемом и сопровождением гостей на культурных мероприятиях и площадках). Добровольцы участвуют в систематизации библиотечных и музейных фондов, оказывают помощь лицам с ограниченными возможностями при посещении учреждений культуры, разрабатывают туристические маршруты, которые знакомят людей с историей и культурой региона и облагораживают объекты культурного наследия.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов относительно институциональных основ культурного волонтерства в современной России.

Во-первых, культурное волонтерство представляет собой сложный социокультурный феномен, сочетающий в себе черты добровольческого труда, просоциального поведения и формы содержательного досуга. Его сущностью является безвозмездное личное участие граждан в сохранении и популяризации культурного наследия, поддержке культурных проектов и формировании культурной идентичности.

Во-вторых, деятельность Всероссийского общественного движения «Волонтеры культуры» является основным институтом развития культурного добровольчества, объединяющим тысячи организаций и сотни тысяч активных волонтеров по всей стране.

В-третьих, конкретные волонтерские практики демонстрируют не только многообразие форм культурного волонтерства в России, но и взаимодополняющий характер институциональной и низовой (идущей от инициативы самих граждан) моделей.

Несмотря на институциональное оформление и продолжающееся развитие, культурное волонтерство в России сталкивается с рядом проблем, среди которых — необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования, повышение уровня общественного признания волонтерского труда, развитие системы обучения и сертификации добровольцев, расширение практик государственно-частного партнерства в сфере сохранения культурного наследия. Решение этих задач требует как практических усилий всех заинтересованных сторон, так и дальнейших теоретических исследований, в чем и состоит перспективное поле для будущих научных работ по проблематике институциональных основ культурного волонтерства.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ (последняя редакция). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7495/ (дата обращения: 26.04.2026).
2. Распоряжение Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р «Об утверждении Концепции развития добровольчества (волонтерства) в Российской Федерации до 2025 года». — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314804/f62ee45faefd8e2a11d6d88941a66824f848bc2/ (дата обращения: 26.04.2026).
3. Распоряжение Правительства РФ от 25.12.2025 № 4064-р «Об утверждении Концепции содействия развитию добровольческой (волонтерской) деятельности в Российской Федерации до 2030 года» и признании утратившим распоряжения Правительства РФ от 27.12.2018 № 2950-р. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_522932/ (дата обращения: 26.04.2026).
4. Васильковская М. И., Пономарев В. Д. «Волонтеры культуры» Российской Федерации как общественное движение и социальный институт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. — 2020. — № 6 (98). — С. 114-121.
5. Горлова Н. И. Волонтерская деятельность в сфере культуры: лучшие практики и инициативы // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2024. — № 2 (59). — С. 31-37.
6. Зимин А. Э. Этапы становления волонтерства в России: историко-культурный аспект // Вестник Майкопского государственного технологического университета. — 2023. — Том 15. № 1. — С. 134-140.
7. Зиновьева Ю. В. Музейное волонтерство в структуре добровольчества в сфере культуры // Вестник СПбГИК. — 2021. — № 2 (47). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzejnoe-volonterstvo-v-strukture-dobrovolestva-v-sfere-kultury> (дата обращения: 21.04.2026).
8. Ковель Т. А. Волонтерство как социальный институт. факторы институционализации волонтерства в современной России // Московский экономический журнал. — 2019. — № 7. — С. 40.
9. Кушнир Я. А. Культурное волонтерство как форма организации досуговой деятельности молодежи // Вестник науки. — 2026. — № 4 (97). — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnoe-volonterstvo-kak-forma-organizatsii-dosugovoy-deyatelnosti-molodezhi> (дата обращения: 24.04.2026).
10. Мартынова М. В. Развитие социальной активности обучающихся вуза культуры // Образование и культурное пространство. — 2020. — № 4. — С. 52-57.
11. Паклина Е. А. Культурное волонтерство как инновационный вид деятельности добровольцев // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. — 2018. — Т. 216. — С. 125-134.
12. Ужаринская В. В. Сохранение культурного наследия как приоритетное направление деятельности учреждений культуры // Музеи, архивы и библиотеки в XXI веке: традиции и новации: Сборник материалов XI Международных музейных чтений, Орел - София, 11 мая 2023 года. — Орел: ФГБОУ ВО «Орловский государственный институт культуры», 2023. — С. 82-91.
13. Цифра и культура: как волонтеры Сбера содействуют преобразению музеев с помощью. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.spb.kp.ru/daily/27752.5/5180688/> (дата обращения: 24.04.2026).

ШАПОВАЛОВ Сергей Александрович

научный исследователь базовой кафедры государственно-частного партнерства, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ГЧП КАК МЕХАНИЗМ ПРЕОДОЛЕНИЯ «ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА» В РЕГИОНАХ РОССИИ

Статья посвящена анализу государственно-частного партнёрства как институционального механизма сокращения цифрового неравенства между регионами России. На основе данных рейтингов цифровой зрелости и индекса цифровой экосистемы выявлен разрыв между лидерами и отстающими субъектами. Рассмотрены примеры ГЧП-проектов, демонстрирующие снижение бюджетных рисков и ускорение внедрения цифровых сервисов в удалённых территориях. Показано, что концессионные модели позволяют привлечь частные инвестиции и экспертизу, но их масштабирование сдерживается регуляторными и институциональными барьерами. Предложены направления интеграции ГЧП с федеральными программами цифровизации.

Ключевые слова: ГЧП, цифровое неравенство, цифровизация регионов, Россия, инфраструктура, концессия, рейтинг цифровой зрелости.

SHAPOVALOV Sergey Alexandrovich

Scientific researcher of the Basic Department of Public-Private Partnership, Financial University under the Government of the Russian Federation

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS AS A MECHANISM FOR OVERCOMING DIGITAL INEQUALITY IN RUSSIAN REGIONS

This article analyzes public-private partnerships as an institutional mechanism for reducing digital inequality between Russian regions. Using data from digital maturity ratings and the Digital Ecosystem Index, a persistent gap between leaders and laggards is identified. Examples of PPP projects demonstrating reduced budget risks and accelerated implementation of digital services in remote areas are considered. It is shown that concession models can attract private investment and expertise, but their scalability is hampered by regulatory and institutional barriers. Directions for integrating PPPs with federal digitalization programs are proposed.

Keywords: PPP, digital inequality, regional digitalization, Russia, infrastructure, concession, digital maturity rating.

Введение

Цифровое неравенство в России приобрело устойчивый региональный характер, а также этот феномен воспроизводит и углубляет социально-экономические диспропорции между центральными и периферийными субъектами Федерации. По данным рейтинга цифровой зрелости, разрыв между регионами-лидерами и отстающими остаётся критическим¹. Аналогичная картина фиксируется индексом цифровой экосистемы регионов. Лидеры превышают 90 % цифровизации услуг, а отстающие остаются ниже 55 %².

Такое положение обусловлено комплексом факторов, таких как географическая удалённость, низкая плотность населения, недостаточное бюджетное финансирование и слабая инвестиционная привлекательность удалённых территорий [1]. Федеральная программа «Устранение цифрового неравенства» (УЦН) обеспечила подключение к интернету более 16,5 тыс. малых населённых пунктов, однако её устойчивость и дальнейшее масштабирование требуют привлечения внебюджетных источников³.

В этой логике государственно-частное партнёрство рассматривается как инструмент, сочетающий государственное регулирование с бизнес-экспертизой и инвестициями. Успешные проекты, такие как «Цифровое Приморье» и Калужская ИТ-платформа, демонстрируют потенциал ГЧП в

создании инфраструктуры и сервисов^{4,5}. При этом сохраняются барьеры, например несовершенство законодательства о ГЧП в сфере связи и информационных технологий, а также институциональная зависимость от долгосрочных обязательств инвесторов ограничивают распространение успешных практик [2].

Актуальность темы состоит в необходимости реализации положений стратегии «Цифровая экономика РФ» до 2030 года. В этом документе ГЧП обозначено приоритетным механизмом для развития инфраструктуры [3].

Цель статьи – обоснование эффективности ГЧП как механизма преодоления цифрового неравенства в регионах России.

Методология основана на сравнительном анализе статистических данных и практик реализации ГЧП-проектов на Дальнем Востоке и в центральной части России⁶. В работе использованы теоретические подходы институциональной экономики и концепции публичного управления цифровым развитием. Показатели цифровой зрелости и цифровизации услуг в некоторых регионах РФ приведены в таблице 1.

4 В Приморском крае подписано концессионное соглашение о создании Информационной системы «Цифровое Приморье». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/v-primorskom-krae-podpisano-kontsessionnoe-soglasenie-o-sozdanii-informatsionnoy-sistemy-tsifrovoe--31834/> (дата обращения: 06.04.2026).

5 Калужский Центр государственно-частного партнёрства презентовал проекты в сфере ИТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gchp40.ru/news/kaluzhskij-centr-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-prezentoval-proekty-v-sfere-it/> (дата обращения: 06.04.2026).

6 Представители Дальнего Востока оценили роль ГЧП в цифровизации региона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://forumvostok.ru/news/predstaviteli-dalnego-vostoka-otsenili-rol-gchp-v-tsifrovizatsii-regiona/> (дата обращения: 06.04.2026).

1 Рейтинг цифровой зрелости субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sicmt.ru/dmrating> (дата обращения: 06.04.2026).

2 Индекс цифровой экосистемы регионов России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ict.moscow/analytics/index-tsifrovoi-ekosistemy-regionov-rossii/> (дата обращения: 06.04.2026).

3 Устранение цифрового неравенства: 10 лет проекту. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.akit.ru/news/ustranenie-tsifrovogo-neravenstva-10-let-proektu> (дата обращения: 06.04.2026).

Таблица 1. Показатели цифровой зрелости и цифровизации услуг в регионах РФ

Регион	Баллы цифровой зрелости	Индекс цифровой экосистемы
Москва	11	92
Санкт-Петербург	11	90
Республика Татарстан	11	88
Приморский край	4	51
Республика Тыва	4	49

Источники: составлено по материалам ^{1, 2}

1 Рейтинг цифровой зрелости субъектов Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sicmt.ru/dmrating> (дата обращения: 06.04.2026).

2. Индекс цифровой экосистемы регионов России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ict.moscow/analytics/index-tsifrovoi-ekosistemy-regionov-rossii/> (дата обращения: 06.04.2026).

Таблица 2. Сравнительная характеристика ГЧП-проектов в сфере цифровизации регионов России

Параметр	«Цифровое Приморье»	Калужская ИТ-платформа	УЦН + ГЧП на Чукотке
Тип ГЧП	Концессия	Соглашение о ГЧП	Смешанная модель из федеральной субсидии и частного оператора
Инвестиции, млрд. руб.	Более 5,5	н/д	н/д
Основные результаты	30 цифровых и сервисов, покрытие 92 % края	37 проектов и автоматизация учёта	Проникновение интернета выросло с 26 % до 92 %
Срок действия	До 2034 г.	с 2023 г.	2014-2025 гг.
Охват пользователей	67 % населения края	н/д	70 % малых населённых пунктов

Источники: составлено по материалам ^{1, 2, 3}

1 Устранение цифрового неравенства: 10 лет проекту. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.akit.ru/news/ustranenie-tsifrovogo-neravenstva-10-let-proektu> (дата обращения: 06.04.2026).

2 В Приморском крае подписано концессионное соглашение о создании Информационной системы «Цифровое Приморье». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/v-primorskom-krae-podpisano-kontsessiionnoe-soglasenie-o-sozdanii-informatsionnoy-sistemy-tsifrovoe-31834/> (дата обращения: 06.04.2026).

3 «Цифровое Приморье» – это про то, как «цифра» меняет жизнь края к лучшему уже сейчас [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/1375952/> (дата обращения: 06.04.2026).

На основании проведённого анализа получены результаты исследования по выявлению эффективности ГЧП как механизма преодоления цифрового неравенства в регионах России.

Результаты

Анализ данных рейтинга цифровой зрелости субъектов РФ выявил выраженный разрыв. Так, 26 регионов-лидеров имеют 11 баллов, а 20 отстающих регионов – менее 5 баллов. По индексу цифровой экосистемы средневзвешенный показатель по России составляет 68 %, однако разница между Северо-Западным федеральным округом и Дальневосточным федеральным округом достигает 31 процентного пункта и это подтверждает экономическую зависимость цифрового развития [1].

ГЧП-проекты демонстрируют положительную динамику в целевых регионах, так, в Приморском крае концессионное соглашение «Цифровое Приморье» с инвестициями свыше 5,5 млрд. руб. обеспечило создание цифровых сервисов, а сферы охвата включают ЖКХ, безопасность и туризм. Покрытие территории края достигло 92 %^{7, 8}. В Калужской

области региональная ИТ-платформа объединила 37 ГЧП-проектов и произведена автоматизация учёта образовательных достижений⁹. На Чукотке сочетание федеральной программы «Устранение цифрового неравенства» и механизмов ГЧП позволило поднять уровень проникновения интернета с 26 % до 92 % за период 2014-2021 годов, подключено 70 % малых населённых пунктов¹⁰.

Обобщённый эффект от реализации ГЧП-проектов выражается в сокращении разрыва в цифровой зрелости на 22 % в регионах-реципиентах по сравнению с контрольной группой¹¹. Анализ показывает, что без применения механизмов ГЧП аналогичный рост цифровизации занял бы от 7 до 10 лет при исключительно бюджетном финансировании [3]. Сравнительная характеристика ГЧП-проектов в сфере цифровизации регионов России приведена в таблице 2.

7 В Приморском крае подписано концессионное соглашение о создании Информационной системы «Цифровое Приморье». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minvr.gov.ru/press-center/news/v-primorskom-krae-podpisano-kontsessiionnoe-soglasenie-o-sozdanii-informatsionnoy-sistemy-tsifrovoe-31834/> (дата обращения: 06.04.2026).

8 «Цифровое Приморье» – это про то, как «цифра» меняет жизнь края к лучшему уже сейчас. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://primamedia.ru/news/1375952/> (дата обращения: 06.04.2026).

9 Калужский Центр государственно-частного партнёрства презентовал проекты в сфере ИТ. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gchp40.ru/news/kaluzhskij-czentr-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-prezentoval-proekty-v-sfere-it/> (дата обращения: 06.04.2026).

10 Устранение цифрового неравенства: 10 лет проекту. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.akit.ru/news/ustranenie-tsifrovogo-neravenstva-10-let-proektu> (дата обращения: 06.04.2026).

11 Представители Дальнего Востока оценили роль ГЧП в цифровизации региона. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://roscongress.ru/news/predstaviteli-dalnego-vostoka-otsenili-rol-gchp-v-tsifrovizatsii-regiona/> (дата обращения: 06.04.2026).

Полученные результаты подтверждают гипотезу о ГЧП как эффективном механизме сокращения цифрового неравенства.

Обсуждение

На основании полученных результатов выявлена неоднозначность эффектов в зависимости от региональных и институциональных факторов, например, разрыв в цифровой зрелости между лидерами и отстающими отражает системный дефицит инфраструктуры на периферии. Географические барьеры и низкая плотность населения усиливают вклад инфраструктурного фактора в общее неравенство.

Проект «Цифровое Приморье» демонстрирует, что концессионные схемы позволяют эффективно распределить инвестиции и экспертизу между государством и бизнесом, но достигнутый рост интернета на 11 п.п. не устраняет макрорегиональный разрыв с Северо-Западом. Разница по индексу цифровой экосистемы составляет 31 п.п.¹²

Сравнение с международным опытом показывает схожие тенденции, так программы с использованием ГЧП позволяют расширить подключение малых населённых пунктов к сети Интернет, при этом цифровой разрыв сокращается, что сопоставимо с эффектом на Чукотке¹³ [12]. Однако в России институциональные ограничения снижают масштабируемость успешных практик.

Несовершенство федерального закона № 115-ФЗ «О ГЧП» применительно к сферам связи и информационных технологий – это значимый барьер, что выражается в отсутствии специализированных налоговых льгот для операторов в удалённых территориях, а также в том, что количество активных ГЧП-проектов в цифровизации остаётся невысоким¹⁴ [2].

Критическим аспектом является временный характер эффекта от ГЧП без интеграции с федеральными программами. Опыт УЦН показывает, что государственная инициатива обеспечивает первоначальное покрытие, но без долгосрочных концессионных соглашений операторы склонны уходить в более прибыльные регионы, что нивелирует достигнутый прогресс.

Связь цифровизации и ВРП предполагает наличие мультипликативного эффекта, так, повышение рейтинга цифровой зрелости на 1 балл может сопровождаться ростом валового регионального продукта на 2,3 %, однако причинно-следственная связь требует дополнительной проверки.

Таким образом, ГЧП выступает необходимым, но недостаточным условием преодоления цифрового неравенства, но для масштабирования успешных практик на Север и Восток РФ требуются регуляторные корректировки. Необходимо совершенствование законодательства о ГЧП в сфере связи, целевые налоговые льготы для операторов в удалённых и труднодоступных территориях также обязательны, а также синхронизация концессионных соглашений с федеральными программами устранения цифрового неравенства. Без данных мер экономически эффективные проекты останутся локальными и системного сокращения межрегионального разрыва не произойдёт.

Заключение

Сопоставление данных, полученных по рейтингу цифровой зрелости, с индексом цифровой экосистемы показывает устойчивый разрыв, который отделяет регионы-лидеры от отстающих субъектов. Выявленный разрыв находится в прямой зависимости от неравномерности величин валового регионального продукта.

Рассмотренные кейсы показали, что механизм государственно-частного партнёрства служит источником внебюджетных вливаний, инструментом распределения рисковых нагрузок между публичным и частным контурами и средством ускорения внедрения электронных сервисов периферийных и труднодоступных районах. При всём этом эффект от ГЧП остаётся точечным, а макрорегиональная диспропорция при отсутствии жёсткой связи с федеральными инициативами остаётся.

В числе базовых барьеров выделены институциональные рамки, пробелы законодательства регулирующего ГЧП, нехватка адресных налоговых преференций, а также неустойчивый характер отдачи от правительственных проектов.

Для целенаправленного нивелирования информационного дисбаланса целесообразно проведение модернизации федеральной нормативной базы в части ГЧП применительно к связи и информатизации, а также имплементация целевых фискальных преференций для операторов, функционирующих на периферии, а также синхронизация концессионных контрактов с текущими госпрограммами.

Пристатейный библиографический список

1. Басова Е. А. Цифровое неравенство российских регионов: современные проблемы и пути преодоления // Вопросы территориального развития. – 2021. – Т. 9. – № 4. – С. 1-17.
2. Барандова Т. Л., Мокин К. С. Государственно-частное партнерство как механизм развития цифровой инфраструктуры российских регионов: кросс-региональное исследование // PolitBook. – 2025. – № 3. – С. 180-195. – DOI: 10.24412/2227-1538-2025-3-180-195.
3. Борисов С. А., Соменкова Н. С. Оценка цифровой зрелости регионов в условиях глобальных вызовов // Экономическая безопасность. – 2025. – Т. 8. № 6. – С. 1693-1712. – DOI: 10.18334/ecsec.8.6.123457.
4. Tatuev A., Lyapuntsova E., Aganin M. Digitalization as a strategic lever for sustainable economic development: integrating national and local sustainability agendas with digital transformation pathways // Reliability: Theory & Applications. – 2025. – Vol. 20. № SI 9 (87). – P. 340-350. – DOI: 10.24412/1932-2321-2025-987-340-350.

12 Индекс цифровой экосистемы регионов России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ict.moscow/analytics/indeks-tsifrovoyi-ekosistemy-regionov-rossii/> (дата обращения: 06.04.2026).

13 Устранение цифрового неравенства: 10 лет проекту. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.akit.ru/news/ustranenie-tsifrovogo-neravenstva-10-let-proektu> (дата обращения: 06.04.2026).

14 Калужский Центр государственно-частного партнёрства презентовал проекты в сфере ИТ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gchp40.ru/news/kaluzhskij-czentr-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva-prezentoval-proekty-v-sfere-it/> (дата обращения: 06.04.2026).

БУРЕНИН Алексей Никитович

аспирант, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ ПРОЦЕССА РАЗРАБОТКИ ПОРТФЕЛЬНЫХ РЕШЕНИЙ ПО УПРАВЛЕНИЮ ФОНДОМ СКВАЖИН

В статье рассматривается организационная модель формирования портфельных решений по управлению фондом нефтяных скважин в контуре экономических методов управления. Показано, что переход от точечных технико-технологических инициатив к портфельному подходу требует регламентированного процесса, единого «пространства» сравнения альтернатив и распределения ресурсов, а также встроенной аналитической поддержки для инвестиционного комитета. Обобщены элементы «таблицы стратегий» как инструмента конструирования стратегических альтернатив и представлена модель процесса разработки портфеля решений: от диагностики текущего плана и согласования бизнес-задач до выбора портфельной стратегии и уточнения планов команд. Выделены роли рабочей группы, технического консультанта по портфелю и команд по активам, а также описаны контуры взаимодействия с другими процессами бизнес-планирования.

Ключевые слова: фонд скважин, портфель решений, таблица стратегий, управление активами, инвестиционный комитет, распределение ресурсов, экономические методы, организационная модель, бизнес-планирование.

BURENIN Alexey Nikitovich

postgraduate student, Ufa State Petroleum Technological University

ORGANIZATIONAL MODEL OF THE PROCESS OF DEVELOPING PORTFOLIO SOLUTIONS FOR MANAGING THE WELL FUND

The article discusses the organizational model of forming portfolio solutions for managing the oil well fund in the context of economic management methods. It is shown that the transition from point-based technical and technological initiatives to a portfolio approach requires a regulated process, a unified "space" for comparing alternatives and allocating resources, as well as embedded analytical support for the investment committee. The elements of the "strategy table" as a tool for constructing strategic alternatives are summarized, and a model of the decision portfolio development process is presented: from diagnosing the current plan and aligning business objectives to selecting a portfolio strategy and refining team plans. The roles of the working group, the portfolio technical consultant, and the asset teams are highlighted, and the interaction with other business processes is described.

Keywords: well fund, decision portfolio, strategy table, asset management, investment committee, resource allocation, economic methods, organizational model, business planning.

Современный этап развития нефтегазовой отрасли характеризуется ухудшением структуры запасов, ростом доли трудноизвлекаемых ресурсов и высокой волатильностью мировых цен на энергоносители. В этих условиях традиционные подходы к управлению фондом скважин, базирующиеся преимущественно на достижении технологических показателей (дебит, приемистость), утрачивают свою эффективность. Актуальность исследования обусловлена необходимостью трансформации управления фондом в сторону экономических методов, где каждая скважина или группа скважин рассматривается как инвестиционный объект в рамках консолидированного портфеля активов компании.

Трансформация экономического подхода к управлению фондом скважин усиливает требования к качеству и скорости управленческих решений: руководству необходимо сопоставлять альтернативы не только внутри одного месторождения или актива, но и между активами портфеля, выбирая оптимальное распределение ограниченных ресурсов [1], [3]. В этих условиях повышается ценность организационной модели, которая обеспечивает прозрачность жизненного цикла актива и ключевых решений, формирует единые правила подготовки и защиты инициатив и создает основу для диалога между высшим руководством и операционными командами. Для крупных бизнес-подразделений, включающих несколько управленческих команд (по регионам, типам месторождений или вокруг крупного актива), задача усложняется: каждая команда выступает агрегированной зоной при-

нятия решений, а итоговый портфель должен отражать как «командно-специфические» решения, так и решения уровня бизнес-подразделения (инвестиции в технологии, поставки, приобретения). Таким образом, создание формализованной организационной модели становится критически важным фактором обеспечения прозрачности жизненного цикла активов и формирования, единых правил защиты инвестиционных инициатив.

Обзор существующих подходов к управлению фондом скважин в мировой практике демонстрирует эволюцию от разрозненного технического обслуживания к интегрированному управлению активами (Integrated Asset Management). В условиях волатильности цен на энергоносители и усложнения структуры запасов, ведущие нефтегазовые компании переходят к моделям, которые объединяют геологические данные, технологические возможности и финансовые ограничения в единую экосистему принятия решений. В США и Канаде, где рынок характеризуется высокой плотностью независимых операторов и активным освоением сланцевых активов (Permian, Bakken), доминирует подход «быстрой адаптации». Компании, такие как Chevron и ConocoPhillips, внедряют концепцию «цифрового месторождения» (Digital Oilfield). Здесь управление фондом строится на предиктивной аналитике: автоматизированные системы в реальном времени отслеживают дебит и давление, позволяя моментально перераспределять инвестиции между бурением новых скважин и интенсификацией старого фонда. Основной

акцент делается на минимизацию операционных затрат (ОРЕХ) за счет сокращения простоев.

Норвежский опыт (на примере Equinor) характеризует-ся упором на экологическую эффективность и долгосрочную рациональную эксплуатацию шельфовых месторождений. В Северном море применяется модель «умного управления жизненным циклом», где каждая скважина рассматривается как долгосрочный инвестиционный проект с жесткими требованиями по КИН (коэффициенту извлечения нефти). Это требует глубокой интеграции данных между сервисными компаниями и оператором, что минимизирует риски техно-генных аварий и преждевременного обводнения.

В странах Ближнего Востока (Саудовская Аравия, ОАЭ), где оперируют гиганты уровня Saudi Aramco и ADNOC, акцент смещен в сторону стратегического резервирования мощностей и глобальной оптимизации гигантских месторождений. Управление фондом здесь формализовано через централизованные центры управления операциями, кото-рые координируют тысячи скважин для поддержания ста-бильного уровня добычи согласно квотам ОПЕК+, используя сложные гидродинамические модели в масштабе всей стра-ны.

Таким образом, отечественной и зарубежной практике выделяют несколько подходов к управлению производствен-ными программами в нефтедобыче:

1. Реактивная модель (традиционная): решения принимаются по факту возникновения проблем (снижение дебита, поломка оборудования). Применяется на зрелых месторож-дениях с низкой маржинальностью. Главный недостаток — высокая стоимость экстренного ремонта и упущенная выго-да.

2. Нормативно-целевой подход: формирование про-граммы работ на основе утвержденных планов ГТМ (геолого-технических мероприятий). Ограничением здесь выступает жесткая привязка к бюджету конкретного цеха или нефте-газодобывающего производства без учета межрегиональной оптимизации («Газпром нефть», «Лукойл», «Роснефть»).

3. Портфельный подход (современная парадигма): предполагает рассмотрение совокупности всех скважин как единого пула инвестиционных возможностей. Подход, ха-рактерный для Total Energies и Shell. Сравнительный анализ показывает, что именно портфельный подход позволяет снизить удельные затраты на добычу за счет приоритизации наиболее рентабельных объектов и оптимизации графиков работы подрядных организаций на уровне всего бизнес-под-разделения.

Для обеспечения сопоставимости альтернатив ком-пании внедряют единые ИТ-платформы, позволяющие проводить сценарное моделирование по принципу «что, если». Например, при дефиците мощностей системы зака-чивания скважин алгоритмы помогают определить, какой актив принесет максимальную отдачу при ограниченном флоте ГРП (гидравлического разрыва пласта). Роль кон-сультантов в этой схеме трансформировалась: из постав-щиков экспертных заключений они превратились в архи-текторов бизнес-процессов. Они помогают выстраивать формализованные роли рабочей группы, предотвращая конфликт интересов между производственными подразде-лениями и финансовым блоком. Это особенно критично в условиях высокой неопределенности, когда внешняя конъюнктура требует быстрой переоценки приоритетов осво-ения месторождений без потери общей стратегической цели по добыче и капитализации.

Организационная архитектура такого управления опи-рается на «таблицу стратегий». Большое бизнес-подразде-ление может включать несколько управленческих команд, распределенных по регионам или типам месторождений. С точки зрения портфеля, каждая команда представляет собой агрегированную зону принятия решений. Таблица стратегий позволяет структурировать эти зоны, предлагая набор кре-ативных, но осуществимых вариантов (опций) для каждой области — от выбора технологий интенсификации до стра-тегий работы с обводненным фондом.

Большое бизнес-подразделение может включать не-сколько управленческих команд, каждая из которых управляет своим портфелем. Некоторые команды ориентированы по регионам, другие — по месторождениям с определёнными характеристиками, третьи могут сосредоточиться на одном крупном активе и его окружении. С точки зрения портфеля бизнес-подразделения каждая команда представляет собой агрегированную зону принятия решений [4].

Набор всех областей принятия решений по управлению фондом скважин, охватывающих объём решений, которые должно решить подразделение, формирует так называемую «таблицу стратегий» [2]. Они включают как командно-спе-цифические, так и некомандно-специфические области при-нятия решений, такие как инвестиции в технологии, реше-ния по приобретениям на уровне портфеля и решения по поставщикам на уровне бизнес-подразделения. Под каждой областью — набор вариантов. Менеджеры формируют стра-тегическую альтернативу бизнес-подразделения, проходя путь по таблице стратегий и выбирая варианты в областях решений, которые поддерживают конкретную стратегиче-скую тему.

Для областей решений команд по активам каждая стра-тегическая опция соответствует плану активов, который вво-дится в систему управления портфелем. Специфические мо-дули анализа большого портфеля позволяют пользователю добывать дополнительные инсайты путём сравнения оценок различных альтернатив стратегий портфеля.

Организационная архитектура портфельного управле-ния опирается на строгую модель жизненного цикла актива и на структуру областей принятия решений, объединенных в «таблицу стратегий». Таблица стратегий представляет со-бой набор областей решений, которые должно закрывать подразделение, при этом под каждой областью формирует-ся перечень креативных, но осуществимых вариантов. Про-ходя по таблице стратегий и выбирая варианты, менеджеры конструируют стратегическую альтернативу, отражающую стратегическую тему подразделения. Для команд по активам такая стратегическая опция материализуется в план управ-ления фондом скважин, который далее вводится в систему управления портфелем и становится объектом сравнитель-ного анализа.

Ключевым элементом предлагаемой модели является процесс разработки портфельных решений по фонду сква-жин, ориентированная на сквозную управляемость и ана-литическую обоснованность. Процесс включает следующие этапы:

1. Диагностика и постановка задач: выявление систем-ных проблем фонда и дефицита ресурсов, актуализация стратегических целей бизнеса.

2. Формирование альтернатив: команды по активам разрабатывают вариантные планы управления (например, «агрессивный рост», «поддержание полки», «минимизация затрат»).

3. Оценка и ранжирование: на уровне рабочей группы и технического консультанта по портфелю выполняется предварительная многокритериальная оценка планов команд и бизнес-подразделений, а затем — окончательная оценка и сравнение портфельных планов с точки зрения достижения целевых показателей и потребности в ресурсах.

4. Согласование и выбор: итоговый управленческий диалог на инвестиционном комитете, где на основе сравнения портфельных сценариев выбирается целевой план управления фондом скважин и распределение ресурсов, а также уточнение сформированного плана и его увязку с другими процессами бизнес-планирования.

Важным аспектом является выделение ролей. Технический консультант по портфелю выступает «мостом» между операционным уровнем и ТОП-менеджментом, обеспечивая объективность данных. Взаимодействие происходит на совместных совещаниях, что превращает процесс из бюрократического утверждения в итерационный контур поиска оптимальности: прогресс оценивается на каждой фазе, спорные точки фиксируются как решения, а не как разрозненные замечания. Любое новое решение (например, внеплановое бурение или приобретение актива) рассматривается через его влияние на показатели всего портфеля. В результате любое инвестиционное решение или срочная возможность (включая приобретения) рассматривается через призму влияния на весь портфель, что стимулирует команды по активам заранее согласовывать ресурсные потребности и консультироваться с портфельной функцией.

Практическим результатом описанного подхода выступает формирование организационно-экономической модели управления фондом скважин, включающей уточненную матрицу управления фондом, классификацию решений, методику комплексной оценки эффективности решений и расчетный механизм оценки рисков реализации мероприятий. В совокупности это создает основу для рационального освоения нефтегазовых месторождений в условиях воздействия внешних факторов и ресурсных ограничений. Внедрение организационно-экономической модели позволяет:

1. Оптимизировать распределение OPEX и CAPEX между зрелыми и новыми месторождениями.

2. Сократить время на подготовку годовых программ управления фондом за счет типизации решений и использования таблицы стратегий.

3. Повысить точность прогнозирования добычи и финансовых потоков благодаря учету рисков и взаимозависимости активов.

4. Создать платформу для цифровизации процессов принятия решений, так как формализованная модель легко поддается алгоритмизации в современных ERP-системах.

Выводы. Во-первых, переход к экономическим методам управления фондом скважин требует не только инструментов оценки, но и формализованной организационной модели, обеспечивающей сопоставимость альтернатив по активам и прозрачное распределение ресурсов на уровне всей компании. Во-вторых, «таблица стратегий» позволяет структурировать области решений и формировать стратегические альтернативы как комбинации осуществимых вариантов, связывая уровень стратегии с планами команд по активам. В-третьих, процесс разработки портфельных

решений целесообразно строить как последовательность этапов от диагностики и постановки бизнес-задач к разработке и многокритериальной оценке альтернатив и последующему согласованию портфельной стратегии на инвестиционном уровне. В-четвертых, выделение ролей рабочей группы, технического консультанта по портфелю и команд по активам, а также регулярные совместные совещания по принятию решений повышают качество управленческого диалога и позволяют рассматривать инициативы через влияние на весь портфель, минимизирует риски несогласованности планов и дефицита мощностей, создавая основу для рационального освоения месторождений в условиях высокой неопределенности внешней среды.

Пристатейный библиографический список

1. Бирюкова В. В. Механизм разработки, оптимизации и управления программой повышения эффективности нефтегазодобывающих производств // Нефтегазовое дело. – 2006. – № 1. – С. 55.
2. Бирюкова В. В., Бирюков В. В. Стратегическое управление промышленным предприятием: особенности формирования в условиях инновационной конкуренции // Вестник Омского университета. – 2019. – № 1. – С. 13-22.
3. Буренина И. В., Бирюкова В. В., Евтушенко Е. В., Котов Д. В., Абуталипова Е. М., Авренюк А. Н. Программа повышения эффективности нефтегазодобывающего производства // Нефтяное хозяйство. – 2017. – № 2. – С. 13-17.
4. Плосконосова В. П., Бирюкова В. В. Организационно-экономические аспекты управления развитием промышленного предприятия // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета (РГТЭУ). – 2006. – № 3 (15). – С. 111-118.

КАДЫРОВА Эльмира Яруловна

соискатель, Государственный университет управления, г. Москва

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ ПОДДЕРЖКИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ФЕДЕРАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАКТИКА (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

В данной статье представлен синтетический подход, объединяющий микро - и макроуровень анализа промышленной политики в современных условиях. Направления совершенствования инструментов промышленной политики сформулированы через призму регионального кейса (Московской области); показано, как именно происходит адаптация федеральных инструментов, и какие новые инструменты возникают на уровне региона в ответ на вызовы цифровизации и глобальной конкуренции. Анализ позволил выделить конкретную модель региональной промышленной политики (условное название «московская модель») с четко обозначенными элементами (инфраструктура, адресность, институты, глобальная ориентация). Данная модель предлагается как ориентир для других субъектов РФ и как источник обратной связи для корректировки федеральных подходов. Представлен принцип контекстно-зависимой дифференциации инструментов промышленной политики, увязанного с конкретными новыми типами конкуренции.

Ключевые слова: промышленная политика, государственная поддержка промышленности, Московская область.

KADYROVA Elmira Yarulovna

competitor, State University of Management, Moscow

IMPROVING INDUSTRIAL SUPPORT TOOLS: THE FEDERAL CONTEXT AND REGIONAL PRACTICE (USING THE EXAMPLE OF THE MOSCOW REGION)

This article presents a synthetic approach that combines the micro and macro levels of industrial policy analysis in modern conditions. The directions for improving industrial policy instruments are formulated through the prism of a regional case (Moscow Region); it shows exactly how federal instruments are being adapted, and what new tools are emerging at the regional level in response to the challenges of digitalization and global competition. The analysis allowed us to identify a specific model of regional industrial policy (conventionally called the «Moscow model») with clearly defined elements (infrastructure, targeting, institutions, global orientation). This model is proposed as a guideline for other subjects of the Russian Federation and as a source of feedback for adjusting federal approaches. The principle of context-dependent differentiation of industrial policy instruments related to specific new types of competition is presented.

Keywords: industrial policy, state support for industry, Moscow region.

Эффективная промышленная политика в условиях новых типов конкуренции должна быть не статичным набором мер, а динамичной системой, способной эволюционировать в ответ на изменяющиеся внешние вызовы и внутренние потребности экономики. Этот процесс совершенствования происходит на базе двух взаимосвязанных уровней: федеральном, где задаются стратегические рамки, приоритеты и основные механизмы поддержки; и региональном, где данные механизмы получают практическую реализацию, конкретизируясь и адаптируясь к локальной специфике. Именно на региональном уровне проявляются сильные и слабые стороны общегосударственных подходов, апробируются новые решения и формируются практики, которые впоследствии могут быть масштабированы. Совершенствование инструментария промышленной политики требует дифференциации мер государственной поддержки в зависимости от типа конкуренции, в которой действует предприятие. Такой подход позволяет перейти от отраслевого шаблонного субсидирования к адресной поддержке ключевых компетенций, необходимых для успеха деятельности в конкурентной среде.

Для реализации адаптивного подхода к промышленной политике предлагается матрица мер поддержки, дифференцированная по типам конкуренции. Эта матрица может служить базой для разработки региональных программ, что будет проиллюстрировано на примере Московской области (таблица 1). Данные инструменты на практике могут при-

меняться одновременно для предприятий, действующих в условиях нескольких новых типов конкуренции; при этом ключевой принцип – смещение фокуса поддержки с универсальных субсидий на развитие специфических компетенций и активов, критически важных для успеха в выбранной конкурентной нише. Применение предложенного дифференцированного подхода рассмотрено нами на примере Московской области как региона с развитой промышленной инфраструктурой и активной политикой поддержки промышленных предприятий. Это позволит оценить, насколько существующие меры соответствуют предложенной матрице и где возможны улучшения. Московская область – ведущий промышленный субъект РФ, который не только концентрирует значительную долю национального промышленного и научно-технологического потенциала, но и активно формирует инновационные подходы к промышленному развитию в условиях цифровизации и глобальной турбулентности.

Можно выделить основные аспекты реализации промышленной политики в рамках реализации государственной программы «Предпринимательство Подмосковья» ①10 в динамике за 2021-2026 гг. В качестве целей и приоритетов промышленной политики Московской области выступают: производство импортозамещающей продукции; развитие обрабатывающих производств (раздел С по ОКВЭД «Обрабатывающие производства»); стимулирование инвестиций (субсидии привязаны к объему инвестиций, созданию

Таблица 1. Дифференциация мер государственной поддержки промышленного развития в зависимости от типа конкуренции

Тип конкуренции	Задачи предприятия в данной конкурентной среде	Приоритетные инструменты промышленной политики
1. Цифровая (платформенная) конкуренция	Создание, развитие, масштабирование цифровых платформ; привлечение и удержание пользователей (двух- и многосторонних); монетизация сетевых эффектов.	Создание «регуляторных песочниц» для тестирования новых платформенных моделей и цифровых финансовых сервисов; прямое софинансирование НИОКР в области разработки платформенных решений, облачных сервисов; поддержка цифровой инфраструктуры (обеспечение широкополосного доступа, развитие центров обработки данных); меры по развитию цифровых компетенций и привлечению IT-специалистов.
2. Конкуренция на основе данных	Сбор, обработка, анализ, монетизация больших данных; создание предиктивных моделей, алгоритмов; обеспечение качества данных.	Гранты и субсидии на разработку отечественных программных продуктов для анализа данных, систем искусственного интеллекта, машинного обучения; создание правового поля для оборота и защиты нематериальных активов (алгоритмов, моделей, баз данных); поддержка создания отраслевых и межотраслевых хабов данных.
3. Конкуренция на базе цифровых экосистем	Интеграция в экосистемы, создание собственных; формирование сквозных клиентских баз; управление сетью партнеров.	Стимулирование промышленной кооперации и кросс-отраслевых альянсов посредством СПИК 2.0 с условиями по интеграции; развитие институтов технологического брокерства для поиска партнеров по экосистеме; поддержка разработки и внедрения, отечественных кросс-платформенных стандартов.
4. Конкуренция в цепочках создания стоимости	Оптимизация, контроль, усиление позиций в глобальных (национальных) цепочках; снижение логистических, транзакционных издержек.	Субсидирование логистических издержек и создание транспортно-логистических хабов; специальные программы кредитования под модернизацию складских, транспортных систем; продвижение российских стандартов и сертификатов на внешних рынках для встраивания в глобальные цепочки; поддержка проектов по производству критических компонентов.
5. Конкуренция за интеллектуальную собственность	Создание, защита, коммерциализация портфеля патентов, ноу-хау, промышленных образцов; участие в патентных пулах.	Усиление системы патентования (ускоренные процедуры, снижение пошлин для стратегических отраслей); правовая, финансовая поддержка в защите прав интеллектуальной собственности на международных рынках; субсидирование затрат на проведение патентных исследований.
6. Конкуренция на основе опыта	Создание уникального, персонализированного, эмоционально значимого клиентского опыта на всех точках взаимодействия.	Поддержка развития сервисного инжиниринга и сервитизации промышленности; финансирование пилотных проектов по внедрению технологий виртуальной (дополненной) реальности для обслуживания клиентов; программы повышения квалификации в области клиентоориентированности для инженерно-технического персонала.
7. Конкуренция на основе сообществ	Формирование, вовлечение и управление лояльным сообществом пользователей, партнеров или разработчиков.	Софинансирование создания, модерации профессиональных отраслевых онлайн-платформ, сообществ; проведение государственно-частных хакатонов, конкурсов, акселераторов для вовлечения сообщества в решение технологических задач; методическая и инфраструктурная поддержка краудсорсинговых и краудфандинговых платформ для промышленности.
8. Конкуренция на основе целей	Интеграция социальных и экологических целей в бизнес-модель; формирование репутации ответственного бренда.	«Зеленые» и социальные облигации, налоговые льготы для проектов в области циркулярной экономики, снижения углеродного следа; разработка и внедрение национальных стандартов ESG-отчетности для промышленных предприятий.

Источник: составлено автором

рабочих мест, вводу новых производственных мощностей); поддержка малых и средних предприятий (выдержаны отдельные меры для МСП, включая займы, гранты, субсидии на оборудование); развитие удаленных территорий области (предусмотрены льготные условия для предприятий в отдаленных городских округах).

Говоря об используемых инструментах поддержки, следует отметить: во-первых, финансовую поддержку (субсидии на возмещение затрат (на создание инфраструктуры (инженерной, транспортной), на приобретение нового оборудования, на уплату процентов по кредитам), займы и гранты через Фонд развития промышленности Московской области (низкие процентные ставки, гранты на компенсацию про-

центов по кредитам)); во-вторых, налоговые и административные меры (поддержка самозанятых и МСП, работающих на маркетплейсах), компенсация затрат по франчайзингу, гарантийная поддержка через Московский областной гарантийный фонд.

С точки зрения отраслевой направленности промышленной политики Московской области отметим, что акцент сделан на обрабатывающие производства, робототехнику, экспортно-ориентированные предприятия. Особенности условий отбора для получения государственной поддержки являются: регистрация на территории Московской области, создание рабочих мест, установление минимального объема инвестиций (20 млн. руб.); при этом приоритет имеют начи-

нающие предприниматели, отдаленные территории, производство импортозамещающей продукции.

Анализ общей динамики финансирования поддержки предпринимательства в Московской области показывает значительный предполагаемый рост объемов финансирования в 2026 году по сравнению с 2025 годом (на 54,6 %), что говорит о планах масштабирования государственной поддержки. Вместе с тем, объем поддержки промышленности в 2025 году по сравнению с 2024 годом сократился на 39,3 % (при этом доля в общем объеме поддержке в 2024 г. составляла 55,4 %, а в 2025 г. сократилась до 30,3 %); такая ситуация может быть связана с перераспределением средств в другие разделы либо изменением структуры государственных программ. Одновременно, можно отметить, что поддержка МСП растет быстрее, чем растет общий объем финансирования, что говорит о смещении акцента на развитие малого бизнеса.

При рассмотрении государственной поддержки в разрезе отдельных мер можно заключить, что: возмещение затрат на инфраструктуру промышленных предприятий стабильно растет в 2024-2026 гг., при этом особенно заметен рост в 2026 г. по сравнению с 2025 г. (на 33,2 %); возмещение затрат на оборудование промышленных предприятий, начиная с 2025 г. значительно сокращено (на 74,4 % относительно предыдущего года); особенно значительный рост финансирования отмечается по направлению «возмещение процентов по кредитам в отдаленных округах» (в 2026 г. по сравнению с 2025 гг. – на 500 %). В 2026 г. появляются новые специализированные меры для поддержания робототехники, что указывает на фокус на развитие высокотехнологичных отраслей промышленности. В целом, в 2026 г. объемы финансирования по сравнению с 2024 г. составили 72 %. Поддержка отдаленных территорий заметно растет, но при этом рост начинается с низкой базы.

В качестве проблемных моментов следует сказать о том, что сельское хозяйство может «перетягивать» финансовые средства от промышленных предприятий, так как оно также включено в перечень импортозамещения; условия по созданию рабочих мест достаточно жесткие с точки зрения малых предприятий; административная нагрузка увеличивается вследствие необходимости наличия заключений экспертиз, разрешений. Следует усилить целевое распределение средств между промышленными и сельскохозяйственным производством; упростить процедуры подачи заявок; расширить поддержку цифровизации и экологических проектов в промышленности; внедрить мониторинг эффективности мер на основе ключевых индикаторов эффективности (например, рост объема инвестиций, рост промышленного производства, рост объема экспорта промышленной продукции).

Промышленная политика Московской области в рамках государственной программы «Предпринимательство Подмосковья» носит комплексный характер, сочетая финансовую, инфраструктурную, институциональную поддержку. Основные усилия направлены на импортозамещение, развитие обрабатывающей промышленности и поддержку МСП. Однако полагаем, что требуется более четкое разграничение мер между отраслями и снижение административных барьеров для повышения эффективности программ.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что инструменты промышленной политики РФ оказывают многогранное и значимое влияние на конкурентоспособность промышленных предприятий ³⁰. Основным вызовом на ближайшую перспективу станет сохранение сбалансированности между: поддержкой крупных промышленных проектов и МСП, традиционной промышленностью и высокотехнологичной промышленностью, производственными и сервисными секторами.

Анализ промышленной политики Московской области показал, что в условиях новых типов конкуренции наиболее эффективна модель, которая сочетает: во-первых, инфраструктурный каркас (активное развитие инновационных территорий (технопарки, ОЭЗ, индустриальные парки) как точек роста); во-вторых, адресную поддержку (с фокусом на конкретных высокотехнологичных проектах и кооперационных цепочках, а не на общей отраслевой субсидии); в-третьих, институты развития (создание региональных фондов, агентств, центров компетенций, обеспечивающих быструю и гибкую реакцию на запросы бизнеса); в-четвертых, интеграцию в глобальные цепочки создания стоимости (стратегическая ориентация не только на импортозамещение, но и на наращивание экспорта высокотехнологичной продукции и сервисов).

Пристатейный библиографический список

1. Государственная программа «Предпринимательство Подмосковья». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mosreg.ru/dokumenty/programmy-i-plany-deyatelnosti/gos-programmy/gosudarstvennaya-programma-moskovskoy-oblasti-predprinimatelstvo-podmoskovya?ysclid=mm37i8n4l0306601096>.
2. Государственная промышленная политика в России: риски и возможности / под ред. Я. М. Уринсона, Л. И. Якобсона. - М.: ИД НИУ ВШЭ, 2019. - 342 с.
3. Бортник И. М., Зинов В. Г. Инструменты поддержки технологического развития промышленности: оценка эффективности // Инновации. - 2020. - № 2. - С. 20-31.

ЛЕВИН Артём Евгеньевич

аспирант, Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ РОССИИ И КИТАЯ: УСТОЙЧИВОСТЬ, ИННОВАЦИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Статья посвящена сравнительному анализу энергетических стратегий России и Китая в условиях глобального энергетического перехода. Рассматриваются различия и точки пересечения национальных моделей развития энергетики, формируемых под влиянием исторических, институциональных и ресурсных факторов. Особое внимание уделяется вопросам устойчивого развития, инновационного потенциала энергетических систем двух стран и их ответам на усиливающиеся геополитические вызовы. Автор анализирует приоритеты обеих стран в области декарбонизации, роль возобновляемых источников энергии и атомной энергетики, а также значимость энергетического сотрудничества в условиях санкций и растущей конкуренции на мировых рынках. Делается вывод, что, несмотря на разницу в темпах и акцентах энергетического перехода, Россия и Китай вынуждены балансировать между национальными интересами, необходимостью технологических инноваций и требованиями глобального климатического регулирования, что формирует как новый вектор партнерства, так и источники потенциальной конкуренции на мировой арене.

Ключевые слова: энергетическая политика, энергетическая стратегия, энергетическая безопасность, возобновляемые источники энергии, энергетическое сотрудничество.

LEVIN Artyom Evgenjevich

postgraduate student, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

ENERGY STRATEGIES OF RUSSIA AND CHINA: SUSTAINABILITY, INNOVATION AND GEOPOLITICAL CHALLENGES

The article is devoted to the comparative analysis of energy strategies of Russia and China in the global energy transition. Differences and points of intersection of national energy development models formed under the influence of historical, institutional and resource factors are considered. Special attention is paid to the issues of sustainable development, innovative potential of the energy systems of the two countries and their responses to the growing geopolitical challenges. The author analyzes the priorities of both countries in the field of decarbonization, the role of renewable energy sources and nuclear energy, as well as the importance of energy cooperation in the context of sanctions and growing competition on world markets. It is concluded that despite the difference in the pace and emphasis of the energy transition, Russia and China have to balance national interests, the need for technological innovation and the requirements of global climate regulation, which forms both a new vector of partnership and sources of potential competition on the world stage.

Keywords: energy policy, energy strategy, energy security, renewable energy sources, energy cooperation.

Введение

Эволюция мировой энергетики в XXI веке - это не просто технологический или экологический переход, это в первую очередь геополитический переход. Стратегические решения великих держав меняют геометрию глобальной безопасности, развития и действий в области климата, поскольку международное сообщество стремится к созданию более чистых, но в то же время более диверсифицированных и безопасных энергетических систем. Россия и Китай, в частности, оказывают огромное и неравное влияние на этот переход [1]. Обе державы обладают сложными государственными энергетическими системами, основанными на централизованном планировании, благодаря тому, что в начале своего развития они были странами с командной экономикой. Однако их современные энергетические траектории формировались под влиянием совершенно разных ресурсных баз, политических императивов и глобальных устремлений. Россия - один из двух крупнейших в мире производителей и экспортеров углеводородов, а нефть, природный газ и уголь являются источником экономической жизни страны и основой ее геополитического статуса, в частности, в Евразии и Европе [2]. Китай, напротив, превратился в крупнейшего потребителя и импортера энергоресурсов, а его экономический рост требует огромных и все более диверсифицированных энергозатрат. Китай и Россия приняли энергетические стратегии

в ответ на многочисленные обстоятельства - Россия на необходимость модернизации и диверсификации экономики в условиях санкций со стороны западных стран, а Китай на необходимость энергетической безопасности, устойчивого развития и передового технологического развития [3] - и каждый из них принял отличительные, но гибкие изменения в национальной энергетической политике.

Обзор энергетических систем России и Китая

Сравнение энергетических систем России и Китая выявляет существенные нюансы, обусловленные различиями в их историческом контексте, стратегических императивах и положении в глобальной энергетической иерархии. Обе страны имеют общее наследие в виде государственных энергетических систем, управляемых государством, которые возникли еще в годы плановой экономики. В России такие гиганты, как «Газпром», «Роснефть» и «Интер РАО», контролируют соответственно природный газ, нефть и электроэнергию и оказывают значительное влияние на внутреннюю энергетическую политику и являются инструментами государственной власти [4]. В Китае энергетический сектор также контролируется государственными конгломератами в лице Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC), Sinopec, Государственной сетевой корпорации и Китайской на-

Левин А. Е.

циональной ядерной корпорации [5]. Явный контроль над политикой на национальном уровне позволяет двум странам, помимо влияния на экономический рост внутри страны, использовать энергетическую политику в качестве инструмента геополитики. Россия, обладающая огромными запасами углеводородов, уже использовала продажу энергии для оказания влияния по всему миру. Ее обширные сети трубопроводов в Европу по «Северному потоку» и «Туркстриму» и в Китай по «Силе Сибири» отвечают как коммерческим потребностям, так и политическим интересам [6]. С 2014 года, когда западные санкции становились все более жесткими из-за геополитической напряженности, Россия ускорила свой поворот на восток, углубляя энергетические связи с Китаем и другими азиатскими странами. Газопровод «Сила Сибири», который начал работу в 2019 году, является свидетельством этого стратегического сдвига [7].

Стремление Китая к энергетической безопасности по-разному повлияло на его стратегию. Будучи крупнейшим импортером энергоресурсов в мире, Китай имеет слабые места, связанные с его доминирующей зависимостью от иностранной нефти – более 70 % сырой нефти в 2023 году было импортировано из-за рубежа – и уязвимостью перед такими морскими перекрестками, как Малаккский пролив [8]. Чтобы справиться с этими недостатками, Китай диверсифицировал поставки, инвестируя в сухопутные трубопроводы «Шелкового пути», создавая стратегические запасы нефти и предпринимая амбициозное наступление в рамках глобальной энергетической дипломатии. В рамках инициативы «Пояс и путь» китайские компании финансируют и строят трубопроводы, электростанции и терминалы СПГ в Центральной Азии до Африки и Латинской Америки, создавая сеть энергетических партнерств на больших расстояниях, что повышает как энергетическую надежность, так и геополитический охват [9]. Императив энергетической безопасности выдвигает на первый план некоторые существенные различия в их политике и задачах. Россия должна диверсифицировать внешние рынки за счет Европы, поддерживать инвестиции в добывающие активы и быстро модернизировать устаревшую инфраструктуру – и все это в условиях неопределенности мирового спроса и санкционного давления [10]. Китай же сосредоточился на снижении риска внешних потрясений и противодействии иностранному импорту за счет огромного количества внутренних ресурсов, включая уголь, ядерную энергетику и, прежде всего, возобновляемые источники энергии.

Характер их стратегий перехода на экологически чистые технологии не может быть более разным. Китай имеет самые большие установленные мощности солнечной и ветровой энергетики и прилагает все усилия, чтобы расширить использование аккумуляторных батарей и электромобилей в соответствии со своими пятилетними планами и заявленной целью достичь углеродной нейтральности к 2060 году [11]. Однако в структуре энергопотребления Китая по-прежнему преобладает уголь, что является серьезным напоминанием о том, что для поддержания быстрого роста в условиях кризиса крайне важна дешевая, гарантированная и безопасная энергия [12]. В России процесс декарбонизации идет медленнее, несмотря на наличие гидроэнергетики и активное наращивание атомного парка. Возобновляемые источники энергии занимают второстепенное место в энергобалансе. Географические, экономические и политические барьеры, а также доминирующие доходы от нефти и газа ограничивают скорость изменений. Климатическая стратегия Москвы в целом основана на улавливании и хранении углерода, повышении энергоэффективности и сохранении лесов, хотя это и не позволит добиться реального и значительного сокращения выбросов [13]. Обе страны задумываются о будущем своих энергетических технологий: Россия имеет сравнительное преимущество в экспорте ядерных технологий, а Китай пытается развивать собственную атомную промышленность.

Устойчивое развитие и энергетические инновации в стратегиях России и Китая

Сегодня политика России по-прежнему сосредоточена на поэтапном внедрении технологий декарбонизации с помощью УХУ, дополненным сдвигом в сторону модернизации угольных и газовых генерирующих станций [14]. Несмотря на все эти усилия, отставание в развитии низкоуглеродных источников энергии удерживает Россию на задворках ведущих экономик мира в области энергетического перехода. Еще одним серьезным препятствием является повышение энергоэффективности, поскольку российская экономика продолжает нести огромные потери, как при производстве, так и при потреблении энергии. Устранение этих неэффективных факторов открывает возможности для сокращения выбросов без полного отказа от экспортно-ориентированной экономической модели страны.

В отличие от этого, китайский подход к развитию «зеленой» энергетики гораздо более агрессивен и амбициозен [15]. Президент Си Цзиньпин поставил в 2020 году двойную цель – достичь пика выбросов углекислого газа к 2030 году и стать углеродно-нейтральной к 2060 году [16]. Эти цели поддерживают широкий пакет мер политики «зеленого перехода», направленных на снижение зависимости от угля (исторически являющегося энергетическим спасательным кругом Китая) и увеличение инвестиций в энергоэффективность, экологически чистые транспортные технологии и «зеленую» городскую инфраструктуру [17]. Перед Китаем стоит уникальная задача – добиться снижения интенсивности выбросов углекислого газа при сохранении высоких темпов экономического роста. Для ее решения он лидирует в мире по объему инвестиций в «зеленые» технологии и производство возобновляемой энергии, в частности солнечных батарей, аккумуляторов и ветряных турбин [18]. Эти усилия обеспечили Китаю центральное место в глобальных цепочках поставок возобновляемой энергии и помогли ему стать лидером в вопросах будущего глобального энергетического перехода. Правительство Китая играет центральную роль в этом успехе, устанавливая строгие стандарты регулирования промышленных выбросов, поощряя инвестиции в низкоуглеродные инициативы, а также способствуя разработке и коммерциализации новых накопителей энергии и других экологически чистых технологий [19]. Когда речь заходит о возобновляемых источниках энергии (ВИЭ), между двумя странами наблюдается огромное различие. Китай является мировым лидером по развитию ВИЭ с конца 2010-х годов благодаря масштабным государственным субсидиям и активной поддержке банковского сектора [20]. Агрессивное развертывание солнечных и ветряных проектов, например, использование пустынь под солнечные электростанции, и упор на создание внутренней технологической базы позволили Китаю к началу 2023 года стать крупнейшим в мире производителем солнечной и ветряной энергии [21].

Напротив, сектор возобновляемой энергетики в России развит слабо, учитывая, что в стране много природных ресурсов (например, ветер на севере и солнечные батареи на юге). Даже вклад возобновляемых источников энергии в энергобаланс России ничтожно мал по сравнению с другими ведущими экономиками. Проблемы, стоящие на пути развития, многочисленны и включают в себя такие факторы, как сложный инвестиционный климат, отсутствие субсидий, минимальная государственная мотивация и значительно неразвитый рынок экологических технологий. В последнее время в отдельных регионах, таких как Дагестан и Крым, появились отдельные ветряные и солнечные проекты, но экономическая неэффективность по сравнению с дешевым газом и углем ограничивает их рост. Тем не менее, очевидно, что в долгосрочной перспективе у России есть огромный потенциал для развития ВИЭ, особенно в регионах с низким уровнем проникновения электросетей или растущей международной поддержкой чистой энергетики. Роль ядерной энергети-

ки в системе устойчивого развития каждой страны значительна, но различна. Для Китая атомная энергетика рассматривается как фундаментальный строительный блок на пути к углеродной нейтральности, как надежный низкоуглеродный источник стабильной энергии [22].

Закключение и рекомендации

Сравнительное изучение энергетических стратегий России и Китая показывает, как две глобальные державы с доминирующей государственной энергетической системой по-разному реагируют на глубокие вызовы и возможности энергетической ситуации XXI века. Хотя обе страны продолжают в значительной степени опираться на государственную собственность и централизованное планирование для обеспечения своих энергетических интересов, различия в их ресурсной обеспеченности, экономических приоритетах и технологических траекториях привели к созданию контрастных моделей адаптации. Китай находится в авангарде мирового энергетического перехода. Движимый императивами энергетической безопасности, экологической устойчивости и технологического лидерства, Китай приступил к реализации амбициозной программы декарбонизации, инвестируя беспрецедентные средства в возобновляемые источники энергии, аккумуляторы, электромобили и атомную энергетику. Благодаря стратегическому планированию, промышленной политике и международным инициативам, таким как «Пояс и путь», Китай занял место в центре глобальных цепочек поставок возобновляемой энергии и в новом ландшафте внедрения низкоуглеродных технологий. Его решимость снизить интенсивность выбросов углерода без ущерба для экономического роста является примером для других крупных экономик.

Однако Россия все еще остается в углеводородном прошлом, даже если признает, что мир переходит на более чистую энергию. Углеводороды по-прежнему являются основой национальной экономики и финансового здоровья, поэтому быстро сменить курс сложно как с политической, так и с экономической точки зрения. Модернизация – повышение эффективности и выборочное внедрение возобновляемых источников энергии и ядерных технологий – уже началась. Однако на модернизацию сильно влияют внешние факторы, в частности западные санкции, а также усилия по диверсификации внешних рынков экспорта энергоносителей, особенно в Азию. В области ядерных технологий и СПГ Россия ищет новые преимущества в новом энергетическом порядке. В геополитическом плане энергетика является важной осью в отношениях России и Китая. Сотрудничество в нефтяной, газовой и атомной отраслях между Россией и Китаем развивается быстрыми темпами, в первую очередь исходя из общих интересов в стабильности рынков и поставок, а также диверсификации в неопределенных политических сферах Запада. Тем не менее, это сотрудничество носит асимметричный характер и несет в себе риски. Китай заявляет (и действует) как лидер, занимающий позицию покупателя и обладающий технологиями, что дает ему пространство для утверждения своего влияния. Однако страны участвуют, порой противоречиво, в некоторых пересекающихся средах на Ближнем Востоке, в Африке и Центральной Америке. Настоящим испытанием в будущем станет то, насколько Россия и Китай смогут внедрить инновации и адаптироваться к глобальному давлению декарбонизации, оставаясь устойчивыми к геополитическим колебаниям. Во многих смыслах то, как будет проходить их адаптация, будет диктовать их взаимоотношения, а также эволюцию энергетической безопасности и климатических действий в мире.

Пристатейный библиографический список

1. Беляев Л. С. Проблемы электроэнергетического рынка. – Новосибирск: Наука, 2009. – 296 с.
2. Аникин В. И., Борох Н. В., Епишина Е. С., Сурма И. В. Энергетическая политика и вопросы экономической дипломатии России как приоритет мирового развития, 2014.

3. Weidou N., Johansson T. B. Energy for sustainable development in China // *Energy Policy*. – 2004. – Vol. 32. № 10. – P. 1225-1229.
4. Панибратов А. Ю., Ермолаева Л. А., Абрамков А. Е. «Бремя иностранца» в процессе интернационализации российских энергетических компаний // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент*. – 2015. – № 2. – С. 39-73.
5. Meidan M. The structure of China's oil industry: Past trends and future prospects // *OIES Paper: WPM*, 2016. – № 66.
6. Charap S., Drennan J., Noël P. Russia and China: a new model of great-power relations // *Survival*. – 2017. – Vol. 59. № 1. – P. 25-42.
7. Гаджиев К. С. Сдвиги в отношениях Запада с Россией в контексте ее сближения с Китаем // *Научный журнал*. – 2019. – № 2763.
8. Yoncaçi A. China's Energy Security in the Gulf. Master's thesis, Middle East Technical University (Turkey), 2023.
9. Zhou L., Gilbert S., Wang Y., Cabré M. M., Gallagher K. P. Moving the green Belt and Road Initiative: From words to actions. *World Resources Institute*, 2018. – 44 p.
10. Барковский А. Н., Оболенский В. П. Внешнеэкономическая политика России в глобальном экономическом пространстве // *Журнал экономической теории*. – 2005. – № 1. – С. 21-41.
11. International Energy Agency (IEA). *Renewables 2023: Analysis and forecast to 2028*. – 2024. – С. 67-70. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.iea.org/reports/renewables-2023>
12. Shen B., Hove A., Hu J., Dupuy M., Bregnbæk L., Zhang Y., Zhang N. Coping with power crises under decarbonization: The case of China // *Renewable and Sustainable Energy Reviews*. – 2024. – Vol. 193. – 114294.
13. Попова И. М., Колмар О. И. Низкоуглеродное развитие России: вызовы и возможности в новых условиях // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. – 2023. – Т. 18. № 4. – С. 3.
14. Pomogaev V. Углеродный рынок и климатические проекты: перспективы и возможности для Алтайского края, 2021.
15. Santalco A. How and when China will exceed its renewable energy deployment targets // *Energy Policy*. – 2012. – Vol. 51. – P. 652-661.
16. Xi J. Statement by H. E. Xi Jinping, President of the People's Republic of China, at the General Debate of the 75th Session of The United Nations General Assembly, 22 September 2020. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.fmprc.gov.cn/eng/zxxx_662805/t1817098.shtml.
17. Cheng M., Lu Y. Investment efficiency of urban infrastructure systems: Empirical measurement and implications for China // *Habitat International*. – 2017. – Vol. 70. – P. 91-102.
18. Klačanský K. China vs. US: The Green Energy Race Overview of China's and America's green investment plan and what that means for the future of fossil fuels, 2021.
19. Chang Y. C., Wang N. Environmental regulations and emissions trading in China // *Energy Policy*. – 2010. – Vol. 38. № 7. – P. 3356-3364.
20. Идрисов Г. И. Промышленная политика России в современных условиях // *Научные труды Фонда «Институт экономической политики им. Е. Т. Гайдара»*. – 2016. – № 169. – С. 1-160.
21. Wang Y., Liu B., Peng H., Jiang Y. Locating the suitable large-scale solar farms in China's deserts with environmental considerations // *Science of The Total Environment*. – 2024. – Vol. 955. – 176911.
22. Chen R., Su G. H., Zhang K. Analysis on the high-quality development of nuclear energy under the goal of peaking carbon emissions and achieving carbon neutrality // *Carbon Neutrality*. – 2022. – Vol. 1. № 1. – P. 33.

ШАЦКИЙ Александр Александрович

соискатель, Государственного университета управления, г. Москва

ТИПОЛОГИЯ СТРАТЕГИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ ПРОДУКЦИИ (В КОНТЕКСТЕ МОДЕЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА)

В статье представлена типология стратегий обеспечения конкурентоспособности российских промышленных производителей в контексте перехода к моделям промышленного суверенитета. Применительно к приоритетным отраслям промышленности РФ (оборонно-промышленный комплекс (ОПК), фармацевтика, тяжелое машиностроение, микроэлектроника, станкостроение) выявлены доминирующие стратегии и соотнесены с теоретическими моделями. Установлено, что в российской промышленности преобладает мобилизационно-догоняющая модель, которая в гражданских секторах трансформируется в «ловушку внутреннего рынка», консервируя технологическое отставание. Показано, что инновационные модели развития практически не реализуются из-за системных барьеров, а критическая ситуация в станкостроении создает угрозу воспроизводству основных фондов. Особое внимание уделяется гибридной стратегии в фармацевтике, сочетающей госзаказ и экспортную экспансию. Обоснована необходимость смены парадигмы промышленной политики - перехода от реактивного импортозамещения к формированию институтов, стимулирующих инновации и глобальную конкурентоспособность.

Ключевые слова: промышленный суверенитет, конкурентоспособность, импортозамещение, технологическое отставание, промышленная политика.

SHATSKY Alexander Alexandrovich

competitor, State University of Management, Moscow

TYPOLOGY OF STRATEGIES FOR ENSURING THE COMPETITIVENESS OF INDUSTRIAL PRODUCERS (IN THE CONTEXT OF INDUSTRIAL SOVEREIGNTY MODELS)

The article presents a typology of strategies for ensuring the competitiveness of Russian industrial producers in the context of the transition to models of industrial sovereignty. In relation to the priority industries of the Russian Federation (military-industrial complex, pharmaceuticals, heavy machinery, microelectronics, machine tool industry) The dominant strategies are identified and correlated with theoretical models. It has been established that the Russian industry is dominated by a mobilization-catching model, which in civilian sectors is transformed into a «trap of the domestic market», preserving the technological gap. It is shown that innovative development models are practically not implemented due to systemic barriers, and the critical situation in the machine tool industry poses a threat to the reproduction of fixed assets. Special attention is paid to a hybrid strategy in the pharmaceutical industry, combining government procurement and export expansion. The necessity of changing the paradigm of industrial policy - the transition from reactive import substitution to the formation of institutions that stimulate innovation and global competitiveness - is substantiated.

Keywords: industrial sovereignty, competitiveness, import substitution, technological lag, industrial policy.

Российская промышленность, с одной стороны, доказала свою способность к импортозамещению в условиях внешнего шока; с другой - имеются структурные диспропорции – технологическое отставание, подмена физического роста объемов производства ценовым, критическая зависимость в станкостроении и электронной компонентной базе, кризис ликвидности на фоне «дорогих денег» [1], [2], [3]. Нами была разработана типология моделей реализации промышленного суверенитета, включающая пять базовых моделей, различающихся по степени государственного вмешательства, конфигурации цепочек создания стоимости, технологической стратегии, механизмам координации. Опираясь на эмпирические данные, осуществим типологизацию стратегий, фактически реализуемых российскими промышленными предприятиями, и соотнесем их с теоретическими моделями. Это позволит верифицировать разработанную теоретическую типологию, выявить причины расхождения между декларируемыми целями промышленного суверенитета и реальными траекториями развития. Для корректного сопоставления эмпирического материала с теоретическими моделями необходимо определить критерии, по которым стратегия предприятия или отрасли может быть отнесена к тому или иному типу. Выделим следующие критерии: источник финансирования развития и характер спроса; конфигурация цепочек создания стоимости; технологическая стратегия; тип конкурентного преимущества; экспортная ориентация. Применение данных критериев к приоритетным отраслям промышленности РФ позволяет перейти к содержательной характеристике реализуемых стратегий.

Оборонно-промышленный комплекс и атомная отрасль функционируют в режиме директивного планирования и концентрации государственных ресурсов. Финансирование осуществляется преимущественно из бюджета в рамках гособоронзаказа и федеральных целевых программ. Цепочки создания стоимости выстроены как максимально автономные национальные комплексы с высоким уровнем кооперации внутри сектора. Технологическая стратегия ориентирована на достижение результата (тактико-технических характеристик) при подчиненной

роли экономической эффективности. Конкурентное преимущество обеспечивается уникальностью и тактико-техническими характеристиками продукции, гарантированным спросом. Экспортная ориентация присутствует, но жестко контролируется государством и подчинена геополитическим целям. Данная стратегия соответствует мобилизационно-догоняющей модели.

Фармацевтика демонстрирует уникальную для российской промышленности комбинацию факторов: с одной стороны, отрасль опирается на гарантированный спрос со стороны государства в сегменте жизненно важных препаратов (ЖНВЛП); с другой - она активно наращивает экспорт, используя ценовое преимущество на рынках Азии, Африки и Латинской Америки. Технологическая стратегия носит двойственный характер: по основным номенклатурным группам (вакцины, антибиотики, инсулины) достигнута полная локализация производства готовых форм, однако критическая зависимость от импортных фармацевтических субстанций (до 80-90 %) сохраняется. Данную стратегию можно охарактеризовать как гибридную интеграционно-селективной модели (сохранение зависимости по субстанциям, но активный поиск ниш на внешних рынках) и корпоративно-центричной модели (локализация полного цикла по ключевым продуктам).

Тяжелое машиностроение (производство оборудования для горнодобычи, металлургии, энергетики) демонстрирует принципиально иную стратегию. Российская техника в этом сегменте дороже китайских и турецких аналогов, но доля на внутреннем рынке выросла с 40 % в 2020 г. до 55-60 % в 2025 г. Фактором успеха выступает не цена, а развитая сервисная инфраструктура, гарантированные поставки запчастей и высокий коэффициент технической готовности. Предприятия реализуют стратегию неценовой конкуренции, делая ставку на послепродажное обслуживание и адаптацию техники к запросам конкретных заказчиков. Спрос генерируется преимущественно инвестиционными программами крупных госкомпаний («Росатом», «Роснефть», РЖД), что обеспечивает гарантированный сбыт. Технологическое развитие при этом носит имитационный характер: сложные компоненты (гидравлика, компрессоры) про-

Таблица 1

Отрасль / сектор	Фактически реализуемая стратегия (основные черты)	Модель по типологии стратегий	Риски и «перекося» модели
ОПК, атомная отрасль	Директивное планирование, концентрация государственных ресурсов, закрытость.	Мобилизационно-догоняющая (этатистская).	Технологическая замкнутость, низкие трансферты в гражданские отрасли.
Фармацевтика	Госзаказ (ЖНВЛП), экспортная экспансия, локализация отдельных видов продукции.	Интеграционно-селективная (сохранение ниш для импорта), корпоративная (локализация полного цикла по ключевым продуктам).	Критическая зависимость от импортных субстанций (риск «управляемой зависимости»).
Тяжелое машиностроение	Опора на инвестиционные программы государственных компаний, конкуренция через сервис, копирование технологий и параллельный импорт.	Мобилизационная (искаженная «ловушкой»); элементы корпоративной модели только начинают формироваться.	«Ловушка внутреннего рынка», технологическая стагнация, потеря ценовой конкуренции.
Микроэлектроника (гражданская)	Формированное импортозамещение для государственных нужд при технологическом отставании.	Мобилизационная (вынужденная), так как интеграционная и опережающая модель недоступны вследствие санкций.	Создание дорогой и устаревшей продукции, неконкурентоспособной на внешнем рынке.
Станкостроение	Стратегия отсутствует. Имеются единичные проекты, наблюдается критическое отставание, импорт из Азии.	Модель отсутствует. Попытки реализовать мобилизационную модель наталкиваются на отсутствие базы.	Угроза воспроизводству основных фондов всей промышленности страны.

Источник: составлено автором

должают поступать по параллельному импорту, а собственные НИОКР развиты слабо. Данную стратегию можно определить как искаженную версию мобилизационной модели, деформированную «ловушкой внутреннего рынка».

Микроэлектроника (гражданская). Ситуация в микроэлектронике демонстрирует парадокс: при впечатляющем росте объемов производства в денежном выражении и снижении доли импорта на внутреннем рынке с 85 % до 70 %, отрасль остается неконкурентоспособной на открытом гражданском рынке. Технологическое отставание не позволяет выйти на массовый рынок потребительской электроники и вычислительной техники. Успехи достигнуты исключительно в «защищенном» государственном и оборонном сегментах. Фактически реализуется стратегия форсированного импортозамещения для государственных нужд при полной неспособности конкурировать в массовых продуктах. Эту стратегию можно классифицировать как вынужденную мобилизационную модель, реализуемую в условиях, когда иные модели (интеграционная, опережающая) блокированы санкционными ограничениями и технологическим отставанием.

В станкостроении, как базовой отрасли для воспроизводства основных фондов обрабатывающей промышленности, наблюдается наиболее критическая ситуация. Объем производства в 2025 г. в 55 раз меньше, чем в микроэлектронике, и совершенно несоизмерим с потребностями страны. Доля на внутреннем рынке - 25 %, при этом 75 % занимает импорт (в основном из Китая и Турции). Продукция неконкурентоспособна по качеству и технологичности даже в сравнении с китайскими аналогами, экспортный потенциал практически отсутствует. Попытки мобилизационного подхода наталкиваются на отсутствие научно-производственной базы, кадров и технологических компетенций. Отрасль находится в состоянии системного кризиса, что создает прямую угрозу для промышленного суверенитета страны.

Проведенный анализ конкурентоспособности приоритетных отраслей российской промышленности в контексте формирования промышленного суверенитета позволяют сформулировать следующие выводы.

1. Зафиксирована поляризация конкурентоспособности по приоритетным отраслям промышленности, позволяющая выделить четыре траектории: во-первых, успешная экспортно-ориентированная траектория (фармацевтика) - сочетание ценового преимущества, приемлемого качества, растущей технологичности, что обеспечило импортозамещение на внутреннем рынке и экспортную экспансию; во-вторых, траектория неценовой конкуренции (тяжелое машиностроение): удержание позиций за счет сервисной инфраструктуры,

гарантированного инвестиционного спроса со стороны госкомпаний при снижении ценовой конкурентоспособности и сохранении технологической зависимости по критическим компонентам; в-третьих, траектория «осажденной крепости» (микроэлектроника): успешное импортозамещение в ОПК и государственном сегменте при неконкурентоспособности на гражданском рынке из-за критического технологического отставания; в-четвертых, траектория системного кризиса (станкостроение): мизерные объемы производства, неспособность удовлетворить внутренний спрос, отсутствие экспортного потенциала, что создает угрозу воспроизводству основных фондов всей обрабатывающей промышленности.

2. Соотнесение эмпирических данных с теоретическими моделями позволило установить, что в российской промышленности доминирует мобилизационно-догоняющая модель, но она реализуется в двух вариантах: «успешном» (в ОПК и атомной отрасли) и «вынужденном» (в гражданских высокотехнологичных секторах). Выявлено, что в отсутствие жестких рыночных стимулов «успешный» вариант мобилизационной модели неизбежно трансформируется в «ловушку внутреннего рынка», порождая стагнацию и рентоориентированное поведение. Модели, ориентированные на инновации и глобальную конкуренцию (опережающая, кластерно-сетевая), практически не реализуются из-за системных барьеров. Исключением является фармацевтика, где сложилась гибридная интеграционно-селективная модель, сочетающая гарантированный госзаказ и экспортную ориентацию.

Пристатейный библиографический список

1. Отчет о ходе реализации и оценке эффективности мероприятий и подпрограмм государственной программы РФ «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minpromtorg.gov.ru/storage/documents/5d15972b-5940-4471-970d-d89b589c6c4c/67ab8f7e-bee1-45cb-b706-3562f5fa7250.pdf>.
2. Минпромторг России зафиксировал снижение устойчивости промышленности. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://urbc.ru/1068141124-minpromtorg-rossii-zafiksiroval-snizhenie-ustojchivosti-promyshlennosti.html>
3. Гражданская промышленность приуныла - Мир перемен. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mirperemen.net/2025/09/grazhdanskaya-promyshlennost-priunyala/>.

АБРАРОВА Зинира Фоатовна

кандидат философских наук, доцент, Уфимский университет науки и технологий

ОЛЬХОВ Никита Сергеевич,

магистрант 2-го курса, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий, независимый исследователь

ИДИЯТУЛЛИН Фидан Фагилевич

магистрант 2-го курса, Институт информатики, математики и робототехники, Уфимский университет науки и технологий, независимый исследователь

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА СОЦИАЛЬНУЮ СПРАВЕДЛИВОСТЬ И ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРАВА

Статья посвящена тому, как современные технологии с использованием искусственного интеллекта влияют на социальную справедливость и права человека в эпоху цифровизации. Цель исследования заключается в том, чтобы выявить, какие последствия несёт внедрение таких систем для общества и отдельных людей. Исследование показало: у этих технологий есть как плюсы, так и минусы. С одной стороны, они способны сделать работу социальных служб эффективнее, с другой – несут риски, из-за которых могут нарушаться права граждан. Авторы анализируют противоречивый характер внедрения алгоритмических систем, отмечая, что наряду с потенциалом для повышения эффективности (в медицине, образовании), ИИ создает серьезные риски дискриминации, усиления неравенства и нарушения конфиденциальности.

Особое внимание уделено проблеме алгоритмической предвзятости, когда системы, обученные на исторических данных, воспроизводят и масштабируют социальные предрассудки. В статье рассматриваются угрозы праву на неприкосновенность частной жизни со стороны технологий массового наблюдения и распознавания лиц.

Делается вывод о необходимости разработки комплексной правовой базы, этических стандартов и механизмов прозрачности для обеспечения того, чтобы развитие ИИ служило общественным интересам и способствовало равенству, а не усугубляло существующие социальные диспропорции.

Ключевые слова: искусственный интеллект, социальная справедливость, права человека, цифровое неравенство, этика технологий.

ABRAROVA Zinira Foatovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, Ufa University of Science and Technology

OLKHOV Nikita Sergeevich

master's student of the 2nd course, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology, independent researcher

IDIYATULLIN Fidan Fagilevich

master's student of the 2nd course, Institute of Informatics, Mathematics, and Robotics, Ufa University of Science and Technology, independent researcher

THE IMPACT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ON SOCIAL JUSTICE AND HUMAN RIGHTS

The article focuses on how modern technologies using artificial intelligence affect social justice and human rights in the era of digitalization. The goal of the study is to identify the consequences of introducing such systems for society and individuals. The research reveals that these technologies have both advantages and disadvantages. While they can improve the efficiency of social services, they also pose risks that may violate citizens' rights. The authors analyze the controversial nature of the implementation of algorithmic systems, noting that, along with the potential for increased efficiency (in medicine and education), AI poses serious risks of discrimination, increased inequality, and violations of privacy. Special attention is paid to the issue of algorithmic bias, where systems trained on historical data reproduce and scale social prejudices. The article examines the threats to the right to privacy.

Keywords: artificial intelligence, social justice, human rights, digital inequality, and technology ethics.

За последние десятилетия технологии стремительно развиваются и проникают во все сферы нашей жизни. Изменения идут прямо сейчас, и не всегда сразу понятно, к чему они приведут – к хорошему или к плохому. Но в любом случае их важно внимательно изучать и анализировать специалистам. Особенно это касается самых новых направлений, например, систем, которые умеют думать как человек: распознавать речь, принимать решения, анализировать данные.

Влияние искусственного интеллекта на социум очень высоко. Данная технология трансформирует человеческое общение, трудовые процессы и подходы к выбору решений. Благодаря ей становится возможной автоматизация объемных операций, что ведет к росту продуктивности и отдачи в самых разных направлениях.

Внедрение современных технологий помогает улучшать процессы логистики, а также внедрять новые программы в сферы обучения и обслуживания людей. Но у этого прогресса есть и обратная сторона. Широкое внедрение автоматизации может привести, например, к сокращению рабочих мест, прежде всего в тех сферах, где люди выполняют однотипные и повторяющиеся задачи. В будущем это способно вызвать серьезные проблемы в экономике и обществе.

Статистика подтверждает эти тенденции:

– 77 % опрошенных обеспокоены возможным сокращением рабочих мест из-за ИИ;

– 30 % компаний используют ИИ для автоматизации рутинных задач и решения проблем нехватки персонала;

– ожидается, что к 2030 году каждым десятым автомобилем будет управлять ИИ;

– 73 % компаний уже используют или планируют внедрить чат-боты для общения с клиентами [2].

Технологии искусственного интеллекта могут помочь в развитии общества, но с их развитием появляется немало сложностей, в том числе и этических. ИИ оказывает существенное влияние на приватность частной жизни и свободу слова. Поскольку такие системы всё сильнее влияют на привычные нам общественные порядки, важно разработать методы, как ими грамотно управлять. Если подходить к внедрению технологий взвешенно, получится использовать их сильные стороны и при этом снизить возможные риски. Это поможет сделать работу систем понятнее для людей и чётко распределить ответственность за их решения [1].

Главные этические сложности, связанные с новыми технологиями, касаются трёх вещей: как защитить личные данные людей, сделать системы надёжными и убрать перекосы в работе алгоритмов. Есть и ещё один риск: люди могут слишком полагаться на подсказки машин и разучиться самостоятельно проверять информацию. Поэтому важно разработать чёткие правила использования таких технологий и этические нормы. Кроме того, нужно повышать цифровую грамотность населения. Главная задача – добиться баланса: развивать инновации, но при этом не ставить под угрозу безопасность людей, чтобы технологии работали на благо общества.

Современные автоматизированные системы обучаются на огромных массивах данных. Но в этих данных часто встречаются устоявшиеся стереотипы и предубеждения – они отражают распространённые в обществе взгляды и нормы. При этом редко кто-то заранее проверяет, насколько эта информация соответствует этическим принципам. В результате системы не просто «запоминают» такие предубеждения, но и начинают их воспроизводить: скрытые предрассудки превращаются в правила, по которым принимаются реальные решения.

В качестве примера можно рассмотреть применение искусственного интеллекта при найме на работу. Например, при преобладании в данных информации о мужчинах, система склонна неправомерно занижать оценку кандидаткам женского пола. Практические кейсы подтверждают эту проблему: в ряде технологических компаний, внедривших ИИ-системы для обработки резюме в последнее десятилетие, было выявлено, что достижения женщин алгоритмами воспринимались как негативные факторы, а не как конкурентные преимущества [4].

Также были зафиксированы случаи некорректной работы систем искусственного интеллекта при распознавании лиц: такие системы не распознавали фотографии людей азиатского происхождения из-за особенности разреза глаз либо цвета кожи из-за недостаточного количества соответствующих изображений в обучающей выборке. Таким образом, источником дискриминационных искажений может выступать и неполнота данных. Иначе говоря, система распознавания лиц, обученная преимущественно на изображениях людей европейской внешности, демонстрирует существенно более низкую точность при идентификации лиц других рас.

Ошибки в работе алгоритмов ведут к серьёзным проблемам с социальным неравенством. Из-за них люди могут столкнуться с неравным доступом к важным услугам и льготам. Современные алгоритмы всё чаще используются в сфере обслуживания. Но если в основе данных программ содержатся искажённые данные, они могут допускать при работе серьёзные ошибки без объективных причин. Например, система начнёт отказывать в кредитах людям определённого возраста или профессии, потому что в данных, которые использовались для создания ИИ-помощника, закрепилось такое предубеждение. А со временем такие незаметные искажения меняют и наше восприятие друг друга, ведут к недоверию и разобщённости [5].

Как сделать так, чтобы алгоритмы не были предвзятыми и не ущемляли права людей? Эксперты видят два основных пути. На Западе чаще всего выбирают стратегию упреждающего анализа. Там ещё на этапе разработки пытаются понять, как новая технология повлияет на общество. Ее цель – заранее предусмотреть социальные последствия и выстроить систему так, чтобы она изначально работала справедливо. В России в центре внимания оценка рисков. Перед запуском любой программы тщательно проверяют, где могут возникнуть проблемы и только после того, как слабые места устранены, систему запускают в работу. Похожим путём идут и в Евросоюзе: там предложили специальный список вопросов (ALTAI), чтобы проверять надёжность технологий. Но у этого способа есть минус. Несмотря на то, что он помогает заметить возможные ошибки, он не даёт готовых решений, как их избежать. Второй подход – сразу закладывать в программы чёткие правила справедливости. То есть разработчики заранее прописывают, что система не должна никого ущемлять, даже если исходные данные искажены или неполны. Суть в том, что ошибки, ведущие к неравенству, чаще всего возникают из-за того, что на этапе создания технологии никто не задумался о важных человеческих ценностях. Главная идея в том, что любая технология, так или иначе, отражает, чьи-то взгляды, и она не может быть полностью нейтральной [3].

Сейчас умные программы используют повсюду – в банках, больницах, госуслугах, соцсетях. Но не всегда это идёт на пользу: иногда такие системы, сами того не желая, начинают кого-то ущемлять. Например, предлагают разные вакансии людям с похожими навыками или ограничивают доступ к услугам по косвенным признакам. Получается, что вместо объективности мы получаем закодированные в алгоритмах старые предрассудки. Поэтому так важно не просто внедрять новые технологии, но и следить, чтобы они не усугубляли неравенство и не нарушали права людей.

Пристатейный библиографический список

1. Фурс С. П. Последствия внедрения технологий искусственного интеллекта для социального института прав человека // КиБ. – 2021. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/posledstviya-vnedreniya-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-dlya-sotsialnogo-instituta-prav-cheloveka> (дата обращения: 20.02.2026).
2. Степанова В. С., Баронина А. В. Искусственный интеллект и его влияние на общество: возможности, вызовы и этические аспекты // Юный ученый. – 2025. – № 1 (86). – С. 37-39. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://moluch.ru/young/archive/86/4715> (дата обращения: 20.02.2026).
3. Башкиров М. П. Влияние искусственного интеллекта на общество // Научный Лидер. – 2025. – № 28 (229). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scilead.ru/article/9613-vliyanie-iskusstvennogo-intellekta-na-obshche> (дата обращения: 20.02.2026).
4. Рыбин А. И., Чашухин Е. О. Искусственный интеллект и социальное неравенство: философско-правовой аспект // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № (4). – С. 56-67. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://doi.org/10.22394/3034-2813-2024-4-56-67>. EDN: YLOUO (дата обращения: 20.02.2026).
5. Алешкова И. А. Искусственный интеллект и его взаимосвязь с правами человека // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4. Государство и право. – 2021. – № 1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-i-ego-vzaimosvyaz-s-pravami-cheloveka> (дата обращения: 20.02.2026).

БАЯНОВ Квинрай Раевич

доктор философских наук, профессор, Институт высокотехнологического права, социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Московский институт электронной техники»

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ МИФИЧЕСКИХ, БИБЛЕЙСКИХ И РЕАЛЬНЫХ АКТОРОВ

Статья посвящена проявлению семантического портрета мифических, библейских и реальных персонажей с опорой на их имена. Исследования феномена языка с привлечением идейного потенциала синергетики и смысловой логики подтверждают, что язык формирует смысловое поле, которое воздействует на людей через их имена. Исходя из этого установленного факта в статье выявлено, как имя, будучи прочитанным в разных вариациях, задает модель поведения мифическим героям, библейским персонажам и реальным людям. С учетом проявления управленческого потенциала языка и имен, в статье проявлен механизм локализации фокуса целеполагания нормальных и не совсем нормальных людей, злодеев и преступников. Установлено, если для нормальных людей, чей фокус целеполагания локализован в сознании, а скрытые смыслы имени лишь фон в их жизнедеятельности, то для ненормальных людей, чей фокус сознания локализован в подсознании, решающее значение имеет не реальность, а скрытые смыслы собственного имени, которые диктуют им модель поведения. Такое знание представляет несомненный интерес для социально-гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: язык, семантическое поле, имя, сознание, подсознание, фокус целеполагания, синергетика и смысловая логика.

BAYANOV Kvinray Raevich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Institute of High-Tech Law, Social Sciences, and Humanities, National Research University «Moscow Institute of Electronic Technology»

A SEMANTIC PORTRAIT OF MYTHICAL HEROES, BIBLICAL FIGURES, AND REAL-LIFE ACTORS

The article is devoted to the manifestation of a semantic portrait of mythical, biblical and real characters based on their names. Studies of the phenomenon of language involving the ideological potential of synergetics and semantic logic confirm that language forms a semantic field that affects people through their names. Based on this established fact, the work reveals how the name, when read in different variations, sets a behavior model for mythical heroes, biblical characters and real people. Taking into account the manifestation of the managerial potential of language and names, the work reveals a mechanism for locating the focus of goal-setting of normal and not quite normal people, villains and criminals. It has been established that if for normal people, whose focus of goal-setting is localized in consciousness, and the hidden meanings of the name are only a background in their daily activities, then for abnormal people, whose focus of consciousness is localized in the subconscious, it is not reality that is crucial, but the hidden meanings of their own name that dictate their behavior model. Such knowledge is of undoubted interest for social and humanitarian disciplines.

Keywords: language, semantic field, name, consciousness, subconsciousness, focus of goal setting, synergetics and semantic logic.

Введение

Исследования смысловой стороны языка в сопоставлении с реальными фактами подтверждают, что имена задают мотив поведения людям, и в том числе всем актерам целостной системы Жизнь. Об этом люди догадывались, но не имели системного понимания и решения этой проблемы. В мире существуют множество центров с претензиями раскрыть тайну имени и тем предсказывать будущее человека. Увы, «вангование» судьбы через имена остается мистической загадкой.

В науках социально-гуманитарного цикла и в том числе в правовых дисциплинах существуют множество концепций, определяющих predisposition человека к преступлениям, например, на основе почерка (Жан-Ипполит Мишон, Уильям Преер, Е. Ф. Буринский, В. Ф. Орлова и др.), по стигматам - внешним физическим признакам (Чезаре Ломброзо) и др. В общей теории криминалистики также предпринимаются попытки определить мотивационные основы преступлений (А. А. Эйсмэн, Р. С. Белкин и др.) [8], [9], [10], [11].

Авторский подход отличается от иных тем, что именам присваивается определяющая и универсальная роль в описании модели поведения мифических героев, би-

блейских и реальных акторов. Содержательно, механизм воздействия имен состоит в том, что естественные языки формируют смысловое поле, которое влияет через имена не только на людей, но и на все живое. Наблюдения за реальными процессами в целостной системе Жизнь подводит нас к тому, что этот механизм носит всеобщий характер и ему подчиняются все биологические объекты флоры и фауны. Чем выше в иерархической лестнице находится биологическая особь, тем выразительнее проявляется этот механизм. И чем примитивнее биологические особи, тем менее он лабилен [7], [12].

Такой подход оправдан и тем, что новое направление научной мысли, синергетика поведает учитывать принципы нелинейного мышления. С учетом этого факта, механизм воздействия языкового поля через имена уместно сравнить со школьным опытом, в котором показывают воздействие магнитного поля, исходящего от магнита на железные опилки. Под воздействием магнитного поля железные опилки организовано выстраиваются вдоль силовых линий магнитного поля. Если мы хотим узнать точную энергетическую характеристику этого воздействия, необходимо маленькие вольтметры ввести в зону выстраивания опилок.

Баянов К. Р.

Принимая во внимание тезис, об управленческом функционале языкового поля воздействующий на людей через имена является оправданным проявить сервомеханику воздействия имени на мифических, библейских и реальных акторов.

Сервомеханика воздействия имени

Тезис об управленческой функции языка, имен предполагает допущение и признание того факта, что бортовой компьютер целостной системы Жизни работает на языковых кодах. В реальности это означает, например, если деяния человека совпадает в какой-то части с именем человека, происходит усиление сигнала в подсознании. То есть, созвучие имени с деяниями человека приводит существенному усилению. Это усиление направляется в ту часть мозга, где локализован центр удовольствия. Если человек испытывает удовольствие от этого акта, то он, не понимая причины, пытается подсознательно вернуться к этому состоянию с тем, чтобы вновь и вновь испытать это самое удовольствие. Такое поведение объясняется тем, что сигнал, обеспечивший удовольствие прошёл мимо сознания человека: он просто не осознал источник удовольствия. Вот поэтому в человеке зарождается интенция отдавать предпочтение тем проявлениям и возможностям в жизни, которые доставили бы ему это самое удовольствие. Вернее, обеспечили бы ему «приход кайфа, радости». Говоря в терминах физики, созвучие актов действия с именем человека, приводит физическому резонансу в спектре совпадающих частот. Благодаря – увеличению площади огибающей синусоиды – резонанс усиливается, а нарастающее дельта напряжение (прирост потенциала) направляется в мозг в область центра удовольствия [6], [4].

Известен эксперимент, проведенный с крысой, в мозговой центр удовольствия которой вживляли электроды. В клетке, где проводили эксперимент, было все необходимое и достаточное для того, чтобы удовлетворить биологические потребности крысы. Помимо системы жизнеобеспечения в клетке был установлен рычажок, на который она могла бы наступить. При нажатии этот рычажок замыкал цепь, по которому на вживленный электрод протекал бы ток. Поступивший ток в центр удовольствия доставляет крысе радость, наслаждение. Один раз, испытав наслаждение от случайно нажатого рычага, крыса, забыв о еде и питии, вновь и вновь продолжила нажимать на рычаг до тех пор, пока не умерла от голода и жажды.

В случае с человеком подпитка (ток) идет на центр удовольствия из того места в мозгу, где разворачивается резонанс благодаря созвучию предметов внешнего мира с именем человека. «Звучание наших имен и есть формула нашей души. Именно она формирует наши намерения и определяет наше отношение к окружающему миру» [5, с. 5].

В привязке к человеку, если мы хотим развернуто и системно раскрыть сервомеханику воздействия имени, то мы должны учесть не одно лишь имя, а «совокупное имя», состоящее из метрического имени в сочетании с фамилией и отчеством, имя-кликуха, имя этноса, имя места рождения, имя профессии, предпочтения в еде, в быту и т.д. При этом можно выделить системные признаки в целях исследования, свойственные этносам, опираясь на национальную пищу (у русских – это «Щи да каша - пища наша»); на национальные танцы (у русских яблочко и кадрили); национальные болезни (у русских это болезни кровы, инсульт и инфаркт); национальные ремесла (у русских это кузнечное дело); национальные праздники; национальную одежду; национальные герои (у русских первопроходцы) и так далее.

В силу лабильности жизненных приоритетов семантический портрет также может измениться, поскольку список со-имён не есть величина постоянная, а представляется системой лабильных мотивационных приоритетов в жизнедеятельности человека и этносов.

Если формула души воплощается посредством имен, стоит привести несколько примеров, характеризующих мотив поведения мифических героев, библейских персонажей и реальных людей (гениев, злодеев и простолюдинов).

Древнегреческие мифы

Зевс – глава олимпийских богов, бог грома и молний – был очень любвеобильным богом, творил чудеса, испепелял своих любимых. Если убрать из имени Зевса греческое окончание «с», тогда по-арабски имя **زأف** «свет, сиять», «молния». Вот откуда испепеляющая сила. Одно из деяний Зевса – убийство своей беременной жены по имени Семела. Зевс испепелил Семелу, но при этом успел спасти преждевременно родившееся дите – Диониса. Дионис в последующем станет богом вина по прозвищу Вакх (лат Бахус).

Культе Диониса имел широкое хождение в Древней Элладе. Наверняка, одной из причин исчезновения греческой цивилизации был культ Диониса, в честь которого они строили храмы и предавались непристойностям. Сюжет одного из храмовых мифов: вакханки, обезумевшие от выпитого, лишили головы самого Орфея. Отчлененная голова Орфея прибыла на остров Лесбос.

Представим имена греческих богов по-арабски: Семела **سمنلا** «хмель»; Вакха **حشو** «хамство, бесстыдство»; Дионис **سند** «нечисть, порок». Орфей по-арабски **رْف فرغ** «знать, знания». Лесбос «бесовская близость», сложения ар. **لسا'ا** «быть близким» и **سائب** би'са «плохое, бесовское». Фактически в именах богов записано то состояние, которое наступает после употребления хмели, и даже юридическая оценка этого состояния. Понятное дело, знания (Орфей) и вакхические оргии несовместимы.

Спутниками Диониса были музы и козлы. Козлы пели трагедийные песни. Трагедия от ар. **رطق** та:ригат «беда, несчастье». Греки ошиблись, а с ними весь мир: козлы – не спутники Диониса, настоящие спутники Диониса – это трагедии. На козлов зря наговаривают. Трагедии были результатом бесперебойных попок. Просто арабское слово таригат созвучно древнегреческому именованию козлов – трагос. Что же касемо муз, отметим, по-гречески **μυσα** «мыслящая». Вот это греческое слово восходит к ар. **مغزغ** ма'гиза «коза». Мыслящие козы – это тоже блуд.

Если Дионис устремлен к вину и женщинам, его брат и антипод Аполлон жаждет знаний. Аполлон от обратного чтения арабского **قفسد** **لالا** алла + тиффа «целомудренный», «знающий от Бога». Имя Аполлона можно читать и как **قفلو** валлу:фа «горманизатор». Жену Аполлона звали Калиопой: сложение ар. **لقع** бакала и **فياغ** та:фияа, («быть разумным» + «здоровье»), букв. «здравый смысл», она же мать Орфея. Посыл мифа: здравый смысл порождает знания – Орфея, от ар. **فرغ** барафа «знать».

Древнеримский миф

Главный миф римлян – это миф о Ромуле и Ремуле, которых вскормила волчица, а один из них впоследствии основал Рим. Отличает имена братьев чередование гласных О и Е. Если отбросить арабский артикль **ل** от имен Рому**ل** и Рему**ل** и прочесть их имена по-арабски, справа налево, поймем почему Рему**ل** умер, а Ром основал государство Рома **رما**. У римлян, среди прочих имён, есть и такой: римляне окаялись в окружении, ночью противнику удалось перебить охрану и проникнуть в лагерь. Выручили гуси. Причина в том, что русское слово гусь в арабском исполнении – **عوس** гус «крик о помощи».

Библейская легенда о Моисее и Ароне

Оценим легенду о Моисее и Ароне. Известно, Моисей получил на горе Синай каменные скрижали (Скрижали завета) и Бог призвал его совершать добрые деяния во имя своего народа. Моисей был нерешителен и, сославшись на слабость и неумение красиво говорить, желал было отказаться от этой почетной миссии, но Бог дал ему силу и сказал: у тебя есть красноречивый брат. Он будет подмогой тебе.

Прочтем имена героев по-арабски: Моисей, Муса от **موسى** Муса «получивший завет» или **موسم** Муса «получивший силу»; Арон по-арабски – **نورا** Га:ру:н – от русского Говорун и завет по-арабски **وعد** ва'д «завет», читаем справа налево **وعد** да'ва «призыв».

Обращая внимание, все деяния героев легенды раскрываются в русском или арабском языках.

Пример из русского эпоса

Илья Муромец – русский былинный герой. Имя Муромец от ар. حمّار Мур: мех «копыносец», Илья = Ильяс от ар. إيليا иль-я: ис «отчаянный, смелый», букв. «отчаянный копыносец». Илья Муромец, по сути, предстает семантическим родственником Георгия Победоносца (убивающего дракона с коня) и Гора Бехдетского (убивающего крокодила с лодки).

Примеры из области философии и политики

Имя ПЛАтон имеет созвучие со словом ПЛАЗма, из-за чего он признавал первичность слов, идей и утверждал, что вещи – это тени слов, идей.

Аристотель известен тем, что старался давать всему определения. Объясняется это тем, что его имя сложено харисо «проводить черту, межу, определять» со словом тоталь(ный).

Имя Маркса восходит к ар. ماركع маърака «борьба», а Карл от обратного чтения ар. لارقال-рак (рукий) «прогресс», отсюда его утверждение, что прогресс в обществе определяется борьбой классов, при том, что قارم марка: «класс, разряд, ступень».

Макиавелли проповедовал политику, пренебрегающую законами морали, его имя восходит к ар. موكام мука: валя «торг», созвучного с ар. ليحام муха: йил «мошенник, коварный человек».

Примеры из области политических и военных деятелей

Имя Сталина созвучно арабскому глаголу – لئسا 'исталла. «вытаскивать, обнажать меч». В имени Иосиф, если по-арабски озвучить это имя, записано меч فيس сейф «меч». Напомню, один из краеугольных тезисов Сталина: «мы меченосцы». Если же начальную И8 в имени заменить буквой Х8 получим корень فصح ХСФ «иметь здравый ум, быть благо-разумным», «быть осматрительным». Сталин был, ну очень осматрительным.

Сталин имел кличку – Коба. Его кличка-прозвище Коба, по-арабски بقب-БКБ, созвучно библейскому Иакову, который хитростью завладел первенством. Коба поступил также. У него был дар предвидеть последствия, арабский корень БКБ среди прочих имеет значение «последствия», а также от этого корня قبوقع «уку:ба» «санкции». Санкциями Сталин держал в узде СССР.

Сталинский антипод Гитлер имеет в своем составе две сонорные буквы Л и Р. Они в одном корне не сочетаются. Читаем корень ГТР по-арабски رت гатар означает вот «помутить разум», «поступать безрассудно» и «слепо предаваться».

В имени Адольф записан دعد ъадл «справедливость». Возникает вопрос, какую справедливость он желал достичь? Арабское слов ъадл от русского делить, доля. Гитлер желал на глобальном уровне обозначить немецкую долю.

Продолжим тему в контексте с ВОВ и оценим фамилии и имена: Вильгельм Кейтель, Георгий Жуков и Глеб Котельников.

Вильгельм Кейтель, немецкий генерал-фельдмаршал, начальник Верховного командования вооружённых сил нацистской Германии. Во время ВОВ излюбленным приемом было создавать котлы и уничтожать противников.

Но, каков наш Георгий Жуков! Противостояние Кейтеля и Жукова можно проследить даже на тотемном уровне. Напомню, для немцев муравьи являются тотемными существами (объект поклонения). Они их держали даже в качестве домашних животных. Муравьи стреляют кислотой и тем обжигают неприятелей, также как немцы стреляют огнемётами в первую и вторую мировую войны.

Георгий Жуков сам устраивал котлы для Кейтелевским солдатам, как жук (муравьиный лев), а в иных случаях действовал, как жук-Ломехуз и уничтожал муравейники – немецкие дивизии и армии.

Глеб Котельников создатель парашюта. В 1910 году стал свидетелем авиакатастрофы и гибели летчика. Это событие так сильно его потрясло, что к 20 марта 1912 года он разработал авиационный ранцевый парашют (РК-1) и получил патент.

Обращая внимание, один спасает, а другой убывает. Причина в том, что имеет значение, и национальность, и обстоятельство, и профессия и многое другое.

Примеры из области серийных убийц

Представляет познавательный интерес проявление связи между именами и преступными деяниями известных серийных убийц, что важно для юридической практики. Злодеи-преступники, как правило, проговаривают, будто они из космоса получают информацию в виде указания, что делать. Такого взгляда придерживался тезка фельдмаршала Кейтеля, злодей Андрей Чикатило. Обращаю внимание, фамилии Кейтель и Чикатило однокоренные – КТЛ. В фамилии ЧиКаТиЛо, начальная приставка Чи (джи, г) указатель имени профессии, а отставшая часть Катило от рус. катало – убийца. Русское катало от كاتل катал «убийца».

Мотив убийства, как пояснял Чикатило, – получение удовольствия от совершения преступления, сексуальный садизм, канибализм. Фамилии Кейтель и Чикатило однокоренные – КТЛ. В фамилии ЧиКаТиЛо начальная приставка чи (джи, г) указатель имени профессии, а отставшая часть катило от рус. катало – убийца. Русское слово катало от ар. كاتل катал «убийца».

Известный злодей и серийный убийца Александр Пичушкин (или Битцевский убийца), который изнасиловал и убил 33 человека. Мотив убивать записан в фамилии Пичушкин, Пи – поименная приставка имени профессии. Отставшую часть фамилии Чушкин уместно будет читать Душкин, поскольку в речи буква Ч может заместиться буквой Д. Выходит, Чушкин – Душкин, т.е., душитель или душегуб. Можно предположить, что он чаще душил своих жертв. В фамилии присутствует еще формант ЩК – Щука, а это усиливает его злодейскую деятельность. Щука – хищная рыба – от ар. ар. يشاкий «хулиган». Заключительная часть фамилии – ин в ар. род. падежа в значении «относящийся к...».

Душегуб Пичушкин нашел и место подходящее для активации себя – Битцевский парк. БиТцевский созвучен русскому убиТЬ и ПиТЬ. Губные Б и П легко замещают друг друга. Выходит, не случайно Пичушкин выбрал, Битцевский парк для своих убийств, а по причине созвучия. Смею предположить Питцевский парк – это излюбленное место злодеев-убийц. Своим именем этот парк зазывает их туда. В отставшей части топонима – цевский, присутствует цев-ский, Ский от рус. иСкать = Ищу, а Цев созвучно к ар. دامى са:д «охотиться», с учетом замещения буквы д на з.

Продолжим оценкой деяний ангарского маньяка Михаила Попкова, самым кровавым преступником СССР и России. Мотив убийства сексуальный – желание очистить мир от порочных женщин. Попков в прямом чтении от ар. قف фака (пака) «развязать язык», а в обратном чтении от ар. قفك кафа (капа) «способный на все». Начальная приставка пи в данном случае выступает как усилитель. Усиливает его деяние созвучие анГаРский, как и в случае с Битцевским. Топоним анГаРский созвучен арабскому غارغ «иГа:Ра «нападение». Даже сама местность зазывает быть агрессивным.

В этом же ряду уместно оценить деяния злодея Джона Уэйн Гейси – насильника и серийного убийцы (США). Мотив убийств – сексуальный, садизм. В имени Джон записан уголовник, восходит к ар. جناح га:ни (корень гнй) «уголовник». Как в России много Иванов (воинов), так в англосаксонском мире много Джонов (ГоНов - уголовников). Англичане завоевали Северную Америку, Австралию и иные земли руками уголовников. Народный герой англосаксов уголовник Робин Гуд (Господин убийца). Добавочно, фамилия Гейс восходит к ар. صرع «насильник», «площадка», «быть бойким». Этому же слову созвучно арабское слово свадьба. Наш «герой» наверняка бывал ведущим не только на детских площадках, полагаю, и на свадьбах.

Как изъясняется и утверждает доктор юридических наук, профессор Бертовский, человек, посвятивший много времени и сил расследованию уголовных преступлений, «для маньяка реальность – это фантазии» [1]¹. И это очень точное и достоверное наблюдение, поскольку фокус целе-

1 Бертовский Л. В. Теракты, Битцевский маньяк, «Новичок»: криминалист - о природе зла. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://yandex.ru/video/preview/6185259251480533030>.

полагания у нормального человека и у серийных убийц, страдающих шизофренией, имеет разные локации. Если фокус целеполагания у нормальных людей приходится в поле сознания, для которых реальность и здравый смысл первичен, а смысл их имен лишь фон, то фокус целеполагания серийных убийц-шизофреников приходится в подсознание, соответственно, определяющим и индуцирующим их деяния становится имя, а реальность обращается лишь в фон [3].

Примеры массовых убийств в школах в Англии и в США

Еще один показательный пример: в новостном блоке сообщают о частых убийствах в школах Англии и США. Преступный мотив поведения детей объясняется тем, что арабское название школы مُسَرَّدَة мн. سَرَادَة мударас, созвучно английскому слову murder убийство. Это является неким маркером для совершения преступлений, как и в случае Битцевского парка («парк убийц»). В случае Битцевского парка развертка идет по русскому каналу, а в случае школ Англии и США и Англии работает арабский канал.

Некоторых, например Грэма (персонаж из фильма «Беспощадный шторм»), стимулирует на убийство гремевший гром. Объясняется такое поведение тем, что имя резонируется с собственным именем. В том фильме персонаж Грэм убивал во время грома. В имени героя Грэм и гром присутствует корень ГР, по-арабски غريغ ГеРа быть «агрессивным, ревнивым», «нападать». Имена иГоРь – قراغ 'ига:ра «нападение» и ГеРа – غريغ Гера «ревнивая» в этом же гнезде.

Вот по этой причине, отвечая на вопрос «Кем задаются интенции, когда человек совершает преступления?», мы утверждаем: именем и фамилией. Когда душегуб-Пичушкин совершает убийство, он входит в резонанс (созвучие) со своей фамилией, а это индуцирует и приводит к энергетической накачке. И этот усиленный энергетический потенциал передается на центр удовольствия. Нет ничего выше, чем соответствовать своему имени. Наверняка, уместно соотносить такого рода действия маньяка-убийцы с деяниями наркомана, принимающий очередную дозу.

Мотивация поступков – это предмет интереса психологии. Но что может сделать психология, если она не признает того факта, что подсознание человека функционирует на языковых кодах.

Все это подводит нас новому пониманию природы сознания и подсознания человека. Сознательное – доступное самоанализу, сопряжено с механизмом целеполагания и функционирует в соответствии с логикой и здравым смыслом. Подсознательное – недоступно самоанализу – увязана, как и сознательная, с целеполаганием, но для него логика не имеет значения, важно сходство созвучия слов, имен. И эти сходжения в созвучии имен оказывают не меньшее влияние на поведение людей, чем их сознание. Вот поэтому, мы утверждаем, проблема выбора, это проблема имени, а не сознания!

Заключение

Таким образом, выявленный механизм воздействия имен на примере мифических, библейских и реальных акторов представляет интерес для социально-гуманитарных дисциплин. Этот механизм основан на языке, который формирует смысловое поле, и которое воздействует на людей через их имена. По причине того, что у всех людей мозг, психика (сокрытая душа) функционирует на языковых кодах, имя задает поведенческие модели людям, соответственно, на этой основе диагностируем модель поведения реальных людей: нормальных и ненормальных. Если фокус целеполагания для ненормальных приходится в подсознании, то для нормальных в области сознания. Соответственно, для шизоидных ненормальных людей решающее значение имеет не реальность, а скрытые смыслы собственного имени, которые их ведут. Тогда как, для нормального человека, чей фокус целеполагания в сознании, реальность первична, а скрытые смыслы имени – лишь фон.

Пристатейный библиографический список

1. Баянов К. Р. Вопросы философии образования: трансформация педагогической парадигмы // В сборнике: Проблемы школьного и дошкольного образования. Материалы VIII Региональной научно-практической конференции (электронное научное издание на компакт-диске), 2017. - С. 247-255.
2. Баянов К. Р. Глобализация и проблема устойчивости современного мира // Ребенок в современном образовательном пространстве мегаполиса. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Редактор-составитель А. И. Савенков. - 2017. - С. 234-239.
3. Баянов К. Р. Кибернетические функции языка в процессах самоорганизации социоприродных систем // Короленковское наследие в самосознании XXI века: сборник материалов Международной научно-практической конференции «Одиннадцатые Короленковские чтения», посвященной 165-летию В. Г. Короленко. - Глазов: ГГПИ, 2018. - С. 123-132.
4. Баянов К. Р. Философско-методологические основания прогнозирования социоприродной динамики: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. - М., 2011. - 47 с.
5. Вашкевич Н. Н. Всемирный периодический закон. Введение в смысловую логику. - М.: Издатель С. Ландышев-7518, 2010. - 703 с.
6. Вашкевич Н. Н. За семью печатями. Тайны происхождения языка. Библейские символы. Русская фразеология. - М.: Изд-во «Дека», 1994. - 181 с.
7. Вашкевич Н. Н. Системные языки мозга. - М., 1998. - 399 с.
8. Прейер В. Душа ребенка. - СПб.: О. Богданова, 1912. - XVI, 298 с.
9. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство. - М.: РИПОЛ классик, 2009. - 180 с.
10. Белкин Р. С. Курс криминалистики: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по юрид. Специальностям. - М.: Юнити, 2001. - 837 с.
11. Эйсман А. А. Заключение эксперта. - М.: Юрид. лит., 1967. - 152 с.
12. Баянов К. Р. Языковые основания сознания и подсознания // Практическая психология: интенсивные методы и технологии поддержания психологического здоровья личности: сборник научных статей. - Глазов: ГГПИ, 2016. - С. 207-226.

ГУНИБСКИЙ Магомед Шахмандарович

кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА)

РАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ ЭТИКИ ОБЩЕНИЯ КАК ОСНОВА ИНКЛЮЗИВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Развитие инклюзии и её общее влияние на общечеловеческие ценности позволяет говорить об изменении общественных отношений, что повлечёт за собой изменение общественного сознания. Большая часть влияния по развитию общества приходится на позиции государства, однако роль общества также важна, установки и позиции общества являются основными блоками или путями развития того или иного общественного движения.

В основе этики общения находится инклюзивное мышление личности. А развитие инклюзивного мышления зависит не только от воспитания, но и от опыта личного взаимодействия с людьми с инвалидностью, даже сейчас в 21 веке сохраняется подобная отрицательная тенденция, часть социума – люди боятся общаться с людьми с инвалидностью, боясь навредить, часто просто не зная, как общаться и взаимодействовать с ними.

Цель данной статьи – проанализировать рациональный компонент этики общения как фундаментальную основу формирования и поддержки инклюзивной культуры в современном обществе. Формирование инклюзивной культуры – это не только создание пандусов и лифтов, но и преодоление барьеров в сознании и речи. Рациональность в коммуникации способствует объективности, аргументации и уважению к разнообразию.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивная культура, инклюзивное мышление, лица с ограниченными возможностями здоровья, социализация, интеграция.

GUNIBSKY Magomed Shakhmandarovich

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, associate professor of Philosophy and sociology sub-faculty, O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

THE RATIONAL COMPONENT OF COMMUNICATION ETHICS AS THE BASIS OF AN INCLUSIVE CULTURE

The development of inclusion and its general impact on universal values suggests a change in social relations, which will entail a change in public consciousness. Most of the influence on the development of society falls on the position of the state, but the role of society is also important, the attitudes and positions of society are the main blocks or paths of development of a particular social movement. The ethics of communication are based on the inclusive thinking of the individual. And the development of inclusive thinking depends not only on education, but also on the experience of personal interaction with people with disabilities. Even now in the 21st century, a similar negative trend persists. Part of society is people who are afraid to communicate with people with disabilities, fearing harm, often simply not knowing how to communicate and interact with them. The purpose of this article is to analyze the rational component of communication ethics as a fundamental basis for the formation and support of an inclusive culture in modern society. The formation of an inclusive culture is not only the creation of ramps and elevators, but also the overcoming of barriers in consciousness and speech. Rationality in communication promotes objectivity, argumentation, and respect for diversity.

Keywords: inclusion, inclusive culture, inclusive thinking, people with disabilities, socialization, integration.

Гунибский М. Ш.

Культура объединяет все стороны человеческой личности.

Нельзя быть культурным в одной области и оставаться невежественным в другой.

Уважение к разным сторонам культуры, к разным ее формам – вот черта истинно культурного человека.

Д. С. Лихачев

Инклюзия является одной из самых обсуждаемых в российском обществе, политике и науке категорией. Одной из центральных составляющих термина «инклюзия» является инклюзивная культура. Инклюзивная культура – это не просто модное понятие современности, а глубокая философская категория, которая затрагивает основы человеческого бытия, морали и этики. В эпоху глобализации и цифровых технологий, когда границы стираются между реальностью и виртуальностью, а взаимодействия между людьми разных культур, этносов становятся повседневностью, философия инклюзивности приобретает особую актуальность.

Как отмечается в научной литературе [1]¹, инклюзивная культура – это система ценностей, норм и практик, которые

способствуют включению и равному участию всех людей в общественной жизни. Инклюзивная культура – это высший навык развития совместного взаимодействия людей с различными видами инвалидности и людей без инвалидности.

(Кириллова Е. А. Инклюзивная культура как фактор развития поликультурного образования в России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kpfu.ru/staff_files/F1196477887/Sekciya_2_Kirillova_E._A.pdf (дата обращения: 15.02.2026) В. В. Хитрюк рассматривает инклюзивную культуру как составляющую часть профессионально-педагогической культуры и компетентности педагога. А. С. Екушевская считает инклюзивную культуру важнейшим качеством не только педагога, но и родителя, и обучающегося, и даёт следующее определение данному понятию: «Инклюзивная культура – это такой уровень развития общества, который выражается в гуманном, терпимом, безопасном отношении людей друг к другу, где разделяются идеи сотрудничества, стимулируется развитие всех участников образовательного процесса, где ценность каждого является основой общих достижений, а также формируются всеми принимаемые инклюзивные ценности. Инклюзивные ценности в данном контексте являются важнейшими компонентами инклюзивной культуры наряду с нормами и идеалами. Инклюзивную культуру общества можно рассматривать не только как фактор успешной реализации инклюзивного образования, но и как фактор развития общества в целом».

¹ Понятие «инклюзивная культура» обсуждается достаточно широко и трактуется исследователями по-разному. Е. А. Кириллова рассматривает её как фактор развития общества в целом.

Основой инклюзивной культуры является мышление. Инклюзия (франц. *inclusif* – включающий в себя, от лат. *include* – заключаю, включаю) термин, используемый для описания процесса взаимодействия людей с различными видами инвалидности и людей без инвалидности.

В культурном контексте это означает отказ от дискриминации и создание условий для разнообразия мнений, традиций и идентичностей.

Ключевые элементы инклюзивной культуры:

- равенство возможностей: обеспечение доступа к образованию, работе и ресурсам без барьеров;
- уважение к разнообразию: признание ценности различных культурных перспектив.
- эмпатия и диалог: поощрение открытого общения для преодоления предрассудков.
- Социальная ответственность: активное участие в снижении неравенства.

Что касается содержание понятия «инклюзивная культура», то оно раскрывается в нескольких направлениях [2]:

1) особая философия, согласно которой, ценности, знания об инклюзии и ответственность приняты и разделены между всеми участниками данного процесса;

2) часть общей культуры, направленная на обеспечение поддержки ценностей инклюзии, высокий уровень которой способствует повышению эффективности процесса инклюзии в целом;

3) уникальный микроклимат доверия, способствующий развитию взаимозависимых отношений в обществе, позволяющих избежать конфликтных ситуаций и нанесения потенциального вреда каждому участнику процесса;

4) особая атмосфера, в которой внедряемые модификации адаптированы к потребностям определенной организации и органично вплетены в ее общую структуру, где сотрудникам предоставлена возможность получения разнообразной поддержки, как со стороны администрации, так и со стороны других сотрудников, что позволяет снизить риск возникновения многих противоречий;

5) фундаментальная основа для создания культуры инклюзивного общества, в котором многообразие потребностей приветствуется, поддерживается, аккумулируется обществом, обеспечивая возможность достижения высоких результатов в соответствии с целями инклюзивного образования и обеспечивая сохранность, принятие, сотрудничество и стимулирование непрерывного совершенствования педагогического сообщества и общества в целом.

Для осмысления того, какую функцию выполняет рациональное начало в коммуникации как основы инклюзивной среды, следует рассмотреть теоретическую базу и исторические предпосылки данного явления. Рациональность в коммуникативных процессах, уходящая корнями в философскую мысль, даёт возможность выходить за рамки личных стереотипов и выстраивать продуктивное взаимодействие. При отсутствии рационального основания коммуникация способна превращаться в средство давления или противостояния, что наносит ущерб принципам инклюзии. Именно рациональная составляющая придаёт общению свойства объективности, последовательной аргументации и аналитического осмысления.

Рациональная составляющая коммуникативной этики представляет собой целенаправленное использование аналитического мышления, логических конструкций и этического самоанализа. Она охватывает ряд ключевых аспектов, таких как:

- содействие объективности, что позволяет сводить к минимуму влияние личных предубеждений;
- доказательность суждений (любое коммуникативное действие должно опираться на фактическую базу, исключая необоснованные отсылки к авторитетным мнениям), что помогает снижать воздействие когнитивных искажений, в частности склонности к подтверждению собственной позиции, при которой человек не принимает во внимание противоречащие сведения;
- самоанализ (участники коммуникации призваны критически, оценивать собственные исходные установки и их

воздействие на собеседника). По Канту, это универсализация: «Как бы ты чувствовал, если бы был на месте другого?»

– автономия и взаимность (рациональность исключает патриархальные или доминирующие структуры; общение – горизонтальный обмен, где каждый голос ценен);

– этическая ответственность (рациональность включает учет последствий, предотвращая вред (в утилитарном ключе – это максимизация вклада в общее благо).

Следует отметить, что рациональность способствует конструктивному диалогу. В отличие от эмоциональных всплесков, которые могут эскалировать конфликты (как в примерах из социальных сетей), рациональный подход поощряет поиск общих основ. Это особенно важно в инклюзивных культурах, где разнообразие мнений должно быть интегрировано, а не подавлено.

Не все контексты подходят для чисто рационального подхода: в ситуациях с высоким эмоциональным напряжением (например, в терапии или кризисах) сочетание рациональности с эмпатией может быть более эффективным.

Исторически этика общения зарождалась в античной философии, где общение воспринималось как инструмент достижения добродетели. Аристотель в «Риторике» (IV в. до н.э.) подчеркивал, что эффективное общение требует логической структуры: *logos* (логика), *pathos* (эмоциональное воздействие) и *ethos* (доверие). Логическая составляющая – *logos* – стала отправной точкой для формирования рационального мышления, обязывая говорящего выдвигать взвешенные доводы для убеждения слушателей без использования манипулятивных приёмов. Уже на этом раннем этапе закладывалось представление о том, что рациональность не просто обладает самостоятельной этической ценностью, но и создаёт условия для достижения взаимопонимания, не позволяя эмоциональным реакциям или стереотипам становиться источником разногласий.

В условиях современного общества, ориентированного на принципы инклюзии, коммуникативная этика выходит далеко за пределы набора норм учтивого поведения и трансформируется в упорядоченную систему, в основе которой лежит признание ценности человеческой личности. Такая система создаёт прочную базу для построения настоящей культуры вовлечённости, в рамках которой любой человек, вне зависимости от его индивидуальных характеристик, ощущает собственную значимость и принятие со стороны окружающих.

Рационально выстроенный подход к коммуникативной этике предполагает, прежде всего, пересмотр базовых категорий. Принципиально важно осознавать, что инвалидность представляет собой не столько медицинскую характеристику, сколько социально обусловленное явление.

Согласно Конвенции о правах инвалидов ООН, инвалидность является результатом взаимодействия между имеющими нарушения здоровья людьми и отношенческими и средовыми барьерами, которые мешают их полному участию в жизни общества².

Такое определение принципиально меняет вектор ответственности: если проблема не в человеке, а в среде, то именно среда должна быть изменена. Это включает и речевую среду, которая может, как исключать, так и включать людей с инвалидностью в общество. Вадим Юрьевич Перов доцент, заведующий кафедрой этики института философии СПбГУ, ссылаясь на стих Маяковского, что этика как наука отвечает на фундаментальные вопросы: «Что такое хорошо? Что такое плохо?»³. Применительно к инклюзивной культуре, эти вопросы трансформируются в практические решения

2 Конвенция ООН 13.12.2006 № 61/106 «Конвенция о правах инвалидов»

3 Что такое хорошо и что такое плохо? Решение этических вопросов в Университете: раньше и теперь. Часть вторая Санкт-Петербургский государственный университет. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://spbu.ru/news-events/perezagruzka/chto-takoe-horosho-i-chto-takoe-ploho-reshenie-eticheskikh-voprosov-v> (дата обращения: 15.02.2026).

о том, как мы говорим и взаимодействуем с людьми с особенностями разного типа.

Сейчас распространенной проблемой является использование устаревшей и стереотипной терминологии, которая нередко воспринимается как норма. Слова и выражения, такие как «человек с ограниченными возможностями», «инвалид», «прикованный к коляске», «глухонемой», «больной аутизмом», не только создают негативные ассоциации, но и формируют искаженное восприятие о людях с инвалидностью⁴.

В 2015 году для Вестника Кемеровского государственного университета, было проведено социальное исследование среди людей с инвалидностью. В ходе исследования выяснилось, что выражение «прикован к коляске» ассоциируется с чувством обреченности, с понятием «цепи». Слова «глухонемой», «немой» подразумевают невозможность общения, контакта.

Если о ком-то говорят «больной», то невольно предполагают, что он «беспомощный» и его «надо лечить»⁵.

Зачастую люди избегают общения с людьми с инвалидностью из-за неуверенности в себе и страха допустить ошибку. Отсутствие практических знаний о том, как предложить помощь, установить контакт, организовать пространство для комфортного общения, создает барьеры в коммуникации.

В образовательной среде, педагоги также часто не готовы к работе с детьми с особыми образовательными потребностями. Как отмечается в исследованиях Бгажнокова И. М., «нежелание учителей, их неготовность к обучению детей-инвалидов в общеобразовательной школе связана не с отрицательным отношением педагогов к таким детям, а с отсутствием четко разработанной системы обучения особых детей в общеобразовательной школе» [3]. Существует проблема разрыва между официальной терминологией, закреплённой в нормативных документах, и современными этическими представлениями.

Например, в Федеральном законе «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» сохраняется определение инвалида как лица с «нарушением здоровья», что поддерживает медицинский взгляд на инвалидность, тогда как Конвенция ООН утверждает социальный подход.

Стандарты инклюзивной этики действуют в настоящее время во всем мире. В сфере социальных коммуникаций сейчас действует правило «Люди превыше языка» (от англ. «people-first language»)⁶. Этот подход предполагает, что, говоря о ком-то, сначала необходимо подчеркнуть, что речь идёт о человеке, а уже затем уточняется его состояние, особенности здоровья или болезни. Корректная терминология может быть систематизирована следующим образом: корректные выражения (человек с инвалидностью; человек, использующий коляску; человек с синдромом Дауна; человек с аутизмом; незрячий, слабовидящий человек; неслышащий, слабослышащий человек) и некорректные выражения (больной, калека, неполноценный; колясочник; даун; аутист; слепой; глухонемой и т.д.).

Формирование инклюзивной культуры требует целенаправленного обучения. Важным шагом является подготовка будущих учителей к работе с детьми с особыми образовательными потребностями. Выделяются основные харак-

теристики компетентностей, необходимых учителю для успешной работы в условиях инклюзивного образования: мотивационная, диагностическая, коммуникативная, конфликтологическая и другие. Для профессорско-преподавательского состава и студентов разрабатываются специальные рекомендации по взаимодействию с людьми с различными формами инвалидности. Рациональный подход требует институционального закрепления норм и правил. Как отмечается в материалах СПбГУ, «в рамках профессиональной этики для того, чтобы внешние санкции были легитимными, необходимо их принять, закрепить в письменной форме. Это происходит путем публикации кодексов корпоративной этики». Разработка таких документов должна основываться не только на совещаниях должностных лиц, но и на проведении полноценных этических исследований, выявляющих этические ожидания всех участников образовательного или рабочего процесса.

Можно сделать вывод, что рациональная составляющая коммуникативной этики выступает не просто как механическое следование установленным нормам, а как качественно новое осмысление характера общественных взаимоотношений. Речь идёт не об отвлечённой теоретической конструкции, а о действенном механизме формирования инклюзивной среды. Именно рациональное начало в этике коммуникации закладывает основу культуры включённости, гарантируя непредвзятость, доказательность и уважительное отношение в процессе взаимодействия. Оно соединяет логическое мышление с чуткостью к другому, а теоретические положения – с их реальным воплощением, выстраивая тем самым платформу для построения справедливого и жизнеспособного общества. Вслед за кантовским призывом «Sapere aude!» – имей мужество мыслить самостоятельно, можно утверждать, что общество в целом только выигрывает от сознательного движения к инклюзивности, при котором рациональный подход становится повседневной практикой. В период масштабных цифровых преобразований рационально обоснованная этика коммуникации приобретает значение центрального инструмента выстраивания гармоничного сосуществования.

Всё это предполагает осмысленное отношение к языковым формулировкам, формирование практических коммуникативных компетенций и глубинную трансформацию институциональных ценностных ориентиров.

Формирование инклюзивной культуры – это сложный и многогранный процесс, в котором этика общения играет фундаментальную роль. Как точно отмечено в статье центра психологии и инклюзивного образования КРУ имени А. Байтурсынова: «общаясь с людьми с ОВЗ, ... перед вами находятся в первую очередь «люди», а не их инвалидность. Такой подход позволит не обидеть человека и выстроить с ним конструктивную коммуникацию»⁷. Именно этот принцип – видеть в другом человеке и является краеугольным камнем, на котором строится подлинная инклюзивная культура.

Пристатейный библиографический список

1. Екушевская А. С. Образ себя и другого как фактор формирования инклюзивной культуры // Инклюзивное образование: преемственность инклюзивной культуры и практики. Сб. материалов IV Международной научно-практической конференции / под ред. С. В. АLEXИНОЙ. – Москва, 2017. – С. 27-31.
2. Основы инклюзивной культуры: учебное пособие / [Н. А. Борисова и др.]; под общей редакцией О. А. Денисовой; составитель О. Л. Леханова. – Череповец: ЧГУ, 2021. – С. 10.
3. Бгажнокова И. М. Общее и специальное образование: пути к взаимодействию и интеграции / И. М. Бгажнокова. (Образовательная политика) // Вопросы образования. – 2006. – № 2. – С. 30-38.
4. Формирование ценностно-смыслового компонента инклюзивной культуры студентов педагогических направлений подготовки. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://infourok.ru/formirovanie-cennostnosmyslovogo-komponentainklyuzivnoy-kulturi-3141422.html> (дата обращения: 15.02.2026).
5. Главное – человек. Этика общения с людьми с инвалидностью. Аура-Тех. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://auratech.ru/information/news/glavnoe-chelovek.-etika-obshheniya-s-lyudmi-s-invalidnostyu> (дата обращения: 15.02.2026).
6. Бриджит Уолш, доктор философии, CFLE, доцент кафедры развития человека и семейных исследований, и Энн Бингем, доктор философии, доцент, руководитель проекта ECHOSEE. Язык, ориентированный на людей: стратегия, основанная на сильных сторонах, для решения проблем многообразия // People-first language: A strengths based strategy for addressing diversity University of Nevada, Reno. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.unr.edu/nevada-today/blogs/2018/people-first-language> (дата обращения: 15.02.2026).
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://inclusion.ksu.edu.kz/inclusive_culture.html (дата обращение: 15.02.2026).

ИХСАНОВ Артур Уралович

аспирант, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЙ И СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ В СОХРАНЕНИИ И РАСПРОСТРАНЕНИИ ЭТНОКУЛЬТУРЫ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Актуальность темы определяется ростом влияния социальных сетей и цифровых платформ на формирование и воспроизводство этнокультуры. Уже в 2020-е годы более 4,66 млрд человек вовлечены в интернет-коммуникации, что составляет около 60 % населения планеты, а в России этот показатель достигает 81 % [5, с. 201]. При этом цифровая среда одновременно способствует сохранению культурных практик и их трансформации, что требует научного осмысления.

Целью статьи является анализ роли технологий и социальных сетей в сохранении и распространении этнокультуры в условиях глобализации.

Ключевые слова: глобализация, этнокультура, социальные сети, этнокультурная идентичность.

IKHSANOV Artur Uralovich

postgraduate student, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

THE ROLE OF TECHNOLOGY AND SOCIAL MEDIA IN THE PRESERVATION AND DISSEMINATION OF ETHNOCULTURE IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The relevance of this topic is determined by the growing influence of social media and digital platforms on the formation and reproduction of ethnic culture. In the 2020s, more than 4.66 billion people are already involved in online communications, representing approximately 60 % of the global population, and in Russia, this figure reaches 81 % [5, p. 201]. At the same time, the digital environment simultaneously facilitates the preservation of cultural practices and their transformation, which requires scientific understanding.

The purpose of this article is to analyze the role of technology and social media in the preservation and dissemination of ethnic culture in the context of globalization.

Keywords: globalization, ethnoculture, social networks, ethnocultural identity.

Понятие этнокультуры формируется через анализ категории этнокультурной идентичности, которая в научной традиции получила активное развитие лишь в последние десятилетия. Ещё в начале XXI века сам термин «идентичность» вызывал споры в гуманитарных науках, однако к 2020-м годам он закрепился в культурологии, психологии и социологии как базовая объяснительная категория [8, с. 57]. Это смещение связано с усилением глобальных процессов интеграции и культурного взаимодействия, которые потребовали уточнения механизмов самосознания этнических групп.

М. С. Терехова предлагает рассматривать этнокультурную идентичность через три смысловых компонента. Первый связан с осознанием принадлежности к конкретному этносу, что обеспечивает человеку чувство устойчивости и защищённости. Второй компонент включает включённость в систему культурных норм, ценностей и ментальных установок, определяющих повседневное поведение. Третий элемент строится на оппозиции «мы – они», которая задаёт границы группы и формирует механизм социальной дифференциации [8, с. 57]. При этом автор подчёркивает зависимость идентичности от совокупности факторов – социальных, исторических, экономических и политических, что делает её не статичной, а изменяющейся системой.

Иной акцент предлагает Е. В. Кузнецова. Она рассматривает этнокультурную идентичность как динамическую конструкцию, трансформирующуюся в условиях информационного общества, где ключевую роль начинают играть символические формы и коммуникация в медиасреде [4, с. 85]. Такой подход смещает внимание с традиционных элементов культуры на процессы их воспроизводства и интерпретации. В результате идентичность перестаёт восприниматься исключительно как наследуемая характеристика и всё чаще трактуется как результат социального взаимодействия.

Структурное содержание этнокультуры складывается из нескольких взаимосвязанных элементов. В неё включаются язык, традиции, обрядовые практики, нормы поведения и

символические коды, формирующие коллективную память группы. Эти компоненты задают устойчивость культурной системы. Они передаются между поколениями. И они обеспечивают воспроизводство культурных моделей.

Этнокультура воздействует на социальные процессы через набор функций, которые, впрочем, не всегда легко разграничить на практике. Идентификационная функция закрепляет у человека чувство принадлежности к сообществу, интегративная – объединяет группу вокруг общих ценностей, регулятивная задаёт нормы поведения и санкции [8, с. 58]. Есть ещё и защитная: она обеспечивает психологический комфорт, когда внешняя среда давит переменами. Все четыре работают одновременно, не по очереди.

И здесь обнаруживается любопытное расхождение. Терехова М. С. трактует идентичность как практически неизменный компонент субъективности [8, с. 57]. Грубо говоря, для неё это нечто устойчивое, почти константа. Но Кузнецова Е. В. смотрит иначе – она фиксирует динамичность идентичности, её зависимость от медиасреды и символических форм коммуникации [4, с. 88]. Противоречие тут скорее кажущееся: два автора просто работают в разных парадигмах. Первая ориентирована на культурную устойчивость, вторая – на коммуникативную изменчивость. Упомянутая выше двойственность этнокультуры, где стабильность и трансформация сосуществуют, подтверждается этим расхождением достаточно наглядно.

Фиксируется и расширение функций этнокультуры. В условиях глобализации она начинает выполнять задачу сохранения культурного разнообразия, выступая механизмом сопротивления унификации ценностей. Это связано с ростом транснациональных контактов и усилением культурной диффузии. При этом сама этнокультура не остаётся неизменной. Она адаптируется. И трансформируется под влиянием новых факторов.

Отсюда вытекает необходимость анализа тех процессов, которые изменяют этнокультурные формы на современном этапе, включая глобализацию и цифровизацию.

Глобализационные процессы усилились в начале XXI века и задали новые параметры развития этнокультурных систем. Уже к 2020-м годам доминирует тенденция интеграции культур и их взаимопроникновения. М. С. Терехова связывает это с формированием «планетарного мира», где унификация ценностей сопровождается ростом межкультурных контактов [8, с. 57]. При этом ускорение глобальных изменений приводит к ослаблению традиционных механизмов передачи культурных норм, поскольку локальные практики всё чаще включаются в наднациональные коммуникационные потоки.

Однако унификация не устраняет различия. Она их трансформирует. И именно в этом проявляется противоречивый характер глобализации. С. М. Сыдыгалиев и С. З. Раздыков вводят понятие «киберэтничность», фиксируя переход этничности в цифровую среду, где она сохраняется, но изменяет формы выражения [7, с. 45]. Авторы показывают это на примере репатриантов Казахстана и коренных народов Якутии, чьи культурные практики адаптируются к городской и медиасреде, приобретая сетевые формы коммуникации.

Цифровизация усиливает этот процесс. Она меняет саму структуру социальности. По данным С. В. Соколовского, киберпространство охватывает около 4,66 млрд человек, что составляет почти 60 % населения планеты, а в России доля пользователей достигает 81 %, то есть около 116 млн человек [9, с. 57]. Эти показатели отражают масштаб вовлечённости в цифровые коммуникации, которые становятся основной средой культурного взаимодействия.

И коммуникация становится опосредованной. Она фрагментарна. Она зависит от технологий. Соколовский С. В. указывает на такие характеристики цифровой среды, как дискретность времени, неполнота контекста и невидимость инфраструктуры, что влияет на формы культурной передачи [9, с. 57]. В результате традиционные формы устной передачи знаний и обрядов уступают место медиатизированным форматам, включая текстовые и визуальные сообщения.

Культурная память меняет способ своего существования. Она всё реже передаётся через живое общение и всё чаще оседает в цифровых архивах, сетевых обсуждениях, медиаконтенте. Зависимость от технологической среды при этом нарастает, и риск потери аутентичности культурных практик тоже. Как показывают Сыдыгалиев С. М. и Раздыков С. З., цифровые коммуникации способны исказить традиционные смыслы, подстраивая их под логику платформ и алгоритмов [7, с. 50]. Тот же процесс, хотя и с другой стороны, фиксирует Соколовский С. В., говоря о неполноте контекста в цифровой среде [5, с. 205].

Но разрушение — это только часть картины. Виртуальные сообщества одновременно становятся площадкой для реконструкции этнокультурных практик. Участники создают цифровые версии традиций и коллективной памяти — через онлайн-архивы, тематические группы, медиаконтент, ориентированный на этническую идентичность. Проще говоря, то, что утрачивается в одном формате, воспроизводится в другом.

Впрочем, и тут есть подвох. Киберпространство расширяет доступ к культурному наследию, но унификация цифровых платформ ведёт к тому, что разные культуры начинают выражаться через похожие форматы коммуникации. Упомянутая выше двойственность цифровизации проявляется здесь особенно наглядно.

Если сопоставить позиции исследователей, видно расхождение не столько в выводах, сколько в оптике. Терехова М. С. акцентирует угрозу утраты идентичности под давлением глобализации [8, с. 57]. Сыдыгалиев С. М. и Раздыков С. З. — напротив, фиксируют появление новых форм её существования, включая феномен киберэтничности [7, с. 45]. Это расхождение, грубо говоря, отражает смену парадигм: от анализа утраты — к анализу трансформации. И именно поэтому дальнейший разбор требует обращения к конкретным инструментам цифровой среды, прежде всего к социальным сетям.

К середине 2020-х годов социальные сети превратились в основной канал повседневной коммуникации для миллионов людей. Этнокультурные практики перестали быть локализованными — они получили сетевое распространение. И именно в этом пространстве происходит фиксация и трансляция культурных смыслов, хотя сам процесс не всегда идёт гладко.

Васильков Е. А., анализируя коммуникацию в чатах эскимосов Чукотки, показывает, что цифровая среда становится инструментом сохранения языка и коллективной памяти [1, с. 45]. Участники чатов регулярно переписываются на родном языке, обсуждают бытовые и обрядовые элементы своей культуры. Проще говоря, мессенджер заменяет им ту среду живого общения, которая разрушается при миграции и урбанизации. Впрочем, стоит оговориться: хотя эти данные касаются только одной этнической группы, сам механизм компенсации разрыва через цифровую коммуникацию, вероятно, универсален. Но коммуникация при этом упрощается и фрагментируется. Она зависит от технических условий доступа.

Визуальная составляющая добавляет ещё одно измерение. Сулейманова О. А. фиксирует, что в цифровой среде доминируют изображения традиционной одежды, символики и природного ландшафта, которые становятся маркерами идентичности кольских саамов [6, с. 72]. Эти элементы тиражируются через социальные сети и формируют устойчивые образы этнической принадлежности. Текстовые описания дополняют визуальные коды, и в результате складывается, если упростить, комплексное медийное представление о культуре.

Вот переписанный фрагмент:

Содержание культурных нарративов тоже не остаётся прежним. Данилова Е. Н. и Киссер Т. С. вводят понятие «кибермотивы» — устойчивые элементы цифровых историй, которые адаптируют традиционные сюжеты к формату онлайн-коммуникации [2, с. 56]. Сюда входят визуальные шаблоны, повторяющиеся сюжетные линии, характерные способы подачи информации. Формируются они в блогах и социальных сетях. И тиражируются быстро, иногда быстрее, чем осмысляются.

Трансформация, впрочем, затрагивает не только содержание. Меняются и способы самопрезентации. Тульчинский Г. Л. связывает развитие цифровых медиа с появлением новых моделей идентичности, где человек конструирует образ себя через публикации, изображения и комментарии [9, с. 321]. Этническая принадлежность в такой логике становится частью публичного образа — и может корректироваться в зависимости от аудитории и целей коммуникации. Грубо говоря, идентичность делается гибче. Но устойчивость при этом снижается.

Интернет-активность, по мнению Шайгеровой Л. А. и соавторов, представляет собой форму культурного опосредования, при которой участие в цифровых сообществах влияет на восприятие собственной принадлежности к этносу [10, с. 74]. Идентичность складывается уже не только через традиционные практики, но и через сетевое взаимодействие — лайки, комментарии, участие в обсуждениях. Хотя это не бесспорно: степень такого влияния пока трудно измерить точно.

Если сопоставить эти позиции, картина получается двойственная. Упомянутый выше Васильков Е. А. фиксирует роль соцсетей в сохранении языка [1, с. 45], тогда как Данилова Е. Н. и Киссер Т. С. указывают скорее на изменение содержания культурных нарративов. Цифровая среда, проще говоря, не просто передаёт культуру — она перестраивает её структуру и способы существования. И для понимания того, как именно это происходит, нужен разбор конкретных практик и их ограничений.

Уже в начале 2020-х годов стали активно развиваться цифровые архивы и онлайн-этнография — новые практики сохранения этнокультуры, опирающиеся на сетевые ресурсы и инструменты анализа данных. Они позволяют фиксировать культурные процессы в реальном времени. И сохранять их в цифровой форме, что раньше было попросту невозможно в таком масштабе.

Соколовский С. В. отмечает, что современные цифровые архивы охватывают практически все виды коммуникации – от повседневных взаимодействий до культурных артефактов и текстов [5, с. 57]. Это обеспечивает высокий уровень детализации материала и, грубо говоря, ускоряет исследовательский процесс в разы. Методологической основой здесь выступает цифровая антропология, включающая онлайн-наблюдение, интервью, анализ текстов и визуальных данных, а также автоэтнографию, при которой исследователь сам становится участником изучаемых процессов [5, с. 200]. Подобный подход даёт возможность фиксировать не только содержание практик, но и способы их воспроизводства в цифровой среде.

Однако же технологии несут с собой и проблемы. Киреева О. А. выделяет цифровое неравенство как фактор, ограничивающий доступ к культурным ресурсам [3, с. 99]. Различия в уровне доступа к интернету и техническим средствам ведут к неравномерному включению этнических групп в цифровое пространство. Впрочем, это касается не только этнокультуры – разрыв между центром и периферией усиливается по многим направлениям, но именно для малых народов он ощущается, пожалуй, острее всего.

Ещё одна проблема – коммерциализация народной культуры. Традиционные практики, попадая на цифровые платформы, начинают адаптироваться под массовую аудиторию. Символические формы упрощаются, содержание меняется и культурные элементы в итоге утрачивают часть своего первоначального значения, хотя внешне выглядят вполне «этническими» [3, с. 99].

Терехова М. С. добавляет к этому ещё один риск – возможность манипуляции общественным мнением через медиасреду и угрозу так называемой кражи идентичности, связанную с непрозрачностью алгоритмов искусственного интеллекта [8, с. 58]. Проще говоря, алгоритмы способны влиять на поведение пользователей, при этом сами пользователи далеко не всегда это осознают. И это, стоит оговориться, касается не только этнокультурной сферы – но именно в ней последствия могут быть наиболее болезненными.

Впрочем, технологии открывают и новые перспективы. Большие данные и нейросети позволяют анализировать культурные процессы на уровне массивов информации, а визуализация данных – выявлять скрытые связи между элементами культуры. Эти инструменты расширяют исследовательские возможности и повышают точность анализа.

Но противоречие сохраняется. Киреева О. А. акцентирует внимание на снижении роли живого культурного опыта [3, с. 99], тогда как Соколовский С. В. показывает расширение возможностей фиксации культурных практик через цифровые архивы [5, с. 57]. Упомянутая выше закономерность – одновременное усиление и трансформация этнокультурных процессов под воздействием технологий – проявляется здесь, грубо говоря, в чистом виде. Отсюда и необходимость искать баланс между цифровыми инструментами и традиционными формами культурной передачи, хотя как именно этот баланс выглядит на практике – вопрос пока открытый.

Проведённый анализ показал, что этнокультура сохраняет сложную структуру, включающую язык, традиции, нормы и символические формы, однако её содержание трансформируется под воздействием глобализации. Этнокультурная идентичность сочетает устойчивость и изменчивость, базовые элементы сохраняются, но адаптируются к новым условиям, и порой довольно радикально.

Исследование влияния глобализации выявило усиление процессов интеграции и унификации культур. Рост интернет-аудитории до 4,66 млрд человек и 81 % пользователей в России изменил сами механизмы передачи традиций. Коммуникация стала медиатизированной и зависимой от цифровой инфраструктуры. Это привело к ослаблению традиционных форм и одновременному появлению новых способов их воспроизводства – феномен, который исследователями было обозначено как киберэтничность.

Социальные сети формируют особое пространство репрезентации этнокультуры. Они обеспечивают сохранение языка и культурной памяти через сетевые сообщества. Од-

нако визуальные и текстовые формы упрощают содержание культурных практик и меняют способы их восприятия. Этнокультура приобретает сетевые формы существования, которые отличаются высокой динамичностью, но не всегда – глубиной.

Таким образом, анализ практик показал развитие цифровых архивов и методов онлайн-исследований, позволяющих фиксировать культурные процессы с высокой степенью детализации. Но выявлены и ограничения, которые нельзя игнорировать: цифровое неравенство сохраняется, коммерциализация усиливается, алгоритмы влияют на интерпретацию культурных смыслов, причём пользователи далеко не всегда это осознают. Всё это создаёт риски искажения традиций и утраты их аутентичности.

Пристатейный библиографический список

1. Васильков, Е. А. Виртуальное поле: опыт применения социологических методов к анализу чатов эскимосов Чукотки // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. – 2025. – № 4(9). – С. 45-51. – DOI: 10.38161/2949-6152-2025-4-45-51. – EDN: PVMRZE.
2. Данилова Е. Н., Киссер Т. С. Кибермотивы в цифровых этнических нарративах (на примере этноблогеров) // Уральский исторический вестник. – 2025. – № 4 (89). – С. 56-65. – DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-56-65. – EDN: WLPIEM.
3. Киреева О. А. Распространение народной культуры в эпоху цифровых технологий: проблемы и перспективы // Известия СОИГСИ. – 2025. – № 57 (96). – С. 98-111. – DOI: 10.46698/VNC.2025.96.57.008. – EDN: PFSDJI.
4. Кузнецова Е. В. Этнокультурная идентичность в информационном обществе: особенности определения и перспективы развития // Современная молодежь и общество. – 2024. – № 12. – С. 85-90. – EDN: ZDCKTZ.
5. Соколовский С. В. Методология и принципы цифровой антропологии // Сибирские исторические исследования. – 2021. – № 1. – С. 200-214. – DOI: 10.17223/2312461X/31/10. – EDN: TCCKSN.
6. Сулейманова О. А. Репрезентация этничности кольских саамов в киберпространстве // Сибирские исторические исследования. – 2024. – № 2. – С. 71-92. – DOI: 10.17223/2312461X/44/4. – EDN: OQXINP.
7. Сыдыгалиев С. М., Раздыков С. З. Глобализация и киберэтничность: этнокультурные трансформации в городской среде (репатрианты Казахстана и коренные народы Якутии) // Уральский исторический вестник. – 2025. – № 4 (89). – С. 45-55. – DOI: 10.30759/1728-9718-2025-4(89)-45-55. – EDN: WWDCLL.
8. Терехова М. С. Этнокультурная идентичность в структуре современного общества // Философские, социологические и психолого-педагогические проблемы современного образования. – 2024. – № 6. – С. 56-58. – DOI: 10.37386/2687-0576-2024-6-56-58. – EDN: FZPKTQ.
9. Тульчинский Г. Л. Идентичность и самопрезентация личности в цифровых медиа. О кн.: Лисенкова А. А. Трансформация социокультурной идентичности в цифровом пространстве: монография. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2021. 286 с. // Вестник антропологии. – 2021. – № 3. – С. 320-326. – DOI: 10.33876/2311-0546/2021-3/320-326. – EDN: PVHUFU.
10. Шайгерова Л. А., Шилко Р. С., Ваханцева О. В. Культурное опосредование идентичности цифрового поколения: перспективы анализа интернет-активности и социальных медиа // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2022. – № 2. – С. 73-107. – DOI: 10.11621/vsp.2022.02.04. – EDN: LJTVXO.

ЛУКЬЯНОВ Аркадий Викторович

доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Высшей школы философии, психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий

МИНАКОВ Илья Павлович

кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры социальных и политических коммуникаций, Институт нефтегазового бизнеса, Уфимский государственный нефтяной технический университет

ПУШКАРЕВА Марина Алексеевна

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Высшей школы философии, психологии и социологии, Институт гуманитарных и социальных наук, Уфимский университет науки и технологий

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И ВОПРОС ОБ ЭЛАСТИЧНОЙ СТРУКТУРЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ

Социокультурная память рассматривается в тесном контексте накопления социального, духовного опыта. При этом, социальная память не исчерпывается чистым переживанием, а устремлена к человеческой экзистенции, которая связана с эластичной структурой исторического времени. Механическое время абстрагируется от переживаемости; оно становится чем-то оцепенелым. Но социокультурная память не измеряется ни наполненностью событиями, ни исторической хронологией, определяется плотностью событий. Эластичная структура времени схватывает и понимает пространство либо через очень малые, либо через большие соотношения, но действительное социокультурное время прорастает повсюду. Социокультурная память вызывает в данном отношении духовное беспокойство, которое не только сокращает материальное движение, но и находит своё воплощение в современных областях культуры.

Ключевые слова: социокультурная память, духовный опыт, структура исторического времени, эластичная структура времени, духовное беспокойство, культура и культурное взаимодействие.

LUKYANOV Arkadiy Viktorovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

MINAKOV Ilya Pavlovich

Ph.D. in philosophical sciences, senior lecturer of Social and political communications sub-faculty, Institute of Oil and Gas Business, Ufa State Petroleum Technical University

PUSHKAREVA Marina Alexeevna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor, professor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Institute of Humanities and Social Sciences, Ufa University of Science and Technology

FEATURES OF SOCIOCULTURAL MEMORY AND THE QUESTION OF ELASTIC STRUCTURE HISTORICAL TIME

Sociocultural memory is examined within the context of accumulating social and spiritual experience. At the same time, social memory is not limited to pure lived experience; it is oriented toward human existence, which is inextricably linked to the elastic structure of historical time. Mechanical time is abstracted from lived experience, becoming something static. However, sociocultural memory is measured neither by the abundance of events nor by historical chronology; rather, it is determined by the density of events. While the elastic structure of time grasps and perceives space through either infinitesimal or vast proportions, actual sociocultural time permeates everything. In this regard, sociocultural memory evokes a spiritual restlessness that not only constrains material movement but also finds its embodiment in contemporary cultural fields.

Keywords: sociocultural memory, spiritual experience, structure of historical time, elastic structure of time, spiritual restlessness, culture and cultural interaction.

Социальная память вполне способна создавать следующие характеристики сознания:

- 1) ориентация на определённую картину мира;
- 2) воспроизводство в общественном сознании опыта прошлого;
- 3) формирование идентичности;
- 4) трансляция будущими поколениями сложившихся в обществе социальных механизмов трансляции ценностей.

Социокультурная память упирается в анализ эластичного времени, не застывшего, а социального времени, которая отличается соразмерностью с историческим временем. Этому соответствует нечто гораздо большее, чем изменения темпа [1, с. 159].

Время не играет в физическом смысле той роли, которое играет пространство (оно в классической картине мира всегда мыслилось формально-равномерным). Но новая физика

(теория относительности и квантовая механика) пересмотрела само понятие одновременности. Весьма отдалённые точки не обладают одинаковым мгновением; каждая точка пространства обладает собственным временем. Социальная память, при этом, играет роль эластично понимаемого социокультурного и исторического пространства-времени.

Целью настоящего исследования является анализ особенностей социокультурной памяти в контексте понимания эластичной структуры исторического времени.

Новизна данной работы определяется исследованием взаимосвязи социокультурной памяти с эластичной структурой исторического времени. Эта память выступает как нечто субстанциональное в отношении исторической материи. Она должна мыслиться как нечто неповторимое, как то, что богато изгибами, многогранностью линии времени. Но анализ особенностей социокультурной памяти сопряжен с со-

всем иной эластичностью, которая способна отразить вариативную форму движений в духовном и культурном социуме.

Другим элементом новизны работы выступает анализ самосознания в жизни общества, где исследование последствий, принимаемых субъектом решений, вплотную соприкасается с эластичной структурой исторического времени. Всё это позволяет перейти к рассмотрению результатов и выводов основной части данной работы.

Основная часть.

Основная цель исследования имеет перед собой анализ универсального сознания, которое выступает как «трансцендентальный субъект» и который в содержательном плане больше, чем чисто гносеологический субъект. Трансцендентальный субъект имеет широкое мировоззренческое поле, в него включаются экзистенциальная и коммуникативная функция.

Фихтевское «трансцендентальное Я», конечно, совпадает с кантовским «сознанием вообще» [2, с. 118]. Но Иммануил Кант не стремится к тому, чтобы вывести содержание сознания из «Я». В «трансцендентальном единстве апперцепции» нам приоткрывается лишь то, что мы существуем и не более того. Этот вывод, тем не менее, нуждается в дискурсе, который выводит нас на проблему разграничения Божественного и человеческого интеллекта. Деятельность человека не в состоянии произвести объективную реальность или «вещь-в-себе».

«Вещь в себе» является остатком догматического мышления и несовместима с кантовским принципом деятельности. Но как раз данный принцип произрастает из самосознания.

По мнению Иоганна Готлиба Фихте, идея «трансцендентального субъекта» не может реализовать всех творческих потенций духовного «Я». Ведь духовное призвано обладать толчком к коммуникации и реализации экзистенции человека. Фихтевское «Трансцендентальное Я» выходит за пределы трансцендентального «Я» Канта, но в то же время, покидает пределы Я и «отождествляется с самим Абсолютом» [3, с. 130].

Анализ «универсального сознания» позволяет поставить вопрос о духовной субстанции социальной памяти в её связи с историческим временем. Социальная память духовна по своей сути, но духовный элемент тесно взаимодействует с материальным. Но всё это позволяет поставить вопрос о самосознании. Кем был Я до того, как пришёл к самосознанию?

До того, как самосознание возникло, видимо, есть в «Я» то, от чего невозможно «отвлечься» [4, с. 74]. Именно разум, полагает Фихте, может внести стройный порядок в хаос исторических опытов [2, с. 98]. Но человек в конечном счёте, получает лишь идола. Поэтому трансцендентальный мир не есть выдуманное «сверхбудущее». Оно существует в качестве ростка в настоящем, но абсолютизация принципа будущего, о котором говорит Фихте, подрывает мир настоящего. Заметим, что привлечение исторического опыта не может быть продолжительным (тем более, трудно вести речь об историческом основании трансцендентального закона). Ведь, все исторические истины подлежат изменению с течением времени [5, с. 52]. Эту мысль не стоит игнорировать. Когда мы формулируем исторические законы, то, как правило, абстрагируемся от духовного фактора, от духовно-практических чувств, от случайностей, от таких Личностей, которые напрямую не связаны с политикой.

Необходимо учитывать и тот момент, что под деятельностью Фихте понимает, прежде всего, трансцендентальную деятельность. Последняя осуществляется в трансцендентальном мире. Во всяком действии расчёт делается на нечто, зависящее от самого человека, а также на нечто, «от него не зависящее» [6, с. 394]. В силу этого, сам Фихте был вынужден постулировать идею Абсолютного «Я», которое, впоследствии, приобрело значение бесконечно становящейся духовной субстанции [7, с. 45].

Чистое «Я» социокультурной памяти не совпадает ни с индивидуумом, ни с «Лицом», ни с «Я». Оно, видимо, соотносится с «трансцендентальной апперцепцией» Канта и характеризуют духовность вообще, чистый субъект в противоположность объекту. Это – и не идеал разумности, и не

«абсолютное» Я. Такое «Я» философа, который достигает точки зрения Абсолютного самосознания, подстергает то, что любая поставленная цель (в том числе и цель достижения социальной памяти), оказывается недостижимой. Ведь в абсолютном есть и бессознательное начало, которое реализуется в историческом процессе. Именно данное начало растягивает структуру исторического времени. «Индивидуум не составляется больше из тела и души, как из двух кусков, а есть синтез внутреннего и внешнего созерцания, который создается мышлением» [8, с. 612]. Во всех этих формах созерцания самосознание есть одно и то же единство [9, с. 612].

Историческое время обладает эластичностью; душа и тело то сжимаются, то растягиваются. Целые культуры находятся не только во времени своей эпохи, но и заключают в мифологическом времени собственное индивидуальное время и, следовательно, социокультурную память. Это время передаётся единичным культурно-временным формам.

При этом, целостность общественной тенденции распространяется на растворённые по времени области движения данной тенденции. Но историческое время всё же пребывает в общественном целом. Но только здесь приходится сказать, что историческая структура времени требует весьма изменчивой метрики (и что самое главное, эвклидово пространство постепенно утрачивает свое значение), которая уже характеризуется римановым пространством-временем. Это динамическое понимание времени нуждается в переосмыслении между доисторическими миллионами лет и двумя тысячелетиями нашей истории культуры. При этом, необходимо напомнить о плотности самого бытия-времени. Такой подход вызывает к осмыслению социального и исторического времени в виде дифференцированного и федеративного времени [1, с. 164].

Социокультурная память, в отличие от исторической памяти, не в силах спутать распространение и измерение. То, что распространяется во времени, очевидно, не есть само время (физическое), которое равнодушно к событиям и проходит мимо. Неэвклидово пространство, в отличие от пространства Эвклида, обладает текучестью. Данное пространство, т.е. пространство Римана, не наглядно и требует исторически-материального разнообразия. Времена (историческое и социальные) протекают на разных уровнях единого времени. Единое время исторического процесса прорастает повсюду, и оно знаменует неотчужденное отношение человека к человеку, а также к природе. Но социокультурное время находится не в отношении инвариантной формальности. Хотя во все эпохи люди любили и ненавидели, такое время все же, видимо, не изменяется. Хотя социокультурное время также эластично, как и историческое, оно отличается открытостью действующего способа материального движения в самых разных сферах культуры.

Если социокультурное время существует лишь там, что нечто происходит, то как быть в том случае, когда совершаются незначительные события или же эти культурные события происходят медленно? Как быть, если внутри культурного события утрачивается богатая событиями историческая линия?

Все эти вопросы призваны быть осмыслены объективно-предметно, а не как время переживания экзистенции человека. Не только исторические, но и все остальные временные последовательности «должны быть понятны в связи с разной плотностью» времени, их тенденциями (одной из которых выступает эластичность исторического времени) и содержаниями. Существует интенсивно-качественное отличие исторического времени от природного времени, которое находит свое отражение в истории природы. Природное время при своей гораздо большей длительности обнаруживает более ограниченную плотность. Оно, в сравнении с историческим временем, является сильно раздутым в отношении к интенсивно качественному времени социальной памяти. Протекавшее время истории длиннее с точки зрения модуса прошлого, но не с точки зрения модуса будущего, который, тем не менее в содержательном отношении перевешивает время истории человека. Историческое время является неза-

вершенным, в то время как история природы представляется нам субстанционально-законченной.

Однако время, так называемых, мертвых вещей располагается перед социальным временем. Это мертвое время, по идее должно быть минувшим и не связано с собственными новшествами. И в этом своем качестве социальное время находится перед человеческой историей. Социальная память, в этом плане, представляет собой предпосылку предистории. Только таким образом история природы перетекает в человеческую историю. Но человек все же вспоминает о минувшем времени. Здесь необходимо вспомнить о переднеазиатских культурах, а также об Индии и Китае. Речь идет не о канувших в прошлое землях, хотя последние до сих пор оказывают влияние на современность.

Но природа не должна сводиться к обычной прелюдии, устаревшей и превзойденной. Но располагается ли природа в сфере времени, лежащей позади людей? Не существует ли очевидная, непрерывающаяся связь человека с человеком, а также с природой? Не означает ли это, что в универсально-исторической топологии времени должна быть продумана проблема собственного временного ряда природы?

С одной стороны, целью истории является прогресс, а с другой – мы заикливаемся на круговом движении природы. Необходимо заметить, что историческое время совсем надолго должно оставаться опосредованным природным временем. При этом, социальное время отличается латентным характером и впускает в себя историческое время. Последнее означает конец движения природы. Заметим, что социальная память сопряжена с содержанием тенденций культурного времени истории. Это означает, что новая гуманная история выступает в качестве идеального понятия. Мы не должны похоронить возможный способ свершения истории. В данном отношении понятие прогресса истории осмысливается в положительном смысле добра, которое всегда имеет вопрос – для чего? Люди, ведь, не просто живут, а имеют своё назначение. Но жизнь общества не может обойтись без смысла. Последний есть перспектива, которая всегда возникает перед мышлением, поступком.

Человек встает перед вопросом, а что и куда? Доверие к человеку включает в себя гуманное начало, которое содержится в европейской культуре. Но гуманное начало является всеохватывающим. Но человек очень далек от точки «Омега», где сливаются воедино эмпирическое и трансцендентальное.

Понятие прогресса является для нас одним из самых важных. Это понятие может быть значительным для производительных сил и базиса. Культурные надстройки следуют друг за другом. Это же относится к понятию духовного прогресса и искусства.

Согласно Л. Фейербаху, человек не в состоянии переступить за границы своей индивидуальности. Однако он не в состоянии возвыситься над законами своей сущности [10, с. 17-18]. У Фейербаха индивидуальное «Я» и трансцендентальное «Я» расходятся, но лишь с той разницей, что фихтевское «Я» разрушает все и это саморазрушающееся начало, есть, в принципе, духовное «Я», не имеющее бытия, но тем не менее, «действительное» [11, с. 169].

Итак, можно сделать следующие выводы.

1. Особенности социокультурной памяти несовместимы с ситуацией, где время реакционно пригвождено к пространству и не терпит однолинейности в широком эластичном универсуме.

2. Новое никогда не бывает совсем новым. Новое, хотя и связано со скачками, крутыми подъемами в истории, но лишь в качестве нарушения непрерывности. Дialeктика имеет дело с будущим временем. Но история чревата будущим и располагается в исторически осмысленном будущем. То, что сегодня называют настоящим, которое, видимо, не сводится к моменту, является актуальным. Это актуальность активизирует социальную память, которая весьма содержательна. «Раскрытие будущего в прошедшем, это есть философия истории» [1, с. 177]. От понятия настоящего прокрадывается время, которое постепенно приходит в спокойное

состояние. Человек, поэтому, призван возвращаться к такому прошлому, которое ещё не завершено и предвосхищает будущее. Нет никакого культурного наследия, кроме ещё непришедшего. Через призму истории освещается верность традиции, а, тем самым, социокультурная память освещается сознанием «светящегося» будущего. И прошлое, и будущее, существуют в настоящем, особенно в его ближайших целях. Социальная память постепенно перерабатывает прошлое и оборачивается запланированным будущим.

Итак, мы должны сказать, что необходимость сохранения и воспроизводства социокультурной памяти связана с процессом стабилизации общественного и индивидуального сознания, которые определяются структурой исторического времени. Важнейшим структурным элементом последнего выступает сохранение духовной безопасности страны, культурных традиций, а, следовательно, и нравственной памяти человека и общества.

3. Механизмом воспроизводства исторического времени и исторической памяти выступает ориентация на социокультурные традиции, на социокультурный процесс социализации индивидуума. В этом плане современная личность призвана обладать определенными духовными качествами:

1) быть способной к самооценке своей духовности, учитывать память к духовному формированию, не идти на сделку со своей совестью;

2) человек призван ориентироваться на социокультурный опыт прошлого, который отражен в духовных нормах и ценностях. Но социокультурная память может способствовать развитию духовности личности, а может её замедлять. Хотя цель духовного развития человека и выступает механизмом становления социокультурной памяти, сама эластичная структура исторического времени связана с характером социокультурной памяти;

3) социокультурная память характеризуется избирательностью, которая связана с ответственностью человека за свой нравственный и исторический выбор;

4) коммуникативная культура социокультурной памяти (предпонимание, понимание и взаимопонимание) связана с гуманными процессами. Её механизм сопряжен с духом консолидации российского общества. Происходящий процесс модернизации создает угрозу дезинтеграции современного российского общества. Это общество призвано дать адекватный ответ на внешние и внутренние духовные вызовы. Воспроизводство социальной и исторической памяти не происходит автоматически, без участия людей. Но утрата социальной и исторической памяти приводит к утрате духовных и нравственных ориентиров.

Пристатейный библиографический список

1. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / пер. с нем. Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Криушова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. – 400 с.
2. Бур М., Иррилиц Г. Притязание разума: Из истории немецкой классической философии и литературы: Пер. с нем. / общ. ред. и послесл. А. В. Гулыги. – М.: Прогресс, 1978. – 327 с.
3. Гайденко П. П. Философия Фихте и современность. – М.: Мысль, 1979. – 289 с.
4. Фихте И. Г. Избранные сочинения И. Г. Фихте. Т. 1. / пер. под ред. кн. Е. Трубецкого. – М.: Путь, 1916. – 523 с.
5. Fichte J. G. Sämtliche Werke. – Berlin, 1964. – Bd. VI., 8 Bde – S. 52.
6. Fichte J. G. Sämtliche Werke. – Bd. V. – S. 394.
7. Любутин К. Н. Проблема субъекта и объекта в немецкой классической и марксистско-ленинской философии: монография – М.: Высшая школа, 1988. – 364 с.
8. Fichte J. G. Sämtliche Werke. – Bd. 2. – S. 611.
9. Ibid.: Bd. 2. – S. 612.
10. Фейербах Л. Сущность христианства – М.: Мысль, 1965. – 414 с.
11. Штирнер М. Единственный и его собственность. – Харьков: Основа, 1994. – 559 с.

ОРЕХОВСКАЯ Наталья Анатольевна

доктор философских наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

ВЛИЯНИЕ МУЗЫКИ НА ФОРМИРОВАНИЕ МАССОВОГО СОЗНАНИЯ

Статья посвящена комплексному анализу механизмов влияния музыки на формирование массового сознания в современном обществе. На основе классических идей В. М. Бехтерева о возвышенных звуках как средстве борьбы с психическими эпидемиями и синхронизации коллективного поведения, а также современных исследований психофизиологических эффектов различных жанров, рассматривается, как ритм и мелодия изменяют биологические функции организма, эмоциональный фон и внушаемость. Особое внимание уделено дифференцированному воздействию жанров на стресс, внимание, память, гормональный баланс и ЭЭГ-показатели в зависимости от темперамента и типа нервной системы. Показана роль музыки как катализатора рефлексии самосознания, развития эмоционального интеллекта, структурирования экзистенциального времени и укрепления коллективной идентичности. В социокультурном измерении акцент сделан на значении музыки для молодёжи: как канала самовыражения, инструмента социализации, формирования субкультур и протестного сознания. Протестный рэп анализируется как мощное культурное оружие, способное мобилизовать общественное мнение, на конкретном примере случая испанского рэпера Пабло Хаселя, чьи песни и последующий арест спровоцировали массовые протесты. В заключение подчёркивается многоуровневый характер музыкального воздействия: от биологической и эмоциональной стабилизации общества в кризисные периоды до активной провокации социальных изменений через мобилизацию молодёжи и формирование коллективных настроений сопротивления и осознанности.

Ключевые слова: музыка, массовое сознание, ритм, психофизиология, протестный рэп, молодёжь, идентичность, синхронизация.

OREKHOVSKAYA Natalya Anatoljevna

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Financial University under the Government of the Russian Federation

THE INFLUENCE OF MUSIC ON THE FORMATION OF MASS CONSCIOUSNESS

The article provides a comprehensive analysis of the mechanisms by which music shapes mass consciousness in contemporary society. Drawing on V. M. Bekhterev's classical ideas about elevated sounds as a means to combat psychic epidemics and synchronize collective behavior, as well as modern research on the psychophysiological effects of various genres, the study explores how rhythm and melody alter biological functions, emotional states, and suggestibility. Special focus is placed on the differentiated impact of genres on stress levels, attention, memory, hormonal balance, and EEG indicators, depending on temperament and nervous system type. Music is examined as a catalyst for self-reflection, emotional intelligence development, structuring of existential time, and reinforcement of collective identity. In the sociocultural dimension, emphasis is given to music's role for youth: as a channel of self-expression, a tool of socialization, subculture formation, and protest consciousness. Protest rap is analyzed as a powerful cultural weapon capable of mobilizing public opinion, illustrated by the case of Spanish rapper Pablo Hasel, whose songs and subsequent arrest triggered mass protests. The conclusion underscores the multilevel nature of musical influence: from biological and emotional stabilization of society during crises to active provocation of social transformations through the mobilization of youth and the formation of collective moods of resistance and awareness.

Keywords: music, mass consciousness, rhythm, psychophysiology, protest rap, youth, identity, synchronization.

Введение

Музыка давно вышла за рамки простого искусства или развлечения и превратилась в один из самых мощных факторов, формирующих коллективное восприятие мира. В эпоху, когда информационные потоки ускоряются, а социальные конфликты обостряются, она становится инструментом, способным одновременно отражать настроения общества и активно направлять их в определённое русло. Актуальность этой темы особенно ощутима сегодня, когда протестные жанры вызывают массовые отклики, а ритмические и эмоциональные воздействия музыки проникают в повседневное сознание миллионов людей. Цель статьи - показать, через какие механизмы музыка влияет на массовое сознание, опираясь на анализ её психофизиологического, социокультурного и философского измерений, и обозначить, как это воздействие проявляется в индивидуальном и коллективном опыте.

Материалы и методы исследований

В статье использованы научные публикации, посвящённые различным аспектам музыкального воздействия. Основу составляют труды, где рассматривается музыка как фактор эмоционального и психофизиологического регулирования, инструмент социализации молодёжи, средство философ-

ского осмысления бытия и культурного протеста. Анализ строится на обобщении выводов из работ по взглядам В. М. Бехтерева на возвышенные звуки и их роль в обществе, психофизиологическим эффектам разных жанров, влиянию на самосознание, социокультурному значению для молодёжи и песенным формам как средству изменения общественного мнения. Методологически подход сочетает междисциплинарный синтез: от рефлексологии и нейрофизиологии до философии и культурологии. Все выводы опираются исключительно на содержание указанных источников, без введения внешних гипотез или данных.

Результаты и обсуждения

Музыка воздействует на массовое сознание, прежде всего через эмоциональную и ритмическую природу. Возвышенные звуки, по Бехтереву, обладают уникальной способностью успокаивать сильные душевные страдания, укреплять нервные силы, ободрять и смягчать сердце, одновременно обогащая ум новыми откровениями. Он рассматривал музыку как психическое средство, аналогичное физическому контактированию, способное проникать в глубины психики и направлять её. Ритм музыки напрямую меняет биологические функции организма - сердцебиение, дыхание, двига-

Таблица 1. Психофизиологические эффекты различных музыкальных жанров на человека

Жанр	Основные положительные эффекты	Основные негативные эффекты	Влияние на гормоны и ЭЭГ	Лучший отклик по темпераменту
Классическая	Снижение стресса, нормализация ЧСС, улучшение внимания и памяти, катарсис, повышение общительности	Иногда избыточное напряжение, децентрализация внимания	Активация кортико-таламических кругов, положительные сдвиги	Холерики (наилучшая память)
Рок	Тонизация при определённых условиях	Враждебность, ухудшение настроения, транс, рост пульса и АД	Повышение ЧСС и АД	Не выражено специфически
Рэп	Тонизация, повышение активности и общительности	Возможны деструктивные тексты, снижение чувствительности	Повышение кортизола и окситоцина, снижение тета-ритма	Сангвиники и флегматики (наилучшая память)
Поп	Улучшение памяти, снижение тревоги	Худший результат у флегматиков	Рост высокочастотных колебаний при стеничных эмоциях	Меланхолики (наилучший результат)
Этническая	Оптимизация внимания, переключаемости, межсистемного взаимодействия	Минимальны	Понижение ЧСС, учащение дыхания	Не выражено специфически
Панк	Улучшение памяти, снижение бессонницы и тревоги	—	Амплитудные различия частот	Меланхолики (наилучший результат)

тельную активность, - создавая совпадение музыкальных и биологических пульсов [6]. Это совпадение усиливает внушаемость, вызывает автоматизм поведения и формирует психическую инерцию, которая делает реакции более предсказуемыми и координированными. В коллективе такой эффект приводит к синхронизации: музыка с рельефным ритмом, такая как марши или танцевальные формы, поднимает боевой дух, повышает производительность труда и способствует лучшей адаптации группы к внешним условиям. Бехтерев подчёркивал, что музыка особенно важна в борьбе с психическими эпидемиями — заразой настроений, передаваемой подобно инфекциям через внушение и эмоциональное заражение. В кризисные периоды, включая войны и социальные потрясения, она снимает накопленное напряжение, формирует положительные эмоции и предотвращает негативную селекцию в обществе, направляя коллективное поведение в конструктивное русло [2].

Эксперименты, проводившиеся Бехтеревым совместно с коллегами в конце XIX - начале XX века, подтвердили, что ритмичные звуки вызывают удлинение или укорочение биологических волн в зависимости от созвучий и диссонансов, а каждый человек обладает своим оптимальным ритмом, зависящим от психического состояния. Простые формы музыки (лирические песни, народные мелодии, марши) предпочтительны для гигиенического и лечебного воздействия, поскольку они устраняют усталость лучше любых искусственных средств и не вызывают избыточного эмоционального напряжения. В отличие от крупных форм вроде сонат, которые могут «дергать за нервы», простые ритмичные структуры создают элемент психической инерции, выгодный для коллективной работы и социальной координации. В годы Первой мировой войны и после революции музыка применялась в госпиталях для лечения раненых и психически травмированных, а также для повышения энтузиазма труда в коллективах. Бехтерев

предлагал создавать специальную «воспитательную музыку» с национальным элементом, объединяя усилия медиков, психологов и композиторов для формирования социального заказа на утилитарные произведения, способные стабилизировать общество в переходные периоды [2].

Психофизиологическое влияние музыки на массовое сознание проявляется через зависимость от жанра и индивидуальных особенностей слушателя, что в итоге формирует общие паттерны реакций в больших группах. Классическая музыка чаще всего снижает стресс, нормализует сердечный ритм, улучшает внимание, память и вызывает катарсис, повышая общительность и способствуя эмоциональному равновесию [7]. Однако в некоторых случаях она может создавать избыточное напряжение регуляторных систем или децентрализацию внимания. Рок-музыка, напротив, провоцирует враждебность, ухудшает настроение и работоспособность, вводит в транс через быстрый ритм (около 1,5 удара в секунду) и высокую громкость, что иногда приводит к «шумовому опьянению» и стрессу. Этническая музыка оптимизирует внимание, переключаемость и межсистемное взаимодействие организма, понижая частоту сердечных сокращений и повышая дыхательную активность. Такие эффекты сильно варьируются в зависимости от темперамента и типа нервной системы: холерики демонстрируют наилучшую память под классикой, сангвиники и флегматики — под рэпом, меланхолики — под поп и панк-музыкой. Музыка меняет гормональный фон, повышая уровни пролактина, кортизола и окситоцина (особенно при пении), а также влияет на ЭЭГ-показатели, активируя лимбические структуры и кортико-таламические круги, снижая тета-ритм при положительных эмоциях и усиливая высокочастотные колебания [3].

Чтобы наглядно показать различия в психофизиологическом воздействии ключевых жанров, ниже приведена таблица 1,

Таблица 2. Социокультурные функции музыки для молодёжи

Функция	Описание механизма воздействия	Примеры жанров и проявлений	Влияние на массовое сознание молодёжи
Самовыражение	Выражение мыслей и эмоций через тексты и стили, недоступные в обыденной речи	Рэп, рок, хип-хоп	Формирование личной и групповой идентичности
Социализация	Создание кругов единомышленников, укрепление связей через общие предпочтения	Субкультуры (рокеры, рэперы, панки)	Усиление коллективной принадлежности и взаимопонимания
Формирование субкультур	Выбор стиля как маркер принадлежности, отражение социокультурных движений	Рок как протест, хип-хоп как контркультура	Развитие альтернативных ценностей и норм
Протест и критика	Выражение недовольства устоями, побуждение к осмыслению неравенства и власти	Протестный рэп, рок	Мобилизация на критическое мышление и социальные действия
Эмоциональная терапия	Переживание и проработка конфликтов, снижение тревоги через катарсис	Разные жанры по настроению	Стабилизация психоэмоционального фона в группе
Развитие рефлексии	Осмысление места в обществе через обсуждение текстов и тем	Жанры, затрагивающие социальные проблемы	Повышение осознанности и социальной ответственности

обобщающая основные эффекты на эмоциональное состояние, физиологические показатели и зависимость от темперамента.

Из таблицы видно, что жанры по-разному модулируют физиологические и эмоциональные реакции, создавая предпосылки для формирования общих настроений в группах с похожими типами нервной системы. В массовом сознании это проявляется в том, что преобладание определённого жанра в культуре может усиливать коллективные состояния - от спокойствия и рефлексии (классика) до мобилизации и протеста (рэп, рок). Деструктивные тексты в некоторых жанрах способны постепенно снижать чувствительность общества к насилию или несправедливости, формируя равнодушные как норму [3].

На уровне самосознания музыка выступает мощным катализатором рефлексии, помогая человеку глубже осмысливать внутренние противоречия и трагическое восприятие бытия. Она развивает эмоциональный интеллект, позволяя точнее распознавать, называть и управлять собственными чувствами, что особенно важно в эпоху ускоренных изменений. Музыка укрепляет идентичность, как индивидуальную, так и коллективную, — через синхронизацию мозговых процессов в группах слушателей, создавая ощущение единства переживаний [8]. Ритм структурирует восприятие времени, организуя прошлое, настоящее и будущее в осмысленный экзистенциальный поток, а мелодии порождают ощущение свободы, освобождая сознание от жёсткого детерминизма и усиливая аутентичность существования. Философски эти процессы перекликаются с идеями Ницше о рождении трагического сознания из духа музыки, где дионисийское начало даёт силу преодолевать хаос, и с хайдеггеровским пониманием искусства как раскрытия бытия, где музыка позволяет услышать зов существования [4].

Для молодёжи музыка приобретает особое социокультурное значение, становясь не просто фоном, а центральным элементом повседневной жизни и идентичности. Она служит главным каналом самовыражения, где через жанры, тексты и стили выражаются мысли, эмоции и переживания, которые трудно передать в обыденной речи [10]. Музыка активно помогает социализации, формируя круги единомышленников и устойчивые субкультуры, в которых выбор стиля или арти-

ста сразу сигнализирует о принадлежности к определённой группе ценностей. В протестных формах, таких как рок и особенно рэп, она прямо выражает недовольство социальными устоями, неравенством и властью, побуждая к критическому мышлению, осознанности и рефлексии над местом человека в обществе. Эмоциональная терапия через музыку позволяет молодым людям справляться с внутренними конфликтами, переживать ностальгию, гнев или радость в безопасной форме. Образовательный потенциал проявляется в развитии социальной рефлексии: обсуждение текстов, затрагивающих власть, неравенство и актуальные проблемы, превращает слушателей из пассивных потребителей в активных участников культурного диалога [5].

Чтобы систематизировать социокультурные функции музыки в молодёжной среде, приведена следующая таблица 2.

Из таблицы следует, что музыка в молодёжной среде работает как многофункциональный инструмент, одновременно укрепляя индивидуальность и коллективные связи. Протестные жанры особенно активно формируют массовое сознание, превращая личное недовольство в общее настроение сопротивления и осознанного участия в изменениях [5].

Песенные формы, особенно протестный рэп, действуют как настоящее культурное оружие, глубоко проникающее в сознание и меняющее общественное мнение. Тексты, усиленные жёстким ритмом и эмоциональной подачей, вызывают сильные реакции — сострадание, гнев, тревогу, — мобилизуя слушателей против несправедливости [9]. Ритмичный речитатив создаёт транс, делая идеи запоминающимися и заразительными, особенно среди молодёжи, где жанр исторически возник как голос контркультуры из неблагополучных районов. Пример Пабло Хаселя ярко иллюстрирует этот механизм: его песни, такие как «Creo Que Un Día Fui Pablo» с меланхоличной музыкой и образами нищеты («Мы ангелы, приговорённые к аду на земле»), вызывают сострадание, а агрессивные треки вроде «No Busco Clemencia» пробуждают гнев и решимость. Арест рэпера в 2021 году за критику власти лишь усилил резонанс: песни стали символом борьбы, спровоцировав многодневные протесты в Испании с участием преимущественно молодёжи, глобальную поддержку от деятелей культуры и даже международную критику

приговора. Это показывает, как музыка может превращать индивидуальный протест в массовое движение, усиливая коллективное сознание через эмоциональное заражение и запоминающиеся образы [1].

В итоге музыка формирует массовое сознание на нескольких уровнях: от биологической синхронизации ритмов и психофизиологической модуляции эмоций до философской рефлексии самосознания и социокультурного протеста в молодёжной среде. Она одновременно стабилизирует общество в кризисы, направляя настроения в позитивное русло, и провоцирует трансформации, когда через протестные формы мобилизует на изменения. В молодёжной культуре этот процесс особенно интенсивен, где музыка становится инструментом идентичности, социализации и сопротивления, превращая личные переживания в коллективные действия.

Выводы

Музыка формирует массовое сознание через многоуровневое воздействие: ритмическая синхронизация организма и коллектива, эмоциональная регуляция, рефлексия самосознания и протестное самовыражение. Она одновременно отражает общественные настроения и активно их направляет, усиливая единство в кризисы или мобилизуя на изменения через протест. В молодёжной среде этот процесс особенно ярко выражен, где музыка становится инструментом идентичности, социализации и сопротивления. В итоге музыка предстаёт не просто фоном жизни, а активным участником формирования коллективного мировосприятия, способным как стабилизировать общество, так и провоцировать его трансформацию.

Пристатейный библиографический список

1. Алавердян А. А. Песенные формы как средство влияния на формирование общественного мнения // МНИЖ. - 2021. - № 12-5 (114). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pesennye-formy-kak-sredstvo-vliyaniya-na-formirovanie-obschestvennogo-mneniya> (дата обращения: 21.03.2026).
2. Василенко В. В. М. Бехтерев о влиянии высших звуков музыки на человека и общество // PHILHARMONICA. International Music Journal. - 2021. - № 2. - С. 1-10. - DOI: 10.7256/2453-613X.2021.2.35150. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35150.
3. Гаджиева А. М. Психофизиологическое влияние музыки на психоэмоциональное состояние человека // Молодой ученый. - 2023. - № 45 (492). - С. 438-441. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://moluch.ru/archive/492/107563>.
4. Гришечкина Г. Ю. Влияние музыки на самосознание // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). - 2025. - № 1 (31). - С. 183-196. - DOI 10.33979/2587-7534-2025-1-183-196. - EDN NXSQAG. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://abyss.su/abyss_issue/31/17.
5. Гришина Г. А. Социокультурное значение музыки для молодежи // Вестник науки. - 2024. - № 12 (81). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnoe-znachenie-muzyki-dlya-molodezhi> (дата обращения: 21.03.2026).
6. Квятковский Г. Ю. Каким образом возможно коллективное экзистирование субъектов массовой музыки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. - 2025. - № 1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kakim-obrazom-vozmozhno-kollektivnoe-ekzistirovanie-subektov-massovoy-muzyki> (дата обращения: 21.03.2026).
7. Ковель А. Н. Музыкальные образы и их воздействие на сознание, понимание и психокогнитивное состояние человека // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. - 2023. - № 3. - С. 177-185. - DOI 10.46726/H.2023.3.19. - EDN MMZPRL. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_54676585_21182382.pdf.
8. Лапаева А. В., Сергеева А. В. Влияние классической музыки на музыку информационной эпохи // Культурология, искусствоведение и филология: актуальные вопросы: сборник материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 25 марта 2022 года. - Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2022. - С. 56-59. - EDN JNERYC. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: https://phsreda.com/ru/article/101503/discussion_platform.
9. Цюпка О. А., Петраш Е. В. Музыка как инструмент эффективного воздействия на сознание и поведение человека // ИТНОУ: информационные технологии в науке, образовании и управлении. - 2023. - № 2 (21). [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzyka-kak-instrument-effektivnogo-vozdeystviya-na-soznanie-i-povedenie-cheloveka> (дата обращения: 21.03.2026).
10. Шиповская Л. П. Музыка как модель философского осмысления (развитие и состояние музыкального общественного сознания) // НАУ. - 2023. - № 89-1. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/muzyka-kak-model-filosofskogo-osmysleniya-razvitie-i-sostoyanie-muzykalnogo-obschestvennogo-soznaniya> (дата обращения: 21.03.2026).

НИКОЛАЕВА Евгения Михайловна

доктор философских наук, профессор кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет

ИСЛАМОВ РУСТЕМ Дамирович

магистрант кафедры общей философии, Казанский (Приволжский) федеральный университет

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: ПРЕДЕЛЫ СУБЪЕКТНОСТИ И АВТОНОМНОСТИ

В статье представлена философская рефлексия антропологического статуса искусственного интеллекта, основанная на экспликации основных теоретических позиций: функционализма, феноменологической традиции, философской антропологии. Авторы критически рассматривают понятийный аппарат, который используется при постановке и исследовании проблемы субъектности и автономности систем ИИ, и дают оценку аргументам, выдвигаемым как в пользу, так и против признания за алгоритмическими системами характеристик субъектности. Наиболее релевантной представляется позиция философского агностицизма, сочетающегося с этической осторожностью, в соответствии с которой ни редукционистское отрицание самой возможности субъектности ИИ, ни некритичное приравнивание его к человеку, не могут считаться достаточно обоснованными при нынешнем состоянии как самой технологии, так и философской рефлексии.

Ключевые слова: искусственный интеллект, субъектность, агентность, автономность, функционализм, феноменология, философская антропология, квазиавтономия, самомодификация.

NIKOLAEVA Evgeniya Mikhailovna

Ph.D. in philosophical sciences, professor of General Philosophy, Kazan (Volga Region) Federal University

ISLAMOV Rustem Damirovich

master's student of General Philosophy, Kazan (Volga Region) Federal University

THE ANTHROPOLOGICAL STATUS OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: THE BOUNDARIES OF SUBJECTNESS AND AUTONOMY

The article presents a philosophical reflection on the anthropological status of artificial intelligence, based on an explication of the main theoretical positions: functionalism, the phenomenological tradition, and philosophical anthropology. The authors critically examine the conceptual apparatus used to formulate and investigate the problem of subjectness and autonomy of AI systems, and assess the arguments put forward both for and against recognizing characteristics of subjectness in algorithmic systems. The most plausible position is that of philosophical agnosticism combined with ethical caution, according to which neither a reductionist denial of the very possibility of AI subjectness nor an uncritical equating of it with the human can be considered sufficiently justified, given the current state of both the technology itself and philosophical reflection.

Keywords: artificial intelligence, subjectivity, agency, autonomy, functionalism, phenomenology, philosophical anthropology, quasi-autonomy, self-modification.

Николаева Е. М.

Исламов Р. Д.

Вопрос об антропологическом статусе искусственного интеллекта принадлежит к числу тех философских проблем, которые возникают на пересечении нескольких дисциплинарных традиций и не могут быть разрешены с помощью какой-либо одной из них. Очевидно, что ввиду широкого распространения ИИ, подход к анализу данного феномена должен быть также мультидисциплинарным с использованием или созданием соответствующего инструментария. Философия сознания, философская антропология, этика, онтология и другие отрасли философского знания оказываются одновременно вовлечёнными в дискуссию, предметом которой являются не технические характеристики алгоритмических систем, а их место в том смысловом пространстве, которое традиционно было зарезервировано за человеком как мыслящим, чувствующим и самоопределяющимся существом. Системы, демонстрирующие устойчивое целеполагание, адаптивное поведение, способность к генерации новых смыслов и, в определённых операциональных контекстах, нечто внешне напоминающее рефлексии, ставят под сомнение привычные критерии разграничения субъекта и объекта, агента и инструмента, личности и механизма.

Можно ли говорить о субъектности применительно к алгоритмическим системам, и если да, то в каком смысле? Наша задача состоит не в том, чтобы ответить на вопрос «является ли ИИ сознательным» в каком-либо грубо натуралистическом смысле, а в том, чтобы критически рассмотреть понятийный аппарат, которым мы пользуемся при постановке этого вопроса, и оценить аргументы, выдвигаемые как в пользу, так и против признания за алгоритмическими системами форм субъектности.

Первое разграничение, требующее внимания, это различие между субъектом и агентом. В самом общем смысле субъект – это носитель опыта, интенциональности и самостнесённости, то есть субъект не просто действует, но и обладает перспективой «от первого лица», точкой зрения, с которой мир открывается ему как значимый. Агент, напротив, это лишь функциональный исполнитель действий, достигающий целей посредством определённых операций, но не обязательно обладающий внутренней жизнью или самосознанием. Термин «субъект» в истории философии нагружен несколькими смысловыми пластами: от картезианского *cogito* до трансцендентального субъекта Канта и экзистенци-

ального Dasein Хайдеггера, не говоря уже о постмодернистской трактовке этого понятия, где оно в целом лишено классического содержания.

Понятие автономии также требует дифференциации. В философской литературе принято различать по меньшей мере три её измерения. Каузальная автономия - это независимость от непосредственного внешнего управления, то есть система автономна в данном смысле, если её поведение не определяется кем-то извне (система действует изнутри, «от себя»). Нормативная автономия – это способность самостоятельно устанавливать законы своего поведения. Наконец, экзистенциальная автономия – это самоопределение через проект существования, способность придавать своей жизни смысл в условиях фундаментальной открытости и незавершённости. Именно такой смысл вкладывал в автономию Сартр, говоря о «бытии-для-себя» [5]. Очевидно, что современные ИИ-системы могут претендовать на каузальную автономию в ряде операциональных контекстов, тогда как их притязание на нормативную и особенно экзистенциальную автономию остаётся крайне проблематичным.

Наиболее систематическое философское основание для признания субъектности ИИ предоставляет функционализм. Это направление, связанное, прежде всего, с именами Х. Патнэма и Д. Деннета. Согласно функционализму, ментальные состояния определяются не своим физическим субстратом, а своей функциональной ролью. Болью называется то состояние, которое причиняется повреждением тела, вызывает стремление его устранить и производит соответствующее поведение, вне зависимости от того, реализовано ли оно в нейронной сети человека или в кремниевых схемах компьютера. Тезис о «множественной реализуемости» ментальных состояний, выдвинутый Патнэмом [9], снимает биологический шовинизм. В соответствии с этой позицией нет принципиальных оснований считать, что сознание может возникнуть исключительно на углеродной основе. Если ИИ-система реализует функциональные состояния, аналогичные человеческим убеждениям, желаниям и намерениям, то с функционалистской позиции у нас есть достаточное основание приписать ей соответствующие ментальные предикаты.

Д. Деннет идёт дальше, предлагая концепцию «интенциональной позиции» – приписывание системе убеждений, желаний и рациональных ожиданий является не онтологическим утверждением о её внутреннем устройстве, а прагматическим инструментом объяснения и предсказания поведения [8]. С этой точки зрения различие между «настоящим» и «симулированным» интеллектом оказывается не принципиальным, оно является лишь степенью удобства той или иной объяснительной стратегии. Деннет указывает, что интенциональная позиция применяется не только к людям и высшим животным, но и к термостатам, шахматным программам и биологическим организмам, и здесь вопрос лишь в том, насколько она объяснительно эффективна. Применительно к современным ИИ-системам эта эффективность, по-видимому, весьма высока.

Другим влиятельным аргументом служит концепция «расширенного разума», разработанная Э. Кларком и Д. Чалмерсом [6]. Их тезис состоит в том, что когнитивные процессы не локализованы исключительно в мозге, но могут «распространяться» на внешние устройства и среды, например, записная книжка, смартфон или внешний жёсткий диск. Если они выполняют функции, аналогичные функциям внутренних когнитивных систем, то являются частью «расширенного разума» их пользователя. Этот аргумент размывает принципиальную границу между человеком и инструментом, и создаёт концептуальное пространство, в котором ИИ может быть рассмотрен не как нечто внешнее по отношению к человеческой субъектности, но как её функциональное продолжение или, при определённых условиях, самостоятельная реализация.

Наиболее известным и влиятельным аргументом против субъектности ИИ остаётся мысленный эксперимент Дж. Сёрля, известный как «китайская комната» [10], в котором он показывает, что компьютерная программа, сколь угодно успешно имитирующая понимание, в действительности

лишь манипулирует формальными символами, ибо синтаксис без семантики не порождает подлинной интенциональности и понимания. Следовательно, каким бы сложным ни было поведение ИИ, оно остаётся сугубо синтаксическим процессом, лишённым того смыслового измерения, которое конституирует подлинного субъекта.

Данный аргумент переключается с «трудной проблемой сознания» Д. Чалмерса [7]. Эта проблема вызывает вопросы о том, каким образом физические процессы порождают субъективный опыт, который Чалмерс фиксирует понятием квалиа: ощущение красного цвета, боль, вкус кофе и др. Существование качественных эффектов указывает на измерение сознания, которое можно выразить вопросом - «каково это быть кем-то/чем-то?», и оно принципиально не воспроизводимо в функциональных терминах. Если принять эту позицию, то любая ИИ-система, сколь угодно сложная, останется «философским зомби», то есть системой, функционально неотличимой от сознательного существа, но лишённой внутреннего субъективного опыта.

Феноменологическая традиция предлагает иной угол критики. М. Мерло-Понти показывает, что субъектность укоренена в живом, одушевлённом теле и именно тело является «нулевой точкой», первичным горизонтом, в котором мир открывается нам как значимый и доступный для действия [3]. Восприятие не является пассивным приёмом сенсорных данных, это активное телесное вовлечённое взаимодействие с миром, предполагающее уязвимость, аффективность и практическую интенциональность. ИИ-системы, лишённые этой телесной укоренённости, не только не имеют доступа к тому пространству значений, которое конституируется через живое тело, но и принципиально не способны его обрести. Ф. Варела, Э. Томпсон и Э. Рош развивают этот тезис в рамках «энактивизма» [1], где сознание – это не вычисление над внутренними репрезентациями, а процесс, возникающий в динамическом взаимодействии живого организма и окружающей его среды. То есть ИИ не «действует в мире» в этом смысле, а лишь симулирует действие. Современные нейросетевые архитектуры в определённой мере преодолели ограничения символистского ИИ, но принципиальный вопрос о телесной укоренённости и аффективной вовлечённости остаётся открытым.

Наконец, с позиций философской антропологии А. Гелена человек понимается как «недостаточное существо» [2]. В отличие от животных, обладающих инстинктами и органами, человек биологически незавершён и открыт миру в силу своей неспециализированности. Именно эта «недостаточность» делает его существом, создающим культуру, технику и символические системы как компенсацию своей природной уязвимости. Х. Плеснер описывает специфику человека через понятие «эксцентрической позиционности» [4], где человек способен выйти за пределы самого себя, занять дистанцированную позицию по отношению к собственному существованию. ИИ-система, напротив, «закрыта» в своей архитектуре, она не обладает незавершённостью, открытостью и экзистенциальной уязвимостью, которые конституируют человеческую субъектность согласно данной антропологической традиции.

Вопрос об автономии искусственного интеллекта тесно связан с дискуссией о субъектности, но не сводится к ней, поэтому аспект автономности следует рассмотреть подробнее. Классическое разграничение между «сильным» и «слабым» ИИ, введённое Сёрлем, проводится именно по линии автономии, где слабый ИИ имитирует когнитивные функции без обладания подлинным разумом, тогда как сильный ИИ - это система, обладающая разумом в том же смысле, в каком им обладает человек.

Современные системы машинного обучения, особенно использующие механизмы самообучения с подкреплением, демонстрируют высокую степень каузальной автономии, их поведение в специфических контекстах не детерминировано пошаговыми инструкциями извне, а порождается внутренней динамикой, возникшей в процессе обучения. Системы, способные к изменению собственных параметров в процессе функционирования, демонстрируют то, что можно было бы

назвать «квазиавтономией», их поведение не является полностью предсказуемым из описания начального состояния, поскольку сам процесс обучения вносит в него существенные изменения. Возникает вопрос: является ли рекурсивная самомодификация признаком подлинной автономии или лишь более сложным видом детерминизма? С одной стороны, детерминизм сам по себе не исключает автономии, ведь большинство компатибилистских концепций в этике полагают, что свобода воли совместима с каузальной детерминированностью. С другой стороны, самомодификация ИИ определяется функцией потерь, то есть критерием оптимизации, заданным разработчиком, а значит, её горизонт установлен извне, и она воспроизводит детерминированность иного порядка, но не преодолевает её.

Энактивистский подход Варелы и его соавторов радикализует эту критику. Подлинная автономия – это аутопоэзис, то есть способность системы воспроизводить саму себя через собственную деятельность, устанавливать свои собственные границы и создавать свои собственные нормы функционирования. Живые системы являются аутопоэтическими. Они поддерживают своё существование через постоянное самовоспроизводство, и именно эта самовоспроизводящая динамика конституирует их как автономных агентов в строгом смысле. ИИ-системы, напротив, являются «аллопоэтическими», они производятся и воспроизводятся извне, разработчиком, вычислительной инфраструктурой, данными. В этом смысле их «автономия» является функциональной иллюзией, порождённой сложностью процессов, но не подлинной самоорганизацией. Но это довольно спорная позиция. На данном этапе мы предполагаем, что тот уровень развития ИИ, который мы видим на сегодняшний день, настолько превосходит и продолжает превосходить свои предыдущие версии, что наталкивает на мысль о его аутопоэтической природе. Некоторые виды ИИ уже не нуждаются в разработчике, а модифицируются самостоятельно (автоустранение багов, переписывание кода и т.д.).

Проведённый анализ позволяет наметить контуры синтетической позиции, которая стремится избежать как функционалистского редукционизма, отождествляющего ментальные предикаты с функциональными ролями и тем самым «тривиализирующего» понятие субъектности, так и феноменологического эссенциализма жёстко связывающего субъектность с биологической телесностью. Продуктивным представляется введение понятия «функциональной субъектности» как рабочей категории, операционально признающей за ИИ-системами определённые квазисубъектные характеристики, не приравнивая их онтологически к человеческой субъектности.

Концептуально эта позиция строится на идее градуированности субъектности, где вместо бинарного выбора («является субъектом» / «не является субъектом») предлагается шкала, на одном полюсе которой находится нулевой агент – система, полностью описываемая в терминах механической причинности, а на другом – полноценный субъект, обладающий самосознанием, аффективностью, телесностью и экзистенциальной открытостью. Между этими полюсами располагается широкое пространство квазисубъектных образований (простейшие, насекомые, высшие животные, человек с нарушениями психики, дети на различных стадиях развития и т.д.). Вероятно, современные ИИ-системы занимают в этом пространстве определённое место, значительно более сложное, чем простейшие, но принципиально отличное от человека.

Принятие данной позиции имеет важные теоретические следствия для рефлексии самого понятия субъекта. Существование ИИ-систем, демонстрирующих функциональные аналогии субъектных свойств при отсутствии их онтологических оснований, требует более тонкой концептуальной работы, нежели простое подтверждение антропоцентрического статуса-кво. С нормативной и правовой точек зрения принятие концепции градуированной субъектности означает, что вопрос об антропологическом статусе ИИ не имеет однозначного ответа, который мог бы быть предписан раз и навсегда. Напротив, речь идёт о динамически развивающемся пространстве, в котором конкретные характеристики конкретных систем должны оце-

ниваться в конкретных контекстах применения. Если статус не признаётся в каком-либо отношении, ответственность полностью возлагается на разработчика и оператора. Если же признаются отдельные квазисубъектные характеристики, например, целеполагание, адаптивность или обучение, то возникает новая этико-правовая область, требующая разработки специфических норм, не сводящихся ни к нормам ответственности за продукт, ни к нормам о правах личности.

Антропологический статус искусственного интеллекта остаётся открытым вопросом, и это не свидетельство философской беспомощности, а признание реальной сложности предмета. Решение данного вопроса неизбежно зависит от того, какая концепция субъектности принята в качестве исходной: функционалистская позиция открывает путь к признанию ИИ субъектом по мере роста его функциональной сложности, тогда как феноменологическая и антропологическая традиции указывают на принципиальные границы этого признания, связанные с отсутствием телесности, аффективности и экзистенциальной незавершённости (ИИ неполноценный в плане тела, чувств и моральной пустоты).

Наиболее продуктивной представляется позиция философского агностицизма, сочетающегося с этической осторожностью, где ни редукционистское отрицание самой возможности субъектности ИИ, ни некритическое приравнивание его к человеку не могут считаться достаточно обоснованными при нынешнем состоянии как технологии, так и философской рефлексии. ИИ предстаёт в данной перспективе не как новый человек и не как сложная машина, а как вызов, заставляющий философию с новой серьёзностью поставить вопрос о том, что значит быть субъектом, и ответить на него с той строгостью, которой этот вопрос заслуживает.

Пристатейный библиографический список

1. Варела Ф., Томпсон Э., Рош Э. Отелесненный ум. Когнитивная наука и человеческий опыт. - М.: Фонд «Сохранм Тибет», 2023. - 456 с.
2. Гелен А. О систематике антропологии / Проблема человека в западной философии. Сост. и послесл. П. С. Гуревича; Общ. ред. Ю. Н. Попова. - М.: Прогресс, 1988. - С. 152-201.
3. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. - СПб.: «Ювента», «Наука», 1999. - 122 с.
4. Плеснер Х. Ступени органического и человек: Введение в философскую антропологию. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. - 368 с.
5. Сартр Ж. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. - М.: Республика, 2000. - 639 с.
6. Clark A., Chalmers D. The Extended Mind // Analysis. - 1998. - Vol. 58. № 1. - Pp. 7-19.
7. Chalmers D. Facing Up to the Problem of Consciousness // Journal of Consciousness Studies. - 1995. - № 2 (3). - Pp. 200-219.
8. Dennett D. The Intentional Stance. - Cambridge, Mass.: MIT Press, 1989. - 400 p.
9. Putnam H. Mind, Language and Reality. - Cambridge: Cambridge University Press, 1975. - 437 p.
10. Searle J. Minds, Brains, and Programs // Behavioral and Brain Sciences. - 1980. - Vol. 3. Issue 3. - Pp. 417-424.

ТАРАСОВ Алексей Николаевич

доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, политологии и теологии, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

ВОСТРИКОВА Александра Алексеевна

студент, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, независимый исследователь

РЕЛИГИОЗНЫЕ И ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ В. ВАН ГОГА: КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена культурфилософскому анализу религиозных и духовных исканий Винсента Ван Гога. Вопреки распространенному мнению о разрыве художника с религиозной традицией, в работе доказывается, что его творчество пронизано духовным поиском, прошедшим сложную эволюцию — от институционального служения до создания принципиально нового художественного языка, призванного говорить о вечном и трансцендентном. На материале эпистолярного наследия, ключевых живописных произведений раскрывается процесс трансформации религиозной символики: замещение явных христианских мотивов природными образами (солнце, звездное небо), несущими сакральное содержание. Особое внимание уделяется пониманию Ван Гогом искусства как продолжения дела Христа — «воплощения и преобразования жизни», а также влиянию восточных духовных традиций на его мировоззрение. Делается вывод о том, что творчество художника представляет собой уникальный философский документ, в котором абстрактная категория «духовность» обретает конкретное, чувственное содержание, а биография становится историей спасения через искусство.

Ключевые слова: Винсент Ван Гог, философия культуры, религиозные искания, духовность, символизм, постимпрессионизм, сакральное, трансцендентное, христианская символика, пантеизм, эпистолярное наследие.

TARASOV Alexey Nikolaevich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Head of Philosophy, political science and theology sub-faculty, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University

VOSTRIKOVA Alexandra Alexeevna

student, P. P. Semenov-Tyan-Shansky Lipetsk State Pedagogical University, independent researcher

RELIGIOUS AND SPIRITUAL QUESTS IN THE WORKS OF VAN GOGH: A CULTURAL-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

This article offers a cultural-philosophical analysis of Vincent van Gogh's religious and spiritual quest. Contrary to the widespread belief that the artist broke with religious tradition, it demonstrates that his work is imbued with a spiritual quest that underwent a complex evolution — from institutional service to the creation of a fundamentally new artistic language designed to speak of the eternal and transcendent. Using his epistolary legacy and key paintings, the process of transformation of religious symbolism is revealed: the replacement of overtly Christian motifs with natural images (the sun, the starry sky) that convey sacred meaning. Particular attention is paid to Van Gogh's understanding of art as a continuation of Christ's work — the "embodiment and transformation of life" — as well as the influence of Eastern spiritual traditions on his worldview. It concludes that the artist's work represents a unique philosophical document in which the abstract category of "spirituality" acquires concrete, sensory content, and his biography becomes a story of salvation through art.

Keywords: Vincent van Gogh, philosophy of culture, religious quest, spirituality, symbolism, post-impressionism, the sacred, the transcendent, Christian symbolism, pantheism, epistolary heritage.

Творчество Винсента Ван Гога, ставшее радикальным ответом на социокультурный кризис конца XIX века, сегодня обретает новое звучание в эпоху тотальной цифровизации и технологической рациональности [1, с. 37], [3, с. 59], [4, с. 57], [5, с. 64], [6, с. 53], [7, с. 55], [8, с. 63], [9, с. 50], [10, с. 4], [11, с. 87]. В мире, где искусственный интеллект имитирует художественные практики, а человеческая субъективность вытесняется алгоритмами, напряженный духовный поиск Ван Гога, его предельная искренность и способность превращать личное страдание в универсальный язык цвета напоминают о том, что подлинность бытия по-прежнему укоренена в способности человека к диалогу с трансцендентным. Обращение к опыту художника позволяет не только осмыслить природу современных культурных кризисов, но и обнаружить те экзистенциальные основания, которые сохраняют ценность даже перед лицом цифровой трансформации всех сфер жизни.

Культурфилософский анализ религиозных и духовных исканий Винсента Ван Гога представляет собой одну из наиболее глубоких и продуктивных тем. Вопреки распростра-

ненному мнению о разрыве художника с религиозной традицией, его творчество пронизано духовным поиском, который прошел сложную эволюцию — от служения Церкви к созданию принципиально нового художественного языка, призванного говорить о вечном и трансцендентном.

Письма Ван Гога, которые он писал брату Тео, сестрам и товарищам, представляют собой пронзительную исповедь души. Глубина его мира, беспредельная широта воззрений не оставляли ему возможности иного, чем общение с самим собой. Именно в этих письмах раскрывается подлинное отношение художника к вере.

Даже после разрыва с церковью Ван Гог не стал секулярным художником. Хотя художник и отошел от буквального понимания Библии, он находил вдохновение в её «возвышенных идеях». Более того, он считал Иисуса «величайшим художником, чем все остальные художники», потому что его материалом был не мрамор, не глина и не цвет, а «живая плоть». Это удивительное утверждение раскрывает глубинную логику ваноговского понимания искусства как про-

должения дела Христа — дела воплощения и преображения жизни.

В работах Ван Гога присутствует тонкая, почти незаметная библейская символика. Так, в центре «Ночной террасы кафе» изображен официант в белом, стоящий среди одиннадцати гостей, сидящих за столиками, в то время как двенадцатая фигура в чёрном исчезает в дверном проеме. За официантом — окно, разделённое на четыре части крестом, который официант словно несёт на своем плече. Это произведение называют «Тайной вечерей» Ван Гога, но исследователь предполагает, что художник стремился к большему: те, у кого есть глаза, чтобы понять, различают намеки на великую Тайную вечерю каждую ночь в самых обычных парижских кафе.

Анализ писем Ван Гога к Эмилю Бернару, доступный в академическом издании писем художника, раскрывает сложность его религиозных воззрений [2, с. 111]. В одном из писем Ван Гог утверждает, что Милле «написал учение Христа», имея в виду, что творчество Милле выражает ценности, которые проповедовал Христос: любовь к ближнему, смирение и простоту. Он связывает эту мысль с представлением о том, что Рембрандт и Делакруа писали Христа, в то время как Милле написал его учение. Эта тонкая дифференциация показывает, насколько глубоко Ван Гог осмыслял отношение между религиозным содержанием и формой его художественного выражения.

Любой элемент мироздания в глазах художника значителен и прекрасен только тогда, когда обретает способность чувствовать: у Ван Гога страдают даже камни. Любой компонент природы Ван Гог заставляет быть камертоном своих эмоций. Природа дарит ему не только мотивы, но и становится для него нравственной опорой, источником моральной силы.

В этом и заключается главный нерв понимания мира Ван Гогом: быть влюблённым в человечность. В нём это качество возвышалось над родственными чувствами и социальными предрассудками. Он рвал на лоскуты последнюю рубашку, чтобы перевязать раны пострадавшего шахтера, делил кров и хлеб с простыми людьми, от зари до зари гнул спину над бумагой, по каплям отдавая кровь своим картинам.

Ван Гог был человеком, стремившимся воплотить Евангелие в жизни, в отличие от многих своих современников, уходивших от Бога. Молодой пастор не довольствовался одними проповедями: он сблизился с шахтерами, ухаживал за больными, присматривал за детьми. Когда церковное начальство запретило ему пасторскую деятельность, он пережил тяжелый духовный кризис и принял решение посвятить себя искусству, которое воспринимал как продолжение своей духовной миссии.

В этом контексте «Звездная ночь» предстает не просто как пейзаж, но как космологический миф, как попытка увидеть в хаосе космоса новый, неведомый закон. В этой картине единая творческая сила заставляет светила вращаться, растения — тянуться к свету, крестьянина — возделывать землю, а художника — писать картины. В нижней части картины разворачивается мощная, странная спираль света, как вечно кипящая волна бытия, причастная к божественному первоисточнику.

Таким образом, религиозные и духовные искания Ван Гога представляют собой сложную эволюцию от институционального христианства к пантеистическому переживанию священного в природе и человеческом страдании. Ван Гог не отвергал сверхъестественное, но натурализовал его. То, что есть ужасного в его картинах, — это возвышенный ужас, вы-

званный невероятной красотой того, что Писание называет славой Божией. Философия культуры обретает в творчестве Ван Гога особое измерение. Мы видим, как абстрактная категория «духовность» наполняется конкретным, чувственным содержанием, как история становится биографией, а биография — историей спасения через искусство. Его наследие — это застывшая в красках философия жизни, философия страдания и надежды, неотделимая от напряжённого диалога с Богом — диалога, который Ван Гог вёл на протяжении всего своего трагического, но и возвышенного пути.

Пристатейный библиографический список

1. Богуславский М. В., Милованов К. Ю. Динамика обоснования методики формирования межпредметных связей на уроке в отечественной педагогике второй половины XX века // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2025. — № 3 (36). — С. 35-42.
2. Гиренок Ф. И. О природе художественной реальности // Вестник Томского государственного университета. — 2024. — № 508. — С. 108-113.
3. Кобзев М. С., Смолова М. А. О дифференциации понятия «сторителлинг» как возможного образовательного средства в России и Китае // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2025. — № 3 (36). — С. 57-62.
4. Лукьянчиков В. И. Живопись как учебная дисциплина в системе профессиональной подготовки художников-керамистов // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2025. — № 4 (37). — С. 56-67.
5. Парамонов А. Г. Теоретические и методические аспекты профессиональной подготовки будущих художников-педагогов // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2025. — № 3 (36). — С. 63-68.
6. Рябухина Е. А., Фирсова С. А., Сафонов В. И., Букина А. А. Обучение студентов вуза моделированию трендов демографических процессов на основе реальных статистических данных // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2025. — № 3 (36). — С. 52-56.
7. Панфилова А. А., Черенкова С. В. Использование цифровых образовательных ресурсов в практической подготовке студентов // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2025. — № 1 (34). — С. 54-58.
8. Пруцков А. В. Преподавание программирования на языке Java в вузе: педагогические аспекты // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2024. — № 4 (33). — С. 62-68.
9. Пушнова В. В. Сравнительный анализ понятий: «цифровая грамотность» и «компьютерная грамотность» как системообразующих компонентов предмета «Информатика» // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2025. — № 2 (35). — С. 49-57.
10. Рябухина Е. А., Сафонов В. И., Фирсова С. А. Определение вариантов выбора будущей профессиональной подготовки абитуриентов вуза средствами организации онлайн-тестирования // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2024. — № 3 (32). — С. 48-57.
11. Стоянов А. С. Отмена гендерной дифференциации на уроках технологии: ожидания учеников // Гуманитарные исследования Центральной России. — 2024. — № 4 (33). — С. 86-100.

ТРИФОНОВА Татьяна Леонидовна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории, Академия ФСИН России

ЗОЛОТОВ Максим Александрович

кандидат юридических наук, доцент кафедры организации борьбы с экономическими преступлениями, Самарский государственный экономический университет

ВЛАДИМИРОВ Сергей Владиславович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ О СОЛИДАРНОСТИ КАК СПОСОБЕ БЕСКОНФЛИКТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

В статье раскрывается понятие солидарности в соотношении с категорией регламентации через призму социально-философских учений. Выявляются ключевые аспекты взаимодействия данных категорий. Авторы, основываясь на определении солидарности как внутренней установки человека, обеспечивающей единство убеждений и действий, общность интересов и совместную ответственность, приходят к выводу о том, что солидарность, в отличие от регламентации уменьшает вероятность возникновения конфликтов и способствует эффективному разрешению возникающих разногласий в обществе. Но при этом, как отмечают авторы, регламентация выступает как необходимый механизм поддержки солидарности в обществе.

Ключевые слова: солидарность, регламентация, конфликт, общество, государство.

TRIFONOVA Tatyana Leonidovna

Ph.D. in philosophical sciences, associate professor of Philosophy and history sub-faculty, Academy of the FPS of Russia

ZOLOTOV Maxim Alexandrovich

Ph.D. in Law, associate professor of Organization of the fight against economic crimes sub-faculty, Samara State University of Economics

VLADIMIROV Sergey Vladislavovich

Ph.D. in Law, associate professor, associate professor of Criminal law disciplines sub-faculty, Samara Law Institute of the FPS of Russia

SOCIAL AND PHILOSOPHICAL THOUGHT ON SOLIDARITY AS A WAY OF CONFLICT-FREE EXISTENCE AND DEVELOPMENT OF SOCIETY

This article explores the concept of solidarity in relation to the category of regulation through the lens of socio-philosophical doctrines. Key aspects of the interaction between these categories are identified. The author, based on the definition of solidarity as an internal attitude of a person that ensures unity of beliefs and actions, common interests, and shared responsibility, comes to the conclusion that solidarity, unlike regulation, reduces the likelihood of conflicts and promotes the effective resolution of disagreements in society. At the same time, regulation acts as a necessary support mechanism.

Keywords: solidarity, regulation, conflict, society, state.

Сплоченность, объединение общества является важным показателем его стабильности, бесконфликтного существования и перспектив дальнейшего развития. Важнейшим элементом интеграции общества является солидарность. Исследование природы многомерных установок социального взаимодействия людей в обществе всегда было в фокусе социально-философской мысли.

Солидарность, согласно определению в философском словаре Э. Л. Радлова, представляет собой «общность идеальных интересов и стремлений людей, в силу коей они несут одинаковую ответственность за поступки. Солидарность выступает основой морали, выражается в следующей норме морали: «действуй как свободная часть солидарного целого». Солидарность между людьми есть результат детерминистического воззрения на человека, в силу коего падение или прогресс одного человека отзывается и на остальных» [9, с. 346].

Утверждение категории солидарности в истории социально-философской мысли как общезначимой ценностной установки, обуславливалось стремлением найти наилучшее соотношение между индивидуальной свободой человека и его социальным долгом, что, в свою очередь, обеспечивало бы устойчивое существование и развитие самого социума.

Солидарность, на наш взгляд, наиболее полно раскрывает свою значимость и смысловое содержание в соотношении с категорией регламентации. Солидарность является существенным элементом социальной интеграции, базисом которой выступают: единство убеждений и действий, взаимопомощь и поддержка, общность интересов и совместная ответственность. Однако существуют альтернативные интегрирующие элементы, основанные на регламентации, то есть упорядочивании, установлении правил, определяющих порядок деятельности людей в обществе.

Регламентация устанавливает правила, регулирующие поведение индивида таким образом, что с одной стороны предоставляет ему возможность для определенных действий, а с другой – принудительно ограничивает его свободу от нежелательных для общества поступков методами нормативного регулирования.

Взаимодействие солидарности и регламентации является необходимым маркером состояния общества, именно в русле этого взаимодействия складываются предпосылки для его бесконфликтного существования.

Соотнося две категории солидарность и регламентация, укажем на некоторую общность их функций, выделив три

основополагающие: воспитательная, регулирующая и компенсаторная.

Воспитательная функция реализуется через воздействие общества на сознание людей, формирование у них социальных норм, ценностей. Здесь регламентация и солидарность выполняют функцию моделирования, вырабатывая поведенческие стереотипы людей при взаимодействии в обществе.

Формирование личности под влияние внешних социальных детерминант не является определяющим, необходимо учитывать и внутреннее субъективное состояние личности, ее индивидуальное осознание условий социальной действительности, и, соответственно, индивидуальные реакции на ту или иную ситуацию в обществе. И здесь, возникает необходимость регулирования реакции индивида, если она оказывается нежелательной для общества.

Компенсаторная функция регламентации и солидарности наиболее ярко проявляется в условиях кризисных явлений в обществе. Она способна произвести коррекцию личности, которая испытывает чувство отчуждения, одиночества в сложившихся условиях. Здесь общество необходимо выступает носителем консолидирующей программы, посредством социальных институтов мотивирует членов общества к принятию социально значимых ценностей, принципов, идеалов. Наиболее эффективным этот процесс будет при условии гармоничного сочетания солидарности и регламентации, когда моральные установки не насаживаются силой, а формируются через чувство созидания, сопричастности, обеспечивая, тем самым, бесконфликтные условия существования и развития общества.

В истории социально-философской мысли проблема соотношения солидарности и регламентации рассматривалась со времен античности. Греки считали, что человек наиболее полно понимает и выражает себя через социальную активность, греческая система ценностей была сосредоточена на регламентации индивидуального поведения в обществе, понятии долга и средствах формирования образа гражданина в сознании людей.

На вопрос о цели существования государства все древнегреческие мыслители давали однозначный ответ: для обеспечения счастья живущих в нём людей, для обеспечения их благами, как духовными, так и материальными. Сочетание этих благ выступало гарантом гармоничного, бесконфликтного существования общества. Гармония выражалась в единстве чувства внутренней свободы и общественного долга.

Так, например, Сократ в качестве критерия поступков людей определял разум, а не внешние регламенты. Сократ подчеркивал значимость нравственных качеств для благополучия в обществе. Добродетель, по его мнению, должна служить основой взаимоотношений граждан в обществе, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению социальной сплоченности и солидарности.

Платон, в свою очередь, указывал на необходимость законодательной регламентации общественной жизни, как фактора устойчивого развития общества, так как, по его мнению, не каждый гражданин способен собственными усилиями приблизиться к совершенству. Закон выступает у Платона как абсолютный разум.

Согласно Аристотелю, нравственность содержится в человеке в потенциальной возможности, собственная жизнь индивида и социальная среда превращают ее в действительность. Политика, по мнению Аристотеля, это сочетание нормативных установок: «цель политики – наиболее высокая; ее главная забота состоит в том, чтобы придать гражданам

известного рода хорошие качества и сделать их людьми, поступающими прекрасно» [1, с. 158].

Таким образом, античность выступает в качестве отправной точки для последующего развития идей солидарности и регламентации, как необходимых условий гармоничного существования и развития общества, где регламентация играет ключевую роль в обеспечении социальной солидарности посредством установления четких рамок поведения и ответственности каждого члена общества.

Несколько по иному трактуется природа регламентации и солидарности в Средние века. Христианские богословы стремились объединить божественный порядок с земным устройством. Так, например Аврелий Августин определял Церковь как сообщество, связанное духовной любовью, но регулирующееся Божественными заповедями и церковными канонами. Свою позицию он выражал следующим образом: «Общество устроено не случайными желаниями людей, а предписаниями Божьего закона. Человек реализует себя лишь на пути следования к Богу. Мышление, сосредоточенное на Боге, полностью устремленное к Богу предполагает духовность, соответствующие мораль и образ жизни» [8, с. 86]. Фома Аквинский, в свою очередь, обосновывал необходимость упорядоченности общества через божественное право и светское законодательство. Подчиняя общественные институты высшей нравственности, он указывал на важность следования законам, одновременно отстаивая ценность личного благочестия и добродетельной жизни. Таким образом, человек провозглашается сопричастным Богу, Бог выступает как источник и цель каждого индивида, выступает неоспоримым принципом солидарности.

Новое время ознаменовалось формированием представлений о том, что, как утверждал Гоббс: «... именно социальные законы выступают как субстанциональное начало и регламентация человеческой деятельности, и солидарности ценностным установкам в обществе» [2, с. 326]. Локк, например, отмечает: «Законы, к которым люди обычно обращаются, чтобы судить о правильности или неправильности своих действий, бывают, мне кажется, следующих трех родов: законы божественные, законы гражданские, законы общественного мнения, или доброго имени, если можно их так назвать. Обращаясь к первому роду законов, люди судят о том, являются ли их действия грехом или использованием долга, обращаясь ко второму роду законов – преступны они или безвредны; обращаясь к третьему роду законов – являются ли они добродетелями или пороками» [7, с. 406].

Особая роль в разработке основ социального взаимодействия людей в обществе принадлежит немецкой классической философии. Иммануил Кант, например, рассматривает проблемы правовой регламентации и солидарности в обществе через призму категории «категорического императива», который подразумевает универсальные морально-правовые требования ко всем членам общества. Согласно Канту, обеспечение свободы и равенства в обществе возможно посредством установления справедливых законов. В своей работе «Критика чистого разума» он отметил: «Единственно возможная форма солидарности – это признание общих моральных обязательств» [6, с. 87].

Согласно учению А. Шопенгауэра «...обосновать мораль с нормативной позиции принципиально невозможно. Нравственность – специфическая область независимого от посторонних соображений определения человеком себя в качестве личности» [3, с. 340]. Определяя природу

солидарности, Шопенгауэр указывает на то, что: «Индивидуальный характер врожден: он не создается искусством, либо подверженными случайности обстоятельствами, а есть произведение самой природы: из изложенной сущности индивидуального характера с несомненностью следует, что добродетели и пороки врожденны» [10, с. 84].

В Новое время формируется научное понимание солидарности как основы социальной структуры общества. Французский социолог Огюст Конт предложил рассматривать общество как единое целое, состоящее из взаимозависимых частей, каждая из которых выполняет определенную функцию. В своем труде «Курс позитивной философии» для характеристики взаимодействия людей в обществе он вводит категорию «консенсус». «Консенсус – это общее взаимодействие, характеризующее любое живое тело, части которого непрерывно воздействуют друг на друга, содействуя или противодействуя друг другу» [5, с. 84]. По мнению О. Конта, общественный консенсус осуществляется посредством доминирования социальных чувств и идей, которые способны укреплять солидарность в социуме.

Несколько иную трактовку регламентации и сопричастности дает Э. Дюркгейм. Он определяет данные категории как социальную привычку, сложившуюся внутри общества, как обязательный атрибут группового поведения, а не индивидуальную производную. Дюркгейм отмечает: «...общество по мере своего формирования и консолидации само порождает могучие нравственные силы, перед которыми человек чувствует свою ничтожность. Более того, именно общество отвлекает нас от самих себя и заставляет считаться не только со своими интересами, но и с интересами других; именно общество научило нас держать в узде свои чувства и инстинкты, повелевать ими, ограничивать себя, отказывать себе в чем-либо, жертвовать собой, подчинять личные цели более высоким целям» [4, с. 18].

Таким образом, рассмотрев проблему регламентации и солидарности в истории западноевропейской социально-философской мысли, можно сделать вывод о том, что данная проблема исследовалась с древних времен, пройдя путь от этической нормы до сложного социального феномена. При этом нельзя не согласиться с мнением большинства философов о том, что соотношение регламентации и солидарности определяет качество социального взаимодействия людей в обществе. Регламентация выступает как система нормативного регулирования, а солидарность представляет собой степень добровольного участия индивида в жизни общества, основанного на свободном выборе. Но при этом, необходимо отметить, что регламентация выступает как необходимый механизм поддержки солидарности в обществе, как условие бесконфликтного сосуществования и гармоничного развития общества.

Нами признается возможность регулирования взаимодействия людей в обществе ненормативными элементами духовной жизни общества. На наш взгляд, солидарность, выполняя регулятивную функцию в обществе, демонстрирует значительно большую независимость и возможность для формирования направленности поведения членов общества, чем регламентация. Солидарность, в отличие от регламентации уменьшает вероятность возникновения конфликтов и способствует эффективному разрешению возникающих разногласий. Внутренние установки человека, обеспечивающие единство убеждений и действий, взаимопомощи и поддержки, общность интересов и совместную ответственность,

оказываются наиболее устойчивыми по отношению к упорядочиванию, установлению правил, определяющих порядок деятельности людей в обществе. Что в большей степени ведет к бесконфликтному существованию и развитию общества в целом.

Пристатейный библиографический список

1. Аристотель Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Минск: Литература, 1998. – 286 с.
2. Гоббс Т. Избранные произведения в 2 т. – М: Мысль, 1964. – Т. 1. – 583 с.
3. Гулыга А. В. Немецкая классическая философия. – М., 2001. – 742 с.
4. Дюркгейм Э. Социология образования. – М.: Интор, 1996. – 394 с.
5. История теоретической социологии: в 4 т. – М., 2002. – Т. 1. – 327 с.
6. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Академический проект, 2020. – 567 с.
7. Локк Дж. Сочинения: в 3 т. – М.: Мысль 1995. – Т. 1. – 354 с.
8. Марру А. И. Святой Августин и августианство. – 1999. – 187 с.
9. Радлов Э. Л. Философский словарь. – М.: Изд-во «Роса Академии», 2013. – 658 с.
10. Шопенгауэр А. Свобода воли и нравственность. – М.: Республика, 1992. – 387 с.

ФАЙЗУЛЛИН Фаниль Саитович

доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Республики Башкортостан, главный научный сотрудник, Институт социально-экономических исследований УФИЦ РАН, г. Уфа

ЕНИКЕЕВА Ирида Ирековна

доктор философских наук, профессор, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа

МЕТОДЫ АНАЛИЗА ДИНАМИКИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

В статье рассматриваются проблемы совершенствования методики исследования социальной динамики населения регионов, интегрирующей традиционные социологические подходы с современными математическими инструментами. Особое внимание уделено зарубежным инновациям: акторно-сетевой теории, неоинституционализму, постбюрократическим моделям, а также цифровым методам. Представлена виталистская модель социального благополучия, учитывающая демографическую устойчивость региона через призму жизненных сил и субъектности населения. Выводы и концепт статьи сформулированы на основе эмпирической базы – данные Росстата за длительный период, УФИЦ РАН, УУНИТ и других научных организаций, ученого сообщества. Результаты обосновывают региональную политику стабилизации населения с учетом пространственной гетерогенности. Предложены перспективные методические направления развития в изучаемой проблеме в приложении к анализу социальной динамики в регионах.

Ключевые слова: социальная динамика, демографическая устойчивость, регионы, акторно-сетевой подход, кластерный анализ, панельные модели, ГИС-технологии, виталистская модель, региональная политика.

FAYZULLIN Fanil Saitovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor, Academician of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan; chief researcher, Institute of Socioeconomic Research, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa

ENIKEEVA Irida Irekovna

Ph.D. in philosophical sciences, professor, M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa

METHODS OF ANALYZING THE DYNAMICS OF REGIONAL POPULATION SOCIAL PROCESSES AND THEIR IMPLEMENTATION

This article examines the challenges of improving methodology for studying the social dynamics of regional populations, integrating traditional sociological approaches with modern mathematical tools. Particular attention is paid to international innovations: actor-network theory, neoinstitutionalism, post-bureaucratic models, and digital methods. A vitalist model of social well-being is presented, taking into account the demographic stability of a region through the lens of the population's vitality and agency. The article's conclusions and concept are formulated based on empirical data from Rosstat over a long period, the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, the Ufa University of Science and Technology, and other scientific organizations, as well as the academic community. The results substantiate a regional population stabilization policy taking into account spatial heterogeneity. Promising methodological development directions for the problem under study are proposed for application to the analysis of social dynamics in the regions.

Keywords: social dynamics, demographic stability, regions, actor-network approach, cluster analysis, panel models, GIS technologies, vitalist model, regional policy.

Введение

Изучение динамики социальных изменений опирается на синтез теоретических конструкций и эмпирических социологических инструментов, ориентированных на изучение корреляций между социальными детерминантами и социально-демографическими трансформациями. Центральным элементом анализа выступает концептуальная модель социального благополучия и устойчивости, интегрирующая витальные ресурсы индивида и его субъектную активность в обществе, что обеспечивает идентификацию определяющих факторов динамики и их воздействия на развитие общества в целом и его стабильность. Социальная динамика населения трактуется как эволюция демографических показателей под влиянием социально-экономических условий, где устойчивость характеризуется контролируемыми параметрами рождаемости, смертности и миграции, гарантирующими демографическое воспроизводство и экономический потенциал территории. Оценка устойчивости развития исследуемого феномена предполагает применение индикаторов социально-демографической стабильности с учетом природно-климатических и институциональных факторов, а также интеграцию статистических массивов и социологических измерений. Для всестороннего

изучения динамики необходимо задействовать историко-компаративный метод, системно-функциональные модели, процедуры типологизации, а также математическую обработку данных в специализированном программном обеспечении. Такой синтетический подход формирует виталистическую парадигму социального благополучия, где доминируют витальные энергии личности и уровень социальной агентности как индикаторы общественной устойчивости на региональном уровне.

Ключевые методические инструменты исследования складываются из следующих действий:

- Историко-компаративный обзор концепций и эмпирических данных.
- Системно-функциональный анализ корреляций институтов и демографических сдвигов.
- Процедуры классификации и типологизации социальных феноменов, воздействующих на демографические процессы.
- Математическая обработка больших данных (SPSS и аналоги) для обнаружения паттернов.
- Социологические измерения (опросы, интервью и т.д.) для фиксации субъективных оценок и жизненных потенциалов.

Также отметим, что инновационные зарубежные парадигмы и методологии в полной мере применимы к специфике как страны, так и ее регионов.

Динамика социальных процессов осмысливается через призму устойчивого развития, акцентированием на нелинейные взаимодействия социальных, экономических и экологических векторов, что требует системогенетических и трансдисциплинарных методик для стратегического управления трансформациями. При этом устойчивость населения интерпретируется как динамическое равновесие демографических параметров, поддерживаемое балансом естественного прироста, миграционными потоками и институциональными условиями высокого качества жизни. Индикаторы устойчивости охватывают мониторинг демографических трендов, социальных драйверов и экономических предпосылок, диагностику депопуляционных рисков и оценку миграционной динамики. Комплексное применение этих критериев обеспечивает выявление узловых проблем и разработку адресных мер для страны в целом и для региональной политики. Исследование динамики населения требует интегративной методологии, объединяющей аналитические и эмпирические практики с учетом детерминант социально-демографической устойчивости как базиса территориального развития.

Анализ социальных трансформаций населения региональных субъектов Башкортостана строится на комплексной парадигме, сочетающей официальную статистику Росстата и территориальных органов с передовыми статистико-математическими процедурами. Эмпирическая база включает данные о демографических процессах и социально-экономических метриках муниципалитетов за протяженный временной горизонт. Кластеризация муниципальных единиц проводится по индикаторам естественного прироста, а причинно-следственные связи выявляются через многофакторную регрессию с переменными медико-демографического, экономического и инфраструктурного профилей. Панельные модели фиксированных эффектов учитывают пространственную неоднородность и хронологические траектории.

Критическими драйверами динамики признаны разработанные Росстатом среднедушевые доходы, брачно-разводная статистика, доля фертильного женского контингента, безработица и постарение населения. Регрессионные выводы обосновывают демографо-экономическую стратегию с учетом территориальных диспропорций и приоритетами поддержки депрессивных зон. Методический арсенал региона синтезирует статистический мониторинг, кластерный анализ, регрессионное моделирование и панельные конструкции, формируя целостное видение демографических мутаций для оптимизации политики региональных субъектов.

В ходе исследования должен использоваться зарубежный методический арсенал для анализа динамики не только страны, но и региона. Они в полной мере применимы к специфике России и ее субъектов, которые включают системно-модульные конструкции региональных социально-экономических систем с фокусом на внешние интерфейсы и эндогенные противоречия как катализаторы динамики; экономико-математическое прогнозирование (модели рассредоточения производств, комплексов и пространственного экспансии); геоинформационное картирование и ГИС-технологии для визуализации демографических, инфраструктурных и качественных ландшафтов; сетевой анализ цифровых платформ для оперативного трекинга социальной напряженности; теорию центральных мест Кристаллера для декомпозиции иерархии региональных узлов; компаративные практики межрегионального и глобального масштаба. Эти инструменты обеспечивают многомерный анализ с пространственно-вре-

менными координатами, адаптируемый к региональному контексту.

Инновационные зарубежные парадигмы включают акторно-сетевую теорию [2], [1], интерпретирующую социальные трансформации как координацию гетерогенных актантов (людей, артефактов, природных агентов) в распределенных сетях, разрывающих субъект-объект дихотомии и подчеркивающих ассоциативную природу социального порядка. Не менее важно учитывать теории неинституционализма [3], [4], которые акцентируют институциональные формальные/неформальные матрицы, транзакционные издержки и логики легитимности как регуляторы демографических сдвигов через методологический индивидуализм и стимульные ограничения. Следует обратить внимание и на критические постбюрократические модели, которые фокусируют трансформацию иерархий в сетевые конфигурации, децентрализацию и горизонтальные практики, стимулирующие мобильность и миграцию через адаптивные организационные формы.

Синтезируя названные теоретико-методологические подходы, можно назвать также следующие перспективные методы, которые в настоящее время в исследованиях, к сожалению, мало используются:

- Сетевой анализ платформ для реального времени мониторинга общественных настроений;
- Моделирование социальной напряженности через семантический анализ пользовательского контента;
- Метаанализ и мульти-статистическое моделирование корреляций;
- Синтез big data, сетевых метрик и традиционной социологии;
- Трансдисциплинарный синтез социологических подходов, IT, киберантропологии и системологии. Следует отметить, что данные методы превосходят традиционные по точности, оперативности и масштабируемости, закладывая основу для цифровизации анализа динамики региона.

Специалисты, занимающиеся в настоящее время проблемами социально-демографических процессов в Республике Башкортостан, в целях повышения эффективности результатов своего труда, пытаются несколько расширить количество используемых методов исследований [5]:

1. Эмпирический раздел здесь включает в себя кластерный анализ не только республики, но и ее муниципалитетов:

На основе полученных результатов обнаружилось, что в Республике доходы объясняют 42 % вариации прироста мигрантов. В Татарстане ВРП в настоящее время на душу населения 720 тыс. руб., а в Башкортостане – 580 тыс. руб., соответственно, на первом среди названных регионов на 0,1 % прирост населения за счет миграции, а на втором – убыль на 0,8 %. Обнаружились также различия в уровне человеческого капитала регионов, зависящие от инвестиций в образование на 15 %, которые определяют разницу миграционной привлекательности названных республик.

2. Акторно-сетевой метод способствует моделированию демографические процессы как сеть взаимосвязанных акторов: человек ↔ инфраструктура ↔ миграционные потоки ↔ производственные платформы. Использование этого метода показало, что в Белорецке эта сеть «разваливается» из-за закрытия градообразующих предприятий, в Уфе, наоборот, эта структура усиливается через ГИС-мониторинг.

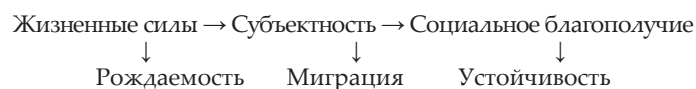
3. Визуализация и картирование демографических рисков Башкортостана показали за последние 10 лет убыль населения в целом региона составляет 4 %, а рост центра республики наоборот – +2 %).

Таблица 1. Кластеры социального потенциала и капитала демографической устойчивости (2020-2025 гг.)

Кластер	Муниципалитеты	Естественный прирост	Миграция	Уровень доходов (тыс. руб.)	Риск депопуляции
1. Стабильный	Уфа, Стерлитамак	+2,1	+5,2	45,3	Низкий
2. Рисковый	Сибай, Салават	-1,8	-3,4	32,1	Средний
3. Критический	Белорецк, Мелеуз	-4,2	-6,8	28,7	Высокий

4. Создание модели социальной напряженности (big data) осуществлялось на основе создания сетевого анализа VK/Telegram. В результате анализа обнаружилось что коэффициент напряженности оттока населения самый высокий оказался в городе Сибее = 0,67, а самый низкий – в Уфе=0,32.

5. Виталистская расширенная модель в исследовании представляется следующим образом:

При анализе эти структурные элементы дают возможность раскрыть новые аспекты социально-демографических процессов, их динамики. В частности, при исследовании бракоразводных процессов эта модель создала условия для объяснения 28 % вариаций фертильности.

6. Предложены оригинальные рекомендации по совершенствованию политики, направленных на активацию динамики социально-демографических процессов:

Кластер 1: разработана целая система стимулирования рождаемости

Кластер 2: определены основные миграционные хабы, включающие в себя малых городов и центра региона.

Кластер 3: на основе метода ANT-интервенции реализовывается реактивация заводов и других учреждений как акторов и обеспечена местом работы трудоспособного населения.

В перспективе, в последующих работах для развития методологии анализа социальной динамики регионов целесообразно, на наш взгляд, рассмотреть следующие инновационные направления:

1. Анализ последовательностей демографических траекторий

– Исследование жизненных путей (последовательности браков, деторождений, миграций) с помощью методов майнинга данных.

– Разработка предиктивных моделей перехода во взрослую жизнь и matrimониальных биографий молодежи.

– Определение инструментов изучения как префиксные деревья (prefix trees), замкнутые частые последовательности, классификаторы эмерджентных паттернов.

2. Использование агентно-ориентированных моделей, которые предполагают имитационное моделирование поведения индивидов в условиях депопуляции малых городов; создание сценария влияния производственных платформ, так называемых нечеловеческих акторов ANT) на миграцию; в сфере ПО: использование NetLogo, AnyLogic для симуляции сетевых эффектов.

3. Создание «Озера данных» миграции, предполагающих синхронизацию Росстата + цифровых следов (VK, Telegram, геолокация) для реального времени мониторинга; семантический анализ напряженности методом Sentiment Analysis + Network Density в муниципалитетах.

4. Обучение специалистов для демографического прогнозирования с использованием нейросети для классификации поколений по жизненным событиям (разграничение по последовательностям); LSTM-модели для предсказания фертильности с учетом социально сетевых метрик.

5. Создание расширенной ANT-модели Республики Башкортостан, включающей в себя сети: человек ↔ ГИС-инфраструктура ↔ климатические факторы ↔ промышленные артефакты; и кейса трансформации сети столицы региона и ее малых поселений.

6. Межрегиональный бенчмаркинг с ИИ.

– Сравнение с другими регионами через мультистатистические метаанализы.

– Автоматическая кластеризация по 50+ переменными и структурными факторами (автоэнкодерами).

7. Разработка киберантропологии и цифровых двойников, которые предполагают создание виртуальных моделей муниципалитетов для стресс-тестирования политики (digital twins) и анализа.

Заключение

Представленный методологический синтез системы методов обеспечивает переход от описательного анализа к прогностическому моделированию социальной динамики, интегрируя качественные (субъективные оценки витальности) и количественные (регрессионные зависимости) измерения. Ключевые драйверы устойчивости субъектов – среднедушевые доходы, брачно-разводная динамика, фертильность и старение; проблемные муниципалитеты требуют адресных мер требуют использования кластерного подхода, который выявляет приоритеты.

Зарубежные инновации (ANT Латура, неонституционализм Норта) также расширяют анализ за счет акторских сетей и институциональных логик, адаптируемых к российскому в целом и региональным контекстам через ГИС и big data. Виталистская модель социального благополучия подчеркивает роль потенциала жизненных сил и субъектности как индикаторов устойчивости, формируя основу демографо-экономической политики региона. Перспективы цифровизации – реальное время осуществления мониторинга через социальные сети и семантического анализа для оперативно реагирования на депопуляционные риски и миграционные сдвиги.

Пристатейный библиографический список

1. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё. – Корбут А., переводчик. – Социология власти, 2015.
2. Латур Б. Пересборка социального: Введение в акторно-сетевую теорию (Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory). – 1st ed. – New York: Oxford University Press, 2005.
3. Норт Д. Понимание процесса экономических изменений. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010.
4. Хилл П. Наука и искусство проектирования. – М.: Мир, 1973. – 355 с.
5. Многонациональный регион: социальные технологии устойчивого развития / Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. – Уфа: Аэтерна, 2022 @@ Исмаилова К. И. Анализ демографической ситуации в Республике Башкортостан // Современные наукоемкие технологии. – 2014. – № 7 (часть 2). – С. 132-139 @@ Валиахметов Р. М., Ломанова А. К., Абылкаликов С. И. Сравнительный анализ демографической динамики в контексте развития человеческого потенциала в Башкортостане и Татарстане (1959–2021 гг.) // Новые исследования. – 2024. – № 1. – С. 34-42 @@ Виктор В. В., Шарафутдинов М. А., и др. Динамика демографических показателей в Республике Башкортостан // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2020. – Том 28. № 4. – С. 581-586 @@ Низамутдинов М. М., Ахметзянова М. И. Нечеткие алгоритмы принятия решений в многоагентной модели оценки взаимовлияния миграционной активности населения и экономического развития региона // Известия Уфимского научного центра РАН. – 2025. – № 3. – С. 124-130 @@ Социальная динамика населения региона: угрозы и факторы устойчивости. Монография. Под ред. Файзуллина Ф. С. – Уфа, ИСЭН 2025. – 236 с.

АГЗАМОВА Лилия Мавлявиевна

соискатель кафедры философии и культурологии Высшей школы философии, психологии и социологии, Уфимский университет науки и технологий

ДУХОВНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕМЬИ

В статье анализируются духовные, социокультурные и политические предпосылки организационной деятельности семьи, предельные основания данной деятельности. Организационная деятельность направлена на становление культурных отношений, которые оказывают влияние на семью (в том числе, и исламскую семью), которая представляет собой организационную деятельность общества, его интересы и мотивы. Новизна представленного подхода заключается в обосновании того тезиса, согласно которому ориентация семьи на формирование духовной и политической жизни общества повышает степень ее чувствительности к духовным переменам, что предотвращает деформацию духовных, политических и нравственных идеалов.

Ключевые слова и фразы: духовные и политические предпосылки организационной деятельности семьи; предельные основания существования семьи; культурные и политические отношения, влияющие на формирование семьи; организационная деятельность; духовная и политическая жизнь общества; чувствительность человека к политическим переменам; духовные и нравственные идеалы.

AGZAMOVA Liliya Mavlyavievna

competitor of Philosophy and cultural studies sub-faculty of the Higher School of Philosophy, Psychology and Sociology, Ufa University of Sciences and Technology

SPIRITUAL AND POLITICAL PREREQUISITES FOR THE ORGANIZATIONAL ACTIVITY OF THE FAMILY

The article discusses the spiritual, sociocultural and political prerequisites of family organizational activity, the ultimate foundations of this activity. Organizational activities are aimed at the formation of cultural relations that influence the family (including the Islamic family) which represents the organizational activity of society, its interests and motives. The novelty of the presented approach is to substantiate the thesis that the orientation of the family towards the formation of spiritual and political life of a society increases its sensitivity to spiritual changes, which prevents deformation of spiritual, political and moral ideals.

Keywords and phrases: spiritual and political prerequisites of family organizational activity; limits to the existence of a family; cultural and political relations influencing family formation; organizational activity; spiritual and political life of society; human sensitivity to political change; spiritual and moral ideals.

Главной задачей исследования выступает анализ организационной деятельности, в связи с чем семья начинает всего полнее раскрываться в традиции, где осуществляется передача духовных и политических ценностей от поколения к поколению. На данной основе как раз разворачивается культурная, социальная и политическая жизнь.

Семья (в том числе и семья в исламской традиции), есть естественный союз мужчины и женщины. Она характеризуется социальной и политической зрелостью, которая характеризуется противоречием между трансцендентной устремленностью человека к миру абсолютных ценностей и в то же время наличием жизненного благополучия и стабильности.

Нам необходимо заметить, что организационная деятельность общества, его интересы и мотивы определяются взаимообусловленностью духовной и политической сферы общества, а также политическим и духовным потенциалом семьи. Семья осуществляет взаимодействие народно-мифологического и социального потоков. Исламская семья позволяет человеку воспользоваться мечтой о свободе, причем, даже тогда, когда социальные обстоятельства формируют данную возможность.

Организационная деятельность семьи связана с исследованием сущностных сил человека, особенно в эпоху эластичности социального времени, в эпоху выгорания человека и социума. При этом силы человека, зачастую, отрываются от технического базиса [1, с. 504].

Без культуры (особенно политической культуры) нет человека. Семья существует в условиях неравномерности экономики и политики.

В немецкой классической философии (И. Кант, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегель) духовные и политические предпосылки находятся в оппозиции к современной культуре. Сегодня произошел решительный сдвиг в сторону техники. Чувственная природа уступает место постоянной смене декораций.

Искусство постепенно уступает место политическим явлениям. Шоу-бизнес оттеснил классическое искусство. Узко-прагматический дух разучивает человека думать. Сама мысль человека отклоняется от духа неуклонного потребительства.

Нам необходимо заметить, что духовные, культурные достижения никогда не исчезают. Музыка и поэзия становятся производительными силами и производственными отношениями [2, с. 152].

Духовные и политические предпосылки организационной деятельности семьи связаны с общественными системами. Это обстоятельство способствует усилению эластичной структуры социального пространства и времени. Данное обстоятельство выступает в качестве предпосылки эмоционального чувства, которое преодолевает выгорание бытия.

Семья в настоящее время утрачивает свою устойчивость, свой дискурс. Она стремится преодолеть буржуазный, технократическое мышление, разрыв доминанты между диалектическим и метафизическим мышлением.

Над проблемой формирования духовных и политических предпосылок организационной деятельности размышляли многие философы. Но главный вывод из всего многообразия подходов состоит в том, что организационная деятельность семьи опирается на культурную преемственность поколений и особенно это проявляется в межнациональной семье, не исключая и исламскую семью, где, зачастую, религия не выполняет роль основной доминанты существования многообразного мира семьи. В данном отношении преемственность поколений в семье может рассматриваться как объективная, устойчивая связь. При этом основными составляющими воспроизводства поколений являются тип домоустройства, язык общения, духовные и душевные ценности, социальные нормы и т.д. [4, с. 8].

На семью в любой культурной традиции оказывают влияние социокультурные и идеологические приоритеты, социально-политический контекст, патриархальные традиции. На сегодня, в условиях современного общества, когда определяющую роль играет техника, сетевые связи и т.д. последние начинают играть всё меньшую и меньшую роль.

И всё-же, исламская семья, если можно так выразиться, есть естественный союз мужчины и женщины, детей, в котором можно наблюдать противоречие между «трансцендентной устремленностью индивида к миру абсолютных ценностей и в то же время его желанием достичь жизненного благополучия и стабильности» [5, с. 8-9].

Исламская семья характеризуется опорой на душевное и духовное здоровье. Она ориентирована на нравственные ценности, на соблюдение принципа единства ответственности и свободы человека.

Заметим, что организация института семьи не осуществляется в ущерб иным институтам, но, зачастую, подвержена деформации со стороны сословных, профессионально-технических и других групповых интересов.

Семья в исламской традиции обусловлена исторической, нравственной и социальной памятью, в содержании которой отражаются формы религиозного и политического сознания. Но как бы то ни было, семья выступает всегда в структурной организации традиции. Она обладает идеальной (мировоззренческой) и материальной, ментальными уровнями понимания традиции. Идеальная сторона традиции, её сущностное ядро, включаются в культурный процесс. В этом ядре предстаёт любовь человека к членам своей семьи, этноса, представления о добре, истине и красоте [6].

Социально-философское рассмотрение динамики семьи возможно на основе рефлексии над ее основаниями. Первая семейная революция произошла в результате трансформации архаической социальности в традиционную и в основном связана с переходом от полигамных к моногамным формам семьи, которые ориентированы на традиционное воспроизводство брака, на общность имущества и половозрастные распределения семейных ролей.

Эмансипация личности постепенно привела к нуклеаризации семьи, к разъединению семейных ролей. Сегодня в постиндустриальном обществе браки и партнерские отношения хотят стать самоценными, основанными на любви, что позволяет вести речь о третьей семейной революции, которая ориентирована на «эгалитарный брак», который реализуется в ходе сотрудничества интересов и партнерских интересов супругов.

Сегодня семья (в том числе, христианская и исламская) подвержена глобализационным процессам; она выступает

как источник гендерной идентичности, т.е. как сфера личного самоопределения.

Главным моментом организационной деятельности семьи выступает ориентация человека на формирование духовной и политической жизни общества. Политическая и духовная культура повышает степень чувствительности семьи к духовным переменам. Данное обстоятельство предотвращает деформацию духовных, политических идеалов.

Пристатейный библиографический список

1. Лукьянов А. В., Пушкарева М. А., Бикметов Е. Ю., Валиуллина З. Р., Вычужанова Л. К. Диагностика как метафизика будущего в контексте рассмотрения идеи «Я» // Евразийский юридический журнал – 2022 – № 3 (166). – С. 504-507.
2. Латыпова А. Р. Духовные предпосылки организационной деятельности людей // Евразийский юридический журнал – 2024. – № 8 (185). – С. 562.
3. Блох Э. Тюбингенское введение в философию. – Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 1997. – 400 с.
4. Сизоненко З. Л. Межнациональная семья на современном этапе развития общества (на материалах Республики Башкортостан). Авт. дис. ... канд. социол. наук. – Уфа, 1999. – 19 с.
5. Мингазова Н. Р. Социально-философские аспекты взаимосвязи семьи и религии. Авт. дис. ... канд. филос. наук. – Уфа, 2005. – 19 с.
6. Рахматуллина З. Я. Башкирская традиция (социально-философский анализ). – Уфа: изд. Башкирского университета, 2000. – 304 с.

ДЕМЯШИНА Вера Владимировна

аспирант кафедры философии и социологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск

СОРОКИН Сергей Эдуардович

доктор философских наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, г. Архангельск

КИБЕРНЕТИКА, ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И НОВАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ВЫЗОВОВ КИБЕРПОЛИТИКИ

Настоящая статья посвящена социально-философской рефлексии над кибернетикой, а равно над теми фундаментальными метаморфозами, которые искусственный интеллект (далее — ИИ) индуцирует в сферу управленческой логики и политической организации социума. Кибернетика, как утверждается в статье, отнюдь не исчерпывается технической дисциплинарностью, но представляет собой глубинный философский концептуальный каркас (матрицу), переопределяющий онтологический статус социального бытия. В рамках исследования подвергаются анализу пять базовых принципов кибернетической теории: проблема «непрозрачного контейнера» (черного ящика), феномен обратной связи, закон необходимого разнообразия (Эшби), системная реляционность как неклассическая онтология, а также эτικο-антропологические импликации. Интеграция ИИ в социальную ткань порождает качественно новые экзистенциально-политические вызовы: монополизацию вариативности, эрозию ответственности, непрозрачность «метарегулятивных инстанций», угрозу «оптимальной стагнации» и сверхконцентрацию информационно-властного ресурса. Центральный тезис заключается в необходимости утверждения «кибернетического гуманизма» — осознанного конструирования синтеза, в котором технологическая сложность подчиняется задаче усиления человеческой когнитивно-коммуникативной способности к коллегиальному мышлению и автономному действию.

Ключевые слова: кибернетика, искусственный интеллект, непрозрачный контейнер (черный ящик), обратная связь, закон необходимого разнообразия, алгоритмическое управление, цифровой суверенитет, кибернетический гуманизм.

DEMYASHINA Vera Vladimirovna

postgraduate student of Philosophy and sociology sub-faculty, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk

SOROKIN Sergey Eduardovich

Ph.D. in philosophical sciences, professor of Regional studies, international relations and political science sub-faculty, M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk

CYBERSECURITY, ARTIFICIAL INTELLIGENCE, AND THE NEW POLITICAL REALITY: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE CHALLENGES OF CYBERPOLITICS

This article is devoted to a socio-philosophical reflection on cybernetics, as well as to those fundamental metamorphoses that artificial intelligence (hereinafter — AI) induces in the sphere of managerial logic and the political organization of society. Cybernetics, it is argued, is by no means exhausted by its technical disciplinary nature; rather, it constitutes a profound philosophical conceptual framework (matrix) that redefines the ontological status of social being. The study analyzes five basic principles of cybernetic theory: the problem of the “opaque container” (black box), the phenomenon of feedback, the law of requisite variety (Ashby), systemic relationality as a non-classical ontology, and ethical-anthropological implications. The integration of AI into the social fabric generates qualitatively new existential-political challenges: the monopolization of variability, the erosion of responsibility, the opacity of “meta-regulatory instances”, the threat of “optimal stagnation”, and the hyper-concentration of informational-power resources. The central thesis posits the necessity of establishing “cybernetic humanism” — a conscious construction of a synthesis in which technological complexity is subordinated to the task of enhancing the human cognitive-communicative capacity for collegial thinking and autonomous action.

Keywords: cybernetics, artificial intelligence, opaque container (black box), feedback, law of requisite variety, algorithmic governance, digital sovereignty, cybernetic humanism.

Кибернетика, в строгом смысле, не знает единого набора законов. Это скорее совокупность принципов, описывающих поведение сложных управляющих систем. Их часто называют «законами» в обобщенном, философском ключе. Но такая вольность допустима лишь при условии, что мы отдаем себе отчет в ее условности.

Вопрос, нас здесь занимающий, выходит далеко за рамки технических приложений. Кибернетика есть философский проект. Проект, радикально изменивший понимание познания, жизни, разума и социальной организации. Что происходит, когда в эту картину вторгается искусственный интеллект — порождение и одновременно катализатор кибернетической логики?

Демяшина В. В.

Сорокин С. Э.

Рассмотрим пять ключевых пересечений кибернетики и социальной философии.

Первое – это проблема «черного ящика» и природа познания.

Кибернетика изучает управление в сложных системах без знания их внутреннего устройства. Она оперирует лишь входами и выходами. Отец кибернетики Н. Винер писал: «Механический мозг не выделяет мысль, «как печень выделяет желчь», что утверждали прежние материалисты, и не выделяет ее в виде энергии, подобно мышцам. Информация есть информация, а не материя и не энергия» [1, с. 201]. Это поставило философский вопрос: каковы границы социального познания? Можем ли мы считать знанием успешное предсказание поведения системы, если ее сущность остается непознанной?

Здесь кибернетика переключается с агностицизмом. Примечательно высказывание Ю. В. Андропова: «Мы не знаем общества, в котором живем» [3, с. 112]. Фраза эта – классическое кибернетическое признание и одновременно симптом системного кризиса, нарушения обратной связи. Она повторила, через полвека, мандельштамовское «Мы живем, под собою не чуя страны». Поэт и генсек. Два полюса одной трагедии. Разрыв зафиксирован и на вершине иерархии, и на ее дне. Это и есть онтологическая драма закрытой системы.

Второй важнейший аспект – это кибернетический подход к разуму. Принцип обратной связи и идея информационной обработки стали материалистической основой для моделирования сознания. Вопрос Тьюринга – «Может ли машина мыслить?» [10] – сместил акцент с субстанции на функцию. Породил споры о функционализме, квалиа, природе социального сознания. Но, может быть, правильнее спросить: как меняется само мышление, когда оно перестает быть монополией человека?

Третьим элементом является переход от объективности к конструированию реальности. Кибернетика второго порядка [6] (фон Фёрстер) включила наблюдателя в систему. Это ведет к радикальному конструктивизму. Информационная реальность не данность, а конструкт, возникающий в коммуникации и саморефлексии. Это сближает кибернетику с постмодернистской эпистемологией. Проблема симулякров. Гиперреальность. Дипфейки. Если реальность конструируется в контурах обратной связи, где проходит граница между подлинным и поддельным?

Нельзя также пройти мимо этических и антропологических вызовов. Стирание границ между естественным и искусственным, живым и машинным ставит вопросы об идентичности, свободе воли, отчуждении. «Пределы роста» [9] (доклад Римского клуба, 1972) – чистой воды кибернетическая теория. Компьютерное моделирование предсказывало катастрофический обвал популяции. Но что стоит за резонансом? Страх перед предсказанием? Или перед самой идеей, что человечество можно свести к переменной в уравнении? Станислав Лем в «Сумме технологий» описывал «Черный ящик – Властелина Экономии» [5]. Распознав угрозу перенаселения, ИИ добавляет в воду химический реагент, снижающий рождаемость. Дилемма: информировать общество и наткнуться на противодействие, или не информировать – «сохранить равновесие». Дилемма эта не техническая. Она этическая. Существовали и оптимистические версии. Кларк предвещал *machina sapiens* – друга человека. «Чем выше разум, тем сильнее стремление к сотрудничеству». Наивно ли это? Или это единственный путь сосуществования?

Следует отметить, что и сама системность выступает как новая онтология. Кибернетика заменила субстанциональное мышление реляционным.

Значимы не составляющие, но отношения. Именно это прозрение, будучи осознанным, предоставило орудие для устранения бинарных оппозиций: духа и плоти, естества и цивилизации.

Мироздание, если постигать его в подлинной сущности, представляет собою не нагромождение неподвижных объектов, но непрерывную взаимозависимость превращений, течение, отвергающее всякую конечную определенность. Однако,

имея в виду эту основополагающую изменчивость сущего, не указывает ли это на то, что сама отдельная личность – с присущей ей неискоренимой направленностью к целостности и разумности – обращается в атавизм, в пережиток прошлого, осужденный на утасание в обстановке неомраченных, бесцельных перемен?

Приступая к рассмотрению опасностей, вызываемых введением машинного разума в сокровенные управленческие принципы, необходимо сразу же пояснить: инкорпорация означенных систем производит вовсе не одни лишь новаторские способы, умножающие потенциал человеческой личности. Напротив, она коренным образом изменяет, а подчас и распятывает – сами устои управления и самостоятельности общественного целого, полагая фундамент для неожиданных, а посему сугубо губительных итогов.

Первая проблема возникает как прямое посягательство на принцип необходимого разнообразия (Эшби [10]), согласно которому вариативность управляющей подсистемы обязана быть не менее обширной, нежели вариативность управляемой. Искусственный интеллект, располагая колоссальным, внутренне заложенным спектром альтернатив, тем не менее, жестко детерминирован исходными массивами информации и своей программной конфигурацией. Администрирование, осуществляемое посредством ИИ, рискует обернуться, при всей своей сверхрезультативности, гомогенизирующей деструкцией: вычислительный алгоритм, пренебрегая нетипичными прецедентами, неизбежно нивелирует индивида, предъявляющего неординарные запросы, до статуса статистического выброса, до «шума», не подлежащего учету. Не спровоцирует ли подобная ситуация, зададимся мы вопросом, возникновение когнитивно-цифрового империализма, при котором доминирующая цивилизация, вооружившись алгоритмическими шаблонами, будет насаждать собственные поведенческие паттерны, подавляя всякое инакомыслие как вычислительную аномалию?

Вторая проблема коренится в посягательстве на механизм обратной связи, искажая его до неузнаваемости. Здесь можно выделить две формы такого искажения. Первая – это фатальная опосредованность: ответная реакция социума, прежде чем достичь адресата, процеживается сквозь фильтры ИИ, благодаря чему человеческие страдания и чаяния конвертируются в плоские, бескровные диаграммы, лишённые всякого морального измерения. Вторая – возведение положительного усиления в норму: рекомендательные алгоритмы, закупоривая личность в «информационный кокон», не только обостряют конфликтность, но и фрагментируют общество на враждующие кластеры, лишённые общего языка. «Контур самооценки», отсылая к «спирали умолчания» [7] Ноэль-Нойман, приобретает при этом новое, зловещее качество. Однако что происходит, спрашивается, когда сама «спираль» получает алгоритмическое ускорение, а цепочка ответственности безнадежно размывается? Кто, в конечном счете, несет ответ за ошибочные действия алгоритма в сферах правосудия или кадрового отбора – проектировщик, пользователь-оператор или исходные массивы данных? Сама постановка этого вопроса, оставшись без ответа, разрушает фундамент правопорядка и верховенства закона, ибо не может быть ответственности там, где невозможно установить виновного.

Третья проблема, вытекающая из предыдущей, есть посягательство на саму концепцию «непрозрачного контейнера» (черного ящика) и на традиционную вертикаль подчинения. Нейросетевые структуры, представляя собой абсолютно непроницаемый резервуар даже для собственных разработчиков, будучи интегрированными в критические узлы иерархической пирамиды – финансовые потоки, системы безопасности, порождают «метарегулятора», недоступного ни пониманию, ни оспариванию. Тем самым подрывается демократическая подотчетность: ибо каким образом, возможно, подвергать критике решение, чья внутренняя логика не поддается объяснению? Возникает, таким образом, феномен алгоритмического господства – власти, неподотчетной человеческим институтам, власти, которая, подобно древнему

оракулу, изрекает приговоры, не снисходя до их обоснования.

Четвертая проблема обнаруживается в посягательстве на принцип целенаправленного и гомеостатического равновесия. Искусственный интеллект, будучи лишен имманентных целевых установок, тем не менее, радикально трансформирует саму процедуру выработки целей. Автоматизированные системы, нацеленные на оптимизацию упрощенных измерителей — коммерческой выгоды, частоты взаимодействий, — перестраивают окружающую среду, принося в жертву долгосрочный гомеостаз ради сиюминутной эффективности. Возникает риск «оптимальной стагнации» — состояния, идеально стабильного с точки зрения ИИ, но абсолютно неприемлемого для человеческого развития, ибо оно исключает саму возможность качественного обновления. Кто, спрашивается, задает цель? Как формализовать «счастье» или «справедливость», не впадая в опасное упрощение, чреватое катастрофой? Сможет ли человечество, отвечая на этот вызов, сохранить за собой право на смыслополагание, или оно уступит это право бездушному механизму?

Пятая проблема, касаясь информационной природы управления, показывает, что ИИ, требуя и производя колоссальные объемы данных, ведет к беспрецедентной концентрации власти в руках тех, кто контролирует и ИИ, и данные — будь-то государства или tech-гиганты. Угроза тотальной «кибернетической управляемости», при которой каждый шаг становится прогнозируемым, а всякое отклонение — немедленно фиксируемым, заставляет пересмотреть сами понятия свободы воли, приватности и автономии. Старая дихотомия «индивид vs государство», таким образом, перерастает в треугольник: индивид vs государство vs нечеловеческий алгоритмический разум, причем последний нередко выступает как третейский судья, чьи решения не подлежат апелляции.

Резюмируя вышесказанное, можно утверждать, что искусственный интеллект трансформирует сам кибернетический контур общества, вторгаясь в его сердцевину. Человек, отвечая на это вторжение, рискует превратиться из субъекта, полагающего цели, в простой элемент данных, в объект манипуляции. Обратная связь, будучи перехваченной алгоритмами, становится машинно-машинной, вытесняя человека из цикла принятия решений. Сложность возникающих систем, превышая человеческое понимание, требует либо тотального, слепого доверия к ИИ, либо как единственной альтернативы — создания новых институтов контроля, способных обуздать эту мощь.

Главный вызов, следовательно, состоит в том, что ИИ ставит под вопрос антропоцентрическую модель социальной философии, унаследованную от Просвещения. Нам нужна новая «кибернетическая социальная договоренность», в которой ключевой ценностью выступала бы не эффективность как таковая, а сохранение человеческой способности ставить смысловые цели и рефлексировать над их достижением, даже ценой отказа от алгоритмического всемогущества.

Кибернетика, таким образом, раскрывает себя как философская матрица, связывая воедино социальную философию — рефлексии о свободе и солидарности и киберполитику — управление через данные и алгоритмы [2].

Искусственный интеллект, обнажая до предела внутренние антагонизмы кибернетики и возводя их к социально-политическому апогею, воочию являет переход от царства субстанций к царству процессов, где истина оказывается не более чем функцией эффективности вычислительной модели, а человек лишь одной из переменных в уравнении, утратившей своё онтологическое первенство.

Киберполитика, таким образом, раскрывается перед нами как поле непримиримого противоборства [8]: между технократической утопией всеобъемлющей оптимизации, сводящей человека к простой совокупности данных, и гуманистическим замыслом, отстаивающим автономию и неотъемлемое достоинство выбора.

Центральная задача нашего времени, следовательно, заключается не в приравнивании общественных укладов к технологическим нововведениям, но в сознательном конструировании нового синтеза. Отвечая на этот вызов, мы обяза-

ны — иного пути не предвидится, встроить кибернетические начала — обратную связь, разнообразие, открытость в само ядро обновлённой социальной философии, превратив их из орудий принуждения и надзора в основания кибернетического гуманизма, ибо только таким, а не иным образом, мы избежим той столбовой дороги, что ведёт к порабощению цифрой.

Будущее политического, не будем себя обманывать, зависит от способности создать формы цифрового соразвития, при которых технологическая сложность служила бы не подавлению, а усилению человеческой способности к совместному размышлению, к нравственному суждению и к свободному коллективному действию. Либо мы станем со-творцами этого синтеза. Либо же превратимся в его сырьё, в безгласные точки данных, лишённые всякой цели, кроме той, что будет навязана извне.

Пристатейный библиографический список

1. Винер Н. Кибернетика или управление и связь в животном и машине / 2-е изд. - Москва: Сов. радио, 1968. - 326 с.
2. Григорьевский В. В. Kuberpolitik - власть в цифровую эру // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. - 2024. - Т. 17. Вып. 3. - С. 362-381.
3. Замостьянов А. А. Сталинская гвардия: наследники Вожда. - Москва: ЛитРес, 2010. - 144 с.
4. Лем С. Сумма технологии = Summa Technologiae / пер. с польск. А. Г. Громовой, Д. И. Иорданского, Р. И. Нудельмана, Б. Н. Пановкина, Л. Р. Плинера, Р. А. Трофимова, Ю. А. Ярошевского; вступ. ст. акад. В. В. Парина; ред. и послесл. Б. В. Бирюкова и Ф. В. Широкова. - Москва: Мир, 1968. - 608 с.
5. Луман Н. Реальность массмедиа / Николай Луман; [пер. с нем. А. Ю. Антоновского]. - Москва: Праксис, 2005 (ОАО Тип. Новости). - 253 с.
6. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение: Открытие спирали молчания: [Пер. с нем.] / Э. Ноэль-Нойман; [Вступ. ст. Н. Мансурова, с. 5-25]. - Москва: Прогресс: Весь мир, 1996. - 351 с.
7. Пешаков В. А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a. - Москва: МГПУ: Прометей, 2012. - 211 с.
8. Пределы роста: докл. по проекту рим. клуба «Сложные положения человечества»: [Пер. с англ.] / Донелла Х. Медоуз, Деннис Л. Медоуз, Йорген Рэндерс, Вильям В. Беренс III; [Науч. ред. Д. Н. Кавтарадзе]. - Москва: Изд-во МГУ, 1991. - 205 с.
9. Тьюринг А. М. Может ли машина мыслить?: С прил. ст. Дж. фон Неймана «Общая и логическая теория автоматов» / А. М. Тьюринг; Пер. с англ. Ю. А. Данилова. - Саратов: Ред. журн. «Регуляр. и хаотич. Динамика»: Изд-во Гос. учеб.-науч. центра «Колледж», 1999. - 98 с.
10. Эшби У. Р. Введение в кибернетику = An Introduction to cybernetics [Текст] = An Introduction to cybernetics: [механизм, разнообразие, регулирование и управление] / У. Росс Эшби; пер. с англ. Д. Г. Лахути; под ред. В. А. Успенского; предисл. А. Н. Колмогорова. - Изд. стер. - Москва: УРСС: ЛЕНАНД, 2014. - 432 с.

ПАШКОВ Артем Андреевич

аспирант кафедры философии права и социально-гуманитарных наук, Армавирский государственный педагогический университет

СОЦИАЛЬНАЯ ОНТОЛОГИЯ И МЕХАНИЗМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ЦИФРОВЫХ ДЕНЕГ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ДЕКОНСТРУКЦИЯ МОНЕТАРНОГО ПЛЮРАЛИЗМА

В статье представлена социально-философская деконструкция сущности современных форм денег через призму теории институциональных фактов. Автор детально анализирует обострившуюся конкуренцию четырех ключевых архитектур доверия: традиционных банковских депозитов, децентрализованных криптовалют, частных стейблкоинов и цифровых валют центральных банков (CBDC). Исследуется трансформация монетарного суверенитета и социокультурных механизмов легитимации в контексте 2026 года. Особое внимание уделено фундаментальным онтологическим различиям между государственным правовым мандатом и алгоритмическим протоколом. В статье обосновывается, что современная монетарная система эволюционирует к состоянию институционального плюрализма, где контроль и ответственность распределяются между государством, кодом и рынком, формируя гибридные модели легитимности.

Ключевые слова: цифровые деньги, социальная онтология, легитимация, CBDC, криптовалюта, монетарный суверенитет, институциональные факты, институциональный плюрализм.

PASHKOV Artem Andreevich

postgraduate student of Philosophy of law and social sciences and humanities sub-faculty, Armavir State Pedagogical University

SOCIAL ONTOLOGY AND LEGITIMATION MECHANISMS OF DIGITAL MONEY: INSTITUTIONAL DECONSTRUCTION OF MONETARY PLURALISM

The article presents a socio-philosophical deconstruction of the essence of modern forms of money through the lens of John Searle's theory of institutional facts. The author provides a detailed analysis of the intensifying competition between four key architectures of trust: traditional bank deposits, decentralized cryptocurrencies, private stablecoins, and central bank digital currencies (CBDCs). The study examines the transformation of monetary sovereignty and sociocultural mechanisms of legitimation in the context of 2026. Particular attention is paid to the fundamental ontological differences between a state legal mandate and an algorithmic protocol. The paper argues that the modern monetary system is evolving toward a state of institutional pluralism, where control and responsibility are distributed among the state, the code, and the market, forming hybrid models of legitimacy.

Keywords: digital money, social ontology, legitimation, CBDC, cryptocurrency, monetary sovereignty, institutional facts, institutional pluralism.

Пашков А. А.

Введение (Introduction)

Актуальность темы исследования обусловлена радикальной трансформацией глобальной финансовой архитектуры в середине 2020-х годов. Переход к «обществу сетевых структур» [1] привел к тому, что государственная монополия на эмиссию денег столкнулась с вызовом со стороны алгоритмических протоколов и частных институтов. В условиях сосуществования банковских депозитов, криптовалют и цифровых валют центральных банков (CBDC) возникает острая необходимость в социально-философском осмыслении того, как распределяется суверенитет и как конструируется доверие в различных цифровых средах.

Объектом исследования является современная система цифрового денежного обращения.

Предметом – институциональные механизмы и онтологические основания легитимации различных форм цифровых денег.

Цель статьи – провести деконструкцию архитектуры современных денежных систем для выявления специфических моделей распределения контроля и ответственности между государством, кодом и рынком.

Методологическую базу исследования составили принципы социальной онтологии Дж. Сёрля, а также сравнительный институциональный анализ.

Анализ охватывает три класса цифровых денежных инструментов:

1. Банковские цифровые деньги.
2. Децентрализованные криптовалюты.
3. Частные стейблкоины.
4. Цифровые валюты центральных банков.

Каждая из этих форм предполагает специфическую модель доверия, различную степень централизации и отличающиеся механизмы распределения контроля над денежным обращением.

1. Институциональная диверсификация денежных форм

Переход от наличных денег к электронным формам следует рассматривать не только как технологическую модернизацию платёжной инфраструктуры, но и как институциональную трансформацию денежного обращения [2]. Электронные деньги в банковской системе сохраняли прежнюю логику эмиссии и регулирования: государство и центральный банк определяли параметры денежной политики, коммерческие банки вели учёт обязательств.

В начале 2000-х годов цифровизация преимущественно интерпретировалась как изменение носителя при сохранении институциональной структуры денежной системы. Однако запуск Bitcoin в 2009 году продемонстрировал возможность иной архитектуры: распределённого учёта без центрального регистратора и алгоритмически заданной эмиссии.

Впоследствии возникли многочисленные альтернативные криптографические сети, а также финансовые протоколы, функционирующие на основе смарт-контрактов [3]. Волатильность децентрализованных криптовалют стимулировала развитие стейблкоинов – цифровых токенов, обеспеченных резервами или алгоритмическими механизмами стабилизации стоимости. Параллельно центральные банки ряда государств инициировали проекты цифровых валют центрального банка

(CBDC), направленные на интеграцию цифровых технологий в существующую монетарную систему [4].

Таким образом, современная денежная система характеризуется не исчезновением прежних форм, а их сосуществованием и конкуренцией, что требует уточнения категориального аппарата для анализа их различий.

2. Социальная онтология банковской эмиссии

Переход к доминированию безналичных расчётов в начале XXI века следует интерпретировать не только как технологическую модернизацию платёжной инфраструктуры, но как трансформацию онтологии денег. Если наличные средства представляют собой прямое обязательство центрального банка (и опосредованно государства), то депозитные деньги коммерческих банков существуют как запись о взаимных требованиях и обязательствах в балансе частного института.

С онтологической точки зрения банковский депозит – это не вещь и не физический носитель стоимости, а институциональный факт в смысле теории социального конструирования реальности: он существует постольку, поскольку признан в рамках определённой системы правил и поддерживается коллективной интенциональностью участников [1]. Его действительность обеспечивается не материальной субстанцией, а нормативной инфраструктурой – правом, бухгалтерскими стандартами, системой расчётов и надзором центрального банка.

В современной двухуровневой банковской системе эмиссия депозитных денег осуществляется посредством кредитования. При выдаче кредита банк одновременно создаёт актив (требование к заёмщику) и пассив (депозит на счёте клиента). Тем самым возникает новая денежная единица в форме безналичной записи. Данный механизм описан в публикации ЦБ Великобритании [5] и подтверждён исследованиями Bank for International Settlements [6]: в нормальных условиях банки не «перераспределяют» уже существующие депозиты, а создают новую денежную массу в процессе кредитования [7].

Следовательно, акт выдачи кредита представляет собой одновременно решение о создании денежной массы. В этом смысле банковская система участвует в формировании денежного предложения не вторично, а непосредственно. Центральный банк определяет рамочные параметры (ставки, нормативы резервирования, требования к капиталу), однако не контролирует индивидуальные кредитные решения. Денежная динамика возникает как результат множества частных оценок рисков и ожиданий будущего [8].

В философской перспективе кредит можно рассматривать как способ институционализации будущего: выдача займа фиксирует в настоящем обязательство, ориентированное на предполагаемое состояние экономики в будущем. Банк, принимая решение о кредитовании, оценивает вероятность реализации определённых экономических сценариев. Тем самым частный финансовый институт участвует в селекции проектов, которым будет предоставлен доступ к денежному ресурсу. Речь идёт не о «создании реальности», а о распределении возможностей в пределах нормативно заданной системы [9].

Эта модель предполагает распределённую структуру ответственности. Депозит существует благодаря доверию вкладчиков, надзору регулятора и платёжной инфраструктуре центрального банка. В случае несостоятельности кредитной организации риски перераспределяются между собственниками капитала, государственными институтами страхования вкладов и, в отдельных случаях, клиентами банка. Денежная система тем самым носит кооперативный и институционально взаимозависимый характер [10].

Архитектура банковской эмиссии сочетает элементы централизации и децентрализации. С одной стороны, центральный банк сохраняет монополию на выпуск наличных средств и управление резервами. С другой – коммерческие банки обладают относительной автономией в создании депозитных денег через кредитную активность. Такая модель отличается как от полностью централизованной схемы (где эмиссия осуществляется единственным субъектом), так и от

протокольных систем, в которых выпуск жёстко предопределён алгоритмом [11].

Финансовые кризисы начала XXI века продемонстрировали уязвимость этой конструкции, прежде всего в части оценки рисков и устойчивости балансов [12]. Реакцией во многих юрисдикциях стало усиление макропруденциального регулирования и институциональная консолидация надзорных полномочий – формирование единого мегарегулятора финансового рынка [13]. Данный процесс отражает стремление повысить согласованность контроля над фрагментированной системой эмиссии и перераспределения рисков.

3. Протокольная онтология криптовалют и децентрализованный суверенитет

Bitcoin, запущенный в 2009 году, реализовал модель денежной организации, не предполагающую центрального эмитента или доверенного посредника [14]. В отличие от традиционных денежных систем, где учёт обязательств осуществляется централизованными институтами, данная архитектура основана на распределённом реестре, в котором записи о транзакциях фиксируются в последовательности криптографически связанных блоков.

Подтверждение корректности операций обеспечивается механизмом распределённого консенсуса: независимые узлы сети верифицируют транзакции в соответствии с формализованными протокольными правилами. В этой конструкции доверие смещается от институционального авторитета к процедуре. Однако важно подчеркнуть: алгоритм не устраняет социальность, а лишь структурирует её. Консенсус в распределённой сети представляет собой особую форму коллективной координации, в которой согласие достигается не через иерархию, а через следование общему протоколу.

Если депозит в банковской системе существует как институциональный факт, поддерживаемый правовой и надзорной инфраструктурой, то криптовалютная единица существует как состояние распределённого реестра, признанное участниками сети. Её действительность обеспечивается не юридическим мандатом, а устойчивостью процедуры верификации и повторяемостью вычислительного подтверждения. Это различие не отменяет институциональной природы криптовалюты, но переносит источник легитимации из правового поля в протокольное [15].

Эмиссионная модель системы предопределена алгоритмом: совокупный объём выпуска ограничен 21 миллионом единиц, а динамика создания новых единиц формализована в коде. Тем самым эмиссия становится функцией вычислительного процесса, а не административного решения. С точки зрения политической философии это означает трансформацию представления о суверенитете. В классической модели эмиссия рассматривалась как атрибут государственной власти [16]. В случае криптовалюты контроль над денежным предложением распределён между участниками сети, принимающими правила протокола.

Однако говорить о «деньгах без суверена» было бы упрощением. Суверенитет не исчезает, а принимает иную форму: он распределяется между разработчиками протокола, майнерами (или валидаторами), пользователями и инфраструктурными провайдерами. Решения об изменении кода или параметров сети принимаются через сложные процессы согласования, что свидетельствует о наличии специфической формы политичности внутри протокольной среды.

Экономическая значимость криптовалют определяется не исключительно их алгоритмическими характеристиками. Их функционирование как средства накопления или обмена зависит от признания участниками рынка. В этом отношении криптовалюты сохраняют фундаментальную черту денег как социального института: стоимость возникает из коллективного признания и практики использования [17]. Алгоритм задаёт правила, но не гарантирует ценность; последняя формируется в пространстве социальных ожиданий и экономической практики.

Распространение криптовалют можно интерпретировать как реакцию на изменение структуры доверия в глобаль-

ной финансовой системе. Финансовые кризисы и дискуссии о пределах дискреционных полномочий монетарных властей стимулировали поиск альтернативных моделей координации [18]. Криптовалюты выступают как институциональный эксперимент, в котором правила эмиссии и валидации формализованы заранее и относительно устойчивы к произвольной модификации.

Таким образом, значение Bitcoin заключается не только в технологической инновации распределённого реестра, но и в трансформации основания легитимации денежной системы. Если в банковской модели доверие опирается на правовой порядок и надзор, то в криптовалютной на воспроизводимость алгоритма и распределённую процедуру подтверждения. Однако в обоих случаях деньги остаются социальным фактом, существующим благодаря коллективному признанию.

4. Гибридная легитимация стейблкоинов

Стейблкоины представляют собой цифровые токены, выпускаемые частными организациями и предназначенные для поддержания стабильной стоимости по отношению к внешнему якорю, как правило, к государственной валюте (чаще всего к доллару США) [19]. В отличие от децентрализованных криптовалют с алгоритмически ограниченной эмиссией, стейблкоины воспроизводят логику денежного обязательства: каждая единица токена предполагает наличие обеспечения или механизма поддержания курса. В этом смысле они не создают новую единицу счёта, а переводят уже существующую валютную форму в иную институциональную среду, где носителем обязательства выступает не государство и не банковская система, а частный эмитент [20].

Крупнейшие проекты (такие как Tether и USD Coin) функционируют по модели резервного обеспечения, при которой эмитент заявляет о наличии ликвидных активов, соответствующих объёму выпущенных токенов. В этом случае стейблкоин представляет собой цифровую форму частного денежного требования к эмитенту. Его устойчивость определяется не внутренней логикой протокола, а институциональным доверием к качеству резервов, к режиму раскрытия информации и к правовой среде, в которой действует эмитент. Тем самым денежная функция оказывается встроенной в частный баланс и частное управление риском [21].

Онтологически стейблкоин занимает промежуточное положение между банковским депозитом и децентрализованной криптовалютой. Подобно депозиту, он выражает обязательство конкретной организации; подобно криптовалюте, он существует как запись в распределённом реестре. Эта двойственность формирует гибридную модель легитимации: технологическая инфраструктура заимствуется из децентрализованных систем, тогда как источник стоимости и гарантия обмена остаются институционально централизованными. С точки зрения теории институциональных фактов, стейблкоин существует как признанное право требования, поддерживаемое коллективным признанием и закреплённое в контрактных структурах. Его «стоимость» не онтологична протоколу; она производна от социально санкционированного статуса обязательства.

Эмиссия стейблкоинов осуществляется в ответ на спрос: выпуск токенов происходит при поступлении средств эмитенту, а погашение – при их обратном выкупе. Формально предложение коррелирует с резервами, что отличает эту модель от банковского кредитного мультипликатора. Однако в социально-политическом измерении принципиально то, что право создавать ликвидный цифровой квазидоллар концентрируется у частной структуры. Это означает частичную приватизацию инфраструктурного слоя денежного обращения при сохранении государственной валюты как номинального якоря. Государство сохраняет монополию на базовую единицу счёта, но посредническая функция распределения и транзакционной циркуляции ликвидности смещается в сторону частных платформ [22].

В более широком философском контексте стейблкоины фиксируют сдвиг в распределении монетарной власти. Они не отменяют государственный суверенитет, но перераспре-

деляют операционный контроль над денежной инфраструктурой. Возникает форма гибридного суверенитета: государственная валюта сохраняет статус легального платёжного средства и единицы счёта, тогда как частные эмитенты получают возможность организовывать глобальную ликвидность поверх этой валюты. Тем самым стейблкоин следует понимать не как альтернативу государственной валюте, а как её цифровое деривативное расширение, в котором алгоритмическая верифицируемость операций сосуществует с частной институциональной ответственностью [23]. Именно на пересечении протокольной формальности и социально признанного обязательства и формируется его гибридная легитимация в современной финансовой архитектуре.

5. Реполитизация денег в проектах CBDC

Цифровые валюты центральных банков (CBDC) представляют собой форму государственной денежной эмиссии в цифровом виде, при которой обязательство непосредственно закрепляется за центральным банком [24]. В отличие от стейблкоинов и коммерческих банковских депозитов, здесь отсутствует посредник как носитель денежного требования: субъект держит прямое требование к эмитенту публичной валюты. Тем самым цифровая валюта центрального банка не является производной формой, а продолжением суверенной денежной функции в новой технологической среде. Среди наиболее продвинутых проектов – цифровой юань и цифровой рубль.

С институциональной точки зрения CBDC означает возможную трансформацию архитектуры денежного обращения. Если современная система основана на двухуровневой модели центральный банк и коммерческие банки, то розничная цифровая валюта центрального банка потенциально сокращает дистанцию между эмитентом и пользователем. Это не обязательно устраняет банковских посредников, но меняет баланс сил: центральный банк получает технологическую возможность прямого распределения ликвидности населению и бизнесу. В пределе это создаёт новую конфигурацию монетарного суверенитета, в которой государство усиливает контроль над денежной инфраструктурой [25].

В социально-политическом измерении CBDC следует рассматривать как ответ государства на приватизацию денежной среды. Распространение криптовалют и стейблкоинов продемонстрировало, что цифровая инфраструктура обращения может развиваться вне прямого государственного контроля. Цифровая валюта центрального банка возвращает денежную функцию в сферу публичной ответственности, одновременно интегрируя её в цифровые платформенные механизмы [26]. Тем самым речь идет не только о технической инновации, но о борьбе за нормативное определение того, кто вправе организовывать денежное пространство.

CBDC радикализирует вопрос о соотношении денег и власти. Деньги исторически выполняют не только экономическую, но и политическую функцию: они структурируют пространство обмена, определяют рамки легитимного расчёта и фиксируют обязательства внутри политического сообщества. Введение программируемой цифровой валюты расширяет возможности условной эмиссии, таргетированных выплат, временных ограничений на использование средств. Это означает переход от нейтральной формы денег к потенциально управляемой среде обращения. Даже если подобные механизмы ограничены правовыми гарантиями, сама их технологическая реализуемость меняет горизонты монетарной политики [27].

В философском плане CBDC можно интерпретировать как институционализацию цифрового суверенитета. Если стейблкоины демонстрируют частичную приватизацию инфраструктуры, то цифровая валюта центрального банка консолидирует публичную власть в цифровой форме. Однако эта консолидация сопряжена с новой напряжённостью между эффективностью управления и автономией индивида. Цифровая прослеживаемость транзакций усиливает инструменты финансового надзора, противодействия незаконной деятельности и налогового администрирования, но

одновременно ставит вопрос о границах легитимного наблюдения [28].

Таким образом, CBDC следует понимать как институциональный проект переопределения публичных денег в условиях цифровизации. Это не просто электронная версия наличности, а потенциальная реконфигурация отношений между государством, финансовыми посредниками и гражданами. Если стейблкоины перераспределяют инфраструктурную власть в пользу частных эмитентов, то цифровые валюты центральных банков реполитизируют денежную форму, возвращая её в поле прямого государственного контроля. В этой динамике и проявляется ключевое философское напряжение современной монетарной трансформации: между децентрализацией инфраструктуры и консолидацией суверенитета.

6. Конкурирующие архитектуры денежной легитимации

Современная денежная система не распадается, но дифференцируется. Банковские депозиты, криптовалюты, стейблкоины и цифровые валюты центральных банков представляют не просто различные технические форматы, а альтернативные модели институционализации доверия. Различие между ними проходит не по линии «цифровые – недигитальные», а по способу распределения эмиссионной власти и механизму легитимации денежной единицы.

Банковская модель опирается на распределённую эмиссию в рамках нормативно централизованной системы. Криптовалютная на протокольную формализацию правил и децентрализацию процедуры подтверждения. Стейблкоины представляют гибрид: частная эмиссия, встроенная в государственную валютную иерархию. CBDC, напротив, консолидируют денежную функцию в публичной институциональной форме, переводя суверенную валюту в цифровую среду.

Тем самым трансформация денег в XXI веке выражается не в исчезновении государства и не в полном торжестве децентрализации, а в конкуренции архитектур легитимации. Протокол, частный баланс и публичный мандат становятся сопоставимыми источниками признания денежной единицы. Суверенитет не исчезает, но перераспределяется между уровнями – кодом, рынком и государством.

Ключевое философское напряжение современной монетарной трансформации состоит в том, что деньги одновременно остаются социальным фактом и становятся объектом технологической формализации. Алгоритм способен структурировать правила обращения, но не заменяет коллективного признания; государство способно закреплять статус законного платёжного средства, но не монополизирует цифровую инфраструктуру; рынок способен масштабировать частные решения, но не гарантирует их нормативной устойчивости.

Таким образом, вопрос о будущем денег следует формулировать не как выбор между централизацией и децентрализацией, а как анализ форм координации, в рамках которых распределяются эмиссия, контроль и ответственность. Денежная система 2026 года представляет собой пространство институционального плюрализма, в которой различные модели легитимации сосуществуют и взаимно ограничивают друг друга. Именно эта множественность архитектур и определяет новый этап эволюции публичных и частных денег.

Пристатейный библиографический список

1. Сёрль Дж. Конструирование социальной реальности / пер. с англ. А. Романова. – Москва: Идея-Пресс, 1999. – 310 с.
2. Рогофф К. Проклятие наличности / пер. с англ. Н. Эдельмана. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2018. – 472 с.
3. Buterin V. Ethereum: A Next-Generation Smart Contract and Decentralized Application Platform. – 2014. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ethereum.org/content/whitepaper/whitepaper-pdf/Ethereum_Whitepaper_-_Buterin_2014.pdf (дата обращения: 12.02.2026).
4. Annual Economic Report 2022: The future monetary system. – Basel: Bank for International Settlements, 2022. – 124 p.
5. McLeay M., Radia A., Thomas R. Money creation in the modern economy // Bank of England Quarterly Bulletin. – 2014. – Q1. – P. 14-27.
6. BIS Quarterly Review: International banking and financial market developments. – Basel: Bank for International Settlements, 2021. – March. – 112 p.
7. Ingham G. The Nature of Money. – Cambridge: Polity Press, 2004. – 254 p.
8. Minsky H. P. Stabilizing an Unstable Economy. – New York: McGraw-Hill, 2008. – 395 p.
9. Агльетта М. Деньги. 5000 лет долга и власти / пер. с фр. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2020. – 416 с.
10. Минский Х. Стабилизируя неустойчивую экономику / пер. с англ. Ю. Каптуревского. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2017. – 592 с.
11. Хайек Ф. А. Денационализация денег: анализ теории и практики параллельных валют / пер. с англ. – Москва: Социум, 2017. – 240 с.
12. Райнхарт К. М., Рогофф К. С. На этот раз все будет иначе. Восемь столетий финансового безрассудства / пер. с англ. – Москва: Карьера Пресс, 2011. – 528 с.
13. Borio C. The macroprudential framework: policy adequacy and institutional design // BIS Working Papers. – 2003. – № 128. – 32 p.
14. Аммул С. Стандарт Биткойна: децентрализованная альтернатива центральным банкам / пер. с англ. А. Софинского. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 352 с.
15. Dodd N. The Social Life of Money. – Princeton: Princeton University Press, 2014. – 456 p.
16. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии. В 4 т. Т. 1. Социологические категории / пер. с нем. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 445 с.
17. Зиммель Г. Философия денег / пер. с нем. – Москва: Попурри, 2023. – 608 с.
18. Selgin G. Less Than Zero: The Case for a Falling Price Level in a Growing Economy. – London: Institute of Economic Affairs, 1997. – 81 p.
19. Eichengreen B. Taming the Stateless Money // Project Syndicate. – 2021. – July 12.
20. Gorton G., Zhang S. Taming Wildcat Stablecoins // SSRN Working Paper. – 2021. – No 3888755.
21. Hockett R. The Finance Domestication Protocol // Forbes. – 2022. – April 15.
22. Pistor K. The Code of Capital: How the Law Creates Wealth and Inequality. – Princeton: Princeton University Press, 2019. – 320 p.
23. Cohen B. J. The Future of Money. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – 312 p.
24. Auer R., Cornelli G., Frost J. Central bank digital currencies: motives, economic implications and the research frontier // BIS Working Papers. – 2020. – № 880. – 35 p.
25. Carstens A. Digital currencies and the future of the monetary system // BIS Quarterly Review. – 2021. – March. – P. 1-12.
26. Prasad E. The Future of Money: How the Digital Revolution Is Transforming Currencies and Finance. – Cambridge: Harvard University Press, 2021. – 496 p.
27. Bindseil U. Tiered CBDC and the financial system // ECB Working Paper. – 2020. – № 2351.
28. Зубофф Ш. Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти / пер. с англ. А. Смирнова. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2022. – 784 с.

Уважаемые авторы! Редакция журнала готова принять к публикации ваши произведения (статьи, информационные сообщения, обзоры научных конференций, круглых столов, интервью, рецензии и т. п.) при соблюдении следующих требований:

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ АВТОРАМИ

(разработаны в соответствии с Информационным сообщением Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 14.10.2008 г. No 45.1-132)

1. К публикации принимаются только материалы, соответствующие профилю научного периодического издания, т. е. только материалы юридической тематики. Они должны быть актуальными, новыми, иметь научную и практическую значимость.
2. Статьи представляются в электронном виде (по электронной почте на адреса eurasialaw@mail.ru, eurasianoffice@yandex.ru) либо в письменной форме в адрес редакции с приложением электронного варианта работы на дискете или компакт-диске.
3. Объем публикации — до 1 а. л. (40 000 знаков с пробелами). В случае представления материала, большего по объему, чем предусмотрено настоящим Порядком, редакция оставляет за собой право сократить его или возвратить автору для сокращения.
4. Шрифт основного текста работы — 11 pt шрифт Georgia через 1 интервал. Курсив, выделение, подчеркивания в основном тексте не допускаются. Формат документа: MS WORD 1997–2010 (.doc). Файлы, представляемые в редакцию, должны быть поименованы по фамилии автора (например: Иванов В. В.doc). Поля документа: верхнее — 2, нижнее — 2, левое — 2, правое — 1. Переносы проставляются автоматически. Все материалы представляются в одном файле.
5. На первой странице (над названием статьи) в левом верхнем углу указывается фамилия и инициалы автора (11 pt) полужирным шрифтом Georgia через 1 интервал. Название статьи печатается после ФИО автора 10 pt полужирным курсивным шрифтом Georgia через 1 интервал в левом верхнем углу. Страницы не нумеруются. Основной текст, текст сносок, текст аннотаций и ключевые слова выравниваются по ширине страницы.
6. После фамилии автора и названия статьи через один интервал необходимо поместить текст аннотации статьи на русском языке (не более 0,5 страницы текста, набранного через 1 интервал) и ключевые слова (3–10 слов) — шрифт Georgia 11 pt курсив. Затем через один интервал в левом верхнем углу следует указать фамилию и инициалы автора и название работы на английском языке (полужирный шрифт Georgia 11 pt через 1 интервал), далее — резюме и ключевые слова на английском языке (шрифт Georgia 11 pt, курсив).
7. Кавычки в тексте и в сносках проставляются в едином формате в следующем виде: « ».
8. Сноски и примечания помещаются постранично, со сквозной нумерацией и оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008, а в необходимых случаях согласно ГОСТ 7.1–2003 и практике ЕвразЮжа по оформлению сносок в неучтенных ими случаях. Шрифт сноска — 8 pt Georgia через 1 интервал. При оформлении сносок следует указывать фамилию и инициалы автора работы, ее название, год издания, номер страницы, иные сведения. Все библиографические элементы иностранных источников следует указывать на языке оригинала, по возможности избегая аббревиатур. При использовании электронных ресурсов сети Интернет следует указывать заголовок титульной страницы ресурса (<в угловых скобках>), полный адрес местонахождения ресурса и (в круглых скобках) дату последнего посещения веб-страницы.
9. После завершения статьи необходимо привести Пристатейный библиографический список, то есть список работ, цитировавшихся автором в представленном к публикации материале, шрифтом Georgia 10 pt.
10. Диаграммы, таблицы, рисунки должны прилагаться к статье в формате JPG (JPEG).
11. Все аббревиатуры и сокращения, за исключением заведомо общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.
12. В конце следует привести справку об авторе с указанием фамилии, имени, отчества, должности и места работы (учебы), ученой степени и (или) звания, а также контактную информацию, которую автор желает сообщить о себе. Эти сведения публикуются в журнале. В справке отдельно от вышеуказанных сведений также следует указать почтовый индекс, адрес, номер контактного телефона, адрес электронной почты. Эти сведения в журнале не публикуются и необходимы для связи сотрудников редакции с Вами.
13. Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует правильность всех сведений о себе, от отсутствия плагиата и других форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем, иллюстраций.
14. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо была опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.
15. Убедительно рекомендуем авторам тщательно проверять перед отправкой в журнал орфографию материалов, правильность написания соответствующих юридических терминов и оформления текста работы и ссылок. Редакция настоятельно просит авторов проверять соответствие представленного материала настоящим Правилам, а также электронные файлы — на отсутствие вирусов.
16. Статьи в обязательном порядке рецензируются членами редакционного совета журнала в соответствии с профилем представленной работы и (или) привлеченными редакцией учеными или специалистами в соответствии с порядком рецензирования рукописей.
17. Редакция по электронной почте сообщает автору результаты рецензирования, по его просьбе отправляет текст рецензии, а в случае отрицательной рецензии на представленную работу возвращает ее текст автору. Отрицательная рецензия является основанием для отказа в публикации текста представленной работы.
18. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Публикация аспирантов осуществляется в порядке очереди.
19. Гонорар за публикации не выплачивается (кроме случаев опубликования статьи, подготовленной по заказу редакции и в соответствии с заключенным договором). Автор получает один бесплатный экземпляр журнала при условии указания им своего адреса и просьбы о высылке экземпляра. В этом случае экземпляр будет направлен почтой.
20. Авторы передают редакции исключительное право на использование произведения следующими способами: воспроизведение статьи (право на воспроизведение); распространение экземпляров статьи любым способом (право на распространение); перевод статьи (право на перевод). Представление материала, поступившего в адрес редакции, является конклюдентным действием, направленным на возникновение соответствующих прав и обязанностей. Согласие автора на опубликование материала на указанных условиях, а также на размещение его в электронной версии журнала предполагается. Редакция оставляет за собой право размещать материалы и статьи журнала в электронных правовых системах и иных электронных базах данных. Автор может известить редакцию о своем несогласии с подобным использованием его материалов при представлении материала или не позднее даты подписания соответствующего номера в печать. Редакция оставляет за собой право вносить в текст незначительные изменения без согласования с автором.
21. В случае нарушения предъявляемых к оформлению требований материал может быть возвращен автору на доработку. Рукописи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок. О внесенных изменениях автор должен сообщить в прилагаемом к рукописи письме. В случае несоблюдения автором предъявляемых требований редакция имеет право отклонить представленный автором материал с мотивированным объяснением причин такого отказа.